This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

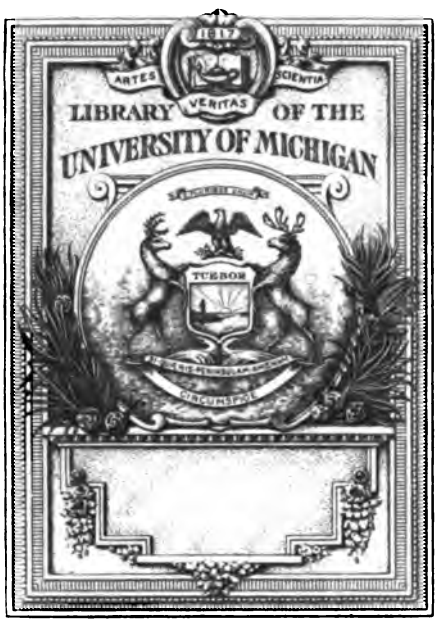
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR

D1
3
.R

DK
3
.R97

726
XV—

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

v. 82

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1892

(B,

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУ́ССКАГО ИСТОРИ́ЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

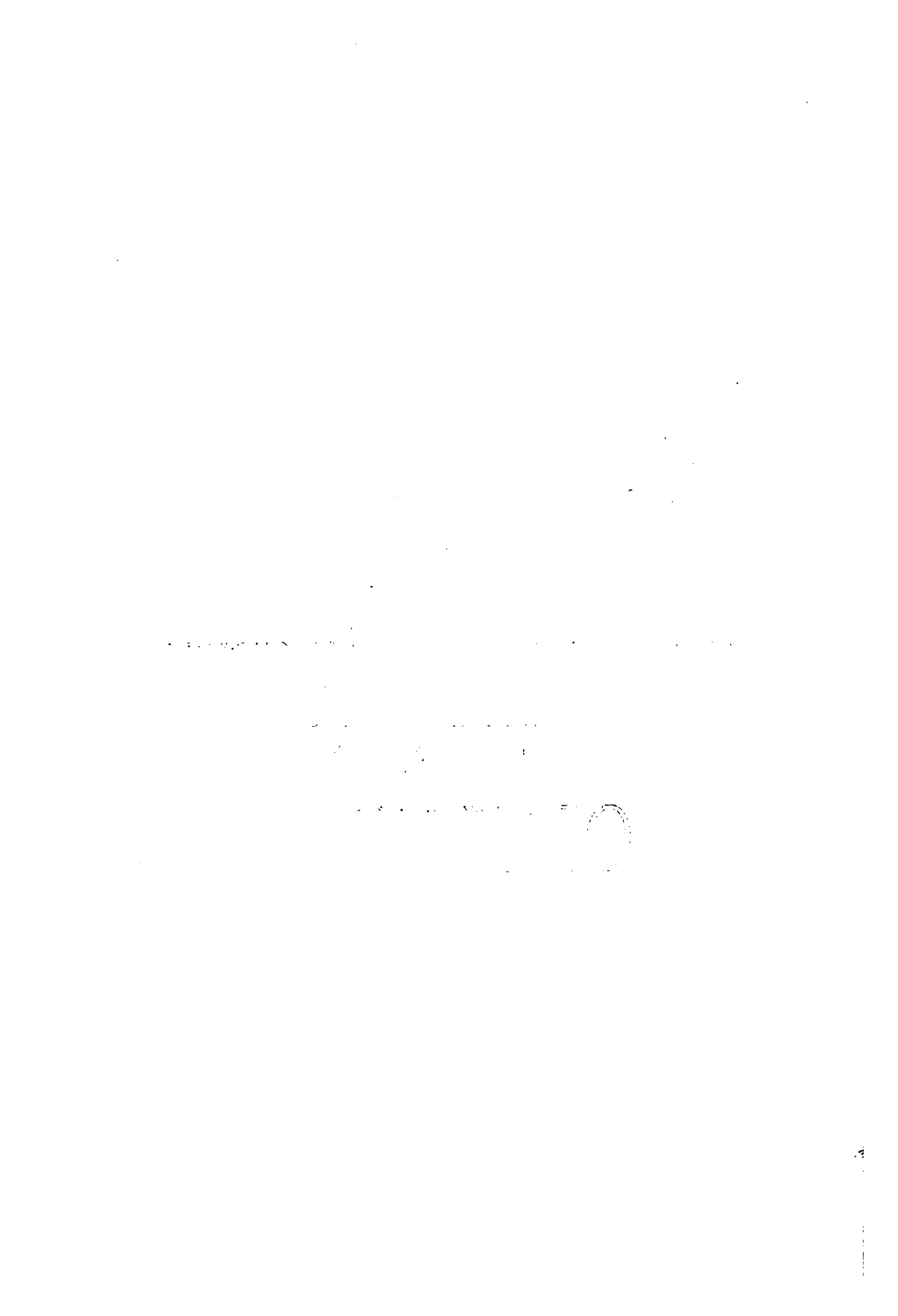
C.B.

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА



СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1892

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ

РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ

ВЪ ЭПОХУ НАПОЛЕОНА I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФЕССОРА
Александра Трачевскаго.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

1805—1806.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893

1911

Prince Al
Pirlstein
5-29-84
29121

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1805.

Январь.

стр.

№ 1. 10-го. ст. ст. *Докладъ Чарторижскаго.* Предложеніе епископа Іоанновича о независимой Сербіи 1
№ 2. 10-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Просьба герцеговинцевъ о покровительствѣ. 2

Февраль.

№ 3. 3-го. *Вернэгъ Чарторижскому.* Заявленіе преданности 3
№ 4. 8-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Вскрытіе переписки Дидевиля. 4

Мартъ.

№ 5. 4-го. *Мезонфоръ Чарторижскому.* Предложеніе своихъ услугъ въ Брауншвейгѣ. 4
№ 6. 8-го. *Вернэгъ Чарторижскому.* Заявленіе преданности 7
№ 7. 8-го *Докладъ Чарторижскаго.* Записка Вернэга о Турціи 7
№ 8. 8-го. *Записка Вернэга.* Виды Бонапарта на Турцію 8
№ 9. 9-го. *Записка Вернэга.* Виды Бонапарта на Италію 12
№ 10. 9-го. *Зиписка Вернэга.* Положеніе неаполитанскаго двора. 16
№ 11. 10-го. *Записка Вернэга.* Шаткое положеніе Бонапарта. 20
12. 10-го. *Записка Вернэга.* Его послужной списокъ. 27
13. 16-го. *Донесеніе Вернэга.* Его тюремное заключеніе въ Парижѣ 29

Апрѣль.

14. 6-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Переписка Дидевиля 36
15. 6-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Шпіонъ Франкини 37

стр.

Май.

№ 16. 24-го. *А. Воронцовъ Чарторижскому.* Объясненіе посылаемой политической записки 38
№ 17. 24-го. *Записка А. Воронцова.* Разборъ плана новой коалиціи противъ Бонапарта 42
№ 18. Май. *Записка А. Воронцова.* Посылка уполномоченнаго въ Парижъ. Англія 55
№ 19. 30-го. *Чарторижскій Талейрану.* Отправленіе Новосильцова съ мирными предложеніями 57
№ 20. 30-го. *Рескриптъ Новосильцову.* Окончаніе мирныхъ переговоровъ съ Бонапартомъ не позже 18 августа ст. ст. Титулъ Бонапарта 59
№ 21. 30-го. *Полномочіе Новосильцову.* Замиреніе Англіи съ Франціей 62
№ 22. 30-го. *Проектъ договора между Россіей и Франціей.* Италія. Всѣ республики. Мальта. Германія. Конгрессъ 63
№ 23. 30-го. *Проектъ деклараціи русскаго уполномоченнаго.* Начала морскаго права 70

Іюнь.

№ 24. 9-го. *Чарторижскій Новосильцову.* Присоединеніе Лигурійской республики къ Франціи. Возвращеніе въ Петербургъ изъ Берлина 70
№ 25. 9-го. *Чарторижскій Новосильцову.* Должно выждать извѣстій изъ Лондона и Вѣны 75
№ 26. 13-го. *Чарторижскій Новосильцову.* Слѣдуетъ прервать переговоры съ Бонапартомъ 77
№ 27. 17-го. *Чарторижскій Новосильцову.* Намѣренія Англіи 79
№ 28. 20-го. *А. Воронцовъ Чарторижскому.* Недовѣріе къ Наполеону и Австріи. Мальта 81

Іюль.

№ 29. 11-го. *Талейранъ Дюрану.* Объясненіе неудачи посольства Новосильцова . 90
№ 30. 16-го. *Чарторижскій Новосильцову.* Намѣренія Австріи 93
№ 31. 16-го. *Протоколъ конференціи между Чарторижскимъ и Гоузромъ.* Измѣненія въ соглашеніи 30 марта (11 апрѣля), при его ратификаціи. . 95
№ 32. 24-го. *А. Воронцовъ Чарторижскому.* Намѣренія Австріи и Англіи. Значеніе коалиціи 97
№ 33. 27-го. *Циркуляръ Талейрана.* Опроверженіе ноты Новосильцова берлинскому кабинету: виды Россіи на Турцію 102
№ 34. 31-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Грейгъ въ Неаполѣ 107

Августъ.

№ 35. 1-го. *Нота Талейрана Кобенцлю.* Наполеонъ отказывается отъ посредничества Австріи. Разоблаченіе дѣйствій Россіи. Приглашеніе Австріи къ нейтралитету 107
№ 36. 3-го. *Пизани Чарторижскому.* Посылаетъ заказанную записку о Портѣ . 114
№ 37. 3-го. *Записка Пизани.* Нравы Перу. Греки, турки и франки. Шпіонства. Любопытныя лица. 114

стр.

№ 38. 7-го. *Нота для Алопеуса.* Мѣры для принужденія Пруссіи вступить въ коалицію 123
№ 39. 26-го. *Циркуляръ Талейрана.* Свѣдѣнія о русскихъ войскахъ. 131
№ 40. 31-го. *Кобенцль Талейрану.* Доказывается, что Наполеонъ—причина вооруженій Австріи. Союзъ Австріи съ Россіей 133

Сентябрь.

№ 41. 9-го. *Пизани Чарторижскому.* Турецкія дѣла. Союзный договоръ. Отъѣздъ австрійскаго посланника 141
№ 42. 12-го. *Вейдемейеръ Чарторижскому.* Послы австрійскій и англійскій . . 144
№ 43. 13-го. *Вейдемейеръ Чарторижскому.* Англійскій посолъ. Подарки . . . 145
№ 44. 13-го. *А. Воронцовъ Чарторижскому.* Австрія и Наполеонъ. Одобреніе мѣръ, принимаемыхъ Россіей 146
№ 45. 13-го. *А. Воронцовъ Чарторижскому.* Швеція и Померанія. Персія и Грузія. Морковъ. Наши внутреннія дѣла 151
№ 46. 22-го. *А. Воронцовъ Чарторижскому.* Рекрутскій наборъ. Откупа. Корфу. Новосильцовъ 155
№ 47. 22-го. *Чарторижскій Вейдемейеру.* Послы Англіи, Австріи и Швеціи. . 157
№ 48. 25-го. *Чарторижскій Вейдемейеру.* Прочіе члены дипломатическаго корпуса 158

Октябрь.

№ 49. 1-го. *Пизани Чарторижскому.* Порта. Подарки ея министрамъ. . . . 159
№ 50. 7-го. *Вернэгъ Санковскому.* Швейцарія. Порта. Бурбоны. Военныя дѣйствія въ Италіи 164
№ 51. 12-го. *Пизани Чарторижскому.* Сербы. Тревога въ Петербургѣ. . . . 172
№ 52. 14-го. *Вернэгъ Санковскому.* Веронское дѣло. Войска Бонапарта . . . 173
№ 53. 18-го *Пизани Чарторижскому.* Миръ съ Портой. Подарки. Эльба. Тайяръ-паша. Форма договора 177

Ноябрь.

№ 54. 13-го. *Наполеонъ I Александру I.* Поздравленіе съ прибытіемъ въ армію. 184
№ 55. 15-го. *Александръ I Наполеону I.* Желаніе мира 184
№ 56. 23-го. *Вернэгъ Санковскому.* Виды Бонапарта на Далмацію. Положеніе Кроаціи. 185

Декабрь.

57. 2-го. *Вернэгъ Чарторижскому.* Русскіе въ Адріатикѣ. Французы въ Кроаціи. Венеція 189
58. 13-го. *Вернэгъ Чарторижскому.* Русскіе въ Италіи. Французы въ Кроаціи. Сербы и Пасванъ-Оглу. Судьба Венеціи и Вернэга 192
59. 21-го. *Вернэгъ Чарторижскому.* Массена. Каринтія, Штирія, Турція. Судьба Вернэга 197

стр.

1806.

Январь.

№ 60. Начало года. *Записка Чарторижскаго.* Политика Россіи съ 1801 г. Причины разрыва съ Франціей 200
№ 61. Начало года. *Чарторижскій Кочубею, Завадовскому. и др.* Приглашеніе въ совѣтъ 214
№ 62. Начало года. *Мнѣніе гр. Строгонова.* Необходимость сближенія съ Франціей 215
№ 63. Начало года. *Мнѣніе министра просвѣщенія гр. Завадовскаго.* Соединеніе съ Англіей и Турціей. Переговоры съ Бонапартомъ 217
№ 64. Начало года. *Мнѣніе князя Куракина.* Польша. Переговоры съ Бонапартомъ 219
№ 65. Начало года. *Мнѣніе министра коммерціи гр. Румянцева.* Осторожность. Пресбургскій договоръ. Турція. 226
№ 66. Начало года. *Мнѣніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника гр. Румянцева.* Осторожность въ сближеніи съ Франціей 230
№ 67. Начало года. *Мнѣніе товарища министра морскихъ силъ Чичагова.* Отдѣльное мнѣніе 232
№ 68. Начало года. *Мнѣніе гр. Салтыкова.* Противъ отправки нарочнаго къ Бонапарту. Пруссія. 232
№ 69. Начало года. *Мнѣніе генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитинова.* Войска. Осторожность 233
№ 70. Начало года. *Мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея.* Переговоры съ Бонапартомъ. Пруссія. Польша. Австрія. Англія. Порта. . . . 235
№ 71. Начало года. *Мнѣніе Трощинскаго.* Миролюбіе 239
№ 72. Начало года. *Мнѣнія остальныхъ членовъ.* Министра финансовъ и юстиціи и товарища министра иностранныхъ дѣлъ 240
№ 73. Начало года. *Rapprochement des opinions.* Выводъ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣній 240
№ 74. Начало года. *Соображеніе мнѣній.* Переводъ предшествующей бумаги. . 242
№ 75. 11-го. *Записка Чарторижскаго.* Замыслы Бонапарта насчетъ Порты. Мѣры противъ нихъ 244
№ 76. 11-го. *Записка Чарторижскаго.* Подробности о мѣрахъ противъ Бонапарта въ Турціи 252
№ 77. 11-го. *Записка Чарторижскаго.* Черногорія, Герцеговина и Герцеговина . . . 265
№ 78. 11-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Значеніе сербовъ для русской политики . 275
№ 79. 16-го. *Мнѣніе Чарторижскаго.* Положеніе Европы и мѣропріятія противъ Бонапарта 278
№ 80. 16-го. *Записка Чарторижскаго.* Переводъ предшествующей бумаги . . 285
№ 81. 17-го. *Записка Чарторижскаго.* Отношенія между Россіей, Франціей и Пруссіей 292

Февраль.

№ 82. 3-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Долгъ Меттерниха Россіи. 310
№ 83. 5-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Порядки въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ 311
№ 84. 16-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Заступничество за Разумовскаго . . . 312
№ 85. 23-го. *Замѣчанія Чарторижскаго насчетъ Турціи.* Опасенія со стороны Молдавіи и Валахіи. Ихъ отношенія къ Бонапарту. Австрія и Пруссія. 315

стр.

№ 86. 24-го. *Добавленіе къ Замѣчаніямъ насчетъ Турціи.* Демонстрація противъ Порты. Императорскій титулъ Бонапарта. Инструкція и деньги Италинскому 322
№ 87. 24-го. *Рескриптъ Италинскому.* Императорскій титулъ Бонапарта. Успокоеніе Порты и угрозы ей. Охраненіе Молдавіи и Валахіи . . . 325
№ 88. 24-го. *Рескриптъ генералу Михельсону.* Требованіе извѣстій съ границы. 329
№ 89. 24-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Желаніе Ипсиланти имѣть русскаго офицера 329
№ 90. 26-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Возвращеніе бумагъ въ министерство. . 330

Мартъ.

№ 91. 8-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Поощреніе заграничныхъ литераторовъ. Генцъ и Мюллеръ. D'Антрэгъ, Мезонфоръ и Піатоли 330

Апрѣль.

№ 92. 5-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Отрядъ Ласи. Каттаро и Корфу. Сицилія. Морея. Порта. Балканскіе славяне. Подкрѣпленіе республики Семи Острововъ. Молдавія и Валахія. Михельсонъ 334
№ 93. 5-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Удержаніе Каттаро. Пруссія. Англія. Турція. Швеція и Данія. Неаполь 340
№ 94. 9-го. *Записка Чарторижскаго.* Каттаро и Корфу. Балканскіе славяне. Австрія и Пруссія. Турція. Албанія. Далмація и Черногорія . . . 344
№ 95. 9-го. *Приложеніе къ запискѣ Чарторижскаго.* Необходимость удержанія Катарро. 351
№ 96. 19-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Издержки на лицо, отправляемое во Францію. Подарки и награды во Франціи. 352
№ 97. 19-го. *Фуше префекту департамента Нижняго Рейна.* Не пропускать иностранцевъ 254
№ 98. 20-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Англія и Австрія. Очищеніе Каттаро. Лессепсъ о сближеніи. Разумовскій. Русскіе плѣнные и переговоры о мирѣ. Перемиріе. Ганноверъ и Пруссія. Швеція и Данія. Турція . . . 354
№ 99. 26-го. *Записка Чарторижскаго.* Необходимость усилить Корфу и удержать Каттаро. Сицилія и Англія. Порта. Усиленіе корпуса Сенявина . . 360
№ 100. 30-го. *Чарторижскій Талейрану.* Желаніе сближенія. Отправка Убри. Плѣнные. 362
№ 101. 30-го. *Полномочіе Петру Убри.* Подписывать бумаги sub spe rati съ уполномоченными Франціи и Англіи. 364
№ 102. 30-го. *Инструкція Петру Убри.* Подробности въ приложеніи 364

Май.

№ 103. 7-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Цензура иностранныхъ журналовъ . . . 365
№ 104. 15-го. *Чарторижскій г-ну Убри.* Дѣйствовать вмѣстѣ съ Англіей. Разумовскій 366
№ 105. 15-го. *Чарторижскій г-ну Убри.* Англія. Пруссія и Швеція. Разумовскій. 398
№ 106. 24-го. *Убри Чарторижскому.* Возвращеніе Каттаро. Разумовскій. Австрія и Англія. Куракинъ. Стадіонъ. Далмація. Порта. Русская колонія въ Вѣнѣ. 369

стр.

№ 107. 24-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Просьба сардинской королевы . . . 376
№ 108. 26-го. *Чарторижскій г-ну Убри.* Ганноверъ и Пруссія. Разумовскій . . 377
№ 109. 28-го. *Убри Чарторижскому.* Разумовскій. Англія. Себастьяни и Фешъ. Бранливость французскихъ газетъ 378

Іюнь.

№ 110. 2-го. *Фоксъ г-ну Убри.* Рекомендація Ярмута 380
№ 111. 9-го. *Убри Меллеръ-Закомельскому.* Русскіе плѣнные во Франціи. Раздача имъ денегъ. Разумовскій 380
№ 112. 11-го. *Убри Чарторижскому.* Талейранъ. Отношенія Убри къ Франціи. Миланъ. Меллеръ-Закомельскій 382
№ 113. 11-го. *Убри Чарторижскому.* Деньги 384
№ 114. 17-го. *Префектъ департамента Нижняго Рейна г-ну Убри.* Запрещеніе ѣхать дальше Страсбурга 385
№ 115. 17-го. *Убри Талейрану.* Увѣдомленіе объ этомъ запрещеніи 386
№ 116. 17-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Просьба неаполитанскаго короля. Необходимость поддержать его. 387
№ 117. 17-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Положеніе Европы при его отставкѣ. Каттаро. Англія. Швеція. Данія. Пруссія. Австрія. Турція. Испанія. Неаполь и Сардинія. Переговоры съ Бонапартомъ 388
№ 118. 17-го. *Докладъ Чарторижскаго.* Швеція и Пруссія. 393
№ 119. 18-го. *Убри Чарторижскому.* Остановка въ Страсбургѣ 394
№ 120. 21-го. *Сэ, префектъ департамента Нижняго Рейна, г-ну Убри.* Разрѣшеніе ѣхать дальше 395
№ 121. 27-го. *Убри Строгонову.* Требованія Бонапарта. Порта. Корфу. Ганноверъ. Сицилія. Необходимость согласиться 396
№ 122. 27-го. *Убри Строгонову.* Необходимость пожертвовать Сициліей. Надежды. Англія 399
№ 123. 28-го. *Убри Чарторижскому.* Люкезини и Ярмутъ. Сицилія. Ганноверъ. Первое свиданіе съ Талейраномъ. Русскіе плѣнные. Адріатика. Пруссія. Австрія. Второе свиданіе. Порта. Третья конференція . . 403
№ 124. 28-го. *Убри Чарторижскому.* Перемѣны въ Германіи 417
№ 125. 29-го. *Убри Чарторижскому.* Новая конференція. Проектъ договора. Его условія. Англія 419
№ 126. 29-го. *Убри Чарторижскому.* Союзъ Россіи съ Франціей 424
№ 127. 29-го. *Убри Чарторижскому.* Характеристика Ярмута 426
№ 128. 29-го. *Убри Чарторижскому.* Сицилія. Женщины. Корфу. Мало надежды на выгоды. 427
№ 129. 29-го. *Убри Чарторижскому.* Лагарпъ 429
№ 130. 30-го. *Талейранъ г-ну Убри.* Положеніе Кларка 430

Іюль.

№ 131. 1-го. *Убри Талейрану.* Отвѣтъ на № 130. 431
№ 132. 8-го. *Убри Сенявину.* Заключеніе мирнаго договора 432
№ 133. 9-го. *Убри Строгонову.* Причины заключенія мирнаго договора съ Франціей 433
№ 134. 17-го. *Будбергъ г-ну Убри.* Пересылка донесеній 434
№ 135. 20-го. *Фуссадье Чарторижскому.* Слухи объ условіяхъ мира между Франціей и Англіей. Польша. Меттернихъ 435
№ 136. 26-го. *Убри Будбергу.* Переговоры съ Кларкомъ. Угрозы Бонапарта. Его требованія. Причины согласія Убри 436

стр.

№ 137. 26-го. *Убри Будбергу.* Переговоры съ Ярмутомъ. Сицилія. Ярмутъ и Талейранъ 448
№ 138. 26-го. *Убри Будбергу.* Германія. Талейранъ 450
№ 139. 28-го. *Будбергъ Харламову.* Истребленіе бумагъ нашей миссіи 451

Августъ.

№ 140. Начало мѣсяца. *Докладъ Будберга.* Германія. Порта. Каттаро. Неаполь и Сардинія. Швеція и Пруссія. Англія 451
№ 141. Начало мѣсяца. *Заявленіе, вызванное неутвержденіемъ договора, подписаннаго въ Парижѣ 8/20 іюля 1806.* Причины неутвержденія. Высылка Убри 456
№ 142. Начало мѣсяца. *То же заявленіе въ окончательномъ видѣ.* Германія . . 458
№ 143. 2-го. *Будбергъ Талейрану.* Объясненіе неутвержденія договора. Германія. Албанія и Далмація. Неаполитанскій король. Англія 459
№ 144. 4-го. *Замѣчаніе на письмо Талейрану.* Слова *почетный* и *выгодный* . . 461
№ 145. 4-го. *Будбергъ Харламову.* Приказаніе возвращаться изъ Парижа. Средства для этого 462
№ 146. 14-го. *Харламовъ Будбергу.* Переговоры Франціи съ Англіей. Причина ихъ медленности 462
№ 147. 14-го. *Харламовъ Будбергу.* Истребленіе бумагъ нашей миссіи 463
№ 148. 19-го. *Харламовъ Будбергу.* Видъ на жительство въ Парижѣ. Талейранъ объ утвержденіи договора и о возвращеніи Убри 463
№ 149. 19-го. *Харламовъ Будбергу.* Неудача переговоровъ Франціи съ Англіей. Присоединеніе Португаліи къ Испаніи. Слухъ о неутвержденіи договора и о морской побѣдѣ англичанъ 464
№ 150. 27-го. *Харламовъ Разумовскому.* Неутвержденіе договора. Просить совѣта. 465
№ 151. 31-го. *Докладъ Будберга.* Деньги сербамъ 466

Сентябрь.

№ 152. 26-го. *Будбергъ г-ну Убри.* Выговоръ по поводу его мнимаго награжденія за договоръ 466
№ 153. Сентябрь. *Докладъ Будберга.* Монахи въ Салоникахъ. Али-паша. Мурузи. Рубо-де-Понтэвъ 468

Октябрь.

№ 154. 9-го. *Убри Будбергу.* Оправданіе по поводу выговора въ № 152 . . . 469

Ноябрь.

№ 155. 15-го. *Докладъ Будберга.* Торговый договоръ между Россіей и Англіей . 473

Декабрь.

№ 156. 12-го. *Себастіани Талейрану.* Слабость Порты и дерзость Англіи. Вооруженія Порты противъ Россіи. Республика Семи Острововъ. Интриги. 473
№ 157. 18-го. *Записка Чичагова.* Планъ поднятія нашихъ силъ на Средиземномъ морѣ и нападеній на Порту 480

стр.

№ 158. Декабрь. *Примѣчанія Будберга на Записку Чичагова.* Слабость нашихъ морскихъ силъ безъ помощи англичанъ 485

№ 159. 30-го. *Докладъ Будберга.* Переговоры съ Англіей по поводу записки Чичагова 487

№ 160. Конецъ мѣсяца. *Докладъ Будберга.* Порта. Молдавія и Валахія. Порта должна помогать намъ противъ французовъ 488

Азбучный указатель личныхъ именъ. 495

ПОПРАВКИ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
13	15 сверху	Sièges	Sieyes
117	2 сверху	Maubourg	Latour-Maubourg
174	17 сверху	n'aurai	n'aurais
450	10 снизу	с—ву	пр—ву

1805.

№ 1. — Докладъ Чарторижскаго.

10/22 января 1805.

Находящійся въ Вѣнѣ посолъ нашъ гр. Разумовскій препроводилъ ко мнѣ пять писемъ, полученныхъ имъ отъ сербскаго епископа епархіи Бачкія, Сегединскія и Егарскія, Іоанновича, изъ коихъ одно на имя в. в-ва, другое на имя государя цесаревича в. кн. Константина Павловича, а прочія на имя здѣшняго митрополита Амвросія, министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и сербскаго депутата капитана Юговича. — Въ письмахъ сихъ сербскій епископъ Іоанновичъ упоминаетъ объ отправленіи капитана Юговича ко двору в. в-ва въ качествѣ депутата и съ полномочіемъ, каковымъ онъ снабженъ отъ всего сербскаго народа, представить в. в-ву о бѣдствіяхъ, нещастіяхъ и о желаніи сего народа избавиться изъ-подъ ига турецкаго; проситъ, чтобъ в. в-во повелѣли доставить сербскому народу на 500 тысячъ человѣкъ оружія и пороху, съ каковою помощію и съ присоединеніемъ войскъ россійскихъ къ сербамъ надѣется онъ совершенно свергнуть иго турецкое и воздвигнуть особенное царство сербовъ въ зависимости и подъ покровительствомъ Россіи; предлагаетъ именемъ всего сербскаго народа государю цесаревичу престолъ и скипетръ сербскій, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы онъ именовался и подписывался *Царь Сербскій Константинъ Неманя*; и наконецъ, выхваляя помянутаго капитана Юговича, какъ ревностнѣйшаго попечителя о благѣ сербскаго народа и просвѣ[illegible]нѣйшаго изъ всѣхъ сербовъ, проситъ в. в-во о милостивомъ его [illegible]нятіи.—Изложивъ такимъ образомъ в. в-ву содержаніе подносимыхъ [illegible]сего писемъ сербскаго епископа Іоанновича, я не стану распростра[illegible]ться о рѣшимости, какія нужно принять по настоящему предмету, [illegible] существо самой просьбы явно оную представляетъ; донесу токмо,

что необходимо нужно сохранить вліяніе, Россіею пріобрѣтенное надъ славянскими народами, и хотябы должно было изъявить какой-либо знакъ особой милости сему епископу; но поелику онъ состоитъ въ подданствѣ Австріи, то нужно и отъ сего воздержаться; ограничиться токмо письмомъ къ нему отъ здѣшняго митрополита Амвросія, составленнымъ изъ генеральныхъ выраженій. — Капитанъ Юговичъ, о коемъ епископъ сербскій упоминаетъ, доставилъ разныя книги отъ помянутаго епископа в. в-ву, которыя имѣю счастіе у сего поднести. Оной Юговичъ, особенно рекомендуемый тѣмъ архіереемъ, проситъ объ опредѣленіи племянника его въ россійскую службу, въ чемъ, кажется, можно удовлетворить его просьбу и тѣмъ показать уваженіе къ рекомендаціи епископа сербскаго; означеннаго молодаго человѣка я полагаю опредѣлить въ вѣдомство иностранной коллегіи студентомъ съ жалованьемъ по сту рублей на годъ.—Все сіе представляя в. в-ву, подвергаю высочайшему благоусмотрѣнію.

Приписка. Представленія сіи высочайше одобрены, и въ слѣдствіе того письмо отъ здѣшняго митрополита Амвросія къ сербскому епископу отправлено съ кол. асессоромъ Званцовымъ, генваря 27 дня 1805; вразсужденіи же племянника Юговича учинено опредѣленіе въ госуд. кол. иностр. дѣлъ о принятіи его въ оную.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 8. Подлинникъ.

№ 2. — Докладъ Чарторижскаго.

10/22 января 1805.

Отставный маіоръ Милетичъ, присланный сюда куръеромъ отъ ген.-лейт. гр. Ивелича, поданнымъ здѣсь прошеніемъ объясняетъ, что игуменъ Трофимъ изъ Герцеговины, узнавъ, что онъ, Милетичъ, отъѣзжаетъ въ Петербургъ, прибылъ къ нему ночью въ Рагузу и просилъ именемъ народа герцеговинскаго донести в. в-ву о преданности всѣхъ герцеговинцевъ и о желаніи ихъ быть подъ покровительствомъ Россіи подобно черногорцамъ; каковое желаніе не смѣютъ они показать явно, поелику всѣ архіереи у нихъ изъ грековъ и преданы Портѣ, и что народъ послѣдуетъ охотно всѣмъ тѣмъ направленіямъ, кои ему будутъ отсюда даны. Въ заключеніи онаго Милетичъ доноситъ о непремѣнной преданности черногорцевъ къ Россіи и о желаніи ихъ препоручить сему маіору нѣсколько молодыхъ людей для обученія европейской дисциплинѣ, доставивъ имъ равномѣрно штыки, коихъ пользу они начали узнавать.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 6. Подлинникъ.

№ 3. — Вернегъ Чарторижскому.

Brecz, 3/15 février 1805.

C'est en entrant sur le territoire russe, que j'ose présenter moi-même à v. a. toutes les expressions de ma vive et respectueuse reconnaissance sur l'intérêt qu'elle a daigné prendre à mon sort. Je vais vous soumettre ma conduite avec confiance, dans la ferme persuasion où je suis que je n'ai pas compromis par ma faute la haute et puissante protection dont je suis honoré. — J'ose encore espérer que v. a. ne désapprouvera pas l'empressement que j'ai mis à entreprendre le voyage de Pétersbourg sans y être autorisé par v. a. Depuis ma sortie du Temple toutes mes pensées me portent à remplir le devoir sacré de mettre aux pieds de S. M. l'E-r l'hommage de mon plus profond respect, de toute ma reconnaissance, et vouer plus que jamais à mon auguste maître les moyens et l'existence d'un de ses plus fidèles sujets. — Je prendrai ensuite la liberté, si v. a. le permet, de lui faire le rapport des objets qui ont pu me paraître intéressant en France, et principalement ce qui peut concerner la cour de Russie; mais je suis bien loin d'envisager comme un mérite tout ce que je pourrai exposer; c'est uniquement sur les bontés et l'indulgence de v. a. que j'oserai compter, et j'espère lui

---

Брестъ, 3/15 февраля 1805.

Вступая на почву Россіи, осмѣливаюсь самолично заявить в. с-ву всю мою живую и почтительную признательность за участіе, которое вы соблаговолили принять въ моей судьбѣ. Довѣрчиво представляю на вашъ судъ мое поведеніе: я твердо убѣжденъ, что въ немъ не было ошибокъ, позорящихъ то высокое и могучее покровительство, которымъ я почтенъ.—Еще смѣю надѣяться, что в. с-во не осудите поспѣшности, съ которою я предпринялъ путешествіе въ Петербургъ, не будучи уполномоченъ на это в. с-мъ. Съ тѣхъ поръ какъ я вышелъ изъ Тампля, я только о томъ и думалъ, какъ бы исполнить священный долгъ—повергнуть къ стопамъ е. в. и-ра заявленіе моего глубочайшаго уваженія и всей моей признательности, а также больше прежняго посвятить моему августѣйшему господину средства и существованіе одного изъ преданнѣйшихъ его подданныхъ.—Затѣмъ рѣшусь, съ позволенія в. с-ва, представить вамъ отчетъ обо всемъ, что могло показаться мнѣ любопытнымъ во Франціи, въ особенности же о томъ, что можетъ касаться русскаго двора. Но вовсе не считаю заслугой того, что могу изложить: смѣю разсчитывать лишь на милость и снисхожденіе в. с-ва; и надѣюсь доказать, что истинно

prouver qu'un véritable russe peut avoir quelque droit à l'intérêt et à la précieuse protection de v. a.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 136. Подлинникъ.

№ 4. — Докладъ Чарторижскаго.

8/20 февраля 1805.

Главный директоръ почтъ доставилъ ко мнѣ переводы съ переписки нѣкотораго француза Дидевиля, въ Москвѣ живущаго; во многихъ мѣстахъ сей переписки включенные шифры, двусмысленныя выраженія и разсужденія политическія показываютъ нѣкоторое вѣроподобіе, что сей французъ могъ быть емисаръ; употребленіе шифровъ даетъ уже право войтить къ нему въ домъ и осмотрѣть всѣ его бумаги; но до того, естьли в. в-во позволите, я нахожу нужнымъ истребовать отъ главнаго директора почтъ снятыя копіи съ оной переписки на французскомъ языкѣ, по коимъ можетъ представиться больше возможности дойтить до смысла шифровъ, и въ послѣдствіе что окажется буду имѣть щастіе донести.

Приписка. Представленіе сіе удостоено апробаціи государя императора, и въ слѣдствіе того, сообщена высочайшая воля главному директору почтъ, Трощинскому.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 9. Подлинникъ.

№ 5. — Мезонфоръ Чарторижскому.

Pétersbourg, le 4/16 mars 1805.

Son altesse sérénissime le duc de Brunswick m'a fait l'honneur de me dire en partant, que non-seulement il avait laissé entre vos mains une note relative au désir qu'il manifestait d'avoir un chargé d'affaires

---

русскій человѣкъ можетъ имѣть нѣкоторое право на участіе и драгоцѣнное покровительство в. с-ва.

Петербургъ, 4/16 марта 1805.

Его высочество герцогъ брауншвейгскій соблаговолилъ сказать мнѣ при отъѣздѣ, что онъ не только оставилъ вамъ ноту насчетъ его желанія имѣть при своей особѣ повѣреннаго въ дѣлахъ е. и. в-ва, но даже назвалъ меня,

de S. M. I. accrédité auprès de sa personne, mais qu'il m'avait désigné, comme celui avec lequel il coopérerait le plus volontiers à tout ce qui pourrait être agréable au service de S. M. — Ayant osé lui demander, s'il avait bien voulu mettre mon dévouement et mon zèle à ses pieds, il m'a répondu qu'il m'avait recommandé à ses bontés et qu'en causant avec vous, il avait trouvé presque inutile de chercher à vous inspirer pour moi un intérêt que vous lui paraissiez partager.—Persuadé, comme je le suis, de l'utilité de soutenir, oserais-je dire, de redresser quelquefois les opinions d'un souverain, dont la situation locale affaiblit toutes les bonnes intentions politiques, j'ai l'honneur de vous réitérer mon voeu de remplir cette mission délicate et même impossible pour quiconque n'aurait pas vécu sept ans comme moi dans la confiance et l'intimité de ce prince.—Quel que soit mon attachement personnel pour le duc de Brunswick, mon opinion politique sera toujours la même, invariable comme mes principes, et je crois vous en avoir donné la preuve dans le tableau que j'ai écrit la semaine même, où je lui faisais tous les matins ma cour. — Depuis cinq mois je suis employé par vos ordres sans grade, sans caractère; depuis deux, j'ai la promesse de votre appui auprès de S. M.; depuis quelques semaines on a remarqué mon accès auprès de vous; des jeunes gens du collège des affaires étrangères ont été mis sous mes ordres, et cependant tout le monde cherche à deviner,

---

какъ лицо, съ которымъ ему было бы особенно пріятно работать на пользу службы е. в-ва.—Я осмѣлился спросить его, изволилъ-ли онъ повергнуть мою преданность и усердіе къ его стопамъ. Онъ отвѣчалъ, что поручалъ меня его милостямъ, а изъ разговора съ вами убѣдился, что почти излишне возбуждать въ васъ участіе ко мнѣ, которое, какъ ему показалось, вы уже раздѣляете съ нимъ.—Я убѣжденъ, что полезно поддерживать, смѣю сказать даже—иногда исправлять мнѣнія государя, у котораго всѣ добрыя политическія намѣренія ослабляются его мѣстнымъ положеніемъ; и честь имѣю снова заявить мое желаніе исполнить это порученіе, столь щекотливое и даже невозможное для всякаго, кто не прожилъ, подобно мнѣ, семи лѣтъ съ этимъ государемъ, пользуясь его довѣріемъ и дружбой.—Но какова бы ни была моя личная привязанность къ герцогу брауншвейгскому, мои политическіе взгляды всегда
кранятся столь же неизмѣнными, какъ мои убѣжденія; и, мнѣ кажется, я
азалъ это тою картиной, которую набросалъ на той самой недѣлѣ, когда
каждое утро являлся къ нему на поклонъ.—Вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ
лужу подъ вашимъ начальствомъ безъ чина и званія; два мѣсяца, какъ
обѣщали мнѣ поддержку у е. в-ва; нѣсколько недѣль, какъ мой доступъ
вамъ сталъ замѣтенъ: мнѣ подчинили молодыхъ людей коллегіи иностран-
ъ дѣлъ; а между тѣмъ никто не можетъ догадаться, какъ и на какихъ

comment et à quel titre je puis être employé. Permettez-moi d'en appeler à votre justice, à votre bonté, pour sortir d'un état équivoque, qui, j'ose vous le dire, est un état de souffrance.—Puisque vous m'avez fait l'honneur de me dire, que S. M. vous avait chargé de lui faire un rapport sur cette affaire, souffrez que je vous supplie de lui représenter, que non-seulement la mission de Brunswick a une grande utilité, en plaçant quelqu'un, qui, sachant lire dans la pensée du duc, puisse plonger dans l'intérieur du cabinet de Berlin, mais encore, qu'en supposant pour les affaires qui regardent la Prusse que cette mission devienne utile, ce poste est trop avantageusement situé pour ne pas procurer de grandes facilités pour savoir ce qui se passe réellement en France.— Sous ce point de vue, qui est le véritable, il eût été tellement à désirer de chercher un moyen de placer décemment une vedette politique dans cette partie de la Basse-Saxe, qu'on ne saurait trop tôt se hâter de profiter de l'offre que s. a. le duc de Brunswick vient de faire. — A ces considérations vraiment politiques, si je n'ose ajouter mes titres à vos bontés par mon zèle et par mon travail, du moins me sera-t-il permis de vous réitérer l'assurance de mon dévouement au service de s. m. i., de mon attachement particulier pour votre personne et de me dire etc.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 134. Подлинникъ.

правахъ я служу. Позвольте воззвать къ вашему чувству справедливости, къ вашему доброму сердцу, чтобы выйти изъ двусмысленнаго положенія, которое, смѣю васъ увѣрить, причиняетъ страданія.—Вы соблаговолили сказать мнѣ, что е. в-во приказалъ вамъ сдѣлать докладъ объ этомъ дѣлѣ: такъ дозвольте же обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой выслушать слѣдующее представленіе. Нечего и говорить, какъ полезна миссія у брауншвейгскаго, если поручить ее лицу, которое не только умѣло бы читать въ душѣ герцога, но и могло бы погружаться въ тайны берлинскаго кабинета; но если эта миссія была бы полезна для дѣлъ, касающихся Пруссіи, то, сверхъ того, этотъ постъ расположенъ слишкомъ выгодно, чтобы нельзя было, съ его помощью, знать, что́ именно происходитъ во Франціи.—Съ этой вѣрной точки зрѣнія такъ желательно найти средство устроить прилично политическую сторожку въ этой части Нижней Саксоніи, что слѣдовало бы всячески поспѣшить воспользоваться только-что сдѣланнымъ предложеніемъ е. высочества герцога брауншвейгскаго.—Таковы истинно политическія соображенія. Если я не смѣю прибавить къ нимъ моихъ правъ на ваши милости за мое усердіе и за мои труды, то да будетъ позволено мнѣ хоть возобновить вамъ увѣреніе въ моей преданности службѣ е. и. в-ва, въ моей личной привязанности къ вашей особѣ, и назвать себя, и т. д.

№ 6. — Вернегъ Чарторижскому.

Pétersbourg, 8/20 mars 1805.

Une fluxion très forte, que j'ai aux yeux, m'a empêché d'adresser plutôt à v. a. le petit aperçu que j'ai l'honneur de joindre ici. Je vais m'occuper des autres articles, qui peuvent mériter quelque intérêt, en osant vous supplier de croire que je mettrai toute la mesure et la discrétion dans les ordres que v. a. daignera me confier. Je n'ai pas d'autre but que celui de me rendre digne de son intérêt et de sa protection; et l'accueil plein d'indulgence et de bonté, que v. a. a bien voulu me faire, en me pénétrant de la plus vive reconnaissance, me donne lieu d'être persuadé, que je n'ai pas démérité auprès d'une puissance, à laquelle j'ai l'honneur d'être attaché depuis 11 ans et que je désire vivement servir avec plus de fruit et d'utilité que par le passé.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 136. Подлинникъ.

№ 7. — Докладъ Чарторижскаго.

Мартъ 1805.

Вернегъ, арестованный въ Римѣ и содержавшійся долго въ Парижѣ, нынѣ, прибывъ сюда, подалъ мнѣ у сего представляемую записку, заключающую изложеніе намѣреній Бонапартія занять какую-либо провинцію въ Турецкой Имперіи.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 136. Подлинникъ.

Петербургъ, 8/20 марта 1805.

Очень сильное воспаленіе глазъ помѣшало мнѣ послать раньше в. с-ву маленькій обзоръ, который имѣю честь приложить здѣсь. Сажусь за другія статьи, которыя могутъ заслужить нѣкотораго вниманія; причемъ смѣю покорнѣйше просить вѣрить, что я со всею осторожностью и скромностью исполню п[оруче]казанія, которыя в. с-во соблаговолите довѣрить мнѣ. У меня одна только ц[ѣль]—заслужить ваше участіе и покровительство. Полный снисходительности и [доб]роты пріемъ, которымъ в. с-во удостоили меня, внушая мнѣ самую жи[вую] признательность, даетъ мнѣ поводъ думать, что я не проступился передъ д[ержа]вой, съ которой я имѣю честь быть связаннымъ, вотъ уже 11 лѣтъ, и к[оторо]й я горячо желаю служить съ бо́льшею плодотворностью и пользой, ч[ѣмъ] прежде.

№ 8.—Записка Вернега.

Pétersbourg, 8/20 mars 1805.

Un des objets le plus important sur les données et la politique du gouvernement français est celui qui concerne ses projets d'établissement dans les provinces de la Turquie. On peut classer de trois manière les principales raisons qui font désirer si vivement à Bonaparte ce nouvel établissement, que l'on a vu au moment de se réaliser par l'invasion en Egypte, et que les moyens de persuasion pouvaient faire réussir dans les derniers temps du règne de l'E-r Paul I:—1) D'arriver, par la foule de ses agents, l'intrigue et les moyens les plus actifs, aux possessions anglaises dans les Grandes Indes, comme la seule diversion adoptée exclusivement pour entamer cette puissance dans la source de son crédit et de ses richesses et la prendre, pour ainsi dire, à revers, car la descente en Angleterre est une chimère non-seulement aux yeux des gens qui ont le sens commun en France, mais même de ceux qui passent pour plus habiles et plus déterminés. — 2) De reprendre, par des positions avantageuses, une influence dans la Méditerranée et les échelles du Levant, que l'occupation de Corfou et de Malte, ainsi que les nouveaux établissements de la mer Noire vont enlever pour jamais au com-

---

Петербургъ, 8/20 марта 1805.

Самое важное дѣло въ политикѣ французскаго правительства—это его виды на пріобрѣтенія въ турецкихъ провинціяхъ. Можно раздѣлить на три разряда главныя цѣли, ради которыхъ Бонапартъ столь горячо желалъ этихъ пріобрѣтеній, которыя чуть не осуществились во время нападенія на Египетъ и могли осуществиться недавно, благодаря внушеніямъ, дѣйствовавшимъ на и-ра Павла I.—Первая цѣль—съ помощью толпы своихъ агентовъ, козней и самыхъ сильныхъ средствъ, добраться до англійскихъ владѣній въ Великой Индіи. Это единственный способъ поразить эту державу въ самомъ источникѣ ея кредита и богатства и ударить на нее, такъ сказать, съ тылу: высадка въ Англію признается во Франціи химерой не только людьми съ обыкновеннымъ умомъ, но и тѣми, которые считаются людьми самыми способными и рѣшительными.—Вторая цѣль—съ помощью выгоднаго положенія, снова пріобрѣсти вліяніе на Средиземномъ морѣ и въ восточныхъ портахъ, которое навсегда погибло для марсельской торговли вслѣдствіе занятія Корфу и Мальты, а также появленія новыхъ портовъ на Черномъ морѣ. Затѣмъ имѣется въ

merce de Marseille; et d'établir, par le démembrement de la Turquie, le seul point de contact avec l'empire de Russie, que l'on ne peut pas atteindre autrement, tandis que cette puissance peut au contraire attaquer la France, quand elle voudra, et faire paraître ses flottes et ses armées sur les côtes et le continent de l'Italie et de Provence. — 3) De consolider de cette manière le nouveau royaume de Lombardie, en attendant l'asservissement de toute l'Italie, et se ménager les positions et les établissements qui peuvent inquiéter et éloigner la cour de Vienne de toute entreprise et recouvrement en Italie. — Il n'y a pas de doute que la seule crainte d'une tentative infructueuse, par l'opposition et les préparatifs de la cour de Russie, a pu faire ajourner à Bonaparte des projets irrévocablement arrêtés, et les circonstances actuelles peuvent faire présumer, qu'il tentera par la douceur et la persuasion ce qu'il ne peut pas enlever dans ce moment-ci de vive force. On peut même ajouter que le poid de sa couronne et les précautions d'affermissement qu'elle exige, le forcent à des ménagements qu'il doit autant à la tranquillité intérieure, de la France qu'à l'opinion favorable qu'il voudrait inspirer aux puissances continentales de l'Europe; mais le jour, où cet usurpateur croira être assuré sur son trône, il se livrera à toute la fougue de son caractère et se fera un point d'honneur et de sureté de réaliser ses jactances sur l'abaissement de l'Angleterre et sur le change-

---

виду пріобрѣсти, черезъ раздѣлъ Турціи, единственную точку соприкосновенія съ Россійскою имперіей, которой не достичь иначе, тогда какъ эта держава можетъ напасть на Францію, когда угодно, и двинуть свои флоты и арміи къ берегамъ и на материкъ Италіи и Прованса.—Третья цѣль—утвердить этимъ способомъ новое королевство Ломбардію, въ ожиданіи порабощенія всей Италіи, и обезпечить за собой такое положеніе, такія мѣста, что вѣнскій дворъ долженъ бы былъ встревожиться и бросить всякую мысль о возвращеніи потеряннаго въ Италіи.—Безъ сомнѣнія, одно опасеніе неудачи, благодаря противодѣйствію и приготовленіямъ русскаго двора, могло заставить Бонапарта отложить исполненіе безвозвратно рѣшенныхъ плановъ; и нынѣшнія обстоятельства наводятъ на мысль, что онъ попытается кротостью и убѣжденіемъ достигнуть того, чего не могъ добиться сейчасъ силой. Можно даже прибавить, что тяжесть короны и предосторожности, необходимыя для ея утвержденія, принуждаютъ его къ уступкамъ, какъ въ пользу внутренняго спокойствія Франціи, такъ и въ пользу благопріятнаго мнѣнія материковыхъ державъ Европы; но какъ только этотъ похититель власти почувствуетъ себя твердымъ на престолѣ, онъ предастся всему пылу своего нрава и сочтетъ долгомъ чести и безопасности осуществить свои похвальбы насчетъ униженія Италіи и измѣненія политической системы Европы.—Но можно быть увѣрен-

ment du système politique de l'Europe. — On croit cependant pouvoir assurer, malgré toutes les démonstrations affectées de Bonaparte, que c'est l'attitude imposante de la cour de Russie qui l'inquiète le plus. Il juge avec raison, qu'il pourrait tout entreprendre avec le concours de cette puissance, tout comme il a lieu de désespérer de ses entreprises, s'il en est contrarié. — La politique ferme, sage et mesurée du cabinet de St.-Pétersbourg est ce qui désoriente le plus Bonaparte depuis quelque temps; il tatonne et cherche vainement ce qui peut lui assurer positivement l'Autriche et la Prusse, avant que d'entreprendre ouvertement contre la cour de Russie, et on peut affirmer que ses conseils l'ont déterminé à temporiser et à préférer même un rapprochement, pour mettre en usage tous les moyens possibles d'adresse et de séduction. On a vu le moment, où la guerre allait être déclarée contre la Russie, un manifeste infâme était préparé contre cette cour et même contre l'auguste personne de S. M. l'E-r, car il faut observer que Bonaparte se livre souvent à toute la violence de son caractère, et ce n'est qu'avec des peines infinies que l'on parvient à le calmer et à le modérer. — Je ne pourrai pas actuellement donner des indications précises sur les moyens et la manière, dont le gouvernement français nourrit ses espérances relativement à ses projets sur la Turquie. Je n'ai pu qu'être confirmé dans mes anciennes idées par des personnes mar-

---

нымъ, что какъ ни притворяется Бонапартъ, а его больше всего безпокоитъ величественное положеніе русскаго двора. Онъ справедливо думаетъ, что можетъ все предпринять съ помощью этой державы точно также, какъ имѣетъ основаніе отчаяваться во всемъ, если она воспротивится.—Твердая, мудрая и сдержанная политика с.-петербургскаго кабинета—вотъ что больше всего смущаетъ Бонапарта въ послѣднее время. Онъ щупаетъ и тщетно ищетъ средства положительно обезпечить за собой содѣйствіе Австріи и Пруссіи, прежде чѣмъ выступить открыто противъ русскаго двора; и можно сказать, что его совѣтники внушили ему повременить и даже предпочесть сближеніе, чтобы пустить въ ходъ всевозможныя средства хитрости и обольщенія. Была минута, когда чуть не объявили войны Россіи; былъ изготовленъ гнусный манифестъ противъ этого двора и даже противъ священной особы е. в. и-ра: нужно замѣтить, что Бонапартъ часто предается всей пылкости своего нрава, и лишь съ необыкновеннымъ трудомъ удается успокоить и сдержать его.— Покуда я не могу дать точныхъ указаній насчетъ средствъ и способовъ, на которыхъ основываются надежды французскаго правительства относительно его плановъ на Турцію. Я только утвердился въ моихъ старыхъ мнѣніяхъ, благодаря выдающимся лицамъ, въ теченіе того небольшого срока, когда я пользовался свободой въ Парижѣ. Такъ уже, вѣроятно, извѣстно, что перво-

quantes pendant le petit moment de liberté que j'ai eu à Paris. On doit déjà savoir que le général Menou n'a été principalement placé à Turin que pour entretenir des rapports et des liaisons avec l'Egypte, et que le caractère entreprenant et militaire du général Brunne l'a fait nommer à Constantinople pour continuer les intelligences avec les anciens pachas, déjà gagnés, en entraîner d'autres et se mettre même à leur tête pour commencer la guerre, si cette levée de boucliers offre les apparences de succès pour la prétendue régénération de l'empire Ottoman et l'expulsion des russes, que l'on présenterait alors, selon l'usage et la tactique française, comme les seuls et véritables oppresseurs de la Turquie. J'ai su seulement, que l'on faisait souvent partir par différentes voies des émissaires pour Constantinople; que l'on cherchait avec soin des jeunes gens qui parlassent le grec, et que l'on en ferait travailler d'autres pour apprendre l'arabe et le turc. Enfin, ce n'est pas à Boulogne et sur les côtés de La Manche que le gouvernement français fonde ses espérances, ce n'est plus qu'un point apparant pour attirer l'attention des étrangers et un dépôt de troupes; mais c'est en Italie où Bonaparte prétend fixer les destinés de son empire: il veut faire de ce peuple une nation guerrière et le véritable boulevard de ses états, en se ménageant les ressources et les moyens d'attaque qui peuvent un jour le conduire en Turquie; ce n'est qu'alors qu'il croira porter le coup

---

начально генералъ Мену былъ назначенъ въ Туринъ лишь для поддержанія связей и сношеній съ Египтомъ; а генерала Брюна назначили въ Константинополь за его предпріимчивый и военный нравъ, и онъ долженъ былъ продолжать сношенія со старыми, уже подговоренными пашами, привлекать новыхъ и даже встать во главѣ ихъ, чтобы начать войну, если только это возстаніе будетъ обѣщать успѣхъ въ смыслѣ какого-то возрожденія Оттоманской имперіи и изгнанія русскихъ, которыхъ представили бы, по обычаю и по тактикѣ французовъ, единственными и истинными поработителями Турціи. Я зналъ одно: часто отправляли разными путями выходцевъ въ Константинополь; усердно отыскивали молодыхъ людей, знающихъ погречески; понуждали другихъ учиться поарабски и потурецки. Наконецъ надежды французскаго правительства покоятся вовсе не на Булони, не на берегахъ Ламанша: это ишь показная точка, чтобы отвлечь вниманіе иностранцевъ, да запасъ войскъ. Италіи—вотъ гдѣ думаетъ Бонапартъ утвердить судьбу своей имперіи. хочетъ сдѣлать изъ итальянцевъ воинственный народъ и истинный подъ къ своимъ государствамъ, обезпечивая себѣ средства нападенія, которыя тъ когда-нибудь привести его въ Турцію. Тогда-то онъ сочтетъ своевреным нанести самый гибельный ударъ британскому правительству; тогда- онъ будетъ въ состояніи взволновать Венгрію, защитить Италію и съ

le plus fatal au gouvernement britannique; qu'il sera en position d'agiter la Hongrie, de couvrir l'Italie et de se rallier avec plus de fruit les mécontents de la Pologne; et qu'en se rapprochant des frontières de la Russie il pourra porter des entraves à son commerce de la mer Noire, qu'il juge avec fondement être une nouvelle source de richesse et de crédit pour une grande puissance dont la position, la force et les moyens doivent tôt ou tard soumettre l'Europe à son entière influence et en faire l'arbitre et la sauvegarde de la tranquillité et de la sûreté publique.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 136. Подлинникъ.

№ 9. — Записка Вернега.

Pétersbourg, 9/21 mars 1805.

L'Italie étant le berceau de la fortune de Bonaparte, il s'en est occupé longtemps pour en faire sa propriété et devenir son lot et son partage dans le bouleversement général qui menaçait la France et une grande partie de l'Europe. Il disait, il y a dix ans, à Gènes à une personne, qu'il voulait détacher de la bonne cause, que c'était une pure sottise que d'adopter exclusivement un parti, et qu'il fallait seulement profiter de l'effervescence passagère de la démocratie pour en faire l'instrument de sa fortune. On a pu juger ensuite qu'il a mis en pratique

---

бо̀льшею пользой привлечь къ себѣ недовольныхъ поляковъ. Тогда-то, придвинувшись къ границамъ Россіи, онъ могъ бы затруднить ея черноморскую торговлю, которую онъ справедливо считаетъ новымъ источникомъ богатства и кредита для той великой державы, которая, въ силу своего положенія, могущества и средствъ, должна рано или поздно вполнѣ подчинить Европу своему вліянію и сдѣлаться рѣшительницею судебъ и стражемъ спокойствія и общественной безопасности.

Петербургъ, 9/21 марта 1805.

Такъ какъ Италія колыбель счастья Бонапарта, то онъ давно занятъ мыслью сдѣлать ее своею собственностью и своимъ удѣломъ въ общемъ переворотѣ, который угрожалъ Франціи и бо̀льшей части Европы. Десять лѣтъ тому назадъ, онъ сказалъ въ Генуѣ одному человѣку, котораго ему хотѣлось отвлечь отъ праваго дѣла, что было бы чистѣйшею глупостью держаться исключительно одного направленія: слѣдуетъ-де лишь воспользоваться преходящею вспышкой демократіи, чтобы сдѣлать изъ нея орудіе своего счастья. Впослѣдствіи можно было видѣть, что онъ слѣдовалъ этому правилу: онъ

cette maxime, en flattant alternativement toutes les factions, s'en faisant protéger et servir pour son propre avantage et gagner insensiblement cette prépondérance que son audace, ses folies et ses succès lui ont enfin permis de concentrer et de consolider sur sa tête. Il a été au moment de se déclarer indépendant en Italie, à l'époque de la première paix avec l'Autriche, et il conçut ensuite l'expédition de l'Egypte, qui ne fut approuvée par le directoire que pour se défaire de lui et de l'élite de ses troupes victorieuses. Les dernières espérances ayant échoué devant St. Jean D'Acre, son étoile le relève au moment où le directoire, devenu le mépris de la France, ne savait plus comment soutenir son existence et résister aux brillants succès du maréchal Souworoff. Barras, qui venait de s'engager à servir le retour des princes de la maison de Bourbon, comptant sur Bonaparte, comme sur sa créature, crut, en le rappelant secrètement d'Egypte, trouver le seul homme, qui achèverait de donner la supériorité sur Carnot et Sièges, les deux arc-boutants de la révolution et de la république en France. Bonaparte jugea bien vite de la situation des choses à son arrivée, et suivant sa méthode ordinaire, il sut tirer tout l'avantage de ces deux partis antagonistes pour s'en faire aider à son élévation au consulat. — On juge, que parvenu à cette autorité, son ambition n'a fait que s'accroître; et sans changer ses anciennes données sur l'Italie, il a pensé y substituer une personne de

---

попеременно льстилъ всѣмъ партійкамъ, заставляя ихъ служить его собственнымъ выгодамъ и тѣмъ пріобрѣтая незамѣтно то превосходство, которое наконецъ сосредоточилось и утвердилось на его головѣ, благодаря его дерзости, его безумствамъ и его успѣхамъ. Онъ готовъ былъ провозгласить себя независимымъ въ Италіи во время перваго мира съ Австріей; а затѣмъ онъ задумалъ походъ въ Египетъ, который директорія одобрила только для того, чтобы отдѣлаться отъ него и отъ сливокъ его побѣдоноснаго войска. Его послѣднія надежды разбились о С. Жанъ д'Акръ; но его звѣзда опять поднялась въ ту минуту, когда директорія, ставшая предметомъ презрѣнія французовъ, не знала, какъ поддержать свое существованіе и сопротивляться блестящимъ успѣхамъ маршала Суворова. Барра, который только-что обязался помогать возвращенію принцевъ бурбонскаго дома, разсчитывалъ на Бонапарта, какъ на свое созданіе: онъ думалъ, вызвавъ его тайно изъ Египта, найти въ немъ единственнаго человѣка, который далъ бы ему перевѣсъ надъ Карно и Сіейсомъ, этими двумя устоями революціи и республики Франціи. Бонапартъ тотчасъ по своемъ прибытіи понялъ положеніе дѣлъ. Слѣдуя своему обычному пріему, онъ сумѣлъ извлечь всѣ выгоды изъ этихъ двухъ противныхъ сторонъ, заставляя ихъ помогать своему возвышенію въ консульское званіе.—Понятно, что, достигнувъ такой власти, его честолюбіе

sa famille pour suivre ces mêmes plans et moins effrayer les puissances étrangères par cette prétendue séparation de la France et de l'Italie. On a même lieu de croire que l'hésitation de Joseph Bonaparte, pour accepter ce nouveau royaume, n'est occasionnée que par la connaissance qu'il a des projets de son frère, et il répugne à son caractère sage et tranquille de devenir un simple manequin et un instrument de destruction. — Il paraît donc certain que Bonaparte va poser ses pierres d'attente pour étayer l'édifice de ses entreprises ultérieures, et on ne peut trop répéter que l'Italie lui est absolument nécessaire pour affermir sa domination en France, couvrir les frontières qui sont le plus exposées et qui sont bien plus inflammables que les autres; et que par l'entier arrondissement de l'Italie, dont la nature a, pour ainsi dire, tracé la démarcation par la chaîne de ses montagnes et la grande étendue de ses côtes, il veut en faire une seule et grande puissance qui sera l'arsenal et le dépôt de ses moyens d'attaque et de destruction; car ce n'est que par les deux seules routes du Levant et de Trieste qu'il envisage pouvoir prendre une offensive dangereuse sur les principaux états de l'Europe et achever de bouleverser son système politique, dont il a commencé à saper le fondement par la formation du nouveau corps germanique. — C'est ici que l'on me permettra de parler encore avec plus de franchise sur la situation des affaires, en disant qu'un caractère tel que celui de

---

возросло еще болѣе; и онъ, не измѣняя своихъ старыхъ видовъ на Италію, задумалъ подставить тамъ члена своей фамиліи, чтобы исполнять тѣ же планы, но не такъ устрашать иностранныя державы, выставляя передъ ними это мнимое отдѣленіе Франціи отъ Италіи. Есть основаніе даже полагать, что Іосифъ Бонапартъ колебался принять это новое королевство именно потому, что ему были извѣстны планы брата: его благоразумному и спокойному нраву претила роль простаго болвана и орудія разрушенія.—Итакъ, кажется, ясно, что Бонапартъ намѣренъ устроить опоры для зданія своихъ дальнѣйшихъ предпріятій; и нужно повторять безъ конца, что Италія рѣшительно необходима ему для утвержденія своего могущества во Франціи и для укрѣпленія самыхъ опасныхъ и самыхъ воспламенительныхъ границъ. Вполнѣ округливъ Италію, которую какъ бы сама природа выдѣлила посредствомъ цѣпи горъ и длинной линіи береговъ, онъ хочетъ сдѣлать изъ нея единую и великую державу, которая станетъ для него арсеналомъ и складомъ средствъ нападенія и разрушенія: только двумя путями, черезъ Левантъ и черезъ Тріестъ, намѣренъ онъ повести опасныя наступательныя дѣйствія противъ главныхъ государствъ Европы и довершить разгромъ ея политической системы, подъ которую онъ началъ подкапываться посредствомъ созданія новаго германскаго корпуса.—Тутъ да позволено мнѣ будетъ еще разъ говорить

Bonaparte, qui croit dépasser tous les législateurs et les conquérants connus dans les annales du monde, ne peut être circonscrit dans les bornes de la justice et de la raison. Il a donc profité de la condescendance du cabinet de Pétersbourg pour se créer une réunion de petits princes entièrement à sa dévotion, et en faire des avant-postes pour couvrir ses frontières du Rhin, en se flattant d'amener ensuite ce même cabinet à favoriser ses projets en Italie, par l'appas du démembrement de la Turquie, ou à consolider assez ses forces et sa puissance en Italie pour agir seul et indépendamment des vues quelconques que pourrait adopter la Russie. — Ce n'est que par la marche des petites choses qui tendent au développement d'un grand but, que l'on peut plus particulièrement juger Bonaparte. Il n'est pas nécessaire de rappeler toutes les entreprises de l'adresse, du crime et de l'audace pour personnifier et rendre plus palpable ses projets. On citera seulement la réunion du Piémont, de l'île d'Elbe et la mort du duc de [Parme pour prouver que c'est pour la formation d'une seule puissance en Italie qu'il ne cesse de s'agiter; et si on lui donne le temps d'établir son royaume de Lombardie et d'y réunir les petits accessoires qui peuvent ne pas effaroucher à un certain point les puissances du continent, on le verra entreprendre un jour avec plus d'avantage la conquête du reste de l'Italie et se livrer à toute l'impétuosité de son caractère pour réaliser tôt ou tard

---

посвободнѣе о положеніи дѣлъ: заявляю, что границы справедливости и разума не предписаны для такого нрава, какъ у Бонапарта, который думаетъ, что онъ превосходитъ всѣхъ извѣстныхъ въ лѣтописяхъ міра законодателей и завоевателей. И вотъ онъ воспользовался уступчивостью петербургскаго кабинета, чтобы создать себѣ кругъ совершенно преданныхъ мелкихъ государей и сдѣлать изъ нихъ передовые посты для охраны своихъ рейнскихъ границъ. Затѣмъ онъ надѣется заставить этотъ самый кабинетъ помогать его планамъ въ Италіи, заманивая его раздѣломъ Турціи, или содѣйствовать утвержденію его могущества въ Италіи, такъ чтобы онъ могъ дѣйствовать одинъ и независимо отъ всякихъ видовъ Россіи.—О Бонапартѣ можно судить болѣе обстоятельно, лишь слѣдя за ходомъ мелочей, которыя служатъ къ развитію великой цѣли. Нѣтъ нужды напоминать всѣ мѣры хитрости, преступности и дерзости, чтобы олицетворить и сдѣлать болѣе ощутительными его заслуги. Довольно указать на присоединеніе Пьемонта и о. Эльбы да на смерть герцога парискаго, чтобы видѣть, что онъ не перестаетъ дѣйствовать именно для созданія единой державы въ Италіи. И если дать ему время утвердить свое Ломбардское королевство и присоединить къ нему мелочи, которыя до извѣстной степени могутъ не запугать материковыхъ державъ, то онъ вдругъ приметъ съ бо́льшею выгодой завоеваніе остальной Италіи и отдастся всей

son plan favori sur l'occupation d'une partie de la Turquie. Les français eux mêmes, privés de tout commerce et voyant que l'on respecte l'établissement de leur nouveau souverain, seront portés à aller chercher fortune ailleurs et à se procurer une existence qui commence à leur devenir pénible en France.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 139. Подлинникъ.

№ 10. — Записка Вернега.

Pétersbourg, 9/21 mars 1805.

Les différents gouvernements, qui se sont succédés en France depuis quelques années, ont tous jugé la grande importance de la réunion du royaume de Naples avec leur établissement en Italie, et ils n'ont rien négligé pour mettre le désordre et bouleverser ce beau pays. — Championet, en se gorgeant d'or à Naples, a heureusement oublié la Calabre, ce qui a facilité le mouvement de cette province avec le secour de quelques étrangers, pour reconquérir le royaume de Naples. — Avant et après la guerre du gouvernement français avec le roi des deux Siciles, les ministres les plus ardents et les plus révolutionnaires ont toujours été envoyés pour résider auprès de ce souverain, et le dernier de tous, m. Alquier, a eu ordre de reprendre sous oeuvre les différentes intri-

---

необузданности своего нрава, чтобы рано или поздно осуществить свой любимый замыселъ относительно занятія части Турціи. Сами французы, лишившись всякой торговли и видя, что уважаются установленія ихъ новаго монарха, принуждены будутъ искать гдѣ-нибудь счастья, раздобыть себѣ существованіе, которое становится имъ тяжелымъ во Франціи.

Петербургъ, 9/21 марта 1805.

Разныя правительства, слѣдовавшія одно за другимъ во Франціи въ послѣдніе годы, одинаково считали важнымъ присоединить Неаполитанское королевство къ ихъ итальянскимъ владѣніямъ; и они не щадили ничего, чтобы вносить безпорядокъ въ эту прекрасную страну и мучить ее. — Шампіоне, утопавшій въ золотѣ въ Неаполѣ, къ счастію, позабылъ Калабрію, что̀ и помогло движенію въ этой провинціи къ отвоеванію Неаполитанскаго королевства,—движенію, поддержанному нѣкоторыми иностранцами. — Передъ войной французскаго правительства съ королемъ Обѣихъ Сицилій и послѣ нея самые рьяные и революціонные министры были приставляемы къ этому монарху; и послѣднему изъ нихъ, г-ну Алкье, было приказано возобновить

gues qui pouvaient gagner le peuple, détruire la confiance de toutes les classes de l'état envers leur maître et séparer le plus possible cette cour de l'Angleterre et de la Russie. — Il était fort aisé de deviner le caractère fourbe et dangereux de m. Alquier, on aurait même pu obtenir son rappel dans deux circonstances; mais m. le général Acton a composé avec lui, et on a cru se le rendre favorable par des sacrifices d'argent et des égards, qui n'ont servis qu'à lui donner plus de confiance et de facilité pour arriver à son but. — Ce ministre était trop habile pour ne pas saisir les circonstances qui pouvaient lui être favorables, et il s'est servi de quelques français émigrés, qui avaient l'honneur d'être employés et protégés par la reine, pour se faire instruire de tout ce que cette princesse pouvait laisser percer et être positivement sûr de son éloignement pour le général Acton, qui était devenu une espèce d'aversion.— Cette dernière certitude lui a fait alors resserer ses rapports avec les français émigrés et notamment avec l'abbé de St. Cernin qui conduisait tous les autres, et il s'en est suivi un rapprochement et des conférences très longues de ce ministre avec la reine, dont le résultat a été le renvoi du général Acton et le portefeuille des affaires étrangères donné pendant quelque temps à m. Micherouz, entièrement dévoué aux français. — La reine ne s'était laissée aller à cette espèce de rapprochement avec m. Alquier que pour servir ses propres vues en se débarrassant

---

разныя подпольныя козни, чтобы привлечь народъ, подорвать довѣріе всѣхъ сословій къ ихъ государю и возможно лучше разлучить этотъ дворъ съ Англіей и Россіей. — Очень легко было постигнуть плутоватый и опасный нравъ г-на Алкье; было два случая, когда даже можно было добиться его отозванія. Но генералъ Актонъ пошелъ на сдѣлку съ нимъ: вздумали умилостивить его деньгами и почестями; но онѣ послужили только къ тому, что внушили болѣе довѣрія къ нему и облегчили ему его дѣло. — Этотъ министръ былъ слишкомъ ловокъ, чтобы не воспользоваться благопріятными обстоятельствами: онъ принялъ услуги нѣкоторыхъ французскихъ выходцевъ, которые имѣли честь служить королевѣ и находиться подъ ея покровительствомъ; отъ нихъ-то онъ узналъ все, что обнаруживалось у этой государыни. Онъ положительно удостовѣрился въ ея охлажденіи къ ген. Актону, которое перешло к[illegible]ъ бы въ отвращеніе. — Узнавъ объ этомъ, онъ еще больше сблизился съ ф[illegible]нцузскими выходцами, и именно съ аббатомъ С. Серненомъ, который ру[illegible]одилъ всѣми остальными. Отсюда сближеніе и весьма продолжительныя б[illegible]ды этого министра съ королевой, послѣдствіемъ которыхъ было увольн[illegible]е ген. Актона; а портфель министра иностранныхъ дѣлъ былъ данъ на в[illegible]я г-ну Мишеру, вполнѣ преданному французамъ. — Королева пошла на т[illegible]е сближеніе съ г-мъ Алкье лишь въ собственныхъ видахъ: она надѣялась

avec plus de facilité d'un ancien et principal ministre, qui mettait souvent des entraves à ses projets. Elle a cru même achever de gagner entièrement m. Alquier, en donnant de plus une marque de déférence au gouvernement français; mais on est très porté à croire malheureusement que m. Alquier a su lui seul tirer tout l'avantage de cette petite intrigue, en pénétrant dans l'intérieur de la reine, en devinant ses secrets et en se ménageant de nouvelles ressources et données pour les évènements ultérieurs qui doivent avoir lieu, selon la marche et les projets du gouvernement français. — Si la cour de Naples ne met pas de l'ordre dans ses finances et si elle néglige un instant ses moyens de défense et surtout d'entretenir les préparatifs secrets qui ont lieu en Calabre, en flattant toujours plus les bonnes dispositions de cette population, elle sera, tôt ou tard, la victime du premier mouvement de l'armée de St. Cyr, quoique ce général n'offre pas à beaucoup près les inconvénients de m. Alquier. — Il faut dire aussi que les efforts des calabrais ne paraissent vraiment dangereux aux français que par la crainte qu'ils ont, que les troupes russes, qui sont à Corfou, ne viennent promptement à leur secours; ils jugent avec raison, que la Calabre et presque toutes les autres provinces du royaume de Naples seraient tellement électrisées par l'apparition des russes, que l'armée de St. Cyr ne serait pas de force pour résister à ce mouvement général, et le mauvais effet

---

легче отдѣлаться отъ давнишняго и главнаго министра, который часто препятствовалъ ея планамъ. Она думала даже окончательно овладѣть г-мъ Алкье, не разъ выказавъ уступчивость по отношенію къ французскому правительству; къ несчастью, многіе увѣрены, что г. Алкье сумѣлъ одинъ воспользоваться выгодами этой интрижки, проникнувъ въ душу королевы, открывъ ея тайны, заручившись новыми средствами и данными для дальнѣйшихъ событій, которыя должны послѣдовать, судя по ходу дѣлъ и по замысламъ французскаго правительства.—Если неаполитанскій дворъ не поправитъ своей казны, если онъ хоть на мгновеніе пренебрежетъ средствами защиты, въ особенности же тайными приготовленіями, совершающимися въ Калабріи, если онъ перестанетъ поддерживать благорасположеніе этого населенія, то рано или поздно онъ станетъ жертвой перваго движенія арміи С. Сира, хотя этотъ генералъ и не представляетъ такихъ неудобствъ, какъ г. Алкье.—Нужно сказать также, что, кажется, усилія калабрійцевъ опасны французамъ только по тому страху, который внушаетъ имъ мысль о быстромъ появленіи, на помощь первымъ, русскихъ войскъ, стоящихъ въ Корфу: они справедливо думаютъ, что Калабрія, а также и почти всѣ другія провинціи Неаполитанскаго королевства, были бы до того возбуждены появленіемъ русскихъ, что армія С. Сира не устояла бы противъ этого общаго движенія; а въ столь видномъ предпріятіи дурное

d'une première déroute dans une entreprise aussi marquante pourrait avoir les plus grandes conséquences et influer sur le reste de l'Italie.— On peut ajouter encore avec vérité, que les nouvelles troupes, qui ont été formées à Naples depuis sa délivrance, offrent une meilleure discipline et plus de choix dans la composition des officiers et des soldats.— Les napolitains ne se sont assez bien battus dans deux circonstances que sous les ordres du St. Roger de Damas, et ils se croient presque invincibles avec lui; ce qui doit faire espérer qu'on peut en tirer parti, au moins pour une guerre défensive avec l'avantage du nombre, qui sera toujours en proportion supérieure à celui des français. — Enfin, on a tout lieu de croire que si la cour de Naples est assez éclairée pour donner toute sa confiance au cabinet de Pétersbourg, suivre ses conseils et obtenir son appui, ses propres forces réunies à des troupes russes, peuvent défendre avec tout succès son indépendance et contribuer même à une guerre offensive dans le cas que les circonstances nécessitent une grande entreprise contre les prétentions exagérées du gouvernement français. — Il serait superflu d'ajouter, que les positions et l'existence du royaume de Naples sont d'un grand avantage pour laisser consolider les établissements de la cour de Russie à Corfou et dans les échelles du Levant.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 139. Подлинникъ.

впечатлѣніе первой неудачи можетъ имѣть громадныя послѣдствія и повліять на остальную Италію.—Можно еще прибавить съ достовѣрностью, что новыя войска, составленныя въ Неаполѣ послѣ его освобожденія, отличаются лучшею дисциплиной и лучшимъ выборомъ офицеровъ и солдатъ. — Неаполитанцы дрались два раза довольно хорошо только подъ начальствомъ С. Роже де-Дама; и при немъ они считаютъ себя почти непобѣдимыми. Можно надѣяться, что этимъ воспользуются по крайней мѣрѣ въ войнѣ оборонительной, при численномъ превосходствѣ войска, которое всегда будетъ на сторонѣ неаполитанцевъ. — Наконецъ все заставляетъ думать, что если неаполитанскій дворъ будетъ такъ уменъ, что вполнѣ довѣрится петербургскому кабинету, послѣдуетъ его совѣтамъ и пріобрѣтетъ его поддержку, то его собственныя силы, въ соединеніи съ русскими войсками, могутъ съ полнымъ успѣхомъ защищать его независимость и даже содѣйствовать наступательной войнѣ, если бы обстоятельства потребовали крупнаго предпріятія противъ крайнихъ притязаній французскаго правительства.—Излишне прибавлять, что положеніе и существованіе Неаполитанскаго королевства весьма важны для утвержденія господства русскаго двора въ Корфу и въ портахъ Востока.

№ 11.—Записка Вернега.

Pétersbourg, 10/22 mars 1805.

La chose, qui doit le plus fixer les idées sur l'opinion que l'on peut avoir de la France, de sa révolution et des suites qu'elle peut encore avoir, c'est la facilité qu'aurait eu un seul homme de rappeler le souverain légitime sans secousse violente, si son indécision et le peu d'élévation et d'énergie de son âme n'avait pas fait disparaître ce beau rêve pour le repos de l'Europe et le bonheur de l'humanité.—On juge que c'est du général Moreau que je veux parler, vers lequel toute la France, à l'exception de quelques scélérats et du petit cercle de gens qui courent la fortune de Bonaparte, adressaient leurs voeux et leurs bras comme au restaurateur de la véritable monarchie, par l'idée que l'on s'était formé de sa conduite, de sa moralité et de son désintéressement. Au Temple même et à la Conciergerie les troupes et un parti prononcé dans le sénat lui ont offert de briser ses chaînes et de seconder ses projets, s'il voulait en prendre la tâche: il a tout refusé et a composé seulement pour sa vie, que Bonaparte voulait avoir à tout prix et qu'il a enfin été forcé de lui céder pour sa propre sûreté.— Il faudrait des articles séparés pour expliquer et l'assassinat de Pichegru, et ce qui a conservé la vie à Maureau; mais comme il ne sera question

---

Петербургъ, 10/22 марта 1805.

Есть обстоятельство, которое должно обратить на себя особое вниманіе того, кто хочетъ понять Францію, ея революцію и послѣдствія, которыя еще могутъ проистечь изъ послѣдней: это—легкость, съ которою одинъ человѣкъ могъ бы призвать законнаго монарха безъ насильственнаго потрясенія, еслибы не его нерѣшительность, вялость, малодушіе, при которыхъ исчезла эта прелестная мечта о спокойствіи Европы и о счастьѣ человѣчества.—Понятно, что я хочу говорить о генералѣ Моро. Въ силу господствовавшаго мнѣнія объ его поведеніи, нравственности и безкорыстіи, всѣ французы, за исключеніемъ нѣсколькихъ злодѣевъ, да кружка прихвостней Бонапарта, протягивали къ нему руки, обращались къ нему съ пожеланіями, какъ къ возстановителю истинной монархіи. Даже въ Тамплѣ и Консьержери войска и рѣшительная часть сената предлагали ему разбить его цѣпи и содѣйствовать его замысламъ, если онъ желаетъ взяться за ихъ исполненіе; но онъ отвергъ все и отстаивалъ только свою жизнь, которой жаждалъ Бонапартъ, но принужденъ былъ уступить ему ради собственной безопасности.—Нужно бы написать отдѣльныя

dans cette note que de l'opinion et du véritable esprit de la France, je vais reprendre mon sujet, en versant sur Moreau le mépris qu'il mérite et qui lui est généralement prodigué en France.—On aura donc la complaisance d'observer, qu'il ne faut qu'inspirer de la confiance aux français pour les diriger vers le bien, et il est plus que palpable que l'enthousiasme de l'armée et de la nation pour Moreau portait principalement sur ce qu'on lui supposait l'intentiou de rétablir le souverain légitime. Il est depuis longtemps dans la bouche de la grande majorité des français que la monarchie est le seul gouvernement qui convienne à la France. On aimait à se flatter, et l'astucieuse politique de Bonaparte portait à le croire, qu'il rappellerait un jour les princes de la maison de Bourbon, et ce n'est que lorsqu'on a enfin désespéré de cet espoir flatteur, que tous les regards se sont tournés vers Moreau, comme celui que l'on pouvait opposer avec succès à Bonaparte. — Je dois cependant dire franchement ici, qu'un assez grand nombre de français, parmi ceux qui désiraient la monarchie, auraient peut-être en dernière analyse excusé l'ambition personnelle de Bonaparte en faveur de ce qu'il avait déjà fait et de la sorte de magie de sa fortune; et j'ai vu de ses plus chauds partisans me dire, que l'on n'aurait pas interrompu le cours de sa carrière avec les espérances que pouvaient encore promettre son génie. Mais le jour où Bonaparte s'est souillé gratuitement du meurtre

---

статьи, чтобы объяснить и убійство Пишегрю, и то, какъ уцѣлѣла жизнь Моро. Но въ этой запискѣ рѣчь идетъ только о мнѣніи и истинномъ настроеніи Франціи,—и я возвращаюсь къ моему предмету, оставляя Моро съ презрѣніемъ, котораго онъ заслужилъ и которымъ его вообще осыпаютъ во Франціи.—Итакъ, да соблаговолятъ замѣтить, что стоитъ только внушить довѣріе французамъ—и тогда вести ихъ къ добру; и болѣе чѣмъ очевидно, что армія и народъ восторгались Моро главнымъ образомъ потому, что предполагали въ немъ намѣреніе возстановить законнаго государя. Уже давно французы въ большинствѣ говорятъ, что монархія—единственное правительство, подходящее къ Франціи. Льстили себя надеждой—и коварная политика Бонапарта поддерживала эту надежду—что онъ призоветъ-таки принцевъ Бурбонскаго дома, и вотъ, когда отчаялись въ этой лестной надеждѣ, тогда-то взоры всѣхъ обра[illegible]чись къ Моро, какъ къ человѣку, котораго можно было съ успѣхомъ противо[illegible]ставить Бонапарту.—Впрочемъ я долженъ сказать здѣсь откровенно, что [illegible]ольно значительное число французовъ, изъ желающихъ монархіи, въ концѣ[illegible]щовъ простили бы, пожалуй, Бонапарту его личное честолюбіе въ виду [illegible]сдѣланнаго имъ и въ силу какого-то волшебства его судьбы; и самые [illegible]чіе его приверженцы говорили мнѣ, что не прерывали бы его поприща [illegible]тѣхъ надеждахъ, которыя могъ еще подавать его геній. Но съ того дня,

atroce de m. le duc d'Enghien, ces mêmes partisans l'ont voué à l'exécration et m'ont assuré que la nation, justement indignée de ce crime et frémissant d'être gouvernée par un pareil monstre, a senti alors tout le poid de ses chaînes et a jugé malheureusement que le seul parti à prendre était de temporiser et d'attendre tout des circonstances et du caractère même de Bonaparte. D'ailleurs où trouver dans le moment, m'ajoutaient-ils, un homme, qui réunisse tout ce que Moreau avait accumulé sur sa tête. On cite bien quelques généraux et personnes marquantes, dans la supposition que l'intérieur puisse agir seul sur lui-même, mais elles ne peuvent prendre véritablement un effort décisif, que lorsque Bonaparte sera en butte à une guerre continentale; encore faut-il pour cela que cette guerre rassure la nation dans ses motifs et lui inspire une confiance entière; car autrement nous en serons encore à tout ce qui a fait les malheurs de la coalition, et on est toujours bien éloigné de croire en France que les étrangers veulent sérieusement aider à rétablir l'autorité légitime et ne plus se flatter de quelque démembrement. — Au surplus tout ce que je trace ici n'étant que le langage de la vérité, d'après les anciennes et nouvelles observations que j'ai pu faire, je ne dois pas taire en même temps que la Russie seule peut inspirer une véritable et positive confiance à la France; je dois même ajouter que la modération et la loyauté reconnues de son auguste

---

когда Бонапартъ даромъ запятналъ себя гнуснымъ убійствомъ герцога Ангьенскаго, эти самые приверженцы прокляли его, и они увѣряли меня, что народъ, справедливо негодуя на это преступленіе и дрожа отъ досады, что имъ управляетъ такое чудовище, почувствовалъ тогда всю тяжесть своихъ цѣпей, но, къ несчастью, рѣшилъ, что остается одно средство—терпѣть и ожидать всего отъ обстоятельствъ да отъ самого нрава Бонапарта. Впрочемъ, прибавляли они, гдѣ теперь найти человѣка, который, подобно Моро, соединялъ бы въ себѣ все? Правда, называютъ нѣкоторыхъ генераловъ и видныхъ лицъ, при предположеніи, что дѣло устроится внутренними средствами, но, сказать правду, эти лица могутъ взяться за рѣшительныя дѣйствія только въ ту минуту, когда Бонапартъ будетъ вовлеченъ въ материковую войну. Да еще нужно, чтобы побужденія этой войны не были подозрительны для народа и внушали бы ему полное довѣріе: иначе насъ опять постигнутъ всѣ бѣдствія коалиціи; и во Франціи никогда не повѣрятъ, чтобы иностранцы серьезно желали помочь возстановленію законной власти и не льстили себя надеждой на какой-нибудь раздѣлъ.—Сверхъ того, такъ какъ все, что ни говорю я здѣсь, правда, согласно съ моими прежними и новыми наблюденіями, то я не долженъ также умалчивать, что одна Россія можетъ внушить Франціи истинное и положительное довѣріе. Я долженъ даже прибавить, что скромность и чест-

souverain donneront un grand poid à cette confiance, et je ne vois aucune défence utile et aucune entreprise fructueuse contre la France, à moins que la cour de Russie n'en règle, pour ainsi dire, la marche et les conditions. — J'ai demandé ensuite à ces mêmes personnes qui par leur influence et leurs occupations peuvent préjuger de l'avenir des choses et connaître le véritable esprit des différentes classes de l'état, quelle serait la destinée de la France, si le peu d'accord et d'ensemble des puissances étrangères ne permettait pas d'espérer une réunion d'effort contre l'usurpation de Bonaparte. A cela ils ont répondu, que la détresse des finances que Bonaparte ne peut plus remettre dans la véritable proportion des ressources de la France par les folles prodigalités qui ont servies à son élévation et qui doivent la soutenir, amènera tôt ou tard une dislocation générale; et que ceux qui cherchent le plus à le modérer, seront forcés de le jeter dans les entreprises extérieures pour occuper la nation et faire diversion à son mécontentement; et que les étrangers verront enfin la nécessité d'une réunion franche et loyale pour couper dans sa racine le germe de la désolation générale, et qu'alors ils auront vraisemblablement le bon esprit de distinguer de la nation française la personne de son usurpateur, en lui déclarant nommément la guerre et en offrant la paix à la France, ce qui soulèvera nécessaire-

---

ность, признанныя за ея августѣйшимъ государемъ, придадутъ много вѣса этому довѣрію; и по мнѣ никакая защита или предпріятіе противъ Франціи не были бы полезною или плодотворною, еслибы Россія, такъ сказать, не руководила ихъ ходомъ и условіями.—Затѣмъ я спрашивалъ этихъ самыхъ господъ, которые могутъ, по своему вліянію и занятіямъ, предвидѣть будущее и знать истинный духъ различныхъ сословій, что́ было бы съ Франціей, еслибы, при маломъ согласіи и единствѣ между иностранными державами, было мало надежды на общія усилія противъ похищенія власти Бонапартомъ? Они отвѣчали, что казна совсѣмъ разстроена, благодаря безумной расточительности, къ которой прибѣгалъ Бонапартъ, какъ для своего возвышенія, такъ и для поддержанія своей власти: онъ уже не можетъ привести ее въ соотвѣтствіе съ доходами Франціи. А это обстоятельство рано или поздно приведетъ къ общему разстройству. Еще отвѣчали мнѣ, что тѣ, которые особенно стараются ержива́ть его, будутъ принуждены толкнуть его во внѣшнее предпріятіе, бы занять народъ и отвлечь его недовольство; а иностранцы увидятъ наецъ, какъ необходимо соединиться искренно и честно, чтобы въ корнѣ чтожить общее разореніе; и тогда они, вѣроятно, сумѣютъ отвлечь франзкій народъ отъ личности его похитителя власти, объявивъ войну этому нѣднему и предложивъ миръ Франціи; а это неизбѣжно подыметъ все внутри

ment l'intérieur, qui pourra se faire justice lui même de celui qui prolonge ses maux.—C'est du moins vers cette espérance que se porte le voeu général en France, et Bonaparte ne fait pas un pas qu'il ne confirme l'aversion qu'il inspire, soit par l'excessive arrogance de sa conduite publique et privée, soit par tout ce que l'égoïsme peut avoir de plus révoltant pour lui et les siens, soit enfin par tout ce qui caractérise un vrai tyran par ses emportements, sa cruauté et ses artifices.—J'ai vu moi-même ce que souffre la France par la privation totale de son commerce, par la charge énorme de ses impots et par l'extrême rareté de numéraire. Bonaparte aurait déjà établi un nouveau papier monnaie, s'il n'avait pas craint un bouleversement général par la certitude que l'on a de l'abus qu'il pourrait en faire. Enfin, je n'ai vu à Paris et sur une surface de plus de cent lieues du territoire français qu'un esprit de méfiance, d'accablement ou d'exécration contre celui que l'on proclame au-dehors comme le régénérateur de la puissance, du bonheur et de la prétendue gloire de la France.—Il n'y a pas de doute que l'apparition sur les côtés du sud ou de l'ouest de la France d'un seul corps de troupes, appartenant à une puissance qui inspirerait confiance, aurait pu et pourrait encore, dans telles circonstances qui peuvent se présenter, suffire au rétablissement de l'ordre parmi les français; mais il faudrait que cet effort extérieur put correspondre à point nommé

страны, которая сможетъ сама раздѣлаться съ своимъ мучителемъ.—По крайней мѣрѣ къ этой надеждѣ склоняются всеобщія желанія во Франціи; а каждый шагъ Бонапарта усиливаетъ отвращеніе, которое онъ внушаетъ то крайнимъ высокомѣріемъ въ своей частной и государственной жизни, то проявленіями самаго возмутительнаго себялюбія, то наконецъ гнѣвливостью, жестокостью и коварствомъ, т.-е. чертами истиннаго тирана.—Я самъ видѣлъ, какъ страдаетъ Франція отъ полнаго упадка своей торговли, отъ громадной тяжести налоговъ и отъ крайняго недостатка монетъ. Бонапартъ уже ввелъ бы новыя ассигнаціи, еслибъ не боялся всеобщаго разстройства, такъ какъ всѣ увѣрены въ злоупотребленіяхъ, которыя онъ могъ бы допустить тутъ. Наконецъ ни въ Парижѣ, ни на сто льё слишкомъ отъ него, я не видѣлъ ничего, кромѣ недовѣрія, удрученнаго состоянія или проклятій относительно того, котораго прославляютъ внѣ страны возстановителемъ могущества, благосостоянія и минмой славы Франціи.—Конечно, одно появленіе на южныхъ или западныхъ берегахъ Франціи корпуса войскъ, принадлежащихъ державѣ, внушающей довѣріе, могло бы и можетъ еще, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, водворить порядокъ между французами; но нужно, чтобы въ данной точкѣ это внѣшнее усиліе соотвѣтствовало благопріятнымъ обстоятельствамъ внутри страны. Но много условій можетъ замедлить ихъ дѣйствіе или сбить его съ пути; поэтому

aux évènements favorables de l'intérieur, et il y a trop de chances à courir qui pourraient en retarder ou en détourner les effets; ainsi il serait bien plus à désirer qu'un commun accord parmi les principales puissances de l'Europe pût en assurer efficacement le succès. — Les observations, que j'ai pu faire, m'ont aussi fait apercevoir celles qui font craindre, que le temps qui consolide souvent les évènements et les choses les plus absurdes, ne finisse en France par y produire le même effet. Les français le mieux pensants, désespérant d'intéresser selon leur sens les puissances étrangères et frémissant des horreurs d'une nouvelle guerre civile et de la part active et intéressée que peuvent y prendre leurs voisins, se laisseront aller au torrent, comme les autres, et les principes achèveront de se dénaturer, sans changer le caractère national, qui est celui de l'inquiétude, de la guerre, de l'avidité et de la plus folle présomption sur leur prétendue supériorité. — J'osais donc penser, en sortant de France, que le service que je pouvais rendre à la puissance qui avait daigné s'intéresser à mon sort, était de me tenir à une certaine portée pour continuer mes observations et les nouveaux rapports, que j'avais arrêtés avec différentes personnes à Paris. C'est ce qui m'a fait hésiter un moment de me fixer à Vienne pour attendre surtout un homme intéressant qui devait être le porteur de nouveaux éclaircissements que l'on n'a pu me transmettre à Paris par l'état de surveillance où j'étais. — Enfin, je terminerai cet exposé en ne cachant pas que les

---

болѣе желательно, чтобы успѣхъ былъ дѣйствительно обезпеченъ общимъ согласіемъ между главными державами Европы.—Среди моихъ наблюденій есть и такія, которыя заставляютъ опасаться, какъ бы время, которое часто устраиваетъ самыя нелѣпыя событія и вещи, не привело къ тому же и во Франціи. Пожалуй, лучшіе умы Франціи, отчаявшись въ участіи по ихъ желанію иностранныхъ державъ и ужасаясь при мысли о новомъ междоусобіи и о дѣятельномъ и корыстномъ участіи въ немъ сосѣдей, пойдутъ по теченію вмѣстѣ съ другими; и кончится тѣмъ, что убѣжденія исказятся, а народный нравъ останется прежнимъ, т.-е. безпокойнымъ, воинственнымъ, жаднымъ, до безумія увлеченнымъ своимъ мнимымъ превосходствомъ.—Итакъ, выѣзжая изъ Франціи, я смѣлъ думать, что могъ бы оказать такую услугу державѣ, которая заговолила принять участіе въ моей судьбѣ: держаться на извѣстномъ разстояніи, такъ чтобы продолжать мои наблюденія и новыя сношенія, заведенныя мною съ различными лицами въ Парижѣ. Вотъ отчего я думалъ одно время остановиться въ Вѣнѣ, особенно чтобы держаться любопытнаго человѣка, который долженъ былъ доставить новыя свѣдѣнія, не дошедшія до меня въ Парижѣ, вслѣдствіе моего поднадзорнаго положенія.—Въ заключеніе скажу, что силы Франціи доходятъ до 7 или 8 сотъ тысячъ человѣкъ, гото-

forces de la France peuvent s'élever de 7 à 8 cent milles hommes, prêts à marcher ou disponibles dans un espace de temps plus ou moins considérable. Il faut dire aussi que les deux grands tiers de ces forces ne suivent leurs drapeaux que par la violence et le désespoir dans le coeur. On peut assurer, que depuis le soldat jusqu'au capitaine tous, à peu près, n'hésiteraient pas de secouer le joug qui les opprime, s'ils en trouvaient l'occasion, la conscription enlevant indistinctement tout ce qui est riche et propriétaire, et depuis le caporal jusqu'au général le grand nombre aimerait bien mieux être assuré du choix du souverain légitime que de celui de l'usurpateur.—Quant aux finances, le gouvernement en était à mon départ de Paris au 15-e mois d'anticipation sur les revenus de l'état et aux expédients et ressources les plus onéreuses pour avoir de l'argent, malgré tout ce que Bonaparte ne cesse de pomper dans les pays qui sont soumis à sa puissance et qu'il maîtrise par ses menaces et la terreur de ses moindres volontés.—Si on juge nécessaire d'avoir quelques autres éclaircissements sur des points particuliers, j'ose assurer que je serai de la plus grande impartialité sur tout ce que je pourrai avancer.—Je conserverai pour la maison de Bourbon le respect et la reconnaissance d'un ancien et zélé serviteur, mais ma qualité de russe me fait actuellement un devoir de ne considérer que les intérêts de la puissance à laquelle j'ai l'honneur d'appartenir.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 137. Подлинникъ.

выхъ двинуться или готовыхъ къ дѣлу въ болѣе или менѣе значительный срокъ. Нужно сказать также, что добрыя двѣ трети этихъ силъ идутъ за своими знаменами лишь по насилію и съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Можно быть увѣреннымъ, что почти всѣ, отъ солдата до капитана, не задумались бы сбросить угнетающее ихъ иго, еслибы представился случай: наборъ безразлично хватаетъ всякаго богача и собственника; и бо́льшая часть войска, отъ капрала до генерала, желала бы имѣть надъ собою законнаго монарха, а не похитителя престола.—Что касается казны, то при моемъ отъѣздѣ изъ Парижа правительство забрало государственные доходы впередъ уже за 15 мѣсяцевъ и прибѣгало къ самымъ обременительнымъ средствамъ для добыванія денегъ: это не смотря на все, что́ Бонапартъ непрестанно вытягиваетъ изъ подчиненныхъ ему странъ, которыя онъ держитъ въ рукахъ угрозами и страхомъ своей малѣйшей воли.—Если признается нужнымъ получить еще другія объясненія по особымъ вопросамъ, то смѣю увѣрить, что величайшее безпристрастіе будетъ руководить мною при всѣхъ моихъ заявленіяхъ.—Относительно Бурбонскаго дома я сохраню уваженіе и признательность давнишняго и ревностнаго слуги; но въ качествѣ русскаго я долженъ теперь имѣть въ виду лишь выгоды державы, которой имѣю честь принадлежать.

№ 12. — Записка Вернега.

Pétersbourg, 10/22 mars 1805.

Le m. du Vernègues est sorti de France en 1789; il a été pendant deux ans à Nice chargé du travail des provinces du sud de la France. Il fut ensuite faire la première campagne au corps de Condé, après laquelle m. le régent l'envoya à Gènes pour y continuer les intelligences et les rapports avec le midi de la France et y prendre le caractère d'envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire au moment où il serait reconnu par les puissances coalisées. — Après avoir été attaché deux ans à la légation d'Espagne à Gènes, le m. du Vernègues passa, à l'époque où cette puissance fit sa paix, à la légation de Russie dans cette même ville de Gènes par ordre de feu S. M. l'I-ce Catherine II, qui daigna lui accorder une pension de 150 ducats d'Hollande dont il a l'honneur de jouir jusqu'à présent. Il ose assurer que depuis son admission à une légation russe il n'a cessé de servir cette puissance, comme s'il en avait été le sujet, et il peut se flatter du bon témoignage que pourrait en rendre m. le ch-r de Lizakevicz. — La légation de ce ministre ayant été supprimée à la révolution de Gènes, le m. du Vernègues reçut l'ordre de feu S. M. l'E-r Paul I de se rendre en Russie; mais ayant pris la liberté de faire des représentations à ce souverain

---

Петербургъ, 10/22 марта 1805.

Г. Вернегъ покинулъ Францію въ 1789 г.; два года онъ пробылъ въ Ниццѣ, занимаясь дѣлами южныхъ провинцій Франціи. Затѣмъ онъ сдѣлалъ первый походъ въ корпусѣ Кондэ, послѣ котораго регентъ отправилъ его въ Генуэ, чтобы продолжать тамъ сношенія и связи съ южною Франціей и принять званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, какъ только онъ будетъ признанъ коалиціонными державами. — Г. Вернегъ былъ два года причисленъ къ испанскому посольству въ Генуѣ; а когда эта держава замирилась, онъ перешелъ въ русское посольство въ томъ же городѣ Генуѣ, по приказу покойной и-цы Екатерины II, удостоившей его пенсіи въ 150 голландскихъ дукатовъ, которою онъ имѣетъ честь пользоваться понынѣ. Онъ ѣетъ увѣрить, что съ самаго поступленія въ русское посольство онъ не реставалъ служить этой державѣ все равно, какъ еслибъ былъ ея подданъ, и онъ можетъ льстить себя надеждой на хорошее свидѣтельство со роны г. кавалера Лизакевича. — Когда, вслѣдствіе революціи въ Генуѣ, ское посольство этого министра было отмѣнено, г. Вернегъ получилъ приъ покойнаго и-ра Павла I отправляться въ Россію. Но онъ осмѣлился за-

sur l'utilité dont il pouvait être au roi en Italie et sur le zèle qu'il ne cesserait d'employer pour les intérêts de la cour de Russie, il obtint la permission de rester en Italie et put, peu de temps après, continuer ses occupation auprès de m. le ch-r d'Italinsky à Naples. Ce ministre, lui ayant accordé son amitié et sa confiance, voulut bien demander l'agrément de s'en faire accompagner à Constantinople pour le fixer à sa nouvelle légation; mais le ch-r du Vernègues, se trouvant alors assez malade aux Bains de Lucques, fut forcé de renoncer au plaisir qu'il aurait eu de rejoindre m. le ch-r d'Italinsky, et à l'espérance de travailler avec plus de fruit à une mission dont il connaissait toute l'importance. Il a depuis toujours été en Italie, en se flattant de l'espoir d'y être employé jusqu'au moment où il a été arrêté. — Le ch-r du Vernègues prend la liberté d'observer qu'il a quitté le service militaire avec le rang de colonel pour passer, il y a 13 ans, au corps diplomatique en qualité de ministre plénipotentiaire. Ses papiers, étant en Italie dans des mains sûres, il ne peut pas donner la preuve matérielle de ce qu'il a l'honneur d'avancer; mais à son passage à Mittau le roi a eu la bonté de lui dire, qu'il était prêt de certifier lui-même des deux titres et qualités que le ch-r du Vernègues a eu l'honneur d'avoir à son service.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 137. Подинникъ.

явить этому монарху о пользѣ, которую могъ принести королю въ Италіи, и объ усердіи, съ которымъ онъ не переставалъ бы служить выгодамъ русскаго двора: ему разрѣшили оставаться въ Италіи; немного времени спустя, онъ продолжалъ свои занятія при г. кавалерѣ Италинскомъ въ Неаполѣ. Этотъ министръ, удостоившій его своей дружбы и довѣрія, соблаговолилъ просить позволенія взять его съ собой въ Константинополь, чтобы помѣстить его въ свое новое посольство; но кавалеръ Вернегъ, находившійся тогда въ довольно болѣзненномъ состояніи на водахъ въ Луккѣ, принужденъ былъ отказаться отъ удовольствія снова присоединиться къ г. кавалеру Италинскому и отъ надежды болѣе плодотворно работать въ посольствѣ, все значеніе котораго было извѣстно ему. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно находился въ Италіи, надѣясь состоять тамъ на службѣ, покуда не былъ арестованъ.—Кавалеръ Вернегъ беретъ на себя смѣлость замѣтить, что, 13 лѣтъ тому назадъ, онъ оставилъ военную службу съ чиномъ полковника, чтобы поступить въ дипломатическій корпусъ въ качествѣ полномочнаго министра. Онъ не можетъ положительно доказать это, такъ какъ его бумаги находятся въ Италіи въ вѣрныхъ рукахъ; но король, проѣздомъ черезъ Митаву, соблаговолилъ сказать ему, что онъ готовъ самъ удостовѣрить оба чина и званія, которые кавалеръ Вернегъ имѣлъ честь носить на его службѣ.

№ 13. — Донесеніе Вернега.

Pétersbourg, 16/28 mars 1805.

Avant de passer aux détails qui concernent mon arrestation, je dois certifier sur mon honneur que j'ai cessé tout rapport, toute intelligence avec l'intérieur de la France à l'époque de la paix de la Russie. J'ai seulement conservé la gestion de quelques intérêts particuliers à m. le comte de Lille et à m. le duc de Berry. C'est pour avoir suivi à Naples le recouvrement d'une pension qui avait été promise à ce dernier prince, que je commençais à être inquiété par m. Alquier. Cet ambassadeur voulait d'ailleurs m'éloigner du théâtre de ses opérations, qui tendaient toutes à détacher la cour de Naples de ses véritables alliés. Je quittai donc cette ville pour éviter à la cour même les tracasseries de m. Alquier et je fus m'établir à Rome, où je vivais dans une parfaite retraite en attendant l'instant d'être de nouveau employé par la puissance qui daignait me protéger. — Trois mois après mon arrivée à Rome, je fus averti, que j'étais de nouveau menacé par les ministres français en Italie. Je n'aurai pour lors hésité d'en partir sur-le-champ, si je n'avais appris en même temps mon adoption en Russie, cette grâce

---

Петербургъ, 16/28 марта 1805.

Прежде чѣмъ излагать подробности моего ареста, я долженъ ручаться честью, что со времени заключенія мира съ Россіей я прекратилъ всякія сношенія и связи съ Франціей. Я сохранилъ только веденіе нѣкоторыхъ частныхъ дѣлъ графа Лильскаго и герцога Беррійскаго. Г. Алкье началъ безпокоить меня за то, что я ходатайствовалъ въ Неаполѣ о пенсіи, обѣщанной этому послѣднему принцу. Сверхъ того этому посланнику хотѣлось удалить меня съ театра его дѣйствій, клонившихся къ тому, чтобы отвлечь неаполитанскій дворъ отъ его истинныхъ союзниковъ. Я покинулъ этотъ городъ, чтобы избавить самый дворъ отъ непріятностей со стороны г-на Алкье и поселился въ Римѣ, гдѣ жилъ въ полномъ уединеніи, поджидая минуты, когда снова поступлю на службу къ державѣ, которая удостоитъ меня своего покровительства.—Три мѣсяца послѣ моего прибытія въ Римъ меня извѣстили, что я опять угрожаютъ французскіе министры въ Италіи. Тогда я не задумался тотчасъ же уѣхать, еслибы не узналъ тогда же о принятіи меня въ русское подданство,—милость е. и. в-ва, которая обязывала меня дать отчетъ его царенному въ дѣлахъ въ Римѣ, какъ о моемъ поведеніи, такъ и о моихъ

de S. M. I. me faisant un devoir de rendre compte et de ma conduite, et de mes actions à son chargé d'affaires à Rome. J'eus l'honneur de m'adresser à m. le comte Cassini pour prendre ses ordres et lui demander ses conseils en le priant de notifier au gouvernement pontifical que j'étais russe et comme tel sous la protection de sa légation. Quelques jours après m. Cassini voulut bien me dire qu'il en avait prévenu le secrétaire d'état et qu'il me présenterait à ce ministre, ainsi que je lui avais témoigné en avoir le désir. Le jour de Noël 1803 je fus, suivant l'usage, souhaiter les bonnes fêtes à m. Cassini. Je lui parlais encore de mes craintes, des nouveaux avis que je venais de recevoir, sur lesquels ce chargé d'affaires me rassura, en me parlant des démarches qu'il avait déjà faites, et en me laissant entrevoir qu'il serait certainement averti et que je devais être parfaitement tranquille. La nuit du même jour je fus arrêté et conduis au château St.-Ange avec mon domestique. Ma détention y a été très resserée et très sévère, quoiqu'on m'y ait fourni tout ce qui m'était nécessaire,— lorsque j'ai été au moment de voir finir mon argent. Quatre mois et demi après j'ai été enlevé la nuit et remis entre les mains de m. Hédouville, secrétaire de légation du cardinal Fesch, qui m'a conduit avec une forte escorte jusqu'à la frontière de la rep. Italienne, pour me consigner à un officier de cette même république, qui m'a ensuite fait voyager de détachement

---

дѣйствіяхъ. Я имѣлъ честь обратиться къ графу Кассини за приказаніями и за совѣтомъ, прося его увѣдомить папское правительство, что я русскій и нахожусь, въ этомъ качествѣ, подъ покровительствомъ его посольства. Нѣсколько дней спустя, г. Кассини соблаговолилъ сказать мнѣ, что онъ предупредилъ объ этомъ государственнаго секретаря и представитъ меня этому министру, о чемъ я просилъ его. На Рождество 1803 года я былъ, по обычаю, у г. Кассини, чтобы поздравить его съ праздникомъ. Я снова говорилъ ему о моихъ опасеніяхъ и о вновь полученныхъ мною предостереженіяхъ. Этотъ повѣренный въ дѣлахъ успокоилъ меня, сказавъ о принятыхъ имъ мѣрахъ и давъ мнѣ понять, что, конечно, его предувѣдомятъ и что я долженъ быть совершенно покоенъ. Ночью того же дня я былъ арестованъ и отведенъ въ замокъ св. Ангела вмѣстѣ съ моимъ слугой. Мое заключеніе тамъ было весьма тѣсное и суровое, хотя меня снабдили всѣмъ необходимымъ, когда у меня изсякли всѣ деньги. Четыре съ половиной мѣсяца спустя, меня взяли ночью и передали въ руки г. Эдувилю, секретарю посольства кардинала Феша; а тотъ отвелъ меня, подъ сильной стражей, до границы Итальянской республики, гдѣ сдалъ одному офицеру этой же республики, который потомъ препроводилъ меня, отъ отряда къ отряду, до Турина, гдѣ меня посадили въ крѣпость. Въ тотъ же день перевели меня въ другую тюрьму города, гдѣ,

en détachement jusqu'à Turin, où j'ai été enfermé dans la citadelle. Le même jour j'ai été transféré dans une autre prison de la ville, où je devais être jugé selon toutes les apparences; mais le lendemain on m'a reconduit à la citadelle, et j'y suis resté 25 jours, jusqu'au moment où l'ordre est arrivé de me faire partir pour Paris, une chaîne au pieds et avec une escorte de gendarmerie. J'ai cependant été placé dans une assez bonne voiture de poste, et toute la dépense de ma route a été payée. — C'est de Turin où j'ai cru que je serai jugé ou oublié, que j'ai pensé devoire écrire à Bonaparte qui était alors 1-r consul, dans des termes, j'ose dire, convenables à mes principes. Je lui rappelais, qu'il devait savoir mieux que personne, que ma conduite avait toujours été franche et loyale sur les moyens qui devaient ramener l'ordre en France, et que mes espérances avaient même portée sur lui; qu'il ne devait pas ignorer que j'avais l'honneur d'être attaché depuis longtemps à une puissance, qui avait bien voulu pourvoir à mon existence; et que mon devoir et la plus profonde reconnaissance ne me feraient jamais départir de ma qualité de sujet de S. M. l'E-r de Toutes les Russies. Arrivé au Temple où j'ai été de nouveau mis au secret, on m'a traduit devant m. Desmaret, chef de la police secrète, qui a voulu m'interroger sur mes occupations depuis ma sortie de France. Je n'ai consenti à lui répondre que dans les termes et la mesure d'une simple

---

судя по всему, меня должны были судить; но на другой день меня отвели назадъ въ крѣпость, и я оставался тамъ 25 дней, до тѣхъ поръ, пока не пришелъ приказъ отправить меня въ Парижъ въ кандалахъ и въ сопровожденіи жандармеріи. Впрочемъ меня посадили въ довольно хорошую почтовую карету и во всю дорогу платили за мое содержаніе.—Изъ Турина-то, гдѣ, думалъ я, станутъ судить меня или совсѣмъ забудутъ про меня, я счелъ долгомъ написать Бонапарту, бывшему тогда 1-мъ консуломъ, въ выраженіяхъ, смѣю сказать, соотвѣтствовавшихъ моимъ убѣжденіямъ. Я напомнилъ ему, что онъ долженъ знать лучше всѣхъ, что мое поведеніе всегда было искренно и честно по отношенію къ средствамъ для водворенія порядка во Франціи, и что я даже возлагалъ на него надежды. Я прибавилъ, что ему должно быть извѣстно, что я уже издавна имѣю честь быть привязаннымъ къ державѣ, которой было [illegible] гоугодно снабдить меня средствами, и что долгъ и самая глубокая при[illegible] тельность никогда не позволятъ мнѣ уклониться отъ званія подданнаго [illegible] в. и-ра всероссійскаго. Когда я прибылъ въ Тампль, гдѣ меня снова по[illegible] или въ секретную, меня привели къ г. Демарэ, начальнику тайной поли[illegible] который захотѣлъ спросить меня насчетъ моихъ занятій со времени вы[illegible] а изъ Франціи. Я согласился отвѣчать ему только въ смыслѣ и въ фор[illegible] ъ простого разговора, выставляя ему на видъ, что по закону я не могу

conversation, en lui objectant, que je ne pouvais lui rien dire légalement sans en avoir reçu l'ordre de S. M. l'E-r, mon maître; cette explication ayant paru le satisfaire, j'ai causé avec lui sur ma conduite et mes actions contre la révolution française, ne voulant pas répondre à ses questions sur des renseignements particuliers, qui auraient pu compromettre les choses et les personnes. — Je dois de plus ajouter que, dans mes différentes séances avec m. Desmaret, j'ai été fort recherché sur tout ce qui pouvait concerner la Russie, ses projets et intentions sur la Turquie et sur l'Italie. On peut juger que j'ai dû répondre avec vérité sur cet article, en assurant que je n'avais jamais été honoré de la confiance de cette cour pour suivre ses plans et vues politiques, et que mon seul titre était d'en avoir reçu des bienfaits et d'être devenu un de ses sujets. Enfin, impatienté des continuelles déclamations de m. Desmaret contre la prétendue avidité de la cour de Russie, je ne pus me défendre de lui dire, que le seul bon sens portait à croire, dans la supposition que la Russie fût déterminée à maintenir l'existence et l'intégrité de l'empire Ottoman, qu'elle préférait vraisemblablement d'avoir pour voisins des turcs à des français, et que, si la France par ses forces et sa localité influait sur les pays qui étaient à sa portée, il était permis à la Russie d'en faire autant de son côté. — A la suite de toutes ces conférences et un mois et demi après mon arrivée au Temple,

---

ничего сказать ему, пока не получу о томъ приказаній е. в-ва и-ра, моего государя. Это объясненіе, казалось, удовлетворило его, и я бесѣдовалъ съ нимъ о моемъ поведеніи и о моихъ дѣйствіяхъ противъ французской революціи, не желая отвѣчать на его вопросы о частныхъ свѣдѣніяхъ, которыя могли бы выдать разныя лица и вещи. — Должно еще прибавить, что при всѣхъ нашихъ бесѣдахъ г. Демарэ очень любопытствовалъ насчетъ всего, что могло касаться Россіи, ея плановъ и намѣреній относительно Турціи и Италіи. Понятно, что я долженъ былъ отвѣчать правдиво на эти вопросы, увѣряя, что этотъ дворъ никогда не удостоивалъ меня довѣрія насчетъ своихъ плановъ и политическихъ видовъ, и что тутъ всѣ мои права состояли въ томъ, что я получалъ отъ него милости и сдѣлался однимъ изъ его подданныхъ. Наконецъ мнѣ надоѣли вѣчные крики г-на Демарэ о мнимой жадности русскаго двора, и я не могъ удержаться, чтобы не сказать ему, что если предположить, что Россія рѣшилась сохранить существованіе и неприкосновенность Оттоманской имперіи, то уже здравый смыслъ говоритъ, что ей, очевидно, выгоднѣе имѣть сосѣдями турокъ, чѣмъ французовъ; и если Франція, по своимъ силамъ и по своему географическому положенію, вліяетъ на подходящія страны, то Россіи позволительно дѣлать то же съ своей стороны.—Послѣ всѣхъ этихъ бесѣдъ, полтора мѣсяца спустя послѣ моего прибытія въ Тампль, я былъ вы-

mon secret a été levé et j'ai pu jouir de quelque liberté. Quinze jours après j'ai été de nouveau traduit à la police devant un m. Cheppi, qui me notifia, au nom de m. Fouché, que tout ce que j'avais pu dire jusqu'alors était bien loin de satisfaire le gouvernement, et qu'il avait ordre de m'interroger en bonne et due forme sur mes papiers, qu'il établit en même temps sur une table. Ma première réponse fut négative, en renouvellant que je n'étais comptable de ma conduite qu'à la cour de Russie; mais m. Cheppi m'ayant fait observer que mes papiers renfermant des noms et des signatures, on saurait bien atteindre les personnes qui avaient eu des rapports criminels avec moi, et que mon refus à donner les éclaircissements nécessaires achèverait de les compromettre; j'avoue que cette objection me fit la plus vive impression par la crainte de voir poursuivre des malheureux qui étaient en Italie ou que je savais être rentrés en France, et je me déterminai à répondre, en faisant inscrire ma protestation sur ma qualité de sujet de S. M. l'E-r de Toutes les Russies et sur le motif que me portait à donner l'explication de mes lettres. — Tous mes papiers furent donc commentés et discutés avec la plus scrupuleuse attention. Ils prouvèrent que je n'avais aucune intelligence en France; qu'il n'était question que d'un ancien intérêt d'argent pour m. le comte de Lille et d'un plus récent pour m. le duc de Berry, de quelques autres commissions de ce genre

---

пущенъ изъ секретной и могъ пользоваться нѣкоторою свободой. 15 дней спустя, меня снова привели въ полицію, къ г-ну Шеппи, который объявилъ мнѣ именемъ г-на Фушэ, что все, сказанное мною до сихъ поръ, далеко не могло удовлетворить правительство, и что ему приказано спросить меня въ должной формѣ насчетъ моихъ бумагъ, которыя онъ тутъ же выложилъ на столъ. Мой первый отвѣтъ былъ отрицательный: я снова заявилъ, что я отвѣчаю за свое поведеніе только русскому двору. Но г. Шеппи замѣтилъ мнѣ, что въ моихъ бумагахъ есть имена и подписи, по которымъ дойдутъ до лицъ, бывшихъ въ преступныхъ сношеніяхъ со мной, и что мой отказъ въ необходимыхъ объясненіяхъ окончательно выдастъ ихъ. Признаюсь, это возраженіе произвело на меня очень сильное впечатлѣніе: я боялся преслѣдованій тѣхъ несчастныхъ, которые находились въ Италіи или, какъ я зналъ, возвратились въ Францію. Я рѣшился отвѣчать, заставивъ записать мою ссылку на мое званіе подданнаго е. в-ва и-ра всероссійскаго и на побужденіе, заставлявшее меня давать объясненія по моимъ письмамъ. — Итакъ, всѣ мои бумаги были истолковываемы и обсуждены съ самымъ щепетильнымъ вниманіемъ. Онѣ доказали, что у меня не было никакихъ связей во Франціи; что всѣ дѣла сосредоточивались лишь въ старомъ денежномъ счетѣ графа Лильскаго, въ болѣе новомъ счетѣ герцога Беррійскаго и еще въ нѣсколькихъ подобныхъ поруче-

et de plusieurs lettres dont le sens alambiqué me permit d'expliquer comme des plaisenteries de société. Enfin, je refusai de nommer trois personnes, qui n'étaient que désignées, et je fus assez heureux pour prouver que celles qui étaient connues, n'avaient eu que des rapports très indifférents avec moi. Ce ne fut qu'à la fin de la séance que je m'aperçus que mes véritables papiers n'étaient représentés que par des copies, et que la cour de Rome n'avait pas voulu se dessaisir des originaux, ce qu'elle a fait valoir ensuite comme une raison qui devait empêcher mon jugement.— Ramené au Temple, j'y ai encore joui de quelques jours de tranquillité, lorsque le concierge reçut l'ordre de me mettre de nouveau au secret avec encore plus de rigueur par le local où je fus placé. C'est alors que j'ai été plus que jamais tourmenté pour dévoiler les prétendus renseignements que je devais avoir sur la Russie. Il était bien difficile que je pus satisfaire messieurs de la police à ce sujet; aussi deux ou trois lettres que j'écrivis à m. Desmaret ne renfermèrent que mes plaintes sur la cruauté du traitement que j'éprouvais. Mon dernier secret n'a été levé que quelques jours avant l'arrivée du pape à Paris. Sa sainteté, que je savais être très occupée de ma délivrance, en réserva la demande pour le jour même de couronnement, et à l'église de Notre Dame, après avoir sacré Bonaparte, il lui dit, qu'il n'avait qu'une grâce à lui demander et qu'il espérait qu'elle

---

ніяхъ да въ такихъ мудреныхъ письмахъ, что мнѣ можно было объяснить ихъ свѣтскими шуточками. Наконецъ я отказался назвать три лица, на которыхъ лишь глухо указывалось; и я былъ такъ счастливъ, что доказалъ, что лица, которыя были прямо обозначены, имѣли лишь весьма нелюбопытныя сношенія со мной. Уже въ концѣ засѣданія я замѣтилъ, что настоящія мои бумаги находились лишь въ спискахъ: римскій дворъ не уступилъ подлинниковъ, что онъ и выставилъ потомъ, какъ причину, которая должна была помѣшать моему осужденію.—Меня снова отвели въ Тампль. Тамъ я пользовался спокойствіемъ еще нѣсколько дней, какъ вдругъ сторожъ получилъ приказаніе опять посадить меня въ тайникъ, и еще болѣе суровый по своему помѣщенію. Тутъ-то мнѣ надоѣдали больше, чѣмъ когда-либо, требованіями дать какія-то свѣдѣнія о Россіи, якобы имѣвшіяся у меня. Трудненько было удовлетворить съ этой стороны господъ полицейскихъ; и два—три моихъ письма къ г-ну Демарэ были не что иное, какъ мои жалобы на жестокость моего содержанія. Я былъ освобожденъ изъ послѣдняго тайника лишь за нѣсколько дней до пріѣзда папы въ Парижъ. Его святѣйшество, который, какъ я зналъ, былъ очень занятъ моимъ освобожденіемъ, приберегъ просьбу о немъ къ самому дню коронованія: въ соборѣ Богоматери, послѣ помазанія Бонапарта, онъ сказалъ ему, что хочетъ просить его объ одной только милости и что онъ надѣется не получить

ne serait pas refusée, ce moment étant celui du pardon. Bonaparte lui ayant répondu d'une manière favorable, le pape réclama ma liberté, qui fut accordée, — Bonaparte, ajoutant même, que j'étais bien le maître de me fixer en France, si j'en avais l'intention. Un oncle, que j'avais à Paris, ancien évêque en France, et qui a eu la faiblesse d'accepter un nouvel évêché, me fit bientôt parvenir au Temple la nouvelle de mon élargissement; mais Bonaparte, n'ayant plus songé à ce qu'il avais promis, le pape fut obligé de lui en parler une seconde fois; cette nouvelle démarche n'ayant encore rien produit, mon oncle, de concert avec le pape, se fit écrire une lettre par sa sainteté qui annonçait la promesse de Bonaparte, et mon oncle fut avec cette lettre chez m. Fouché, qui sur-le-champ donna l'ordre que les portes du Temple me fussent ouvertes. — Le préfet de Paris, devant lequel je fus obligé de me présenter, me donna seulement trois jours de séjour à Paris, en me prévenant que je serai extrêmement observé, surtout à l'égard des visites que je pourrai faire, et sur la demande que je lui fis de me rendre à Vienne, il m'en fit délivrer le passeport. — Ayant su par mon oncle, que le pape désirai me voir et étant porté moi-même de présenter l'hommage de mon respect et de ma reconnaissance à s. s., je me rendis aux Tuileries. Peu de temps avant d'être introduit chez le pape, un de ses secrétaires intimes m'ayant dit que s. s. me presserait d'écrire à Bona-

---

отказа, такъ какъ то была пора прощенія. Бонапартъ отвѣчалъ ему благопріятно—и папа попросилъ дать мнѣ свободу. Бонапартъ согласился и даже прибавилъ, что въ моей волѣ поселиться во Франціи, еслибы я пожелалъ. У меня былъ дядя въ Парижѣ, старый французскій епископъ, который имѣлъ слабость принять новое епископство: онъ тотчасъ извѣстилъ меня о моемъ освобожденіи. Но Бонапартъ уже не думалъ объ обѣщанномъ — и папа былъ вынужденъ второй разъ сказать ему о томъ же. Но и это ни къ чему не привело. Тогда мой дядя, съ согласія папы, написалъ обо мнѣ письмо, въ которомъ его святѣйшество извѣщалъ объ обѣщаніи Бонапарта, и отправился съ нимъ къ г-ну Фуше, который тотчасъ же приказалъ растворить мнѣ двери Тампля.—Парижскій префектъ, къ которому я долженъ былъ явиться, позволилъ мнѣ пробыть въ Парижѣ только три дня, предупреждая, что за мной б дутъ строго слѣдить, въ особенности же за моими посѣщеніями. Когда я спрос лъ, что̀ онъ скажетъ насчетъ моей поѣздки въ Вѣну, онъ далъ мнѣ пасп ртъ туда.—Зная, черезъ моего дядю, что папа желаетъ видѣть меня, и самъ с ремясь засвидѣтельствовать е. св-ву мое уваженіе и признательность, я о правился въ Тюльери. Незадолго до представленія папѣ, одинъ изъ его т йныхъ секретарей сказалъ мнѣ, что его св-во поторопитъ меня написать б агодарность Бонапарту; но тутъ я ловко нашелъ средство напугать его сло-

parte pour le remercier, je trouvai adroitement le moyen de l'effrayer sur ce que m'avais dit le préfet de Paris. Il jugea la chose assez importante pour aller sur-le-champ en rendre compte au pape et vint bientôt après me dire que s. s. préférait ma sûreté au plaisir qu'elle aurait eu de me voir. De retour chez mon oncle, où j'avais été logé, le pape lui envoya 100 louis pour me remettre, en ajoutant que c'était pour aider à faire mon voyage de Pétersbourg. J'hésitai d'accepter cette somme, quoique sans ressource quelconque; mais mon oncle m'ayant fait pressentir que ce ne serait pas reconnaître le vif intérêt, que m'avait montré le pape, et ayant d'ailleurs perdu une partie de mes effets dans mes différentes prisons, je pris le parti d'accepter cet argent qui a effectivement contribué à me rendre à Pétersbourg. — Voilà l'exposé fidèle de ma conduite, que j'ose soumettre à l'indulgence et aux bontés de s. a., monseigneur le prince de Czartorysky, en osant encore espérer, que s. a. ne me jugera pas coupable du malheur que j'ai éprouvé.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 138. Подлинникъ.

№ 14. — Докладъ Чарторижскаго.

6/18 апрѣля 1805.

Во исполненіе высочайшаго в. в-ва повелѣнія, занимался я разсмотрѣніемъ корреспонденціи француза Лорня Дидевиля, главнымъ директоромъ почтъ мнѣ доставленной; поелику же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употреблены шифры, то я поручилъ кол. сов. Убрію испытаніе оныхъ, по извѣстности, которую довольно онъ имѣетъ о разныхъ связяхъ, въ Парижѣ и въ Берлинѣ существующихъ, и о именахъ нѣкоторыхъ особъ,

---

вами, сказанными мнѣ парижскимъ префектомъ. Онъ счелъ дѣло довольно важнымъ, чтобы тотчасъ пойти доложить папѣ. Вскорѣ онъ возвратился и сказалъ мнѣ, что его св-во предпочитаетъ мою безопасность удовольствію видѣть меня. Когда я возвратился къ дядѣ, у котораго я проживалъ, папа прислалъ ему 100 луидоровъ для меня, прибавивъ, что это чтобы облегчить мое путешествіе въ Петербургъ. Я колебался принять эту сумму, хотя у меня ничего не было. Но дядя замѣтилъ, что это значило бы не признавать живаго участія, выказаннаго ко мнѣ папой; къ тому же я, растративъ по разнымъ тюрьмамъ часть моихъ вещей, рѣшился принять эти деньги, которыя дѣйствительно помогли мнѣ отправиться въ Петербургъ.—Вотъ вѣрное изложеніе моего поведенія, которое я повергаю на снисхожденіе и милость в. с-ва, смѣя еще разъ надѣяться, что в. с-во не сочтете меня виновнымъ въ испытанномъ мною бѣдствіи.

въ обществахъ отличающихся; и онъ дѣйствительно предуспѣлъ въ открытіи значенія оныхъ, такъ что затмѣвавшіяся шифрами статьи пояснились весьма удовлетворительно. Изъ всего состоянія переписки сей ничего однакоже извлечь инаго неможно, какъ то, что Лорнь Дидевиль есть посланный отъ французскаго правительства для изученія россійскаго языка, для познанія здѣсь законовъ, нравовъ, обычаевъ и всего относящагося до управленія государственнаго, дабы потомъ съ пользою его употребить, гдѣ нужно будетъ, по дѣламъ, до Россіи относящимся. По симъ токмо причинамъ выслать его однако было бы несправедливо, хотя и не весьма выгодно давать усовершенствоваться здѣсь людямъ, которые послѣ всѣ почерпнутыя познанія употребятъ во вредъ Россіи; можно бы однакоже предписать начальству въ Москвѣ, чтобъ смотрѣть, когда Лорнь Дидевиль пошлетъ человѣка своего для размѣны ассигнаціи, что конечно нерѣдко должно случаться; тогда въ лавкѣ задержать человѣка подъ предлогомъ, что ассигнація фальшива, призвать для сего полицію, которая тогда же посему поводу имѣть будетъ право войти на квартиру его, осмотрѣть его бумаги и, найдя шифръ, объявить ему, что хотя по дѣлу ассигнаціи ничего у него не открыто, но шифръ, у него имѣющійся, которой кромѣ акредитованныхъ лицъ никто употреблять не можетъ, даетъ правильное на него подозрѣніе; а потому и приказать, чтобы выѣхалъ изъ Россіи.—Если неблагоугодно будетъ позволить употребить сіе средство, то можно предписать московскому военному губернатору, призвавъ къ себѣ означеннаго француза, объявить ему, что частая его переписка при настоящемъ положеніи дѣлъ понудила почтамтъ вскрыть его письма (вещь извѣстная всей почти публикѣ теперь, что дѣлается), изъ коей усмотрѣвъ, что онъ не однимъ ученіемъ занимается, ибо употребляетъ въ своей перепискѣ шифры, правительство не можетъ позволить ему остаться болѣе въ Россіи. — Донеся о всемъ семъ, пріемлю смѣлость испросить высочайшаго повелѣнія.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 16. Подлинникъ.

№ 15. — Докладъ Чарторижскаго.

6/18 апрѣля 1805.

Посолъ гр. Разумовскій въ подносимомъ у сего письмѣ своемъ упоминаетъ, что нѣкто Франкини, назвавшій себя родственникомъ извѣстныхъ въ Константинополѣ Франкиніевъ, явился къ нему и наговорилъ много о своихъ достоинствахъ, о причинѣ, побудившей его оста-

вить французскую службу, и о вліяніи своемъ на Талейрана, изъявилъ желаніе свое вступить въ россійскую службу, вручивъ ему при томъ два письма, первое отъ него къ Талейрану, а другое отъ сего министра къ французскому въ Вѣнѣ посланнику. Гр. Разумовскій, препроводивъ сюда въ копіяхъ означенныя два письма, и полагая онаго Франкини французскимъ шпіономъ, почитаетъ не безполезнымъ пригласить его сюда, дабы симъ способомъ можно было пресѣчь всякую его переписку и имѣть строгое за нимъ надзираніе.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 17. Подлинникъ.

№ 16. — А. Воронцовъ Чарторижскому.

Matrenino, 24 mai (5 juin) 1805.

Ayant lu et relu avec la plus grande attention les pièces importantes que vous m'avez communiquées, j'ai cru devoir mettre dans un mémoire à part mon opinion sur toute cette matière que je vous prie de mettre sous les yeux de l'E-r; quoique à plusieurs égards je devrais croire, par l'indifférence avec laquelle la plupart de mes représentations ont été reçues, qu'elles ne sont pas fort appréciées, je ne manquerai en aucun temps à ce que je crois de mon devoir. Vous voudrez bien vous charger en présentant ce mémoire à l'E-r de lui renouveler les assurances de mon profond respect et de mon attachement pour sa personne; ces sentiments ne s'altèreront jamais en moi. — Quoique le mémoire, dont il est question, n'est peut-être que trop étendu, je crois devoir revenir ici encore sur la même matière. En représentant, dans le cas même que les circonstances permettront de mettre en exécution le grand plan, que

---

Матренино, 24 мая (5 іюня) 1805.

Читая и перечитывая съ величайшимъ вниманіемъ важныя бумаги, присланныя мнѣ вами, я счелъ долгомъ изложить мое мнѣніе обо всемъ этомъ дѣлѣ въ особой запискѣ, которую прошу представить и-ру. Я никогда не премину исполнить то, что считаю своимъ долгомъ, хотя долженъ бы думать, что мои представленія не очень-то цѣнятся, судя по тому равнодушію, которое встрѣчаютъ они въ большинствѣ случаевъ. Представляя эту записку и-ру, соблаговолите вновь увѣрить его въ моемъ глубокомъ почтеніи и преданности къ его особѣ: эти чувства неизмѣнны во мнѣ. Хотя записка, о которой идетъ рѣчь, пожалуй, слишкомъ пространна, но считаю долгомъ коснуться еще и здѣсь этого предмета. Мнѣ кажется, что не нуждается въ похвалахъ мысль, что, если даже обстоятельства позволятъ исполнить великій планъ, мы не должны

nous ne devrions pas nous enfoncer au-delà de la Hollande, laissant à ceux à qui les ci-devant Pays-Bas autrichiens sont déstinés, à en faire la conquête, je crois n'avoir pas besoin d'apologie; il n'y a qu'à voir la carte pour cela et connaître la position et les moyens de défense que ces pays-là ont en eux-mêmes, étant en outre à la portée d'avoir de prompts secours de l'intérieur de la France. — Je crois que la nomination des généraux au commandement des armées destinées à agir et d'organiser ces armées, doit se faire sans perte de temps; je crois qu'une pareille démonstration donnera du courage à la cour de Vienne, outre que cela en imposera à Bonaparte, surtout puisqu'on est dans l'intention chez nous de lui envoyer un négociateur; d'ailleurs dans une des dépêches envoyées récemment au comte de Rasoumoffsky, on lui marque qu'à la première explosion de Bonaparte, si la cour de Vienne le requiert, il peut écrire afin qu'une colonne d'armée, destinée à entrer dans les états héréditaires de la maison d'Autriche, s'y porte tout de suite et même par des marches forcées; l'ambassadeur y est autorisé; mais à qui écrira-t-il, quand il ne sait pas qui commande cette armée?— Peut-être trouvera-t-on singulier chez nous, que je ne regarde pas comme impossible que les menaces qu'on ferait à la cour de Berlin pour la porter à entrer dans la coalition, amenassent au contraire une guerre avec la Prusse. J'ai été toujours d'opinion que dans les grandes entreprises il ne s'agit pas de voir tout couleur de rose, mais de se repré-

---

углубляться далѣе Голландіи, предоставляя завоевывать бывшія австрійскія Нидерланды тѣмъ, кому они предназначены: для этого достаточно взглянуть на карту и знать положеніе этихъ странъ и ихъ собственныя средства защиты, тѣмъ болѣе, что онѣ могутъ получить быструю помощь изнутри Франціи. Я думаю, что нужно, не теряя времени, назначить генераловъ для начальства надъ дѣйствующими арміями и для ихъ устройства: по мнѣ, такое оказательство придало бы духу вѣнскому двору, помимо того, что оно произвело бы впечатлѣніе на Бонапарта, особенно въ виду того, что у насъ намѣреваются послать къ нему переговорщика. Сверхъ того, въ одной недавней депешѣ гр. Разумовскому сказано, что, при первой выходкѣ Бонапарта, онъ можетъ написать (если того потребуетъ вѣнскій дворъ), чтобы предназначенная для наслѣдственныхъ владѣній колонна войскъ вступила туда немедленно и даже ускореннымъ ходомъ. Посланника уполномочиваютъ на это. Но кому же онъ и пишетъ, когда ему неизвѣстно, кто начальствуетъ надъ этими войсками? Можетъ, у насъ найдутъ страннымъ, что я считаю возможнымъ, что розы, сдѣланныя берлинскому двору съ цѣлью привлечь его къ коалиціи, и приведутъ, напротивъ, къ войнѣ съ Пруссіей. Я всегда былъ того мнѣнія, что въ крупныхъ предпріятіяхъ не слѣдуетъ все видѣть въ розовомъ цвѣтѣ,

senter aussi les obstacles et les difficultés, que les chances des évènements peuvent amener; et s'il en résultait une rupture ouverte avec la Prusse, non-seulement il faudrait renoncer au projet de réduire la France à ses justes bornes, mais aussi changer les opérations et la destination de nos armées, puisqu'il est à supposer qu'on dirigerait nos opérations dans le royaume de Prusse et qu'il faudrait lui enlever les acquisitions que cette puissance a faites sur la Pologne. — Je parle aussi dans ce mémoire sur la nécessité de ne pas perdre de vue la Suède; je crois que c'est un point à ne pas négliger et nous assurer par cela même de la bonne volonté de l'Angleterre, qui nous serait bien utile dans le cas que les prussiens et les français parviendraient à porter la Suède à se déclarer contre nous; et pour cet effet il ne serait pas inutile peut-être d'en venir à la proposition que notre ambassadeur à Londres nous a faite de l'utilité d'une alliance permanente avec l'Angleterre et indépendante des affaires de la coalition. — Enfin, quelque résultat qu'amènent les circonstances, guerre avec la Prusse ou sa coopération à la coalition, je crois qu'il conviendrait aussi d'examiner bien l'état de nos finances, les moyens pécuniaires que nous avons en nous-mêmes pour faire mouvoir et agir nos armées. Ce n'est pas avec des embarras et lorsqu'on est dans le cas de faire des dépenses onéreuses au-dehors qu'on peut se permettre de faire des innovations dans les finances ou faire des essays sur les premières branches de nos revenus; il faut un temps

---

а должно представлять себѣ также препятствія и затрудненія, возможныя при разныхъ случайностяхъ. Еслибы произошелъ открытый разрывъ съ Пруссіей, то слѣдовало бы не только отказаться отъ мысли ввести Францію въ должные предѣлы, но и измѣнить дѣйствіе и назначеніе нашихъ армій: нужно предположить, что наши дѣйствія направятся на прусское королевство, и что придется отнять у этой державы ея пріобрѣтенія въ Польшѣ. Въ этой запискѣ я говорю также о томъ, что не должно терять изъ виду Швецію. По мнѣ, этимъ нельзя пренебрегать; это даже обезпечило бы за нами доброжелательство Англіи, которое было бы весьма полезно намъ въ случаѣ, еслибы пруссакамъ и французамъ удалось поднять Швецію противъ насъ. Въ этихъ видахъ, пожалуй, не мѣшало бы принять предложеніе нашего лондонскаго посланника насчетъ полезности постояннаго союза съ Англіей, независимо отъ дѣлъ коалиціи. Наконецъ, къ чему бы ни привели обстоятельства—къ войнѣ-ли съ Пруссіей или къ ея участію въ коалиціи, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, слѣдовало бы также хорошенько разсмотрѣть состояніе нашей казны, наши собственныя денежныя средства для движенія и дѣйствій нашихъ армій. Въ пору затрудненій, когда готовятся дѣлать обременительныя внѣшнія издержки, нельзя позволить себѣ нововведеній въ казнѣ или опытовъ въ главныхъ отра-

de calme pour cela. Vous sentez bien que j'ai en vue les essays qu'on prétend qu'on se propose de faire chez nous sur la manière dont les fermes des eaux de vie sont établies chez nous. C'est le premier revenu de l'empire passant les vingt millions de roubles; il serait fâcheux, surtout dans un temps qu'on a besoin d'argent, qu'on le désorganisât.— Je crois qu'en général, lorsqu'un état veut faire des réformes et des innovations, ce n'est pas dans le temps qu'on est en guerre ou prêt à y entrer qu'on doit les entreprendre. Il y aurait bien des choses à dire relativement à toutes les innovations dans lesquelles naturellement on n'entre que par le désir qu'on a de faire le bien; mais je ne veux pas me rendre fastidieux. — Dans tous les cas je ne cesserai de faire des voeux pour le bien de mon pays, le bien-être et la tranquillité de l'E-r, et ne donner mes opinions que d'après ma conscience et conviction intime; il n'entrera jamais dans mon calcul, si c'est à l'ordre du jour.— Je vous prie de me marquer l'arrivée de ce courrier que je vous renvois, et quand vous aurez présenté mon mémoire à l'E-r, vous assurant de nouveau de mon attachement et amitié. — *P. S.* La conduite pusillanime de la cour de Vienne est pour moi, je vous l'avoue, inconcevable; ses propres intérêts, sa sûreté, devraient l'engager à ne pas voir avec indifférence la domination de Bonaparte se consolider en Italie, et c'était l'occasion où elle avait les formes même pour elle pour prendre

---

сяхъ нашихъ доходовъ: для этого нужно спокойное время. Вы, конечно, понимаете, что я разумѣю опыты, которые думаютъ учинить съ нашими винными откупами. Это—первый доходъ имперіи, доставляющій 20 милліоновъ рублей: было бы прискорбно, еслибы разстроили его, особенно въ то время, какъ нуждаются въ деньгахъ. Вообще, я думаю, что государственныя преобразованія и нововведенія должны происходить не въ военное время или не тогда, когда готовы начинать войну. Можно бы много сказать насчетъ нововведеній, за которыя берутся, конечно, только изъ желанія добра; но не хочу докучать. Во всякомъ случаѣ, я не перестану желать добра моей странѣ, благополучія и спокойствія—императору, и давать мои мнѣнія лишь согласно съ собственною совѣстью и съ внутреннимъ убѣжденіемъ: никогда не буду спрашивать—благовременно-ли это? Прошу увѣдомить меня о прибытіи этого к рьера, посылаемаго мною къ вамъ назадъ, и о томъ, когда вы представите в у мою записку, снова увѣряя васъ въ моей преданности и дружбѣ. — *P. S.* Признаюсь, малодушное поведеніе вѣнскаго двора непонятно мнѣ. Его с ственные выводы, его безопасность—все должно было заставлять его не быть р шодушнымъ къ утвержденію господства Бонапарта въ Италіи. И вотъ, былъ с чай, гдѣ даже формальность была на его сторонѣ, чтобы принять рѣши- ельныя мѣры. Если онъ не дѣлаетъ этого, то нельзя больше разсчитывать

un parti décisif; si elle ne le fait pas, il ne faut plus compter sur son concours, et régler nos mesures d'après cela. — J'ai vu par les dépêches d'Alopeus de Berlin qui accompagnaient un rapport du général prussien à Paris, que Bonaparte compte faire son frère Lucien vice-roi du nouveau royaume d'Italie, et m. de Beauharnais aura le territoire de Gênes, Parme et Plaisance en souveraineté, qui sera probablement érigé en royaume; ainsi il n'y a plus de quoi faire un établissement pour le roi de Sardaigne, et il faudra regarder l'Italie toute sous la férule de la France; il n'y aura en Italie que la puissance française, Rome, Naples et les possessions autrichiennes; cela ne subsistera même que sous le bon plaisir de Bonaparte. L'Europe verra tout cela d'un oeil tranquille. Il faut que je finisse, car cette matière ne me donne que de l'humeur.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 17. Подлинникъ.

№ 17. — Записка А. Воронцова.

Selo Andreyeffskoe, 24 mai (5 juin) 1805.

Le plan que la cour de Vienne vient de communiquer, marque bien son peu d'énergie et ses désirs de louvoyer, même dans une des circonstances les plus critiques pour la sûreté de ses possessions, telle qu'est la réunion des domaines de la république Italienne sous la domi-

---

на его содѣйствіе; и въ этомъ смыслѣ мы должны дѣйствовать. Я узналъ изъ депешъ берлинскаго Алопеуса, приложенныхъ къ донесенію прусскаго генерала въ Парижѣ, что Бонапартъ думаетъ сдѣлать своего брата, Люсьена, вице-королемъ новаго Итальянскаго королевства, а г-ну Богарнэ отдать во владѣніе Геную, Парму и Пьяченцу, которые, вѣроятно, будутъ возведены на степень королевства. Такимъ образомъ, не изъ чего будетъ дать надѣлъ сардинскому королю, и всю Италію должно считать рабой Франціи: въ Италіи не будетъ ничего, кромѣ французской державы, Рима, Неаполя и австрійскихъ владѣній, да и то лишь покуда заблагоразсудится Бонапарту. И Европа будетъ спокойно смотрѣть на все это. Нужно кончить: этотъ предметъ раздражаетъ меня.

Село Андреевское, 24 мая (5 іюня) 1805.

Планъ, только-что сообщенный вѣнскимъ дворомъ, ясно показываетъ недостатокъ у него энергіи и желаніе увертываться, даже въ виду такого опаснѣйшаго для безопасности его владѣній обстоятельства, какъ присоединеніе земель Итальянской республики къ владѣніямъ обладателя Франціи; Бона-

nation du possesseur de la France; Bonaparte se faisant couronner roi d'Italie, la dite cour hésite encore à prendre un parti décisif. Si cette réunion de la plus grande partie de l'Italie à la France est alarmante pour l'Europe, elle l'est encore plus pour la cour de Vienne, que cela intéresse directement; elle allègue qu'il faudrait qu'elle eût le temps de se préparer et de se remettre, avant que de se déterminer à la guerre. Est-ce donc quand la royauté de Bonaparte sera consolidée, l'Europe accoutumée à cette domination et l'Angleterre, lasse de la lutte qu'elle soutient seule, se déterminera à la fin à faire sa paix avec la France, que la cour de Vienne se croira en état d'entreprendre quelque chose contre les usurpations françaises? S'il lui fallait du temps pour organiser son armée et la rendre au complet, elle en avait assez, si elle avait eu de l'énergie, parce que dès la fin de l'année 1803 nous lui avons offert de se concerter avec elle, pour agir en commun contre les français. Elle aurait donc pu dès ce temps-là s'arranger pour compléter insensiblement son armée et rappeler les semestriels. Au lieu de cela on voit qu'elle a toujours craint de donner de l'ombrage à la France; et ce n'est que l'été passé qu'elle a osé, sous prétexte du cordon à former rélativement aux mesures à prendre contre la fièvre jaune, qu'elle a renforcé ses troupes en Italie et dans le Tyrol. — L'occasion la plus convenable et conforme à ses intérêts les plus essentiels et qui avait d'ailleurs toutes les formes pour elle, c'était à la notification que Bona-

---

шартъ уже коронуется королемъ Италіи, а помянутый дворъ никакъ не можетъ придти къ рѣшенію. Если это присоединеніе бо́льшей части Италіи къ Франціи опасно для Европы, то оно еще болѣе опасно для вѣнскаго двора, касаясь его непосредственно: оно даетъ понять, что этому двору слѣдуетъ во́время приготовиться и подтянуться, прежде чѣмъ рѣшиться на войну. Неужели же онъ рѣшится предпринять что-нибудь противъ французскихъ хищеній лишь тогда, когда упрочится королевская власть Бонапарта, когда Европа привыкнетъ къ этому господству, когда Англія, утомленная войной, которую она ведетъ въ одиночку, пойдетъ наконецъ на миръ съ Франціей? Если ему нужно было время для устройства и пополненія своей арміи, его было достаточно, будь только у него энергія: вѣдь, съ конца 1803 г. мы предложили ему сговориться, чтобы дѣйствовать сообща противъ французовъ. Стало быть, съ того времени онъ могъ незамѣтно пополнить свою армію и призвать полугодно-отпущенныхъ. Вмѣсто того, онъ все боялся возбудить подозрѣніе Франціи; только прошлымъ лѣтомъ онъ рѣшился усилить свои войска въ Италіи и Тиролѣ, подъ предлогомъ устройства стражи для осуществленія мѣръ противъ желтой лихорадки. — А былъ случай самый удобный и самый соотвѣтственный его важнѣйшимъ выгодамъ, причемъ имъ были бы соблюдены

parte lui a fait de son dessein de réunir sur sa tête la couronne d'Italie, qu'elle aurait dû déclarer nettement qu'elle ne pouvait consentir, ni reconnaître cette nouvelle royauté, qu'elle était contraire absolument au traité de Lunéville, et que la dite cour ne pouvait considérer cette réunion de l'Italie sur la même tête de celui qui possédait la France que comme une infraction manifeste des engagements entre la cour de Vienne et le gouvernement français; que d'ailleurs la sûreté même des possessions autrichiennes ne pouvait lui faire envisager avec indifférence ce nouvel accroissement des forces et du pouvoir du gouvernement français. La fougue connue du caractère de Bonaparte l'aurait porté à quelques démarches brusques, qui auraient naturellement porté les choses à l'extrémité; peut-être se serait-il déterminé à déclarer lui-même la guerre à la maison d'Autriche, et alors il se trouverait que la cour de Vienne, en faisant ce qu'elle doit à sa sûreté, ses intérêts et sa dignité, aurait encore les formes et la justice pour elle. Que risquait-elle, assurée de nos secours? Elle n'aurait que les premiers chocs à essuyer, et ce n'est pas dans trois ou quatre mois que Bonaparte aurait pu engloutir la monarchie autrichienne. Je crois qu'il serait à sa place de faire ces observations à la cour de Vienne; et si un évènement aussi dangereux pour elle ne la porte à un parti décisif, tel que la réunion réelle de la plus grande partie de l'Italie sous la domination du possesseur de la France, qu'est-ce qui peut donc l'émouvoir, et où trouvera-t-elle une

---

въ формальности: это когда Бонапартъ возвѣстилъ ему о своемъ намѣреніи принять итальянскую корону. Тогда вѣнскій дворъ долженъ былъ прямо объявить, что онъ не можетъ признать этой новой короны, рѣшительно противорѣчащей люневильскому договору, и что въ его глазахъ присоединеніе Италіи къ Франціи было бы ни болѣе, ни менѣе, какъ открытое нарушеніе обязательствъ между вѣнскимъ и французскимъ правительствами. Онъ долженъ былъ прибавить, что, наконецъ, самая безопасность австрійскихъ владѣній не дозволяетъ ему смотрѣть равнодушно на новое увеличеніе силъ и власти французскаго правительства. Въ силу извѣстной пылкости своего нрава, Бонапартъ сдѣлалъ бы что-нибудь рѣзкое, что естественно привело бы къ послѣдней крайности: быть можетъ, онъ даже рѣшился бы самъ объявить войну австрійскому дому. Но тогда и формальности, и справедливость были бы на сторонѣ вѣнскаго двора, который поступалъ согласно съ своею безопасностью, со своими выгодами и достоинствами. Чего было ему бояться, когда за нимъ была обезпечена наша помощь? Ему пришлось бы только выдержать первые удары: въ 3—4 мѣсяца Бонапартъ не смогъ бы проглотить австрійскую монархію. Мнѣ кажется, было бы умѣстно сдѣлать эти замѣчанія вѣнскому двору. Если даже такое опасное для него событіе, какъ дѣйствительное при-

circonstance plus favorable pour être soutenue,—que celle, où la Russie et l'Angleterre sont prêtes à se réunir à elle et l'aider de toutes leurs forces et leurs moyens. — Dans le plan communiqué à la cour de Vienne qui en général est si sagement fait, on refute d'une manière irrésistible tout ce qu'elle allègue pour justifier son irrésolution. Dans ce plan qui lui a été communiqué, la marche et les opérations des armées se trouvent on ne peut pas mieux tracées; et puisque la cour de Vienne désire employer ses principales forces en Italie, nos armées, auxquelles il faudrait cependant joindre un corps autrichien et surtout de leur cavallerie, auraient pour but la délivrance de l'Allemagne et de la Suisse; tandis que notre armée du nord aurait pour but, avec un corps de suédois qui l'y joindront, la délivrance de l'électorat d'Hannovre et de la Hollande, secondé par des entreprises que l'Angleterre pourrait faire sur les côtes de France et de la Belgique ou les anciens Pays-Bas autrichiens. — Notre second plan plus vaste et plus compliqué donne encore plus de latitude avec l'augmentation des forces que nous offrons à employer à la coalition. Certainement rien ne serait plus à désirer que de pouvoir porter la cour de Berlin à prendre une part active à la guerre. Outre un renfort aussi considérable de troupes que la coopération prussienne donnerait à la coalition en général, il en résulterait encore une réunion de vues et de moyens dans le corps germanique, que l'influence

---

соединеніе бо́льшей части Италіи къ владѣніямъ обладателя Франціи, не въ состояніи заставить его рѣшиться, то что же можетъ тронуть его? И найдется-ли болѣе благопріятное для него обстоятельство, чѣмъ то, при которомъ Россія и Англія готовы присоединиться къ нему и помогать ему всѣми своими силами и средствами? — Въ планѣ, сообщенномъ вѣнскому двору, составленномъ вообще весьма разумно, вполнѣ опровергается все, что́ онъ приводитъ въ оправданіе своей нерѣшительности. Въ этомъ сообщенномъ ему планѣ ходъ и дѣйствіе армій обозначены какъ нельзя лучше. Между тѣмъ какъ вѣнскій дворъ жела́етъ употреблять свои главныя войска въ Италіи, наши арміи, впрочемъ въ соединеніи съ австрійскимъ корпусомъ и особенно съ ихъ конницей, имѣли бы цѣлью освобожденіе Германіи и Швейцаріи; а наша сѣверная армія, въ соединеніи съ шведскимъ корпусомъ, имѣла бы цѣлью освобожденіе Ганноверскаго курфюршества и Голландіи, причемъ ей помогли бы мѣры, которыя могла бы принять Англія на берегахъ Франціи и Бельгіи или бывшихъ австрійскихъ Нидерландовъ.—Нашъ второй планъ, болѣе широкій и сложный, даетъ еще болѣе возможности дѣйствовать, умножая силы, которыя мы предоставляемъ въ распоряженіе коалиціи. Конечно, нѣтъ ничего желательнѣе, какъ склонить берлинскій дворъ къ принятію дѣятельнаго участія въ войнѣ. Помимо значительнаго увеличенія войскъ коалиціи при со-

prussienne en Allemagne amènerait nécessairement. Mais je ne puis pas cacher mes doutes sur cela, d'après tout ce qu'on connaît des vues du cabinet de Berlin et de l'aversion prononcée du roi de Prusse à prendre un parti décisif. — Je conçois qu'il est possible, avec des démonstration et des armées prêtes à agir, qu'on peut avec succès réussir à empêcher une grande puissance de prendre partie en faveur de l'ennemi et qu'elle n'entrave pas les opérations projetées; mais il n'entre pas dans ma tête, comment on peut forcer cette même puissance, ayant de grandes armées à elle, à agir contre son gré et son voeu, et que cette coopération même puisse être sûre et efficace. Il y a l'espérance peut-être de quelques grandes acquisitions ou arrondissements, qui pourra l'y engager, mais tout cela me paraît assez douteux, quelque désirable que cela le soit.—Dans ce vaste plan d'opérations, qui ne peut que faire honneur à celui qui l'a tracé, les moyens qu'on propose pour faire décider la Prusse sont une armée russe de cinquante mille hommes, qui entrerait en Bohême et s'avancerait aux frontières de la Saxe, un corps de quarante mille hommes qui doit traverser les états prussiens, et un corps de troupes qui débarquerait à Stralsund et auquel se joindraient les suédoises, outre une autre armée russe, forte aussi de cinquante mille hommes, qui s'avancerait jusqu'au Danube pour couvrir les états autrichiens. Ces nombreuses armées, faites assurément pour imposer, devraient bien inspirer confiance

---

дѣйствіи Пруссіи, отсюда проистекаетъ еще слiяніе видовъ и средствъ во всемъ германскомъ корпусѣ: къ этому неизбѣжно приведетъ прусское вліяніе въ Германіи. Впрочемъ не могу тутъ скрыть моихъ сомнѣній послѣ всего, что̀ извѣстно о видахъ берлинскаго кабинета и объ явномъ отвращеніи прусскаго короля отъ рѣшительнаго шага.—Я понимаю, что путемъ заявленій и готовыхъ къ дѣйствію армій возможно достигнуть того, что извѣстная великая держава не станетъ помогать врагу и мѣшать предположеннымъ дѣйствіямъ. Но не могу постигнуть, какимъ образомъ можно принудить эту самую державу, обладающую большими собственными арміями, дѣйствовать противъ своей воли и желанія, и какъ ея содѣйствіе могло бы быть вѣрнымъ и дѣйствительнымъ? Быть можетъ, есть надежда привлечь ее какими-нибудь большими пріобрѣтеніями или округленіями; но я сомнѣваюсь въ этомъ, какъ оно ни желательно. — Въ этомъ широкомъ планѣ дѣйствій, дѣлающемъ честь своему составителю, предлагаются слѣдующія средства, чтобы заставить Пруссію рѣшиться: русская армія въ 50,000 человѣкъ, которая вступитъ въ Богемію и дойдетъ до границъ Саксоніи, корпусъ въ 40,000, который пройдетъ черезъ прусскія владѣнія, и корпусъ, который высадится въ Стральзундѣ, въ соединеніи со шведами; это помимо другой русской арміи, также въ 50,000 человѣкъ, которая продвинется до Дуная для прикрытія австрійскихъ

et sécurité au cabinet autrichien; dans le dit plan il paraît qu'on ne doute pas qu'il n'opère aussi sur la cour de Berlin, et dans cette persuasion on déstine l'emploi qu'on pourrait faire de l'armée prussienne et lui faire faire le siège de Mayence et d'autres opérations sur le Rhin. Mais que fera l'armée russe qui doit se trouver en Bohême, après avoir atteint son premier but, qui est de faire décider la Prusse? On se concertera apparemment sur cela avec les cours de Vienne et de Berlin, pour la faire agir aussi contre la France et contribuer à faire recouvrir à l'Allemagne son ancienne frontière, telle qu'elle était avant la paix de Lunéville.—L'armée du nord et celle qui débarquera à Stralsund, jointe par les suédois, à sa destination marquée dans le dit plan, qui est la délivrance de la Hollande; mais il serait à souhaiter qu'on ne s'enfonçât pas au-delà, ni dans les Pays-Bas ci-devant autrichiens; et si cette partie doit être la récompense des prussiens, comme la cour de Londres l'avait proposé, il paraîtrait plus naturel que cela serait à l'armée prussienne, après avoir pris Mayence et autres places sur le Rhin, à se porter de ce côté-là. Nos armées auraient alors l'ancienne domaine de l'empire d'Allemagne, perdu par le traité de Lunéville, à réoccuper ainsi que la Hollande, la Suisse, et peut-être menacer les français chez eux-même par la Franche Comté.—On table aussi dans le même plan sur la coopération des saxons, brunswiçois, hesses, le duc de

---

владѣній. Эти многочисленныя арміи, конечно, предназначенныя для устрашенія, безъ сомнѣнія, должны внушить австрійскому кабинету довѣріе и чувство безопасности. Повидимому, не сомнѣваются и въ томъ, что сказанный планъ точно также подѣйствуетъ и на берлинскій дворъ: въ этомъ убѣжденіи тамъ говорится объ употребленіи, которое можно сдѣлать изъ прусской арміи, объ осадѣ ею Майнца и о другихъ дѣйствіяхъ на Рейнѣ. А что будетъ дѣлать русская армія, которая должна находиться въ Богеміи послѣ того, какъ она достигнетъ своей первой цѣли, т.-е. принудитъ Пруссію рѣшиться? Повидимому, войдутъ въ соглашеніе по этому поводу съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, чтобы и она дѣйствовала противъ Франціи и помогала Германіи возвратить свою старую границу, какъ было до люневильскаго мира.—Сѣверная армія и та, которая высадится совмѣстно со шведами въ Стральзундѣ, имѣютъ свое назначеніе, указанное въ помянутомъ планѣ: это—освобожденіе Голландіи. Но желательно, чтобы не углублялись дальше и не вступали въ бывшія австрійскія Нидерланды. И если, какъ предлагаетъ лондонскій дворъ, эта часть должна быть наградой пруссакамъ, то, кажется, было бы болѣе естественно, чтобы прусская армія, взявъ Майнцъ и другія мѣста на Рейнѣ, бросилась въ эту сторону. Тогда нашимъ арміямъ оставалось бы вновь занять старыя земли Нѣмецкой имперіи, утраченныя по люневильскому договору, а

plus tarder à organiser entièrement les armées destinées à agir, les pourvoir d'artillerie et nommer les commandants en chef de chacune d'elle; cette démonstration donnerait du courage à l'Autriche et pourrait en imposer à la France. — Il y a aussi un mode à observer qui je suppose ne sera pas négligé, c'est celui de motiver dans une déclaration les raisons qui forcent l'E-r d'entrer en guerre, et après cela interdire chez nous tout commerce avec la France, renvoyer les agents commerciaux français qui se trouvent chez nous, ainsi que tous les commerçants de la même nation qui n'ont pas pris de lettres de bourgeoisie en Russie, de même défendre l'introduction de toutes marchandises françaises. — En publiant le manifeste il conviendrait aussi, dès que les armées russes seraient entrées en Allemagne, d'y publier une déclaration, en la communiquant à la diète de l'empire et aux principaux membres du corps germanique, qui pourrait avoir pour base, que la Russie n'a aucun intérêt direct à démêler avec la France; que sa puissance et ses empiètements, quelques effrayants qu'ils fussent, par notre position locale, ne le sont pas pour nous; que tous les sacrifices et périls que la Russie prend sur elle n'ont pour but que la délivrance de l'Europe du joug français et procurer à l'Allemagne une frontière plus assurée et qui la mette à l'abri du despotisme et de la dépendance du gouvernement français; qu'après cette conduite généreuse de l'E-r il ne peut que s'at-

---

съ Портой Оттоманской за то, что не хотѣли вѣрить, чтобы Швеція воспользовалась нашими затрудненіями для нападенія на насъ.—Думаю также, что слѣдовало бы не медлить съ полнымъ устройствомъ армій, предназначенныхъ къ дѣйствію, съ снабженіемъ ихъ артиллеріей и съ назначеніемъ ихъ начальниковъ: это придало бы бодрости Австріи и могло бы запугать Францію.— Еще есть одинъ обычай, который, надѣюсь, не будетъ забытъ: это объяснить въ объявленіи причины, побуждающія и-ра начать войну, а затѣмъ воспретить у насъ всякую торговлю съ Франціей, выслать французскихъ торговыхъ агентовъ, проживающихъ у насъ, а также и всѣхъ купцовъ той же націи, которые не запаслись мѣщанскими билетами въ Россіи; наконецъ запретить ввозъ всякихъ французскихъ товаровъ.—Кромѣ манифеста, слѣдовало бы, какъ только русскія арміи вступятъ въ Германію, обнародовать тамъ заявленіе и сообщить его имперскому сейму и главнымъ членамъ германскаго корпуса. Вотъ его сущность. Для Россіи нѣтъ никакой прямой выгоды ссориться съ Франціей, могущество и захваты которой не страшны намъ по нашему мѣстному положенію, какъ бы они ни были ужасны сами по себѣ. Всѣ жертвы и опасности, которымъ подвергается Россія, имѣютъ одну только цѣль—освобожденіе Европы отъ французскаго ига и доставленіе Германіи болѣе прочной границы, которая предохраняла бы ее отъ деспотизма и господства фран-

tendre et exiger même que l'empire germanique se déclare contre la France, et quoiqu'il ne soit pas à présumer qu'aucun prince ou état se trouve dans le corps germanique assez peu patriotc pour favoriser, dans cet état des choses, l'ennemi commun de l'Europe et de l'Allemagne, que S. M. cependant croit devoir prévenir, que dans ce cas-là tout prince ou état de l'Allemagne qui oublierait à ce point ses devoirs à l'égard de sa patrie et se porterait à y favoriser les français, les armées russes agiraient contre les dits princes et états comme avec les ennemis de la cause commune. — Après avoir exposé à la décision de l'E-r les réflexions ci-dessus énoncées, je me permets encore les observations suivantes. — 1) La cour de Vienne se décidant à la guerre, et les moyens qu'on se propose d'employer pour forcer la Prusse à se déclarer contre la France produisant l'effet qu'on s'en promet de la coopération prussienne, il faudra, je crois, s'en tenir alors au vaste plan qui a été fait chez nous, et se concerter en conséquence avec les cours de Vienne et de Berlin sur les points où on fera agir les armées des trois puissances réunies. Je crois toujours que dans ce cas-même il ne conviendrait pas que l'armée russe qui doit agir dans le nord et pour ainsi dire près des côtes de la mer, ne s'enfonçât pas au-delà de la Hollande. — 2) Dans le cas que la cour de Berlin, malgré tous les moyens qu'on se propose d'employer pour la forcer à se joindre

---

цзскаго правительства. Послѣ такого великодушнаго поведенія и-ръ долженъ ожидать и даже требовать, чтобы нѣмецкая имперія объявила себя противъ Франціи. И хотя нельзя предположить, чтобы въ германскомъ корпусѣ нашелся какой-нибудь принцъ или государство, столь мало патріотичные, что они стали бы помогать въ такомъ положеніи общему врагу Европы и Германіи, тѣмъ не менѣе е. в-во считаетъ долгомъ предупредить, что въ такомъ случаѣ принцъ или государство Германіи, которые до такой степени забыли бы свои обязанности къ своему отечеству и стали бы помогать въ немъ французамъ, вызвали бы противъ себя враждебныя дѣйствія русскихъ армій, какъ враги общаго дѣла.—Изложивъ на усмотрѣніе и-ра вышеприведенныя размышленія, позволяю себѣ еще слѣдующія замѣчанія:—1) Когда вѣнскій дворъ рѣшится воевать, когда предполагаемыя мѣры заставятъ Пруссію объявить себя противъ Франціи и достигнется ожидаемое содѣйствіе Пруссіи, тогда, я думаю, слѣдовало бы держаться широкаго плана, составленнаго у насъ, и, въ силу него, сговориться съ дворами вѣнскимъ и берлинскимъ на четырѣхъ мѣстъ, гдѣ должны дѣйствовать арміи трехъ соединенныхъ державъ. Я все думаю, что даже въ этомъ случаѣ русской арміи, которая должна дѣйствовать на сѣверѣ и, такъ сказать, у морскихъ береговъ, не слѣдуетъ углубляться за предѣлы Голландіи.—2) Въ случаѣ, еслибы берлинскій дворъ, не-

à la bonne cause, persiste dans sa neutralité sans cependant se brouiller ouvertement avec nous, il n'y aurait d'autre parti à prendre qu'à la surveiller par des armées qu'on tiendrait sur nos frontières; et pour ce qui est des opérations communes avec la cour de Vienne contre la France, s'en tenir à notre premier plan, moins vaste que le second, mais sans doute plus analogue aux moyens et circonstances, dès qu'on ne pourra plus compter sur la coopération de la Prusse. — 3) Si non-seulement la Prusse persiste dans son système de sa prétendue neutralité, et que la cour de Vienne continue à remettre d'un jour à l'autre à se déclarer contre la France, il faudra bien renoncer aux deux plans, abandonner la cour de Vienne à son propre sort et à se mettre en posture imposante sur nos frontières et s'en tenir alors à la défense du nord de l'Allemagne contre l'invasion de la part des français et s'occuper aussi de la défense des possessions européennes de la Porte Ottomane contre toute entreprise de Bonaparte de ce côté-là. Je crois inutile de détailler les motifs qui me persuadent, que sans le concours de l'Autriche et de la Prusse il ne peut être question pour nous ni de la délivrance de l'Allemagne, ni de l'Italie.—Il y a encore une quatrième chance, mais j'aime à me persuader qu'elle n'existera pas, et qui changerait entièrement la nature de la guerre que la sûreté de l'Europe fait entreprendre; c'est si la Prusse, choquée des menaces qu'on lui fe-

---

смотря на всѣ предполагаемыя мѣры къ принужденію его присоединиться къ правому дѣлу, упорствовалъ въ своемъ нейтралитетѣ, хотя и не ссорясь съ нами открыто, то пришлось бы не иначе, какъ надзирать за нимъ съ помощью армій на нашихъ границахъ. А что касается совмѣстныхъ съ вѣнскимъ дворомъ дѣйствій противъ Франціи, то должно держаться нашего перваго плана, который не столь широкъ, какъ второй, но, безъ сомнѣнія, болѣе сообразенъ со средствами и обстоятельствами, разъ нельзя будетъ разсчитывать на содѣйствіе Пруссіи. — 3) Если же не только Пруссія будетъ упорствовать въ своей системѣ мнимаго нейтралитета, но и вѣнскій дворъ все будетъ откладывать со дня на день свое заявленіе противъ Франціи, то, конечно, придется отказаться отъ обоихъ плановъ, предоставить вѣнскій дворъ его собственной судьбѣ и принять грозное положеніе на нашихъ границахъ, ограничиваясь тогда защитой сѣверной Германіи отъ французскаго нашествія, а также занимаясь защитой европейскихъ владѣній Оттоманской Порты отъ всякихъ предпріятій Бонапарта съ этой стороны. Считаю безполезнымъ распространяться о побужденіяхъ, которыя говорятъ мнѣ, что безъ содѣйствія Австріи и Пруссіи для насъ не можетъ быть и рѣчи ни объ освобожденіи Германіи, ни объ Италіи.—Есть еще четвертый случай; но я стараюсь убѣдить себя, что онъ не наступитъ. Онъ совсѣмъ измѣнилъ бы сущность войны, которая требуется

rait, se décidât de s'opposer au passage de nos armées par ses états et entrerait par conséquent en guerre avec nous. Il est certain que cela diminuerait les moyens qu'on se propose d'employer à la délivrance de l'Europe et de l'Italie, et changerait absolument l'état de la guerre; pour celle qui se ferait alors entre la Russie et la Prusse, il n'est pas à présumer qu'elle soit si à craindre pour nous, et selon toutes les probabilités elle finirait même à l'avantage de la Russie. Je ne sais si elle n'a pas même un intérêt plus direct pour nous que la guerre contre la France. Peut-être serait-ce une occasion pour réduire à de justes bornes un voisin, dans le fond très incommode pour la Russie, et réparer en quelque façon des fautes presque de cent ans. Notre gouvernement sous plusieurs règnes consécutifs ne s'étant pas non-seulement opposé aux différents agrandissements de la Prusse, mais, au contraire, les a favorisé dans plusieurs occasions. Dans le cas d'une guerre avec la Prusse, on devra suivre un tout autre plan relativement aux opérations de nos armées, qui devront presque toutes être dirigées alors contre cette puissance. Il ne pourrait plus être question de notre coopération en Allemagne contre la France, et quelque désirable que serait, je crois, pour la cour de Vienne de nous voir en lutte avec la Prusse, son ennemie naturelle, risquera-t-elle seule alors à agir contre les français?— Cette guerre avec la Prusse entraverait tous moyens presque de faire

---

безопасностью Европы. Это—если Пруссія, обиженная угрозами, рѣшится воспротивиться проходу нашихъ войскъ черезъ свои владѣнія и, стало быть, вступить въ войну съ нами. Конечно, это сократило бы средства, которыя предполагаются употребить на освобожденіе Европы и Италіи, и совсѣмъ измѣнило бы ходъ войны. Что касается той войны, которая возгорѣлась бы тогда между Россіей и Пруссіей, то нельзя предполагать, чтобы она была опасна намъ: по всей вѣроятности, она даже окончилась бы въ пользу Россіи. Не знаю даже, не болѣе-ли она представляетъ намъ прямыхъ выгодъ, чѣмъ война съ Франціей? Пожалуй, это былъ бы случай ввести въ должныя границы сосѣда, въ сущности весьма неудобнаго для Россіи, и нѣкоторымъ образомъ исправить почти вѣковыя ошибки. Наше правительство въ теченіе ряда послѣдовательныхъ царствованій не только не противодѣйствовало увеличенію Пруссіи, но, напр[отивъ], помогало ему во многихъ случаяхъ. Въ случаѣ войны съ Пруссіей, пр[иходится] слѣдовать совсѣмъ другому плану дѣйствій нашихъ армій, которыя до[лжны] будутъ почти всѣ двинуться противъ этой державы. Тогда уже не бу[детъ] и рѣчи о нашемъ содѣйствіи въ Германіи противъ Франціи, и какъ бы [ни] по мнѣ, ни было желательно вѣнскому двору видѣть насъ въ борьбѣ съ П[руссіей], съ этимъ своимъ естественнымъ врагомъ, рѣшится-ли онъ одинъ д[ѣйст]вовать противъ французовъ?—Эта война съ Пруссіей подорветъ почти

une coalition formidable contre la France; elle ne pourrait être considérée par l'Angleterre que comme étrangère à ses intérêts; il ne faudrait plus compter sur ses secours pecuniaires du moins pour l'entretien des armées qui n'agiront que contre la Prusse. Mais dans tous les cas il conviendrait de ménager la cour de Londres et s'assurer de son amitié, parce que dans le courant de cette nouvelle guerre et les évènements qui pourront survenir, son amitié ne nous sera peut-être pas inutile.—Si cette lutte avec la Prusse a lieu, ses liaisons avec la France naturellement se ressèreront, ils ne pourront que faire cause commune ensemble: alors la cour de Berlin ne mettra aucun obstacle à ce que les français s'étendent dans le nord de l'Allemagne, rançonnent le Holstein et forcent peut-être le Danemark à fermer le Sund. Qui sait, si la Prusse et la France n'emploieront pas leurs efforts communs à entraîner le roi de Suède dans leur parti, malgré l'aversion de ce prince contre la France! Il ne serait pas impossible que de fausses espérances, mais toujours chères aux suédois lorsqu'il y a chance à nous porter quelques coups, ne déterminent le roi de Suède à suivre la conduite de son père; et c'est dans une circonstance pareille où je crois que l'amitié de l'Angleterre nous serait de la plus grande utilité. L'envoi d'une escadre anglaise dans la Baltique entraverait assurément toutes les opérations de la flotte suédoise. — J'ai cru devoir soumettre à l'E-r toutes

---

всѣ средства, чтобы устроить грозную коалицію противъ Франціи. Англія посмотритъ на нее не иначе, какъ на чуждую ея выгодамъ: нельзя будетъ разсчитывать на ея денежную помощь по крайней мѣрѣ для содержанія армій, которыя будутъ дѣйствовать только противъ Пруссіи. Но во всякомъ случаѣ слѣдовало бы ладить съ лондонскимъ дворомъ и обезпечить себѣ его дружбу: въ теченіе этой новой войны и при возможныхъ обстоятельствахъ его дружба, пожалуй, будетъ намъ не безполезна.—Если состоится эта борьба съ Пруссіей, ея связи съ Франціей естественно станутъ тѣснѣе, и обѣ онѣ непремѣнно будутъ дѣйствовать заодно. Въ такомъ случаѣ берлинскій дворъ не станетъ препятствовать французамъ распространяться на сѣверѣ Германіи, грабить Голштинію и, быть можетъ, заставить Данію запереть Зундъ. Кто знаетъ, быть можетъ, Пруссія и Франція общими усиліями привлекутъ къ себѣ шведскаго короля, несмотря на его отвращеніе къ Франціи. Не невозможно, что ложныя, но всегда дорогія шведамъ надежды, когда является возможность нанести намъ какой-нибудь ударъ, заставятъ шведскаго короля послѣдовать примѣру своего отца; вотъ въ такомъ-то случаѣ, по мнѣ, дружба Англіи была бы весьма полезна намъ. Отправка одной англійской эскадры въ Балтійское море, конечно, подорвала бы всѣ дѣйствія шведскаго флота. Я счелъ долгомъ представить и-ру всѣ мысли и соображенія, изложенныя въ этой за-

les réflexions et considérations énoncées dans ce mémoire, n'ayant d'autre but que ma fidélité pour son service et mon attachement sans bornes pour son auguste personne.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 41. Подлинникъ.

№ 18. — Записка А. Воронцова.

Mai 1805.

Bientôt après le couronnement de Bonaparte, ayant assemblé le sénat et autres tribunaux, assis sur son trône, il leur fit un exposé du prétendu état florissant de la France; affectant ensuite des principes humains étrangers à son coeur, il témoigna les regrets qu'il ne pouvait à cette occasion voir la France jouir encore de la paix extérieure, l'attribuant à l'Angleterre. Que la France avait une si belle frontière, qu'il n'avait aucun désir quelconque de faire de nouvelles acquisitions de territoire, mais qu'en aucun cas il ne consentirait jamais au plus léger démembrement, de même qu'il n'adhèrerait à la diminution de l'influence que la France avait acquise sur des pays voisins alliés d'elle, et qu'elle avait en quelque façon fondés et organisés. Il n'est pas douteux que c'est de la Hollande, la Suisse et l'Italie dont il était question, puisque alors ses vues sur la royauté de l'Italie ne s'étaient pas encore manifestées. — Depuis ce temps-là il a ouvertement manifesté son dessein

---

пискѣ, не имѣя въ виду ничего, кромѣ вѣрности его службѣ и моей безграничной привязанности къ его священной особѣ.

Мая 1805 года.

Вскорѣ послѣ коронаціи Бонапартъ, собравъ сенатъ и другіе суды и возсѣдая на престолѣ, изложилъ передъ ними мнимое цвѣтущее состояніе Франціи; затѣмъ, проникнутый будто бы гуманными принципами, чуждыми его сердцу, онъ выразилъ сожалѣніе, что въ данномъ случаѣ Франція еще не можетъ наслаждаться внѣшнимъ миромъ, и приписалъ это Англіи. Онъ сказалъ, что Франціи такія прекрасныя границы, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія пріобрѣтать новыя земли; но что ни въ какомъ случаѣ онъ не согласится ни на малѣйшее расчлененіе, точно такъ же, какъ не допуститъ уменьшенія вліянія, которое Франція пріобрѣла на сосѣднія страны, союзныя ей, и которыя она въ нѣкоторомъ родѣ основала и устроила. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло идетъ о Голландіи, Швейцаріи и Италіи, потому что тогда виды на королевскую власть въ Италіи еще не обнаружились. Съ тѣхъ

sur la royauté de l'Italie, et il est allé même pour s'y faire couronner. D'après son harangue au sénat dont il a été question plus haut, et son couronnement en Italie qui doit être actuellement effectué, comment peut-on présumer et se flatter que l'envoi d'une personne de confiance à Paris amènerait Bonaparte à faire quelques concessions pour tranquilliser l'Europe, et que de simples paroles ou démonstrations même le porteront par amour pour la paix à faire quelques actes ou transaction contraire aux vues qu'il a manifesté dans son harangue. S'ôtera-t-il lui-même sa couronne d'Italie? Il n'y a que la force des armes qui puisse l'y porter; en conquérant le Milanais et avec des succès bien marqués et continus on parviendra peut-être à l'obliger de renoncer à ce qui lui a été pris ou enlevé.—En outre le gouvernement français s'est déclaré plusieurs fois et m. de Talleyrand vient de le marquer au secrétaire d'état britannique, que la France et l'Angleterre peuvent s'arranger, n'ayant pas besoin d'intermédiaire, ce qui avait, sans le moindre doute, pour but d'exclure l'intervention de la Russie. D'après cet état de choses il n'est pas difficile à prévoir l'issue que pourra avoir la mission projetée. Il est possible que le degré d'influence que la cour de Berlin a conservé sur le cabinet des Tuileries, portera Bonaparte à accorder le passeport qu'on demande. Mais il n'est pas à présumer qu'il en sorte des résultats heureux pour la pacification et la tranquillité

поръ онъ открыто заявилъ свое намѣреніе относительно Итальянскаго королевства, и даже отправился туда, чтобы короноваться. Судя по его рѣчи въ сенатѣ, о которой упоминалось выше, и его коронованію въ Италіи, которое теперь уже, должно-быть, состоялось, можно-ли предполагать и надѣяться, что отправка довѣреннаго лица въ Парижъ понудила бы Бонапарта сдѣлать какія-нибудь уступки, чтобы успокоить Европу, и что простыя слова или даже доказательства побудятъ его изъ любви къ миру заключить какіе-нибудь договоры или сдѣлки, противные намѣренію, которое онъ обнаружилъ въ своей рѣчи? Развѣ онъ самъ отниметъ у себя корону Италіи? Только сила оружія можетъ принудить его къ этому. Завоевавъ Миланъ, и посредствомъ явныхъ и непрерывныхъ успѣховъ можно было-бы принудить его отказаться отъ того, что у него было взято или отнято.—Къ тому же французское правительство много разъ высказывалось, и г. Талейранъ только-что указалъ британскому государственному секретарю на то, что Франція и Англія могутъ поладить между собою, не нуждаясь въ посредникѣ; это, безъ сомнѣнія, имѣло цѣлью отстранить вмѣшательство Россіи. Судя по этому положенію дѣлъ, не трудно предвидѣть исходъ предполагаемой миссіи. Возможно, что степень вліянія, которое берлинскій дворъ сохранилъ надъ тюльерійскимъ кабинетомъ, побудитъ Бонапарта выдать требуемый паспортъ. Но нельзя разсчитывать, чтобы это имѣло

de l'Europe. Quant aux différentes transactions faites entre la Russie et l'Angleterre, qui viennent d'être signées à Pétersbourg, ce traité conclu pouvant devenir public, on ne pouvait certainement y rien stipuler de plus précis sans compromettre les puissances sur le concert et la bonne volonté desquelles on compte; mais des articles secrets y auraient pu suppléer.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 43. Подлинникъ.

№ 19. — Чарторижскій Талейрану.

30 mai (11 juin) 1805.

S. M. I. n'a pas appris sans un véritable intérêt la démarche que le gouvernement français a faite auprès du roi de la Grande-Bretagne pour le rétablissement de la paix. Cette démarche a donné à l'E-r l'espoir de voir renaître la tranquillité générale qui est le plus ardent de ses désirs, et cet espoir s'est encore accru lorsque m. de Novossiltzoff, chambellan actuel de S. M. I. et ministre adjoint de la justice, lui a exprimé, à son retour de Londres, le désir de s. m. britannique que l'E-r voulût se charger de faire parvenir au gouvernement français les conditions auxquelles l'Angleterre souscrirait à la paix, et les sacrifices qu'elle serait disposée à faire pour l'obtenir. — L'E-r s'est rendu à ce

---

счастливыя послѣдствія для замиренія и спокойствія Европы. Что же касается до различныхъ сдѣлокъ между Россіей и Англіей, которыя только-что подписаны въ Петербургѣ, то, такъ какъ этотъ заключенный договоръ можетъ сдѣлаться публичнымъ, въ него, конечно, нельзя было включить ни какой болѣе точной статьи, не компрометируя державы, на согласіе и услуги которыхъ разсчитываютъ; но ихъ могли бы замѣнить тайныя статьи.

30 мая (11 іюня) 1805.

Е. и. в-во узналъ, не безъ истиннаго участія, о попыткѣ касательно возстановленія мира, сдѣланной французскимъ правительствомъ у короля Великобританіи. Эта попытка подала и-ру надежду на возстановленіе всеобщаго спокойствія, которое составляетъ предметъ его самыхъ горячихъ желаній; эта надежда возросла, когда дѣйствительный камергеръ е. и. в-ва и товарищъ министра юстиціи, г. Новосильцовъ, возвратившись изъ Лондона, выразилъ желаніе его британскаго в-ва, чтобы и-ръ соблаговолилъ передать французскому правительству условія, на которыхъ Англія подпишетъ миръ, и мѣры, на которыя она пойдетъ съ этою цѣлью.—И-ръ склонился къ этому

voeu, persuadé que rien ne pourrait contribuer plus efficacement à amener le but constant de sa solicitude, que des communications directes avec celui qui, réglant les destinées de la France, a proclamé tout récemment son désir de la paix. C'est dans cette attente que S. M. I. a voulu parler à sa conviction et lui exprimer ses opinions par l'organe de m. de Novossiltzoff qui a une connaissance entière des principes du cabinet de Russie et qui doit à l'impartialité et la franchise de son caractère la confiance de son maître. Les rapports dans lesquels m. de Novossiltzoff s'est trouvé récemment à Londres, l'ayant mis à même de connaître avec précision les intentions et les voeux de l'Angleterre, S. M. a jugé que personne ne serait plus propre à remplir avec succès l'objet de sa commission actuelle. — V. e. a été instruite par le cabinet de Berlin de la manière dont l'E-r souhaiterait que son plénipotentiaire fût admis à exposer les propositions dont il est chargé, et c'est sur l'assurance que ses désirs à cet égard seront remplis et à la faveur des passeports que vous avez fait parvenir pour m. de Novossiltzoff qu'il se rend à Paris où il aura l'honneur, m-r, de vous remettre cette lettre. S. M. I. en passant à cette occasion sur toutes les formalités usitées, a eu principalement en vue d'accélérer la marche de la négociation; et c'est dans le même but qu'elle a muni éventuellement m. de Novossiltzoff des pleins pouvoirs qui pourraient être nécessaires, s'il y avait lieu d'arrêter et de signer les bases d'une pacification dont les

---

желанію: онъ убѣжденъ, что ничто не можетъ такъ существенно вести къ цѣли его постоянныхъ заботъ, какъ прямыя сношенія съ тѣмъ, кто, управляя судьбами Франціи, только-что возвѣстилъ свое желаніе мира. Въ такихъ-то надеждахъ е. и. в-во пожелалъ обратиться къ его убѣжденію и выразить ему свои мнѣнія черезъ посредство г. Новосильцова, которому вполнѣ извѣстны правила русскаго кабинета и который снискалъ довѣріе своего государя безпристрастіемъ и искренностью своего нрава. Такъ какъ сношенія, въ которыхъ г. Новосильцовъ находился недавно въ Лондонѣ, доставили ему возможность съ точностью узнать намѣренія и желанія Англіи, то е. в-во полагалъ, что никто лучше него не въ состояніи исполнить съ успѣхомъ настоящее порученіе. — Берлинскій кабинетъ увѣдомилъ в. с-во, какого пріема желалось бы и-ру для своего уполномоченнаго, имѣющаго изложить порученныя ему предложенія: въ силу увѣренности въ исполненіи его желаній съ этой стороны и благодаря присланнымъ вами паспортамъ для г. Новосильцова, послѣдній и отправляется въ Парижъ, гдѣ онъ будетъ имѣть честь вручить вамъ, м. г., это письмо. Минуя при этомъ всѣ принятыя формальности, е. и. в-во главнымъ образомъ имѣлъ въ виду ускорить ходъ дѣла. Съ тою же цѣлью онъ снабдилъ на всякій случай г. Новосильцова полномочіями, которыя могли бы

heureux effets rendraient à l'Europe le calme et le bonheur. — Il me sera en mon particulier infiniment agréable de me rappeler, que ce sont des rapports de cette nature qui m'ont fourni l'occasion de vous exprimer l'assurance de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être...

Pétersbourg. Ministère. France, 1805, 1. Черновая.

№ 20. — Рескриптъ Новосильцову.

30 mai (11 juin) 1805.

Je n'ai pas besoin de vous retracer ici les circonstances qui ont donné lieu à la nouvelle commission dont vous êtes chargé. Ayant été à même, depuis votre voyage en Angleterre, de suivre la marche des affaires politiques dans tous leurs détails, vous êtes parfaitement au fait de mes relations avec toutes les puissances de l'Europe aussi bien que des voeux sincères et désintéressés que je fais pour sa prospérité et son indépendance. Les passeports que j'ai demandés au chef du gouvernement français pour vous, par la voie du cabinet de Berlin, ayant été envoyés, il ne me reste qu'à vous prescrire de partir incontinent pour les prendre à votre passage par cette dernière ville et de vous rendre ensuite au lieu que Bonaparte vous fera indiquer. Vous tâcherez, autant que pos-

---

понадобиться, еслибы оказалось возможнымъ установить и подписать условіе замиренія, счастливое дѣйствіе котораго принесло бы Европѣ покой и счастіе.— Мнѣ лично было бы чрезвычайно пріятно вспоминать, что именно такого рода сношенія доставили мнѣ случай увѣрить васъ въ высокомъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь оставаться...

30 мая (11 іюня) 1805.

Не нахожу нужнымъ описывать здѣсь обстоятельства, подавшія поводъ къ новому порученію, возлагаемому на васъ. Со времени вашего путешествія въ Англію, вы имѣли возможность слѣдить за ходомъ политическихъ дѣлъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ: вамъ вполнѣ знакомы мои отношенія ко всѣмъ европейскимъ державамъ, а также мои искреннія и безкорыстныя желанія относительно ихъ благоденствія и независимости. Паспорты для васъ, которые я потребовалъ у главы французскаго правительства черезъ берлинскій кабинетъ, присланы: мнѣ остается только предписать вамъ отправляться немедленно, чтобы взять ихъ при вашемъ слѣдованіи черезъ этотъ городъ и затѣмъ отправляться въ мѣсто, которое будетъ указано вамъ Бонапартомъ. Вы по-

sible, d'établir le siège de votre négociation à Paris à moins qu'elle ne dût en être retardée de beaucoup.—Je n'ai au surplus aucune direction particulière à vous donner. Vous connaissez ma manière d'envisager les affaires en général,—ce que je pense de la crise actuelle et quels sont mes moyens et mes intentions. Je sais que vous ne perdrez jamais de vue l'ensemble de ces données et que vous ne négligerez rien de ce qui pourrait concourir à remplir mon attente. — Mon ministère vous remettra les pleins pouvoirs dont vous auriez besoin pour conclure la paix, si Bonaparte y apporte des dispositions semblables aux miennes. Ayant pris part aux discussions qui ont eu lieu pour fixer, de concert avec l'Angleterre, les bases de pacification, c'est d'amener Bonaparte à y souscrire que vous vous efforcerez, et vous êtes informez jusqu'où vous pouvez céder dans l'espoir d'obtenir la paix.—Le terme de ma condescendance est l'honneur de mon empire, qui doit rester intact, et la bonne foi que je veux garder envers mes alliés et particulièrement envers s. m. britannique.—Ces principes sont ceux que vous suivrez constamment, et quant à leur application je vous donne une entière latitude d'agir comme vous le jugerez le plus convenable pour le bien de la chose commune et pour celui de mon empire. Cependant quels que soient les termes auxquels vous vous arrêterez avec Bonaparte, je ne saurais assez vous recommander de ne souscrire qu'à des stipulations claires et

---

стараетесь по возможности вести ваше дѣло въ Парижѣ, если только оно не слишкомъ задержится черезъ это.—Затѣмъ не имѣю ничего приказать вамъ. Вамъ извѣстенъ мой взглядъ на дѣла вообще, а также мое мнѣніе о нынѣшнемъ переломѣ; вы знаете, каковы мои средства и намѣренія. Я знаю, что вы никогда не упустите изъ виду цѣлостности этихъ данныхъ и не пренебрежете ничѣмъ, что могло бы содѣйствовать оправданію моихъ ожиданій.—Мое министерство вручитъ вамъ полномочія, которыя понадобятся вамъ для заключенія мира, если у Бонапарта окажется сходное съ моимъ расположеніе. Вы принимали участіе въ обсужденіи основъ замиренія въ согласіи съ Англіей: теперь ваше дѣло—склонить Бонапарта къ ихъ подписанію; и вамъ сказано, до чего вы можете уступать въ надеждѣ на миръ.—Предѣлъ моихъ уступокъ—честь моей имперіи, которая не должна быть затронута, и добросовѣстность, которую мнѣ хотѣлось бы сохранить относительно моихъ союзниковъ, въ особенности же его британскаго в-ва. — Вы должны неизмѣнно слѣдовать этимъ правиламъ; а что касается ихъ примѣненія, то я даю вамъ полный просторъ дѣйствовать, какъ вамъ покажется выгоднѣе для блага общаго дѣла и моей имперіи. Впрочемъ, на чемъ бы вы ни сошлись съ Бонапартомъ, я не нахожу достаточно сильныхъ выраженій, чтобъ внушить вамъ подписываться только подъ ясными и точными условіями, которыя не подавали бы повода къ дву-

précises, qui ne puissent donner matière à double entente et à de nouvelles discussions; et il sera nécessaire d'insister également sur l'évacuation prompte de certains points occupés en ce moment par les français, pour obtenir par ce moyen une première sûreté, que l'on ne sera pas trompé dans l'exécution d'un traité de paix auquel Bonaparte paraîtrait consentir. Il y cherchera probablement à traîner la négociation en longueur, et vous devez surtout être sur vos gardes pour l'empêcher. Il est instant que vous pressiez, autant que possible, votre voyage et, une fois arrivé à Paris, vos pourparlers avec Bonaparte; attendu que je crois devoir vous prescrire positivement de mener les choses de manière à ce que je reçoive ici la nouvelle de l'issue finale de votre négociation avant le 18 août vieux stile, et même plutôt si faire se pourra, et que je sois instruit à cette époque, que vous avez signé la paix ou que vous avez quitté Paris; afin que dans ce dernier cas je puisse profiter du reste de la bonne saison pour donner suite aux résolutions que les circonstances d'alors nécessiteront. — M'étant expliqué positivement sur les conditions que je mettais à votre envoi à Paris et qui portaient que vous pourriez traiter directement avec Bonaparte, sans cependant être obligé de reconnaître, avant la conclusion de votre travail, le titre qu'il a pris, je vous recommande de ne point vous écarter de ce mode et d'être attentif à ne point vous en laisser détourner par les subterfuges

---

смыслію и къ новымъ обсужденіямъ; необходимо также настаивать на быстромъ очищеніи извѣстныхъ мѣстъ, занятыхъ теперь французами, чтобы пріобрѣсти этимъ путемъ первую увѣренность въ томъ, что не обманутся въ исполненіи мирнаго договора, на которое Бонапартъ, повидимому, согласенъ. Возможно, что онъ попытается затянуть дѣло; но вы должны особенно стараться не допускать этого. Необходимо, чтобы вы возможно больше ускорили ваше путешествіе, а по пріѣздѣ въ Парижъ — ваши переговоры съ Бонапартомъ. Поэтому считаю долгомъ предписать вамъ положительно такъ вести дѣло, чтобы я получилъ здѣсь извѣстіе объ окончательномъ исходѣ вашихъ переговоровъ до 18 августа ст. ст., и даже, если можно, раньше, и чтобы я уже зналъ тогда, что вы или подписали миръ, или оставили Парижъ: въ послѣднемъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы успѣть воспользоваться остаткомъ хорошей п оды, чтобы исполнить мои рѣшенія, которыя тогда потребуются обстоятельс ми.—Я изъяснилъ положительно условія вашей отправки въ Парижъ. Они д тъ вамъ возможность договариваться съ Бонапартомъ непосредственно; но н бязываютъ признавать принятый имъ титулъ, пока не кончится ваша раб : совѣтую вамъ не отступать отъ этого пути и смотрѣть, чтобы васъ не с и съ него разными уловками. — Наконецъ, чтобы вы знали все, что мо- з повліять на успѣхъ вашего порученія, я предписываю гр. Разумовскому

qu'on emploiera à cet effet. — Pour ne rien vous laisser ignorer enfin de ce dont la connaissance peut influer sur le succès de vos démarches, je prescris au comte de Razoumoffsky de vous annoncer directement les résolutions que la cour de Vienne prendra définitivement. — Acquittez vous de cette commission avec le zèle que vous êtes habitué à apporter à l'exécution de mes ordres, et si vos efforts n'étaient point couronnés d'un heureux succès, vous n'en conserverez pas moins, vu les difficultés que vous aurez à surmonter, tous vos titres à ma bienveillance.

Pétersbourg. Paris, 1805, 1. Черновая.

№ 21. — Полномочіе Новосильцову.

30 мая (11 іюня) 1805.

Обращая всегда наше вниманіе къ сохраненію въ Европѣ спокойствія, мы тщательно стараемся отклонить настоящую войну между Англіею и Франціею; и хотя безуспѣшны были старанія наши, но не преставали мы въ послѣдствіи дѣятельно пещися о изысканіи средствъ на прекращеніе оной. Наклонность къ миру, въ недавнемъ времени оказанная французскимъ правительствомъ сентъ-жемскому кабинету, объясненія, послѣдовавшія за симъ между нами и королемъ великобританскимъ, приглашеніе, сдѣланное намъ симъ государемъ, чтобъ учинить Франціи взаимно мирныя предложенія, основанныя на началахъ, могущихъ прочно утвердить политическое бытіе каждаго правительства, и наконецъ удостовѣреніе, данное намъ его великобританскимъ в-мъ, что онъ полагается въ полной мѣрѣ на все то, что нами съ Франціею постановлено будетъ по сему предмету,—побудили насъ послать для того во Францію особу, пріобрѣтшую особенную довѣренность нашу. Для сего мы избрали, назначили и уполномочили намъ любезновѣрнаго Николая Новосильцова и проч.; якоже симъ назначаемъ, избираемъ и уполномочиваемъ его, по прибытіи во Францію, учинить таковыя предложенія, и буде оныя будутъ приняты, то вступить тогда въ переговоры съ тѣмъ или тѣми, кто для сего со стороны французскаго правитель-

---

сообщить вамъ прямо объ окончательныхъ рѣшеніяхъ вѣнскаго договора. — Исполните же это мое порученіе съ усердіемъ, которое вы обыкновенно обнаруживаете при исполненіи моихъ приказаній; и еслибы ваши старанія не увѣнчались счастливымъ успѣхомъ, вы все-таки сохраните всѣ права на мое благоволѣніе въ виду предстоящихъ вамъ затрудненій.

ства достаточно уполномочены будутъ, заключить съ ними и подписать актъ или договоръ, относящійся до основаній, на коихъ возстановится миръ между воюющими державами и спокойствіе во всей Европѣ. Обѣщаемъ императорскимъ словомъ нашимъ за себя и за короля великобританскаго, по увѣренію отъ е. в-ва намъ данному, за благо принять и вѣрно исполнять все то и проч.

Pétersbourg. Paris, 1805, 2. Черновая.

№ 22. — Проектъ договора между Россіей и Франціей.

30 mai (11 juin) 1805.

Projet de traité à conclure entre la Russie et la France pour servir de base au rétablissement de la paix de cette dernière puissance avec la Grande-Bretagne et à l'établissement d'un ordre de choses stable en Europe. — S. m. l'e-r de toutes les Russies et s. m. l'e-r des français, pénétrés de la nécessité d'amener l'établissement en Europe d'un ordre de choses stable et permanent, qui détermine avec précision les droits de chacun des différents états qui en font partie, et ayant reconnu que le premier pas qu'il y aurait à faire, pour arriver à ce but désirable, serait le rétablissement de la paix entre la France et la Grande-Bretagne; ll. dites majestés ont nommé et autorisé, savoir s. m. le s-r NN et s. m. le s-r NN, pour discuter et arrêter tout ce qui est relatif à ces deux objets, lesquels plénipotentiaires, après s'être communiqué et avoir vérifié leurs pleins pouvoirs trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants. — *Art. I.* Le traité de Lunéville du 9 fé-

---

Проектъ договора между Россіей и Франціей, долженствующаго служить основаніемъ для возстановленія мира между этою послѣднею державой и Великобританіей и для установленія прочнаго порядка вещей въ Европѣ. — Е. в-во и-ръ всероссійскій и е. в-во и-ръ французовъ, проникнутые необходимостью установить въ Европѣ прочный и постоянный порядокъ вещей, который опредѣлилъ бы точно права каждаго изъ составляющихъ ее государствъ, признавъ, что первымъ шагомъ на пути къ этой желанной цѣли должно быть возстановленіе мира между Франціей и Великобританіей, назначили и уполномочили, е. в-во... г-на NN, а е. в-во... г-на NN, чтобы обсуждать и постановлять все, касающееся этихъ двухъ предметовъ. Эти уполномоченные, снесшись между собой и провѣривъ свои полномочія, которыя оказались въ полной и надлежащей формѣ, согласились насчетъ слѣдующихъ статей. — *Ст. I.* Люневильскій договоръ 9 февраля 1801, лондонскія предварительныя условія

vrier 1801, les préliminaires de Londres du 1 octobre 1801, le traité définitif d'Amiens, le traité de paix de Paris du 8 octobre 1801 et la convention secrète du 10 du même mois serviront de base au rétablissement de la paix entre la France et la Grande-Bretagne et au règlement de tout ce qui tient à l'établissement d'un ordre de choses stable et permanent en Europe. Les stipulations de ces différentes transactions seront maintenues dans toute leur force et teneur sauf les modifications ou additions que les circonstances pourraient exiger et qui seront déterminées dans les articles subséquents du présent acte [1]). — *Art. II.* Les articles 2, 4, 5 et 6 de la convention secrète du 10 octobre 1801 n'ayant point été remplis jusqu'ici et cette circonstance ayant contribué à ramener l'état de guerre entre la France et la Grande-Bretagne ou en ayant été une suite, les hautes parties contractantes sont convenues de régler les objets auxquels ils sont relatifs de la manière suivante. — 1) Les troupes françaises évacueront immédiatement toute l'Italie depuis les Alpes jusqu'à la partie la plus méridionale du royaume de Naples. —

[1]) *Note marginale.* Cet article ne saurait être rédigé ainsi que dans le cas où m. de Novossiltzoff sera déjà convenu des principales modifications et additions que les traités y énoncés doivent éprouver, car sans cela le gouvernement français pourrait s'attacher au sens littéral de cet article, pour ne plus consentir ensuite aux changements qu'il est nécessaire d'obtenir.

10 октября 1801, окончательный договоръ амьенскій, мирный парижскій договоръ 8 октября 1801 и тайное соглашеніе 10-го того же мѣсяца, — вотъ основанія для возстановленія мира между Франціей и Великобританіей и для опредѣленія всего, что̀ касается установленія твердаго и постояннаго порядка вещей въ Европѣ. Условія этихъ различныхъ сдѣлокъ будутъ соблюдаться во всей ихъ силѣ и точности, за исключеніемъ тѣхъ перемѣнъ или добавленій, которыя могутъ потребоваться обстоятельствами и будутъ опредѣлены послѣдующими статьями нынѣшней бумаги [1]). — *Ст. II.* Статьи 2, 4, 5 и 6 тайнаго соглашенія 10 октября 1801 доселѣ не пополнены, что̀ и содѣйствовало войнѣ между Франціей и Великобританіей или было ея послѣдствіемъ: посему высокія договаривающіяся стороны условились установить относящіеся къ нимъ предметы слѣдующимъ образомъ. — 1) Французскія войска немедленно очищаютъ всю Италію, отъ Альпъ до самой южной части Неаполитанскаго королевства. — 2) Сардинскій король возстановляется въ своихъ пьемонтскихъ

[1]) *Приписка на полѣ.* Эту статью нужно написать такъ только въ томъ случаѣ, если г. Новосильцовъ уже условится насчетъ главныхъ перемѣнъ и добавленій, которымъ должны подвергнуться упомянутые договоры: иначе французское правительство могло бы схватиться за буквальный смыслъ этой статьи, чтобы не соглашаться потомъ на перемѣны, которыхъ необходимо добиться.

2) Le roi de Sardaigne sera rétabli dans la possession du Piémont auquel il sera joint le territoire compris derrière une ligne tirée de . . . à . . . Ce souverain jouira d'une indépendance absolue, sera libre de fortifier ses états de la manière dont il le jugera le plus nécessaire à sa sûreté, il pourra entretenir un corps de troupes respectable et former telles alliances et pactes qu'il trouvera convenable, pourvu qu'ils ne stipulent pas la réunion du Piémont à la France, qui doit en rester séparé à jamais. — *Art. III.* La stipulation de l'art. XI du traité de Lunéville relative à l'indépendance des républiques Batave, Helvétique, Cisalpine et Ligurienne et à la faculté aux peuples, qui les habitent, d'adopter telle forme de gouvernement qu'ils jugeraient convenable, n'ayant point procuré à ces états, et particulièrement à la Suisse et à la Hollande, le calme et la tranquillité dont elles auraient dû jouir, les hautes parties contractantes ont jugé nécessaire de s'entendre plus particulièrement sur ces objets, et en conséquence elles sont convenues de ce qui suit. — 1) Les troupes françaises évacueront immédiatement le territoire de la république Batave, et la maison d'Orange y sera rétablie dans toutes ses dignités, et cette république jouira de tous les droits d'un état entièrement indépendant et pourra en conséquence fortifier ses limites, entretenir un corps de troupes respectable et former les alliances qu'elle jugera convenables à sa sûreté.

владѣніяхъ, къ которымъ присоединяется земля позади линіи, проведенной отъ... до... Этотъ государь будетъ пользоваться полною независимостью и свободой укрѣплять свои владѣнія, какъ покажется ему нужнымъ для его безопасности; онъ будетъ содержать внушительный корпусъ войскъ и заключать какіе угодно союзы и договоры, лишь бы въ нихъ не признавалось присоединеніе Пьемонта къ Франціи, которые должны быть навѣки отдѣлены другъ отъ друга. — *Ст. III.* Условіе статьи XI люневильскаго договора относительно независимости республикъ Батавской, Гельветской, Цизальпійской и Лигурійской и свободы ихъ обитателей выбрать себѣ какую угодно форму правленія не доставило этимъ государствамъ, и особенно Швейцаріи и Голландіи, должнаго спокойствія: посему высокія договаривающіяся стороны сочли нужнымъ условиться особо насчетъ этихъ предметовъ, и онѣ пришли къ слѣдующему соглашенію.—1) Французскія войска оставляютъ немедленно земли Батавской республики, гдѣ возстановляется Оранскій домъ во всемъ своемъ достоинствѣ, и эта республика будетъ пользоваться всѣми правами совершенно независимаго государства, а слѣдовательно будетъ укрѣплять свои границы, содержать внушительный корпусъ войскъ и заключать союзы, какіе покажутся ей нужными для ея безопасности. Франція будетъ всегда уважать нейтралитетъ этого государства и уступитъ ему Антвер-

La neutralité de cet état sera constamment respectée par la France, et cette puissance lui cèdera la ville d'Anvers et le territoire compris derrière une ligne tirée de cette ville à Maestricht. — 2) L'indépendance et la neutralité de la Suisse sont solennellent reconnues par les deux puissances contractantes et le seront également par toutes les puissances qui prendront part au présent acte. Cet état sera entièrement libre de se donner tel gouvernement qu'il jugera nécessaire pour le bonheur de ses habitants, de former les alliances qu'il croira pouvoir contribuer à sa sûreté, et il est convenu qu'aucune puissance voisine n'y fera entrer des troupes sous quelque prétexte que ce soit. — *Art. IV.* L'article X du traité d'Amiens étant devenu entre la France et l'Angleterre un sujet de contestation et même de guerre, il est convenu, entre S. M. l'E-r de Toutes les Russies (en son nom et en celui de s. m. britannique) [1]) d'une part et s. m. l'e-r des français de l'autre, d'envisager le dit article comme nul et non advenu. L'île de Malte et ses dépendances seront mises sous la garde de S. M. l'E-r de Toutes les Russies, et les trois puissances énoncées ci-dessus s'occuperont immédiatement à discuter et régler un arrangement définitif pour cette île, qui soit à la convenance des indigènes et qui en assure l'indépendance, soit par le maintien d'une garnison russe, comme cela avait été proposé par le gouvernement

[1]) *Note marginale.*—Ce qui est en parenthèse ne peut être inséré que dans le cas où l'Angleterre aurait consenti à la cession de Malte.

пенъ, а также землю позади линіи, проведенной отъ этого города до Маастрихта.—2) Независимость и нейтралитетъ Швейцаріи торжественно признаются обѣими договаривающимися державами, а также всѣми державами, которыя примутъ участіе въ настоящей бумагѣ. Этому государству предоставляется вполнѣ свободно выбрать себѣ правительство, которое оно сочтетъ нужнымъ для счастья своихъ обитателей, а также заключать союзы, которые оно сочтетъ полезнымъ для своей безопасности. Признано также, чтобы никакая сосѣдняя держава не вводила туда своихъ войскъ ни подъ какимъ предлогомъ.—*Ст. IV.* Статья X амьенскаго договора стала предметомъ споровъ и даже войны между Франціей и Англіей; посему е. в-во и-ръ всероссійскій (самъ и отъ имени его британскаго в-ва) [1]) съ одной стороны и е. в—во и-ръ французовъ съ другой, условились считать сказанную статью несуществующею. О. Мальта и его владѣнія отдаются на храненіе е. в-ву и-ру всероссійскому, и вышеупомянутыя три державы немедленно займутся обсужденіемъ и установленіемъ окончательнаго устройства этого острова, которое подходило бы къ туземцамъ и обезпечивало бы имъ независимость или посред-

[1]) *Приписка на полѣ.* То, что въ скобкахъ, должно вставить лишь въ томъ случаѣ, если Англія согласится на уступку Мальты.

français, ou par tel autre moyen qui remplirait ce but efficacement. — *Art. V.* L'indépendance de la république Jonienne intéressant également les deux hautes parties contractantes et s. m. britannique, il est convenu que ces trois puissances s'occuperont immédiatement des mesures les plus propres à assurer l'indépendance de cet état d'une manière solide, soit en y conservant une garnison russe de... mille hommes pendant un certain nombre d'années, soit en lui procurant, par des bons offices communs auprès de la Porte Ottomane, des privilèges étendus, des postes de sûreté sur le continent ex-vénitien et tels autres avantages que la localité des Sept-Iles pourrait exiger. S. M. l'E-r de Toutes les Russies promet de retirer immédiatement du territoire de la république Jonienne la majeure partie de ses forces, et de n'y laisser que les premières troupes qu'elle y avait envoyées sur l'invitation du gouvernement français de s'occuper du maintien de l'ordre et de la tranquillité dans cet état, et le reste aussitôt que les susdits arrangements auront été arrêtés et mis à exécution. — *Art. VI.* Les nouveaux arrangements convenus ici pour l'Italie et pour la Hollande exigeant des changements en Allemagne, les hautes parties contractantes sont convenues: — 1) Que les états actuellement possédés par l'électeur de Saltzbourg seraient partagés de la manière suivante: les pays de Saltzbourg, Berchtesgaden et Passau seront réunis à la monarchie Autrichienne et

---

ствомъ русскаго гарнизона, какъ было предложено французскимъ правительствомъ, или инымъ средствомъ, которое дѣйствительно вело бы къ этой цѣли.— *Ст. V.* Независимость Іонійской республики интересуетъ одинаково обѣ высокія договаривающіяся стороны и его британское в-во: посему принято, что эти три державы немедленно займутся самыми дѣйствительными мѣрами для прочнаго обезпеченія независимости этому государству посредствомъ-ли оставленія въ немъ русскаго гарнизона въ ... тысячъ на извѣстное число лѣтъ, или добывъ ему общими усиліями у Оттоманской Порты широкія преимущества, какъ-то: охранныя мѣста на бывшемъ венеціанскомъ материкѣ и другія выгоды, которыя могутъ потребоваться положеніемъ Семи Острововъ. Е. в-во и-ръ всероссійскій обѣщаетъ немедленно удалить изъ владѣній Іонійской республики большую часть своихъ силъ, оставивъ тамъ только первыя войска, сланныя имъ туда, когда французское правительство пригласило его заться сохраненіемъ порядка и спокойствія въ этомъ государствѣ, а осталью часть онъ удалитъ, какъ только состоится вышеупомянутое соглашеніе будетъ приведено въ исполненіе.—*Ст. VI.* Такъ какъ новыя условія, поавленныя здѣсь относительно Италіи и Голландіи, требуютъ измѣненій въ ерманіи, то высокія договаривающіяся стороны пришли къ слѣдующему соашенію.—1) Земли, занятыя теперь курфюрстомъ Зальцбургскимъ, раздѣлить

la partie d'Aichstaedt à l'électorat de Bavière. -- 2) Le Brisgau et l'Ortenau seront réunis à l'électorat de Bade.—3) Le pays de Fulde sera réuni aux états prussiens. — *Art. VII.* S. M. l'E-r de Toutes les Russies promet, au nom de s. m. britannique, que l'Agleterre restituera à la France et à la Hollande toutes les conquêtes faites dans la présente guerre et nommément à la première..., à la seconde... — *Art. VIII.* Pour procurer le plus promptement possible à l'Europe le calme et la paix, s. m. britannique sera invitée d'accéder incontinent aux stipulations du présent acte [1]), *et S. M. l'E-r de Toutes les Russies, connaissant les sentiments du roi de la Grande-Bretagne à cet égard, en prend dès à présent l'engagement en son nom.* — *Art. IX.* Aussitôt que le présent acte aura été signé, il en sera fait une expédition en forme, qui sera adressée à s. m. britannique, et dès qu'elle y aura accédé, la paix sera rétablie entre la France et la Grande-Bretagne, et les hostilités cesseront, et les restitutions auront lieu dans les termes fixés par les préliminaires de Londres et par le traité définitif d'Amiens. — *Art. X.* Les différentes puissances de l'Europe, intéressées aux stipulations renfermées dans le présent acte, seront invitées à y souscrire, chacune en ce qui la concerne. — *Art. XI.* Pour consommer le règlement d'un ordre de choses

[1]) *Note marginale.*—Ce paragraphe sousligné ne saurait être inséré que si le traité est littéralement conforme aux bases de pacification.

такъ: Зальцбургъ, Берхтесгаденъ и Нассау присоединяются къ Австрійской монархіи, а часть Эйхштедта—къ баварскому курфюршеству.—2) Брейсгау и Ортенау присоединяются къ баденскому курфюршеству.—3) Фульда присоединяется къ прусскимъ владѣніямъ.—*Ст. VII.* Е. в-во и-ръ всероссійскій обѣщаетъ именемъ е. бр-аго в-ва, что Англія возвратитъ Франціи и Голландіи всѣ завоеванія, сдѣланныя въ эту войну, а именно: первой..., второй...—*Ст. VIII.* Чтобы возможно скорѣе доставить Европѣ спокойствіе и миръ, е. б. в-во будетъ приглашенъ тотчасъ присоединиться къ условіямъ настоящей бумаги [1]), *и е. в-во и-ръ всероссійскій, зная чувства короля Великобританіи въ этомъ отношеніи, теперь же соглашается на это его именемъ.*—*Ст. XI.* Какъ только настоящая бумага будетъ подписана, она будетъ формально отправлена къ е. б. в-ву, и какъ только онъ приступитъ къ ней, тотчасъ возстановится миръ между Франціей и Великобританіей, прекратятся военныя дѣйствія и завоеванія будутъ возвращены въ сроки, опредѣленные лондонскими предварительными условіями и окончательнымъ миромъ въ Амьенѣ.—*Ст. X.* Европейскія государства, заинтересованныя въ условіяхъ настоящей бумаги, будутъ приглашены подписаться подъ нею, каж-

[1]) *Приписка на полѣ.* Это подчеркнутое мѣсто вносится лишь въ томъ случаѣ, если договоръ будетъ буквально согласенъ съ основаніями замиренія.

stable et permanent en Europe, les hautes parties contractantes sont tombées d'accord d'inviter immédiatement les principales puissances de l'Europe à nommer des ambassadeurs pour un congrès qui s'assemblerait à..., et qui s'occuperait à discuter et à fixer les objets qui peuvent contribuer à assurer et garantir l'indépendance des états de l'Europe. — Il y sera principalement pris en considération le besoin, que chacun d'eux peut avoir d'assurer l'intégrité de son territoire, par l'établissement de forteresses sur ses limites, et l'intérêt que l'un ou l'autre aurait de maintenir sa neutralité et de la faire respecter par des alliances. — Les différentes puissances qui seront appelées à prendre part à ce congrès sont: la Russie, la France et l'Angleterre, l'e-r d'Autriche, le roi de Prusse, l'empire d'Allemagne, le roi de Suède, le roi d'Espagne etc.— *Art. XII.* Pour éloigner de ce congrès tout ce qui pourrait faire naître la moindre aigreur dans les discussions et pour procurer réciproquement à toutes les puissances la facilité de communiquer entre elles sur le pied le plus amical, les hautes parties contractantes sont convenues qu'elles travailleront immédiatement de concert au rétablissement des relations de commerce entre la France et la Suède et de celles de la bonne harmonie entre la France et la Porte Ottomane. — *Art. XIII.* Le présent acte sera ratifié etc.

Pétersbourg. Paris, 1805, 3. Черновая.

дая насколько она касается ея.—*См. XI.* Чтобы покончить съ установленіемъ прочнаго и постояннаго порядка вещей въ Европѣ, высокія договаривающіяся стороны согласились немедленно пригласить главныя державы Европы назначить посланниковъ для конгресса, который соберется въ.... и займется обсужденіемъ и установленіемъ всего, что могло бы содѣйствовать обезпеченію независимости европейскихъ государствъ.— Тамъ главнымъ образомъ приняли бы въ соображеніе, что каждое изъ нихъ можетъ нуждаться въ обезпеченіи неприкосновенности своихъ земель посредствомъ устройства пограничныхъ крѣпостей и въ сохраненіи своего нейтралитета, заставляя уважать его посредствомъ союзовъ.—Вотъ государства, которыя будутъ приглашены принять участіе въ этомъ конгрессѣ: Россія, Франція и Англія, австрійскій и-ръ, прусскій король, нѣмецкая имперія, шведскій король, испанскій король и проч.—*См. XII.* Чтобы устранить на этомъ конгрессѣ всякій поводъ къ малѣйшему раздраженію въ обсужденіяхъ и чтобы доставить всѣмъ державамъ единственно возможность удобно сноситься между собой на самой дружеской ногѣ, высокія договаривающіяся стороны согласились немедленно работать единодушно надъ возстановленіемъ торговыхъ сношеній между Франціей и Швеціей и добраго согласія между Франціей и Оттоманской Портой.—*См. XIII.* Настоящая бумага будетъ утверждена и проч.

№ 23. — Проектъ декларацiи русскаго уполномоченнаго.

30 mai (11 juin) 1805.

L'article II de la convention secrète du 10 octobre 1801 ayant reçu son exécution entière par les stipulations de l'acte signé aujourd'hui, il ne reste qu'un passage sur lequel la cour impériale de Russie aurait à s'expliquer pour satisfaire les voeux du gouvernement français. Le soussigné est autorisé en conséquence de déclarer à cet égard que S. M. l'E-r, son auguste maître, s'occupera de suite à rassembler des données précises et propres à mettre dans leur véritable jour les principes du code maritime, adopté par l'Angleterre; et dans le cas où, contre une attente pleinement fondée, il se trouverait dans le dit code quelques dispositions contraires à la justice et au droit des gens, l'E-r de Toutes les Russie s'empresserait d'interposer ses bons offices pour engager s. m. britannique à y remédier. — Fait à...

Pétersbourg. Paris, 1805, 4. Черновая.

№ 24. — Чарторижскiй Новосильцову.

9/21 juin 1805.

Une estafette arrivée de Vienne a apporté au comte de Stadion la dépêche dont je joins ici copie. V. e. verra par son contenu ce que la

---

30 мая (11 іюня) 1805.

Такъ какъ статья II тайнаго соглашенія 10 сентября 1801 г. вполнѣ исполнена путемъ условій бумаги, подписанной сегодня, но остается одно только мѣсто, насчетъ котораго императорскій дворъ долженъ объясниться, чтобы удовлетворить желаніямъ французскаго правительства, то нижеподписавшійся уполномоченъ заявить, что е. в-во и-ръ, его августѣйшій государь, тотчасъ займется собираніемъ точныхъ данныхъ, представляющихъ въ истинномъ свѣтѣ начала морскаго права, усвоеннаго Англіей; и въ случаѣ, еслибы, вопреки вполнѣ основательному ожиданію, въ упомянутомъ правѣ оказались нѣкоторыя мѣры, противныя справедливости и международному праву, и-ръ всероссійскій поспѣшитъ предложить свои услуги, чтобы склонить е. бр-кое в-во къ исправленію дѣла.—Составлено въ...

9/21 іюня 1805.

Вѣнская эстафета доставила графу Стадіону депешу, списокъ которой прилагаю здѣсь. Изъ нея в. с-во увидите то, что̀ уже знаете путемъ глас-

voix publique lui aura déjà appris, c'est qu'une faible partie du sénat de Gênes, en l'absence du doge et des principaux sénateurs, a décrété de demander à Bonaparte la réunion de la république Ligurienne à la France. On ne saurait méconnaître dans cette démarche un nouveau développement du système que ce chef du gouvernement français a adopté à l'égard de l'Italie, et qui amènera l'asservissement successif de tous les états qui en font partie. M'étant empressé de rendre compte à S. M. I. de cet évènement, elle m'a chargé de vous instruire de la manière dont elle l'envisage, et de la conduite qu'elle juge convenable de vous prescrire à cet égard. — Lorsque l'E-r a souscrit à la proposition qui lui a été faite par S. M. britannique de vous envoyer auprès de Bonaparte, pour répondre à une démonstration pacifique que celui-ci avait faite, S. M. I. a été principalement guidée par deux motifs également puissants: l'un de complaire à un souverain prêt à faire des efforts et des sacrifices pour assurer le repos général, l'autre de tirer avantage pour tous les états de l'Europe d'un désir de paix qu'on aurait dû croire sincère à la solennité avec laquelle il a été annoncé. Les rapports existants entre la Russie et la France auraient pu apporter des entraves insurmontables à une négociation de paix par l'organe d'un ministre russe, mais S. M. I. a passé sur tous les sujets de mécontentement personnel qu'elle avait, sur toutes les formalités usitées, et elle s'est bornée à faire connaître

---

ности, т.-е. что небольшая часть сената въ Генуѣ, въ отсутствіи даже и главныхъ сенаторовъ, постановила просить Бонапарта о присоединеніи Лигурійской республики къ Франціи. Нельзя не признать въ этомъ поступкѣ новаго развитія системы, принятой главою французскаго правительства относительно Италіи,—системы, которая приведетъ къ послѣдовательному порабощенію всѣхъ государствъ, входящихъ въ ея составъ. Я поспѣшилъ доложить е. и. в-ву объ этомъ событіи; и онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, какъ онъ смотритъ на него и какъ вы должны вести себя въ этомъ отношеніи.— Когда и-ръ согласился на предложеніе его британскаго в-ва послать васъ къ Бонапарту, чтобы отвѣчать на мирное заявленіе послѣдняго, е. и. в-во руководился преимущественно двумя равносильными побужденіями: одно—угодить государю, готовому на участіе и жертвы для обезпеченія всеобщаго спокойствія, друг[ое]—извлечь выгоды для всѣхъ государствъ Европы изъ миролюбія, въ к[от]ренность котораго можно было вѣрить, судя по той торжественности, съ к[от]орою оно было возвѣщено. Нынѣшнія отношенія между Россіей и Франціей г[от]ли бы положить непреодолимыя препятствія мирнымъ переговорамъ чрезъ с[ре]дство русскаго министра; но е. и. в-во пренебрегъ всѣми причинами л[ич]наго недовольства, всѣми общепринятыми формальностями. И онъ ограни[чи]лся тѣмъ, что далъ понять, что, посылая уполномоченнаго къ Бонапарту,

qu'en envoyant un plénipotentiaire près de Bonaparte, elle n'entendait pas reconnaître le titre qu'il a pris, et qu'elle ne demandait des passeports pour vous que dans le cas où le chef du gouvernement français déclarerait qu'il est animé encore du désir de rendre la paix à l'Europe, qu'il a paru vouloir manifester dans sa lettre à s. m. b-que. Cette assurance préalable paraissait d'autant plus nécessaire que Bonaparte, immédiatement après la réponse donnée par s. m. b-que à la lettre du 1-r janvier, s'était revêtu du titre de roi d'Italie, qui pouvait déjà apporter des entraves à la conclusion de la paix. Le cabinet des Tuileries n'a cependant fait aucune difficulté de déclarer qu'il persistait dans son intention d'y prêter les mains sincèrement, et cette assurance se trouve renfermée dans la réponse du ministre Talleyrand au baron de Hardenberg dont vous avez la copie; mais quel est le degré de confiance que peuvent inspirer des assertions semblables lorsqu'elles sont toujours démenties par les faits? Comment croire que Bonaparte, en vous faisant expédier les passeports nécessaires à votre voyage, songeait sérieusement à rendre la paix à l'Europe, puisque dans l'intervalle qui s'écoule entre l'expédition de ces passeports et votre arrivée près de lui, il procède à des mesures qui, loin de pouvoir apporter des facilités au rétablissement de la paix, sont de nature à la rendre entièrement impossible? — C'est uniquement dans l'espoir d'assurer le bonheur et l'indépendance de tous

---

онъ не думалъ признавать присвоеннаго имъ титула, и что онъ потребуетъ паспортовъ для васъ лишь въ томъ случаѣ, когда глава французскаго правительства заявитъ, что онъ все еще одушевленъ тѣмъ желаніемъ даровать миръ Европѣ, которое ему, повидимому, хотѣлось обнаружить въ своемъ письмѣ его бр-му в-ву. Это предварительное удостовѣреніе казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что тотчасъ послѣ отвѣта е. бр-го в-ва на письмо отъ 1-го января Бонапартъ облекся въ титулъ итальянскаго короля, который уже могъ воспрепятствовать заключенію мира. Между тѣмъ Тюльерійскій кабинетъ нисколько не затруднился заявить, что онъ держится своего намѣренія искренно помочь послѣднему: это удостовѣреніе заключается въ отвѣтѣ министра Талейрана барону Гарденбергу, списокъ котораго въ вашихъ рукахъ. Но какъ же вѣрить подобнымъ увѣреніямъ, когда дѣла постоянно опровергаютъ ихъ? Какъ повѣрить, чтобы Бонапартъ, посылая вамъ необходимые для путешествія паспорты, серьезно думалъ даровать миръ Европѣ, когда въ промежуткѣ времени между отправкой этихъ паспортовъ и вашимъ прибытіемъ къ нему онъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ, которыя не только не могутъ облегчить возстановленіе мира, но, по самому своему существу, способны сдѣлать его совсѣмъ невозможнымъ?—Е. в-во согласился взять на себя бремя переговоровъ съ главой французскаго правительства единственно въ надеждѣ на обезпеченіе благо-

les états de l'Europe que S. M. a consenti à se charger du fardeau de négocier avec le chef du gouvernement français, et celui-ci ne pouvait s'occuper de réunir à la France l'état de Gênes dont l'existence est garantie par des traités solennels, sans lever entièrement le masque et sans dévoiler son intention de ne respecter aucun engagement passé et de n'admettre dorénavant aucunes propositions raisonnables pour la pacification générale.—Les déterminations prises par le sénat ligurien, sous l'influence immédiate du ministre de France Salicetti, prouvent d'une manière irrécusable que les déclaration que renferme la lettre de Talleyrand, aussi bien que les expressions de celle adressée à s. m. b-que, ne sont qu'un jeu de la politique constamment suivie par le chef du gouvernement français qui, en protestant de sa modération et de son désir de la paix, se croit autorisé par le silence général à continuer ses envahissement qu'il se hâte d'exécuter pour alléguer, lorsqu'ils sont consommés, que la dignité de la France ne permet plus de les retracter.—Cette marche, plutôt que toute autre circonstance, a amené la guerre présente, et l'on ne saurait par conséquent se flatter de la terminer et de rendre à l'Europe la paix et le bonheur lorsqu'on voit Bonaparte y persévérer sans relâche. — Cette vérité est trop frappante pour qu'on puisse se promettre quelque fruit de votre voyage, à moins que Bonaparte n'ait formellement rejeté le voeu émis par le sénat de

---

денствія и независимости всѣхъ государствъ Европы; а этотъ послѣдній, занявшись присоединеніемъ къ Франціи генуэзскаго государства, существованіе котораго обезпечено торжественными договорами, неизбѣжно совсѣмъ снималъ маску и раскрывалъ свое намѣреніе не уважать никакихъ прошлыхъ обязательствъ и впредь не допускать никакихъ разумныхъ предложеній въ пользу всеобщаго замиренія. — Постановленіе лигурійскаго сената, подъ прямымъ вліяніемъ французскаго министра Салисетти, доказываютъ неопровержимо, что заявленія въ письмѣ Талейрана, а равно и выраженія въ письмѣ къ е. бр-му в-ву, суть не что иное, какъ политическая игра, которую постоянно ведетъ глава французскаго правительства: послѣдній кричитъ о своей сдержанности и миролюбіи, а самъ считаетъ себя въ правѣ, въ силу всеобщаго молчанія, продолжать завоеванія, съ которыми онъ спѣшитъ, чтобы, закончивъ ъ, ссылаться на достоинство Франціи, которое-де не дозволяетъ отступиться ъ нихъ.—Это-то поведеніе скорѣе, чѣмъ что-либо, привело къ нынѣшней йнѣ; поэтому, пока Бонапартъ упорствуетъ въ немъ безустанно, нельзя наяться, чтобы война прекратилась и чтобы Европѣ были дарованы миръ и згоденствіе.—Это слишкомъ очевидная истина, чтобы не ожидать никакого ода отъ вашего путешествія, если только Бонапартъ не отвергнетъ фор-ьно желанія генуэзскаго сената. Поэтому е. и. в-во поручаетъ мнѣ посо-

Gênes, et S. M. I. me charge en conséquence de vous recommander d'en prendre des informations précises auprès de s. m. p-ne, et si vous appreniez que Bonaparte a consenti à la réunion proposée, vous annocerez au cabinet prussien, qu'après une preuve aussi évidente du peu de cincérité qu'on a lieu d'attendre de la part du chef du gouvernement français dans les négociations de paix, et vu sa détermination avouée de dominer surtout ces états qui l'environnent et de se les approprier avec le temps, S. M. croit entièrement superflu et même contraire à sa dignité, que vous vous rendiez en France. Vous retracerez au baron de Hardenberg tout l'odieux de la conduite d'un gouvernement, qui affiche constamment le désir de la paix, et qui, au moment d'ouvrir les négociations pour sa conclusion, se porte sans aucune pudeur à tout ce qui peut l'empêcher.—L'Europe rendra justice à la pureté et à la franchise de toutes les démarches de S. M. I. et appréciera l'excès de la mauvaise foi qui a rendu impossible leurs résultats salutaires. — Vous demanderez au ministre d'état prussien de ne point laisser ignorer à Bonaparte la résolution de notre auguste maître et les motifs qui l'ont provoqué. Enfin, vous exprimerez à s. m. pr-ne elle-même, combien ce nouvel attentat du chef du gouvernement français contre la foi des traités appelle l'union des puissances de l'Europe, et après avoir terminé la commission particulière dont vous étiez chargé auprès du roi, vous reviendrez à St.-Pétersbourg, en expédiant un courrier à Londres pour

---

вѣтовать вамъ освѣдомиться обстоятельно у его пр-го в-ва; и если вы узнаете, что Бонапартъ согласился на предложенное присоединеніе, то заявите прусскому кабинету, что послѣ столь явнаго доказательства невозможности ожидать искренности со стороны главы французскаго правительства въ мирныхъ переговорахъ, и въ виду его признаннаго желанія господствовать особенно надъ окружающими его государствами и постепенно присвоивать ихъ себѣ, е. в-во находитъ вашу поѣздку во Францію излишнею и даже противною своему достоинству. Представьте барону Гарденбергу всю гнусность поведенія правительства, которое постоянно возвѣщаетъ о своемъ миролюбіи, а само безъ всякаго стыда прибѣгаетъ ко всему, что̀ можетъ помѣшать миру, въ ту самую минуту, когда открываются переговоры объ его заключеніи.—Европа отдастъ справедливость чистотѣ и искренности всѣхъ поступковъ е. и. в-ва и оцѣнитъ всю недобросовѣстность, которая разрушила всѣ ихъ спасительныя послѣдствія.—Попросите прусскаго государственнаго министра увѣдомить Бонапарта о рѣшеніи нашего августѣйшаго государя и о вызвавшихъ его причинахъ. Наконецъ выразите самому е. пр-му в-ву, какъ это новое покушеніе главы французскаго правительства противъ соблюденія договоровъ взываетъ къ соединенію европейскихъ державъ. Исполнивъ частное порученіе у ко-

annoncer au ministère britannique la détermination définitive que vous aurez prise en conséquence des ordres que j'ai l'honneur de vous transmettre ici au nom de S. M.

Pétersbourg. Paris, 1805, 5. Черновая.

№ 25. — Чарторижскій Новосильцову.

9/21 juin 1805.

En communiquant à v. e., dans ma dépêche précédante, les intentions de S. M. à la suite des nouvelles reçues de Gênes, je dois encore ajouter que l'E-r désire que vous en régliez l'exécution sur les communications qui vous parviendront de Londres et de Vienne, et sur les explications que le ministère prussien vous donnera concernant l'assentiment de Bonaparte à traîter directement avec vous, sans que vous reconnaissiez le titre qu'il a pris. — Si les nouvelles de Londres sont telles que les dernières lettres de m. le comte de Worontzoff les font présager, il serait sans doute préférable que vous ne continuiez point votre voyage, parce que vous n'auriez aucun espoir de conclure la paix, ni aucun moyen de démasquer l'ambition démesurée de Bonaparte; d'un autre côté, les nouvelles de Vienne pourraient rendre nécessaire votre présence à Paris pour travailler à retarder une explosion,

---

роля, возвращайтесь въ С.-Петербургъ, отправивъ курьера въ Лондонъ, чтобы заявить британскому министерству окончательное рѣшеніе, принятое вами въ силу приказаній, которыя я имѣю честь передать вамъ здѣсь именемъ е. в-ва.

9/21 іюня 1805.

Въ предшествовавшей депешѣ я сообщилъ в. с-ву о намѣреніяхъ е. в-ва въ виду полученныхъ изъ Генуи новостей. Теперь я долженъ прибавить, что и-ру угодно, чтобы въ исполненіи ихъ вы сообразовались съ бумагами, которыя пришлютъ вамъ изъ Лондона и Вѣны, а также съ объясненіями, которыя даетъ вамъ прусское министерство касательно согласія Бонапарта договариваться съ ми непосредственно, хотя вы не признаете принятаго имъ титула.—Если вѣстія изъ Лондона окажутся такими, какими представляются они по одинмъ письмамъ г. гр. Воронцова, то, конечно, лучше бы вамъ не продолять вашего путешествія, такъ какъ у васъ не останется никакой надежды заключеніе мира и никакого средства разоблачить безпредѣльное честолюбіе напарта. Съ другой стороны, извѣстія изъ Вѣны могутъ сдѣлать необходимъ ваше присутствіе въ Парижѣ, чтобы задержать взрывъ, если Австрія

si l'Autriche promettait d'agir conformément à nos vues lorsque l'issue de vos négociations sera connue. Enfin, si Bonaparte n'avait pas souscrit aux conditions mises à votre envoi près de lui, et que vous en ayez la certitude à Berlin, il vaudrait mieux interrompre sur-le-champ toute relation ultérieure avec la France que de vous rendre à Paris, où vous ne pourriez ouvrir aucune négociation vu la non-admission de ces conditions préalables. — Voilà les considérations que S. M. I. m'a prescrit de vous retracer, et qui doivent servir de règle à la détermination, que vous prendrez en conséquence de la dépêche ci-jointe, qui est ostensible pour le cas où vous auriez à en exécuter le contenu. — Le meilleur mode que vous aurez à suivre pour faire connaître au baron de Hardenberg la résolution de S. M. I. de ne plus vous envoyer en France, sera de lui remettre une note qui retrace les circonstances qui ont amenés le projet de votre envoi à Paris, l'espoir que l'E-r s'en promettait de rendre la paix et l'indépendance à l'Europe sur les bases les plus conciliantes et les plus équitables, les motifs, enfin, qui déterminent votre rappel à St.-Pétersbourg; mais sans sortir toutefois dans cette pièce d'une juste modération, qui est le partage de la véritable grandeur et dont vous savez que S. M. ne s'écarte jamais dans les écrits de son cabinet. Je vous prie d'expédier également des copies de cette note aux comtes Worontzoff et Razoumoffsky, qui seront prévenus

---

пообѣщаетъ дѣйствовать согласно съ нашими видами, когда станетъ извѣстенъ исходъ вашихъ переговоровъ. Наконецъ, если Бонапартъ не подпишется подъ условіями, на которыхъ вы отправляетесь къ нему, и вы удостовѣритесь въ этомъ въ Берлинѣ, то лучше тотчасъ же прервать всякія дальнѣйшія сношенія съ Франціей, чѣмъ ѣхать вамъ въ Парижъ, гдѣ вамъ нельзя будетъ открыть никакихъ переговоровъ, въ виду недопущенія этихъ предварительныхъ условій. — Вотъ соображенія, которыя е. и. в-во предписалъ мнѣ набросать вамъ; они должны служить руководствомъ въ вашихъ рѣшеніяхъ послѣ прилагаемой депеши, которую можете показывать, если придется исполнять ея содержаніе. — Что касается до того, какъ извѣстить барона Гарденберга о рѣшеніи е. и. в-ва не отправлять васъ во Францію, то лучше всего дайте ему ноту, въ которой очертите обстоятельства, приведшія къ плану вашей отправки въ Парижъ, надежду и-ра на дарованіе мира и независимости Европѣ на самыхъ подходящихъ и справедливыхъ основаніяхъ, наконецъ причины, побудившія отозвать васъ въ С.-Петербургъ; но не выходите въ этой бумагѣ изъ предѣловъ справедливой сдержанности, которая составляетъ удѣлъ истиннаго величія и отъ которой, какъ вамъ извѣстно, е. в-во никогда не отступаетъ въ бумагахъ своего кабинета. Прошу васъ также отправить списки этой ноты графамъ Воронцову и Разумовскому, которые будутъ преду-

de la nature des ordres que je vous transmets aujourd'hui. Enfin, il sera très utile que vous la remettiez à m. d'Alopeus, en lui prescrivant d'en donner confidentiellement copie aux ministres résidants à Berlin de la part des cours avec lesquelles la Russie est en relation. C'est un moyen certain de la rendre bientôt publique et de faire connaître à toute l'Europe, dans quel but l'E-r avait consenti à vous envoyer près de Bonaparte et comment celui-ci s'est joué des désirs les plus purs de S. M. I. pour rendre à l'Europe la paix et l'indépendance.

Pétersbourg. Paris. 1805, 6. Черновая.

№ 26. — Чарторижскій Новосильцову.

13/25 juin 1805.

Je ne veux pas tarder un moment pour vous faire part de l'arrivée du courrier que nous attendions de Londres. M. le comte de Worontzoff m'instruit qu'il vous a communiqué directement la substance des réponses, qui lui ont été données à l'égard de Malte et de la déclaration sur les droits maritimes. Elles s'accordent parfaitement avec ce que les nouvelles préalables, qui nous étaient parvenues, faisaient présager.— Je n'ai pas encore vu l'ambassadeur d'Angleterre, mais ce que j'ai pu tirer de plus favorable des dépêches du comte de Worontzoff et des in-

---

преждены насчетъ приказаній, посылаемыхъ вамъ мною сегодня. Наконецъ было бы весьма полезно, еслибы вы вручили ее г. Алопеусу, предписавъ ему дать довѣрительно списки съ нея пребывающимъ въ Берлинѣ министрамъ тѣхъ дворовъ, съ которыми Россія находится въ сношеніяхъ. Это — вѣрное средство доставить ей быструю извѣстность и дать понять Европѣ, съ какою цѣлью и-ръ согласился послать васъ къ Бонапарту и какъ послѣдній насмѣялся надъ самыми чистыми желаніями е. и. в-ва даровать Европѣ миръ и независимость.

13/25 іюня 1805.

Не хочу медлить ни минуты, чтобы увѣдомить васъ о прибытіи ожиданнаго курьера изъ Лондона. Графъ Воронцовъ извѣщаетъ меня, что онъ сообщилъ вамъ непосредственно сущность отвѣтовъ, данныхъ ему относительно Мальты и заявленія насчетъ морскихъ правъ. Эти отвѣты вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что̀ предвѣщали предварительныя извѣстія, достигшія до насъ. — Я еще не видался съ англійскимъ посланникомъ; но вотъ что хорошаго я могъ извлечь изъ депешъ гр. Воронцова и изъ приложенныхъ къ нимъ на-

structions à s. e. Gower y annexées, est: 1) que l'Angleterre ne veut pas souscrire à abandonner Malte en retour des stipulations tracées dans les bases de pacification; 2) que si l'on pouvait même obtenir de plus grandes sûretés pour le continent, et telles à peu près qu'elles avaient d'abord été proposées par le cabinet de St. James, elle ne consentirait encore à quitter Malte qu'en obtenant un autre port commode et sûr dans la Méditerrannée; 3) que vous ne proféries rien du tout sur le code maritime au nom du roi. — La diversité d'opinions entre notre cour et celle de Londres ne saurait certainement produire aucun bon effet sur la négociation dont vous avez été chargé, et par conséquent je ne saurais que me référer à ce que je vous ai mandé par le chasseur Prochnitsky. Il me semble que ce serait un moyen sûr de ne compromettre d'aucune part la dignité de notre auguste maître, que de profiter de la sottise que Bonaparte vient de faire, ou de toute autre qu'il pourrait faire encore, pour déclarer que S. M. I. ne veut plus traiter avec lui; et je suis porté à croire que vous partagerez d'autant plus cette opinion, qu'elle vous fournit l'occasion de vous soustraire aux chances incertaines de l'effet que produira l'issue de la négociation sur l'opinion publique, qui probablement, d'après les circonstances qui accompagnent et suivront votre mission, ne serait favorable ni à la Russie, ni à l'Angleterre. — Je dois ajouter encore que si les résolutions de la

---

ставленій е. с-у Гоуэру. 1) Англія не соглашается покинуть Мальту на условіяхъ, обозначенныхъ въ основахъ замиренія. 2) Еслибы даже можно было получить лучшія обезпеченія для материка, и именно почти такія, какія были сначала предложены с.-джемскимъ кабинетомъ, и тогда она согласилась бы покинуть Мальту не иначе, какъ съ условіемъ получить другой удобный и надежный портъ въ Средиземномъ морѣ. 3) Вы не обмолвитесь ни словечкомъ насчетъ морскаго законодательства именемъ короля. — Различіе въ мнѣніяхъ между нашимъ и лондонскимъ дворами, конечно, не можетъ произвести хорошаго дѣйствія на порученные вамъ переговоры; а потому мнѣ остается только указать на то, что́ я уже послалъ вамъ съ егеремъ Прохницкимъ. Мнѣ кажется, что было бы вѣрнымъ средствомъ отнюдь не унизить достоинства нашего августѣйшаго государя—воспользоваться глупостью, которую только-что сдѣлалъ или можетъ сдѣлать еще Бонапартъ, чтобы заявить, что е. и. в-во уже не желаетъ договариваться съ нимъ. Я думаю, что вы согласитесь съ этимъ, тѣмъ болѣе что тутъ вамъ представляется возможность избѣгнуть случайностей относительно впечатлѣнія переговоровъ на общественное мнѣніе, которое не было бы благопріятно ни Россіи, ни Англіи, судя по обстоятельствамъ, которыя сопровождаютъ ваше посольство и послѣдуютъ за нимъ. — Я долженъ прибавить, что еслибы рѣшеніе вѣнскаго двора давало намъ возможность не-

cour de Vienne nous permettaient de mettre immédiatement à exécution le plan d'opérations, votre retour n'y apporterait aucun obstacle, car le nouvel envahissement de Bonaparte, joint à tant d'autres griefs, qui provoquent la détermination de S. M. de ne plus traiter avec lui, pourraient également motiver une déclaration de guerre et le commencement des hostilités.

Pétersbourg. Paris, 1805, 7. Черновая.

№ 27. — Чарторижскій Новосильцову.

17/29 juin 1805.

Après l'expédition de la lettre que je vous ai adressée le 13 de ce mois, j'ai vu lord Gower, qui m'a fait le détail des autorisations, qui lui ont été données pour discuter ici l'article de Malte et pour règler l'étendue des pouvoirs, que vous pourriez avoir relativement à cette île. Tout ce qu'il m'a dit se borne à ce que, dans le cas même où l'Angleterre serait décidée, au moyen des sûretés que donnerait la France pour le continent, à abandonner Malte, elle ne consentirait à le faire qu'en obtenant en compensation l'île de Minorque et en conservant ses troupes dans la première pendant trois ans, pour avoir le temps de former un établissement solide dans la seconde. Quant au code maritime, l'Angle-

---

медленно приступить къ исполненію плана дѣйствій, ваше возвращеніе нисколько не воспрепятствовало бы тому: новое насиліе Бонапарта, въ соединеніи со многими другими обидами, заставляющими е. в-во прервать переговоры съ нимъ, могло бы служить поводомъ къ объявленію войны и къ открытію непріязненныхъ дѣйствій.

17/29 іюня 1805.

По отправленіи моего письма къ вамъ отъ 13 сего мѣсяца, я видѣлся съ лордомъ Гоуэромъ. Онъ познакомилъ меня подробно съ полномочіями, данными ему для обсужденія здѣсь статьи о Мальтѣ и для опредѣленія границъ т ихъ полномочій, которыя вы могли получить относительно этого острова. Е о рѣчи ограничиваются слѣдующимъ: въ случаѣ, еслибы даже Англія рѣ ш лась покинуть Мальту, при обезпеченіяхъ, данныхъ Франціей въ пользу з терика, она пойдетъ на это, лишь получивъ въ вознагражденіе о. Минорку и сохраняя свои войска на первомъ островѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, чтобы и ѣть время прочно утвердиться на второмъ. Что касается до морского ко- д са, то Англія требуетъ, чтобы вы даже не заикались о немъ именемъ

terre demande que vous n'en fassiez pas même mention au nom de l'e-r seul. J'avais communiqué à lord Gower la détermination, que S. M. I. avait prise après la nouvelle de ce qui s'est passé à Gènes. Il savait déjà l'apprécier, mais depuis la reception de ses nouvelles instructions il est très satisfait que la mission de v. e. se réduise, quant à la France, à une déclaration au cabinet de Berlin, que nous ne voulons plus traîter avec un homme qui, tout en protestant de son désir de la paix, continue ses envahissements. Je m'empresse de vous faire parvenir ces notions par estafette, et je me flatte qu'elles pourront vous aider à prendre une détermination, qui dans les circonstances actuelles serait non-seulement conforme aux intérêts et aux vues de la Russie, mais à celles de toutes les puissances avec lesquelles elle est en liaison. — A tout évènement S. M. a cru nécessaire d'ordonner que ses troupes se rapprochent des frontières sur les différents points, où leur présence pourrait être nécessaire, et elles sont en pleine marche. — Je vous engage à lire les gazettes françaises depuis le moment où Bonaparte s'apprête à vous recevoir, et vous y verrez qu'il prépare déjà des moyens pour jeter tout le tort de la rupture des négociations sur nous.

Pétersbourg. Paris, 1805, 8. Черновая.

одного и-ра. Я сообщилъ лорду Гоуэру о рѣшеніи, которое принялъ е. и. в-во, узнавъ о происшедшемъ въ Генуѣ. Онъ съумѣлъ оцѣнить его; а по полученіи новыхъ наставленій, онъ остался очень доволенъ тѣмъ, что посольство в. с-ва сводится, относительно Франціи, къ заявленію берлинскому кабинету, что мы не желаемъ вести переговоры съ человѣкомъ, который кричитъ о своемъ миролюбіи, а самъ продолжаетъ свои захваты. Спѣшу передать вамъ эти свѣдѣнія эстафетой и надѣюсь, что они помогутъ вамъ принять рѣшеніе, которое согласовалось бы, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ выгодами и видами не только Россіи, но и всѣхъ союзныхъ съ нею державъ.—Во всякомъ случаѣ е. в-во счелъ необходимымъ приказать, чтобы его войска приблизились къ границамъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ понадобиться ихъ присутствіе; и они уже въ походѣ. — Совѣтую вамъ прочесть французскія газеты съ той минуты, какъ Бонапартъ сталъ готовиться къ вашей встрѣчѣ: вы увидите, что онъ уже налаживаетъ средства, чтобы свалить на насъ всю вину въ разрывѣ переговоровъ.

№ 28. — А. Воронцовъ Чарторижскому.

20 juin (2 juillet) 1805.

Je vous suis infiniment obligé pour les différentes communications, que vous venez de me faire. Il m'a fallu quelques jours pour les lire toutes, et je me fais un plaisir et un devoir de vous communiquer, avec ma franchise accoutumée, mon opinion sur toutes ces pièces. — Si Bonaparte acceptait les bases qu'on lui offre pour la paix et dont m. de Novossiltzoff est le porteur, l'Europe serait en quelque façon rassurée et à l'abri de nouveaux bouleversements. Mais il faudrait une espèce de miracle pour lui inspirer une pareille modération, et nous n'en voyons plus dans ce siècle, je veux dire, des miracles. La partie n'étant pas liée et les cours de Vienne et de Berlin se refusant probablement d'appuyer nos représentations avec énergie, je ne vois presque pas de possibilité d'agir immédiatement, après que les projets pacifiques auront été rejetés, puisque des menaces, ni des déclarations faites ne font que compromettre, quand l'exécution ne s'en suit pas. — Si l'Italie était délivrée du joug français et que cette belle contrée de l'Europe fût ramenée à son ancienne indépendance et organisée à peu près comme elle l'était avant la révolution française, il n'y aurait aucune raison quelconque à

---

20 іюня (2 іюля) 1805.

Безконечно обязанъ вамъ за разныя сообщенія, которыя вы только-что прислали мнѣ. Мнѣ понадобилось нѣсколько дней, чтобы прочитать ихъ всѣ; и я считаю удовольствіемъ и долгомъ высказать вамъ мои мнѣнія обо всѣхъ этихъ бумагахъ съ свойственною мнѣ откровенностью.—Если Бонапартъ приметъ предложенныя ему черезъ г. Новосильцова основанія мира, то Европа нѣсколько успокоится и будетъ избавлена отъ новыхъ потрясеній. Но подобная умѣренность съ его стороны была бы какимъ-то чудомъ, а я, признаться, не вѣрю въ чудеса въ нашемъ вѣкѣ. Дѣло не слажено; вѣнскій и берлинскій дворы, вѣроятно, откажутся усердно поддержать наши представленія; поэтому я почти не вижу возможности дѣйствовать немедленно, если будутъ отвергнуты мирные планы: угрозы и заявленія только вредятъ, когда за ними не слѣдуетъ исполненія. Еслибы Италія освободилась отъ французскаго ига, еслибы эта прекрасная страна Европы пріобрѣла былую независимость и приблизительно тотъ строй, въ какомъ находилась она передъ французской революціей, то у Англіи не было бы никакого повода упорствовать въ обладаніи Мальтой. Но пока Франція не откажется отъ господства въ Италіи и отъ

l'Angleterre de ne pas se désister de la possession de l'île de Malte. Mais tant que la France continue à dominer en Italie et en posséder une grande partie, *la paix platrée* qu'on serait peut-être forcé de faire, puisque la guerre entre la France et l'Angleterre ne peut durer éternellement, les puissances de l'Europe qui ont en vue de ne pas se soumettre au joug français, ni éprouver de nouveaux empiétements de Bonaparte, doivent elles-mêmes désirer que Malte reste en possession de l'Angleterre, comme un moyen pour cette puissance, qui seule jusqu'à présent a pu contenir la France, et qu'elle puisse encore être à même de la surveiller dans la Méditerranée. — Les rapports précédents de notre ambassadeur à Vienne, et surtout les différentes communications que le comte de Stadion vient de faire, prouvent plus que jamais le peu d'énergie du cabinet autrichien, la peur qu'ils ont de Bonaparte, et que le temps, où on peut compter sur le concours efficace de la cour de Vienne, s'éloigne au lieu de se rapprocher. Il paraît même que le ministère autrichien marque assez d'humeur sur nos transactions faites avec l'Angleterre, auxquelles son intérêt cependant devrait le porter à accéder; il est inconcevable qu'ils aient voulu donner la tournure, comme si cette négociation avec l'Angleterre était une chose à laquelle ils ne devaient pas s'attendre, tandis qu'eux-mêmes ont toujours allégué qu'ils ne pouvaient bouger, ni se mettre en mouvement sans les secours

---

обладанія бо́льшею частью ея земель, пока будетъ существовать лишь *миръ по-неволѣ*, который, пожалуй, будутъ принуждены заключить, ибо война между Франціей и Англіей не можетъ продолжаться вѣчно, европейскія державы, не думающія ни подчиняться французскому игу, ни испытывать новыя насилія Бонапарта, должны сами желать, чтобы Мальта оставалась во владѣніи Англіи, какъ средство въ рукахъ этой державы, которая до сихъ поръ одна только могла сдерживать Францію и еще въ состояніи надзирать за ней въ Средиземномъ морѣ. — Прежнія донесенія нашего вѣнскаго посланника, въ особенности же разныя сообщенія, только-что сдѣланныя графомъ Стадіономъ, доказываютъ больше чѣмъ когда-либо, какъ вялъ австрійскій кабинетъ, какъ онъ боится Бонапарта и какъ не приближается, а отдаляется срокъ, когда можно разсчитывать на дѣятельную поддержку со стороны вѣнскаго двора. Кажется даже, что австрійское министерство выказываетъ значительное недовольство по поводу нашихъ сдѣлокъ съ Англіей, къ которымъ оно должно бы, напротивъ, присоединиться въ силу своихъ собственныхъ выгодъ: непостижимо, какъ оно показываетъ видъ, будто поражено этою сдѣлкой съ Англіей, между тѣмъ какъ само всегда утверждало, что не можетъ ни пошевелиться, ни двинуться безъ денежной помощи лондонскаго двора; а эта помощь возможна только при нашемъ посредствѣ. И теперь, когда подвинулись къ достиженію этой

pécuniers de la cour de Londres, et c'est par notre canal que ces secours pécuniers devaient s'arranger. Et à présent que l'acheminement pour atteindre ce but est fait, au lieu d'accéder à la convention, ils affectent d'en être mécontents. — J'ignore au reste la marche qu'on a tenue vis-à-vis de m. de Stadion, tant que la négociation n'a pas été terminée avec l'Angleterre. Savoir, si on a tenu cet ambassadeur au courant de cette négociation ou s'il ne l'a apprise que lorsqu'elle a été terminée. Il est certain qu'entre de grandes puissances alliées on ne peut ne pas observer ces sortes d'égards et d'attentions, et que leur inobservation doit choquer le cabinet qui croit qu'on y a manqué. — On voit, par les communications faites par m. de Stadion, que l'article de notre convention avec l'Angleterre relativement au roi de Sardaigne lui a donné de l'ombrage, et que les anciennes jalousies qui ont fait tant de mal aux affaires de la coalition et sauvé alors la France, en rendant inutiles les brillants succès de m. de Souvoroff, se sont renouvelés dans le cabinet autrichien. Mais il me semble que l'Angleterre elle-même a toujours entendu, ainsi que nous, que s'il était important de rétablir la monarchie sarde, et la renforcer même, il ne l'était pas moins aussi d'augmenter les possessions autrichiennes en Italie, et assez en conformité à ce qui a été stipulé en 1804 entre les deux cours impériales d'après les désirs mêmes de celle de Vienne. Les nouvelles sti-

---

цѣли, австрійцы обнаруживаютъ недовольство, вмѣсто того чтобы присоединиться къ соглашенію. — Впрочемъ я не знаю, какъ вели дѣло съ г. Стадіономъ, пока еще не была заключена сдѣлка съ Англіей: именно, извѣщали-ли его о ней, или онъ узналъ о ней лишь послѣ того, какъ она уже состоялась. Извѣстно, что въ сношеніяхъ между великими державами-союзницами нельзя не соблюдать подобныхъ знаковъ почтенія и вниманія: несоблюденіе ихъ должно обижать тѣ кабинеты, которымъ покажется, что оно имѣло мѣсто. — Изъ сообщеній г. Стадіона явствуетъ, что ему не понравилась статья нашего соглашенія съ Англіей касательно сардинскаго короля; и старая зависть, принесшая столько зла коалиціи, спасшая тогда Францію, сдѣлавъ безполезными блестящіе успѣхи г. Суворова, возобновилась въ австрійскомъ кабинетѣ. Но мнѣ кажется, что сама Англія всегда думала, подобно намъ, что если важно возстановить сардинскую монархію и даже усилить ее, то не менѣе важно увеличить австрійскія владѣнія въ Италіи, и именно довольно близко къ тому, чтобы было постановлено въ 1804 г. между двумя императорскими дворами согласно желаніямъ самого вѣнскаго двора. Такъ какъ новая сдѣлка съ Англіей нигдѣ не противорѣчитъ этому, то слѣдовало бы объясниться о томъ съ вѣнскимъ дворомъ и увѣрить его въ неосновательности того недовольства, которое онъ или дѣйствительно испытывалъ, или сочинялъ, чтобы оправдать свое без-

pulations avec l'Angleterre n'y étant nullement contraires, il faudrait donc s'en expliquer avec la cour de Vienne et la rassurer sur les ombrages non fondés, qu'elle a eu, ou qu'elle affecte pour pouvoir par là justifier son inaction et irrésolution. — Les deux pièces communiquées par m. de Stadion — 1) *Remarques sur quelques objets particuliers de la convention signée entre les cours de Pétersbourg et de Londres.* 2) *Sentiments de la cour de Vienne sur la convention qui vient d'être signée entre les cours de Pétersbourg et de Londres et la part que peut prendre S. M.,* — renvoyent à bien loin le concert de mesures et le plan de la coalition; on peut dire qu'elles renversent même tout ce qui a été fait entre la Russie et l'Angleterre, puisque, au lieu d'accéder à notre convention avec la cour de Londres, celle de Vienne désire que celle-ci accède à ce qui a été conclu l'année passée entre la Russie et elle. Les conditions même qu'elle exige sont de nature, qu'il n'est pas à présumer que celle de Londres puisse y adhérer. Outre une augmentation de secours de première mise et de subsides, elle veut être déchargée de l'emprunt que celle de Vienne a fait en Angleterre dans la guerre passée, sous la garantie de s. m. britannique, et qui monte à plusieurs millions de livres sterlings. — Quoiqu'elle aie renoncé depuis longtemps aux Pays-Bas, elle fait tout plein de difficultés sur la destination provisoire qu'on en fait, pour servir de récompense à quelques

---

дѣйствіе и нерѣшительность. — Двѣ сообщенныя г. Стадіономъ бумаги — 1) *Замѣчанія на нѣкоторыя частности соглашенія между дворами петербургскимъ и лондонскимъ*; 2) *Отношенія вѣнскаго двора къ соглашенію, только-что подписанному между дворами петербургскимъ и лондонскимъ, и участіе, которое можетъ принять е. в-во*—отодвигаютъ далеко принятіе общихъ мѣръ и общаго плана коалиціи. Онѣ, можно сказать, даже разрушаютъ то, что было слажено между Россіей и Англіей, такъ какъ, вмѣсто того чтобы приступить къ нашему соглашенію съ лондонскимъ дворомъ, вѣнскій дворъ желаетъ, чтобы этотъ послѣдній приступилъ къ сдѣлкѣ, состоявшейся въ прошломъ году между нимъ и Россіей. Онъ ставитъ даже такія условія, которыя врядъ-ли могутъ быть приняты лондонскимъ дворомъ. Помимо увеличенія первоначальнаго вспомоществованія и субсидій, онъ хочетъ, чтобы его избавили отъ займа, сдѣланнаго имъ въ Англіи въ прошлую войну за поручительствомъ е. британскаго в-ва,—займа, который достигаетъ многихъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.—Хотя вѣнскій дворъ уже давно отказался отъ Нидерландовъ, онъ воздвигаетъ кучу препятствій ихъ временному предназначенію служить вознагражденіемъ нѣкоторымъ государствамъ, имѣющимъ принять участіе въ общемъ соглашеніи: въ концѣ-концовъ онъ требуетъ въ такомъ случаѣ, чтобы его избавили по крайней мѣрѣ отъ уплаты капитала и процен-

autres états qui auront pris part à la ligue générale, et finit par demander que dans ce cas-là au moins elle soit dégagée des payements des intérêts et du capital dus par elle aux sujets brabançons. Vu toutes ces difficultés, il paraîtrait qu'elle craint le moment, où il faudra qu'elle se décide et agisse, et que c'est pour le reculer qu'elle met en avant des propositions aussi exorbitantes; tandis que, d'après ses intérêts les plus essentiels, ce serait à la cour de Vienne elle-même à travailler à la formation d'une coalition contre la France et en accélérer les effets. Quelle est la puissance du continent marquante qui court plus de risques qu'elle, en voyant la domination française s'enraciner en Italie? — De la part de la Russie il a été fait tout ce qu'il a dépendu d'elle, pour donner du courage à la dite cour et lui faire prendre à la fin le parti qui convient à sa sûreté, sa dignité et ses intérêts. Dans la dernière expédition faite au comte de Razoumowsky on ne s'est occupé chez nous que de cet objet. Si toutes les raisons qu'on y allègue ne la persuadent pas et ne lui donnent plus d'énergie, je crois qu'il conviendrait qu'on lui dise tout uniment, que puisqu'elle ne veut pas profiter des sentiments généreux de l'E-r, qui n'a en vue que la sûreté de l'Europe et celle de la cour de Vienne elle-même, ainsi que des efforts et des secours pécuniers auxquels l'Angleterre offre à se porter pour la délivrance de l'Europe, quand est-ce que la cour de Vienne trouvera un concours

---

товъ, должныхъ имъ брабантскимъ подданнымъ. Въ виду всѣхъ этихъ препятствій кажется, что онъ боится минуты, когда ему пришлось бы рѣшиться и дѣйствовать, и выставляетъ для отдаленія ея столь чрезмѣрныя предложенія. А между тѣмъ самыя существенныя выгоды вѣнскаго двора требуютъ, чтобы именно онъ работалъ надъ образованіемъ коалиціи противъ Франціи и надъ ускореніемъ ея послѣдствій. Какая же видная держава на материкѣ больше Австріи подвергается опасности въ виду упроченія французскаго владычества въ Италіи?—Россія сдѣлала все зависѣвшее отъ нея, чтобы ободрить вѣнскій дворъ и привести его наконецъ къ рѣшенію, которое соотвѣтствовало бы его безопасности, его достоинству и его выгодамъ. Въ послѣдней бумагѣ гр. Разумовскому у насъ только и рѣчи было, что объ этомъ дѣлѣ. Если всѣ приведенные нами доводы не убѣдятъ вѣнскій дворъ и не придадутъ ему ! енія, то, по мнѣ, слѣдовало бы сказать ему единогласно: вѣнскій дворъ не : лаетъ воспользоваться ни благородными чувствами и-ра, имѣющаго въ виду . шь безопасность Европы и самого вѣнскаго двора, ни услугами и денеж- ю помощью со стороны Англіи, желающей освободить Европу; но когда же ъ встрѣтитъ стеченіе болѣе счастливыхъ обстоятельствъ? Не тогда-ли стрійскій домъ сочтетъ удобнымъ дѣйствовать, когда Англія, истомленная иночествомъ въ тятотѣющей надъ нею войнѣ, рѣшится на сдѣлку съ Фран-

de circonstances aussi heureuses? Est-ce, quand l'Angleterre se lassant de son isolement dans la guerre qu'elle soutient et qui lui fera prendre le parti de s'arranger avec la France, que la maison d'Autriche trouvera le moment propre pour agir? C'est alors que Bonaparte aura bon marché d'elle et ses possessions vénitiennes. On pourrait y ajouter, que l'E-r ne voyant que tiédeur et la crainte de se compromettre avec Bonaparte qui retient la cour de Vienne, ainsi que d'autres puissances, intéressées à prévenir les dangers dont elles sont menacées, la Russie, qui n'est pas dans le cas, par sa position locale, de craindre directement pour elle les empiètements de Bonaparte, saura se borner aussi aux mesures que sa propre défense sera dans le cas de lui inspirer et aura, pour consolation des suites incalculables qui en résulteront, qu'elle n'a rien à se reprocher et que de sa part il n'y a sacrifice, ni dépense qu'elle aurait regretté et qu'elle était prête de faire pour sauver l'Europe.— Au reste je ne puis m'empêcher d'observer que, malgré ce peu d'énergie du cabinet autrichien, c'est toujours sur le continent la puissance qui, par sa position locale et ses intérêts les plus permanants, ne peut être envisagée que comme l'alliée la plus naturelle de la Russie, il n'y a ni mauvaise foi à craindre de sa part, comme de celle du cabinet de Berlin, ni de la voir servir d'instrument aux vues de Bonaparte. — En vous faisant part par celle-ci de ma façon de voir sur les

---

ціей? Но тогда-то Бонапартъ легко справится съ нимъ и съ его венеціанскими владѣніями. Можно бы прибавить, что и-ръ видитъ, какъ нерадивость и страхъ провиниться передъ Бонапартомъ сковываютъ вѣнскій дворъ, а также и другія державы, которымъ слѣдовало бы предупреждать грозящія имъ опасности: поэтому Россія, которой по ея мѣстному положенію нечего опасаться прямыхъ нападеній Бонапарта, сумѣетъ ограничиться, съ своей стороны, мѣрами собственной защиты. Среди неисчислимыхъ послѣдствій отсюда она будетъ утѣшаться убѣжденіемъ, что ей не въ чемъ упрекать себя, и что она не пощадила никакихъ жертвъ и издержекъ для спасенія Европы. — Впрочемъ не могу не замѣтить, что, при всей недостаточности рвенія у австрійскаго кабинета, это во всякомъ случаѣ та изъ материковыхъ державъ, которая представляется самою естественною союзницей Россіи въ силу своего мѣстнаго положенія и своихъ наиболѣе постоянныхъ выгодъ: нечего опасаться, чтобы она лукавила, подобно берлинскому кабинету, или служила орудіемъ Бонапарта.—Излагая вамъ здѣсь мою точку зрѣнія на послѣднія сообщенныя мнѣ бумаги, не стану распространяться на этотъ разъ о мѣрахъ къ огражденію Европы отъ угрожающихъ ей опасностей: ограничиваюсь въ этомъ отношеніи различными обзорами и записками, посланными мною и-ру въ прошломъ и нынѣшнемъ году, въ особенности же моею послѣднею запиской или сообра-

dernières communications qui m'ont été faites, je ne m'étendrai pas pour le présent sur les mesures à prendre relativement aux dangers dont l'Europe est menacée,—me bornant quant à ces objets aux différents aperçus et mémoires que j'ai adressés à l'E-r dans le courant de l'année passée et de celle-ci et surtout sur mon dernier mémoire ou réflexions du 24 mai. — Dans le dit mémoire j'ai supposé entre autre quatre cas probables, savoir: 1) si la Prusse se détermine de concert avec la cour de Vienne à entrer dans la coalition; 2) si la Prusse n'y entrant pas et se bornant à s'en tenir à une neutralité stricte, et la cour de Vienne se décidant à des mesures vigoureuses agisse de concert avec nous et l'Angleterre; 3) dans le cas que la Prusse s'opposât au passage de nos troupes par ses états et qu'il en résultât une rupture entre la Russie et la cour de Berlin, ce qui naturellement changerait l'état de la guerre générale qu'on a en vue contre la France; et 4) si la cour de Vienne continuant d'être guidée par la peur de la France, remettrait de jour en jour à se décider et à prendre le parti énergique et le seul qui convienne à ses intérêts et sa sûreté. Sur chacune de ces quatre suppositions j'ai exposé mon opinion dans mon mémoire et réflexions du 24 de mai de cette année, que je vous ai prié de présenter à l'E-r; je ne puis donc que m'y référer. Il me reste à présent à vous communiquer ma manière de voir sur les chances probables relativement à l'envoi de m. de Novossiltzoff. J'en suppose deux, ne croyant pas à la

---

женіями отъ 24 мая.—Въ этой запискѣ я представлялъ себѣ между прочимъ четыре возможныхъ случая, а именно: 1) Пруссія рѣшается заодно съ вѣнскимъ дворомъ вступить въ коалицію; 2) Пруссія не вступаетъ въ нее и ограничивается соблюденіемъ строгаго нейтралитета, а вѣнскій дворъ рѣшается на сильныя мѣры и дѣйствуетъ совмѣстно съ нами и Англіей; 3) Пруссія противится переходу нашихъ войскъ черезъ ея владѣнія, и отсюда проистекаетъ разрывъ между Россіей и берлинскимъ дворомъ, что естественно измѣнило бы весь ходъ войны, предпринимаемой противъ Франціи, и 4) вѣнскій дворъ, все еще руководясь страхомъ передъ Франціей, откладываетъ со дня на день свое рѣшеніе и ревностное участіе, которое одно только могло бы соотвѣтствовать его выгодамъ и безопасности. Я изложилъ свой взглядъ на всѣ эти четыре предположенія въ моей запискѣ и соображеніяхъ отъ 24 мая сего года, которыя я васъ просилъ представить и-ру: мнѣ остается лишь сослаться на нихъ. Остается сообщить вамъ мой взглядъ на вѣроятныя послѣдствія отправки Новосильцова. Предполагаю ихъ два, не видя третьяго, а именно возможности, чтобы Бонапартъ принялъ основы мира, которыя поручено нашему переворщику представить ему. Вотъ они: 1) Бонапартъ рѣшительно и прямо отвергаетъ предложенія, сдѣланныя ему отъ имени Англіи и нашего; 2) отвергая

possibilité d'une troisième, savoir, que Bonaparte acceptât les bases de pacification que notre négociateur est chargé de lui présenter. Les deux donc que je crois probables sont: 1) que Bonaparte refuse purement et simplement les propositions qui lui seront faites au nom de l'Angleterre et de nous; 2) qu'en les refusant et se livrant à la fougue et l'impétuosité de son caractère, il fasse quelque avance à notre négociateur, ou qu'il accompagne son refus d'une note insolente qui marquerait un manquement total aux égards dus à une grande puissance telle que la Russie. — Dans la 1-re supposition, je crois qu'après s'être concerté avec l'Angleterre, la cour de Vienne et la Prusse même sur les mesures qu'il y aurait à prendre pour mettre des bornes à la puissance effrayante de Bonaparte, et trouvant au moins une de ces deux puissances marquantes de l'Allemagne disposée à agir, et surtout la cour de Vienne pour laquelle le pouvoir de la France doit être plus alarmant que pour tout état quelconque, on pourrait alors se décider à des mesures vigoureuses. Je crois qu'il conviendrait aussi de rendre publique cette négociation manquée, ainsi que cela s'est souvent pratiqué par les cabinets, lorsque des négociations de paix n'ont pas atteint le but qu'on s'était proposé. Mais dans le second cas, savoir, si Bonaparte, ne se contentant pas de rejeter les propositions dont m. de Novossiltzoff se trouve chargé, accompagnât ce refus de quelque note insolente ou fît quelque avance à notre négociateur, l'E-r se doit sans doute à lui-même,

---

ихъ и предаваясь пылу и порывамъ своего нрава, онъ или дѣлаетъ собственное предложеніе нашему переговорщику, или сопровождаетъ свой отказъ дерзкою нотой, въ которой обнаружится полное отсутствіе достодолжнаго уваженія къ такой великой державѣ, какъ Россія.—Въ 1-мъ случаѣ, я думаю, что слѣдовало бы прежде всего сговориться съ Англіей, съ вѣнскимъ дворомъ и даже съ Пруссіей насчетъ мѣръ къ ограниченію страшнаго могущества Бонапарта. Еслибы хоть одна изъ этихъ видныхъ державъ Германіи согласилась дѣйствовать, въ особенности же вѣнскій дворъ, для котораго сила Франціи должна быть болѣе опасна, чѣмъ для всякаго другого государства, то можно бы рѣшиться на сильныя мѣры. Мнѣ кажется также, что было бы хорошо огласить эти неудачные переговоры: это часто дѣлалось кабинетами, когда мирные переговоры не достигали предположенной цѣли. Во второмъ случаѣ, т.-е. если Бонапартъ, не довольствуясь отверженіемъ предложеній, привезенныхъ г. Новосильцовымъ, дастъ какую-нибудь дерзкую ноту или сдѣлаетъ собственное предложеніе нашему переговорщику, то и-ръ, конечно, будетъ обязанъ, во имя достоинства своего и своихъ народовъ, обнаружить свое неудовольствіе: смѣю сказать даже, что это — обязанность, отъ которой не можетъ уклониться ни одинъ государь. Но и въ такомъ случаѣ, въ силу нашего мѣст-

ainsi qu'à la dignité de ses peuples d'en marquer son ressentiment, et j'ose dire que c'est une obligation dont tout souverain ne peut se dispenser, et comme dans ce cas-là même, par notre position locale et notre éloignement, nous ne pouvons faire la guerre à la France que de concert avec une des deux grandes puissances du continent, ce qui dépendra, par conséquent, des dispositions énergiques qu'on trouvera à Vienne ou à Berlin, et si l'on n'y trouvait pas ni l'énergie, ni l'assurance d'aucune de ces deux puissances, il faudrait de nécessité se borner alors à publier un exposé de la conduite de Bonaparte vis-à-vis de nous, de ses usurpations en Europe et de tout ce qu'il y a à attendre de lui, si on n'y met des bornes, auxquelles la Russie est prête à concourir; en outre il faudrait, par une déclaration publique, rompre tout rapport commercial avec la France, renvoyer tous ses agents, interdire l'entrée des marchandises françaises en Russie et défendre aux ministres et agents russes dans les cours étrangères tout rapport et communication avec les ministres et agents français. — Je ne saurais finir cette lettre, sans vous témoigner, combien j'ai lieu d'être satisfait, si mon suffrage peut être de quelque poids à vos yeux, de la manière dont vous dirigez notre département, les excellents principes qui en sont les bases, l'honneur, la dignité et la fermeté qui dirigent toutes les opérations de notre cabinet si conformes à la puissance de la Russie et au caractère personnel de l'E-r. Je ne puis assez louer votre zèle et l'ap-

---

наго положенія и отдаленности, мы можемъ воевать съ Франціей лишь въ союзѣ съ одною изъ двухъ великихъ державъ материка; а это зависитъ отъ рвенія Вѣны или Берлина: если мы не найдемъ ни рвенія, ни увѣренности ни въ одной изъ этихъ двухъ державъ, то придется по необходимости ограничиться оглашеніемъ поведенія Бонапарта относительно насъ, его захватовъ въ Европѣ и всего, чего можно ожидать отъ него, если не положить ему границъ, чему Россія готова содѣйствовать. Сверхъ того, тогда слѣдовало бы обнародовать заявленіе о прекращеніи всякихъ торговыхъ сношеній съ Франціей, выслать всѣхъ ея агентовъ, остановить ввозъ французскихъ товаровъ въ Россію и воспретить русскимъ министрамъ и агентамъ при иностранныхъ дворахъ всякія сношенія съ министрами и агентами Франціи.—Не могу окончить этого письма, не заявивъ (если только мой голосъ имѣетъ какой-нибудь вѣсъ въ вашихъ глазахъ), какъ я доволенъ вашимъ управленіемъ нашимъ департаментомъ, этими прекрасными правилами, положенными въ его основаніе,—честью, достоинствомъ и твердостью, которыя руководятъ всѣми дѣйствіями нашего кабинета, столь согласными съ могуществомъ Россіи и съ ея честнымъ характеромъ и-ра. Не могу нахвалиться вашимъ усердіемъ и прилежаніемъ въ огромномъ трудѣ, лежащемъ на вашихъ плечахъ. Пожалуйста, не

plication que vous mettez dans l'immense besogne que vous avez sur les bras. Persévérez, je vous prie, dans une pareille conduite, qui prouve en même temps votre attachement à l'E-r et qui est si propre à justifier la confiance que S. M. vous témoigne.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 46. Списокъ.

№ 29. — Талейранъ Дюрану.

Paris, 4 thermidor an XIII.

Vous trouverez dans le „Moniteur" de ce jour l'annonce du retour de m. de Novossiltzoff à Pétersbourg. Cette démarche, tout-à-fait inattendue, fera sans doute une impression exagérée sur l'esprit de ceux qui, ne connaissant pas le fond des affaires, l'ascendant de la faction anglaise en Russie et la faiblesse du gouvernement russe, se sont fait une opinion exagérée de l'importance de la mission de m. Novossiltzoff à Paris. — Je dois vous mettre en mesure de présenter sous son vrai jour cet évènement, dans vos conversations particulières. M. de Novossiltzoff avait obtenu d'arriver à Paris, quoiqu'il n'eût aucun titre, quoiqu'il fût, à son entrée en France, l'agent sans caractère d'un prince qui est sans rapport politique avec S. M., quoiqu'enfin la Russie et la France soient depuis longtemps dans l'état de mésintelligence et que la Russie soit le

---

измѣняйте этого поведенія, которое въ одно и то же время и доказываетъ вашу преданность и-ру, и оправдываетъ оказываемое вамъ е. в-вомъ довѣріе.

Парижъ, 11 (23) іюля 1805.

Въ „Монитёрѣ" нынѣшняго числа вы найдете объявленіе о возвращеніи г. Новосильцова въ Петербургъ. Этотъ совершенно неожиданный шагъ, конечно, произведетъ преувеличенное впечатлѣніе на тѣхъ, которые не знаютъ ни сущности дѣлъ, ни силы англійской партіи въ Россіи, ни слабости русскаго правительства и потому составили себѣ преувеличенное понятіе о значеніи посылки г. Новосильцова въ Парижъ. — Я долженъ помочь вамъ представить это событіе въ настоящемъ видѣ въ вашихъ частныхъ бесѣдахъ. Г. Новосильцову позволили пробыть въ Парижѣ, несмотря на то, что у него не было никакого званія, и онъ вступалъ во Францію простымъ агентомъ государя, не состоящаго въ политическихъ сношеніяхъ съ е. в-вомъ, причемъ Россія и Франція уже давно находятся въ разладѣ между собою, и Россія— единственное большое государство на материкѣ, которое не признало фор-

seul grand état du continent qui n'ait pas formellement reconnu la dignité impériale de France. L'e-r avait cédé à toute considération d'étiquette pour donner une preuve de plus de sa modération et de son amour pour la paix. — Mais, depuis le départ de m. de Novossiltzoff de Pétersbourg, la position de la Russie à l'égard de l'Angleterre s'est prononcée avec tant d'évidence que le gouvernement russe lui-même, qui paraît jusqu'à ce jour s'y être infiniment mépris, n'a pu s'empêcher de reconnaître qu'il a été entraîné par sa présomption et dupe de sa crédulité. Les journaux ministériels de l'Angleterre lui ont fait voir qu'il était un instrument de la politique arrogante du ministère anglais; que cette médiation était à son égard un préliminaire d'alliance, et, à l'égard de la France, une menace de coalition. La mission de m. de Novossiltzoff n'était donc pour l'Angleterre qu'une insulte adressée à la France, et un piége tendu à la Russie; et si dans les amorces de ce piége, il pouvait y avoir des considérations propres à flatter la vanité russe, les débats du parlement et les déclarations publiques des ministres n'ont pas tardé à la désabuser; car, ouvertement, ils ont déclaré que la Russie seule ne valait pas la peine d'être recherchée, et que son concours, sans celui de l'Autriche ou de la Prusse, n'aurait aucun poids dans la balance d'une coalition projetée. Alors la Russie, un peu mortifiée, a dû voir à quel point le rôle qu'elle consentait à jouer, était humiliant et puéril, et, pendant le voyage de son agent, elle a dû s'attacher à

мально императорскаго достоинства Франціи. И-ръ отступилъ отъ всякаго этикета, чтобы явить новый знакъ своей умѣренности и своего миролюбія. — Но съ отъѣзда г. Новосильцова изъ Петербурга положеніе Россіи относительно Англіи обозначилось такъ явственно, что само русское правительство, которое до тѣхъ поръ впадало тутъ въ крайнюю ошибку, не могло не признать, что оно было увлечено своимъ тщеславіемъ и было игрушкой своего легковѣрія. Англійскіе министерскіе журналы показали ему, что оно было орудіемъ надменной политики англійскаго министерства, и что это посредничество было преддверіемъ союза для Англіи и запугиваніемъ коалиціей для Франціи. Стало быть, для Англіи посольство г. Новосильцова было не что иное, какъ оскорбленіе Франціи и ловушка относительно Россіи. И если въ приманкахъ ой ловушки были обстоятельства, способныя польстить тщеславію русскихъ, пренія въ парламентѣ и гласныя заявленія министровъ не замедлили обра- ить ихъ: тутъ было заявлено открыто, что у одной Россіи не стоитъ заи- вать, и что одна ея помощь, безъ Австріи или Пруссіи, ничего не значитъ вѣсахъ предположенной коалиціи. Тогда немного задѣтая Россія должна ла увидѣть, какъ унизительна и пуста принятая ею на себя роль, и во ея путешествія своего агента она должна была искать предлога, чтобы

chercher un prétexte quelconque pour terminer sa mission avant qu'elle ne fût commencée. Le prétexte devait être pris hors de la sphère des véritables motifs; car les motifs ne sont pas propres à flatter l'amour propre, et c'était une nécessité de les dissimuler sous le viole d'une fausse allégation. Telle est la véritable explication de la conduite de l'E-r de Russie. Elle sera une preuve de plus que l'inconséquence et la contradiction des démarches sont une suite nécessaire du défaut de caractère et du manque d'énergie. Le gouvernement de Russie ressent, il ne faut pas en douter, toute la désobligeance de la conduite et des discours du ministère anglais à son égard; mais il s'est placé dans une position fausse; il a augmenté par la versatilité de ses mesures l'ascendant des agents anglais qui le circonviennent. On ne peut attendre de lui que de nouvelles preuves de pusillanimité. — Quant à la question de rapprochement entre la France et l'Angleterre, elle reste telle qu'elle était avant la mission de m. de Hovossiltzoff. Cette mission, étant une mauvaise mesure, était plutôt un obstacle qu'un moyen de pacification. Les deux états sont plus près de s'entendre, quand une médiation mal conçue et incertainement dirigée ne s'interpose plus entre eux, pour leur transmettre des réponses qu'ils peuvent s'adresser directement. S. M. a offert solennellement les premières propositions. C'est à l'Angleterre à montrer si elle les dédaigne ou si elle les écoute. L'e-r s'est montré ce qu'il est, ami de la paix et supérieur à toutes les craintes de la

---

прекратить его посольство прежде, чѣмъ оно началось. Предлогъ нужно было взять внѣ области истинныхъ причинъ: послѣднія не могутъ льстить самолюбію, — и потребовалось прикрыть ихъ ложными доводами. Вотъ истинное объясненіе поведенія русскаго и-ра. Оно послужитъ новымъ доказательствомъ того, что послѣдовательность и противорѣчія суть необходимыя послѣдствія безхарактерности и недостатка энергіи. Безъ сомнѣнія, русское правительство чувствуетъ всю непристойность поведенія и рѣчей англійскаго министерства по отношенію къ себѣ; но оно поставило себя въ ложное положеніе: перемѣнчивостью въ своихъ мѣрахъ оно подняло значеніе англійскихъ агентовъ, которые опутываютъ его. Отъ него нечего ждать, кромѣ новыхъ свидѣтельствъ малодушія.—Что касается вопроса о сближеніи между Франціей и Англіей, то онъ остается въ томъ же положеніи, какъ до посольства г. Новосильцова. Такъ какъ это посольство было плохою мѣрой, то оно послужило скорѣе препятствіемъ, чѣмъ средствомъ къ миру. Оба государства скорѣе столкнутся, если между ними не будетъ плохо задуманныхъ и нетвердо направляемыхъ посредничествъ, имѣющихъ цѣлью передавать имъ отвѣты, которые они сами могутъ прямо сообщить другъ другу. Е. в-во торжественно сдѣлалъ первыя предложенія. Дѣло Англіи — показать: презираетъ-ли она ихъ или готова

guerre, quelles que soient sa gravité, sa violence et sa durée. — J'ai voulu vous communiquer toutes ces observations, pour vous mettre à portée de rectifier toutes les fausses interprétations que la faiblesse et l'ignorance pourront donner à un évènement qui, en soi, n'est qu'un texte aux combinaisons passagères des agioteurs et aux absurdes déclamations des gazettes.

Paris, 144, 20. Черновая.

№ 30. — Чарторижскій Новосильцову.

16/28 juillet 1805.

Bientôt après avoir reçu votre dernier courrier, il en est arrivé un de Vienne, qui nous a apporté la réponse de cette cour au plan d'opérations, qui lui avait été communiqué de notre part. Vous verrez, par la copie ci-jointe de toutes les pièces que renfermait cette expédition, que nous avons tout lieu d'être satisfaits des dispositions de S. M. I. et royale; mais malheureusement le mode d'exécution qu'elle propose repose entièrement sur votre mission à Paris et sur des modifications dans les propositions de paix auxquelles l'ambassadeur d'Angleterre n'aurait jamais souscrit. Il fallait donc aviser immédiatement aux moyens de remplacer, dans le plan de l'Autriche, tout ce qui y était

---

выслушать. И-ръ заявилъ себя тѣмъ, что онъ есть — миролюбцемъ и далекимъ отъ всякаго страха войны, какъ бы ни была она важна, кровава и продолжительна. — Мнѣ хотѣлось сообщить вамъ всѣ эти замѣчанія съ тѣмъ, чтобы вы были въ состояніи опровергать всѣ лжетолкованія, которыя слабость и невѣжество могутъ давать событію, которое само по себѣ не что иное, какъ основа для мимолетныхъ соображеній дѣльцовъ и для нелѣпыхъ разноглагольствій газетъ.

16/28 іюля 1805.

Вскорѣ послѣ прибытія вашего послѣдняго курьера пріѣхалъ курьеръ и[з] Вѣны съ отвѣтомъ этого двора на планъ дѣйствій, сообщенный ему съ н[ашей] стороны. Вы увидите изъ списковъ всѣхъ бумагъ, привезенныхъ имъ, ч[то] мы можемъ быть вполнѣ довольны намѣреніями е. и. и корол. в-ва; къ с[ожа]лѣнію, предлагаемый имъ способъ исполненія покоится вполнѣ на в[ашемъ] въ парижскомъ посольствѣ и на мирныхъ предложеніяхъ, которыхъ никогда н[е] приметъ англійскій посланникъ. Стало быть, нужно было немедленно при[нять] мѣры въ замѣнъ того, что основывалось въ австрійскомъ планѣ на

calculé sur votre voyage. Vous trouverez, dans la copie ci-jointe de mes dépêches au comte Razoumowsky, ce qui a été résolu par l'Empereur à cet égard. Nous n'attendons donc plus en ce moment que le retour du courrier envoyé à Vienne pour commencer, et j'ai cru nécessaire de vous en faire part afin que, connaissant exactement l'état des affaires, vous puissiez calculer vos démarches en conséquence auprès du roi de Prusse, si vous n'avez point encore quitté Berlin, par l'espoir qu'aurait pu vous donner cette cour de changer son système, ce qui serait certainement bien avantageux, surtout si vous pouviez la diriger dans le sens de notre dernier plan; car sans cela une promesse que nous accepterions, et qui n'y serait point conforme, ne servirait qu'à nous lier inutilement les mains. La même observation trouverait place, si vous aviez laissé à Berlin m. Piatoli ou si vous aviez donné des directions à m. d'Alopeus, et dans ce cas vous pourriez tout de suite leur faire passer de nouvelles instructions fondées sur ce que je vous communique aujourd'hui, uniquement par précaution, parce que je me flatte toujours d'avoir bientôt le plaisir de vous voir arriver ici.

Pétersbourg. Paris, 1805, 9. Черновая.

вашемъ путешествіи. Вы увидите изъ списковъ моихъ депешъ гр. Разумовскому, на что рѣшился императоръ. Итакъ, въ эту минуту мы ждемъ только возвращенія посланнаго въ Вѣну курьера, чтобы начать дѣло. Я счелъ необходимымъ увѣдомить васъ объ этомъ, чтобы вы могли, зная точно положеніе дѣлъ, дѣйствовать соотвѣтственно у прусскаго короля, если вы еще не покинули Берлина, получивъ надежду на измѣненіе системы этого двора, что, конечно, было бы весьма выгодно, особенно еслибы вы могли руководить имъ въ смыслѣ нашего послѣдняго плана: иначе принятое нами обѣщаніе, не соотвѣтствующее этому плану, только связало бы намъ руки безъ всякой пользы. Это замѣчаніе сохраняется въ силѣ въ случаѣ, если вы оставите г-на Піятоли въ Берлинѣ или дадите указанія г. Алопеусу, причемъ вы можете тотчасъ же дать имъ наставленія, основанныя на томъ, что я сообщаю вамъ сегодня. Это только на всякій случай, ибо я все льщу себя надеждой вскорѣ имѣть удовольствіе видѣть васъ здѣсь.

№ 31. — Протоколъ конференціи между Чарторижскимъ и лордомъ Гоузромъ.

16/28 juillet 1805.

Le... 1805 à... heures, le plénipotentiaire de S. M. l'E-r de Toutes les Russies, prince Adam de Czartoryski etc., et le plénipotentiaire de s. m. britannique, lord Gower etc., s'étant réunis pour procéder à l'échange des ratifications du concert signé par eux le 30 mars (11 avril), le prince de Czartoryski a ouvert la conférence en faisant à lord Gower la déclaration suivante: — „Que s. m. britannique ayant laissé écouler le terme fixé pour l'échange des ratifications du concert signé ici le 30 mars (11 avril) sans faire parvenir les siennes à St.-Pétersbourg, et différentes discussions s'étant élevées sur la teneur de cet acte, l'E-r avait délibéré s'il le ratifierait ou non; que cependant les sentiments d'amitié qu'il porte au roi de la Grande-Bretagne et l'heureux effet qui doit résulter pour l'Europe de leur nouvelle union, surtout depuis que la cour de Vienne fait espérer qu'elle se prononcera incessamment contre la France, ont déterminé S. M. I. à signer également son acte de ratification, mais sans y comprendre l'art. 10-me séparé et son annexe. Que cette restriction était fondée sur ce que l'E-r, malgré la satisfaction avec laquelle il a vu que la cour de Londres n'insistait pas sur la

---

16/28 іюля 1805.

...1805 года, въ... часовъ, уполномоченный е. в-ва и-ра всероссійскаго, князь Адамъ Чарторижскій и проч., и уполномоченный его британскаго в-ва, лордъ Л. Гоузръ и проч., собрались для обмѣна ратификацій соглашенія, подписаннаго ими 30 марта (11 апрѣля). Кн. Чарторижскій открылъ конференцію, сдѣлавъ слѣдующее заявленіе лорду Л. Гоузру: — „Такъ какъ его британское в-во пропустилъ срокъ, назначенный для обмѣна ратификацій соглашенія, подписаннаго здѣсь 30 марта (11 апрѣля), не доставивъ своихъ ратификацій въ С.-Петербургъ, и такъ какъ поднялись различныя разсужденія касательно содержанія этой бумаги, то и-ръ обсуждалъ вопросъ, давать-ли свою ратифи[illegible]цію или нѣтъ? Однако дружелюбіе къ королю Великобританіи, а также [illegible]вственныя послѣдствія ихъ новаго единенія, ожидаемыя для Европы, осо[illegible]нно съ тѣхъ поръ, какъ вѣнскій дворъ подалъ надежду, что онъ немед[illegible]нно выскажется противъ Франціи, заставили е. в-во равномѣрно подписать [illegible]ю ратификацію, только не распространяя ее на отдѣльную 10-ю статью [illegible] на приложеніе къ ней. Это ограниченіе основывается на томъ, что, хотя [illegible]ру пріятно видѣть, что лондонскій дворъ не настаиваетъ на полномъ

conservation absolue de l'île de Malte, persistait dans l'opinion qu'il avait énoncée au roi du royaume uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande sur les facilités qu'il aurait été convenable d'apporter à la conclusion de la paix, si le chef du gouvernement français avait souscrit aux bases de pacification réglées ici; que d'ailleurs celles-ci et l'article auquel elles sont annexées devenaient maintenant superflus, Bonaparte ayant prouvé à la face de l'Europe, par ses nouveaux envahissements, qu'il ne voudrait admettre aucunes conditions de paix raisonnables, et S. M. I. s'étant déterminée à rappeler son plénipotentiaire. — Où en conséquence l'E-r avait autorisé lui, prince de Czartoryski, à échanger son acte de ratification contre celui envoyé à lord L. Gower, si ce plénipotentiaire se croyait autorisé à le recevoir dans cette forme". — Lord L. Gower ne balança point à répondre „que, connaissant les intentions du roi, son maître, il jugeait être pleinement autorisé à recevoir les ratifications de S. M. l'E-r de Toutes les Russies dans la forme dans laquelle elles étaient adressées et de les échanger contre celles qui lui avaient été envoyées de Londres". — Les plénipotentiaires respectifs ont reconnu en outre que l'art. 7-me séparé devait conserver sa rédaction primitive, et que les actes de ratification, quoique d'une teneur différente, auraient la même force et valeur que si ils contenaient mot-à-mot les articles du concert signé ici le 30 mars (11 avril); et afin

---

сохраненіи о. Мальты, тѣмъ не менѣе онъ не отказывается отъ заявленнаго имъ королю Великобританіи и Ирландіи мнѣнія, что было бы пристойно облегчить заключеніе мира, если только глава французскаго правительства подпишется подъ установленными здѣсь основаніями замиренія. Впрочемъ эти основанія, также какъ и статья, къ которой они приложены, сдѣлались теперь излишними, такъ какъ Бонапартъ доказалъ всей Европѣ, своими новыми захватами, что онъ не желаетъ допустить никакихъ разумныхъ мирныхъ условій, а е. и. в-во рѣшилъ отозвать своего уполномоченнаго.—Въ силу сказаннаго, и-ръ уполномочилъ его, кн. Чарторижскаго, обмѣняться ратификаціями съ лордомъ Л. Гоуэромъ, если этотъ послѣдній считаетъ себя уполномоченнымъ на принятіе ратификацій въ такомъ видѣ". — Лордъ Л. Гоуэръ не задумался отвѣчать, „что, зная намѣренія своего государя, онъ считаетъ себя совершенно уполномоченнымъ принять ратификаціи е. в-ва и-ра всероссійскаго въ указанномъ видѣ и обмѣнять ихъ на тѣ, которыя присланы ему изъ Лондона".—Сверхъ того оба уполномоченные признали, что 7-я отдѣльная статья должна сохраниться въ ея первоначальномъ видѣ, и что ратификаціи, несмотря на ихъ различное содержаніе, будутъ имѣть ту же силу и то же значеніе, какъ еслибы въ нихъ заключались слово-въ-слово статьи соглашенія, подписаннаго здѣсь 30 марта (11 апрѣля). Чтобы засвидѣтельствовать при-

de constater la cause des différences qui s'y trouvent, les plénipotentiaires sont convenus de déposer dans un protocole de conférence formel leurs déclarations réciproques et d'en signer immédiatement des copies doubles en procédant en même temps à l'échange des ratifications telles que les souverains respectifs les ont signées. — En foi de quoi les soussignés plénipotentiaires ont fait dresser le présent protocole de conférence, l'ont signé et y ont fait opposer le cachet de leurs armes.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 37. Черновая.

№ 32. — А. Воронцовъ Чарторижскому.

Matrenino, 24 juillet (5 août) 1805.

Par une suite de mes sentiments pour vous, je vous communique ici et pour vous seul les observations suivantes. Elles sont relatives aux dernières communications qui m'ont été faites, ainsi qu'à la lettre amicale que j'ai reçue de vous. — 1) La cour de Vienne vient de déployer assurément, dans la note de leur ministère, une énergie qui ne ressemble pas à la conduite qu'ils ont tenue depuis deux ans. Le mémoire pressant que leur a présenté le comte de Rasoumowsky y aura peut-être contribué, ainsi que le danger auquel leurs possessions italiennes sont exposées, voyant Bonaparte s'étendre de plus en plus dans cette

---

чину вкравшейся тутъ разницы, уполномоченные согласились внести въ формальный протоколъ конференціи свои взаимныя заявленія и тотчасъ же подписать два списка, обмѣниваясь въ то же время тѣми ратификаціями, которыя были подписаны соотвѣтственными монархами. — Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся уполномоченные составили настоящій протоколъ конференціи, подписали его и приложили къ нему свои печати.

Матренино, 24 іюля (5 августа) 1805.

Въ силу моихъ чувствъ къ вамъ, сообщаю здѣсь вамъ одному нижеслѣ
дующія замѣчанія. Они касаются послѣднихъ присланныхъ мнѣ бумагъ, а
также вашего дружескаго письма. — 1) Вѣнскій дворъ выказываетъ въ нотѣ
его министерства рвеніе, не соотвѣтствующее его поведенію за два по-
слѣдніе года. Этому содѣйствовала, пожалуй, настойчивая записка, представ-
ленная ему гр. Разумовскимъ, а также опасность, которой подвергаются его
итальянскія владѣнія въ виду все бо́льшаго распространенія власти Бона-
парта въ этой странѣ. Но, по мнѣ, причиною мужественныхъ рѣшеній австрій-

contrée; mais ce qui les aura, je crois, déterminé le plus à des résolutions vigoureuses, c'est la joie intérieure qu'ils n'auront pas manqué d'avoir par l'espérance que cet état des choses amènerait non-seulement de voir les cartes brouillées entre nous et la Prusse, mais la possibilité même d'une rupture en règle; car la haine des cours de Vienne et de Berlin l'une contre l'autre est, on peut le dire, le pivot principal de toutes leurs actions et démarches; aussi la cour de Vienne dans sa note a grand soin d'indiquer la marche de nos troupes par les états prussiens de gré ou de force.—2) Relativement à cette mesure de forcer la cour de Berlin à se déclarer contre la France et le passage de nos troupes par ses états de gré ou de force, je ne puis que me référer à ce que j'ai dit et écrit précédemment et surtout dans mon mémoire ou réflexions du 24 mai de cette année.—3) La cour de Vienne ignorait lorsqu'elle a donné sa note, que m. de Novossiltzoff ne continuerait plus sa route pour Paris, désirant qu'on amusât un peu le tapis par une négociation avec la France, afin qu'en attendant elle puisse achever ses préparatifs militaires, et que la négociation une fois entamée à Paris, elle soit suivit de démonstrations militaires propres à appuyer les démarches de cette négociation, et qu'en attendant nos armées marchent l'une par la Galicie et l'autre par Varsovie et autres états prussiens. — 4) Quant à la négociation, il paraît qu'on est dans l'idée chez nous d'y suppléer,

---

цевъ служитъ внутренняя радость, которою наполнила ихъ надежда на то, что это положеніе дѣлъ приведетъ не только къ замѣшательствамъ между нами и Пруссіей, но, пожалуй, и къ настоящему разрыву: ненависть между дворами вѣнскимъ и берлинскимъ составляетъ, такъ сказать, главный стержень всѣхъ ихъ дѣйствій и поступковъ; оттого-то вѣнскій дворъ весьма старательно указалъ въ своей нотѣ на свободный или насильственный проходъ нашихъ войскъ черезъ прусскія владѣнія.—2) Что касается этой мѣры—принужденія берлинскаго двора заявить себя противъ Франціи и свободнаго или насильственнаго прохода нашихъ войскъ черезъ его владѣнія,—то я могу лишь сослаться на то, что́ я говорилъ и писалъ прежде, въ особенности же въ моей запискѣ или въ разсужденіяхъ отъ 24 мая сего года. — 3) Давая свою ноту, вѣнскій дворъ не зналъ, что г. Новосильцовъ не будетъ продолжать своего путешествія въ Парижъ; и онъ желалъ выиграть время посредствомъ переговоровъ съ Франціей, чтобы успѣть довершить свои военныя приготовленія. Онъ не зналъ, что сто́итъ переговорамъ начаться въ Парижѣ, какъ за ними послѣдуютъ военныя заявленія, способныя поддержать ихъ ходъ, и что между тѣмъ наши арміи двинутся—одна черезъ Галицію, другая — черезъ Варшаву и другія прусскія владѣнія. — 4) Что касается переговоровъ, то у насъ, кажется, думаютъ поправить дѣло, разстроенное тѣмъ, что г. Новосильцовъ уже

m. de Novossiltzoff n'allant plus à Paris, d'en charger la cour de Vienne par le canal de son ambassadeur en France. Si cette négociation a lieu entre les deux cours impériales et la France, et que la cour de Londres n'y soit pour rien ou qu'on ne lui en donne pas connaissance et à temps, est-ce que cela ne pourra déterminer l'Angleterre de son côté à entamer une négociation avec la France et s'arranger ensemble et peut-être plus efficacement que ce que m. de Cobentzl négociera à Paris? — 5) La cour de Vienne qui dit elle-même qu'elle ne peut bouger sans les secours pécuniers de l'Angleterre, et n'ayant jusqu'à présent rien de réglé avec cette puissance, sera-t-elle en état de nourrir nos armées, qu'elle désire avoir chez elle? — 6) Rien n'est cependant établi jusqu'à présent ou achevé avec la cour de Londres. La cour de Vienne non-seulement n'ayant pas accédé à notre convention, mais cette convention n'est pas ratifiée, que je sache, par nous, après que la ratification de l'Angleterre est arrivée avec quelques changements et nommément ceux qu'on devait presque attendre quand on connaît les principes de l'Angleterre. — 7) Il est vrai qu'on croit y suppléer chez nous en exigeant de lord Gower une déclaration ou assurance positive sur les subsides. Reste à voir, si cet ambassadeur y est assez autorisé et si, dans un gouvernement comme celui de l'Angleterre, où les ministres sont soumis à une responsabilité réelle, m. Pitt voudra donner de l'argent sans traité, ni aucun engage-

---

не ѣдетъ въ Парижъ: намѣреваются поручить ихъ вѣнскому двору, и именно его посланнику во Франціи. Но если эти переговоры будутъ происходить между обоими императорскими дворами и Франціей, а лондонскій дворъ будетъ ни причемъ или ему не дадутъ знать своевременно, то не заставитъ-ли это Англію, съ своей стороны, начать переговоры съ Франціей и устроить съ ней сдѣлку, быть можетъ, болѣе дѣйствительную, чѣмъ то, чего добьется г. Кобенцль въ Парижѣ?—5) Вѣнскій дворъ, который самъ говоритъ, что не можетъ шевельнуться безъ денежной помощи англичанъ, и до сихъ поръ ни до чего не договорился съ этою державой, будетъ-ли въ состояніи прокормить тѣ наши арміи, которыя ему хочется имѣть у себя? — 6) Но до сихъ поръ еще ничего не установлено или не закончено съ лондонскимъ дворомъ. Не только вѣнскій дворъ не присталъ къ нашей конвенціи, но самая эта конвенція не ратифицирована нами, насколько мнѣ извѣстно, между тѣмъ какъ англичане прислали свою ратификацію съ нѣсколькими измѣненіями, и именно съ такими, какихъ почти должно было ожидать, зная правила Англіи. — 7) Правда, у насъ думаютъ помочь бѣдѣ, вытребовавъ у лорда Гоуэра заявленіе или положительное увѣреніе насчетъ субсидій. Посмотримъ, достаточно-ли уполномоченъ на сіе этотъ посланникъ; и въ такомъ правительствѣ, какъ англійское, гдѣ министры подчинены дѣйствительной отвѣтственности, рѣшится-ли г. Питтъ

ment fixe et établi. — 8) Avez-vous assez d'argent pour envoyer toutes ces armées avant que les secours pécuniers de l'Angleterre soient assurés et réglés? Ce n'est pas le tout que de marcher et traverser un pays contre son gré. Comment est-ce que ces armées se nourriront en traversant ce pays contre le voeu de son gouvernement? — 9) Il paraît, par la note du ministre autrichien, que c'est à nous à rompre les premiers la lance, tandis qu'il avait été toujours question chez nous de bien lier la partie avant que d'agir, et que de notre côté nous devions épauler, soutenir et agir en commun avec eux, qui dans le fait sont plus intéressés que nous à voir prendre aux affaires de l'Europe une autre face, puisque eux, qui sont au centre et non comme nous occupant un grand coin du monde, sont plus exposés à la force monstrueuse de la France. — 10) Quant à l'approbation des autres cabinets, et qu'ils reconnaissent la justice du parti qu'on prend, ce n'est pas les propositions de paix que Bonaparte ne peut même pas admettre sans se reconnaître pour un pleutre. Effectivement, comment est-ce qu'on peut s'attendre, qu'après s'être fait couronner roi d'Italie, il ira se désister de tout cela, par une négociation et quelques démonstrations. Ce n'est qu'une guerre heureuse contre lui et la reprise de tous ces pays qu'il s'est adjugé, qui pourrait l'y forcer. D'après ma façon de voir, les cabinets de l'Europe jugeront que Bonaparte ne pouvait accepter les con-

---

дать деньги безъ договора, безъ всякаго твердаго и установленнаго обязательства? — 8) Есть-ли у васъ достаточно денегъ, чтобы отправить всѣ эти арміи прежде, чѣмъ будетъ обезпечена и установлена денежная помощь Англіи? Дѣло не въ томъ только, чтобы идти и пройти черезъ извѣстную страну вопреки ея желанію. Вопросъ въ томъ, какъ будутъ прокармливаться эти арміи, проходя черезъ эту страну противъ желанія ея правительства? — 9) Изъ ноты австрійскаго министра видно, что намъ придется первымъ сломить копье, тогда какъ мы всегда думали о томъ, что слѣдуетъ хорошенько сладить дѣло прежде, чѣмъ дѣйствовать, и что мы, съ нашей стороны, должны лишь поддерживать согласными дѣйствіями тѣхъ, которые въ сущности больше насъ заинтересованы въ томъ, чтобы дѣла Европы приняли новый видъ: вѣдь не мы, занимающіе большой уголъ міра, а они, живущіе въ его средоточіи, наиболѣе подвергаются опасности со стороны чудовищной силы Франціи.—10) Что касается одобренія другихъ кабинетовъ и ихъ признанія справедливости предпринимаемаго дѣла, то тутъ нечего и говорить о мирныхъ предложеніяхъ, которыхъ Бонапартъ не можетъ даже допустить: иначе его признали бы трусомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли ожидать, чтобы, короновавшись королемъ Италіи, онъ отказался бы отъ всего, вслѣдствіе переговоровъ и нѣкоторыхъ заявленій? Его можно бы было принудить къ этому лишь счастливою войной

ditions qu'on lui offre. Quant au motif et à la justice d'une coalition contre lui, elle ne peut être reconnue que comme juste et nécessaire par ses infractions du traité d'Amiens et de Lunéville, sa royauté de l'Italie, l'usurpation de Gênes et enfin tout ce qu'on a à attendre de son audace et de la puissance énorme et gigantesque qu'il s'est formé et qui menace toute l'Europe. — En vous communiquant avec confiance mes observations, je réitère qu'elles sont pour vous seul, et vous y reconnaîtrez, j'espère, une nouvelle preuve de mon amitié pour vous, laquelle vous est acquise pour toujours. Je n'ai pas cru devoir donner rien d'officiel, puisqu'en vérité, dans l'éloignement et que beaucoup de résolutions se prennent spontanément, je serais d'autant plus embarrassé de dire mon avis, qu'il m'est impossible, ne voyant pas toutes les circonstances et les motifs, ce qui m'empêche presque de débrouiller la chose; d'ailleurs vous dites vous-mêmes que peut-être le parti sera déjà pris avant qu'on puisse recevoir ma réponse. Je souhaite ardemment que les déterminations qu'on prendra soient couronnées d'un plein succès, et qu'une fois prises, elle soient soutenues avec constance et fermeté, surtout qu'il n'y aie pas de demi-mesures et paliatifs propres à tout entraver. Il faut avouer cependant que si la coalition a lieu, qu'elle ne commence pas sous des auspices favorables, les trois principales puissances n'étant pas d'accord entre elles sur plusieurs points. La convention

---

да отнятіемъ всѣхъ странъ, которыя онъ присвоилъ себѣ. По моему мнѣнію, европейскіе кабинеты рѣшатъ, что Бонапартъ не могъ принять предложенныя ему условія. Что касается поводовъ и справедливости коалиціи противъ него, то, конечно, послѣдняя должна быть признана справедливою и необходимою, въ силу его нарушеній амьенскаго и люневильскаго договоровъ, его Итальянскаго королевства, его захвата Генуи, наконецъ, благодаря всему, чего должно ожидать отъ его дерзости и отъ огромнаго гигантскаго могущества, которымъ онъ заручился и угрожаетъ всей Европѣ. — Довѣрчиво сообщая вамъ мои замѣчанія, повторяю, что это для васъ одного, и надѣюсь, что вы признаете ихъ новымъ свидѣтельствомъ моей дружбы къ вамъ, которая навсегда сохранится за вами. Я не считалъ долгомъ писать что-либо оффиціально: сказать правду, въ отдаленіи на многое рѣшаешься самопроизвольно. Мнѣ тѣмъ труднѣе было бы высказывать мое мнѣніе, что я не знаю всѣхъ обстоятельствъ и причинъ, а это почти мѣшаетъ мнѣ разобрать дѣло. Къ тому же вы сами говорите, что, быть можетъ, дѣло уже будетъ рѣшено прежде, чѣмъ получится мой отвѣтъ. Горячо желаю, чтобы принимаемыя рѣшенія увѣнчивались полнымъ успѣхомъ и чтобы, разъ они приняты, ихъ поддерживали съ постоянствомъ и твердостью, въ особенности же чтобы не было полумѣръ и легкихъ средствъ, которыя только все портятъ. Но должно

avec l'Angleterre n'est pas ratifiée, que je sache, et la cour de Vienne ne voulant y accéder qu'avec des changements, en outre celle-ci, sur l'article du roi de Sardaigne, voit les choses bien différemment de nous. Les difficultés que l'Angleterre a fait sur Malte, nous ont donné de l'humeur, cela laissera des traces et influera peut-être lorsqu'il surviendra d'autres difficultés faciles à prévoir dans des coalitions et sur lesquelles sans humeur on ne pourrait s'entendre. Voici encore une observation que je dois faire, quoique j'en aie fait mention dans les notices que je vous ai laissé. Y aura-t-il une commission, comité ou bureau, puisqu'on aime cette dernière forme, qui sous l'inspection de l'E-r dirigera en rassemblant au moins tout ce qui aura rapport à la guerre, ou sera-ce sur le pied, comme c'était sous le précédent règne? — Je vous prie de m'accuser la réception de cette lettre confidentielle.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 47. Подинникъ.

№ 33. — Циркуляръ Талейрана.

20 thermidor an XIII.

Une note qu'on dit avoir été adressée par m. de Novosiltzoff au cabinet de Berlin, vient d'être publiée dans les journaux d'Allemagne.

признаться, что если коалиція состоится, то она начнется не при благопріятныхъ предвѣстіяхъ: три главныхъ державы во многомъ не согласны между собой. Насколько мнѣ извѣстно, соглашеніе съ Англіей не утвѣрждено; а вѣнскій дворъ соглашается пристать къ нему лишь при извѣстныхъ измѣненіяхъ, да еще онъ расходится съ нами во взглядѣ на сардинскаго короля. Насъ обидѣли препятствія, поставленныя Англіей относительно Мальты; а это оставитъ слѣды, пожалуй, даже отразится, когда возникнутъ новыя препятствія, которыя легко предвидѣть въ коалиціяхъ и при которыхъ трудно столковаться и безъ обидъ. Я долженъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, хотя я уже упоминалъ о немъ въ одной изъ оставленныхъ вамъ замѣтокъ. Будетъ-ли комиссія, комитетъ или бюро? Вѣдь, у насъ любятъ эту форму, которая, какъ въ прошлое царствованіе, все направляла бы подъ надзоромъ и-ра, собирая по крайней мѣрѣ все относящееся къ войнѣ или къ ея подготовкѣ.—Прошу увѣдомить меня о полученіи этого тайнаго письма.

27 іюля (8 августа) 1805.

Въ нѣмецкихъ журналахъ только-что появилась нота, которая, говорятъ, была подана г. Новосильцовымъ берлинскому кабинету. Заключающіяся въ

Les fausses assertions qu'elle contient, les étranges prétentions qu'on y manifeste, l'oubli total des bienséances qui caractérise cette pièce prétendue officielle, ne permettent pas au soussigné de garder le silence sur sa publicité Il a reçu l'ordre formel de communiquer à M***... les observations suivantes. Il ne doute pas qu'elles ne suffisent pour rectifier les impressions qu'a pu produire un exposé offensant autant qu'infidèle, des communications indirectes et momentanées qui ont eu lieu dernièrement entre la Russie et le cabinet de s. m. — Depuis longtemps, s. m. l'-er et roi observe en silence les progrès de la Russie vers le midi de l'Asie. Elle voit avec une juste inquiétude les dangers qui menacent la Perse et la Turquie, deux grands empires dont l'un ne peut être asservi sans que son voisin immédiat soit entraîné à une ruine inévitable, dont l'autre est sa seule barrière qui existe entre le continent et la Russie. — Les états du grand seigneur ne sont pas seulement menacés; son cabinet, incessamment obsédé d'intrigues, est tous les jours humilié par des demandes, par des instigations arrogantes qui, en blessant la dignité du prince, ne laissent au ministre le choix d'aucunes mesures, et gênent jusqu'à la liberté de ses plus simples déterminations; les provinces sont agitées par des mouvements désordonnés que des agents russes y fomentent ouvertement. Des pachas, des gouverneurs séditieux se raffermissent dans leurs coupables entreprises et se

---

ней ложныя свѣдѣнія и странныя притязанія, а также полное забвеніе приличій, отличающее эту яко-бы оффиціальную бумагу, не позволяютъ нижеподписавшемуся умалчивать объ ея обнародованіи. Онъ получилъ прямое приказаніе сообщить г-ну... слѣдующія замѣчанія. Онъ не сомнѣвается, что ихъ будетъ достаточно для сглаженія впечатлѣній, которыя могло произвести столько же оскорбительное, какъ и невѣрное изложеніе косвенныхъ и мимолетныхъ сношеній, происходившихъ въ послѣднее время между Россіей и кабинетомъ е. в-ва.—Уже давно е. в-во и-ръ и король молчаливо наблюдаетъ за распространеніемъ Россіи на югъ Азіи. Съ справедливымъ безпокойствомъ видитъ онъ опасности, угрожающія Персіи и Турціи; а эти двѣ большія имперіи таковы, что порабощеніе одной неизбѣжно влечетъ за собой погибель ея непосредственной сосѣдки, которая составляетъ единственный оплотъ материка противъ Россіи.—Мало сказать, владѣнія султана подвергаются опасности: его кабинетъ, безпрестанно опутываемый кознями, ежедневно подвергается униженіямъ вслѣдствіе надменныхъ требованій и подстрекательствъ, которыя оскорбляютъ достоинство государя и тѣмъ отнимаютъ у министра выборъ средствъ, даже стѣсняютъ свободу его самыхъ простыхъ рѣшеній; а провинціи волнуются отъ безпорядочныхъ движеній, которыя открыто поддерживаются русскими агентами. Паши, мятежные правители утверждаются въ своихъ пре-

glorifient, en même temps, de leurs projets d'indépendance et du patronage de la Russie. Les grecs, la nation jusqu'à ce jour la plus docilement assujettie, se révoltent de toutes parts contre les turcs, et partout ils voient leur désobéissance excitée, protégée et, par là même, impunie. Des escadres russes parcourent les mers ottomanes, vont porter sur tous les rivages des armes, des recruteurs, des agents de trouble et d'insurrection; et il est permis de douter si aujourd'hui il n'existe pas en Turquie un plus grand nombre d'hommes qui se contestent et se rassemblent pour détruire ce malheureux empire, que le souverain n'en pourrait jamais armer et réunir pour assurer sa conservation. — Tel est l'état vraiment désastreux où se trouve la Turquie. L'e-r, affligé de se voir presque le seul prince du continent qui ait su discerner de bonne heure et prévoir à temps les projets qu'on dirige contre elle, a cependant espéré que l'imprudente rapidité de leur développement dessillerait enfin les yeux de l'Europe, et il a vu avec plaisir qu'il se présentait une circonstance qui lui permettrait de mettre en discussion un aussi grand intérêt et d'appeler sur elle l'attention de tous les cabinets. — S. m. le roi de Prusse lui a écrit pour lui faire part du désir que l'E-r de Russie avait exprimé d'envoyer auprès de lui un de ses chambellans. Des passeports ont été demandés; l'e-r n'a entendu, n'a demandé aucune explication. Il savait d'avance, et il avait exprimé sur ce point

---

ступныхъ замыслахъ и въ то же время хвастаются своими планами независимости и покровительствомъ Россіи. Греки, доселѣ самые кроткіе подданные, всюду возстаютъ противъ турокъ, и вездѣ ихъ непокорность поддерживается, ей оказывается покровительство, а потому она остается безнаказанною. Русскія эскадры снуютъ по оттоманскимъ морямъ и стараются снабжать всѣ побережья оружіемъ, вербовщиками, дѣятелями волненій и мятежа: нынѣ позволительно спросить, не больше-ли въ Турціи людей, старающихся другъ передъ другомъ разрушить эту несчастную имперію, чѣмъ тѣхъ, которыхъ султанъ могъ бы вооружить и собрать для обезпеченія своего существованія?— Вотъ въ какомъ по-истинѣ печальномъ положеніи находится Турція. Тяжело было и-ру видѣть, что онъ почти одинъ изъ всѣхъ государей материка понялъ спозаранку и уловилъ вовремя направленные противъ нея замыслы; но онъ надѣялся, что безумная быстрота ихъ развитія откроетъ наконецъ глаза Европѣ, и онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что представляется случай, который дозволитъ ему поставить вопросъ о столь важномъ дѣлѣ и привлечь къ нему вниманіе всѣхъ кабинетовъ. — Е. в-во прусскій король извѣстилъ его письмомъ, что русскій и-ръ выразилъ желаніе послать къ нему одного изъ своихъ камергеровъ. Попросили паспортовъ; и-ръ не слыхалъ и не требовалъ никакого объясненія. Онъ зналъ заранѣе (и выразилъ прусскому королю

sa pensée au roi de Prusse, qu'il n'y avait aucun espoir à former sur cette négociation pour le repos du monde; que, quoiqu'il fût peut-être permis de conserver encore une favorable opinion de la générosité personnelle de l'E-r Alexandre, on ne devait attendre aucun résultat heureux d'une discussion dans laquelle sa modération naturelle avait été si persévéramment vaincue par des instigations étrangères et par les intrigues de ses entours; qu'au fond, la Russie ne prenait point de part réelle et sincère aux intérêts du continent; qu'indifférente au bonheur de l'Europe, son intervention dans des circonstances orageuses n'avait jamais servi qu'à entretenir les haines et à enflammer les passions; que, dans tout les temps, les querelles des autres puissances avaient été pour elle une simple spéculation de vanité, et qu'aujourd'hui, occupée comme elle l'était, de l'envahissement progressif de la Perse et de la Turquie, elle ne pouvait être qu'un sujet momentané de diversion, et, peut-être un objet de fantaisie. — Cependant s. m. l'e-r a ordonné que des passeports fussent envoyés, et, depuis, elle n'a plus entendu parler du chambellan de l'E-r de Russie. Elle doit regretter sans doute qu'une occasion ait été perdue de faire entendre à la Russie de justes et sévères représentations sur sa conduite en Asie, sur l'oppression dont elle menace l'empire Ottoman et sur les motifs d'alarme qui commencent à se répandre de toutes parts, à l'approche d'un évènement qui menace de

---

свои мысли на этотъ счетъ), что эти переговоры не подаютъ никакой надежды для спокойствія міра: хотя, пожалуй, позволительно все еще сохранять благопріятное мнѣніе о личномъ великодушіи и-ра Александра, однако не должно ожидать счастливаго результата отъ обсужденій, въ которыхъ его природная умѣренность всегда побѣждается подстрекательствами чужеземцевъ и кознями его приближенныхъ. Онъ понималъ, что въ сущности Россія не принимала дѣйствительнаго и искренняго участія въ дѣлахъ материка: она равнодушна къ счастью Европы, и ея вмѣшательство въ бурныя обстоятельства всегда служило лишь къ поддержанію ненавистныхъ чувствъ и къ воспламененію страстей; распри между другими державами всегда были для нея простымъ разсчетомъ тщеславія; и теперь, когда Россія такъ занята постепеннымъ захватомъ Персіи и Турціи, она можетъ служить лишь мимолетнымъ предме[illegible] къ отвлеченія, да, пожалуй, еще дѣломъ фантазіи.—Тѣмъ не менѣе е. в-во [illegible]ръ приказалъ послать паспорты, и съ тѣхъ поръ онъ ничего не слышалъ [illegible] камергерѣ русскаго и-ра. Конечно, онъ долженъ сожалѣть, что исчезъ случ[illegible]й сдѣлать Россіи справедливыя и строгія представленія насчетъ ея повед[illegible]нія въ Азіи, насчетъ угнетенія, которымъ она угрожаетъ Оттоманской [illegible]періи, и насчетъ поводовъ къ тревогѣ, которые распространяются всюду по [illegible]рѣ приближенія событія, угрожающаго навсегда разрушить равновѣсіе на

rompre pour toujours l'équilibre du midi de l'Europe. — C'est sous ce point de vue surtout que s. m. envisageait la négociation proposée comme un avantage que son projet était de faire servir au bien général, et elle s'afflige que les caprices de la Russie aient à cet égard trompé ses espérances; mais, en exposant sur ce point ses véritables vues, elle ne se croit point obligée d'entrer en explication sur les prétendues dispositions que la note de m. de Novosiltzoff lui attribue. Il est simple qu'un cabinet irrésolu, pour colorer une démarche inconséquente, croie pouvoir imputer à la France des contradictions de conduite et de langage qui n'appartiennent qu'à lui; mais ici, la récrimination est un prétexte, et ce prétexte est sans vraisemblance. Des passeports sollicités et obtenus ne constituent point une négociation. La France n'a rien dit: la Russie seule s'est montrée; elle a demandé qu'un de ses agents fût admis à se faire entendre. Si cette demande avait été modifiée par des clauses offensantes, par des clauses telles qu'on est étonné de les voir dans une note qu'on donne comme officielle, elle serait restée sans réponse. Le caractère de s. m. l'e-r est trop établi en Europe pour qu'on puisse y accréditer un instant la supposition impossible qu'on se soit permis de lui faire des propositions contraires à sa dignité, et que ses propositions aient été écoutées. — Néanmoins, quelque dénuée de toute probabilité que soit une telle allégation, par cela que les agents de la

---

югѣ Европы. — Съ этой-то точки зрѣнія, по преимуществу, е. в-во смотрѣлъ на предложенные переговоры какъ на выгоду, которою онъ хотѣлъ воспользоваться на общее благо, и ему прискорбно, что на этотъ разъ причуды Россіи обманули его ожиданія. Но, излагая свои истинные взгляды на это дѣло, онъ не считаетъ себя обязаннымъ входить въ объясненіе по поводу мнимыхъ намѣреній, приписываемыхъ ему г. Новосильцовымъ. Понятно, что нерѣшительный кабинетъ старается, для скрашиванія своей непослѣдовательности, свалить на Францію собственныя противорѣчія въ поступкахъ и словахъ; но здѣсь встрѣчная жалоба есть лишь предлогъ, и предлогъ невѣроятный. Потребовать и получить паспорты — еще не значитъ вести переговоры. Франція ничего не сказала. Одна Россія обнаружилась: она потребовала, чтобы допустили одного изъ ея агентовъ высказаться. Еслибы это требованіе было обставлено такими оскорбительными оговорками, что удивительно было бы встрѣтить ихъ въ оффиціальной нотѣ, оно осталось бы безъ отвѣта. Нравъ е. в-ва и-ра слишкомъ хорошо извѣстенъ въ Европѣ, чтобы тамъ могли повѣрить хоть на мгновеніе, будто кто-нибудь позволилъ себѣ сдѣлать ему противныя его достоинству предложенія—и они были выслушаны.—Какъ ни лишено такое показаніе всякой вѣроятности, тѣмъ не менѣе русскіе агенты сочли умѣстнымъ

Russie ont jugé à propos de la rendre publique, le soussigné a reçu l'ordre de la démentir de la manière la plus positive et la plus formelle.

Paris. 144, 23. Черновая.

№ 34. — Докладъ Чарторижскаго.

31 іюля (12 августа) 1805.

Товарищъ министра военныхъ морскихъ силъ сообщилъ мнѣ для доклада в. в-ву выписку изъ письма къ нему отъ командующаго эскадрою въ Средиземномъ морѣ, капитанъ-командора Грейга, который доноситъ, что онъ, пользуясь отъѣздомъ въ Неаполь министра, тайнаго совѣтника Татищева, хотѣлъ-было отправиться съ нимъ вмѣстѣ на кораблѣ въ сей городъ, для полученія на мѣстѣ всѣхъ свѣденій, которыя могли бы быть полезны на случай высадки россійскихъ войскъ въ Неаполитанское королевство; но что принужденъ былъ оставить предпріятіе свое, единственно по несогласію на то генералъ-маіора Анрепа. — Въ слѣдствіи чего имѣю счастіе поднести на усмотрѣніе в. в-ва бумаги по изъясненному предмету, доставленныя мнѣ г. Чичаговымъ.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 30. Подлинникъ.

№ 35. — Нота Талейрана Кобенцлю.

Paris, 25 thermidor an XIII.

Le soussigné, s'étant empressé, à l'issue de la conférence qu'il a eu l'honneur d'avoir avec m. le comte de Cobenzl, d'envoyer à Boulogne la déclaration qui lui a été remise par s. e., a reçu de l'e-r et roi l'ordre d'y faire la réponse suivante. — L'e-r n'a pu qu'être touché des sentiments de modération manifestée par la déclaration susdite et des

---

огласить его: вслѣдствіе этого нижеподписавшійся получилъ приказаніе опровергнуть его самымъ положительнымъ и рѣшительнымъ образомъ.

Парижъ, 11/13 августа 1805.

Нижеподписавшійся, послѣ бесѣды, которую онъ имѣлъ честь вести съ г афомъ Кобенцлемъ, поспѣшилъ отправить въ Булонь заявленіе, врученное е у е. в-мъ. И-ръ и король приказалъ ему дать слѣдующій отвѣтъ. — И-ръ б ъ тронутъ чувствами умѣренности, сказавшейся въ упомянутомъ заявленіи,

dispositions amicales, qui portent s. m. l'e-r d'Allemagne et d'Autriche à vouloir hâter par son intervention la fin des maux que la guerre cause à la France. Mais plus s. m. attache d'importance et de prix aux bons offices de s. m. l'e-r d'Allemagne et d'Autriche, plus elle est reconnaissante de l'intention qui les a fait offrir, et plus elle sent que sa reconnaissance même lui défend de s'en prévaloir, lorsque, soit par la nature des choses, soit par celle des circonstances, il n'est pas même permis d'espérer qu'ils puissent être employés avec fruit, ni conséquemment sans compromettre la dignité du médiateur. Ce motif seul serait déterminant pour S. M., quand bien même il lui serait possible d'oublier de quel retour les cabinets de Londres et de Pétersbourg ont payé tout récemment encore ses procédés les plus nobles et les plus généreux. M. de Novossiltzoff venait en France sans que l'e-r sût avec quelles intentions. Le roi de Prusse avait demandé des passeports pour ce chambellan de l'E-r de Russie. Les passeports avaient été délivrés sur-le-champ et sans explication. Quelle fruit s. m. a-t-elle retirée de cette extrême déférence? Une note injurieuse et remplie d'assertions mensongères a été l'unique résultat d'une mission que l'e-r n'avait ni provoquée, ni désirée. — Ainsi insulté dans son honneur, il ne lui est plus possible de rien vouloir, ni de rien attendre de la Russie, qui d'ailleurs, loin de désirer la paix, trouve son intérêt à la guerre et fonde sur son

---

и дружелюбіемъ, которое побудило е. в-во и-ра Германіи и Австріи желать приблизить своимъ вмѣшательствомъ конецъ бѣдствій, причиняемыхъ Франціи войной. Но чѣмъ больше е. в-во придаетъ значенія и цѣны услугамъ е. в-ва и-ра Германіи и Австріи, чѣмъ болѣе онъ признателенъ за изобрѣтательность, побудившую предложить ихъ, тѣмъ яснѣе чувствуетъ онъ, что самая признательность воспрещаетъ ему воспользоваться ими, такъ какъ, въ силу самой природы вещей или обстоятельствъ, нельзя даже надѣяться, чтобы онѣ увѣнчались успѣхомъ и чтобы не было затронуто достоинство посредника. Уже этого было бы достаточно для рѣшеній е. в-ва, еслибы даже ему удалось забыть, какъ лондонскій и петербургскій кабинеты только-что отвѣчали на его самые благородные и великодушные поступки. Г. Новосильцовъ ѣхалъ во Францію, хотя и-ръ не зналъ, съ какою цѣлью. Прусскій король потребовалъ паспортовъ для этого камергера русскаго и-ра. Паспорты были выданы тотчасъ же и безъ объясненій. И что же получилъ е. в-во за эту крайнюю снисходительность? Оскорбительная, полная лживыхъ указаній нота—вотъ что было единственнымъ плодомъ посольства, котораго и-ръ не вызывалъ и не желалъ.— Затронутый такимъ образомъ въ своей чести, онъ уже не могъ ни желать, ни ожидать чего-либо отъ Россіи, которая далека отъ миролюбія: она находитъ выгоду въ войнѣ и основываетъ на ея возобновленіи надежды, которыя тщетно

renouvellement des espérances qu'elle voudrait en vain dissimuler, quand de toutes parts sa conduite les dévoile aux regards les moins pénétrants.— Depuis un an l'e-r n'a reçu du cabinet russe que des outrages. Son caractère et ses sentiments sont trop connus pour que l'on puisse croire qu'il s'exposera à des outrages nouveaux. C'est à l'E-r Alexandre à juger, lequel de ces deux partis lui convient, ou de persister dans le système que des suggestions étrangères lui ont fait embrasser, ou de revenir à des sentiments plus modérés, plus justes et plus sages. Il a plus d'intérêt à y revenir que la France à l'y ramener: ce changement doit être le fruit de ses propres réflexions et ne peut faire l'objet d'aucune négociation. — Quant à l'Angleterre, s. m. fit, il y a huit mois, pour la porter à la paix, des instances que l'Europe sut apprécier et qui n'auraient point été vaines, si l'Angleterre n'ait compté que sur ses propres ressources; mais par la réponse du cabinet de St. James il devint évident, qu'elle ne penserait à la paix qu'après avoir perdu l'espoir d'embraser le continent et de couvrir de carnage et de sang l'Allemagne et l'Italie. C'est dans cette vue, et dans cette vue seulement, qu'elle avait appelé l'intervention de la Russie. Le cabinet de Vienne est trop éclairé pour s'y être mépris, quand bien même les projets et les motifs de l'Angleterre ne lui auraient pas été connus par les sollicitations et les offres de subsides, dont elle n'a cessé d'obséder la cour

---

старается скрыть, такъ-какъ все ея поведеніе разоблачаетъ ихъ даже для непроницательныхъ взоровъ. — Вотъ уже годъ, какъ и-ръ ничего не получалъ отъ русскаго кабинета, кромѣ оскорбленій. Его нравъ и чувства слишкомъ извѣстны, чтобы кто-нибудь могъ думать, что онъ подвергнется новымъ оскорбленіямъ. Пусть и-ръ Александръ разсудитъ, что̀ ему выгоднѣе—упорствовать-ли въ поведеніи, внушенномъ ему чужеземцами, или возвратиться къ болѣе умѣреннымъ, болѣе справедливымъ и благоразумнымъ чувствамъ? Ему выгоднѣе возвратиться къ послѣднимъ, чѣмъ Франціи приводить его къ нимъ: эта перемѣна должна быть плодомъ его собственныхъ соображеній и не можетъ быть предметомъ какихъ бы то ни было переговоровъ. — Что касается Англіи, то, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, е. в-во старался склонить ее къ миру съ настойчивостью, которая была оцѣнена Европой и не была бы безплодной, ес. бы Англія разсчитывала лишь на свои собственныя средства; но изъ отвѣта с.-джемскаго кабинета выяснилось, что она тогда только подумаетъ о мирѣ, когда потеряетъ надежду воспламенить весь материкъ и наполнить Германію съ Италіей бойнею и кровью. Съ этой-то, и только съ этой цѣлью она обратилась ко вмѣшательству Россіи. Вѣнскій кабинетъ слишкомъ просвѣщенъ, чтобы ошибиться въ этомъ отношеніи, еслибы даже ему не были извѣстны замыслы и побужденія Англіи, которая не переставала приставать

de Vienne pour l'engager à reprendre les armes.—Ce n'est point à une telle puissance que l'on peut espérer de faire gouter les conseils de la modération et de la justice. Ce serait même inutilement qu'on lui parlerait de ses intérêts les plus chers. Des passions aveugles les lui font méconnaître. La voix de la persuasion n'aurait sur elle aucun empire. Mais ce que les bons offices de l'Autriche ne pourraient obtenir de l'Angleterre, l'Autriche peut la mettre dans la nécessité de le faire. Elle n'a besoin pour cela ni d'efforts, ni de menaces, mais uniquement d'une démarche fort simple, qui donne à l'Angleterre la conscience de son impuissance. — L'Angleterre sait, et plus d'une fois elle a déclaré, que la Russie seule ne peut lui être d'aucun secours et qu'une diversion lui serait inutile tant que la Prusse et l'Autriche n'y coopéreraient pas.—La Prusse a déclaré dans tous les temps que dans aucun cas elle n'entrerait dans aucun projet hostile contre la France. Que l'e-r d'Autriche fasse la même déclaration, et aussitôt le cabinet britannique, sentant ses intérêts sur lesquels aucune illusion ne l'abusera plus, entraîné par l'opinion des hommes éclairés de son pays, verra la nécessité de revenir aux stipulations du traité d'Amiens et sera heureux de cette nécessité même. Alors non-seulement l'e-r d'Allemagne aura obtenu des droits à la reconnaissance de l'e-r des français, mais encore il aura plus fait pour sa propre utilité que s'il eût gagné dix batailles contre

---

къ вѣнскому двору со своими просьбами и съ предложеніемъ денежной помощи, чтобы привлечь его къ возобновленію войны. — Можно-ли надѣяться подѣйствовать на такую державу совѣтами насчетъ умѣренности и справедливости? Ей безполезно говорить даже объ ея собственныхъ самыхъ дорогихъ интересахъ. Сильныя страсти затмѣваютъ ихъ въ ея глазахъ. Голосъ убѣжденія не имѣетъ силы надъ нею. Но Австрія могла бы принудить ее сдѣлать то, чего она никогда не достигнетъ путемъ добрыхъ услугъ. Ей не нужно для этого прибѣгать ни къ усиліямъ, ни къ угрозамъ: довольно очень простого шага, который далъ бы почувствовать Англіи ея безсиліе. — Англія знаетъ—да она и заявляла это не разъ—что одна Россія не поможетъ ей, и что отвлеченіе силъ врага безполезно для нея, пока Пруссія и Австрія не примутъ въ немъ участія. — Пруссія всегда заявляла, что никоимъ образомъ не вовлечется во враждебные замыслы противъ Франціи. Пусть австрійскій и-ръ сдѣлаетъ такое же заявленіе — и британскій кабинетъ тотчасъ пойметъ свои выгоды, такъ какъ никакія мечты не будутъ смущать его: увлекаемый мнѣніемъ просвѣщенныхъ людей своей страны, онъ увидитъ необходимость возвратиться къ условіямъ амьенскаго договора и будетъ радоваться самой этой необходимости. Тогда нѣмецкій и-ръ не только пріобрѣлъ бы право на признательность и-ра французовъ, но и сдѣлалъ бы больше для собственныхъ

la France; car une conséquence immédiate de la paix sera l'exécution de l'engagement que s. m. l'e-r des français a pris et qu'il se plait à renouveler, de séparer les couronnes de France et d'Italie. — Si, au contraire, l'Autriche, par des mesures indécises laisse flotter l'opinion dans le doute et l'incertitude, si par là elle autorise les assertions du ministère anglais qui la dit entraînée dans une coalition, si elle persiste à avoir 72,000 hommes en Italie, l'e-r ne pourra s'empêcher de croire qu'elle voit avec une joie secrète une guerre qui affaiblit la France, et qu'elle juge le moment favorable pour recommencer des hostilités dont la génération actuelle doit être fatiguée. — S. m., qui n'a en Italie que 50,000 hommes dont 15,000 à l'extrémité du royaume de Naples, voyant sa frontière la plus importante exposée et ne pouvant la regarnir qu'en retirant des troupes de son armée de l'Océan, ne pourra considérer l'Autriche que comme faisant en faveur de l'Angleterre une diversion non moins efficace et plus onéreuse pour lui que ne le serait une guerre ouverte. — S. e. m-r le comte de Cobenzl n'aura pas manqué d'observer ce que les circonstances présentes ont de grand et d'extraordinaire. De telles circonstances nécessitent des mesures qui lui correspondent. C'est une vérité sentie de tous les hommes éclairés et dont s. m. est pénétrée: Frédéric II, quand il vit que l'on méditait la guerre contre lui, prévint ses ennemis. Plus d'une fois la maison d'Autriche en a fait au-

---

выгодъ, чѣмъ выигравъ десять сраженій противъ Франціи: непосредственнымъ слѣдствіемъ мира было бы исполненіе обязательства, которое принялъ на себя и-ръ французовъ и охотно возобновляетъ, а именно—раздѣлить короны Франціи и Италіи. — Если же, напротивъ, Австрія поддержитъ своими нерѣшительными мѣрами сомнѣнія и неувѣренность, если тѣмъ она подтвердитъ увѣренія англійскаго министерства, будто она вовлечена въ коалицію, если она не перестанетъ держать 72,000 человѣкъ въ Италіи, то и-ръ долженъ будетъ думать, что она съ тайной радостью смотритъ на ослабляющую Францію войну и считаетъ эту минуту благопріятною для возобновленія враждебныхъ дѣйствій, которыя, кажется, уже утомили нынѣшнее поколѣніе. — У е. в-ва всего 50,000 человѣкъ въ Италіи, да и изъ нихъ 15,000 на краю Неаполитанскаго королевства; самая важная изъ границъ послѣдняго подвергается опасности и не можетъ быть защищена иначе, какъ перемѣщеніемъ туда войскъ изъ нашей океанской арміи. Видя все это, и-ръ неизбѣжно долженъ думать, что Австрія дѣлаетъ отвлеченіе силъ врага Англіи не менѣе существенное и даже болѣе тяжелое для него, чѣмъ открытая война. — Е. с-во графъ Кобенцль не преминетъ замѣтить всю важность и необычайность нынѣшнихъ обстоятельствъ. Такія обстоятельства требуютъ соотвѣтственныхъ мѣръ. Это—истина, которую признавали всѣ просвѣщенные люди и которою проникнутъ е. в-во: Фридрихъ II

tant. Aujourd'hui l'e-r des français voit des préparatifs se faire en Pologne et d'autres préparatifs en Italie. Les lieux mêmes où ils se font, indiquent, et qu'ils sont le résultat d'un concert, et contre qui ils sont dirigés. Le soussigné doit le demander à m. le comte de Cobenzl, que ferait l'e-r d'Allemagne, s'il était à la place de l'e-r des français? — Cependant l'e-r se plait à bien augurer de l'avenir qu'il dépend de l'Autriche de rendre heureux pour l'Europe, et dont il regarde comme un présage les sentiments exprimés dans la note que le soussigné a reçue de m. de Cobenzl. Que l'Autriche fasse la même déclaration que la Prusse et que, confirmant cette déclaration par les faits, elle remette sur le pied de paix toutes ses forces et tout le matériel de son armée; qu'elle renonce à tenir 72,000 hommes en Italie, qu'elle fasse rentrer dans leurs garnisons habituelles les régiments, qui sont réunis en corps d'armée dans le Tyrol; qu'elle fasse cesser la formation de ses magasins et les travaux des fortifications de campagne qui désignent que la guerre est imminente; — rien alors ne pourra plus troubler la paix du continent, cette paix si désirable pour tous, puisque si la France n'a rien à gagner dans une nouvelle lutte, l'Autriche n'y gagnera pas davantage, et la paix maritime suivra de près. Lorsque l'Autriche aura déclaré qu'elle reste et qu'elle veut rester neutre, la paix sera le désir et l'es-

---

предупреждалъ своихъ враговъ, когда видѣлъ, что замышляется война противъ него. Не разъ также поступалъ австрійскій домъ. Въ настоящее время и-ръ французовъ видитъ военныя приготовленія въ Польшѣ и Италіи. Самыя мѣстности, гдѣ они происходятъ, указываютъ и то, что они — плодъ соглашенія, и противъ кого они направлены. Нижеподписавшійся долженъ спросить графа Кобенцля, что̀ сдѣлалъ бы нѣмецкій и-ръ, еслибы онъ находился на мѣстѣ и-ра французовъ? — Впрочемъ и-ру хочется хорошо думать о будущемъ, счастливый исходъ котораго для Европы въ рукахъ Австріи: онъ видитъ его предзнаменованіе въ чувствахъ, выраженныхъ въ нотѣ, полученной нижеподписавшимся отъ г. Кобенцля. Пусть только Австрія сдѣлаетъ такое же заявленіе, какъ Пруссія; пусть она, подтверждая это заявленіе дѣлами, поставитъ на мирную ногу всѣ свои силы и всѣ запасы своего войска; пусть она откажется держать 72,000 человѣкъ въ Италіи; пусть она возвратитъ въ ихъ обычные гарнизоны тѣ полки, которые соединены теперь въ армейскій корпусъ въ Тиролѣ; пусть она прекратитъ устройство своихъ магазиновъ и походныхъ укрѣпленій, означающихъ, что война неизбѣжна,—и ничто не будетъ нарушать мира на материкѣ, этого вожделѣннаго для всѣхъ мира, ибо если Франціи нечего выиграть въ новой борьбѣ, то и Австрія выиграетъ не больше; а за этимъ миромъ скоро послѣдовалъ бы и миръ на морѣ. Когда

poir de l'Angleterre. Avant le mois de janvier elle sera conclue et le traité d'Amiens rétabli; les couronnes de France et d'Italie seront séparées, et pour toujours; l'Europe, jouissant de la sécurité et du repos, les devra à la sagesse de l'Autriche, qui, par une conduite opposée, l'aurait précipitée dans un état de choses, que ni le cabinet des Tuileries, ni celui de Vienne, ni tout autre ne pourrait calculer, ni prévenir. — S. e. m-r le comte de Cobenzl sentira que dans ces communications, que le soussigné a été chargé de faire, il était impossible à s. m. de mettre plus de franchise, de grandeur et de loyauté. C'est pour les intérêts de l'Autriche elle-même et pour la gloire de son souverain qu'elle désire que s. m. l'e-r d'Allemagne et d'Autriche mette à profit l'occasion qui lui est offerte. Il a maintenant entre ses mains et le destin de ses propres états, et celui de l'Europe. Dans l'une il tient les troubles et les bouleversements, dans l'autre — la paix générale. Une impartiale neutralité lui suffit pour obtenir ce qu'il désire et pour assurer la paix du monde. La médiation la plus efficace que puisse l'Autriche pour la paix, c'est d'observer la plus parfaite neutralité, de ne pas armer, de n'obliger la France à aucune diversion, de ne laisser à l'Angleterre aucun espoir de l'entraîner. — Le soussigné ne peut douter que s. e. m-r le comte de Cobenzl n'apprécie les considérations déve-

---

Австрія заявитъ, что она остается и желаетъ оставаться нейтральною, миръ станетъ желаніемъ и надеждой Англіи. Онъ будетъ заключенъ раньше января, и возстановится амьенскій договоръ; короны Франціи и Италіи будутъ раздѣлены, и навсегда; наслаждающаяся безопасностью и спокойствіемъ Европа будетъ обязана ими мудрости Австріи, которая, въ противномъ случаѣ, повергла бы ее въ такое состояніе, котораго никто не могъ бы ни сообразить, ни предупредить—ни тюльерійскій, ни вѣнскій и никакой другой кабинетъ.— Е. с-во графъ Кобенцль пойметъ, что въ этой бумагѣ, которую нижеподписавшемуся поручено было составить, е. в-во проявилъ всевозможную искренность, величіе и добросовѣстность. Именно въ интересахъ самой Австріи и для славы ея государя онъ желаетъ, чтобы е. в-во и-ръ Германіи и Австріи воспользовался предстоящимъ ему случаемъ. Теперь въ его рукахъ судьбы и его собственныхъ владѣній, и Европы: въ одной изъ нихъ онъ держитъ волненія и превращенія, въ другой—общій миръ. Ему достаточно безпристрастнаго нейтралитета, чтобы достигнуть желаемаго и обезпечить миръ въ цѣломъ свѣтѣ. Самымъ дѣйствительнымъ посредничествомъ въ пользу мира со стороны Австріи было бы соблюдать полнѣйшій нейтралитетъ, не вооружаться, не принуждать Франціи ни къ какому движенію, не оставлять Англіи никакой надежды на соединеніе съ нею. — Нижеподписавшійся не сомнѣвается, что е. с-во графъ Кобенцль оцѣнитъ соображенія, развитыя въ настоящей нотѣ,

loppées dans la présente note, et ne contribue par son influence à les faire envisager sous leur véritable point de vue.

Pétersbourg. Paris, 1805, 9. Списокъ.

№ 36. — Пизани Чарторижскому.

3/15 août 1805.

Pour me conformer à la proposition que vous m'avez fait l'honneur de me faire de vous marquer ma façon de penser sur la représentation de m. d'Italinsky relativement au changement de places de quelques-uns des employés de sa mission, je vous envoie ci-jointes mes remarques sans la moindre prétention qu'on y ait le moindre égard.

Pétersbourg. Ministère. 1805, 104. Подлинникъ.

№ 37. — Записка Пизани.

3/15 août 1805.

Le faubourg de Péra, situé vis-à-vis du serail au-dessus de Topana (fonderie), m'a paru si remarquable, que j'en ferai une courte description; mes notes seront peut-être de quelque utilité pour ceux, qui n'ont pas encore été à Constantinople. — La diversité du culte et leur infériorité

и постарается употребить свое вліяніе, чтобы они были поняты въ ихъ истинномъ смыслѣ.

3/15 августа 1805.

Согласно съ предложеніемъ, которымъ вы почтили меня, чтобы я высказался насчетъ представленія г. Италинскаго о перемѣнѣ мѣстъ для нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ его посольства, посылаю прилагаемыя здѣсь замѣтки, отнюдь не притязая на то, чтобы на нихъ было обращено какое-либо вниманіе.

3/15 августа 1805.

Предмѣстье Пера, напротивъ сераля и выше Топаны (плавильнаго двора), показалось мнѣ такимъ замѣчательнымъ, что я опишу его кратко. Быть можетъ, мои замѣтки принесутъ какую-нибудь пользу тѣмъ, которые еще не были въ Константинополѣ. — Въ силу своей религіозной малочисленности, христіане селятся преимущественно въ особомъ кварталѣ, именуемомъ Перой и отдѣлен-

de nombre ont porté les chrétiens à s'établir de préférence dans un quartier particulier, nommé Péra, séparé du reste de Constantinople, et c'est là que toutes les ambassades européennes sont logées, de sorte que cet endroit est comme une petite ville distincte de la capitale, dont les usages ne ressemblent guères à ceux de l'Asie, et où se traitent toujours les affaires de la plus grande importance.—Le rapprochement local de toutes ces ambassades et les intrigues continuellement entamées entre elles ont fait de tout Péra une sorte de colonie, dont le principal métier paraît être la politique; chacun y prend le plus vif intérêt aux rapports des cours étrangères, sert et trahit, épie et se voit épié, en trouvant tout cela dans l'ordre des choses. L'aveugle et sublime Porte n'y est pour rien. — Tout ce qui se passe ou ce qui va arriver dans l'empire Ottoman et au sérail, est su à Péra; tout ce que la Porte arrête ou ce qui est décidé par rapport à elle, est arrangé à Péra. Pourvu que l'on sache s'y prendre avec adresse, et que l'on connaisse l'esprit de la faction dominante au divan, ainsi que la manière de traiter la nation en général, on y manque rarement son but. Je parle de cas, où des évènements n'ont pas encore démenti les assurances et les offres, faits par le plénipotentiaire d'une puissance, et lorsqu'il s'agit de porter le divan à se décider pour sa cour, quand ce dernier chancelle entre deux partis. — Mon séjour à Constantinople a été d'une trop courte durée,

---

номъ отъ остальнаго Константинополя. Тамъ-то помѣщаются всѣ европейскія посольства, такъ что эта мѣстность составляетъ какъ-бы особый городокъ въ столицѣ, не похожій по нравамъ на азіатскіе города,—городокъ, гдѣ всегда рѣшаются дѣла самой большой важности. — Близость всѣхъ этихъ посольствъ по мѣстоположенію, а также вѣчныя козни между ними превратили Перу какъ-бы въ колонію, главное занятіе которой составляетъ, повидимому, политика: тутъ всякій принимаетъ живѣйшее участіе въ отношеніяхъ между иностранными дворами, всякій служитъ и измѣняетъ, надзираетъ и самъ составляетъ предметъ надзора, и находитъ, что все это въ порядкѣ вещей. Слѣпая и высокая Порта тутъ ни причемъ. — Все, что происходитъ или имѣетъ произойти въ Оттоманской имперіи и въ сералѣ, извѣстно въ Перѣ; все, что постановляетъ Порта, или все, что постановляется насчетъ нея, устраивается въ Перѣ. Кто умѣетъ ловко взяться за дѣло, кто знаетъ духъ господствующей въ диванѣ партіи, кому знакомъ способъ обращаться со всей вообще націей, тотъ рѣдко не достигаетъ тамъ цѣли. Я говорю о тѣхъ случаяхъ, когда событія еще не успѣли опровергнуть увѣреній и предложеній уполномоченнаго какой-нибудь державы, и когда дѣло идетъ о склоненіи еще колеблющагося дивана на сторону извѣстнаго двора. — Мое пребываніе въ Константинополѣ было слишкомъ кратко, чтобы я могъ сдѣлать какія-либо наблюденія, кромѣ

pour avoir pu faire d'autres observations que celles qui concernent directement les rapports de la Russie à l'empire Ottoman et qui peuvent intéresser un envoyé du cabinet de St. Pétersbourg. C'est donc à celles-là que je me bornerai.— Dans toutes les entreprises et situations possibles, le succès dépend essentiellement d'informations précises et promptes; on peut être sûr de les obtenir bientôt à Péra, si l'on ne manque pas d'argent, d'activité et de prévenance.— Il faut de l'argent pour acheter des espions auprès des différentes ambassades, pour payer et tenir ses missionnaires dans les principaux endroits de l'empire, et pour gagner par des cadeaux des personnes à qui on ne peut pas offrir de l'argent comptant. — Sans une activité infatigable, afin de profiter du moment, de tout apprendre et de tout prévoir, on sera bientôt trompé par les mêmes hommes que l'on solde; ceci n'arrive nulle part aussi fréquemment qu'à Péra, parce qu'il y a une quantité de familles, qui de père en fils rendent leurs services à quiconque paye.— On trouve à Constantinople un nombre considérable d'étrangers et de particuliers, qui, par leurs connaissances et leurs liaisons de commerce, peuvent être très utiles; beaucoup d'entr'eux ne s'occupent que de leurs avantages personnels, sans songer le moins du monde à la balance de l'Europe. Un ambassadeur, qui sait les attirer dans sa maison par un accueil prévenant et poli, en fait des partisans dévoués à sa cour. J'ai eu lieu de faire la

---

тѣхъ, которыя касаются отношеній Россіи къ Оттоманской имперіи и могутъ занимать посланца с.-петербургскаго кабинета. Я и ограничусь ими. — Во всякихъ предпріятіяхъ и положеніяхъ успѣхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ точныхъ и быстрыхъ свѣдѣній: можно навѣрное пріобрѣсти ихъ въ Перѣ, если нѣтъ недостатка въ деньгахъ, въ расторопности и предупредительности.— Деньги нужны, чтобы подкупать шпіоновъ въ разныхъ посольствахъ, чтобы содержать своихъ агентовъ въ главныхъ мѣстахъ имперіи и чтобы подарками привлекать лицъ, которымъ нельзя предлагать наличныя деньги. — Неутомимая расторопность нужна, чтобы пользоваться минутой, все узнавать и все предвидѣть. Иначе васъ живо обманутъ тѣ самые люди, которымъ вы платите: это чаще всего случается въ Перѣ, гдѣ много семействъ, которыя по наслѣдству занимаются продажей своихъ услугъ. Въ Константинополѣ не мало иностранцевъ и частныхъ лицъ, которые могутъ быть весьма полезны, по своимъ свѣдѣніямъ и торговымъ связямъ; многіе изъ нихъ занимаются лишь своими личными выгодами, нисколько не думая объ европейскомъ равновѣсіи. Посланникъ, который съумѣетъ привлечь ихъ въ свой домъ предупредительнымъ и вѣжливымъ пріемомъ, сдѣлаетъ изъ нихъ преданныхъ сторонниковъ своего двора... Мнѣ случилось познакомиться съ лицами, которыя изъ англійской партіи перешли во французскую, потому что г. де-Латуръ-Мобуръ любезнѣе

connaissance de personnes qui du parti anglais ont passé au français, parce que m. de Maubourg est plus aimable que m. Adair.— On s'adresse ordinairement aux premières familles grecques, parmi lesquelles la Porte choisit ses grands interprêtes et ses sécretaires. On croit en être assuré à cause de l'identité de religion, et on est trahi. Quoiqu'on en dise, si l'on laissait aux grecs en Turquie le choix entre le gouvernement ottoman ou russe, il est certain, qu'ils préfèreraient le premier, parce qu'il leur garantit, au prix d'une insignifiante imposition, une liberté civile absolue. Il est vrai qu'il y a quelquesfois des têtes coupées, mais cela est une punition si généralement usitée et si tranquillement exécutée, que le public s'en étonne aussi peu que d'un coup d'apoplexie. Les avantages que la Porte offre aux grecs sont trop grands pour qu'ils ne désirassent pas la conservation de son empire surtout du côté des frontières de la Russie.— Depuis quelques siècles la Porte a constamment confié ses provinces trans-danubiennes à des hospodars grecs, en abandonnant ces contrées à leur merci, pour le tribut fixé. Ces postes sont trop lucratifs et trop flatteurs pour que les grecs ne travaillent pas de toutes leurs forces à se les conserver, et celui d'entr'eux qui n'a pas l'espérance de devenir hospodar lui-même, est au moins certain de faire sa fortune en Valachie ou en Moldavie, à la suite d'un nouveau hospodar. Il faut remarquer à ce sujet, que l'on rencontre rarement des hommes aussi

---

г-на Адэра. — Обыкновенно обращаются къ первымъ греческимъ семействамъ, среди которыхъ Порта избираетъ своихъ главныхъ переводчиковъ и секретарей. Думаютъ, что это надежные люди, такъ какъ они одной религіи съ нами; а они-то и предаютъ. Что бы ни говорили, а предоставьте грекамъ въ Турціи выборъ между оттоманскимъ и русскимъ правительствами—и они непремѣнно предпочтутъ первое, такъ какъ оно обезпечиваетъ имъ за незначительный взносъ полную гражданскую свободу. Правда, иногда головы летятъ съ плечъ; но это такая общеупотребительная и такъ тихо совершаемая казнь, что общество изумляется ей также мало, какъ апоплексическому удару. Порта предоставляетъ грекамъ слишкомъ большія выгоды, чтобы они не могли не желать сохраненія ея владычества, особенно на границахъ Россіи. — Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Порта постоянно препоручала свои задунайскія провинціи греческимъ господарямъ, отдавая ихъ на ихъ произволъ за извѣстную дань. Эти мѣста слишкомъ прибыльны и лестны, чтобы греки не старались всѣми силами сохранить ихъ за собой; а тотъ изъ нихъ, кто не надѣется самъ стать господаремъ, по крайней мѣрѣ увѣренъ въ томъ, что наживется въ Валахіи или Молдавіи, состоя въ свитѣ новаго господаря. При этомъ нужно замѣтить, что трудно встрѣтить такихъ хитрецовъ и лицемѣровъ, какъ греки: такой нравъ сталъ, такъ-сказать, необходимостью, вслѣдствіе ихъ политиче-

rusés et aussi habiles à feindre que les grecs; leur situation politique depuis tant de générations leur a, pour ainsi dire, fait une nécessité de ce caractère. — Pour pénétrer dans les opérations des ambassades européennes, les meilleurs espions sont les dragomans et les domestiques francs (grecs de nation habillés à l'européenne); ce sont des gens faits à ce métier, très adroits et parlant généralement le français, le grec, le turc et souvent l'italien; dans les bonnes maisons à Péra les femmes mêmes parlent ces quatres langues en perfection. Tout le monde connaît l'indiscretion de ces domestiques francs, qui passent d'une mission à l'autre, et on est pourtant obligé de s'en servir dans un pays étranger; sans eux un étranger ne saurait sortir de sa maison, ni avoir la moindre des choses. Pour peu que l'on s'oublie devant eux, on est aussitôt trahi. — J'ai déjà parlé de l'utilité de s'attacher les négociants et les particuliers. — Si l'on veut connaître les nouvelles du peuple ainsi que son opinion, il est extrêment difficile de s'en informer par des chrétiens. Le turc est trop sérieux pour causer en public et trop épris de la supériorité de sa nation pour entrer en conversation avec un étranger. La Porte a cependant pourvu à ce défaut en attachant à chaque mission un ou plusieurs janissaires, comme sauvegardes; leurs fonctions sont ordinairement à vie. Lorsque ces janissaires reçoivent de bonnes gratifications des ambassades qu'ils servent, ils leurs sont entièrement dévoués;

ского положенія въ теченіе столькихъ поколѣній. — Для проникновенія въ дѣйствія европейскихъ посольствъ, лучшіе шпіоны, драгоманы и слуги—франки (греки, одѣтые поевропейски): это люди, созданные для этого ремесла, очень ловкіе и обыкновенно говорящіе пофранцузски, погречески, потурецки и часто поитальянски; въ хорошихъ домахъ Перы даже женщины говорятъ въ совершенствѣ на этихъ четырехъ языкахъ. Всѣмъ извѣстна нескромность этихъ слугъ-франковъ, которые переходятъ изъ посольства въ посольство; а между тѣмъ нельзя обойтись безъ нихъ въ чужой странѣ: безъ нихъ иностранцу не выйти изъ дому, не добыть и пустяка. Какъ только забудешься передъ ними, сейчасъ тебя и выдадутъ. — Я уже говорилъ о томъ, какъ полезно привязать къ себѣ купцовъ и частныхъ лицъ. — Что касается свѣдѣній о народѣ и объ его настроеніи, то ихъ крайне трудно получить отъ христіанъ. Турокъ слишкомъ серьезенъ, чтобы говорить въ обществѣ, и слишкомъ проникнутъ чувствомъ превосходства своей націи, чтобы вступать въ разговоръ съ иностранцемъ. Но Порта устранила этотъ недостатокъ, снабдивъ каждое посольство однимъ или нѣсколькими янычарами, въ качествѣ охраны; они служатъ обыкновенно пожизненно. Когда эти янычары получаютъ хорошее вознагражденіе отъ посольствъ, у которыхъ они служатъ, они вполнѣ преданы имъ: замѣчено, что на Востокѣ признательность—такой священный долгъ, что часто

on a remarqué que la reconnaissance est un devoir si sacré dans l'Orient, que souvent ses habitants se font un mérite de sacrifier l'intérêt de leur pays à quelque étranger, dont ils ont reçu des bienfaits. — La Porte emploie beaucoup les tatars émigrés de la Crimée comme courriers et même dans des places très importantes. Ce sont généralement des gens intrigants et faux; un russe ne doit jamais se fier à eux, parce qu'ils nourrissent une haine implacable contre la nation qui les a chassés de leur patrie; ils forment un parti toujours contraire aux intentions de la cour de Russie et irritent continuellement la Porte contre cette puissance, dans l'attente de recouvrir leurs anciens foyers. — Il sera presque superflu d'entrer dans des détails sur la manière de traiter le divan; les moeurs orientales sont trop généralement connues; je n'en dirai que peu de mots. — Pompe, gravité et fierté sont les trois qualités, qui caractérisent la nation turque. Pour réussir en Turquie, chaque étranger doit les respecter, sans nuire à sa propre dignité. Veut-on paraître au divan, que l'on y arrive avec un brillant appareil; une entrée sans splendeur serait prise pour de la nonchalance et infailliblement attribué à l'insignifiance de l'envoyé. Y-a-t-il quelque chose à dire, que l'on s'énonce sans précipitation et avec faste. Quant à la façon de se comporter personnellement, il convient de témoigner dans toutes les occasions la plus grande considération avec une fermeté inébranlable; il faut

---

его обитатели считаютъ заслугой пожертвовать выгодами своей страны иностранцу, который облагодѣтельствовалъ ихъ. — Порта употребляетъ много татаръ, выселившихся изъ Крыма, въ качествѣ курьеровъ и даже на весьма важныхъ мѣстахъ. Это вообще народъ лживый и злокозненный. Русскіе никогда не должны довѣряться имъ: они питаютъ непримиримую ненависть къ народу, который выгналъ ихъ изъ ихъ отечества; они всегда образуютъ партію, враждебную намѣреніямъ русскаго двора, и постоянно раздражаютъ Порту противъ этой державы, въ надеждѣ возвратить свои старые очаги. — Почти излишне входить въ подробности насчетъ способа обращенія съ диваномъ: восточные нравы вообще слишкомъ извѣстны. Скажу о нихъ лишь нѣсколько словъ. — Пышность, важность и гордость — вотъ три отличія турецкаго народа. Чтобы пользоваться успѣхомъ въ Турціи, всякій иностранецъ долженъ уважать ихъ, но не унижая собственнаго достоинства. Хотите явиться въ диванѣ — пожалуйте съ блескомъ: вступленіе безъ блеска будетъ сочтено нерадивостью, и его непремѣнно припишутъ незначительности посланца. Имѣете-ли что сказать — выражайтесь не спѣша и торжественно. Что касается до того, какъ держать себя лично, то всегда слѣдуетъ обнаруживать величайшую разсудительность вмѣстѣ съ непоколебимой твердостью, должно помнить религіозныя убѣжденія мусульманъ, которыя ставятъ ихъ выше всѣхъ невѣрныхъ: турки

se souvenir des principes religieux des musulmans qui les mettent au-dessus de tous les infidèles, et effectivement les turcs jugent des chrétiens à peu près comme ceux-ci font des juifs. Il est surtout essentiel, dans les circonstances présentes, de ne point montrer de dédain et d'éviter toute alternative blessante pour la Porte, vu l'enthoussiasme national de la faction dominante. Par une telle conduite on ne manquerait pas d'irriter les esprits et on se mettrait de fâcheuses entraves. D'ailleurs les armées russes en ont assez imposé aux turcs, de sorte que ses ambassades peuvent se permettre des procédés doux et modérés, sans craindre par là de paraître humiliées. — Je joins ici la liste des connaissances que j'ai faites à Constantinoples. — 1. Le baron de Hubsch, père, ministre du Dannemark et de Saxe, vieillard respectable, né et élevé à Constantinople, jadis ami personnel de Selim. Il aime la conversation et instruit avec plaisir un étranger sur ce qui peut l'intéresser; il est assez impartial, cependant trop porté à mépriser les ressources de la Turquie; il se trouve maintenant sous l'influence directe de l'ambassade de France, et bien que cela l'oblige de se donner l'air de lui être entièrement dévoué, je présume néanmoins qu'il préférerait reprendre son ancienne indépendance. — 2. Le baron de Hubsch, fils aîné, premier secrétaire du père, jeune homme rempli d'ambition et d'amour-propre et si adonné au gouvernement français qu'il se permet de citer des faits, qui n'ont pas

---

дѣйствительно смотрятъ на христіанъ почти также, какъ христіане на евреевъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ особенно важно не показывать презрѣнія и избѣгать всего оскорбительнаго для Порты, въ виду національнаго одушевленія господствующей партіи. Иначе неизбѣжно раздражишь умы и создашь себѣ большія затрудненія. Впрочемъ русскія войска достаточно подѣйствовали на турокъ, такъ что русскія посольства могутъ позволять себѣ мягкое и сдержанное обращеніе, не опасаясь показаться унижающимися. — Присоединяю списокъ знакомствъ, сдѣланныхъ мною въ Константинополѣ. — 1) Баронъ Гюбшъ, отецъ, датскій и саксонскій министръ, почтенный старикъ, рожденный и воспитанный въ Константинополѣ, нѣкогда личный другъ Селима. Онъ любитъ поговорить и съ удовольствіемъ поучаетъ иностранцевъ насчетъ всего, что̀ можетъ занимать ихъ. Онъ довольно безпристрастенъ, но слишкомъ склоненъ презирать средства Турціи. Въ настоящее время онъ находится подъ прямымъ вліяніемъ французскаго посольства; но хотя это заставляетъ его казаться совершенно преданнымъ ему, я думаю, что онъ готовъ возвратить свою прежнюю независимость. — 2) Баронъ Гюбшъ, старшій сынъ, первый секретарь отца, молодой человѣкъ, исполненный честолюбія и самолюбія. Онъ такъ предался французскому правительству, что позволяетъ себѣ приводить небывалыя дѣла, чтобы спутать противниковъ Франціи. — 3) Кирико, бывшій упол-

eu lieu, pour tout brouiller avec les adversaires de la France.— 3. Kiriko, ci-devant plénipotentiaire de Raguse, maintenant négociant (frère de notre consul à Boukarest), aussi dépendant de l'ambassade de France, homme habile, parlant toutes les langues orientales; il a beaucoup de connaissances de l'empire ottoman; je crois pourtant qu'il l'estime trop puissant. Son fils aîné est inscrit au service de France; le second est déstiné pour celui de Russie. — 4. La générale Pisani, dont le fils sert en Russie, vieille dame très hospitalière, très serviable, très empressée, très parlante et déclarée russe. Elle a d'importantes liaisons parmi les grecs et toutes les ambassades. — 5. La famille Déodaki, gens pauvres, mais très officieux et dévoués à la Russie; un d'eux est dragoman à l'armée de Moldavie. — 6. Mesdames Fonton. Je n'avais pas le temps de les voir; je sais cependant de bonne part, qu'elles font une des meilleures maisons de Péra, mais qu'elles sont mal vues de l'ambassade de France.— 7. Le comte de Ludolff, attaché à l'ancienne cour napolitaine, beau-père du comte Stakelberg, homme distingué sous tous les rapports, ami de l'Autriche, comme de raison, mais très circonspect dans sa conversation.— 8. L'aubergiste anglais à Boujoukdéré, grec d'origine, élevé en Angleterre et jadis au service de la mission anglaise; un véritable John Bull, qui, pour un „how do you do", pour quelques jurements contre les français et pour de l'argent comptant payé pour la

---

номоченный Рагузы, нынѣ купецъ (братъ нашего консула въ Бухарестѣ). Также зависитъ отъ французскаго посольства. Человѣкъ способный, говоритъ на всѣхъ восточныхъ языкахъ. Онъ хорошо знаетъ Оттоманскую имперію; но я думаю, что онъ считаетъ ее слишкомъ могущественной. Его старшій сынъ записался во французскую службу; второй предназначается для русской службы. — 4) Генеральша Пизани, сынъ которой служитъ въ Россіи. Старая дама, очень гостепріимная, очень услужливая, очень усердная, очень говорливая и открыто русская душой. У нея важныя связи между греками и всѣми посольствами. — 5) Семья Деодаки. Люди бѣдные, но весьма услужливые и преданные Россіи. Одинъ изъ нихъ служитъ драгоманомъ въ Молдавіи. — 6) Госпожи Фонтонъ. Я не имѣлъ времени видѣть ихъ; знаю только изъ вѣрнаго источника, что у нихъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Перѣ; но онѣ на дурномъ счету у французскаго посольства. — 7) Графъ Людольфъ, состоявшій при старомъ неаполитанскомъ дворѣ, тесть графа Штакельберга, человѣкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ; конечно, другъ Австріи, но весьма осторожный въ разговорѣ. — 8) Англійскій трактирщикъ въ Буюкдерэ, грекъ по происхожденію, воспитанный въ Англіи и нѣкогда состоявшій на службѣ англійскаго посольства. Истинный Джонъ Буль: за „how do you do", за нѣсколько бранныхъ словъ противъ французовъ, за уплату его издержекъ наличными день-

dépense, dit tout ce qu'il sait et se fait un charme de rendre service à celui qui lui donne d'aussi convaincantes preuves d'honnêteté; c'est lui qui me fournit des renseignements très intéressants de la distribution de la flotte anglaise dans la Méditerranée et dans l'Archipel. — 9. Les frères Frankini, dragomans de la France; les deux premiers espions de Péra, très dévoués à leur ambassade. — 10. M. Fay Latour-Maubourg, chargé d'affaires de France, chef de la mission depuis le départ du général Sebastiani, jeune homme de 24 à 25 ans, très grand, figure frappante par sa beauté régulière, tournure anglaise, poli par principe, sérieux et silencieux de nature, avec un pouvoir complet sur ses mines. Sans la moindre arrogance, il sait tellement en imposer à toutes les personnes avec lesquelles il a à faire, que tout le monde ne voit en lui que le représentant de Napoléon et personne le jeune homme. Il émigra dans son enfance, retourna ensuite dans sa patrie, acheva ses études en Allemagne et dans le Dannemark et partit enfin avec le général Sébastiani pour Constantinople. Il possède des connaissances historiques, statistiques et littéraires étonnantes, étant très réservé dans ses paroles. On lui trouve toujours de la prévenance, jamais de la familiarité. Il se défie de tout le monde, même de son premier secrétaire, et cependant, pour n'en avoir l'air, il lit souvent à haute voix des dépêches — qui n'ont rien à trahir.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 103. Подлинникъ.

гами онъ скажетъ все, что̀ знаетъ, и радъ оказать услугу тому, кто дастъ ему столь убѣдительныя доказательства благопристойности. Онъ-то снабжаетъ меня весьма любопытными свѣдѣніями о распредѣленіи англійскаго флота въ Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ. — 9) Братья Франкини, французскіе драгоманы; двое первыхъ шпіоновъ Перы; весьма преданы своему посольству.— 10) Г. Фэ Латуръ-Мобуръ, французскій повѣренный въ дѣлахъ, глава посольства съ отъѣзда генерала Себастіани, молодой человѣкъ 24—25 лѣтъ, очень большой, поразительно правильной красоты и англійской осанки, вѣжливый по убѣжденію, серьезный и молчаливый по натурѣ, вполнѣ владѣющій выраженіемъ своего лица. Безъ всякой надменности, онъ умѣетъ такъ вліять на всякаго, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло, что всѣ видятъ въ немъ лишь представителя Наполеона, а не молодого человѣка. Онъ выселился въ дѣтствѣ, потомъ вернулся въ отечество, окончилъ образованіе въ Германіи и Даніи и наконецъ отправился съ генераломъ Себастіани въ Константинополь. Онъ обладаетъ поразительными свѣдѣніями по исторіи, статистикѣ и литературѣ, но въ то же время весьма сдержанъ въ разговорѣ. Въ немъ всегда встрѣтишь предупредительность, но ни тѣни панибратства. Онъ не довѣряетъ никому, ни даже своему первому секретарю; но, чтобы не показывать этого, онъ часто громко читаетъ депеши—вовсе не предательскія.

№ 38. — Нота для Алопеуса.

7/19 août 1805.

Une armée rassemblée à Brody est destinée à entrer dans les états autrichiens le 10/22 août. C'est à dater de ce jour que doivent être calculées toutes les mesures, tant militaires que diplomatiques, tendantes à persuader ou à contraindre la Prusse à faire cause commune avec la Russie et l'Autriche. — La nouvelle de l'entrée de cette armée parviendra à Berlin vers le 16/28 août. Le ministère prussien en sera probablement très occupé, et c'est alors qu'il est nécessaire que m. d'Alopéus soit muni d'instructions précises sur la conduite qu'il aura à tenir. — A cet effet il lui sera expédié de St. Pétersbourg un courrier le 7/19 août qui lui portera une lettre de S. M. l'E-r au roi de Prusse et la copie des différent engagements existants entre la Russie et d'autres puissances. Ces actes, que m d'Alopéus ne consentira à communiquer sous aucun prétexte quelconque, le mettront au fait de tous les projets de la Russie, et c'est ce qui est nécessaire pour qu'il puisse juger, si telle ou telle proposition incidentelle, qui pourraît lui être faite, est admissible ou non. — La lettre de S. M. I. au roi de Prusse sera une récapitulation de tous les motifs qui doivent le déterminer à se joindre à la Russie, tant pour effectuer un armement imposant d'observation

---

7/19 августа 1805.

Собранная въ Бродахъ армія предназначена для вступленія въ австрійскія владѣнія 10 (22) августа. Съ этого-то дня должны быть разсчитаны всѣ дѣйствія, какъ военныя, такъ и дипломатическія, клонящіяся къ тому, чтобы убѣдить или принудить Пруссію присоединиться къ Россіи и Австріи. — Вѣсть о вступленіи этой арміи придетъ въ Берлинъ около 16 (28) августа. Прусское министерство, вѣроятно, будетъ очень заинтересовано этимъ: тогда-то будетъ необходимо, чтобы г. Алопеусъ былъ снабженъ точными наставленіями насчетъ того, какъ ему вести себя. — Съ этою цѣлью 7 (19) августа будетъ посланъ ему курьеръ изъ С.-Петербурга, который привезетъ ему письмо е. в-ва к-ра къ прусскому королю и списки разныхъ существующихъ обязательствъ между Россіей и другими державами. Эти бумаги, которыхъ г. Алопеусъ не долженъ отдавать ни подъ какимъ видомъ, познакомятъ его со всѣми намѣреніями Россіи; а это необходимо ему, чтобы судить, можно-ли принять то или другое случайное предложеніе. — Письмо е. и. в-ва къ прусскому королю будетъ перечисленіемъ всѣхъ побужденій, которыя должны заставить его присоединиться къ Россіи, какъ для выставленія внушительной арміи въ смыслѣ наблю-

et de médiation, que pour agir contre Bonaparte, s'il se refusait en dernière analyse à donner des sûretés pour l'Europe, même sans conclure la paix avec l'Angleterre. — Les instructions à m. d'Alopéus, qui accompagneront cette lettre, lui prescriront de communiquer confidentiellement la réponse faite par S. M. I. à la note pacifique de la cour de Vienne, pour indiquer ainsi, quels sont les plans de la Russie, sans toutefois gêner la Prusse pour leur adoption; mais en même temps m. d'Alopéus tentera tous les moyens possibles pour disposer la Prusse à entrer dans les vues que la Russie manifeste dans la déclaration remise par le comte Razoumoffsky, en faisant pressentir que si l'Autriche embrasse un parti conforme aux désirs de la Russie, il n'y aura plus d'excuse pour la Prusse de n'en pas faire autant. Indépendamment des arguments renfermés dans la lettre de S. M. I. il emploiera tous ceux que sa sagacité lui suggèrera pour atteindre ce but. Il annoncera que la Russie a des armées prêtes à soutenir toute détermination que prendrait la Prusse et qui pourrait la compromettre vis-à-vis de la France; que l'E-r a également des troupes en réserve pour venir à l'appui de tout état qui pourrait être menacé à la suite de la résolution que S. M. I. a prise. — M. d'Alopéus continuera ainsi ses démarches, afin de tâcher d'amuser le tapis jusqu'à ce que les autres dispositions militaires qui doivent concourir à résoudre la Prusse, soient entièrement achevées. Il

---

денія и посредничества, такъ и для дѣйствій противъ Бонапарта, если онъ въ концѣ-концовъ откажется обезпечить безопасность Европы, даже не заключая мира съ Англіей. — Въ наставленіяхъ, сопровождающихъ это письмо, будетъ предписано г. Алопеусу сообщить тайно отвѣтъ е. и. в-ва на миролюбивую ноту вѣнскаго двора, чтобы показать, каковы намѣренія Россіи, впрочемъ не принуждая Пруссію къ ихъ усвоенію. Но въ то же время г. Алопеусъ употребитъ всѣ мѣры, чтобы склонить Пруссію къ видамъ Россіи, обнаруженнымъ въ заявленіи графа Разумовскаго; при этомъ онъ долженъ дать понять, что если Австрія согласна съ желаніями Россіи, то для Пруссіи не будетъ оправданій, если она не поступитъ такъ же. Помимо доводовъ, заключающихся въ письмѣ е. и. в-ва, пусть онъ пользуется всѣмъ, что внушитъ ему его проницательность, чтобы достигнуть этой цѣли. Пусть онъ возвѣститъ, что Россія обладаетъ арміями, готовыми поддержать всякое рѣшеніе Пруссіи, которое ставило бы ее въ неловкое положеніе передъ Франціей; пусть онъ укажетъ также, что у и-ра есть войска въ запасѣ, чтобы придти на помощь всякому государству, которому будетъ грозить опасность вслѣдствіе принятаго е. и. в-мъ рѣшенія. — Пусть г. Алопеусъ все придерживается такого образа дѣйствій, стараясь протянуть время, пока не закончатся другія военныя распоряженія, которыя должны содѣйствовать рѣшенію Пруссіи. Если не будетъ надежды

tâchera d'inspirer au ministère prussien une sécurité entière, s'il ne peut espérer de le porter à se joindre volontairement et entièrement à notre système; et s'il prévoit que cette tâche est de toute impossibilité sans employer des moyens de vigueur, alors il n'insistera pas sur une réponse, pour ne pas en provoquer de négative qui empêcherait ensuite de tenir au cabinet prussien le langage projeté dans la suite de cette note. Il pourra même se refuser à recevoir tout office, qui lui serait remis sur cet objet, et qui ne rentrerait pas directement dans les vues de la Russie, alléguant qu'il serait préférable de ne point se presser que de donner trop tôt une réponse qui ne pourrait faire que beaucoup de peine à l'E-r. Si cependant la cour de Berlin persistait dant cette intention, il l'inviterait à faire passer sa réponse par le comte de Goltz, ne prenant pas sur lui de la transmettre. — Telle sera la première époque de la négociation de m. d'Alopéus, qui doit correspondre au mouvement de l'armée de Brody en Autriche et durer depuis le 16/28 août jusqu'au 4/16 septembre. La seconde doit se régler d'après les dispositions militaires suivantes: — L'armée de Brzesc, forte de 50,000 hommes, partira au plus tard le 4/16 septembre des frontières de Russie, pour se porter sur la Pilica, où elle arrivera vers le 16/28 septembre. — Toute l'armée de Lithuanie, forte de 100,000 hommes, dont 40,000 destinés à traverser les états prussiens, pour se rendre sur les frontières du pays

---

склонить прусское министерство къ добровольному и полному присоединенію къ нашей системѣ, то пусть онъ постарается внушить ему чувство полной безопасности; а если эта задача окажется совсѣмъ невозможною безъ крутыхъ мѣръ, то пусть онъ не настаиваетъ на отвѣтѣ, чтобы не вызвать отказа, который впослѣдствіи помѣшалъ бы говорить съ прусскимъ кабинетомъ такимъ языкомъ, какимъ предполагается послѣ этой ноты. Онъ можетъ даже отказываться отъ принятія всякой бумаги по этому дѣлу, которая не входила бы прямо въ виды Россіи, ссылаясь на то, что лучше не спѣшить, чѣмъ слишкомъ скоро дать отвѣтъ, который неизбѣжно причинитъ большую непріятность и-ру. Но если берлинскій дворъ будетъ упорствовать въ этомъ намѣреніи, то пусть онъ попроситъ его отправить свой отвѣтъ черезъ графа Гольца, не принимая на себя его передачи. — Такъ должно быть съ дѣломъ г. Алопеуса въ первую пору, которая должна соотвѣтствовать движенію арміи изъ Бродъ въ Австрію и продолжаться отъ 16 (28) августа до 4 (16) сентября. Во вторую пору оно должно сообразоваться съ слѣдующими военными соображеніями: — Брестская армія, въ 50,000 человѣкъ, отправится съ границъ Россіи не позже 4 (16) сентября, чтобы продвинуться къ Пилицѣ, куда она прибудетъ около 16 (28) сентября. — Вся литовская армія также соберется къ тому времени. Она состоитъ изъ 100,000 человѣкъ; изъ нихъ 40,000 пойдутъ черезъ прусскія

d'Hanovre, et 60,000 hommes pour soutenir cette mesure au cas que la Prusse mette obstacle à son exécution, sera rassemblée également pour cette époque. — Les troupes destinées à débarquer en Poméranie se mettront en mer dans cet intervale, étant déjà tout-à-fait préparées à entreprendre cette opération. — La seconde époque de la négociation commencera au 4/16 septembre et devra être terminée au 10/22 ou 11/23, afin que m. d'Alopéus puisse aviser de son résultat les armées de Lithuanie et de Brzesc avant le 16/28 septembre, jour où elles seront prêtes à passer les frontières de la Prusse; et comme il faut environ 6 jours pour la marche du courrier que m. d'Alopéus enverra à Grodno, la seconde époque de sa négociation ne durera que 6 à 7 jours. — Pour qu'il puisse la commencer le 4/16, il lui sera expédié un courrier de St. Pétersbourg le 25 août (6 septembre), pour lui transmettre l'ordre de changer la nature de ses démarches auprès de la cour de Berlin. — Ce courrier sera porteur d'une seconde lettre de l'E-r qui, en annonçant au roi de Prusse l'entrée d'une nouvelle armée par Brzesc en Gallicie, lui représentera de la manière la plus vive les dangers auxquels l'Europe est exposée si ces secours étaient insuffisants, et elle aura pour conclusion de demander péremptoirement à la Prusse de se joindre à la Russie et de consentir au passage par ses états non-seulement de l'armée de Brzesc, lorsqu'elle sera arrivée à la Pilica, mais d'une autre

---

владѣнія, направляясь къ границамъ Ганновера, а 60,000 предназначаются для того, чтобы поддержать эту мѣру въ случаѣ, если Пруссія воспрепятствуетъ ея исполненію. — Между тѣмъ войска, предназначенныя къ высадкѣ въ Помераніи, пойдутъ моремъ: они будутъ уже совсѣмъ готовы къ этому движенію. — Вторая пора начнется 4 (16) сентября и должна окончиться 10 (22) или 11 (23), такъ чтобы г. Алопеусъ могъ увѣдомить литовскую и брестскую арміи о своемъ результатѣ до 16 (28) сентября—дня, когда онѣ будутъ готовы перейти прусскія границы. А такъ какъ потребуется около 6 дней на проѣздъ курьера, котораго г. Алопеусъ отправитъ въ Гродно, то вторая пора его дѣла продлится всего 6—7 дней. — Чтобы дать ему возможность начать ее 4 (16), ему пошлютъ курьера изъ С.-Петербурга 25 августа (6 сентября), который доставитъ ему приказаніе перемѣнить свой образъ дѣйствій при берлинскомъ дворѣ. — Этотъ курьеръ привезетъ второе письмо и-ра. Увѣдомляя прусскаго короля о вступленіи новой арміи черезъ Брестъ въ Галицію, и-ръ самымъ живымъ образомъ представитъ ему опасности, которыя угрожаютъ Европѣ, если эта помощь окажется недостаточной. Въ заключеніе онъ рѣшительно потребуетъ, чтобы Пруссія присоединилась къ Россіи и пропустила черезъ свои владѣнія не только брестскую армію, когда она придетъ къ Пилицѣ, но и ту, которая идетъ изъ Литвы. — Принявъ

venant de la Lithuanie. — A la reception de ce courrier m. d'Alopéus se rendra chez le ministre du cabinet baron de Hardenberg et, en lui donnant la lettre au roi, il le préviendra qu'elle est relative à un objet de la plus grande importance, et demandera qu'elle soit remise sans délai à sa haute destination. — Il annoncera en même temps au ministère prussien, que pour le moment il n'est autorisé à aucune communication, et qu'il doit attendre celles qui lui seront faites par le cabinet de Berlin à la suite des résolutions que S. M. aura prise sur la lettre de l'E-r. — Aussitôt que le baron de Hardenberg annoncera à m. d'Alopéus qu'il a à l'entretenir su la lettre adressée au roi par S. M. I., ce ministre se rendra chez lui et écoutera ses ouvertures. Si elles sont favorables, il y donnera suite dans le sens de ce que la Russie veut obtenir. — Si la résolution du roi n'est point favorable, m. d'Alopéus la combattra par tous les arguments renfermés dans la lettre au roi, dont il recevra une copie à cet effet, sans cependant faire apercevoir qu'il connaît la teneur de la lettre. Il n'emploiera aucune menace; travaillera au contraire à pénétrer le ministre prussien de cette vérité, que les mesures proposées par la Russie, sont les seules adoptables aux circonstances du moment; que la Prusse n'a rien à craindre de la Russie qui n'a aucun intérêt et bien moins encore la volonté de lui nuire; que si les deux puissances laissent attaquer l'Autriche sans la secourir, elles ne

---

этого курьера, г. Алопеусъ отправится къ кабинетъ-министру, барону Гарденбергу. Вручая ему письмо короля, онъ предупредитъ его, что оно касается предмета величайшей важности, и потребуетъ, чтобы оно было передано немедленно по своему высокому назначенію. — Въ то же время онъ долженъ возвѣстить прусскому министерству, что на этотъ разъ онъ не можетъ дать никакой бумаги, и что онъ долженъ выждать сообщеній берлинскаго кабинета насчетъ рѣшеній, которыя будутъ приняты е. в-мъ по поводу письма и-ра. — Какъ только баронъ Гарденбергъ увѣдомитъ г. Алопеуса, что имѣетъ поговорить съ нимъ о письмѣ е. и. в-ва къ королю, этотъ министръ долженъ тотчасъ отправиться къ нему и выслушать его сообщенія. Если они благопріятны, то пусть онъ дастъ имъ ходъ въ желательномъ для Россіи смыслѣ. — Если рѣшеніе короля неблагопріятно, то г. Алопеусъ долженъ будетъ оспаривать его всѣми доводами письма къ королю, съ котораго онъ получитъ для этого списокъ, впрочемъ не давая замѣтить, что его содержаніе извѣстно ему. Онъ не долженъ прибѣгать къ угрозамъ: напротивъ, пусть старается внушить прусскому министру ту истину, что нѣтъ мѣръ болѣе подходящихъ къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, чѣмъ предлагаемыя Россіей; что Пруссіи нечего бояться Россіи, которой нѣтъ никакой выгоды вредить ей; что если двѣ державы допустятъ нападеніе на Австрію и не помогутъ ей, то онѣ сами не будутъ въ

peuvent plus compter sur un moment de tranquillité. — Il annoncera au baron de Hardenberg, que l'Autriche a adhéré aux résolutions prises par S. M. I. sur la note remise par la cour de Vienne, et lui communiquera la réponse donnée au comte Razoumoffsky, si elle est déjà parvenu à Berlin; si non, il indiquera de s'en acquérir au comte Metternich, et il est indispensable que celui-ci soit autorisé à cette époque à déclarer, que l'Autriche a souscrit aux mesures proposées par la Russie, et qu'elle s'attend que la cour de Berlin agira de même. — Il pressera le baron de Hardenberg de se concerter avec lui sur des déclarations semblables à échanger immédiatement et qui expriment la résolution des deux cours d'agir dans un accord parfait, en attendant qu'on puisse concerter ultérieurement les termes dans lesquels s. m. prussienne accèdera aux vues de la Russie et de l'Autriche, objet pour lequel m. d'Alopéus recevra des pleinpouvoirs formels aussitôt qu'il sera connu sur quelles bases le roi consent à traiter. — Si le baron de Hardenberg laissait écouler trois jours sans faire inviter m. d'Alopéus pour lui parler des résolutions du roi, le ministre de Russie n'attendra pas d'avantage, pour insister sur la nécéssité de lui donner une réponse, et agira comme il lui est prescrit de le faire plus haut dans le cas où il serait appelé pour entendre une réponse évasive ou déclinatoire. — C'est alors surtout qu'il devra employer tous les moyens possibles pour persuader la cour

---

состояніи разсчитывать ни на одну минуту спокойствія. — Пусть онъ увѣдомитъ барона Гарденберга, что Австрія приступила къ рѣшеніямъ е. и. в-ва по поводу ноты вѣнскаго двора, и сообщитъ ему отвѣтъ, данный графу Разумовскому, если онъ уже пришелъ въ Берлинъ; если же нѣтъ, то пусть онъ посовѣтуетъ раздобыться имъ у графа Меттерниха, а этотъ послѣдній къ тому времени необходимо долженъ быть уполномоченъ заявить, что Австрія подписалась подъ предложенными Россіей мѣрами, и что она ожидаетъ того же отъ берлинскаго двора. — Онъ долженъ настаивать, чтобы баронъ Гарденбергъ сговорился съ нимъ насчетъ немедленнаго обмѣна подобными же заявленіями, которыя выражали бы рѣшеніе обоихъ дворовъ дѣйствовать въ полномъ согласіи, пока не столковались еще окончательно насчетъ условій, на которыхъ его прусское в-во приступитъ къ видамъ Россіи и Австріи, — дѣло, для котораго г. Алопеусъ получитъ настоящія полномочія, какъ только станетъ извѣстнымъ, на какихъ основаніяхъ король соглашается договариваться. — Если въ теченіе трехъ дней баронъ Гарденбергъ не пригласитъ г. Алопеуса для разговора о рѣшеніяхъ короля, то русскій министръ не долженъ ждать долѣе, чтобы настаивать на необходимости получить отвѣтъ. Онъ долженъ поступить, какъ выше предписано, въ случаѣ, если его призовутъ выслушать отвѣтъ уклончивый или отрицательный. — Тогда-то онъ долженъ особенно

de Berlin à faire cause commune avec la Russie et à consentir au passage des troupes. — Il annoncera que les généraux sont chargés de payer tous les vivres qui leur seront fournis argent comptant, et représentera qu'il serait instant que le cabinet s'occupât à les procurer, parce que les habitants y trouveraient mieux leur compte. — Cependant si, malgré tous ses soins, m. d'Alopéus ne pouvait engager m. de Hardenberg à s'entendre immédiatement avec lui sur une déclaration à échanger et qui contiendrait les motifs que le roi voudrait qu'on alléguât pour cause de son adhésion aux plans de la Russie et à la marche des troupes, ce ministre ne tardera plus à remettre une déclaration *mutatis-mutandis*, semblable à celle donnée par le comte Razoumoffsky à Vienne, et demendera une réponse péremptoire, en prévenant le baron de Hardenberg qu'il ne serait pas au pouvoir de lui, Alopéus, de retarder la marche des troupes, parce que le cabinet de St. Pétersbourg, n'ayant pu douter qu'elles seraient reçues, avait muni les généraux commandants de l'ordre précis d'entrer le 16/28 septembre, pour traverser les états prussiens, sans toutefois commettre la moindre hostilité, et il observera au baron de Hardenberg qu'il n'y a plus de temps pour faire prononcer à S. M. I. l'ordre à ses troupes de ne point avancer. — M. d'Alopéus ne discontinuera plus de travailler avec tout le soin possible pour pénétrer le baron de Hardenberg de la nécessité indispensable, que le roi se rende aux désirs de l'E-r, et lui représentera qu'un jour plus tard il ne serait plus

---

употребить всевозможныя средства, чтобы убѣдить берлинскій дворъ идти заодно съ Россіей и пропустить ея войска. — Пусть онъ возвѣститъ, что генераламъ приказано покупать всѣ жизненные припасы на наличныя деньги, и представитъ, что кабинету необходимо заняться заготовленіемъ ихъ, ибо такъ жителямъ легче получить свое. — Но если, вопреки всѣмъ его стараніямъ, г. Алопеусу не удастся уговорить г. Гарденберга немедленно обмѣняться заявленіями, въ которыхъ были бы изложены желательные королю доводы въ пользу его приступленія къ планамъ Россіи и пропуска ея войскъ, то этотъ министръ не замедлитъ вручить ему заявленіе, *mutatis mutandis*, подобное тому, которое дано графомъ Разумовскимъ въ Вѣнѣ. При этомъ пусть онъ потребуетъ рѣшительнаго отвѣта, предупреждая барона Гарденберга, что онъ, Алопеусъ, не въ силахъ задержать походъ войскъ, такъ какъ с.-петербургскій кабинетъ, не сомнѣваясь въ ихъ пропускѣ, далъ ихъ начальникамъ точный приказъ вступить 16 (28) сентября въ Пруссію, чтобы пройти по ней, впрочемъ безъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Пусть онъ замѣтитъ барону Гарденбергу, что у е. и. в-ва уже нѣтъ времени приказать своимъ войскамъ остановиться.—Г. Алопеусъ не перестанетъ стараться со всевозможнымъ усердіемъ убѣдить барона Гарденберга, что королю необходимо скло-

au pouvoir du ministre de Russie d'indiquer même aux généraux commendant les armées la route que la cour de Berlin désire qu'ils suivent. — Sur toutes les questions qui seront faites à m. d'Alopéus relativement au débarquement d'un corps de troupes en Poméranie, il répondra que cette mesure pourrait être en combinaison avec l'entrée des troupes russes dans les états autrichiens, parce que cette opération pouvant exposer la Poméranie à une invasion, il se pourrait que S. M. I., sur une demande du roi de Suède, compte mettre cette province à l'abri d'un coup de main de la part des français. — Le ministre de Russie aura aussi soin, dans toutes les occasions qui s'en présenteront, de remarquer que les déclarations échangées le 24 mai ne s'opposent aucunement à cette mesure, parce que par cet acte l'E-r a tout promis pour assister le roi dans la défense du nord de l'Allemagne et n'a pas signé un mot qui s'oppose à ce que S. M. I. prenne des arrangements avec la Suède, pour préserver plus efficacement la Poméranie d'une attaque. — Les deux armées, sur le libre passage desquelles m. d'Alopéus insistera, sont celle de Brzesc, destinée à se rendre de la Pilica par Warsowie et Breslau en Allemagne, et celle destinée à se rendre de Grodno aux frontières du pays d'Hanovre. Si la Prusse consent au passage de la seconde armée et promet de faire des démonstrations de son côté, en alléguant en même temps pour motif du refus de laisser passer l'armée de Volhynie un manque de vivres et de fourages, m. d'Alopéus pourra

---

ниться къ желаніямъ и-ра; онъ представитъ ему, что еще день — и русскій министръ уже не будетъ въ силахъ даже указать начальникамъ арміи путь, который былъ бы угоденъ берлинскому двору. — На всѣ вопросы о высадкѣ военнаго отряда въ Помераніи г. Алопеусъ долженъ отвѣчать, что эта мѣра находится въ связи съ вступленіемъ русскихъ войскъ въ австрійскія владѣнія: такъ какъ это движеніе можетъ подвергнуть Померанію опасности нападенія, то, быть можетъ, е. и. в-во разсчитываетъ, по требованію шведскаго короля, охранить ее отъ внезапнаго вторженія французовъ. — Русскій министръ постарается также замѣчать, при всякомъ удобномъ случаѣ, что обмѣненныя 24 мая заявленія вовсе не противорѣчатъ этой мѣрѣ: этою бумагой и-ръ обѣщалъ королю всякую помощь въ защитѣ сѣверной Германіи; и онъ не подписалъ ни одного слова, которое мѣшало бы е. и. в-ву входить въ сдѣлки съ Швеціей, чтобы болѣе дѣйствительно предохранить Померанію отъ нападенія. — Двѣ арміи, на пропускѣ которыхъ долженъ настаивать г. Алопеусъ, суть: брестская, которая должна отправиться отъ Пилицы черезъ Варшаву и Бреславль въ Германію, и та, которая пойдетъ изъ Гродно къ границамъ Ганновера. Если Пруссія согласится пропустить вторую армію и пообѣщаетъ сдѣлать, съ своей стороны, демонстраціи, отказываясь въ то же время про-

prendre sur lui d'engager le général qui la commande à partager ses forces et à en détacher une partie qui poursuivrait sa marche par les états autrichiens. — Lorsque les troupes seront entrées, m. d'Alopéus pourra continuer à traiter de leur passage, sur un pied amical, par les états prussiens, et de l'adhésion de cette cour aux projets de la Russie; mais il insistera toujours, pour qu'elle s'engage à faire cause commune avec elle et l'Autriche pour les négociations et pour la guerre qui serait une suite naturelle de leur rupture. — Si les soins de m. d'Alopéus ne pouvaient le mener à obtenir avant le 11/23 septembre le consentement du roi pour le libre passage des troupes russes, ce ministre n'expédiera pas de courrier à l'armée, afin de constater que les troupes avaient l'ordre en tout cas de se porter en avant à l'époque indiquée à la cour de Berlin et par conséquent que le parti en était irrévocablement arrêté.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 53. Черновая.

№ 39. — Циркуляръ Талейрана.

20 fructidor an XIII.

A messieurs De la Forest, ministre plénipotentiaire à Berlin; Durant, min. plén. à Dresde; Victor, min. plén. à Copenhague; Russin, chargé d'affaires à Constantinople. — S. m. désire connaître le nom, la

---

пустить волынскую армію подъ предлогомъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и фуража, то г. Алопеусъ можетъ взять на себя посовѣтовать ея начальнику разбить свои силы и отдѣлить часть ихъ, которая направится чрезъ австрійскія владѣнія. — Когда войска вступятъ, г. Алопеусъ можетъ продолжать переговариваться объ ихъ дружелюбномъ проходѣ черезъ прусскія владѣнія и о приступленіи берлинскаго двора къ планамъ Россіи. Но онъ долженъ все настаивать на совмѣстномъ дѣйствіи этого двора съ Россіей и съ Австріей, какъ въ переговорахъ, такъ и въ войнѣ, которая будетъ естественнымъ послѣдствіемъ ихъ перерыва. — Если, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, г. Алопеусъ не получитъ до 11 (23) сентября согласія короля на пропускъ русскихъ войскъ, пусть этотъ министръ не посылаетъ курьера въ армію съ тѣмъ, чтобы подтвердить, что войска во всякомъ случаѣ имѣютъ приказаніе двинуться въ срокъ, указанный берлинскому двору, и что слѣдовательно это—безвозвратное рѣшеніе.

26 августа (7 сентября) 1805.

Господамъ: Де-ля-Форэ, полномочному министру въ Берлинѣ; Дюрану, полном. мин. въ Дрезденѣ; Виктору, полном. мин. въ Копенгагенѣ; Рюссену,

position et la force de tous les régiments russes qui se trouvent, soit en Pologne, soit sur les bords de la mer Noire, soit dans l'intérieur de la Russie. Comme vous pouvez recueillir une partie de ces renseignements, je vous invite à me les adresser et à m'informer successivement et d'une manière précise de tous les mouvements que feraient ces troupes, afin que s. m. puisse avoir habituellement un tableau exact de leur position. — Vous ferez de tous ces détails l'objet d'une correspondance à part, et, pour que les états successifs que vous m'enverrez puissent être plus facilement ropprochés les uns des autres, vous les ferez tous sur un même modèle, en indiquant dans autant de colonnes différentes le nom, l'arme, la force, la position des troupes, et, en réservant pour une cinquième colonne les observations auxquelles les marches de troupes, leur attirail militaire, leurs campements, les généraux qui les commandent, pourraient donner lieu. — S. m. attache beaucoup d'importance à ces renseignements, et je vous invite à les rassembler et à me les transmettre avec soin. — *Fin de la lettre à m. Russin.* Vous voudrez bien joindre aux renseignements que je vous prie de m'adresser, un état exact de régiments russes qui ont passé les Dardanelles pour se rendre à Corfou; à mesure qu'il se présentera au détroit de nouvelles troupes ayant la même destination, vous mettrez également la même exactitude à m'en informer.

Paris. 144, 23 bis. Черновая.

повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ. — Е. в-ву угодно знать имя, положеніе и силу всѣхъ русскихъ полковъ, гдѣ бы они ни находились — въ Польшѣ, на берегахъ Чернаго моря или внутри Россіи. Такъ какъ вы можете собрать часть этихъ свѣдѣній, то прошу васъ прислать ихъ мнѣ и извѣщать меня послѣдовательно и точно обо всѣхъ движеніяхъ этихъ войскъ, такъ чтобы е. в-во могъ постоянно имѣть передъ собой вѣрную картину ихъ расположенія. — Составляйте особыя письма изъ этихъ подробностей, и все по одному образцу, чтобы легче было сближать между собой цифры, которыя вы будете присылать послѣдовательно: именно указывайте въ различныхъ столбцахъ имя, родъ оружія, силу и положеніе войскъ, оставляя пятый столбецъ для замѣчаній, которыя могутъ быть вызваны передвиженіями войскъ, ихъ военнымъ снаряженіемъ, ихъ лагерями, начальствующими генералами. — Е. в-во придаетъ большое значеніе этимъ свѣдѣніямъ, и я совѣтую вамъ старательно собирать ихъ и пересылать мнѣ. — *Конецъ письма къ Рюссену.* Соблаговолите присоединить къ просимымъ свѣдѣніямъ точное росписаніе тѣхъ русскихъ полковъ, которые прошли Дарданеллы, направляясь въ Корфу. Сообщайте мнѣ столь же точно о новыхъ войскахъ, которыя появятся въ проливѣ съ тою же цѣлью.

№ 40. — Кобенцль Талейрану.

31 août (12 septembre) 1805.

La cour de Vienne défère sans hésiter à la demande qui lui a été faite de la part de l'e-r des français, de s'expliquer catégoriquement sur ses intentions et sur les motifs de ses armements. — Elle n'a d'autres intentions que de maintenir la paix et ses relations d'amitié avec la France, ainsi que le repos général du continent, d'autre désir que de voir les intentions de l'e-r Napoléon correspondre aux siennes. — Mais le maintien de la paix entre deux puissances ne consiste pas seulement à ne point s'attaquer. Il consiste non moins essentiellement dans l'accomplissement des traités, sur lesquels la paix se trouve établie. La puissance qui les a enfreint dans des points essentiels et qui refuse de faire droit aux réclamations, est tout aussi bien l'agresseur que si elle attaquait l'autre injustement. — La paix entre l'Autriche et la France repose sur le traité de Lunéville dont une des conditions stipule et garantit l'indépendance des républiques de l'Italie, ainsi que des républiques hélvétique et batave et leur assure la liberté de se choisir leur gouvernement. Toute entreprise pour les obliger d'adopter un gouvernement, une constitution, un maître autrement que de leur choix libre,

---

31 августа (12 сентября) 1805.

Вѣнскій дворъ, не колеблясь, снисходитъ на требованіе и-ра французовъ рѣшительно объясниться насчетъ своихъ положеній и поводовъ къ вооруженіямъ.—У него одно только намѣреніе—сохранить миръ и свои дружественныя отношенія къ Франціи, а равно общее спокойствіе на материкѣ; у него одно только желаніе — чтобы намѣренія и-ра Наполеона соотвѣтствовали его собственнымъ намѣреніямъ.—Но сохраненіе мира между двумя державами состоитъ не въ томъ только, чтобы не нападать другъ на друга. Не менѣе существенно исполненіе договоровъ, на которыхъ покоится миръ. Держава, которая нарушила ихъ въ существенныхъ статьяхъ и отказывается удовлетворить жалобы, дѣйствуетъ точно также наступательно, какъ и та, которая нападаетъ несправедливо.—Миръ между Австріей и Франціей покоится на люневильскомъ договорѣ, одна изъ статей котораго постановляетъ и обезпечиваетъ независимость итальянскихъ республикъ, а также республикъ Гельвестской и Батавской и утверждаетъ за ними свободу выбора отъ правительствъ. Всякая мѣра, направленная къ тому, чтобы онѣ приняли извѣстное правительство, извѣстное политическое устройство или извѣстнаго государя иначе, какъ по своему сво-

autrement qu'en conservant une indépendance politique réelle, est une infraction de la paix de Lunéville, et l'Autriche a le droit d'en réclamer et d'en poursuivre le redressement. — Le désir de maintenir l'amitié mutuelle, de calmer les défiances, de préserver le repos public de plus grands dangers, peut, au milieu de circonstances critiques et délicates, engager la partie réclamante à user des ménagements, à mettre une grande modération dans la poursuite de ses griefs, à renvoyer la discussion à des négociations subséquentes; mais les égards de l'amitié ne sauraient lui faire un devoir de renoncer aux stipulations des traités, et la puissance qui, après les avoir enfreints, décline de s'en expliquer, refuse de négocier et substitue les voies de la menace à celles de la conciliation, blesse autant les loix de l'amitié que les droits sacrés de la paix. — Quant au maintien du repos public, il exige que chaque état se renferme dans ses limites et respecte les droits et l'ndépendance des autres états forts ou faibles. Ce repos est troublé quand une puissance s'attribue des droits d'occupation, de protection, d'influence qui ne sont avoués ni par le droit des gens, ni par les traités; quand elle parle des droits de la victoire après la paix qui les a éteints; quand elle emploie la force et la crainte pour dicter des loix à ses voisins, pour les obliger d'assimiler leurs constitutions à la sienne ou pour leur arracher des alliances, des concessions, des actes de soumission et d'incorporation;

бодному выбору, съ сохраненіемъ дѣйствительной политической независимости, есть нарушеніе люневильскаго мира, и Австрія въ правѣ жаловаться на это и стараться возстановить попранное. — Желаніе сохранить взаимную дружбу, смягчить недовѣріе, предохранить миръ отъ болѣе важныхъ опасностей можетъ, среди тяжелыхъ и щекотливыхъ обстоятельствъ, склонить челобитчика къ снисходительности, заставить его выставлять свои жалобы съ великою осторожностью, отлагать разбирательство до дальнѣйшихъ переговоровъ; но онъ не можетъ изъ-за дружбы почесть своимъ долгомъ отказаться отъ условій договоровъ, и держава, которая нарушила ихъ и уклоняется отъ объясненій, отказывается отъ переговоровъ, употребляетъ угрозы вмѣсто примирительнаго тона, оскорбляетъ какъ законы дружбы, такъ и священныя права мира.— Что касается сохраненія общественнаго спокойствія, то онъ требуетъ, чтобы каждое государство знало свои предѣлы и уважало права и независимость другихъ государствъ, какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ. Это спокойствіе нарушено. Теперь одна держава приписываетъ себѣ права захватовъ, покровительствъ, владѣній, не признаваемыя ни международнымъ правомъ, ни договорами. Она говоритъ о правахъ побѣды послѣ уничтожившаго ихъ мира. Она прибѣгаетъ къ насилію и страху, чтобы предписывать законы своимъ сосѣдямъ, чтобы заставлять ихъ пригонять свой политическій строй къ ея строю

quand elle prétend que sa dignité est offensée par des représentations fondées, tandis que ses propres feuilles attaquent successivement tous les monarques; enfin, quand elle s'érige seule en arbitre du sort et des intérêts communs des nations, et qu'elle veut exclure d'autres puissances de toute participation au maintien de la tranquillité et de l'équilibre général, les unes parce qu'elles sont trop éloignées, d'autres parce qu'un bras de mer les sépare du continent, opposant aux réclamations des puissances les plus voisines du danger des réponses évasives, des rassemblements de troupes sur leurs frontières, des menaces de rupture, si elles se mettent en défense;—c'est elle alors qui provoque les autres puissances à s'armer, à se secourir, à s'unir enfin, s'il le faut, pour le maintien de leur sûreté et de la sûreté publique. — C'est ainsi que les armements de la cour de Vienne ont été provoqués graduellement, tant par les armements de la France que par l'insuffisance des voies conciliantes, pour s'assurer du maintien d'une paix véritable et d'un avenir tranquille. — Toute l'Europe a reconnu la sincérité des dispositions pacifiques de s. m. l'e-r dans son exactitude à remplir les conditions du traité de Lunéville; dans sa grande condescendance au sujet des extentions nuisibles à ses intérêts, données à l'exécution de ce traité en Allemagne; dans sa modération non moins grande lors des premières déviations de la république française du même traité relativement aux autres répu-

---

или чтобы вынуждать у нихъ союзы, уступки, подчиненія и присоединенія. Она утверждаетъ, будто основательныя жалобы оскорбляютъ ея достоинство, а ея собственные листки нападаютъ послѣдовательно на всѣхъ монарховъ. Наконецъ она одна подымается, какъ рѣшительница судебъ націй и ихъ общихъ выгодъ, и желаетъ устранить другія державы отъ участія въ сохраненіи спокойствія и общаго равновѣсія—однѣхъ потому, что онѣ помѣщаются слишкомъ далеко, другихъ потому, что морской проливъ отдѣляетъ ихъ отъ материка; а на жалобы ближайшихъ къ опасности державъ отвѣчаетъ уклончивыми словами, сборомъ войскъ на ихъ границахъ, угрозами разрыва, если онѣ вздумаютъ защищаться. Вотъ что вызываетъ другія державы вооружиться, оказывать взаимную помощь, наконецъ соединяться, если нужно, для охраненія своей собственной и общественной безопасности. — Такимъ-то образомъ были вызваны мало-по-малу вооруженія вѣнскаго двора, частью вооруженіями Франціи, частью неудовлетворительностью примирительныхъ мѣръ, клонящихся къ обезпеченію истиннаго мира и спокойной будущности. — Вся Европа признала искренность мирныхъ намѣреній е. в-ва и-ра, въ виду такой наглости, с которою онъ исполнялъ условія люневильскаго договора; въ виду его большей уступчивости по вопросу о невыгодной для него широтѣ толкованій этого договора въ Германіи; въ виду его не менѣе великой сдержанности при пер-

bliques.— Attribuant ces déviations au besoin de garantir de tout danger externe le développement du plan formé pour le rétablissement du gouvernement monarchique en France, S. M. n'a pas fait difficulté de reconnaître l'état des choses établi en Italie vers la fin de l'an 1802. Sa confiance dans les vues du premier consul; les engagements pris par ce dernier vis-à-vis de la nouvelle république italienne sur la durée temporaire de sa présidance; les assurances publiques et solennelles, qui ont accompagné et suivi son élévation à la dignité impériale de son éloignement de toute vue d'agrandissement et de toute lésion de l'indépendance des états italiens; enfin les engagements subsistants de sa part vis-à-vis du souverain de la Russie, nommément sur le dédommagement du roi de Sardaigne et sur un arrangement commun des affaires de l'Italie;—tous ces motifs ont concouru à faire naître et à nourrir dans le coeur de S. M. l'espoir, que la consolidation du nouvel empire des français ramènerait dans peu la politique et les mesures de son gouvernement à des rapports compatibles avec l'équilibre et la sûreté de l'Europe. Et lorsque, quelque temps après, les premiers bruits de nouveaux changements prochains dans les états de la Lombardie portèrent l'ambassadeur de la cour de Vienne à Paris à demander des explications sur ce point, S. M. fut encore confirmée dans ses espérances par l'assurance officielle donnée au nom de l'e-r Napoléon, que les républiques

---

выхъ отступленіяхъ французской республики отъ того же договора относительно другихъ республикъ. — Приписывая эти отступленія необходимости охранить отъ великой внѣшней опасности развитіе плана возстановленія монархизма во Франціи, е. в-во не затруднился признать порядокъ вещей, установленный въ Италіи къ концу 1802 года. Онъ довѣрялъ намѣреніямъ перваго консула. А этотъ послѣдній обязался передъ новой итальянской республикой, что его президентство будетъ лишь временно. Его возвышеніе въ императорское достоинство сопровождалось всенародными и торжественными увѣреніями, что отъ нея далека всякая мысль о расширеніи границъ и о какомъ бы то ни было нарушеніи независимости итальянскихъ государствъ. Наконецъ, еще существуютъ его обязательства передъ русскимъ государемъ, а именно — вознаградить сардинскаго короля и вообще устроить итальянскія дѣла. Все это породило въ душѣ е. в-ва и питало надежду, что утвержденіе новой имперіи французовъ вскорѣ приведетъ политику и мѣры ихъ правительства къ соотвѣтствію съ равновѣсіемъ и безопасностью Европы. И когда, нѣсколько времени спустя, при первыхъ слухахъ о близости новыхъ измѣненій въ ломбардскихъ владѣніяхъ, посланникъ вѣнскаго двора въ Парижѣ потребовалъ объясненій, е. в-во былъ снова обнадеженъ правительственнымъ удостовѣреніемъ отъ имени и-ра Наполеона, что итальянскія республики не будутъ присоединены къ Франціи

de l'Italie ne seraient point réunies à la France, et qu'il n'y serait fait aucune innovation contraire à leur indépendance politique. — L'Europe jugera si ces assurances ont été remplies. L'E-r n'a pas cessé de les réclamer, comme prouvent la correspondance qui s'en suivit entre les deux souverains et les représentations officielles et ostensibles, dont fut chargé l'ambassadeur comte Philippe Cobentzl. Et quoique les lettres, par lesquelles l'e-r Napoléon fit part à S. M. de ses dispositions pour l'établissement d'un royaume d'Italie, fussent accompagnées de menaces et d'armements; quoique tout décélât dès lors ce que l'évènement a prouvé depuis, que l'e-r des français était décidé à soutenir ces innovations par la force: néanmoins S. M. n'a jamais reconnu des dispositions qu'on ne lui annonçait que comme un arrangement provisoire. — Elle s'est bornée à repousser les inculpations, qui servaient de prétexte aux menaces, et à manifester l'espoir que le principe de séparation et d'indépendance consacré par le traité serait maintenu par des arrangements définitifs, que l'e-r Napoléon faisait dépendre des négociations ultérieures avec les cours de Pétersbourg et de Londres à l'époque du rétablissement de la paix. — Ces négociations étaient effectivement le seul espoir qui restait à S. M. de parvenir, par les voies de la conciliation, à consolider la paix et à rendre enfin le calme à l'Europe alarmée du nord au midi par des entreprises, dont le nombre et l'étendue s'accroît à

и что въ нихъ не воспослѣдуетъ никакого нововведенія, противнаго ихъ политической независимости.—Пусть Европа судитъ, исполнены-ли эти увѣренія. И-ръ не переставалъ требовать этого, какъ доказываетъ послѣдующая переписка между двумя государями, а также дѣловыя и явныя представленія, которыя были поручаемы посланнику, графу Филиппу Кобенцлю. И хотя письма, которыми и-ръ Наполеонъ извѣщалъ е. в-во о своихъ намѣреніяхъ касательно устройства Итальянскаго королевства, сопровождались угрозами и вооруженіями; хотя уже тогда все указывало на то, что́ было доказано потомъ самымъ событіемъ, т.-е. что и-ръ французовъ рѣшился поддержать эти нововведенія силой, тѣмъ не менѣе е. в-во никогда не признавалъ распоряженій, которыя были и представлены-то ему лишь въ видѣ временной сдѣлки. Онъ ограничился опроверженіемъ обвиненій, служившихъ поводомъ къ угрозамъ, и заявленіемъ надеждъ, что освященное договоромъ начало раздѣльности и независимости будетъ соблюдено въ окончательныхъ сдѣлкахъ, которыя и-ръ Наполеонъ ставилъ въ зависимость отъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ дворами петербургскимъ и лондонскимъ при возстановленіи мира. — Эти переговоры дѣйствительно оставались единственною надеждой и-ра достигнуть мирными путями упроченія мира и дарованія наконецъ спокойствія Европѣ, которую тревожатъ съ сѣвера до юга предпріятія, число и обширность которыхъ воз-

chaque instant. — S. m. l'e-r des français avait fait envers le roi d'Angleterre une première démarche pacifique, en continuant toutefois de vouloir l'exclure du droit de participer aux intérêts majeurs du continent. Cette restriction, jointe aux rapports qui existaient entre lui et la cour de Pétersbourg, engagèrent s. m. britannique à recourir à la médiation de S. M. l'E-r de Russie, qui, malgré l'interruption de ses relations officielles avec la France, n'hésita pas d'interposer ses bons offices, d'envoyer à cet effet un négociateur et d'en faire demander l'admission au souverain de la France. — Mais l'espoir fondé sur toutes ces démarches pacifiques ne tarda pas à s'évanouir. De nouveaux coups furent portés à l'existence politique d'autres états indépendants de l'Italie, au moment que l'on envoyait au négociateur russe le passeport demandé pour son voyage en France. L'E-r Alexandre crut dès lors devoir regarder sa médiation comme compromise. D'un autre côté, des armées françaises furent subitement rassemblées en Italie, malgré la promesse faite de n'y point armer: un camp de trente mille hommes, réuni dans les plaines de Marengo, fut suivi d'un autre camp de quarante mille hommes, placé sur les frontières du Tyrol et des provinces vénitiennes de l'Autriche. S. M. se vit donc forcée de pourvoir efficacement à sa sûreté. Elle acquit alors la conviction, que les sentiments de paix, d'amitié et de modération qu'elle professe, ne rencontrent point un tel

---

ростаетъ съ каждою минутой.—Е. в-во и-ръ французовъ сдѣлалъ первый миролюбивый шагъ навстрѣчу англійскаго короля, но все стараясь отстранять его отъ права участія въ главныхъ дѣлахъ материка. Это ограниченіе, въ связи съ существовавшими отношеніями между Англіей и петербургскимъ дворомъ, заставило его британское в-во прибѣгнуть къ посредничеству е. в-ва русскаго и-ра, который, несмотря на перерывъ въ его дѣловыхъ сношеніяхъ съ Франціей, не задумался выставить свои добрыя услуги: онъ послалъ съ этою цѣлью переговорщика и потребовалъ, чтобы французскій государь допустилъ его къ себѣ. — Но надежда, основанная на всѣхъ этихъ мирныхъ шагахъ, быстро исчезла. Въ ту самую минуту, когда былъ посланъ русскому переговорщику требуемый паспортъ для его путешествія въ Парижъ, были нанесены новые удары политическому существованію Италіи. Съ тѣхъ поръ и-ръ Александръ счелъ долгомъ признать свое посредничество нарушеннымъ. Съ другой стороны, французскія арміи были внезапно собраны въ Италіи, вопреки обѣщанію не скоплять тамъ войскъ: за лагеремъ въ 30,000 человѣкъ, собраннымъ въ долинѣ Маренго, послѣдовалъ другой лагерь въ 40,000 человѣкъ, расположенный на границахъ Тироля и венеціанскихъ владѣній Австріи. Такъ, е. в-во былъ принужденъ дѣятельно заняться своею безопасностью. Онъ убѣдился тогда, что его чувства миролюбія, дружбы и умѣренности не встрѣчаютъ со

retour de sentiments de la part de s. m. l'e-r des français, qu'elle puisse négliger plus longtemps de préparer les mesures nécessaires pour la défense de ses droits et pour le maintien de la dignité de son empire.— Telle est la cause de ses armements actuels. Mais les mêmes sentiments qui ont tant fait désirer à S. M. d'éviter l'emploi de semblables mesures en ont aussi déterminé le but. L'E-r arme, non dans des vues hostiles, non pour faire diversion à la descente en Angleterre, dont l'exécution après deux ans de menaces ne devait pas paraître réservée pour le moment, où la France venait de provoquer l'Autriche et la Russie par des entreprises que n'autorisait nullement sa guerre avec la Grande-Bretagne: il arme pour la conservation de la paix, qui subsiste entre lui et la France; pour le maintien des conditions de paix sans lequel cette paix serait illusoire; pour parvenir à un accommodement équitable, fondé sur la modération de toutes les puissances intéressées et propre à assurer l'équilibre et la tranquillité permanente de l'Europe. — La démarche, par laquelle S. M. a invité en même temps les principales cours intéressées à renouer les négociations interrompues, tendait au même but. Le refus inattendu, que son interposition vient d'éprouver de la part de s. m. l'empereur des français, ne la détourne pas de la renouveler. — Elle a été plus heureuse vis-à-vis de l'E-r Alexandre. Ce monarque, qui occupe avec gloire une place distinguée dans le sénat des puissances de l'Europe, dont l'équilibre et le bien-être général font

---

стороны е. в-ва и-ра французовъ такого отвѣта, чтобы ему пренебрегать дольше заготовленіемъ необходимыхъ средствъ для защиты своихъ правъ и для соблюденія достоинства своей имперіи. — Вотъ причина его нынѣшнихъ вооруженій. Но тѣ же чувства, въ силу которыхъ е. в-ву такъ не хотѣлось прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, опредѣляютъ ихъ цѣль. И-ръ вооружается не съ враждебными намѣреніями, не съ тѣмъ, чтобы отвлечь отъ высадки въ Англію, которая, послѣ двухлѣтнихъ угрозъ, кажется, не можетъ быть пребережена къ той минутѣ, когда Франція только-что успѣла вызвать Австрію и Россію дѣйствіями, которыя вовсе не оправдываются ея войной съ Великобританіей. Онъ вооружается для сохраненія существующаго мира между нимъ и Франціей, для обезпеченія условій, безъ которыхъ немыслимъ этотъ миръ, для справедливаго улаженія дѣлъ, которое основывалось бы на умѣренности всѣхъ затронутыхъ державъ и могло бы обезпечить равновѣсіе и постоянное спокойствіе Европы. — Способъ, которымъ е. в-во пригласилъ въ то же время главные затронутые въ дѣлѣ дворы возобновить прерванные переговоры, клонился къ той же цѣли. Неожиданный отказъ, только-что испытанный его вліятельствомъ со стороны е. в-ва и-ра французовъ, не уничтожаетъ его готовности возобновить его. — Онъ былъ счастливѣе относительно и-ра Але-

l'objet de ses soins constants, témoigne dans la réponse ci-jointe, qu'il vient de faire remettre à s. m. un désir égal au sien pour la conclusion d'un arrangement équitable et modéré. Il est également convaincu de la nécessité d'un armement éventuel, et se croit obligé, par ce même éloignement qu'on allègue pour contester et le droit, et la conséquence de son intervention, à porter en avant une partie de ses troupes, afin d'assurer à cette intervention tout le poids et l'efficacité dignes d'une aussi grande puissance. — Pour achever de prouver la rectitude des intentions des deux cours impériales d'Autriche et de Russie, on déclare ici solennellement au nom de l'une et de l'autre: — qu'elles sont prêtes à négocier avec la cour de France pour le maintien de la paix du continent aux termes les plus modérés, compatibles avec le repos et la sûreté générale; que quelle que soit l'issue de la négociation, et dût l'éclat de la guerre être inévitable, elles se sont mutuellement engagées de s'abstenir de toute entreprise qui tendait, soit à s'immiscer dans les affaires internes de la France, soit à altérer l'état des possessions et des rapports, qui se trouvant actuellement établis légalement dans l'empire germanique, soit à blesser le moins du monde les droits ou les intérêts de la Porte Ottomane, dont elles sont au contraire prêtes à défendre, autant qu'il dépendra d'elles, les possessions et l'intégrité. — Enfin, que la Grande-Bretagne leur a fait connaître des sentiments parfaitement analogues aux leurs et des dispositions également modérées

---

ксандра. Этотъ монархъ, занимающій отличное мѣсто въ совѣтѣ европейскихъ державъ, равновѣсіе которыхъ и общее благополучіе составляютъ предметъ его постоянныхъ заботъ, заявляетъ въ прилагаемомъ письмѣ, только-что переданномъ е. в-ву, такое же желаніе заключить справедливую и умѣренную сдѣлку. Онъ точно также убѣдился въ необходимости вооруженія на всякій случай: въ силу той самой отдаленности, на которую ссылаются, оспаривая и его права на вмѣшательство, и значеніе послѣдняго, онъ считаетъ себя обязаннымъ двинуть часть своихъ войскъ, чтобы обезпечить этому вмѣшательству вѣсъ и дѣйствительность, соотвѣтственно достоинству столь великой державы.— Въ окончательное доказательство честности намѣреній двухъ императорскихъ дворовъ, австрійскаго и русскаго, заявляется здѣсь торжественно отъ имени ихъ обоихъ: что они готовы договариваться съ французскимъ дворомъ ради сохраненія мира на материкѣ на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ, совмѣстныхъ съ общимъ спокойствіемъ и безопасностью;—что какъ бы ни кончились переговоры и какъ бы ни былъ неизбѣженъ взрывъ войны, они взаимно обязуются воздерживаться отъ всякаго предпріятія, которое вело бы или ко вмѣшательству во внутреннія дѣла Франціи, или къ измѣненію нынѣшнихъ владѣній и отношеній, законно установленныхъ въ Германской имперіи, или къ малѣй-

pour le rétablissement de sa paix avec la France. — S. M. espère que les explications aussi sincères que franches, dans lesquelles elle vient d'entrer, seront propres à dissiper les doutes qui peuvent exister de la part de s. m. l'e-r Napoléon sur les intentions et les motifs qui l'animent; et tous ces voeux seront remplis, si ces explications peuvent contribuer à prévenir les malheurs qu'il n'aura pas tenu à elle d'épargner à l'humanité.

Pétersbourg. Paris, 1805, 9. Списокъ.

№ 41. — Пизани Чарторижскому.

St.-Pétersbourg, 9/21 septembre 1805.

Par la même poste qui a apporté des dépêches reçues par estafette de Doubossar la veille du départ de v. e., et qui est arrivée ici huit jours après, j'ai reçu une lettre de ma femme avec la nouvelle que la validé sultane était malade d'une maladie dangereuse, dont les médecins qui la traitaient, n'espéraient pas pouvoir la guérir, quoiqu'on faisait croire au public qu'elle allait mieux et serait bientôt rétablie. Ces mêmes médecins étant amis de ma famille depuis longtemps et fréquentant journellement ma femme, je crois que cette nouvelle soit bien

---

шему нарушенію правъ и выгодъ Оттоманской Порты, которую они, напротивъ, готовы защищать по возможности въ ея владѣніяхъ и цѣлостности;— что Великобританія заявила имъ совершенно такія же чувства и столь же умѣренныя желанія касательно возстановленія мира съ Франціей. — Е. в-во надѣется, что столь искреннія и прямыя объясненія, какъ вышеизложенныя, разсѣятъ сомнѣнія, которыя могъ бы питать е. в-во и-ръ Наполеонъ насчетъ олушевляющихъ его намѣреній и обсужденій, и всѣ его желанія будутъ исполнены, если эти объясненія помогутъ предупредить бѣдствія, отъ которыхъ онъ не былъ въ силахъ спасти человѣчество.

С.-Петербургъ, 9/21 сентября 1805.

Съ тою же почтой, которая привезла депеши, полученныя дубоссарскою эстафетой наканунѣ отъѣзда в. с-ва, и прибыла сюда, восемь дней спустя, я олучилъ письмо отъ жены, извѣщающее, что султанша-валидэ опасно больна, такъ что пользующіе ее медики не надѣются вылечить ее, хотя увѣряютъ народъ, будто ей лучше и будто она скоро поправится. Я считаю это извѣстіе основательнымъ, такъ какъ эти самые медики—друзья моей семьи и изо дня въ день навѣщаютъ мою жену. Но такъ какъ мнѣ не обозначили рода бо-

fondée. Comme cependant on ne m'a pas marqué le genre de la maladie de la susdite sultane, il serait à souhaiter qu'elle fût de nature à ne pas l'emporter de si tôt, et que la lettre, que nous nous étions proposé de lui envoyer dès que nous aurions appris la signature des actes du renouvellement de l'alliance, pût lui parvenir avant sont décès. Et comme il est à espérer que les susdits actes arriveront incessamment, j'envoie ci-inclus le projet de la susdite lettre, afin qu'en attendant elle soit préparée pour être expédiée, s'il sera jugé nécessaire d'abord après l'arrivée des actes susmentionés. Etant certain qu'on ne lit que la traduction en turc, j'ai rédigé le susdit projet d'une manière analogue à la forme orientale, et je souhaiterais qu'au moins le commencement et la fin restassent tels qu'ils sont. Ce qui rend encore plus désagréable la susdite nouvelle est la certitude, que dès que la sultane fermera les yeux, Jussuff-Aga sera perdu, car il n'y a pas d'exemple que le kehaya d'une sultane-mère ou soeur du sultan régnant ait pu se sauver des poursuites auxquelles il se trouve exposé après la mort de la sultane, étant obligé de rendre un comte exacte de son administration et d'une infinité d'affaires qu'il aura fait au nom de la sultane, dont on lui attribuera tout l'odieux, le but de telles recherches étant toujours de trouver un prétexte pour confisquer ses biens au profit du trésor particulier du sultan; et jamais un kehaya de sultan ne s'est mêlé de toutes

---

лѣзни сказанной султанши, то желательно, чтобы она не такъ скоро похитила ее: пусть до ея смерти дойдетъ къ ней письмо, которое мы преднамѣрились послать ей, какъ только освѣдомимся о подписаніи бумагъ о возобновленіи союза. А такъ какъ можно надѣяться, что помянутыя бумаги придутъ немедленно, то прилагаю здѣсь черновую помянутаго письма, чтобы заранѣе приготовить его къ отсылкѣ, если только оно будетъ признано нужнымъ послѣ полученія вышепомянутыхъ бумагъ. Я увѣренъ, что читается только турецкій переводъ: поэтому я сочинилъ памятную черновую согласно съ восточною формой; и мнѣ хотѣлось бы, чтобы по крайней мѣрѣ начало и конецъ остались такими, какъ есть. Помянутое извѣстіе тѣмъ непріятнѣе, что какъ только султанша закроетъ глаза, Юсуфъ-Ага тотчасъ неизбѣжно погибнетъ: не было примѣра, чтобы кегайя султанши-матери или сестры царствующаго султана спасся отъ обычныхъ преслѣдованій послѣ смерти султанши. Онъ обязанъ отдать точный отчетъ въ своемъ управленіи и во множествѣ дѣлъ, которыя онъ совершалъ именемъ султанши и всю непригодность которыхъ свалятъ на него. Цѣль у такихъ разслѣдованій всегда одна — найти предлогъ, чтобы отобрать его имущество въ частную казну султана; а ни одинъ кегайя султанши не вмѣшивался постоянно во всѣ дѣла государства и не пріобрѣлъ столько богатствъ, какъ Юсуфъ-Ага; и никогда казна госу-

les affaires de l'état, ni acquis tant de richesses que Jussuff-Aga, ni le trésor du grand seigneur plus en nécessité d'une telle spoliation. — J'espère que l'assesseur Marcar partira ce soir pour sa destination. J'ai eu l'honneur de voir s. e. m. Tchizagoff, qui m'a donné la lettre de recommandation qué je lui ai demandée pour s. e. le marquis Traversay relativement à l'expédition du susdit assesseur. Il m'a parlé sur la fourniture de vaisseaux et autres, qu'il voudrait qu'on exigeât de la Porte dès à présent; mais je lui ai représenté qu'avant la conclusion définitive des actes de la nouvelle alliance avec la Porte et même avant leur ratification, il ne conviendrait pas qu'on fit de pareilles demandes; et il me paraît qu'il a approuvé mes raisons. — Une petite altercation qui doit avoir eu lieu entre l'ambassadeur de la cour de Vienne et m. de Weydemeyer, a servi, comme j'ai entendu dire, de prétexte à différents propos parmi les sociétés, et le départ, s'il est vrai, du susdit ambassadeur de cette capitale sera probablement attribué à cet incident. M'ayant paru nécessaire de montrer à m. de Weydemeyer la lettre que v. e. m'a fait l'honneur de m'adresser à son départ, il m'a fait des excuses de ne m'avoir pas montré celle du prince Ipsilanti apportée par la susdite poste.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 105. Подлинникъ.

даря не нуждалась до такой степени въ подобномъ ограбленіи. — Надѣюсь, что ассесоръ Маркаръ отправится по назначенію нынѣче вечеромъ. Я имѣлъ честь видѣть е. прев-во г. Чичагова: онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо, которое я просилъ у него для е. пр-ва маркиза Траверсэ по поводу отправки помянутаго ассесора. Онъ говорилъ мнѣ о снабженіи кораблей и о прочемъ, заявляя желаніе, чтобы всего этого теперь же потребовали отъ Порты. Но я представилъ ему, что неловко выставлять подобныя требованія до окончательнаго составленія бумагъ о новомъ союзѣ съ Портой и даже до ихъ утвержденія; и онъ, кажется, одобрилъ мои доводы.—Маленькое столкновеніе, случившееся между посланникомъ вѣнскаго двора и г. Вейдемейеромъ, послужило, какъ я слышалъ, поводомъ къ разнымъ толкамъ въ обществѣ, и отъѣздъ помянутаго посланника изъ сей столицы—если онъ не вымыселъ—будетъ, вѣроятно, приписанъ этому случаю. Такъ какъ мнѣ показалось необходимымъ показать г. Вейдемейеру письмо, которымъ в. с-во почтили меня при своемъ отъѣздѣ, то онъ извинялся передо мной, что не показалъ мнѣ письма князя Ипсиланти, полученнаго съ тою же почтой.

№ 42. — Вейдемейеръ Чарторижскому.

Петербургъ, 12/24 сентября 1805.

Третьяго дня сдѣлалъ я визиты гг. посламъ цесарскому, аглинскому и шведскому, который у меня и былъ вчера; аглинскій еще ко мнѣ не пріѣзжалъ, а цесарской дѣлалъ попытку, не отдавъ мнѣ визиты, трактовать со мною черезъ секретаря своего и доставлять мнѣ только запечатанные пакеты для пересылки къ в. с-ву. Вчера присылалъ онъ ко мнѣ своего секретаря посольства (который вызвалъ меня во дворцѣ изъ совѣта) объявить мнѣ, что получилъ онъ курьера отъ двора своего съ ратификаціями, и что за многодѣліемъ не можетъ графъ Стадіонъ никакъ ко мнѣ быть прежде, какъ завтра или послѣ завтра; онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько печатныхъ *Déclarations echangées,* навѣдывался, когда могутъ прочія его нужнѣйшія сообщенія быть отправлены къ в. с-ву, и просилъ, чтобъ сему секретарю позволилъ я привезть ко мнѣ сообщаемыя бумаги. Возблагодаривъ за оное извѣщеніе и за сообщеніе мнѣ помянутыхъ печатныхъ экземпляровъ, изъявилъ я желаніе мое лично познакомиться съ посломъ и извиняясь, что занятъ здѣсь дѣломъ, сказалъ что послѣ обѣда буду дома. Часу въ седьмомъ пріѣхавъ ко мнѣ на домъ тотъ же секретарь посольства и повторивъ увѣреніе, что начальникъ его весьма занятъ, вручилъ мнѣ извѣстительныя грамоты, пакетъ графа Разумовскаго и еще одинъ запечатанный же пакетъ на имя в. с-ва, сказывая мнѣ, что тутъ вложены на первый случай всѣ важнѣйшія ихъ сообщенія, препровождаемыя письмомъ графа Стадіона. На сіе примѣтилъ я ему, что я уполномоченъ принимать не запечатанныя, а открытыя сообщенія; что если угодно ему распечатать пакетъ и вложенныя бумаги отдать мнѣ, я потщуся доставить ихъ къ в. с-ву безъ замедленія; что такое сообщеніе несогласно съ данными мнѣ отъ васъ наставленіями и съ самимъ обо мнѣ отношеніемъ, доставленнымъ отъ васъ къ находящимся здѣсь иностраннымъ министрамъ; и что желаю я очень имѣть честь познакомиться съ посломъ. Онъ увѣрялъ меня, что и сей начальникъ его, искренно желая со мною познакомиться, будетъ стараться увидѣться со мною коль скоро возможно; что отъ меня зависитъ распечатать пакеты графа Стадіона, ежели я на то уполномоченъ; и что хотя онъ не имѣлъ еще времени хорошенько прочесть онаго отношенія, но сколько помнитъ, и тамъ сказано о сообщеніяхъ мнѣ, что я ихъ пересылать буду къ в. с-ву. Я возразилъ, что конечно удерживать ихъ здѣсь не должно и нѣтъ никакой причины; но изъ

того не слѣдуетъ, чтобъ я не долженъ былъ и знать ихъ содержанія; что я крайне сожалѣю, что не имѣю чести изъясняться съ посломъ, который, не думаю я, чтобы былъ одного съ нимъ мнѣнія вопреки данныхъ мнѣ наставленій и званія моего по службѣ моему государю. Тутъ вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ свой, отозвавшись, что донесетъ о всемъ послу и испроситъ позволеніе на открытое мнѣ сообщеніе находящихся въ пакетѣ его бумагъ, и что впрочемъ самъ посолъ, желая меня видѣть, поспѣшитъ ко мнѣ своимъ пріѣздомъ и теперь же меня посѣтитъ, ежели буду дома. И въ самомъ дѣлѣ, едва прошелъ ли часъ, какъ прибылъ ко мнѣ графъ Стадіонъ. По обыкновенныхъ привѣтствіяхъ пересказалъ я ему, что́ было говорено съ секретаремъ его. Съ начала и онъ было сталъ дѣлать такія же возраженія, упомянувъ о циркулярномъ отношеніи; но послѣ вдругъ раскрылъ пакетъ свой и, вынувъ нѣсколько бумагъ, яко партикулярныхъ, взялъ ихъ къ себѣ, а прочія вручилъ мнѣ, усильно прося, чтобы позволилъ я ему завтра прислать пакетъ на имя в. с-ва по собственнымъ его дѣламъ, на что я и не могъ не согласиться. — Поставя за долгъ в. с-ву донести о семъ поступкѣ графа Стадіона со мною, признаюсь вамъ, что нахожу его неумѣстнымъ и для меня весьма непріятнымъ; но чтобъ не завести ссоры и изъясненій, особливо въ настоящее время, не подалъ я ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, и мы разстались пріятельски. — Полагая, что, можетъ быть, въ бумагахъ находящейся при в. с-вѣ канцеляріи нѣтъ копіи съ циркулярной ноты обо мнѣ здѣсь къ иностраннымъ министрамъ, отъ васъ посланной, осмѣливаюсь я здѣсь приложить.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 57. Подлинникъ.

№ 43. — Вейдемейеръ Чарторижскому.

Петербургъ, 13/25 сентября 1805.

Вчера поутру аглинскій посолъ прислалъ ко мнѣ визитную карту и записку, которою просилъ назначить ему часъ въ вечеру для врученія мнѣ грамоты, доставленной къ нему отъ двора его. Вслѣдствіе его по назначенію моему и пріѣхалъ онъ ко мнѣ въ 8 часовъ. Подавъ мнѣ извѣстительную грамоту о кончинѣ герцога Глочестерскаго Вильгельма Генриха, просилъ меня о поднесеніи оной е. и. в-ву. Обѣщавъ для того препроводить ее къ в. с-ву, изъявилъ я ему предварительно то искреннее дружеское участіе, которое государь императоръ о семъ печальномъ для его британскаго в-ва произшествіи конечно

принять изволитъ. Потомъ посолъ, навѣдываясь, не имѣю-ли я какого повелѣнія касательно г. Бентама, просилъ меня напомнить о немъ в. с-ву. Напослѣдокъ вручилъ я ему всемилостивѣйше назначенные подарки по случаю послѣдняго размѣна ратификацій, а именно: табакерку съ портретомъ е. и. в-ва и 4000 червонныхъ для самого его лорда Говера, да для секретарей министерства, перваго и втораго, табакерки съ вензелями е. в-ва и по 1000 червонныхъ, третьему же перстень и для канцеляріи 1000 червонныхъ. Онъ принялъ сіи вещи съ изъясненіемъ своей чувствительнѣйшей къ государю императору благодарности.— P. S. Донеся вамъ о врученіи мнѣ лордомъ Говеромъ извѣстительной грамоты, присовокупить я долженъ, что приказалъ я отослать ее въ коллегію для перевода и сочиненія отвѣта. — P. S. *Секретно.* Исполняя приказаніе в. с-ва, надписалъ я на высочайшее имя государя императора приложенный здѣсь пакетъ, содержащій секретныя письма. — Въ разсужденіи сихъ бумагъ вообще осмѣливаюсь я просить в. с-во о наставленіи, вынимать-ли изъ нихъ такія, кои писаны и просто и въ цифрахъ? Мнѣ кажется, что нужно доставлять къ г. Градеру скорѣе только тѣ не совсѣмъ шифрованныя бумаги, кои онъ разобрать въ состояніи, а прочія могъ-бы онъ получать по возвращеніи отъ васъ. — Здѣсь-же прилагаю пакетъ графа Стадіона къ барону Стутергейму, о которомъ я вчера имѣлъ честь в. с-во предъувѣдомить.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 58. Подлинникъ.

№ 44. — А. Воронцовъ Чарторижскому.

Matrenino, 13/25 septembre 1805.

Vous réexpédiant votre courrier lequel j'espère vous trouvera encore à Pétersbourg, je ne saurai assez vous remercier pour votre lettre amicale et les différentes pièces intéressantes que vous m'avez communiquées à cette occasion, lesquelles me donnent quelques jours du moins sur l'état actuel des choses. Je vais vous parler à présent de tous ces

---

Матренино, 13/25 сентября 1805.

Отправляя назадъ вашего курьера, который, надѣюсь, еще застанетъ васъ въ Петербургѣ, не могу достаточно благодарить васъ за ваше дружеское письмо и за разныя любопытныя бумаги, сообщенныя мнѣ вами при этомъ случаѣ, которыя по крайней мѣрѣ нѣсколько проясняютъ мнѣ нынѣшнее положеніе вещей. Теперь поговорю съ вами обо всемъ этомъ съ свойствен-

objets avec la franchise et ma confience accoutumées pour vous. — La déclaration ou la note que l'ambassadeur autrichien doit remettre au gouvernement français, est bien faible et ne répond nullement au ton, ni à la dignité d'une grande puissance lézée par toutes les infractions et empiétements de Bonaparte; en proposant de renouer la négociation, ils n'ont pas osé dire un mot, quand ce ne serait qu'en passant, des contraventions faites au traité de Lunéville. — Mais si à cette occasion il y a eu peu d'énergie, sous prétexte qu'ils veuillent gagner du temps, il y a énergie et vigueur dans leur préparatifs militaires et dans tous les arrangements qu'ils prennent, pour pouvoir agir avec des armées bien nombreuses et bien organisées, ce que je ne puis assez admirer. — Dans le protocole qui m'a été communiqué, des conférences de m. de *Vintzenrodt* (sic) avec les commissaires nommés par l'archiduc Charles, j'ai vu avec plaisir le zèle et la sagacité de m. de Vintzenrodt; de la part des commissaires autrichiens il y a eu de la mesquinerie dans tout ce qui a rapport à l'entretien de nos troupes. Il semblerait que c'est une grâce qu'ils nous font, que de les recevoir, tandis que c'est à leur secours qu'ils viennent; et en général tout ce qui a rapport à la délivrance de l'Allemagne et de l'Italie est d'un intérêt bien plus essentiel pour la monarchie autrichienne que pour nous. Je trouve cependant qu'il ne faut pas trop s'appesentir sur ces ministres et mesquineries autrichiennes et il faut s'occuper du grand objet. Voilà des grandes armées, des

---

ными мнѣ откровенностью и довѣріемъ къ вамъ.—Декларація или нота, которую австрійскій посланникъ долженъ вручить французскому правительству, довольно слаба и вовсе не соотвѣтствуетъ ни тону, ни достоинству великой державы, оскорбленной всѣми насиліями и захватами Бонапарта: предлагая возобновленіе переговоровъ, они осмѣлились лишь вскользь упомянуть о нарушеніи люневильскаго договора. — Но если при этомъ случаѣ они обнаружили мало энергіи подъ предлогомъ, что имъ хочется выиграть время, зато видны энергія и сила въ ихъ военныхъ приготовленіяхъ и во всѣхъ мѣрахъ, которыя принимаются ими, чтобы выступить съ довольно многочисленными и хорошо устроенными арміями, чему я не могу надивиться. — Изъ сообщеннаго мнѣ протокола совѣщаній г. *Винценродта* (sic) съ комиссарами, назначенными эрцгерцогомъ Карломъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ рвеніе и проницательность г. Винценродта; а со стороны австрійскихъ комиссаровъ была скаредность во всемъ, что касается содержанія нашихъ войскъ. Подумаешь, намъ оказываютъ милость, принимая ихъ, тогда какъ они приходятъ къ намъ на помощь; и вообще все, что касается освобожденія Германіи и Италіи, гораздо важнѣе для австрійской монархіи, чѣмъ для насъ. Впрочемъ, по мнѣ, не слѣдуетъ долго останавливаться на этихъ министрахъ и на австрійской скаред-

grands moyens: il faut donc un accord parfait entre les cabinets et les généraux, et alors on pourra espérer que tous ces efforts réunis ne seront pas en vain. La question que les commissaires autrichiens ont fait à m. de Vintzenrodt sur les arrangements qu'on prendra chez nous pour remplacer le déficit du complet, mérite qu'on y ait égard et qu'on s'en occupe; il me semble qu'il faudrait avoir pour chaque régiment deux nouvelles compagnies, qu'on tiendrait sur les frontières, et où on recevrait les recrues et où on les exercerait. Autrement nos armées seront fondues avant la fin de la campagne. Dans la guerre de Prusse il y avait un bataillon de réserve sur la Vistule pour chaque régiment; un lieutenant-général à part commendait ce corps de réserve et envoyait aux régiments en campagne ce qu'il fallait pour leur complètement. — J'ai vu avec plaisir la manière dont vous avez arrangé les déclarations qui ont été échangées par notre cour et les ambassadeurs autrichien et britannique, ce qui consolide la réunion des trois puissances pour le même objet et but. Je vous fais mon compliment sur la sagacité avec laquelle toute cette négociation a été terminée. Je ne crois pas cependant que l'Angleterre, en fournissant même des grands secours pécuniers, puisse accorder à l'Autriche tout ce qu'elle demande en argent, et encore moins que la cour de Londres prenne sur elle la dette, que celle de Vienne a contractée en Angleterre pendant la première coalition, et qui s'étend, je crois, à six millions de livres sterlings; mais

---

ности: нужно заняться великимъ дѣломъ. Вотъ большія арміи, большія средства: нужно только полное согласіе между кабинетами и генералами, и тогда можно будетъ надѣяться, что всѣ эти соединенныя условія не пропадутъ даромъ. Заслуживаетъ вниманія и заботъ вопросъ, сдѣланный австрійскими комиссарами г. Винценродту насчетъ нашего способа пополненія войскъ. Мнѣ кажется, слѣдовало бы имѣть въ запасѣ по двѣ новыхъ роты на каждый полкъ и держать ихъ на границахъ, гдѣ будутъ приниматься и обучаться рекруты: иначе наши арміи растаятъ до конца кампаніи. Въ прусскую войну на Вислѣ стояло по резервному батальону на каждый полкъ; особый генералъ-лейтенантъ начальствовалъ надъ этимъ резервнымъ корпусомъ и посылалъ въ полевые полки, сколько нужно, для ихъ пополненія.—Мнѣ понравилось, какъ вы устроили декларацiи, которыми обмѣнялись нашъ дворъ и посланники Австріи и Великобританіи; а это укрѣпляетъ связи между тремя державами ради одной и той же цѣли, ради одного и того же предмета. Привѣтствую васъ за ту прозорливость, съ которою вы довели до конца все это дѣло. Впрочемъ не думаю, чтобы Англія, даже давая большую денежную помощь, могла снабдить Австрію деньгами въ требуемомъ количествѣ, а тѣмъ менѣе, чтобы лондонскій дворъ взялъ на себя долгъ, сдѣланный вѣнскимъ дворомъ въ Англіи въ пер-

à cet égard même nous n'avons promis que nos bons offices, ce qui est très sage. — La déclaration que le comte de Razoumovsky est chargé de remettre à Vienne, est aussi très bien vue, et en général je ne puis que louer la manière dont tout se fait chez nous dans la partie diplomatique; persévérez dans votre zèle et votre application sur tous ces objets importants.—Sans préjuger si on obtiendra de la Prusse ce qu'on désire chez nous, je ne puis qu'approuver extrêmement la marche que vous avez prescrit à m. Alopéus; cette instruction est écrite avec sagesse et mesure.— Je trouve relativement aux instructions données aux deux généraux commendants qui m'ont été communiqués, qu'elles sont aussi très bien faites, quant à la partie diplomatique, le développement de nos vues, la direction donnée pour agir et les rapports qu'ils doivent avoir avec les armées et les cabinets de nos alliés. Je ne vois pas qu'il soit question dans ces instructions de tout ce qui a rapport à la formation de l'état major de chacune de ces deux armées, du parc d'artillerie qu'elles auront, de la manière dont l'armée recevra ses appointements, son habillement, et beaucoup de détails de ce genre; mais apparemment que tout cela est réservé à une autre instruction que les commendants des armées recevront du département de la guerre ou de la chancellerie militaire.— D'après les principes qui sont adoptés chez nous relativement à la Prusse, afin de la mettre dans la nécessité de prendre

---

вую коалицію, который простирается, я думаю, до шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; но и касательно этого обстоятельства мы обѣщали только наши добрыя услуги, что̀ весьма разумно.—Прекрасна также декларація, которую графу Разумовскому поручено передать въ Вѣнѣ. И вообще я могу только хвалить нашъ образъ дѣйствій въ дипломатической части: сохраняйте ваше рвеніе и ваше прилежаніе во всѣхъ этихъ важныхъ дѣлахъ. — Не гадая о томъ, получимъ-ли мы желаемое отъ Пруссіи, я не могу не хвалить горячо образа дѣйствій, предписаннаго вами г. Алопеусу; это наставленіе написано разумно и сдержанно.—Сообщенныя мнѣ наставленія, данныя обоимъ главнокомандующимъ, также нахожу очень хорошими относительно всего, что̀ касается дипломатической части, развитія нашихъ видовъ, направленія ихъ дѣйствій и отношеній, въ которыхъ они должны находиться съ арміями и кабинетами нашихъ союзниковъ. Въ этихъ наставленіяхъ ничего не говорится ни о составленіи штабовъ обѣихъ армій, ни объ ихъ артиллерійскомъ портѣ, ни о способѣ довольствованія арміи жалованьемъ и одеждой, ни о многихъ другихъ подробностяхъ этого рода. Но все это, повидимому, отнесено къ другому наставленію, которое получатъ начальники армій изъ военнаго департамента и изъ военной канцеляріи. — Наставленіе г. Михельсону, мнѣ кажется, также хорошо составлено согласно съ усвоенными у насъ правилами каса-

un parti décisif, l'instruction pour m. Michelson me paraît aussi bien dirigée. Nous ne tarderons pas d'apprendre dans peu l'effet que tout cela a produit sur la Prusse, et surtout si le négociateur du roi n'a pas gagné ce cabinet; tout ce que je crois devoir observer ici, c'est que la cour de Berlin ne se laissant pas imposer par des menaces et s'opposant au passage de nos troupes par ses états, cela changera entièrement la nature de la guerre qu'on entreprend pour la délivrance de l'Europe, puisqu'une partie de ces moyens destinés contre Bonaparte, doit naturellement être employée contre la Prusse le cas arrivant. Quant à mon opinion particulière, je me réfère au mémoire et réflexions envoyés par moi à l'E-r le 24 mai 1805. — Vous ayant dit et exposé de mon mieux ma façon de voir les choses, et autant que permettaient l'éloignement et l'ignorence même où je suis, de plusieurs faits et circonstances qui auraient pu servir à m'éclairer. Je laisse à votre propre disposition l'usage que vous voudrez faire de ce que je vous écrit, n'ayant jamais eu pour premier but de plaire, mais d'être utile au service publique.— P. S. Je vous prie de présenter mes hommages à l'E-r et de l'assurer de mon respect et attachement inviolable, faisant des voeux sincères que le parti énergique qu'il prend, soit couronné d'un plein succès.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 48. Подлинникъ.

тельно принужденія Пруссіи къ рѣшительному шагу. Вскорѣ мы узнаемъ, какое впечатлѣніе произвело все это на Пруссію, и въ особенности о томъ, овладѣлъ-ли королевскій переговорщикъ симъ кабинетомъ. Считаю долгомъ замѣтить только, что въ случаѣ, если берлинскій дворъ не испугается угрозъ и воспротивится проходу нашихъ войскъ черезъ его владѣнія, совсѣмъ измѣнится самая сущность войны, предпринимаемой для освобожденія Европы, такъ какъ эти средства, предназначенныя дѣйствовать противъ Бонапарта, естественно должны будутъ пойти на борьбу съ Пруссіей. Что касается моего личнаго мнѣнія, то ссылаюсь на „Записку“ и „Соображенія“, посланныя мною и-ру 24 мая 1805. — Изложивъ вамъ возможно лучше мою точку зрѣнія на вещи, насколько позволили моя отдаленность и даже незнаніе многихъ данныхъ и обстоятельствъ, которыя могли бы служить къ моему вразумленію, предоставляю вамъ рѣшить, что сдѣлать съ моимъ писаніемъ: самъ я всегда ставилъ на первый планъ не желаніе нравиться, а пользу общественной службы. — P. S. Прошу представить мое почитаніе и-ру и увѣрить его въ моемъ уваженіи и ненарушимой преданности, а также въ моемъ искреннемъ желаніи, чтобы его энергическое рѣшеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

№ 45. — А. Воронцовъ Чарторижскому.

13/25 septembre 1805.

Trois post-scriptums. — 1) J'ai été bien charmé de voir par votre lettre, que vous étiez d'accord avec la Suède relativement au débarquement de nos troupes en Poméranie. J'espère que le roi de Suède augmentera aussi celles qu'il a dans cette province, et alors ce corps sera à l'abris, jusqu'à ce que toutes nos forces se déploient du côté du nord de l'Allemagne, de quelques attaques de l'armée française qui est à Hanovre, ce qui ne sera pas impossible si la cour de Berlin connive avec eux et ne remplit pas ce à quoi elles s'est engagée vis-à-vis de nous à l'égard du nord de l'Allemagne. Notre armement et préparatifs pour l'embarquement des troupes ayant duré si longtemps, ils n'ont pu naturellement être secrets; les français en auront été sûrement avertis. Au reste, si on n'a pas envoyé, sur des bâtiments de transports, des vivres de Pétersbourg ou de Riga pour nos troupes en Poméranie, comme cela était facile à faire, la Poméranie sera affamée bientôt; il y aurait de la prévoyance et de l'économie pour nous dans cette mesure. — Il me paraît qu'on a beaucoup d'espoir chez nous à convertir la Prusse; je ne suis pas en état de juger sur quoi se fond cette espérence, n'ayant

---

13/25 сентября 1805.

Три пост-скриптума.—1) Мнѣ было очень пріятно видѣть изъ вашего письма, что вы согласны съ Швеціей насчетъ высадки нашихъ войскъ въ Померанiи. Надѣюсь, что шведскій король увеличитъ также число своихъ войскъ въ этой провинціи; и тогда, пока развернутся всѣ наши силы на сѣверѣ Германіи, этотъ корпусъ будетъ защищенъ отъ нападеній французской арміи, находящейся въ Ганноверѣ, которыя возможны, если берлинскій дворъ будетъ потворствовать французамъ и не станетъ исполнять данныхъ намъ увѣреній относительно сѣверной Германіи. Наши вооруженія и приготовленія къ посадкѣ войскъ на суда тянулись такъ долго, что, конечно, они не могли сохраниться въ тайнѣ: безъ сомнѣнія, французы будутъ увѣдомлены о нихъ. Впрочемъ, еслибы не послали на перевозочныхъ судахъ жизненныхъ припасовъ изъ Петербурга или Риги для нашихъ войскъ въ Померанiи, что было легко сдѣлать, то Померанія быстро проголодалась бы; эта мѣра обнаружила нашу предусмотрительность и хозяйственность. — Мнѣ кажется, что у васъ слишкомъ надѣются на обращеніе Пруссіи. Не могу судить, на чемъ основывается эта надежда: болѣе двухъ мѣсяцевъ не видалъ ни одной де-

pas vu depuis plus de deux mois aucune dépêche de m. Alopéus. — Voilà donc notre prince Tzitzianoff qui, avec une poignée de monde, fait fuir *Baba-khan*. Je suis assuré que tant que ce général restera dans ces contrées, même avec le peu de moyens qu'il a, qu'il conservera la Géorgie et même les réunions et acquisitions qu'il a faites. Mais pour ce qui est d'établir une frontière telle qu'elle était à désirer, et l'acquisition des portes et fortéresses que nous avions en vue, l'heure de berger est passée: c'est les deux premières années que la chose était faisable, avant que les persans et *Baba-khan* surtout, occupés ailleur, feraient attention à ces contrées; mais pour cela il aurait fallu employer de plus grands moyens en hommes et en argent.— Depuis que m. de Morcoff est parti pour les eaux, je n'ai pas eu une ligne de lui: je crois qu'on intercepte ses lettres en Prusse ou en Saxe, quoique des lettres envoyées par la poste, ne pouvaient avoir rien de bien secret. Mais je ne répondrai pas qu'il n'y eût des sarcasmes au moins contre Talleyrand. — 2) On m'assure que m. Лаптевъ que je vous avais recommendé, a été repris au service; si cela se vérifie, c'est à vous que j'en ai l'obligation. Au reste, c'est un militaire qui a servi avec distinction, de manière que dans les circonstances actuelles ce ne sera pas une mauvaise acquisition. — Si l'E-r se rend aux armées, je vous renouvelle ma prière de me marquer qui vous laissez à Pétersbourg dans votre chancellerie, pour recevoir et vous expédier les paquets qui vous seront adressés, de même

---

пеши г. Алопеуса.—А вотъ нашъ князь Циціановъ съ горстью людей гонитъ *Баба-хана*. Я увѣренъ, что если только этотъ генералъ останется въ тѣхъ странахъ, даже съ его нынѣшними небольшими средствами, онъ удержитъ Грузію и даже то, что онъ присоединилъ къ ней. Но уже поздно думать о томъ, чтобы установить желательную границу и пріобрѣсти порты и крѣпости, на которые мы разсчитывали: это можно было сдѣлать въ первые два года, прежде чѣмъ персы и особенно *Баба-ханъ* обратили вниманіе на эти мѣста; но на это нужно было употребить больше средствъ, больше и людей и денегъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ г. Морковъ отправился на воды, я не получилъ отъ него ни строчки: думаю, что его письма перехватываются въ Пруссіи или Саксоніи, хотя въ письмахъ, посылаемыхъ по почтѣ, не можетъ быть никакихъ тайнъ. Впрочемъ не стану утверждать, чтобы въ нихъ не было насмѣшекъ, по крайней мѣрѣ надъ Талейраномъ.—2) Меня увѣряютъ, что г. Лаптевъ, котораго я вамъ рекомендовалъ, снова принятъ на службу; если это правда, то именно вамъ я обязанъ этимъ. Впрочемъ это военный, служившій съ отличіемъ; а по нынѣшнимъ обстоятельствамъ это — не дурное пріобрѣтеніе.—Если и-ръ отправится къ войскамъ, то еще разъ прошу васъ указать мнѣ, кого вы оставляете въ Петербургѣ въ вашей канцеляріи для пріема и

qui est-ce qui se trouvera chargé et autorisé par vous pour recevoir les communications des ministres étrangers et vous les faire passer. Je désirerais apprendre aussi, si vous avez chargé quelqu'un de me communiquer les copies des dépêches de Londres, Naples, Berlin et Vienne ainsi que de Suède et de Copenhague. — Quant à ce dernier article je n'y insiste pas beaucoup; je puis très bien à cet égard rester dans l'obscurité. J'y ai été assez accoutumé cette année, restant des deux mois de suite sans la moindre communication de dites dépêches. Mais il y a une chose à laquelle je ne saurai renoncer sans un vrai chagrin, c'est à mes rapports confidentielles avec vous. J'y ai trop de plaisir, et pour cet effet je vous prie de me donner constamment de vos nouvelles, autant que la vie ambulante que vous mènerez, pourra vous le permettre. De mon côté, je ne cesserai de vous écrire avec franchise et amitié, vous assurant que ces sentiments ne souffriront jamais la moindre variation. — Par le passeport que votre courrier a eu pour les chevaux, je vois que m. *Вязмитинъ* (sic) a été fait *главнокомандующій* à Pétersbourg. Il me paraît que c'est une très bonne mesure, et que le choix de la personne est aussi fort bon; il faut assurément un homme de quelque poid, et sa place de ministre lui en donne assurément.— 3) J'ai été étonné de voir dans l'instruction qu'on a donné aux deux généraux commendants chacun des armées de 50 mille hommes, qu'on les ait muni seulement de 15 mille ducats chacun pour les dépenses extra-

---

отсылки къ вамъ пакетовъ, присылаемыхъ на ваше имя, а также—кто будетъ уполномоченъ вами принимать и отправлять къ вамъ бумаги иностранныхъ министровъ. Хотѣлось бы также знать, поручили-ли вы кому-нибудь сообщать мнѣ списки депешъ изъ Лондона, Неаполя, Берлина и Вѣны, а равно и изъ Швеціи и Копенгагена. На послѣднемъ не настаиваю: тутъ я совсѣмъ могу оставаться въ потемкахъ. Я попривыкъ къ этому этимъ годомъ, оставаясь два мѣсяца подъ-рядъ совсѣмъ безъ помянутыхъ депешъ. Отъ одного только мнѣ было бы поистинѣ тяжело отказаться: это отъ моихъ тайныхъ сношеній съ вами. Они доставляютъ мнѣ слишкомъ много удовольствія: поэтому-то прошу васъ постоянно подавать вѣсти о себѣ, насколько позволитъ ваша бродячая жизнь. Я, съ своей стороны, не перестану писать вамъ искренно и подружески, увѣряя васъ, что эти чувства никогда не измѣнятся ни на волосъ. — Изъ паспорта на лошадей, имѣющагося у вашего курьера, я вижу, что г. *Вязмитинъ* (sic) сдѣланъ *главнокомандующимъ* въ Петербургѣ. Это, мнѣ кажется, очень хорошая мѣра, и выборъ лица также очень хорошъ: конечно, нуженъ человѣкъ съ извѣстнымъ вѣсомъ; а мѣсто министра придастъ ему этотъ вѣсъ.— 3) Въ наставленіяхъ обоимъ начальникамъ 50-тысячныхъ армій меня удивило, что каждому изъ нихъ дастся по 15,000 дукатовъ на чрезвычайные расходы,

ordinaires, y compris même l'argent de table, l'envoi des courriers et les dépenses de leur chancelleries. C'est une mesquinerie inconcevable et qui prête à de bien justes critiques; enfin ce sont des armées de mendiants qui entreront sur le territoire étranger. Vous savez que je ne suis pas prodigue en fait de deniers publiques; mais à mon avis le moins qu'on aurait dû leur confier c'est 50 mille ducats à chacun d'eux au moment de leur départ et cent mille roubles par mois, bien entendu que de toutes ces sommes ils doivent rendre compte. Il faut que les caisses des finances soient bien vides pour avoir put faire une pareille mesquinerie. — M. de *Koutousow* sera dans le cas d'avoir des communications avec les généraux et peut-être même le cabinet autrichien ainsi que d'autres princes d'Allemagne, tout cela devait se faire en français. Je ne vois pas qu'on l'ait muni de quelqu'un qui sache bien français, ce qui empêcherait des lettres écrites en mauvais style et qui prêteront au ridicule. *Родофиникинъ*, très en état de conduire et de tenir en ordre une chancellerie, aurait donc dû avoir sous lui des gens en état d'écrire dans les langues étrangères. — Vous me dites, dans votre dernière, qu'il y a eu des retards et un peu de confusion occasionnés par le mauvais arrangement de la chancellerie militaire. Cet arrangement, fait encore par Paul, dont on ne veut pas se départir, fera bien du mal, j'en suis sûr; et cela me chagrine d'avance. On en reviendra, mais quand il en sera résulté bien des incon-

---

включая сюда даже столовыя и деньги на отправку курьеровъ и на канцелярскіе расходы. Это непостижимая скаредность, вызывающая весьма справедливыя порицанія: вѣдь просто арміи нищихъ вступятъ въ чужеземные предѣлы. Вы знаете, я не щедръ на общественныя деньги; но, по мнѣ, по меньшей мѣрѣ слѣдовало довѣрить каждому изъ нихъ по 50,000 дукатовъ при выступленіи и по 100,000 рублей въ мѣсяцъ. Само собой разумѣется, что они должны дать отчетъ во всѣхъ этихъ суммахъ. Казна должна быть порядкомъ пуста, чтобы такъ скаредничать.—*Г. Кутузову* придется входить въ сношенія съ генералами и, пожалуй, даже съ австрійскимъ кабинетомъ, а также и съ другими нѣмецкими государями. Они должны происходить на французскомъ языкѣ. Я не вижу, дали-ли ему человѣка, который зналъ бы хорошо пофранцузски, чтобы не было дурно написанныхъ писемъ, возбуждающихъ смѣхъ. А потому *Родофиникину*, который весьма можетъ вести канцелярію и содержать ее въ порядкѣ, слѣдовало бы подчинить людей, способныхъ писать на иностранныхъ языкахъ. — Въ послѣднемъ письмѣ вы говорите, что были задержки и немного путаницы, вслѣдствіе дурнаго устройства военной канцеляріи. Я увѣренъ, что много бѣдъ надѣлаетъ это устройство, заведенное еще при Павлѣ, отъ котораго не хотятъ отстать; и это заранѣе печалитъ меня.

vénients; c'est la marche ordinaire des choses. — Parmi les régiments d'infanterie qui ont eu ordre d'aller de l'intérieur sur les frontières, il y en a eu qui n'avaient pas de chevaux, d'équipages, apparemment que les chefs de ces régiments ont dépensé l'argent qu'ils devaient garder pour cela. Ils ont pris dans les habitations qu'ils ont traversé, 200 à 300 chevaux pour conduire le bagage. Parmi ces régiments il y en a un dont le chef vient d'être loué dans le *приказъ* sur l'*исправность, совершенность, въ коемъ найденъ полкъ инспекторомъ*. Voilà comme on peut se fier aux témoignages des m-rs les inspecteurs. Au départ de l'E-r que feront le *Совѣтъ Государственный* et m-rs les ministres? Toutes les affaires intérieures ne s'arrêteront-elles pas? Veuillez répondre à cette question.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 49. Подлинникъ.

№ 46. — А. Воронцовъ Чарторижскому.

Matrenino, 22 septembre (4 octobre) 1805.

Je vous ai réexpédié, il y a 8 jours, votre courrier, ayant répondu et écrit avec confiance et amitié à toutes les communications que vous m'avez faites. Depuis ce temps-là je ne sais rien sur les évènements et mesures politiques de manière que ma tête est tout-à-fait vide

---

На это обратятъ вниманіе, но когда уже произойдетъ много непріятностей: таковъ обычный ходъ дѣлъ. — У нѣкоторыхъ изъ пѣхотныхъ полковъ, получившихъ приказаніе выступить изнутри Россіи къ границамъ, не оказалось ни лошадей, ни экипажей: какъ видно, начальники этихъ полковъ растратили назначенныя на это деньги. Они взяли подъ багажъ, въ пройденныхъ ими поселеніяхъ, отъ 200 до 300 лошадей. Начальникъ одного изъ этихъ полковъ только-что удостоился похвалы въ *приказѣ* за *исправность, совершенность, въ коемъ найденъ полкъ инспекторомъ*. Вотъ и полагайтесь на свидѣтельство гг. инспекторовъ. Что̀ будутъ дѣлать *Государственный Совѣтъ* и гг. министры съ отъѣздомъ и-ра? Не остановятся-ли всѣ внутреннія дѣла? Соблаговолите отвѣтить на этотъ вопросъ.

Матренино, 22 сентября (4 октября) 1805.

Восемь дней тому назадъ, я отослалъ къ вамъ вашего курьера съ полнымъ довѣрія и дружелюбія отвѣтомъ на все сообщенное вами. Съ тѣхъ поръ я ничего не знаю о событіяхъ и политическихъ мѣрахъ, такъ что съ этой стороны моя голова совсѣмъ пуста.—Указъ о рекрутскомъ наборѣ былъ обна-

sur ces objets — L'ucase sur la levée des recrues a été publié à temps, aussi il pourra être exécuté à temps. D'après mon calcul, cette levée doit produire à peu près 120 mille recrues. Dieu veuille qu'on les conserve: il y aura de quoi mettre le tout plus qu'au complet, et pour les régiments qui agiront hors des frontières, il y aura de quoi faire pour chacun d'eux un bataillon de réserve dont on tirerait de quoi remplir le déficit des régiments dans le courant de la campagne. Ces nouveaux bataillons de réserve pourraient être placés sur les frontières qui avoisinent les lieux où nos armées agiront, et formeront par eux-même une espèce d'armée ou de corps qui en imposerait. — J'ai vue par les ukases du sénat que le докладъ du sénat sur les fermes a éte confirmé quoiqu'un peu tard, puisqu'il ne reste qu'un an et quelques mois jusqu'à la fin du bail actuel. Je suis charmé au moins que cette première branche de revenues publics n'aie pas été entravée et désorganisée par nos innovateurs. - Il est question, à ce que j'apprends, d'envoyer un renfort de vaisseaux des ports de la Baltique pour Corfou. Si on tarde à l'expédier, ce sera donc pour que ces vaisseaux hivernent en Angleterre. En outre sur l'océan ne serait-il pas exposé à être rencontré et pris par les flottes françaises et espagnoles réunies, car il n'est pas possible qu'on n'ait eu vent en France de cette expédition. J'avais cru plus naturel que tous nos renforts pour Corfou se fassent

---

родованъ вóвремя; стало быть, онъ можетъ быть исполненъ вòвремя. По моему счету, этотъ наборъ долженъ дать почти 120,000 рекрутъ. Дай Богъ, чтобъ вышло такъ: было бы чѣмъ пополнить все съ лихвой; и было бы изъ чего составить для каждаго полка, дѣйствующаго за-границей, по запасному батальону съ тѣмъ, чтобы пополнить убыль въ полкахъ въ теченіе кампаніи. Эти новые запасные батальоны можно бы расположить на границахъ ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія нашихъ армій; они уже сами по себѣ составили бы родъ арміи или внушительнаго корпуса. — Я усмотрѣлъ изъ указовъ сената, что докладъ сената объ откупахъ утвержденъ, хотя немного поздно, потому что остается всего годъ и нѣсколько мѣсяцевъ до конца нынѣшняго контракта. Радуюсь по крайней мѣрѣ, что эта первая отрасль государственныхъ доходовъ не была задержана и разстроена нашими нововводителями. — Какъ слышно, идетъ рѣчь объ отправленіи въ Корфу подкрѣпленія изъ судовъ балтійскихъ портовъ. Если запоздаютъ съ ихъ отправкой, то, стало быть, этимъ судамъ придется зимовать въ Англіи. Сверхъ того, не подвергнутся-ли они опасности быть встрѣченными и взятыми соединенными флотами Франціи и Испаніи, такъ какъ невозможно, чтобы во Франціи не провѣдали объ этой отправкѣ. Я считалъ болѣе естественнымъ, чтобы всѣ наши подкрѣпленія шли въ Корфу изъ портовъ Чернаго моря: мнѣ кажется, слѣдовало бы придержи-

des ports de la mer Noire: il me semble, c'était la marche qu'on aurait dû suivre à moins que nous y manquions de bons vaisseaux. — Le voyage de l'E-r ayant lieu, je suppose que notre ami Novossiltzow le suivra aussi. Vous deux, liés ensemble, ayant les mêmes principes et attachement comme de raison à la personne de l'E-r, et n'ayant que le bien public en vu, par conséquent celui de l'E-r lui-même, réunirez, j'espère, vos communs efforts pour que la machine aille bien, et que les доклады que les différents ministres enverront, ne soient pas précipitamment confirmés. L'inexpérience et la présomption et la vanité a fait faire bien des bévues et des sottises à notre ministre de l'intérieur. Je ne puis que vous répéter avec franchise ce qu'on ne cesse de dire, et qu'on vous met sur le corps, ce que vous avez trop souvent épaulé ce ministre. Avec un peu de modestie et de retenue il n'y aurait rien à dire contre lui puisqu'il est sûrement honnête et intègre.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 50. Подлинникъ.

№ 47. — Чарторижскій Вейдемейеру.

22 сентября (4 октября) 1805.

Государю императору угодно было пригласить сюда пословъ аглицкаго, австрійскаго и шведскаго. Я нужнымъ почитаю увѣдомить о семъ в. пр-во, прося покорно васъ, по предварительномъ со стороны пословъ тѣхъ къ вамъ требованіи, учинить такія распоряженія, чтобы они въ проѣздъ свой до нашей границы не имѣли остановки въ лошадяхъ: на каковой конецъ, объяснившись съ ними, сколько потребно каждому ло-

---

ваться этого пути, если только у насъ нѣтъ тамъ недостатка въ хорошихъ судахъ.—Такъ какъ путешествіе и-ра состоялось, то я предполагаю, что нашъ другъ Новосильцовъ также послѣдуетъ за нимъ. Вы оба связаны; у васъ одинаковыя правила и, конечно, одинаковая привязанность къ особѣ и-ра; вы имѣете въ виду только общественное благо, а слѣдовательно благо самого и-ра: надѣюсь, вы соедините ваши усилія, чтобы машина шла хорошо и чтобы не утверждались поспѣшно доклады, присылаемые разными министрами. По неопытности, самомнѣнію и тщеславію, нашъ министръ внутреннихъ дѣлъ надѣлалъ много ошибокъ и глупостей. Я только откровенно повторяю вамъ то, что́ не перестаютъ говорить: вамъ не прощаютъ, что вы слишкомъ часто выказали этого министра. При небольшой долѣ скромности и сдержанности, нечего было бы сказать противъ него, такъ какъ онъ, конечно, честный и неподкупный.

шадей, можно распорядиться съ г. с.-петербургскимъ почтъ-директоромъ или снестись съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 94. Черновая.

№ 48. — Чарторижскій Вейдемейеру.

25 сентября (7 октября) 1805.

По дошедшимъ ко мнѣ свѣденіямъ, что многіе изъ иностранныхъ министровъ, при высочайшемъ дворѣ акредитованныхъ, узнавъ, что приглашены сюда послы австрійскій, англійскій и шведскій, намѣреваются также за ними слѣдовать, я спѣшу по точной волѣ г. и-ра предписать в. пр-ву, чтобъ вы не оставили, при первомъ случаѣ, когда кто-либо изъ нихъ изъявилъ бы вамъ таковое желаніе, отклонить оное всѣми мѣрами, давъ имъ на замѣчаніе, что съ одной стороны неизвѣстность долго-ли можетъ продлиться высочайшее пребываніе, а съ другой затруднительность въ пути отъ недостатка въ лошадяхъ на почтовыхъ станціяхъ и наконецъ самая стѣсненность въ помѣщеніи тѣхъ, которые уже составляютъ свиту е. в-ва, поставляютъ въ невозможность оказать имъ въ томъ удовлетвореніе; что г-рь и-ръ, предвидя сіи затрудненія, соизволилъ ограничить какъ можно болѣе свиту его и, соизволивъ на пріѣздъ пословъ выше означенныхъ, е. в-во не могъ не дать имъ предпочтеніе предъ прочими иностранными министрами по первенству мѣста, какое занимаютъ они въ дипломатическомъ корпусѣ, при высочайшемъ дворѣ находящемся. Словомъ, употребите всѣ доводы, чтобы убѣдить ихъ въ невозможности оказать имъ желанную податливость; впрочемъ, если-бы кто-либо и за тѣмъ сталъ настоять въ требованіи паспортовъ или подорожныхъ для пріѣзда сюда, то вы отзоветеся рѣшительно, что не можете сами оказать имъ въ семъ случаѣ пособія, но что не оставите отнестись о семъ ко мнѣ для испрошенія высочайшаго повелѣнія.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 98. Черновая.

№ 49. — Низами Чарторижскому.

Pétersbourg, 1/13 octobre 1805.

La poste de Constantinople n'étant pas encore arrivée, apparemment à cause de mauvais chemins, il est à supposer que si elle apportait quelque chose d'intéressant, m. d'Italinsky aurait recommandé au directeur de poste de Doubassar, comme il a fait avec les deux précédentes, d'expédier son paquet par estafette, qui serait certainement déjà arrivée. Cela fait croire qu'il n'était pas plus avancé dans sa négociation, et que le courrier et estafettes, qui lui ont été successivement expédiés au mois d'août, lui seront parvenus à temps pour finir de quelque manière que se soit; et je suis dans la persuasion que ce sera par la signature du renouvellement de l'alliance, mais avec cette différence, que cela ne sera pas de la part de la Porte avec la loyauté et bonne disposition qu'elle l'aurait fait, si m. d'Italinsky ne l'avait aigrie et causé la disgrâce de Mahmud-Efendi par la dure insistence qu'il a faite sur le 3-e et 8-e art. secrets à la dernière conférence qu'il eut avec le susdit Efendi. De cette considération il en résulte la certitude qu'on ne doit pas s'attendre que la Porte se prêtera avec facilité et candeur à l'exécution de ses nouveaux engagements, d'autant plus que le grand

---

Петербургъ, 1/13 октября 1805.

Константинопольская почта еще не пришла, вѣроятно, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ. Нужно предположить, что, еслибы въ ней было что-нибудь интересное, г. Италинскій поступилъ бы съ ней, какъ съ двумя прежними почтами: онъ посовѣтовалъ бы дубассарскому почтъ-директору отправить его пакетъ эстафетой, которая, конечно, уже прибыла бы. Это заставляетъ думать, что его дѣло не подвинулось впередъ и что посланныя къ нему въ августѣ одна за другой эстафеты и курьеръ прибудутъ къ нему во-время, чтобы какъ-нибудь покончить. И я убѣжденъ, что дѣло кончится подписаніемъ возобновленія союза, но съ тою разницей, что со стороны Порты будетъ здѣсь меньше честности и доброжелательства, чѣмъ было бы въ томъ случаѣ, когда г. Италинскій не раздражалъ бы ея и не подвергъ бы Махмуда-Эфенди опалѣ, круто настаивая, на послѣднемъ совѣщаніи съ нимъ, на 3-й и 8-й тайныхъ статьяхъ. Изъ этого соображенія вытекаетъ увѣренность, что не должно ждать, чтобы Порта рѣшилась легко и добросовѣстно исполнять свои новыя обязательства, тѣмъ болѣе, что какъ великій визирь, такъ и другіе нынѣшніе министры Порты уже обнаружили неблагопріятныя для насъ чувства. Тѣмъ не менѣе, если г. Ита-

visir, aussi bien que les autres ministres actuels de la Porte ont déjà manifesté des sentiments qui ne nous sont pas favorables. Néanmoins si m. d'Italinsky est parvenu à conclure le renouvellement de l'alliance, il me paraît qu'il faudra, comme notre auguste cour a toujours fait dans de pareilles occasions, leur donner des présents à l'échange des ratifications. Comme cependant les susdits ministres ne méritent pas des récompenses, ces présents ne doivent être riches, mais seulement convenables à remplir l'étiquette qui est en usage. C'est d'après ce principe que j'ai dressé la liste ci-jointe des présents qu'on pourrait leur jeter; et si S. M. I. croira qu'ils sont de peu de valeur, je crois qu'ils pourraient être rendus assez magnifiques en augmentant seulement d'un tiers la valeur des bijoux que j'ai marqué pour le grand visir, Kehayabei-Reis-Efendi et Ismet-Bey. La raison que j'ai pris la liberté de faire ces remarques à v. e., est qu'au cabinet impérial on n'a pas des tabatières et des montres sans quelque figure d'animaux; qu'on ne peut pas les donner à des musulmans, et que s'il s'agira de les faire de nouveau ou de substituer aux figures quelqu'autre ornement, on ne pourra pas les avoir aussitôt pour pouvoir les expédier avec les ratifications.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 106. Подлинникъ.

линскому удалось устроить возобновленіе союза, то, по моему мнѣнію, слѣдовало бы, при обмѣнѣ ратификацій, дать имъ подарки, какъ это всегда дѣлалось нашимъ августѣйшимъ дворомъ въ подобныхъ случаяхъ. Но такъ какъ помянутые министры не заслуживаютъ наградъ, то подарки не должны быть богаты: пусть будутъ лишь приличны, по принятому этикету. Въ этомъ-то смыслѣ я составилъ прилагаемый списокъ подарковъ, которые можно бы кинуть имъ. Еслибы е. и. в-во нашелъ ихъ малоцѣнными, то, по мнѣ, ихъ можно бы сдѣлать довольно великолѣпными, прибавивъ только на треть цѣну драгоцѣнностей, назначенныхъ у меня для главнаго визиря, кехая-бея — Рейсъ-Эфенди и Исметъ-Бея. Я осмѣлился сдѣлать эти замѣчанія в. с-ву по слѣдующимъ причинамъ: въ императорскомъ кабинетѣ нѣтъ табакерокъ и часовъ безъ изображеній животныхъ; такихъ изображеній нельзя давать мусульманамъ; если понадобится сдѣлать вещи заново или замѣнить изображенія иными украшеніями, нельзя получить ихъ тотчасъ, чтобы отправить вмѣстѣ съ ратификаціями.

№ 50. — Вернегъ Санковскому.

Vicence, 7/19 octobre 1805.

Je viens de recevoir la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 11 septembre, pour me prescrire une correspondance suivie avec vous dans votre nouvelle qualité d'agent diplomatique près s. e. m. le général de Koutouzoff. — Le choix qui a été fait de vous pour occuper une place aussi distinguée, prouve que toute justice a été rendue à votre mérite et à vos talents, et j'en ai éprouvé pour mon compte la plus vive satisfaction. Je serai très exact à vous faire parvenir les différents objets que je pourrai observer de ces côtés-ci, et en remplissant ce devoir que je regarde comme sacré, je serai trop heureux de vous donner un véritable témoignage de toute la reconnaissance que je vous porte, ayant été vivement ému de toutes les marques d'intérêt et d'attachement que vous avez eu la bonté de me donner pendant mon séjour en Russie. — J'aurai soin de me faire entendre, lorsque les circonstances exigeront que je me serve du dépôt qui m'a été confié. En attendant, j'aurai l'honneur de vous soumettre les remarques que j'ai pu faire depuis mon arrivée à Venise, en confiant quelques articles de mes rapports à m. le prince de Czartorysky, car je calcule que par

---

Виченца, 7/19 октября 1805.

Сейчасъ получилъ письмо отъ 11 сентября, которымъ вы почтили меня, чтобы приказать мнѣ вести настоящую переписку съ вами въ вашемъ новомъ качествѣ дипломатическаго агента при е. пр-вѣ генералѣ Кутузовѣ.—Павшій на васъ выборъ для занятія такого виднаго мѣста доказываетъ, что отдана вся справедливость, которую заслуживали ваше достоинство и ваши таланты; и я лично чрезвычайно доволенъ этимъ. Я буду весьма точенъ въ доставленіи вамъ различныхъ свѣдѣній изъ моихъ здѣшнихъ наблюденій. Исполняя эту обязанность, которую считаю священною, я буду крайне счастливъ отъ возможности засвидѣтельствовать вамъ всю мою признательность: меня глубоко тронули всѣ тѣ знаки вниманія и привязанности, которые вы, по своей добротѣ, оказывали мнѣ во время моего пребыванія въ Россіи. — Постараюсь, чтобы услышали меня, когда обстоятельства потребуютъ, чтобы я воспользовался ввѣреннымъ мнѣ залогомъ. А покуда буду имѣть честь поднести вамъ замѣтки, которыя мнѣ удалось сдѣлать съ моего пріѣзда въ Венецію, довѣряя вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ кое-что изъ моихъ донесеній князю Чарторижскому, которыя, по моимъ разсчетамъ, не могли дойти до вашего свѣдѣнія вслѣд-

votre déplacement ils ne peuvent pas être parvenus à votre connaissance. — Je crois avoir employé utilement le temps de mon séjour à Vienne, en développant à m. le comte de Rasoumoffsky la marche et le fil des véritables données en Suisse, et en mettant cet ambassadeur en rapport avec les personnes marquantes de ce pays, qui peuvent, par leur zèle et leur influence, procurer tout l'avantage au bon parti. L'intervention de la cour de Russie pour assurer aux suisses leur indépendance et l'intégrité de leur territoire est principalement ce qui peut faire de cette excellente et valeureuse nation un instrument excessivement utile aux succès des coalisés, et vous n'êtes pas à connaître, que les localités et les positions de la Suisse et des grisons sont indispensablement nécessaires non-seulement à toute entreprise avantageuse sur les frontières des provinces bien intentionnées de la France, mais aussi pour assurer les communications des armées coalisées et empêcher toute diversion et entreprise sur leurs derrières. Enfin, comme vous êtes actuellement à portée de voir les choses de très près, et que vous devez en savoir beaucoup plus que moi sur les craintes ou les espérances à avoir de ces côtés, je me bornerai ici des observations dont j'espère qu'on aura jugé toute l'importance. — A mon arrivée à Venise je n'ai pas tardé à voir, par le travail et les occupations de m. Rostagny, qu'il avait le secret des plans et des vues de Bonaparte sur la Turquie, et

---

ствіе вашего перемѣщенія. — Мнѣ кажется, мое пребываніе въ Вѣнѣ было употреблено съ пользой: я представилъ графу Разумовскому истинный ходъ и нить событій въ Швейцаріи, а также поставилъ этого посланника въ связь съ видными лицами этой страны, которыя могли бы доставить перевѣсъ хорошему дѣлу, въ силу своего рвенія и вліянія. Именно благодаря вмѣшательству русскаго двора, съ цѣлью обезпечить за швейцарцами независимость и неприкосновенность ихъ земель, эта превосходная и доблестная нація станетъ чрезвычайно полезнымъ орудіемъ коалиціи: вамъ нечего объяснять, какъ необходимы мѣстности и позиціи Швейцаріи и гризоновъ не только для всякаго успѣшнаго предпріятія на границахъ благонамѣренныхъ провинцій Франціи, но также для обезпеченія сношеній между войсками коалиціи и для воспрепятствованія всякимъ отвлеченіямъ и предпріятіямъ въ тылу ихъ. Наконецъ, такъ какъ вы теперь въ состояніи видѣть дѣла совсѣмъ вблизи и должны знать больше меня, насколько нужно ожидать отсюда опасностей или надеждъ, то я ограничусь здѣсь замѣчаніями, все значеніе которыхъ, я увѣренъ, будетъ оцѣнено. — Прибывъ въ Венецію, я скоро увидѣлъ, по трудамъ и занятіямъ г. Ростаньи, что онъ обладалъ тайной намѣреній и плановъ Бонапарта относительно Турціи, и что его собственныя свѣдѣнія насчетъ торговли Чернаго моря и восточныхъ портовъ, въ соединеніи съ долгою опытностью и

que ses propres connaissances sur le commerce de la Méditerrannée et des échelles du Levant jointes à une longue expérience et à une tête ardente, lui avaient procuré un poste de sauve-garde et de rapprochement pour achever de gagner les vénitiens, car l'occupation de Venise, de gré ou de force, était la gradation première pour arriver au grand résultat. J'ai eu l'honneur de faire un assez long rapport à m. le prince de Czartorysky sur cet article, et comme vous désirez connaître les sources qui peuvent vous inspirer une entière confiance, je puis vous citer parmi ceux qui avaient été initiés le témoignage d'un m. Pino, frère du ministre de la guerre à Milan. J'ai été véritablement frappé du développement circonstancié que m. Pino a bien voulu me donner des projets du gouvernement français, mais comme tous ces détails ne vous apprendraient rien de nouveau, je crois devoir les supprimer pour passer à un autre article de mon rapport du 18/30 septembre que je vais transcrire en entier.

„Il est certain que le très grand nombre ne doute pas en France, que cette nouvelle guerre n'est suscitée que par l'extravagance et l'ambition personnelle de Bonaparte; mais comme on ne peut pas connaître encore les véritables intentions des coalisés, et que la Russie, qui est la seule puissance qui inspirerait de la confiance, ne figure jusqu'à présent que dans le sens et les notes de la cour de Vienne, rien ne bougera jusqu'à un développement plus clair; tellement sont enracinées les

---

съ горячею головой, доставили ему значеніе оплота и сближенія, чтобы докончить дѣло привлеченія венеціанцевъ: а добровольное или насильственное занятіе Венеціи—первый шагъ на пути къ великимъ послѣдствіямъ. Я имѣлъ честь препроводить князю Чарторижскому довольно длинное донесеніе по этому предмету; и такъ какъ вы желаете знать, насколько источники могли бы внушать вамъ полное довѣріе, то могу указать вамъ среди посвященныхъ людей на свидѣтельство г-на Пино, брата военнаго министра въ Миланѣ: я былъ просто пораженъ тою обстоятельностью, съ которою г. Пино соблаговолилъ разсказать мнѣ о замыслахъ французскаго правительства; но такъ какъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ нѣтъ ничего новаго для васъ, то считаю долгомъ опустить ихъ и перейти къ другому мѣсту моего донесенія отъ 18 (30) сентября. Выписываю его цѣликомъ.

„Достовѣрно, что во Франціи огромное большинство не сомнѣвается, что эта новая война вызвана лишь сумасбродствомъ и честолюбіемъ Бонапарта. Но такъ какъ еще неизвѣстны истинныя намѣренія коалиціи, а Россія, которая одна только внушаетъ довѣріе, покуда является только въ смыслѣ и въ мотахъ вѣнскаго двора, то ничто не шевельнется, покуда дѣло не выяснится: такъ укоренились старыя опасенія насчетъ расчлененія Франціи и огромнаго

anciennes craintes sur le démembrement de la France et le trop grand abaissement de sa puissance. — Les armées partagent également cette opinion, quoique plus susceptibles d'être ramenée et de prendre une prompte détermination, si elles jugent que l'intégrité du territoire de l'ancienne France sera respecté avec les petites augmentations qui peuvent intéresser leur prétendue gloire et l'honneur national; mais c'est ici qu'il faut trancher le mot de dire en toutes lettres que la seule chose qui pourra frapper les yeux du soldat et des peuples, c'est de voir que les coalisés présentent et aident efficacement pour lui seul le souverain légitime de la France, en le mettant adroitement en opposition avec celui qui bouleverse tout et qui les a forcés de prendre les armes. Il serait sans doute impolitique de paraître vouloir donner aux français un souverain qui ne serait pas de leur choix, et les deux cours impériales ne peuvent pas, dans leur sagesse et dans les circonstances actuelles, revenir sur des circonstances déjà prises avec le nouveau gouvernement; cependant on pourrait arriver au même but par une autre direction et se servir de cette nouvelle arme, plus puissante que toutes les autres, qui est celle de l'opinion. Ce serait de faire paraître à une des armées un prince de la maison de France qui parlerait dans l'occasion au nom du roi, son maître, qui pourrait selon les évènements former un corps à cocarde blanche, et dans le cas que ce prince ne pût pas être présenté dans ce moment-ci à l'ennemi dans les rangs

---

пониженія ея могущества. — Войска раздѣляютъ это мнѣніе; хотя ихъ легче переубѣдить и привести къ быстрому рѣшенію, если только они поймутъ, что земля старой Франціи сохранится въ своей неприкосновенности и съ маленькими надбавками для удовлетворенія ихъ мнимой славы и національной чести. Но тутъ уже нужно сказать прямо и буквально, что одно только можетъ ослѣпить солдата и народъ: это—если они увидятъ, что коалиція представляетъ и дѣятельно поддерживаетъ ради него самого законнаго монарха Франціи, ловко ставя его поперекъ дороги тому, кто все переворачиваетъ и принудилъ ее взяться за оружіе. Конечно, было бы неполитично обнаруживать желаніе дать французамъ монарха не по ихъ выбору; и оба императорскіе дворы не могутъ, при ихъ благоразуміи и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, отступить отъ принятыхъ обязательствъ относительно новаго правительства; но можно бы достигнуть той же цѣли другимъ путемъ, пользуясь тѣмъ новымъ и самымъ могущественнымъ орудіемъ, которое называется общественнымъ мнѣніемъ. Для этого нужно, чтобы въ одной изъ армій появился одинъ изъ принцевъ французскаго дома, который говорилъ бы, при случаѣ, отъ имени своего государя, короля, и могъ бы, по обстоятельствамъ, составить корпусъ съ бѣлой кокардой. Еслибы въ эту минуту этому принцу нельзя было появиться

de la grande armée impériale, celle du roi de Suède pourrait ne pas offrir les mêmes difficultés, tandis que des officiers généraux français, au service de la Russie et de l'Autriche, seraient désignés pour être chefs de corps de troupes légères et employés dans les commencements à établir la désertion ordinaire qui a lieu à la guerre, pour servir ensuite de noyaux, selon le temps et les circonstances, à la formation de véritables troupes royales aux ordres et à la disposition du souverain légitime. — Je ne me suis engagé dans cette discussion qui m'est seulement dictée par mon zèle pour le succès des coalisés, qu'après avoir très murement observé que les troupes françaises ne s'ébranleront pas d'une manière marquante, sans avoir la certitude de ce que je viens d'avancer, et que ce n'est qu'alors qu'elles se livreront sans crainte et sans danger à l'espoir consolant de voir enfin un terme à leur propre calamité en étant bien plus flattées d'appartenir au successeur de leur ancien souverain qu'à celui dont l'origine blesse leur orgueil et leur amour-propre, et qui n'est plus à leurs yeux qu'un simple aventurier dont le charlatanisme, la cruauté et l'égoisme ne cesse de révolter... — Massena a paru à l'armée d'Italie sans avoir pu y exciter une émulation inquiétante, quoiqu'on rende justice à ses talents militaires; car il est, comme général, celui dont on fait certainement le plus de cas et qui peut le plus électriser la valeur du soldat. Son aversion pour Bo-

---

передъ непріятелемъ въ рядахъ великой императорской арміи, то армія шведскаго короля не представитъ затрудненій для этого. Между тѣмъ французскіе штабные офицеры, состоящіе на русской и австрійской службѣ, должны быть назначены начальниками корпуса легкихъ войскъ; и ихъ первымъ дѣломъ было бы устроить обычное на войнѣ дезертирство, которое, въ свое время и при благопріятныхъ условіяхъ, послужило бы ядромъ настоящихъ королевскихъ войскъ, прямо подчиненныхъ законному государю. — Это соображеніе внушено мнѣ единственно моимъ рвеніемъ въ пользу коалиціи. И я взялся за него лишь послѣ того, какъ ясно замѣтилъ, что французскія войска не тронутся замѣтнымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ увѣрены въ сказанномъ мною.—Только тогда они безъ страха и опасности предадутся сладкой надеждѣ увидѣть наконецъ предѣлъ ихъ собственнымъ бѣдствіямъ: имъ гораздо болѣе лестно принадлежать наслѣднику ихъ прежняго монарха, чѣмъ тому, кто оскорбляетъ ихъ гордость и самолюбіе своимъ происхожденіемъ, кто въ ихъ глазахъ не что иное, какъ простой проходимецъ, возмутительный по своей обманчивости, жестокости и себялюбію...—Массена явился въ итальянской арміи, но не былъ въ состояніи возбудить въ ней безпокойное соревнованіе, несмотря на то, что отдаютъ справедливость его военнымъ талантамъ: какъ генералъ, это, конечно, самая видная личность; и онъ больше

naparte ne peut pas être changée, malgré la grande assurance de confiance qui vient de lui être accordée, ce qui prouve seulement la disette où l'on est de véritables généraux; et je ne désespère pas, selon les circonstances et en employant auprès de lui un peu d'adresse, de lui voir jouer un rôle intéressant. Il paraît vouloir se replier sur Peschèra et Mantou en occupant la ligne du Mincio au passage de l'Adige et au premier mouvement de m. l'archiduc Charles; et il se flatterait de s'y défendre avec les cinquantes milles hommes qu'il a pu rassembler, s'il n'était pas très inquiet de la diversion que peuvent et doivent faire les russes sur les côtes de l'Adriatique et du royaume de Naples"...

J'ai eu ensuite l'honneur d'exposer dans mon rapport du 29 septembre (11 octobre) que m. Rostagny en était à soutenir l'échafaudage chancelant de ses trames par tout ce qui pouvait faire espérer aux partisans de la France un prochain rapprochement avec la maison d'Autriche dans le sens et les vues de Bonaparte, qui aurait tout le temps de donner une grande extension à ses forces et à celles de ses alliés pour amener les choses à ce rapprochement momentané; et j'ajoutais que le travail qui avait lieu au quartier général de Massena, portait sur des bases toutes contraires, comme vous allez en juger par l'article suivant.

„On n'y parle que des succès de l'armée, qui a passé le Rhin, que l'on évalue à plus de deux cent milles hommes. On y fait arriver et

---

всѣхъ можетъ поднять доблесть солдатъ. Его отвращеніе къ Бонапарту неизмѣнно, несмотря на только-что оказанное великое довѣріе къ нему, которое доказываетъ только, какъ нуждаются въ настоящихъ генералахъ; и я не теряю надежды видѣть его въ любопытной роли, если поблагопріятствуютъ обстоятельства и если подойти къ нему съ нѣкоторою ловкостью. Онъ, кажется, хочетъ стянуть свои войска къ Пескьерѣ и Мантуѣ, занимая линію Минчьо при переходѣ черезъ Эчъ и при первомъ движеніи эрцгерцога Карла. Онъ надѣется защищаться тамъ съ 50,000 человѣкъ, которыя ему удалось собрать; его безпокоитъ только движеніе, которое могутъ и должны сдѣлать русскіе на берегахъ Адріатики и Неаполитанскаго королевства"...

Затѣмъ я имѣлъ честь изложить въ моемъ донесеніи отъ 29 сентября (11 октября), что г. Ростаньи старается поддерживать колеблющееся зданіе своихъ козней, всячески внушая надежду приверженцамъ Франціи на скорое сближеніе съ австрійскимъ домомъ въ интересахъ Бонапарта, у котораго будетъ достаточно времени широко развернуть свои силы и силы своихъ союзниковъ, чтобы привести дѣло къ этому мимолетному сближенію. Я прибавилъ, что работа, совершившаяся въ главной квартирѣ Массены, покоилась совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ, какъ вы увидите изъ слѣдующей выписки.

„Тамъ только и рѣчи, что объ успѣхахъ арміи, перешедшей Рейнъ, въ

circuler de prétendues lettres de Murat et de généraux marquants pour assurer que les autrichiens sont en pleine retraite et que les russes seront battus en détails; et on a même déjà fait paraître la relation d'un petit engagement qui a procuré à l'invincible Bonaparte trente milles prisonniers autrichiens. A cette tactique se joint celle de faire mouvoir sans cesse les troupes et surtout les avant-postes, ce qui a été de tout temps en usage parmi les français, soit pour marquer les points d'attaque ou de défense, soit pour tenir en haleine le soldat et ne pas donner aux différents corps le temps de s'entendre entr'eux et de former des plans dangereux de mécontentement et de désertion. Il sera donc aisé de voir que m. Rostagny et le général Massena en sont déjà chacun dans leur genre, à ce qui peut ranimer l'esprit du soldat et des partisans de la France, pour faire diversion aux dispositions très peu favorables qui se sont manifestées, tandis que le soldat coalisé fait espérer par son excellente volonté des succès prompts et rapides.— Je voudrais seulement que quelques généraux autrichiens qui peuvent avoir de l'influence, sans négliger assurément toutes les précautions nécessaires devant un ennemi qu'il faut même combattre à outrance pour le vaincre, pussent entendre et mieux concevoir qu'il y aurait encore d'autres moyens d'adresse pour se procurer une supériorité avantageuse, et ne fussent pas très persuadé qu'il n'y a que la mort de tous les français

---

которой насчитываютъ болѣе 200,000 человѣкъ. Тамъ говорятъ о какихъ-то письмахъ Мюрата и видныхъ генераловъ и даже распространяютъ ихъ, стараясь увѣрить, будто австрійцы совсѣмъ отступаютъ, а русскіе будутъ побиты по частямъ. Уже толкуютъ о появленіи донесенія объ одномъ небольшомъ дѣлѣ, доставившемъ ненобѣдимому Бонапарту 30,000 австрійскихъ плѣнныхъ. Другая тактика состоитъ въ томъ, что вѣчно передвигаютъ войска, и особенно передовые посты: это всегдашній обычай французовъ; цѣль его—частью обозначать мѣста нападенія или защиты, частью держать солдата насторожѣ и не давать времени разнымъ корпусамъ сговариваться, составлять опасные замыслы насчетъ волненій и дезертирства. Легко видѣть, что г. Ростаньи и генералъ Массена—оба молодцы въ своемъ родѣ касательно возбужденія надеждъ въ солдатахъ и приверженцахъ Франціи съ цѣлью предотвратить проявившееся неблагопріятное настроеніе, такъ какъ солдаты коалиціи внушаютъ своею прекрасною волей надежду на быстрый успѣхъ. — Мнѣ хотѣлось бы только, чтобы нѣкоторые изъ вліятельныхъ австрійскихъ генераловъ, не пренебрегая, конечно, всѣми нужными предосторожностями относительно врага, котораго можно побѣдить лишь послѣ отчаянной борьбы, могли наконецъ понять, что есть и другія ловкія средства взять верхъ: мнѣ хотѣлось бы, чтобы они не твердили одно—будто только истребленіе всѣхъ французовъ, одного за

les uns après les autres qui peut détruire en eux cet attachement inextinguible pour Bonaparte ou la révolution... — Le dernier relevé des forces françaises du quartier général de m. l'archiduc Charles était porté à soixante et dix milles hommes avec les derniers renforts qui ont passés le Mont-Cénis. Le général Massena ne pourrait pas cependant disposer de toutes ces forces, s'il était promptement attaqué; mais il ne paraît pas devoir l'être, s'il ne provoque pas lui-même les hostilités. On est seulement sur le qui-vive depuis le 8, et le même jour on a interrompu toutes les communications sur la rive droite de l'Adige. — J'ai su depuis peu d'une manière à peu près positive, que Bonaparte avait fait tout son possible pour ranimer le zèle ou l'ambition de Massena. Il lui a formellement annoncé qu'il ne tenait qu'à lui de se faire duc de Venise, et je suis d'autant plus porté à croire cette promesse, que Rostagny avait fait espérer aux vénitiens un souverain de leur choix et pris dans leurs anciennes familles, pour achever de gagner la noblesse et le peuple du pays, bien entendu que ce petit souverain serait, comme les autres, tributaire ou feudataire du royaume de l'Italie. On voit que ce qui a été promis à Massena, l'est peut-être déjà, ou le sera, pour ce qui peut concerner l'état ecclésiastique et le royaume de Naples; et Bonaparte adoptera le national ou l'étranger, qui se fera, comme lui, chef de parti et que la fortune secondera le tout, sans aucun doute,

---

другимъ, можетъ разрушить въ нихъ эту неискоренимую привязанность къ Бонапарту и къ революціи... По послѣднему списку въ главной квартирѣ эрцгерцога Карла, французскихъ войскъ насчитывается 70,000 человѣкъ вмѣстѣ съ послѣдними подкрѣпленіями, перешедшими черезъ Монсени. Но генералъ Массена не могъ бы располагать всѣми этими силами, въ случаѣ скораго нападенія; впрочемъ врядъ-ли это случится, если только онъ самъ не вызоветъ враждебныхъ дѣйствій. Находятся только насторожѣ съ 8-го числа; съ того же дня прервали всѣ сообщенія на правомъ берегу Эча... Недавно я узналъ почти достовѣрно, что Бонапартъ всячески старается возбудить рвеніе или честолюбіе Массены. Онъ прямо возвѣстилъ ему, что отъ него самого зависитъ стать герцогомъ венеціанскимъ. Я тѣмъ болѣе склоненъ вѣрить этому обѣщанію, что Ростаньи внушаетъ венеціанцамъ надежду имѣть государя по собственному выбору и изъ ихъ древнихъ фамилій, чтобы окончательно склонить на сторону Франціи знать и народъ той страны: само собой разумѣется, что этотъ государикъ, подобно всѣмъ другимъ, будетъ данникомъ или вассаломъ Итальянскаго королевства. А то, что обѣщано Массенѣ, быть можетъ, уже обѣщано или будетъ обѣщано въ отношеніи Церковной области и Неаполитанскаго королевства; и Бонапартъ приметъ туземца или иностранца—все равно, лишь бы онъ сталъ, подобно ему, главой партіи. Безъ всякаго со-

pour étager et soutenir la sienne propre. Il a été si complètement la dupe de ses espérances et de sa politique, qu'il rougit actuellement de son trop de confiance et de sa grande sécurité. On le verra faire de la plus grande partie du continent, si on lui en laisse le temps et les moyens, ce que les flibustiers ont pu réaliser autrefois sur mer, par l'appel et le ralliement qu'il donnera à tous les aventuriers de tous les pays, et en se servant des ressources et des moyens que la révolution a pu procurer aux têtes les plus ardentes et les plus volcanisées. Enfin, on voit déjà partir de Milan de nouveaux brandons de feu, ainsi que les plus révoltantes et dégoutantes diatribes contre les coalisés; et le soldat français est travaillé de ces côtés-ci, dans le sens du plus parfait sans-culottisme"...

J'ai l'honneur de vous prévenir, que j'ai quitté Venise depuis quelques jours, et je me suis établi ici pour être plus à portée d'observer l'esprit et les mouvements de l'armée française. Je ne sais cependant, si je pourrai suivre de proche en proche les opérations tant que je ne serais pas hautement avoué et employé par ma cour. J'ai pris la liberté de le mander à m-rs le prince de Czartorysky et comte de Rasoumoffsky, et j'oserai vous prier d'appuyer le changement de position que je sollicite, si on juge que mes occupations peuvent être de quelques utilités. Vous jugerez mieux que personne qu'une existance équi-

---

нѣнія, счастье поможетъ всему, чтобы поддержать его собственную фортуну. Онъ уже служилъ такимъ полнымъ игралищемъ своихъ надеждъ и своей политики, что теперь краснѣетъ отъ излишка своей довѣрчивости и чувства безопасности. Дайте ему время и средства—и увидите, что онъ сдѣлаетъ изъ бо̀льшей части материка то, что̀ дѣлали, бывало, морскіе разбойники на водахъ: онъ призоветъ и соединитъ всесвѣтныхъ проходимцевъ и воспользуется всѣми средствами, которыя только можетъ доставить революція самымъ горячимъ и бурливымъ головамъ. Наконецъ изъ Милана вотъ уже летятъ новые головешки, а также самая возмутительная и отвратительная брань противъ коалиціи; и уже съ этой стороны обдѣлываютъ французскаго солдата въ смыслѣ чистѣйшаго санкюлотизма"...

Честь имѣю предупредить васъ, что, нѣсколько дней тому назадъ, я покинулъ Венецію и остановился здѣсь, чтобы удобнѣе наблюдать за духомъ и движеніями французской арміи. Но не знаю, можно-ли мнѣ будетъ слѣдить шагъ за шагомъ за дѣйствіями, если я не буду громко признанъ моимъ дворомъ состоящимъ у него на службѣ. Я рѣшился извѣстить объ этомъ гг. князя Чарторижскаго и графа Разумовскаго, и смѣю просить васъ поддержать мое ходатайство о перемѣнѣ положенія, если найдутъ, что мои дѣйствія приносятъ какую-нибудь пользу. Вы поймете лучше всякаго

voque nuit aux affaires, et si je dois me livrer sans ménagement à un travail délicat et pénible, il faut au moins avoir pour soi le coup d'oeil et quelques commodités. Je n'ai pas tardé de voir, à mon arrivée ici, que le général Massena avait profité avec célérité et avantage du temps, qui lui a été donné, pour augmenter et fortifier son armée. Comme il a été jugé par s. a. r. que le Tyrol était principalement menacé, et que c'était vers ce centre que Bonaparte voulait tenter un grand effort, le prince a heureusement fait filer depuis quelques jours cinq régiments pour renforcer quelques positions du Tyrol. Cette précaution ne sera pas à beaucoup près utile, puisque Massena a effectué hier le passage de l'Adige sur le pont du vieux château de Vérone: une colonne de dix milles hommes s'est fait jour au travers du pont et a dirigé sa marche par les collines vers le Tyrol. Les batteries et la partie du pont qui avaient été emportées par les français, ont été reprises par les autrichiens, et le général Voukachewitch s'est mis aux troupes de la colonne avec un corps de 10 à 12 m. hommes. Il paraît que vers le soir il avait déjà fait 7 à 8 cent prisonniers aux français, qui ont d'ailleurs perdu assez de monde au passage du pont, ainsi qu'un de leur généraux qui a été tué sur la place. — Cette tentative hardie pour pénétrer dans le Tyrol, presqu'au travers de l'armée autrichienne sur l'Adige, prouve assez que ce n'est qu'une diversion secondaire à d'autres prin-

---

другаго, что двусмысленное положеніе вредитъ дѣлу; и если я долженъ предаться, не щадя силъ, щекотливому и трудному дѣлу, то мнѣ необходимо по крайней мѣрѣ имѣть опредѣленный взглядъ и нѣкоторыя удобства. Прибывъ сюда, я не замедлилъ увидѣть, что генералъ Массена быстро и хорошо воспользовался предоставленнымъ ему временемъ для увеличенія и укрѣпленія своей арміи. Такъ какъ его королевское высочество находилъ, что Тиролю грозитъ главная опасность, и Бонапартъ хотѣлъ особенно сюда направить свои усилія, то, нѣсколько дней тому назадъ, принцъ, къ счастью, прислалъ пять полковъ для усиленія нѣкоторыхъ позицій въ Тиролѣ. Но эта предосторожность не принесетъ особенной пользы, такъ какъ Массена перешелъ вчера Эчъ по мосту стараго веронскаго замка: колонна въ десять тысячъ человѣкъ прошла черезъ мостъ и направилась холмами въ Тироль. Захваченныя французами баттареи и часть моста были отняты австрійцами, и генералъ Вукашевичъ бросился на колонну во главѣ корпуса въ 10—12 т. человѣкъ. Кажется, уже къ вечеру онъ плѣнилъ 700—800 французовъ, которые, сверхъ того, потеряли довольно много людей при переходѣ черезъ мостъ; и одинъ изъ ихъ генераловъ былъ убитъ на мѣстѣ. — Эта смѣлая попытка проникнуть въ Тироль почти черезъ австрійскую армію на Эчѣ достаточно доказываетъ, что это— лишь второстепенное движеніе въ сравненіи съ другими главными нападе-

cipales attaques, et il faut espérer qu'elles seront toutes déjouées, comme celle de ce coté-ci doit... selon toutes les probabilités de la guerre et du sens commun... [1]). M-gr l'archiduc Charles a fait passer aussi l'Adige... Le prompt départ de cet envoi ne me permet de recourir à la source des nouvelles qui sont arrivée ici à ce sujet; mais il y a tout lieu de présumer que la chose n'est pas douteuse, et que s. a. r. va et doit occuper sérieusement toutes les forces du général Massena. — Les rapports du midi de l'Italie me feraient croire, que le général St. Cyr ne tardera pas d'évacuer le royaume de Naples, pour prendre une position à Velletri sur les marais Pontins, à l'effet de pouvoir reprendre l'offensive, si les circonstances le lui permettent, ou d'être en mesure de faire sa retraite par la chaîne des Appenins, si le débarquement des russes lui en impose assez pour cela. Comme la situation des choses de ce côté demanderait un plus grand développement, et que je n'en ai pas le temps dans ce moment-ci, vous me permettrez de renvoyer cet article à la première occasion et de terminer ici ma lettre.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 141. Подлинникъ.

ніями; и нужно надѣяться, что всѣ они рухнутъ такъ же, какъ рухнетъ эта попытка, согласно со всѣми вѣроятностями войны и со здравымъ смысломъ... [1]). Эрцгерцогъ Карлъ, съ своей стороны, перевелъ черезъ Эчъ... Быстрая отправка этой посылки не позволяетъ мнѣ добраться до источника дошедшихъ сюда свѣдѣній объ этомъ; но по всему можно думать, что нельзя сомнѣваться: е. к. в-во долженъ серьезно занять всѣ силы генерала Массены. — Извѣстія изъ южной Италіи заставляютъ меня думать, что генералъ С. Сиръ не замедлитъ очистить Неаполитанское королевство и укрѣпиться въ Веллетри, на Понтійскихъ болотахъ, чтобы — или снова перейти въ наступленіе, если позволятъ обстоятельства, или сохранить возможность отступить черезъ Аппенинскій хребетъ, если высадка русскихъ принудитъ его къ тому. Но положеніе вещей съ этой стороны требуетъ болѣе обстоятельнаго описанія, а у меня сейчасъ нѣтъ времени: позвольте отложить этотъ предметъ до перваго случая и кончить на этомъ мое письмо.

---

[1]) Здѣсь пробѣлы оттого, что подлинная бумага оборвана въ этомъ мѣстѣ.

№ 51. — Пизани Чарторижскому.

Pétersbourg, 12/24 octobre 1805.

Les députés serviens qui se sont évadés de Constantinople, sont ici depuis quelques jours. Ils sont venus pour implorer la protection de S. M. I., et m. de Weydemeyer ayant voulu que j'écoute ce qu'ils avaient à dire, après les avoir entendus la première fois, j'avais mis par écrit le récit de mon entretien avec eux pour l'envoyer à v. e.; mais dans une seconde conversation leurs discours ne s'accordant pas avec ce qu'ils m'avaient dit dans la première, je leur ai dit qu'il valait mieux qu'ils exposassent eux-mêmes par écrit tout ce qu'ils avaient à dire. Il me paraît qu'ils ont des têtes dures qui n'entendent pas raison, et que les prétentions de leur nation sont de nature qu'il sera impossible à la Porte de les accorder, quand même cette puissance perderait entièrement l'espérance de pouvoir la soumettre. Si ces députés, qu'on doit supposer choisis parmi la classe la plus éclairée de leur nation, sont si têtus et irraisonables, on ne peut pas se flatter de pouvoir, par des bons offices même le plus adroitement employés auprès la Porte, obtenir à cette nation des conditions qui la contenteraient et auxquelles elle soit capable de s'en tenir. Quand je saurai le contenu de la supplique que ces députés vont présenter à m. de Weydemeyer, je prendrai la liberté de dire à

Петербургъ, 12/24 октября 1805.

Ускользнувшіе изъ Константинополя сербскіе депутаты находятся здѣсь нѣсколько дней. Они прибыли просить покровительства е. и. в-ва. Г. Вейдемейеръ пожелалъ, чтобы я выслушалъ ихъ. Выслушавъ ихъ въ первый разъ, я записалъ мой разговоръ съ ними, чтобы отправить его в. с-ву. Но при второмъ разговорѣ ихъ рѣчи не согласовались съ тѣмъ, что́ говорили они въ первый разъ. Я сказалъ имъ, что лучше, еслибы они сами изложили письменно все, что имъ хотѣлось сказать. Мнѣ кажется, они крѣпколобы и не слушаются разсудка: ихъ національныя претензіи таковы, что Порта не будетъ въ состояніи удовлетворить ихъ даже въ томъ случаѣ, когда она совсѣмъ утратила бы надежду на ихъ подчиненіе. Если такъ упрямы и неразумны эти депутаты, которые, нужно думать, выбраны среди самаго просвѣщеннаго класса ихъ націи, то нельзя надѣяться добиться для этой націи у Порты, даже путемъ самыхъ искусныхъ стараній, условій, которыя удовлетворили бы ее и которыя она была бы способна сдержать. Когда узнаю содержаніе просьбы, которую эти депутаты собираются представить г. Вейдемейеру,

v. e. mon idée sur ce qu'il y aurait à faire. Ici tout le monde est très inquiet à cause du manque absolu de nouvelles officielles sur l'état des affaires. Celles des gazettes ne sont rien moins que satisfaisantes, et on fait courir d'autres, qui le sont encore moins pour tous ceux qui sont partisans de la bonne cause. La nouvelle, que même les troupes sous le commendement de m. le général de cavalerie de Bennigsen ont eu ordre de marcher en avant, et qu'on suppose être les dernières qui restaient à garder nos frontières de ce côté-là, cause aussi quelque inquiétude.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 107. Подлинникъ.

№ 52. — Вернегъ Санковскому.

Vicence 14/26 octobre 1805.

Depuis le premier rapport que j'ai eu l'honneur de vous adresser le 7/19 octobre, j'ai eu celui d'écrire à m. le prince de Czartorysky, et il est nécessaire que je vous transcrive ici une partie de cette lettre, quand ce ne serait que pour rétablir les faits de l'affaire de Vérone, que j'ai cru un peu trop légèrement sur le témoignage de m. Barrozzi.

„J'ai vu avec un sensible plaisir, que le mécontentement se soutient et germe même davantage parmi les officiers et les soldats; quelques-uns

---

возьму на себя смѣлость высказать в. с-ву мое мнѣніе о томъ, что̀ дѣлать. Здѣсь всѣ весьма безпокоятся по поводу полнаго отсутствія оффиціальныхъ извѣстій о положеніи дѣлъ. Газетныя извѣстія вовсе не удовлетворительны; а еще распускаются другіе слухи, еще болѣе неблагопріятные для приверженцевъ праваго дѣла. Извѣстіе, что войска подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Беннигсена получили приказаніе двинуться впередъ, и что, какъ предполагаютъ, это — послѣднія войска, охраняющія наши границы съ этой стороны, также причиняетъ нѣкоторое безпокойство.

Виченца, 14/26 октября 1805.

Послѣ перваго отчета, который я имѣлъ честь препроводить вамъ 7 (19) октября, я имѣлъ честь писать князю Чарторижскому. Необходимо переписать здѣсь часть этого письма, хотя бы лишь для того, чтобы возстановить факты веронскаго дѣла, которому я повѣрилъ немного легкомысленно, основываясь на свидѣтельствѣ г-на Бароцци.

„Я видѣлъ съ большимъ удовольствіемъ, что недовольство поддерживается и даже укореняется среди офицеровъ и солдатъ: нѣкоторые изъ пер-

de ces premiers ont fait parvenir au camp autrichien que l'opinion des troupes, en général, n'était pas pour le renouvellement de la guerre, et que les choses étaient bien changées en France depuis quelque temps.— La très petite affaire qui a eu lieu ces jours-ci sous les murs de Vérone (quoique m-s Barrozzi et Marrouzzi qui se trouvaient alors dans cette ville, l'ayant présentée à leur retour ici comme un engagement et une diversion inquiétante, puisque ces m-s avaient fait passer l'Adige à un corps de 8 à 10 m. hommes et lui faisait prendre la direction du Tyrol, tandis que 2 ou 3 cents soldats, ivres d'eau de vie, ont seulement effectué ce passage), cette petite affaire, dis-je, paraît avoir encore plus prouvé le bon esprit de l'armée française; et on assure que le régiment 52-e nommément a refusé de prendre les armes, et qu'il n'y a eu qu'un ramassis de soldats que l'on avait gorgé de liqueurs fortes, qui a franchi le passage du pont, qui est d'ailleurs sous le canon du vieux château de la partie française. Ce petit corps a été bien vite pris ou dispersé, et le reste, n'ayant pas pu repasser le pont, s'est retiré un peu plus haut sur l'Adige, sous la protection de leurs batteries. — Je n'aurai pas négligé de me rendre sur-le-champ au quartier général, soit pour questionner les prisonniers français, soit pour avoir des détails plus circonstanciés sur le nom et l'emploi des généraux français, que je puis connaître, si je n'avais suivi que l'impulsion de mon zèle; mais j'ai vu,

---

выхъ увѣдомили австрійскій лагерь, что вообще войска не желаютъ возобновленія войны, и что съ нѣкотораго времени все сильно измѣнилось во Франціи.—Маленькое дѣльце, происходившее надняхъ подъ стѣнами Вероны (хотя гг. Бароцци и Маруцци, бывшіе тогда въ этомъ городѣ, представляли его, возвратившись сюда, битвой и опаснымъ движеніемъ: по словамъ этихъ господъ, корпусъ въ 8—10 т. человѣкъ перешелъ Эчъ и направился въ Тироль; а на дѣлѣ всего 200—300 пьяныхъ отъ водки солдатъ совершили этотъ переходъ), это дѣльце, говорю я, кажется, еще лучше доказало хорошій духъ французской арміи. Увѣряютъ, что именно 52-й полкъ отказался взяться за оружіе, и что только кучка солдатъ, напичканныхъ горячими напитками, перешла мостъ, который впрочемъ находится подъ выстрѣлами пушекъ стараго замка, принадлежащаго французской партіи. Этотъ маленькій корпусъ живо былъ частью взятъ, частью разсѣянъ; остальные не смогли возвратиться по мосту и удалились немного выше по Эчу подъ защиту своихъ батарей. — Слѣдуй я только порыву моего усердія, я не преминулъ бы тотчасъ же отправиться въ главную квартиру, чтобы разспросить французскихъ плѣнныхъ или получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ именахъ и должностяхъ французскихъ генераловъ, которыхъ я могу знать; но, поговоривъ откровенно съ графомъ Биссингеномъ, я увидѣлъ, что это благоразуміе съ моей стороны было одоб-

par l'ouverture franche que j'en ai fait à m. le comte de Bissingen, que cette prudence de ma part était approuvée, et que dans la position où je me trouvais, je devais joindre à mes démarches une mesure convenable. — Ce commissaire de l'armée impériale a bien voulu ensuite me confirmer les favorables dispositions de l'armée française, en ne me cachant pas qu'il désirait et qu'il jugeait même nécessaire que je fus bientôt employé, afin de pouvoir entretenir ces dispositions, en faire naître d'autres et établir enfin des rapports suivis avec quelques chefs de l'armée française. — V. a. aura daigné juger, par mon rapport de Venise, que je prévoyais la tournure que pouvaient prendre les choses, ainsi que la situation dans laquelle je me trouverais, ce qui m'oblige pour le moment de me tenir encore plus à l'écart et d'user des ménagements que m. le comte de Bissingen partage et paraît même désirer tant que je ne serai pas officiellement avoué par l'e-r, mon auguste maître".

Quoique l'évènement de Vérone soit tel que je viens de vous l'exposer, il n'est pas moins vrai, que les avant-postes autrichiens se sont un peu laissé surprendre, et m-gr l'archiduc Charles a jugé nécessaire de faire un exemple, en démettant et en renvoyant à la direction des hôpitaux m. le général Voukachewich et en cassant un colonel de croates. Les dispositions de s. a. r. paraissent être faites depuis quelques jours pour le passage de l'Adige. Il est à présumer cependant qne l'on ne prendra

---

рено, и что въ моемъ положеніи я долженъ былъ сдерживаться въ моихъ поступкахъ.—Затѣмъ коммиссаръ императорской арміи соблаговолилъ подтвердить мнѣ благопріятное настроеніе французской арміи, не скрывъ, что онъ желаетъ и даже считаетъ необходимымъ воспользоваться мною, чтобы поддерживать это настроеніе, порождать еще подобныя чувства, наконецъ установить правильныя сношенія съ нѣсколькими начальниками французской арміи. — В. пр-во, вѣроятно, соблаговолили усмотрѣть изъ моего донесенія изъ Венеціи, что я предвидѣлъ ходъ дѣлъ, а также положеніе, въ которомъ я долженъ былъ очутиться. А это заставляетъ меня теперь держаться еще болѣе въ сторонѣ и насторожѣ, что̀ одобряетъ графъ Биссингенъ, который, кажется, даже желаетъ этого, покуда и-ръ, мой августѣйшій государь, не признаетъ меня оффиціально".

Хотя веронское дѣло таково, какъ я сейчасъ изложилъ вамъ, тѣмъ не менѣе правда, что австрійскіе передовые посты были захвачены немного врасплохъ. И эрцгерцогъ Карлъ счелъ нужнымъ показать примѣръ: онъ смѣнилъ генерала Вукашевича и отправилъ его въ гошпитальное управленіе, а также разжаловалъ одного полковника кроатовъ. Въ послѣдніе дни е. кор. выс-во, кажется, готовится къ переходу черезъ Эчъ. Впрочемъ должно думать, что съ этой стороны перейдутъ въ наступленіе только тогда, когда въ Германіи и

l'offensive de ces côtés-ci, que lorsqu'on sera plus en mesure en Allemagne et dans le Tyrol, et que les troupes russes seront arrivées en renforts suffisants. — Il n'y a pas de doute que les français d'Italie, malgré toutes leurs plaintes et leur mécontentement, se battront comme ceux d'Allemagne; et il faut quelques actions sérieuses et marquantes en faveur des coalisés pour achever d'ouvrir les yeux au soldat français et lui ôter ce prestige, que la victoire marchera toujours sur les pas de Bonaparte. — Les français peuvent et doivent même détester celui qui les opprime de tant de manière, mais ils sont idolâtres de leur amour-propre à la guerre; et leurs succès peuvent encore leur faire illusion. Il faut donc un plus grand développement dans les affaires et la destruction des troupes d'élites, que Bonaparte a su mettre en avant, pour juger avec certitude et consolation, que la nation française politique et guerrière, ne voudra pas sacrifier ses moyens et son existence à la fortune de Bonaparte et seconder toutes les folies de son audace et de son ambition. Il faut laisser user toute la perfidie et la dégoutante mauvaise foi que le gouvernement français vient encore de produire aux yeux de toute l'Europe, et lorsque les grandes puissances auront enfin établi cette paix morale, par l'heureux accord des principes de modération et de désintéressement qui les animent, on verra se former les véritables éléments de celle qui doit enfin procurer la tranquillité et le repos à la

---

Тиролѣ получше оправятся и когда русскія войска подойдутъ въ достаточномъ количествѣ.—Нѣтъ сомнѣнія, что французы будутъ драться въ Италіи такъ же, какъ и въ Германіи, несмотря на всѣ ихъ жалобы и недовольство: нужны серьезныя и видныя дѣйствія въ пользу коалиціи, чтобы окончательно открыть глаза французскому солдату и разсѣять передъ нимъ это обаяніе, будто побѣда всегда будетъ слѣдовать по стопамъ Бонапарта.—Французы могутъ и даже должны ненавидѣть того, кто всячески угнетаетъ ихъ; но ихъ божокъ—военное самолюбіе; а успѣхи могутъ ослѣплять ихъ еще больше. Стало-быть, нужны болѣе громкія дѣла, нужно уничтоженіе отборныхъ войскъ, которыя Бонапартъ съумѣлъ выдвинуть, — и тогда можно будетъ навѣрно и съ отрадой видѣть, какъ французы, эта политическая и воинственная нація, не захотятъ жертвовать своими средствами и своимъ существованіемъ счастью Бонапарта и поддерживать всѣ безумства, порождаемыя его дерзостью и честолюбіемъ. Пусть французское правительство доводитъ до конца въ глазахъ всей Европы все свое вѣроломство и отвратительную лживость. И когда великія державы установятъ наконецъ этотъ нравственный миръ путемъ счастливаго совпаденія одушевляющихъ ихъ правилъ скромности и безкорыстія, тогда-то обнаружатся истинныя основанія того мира, который долженъ доставить, наконецъ, спокойствіе нынѣшнему поколѣнію.—Подкинутыя въ австрій-

génération présente. — Les adresses, qui ont été jetées dans le camp autrichien, prouvent, comme je l'ai déjà mandé, que Bonaparte veut encore se servir de toutes les ressources de la plus infernale révolution pour soulever les peuples; mais il faut croire avec toute confiance, que ces dernières convulsions du délire et de l'anarchie expireront devant le courage, l'énergie et le noble dévouement des armées impériales. — P. S. Les régiments qui avaient été envoyés de ce côté-ci dans le Tyrol, revenant à l'armée de s. a. r. on se flatte qu'il n'y a rien à craindre dans cette partie si intéressante et le centre des opérations.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 142. Подлинникъ.

№ 53. — Низами Чарторижскому.

Pétersbourg, 18/30 octobre 1805.

Le 16 de ce mois j'ai reçu la lettre que v. e. m'a fait l'honneur de m'adresser le 8 du même mois de Kozinitza, avec toutes les annexes, et je me suis d'abord mis à exécuter ses ordres le mieux qu'il m'a été possible.—V. e. ayant écrit à m. de Weydemeyer, que les ratifications devraient être faites précisément comme celles des actes de l'alliance 1798, dans lesquelles on avait mis les dates des pleins pouvoirs des ministres qui les avaient conclus, et ici n'ayant pas pu trouver les dates

---

скій лагерь воззванія доказываютъ, какъ я уже извѣщалъ, что Бонапартъ все еще желаетъ пользоваться всѣми средствами самой адской революціи, чтобы возмущать народы; но нужно вполнѣ надѣяться, что эти послѣднія судороги сумасбродства и безначалія исчезнутъ передъ бодростью, рвеніемъ и благородною преданностью императорскихъ армій.—P. S. Посланные отсюда въ Тироль полки возвратились къ арміи е. кор. выс-ва, и надѣются, что нечего бояться съ этой, столь любопытной, стороны, которая составляетъ средоточіе военныхъ дѣйствій.

Петербургъ, 18/30 октября 1805.

16-го этого мѣсяца я получилъ письмо, которымъ в. с-во почтили меня 8-го того же мѣсяца изъ Козиницы, со всѣми его приложеніями, и прежде всего взялся за исполненіе вашихъ приказаній въ возможно лучшемъ видѣ.— В. с-во писали г. Вейдемейеру, чтобы составить ратификаціи именно въ томъ видѣ, какъ были составлены ратификаціи бумагъ о союзѣ 1798; а въ послѣднихъ были проставлены числа полномочій подписавшихъ ихъ министровъ. Но здѣсь не нашлись числа полномочій, данныхъ г. Италинскому — и возникло

des pleins pouvoirs donné à m. d'Italinsky, on s'est trouvé embarrassé sur la rédaction des ratifications qui sont expédiées à v. e. par le courrier porteur de la présente. Comme l'omission de la date des pleins pouvoirs est absolument sans aucune conséquence et même tout-à-fait inutile, j'ai pris sur moi qu'on fasse les ratifications sans différer leur confection et expédition pour une chose qui n'est pas du tout nécessaire. De même pour accélérer leur expédition, j'ai pris aussi sur moi qu'on ne les fasse pas en double, ce qui était nécessaire pour le traité de Caynardgi, car jusqu'à ce temps-là il n'y avait pas d'exemple que les empereurs ottomans eussent signé un traité, se bornant à y mettre leur *Toura*, qui est un chiffre équivalant au cachet impérial; et sur l'incertitude de réussir à faire signer par le sultan la ratification du susdit traité, on a envoyé d'ici une signée de S. M. I. la défunte impératrice et une autre avec le cachet impérial; et comme nous avons alors réussi à faire signer au sultan la sienne, et qu'après cet exemple la Porte n'a plus fait la moindre difficulté de faire signer par le sultan toutes les ratifications des traités, l'envoi de celles avec le seul cachet et sans la signature impériale quoique devenu tout-à-fait inutile, le collége par habitude a continué à les envoyer en double. Je trouve même qu'il serait très préjudiciable dans ce moment de demander à la Porte, si elle voudra donner sa ratification avec le seul *Toura* ou cachet, ou avec le cachet et signa-

---

затрудненіе насчетъ редакціи ратификацій, отправленныхъ къ в. с-ву съ курьеромъ, который везетъ настоящее письмо. Такъ какъ пропускъ числа полномочій не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій и даже совсѣмъ безполезенъ, то я взялъ на свою отвѣтственность составить и отправить ратификаціи тотчасъ же, не замедляя ихъ изъ-за вовсе ненужной вещи. Чтобы ускорить ихъ отправку, я также взялъ на свою отвѣтственность не писать ихъ вдвойнѣ. Это было нужно только при заключеніи кайнарджійскаго мира: до тѣхъ поръ не было примѣра, чтобы оттоманскіе императоры подписывали договоръ: они ограничивались приложеніемъ своей *туры* — шифра, равнозначительнаго съ императорскою печатью. А такъ какъ не надѣялись, чтобы султанъ подписалъ ратификацію сказаннаго договора, то послали отсюда подпись ея и. в-ва покойной императрицы и еще другую подпись съ императорскою печатью. Но намъ удалось тогда заставить султана подписать свою ратификацію, и Порта послѣ этого примѣра не дѣлала никакихъ затрудненій въ подписаніи султаномъ всѣхъ ратификацій договоровъ; тѣмъ не менѣе, коллегія по привычкѣ все посылала ихъ вдвойнѣ, хотя уже отправка одной изъ нихъ съ печатью и безъ императорской подписи стала совсѣмъ безполезной. Думаю даже, что въ эту минуту было бы вредно спрашивать Порту, какъ угодно дать ей свою ратификацію — съ одною *турой*, т.-е. печатью, или съ печатью и подписью

ture du sultan, car elle pourrait préférer la première de ces deux formes, qui n'étant plus en usage, serait de nulle valeur. Vu ces raisons que je viens d'exposer à v. e., je crois qu'elle ne me saura mauvais gré de n'avoir pas retardé l'expédition des ratifications, pour suivre un vieux préjugé dont l'observence est non-seulement inutile, mais très nuisible. — J'envoie ci-inclus à v. e. le projet de la lettre de S. M. I. au sultan avec sa traduction en russe. Comme je suis dans la certitude, que v. e. y fera des changements, que je ne sais pas même le jour qu'elle pourrait être signé pour mettre la date, et que je n'ai pas la tête assez calme pour pouvoir faire la traduction en turc, qui ne peut pas se faire avec promptitude, v. e. me pardonnera, j'espère, cette omission, puisque cette lettre n'est pas de nature qu'il soit nécessaire que le sultan puisse la lire avant que son contenu soit connu de ses ministres, et il suffira qu'à l'original en russe soit annexée une traduction en français. Je prie v. e. de ne pas attribuer la susdite omission à ma paresse, car il m'a fallu courir d'un côté et d'autre, et à cause de mon extrême vivacité naturelle dont il m'est impossible de me corriger, je me trouve tellement affaibli, que je ne suis pas en état pour le moment de faire une traduction en turc, qui est une tâche dont on ne saurait connaître la grande difficulté sans savoir bien cette langue. — Présentement il ne convient pas de faire usage du projet de la lettre

---

султана: она могла бы предпочесть первую изъ этихъ формъ; а она не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ уже вышла изъ употребленія. Въ виду только-что изложенныхъ в. с-ву причинъ, я думаю, что вы не посѣтуете на меня за то, что я не задержалъ отправки ратификацій изъ-за стараго предразсудка, соблюденіе котораго не только безполезно, но и очень вредно.—Посылаю при семъ в. с-ву черновую письма е. и. в-ва къ султану, съ переводомъ его на русскій языкъ. Я увѣренъ, что в. с-во сдѣлаете въ немъ поправки; я не знаю даже дня, когда оно будетъ подписано, чтобы проставить число; я не довольно спокоенъ, чтобы перевести потурецки, чего не сдѣлаешь скоро. Въ силу всего этого, надѣюсь, что в. с-во простите мнѣ это упущеніе, такъ какъ это письмо не такого рода, чтобы султану было необходимо прочесть его прежде, чѣмъ его министры узнаютъ его содержаніе, и достаточно прибавить къ русскому подлиннику французскій переводъ. Прошу в. с-во не приписывать сказаннаго упущенія моей лѣности: мнѣ приходилось бѣгать взадъ и впередъ; моя природная крайняя живость, отъ которой никакъ не могу исправиться, до того ослабила меня, что въ эту минуту я не въ состояніи сдѣлать переводъ на турецкій языкъ, что̀ представляетъ такую трудную задачу, о которой могутъ судить только хорошо знающіе этотъ языкъ. — Покуда не слѣдуетъ пускать въ ходъ ни черновую письма ея в-ва вдовствующей императрицы къ султаншѣ-

de la part de S. M. Impératrice douairière à la sultane validé, ni du présent destiné à cette princesse, mais il vaut mieux remettre cette mesure lorsqu'il surviendra quelque circonstance qui la rendra nécessaire. J'en dis autant de la remise de la somme d'argent que S. M. I. a voulu faire envoyer à m. d'Italinsky, car il ne convient pas de donner de l'argent aux ministres qui sont en place, ni d'intriguer contr'eux, sans qu'ils aient donné motif, que notre cour souhaite leur changement. Il vaut mieux que les présents qui leur seront déstinés, soient plus riches qu'à l'ordinaire, surtout les pelisses qui leur sont d'un grand usage. L'envoi de la susdite somme sans la moindre nécessité est inutile, et il vaudrait mieux la reserver pour une autre occasion. — Si nous sommes déjà en guerre avec la France, et que S. M. I. renverra d'ici les citoyens français, il faudrait ordonner à m. d'Italinsky de porter la Porte d'en faire autant, en leur fixant un court terme pour arranger leurs affaires, afin qu'ils ne puissent pas former après des prétentions exorbitantes, comme ils ont fait à la dernière paix. Si nos opérations du côté de l'Italie vont commencer, on pourrait aussi dès à présent demander à la Porte un corps de troupes desquelles le meilleur usage qu'on pourrait faire, selon moi, serait de les employer au siège de l'île d'Elbe, dont il faudrait absolument déposséder les français. — S. e. m. de Tchiczagoff que j'ai été voir, m'a dit qu'il avait déjà envoyé à S. M. I. son plan

---

валидэ, ни предназначенный этой принцессѣ подарокъ: лучше отложить эту мѣру до того времени, когда подойдетъ случай, сдѣлающій ее необходимою. То же скажу о врученіи суммы, которую е. и. в-ву угодно было послать г. Италинскому: не слѣдуетъ ни давать деньги существующимъ министрамъ, ни строить козни противъ нихъ, пока они не подадутъ поводовъ нашему двору желать ихъ смѣщенія. Пусть назначаемые имъ подарки будутъ богаче, чѣмъ обыкновенно, въ особенности шубы, которыя въ большомъ ходу у нихъ. Отправка сказанной суммы безъ всякой нужды безполезна: лучше сохранить ее для другаго случая.—Если мы уже въ войнѣ съ Франціей, и если е. и. в-во вышлетъ отсюда французскихъ гражданъ, то слѣдуетъ приказать г. Италинскому склонить Порту къ тому же, назначая имъ короткій срокъ для устройства своихъ дѣлъ: иначе потомъ они выставятъ непомѣрныя притязанія, какъ случилось при послѣднемъ мирѣ. Если мы станемъ дѣйствовать со стороны Италіи, то можно бы также теперь же потребовать у Порты корпусъ войскъ, который, по силѣ, было бы лучше всего употребить на осаду о. Эльбы, который необходимо отнять у французовъ. — Е. пр-во Чичаговъ, съ которымъ я видѣлся, сказалъ мнѣ, что онъ уже послалъ е. и. в-ву свой планъ содѣйствія намъ Порты въ борьбѣ съ Франціей; и я предполагаю, что онъ уже въ рукахъ в. с-ва. Судя по его словамъ, я думаю, что предполагаемыя имъ требо-

relatif à la coopération de la Porte contre la France; et je suppose que v. e. l'aura entre ses mains. En jugeant de ce qu'il m'a dit, je trouve, que les demandes qu'il propose d'être faites à la Porte, sont de nature à pouvoir être accordées de cette puissance. Elles consistent, que celle-ci donne une quinzaine de mille hommes de ses troupes et la flotte pour agir selon la disposition du commandant de celle de S. M. I.; mais pour que cette dernière condition puisse être mise en pratique, il faudrait que le capitan pacha n'eût pas le commendement de la flotte ottomane, qui devra agir avec la nôtre. Il ne conviendrait pas cependant que m. d'Italinsky fasse aucune de ces demandes avant qu'il ait échangé les ratifications.—D'après le contenu de la lettre et supplique de Tayar pacha, dont j'envoie à v. e. les traductions, j'ai quelques heures après les avoir reçu expédié par estafette une lettre à l'assesseur Markar à Nicolaeff, dans une autre que j'ai écrit à m. le marquis de Traversay par lesquelles, en leur donnant la nouvelle du renouvellement de l'alliance avec la Porte et des malheureuses circonstances de Tayar pacha, j'ai prescrit au susdit assesseur de différer son départ pour Trébisonde jusqu'à nouveaux ordres; et j'espère que v. e. approuvera cette démarche, dès qu'elle lira les susdites traductions. Après avoir été, conséquemment à son ordre, pour remettre à s. e. le comte de Kotchoubey ces traductions, il m'a dit d'avoir reçu un rapport par lequel on lui a donné la nouvelle que Tayar pacha, avec quatre vingt grecs et arméniens, s'était enfui de

---

ванія отъ Порты такого рода, что они будутъ исполнены этою державой. Они состоятъ въ томъ, чтобы Порта дала 15,000 человѣкъ войска и флотъ, которые дѣйствовали бы по усмотрѣнію начальника флота е. и. в-ва. Но, чтобы исполнить это послѣднее условіе, капитанъ-паша не долженъ начальствовать оттоманскимъ флотомъ, который долженъ дѣйствовать заодно съ нами. Впрочемъ, г. Италинскій не долженъ предъявлять никакого изъ этихъ требованій раньше обмѣна ратификацій. — Посылаю вамъ переводъ письма и просьбы Тайяръ-паши. Нѣсколько часовъ спустя по полученіи ихъ, я послалъ эстафетой письмо къ ассессору Маркару въ Николаевъ, вложивъ его въ письмо къ маркизу Траверсэ. Въ нихъ я заявляю о возобновленіи союза съ Портой и о бѣдствіяхъ, постигшихъ Тайяръ-пашу, и предписываю помянутому ассессору отложить отъѣздъ въ Трапезунтъ до новыхъ приказаній. Надѣюсь, что в. с-во одобрите эту мѣру, какъ только прочтете помянутый переводъ. Послѣ, когда я былъ съ этимъ переводомъ у е. с-ва графа Кочубея, по его приказанію, онъ сказалъ мнѣ, что получилъ донесеніе о томъ, что Тайяръ-паша бѣжалъ изъ Трапезунта, вмѣстѣ съ 80 греками и армянами, на трехъ небольшихъ судахъ, которыя направились къ берегамъ Фазиса. Весьма вѣроятно, что эта новость была уже извѣстна въ Николаевѣ до прибытія Маркара, и этотъ послѣдній

Trébisonde sur trois petits bâtiments, qui se sont dirigés vers les côtes du Phase. Il est très probable que cette nouvelle était déjà sue à Nicolaeff avant l'arrivée de Marcar et que celui-ci ne soit pas parti pour Trébisonde. Cette catastrophe de Tayar est bien fâcheuse, car il nous serait toujours dévoué, et on ne pourra pas espérer qu'il soit remplacé par un gouverneur qui nous soit favorable. Présentement il est nécessaire l'établissement d'un consul russe à Trébisonde qui est un endroit très intéressant à être surveillé d'autant plus que la France y tient un agent pour nous susciter de mauvaises affaires. — Selon l'ordre que v. e. m'a donné, je joins à celle-ci une copie de la liste des présents qui ont été donné aux ministres de la Porte à l'échange des ratifications des actes de l'alliance de 1798, que j'ai fait extraire de la dépêche ci-jointe de m. Tamara. Il me paraît que l'assortiment des présents donnés alors, n'est pas du tout propre à être suivi, et je crois qu'il conviendrait beaucoup mieux adopter celui que j'ai eu l'honneur d'envoyer à v. e. le 1/13 de ce mois et dont j'en joins ici la copie, en augmentant, s'il sera jugé nécessaire, le prix des effets y marqués. Je suis d'avis qu'il est plus utile de donner souvent des présents aux ministres ottomans d'un prix médiocre que de leur en donner de riches et rarement. — Je fais mes compliments à v. e. sur l'adhésion de s. m. le roi de Prusse à la coalition et des voeux au Ciel pour qu'elle soit sincère. — Je crois encore nécessaire de faire la remarque à v. e., qu'en voyant la diffé-

---

не отправился въ Трапезунтъ. Постигшее Тайяра бѣдствіе довольно прискорбно: онъ всегда былъ преданъ намъ, и трудно надѣяться, чтобы онъ былъ замѣненъ правителемъ, расположеннымъ къ намъ. Въ настоящее время необходимо завести русскаго консула въ Трапезунтѣ: это—весьма любопытное мѣсто для наблюденій, тѣмъ болѣе, что Франція содержитъ тамъ агента, чтобы дѣлать намъ гадости. — Согласно съ приказаніемъ в. с-ва, прилагаю къ настоящей депешѣ копію списка подарковъ, розданныхъ министрамъ Порты при размѣнѣ ратификацій союзнаго договора 1798 г., которую я велѣлъ извлечь изъ прилагаемой депеши г. Тамары. Мнѣ кажется, что вовсе не слѣдуетъ придерживаться тогдашняго распредѣленія подарковъ: думаю, что гораздо лучше держаться того, которое я имѣлъ честь послать в. с-ву 1 (13) текущаго мѣсяца и списокъ съ котораго прилагаю здѣсь, увеличивая, насколько это будетъ нужно, цѣнность обозначенныхъ здѣсь вещей. По мнѣ, полезнѣе давать оттоманскимъ министрамъ почаще, но не очень дорогіе подарки, чѣмъ рѣдко, но богатые.—Поздравляю в. с-во съ приступленіемъ е. в-ва прусскаго короля къ коалиціи и молю Небо, чтобы оно было искренно. — Считаю нужнымъ еще разъ замѣтить в. с-ву, по поводу разницы между двумя посылаемыми списками въ распредѣленіи подарковъ, что не слѣдуетъ придерживаться списка г. Та-

rence dans l'application des présents entre les deux listes que je lui envoie, on ne doit supposer qu'il conviendrait mieux de suivre celle de m. Tamara, car alors le grand-visir et les principaux ministres de la Porte étaient à l'armée en Palestine, et que le ministère de la Porte n'était pas sur le pied d'à présent. Il ne faut pas même faire attention au prix des cadeaux donnés alors, car la plupart avait été achetée à Constantinople par m. de Tamara, qui a fait aussi l'application selon sa fantaisie. V. e. peut être assurée que je suis incapable de lui dire une chose pour autre et sans être sûr de ce que je dis. — Je dois encore faire la remarque à v. e. que c'est la première fois que notre auguste cour envoie à la Porte ottomane des ratifications des traités écrits en français, et c'est l'inexpérience de m. d'Italinsky qui en est la cause, car il n'y a pas d'exemple que nos ministres auprès la Porte aient signé un traité dans une autre langue qu'en russe. Ils échangeaient article par article en français, et quand tout était fini, ils les rédigeaient en forme de traité en langue russe. La difficulté et presque l'impossibilité de faire une traduction entièrement conforme à l'original, et surtout à la hâte, et les conséquences qui pourraient en résulter, si tôt ou tard surviendrait une contestation sur le texte de quelque point intéressant, sont les raisons qui ont nécessité de transcrire dans ces ratifications les actes tels que m. d'Italinsky se trouve les avoir signées et échangées avec les plénipotentiaires ottomans; et v. e. peut être assurée que la Porte, au lieu

---

мары: тогда великій визирь и главные министры Порты были при арміи въ Палестинѣ, и министерство Порты было не въ томъ видѣ, какъ теперь. И не должно обращать вниманія на цѣнность раздаваемыхъ тогда подарковъ: бо́льшая часть изъ нихъ была куплена г-мъ Тамарою въ Константинополѣ, и онъ самъ распредѣлялъ ихъ по своей фантазіи. В. с-во можете быть увѣрены, что я неспособенъ сказать одно вмѣсто другого или говорить наобумъ. — Еще я долженъ замѣтить в. с-ву, что это въ первый разъ нашъ августѣйшій дворъ посылаетъ въ Оттоманскую Порту ратификаціи договоровъ на французскомъ языкѣ. И причиной тому неопытность г. Италинскаго, такъ какъ нѣтъ примѣра, чтобы наши министры при Портѣ подписали договоръ на какомъ-нибудь языкѣ, кромѣ русскаго. Они обмѣнивали статью за статьей пофранцузски; а по кончивши всѣ, составляли ихъ, въ видѣ договора, на русскомъ языкѣ. Трудно и почти невозможно сдѣлать переводъ, вполнѣ согласный съ подлинникомъ, особенно на скорую руку; а отсюда могутъ проистекать важныя послѣдствія, если рано или поздно возникнетъ споръ изъ-за текста какого-нибудь любопытнаго мѣста: вотъ причины, заставившія внести въ эти ратификаціи бумаги въ такомъ видѣ, какъ подписалъ ихъ г. Италинскій и обмѣнялся съ оттоманскими полномочными. И в. с-во можете быть увѣрены, что

de se formaliser d'une telle nouveauté, elle sera bien aise que ces actes sont écrits dans une langue qui est familière à ses interprètes.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 108. Подлинникъ.

№ 54. — Наполеонъ I Александру I.

A Brunn, le 4 frimaire an XIV.

Sire, j'envoie mon aide de camp le général Savary près Votre Majesté pour la complimenter sur son arrivée à son armée. Je le charge de lui exprimer toute mon estime pour elle, et mon désir de trouver des occasions qui lui prouvent combien j'ambitionne son amitié. Qu'elle le reçoive avec cette bonté qui la distingue, et me tienne comme un des hommes les plus désireux de lui être agréable. Sur ce, je prie Dieu qu'il veuille avoir Votre Majesté Impériale en sa sainte et digne garde.

Pétersbourg. Cabinet, 1805, 1. Подлинникъ.

№ 55. — Александръ I Наполеону I.

Olmütz, 15/27 novembre 1805.

J'ai reçu avec bien de la reconnaissance la lettre dont le général Savary a été le porteur, et je m'empresse de vous en exprimer tous

---

Порта не только не будетъ обижена такою новостью, но будетъ очень рада, что эти бумаги написаны на языкѣ, знакомомъ ея переводчикамъ.

Брюннъ, 13/25 ноября 1805.

Государь! Посылаю къ в. в-ву моего адъютанта, генерала Савари, чтобы поздравить Васъ съ пріѣздомъ въ армію. Поручаю ему выразить все мое уваженіе къ Вамъ и мое желаніе изыскивать случаи, которые доказали бы Вамъ, какъ высоко ставлю я Вашу дружбу. Прошу принять его съ свойственною вамъ добротой и считать меня въ числѣ тѣхъ, которые особенно желаютъ сдѣлать вамъ удовольствіе. Затѣмъ молю Бога, чтобы онъ хранилъ в. и. в-во подъ своимъ святымъ и достойнымъ покровомъ.

Ольмюцъ, 15/27 ноября 1805.

Съ истинною признательностью получилъ я письмо, доставленное мнѣ генераломъ Савари, и спѣшу выразить Вамъ всю мою благодарность за него.

mes remerciments. Je n'ai pas d'autre désir que de voir la paix de l'Europe rétablie avec loyauté et sur des bases équitables. Je souhaite en même temps avoir l'occasion de pouvoir vous être agréable personnellement. Veuillez en recevoir l'assurance de même que celle de ma plus haute considération.

Pétersbourg. Cabinet, 1805, 2. Списокъ.

№ 56. — Вернегъ Санковскому.

Agram, 23 novembre (5 décembre) 1805.

J'ai toujours été par voie et par chemin, depuis la dernière lettre que j'ai eu l'honneur de vous écrire de Trieste à la dâte du 29 octobre (10 novembre); je n'ai pu adresser qu'un rapport à m. le prince de Czartorysky, que j'ai heureusement remis ici à m. le comte de Bissingen; car les postes me paraissent bien peu sûres dans le bouleversement général qui a lieu depuis quelque temps, et je n'ai jamais été à portée de profiter de l'occasion d'un courrier russe. Je vais cependant tenter de vous écrire directement sous le couvert de s. e. m. le général de Koutouzoff, et je pense que ma lettre pourra vous parvenir par... [1]). — Ayant été obligé de me refugier à *Fiume*, j'ai été forcé d'en partir bientôt pour *Zens*, où j'espérais pouvoir m'arrêter, ce petit port étant

---

Я желаю только одного — видѣть возстановленіе европейскаго мира добросовѣстнымъ образомъ и на справедливыхъ основахъ. Въ то же время желаю имѣть случай лично доставить Вамъ удовольствіе. Благоволите принять увѣреніе въ этомъ, а также въ глубочайшемъ почтеніи.

Аграмъ, 23 ноября (5 декабря) 1805.

Я былъ все время въ дорогѣ съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ честь написать вамъ изъ Тріеста отъ 29 октября (10 ноября). Я могъ препроводить князю Чарторижскому лишь одно донесеніе, которое мнѣ удалось сдать здѣсь графу Биссингену: почты, на мой взглядъ, не особенно надежны среди всеобщаго смятенія послѣднихъ дней; а мнѣ не пришлось ни разу воспользоваться русскимъ курьеромъ. Попытаюсь-ка написать вамъ прямо, въ конвертѣ е. пр-ва г. генерала Кутузова; надѣюсь, что мое письмо дойдетъ до васъ черезъ... [1]).— Я былъ принужденъ сначала бѣжать во *Фьюме*, а вслѣдъ затѣмъ—въ *Зенсъ*, гдѣ надѣялся остановиться, такъ какъ, къ счастью, этотъ маленькій портъ

[1]) Здѣсь нѣсколько словъ стерлось въ подлинникѣ.

heureusement situé dans les montagnes de la Croatie; mais voyant que l'on y embarquait tous les magasins pour *Zara*, et que l'on ne prenait aucune précaution de défense, j'ai cru devoir me retirer à *Agram* avec l'espoir d'y faire valoir les observations que j'avais pu faire sur ma route, et démontrer surtout, combien il était urgent de couvrir les frontières de la Croatie, les français cherchant à pénétrer en Dalmatie pour donner l'éveil au pacha de Scutari et autres qui sont, comme on sait, travaillés depuis fort longtemps. Enfin, après avoir soumis quelques-unes de mes remarques à m. le comte de Bissingen, ainsi qu'à m. le gouverneur d'Agram, qui m'a paru être un homme de tête et d'un véritable mérite, j'ai vu avec plaisir et consolation que l'on s'occupait des moyens qui peuvent opposer une barrière à l'ennemi dont la force n'est pas d'ailleurs assez considérable pour effectuer une grande diversion de ces côtés-ci, tandis que le général Massena s'est porté en avant avec le gros de son armée pour suivre m-gr l'archiduc Charles et l'empêcher vraisemblablement de se réunir avec les différentes masses et levées hongroises. S. a. r. a choisi et conduit avec elle un corps d'élite de 18 m. hommes, et il paraît qu'elle a laissé le reste de ses troupes avec celles de m-gr l'archiduc Jean, ce qui peut former un corps d'observation assez considérable avec celui que commande encore m. le général de Bellegarde. Il existe de plus, dans ce moment-ci, pour défendre

---

расположенъ въ горахъ Кроаціи. Но видя, что тамъ выгружаютъ всѣ магазины для отправленія въ *Зару* и не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности, я счелъ долгомъ удалиться въ *Аграмъ*, гдѣ надѣялся выставить мои путевыя наблюденія, въ особенности же доказать, какъ необходимо охранять границы Кроаціи, такъ какъ французы стараются проникнуть въ Далмацію, чтобы подманить скутарійскаго пашу и другихъ, которыхъ они, какъ извѣстно, уже очень давно обрабатываютъ. Наконецъ, я представилъ нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній графу Биссингену, а также аграмскому губернатору, который показался мнѣ человѣкомъ съ головой и истинно достойнымъ. И я увидѣлъ съ удовольствіемъ и отрадой, что тутъ озабочены принятіемъ мѣръ къ сопротивленію врагу, который, впрочемъ, не такъ силенъ, чтобы произвести большое движеніе съ этой стороны, между тѣмъ какъ генералъ Массена двинулся впередъ съ ядромъ своей арміи, слѣдуя за эрцгерцогомъ Карломъ, вѣроятно, съ цѣлью воспрепятствовать ему соединиться съ разными отрядами и наборами венгерскихъ войскъ. Е. кор. выс-во увелъ съ собой отборный отрядъ въ 18 т. человѣкъ; остальныя войска онъ, кажется, оставилъ съ войсками эрцгерцога Іоанна: вмѣстѣ съ отрядомъ генерала Бельгарда, все это составитъ довольно значительный наблюдательный корпусъ. Сверхъ того, въ эту минуту существуетъ еще защита границъ Кроаціи, отъ окрестностей *Варасдина* до

les frontières de la Croatie, depuis les environs de *Varasdin* jusqu'à *Fiume*, la levée faite en Croatie, que l'on peut évaluer de 40 à 50 m. hommes, sous les ordres des généraux Jean Jellachich et de Kniasewietch, ainsi qu'un corps de troupes réglées d'environs 25 m. hommes des bataillons de dépôts que commande m. le général Szchimchzen. Le colonel Baschiz a déjà été prendre position à *Fiume*, où a paru seulement un piquet français qui y a enlevé quelque argent; et il est à espérer qu'avec un peu d'ordre et d'énergie l'ennemi pourra être contenu de ces côtés-ci, en attendant qu'on lui porte là où vous êtes, le coup décisif. — Il était bien important de conserver les petits ports de l'Adriatique pour les approvisionnements et la communication directe avec Venise que les français voudraient enlever à tout prix. Il est fâcheux seulement de ne pas voir encore arriver au secours de cette ville des petits bâtiments de guerre russes et anglais; et il paraît que s. a. r. aurait fort désiré, d'après les fâcheuses circonstances qui ont eu lieu, que les troupes russes eussent débarqué de préférence à Venise. Enfin, il faut croire cependant, malgré la distance qui sépare les troupes russes des principales opérations, qu'elles ne tarderont pas d'en imposer par une diversion bien combinée; et elles pourront un jour donner la loi à l'Italie, si on ne se laisse pas aller à l'apathie et au découragement. Il est aisé de s'apercevoir, que ce qui occupe principalement Bonaparte,

---

Фьюме: это—наборъ, сдѣланный въ Кроаціи, который исчисляется въ 40—50 т. человѣкъ и состоитъ подъ начальствомъ генераловъ Іоанна Елачича и Княжевича, да корпусъ регулярныхъ войскъ тысячъ въ 25, составленный изъ запасныхъ батальоновъ и ввѣренный начальству генерала Чимчена. Полковникъ Башичъ уже занялъ позицію у *Фьюме:* тамъ показался лишь одинъ французскій пикетъ, захватившій немного денегъ. Нужно надѣяться, что при небольшомъ порядкѣ и рвеніи можно сдерживать врага съ этой стороны до тѣхъ поръ, пока не нанесутъ ему рѣшительнаго удара тамъ, гдѣ вы находитесь.—Было довольно важно сберечь маленькіе порты Адріатическаго моря въ видахъ снабженія припасами и прямаго сообщенія съ Венеціей, чѣмъ французы хотѣли завладѣть, во что бы ни стало. Досадно только, что еще не пришли на помощь этому городу малыя военныя суда русскія и англійскія; а е. кор. выс-во, въ виду совершившихся прискорбныхъ обстоятельствъ, кажется, очень хотѣлъ, чтобы русскія войска высадились по преимуществу въ Венеціи. Впрочемъ еще должно думать, что русскія войска, несмотря на разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ главныхъ дѣйствій, не замедлятъ произвести давленіе хорошо соображеннымъ движеніемъ; они могли бы даже вдругъ предписать законы Италіи, если только тутъ не ударятся въ бездѣйствіе и уныніе. Легко замѣтить, что, прежде чѣмъ еще попытать счастья въ Польшѣ и въ турецкихъ провинціяхъ, Бона-

avant que de tenter encore la fortune en Pologne et dans les provinces de la Turquie, c'est ce qu'il peut craindre ou espérer de la Hongrie; et quoique l'honneur et le plus noble dévouement soient le caractère distinctif de cette valeureuse nation, il est à désirer que m. le général de Koutouzoff obtienne bientôt un avantage marquant, qui achèverait d'établir une confiance générale. — Je dois vous prévenir que l'on a envoyé ici le signalement d'un français qui a paru et disparu à *Varasdin* avec un prétendu passeport de m. le général de Koutouzoff; et il m'a été assuré qu'un émissaire, envoyé au pacha de Scutarie, a été arrêté aux environs de Zens. — L'intérêt que vous avez bien voulu prendre à moi me permettra de vous renouveler, que ma position devient de jour en jour plus pénible, n'ayant point encore reçu de commission apparente pour m'occuper de ce qui peut être utile à la cause commune... — P. S. On vient de débiter que la situation des choses en Italie a forcé le général Massena de revenir sur ses pas, et qu'il a laissé seulement à la suite de s. a. r. un corps d'observation, ce prince dirigeant sa marche vers Presbourg.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 143. Подлинникъ.

партъ больше всего озабоченъ тѣмъ, чего ему опасаться или надѣяться со стороны Венгріи: хотя эта доблестная нація отличается честью и самою благородною преданностью, однако желательно, чтобы генералъ Кутузовъ поскорѣе пріобрѣлъ видный успѣхъ, который окончательно утвердилъ бы всеобщее довѣріе.—Я долженъ предупредить васъ, что сюда присланы примѣты одного француза, который появился-было въ *Варасдинѣ*, и исчезъ съ мнимымъ паспортомъ отъ генерала Кутузова; меня увѣряли еще, что въ окрестностяхъ Зенса арестованъ выходецъ, посланный къ скутарійскому пашѣ.—Участіе, которое вы соблаговолили принять во мнѣ, да позволитъ мнѣ повторить вамъ, что мое положеніе становится съ каждымъ днемъ тягостнѣе: я до сихъ поръ не получилъ яснаго порученія, чтобы заниматься тѣмъ, что̀ можетъ приносить пользу общему дѣлу...—P. S. Сейчасъ говорятъ, что положеніе дѣлъ въ Италіи заставило генерала Массену возвратиться, и что онъ оставилъ только наблюдательный корпусъ, чтобы слѣдить за е. кор. выс-мъ; а этотъ принцъ направляется къ Пресбургу.

№ 57. — Вернегъ Чарторижскому.

Agram, 2/14 décembre 1805.

J'ai l'honneur de prévenir v. a. que m-rs le colonel Chepeleff et procureur Ofzin ont passé hier ici pour se rendre à Zens. Je les ai conduit chez m. le gouverneur, comte Amadé, qui leur a fait expédier tout ce qui pouvait faciliter leur route, en cherchant à leur être utile et agréable autant qu'il a pu. — J'ai donné à ces messieurs plusieurs lettres pour Zens, qui doivent les aider à trouver un embarquement sûr et capable de résister aux petits corsaires qui infestent l'Adriatique; mais si les vents ne permettent pas la sortie du port de Zens, ce qui arrive assez souvent dans cette saison, ces messieurs iront à Zara, dont le port est mieux situé, et où les bâtiments de guerre impériaux se rendent principalement depuis l'occupation de Trieste. — M. le comte de Bissingen, ayant reparu hier ici pour passer dans quelques jours à son gouvernement de Venise, j'ai eu l'honneur de lui présenter m. le colonel Chepeleff qu'il a vu avec plaisir, en le priant de se charger de ses plus fortes instances auprès des autorités russes, pour que de petits bâtiments de guerre viennent ouvrir l'entrée de Venise aux différentes sortes d'approvisionnements qui commencent à manquer totalement dans

---

Аграмъ, 2/14 декабря 1805.

Честь имѣю предупредить в. с-во, что вчера проѣхали здѣсь гг. полковникъ Шепелевъ и прокуроръ Овцынъ, направляясь въ Зенсъ. Я проводилъ ихъ къ губернатору, графу Амадею, который велѣлъ выдать имъ все, что могло облегчить ихъ путешествіе, стараясь быть полезнымъ имъ насколько возможно.—Я далъ этимъ господамъ много писемъ въ Зенсъ, которыя должны помочь имъ найти надежное судно, способное сопротивляться мелкимъ корсарамъ, опустошающимъ Адріатическое море. Но если вѣтры не позволятъ выйти изъ зенскаго порта, что случается довольно часто въ это время года, то эти господа отправятся въ Зару: этотъ портъ лучше расположенъ, и въ него заходятъ императорскія военныя суда, особенно послѣ занятія Трieста.—Вчера здѣсь снова появился графъ Биссингенъ, намѣреваясь отправиться черезъ нѣсколько дней на свое губернаторство въ Венецію. Я имѣлъ честь представить ему г. полковника Шепелева, котораго онъ принялъ съ удовольствіемъ и просилъ передать русскимъ властямъ самыя настоятельныя его требованія прислать малыя военныя суда, чтобы начать подвозъ разныхъ припасовъ въ Венецію, недостатокъ которыхъ уже чувствуется въ этомъ городѣ. Эти господа

cette ville. Ces messieurs m'ont promis de m'écrire de Zens pour me faire part du parti qu'ils auront pris, leurs intentions étant de se rendre à Manfredonia ou au premier port du royaume de Naples sur l'Adriatique, la position de Corfou étant beaucoup trop éloignée et devant retarder leur arrivée, sans leur faire éviter l'inconvénient des corsaires. Je n'ai pas négligé d'écrire à m. de Tatitscheff par l'occasion de ces messieurs, et j'ai eu honneur de donner à ce ministre un état détaillé de la situation des choses de ce côté-ci. — Nous savions ici depuis quelques jours que s. m. l'e-r d'Allemagne avait conclu un armistice avec le chef du gouvernement français, et m-gr l'archiduc Charles vient de faire parvenir aux autorités de cette ville les ordres qui concernent la ligne de démarcation qui doit avoir lieu de ces côtés-ci, pendant que l'on traitera indépendamment des pays et des villes qui sont au pouvoir des français dans ce moment-ci. Ils doivent occuper entièrement la *Carniole*, la *Carintie* et la *Styrie*, ce qui place les français dans cette partie-ci, à une poste d'Agram, et il n'y en a plus que six ou sept de cette ville aux frontières de la Turquie. — Comme les français ne cesseront jamais d'être les mêmes, et qu'ils agiront toujours dans le sens contraire de leur belles paroles et protestations, dès qu'ils ont eu vent de l'armistice, ils ont été bien vite attaquer le colonel Boschiz, à qui ils ont pris ou tué 4 cents hommes dans les positions qu'il occupait en avant de *Fiume* qui fait partie de la Croatie et de la Hongrie, afin de réunir à ce qu'ils

---

обѣщали писать мнѣ изъ Зенса, чтобы извѣстить о своемъ рѣшеніи: они намѣревались отправиться въ Манфредонію или въ первый портъ Неаполитанскаго королевства на Адріатикѣ, такъ какъ Корфу лежитъ слишкомъ далеко и можетъ задержать ихъ прибытіе, не избавляя ихъ отъ корсаровъ. Я не преминулъ написать г. Татищеву съ этими господами: я имѣлъ честь дать этому министру подробный отчетъ о положеніи дѣлъ здѣсь.—Въ послѣдніе дни мы узнали здѣсь, что германскій императоръ заключилъ перемиріе съ главой французскаго правительства, и эрцгерцогъ Карлъ сейчасъ далъ приказъ властямъ этого города насчетъ разграничительной линіи, которую должно соблюдать въ этой сторонѣ, пока будутъ идти особые переговоры о земляхъ и городахъ, находящихся въ эту минуту во власти французовъ. Они должны занимать цѣликомъ *Карніолію*, *Каринтію* и *Штирію*. Это ставитъ французовъ въ этой сторонѣ на разстояніе одной почтовой станціи отъ Аграма; а отъ этого города не больше шести или семи станцій до границъ Турціи.—Французы всегда останутся вѣрны себѣ, всегда будутъ поступать противно своимъ хорошимъ словамъ и заявленіямъ: какъ только пронесся слухъ о перемиріи, они поспѣшили напасть на Бошича, и частью плѣнили, частью побили 400 человѣкъ въ его позиціяхъ, впереди *Фьюме*, этой части Кроаціи и Венгріи. Ихъ цѣлью

possèdent déjà, un port de plus sur l'Adriatique et un autre chemin très commode qui peut encore les conduire à *Carlstadt*, en leur procurant la facilité d'une autre route qui a été faite depuis peu pour la communication de *Fiume* à *Zens*, *Zara* etc. — Il est aisé de juger, que les français ont voulu se placer au plus près des frontières de la Croatie, pour achever de dresser leurs batteries sur tout ce qui peut concerner les provinces de la Turquie et les pachas qui les gouvernent; et on ne verra que trop le développement de ce travail, si toutes les précautions de sûreté et d'énergie n'ont pas été prises dans le cas que l'on ne puisse pas s'arranger sur les conditions de la paix, tout comme si cette paix a lieu; il est très fort à craindre que Bonaparte n'exige, en échange et restitution de la grande étendue et de l'importance des pays que ses troupes occupent de ces côtés-ci, la ville et le reste du territoire de Venise. — Le général Vincent a été envoyé à Massena par s. a. r. pour régler définitivement les articles et conditions de l'armistice. Je puis ajouter avec certitude et satisfaction, que l'armement à peu près général des croates, continue cependant avec zèle et empressement; et la nouvelle de l'armistice a véritablement affligé le grand nombre de ces braves gens. Il est bien douloureux de voir que l'on perd la plus belle cause et que l'on laisse ébranler les fondements d'une grande monarchie par le seul défaut d'ordre et de prévoyance, tandis

---

было—присоединить къ тому, что́ уже у нихъ въ рукахъ, еще одинъ портъ въ Адріатикѣ и новую, весьма удобную дорогу, которая можетъ вдобавокъ повести ихъ въ *Карлштадтъ*, доставляя имъ удобства другаго пути, недавно проложеннаго для соединенія *Фьюме* съ *Зенсомъ*, *Зарой* и проч.—Легко понять, что французамъ захотѣлось помѣститься возможно ближе къ границамъ Кроаціи, чтобы окончательно уставить своими баттареями всѣ мѣста, сопредѣльныя съ турецкими провинціями и съ правящими тамъ пашами. И увидите, какъ разростется эта работа, если только не были приняты со всѣмъ усердіемъ всѣ мѣры предосторожности на случай, если не сойдутся въ мирныхъ условіяхъ какъ бы уже существующаго мира; можно весьма опасаться, что Бонапартъ потребуетъ остальную венеціанскую землю вмѣстѣ съ городомъ въ обмѣнъ за обширныя и важныя страны, занятыя его войсками на этой сторонѣ. — Е. кор. выс-во послалъ генерала Венсана къ Массенѣ, чтобы окончательно установить статьи и условія перемирія. Съ удовольствіемъ могу прибавить за достовѣрное, что, между тѣмъ, усердно и быстро продолжается почти всеобщее вооруженіе кроатовъ; и вѣсть о перемиріи поистинѣ огорчила бо́льшую часть этихъ молодцовъ. Весьма печально видѣть, какъ гибнетъ лучшее дѣло и расшатываются основы великой монархіи единственно по недостатку порядка и предусмотрительности, тогда какъ ни-

que les français, bien loin de se négliger sur les moindres choses, savent faire naître et profiter des plus petits avantages. Ils font circuler actuellement dans toutes les gazettes des pays qu'ils occupent tout ce qui peut achever d'abattre les esprits. S'il faut les croire, — le général autrichien Jellachich a capitulé, dans la partie du Tyrol qu'il défendait, d'une manière peu honorable; et il est à craindre que cela soit, quoique on ait eu un moment l'espérance, que ce général s'était fait jour en Italie pour se jeter à Venise. — Vous me permettez de joindre ici que j'ai recueilli avec admiration et attendrissement tout ce que m. le colonel Chepeleff a bien voulu me dire sur la manière glorieuse dont s'est conduit l'armée russe et surtout sur le noble et grand exemple que lui a donné son auguste maître qui a été si parfaitement secondé par s. a. i. m-gr le grand-duc Constantin.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 144. Подлинникъ.

№ 58. — Вернегъ Чарторижскому.

Agram, 13/25 décemdre 1805.

Par la lettre du 2/14 décembre que j'ai eu l'honneur d'adresser à v. e., j'avais celui de lui faire part du passage ici de m-rs de Chepeleff et Ofzin qui avaient continué leur route sur Zens. Une des per-

---

чѣмъ не пренебрегающіе французы умѣютъ пользоваться самыми ничтожными выгодами и создавать ихъ. Въ настоящую минуту они распространяютъ во всѣхъ газетахъ занятыхъ ими странъ все, что только можетъ вести къ окончательному паденію духа. Если вѣрить имъ, австрійскій генералъ Елачичъ сдался не особенно достойнымъ образомъ въ той части Тироля, которую онъ защищалъ; и нужно опасаться, что это такъ, хотя одно время надѣялись, что этотъ генералъ появился въ Италіи, чтобы броситься на Венецію. — Позвольте прибавить, что я выслушалъ съ благоговѣніемъ и глубокимъ чувствомъ все, что г. полковнику Шепелеву угодно было разсказать мнѣ насчетъ славнаго поведенія русской арміи, въ особенности же насчетъ благороднаго и великаго примѣра, поданнаго ей ея августѣйшимъ государемъ, который былъ такъ хорошо поддержанъ е. и. выс-мъ великимъ княземъ Константиномъ.

Аграмъ, 13/25 декабря 1805.

Въ письмѣ, которое я имѣлъ честь препроводить в. с-ву 2 (14) декабря, я имѣлъ честь увѣдомить васъ о проѣздѣ здѣсь гг. Шепелева и Овцына, ко-

sonnes à qui j'avais recommandé ces messieurs pour leur faire trouver promptement un bâtiment, vient de me mander qu'ils ont préféré de s'embarquer le 7/19 pour Zara, des obstacles ne leur ayant pas permis vraisemblablement de se rendre directement à Manfredonia. D'ailleurs m. Pellegrini, se trouvant depuis quelques temps à Zens, n'aurait certainement pas négligé de favoriser de préférence l'embarquement direct, si la chose avait été possible et sans inconvénient. Un major russe, venant de Naples par Zara, a également passé avant-hier ici, se dirigeant vers le quartier général de m-gr l'archiduc Charles. Je n'ai pas été averti à temps pour voir cet officier. — Les français ont enfin été obligés, après plusieurs sommations réitérées, d'évacuer *Fiume*, qu'il pourront au reste occuper, quand ils voudront, la ligne de démarcation leur conservant les positions et les montagnes qui commandent cette ville. Ils s'étaient déjà avancés à *Bukaritz*, sur la route de Zens où ils voulaient aller, et on a à peine eu le temps de couler bas la frégate espagnole qui avait été prise et désarmée à Porto-Ré. Il serait inutile de répéter que les français ont commis, comme partout ailleurs, de grands excès à *Fiume* et à *Bukaritz*, si on n'était pas continuellement forcé de démentir leurs papiers qui ne cessent de présenter les choses les plus fausses et les plus absurdes. — Nous avons dans ce moment-ci, à quatre heures de marche d'*Agram*, 2000 français, et un autre corps

---

торые направились въ Зенсъ. Одно лицо, которому я поручалъ помочь этимъ господамъ найти поскорѣе судно, сейчасъ извѣщаетъ меня, что они предпочли отправиться 7 (19) числа въ Зару, такъ какъ, вѣроятно, встрѣтили препятствіе къ ихъ прямому пути въ Манфредонію. Да и г. Пеллегрини, находящійся въ послѣднее время въ Зенсѣ, конечно, не преминулъ бы помочь имъ именно ѣхать прямо, еслибы это было возможно и не встрѣчало неудобствъ. Третьяго дня проѣхалъ здѣсь точно также одинъ русскій майоръ, который ѣдетъ изъ Неаполя черезъ Зару, направляясь въ главную квартиру эрцгерцога Карла. Я не былъ предупрежденъ вовремя и не могъ видѣть этого офицера.—Послѣ многократныхъ требованій французы были принуждены наконецъ очистить *Фьюме*, который они могутъ впрочемъ занять, когда угодно, такъ какъ разграничительная линія сохраняетъ за ними позиціи и горы, господствующія надъ этимъ городомъ. Они уже продвинулись до *Букарица*, на дорогѣ въ Зенсъ, куда имъ хотѣлось пройти, и едва успѣли потопить испанскій фрегатъ, взятый и обезоруженный въ Порто-Ре. Не стоило бы повторять, что во *Фьюме* и *Букарицѣ*, какъ и вездѣ, французы совершили великія злодѣянія, еслибы не требовалось вѣчно опровергать ихъ бумаги, которыя не перестаютъ представлять вещи въ самомъ ложномъ и нелѣпомъ видѣ.—Въ эту минуту, въ четырехъ часахъ ходьбы отъ *Агрmaма*, стоятъ 2,000 францу-

est à peu près à la même distance de *Carlstadt:* ces troupes font travailler un grand nombre de paysans pour retrancher et fortifier leurs nouvelles positions. Heureusement l'insurrection croate, bien loin d'être contremandée, a déjà été s'établir sur les confins de son pays, et on est très sévère pour toute communication avec l'ennemi. S. a. r. a également donné ordre de surprendre tout envoi de grains et de bestiaux dans les provinces qui sont occupées par les français, ce qui va bientôt les réduire à une situation très pénible, ces provinces ne tirant leur principales subsistances que de la Croatie, et l'ennemi ayant déjà fait une grande consommation de toutes celles qu'il a pu trouver. L'expérience prouve journellement, que l'on ne saurait prendre trop de précaution pour empêcher les progrets de la propagande française. On commence enfin à concevoir ici que l'on peut bientôt se trouver entre deux feux, le servien George Schernik étant du côté de la Turquie sur les frontières de la Croatie, et les français sur celles de la Carinthie. Si ces derniers gagnent le premier, la réunion ne sera pas longue à faire, et on se rapprochera d'autant de Passavent-Oglou, qui n'est pas à un grand éloignement et dont l'établissement touche aussi aux frontières de la Hongrie. Si les hostilités recommencent, comme on y sera tôt ou tard forcé, d'une manière ou d'autre (à moins que le sort qui a été réservé à la maison de Savoie, n'ait pas fait assez d'impression), je ne

---

зовъ, а другой корпусъ находится почти на такомъ же разстояніи отъ *Карлштадта*: эти войска принуждаютъ бо́льшую часть крестьянъ работать надъ укрѣпленіемъ и окапываніемъ ихъ новыхъ позицій. Къ счастью, возмущеніе кроатовъ, далеко не отмѣненное, уже началось-было на границахъ ихъ страны; и приняты очень строгія мѣры относительно всякихъ сношеній съ непріятелемъ. Въ то же время е. кор. выс-во приказалъ захватывать всякіе запасы хлѣба и скота въ занятыхъ французами провинціяхъ; а это скоро приведетъ ихъ въ весьма тяжелое положеніе: эти провинціи получаютъ жизненные припасы лишь изъ Кроаціи, а непріятель уже много истребилъ изъ того, что̀ могъ найти. Ежедневный опытъ учитъ, что нѣтъ такой предосторожности, которой не слѣдовало бы употребить для воспрепятствованія французской пропагандѣ. Здѣсь начинаютъ наконецъ понимать, что можно скоро очутиться между двухъ огней: сербъ Георгій-Черникъ находится, со стороны Турціи, на границахъ Кроаціи, а французы стоятъ на границахъ Каринтіи. Если эти послѣдніе подкупятъ перваго, то не долго ждать ихъ соединенія; а это подведетъ ихъ къ Пасвану-Оглу: онъ недалеко, и его становище касается границъ Венгріи. Когда такъ или иначе возобновятся враждебныя дѣйствія, которыхъ не миновать рано или поздно (если только уготованная савойскому дому судьба не произведетъ достаточно сильнаго впечатлѣнія), я не вижу другого средства,

vois que les troupes russes débarquées en Italie, qui peuvent sauver ces pays-ci et déjouer les soulèvements à craindre dans les provinces de la Turquie, par une diversion bien entendue sur les derrières de l'armée de Massena. On croit savoir ici avec une apparence de certitude, que ce général a quitté son quartier général de *Gorits* pour se porter aux environs de Venise où il craint que les russes ne pénètrent pour établir une communication avec la garnison de cette ville. On pourrait croire encore, et c'est ce qui paraîtra peut-être plus vraisemblable, que le général Massena ne se porte du côté de Venise que pour aller prendre possession de cette ville du consentement de la cour de Vienne. Je vois que m. le comte de Bissingen qui était de retour ici pour se rendre à son gouvernement, a reçu une lettre de l'E-r, son maître, qui suspend son voyage, et il y a d'autres indications qui prouvent, que l'on va enlever de Venise les effets les plus précieux qui peuvent appartenir à la maison d'Autriche. L'article de l'armistice, qui concernait ce pays, était un peu louche, et Bonaparte est trop habile pour n'avoir pas profité de l'abattement d'une première et fausse démarche, en exigeant, avant que de procéder à un arrangement définitif, la cession d'une ville, qui lui tient plus à coeur que toute autre chose. On présume qu'après ce nouvel arrangement le gouverneur autrichien de Trieste retournera à son poste pour y reprendre ses fonctions avec le concours d'une

---

кромѣ русскихъ войскъ, высадившихся въ Италіи, которыя могли бы спасти эти страны и предупредить возможные бунты въ турецкихъ провинціяхъ посредствомъ хорошо задуманнаго движенія въ тылу арміи Массены. Здѣсь увѣряютъ, будто этотъ генералъ покинулъ свою главную квартиру въ *Горицѣ*, направляясь къ окрестностямъ Венеціи: онъ боится, какъ бы русскіе не проникли туда, чтобы войти въ сношенія съ гарнизономъ этого города. Но можно думать также—и это, пожалуй, вѣроятнѣе—что генералъ Массена направляется къ Венеціи лишь съ цѣлью занять этотъ городъ съ согласія вѣнскаго двора. Вотъ графъ Биссингенъ, возвратившійся сюда, чтобы ѣхать на свое губернаторство, получилъ письмо отъ своего государя и-ра, которымъ пріостанавливается его путешествіе; есть и другія указанія, которыя доказываютъ, что собираются взять изъ Венеціи наиболѣе драгоцѣнныя вещи, принадлежащія австрійскому дому. Статья договора, касающаяся сей страны, составлена нѣсколько двусмысленно; а Бонапартъ слишкомъ ловокъ, чтобы не воспользоваться паденіемъ духа при первомъ и ложномъ шагѣ: прежде чѣмъ приступить къ окончательной сдѣлкѣ, онъ потребовалъ уступки этого города, который ближе всего его сердцу. Думаютъ, что послѣ этой новой сдѣлки австрійскій губернаторъ Тріеста возвратится къ своему посту, чтобы снова взяться за свои обязанности съ помощью французскаго гарнизона. Сюда уже пришелъ

garnison française. Les ordres sont déjà arrivés ici de préparer les approvisionnements qui doivent être envoyés aux provinces voisines, lorsque les français les auront abandonnées. — Il ne serait pas à présumer, d'après cet exposé, que le gouvernement autrichien se refuse à conclure une paix séparée avec celui de France; cependant mon zèle et mes observations me feront prendre la liberté de soumettre à v. a., dans le cas d'un changement extraordinaire, qu'il serait fort utile qu'une personne avouée par la cour de Russie fût employée auprès de m-gr l'archiduc Charles pour instruire à point nommé des mouvements d'une armée qui est actuellement la seule qui peut relever la gloire des troupes autrichiennes par sa force et la confiance entière que lui inspire les talents et le caractère de son illustre chef. Vous aurez daigné voir, par mes premiers rapports de Venise et de Vienne, que j'ai cherché, en attendant et autant que je l'ai pu, de suppléer à ce poste d'un agent russe; mais je n'ai fait qu'entrevoir l'utilité majeure d'une pareille mission, ma situation privée m'ayant interdit toute facilité de travail pour les choses même les plus insignifiantes; et s'il en est jamais temps et nécessaire, je ne cacherai pas à v. a. les obstacles insurmontables que j'ai éprouvé, qui me relèguent dans ce moment-ci à Agram jusqu'à ce que je puisse aller me fixer quelque part, selon qu'il plaira à v. a. de décider de mon sort.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 144. Подлинникъ.

приказъ приготовить припасы, чтобы отправить ихъ въ сосѣднія провинціи, когда французы оставятъ ихъ.— Послѣ всего сказаннаго, нельзя думать, чтобы австрійское правительство отказалось заключить отдѣльный миръ съ французскимъ правительствомъ. Но мое рвеніе и мои наблюденія заставятъ меня осмѣлиться замѣтить в. с-ву, въ случаѣ особенныхъ перемѣнъ, что было бы очень полезно, еслибы извѣстное лицо, признанное русскимъ дворомъ, находилось при эрцгерцогѣ Карлѣ, чтобы доносить въ данное мѣсто о движеніяхъ единственной теперь арміи, которая можетъ возстановить славу австрійскихъ войскъ своею силой и полнымъ довѣріемъ къ талантамъ и характеру ея знаменитаго вождя. Изъ моихъ первыхъ донесеній изъ Венеціи и Вѣны вы, вѣроятно, соблаговолили усмотрѣть, что покуда я старался по мѣрѣ силъ восполнять этотъ постъ русскаго агента; но я могъ только дать понять, какъ важна подобная миссія: мое личное положеніе возбраняло мнѣ работать съ удобствомъ даже надъ самыми ничтожными предметами. Еслибы нашлось время и понадобилось бы, я не скрылъ бы передъ в. с-мъ, какія испыталъ я непреодолимыя препятствія, задерживающія меня и сейчасъ въ Аграмѣ, гдѣ мнѣ и оставаться до тѣхъ поръ, пока я не буду въ состояніи поселиться гдѣ-нибудь, смотря потому, какъ будетъ угодно в. с-ву рѣшить мою участь.

№ 59. — Вернегъ Чарторижскому.

Agram, 21 décembre 1805 (2 janvier 1806).

M. le comte de Bissingen a reçu hier la nouvelle officielle de la paix, qui a été conclue par l'e-r, son maître, avec le gouvernement français. Les conditions de cette paix ne lui ayant point encore été communiquées, nous ignorons jusqu'à présent le sort de l'état de Venise et des pays qu'occupent les français de ce côté-ci. — Dans un des articles du dernier rapport que j'ai eu l'honneur de vous adresser, je répétais, d'après ce qui avait été mandé ici, que le général Massena était parti de son quartier général de *Goritz* pour se rendre aux environs de Venise etc. Il y a deux jours, qu'un rapport authentique de Layback fait passer ce général dans cette ville, pour aller prendre le commandement de la 8 section de l'armée de Bonaparte dont le rassemblement est fixé à *Mahrburg* et *Pettau*, sur les frontières de la Hongrie et de la Croatie près *Warasdin*. Massena laisse la plus grande partie de son armée à St. Cyr qui commandera dorénavant en chef en Italie, et il marche d'assez mauvaise humeur, à ce qu'on ajoute, à sa nouvelle destination avec un corps de 8 m. hommes. — Les provinces de Carniole, de Carinthie et de Styrie ont été de nouveau taxées

---

Аграмъ, 21 декабря 1805 (2 января 1806).

Вчера графъ Биссингенъ получилъ оффиціальное извѣстіе о мирѣ, который заключенъ его государемъ императоромъ съ французскимъ правительствомъ. Такъ какъ ему еще не сообщены условія этого мира, то мы не знаемъ до сихъ поръ судьбы Венеціанскаго государства и странъ, занятыхъ въ нашей сторонѣ французами.—Въ одномъ мѣстѣ послѣдняго донесенія, которое я имѣлъ честь препроводить вамъ, я повторилъ, по полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, что генералъ Массена отправился изъ своей главной квартиры въ *Горицъ*, направляясь къ окрестностямъ Венеціи и т. д. Два дня тому назадъ, по достовѣрному свѣдѣнію изъ Лайбаха, этотъ генералъ вступилъ въ [illegible] отъ городъ, отправляясь принять начальство надъ 8-мъ отдѣленіемъ арміи [illegible]онапарта, сборными мѣстами котораго назначены *Марбургъ* и *Петтау*, на [illegible]раницахъ Венгріи и Кроаціи, у *Варасдина*. Массена оставляетъ бо́льшую [illegible]асть своей арміи Сен-Сиру, который теперь будетъ главнокомандующимъ въ [illegible]таліи; какъ прибавляютъ, онъ довольно неохотно отправляется, съ корпусомъ въ 8,000 человѣкъ, къ своему новому назначенію.—Недавно провинціи [illegible]арніолія, Каринтія и Штирія снова были подвергнуты чрезвычайному взы-

depuis peu à une contribution extraordinaire de 5 millions de livres tournois en sus des fournitures et livraisons journalières. Ces provinces, ayant vivement réclamé contre l'énormité de cette nouvelle contribution, le général Massena a dit à son passage à Layback, que cet objet n'était pas de son ressort, et qu'il n'était plus que la 8 roue à la grande machine de Bonaparte. Les français montrent plus particulièrement dans cette guerre-ci une avidité extrême d'argent et de pillage; ils y mettent seulement plus d'ordre et de méthode. On leur fait, de plus, espérer des établissement que Bonaparte offrira à ceux qui voudront ce fixer dans des pays riches et abondants. Je pourrai même avancer avec une sorte de probabilité, que, lorsque la Prusse sera contenue par le manège ou par la force française, ce dernier gouvernement songera alors sérieusement à entamer les provinces de la Turquie, sans le concours même de l'Autriche, dans la supposition surtout que la portion de la Dalmatie, qui faisait autrefois partie de l'état de Venise, suivra le sort que les français se promettent de cet état. — Il est de fait, que la majeure partie de la nation française a été appauvrie par la révolution et par la cessation totale du commerce depuis quelques années, et les armées françaises sont composées d'un grand nombre d'individus prêts à tout oser pour se procurer quelque fortune; et malheureusement ils sont sous la conduite d'un chef, qui peut leur inspirer quelque confiance

---

сканію въ 5 милліоновъ ливровъ, помимо ежедневныхъ сборовъ запасовъ. Эти провинціи горячо возражали противъ громадности этого новаго взысканія; но генералъ Массена сказалъ, проѣзжая черезъ Лайбахъ, что это не его дѣло и что онъ—не больше, какъ 8-е колесо въ огромной машинѣ Бонапарта. Въ настоящей войнѣ французы особенно обнаружили чрезвычайное сребролюбіе и грабительство; они поступаютъ только тутъ съ бо́льшимъ порядкомъ и съ методой. Сверхъ того, ихъ обнадеживаютъ, будто Бонапартъ дастъ земли тѣмъ, кто пожелаетъ поселиться въ богатыхъ и изобильныхъ странахъ. Могу даже утверждать съ нѣкоторою вѣроятностью, что, если французы сдержатъ Пруссію силой или коварствомъ, то ихъ правительство подумаетъ тогда серьезно о захватѣ турецкихъ провинцій даже безъ содѣйствія Австріи, предполагая въ особенности, что часть Далмаціи, входившая нѣкогда въ составъ Венеціанскаго государства, раздѣлитъ судьбу, уготованную французами этому государству.— Нѣсомнѣнно, что бо́льшая часть французской націи обнищала отъ революціи и отъ полнаго прекращенія торговли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Французскія арміи состоятъ по бо́льшей части изъ людей, готовыхъ на все, чтобы скопить себѣ что-нибудь; и, къ несчастью, они подчинены вождю, который можетъ внушать имъ извѣстное довѣріе въ этомъ смыслѣ. Мнѣ не нравится выборъ Массены въ начальники этого 8-го отдѣленія, которое устанавливается

à cet égard. Je n'aime pas le choix de Massena pour le commandement de cette 8-e section, qui s'établit à *Mahrburg* et *Pettau;* et le caractère entreprenant de ce général ne s'accorde que trop avec toute entreprise extraordinaire. — Je profite du passage de m. l'assesseur Doubensky pour faire parvenir à v. a. ce rapport. J'ai l'honneur de l'adresser au quartier général de m-gr l'archiduc Charles qui se trouve sur son chemin, afin qu'il puisse y prendre langue pour arriver avec toute sûreté auprès de m. le comte de Rasoumoffsky. — J'oserai prendre la liberté de me recommander plus particulièrement à vos bontés dans ce moment-ci. Mon zèle et mes forces me permettent plus que jamais de servir avec activité, et je ne cesse de soupirer après l'emploi quelconque qu'il plaira à v. a. de me donner. Si je puis être de quelque utilité à Constantinople, je suis prêt à me rendre à cette mission, un voyage dans les provinces de la Turquie pouvant être de quelque fruit dans les circonstances présentes. Enfin, je ne puis être heureux que lorsque S. M. l'E-r, mon auguste maître, daignera se servir de moi comme d'un de ses plus fidèles sujets.

Pétersbourg. Ministère, 1805, 144. Подлинникъ.

въ *Марбургѣ* и *Петтау:* предпріимчивый характеръ этого генерала слишкомъ подходитъ ко всякому необычайному предпріятію. — Пользуюсь проѣздомъ ассессора Дубенскаго, чтобы препроводить в. с-ву это донесеніе. Честь имѣю направить его въ главную квартиру эрцгерцога Карла, которая находится на его пути: пусть развѣдаетъ тамъ, какъ безопаснѣе пробраться къ графу Разумовскому.—Осмѣливаюсь особенно обратиться къ вашему милосердію въ настоящую минуту. По моему рвенію, по моимъ силамъ, я больше, чѣмъ когда-либо, могу служить дѣятельно; и я все мечтаю о какой-нибудь должности, какую только угодно будетъ в. с-ву дать мнѣ. Еслибы я могъ принести какую-нибудь пользу въ Константинополѣ, я готовъ отправиться на это мѣсто: быть можетъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ путешествіе по турецкимъ провинціямъ не было бы лишено пользы. Наконецъ я не могу быть счастливымъ, пока е. в-во и-ръ, мой августѣйшій государь, не соблаговолитъ пользоваться мною, какъ однимъ изъ своихъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ.

1806.

№ 60. — Записка Чарторижскаго.

Начало 1806 года.

Сохраненіе мира и всеобщаго спокойствія Европы съ самаго начала 1801 года было всегдашнимъ и постояннымъ предметомъ попеченій россійскаго двора. Для достиженія сей главной политической цѣли, надлежало возобновить прежнее доброе согласіе, существовавшее въ сношеніяхъ между Россіею и Франціею до временъ революціи, и для пользы общаго дѣла надлежало пожертвовать всѣми другими уваженіями. Съ сего времени дѣйствительно оказываны были съ нашей стороны въ отношеніи къ Бонапарте умѣренность и благопріятство. Доказательствомъ сему наиболѣе послужить могутъ происшествія, сопровождавшія переговоры о возстановленіи мира между обѣими державами, которые начались въ Парижѣ еще въ царствованіе блаженной памяти Государя Императора, по случаю неоднократныхъ домогательствъ Бонапарте.

Совершенное равенство обѣихъ державъ, торжественно Франціею признанное, и естественныя послѣдствія сего признанія положены были въ основаніе сихъ переговоровъ. По справедливости можно было ожидать, что постановленіе трактата, долженствовавшаго заключить въ себѣ одно изложеніе сихъ самыхъ послѣдствій, не встрѣтитъ никакихъ существенныхъ затрудненій. Но здѣсь измѣнились расположенія Бонапарте. Онъ не согласился на многіе пункты, имъ обѣщанные; другіе-же предлагалъ въ столь неопредѣлительныхъ выраженіяхъ, что весьма явно обнаруживалось намѣреніе его оставить себѣ пути къ невыполненію принимаемыхъ обязательствъ. Не взирая на сію важную перемѣну, Россія пребыла непоколебима въ принятомъ ею намѣреніи, не отчаяваясь твердостью, умѣренностью и безпристрастіемъ принятой ею системы пріобрѣсть полную довѣренность Франціи и обезпечить жребій прочихъ державъ Европы; такимъ образомъ переговоры окончились подписаніемъ акта, который, утверждая совершенное равенство обѣихъ державъ, возлагалъ на общее ихъ попеченіе устроеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи. Уполномоченный со стороны Россіи, получивъ пове-

лѣніе согласиться на послѣднія предложенія Франціи, вмѣстѣ съ тѣмъ для ускоренія совершеннаго окончанія сего дѣла получилъ и актъ ратификаціи. Всякъ признаетъ здѣсь, что невозможно было оказать болѣе снисхожденія со стороны Россіи безъ оскорбленія собственнаго ея достоинства. Немедленно по заключеніи сего трактата, взаимныя миссіи обѣихъ державъ возстановились самымъ дружественнымъ образомъ и начались переговоры о двухъ главнѣйшихъ пунктахъ онаго, состоящихъ въ устроеніи дѣлъ въ Италіи и Германіи. Долго уклонялось французское правительство отъ всякихъ положительныхъ изъясненій по тому и другому пункту: и ограничиваясь касательно перваго предложеніемъ въ пользу сардинскаго короля плана вовсе несовмѣстнаго, представило вдругъ россійскому министру окончательное распоряженіе по дѣламъ Германіи, которое хотя и несовершенно соотвѣтствовало видамъ Россіи, но польза Германіи, существенно сопряженная съ скорѣйшимъ окончаніемъ сего дѣла, и желаніе дать французскому правительству новый опытъ нашего расположенія сохранить доброе съ онымъ согласіе, склонили насъ на принятіе представленнаго имъ плана. Въ послѣдствіи, во всѣхъ бывшихъ касательно индемнизаціи сношеніяхъ, Россія не переставала изъявлять снисхожденіе свое и дружелюбіе ко Франціи, стараясь сохранить вліяніе свое на поступки оной и содержать ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ, съ одной стороны внушеніемъ правилъ умѣренности, коими сама она руководствовалась, а съ другой тѣснѣйшимъ соединеніемъ выгодъ обоихъ государствъ посредствомъ возобновленія тѣхъ же самыхъ торговыхъ сношеній, которыя существовали до начатія войны; симъ средствомъ въ то-же время отвращена была и медленность переговоровъ, которые французское правительство намѣревалось начать, для составленія торговаго трактата, не взирая, что съ ихъ стороны запретительные законы въ торговлѣ Франціи оставались во всей силѣ и препятствовали вывозу и распродажѣ россійскихъ товаровъ, поощряемой торговымъ трактатомъ 1787 года.

Такимъ образомъ должно было уповать, что умѣренное и постоянное поведеніе Россіи въ разсужденіи Франціи получитъ современемъ возмездіе, достойное великодушныхъ ея поступковъ, какъ вдругъ новое происшествіе разрушило послѣднюю къ оному надежду.

Возгорѣлась между Великобританіею и Франціею война; Россія съ соболѣзнованіемъ взирала на разрывъ сей, который, возмущая спокойствіе Европы, долженствовалъ состояніе ея учинить еще бѣдственнѣе. Державы, не имѣвшія никакого участія въ сей распрѣ и помышлявшія единственно о сохраненіи своего спокойствія, должны были понести всю

тяжесть пагубныхъ послѣдствій оныя. Всѣ средства изысканы были для отвращенія войны или для прекращенія ея. Мѣрами, на сей конецъ со стороны нашей принятыми, управляло самое строгое безпристрастіе; но къ несчастію онѣ были безуспѣшны. Бонапарте приступилъ къ совершенію коварныхъ и беззаконныхъ намѣреній своихъ.

Въ прошедшую войну Франція успѣла мало по малу отторгнуть отъ коалиціи разныхъ ея членовъ и посѣять между ними недовѣрчивость и несогласіе. Удачно слѣдуя предпочтительно избранной ею системѣ частныхъ или отдѣльныхъ примиреній, еще въ 1801 году достигла она такой степени силы, которой дотолѣ никогда не имѣла. Состояніе, въ которое приведена была остальная часть Европы, служило самымъ надежнымъ залогомъ могущества Франціи. Державы, прервавшія взаимное согласіе и во время войны оставлявшія одна другую безъ помощи, не имѣли взаимной между собой довѣренности; возводя однѣ на другихъ причины бѣдственныхъ послѣдствій сего союза, слѣдовали онѣ, каждая въ особенности, частной своей системѣ и только были согласны въ одномъ мнѣніи, что впредь ни на одну изъ нихъ нельзя полагаться и что по сему надлежало терпѣливо сносить всѣ наглости и порабощенія, которыми Франція удручала Европу. Бонапарте, вѣдая, что главная сила его проистекала отъ сего положенія дѣлъ, не щадилъ ничего для продолженія онаго, и разными происками питалъ и возобновлялъ недовѣрчивость, опасенія и несогласія. Полагая не безъ причины, что ему совершенно извѣстенъ духъ, управляющій разными кабинетами, онъ льстилъ однимъ, устрашалъ другихъ и надѣялся постоянно держать ихъ въ состояніи бездѣйствія и ничтожности, въ которое обстоятельства и взаимная недовѣрчивость ихъ поставили. Онъ столь увѣрился въ своемъ успѣхѣ, что скоро вобразилъ все для себя позволеннымъ и присвоилъ въ Европѣ себѣ первенство, тягостное и постыдное для всѣхъ прочихъ державъ. Желая произвольными и наглыми поступками утвердить свою власть, въ то же время неусыпно занимался онъ приготовленіемъ предположеній будущаго распространенія предѣловъ Франціи. Испанія и Португалія были театромъ тайныхъ его замысловъ; Голландія и Швейцарія направляемы были также къ цѣли его предпріятій; Италія оставалась въ неизвѣстности своего жребія, и тѣмъ пріуготовлялось совершенное присоединеніе ея къ Франціи, между тѣмъ французскіе агенты, тайно разсѣянные во всѣхъ странахъ міра и въ особенности во владѣніяхъ оттоманскихъ, покушались взволновать умы и приготовить народъ къ принятію французовъ, какъ своихъ освободителей въ то самое время, когда тюллерійскій ка-

бинетъ старался золотомъ, наущеніями и клеветою поставить Диванъ въ свою зависимость.

При разрывѣ съ Англіею, Россія, видя безуспѣшность внушеній, коими старалась она обратить Бонапарте къ чувствованіямъ болѣе справедливымъ и умѣреннымъ, признала за необходимое возродить довѣренность и согласіе между европейскими державами и симъ способомъ противопоставить твердую и надежную препону личному и безмѣрному властолюбію главы французскаго правительства.

Виды, какіе Бонапарте имѣлъ на Италію, угрожали непосредственно Австріи и Турціи, а по сему равно были опасны и для Россіи. Ибо если-бы Австрія единожды учинилась данницей Франціи и Турція подпала подъ ея иго, или-же-бы была возмущена, тогда-бы Россія потеряла всѣ выгоды настоящаго своего положенія. Южныя провинціи наши подвержены были-бы опасности и Бонапарте овладѣлъ-бы нашею торговлею на Черномъ морѣ.

Съ другой стороны, господствуя въ Голландіи, подвигаясь на сѣверъ, устрашивъ Пруссію и Швецію, или обѣщаніями склонивъ ихъ на свою сторону, покоривъ Данію, занявъ Любекъ и заперевъ Зундъ, онъ могъ бы нанести смертельные удары Россіи со стороны самой существеннѣйшей ея пользы. Кабинетъ ея былъ-бы неизвинителенъ, если бы не предвидѣлъ сихъ происшествій, или не старался-бы изыскать средствъ къ отвращенію оныхъ и вообще къ воспрепятствованію, дабы одна держава въ Европѣ не получила столь опаснаго и постыднаго перевѣса, чтобы никакая другая противодѣйствіемъ своимъ не могла уже удержать ее въ предѣлахъ должнаго уваженія: таковое убѣжденіе подтверждалось наиболѣе поведеніемъ Франціи въ особенности къ Россіи. Бонапарте не выполнилъ большей части статей договора, заключеннаго между Франціею и Россіею; въ послѣдствіи всѣ поступки его были сему сообразны. Никто конечно не усумнится, сколь вредно и опасно было-бы, въ обстоятельствахъ сего времени, оставаться или совершенно простымъ зрителемъ столь пагубоносныхъ происшествій, или-же и лицемъ дѣйствующимъ, но мало значущимъ. Уваженіе къ государству, довѣренность къ его поступкамъ и почтеніе къ его твердости суть существенныя силы, усугубляющія его могущество.

Крайняя умѣренность и снисхожденіе, принятыя Россіею въ ея отношеніяхъ за правило, отъ котораго она никогда не отступала, не пріобрѣли ей особеннаго уваженія со стороны французскаго правительства; дѣлая разныя снисхожденія, которыми столько тщеславился Бонапарте, ни однажды не испытала она со стороны его взаимности. Тако-

вое поведеніе произвело остуду, которая, возрастая, ослабила постепенно довѣренность между Россіей и Франціей, равно какъ и надежду утвердить доброе согласіе съ Бонапарте на началахъ взаимнаго равенства и выгоды.

И такъ, казалось необходимо нужнымъ принять мѣры, могущія возродить въ немъ желаніе послѣдовать правиламъ умѣренности и въ то-же время соединить главнѣйшія европейскія державы, дабы въ случаѣ, если всѣ миролюбныя средства окажутся недостаточны, употребить силу оружія и, постановивъ такимъ образомъ владычеству его должные предѣлы, доставить Европѣ безопасность и спокойствіе на прочномъ основаніи.

Едва война возгорѣлась, какъ, вопреки трактата, королевство Неаполитанское было занято французскими войсками, не смотря на неутралитетъ, ему обѣщанный. Гановеръ подвергся той-же участи, не смотря что земля сія составляетъ не отдѣльную часть Германіи, которой независимость въ недавнемъ времени была обезпечена нашимъ ручательствомъ вообще съ французскимъ правительствомъ. Сіе явное нарушеніе новѣйшихъ договоровъ подало поводъ со стороны нашей не къ иному чему, какъ къ представленіямъ же, хотя и настоятельнымъ, но въ кроткихъ выраженіяхъ, которыя однако, какъ и прежде, были оставлены безъ вниманія. Безуспѣшность сихъ поступковъ заставила помышлять какъ о необходимости, такъ и о средствахъ дать имъ болѣе вѣсу и дѣйствія. Побудить Пруссію на освобожденіе Гановера было первымъ нашимъ стараніемъ. Сія негосіація со стороны нашей была настоятельна; хотя и позволено было надѣяться, что Пруссія согласится на постановленіе, предначертанное собственными ея министрами, постановленіе, которое освободило-бы сѣверъ Германіи и понудило-бы Бонапарте оставить непомѣрные свои замыслы; но французская партія въ Берлинѣ одержала верхъ и сдѣлала безуспѣшнымъ спасительное наше предпріятіе. Берлинскій кабинетъ продолжалъ въ теченіи долгаго времени жаловаться, что Россія не позволила ему предварительно занять Гановеръ въ слѣдствіе частнаго соглашенія между Франціей и Пруссіей; но сіи укоризны были безъ основанія, ибо очевидно, что въ то время не могли мы согласиться, чтобы Пруссія дѣйствовала совершенно по соизволенію Франціи для своихъ выгодъ, чрезъ что берлинскій дворъ соединился-бы еще тѣснѣйшимъ образомъ съ системою Бонапарте.

Не успѣвъ склонить Пруссію, Россія обратилась къ Австріи, дабы узнать расположенія сего правительства въ тогдашнихъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ. Переговоры съ дворомъ вѣнскимъ производились въ

глубочайшей тайнѣ; новое происшествіе дало имъ новую дѣятельность. Злодѣйство, содѣянное надъ герцогомъ Ангіенскимъ, преисполнило всю Европу отвращенія и ужаса и сіе событіе подало поводъ къ первымъ гласнымъ и настоятельнымъ подвигамъ со стороны Россіи противъ французскаго правительства: ни по какому либо особенному чувству пристрастія къ дому Бурбоновъ, но по истинному убѣжденію, что противно-бъ было достоинству Россіи пребыть въ молчаніи послѣ столь ужаснаго происшествія; и какъ симъ образомъ нарушено было въ Европѣ все, что есть священно, и попраны всѣ права народныя, то нужно было по крайней мѣрѣ дать восчувствовать общую опасность и молчаніемъ своимъ не участвовать въ столь пагубномъ дѣлѣ, дабы не подать тѣмъ повода и поощренія къ новымъ нарушеніямъ священнѣйшихъ правъ, подобно насилію, причиненному англійскому министру Румбольту и многимъ другимъ. Съ тѣхъ поръ положеніе наше въ разсужденіи Франціи совсѣмъ перемѣнилось: съ одной стороны послѣдовавшія изъясненія, явно показавшія, что Бонапарте не намѣренъ избѣгать вражды, а съ другой отзывъ россійской миссіи и декларація, поданныя по сему случаю, были первымъ шагомъ къ разрыву, за которымъ естественно должны были послѣдовать другія рѣшительнѣйшія мѣры. Отсюда произошло, что огорченіе и непріязненность между обѣими правительствами возрастала болѣе и болѣе и средства къ сближенію и примиренію становились затруднительнѣе. Нельзя было и помыслить о сихъ средствахъ безъ потери всеобщаго уваженія и не навлекши на себя справедливаго порицанія, что мы дѣйствуемъ не обдумавши и не имѣемъ твердости и постоянства въ поведеніи. Если до сихъ поръ Бонапарте имѣлъ всегдашнею цѣлью уменьшить должное къ Россіи уваженіе и заключить ее, какъ говорилъ онъ, въ лѣсахъ, ее окружающихъ, то теперь его политика въ семъ отношеніи должна была учиниться еще дѣятельнѣе и его усилія настоятельнѣе. Самая война могла послѣдовать за симъ непосредственно и потому было нужно принять сугубыя мѣры осторожности и употребить всѣ способы, дабы убѣдить прочія державы въ необходимости соединиться противъ всеобщаго врага общественнаго спокойствія въ Европѣ. Со всѣмъ тѣмъ не было еще отступлено отъ принятыхъ нами правилъ умѣренности, не смотря на убѣдительныя настроенія Англіи и не смотря на общій гласъ Европы, что Россія, послѣ всего ею учиненнаго, не можетъ оставаться въ бездѣйствіи и должна принятой ею характеръ поддержать сильными мѣрами. Россія желала сколько можно болѣе удостовѣриться въ успѣхѣ своего предпріятія и для того первымъ ея попеченіемъ было согласить всѣ державы споспѣ-

шествовать ей въ оном. Не спѣша выступить на брань, она старалась усовершить систему оборонительную.

Не безполезно здѣсь въ кратцѣ упомянуть о политикѣ, которою руководствовался кабинетъ нашъ въ отношеніи къ разнымъ державамъ европейскимъ.

Паче всего обращено было стараніе снискать отъ всѣхъ дворовъ совершенную довѣренность къ безкорыстію, правотѣ и твердости Россіи, дабы такимъ образомъ, содѣлавшись прибѣжищемъ всѣхъ правительствъ угнетенныхъ уже или угрожаемыхъ угнетеніемъ, можно было истребить взаимную между ими недовѣрчивость и возстановить поколику возможно единодушіе и согласіе.

Австрія почиталась по сіе время надежнѣйшимъ и естественнымъ союзникомъ Россіи; одна токмо Франція угрожала ей опасностью; желаніе ея должно было клониться къ тому, чтобы освободить себя отъ оной: и такъ, собственная польза ея и безопасность ручались за ея искренность. Въ оборонительномъ договорѣ, заключенномъ съ нею, приложено было стараніе обезпечить всѣ тѣ владѣнія, которыя наипаче насъ интересовали.

Послѣ Австріи Пруссія есть та держава, которая болѣе всѣхъ имѣетъ способовъ, или лучше сказать на всей твердой землѣ только съ сими двумя державами можно было соединиться противъ Франціи и поставить вмѣстѣ съ ними надежное ей сопротивленіе.

Присоединеніе Пруссіи къ нашей системѣ представляло несомнѣнныя для насъ выгоды; все употреблено было въ дѣйство, чтобы сего достигнуть. Но король прусскій отъ сего отказался; политика его кабинета оставалась нерѣшительною; онъ держался деклараціи, размѣненныхъ 24 мая 1804 года. Неоднократно покушалась Пруссія примирить насъ съ Франціею, но предложенія, сдѣланныя сею послѣднею, доказываютъ, сколько всякое частное примиреніе въ сіе время было-бы несовмѣстно.

Нужно было для насъ имѣть Турцію единственно въ нашемъ распоряженіи. Надлежало стараться усилить наше вліяніе на сіе государство, удаливъ всѣхъ совмѣстниковъ такъ, чтобы Порта не слѣдовала никакой другой волѣ, ни другой политикѣ, кромѣ нашей. Инструкція, данная россійскому министру, пребывающему въ Константинополѣ, объяснитъ виды, какіе въ семъ случаѣ имѣлъ кабинетъ нашъ.

Медленность Англіи, лицемѣріе Турокъ и другія мѣстныя обстоятельства воспрепятствовали достигнуть совершеннаго успѣха въ сей негоціаціи. Къ тому же нельзя было настоять въ самыхъ важнѣйшихъ

статьяхъ оной, по причинѣ неизвѣстности, какой оборотъ примутъ дѣла наши съ Пруссіею, и по причинѣ несчастій, претерпѣнныхъ Австріею.

Данія также обращала на себя вниманіе наше. Нужно было увѣриться въ ея расположеніяхъ и по крайней мѣрѣ склонить ее къ защищенію Зунда; болѣе требовать отъ копенгагенскаго кабинета было весьма трудно. Искренность его расположеній конечно несомнительна; но не иначе какъ только съ содѣйствіемъ Пруссіи можно было заставить его присоединиться явно къ союзу.

Швеція, хотя впрочемъ и мало имѣетъ собственныхъ своихъ способовъ, составляла равномѣрно предметъ особенныхъ нашихъ попеченій. Существенная польза наша требовала не только не допустить никакого союза между Швеціею и Франціею, но даже склонить короля къ совершенному разрыву съ сею послѣднею, дабы намъ такимъ образомъ привести себя въ совершенную безопасность со стороны Финляндіи, получить вспомогательный корпусъ шведскихъ войскъ и обезпечить себя въ разсужденіи Стральзунда, коего положеніе столь важно въ случаѣ военныхъ дѣйствій на сѣверѣ Германіи. Услуги, которыя Россія имѣла случай оказать шведскому королю въ продолженіе переговоровъ его съ Пруссіею, не мало пособствовали къ пріобрѣтенію искренней приверженности къ намъ сего государя.

Союзный договоръ съ королевствомъ обѣихъ Сицилій налагалъ на Россію обязанность пещись о пользѣ сего государства; силою сего договора король надѣялся охранить себя отъ бѣдствій, коими угрожало ему непомѣрное самолюбіе Бонапарте. Всѣ поступки неаполитанскаго правительства располагаемы были по совѣтамъ Россіи. Правила, которымъ мы слѣдовали въ семъ случаѣ, стремились къ тому, чтобы преклонить короля, дабы, пока благопріятнѣйшія обстоятельства дозволятъ ему обнаружить истинныя свои расположенія, старался онъ всякаго рода снисхожденіями и даже пожертвованіями отклонять новыя требованія Франціи. Когда наступало время открыть расположенія генеральнаго плана, тогда заключена была конвенція, опредѣляющая участіе, какое королевство Неаполитанское должно принять въ помянутомъ планѣ; но прежде нежели то произведено было въ дѣйство, Бонапарте требовалъ ратификаціи на конвенцію о неутралитетѣ, которая безъ уполномочія сего государя была подписана. Угрозы, сопровождавшія то требованіе, принудили короля на оное согласиться; но въ то-же самое время объявилъ онъ Россіи, что согласіе то было вынуждено отъ него силою, и что данная имъ ратификація Франціи нимало не ослабляетъ постановленій, сдѣланныхъ съ Россіею.

Въ разсужденіи державъ, порабощенныхъ Франціи такъ, какъ Голландія, мы старались сколько возможно показывать имъ, что не смѣшиваемъ ихъ съ Франціею, и что въ судьбѣ ихъ пріемлемъ истинное и неизмѣняемое участіе.

Испанія также не была забыта. Сперва употреблено было стараніе, чтобъ предупредить разрывъ, между ею и Англіею послѣдовавшій; а потомъ предложено ей было посредничество Россіи для низложенія ига Франціи и для присоединенія ея къ коалиціи.

Всѣ постановленія, которыя сдѣланы были съ большею частію вышеупомянутыхъ державъ, имѣли почти одинакое основаніе; онѣ были оборонительны. Между тѣмъ какъ трактованіе о семъ происходило на твердой землѣ, Англія часъ отъ часу пріобрѣтала болѣе для насъ вѣсу. Опасность, коей подвержены турецкія области, и необходимость охранять оныя англійскими флотами отъ покушеній Бонапарте, давно уже были главнымъ предметомъ сношеній нашихъ съ лондонскимъ дворомъ. Нынѣ-же настояла надобность обнадежить себя въ полученіи субсидій отъ Англіи на случай, ежели со стороны Франціи послѣдуютъ какія наглости, или ежели она станетъ покушаться на новыя завладѣнія, что въ договорахъ между державами на твердой землѣ постановлено принять за *casus foederis*.

Видя, что поведеніе Англіи до того времени основано было на ложныхъ понятіяхъ, бывшихъ причиною неудачи первой коалиціи, и что вообще правила, коимъ она слѣдовала, большею частью не согласовались съ нашими, мы всего прежде желали увѣриться, съ одной стороны, что государство сіе будетъ руководствоваться другими началами, болѣе соотвѣтствующими и видамъ нашимъ и мнѣнію державъ твердыя земли; а съ другой—внушить ей чувствованія справедливости и безкорыстія, которыя могли произвесть благопріятнѣйшія послѣдствія новой коалиціи. Въ конвенціи, заключенной съ нею 30 марта (11 апрѣля) сего года, все сіе было предусмотрѣно. Въ семъ актѣ нужно было съ точностію опредѣлить совокупность предположенной цѣли и оборонительныя мѣры, которымъ доселѣ слѣдовали, распространить еще далѣе, обязавъ Англію не помышлять о заключеніи частнаго мира, черезъ который-бы судьба твердой земли предана была на произволъ Бонапарте. Поелику намѣреніе наше состояло въ томъ, чтобъ Англія была только вспомогательною, а не главною изъ дѣйствующихъ державъ, ибо не ея защищеніе, но защищеніе благоденствія всей Европы было предметомъ сихъ постановленій: то и надлежало сохранить наистрожайшее безпристрастіе въ поступкахъ нашихъ съ Англіею и Франціею; надлежало

убѣдить самую Францію, что ничто другое, какъ лишь одно ненасытимое честолюбіе ея начальника, воспламеняетъ новую войну. Между тѣмъ Бонапарте предложилъ лондонскому двору вступить въ мирные переговоры.

Его великобританское величество въ семъ случаѣ ввѣрилъ себя совершенно посредничеству Россіи, которое, не взирая на существовавшее между нею и Франціею отдаленіе, приняла она на себя по тому единственно, что съ симъ сопряжена была надежда возвратить Европѣ миръ и достичь, буде возможно, возстановленія независимости державъ, которыя лишились оной въ продолженіе настоящей войны. Съ симъ отправленъ уже былъ нашъ полномочный; но къ сожалѣнію, прежде прибытія его въ Парижъ, новыя похищенія, Бонапартіемъ сдѣланныя въ самое то время, когда онъ ожидалъ его, воспрепятствовали исполненію сего намѣренія. Безъ сего препятствія Россія при семъ случаѣ обнаружила-бы совершенное свое безпристрастіе. Англія неправо упорствовала въ намѣреніи удержать за собою Мальту, Россія-же требовала, чтобы, при заключеніи мира, сей островъ возвращенъ былъ ордену святаго Іоанна Іерусалимскаго. Морской уставъ Англіи былъ предметомъ всегдашнихъ жалобъ приморскихъ державъ; Россія настояла, чтобъ оный былъ разсмотрѣнъ; англійское правительство дѣлало по симъ двумъ предметамъ несовмѣстныя затрудненія, что также не мало способствовало къ пресѣченію принятыхъ мѣръ для возстановленія мира между двумя воюющими державами.

Едва не рушился трактатъ и съ самою Англіею; но въ сіе время, противъ общаго чаянія, вѣнскій дворъ вдругъ обнаружился и требовалъ помощи. Тогда уже невозможно было отказаться отъ соучастія, испровергнуть всѣ связи, стоющія не малыхъ трудовъ и, послѣ толикихъ внушеній мужества и твердости, самимъ подать примѣръ легкомыслія и слабости.

Однако-жъ, въ отношеніи къ Англіи, Россія не отступила отъ изъявленнаго ею прежде мнѣнія. Время, приличное для возобновленія онаго и для обращенія сей державы къ умѣреннѣйшимъ мыслямъ былобы то, когда Европа, освободясь отъ порабощенія, не имѣла-бы болѣе нужды въ ея помощи и, располагая свободно своими силами, могла-бы предложить на генеральномъ конгрессѣ, при изложеніи права народнаго, и всеобщій морской уставъ, существенную онаго часть составляющій. Перемѣна образа мыслей вѣнскаго кабинета побудила Россію къ принятію решительныхъ мѣръ. Австрія, устрашенная возложеніемъ итальянской короны на главу французскаго правителя и присоединеніемъ къ сей

имперіи области Генуэзской, помышляла о приведеніи себя въ оборонительное состояніе. Начать пріуготовленія, къ сему клонящіяся, значило подвергнуть себя нападенію Бонапарте. Въ сей крайности война была неизбѣжна. Полагаясь на подкрѣпленіе Россіи, почитая ее единственною своею подпорою и опасаясь въ другое время лишиться оной, вѣнскій дворъ усильно просилъ нашей скорой помощи. Сколько нерѣшимости и боязни оказывалъ оный въ поведеніи своемъ въ продолженіи немалаго времени, столько нынѣ изъявилъ твердости и настоянія. При самомъ началѣ своихъ пріуготовленій видѣлъ оный себя въ величайшей уже опасности, болѣе всего страшась не имѣть достаточно времени для приведенія оныхъ къ окончанію; по сему уваженію соединеніе главнѣйшихъ силъ Франціи на берегахъ океана представлялось весьма выгоднымъ обстоятельствомъ, которымъ необходимо надлежало воспользоваться; и въ семъ положеніи сомнѣваясь, чтобъ Бонапарте дѣйствительно покусился привесть въ исполненіе высадку на берега Англіи, вѣнскій дворъ болѣе всего опасался, чтобъ онъ силъ своихъ не подвигнулъ къ границамъ Австріи. Между тѣмъ, въ самомъ министерствѣ Австріи произошла важная перемѣна. Маку поручена должность генералъ-квартирмейстера: сей выборъ учиненъ безъ малѣйшаго въ оном участвованія Россіи. По признанію самихъ непріятелей сего генерала, оказалъ онъ въ исполненіи возложенныхъ на него должностей величайшую дѣятельность, каковой не находили прежде въ Австріи примѣра. Въ самое кратчайшее время армія была укомплектована и поставлена на военную ногу. Словомъ Макъ оказалъ столько-же искусства и рвенія въ управленіи военнымъ министерствомъ, сколько оплошности, незнанія и слабости въ то время, когда учинена была важная погрѣшность порученіемъ ему команды арміею.

По принятому союзниками плану надлежало Пруссію заставить, во что-бы то ни стало, присоединиться къ коалиціи. Безъ Пруссіи всѣ усилія оной не представляли полной увѣренности въ успѣхѣ; ибо она могла привлечь на свою сторону всѣхъ принцевъ нѣмецкихъ, которые безъ нея не осмѣлились-бы соединиться съ нами; между тѣмъ какъ сосѣднія державы истощали-бы силы свои, Пруссія оставалась-бы неприкосновенною, такъ что наконецъ отъ нея зависѣли-бъ условія мира. Впрочемъ весьма вѣроятнымъ казалось, что король, бывъ однажды принужденъ избрать рѣшительную мѣру, предпочтетъ лучше войну съ Франціею, нежели съ Россіею.

Все сіе рѣшилось на послѣдокъ тѣмъ, что съ одной стороны переговоры, въ Берлинѣ произведенные, а съ другой—поступки самого Бо-

напарте, вступившаго своевольно въ прусскія владѣнія черезъ Анспахъ, заставили его прусское величество отмѣнить свою систему неутралитета, чрезъ что вовсе отвращена опасность войны Россіи съ Пруссіею. Рѣшительность сія была всѣми принята въ Берлинѣ съ выраженіемъ всеобщей радости. Казалось, что немедленно воспользовались симъ предлогомъ нарочно для соединенія съ нами; что дѣйствительно опасались безславія и неудачи войны съ Россіею; наконецъ, что если-бы не страшились сего, если-бы дѣла не доведены были до такой крайности и если-бы прусская армія не была уже постановлена на военную ногу, то берлинскій дворъ не присоединился-бы къ коалиціи, не смотря на вступленіе въ Барейтъ, и по самой большой мѣрѣ развѣ-бы занялъ только Ганноверъ. Въ послѣдствіи случившагося несчастія съ Австріею, легко было увѣриться, сколько неутралитетъ прусскій несовмѣстенъ былъ съ успѣхомъ начатаго предпріятія.

До того времени все было удачно и мы-бы могли быть довольны, сколь быстрымъ, столь и неожидаемымъ раскрытіемъ всѣхъ мѣръ нашихъ.

Здѣсь начинается изложеніе несчастій, Австріею понесенныхъ и мгновенно охладившихъ добрыя расположенія Пруссіи, въ то самое время, когда она принимала нашу сторону. Весьма-бы желательно было, чтобы прусскій кабинетъ рѣшился немедленно на самыя сильныя мѣры, дабы не допустить Бонапарте воспользоваться своими успѣхами. Впрочемъ не должно удивляться, что, когда король оставлялъ систему, къ которой онъ приверженъ былъ по убѣжденію своему, то въ Берлинѣ первыя несчастія Австріи дали совсѣмъ другой оборотъ дѣламъ, нежели какого необходимость обстоятельствъ требовала. Не смотря на всѣ наши старанія, прусскій кабинетъ терялъ самое драгоцѣнное время: Противная партія войнѣ и Россіи покушалась не безуспѣшно, если не перемѣнить чувствованія короля, то по крайней мѣрѣ сдѣлать ихъ безполезными. Наконецъ достигли до заключенія трактата. И хотя содержаніе его далеко было еще отъ совершенія справедливыхъ нашихъ ожиданій, однакожъ тогдашнее критическое положеніе заставило и тѣмъ довольствоваться. Къ тому же присовокупить нужно, что если-бы переговоры сіи не производились, такъ сказать, въ присутствіи самихъ государей, то никакъ-бы не удалось привести оные къ успѣшному окончанію.

Исторія не представляетъ вовсе примѣровъ злополучій столь быстрыхъ, столь совершенныхъ и неожидаемыхъ, каковыя поразили австрійскій домъ въ теченіи столь краткаго времени. Нѣтъ примѣра подобнаго сцѣпленія изумляющихъ и непостижимыхъ погрѣшностей и несчастій.

Макъ, вмѣсто точнаго выполненія того, въ чемъ онъ самъ согласился съ Россіею, и не дожидая нашихъ армій на Иннѣ, переходитъ сію рѣку, не взирая даже на прокламацію Бонапарте, объявившаго, что онъ переходъ сей признаетъ началомъ непріятельскихъ дѣйствій.

Отъ сего шага зависѣло въ послѣдствіи не потеря одного сраженія, которая могла-бы быть вознаграждена, но совершенное истребленіе цѣлой арміи, вовсе не сражавшейся. Австрія, послѣ двухнедѣльнаго похода, пришла не въ состояніи продолжать войну съ сей стороны и должна была лишиться столицы. Императоръ Францъ, въ доказательство своей правоты и твердости, настоялъ, чтобы генералъ Кутузовъ, составлявшій всю свиту монархіи австрійской, не помышлялъ о защитѣ Вѣны. Онъ предпочелъ отдать столицу свою въ руки непріятелей, но не оставилъ ни своихъ союзниковъ, ни общаго ихъ дѣла.

Таковое необходимое пожертвованіе со стороны Австріи совершенно разстроило всѣ части правленія и привело оныя въ величайшій безпорядокъ; слабость онаго, крайній недостатокъ твердости и благоразумія достигли высочайшей своей степени. Непріятель наступалъ, безпорядокъ умножался, никто не помышлялъ объ исправленіи онаго силою тѣхъ способовъ, которые находились еще въ самой монархіи и достаточны были къ отраженію погибели. Одни, сколь неизвинительныя, столь и грубыя погрѣшности слѣдовали за другими въ сопровожденіи новыхъ увеличивающихся бѣдствій.

Генералъ Кутузовъ, преслѣдуемый и почти окруженный арміею, въ четверо многочисленнѣе той, которою онъ предводительствовалъ, искусствомъ и благоразуміемъ своимъ избѣгъ опасности, и поражая всюду непріятеля, совершилъ ретираду, покрывшую его безсмертною славою. Казалось, что самое затруднительное положеніе миновало: соединеніе съ Буксгевденомъ дало оному видъ болѣе благонадежный. Теперь предстояло важнѣйшее дѣло въ томъ, чтобъ предохранить себя отъ бѣдствія, въ ожиданіи того времени, когда начнется содѣйствіе Пруссіи. Но какъ, по причинѣ недостатка въ продовольствіи, армія не могла сохранить выгоднаго своего положенія подъ Ольмюцомъ, то надлежало учинить движеніе впередъ, которое и было главною причиною сраженія при Аустерлицѣ.

Безъ сомнѣнія невозможно предполагать въ императорѣ Францѣ ни малѣйшаго чувствованія противнаго чести, ни обвинять его подозрѣніемъ въ вѣроломствѣ, котораго онъ вовсе чуждъ; не можно даже обвинять симъ и того небольшого числа людей, которые составляютъ его кабинетъ, ибо какую цѣль могла-бы имѣть ихъ измѣна, и кто

рѣшится на злодѣйство, клонящееся къ собственной погибели? При всемъ томъ пагубныя событія, предшествовавшія 20-му числу ноября и въ самый сей день случившіяся, столь непостижимы, что невозможно ихъ изъяснить, не предположивъ измѣны нѣкоторыхъ австрійскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, проданныхъ выгодамъ Франціи или равнодушныхъ къ бѣдствіямъ своего отечества; непостижимое и злополучное дѣйствіе сихъ причинъ, окружая всѣ шаги несчастнаго Франца, приводило въ недѣйствіе всѣ его начинанія и самую волю, къ добру стремящуюся. Несчастный сей государь былъ принужденъ вступить въ переговоры съ побѣдителемъ и заключить перемиріе, коимъ, обѣщавъ, что войска россійскія оставятъ его владѣнія, предалъ себя беззащитно въ руки Бонапарте. Послѣ столь бѣдственнаго происшествія, немедленно были отправлены въ Лондонъ, Берлинъ и Константинополь увѣдомленія о настоящемъ положеніи дѣлъ для предупрежденія ложныхъ впечатлѣній. Въ то-же время извѣщенъ былъ объ ономъ генералъ Ласси въ Неаполѣ, дабы могъ онъ принять со своей стороны надлежащія мѣры. Россія поспѣшила сообщить берлинскому двору о непремѣнности своего расположенія выполнить обязанности свои въ разсужденіи Пруссіи; корпусы, подъ начальствомъ Бенигсена и Толстаго состоящіе, оставлены въ распоряженіи короля съ обѣщаніемъ еще оные усилить. Россія объявила въ то-же время, что она продолжаетъ принимать наиважнѣйшее участіе въ жребіи римскаго императора, что она желаетъ, чтобы ему дали помощь въ силу обязательствъ, постановленныхъ договоромъ Потсдамскимъ, и что въ сіе рѣшительное время она намѣрена въ полной откровенности согласиться съ его прусскимъ величествомъ для принятія общихъ мѣръ.

Правитель Франціи сначала объявилъ было, что онъ выведетъ войска свои изъ австрійскихъ владѣній въ одно время съ нашими, и сіе увѣреніе было поводомъ, что отступленіе россійской арміи было обѣщано; но едва узналъ, что сіе было рѣшено, то и нарушилъ свое увѣреніе. Онъ настоялъ, чтобы войска французскія не выходили изъ мѣстъ, ими занимаемыхъ, и чтобы Тріестъ и Фіумъ остались за нимъ пока продолжаться будутъ мирные переговоры въ Никольсбургѣ.

Предварительныя предложенія, Франціею сдѣланныя, состояли въ присоединеніи Венеціи къ королевству Италійскому, отдѣленіи Тироля и Сальцбурга отъ Австріи для вознагражденія курфирста баварскаго; между тѣмъ и королевство Неаполитанское подвергалось опасности сдѣлаться удѣломъ котораго-нибудь изъ родственниковъ Бонапарте.

Таковыхъ-то послѣдствій теперь ожидать должно отъ того плана,

которому недоставало для оправданія лестныхъ ожиданій единственно совершеннаго раскрытія во всѣхъ его частяхъ.

Римскій императоръ, вынужденъ будучи вступить въ частные переговоры и угрожаемый необходимостію принять самыя вредныя для себя условія, съ поспѣшностію послалъ въ Берлинъ, чтобы узнать, какого пособія можетъ онъ ожидать отъ тамошняго двора.

Донесенія, полученныя изъ Берлина, подавая свѣденіе о настоящихъ расположеніяхъ его величества короля прусскаго, усугубляютъ сожалѣніе, что въ то время, какъ дѣла принимали самый счастливый оборотъ, бѣдственное происшествіе воспрепятствовало совершиться оному. Самъ Бонапарте находился въ сильномъ безпокойствѣ и опасеніи. Парламентеры, которые неоднократно отъ него передъ сраженіемъ были присылаемы, служатъ тому доказательствомъ. Онъ боялся соединенія нашего съ эрцъ-герцогомъ Карломъ; общее мнѣніе Франціи, нежелающей войны, заставляло его опасаться продолженія оной. Даже и послѣ побѣды сей, казалось, что онъ несовершенно еще спокоенъ въ разсужденіи оборота, какой дѣла вновь принять могутъ, и, судя по поступкамъ его, можно нѣкоторымъ образомъ заключить, что онъ намѣренъ дать видъ желанія сблизиться съ Россіею.

Пруссія, опасаясь мщенія Бонапарте, надѣется на сильную помощь Россіи; намъ-же остается взять такія мѣры, кои усугубленною твердостію могутъ сохранить достоинство Россіи, ея безопасность и выгоды.

Pétersbourg. Ministère. 1806, 63/1. Подлинникъ.

№ 61. — Чарторижскій Кочубею, Завадовскому и др.

Commencement de l'année 1806.

S. M. I. désirant que les rapports politiques de son empire soient examinés sous toutes leurs faces avec la plus scrupuleuse attention dans un comité dont vous êtes appellé à faire partie, m'a ordonné de vous inviter à vous y rendre non-seulement pour procéder à cet examen, mais pour concourir à en dresser un rapport détaillé destiné à être

---

Начало 1806 года.

Желая, чтобы политическія отношенія его имперіи были разсмотрѣны со всѣхъ сторонъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ въ комитетѣ, членомъ котораго вы назначаетесь, его и. в-во повелѣлъ мнѣ призвать васъ туда не для того только, чтобы приступить къ этому разсмотрѣнію, но и чтобы содѣйствовать со-

présenté à S. M. qui veut également que ce comité s'occupe à tracer le système qu'il convient de suivre pour rendre à la Russie son influence et garantir la sûreté de ses provinces. — En m'acquittant des ordres de S. M., j'ai l'honneur de vous proposer de vous rendre chez moi demain à ... [1]) heure, moment, auquel j'ai également engagé à s'y trouver les autres personnes que S. M. I. a nommées pour composer ce comité.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/39. Черновая.

№ 62.—Мнѣніе графа Строганова.

Начало 1806 года.

Вникая со всевозможнымъ вниманіемъ во всѣ обстоятельства въ изложеніи настоящаго положенія политическихъ дѣлъ, совѣту представленныя, и разсматривая въ приложеніяхъ акты, къ тому принадлежащіе, нельзя не убѣдиться, что благонамѣренные виды возстановить въ Европѣ всеобщій миръ и тишину и доставить чрезъ то нашему государству прочную и сколько возможно менѣе отъ случаевъ зависящую безопасность были не менѣе соотвѣтственны истиннымъ пользамъ отечества, какъ и достоинству имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что благоразумныя мѣры къ достиженію сей цѣли, нашимъ кабинетомъ принятыя, и довѣренность, которую онъ пріобрѣлъ себѣ отъ всѣхъ прочихъ державъ безкорыстіемъ своимъ, умѣренностію и строгимъ наблюденіемъ безпристрастія, были бы увѣнчаны счастливымъ успѣхомъ, ежели-бъ столь же непредвидимые, какъ и неслыханные случаи, каковые заключали въ себѣ совершенное истребленіе австрійской арміи при Ульмѣ и недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, не опровергли всѣхъ предпріятій и не перемѣнили бъ совершенно положенія дѣлъ въ Европѣ.—Съ сего времени, когда, съ одной стороны, ясно видно, что Австрія, по невозможности сопротивляться оружію Бонапарте, неминуемо должна заключить съ нимъ миръ, а можетъ быть и союзъ, а съ другой—что Пруссія, слѣдуя всегдашнимъ своимъ робкимъ и на однихъ только частныхъ выгодахъ основаннымъ правиламъ, не приметъ въ настоящемъ положеніи дѣлъ ни-

---

ставленію подробнаго отчета, который долженъ быть представленъ его и. в-ву. Онъ желаетъ также, чтобы этотъ комитетъ занялся указаніемъ способовъ возвратить Россіи ея вліяніе и оградить безопасность ея провинцій.—Исполняя приказанія его в-ва, честь имѣю предложить вамъ явиться ко мнѣ завтра въ ... часовъ; къ этому времени я пригласилъ также и другихъ лицъ, назначенныхъ его и. в-вомъ въ этотъ комитетъ.

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

какого дѣятельнаго въ нихъ участія, Россія должна обратить главнѣйшее вниманіе на собственную свою безопасность и на все, что оную наиболѣе утвердить можетъ, не отступая однакожъ отъ своихъ правилъ и не переставая сколько возможно пещись о интересахъ тѣхъ державъ, которыя ввѣрили себя ея покровительству.—Въ настоящемъ положеніи дѣлъ безопасность Россіи можетъ поколеблема быть только съ двухъ сторонъ: 1-е, со стороны видовъ Бонапарте на Галицію и вообще на польскія провинціи; и 2-е, со стороны происковъ его на турецкія владѣнія, съ которыми сопряжена цѣлость полуденнаго края Россіи и благонадежность черноморской торговли.—Въ первомъ случаѣ, ежели не настоящая опасность, которая мнѣ кажется довольно еще отдалена, то по крайней мѣрѣ нужная предосторожность требуетъ, по мнѣнію моему, во-первыхъ, чтобы правительство имѣло точныя свѣдѣнія о всѣхъ настоящихъ происках Бонапарте въ семъ краю и о успѣхахъ, которые они имѣть могутъ; почему и слѣдовало бы отправить туда одного или двухъ расторопныхъ людей съ тѣмъ, чтобъ они, проникнувъ, въ чемъ сіи происки состоятъ, старались ихъ разстроить и увѣдомляли о всемъ, что тамъ происходить будетъ; а второе — чтобы войска наши подъ какимъ-нибудь предлогомъ задержаны были въ Галиціи, такъ чтобы не прежде оставили сей край, какъ по прошествіи съ сей стороны всѣхъ предполагаемыхъ опасностей, что̀ съ возвращеніемъ арміи Бонапарте во Францію само собою и разрѣшится. – Что жъ касается до втораго случая, то я полагаю, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россія въ полуденныхъ интересахъ своихъ не прежде можетъ быть совершенно обезпечена, какъ по заключеніи съ Франціею такого мира, коего бы кондиціи служили залогомъ, что Бонапарте оставитъ Турецію въ томъ положеніи, въ которомъ она до сего времени находилась. Можно-ли сего надѣяться отъ него? Въ чемъ должны состоять крайнія кондиціи мира съ Франціею? И какія, въ противномъ случаѣ, должно предпринять мѣры? Того съ основательностію не прежде опредѣлить будетъ можно, какъ когда узнаемъ мы въ точности, на какой ногѣ Австрія и Пруссія остаются съ Франціею и въ какомъ расположеніи Бонапарте дѣйствительно находится въ отношеніи къ Россіи. Чтобы получить точныя по сему послѣднему столь важному для насъ предмету свѣдѣнія, я почитаю нужнымъ, не полагаясь въ ономъ ни на какой дворъ, послать немедленно къ Бонапарте подъ какимъ-нибудь предлогомъ съ нужными способностями человѣка, который бы не официально, но подъ рукою началъ непосредственно съ кабинетомъ его переговоры и, проникнувъ его намѣренія, расположеніе къ намъ и виды,

пріуготовилъ, такъ сказать, матеріалы для формальной негосіаціи.— Итакъ, мнѣніе мое состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ положеніи польза Россіи требуетъ, чтобы кабинетъ нашъ не пренебрегъ никакихъ средствъ, достоинству е. и. в-ва соотвѣтствующихъ, сблизиться съ Франціею; что сіе должно произвести въ дѣйство безъ посредства другихъ дворовъ, на которые ясно уже видно что полагаться много нельзя, и что при семъ случаѣ всѣ поступки нашего кабинета должны расположены быть такъ, чтобы вся Европа видѣла, что Россія не переставала пещись о пользѣ ея союзниковъ и тѣхъ державъ, которыя ввѣрили себя ея покровительству, дабы въ противномъ случаѣ не потерять довѣренность, которую она себѣ пріобрѣла и не помрачить славу всеавгустѣйшаго монарха.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/18. Подлинникъ.

№ 63.—Мнѣніе министра просвѣщенія графа Завадовскаго.

Начало 1806 года.

Въ общемъ союзѣ на войну мы не имѣли собственныхъ видовъ къ пріобрѣтеніямъ, а вошли въ оный, дабы, къ спокойствію Европы, обуздать насилія, простираемыя отъ нынѣшняго властителя Франціи. Но когда самыя главныя державы, въ семъ положеніи участвовавшія, какъ-то Австрія, заключила съ нимъ свой миръ, а Пруссія видимо къ тому же болѣе преклонна, чѣмъ расположена дѣйствовать ополчительно, то въ таковомъ переворотѣ внѣшней системы мы имѣемъ незазорное право располагать нашу собственную, въ отношеніи къ союзу, по происшедшимъ въ немъ перемѣнамъ. Изъ союзниковъ, что̀ еще не отпали отъ условленнаго вооруженія, Англія могущественна на водахъ, но на сушу не изведетъ арміи, Данія и Швеція по себѣ безсильны. Все сіе ведетъ насъ къ ощутительной точкѣ: что война по сдѣланному союзу потеряла и направленіе, и способы, и мы ихъ собою поднять не въ силахъ. Въ такомъ вещей быту оставалось бы намъ перейти въ то спокойное положеніе, въ которомъ до войны мы находились, еслибы не возникъ новый предметъ, важнымъ образомъ призывающій наше вниманіе и дѣятельную осторожность въ сторону нашей границы на полдень. По новому мирному трактату между Франціею и Австріею, одержала Франція венеціанскія области и берегъ Адріатическаго моря. Предвидѣть не трудно слѣдствія отъ того, не только возможныя, но и неминуемыя, что Бонапартъ входитъ теперь въ любимый его елементъ—разрушить Ту-

рецкую имперію и возобладать Египтомъ. Пойдетъ ли постепенно или вдругъ сильною мѣрою къ сей цѣли, не встрѣтитъ въ томъ себѣ нигдѣ препонъ по двумъ причинамъ. 1-я, путь для сухопутныхъ его войскъ отъ новыхъ предѣловъ безпрепятственъ до самаго Царяграда. 2-я, Порта Оттоманская, потерявъ всю силу внутренняго правленія, ослабѣла и въ способахъ къ оборонѣ. Покореніе и завоеванія тамъ легки, гдѣ государство въ существѣ своемъ наклонилось къ паденію. При событіи того, что̀ произойдетъ на наши открытые полуденные предѣлы и на торговлю, производимую отъ оныхъ, до которой мы доходили вѣкомъ, борясь съ турками, когда сосѣдъ сильный, предпріимчивый, вмѣсто слабаго и ничтожнаго, водворится въ Турціи? И можемъ ли мы оставаться безпечными въ томъ только упованіи, что отъ полагаемой причины еще къ намъ далеки слѣдствія? Но мудрому правительству свойственна прозорливость, по которой равно упреждается вредъ настоящій, какъ и будущій. Государство переживаетъ вѣкъ человѣчества, благополучіе же онаго роды предыдущіе передаютъ потомству. Такъ, должно намъ быть дѣятельными, дабы замыслъ Бонапарте не окоренился въ Туреціи. Къ чему, я думаю, предварительно можемъ принять слѣдующія мѣры, ибо всякому важному дѣлу свойственъ медленный ходъ.—1-е. Снестись нашему министерству съ великобританскимъ и удостовѣриться о его расположеніи на случай военныхъ предпріятій отъ Бонапарте въ Турецію.—2-е. Чтобы того двора министръ обще съ нашимъ, находящимся въ Цареградѣ, внушили Портѣ, сколь видимо ближится къ ней совершенная гибель отъ предѣловъ, вновь объятыхъ французами. Нельзя усомниться, чтобы и въ нынѣшнемъ своемъ критическомъ состояніи провительство турецкое осталось безчувственно и не подалось на то, чтобы у насъ и у агличанъ просить помощи въ свою оборону.—3-е. Послать тайныхъ емиссаровъ въ греческія и славенскіе области, по единовѣрію къ намъ приверженныя, дабы обольстительныя внушенія, которыя конечно простретъ къ нимъ Бонапарте, опровергали толкованіями, коль пагубно для нихъ принять его сторону.—4-е. Если мѣра таковаго вліянія подѣйствуетъ, и Порта отъ насъ взыщетъ себѣ помощи, въ такомъ случаѣ руку нашего вооруженія мы можемъ ей подать отъ пунктовъ удобныхъ съ земли и моря. Но приступать къ тому не инако, какъ уже явственны будутъ подвиги французовъ ко вступленію въ турецкія области и когда Англія рѣшилась бы на общее съ нами дѣло. Въ предположеніи еще не прямой войны, которой хотѣть никто не расположенъ, а по единой осторожности, по видамъ требуемой, нужно бы въ будущее лѣто къ границамъ нашимъ, прилеглымъ къ Молдавіи, раз-

мѣстить знатное вооруженіе, приступить также и къ вооруженію флота въ гаваняхъ черноморскихъ; ибо готовность къ войнѣ въ настоящемъ положеніи не будетъ излишнею.—Независимо отъ сего можемъ испытать открыть безпосредственно негоціацію съ самимъ Бонапарте, употребя на то благовидный предлогъ; успѣхъ въ томъ почти несомнителенъ, ибо нѣтъ непосредственныхъ причинъ между Россіею и Франціею ко враждѣ взаимной. И извороты таковые въ политикѣ державъ не вмѣняются въ предосужденіе ихъ достоинству. При объясненіяхъ въ такихъ случаяхъ, можетъ быть, онъ сдѣлаетъ намъ свои предложенія о Турціи, которыя теперь только въ гаданіи, а тогда можно будетъ ихъ взвѣсить точно съ нашими коренными пользами.—Подозрѣваемый умыслъ возмутить Польшу и привести ее въ прежнюю державу, по моему понятію, есть мечта пугающая; она исчезаетъ въ приложеніи здраваго разсудка. Тамъ въ вольности и въ народоправленіи главная масса жителей никогда не участвовала и понятія о томъ не имѣетъ. Если падало бы сомнѣніе на духъ шляхетства, то едино общество сіе составитъ ли знатное ополченіе? Для войны потребны деньги, знатный военный снарядъ. Имѣютъ ли то поляки? Сверхъ того, провинціи сіи покрыты нашими войсками, я полагаю и бдительною тамо нашу земскую полицію.—Слѣдственно искру возмущенія, при самомъ зарожденіи ея, удобно погасить. Я сошлюсь на опыты еще свѣжіе въ нашей памяти, когда Польша существовала да и внутренніе имѣла способы къ ополченію, были въ ней конфедераціи, поддуваемыя Австріею, Пруссіею и самою Франціею, происходило и общее возмущеніе противъ Россіи; но всѣ сіи затѣи не воспящали намъ въ то время вести войну въ Турціи и разрушать коварства за спиною воюющей арміи.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/20. Подлинникъ.

№ 64. — Мнѣніе князя Куракина.

Начало 1806 года.

Всякое пристрастіе чуждо моей души. Я только то помню, что я русскій и что люблю моего государя и мое отечество. Они для меня нераздѣльны; и въ спокойствіи Вашемъ и въ славѣ Вашей вижу я и ищу всегда спокойствіе и славу отечества. Я движимъ единственно моею совѣстью, моею присягою въ вѣрности в. и. в-ву данною, всѣми сильными чувствованіями моей личной привязанности къ особѣ вашей и желаніемъ, чтобы Россія всѣми благотвореніями кроткаго и молосердаго царствованія вашего наслаждаться не переставала, чтобъ въ памяти

позднѣйшихъ поколѣній сохранялось царствованіе ваше счастливѣйшимъ для нея временемъ, и чтобъ могущество и предѣлы Россіи, предками вашими утвержденные, навсегда въ цѣлости и не початыми пребыли! Лишнимъ почитаю къ происшествіямъ уже совершившимся обращаться. Не раздроблять и оцѣнять оныя зоветъ меня теперь долгъ мой, но къ тому, чтобы представить в. в-ву, по лучшему удостовѣренію моему, внутреннее мнѣніе мое о приличнѣйшихъ и полезнѣйшихъ средствахъ, коими в. в-во въ настоящемъ положеніи Европы достоинство могущей имперіи вашей предохранить и оной благоденственное спокойствіе возвратить можете.—По обстоятельствамъ, посреди коихъ мы теперь находимся, в. в-во увѣнчали уже себя общею хвалою, непорочностію и твердостію вашихъ видовъ и намѣреній и явивъ, подвергая себя всѣмъ опасностямъ, собственную вашу храбрость и неустрашимость; храброе ваше воинство, мужественными подвигами своими неколеблемо отличающееся, подтвердило къ себѣ древнее всѣхъ почтеніе; исполняя съ точностью и честностью всѣ ваши обязательства по союзу между в. в-вомъ и цесаремъ и по вызову отъ него вамъ сдѣланному, поспѣшили вы съ знаменитою военною силою къ нему на помощь. Но слабость, растройство, безначаліе австрійской монархіи и напасти неслыханныя и во всѣхъ лѣтописяхъ подобныхъ себѣ не имѣющія, которыя въ войнѣ своей противъ французовъ въ сіи послѣдніе мѣсяцы претерпѣла, не токмо вывели ее изъ числа большихъ державъ, но и лишили всѣхъ способовъ къ оборонѣ своей и къ содѣйствію съ войсками в. в-ва. — Австрія покорена и обладаема французскимъ оружіемъ; Бонапарте нѣтъ преграды въ предписаніи цесарю постыднѣйшихъ и язвительнѣйшихъ условій и пожертвованій для его съ нимъ мира; отъ одного произвола Бонапарте зависѣть можетъ потребовать, чтобы слабая ему покоренная Австрія, по примѣру Испаніи, подъ сѣнію его покровительства токмо политическое бытіе свое продолжила и во всѣхъ его предпріятіяхъ ему повинно содѣйствовала. Слѣдовательно исчезла Австрія въ могуществѣ своемъ, не имѣетъ оная никакой возможности болѣе, ни намъ помогать, ни отъ насъ вспоможенною быть. Дѣйствіемъ ея перемирія съ Бонапарте, в. и. в-во вывели ваши войска изъ ея владѣній; тѣмъ остановились на время наши военныя дѣйствія, но тѣмъ не пресѣклось, а продожается еще положеніе нашей войны противъ французовъ. Мы видимъ Бонапарте со всѣми его силами въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ до отступленія нашихъ войскъ въ Моравіи находился. Онъ на границахъ Галиціи, имѣя при себѣ Костюшку, Заіончека и всѣхъ единомышленниковъ сихъ извѣстныхъ польскихъ мятежниковъ. Всѣ доходящія о немъ извѣ-

стія и частныя истинныя заключенія каждаго поселяютъ во всѣхъ то вѣрное ожиданіе, что онъ теперь занимается возстановленіемъ прежней Польской республики, чрезъ отторженіе отъ Россіи, Пруссіи и Австріи ея частей, по раздѣламъ ихъ имъ уступленныхъ. Я не могу никакъ согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что напрасно сіи виды Бонапарте приписуются и что въ совершеніи оныхъ будто нѣтъ для него возможности, а для Франціи пользы. Совсѣмъ противное представляется удостовѣренію моему. Таковое событіе теперь не токмо весьма возможно, но и со всегдашними и особливо съ настоящими видами и пользами Франціи совершенно сообразно. Возстановленіемъ Польши въ ея прежнее состояніе водворится паки въ Европѣ новое государство, паче другихъ для Россіи вредное, и оную отъ Европы, отъ вліятельнаго въ ея дѣлахъ участія, устранить долженствующее. Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ всѣ умы въ Галиціи, удрученной тягостнымъ австрійскимъ управленіемъ, желаніемъ и ожиданіемъ своими къ оному пріуготовлены уже не были, и для произведенія въ Галиціи пламени мятежа достаточно будетъ конечно одного превозглашенія отъ Бонапарте, что подъ его покровомъ освобождается оная отъ ига австрійскаго. Возможно будетъ для Бонапарте, поставивъ сіе первою цѣною для своего съ Пруссіею примиренія, чтобъ склонить сію послѣднюю на отступленіе отъ ея польскихъ владѣній съ тѣмъ, чтобъ въ замѣну за оныя почучить отъ его руки нѣмецкія владѣнія короля великобританскаго и короля шведскаго, чѣмъ единовременно нанесетъ онъ и обоимъ симъ государямъ мстительный сильный ударъ свой. Когда же настоящія польскія области, Пруссіи и Австріи принадлежащія, съ руководствомъ и подкрѣпленіемъ Франціи и съ предметомъ возстановленія прежней Польской республики, въ полномъ мятежѣ будутъ, какъ ожидать можно тогда, чтобъ наши польскіе подданные, сколь оные подъ державою в. и. в-ва ни благоденствуютъ, остались покойными и не поспѣшили-бы достигать съ ними вмѣстѣ до ровной цѣли воскрешенія имени и бытія ихъ древняго отечества? Пребываніе многомочной и многочисленной военной силы в. и. в-ва посреди и на границахъ польскихъ областей вашихъ не превозможетъ удержать въ спокойствіи и повиновеніи шаткихъ и легкомысленныхъ обывателей ея въ глубинѣ своихъ сердецъ о прежней мечтательной независимости изъ жалѣть не преставшихъ; и тогда, вмѣсто одной войны наружной, присовокупится другая война съ нашими собственными новыми подданными для укрощенія ихъ мятежнаго волнованія. Отъ сихъ послѣднихъ возпослѣдуютъ разсыпанныя нападенія на наши войска; всѣ способы къ ихъ содержанію и къ ихъ дѣйствіямъ будутъ отягощены; въ сей

борьбѣ будетъ Россія сражаться съ врагомъ внѣшнимъ и съ врагами внутренними, и не токмо напряженіе всѣхъ ея силъ, но даже истощеніе оныхъ врядъ достанетъ-ли на преодоленіе всѣхъ тѣхъ великихъ и тяжкихъ затрудненій, въ коихъ себя тогда увидитъ?—Сверхъ того, уничтоженіемъ могущества австрійскаго дома, Бонапарте получитъ долженъ такое вліяніе надъ Портою, по древней своей привычкѣ къ Франціи всегда наклонной, что отторгнувъ ее отъ существующихъ нынѣ узъ тѣснаго союза съ нами, можетъ паки навести на ополченіе и недоброжелательство противъ насъ. Хотя таковый возможный разрывъ съ нами Порты, столь часто бремя нашихъ побѣдъ надъ нею понесшей, и не можетъ ввергать насъ въ великое о слѣдствіяхъ его безпокойство, однако если-бы воспослѣдовалъ во время продолженія нашей войны съ Франціею и нашего занятія польскій мятежъ укрощать, то не менѣе потребовалъ-бы великаго отдѣленія силъ нашихъ и тѣмъ былъ-бы для насъ весьма тягостенъ. Если Бонапарте, можетъ-быть, на сіи мѣры не расположится или къ онымъ и Порту рѣшить въ состояніи не будетъ, то представляется другое предположеніе, что можетъ онъ для удовлетворенія Австріи за области, которыя вѣроятно ему новымъ ея съ нимъ миромъ пожертвованы будутъ, хотѣть принудить Порту уступить ей нѣкоторую часть ея европейскихъ владѣній; и какъ сіе не инако-бы совершилось, какъ съ положительнымъ обѣщаніемъ Австріи ему пребыть подвластною, то сіе событіе столь же бы мало сообразовалось съ пользами Россіи, какъ вѣроятная уступка Австріи владѣемой сю части бывшей Венеціанской республики къ новому королевству Италійскому, ибо Бонапарте, бывъ обладателемъ онаго, получитъ чрезъ то способъ надъ Адріатическимъ моремъ господствовать и Порту въ непресѣкающемся опасеніи возможныхъ его на нее нападеній содержать. — Паденіе Австріи дѣломъ самимъ послужило къ возвышенію находившейся въ непримиримомъ и вѣчномъ противъ нея соперничествѣ Пруссіи и сотворяетъ сію послѣднюю державу тою, которой союзъ съ нами всѣхъ другихъ для насъ естественнѣе, нужнѣе и полезнѣе. Волею, дальновидностію и собственнымъ подвигомъ в. и. в-ва сей союзъ благополучно совершенъ и существуетъ. Общая польза обоихъ государствъ требуетъ не токмо непрерывнаго продолженія онаго, но и того, чтобъ по настоящему ходу общихъ дѣлъ европейскихъ оный еще какъ можно болѣе стѣснить, дабы во всякомъ случаѣ во взаимныхъ своихъ подвигахъ и пользахъ были за одно. Тѣсная связь дружбы и довѣренности, сопрягающая лично в. в-во съ королемъ прусскимъ и основанная на совершенномъ познаніи вашемъ добродѣтельныхъ качествъ его души, увѣн-

чивая сей союзъ, прочность онаго утверждаетъ. Но миролюбивое расположеніе сего государя, извѣстное в. в-ву желаніе его ограничить себя въ единомъ нетлѣнномъ сохраненіи настоящихъ предѣловъ его владѣній и правила, по которымъ его министерство всегда поступало, позволяютъ намъ на Пруссію полагаться только въ однихъ мѣрахъ оборонительныхъ. И если самъ Бонапарте, мстя Пруссіи за ея сближеніе съ нами и удаленіе отъ него, не ополчится противъ нея и не принудитъ оную къ защитѣ своей, которую мы съ нею раздѣлять обязаны будемъ, то съ другой стороны не вѣроятно, да и по всѣмъ доводамъ мало основательной надежды есть, чтобы оная въ продолженіе войны нашей противъ французовъ самими дѣйствіями учавствовать рѣшилась въ случаѣ томъ, что сія война сдѣлалась-бы теперь неизбѣжною или необходимою.—Не подчинены союзу нашему съ Англіею наши связи на твердой землѣ и обстоятельства, въ коихъ мы на оной находиться имѣемъ. Ни оными распоряжать, ни по онымъ дѣятельную помощь оказывать намъ сія морская держава не можетъ. Оныя нами самими опредѣляемы и управляемы быть должны по лучшей нашей пользѣ, перемѣняющейся въ ея видѣ и способахъ случающимися происшествіями. Но притомъ нужно намъ доброжелательство Англіи и желательна связь съ нею для процвѣтанія нашей морской силы и для успѣховъ нашей торговли. Я думаю, что по симъ двумъ предметамъ всѣ наши обязательства съ нею составляться должны, не подчиняя себя никакому ей пожертвованію и содѣйствію въ ея предпріятіяхъ, въ виду имѣющихъ единственно собственное ея любочестіе или властолюбіе, никакъ въ своемъ родѣ не уступающая тому, коимъ Франція обвиняется. Превосходство силъ Англіи на морѣ равняется совершенно съ превосходствомъ силъ Франціи на суши, и въ ономъ имѣетъ она сама по себѣ достаточное могущество для содержанія своего политическаго равновѣсія съ Франціею и для недопущенія сей послѣдней какія-либо насильства продолжать, или незаконныя завладѣнія свои распространять. Когда мы, слѣдуя обстоятельствамъ и собственной пользѣ нашей, можемъ располагаться по нашимъ собственнымъ видамъ и надобностямъ, отъ видовъ и надобностей Англіи отдѣленнымъ, то Англія, слѣдуя справедливости и при сохраненіи нашихъ дружелюбныхъ и торговыхъ съ нею связей, не можетъ за то намъ мстить; и еслибъ могла она пожелать какое-либо мщеніе противъ насъ произвести, то въ чемъ-бы могло оное состоять? По нашему мѣстному положенію нѣтъ для нея возможности оное намъ чувствительнымъ учинить.—Швеція и Данія, сіи двѣ державы второй степени въ единствѣ дѣйствовать и никому сильныхъ ударовъ наносить немогущія, въ тѣс-

ной связи съ нами теперь сопряженныя, всю довѣренность свою обратили къ доброжелательству нашему къ нимъ и за оную, имъ соотвѣтствуя, не трудно будетъ намъ во всякое постановленіе наше для общаго спокойствія въ Европѣ нужное съ предохраненіемъ ихъ безопасности и выгодъ ихъ включить.—Тоже самое скажу о королѣ обѣихъ Сицилій, твердою привязанностію своею къ Россіи всегда ознаменовавшимся, который высадкою нашихъ войскъ въ Неаполь послѣ подписанія у него, отъ Франціи вынужденнаго, акта о его строгомъ нейтралитетѣ, ввержень въ тягчайшее опасеніе самаго лютаго мщенія ея, когда сіи войска наши, опредѣленныя къ содѣйствію австрійской арміи, ерцъ-герцогомъ Карломъ предводительствованной и уже Италію оставившей, не довольно многочисленны, чтобъ противъ сильнаго ополченія французовъ землю, въ которую вошли, и себя самихъ достаточно защитить.—Достоинъ вниманія в. и. в-ва жребій не токмо сихъ въ Неаполь высаженныхъ войскъ нашихъ, но и тѣхъ, которыя подъ начальствомъ графа Толстаго въ Ганноверѣ находятся, если паче чаянія, чего я и предполагать себѣ не позволяю, графъ Гаугвицъ для берлинскаго двора, отъ насъ тайное и намъ до сего неизвѣстное, особое условіе съ Франціею заключилъ.—Дерзнувъ теперь изобразить предъ в. в-вомъ сокращенную, но истинную картину о состояніи союзниковъ вашихъ, о положеніи настоящемъ Бонапарте и о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ ему приписуемыхъ, которыхъ отъ него со всею вѣроятностію ожидать можно, и о новыхъ тяжкихъ заботахъ, въ коихъ в. в-во при продолженіи съ нимъ войны сильную имперію вашу отъ его коварства и предпріимчивости увидѣть можете, явствуетъ изъ оной, что Австрія пала и оную уже ни въ какой счетъ класть не слѣдуетъ; что на содѣйствіе наступательное естественнаго навсегда и перваго союзника вашего, короля прусскаго, надѣяться не можно; что союзъ нашъ съ Англіею, напастьми Австріи въ безсиліе уже приведенный, не можетъ обязать насъ забыть то, чѣмъ мы нашему сохраненію и нашимъ собственнымъ пользамъ должны; что короли шведскій, датскій и обѣихъ Сицилій, намъ ввѣрившіеся, при всякой возможной перемѣнѣ нашихъ видовъ и связей отъ насъ призрѣны и отъ всякаго зла предохранены быть могутъ; что по разрушеніи военной силы и политическаго бытія австрійской монархіи неисчисленны способы, коими Франція вредить и весь внутренній составъ ея изнурить можетъ; что ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ нѣтъ, чтобъ Бонапарте не помышлялъ о возстановленіи Польской республики и о возрожденіи для сего пагубнаго предмета мятежа въ ея частяхъ, принадлежащихъ тремъ державамъ, оную между собою раздѣлившимъ; что отъ произведенія въ

дѣйствіе сего коварнаго намѣренія его Россія увидитъ себя единовременно обремененною двумя войнами, наружною и внутреннею, коихъ успѣхъ и конецъ подвержены будутъ обыкновенному мѣняющемуся счастію оружія; что Россія видитъ себя въ семъ положеніи безъ всякой сторонней помощи и принуждена готовиться къ сей продолжительной и великой брани своими собственными силами; и что оную не инако и при самыхъ желательнѣйшихъ побѣдахъ, какъ съ истощеніемъ совершеннымъ своего могущества начинать и продолжать можетъ. Уважая всѣ сіи обстоятельства, взоромъ безпристрастнымъ и съ чувствіемъ подобающимъ вѣрному и къ особѣ вашей, всемилостивѣйшій государь, лично преданнѣйшему подданному вашему, и пользуясь высочайшимъ дозволеніемъ вашимъ, каждому члену государственнаго совѣта дарованнымъ, по его совѣсти и лучшему разумѣнію до свѣденія вашего довести мнѣніе его о лучшемъ и приличнѣйшемъ для Россіи не токмо въ настоящее время, но и въ теченіи готовящагося для вреда ей будущаго, осмѣливаюсь представить в. и. в-ву, что по моему удостовѣренію совершенная надобность сохранить полное ваше вооруженіе, учинить новое и торжественное ваше объявленіе, что в. в-во цѣлость границъ вашей обширной имперіи отъ всякаго на оныя ополченія сильнѣйшимъ отпоромъ защищать намѣрены и, учинивъ то и другое и извѣстя вашего друга и естественнаго перваго союзника, короля прусскаго, употребить не гласнаго полномочнаго къ Бонапарте, что представляется мнѣ съ достоинствомъ вашимъ несовмѣстнымъ, но подспудную въ непроницаемой тайнѣ какую-либо безпосредственную посылку къ нему для предварительнаго извѣщенія его о расположеніи вашемъ для блага человѣчества и всей Европы съ нимъ сблизиться и существующее еще теперь состояніе войны противъ него прекратить. Такой отзывъ в. в-ва извлечетъ непремѣнно самый подробный отъ него отвѣтъ, и онаго, по всѣмъ непресѣкающимся при всякомъ случаѣ уважительнымъ привѣтствіямъ его къ вамъ, ожидать навѣрно слѣдуетъ. Узнавъ симъ образомъ, чего онъ отъ в. в-ва пожелаетъ, можно будетъ послѣ съ сохраненіемъ всего достоинства вашего открытыя переговоры для заключенія съ нимъ мира установить. Между тѣмъ желательно, чтобъ угодно было в. и. в-ву заранѣе назначить всѣ статьи, на коихъ сближеніе ваше съ Бонапарте основано быть долженствуетъ, и ту цѣль, которую вы себѣ для будущаго времени послѣ примиренія съ нимъ, внутренно и явно, предопредѣлять соизволяете. Для вѣрнаго успѣха таковаго человѣколюбиваго и благонамѣреннаго подвига вашего надобно, кажется, Бонапарте къ совершенію онаго, въ зависящемъ отъ него, собственною его выгодою при-

влечь. Ничто его болѣе не польститъ и ему полезнѣйшимъ для него самого не представится, какъ обѣщаніе, что Россія вступитъ паки въ союзъ съ Франціею на томъ единомъ положеніи, что сія послѣдняя никакихъ пріобрѣтеній и новаго расширенія предѣловъ своихъ себѣ не позволитъ, что съ союзниками Россіи равномѣрно примирится и ихъ всѣхъ по существующей теперь возможности удовлетворитъ, и наконецъ, что по всѣмъ общимъ дѣламъ и происшествіямъ въ Европѣ будетъ оная всегда съ Россіею единомысленно и за одно дѣйствовать. Неоспоримая истина, что Россія и Франція, своими мѣстными положеніями, находясь на двухъ краяхъ Европы и въ величайшемъ другъ отъ друга разстояніи, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, въ видахъ и пользахъ своихъ не легко и не скоро другъ съ другомъ столкнуться и другъ другу вредить могутъ. Когда-же соединятся и въ совершенное по европейскимъ дѣламъ единомысліе вступятъ сіи два государства, могуществомъ своимъ сотворенныя одно для первенства въ сѣверѣ, другое для первенства въ западѣ Европы, тогда будутъ оныя безъ малѣйшаго противуборства законодатели и оберегатели спокойствія и блаженства оной.—Я почитаю въ заключеніе не лишнимъ означить также здѣсь разсужденіе, что всего желательнѣе и счастливѣе было-бы мирное состояніе имперіи в. в-ва, столь нужное для устройства внутреннихъ, а особливо хозяйственныхъ дѣлъ ея, равномѣрно и для благоденствія вашихъ подданныхъ, ибо цѣлому свѣту извѣстно, что въ томъ состоятъ всѣ предметы неусыпнаго и многотруднаго вашего попеченія!

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/22. Подлинникъ.

№ 65.—Мнѣніе министра коммерціи графа Румянцова.

Начало 1806 года.

Посреди болѣзни, изнуренъ будучи въ силахъ и незапно вызванъ къ сужденію о войнѣ и мирѣ въ такихъ политическихъ обстоятельствахъ, гдѣ крайне трудно отличить черту рѣшительную, я готовъ исполнить монаршую волю и объяснить мнѣніе мое по сему предмету, но предварительно испрашиваю къ себѣ милостиваго снисхожденія.—Извѣстно самому государю и-ру, какъ въ двухъ случаяхъ вопреки господствовавшаго тогда мнѣнія, домогался я и просилъ, чтобъ на пользу другихъ государствъ не выводить Россію изъ того мирнаго благоденствія, въ которомъ находилась она подъ благотворною державою своего государя. Тогда я упомянулъ, что войну можно начать всегда, но для

окончанія оной не одна миролюбивая воля надобна: тутъ въ видѣ посредниковъ предстанутъ выгоды народа и достоинство государства.— Будучи твердъ въ правилахъ, я обязываюсь и при нынѣшнемъ случаѣ сказать, что есть-ли утверждалъ, что не было пользы скоропостижно выставлять военныя ополченія, то и нынѣ въ скоропостижныхъ исканіяхъ мира пользы я не предвижу.—Въ мирномъ договорѣ, между и-ромъ римскимъ и начальникомъ французской націи заключенномъ, вопреки многихъ примѣровъ, ни слова не упомянуто ни о союзныхъ войскахъ, дѣйствовавшихъ за Австрію, ни о размѣнѣ ихъ плѣнныхъ. Таковое молчаніе не обнаруживаетъ ли родъ пренебреженія къ Россіи, которая могуществомъ своимъ стоитъ на первой степени въ Европѣ? И симъ самымъ не вызываетъ ли ее Бонапарте предъ цѣлымъ свѣтомъ домогаться его снисхожденія?—Принадлежа отечеству я изъ сердца извлекаю воспитанное со мною чувство, что естьли мы и при Петрѣ Великомъ и при Екатеринѣ II умѣли сносить раны минутныхъ неудачъ военныхъ, уничиженія никогда и нигдѣ сносить мы не умѣли. — И такъ, почитаю я, что для сохраненія достоинства имперіи и принимая не военныя, а мирныя расположенія по всему за твердое себѣ правило, мы должны на сей разъ точно удержаться отправлять особеннаго чиновника къ Бонапарте, поелику онъ въ хитрости своей дастъ таковой мѣрѣ открытый видъ искательства его расположеній, чего ни съ духомъ россійскаго народа, ни съ приверженностью его къ своему государю и отечеству согласить я не могу.—Ясно, что вдругъ всѣ наши союзы прерываются, и что потерявъ вѣнскій дворъ, вскорѣ потеряемъ мы союзника и въ прусскомъ королѣ; но на долго ли Бонапарте можетъ согласить противоположные ихъ интересы? И есть ли мы хладнокровно будемъ смотрѣть на сіи обстоятельства, не обратится ли къ намъ одна изъ двухъ державъ сихъ? А тогда не естественно ли, что къ союзу двухъ сильныхъ царствъ пристанутъ и 2-й степени государства?—Выжидая такой сбыточной перемѣны, слѣдуетъ по моему мнѣнію къ ней готовиться тѣмъ, что отвѣчать вѣнскому двору, что государь, вошедъ въ войну за другихъ, кой часъ они не въ войнѣ, самъ себя почитаетъ въ мирѣ; что въ сообщенномъ государю трактатѣ, поелику объ Россіи ничего не упомянуто, то государь и участія въ немъ принимать не имѣетъ; сожалѣетъ, что потерялъ союзника такого, съ которымъ лично познакомясь, дружески къ нему расположился; что польза союзовъ утверждается долгимъ временемъ, и что поелику россійскій государь въ расположеніи его къ вѣнскому двору инаго предмета не имѣлъ, какъ его же благосостояніе, то ему же предоставляетъ искать его тою стезею,

которую онъ предпочелъ россійскому союзу.—Что же касается до курфирстовъ баварскаго и виртемберскаго, государь и-ръ, имѣя съ нѣкотораго времени причины быть недовольнымъ поступками ихъ, не находитъ и надобности входить въ разсужденіе о тѣхъ достоинствахъ, которыми они между собою и союзниками своими себя величаютъ.—На сей разъ болѣе движенія, кажется, не нужно: теперь да позволено мнѣ будетъ отыскивать въ самомъ трактатѣ той цѣли, съ которою заключенъ оный.—Предварительно скажу, что сколько ни казалось вѣроятнымъ, что виды Бонапарте клонились на востановленіе Польши, но по обьясненіи обстоятельствъ, кажется, опасаться сего нѣтъ причины, поелику Галиція осталась неприкосновенна, развѣ существуетъ въ тайнѣ какая либо конвенція между ними по сему предмету, о чемъ всемѣрно развѣдать должно.—Что же касается до трактата, надобно было ожидать, что весь разумъ онаго будетъ состоять въ мщеніи побѣжденному непріятелю; но я не токмо не нахожу того, но ясно вижу, что во всемъ договорѣ крайне сбережены интересы австрійскаго дома. Бережливость сія измѣряется тѣмъ:—1-е. Что 10-ю статьею трактата Зальцбургъ, отнятый у курфирста, пріобщается къ массѣ австрійскихъ владѣній, для коихъ пріобрѣтеніе сіе по географическому положенію и по внутреннему и необработанному богатству земли сей должно почитаться весьма важнымъ.—2-е. Что по статьѣ 12-й изъ владѣній Ордена Тевтоническаго дѣлается наслѣдственное владѣніе, по выбору и-ра, въ пользу одного изъ эрцъ-герцоговъ и потомства его.—3-е. Что въ трактатѣ ни слова не упомянуто о бывшемъ Бамбергскомъ епископствѣ, и слѣдовательно оно какъ будто остается попрежнему частію владѣніи курфирста баварскаго. Но сему, кажется, быть невозможно, поелику у него взято бывшее епископство Вирцбургское и сдѣлано особымъ владѣніемъ въ пользу того эрцъ-герцога, который былъ курфирстомъ сальцбургскимъ.—Такимъ образомъ Бамбергское епископство будучи отсѣчено отъ владѣнія баварскаго, съ одной стороны, прилегаетъ къ владѣніямъ короля прусскаго, а съ другой—къ новой принадлежности одного изъ эрцъ-герцоговъ. Не можно ли заключить, что курфирстъ баварскій княжествомъ симъ поступился въ тайнѣ, и что оно съ другими землями составитъ возмездіе гибкости прусскаго двора, а ежели нѣтъ, то составитъ новое владѣніе въ нользу эрцъ-герцога Фердинанда, которому предварительно назначается удѣлъ по 12-й статьѣ трактата.—На какой же конецъ всѣ сіи обстоятельства такъ устроены? Не обязался ли австрійскій домъ особымъ тайнымъ соглашеніемъ содѣйствовать Бонапарте противу турокъ и насъ? А буде сими снисхожденіями награждена потеря

Тироля и мелкихъ владѣній въ Швабіи, сепаратною статьею не сдѣлано ли замѣны и за Венецію и не въ томъ ли она состоять можетъ, чтобъ и-ръ нынѣ же ввелъ войски свои въ Молдавію и Валахію, которыя бы, овладѣвъ симъ краемъ, составили бы намъ препону къ вспомоществованію Портѣ?—И почему трактатъ состоялся въ Пресбургѣ? Нѣтъ ли особеннаго акта съ Венгріею о присоединеніи къ оной владѣній турецкихъ?—Я самъ исповѣдаю, что догадку за истину принимать не должно, но въ политическихъ дѣйствіяхъ надобно имѣть въ виду всѣ соображенія, для того чтобъ на отраженіе вреда быть готову, и единственно токмо въ семъ видѣ я испрашиваю, не благоугодно ли будетъ повелѣть войскамъ, на Днѣстрѣ расположеннымъ, перейтить свои границы въ то время, кой часъ свѣдаютъ, что австрійскія или венгерскія за свои переходитъ?—Въ гаданіяхъ моихъ о предметахъ соединенія Бонапарте съ Австріею я тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Франція, оставляя за собою всѣ венеціанскія владѣнія и примыкаясь къ Адріатическому морю, сближаетъ себя очевидно къ намъ въ сосѣдство по Черному морю. Таковое положеніе тѣмъ болѣе требуетъ нашего вниманія, что вмѣсто слабаго и непросвѣщеннаго сосѣда пріобрѣтаемъ мы сосѣда, исполненнаго хитрости и домогающагося имѣть, такъ сказать, за ключомъ своимъ черноморскую и Средиземнаго моря торговлю. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что на сей разъ всякое движеніе съ нашей стороны противу ихъ намѣренія было бы довременно, поелику собственныя пользы Англіи обратятъ всю ея заботу на сокращеніе морской власти французовъ; но сужу нужнымъ ни мало не медля увѣдомить Оттоманскую Порту о новомъ семъ мирѣ и спросить собственныхъ ея заключеній по сему предмету? Не предвидитъ ли она опасности своей? Не требуетъ ли себѣ помощи? И притомъ изъяснить, что есть ли Портѣ нанесется ударъ рѣшительный, тогда токмо государь, движимъ будучи близкими интересами своего государства и призвавъ Бога въ помощь, рѣшится на войну, въ которой ни одинъ россіянинъ не пощадитъ жизни своей въ славу своего государя, любимаго цѣлымъ народомъ, и на коренную пользу отечества.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/24. Подлинникъ.

№ 66. — Мнѣніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Румянцова.

Начало 1806 года.

Со времени учиненнаго перемирія вѣнскимъ дворомъ съ Франціею, в. и. в-во, угождая единственно желаніямъ своего несчастнаго союзника, пресѣкли дальнѣйшія воинскія предпріятія и силамъ вашимъ, на помощь ему пришедшимъ, приказали возвратиться. Въ то же самое время сохраняя святость обязательствъ съ прочими дворами, остались вы, всемилостивѣйшій государь, съ ними въ сношеніяхъ существовавшихъ, и тамъ, гдѣ по трактатамъ долженствовало быть россійскимъ войскамъ, тамъ они еще и теперь есть, не взирая ни на превосходство силъ, ни на рѣшительные успѣхи общаго непріятеля. — Таковое положеніе удовлетворяетъ всему: не страждетъ достоинство; оправдана добрая вѣра; а за симъ и можно бы было оставаться въ ожиданіи развязки, которая и въ сѣверной Германіи не что иное будетъ конечно, какъ удовольствованіе сильныхъ и содѣйствовавшихъ насчетъ слабыхъ или неосмотрительно себя подвигшихъ.—Развязка сія освободила бы Россію и въ семъ краѣ отъ всякаго въ дѣлахъ участія, и тогда насталъ бы самъ собою приличный случай объясниться о сношеніяхъ съ Франціею. — Но какъ в. и. в-ву представленъ былъ отъ министра коммерціи способъ, могущій по дѣламъ его департамента сблизить и до того обѣ державы, что сей способъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, угоденъ и никѣмъ изъ прочихъ членовъ совѣта не былъ опроверженъ, то и остается только соблюсти осторожность по слѣдующимъ обстоятельствамъ: —1-е. Когда цѣлить на сближеніе, то какъ согласить оное съ связями, въ слѣдствіе которыхъ употребленіе войскъ в. и. в-ва ввѣрено доселѣ тѣмъ изъ державъ, которыя захотятъ еще пребыть воюющими?—2) Если, пользуясь нескрытнымъ оказаніемъ расположеній нашихъ къ сближенію, Франція станетъ требовать предварительнаго признанія титула, а можетъ быть и предсѣданія, то что угодно будетъ в. и. в-ву предписать?—Оба сіи затрудненія могутъ возникнуть при первомъ шагѣ и суть равно скользки для довѣрія и достоинства, въ слѣдствіе чего и почитаю я, что предложенное мною въ послѣднемъ совѣтѣ посредничество Гишпаніи было бы равно дѣйствующе, но охранило бы наружность.—Впрочемъ если бы тѣмъ или другимъ способомъ сближеніе сіе безпрепятственно послѣдовало, то дерзаю я представить в. и. в-ву, что время не есть еще распространить его до союза. — Многія изъ европейскихъ державъ не могутъ не встревожиться отъ соединенія такихъ силъ; прибѣгнутъ онѣ

неминуемо къ защитѣ Англіи, въ связь сію вступить не могущей и готовой къ наступленію. — Сіи союзы противу союзовъ возродятъ новыя движенія и замѣшательства, и нельзя никакъ отвѣтствовать, чтобъ способъ, который избранъ будетъ в. и. в-вомъ для сохраненія въ Европѣ тишины, не возобновилъ бы войны едва только угасшей.—Въ какомъ же положеніи разумѣю я, что можетъ вмѣсто того Россія себя поставить, о томъ всенижайше подношу в. и. в-ву краткое начертаніе.—Принявъ за основаніе заключенный съ Австріею трактатъ и вѣроятіе, что скоро въ сѣверѣ Германіи послѣдуетъ вышесказанное мною, не усматривается тутъ для Россіи особыхъ причинъ къ безпокойству. Блескъ новыхъ коронъ не помрачаетъ еще зрѣнія, а распредѣленіе лоскутьевъ Священной Имперіи мало что перемѣняетъ въ перевѣсѣ. Тутъ для Россіи польза можетъ быть еще и та, что хотя бы и воспослѣдовало сосѣдней намъ державы какое усиленіе, то съ другой стороны источникъ раздоровъ открывается такой, что новыя сіи средства долгое время на Россію еще обращены быть не могутъ. Что же касается до сопредѣльности царства Италійскаго съ независимыми островами и Туреціею, то вмѣсто того чтобъ оно подвергало Россію нападенію, или бы служило подпорою Оттоманской Портѣ, скорѣе можетъ оно, по мнѣнію моему, подчинить видамъ россійскаго кабинета всѣ дѣйствія Франціи въ семъ краѣ и содѣлать ее готовою соучаствовать въ раздробленіи Турецкой имперіи.— Таковое состояніе дѣлъ допускаетъ, мнѣ кажется, Россію заниматься безпрепятственно своимъ собственнымъ прибыткомъ, и теперь въ дѣятельныхъ мѣрахъ нѣтъ еще пользы, ни надежности. Происшествія будущія подчинять замысламъ рано; обождать должно, чтобъ нѣсколько разчистилась настоящая тусклость.—Между тѣмъ поведеніе должно быть таково, чтобъ отъ онаго несумнительно удостовѣрились первѣйшія державы, а паче Франція и Англія, въ совершенномъ съ нашей стороны безпристрастіи, особливо же въ удаленіи отъ всякихъ скоропостижныхъ мѣръ. Тогда съ пріобрѣтеніемъ новыхъ друзей старые не откажутся продлить прежнія связи и Россія обратится въ то положеніе, которое съ коренымъ правиломъ ея политики согласуется, т. е. чтобъ видѣть во всѣхъ державахъ искателей, между которыми она по случаямъ избирать ожетъ споспѣшествователей своимъ видамъ. — Остается упомянуть о авновѣсіи европейскомъ. Хотя выраженіе сіе, къ несчастію человѣчества еденное, большое имѣетъ въ дѣла вліяніе, но для Россіи пребудетъ оно, о отдаленности ея, слабымъ всегда пугалищемъ. Искуство нашего кабинета должно бы состоять паче въ томъ, что бы предоставить другимъ ержавамъ изнуряться установленіемъ сего общаго равновѣсія, а намъ

бы между тѣмъ первенствовать въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ могущество наше и одно можетъ быть рѣшительно.—Сія политика была бы тѣмъ еще полезнѣе, что счастливые подданные в. и. в-ва испытывали бы, по внутреннему управленію, спасительное дѣйствіе собственнаго и неотвлеченнаго вашего, всемилостивѣйшій государь, вниманія. Болѣе отъ него произойдетъ существеннаго могущества Россіи, нежели отъ шаткихъ союзовъ или отъ самыхъ громкихъ предпріятій, завсегда царства разслабляющихъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/26. Подлинникъ.

№ 67. — Мнѣніе товарища министра морскихъ силъ Чичагова.

Начало 1806 года.

Согласуясь съ мнѣніемъ, которое господа члены совѣта почти всѣ единогласно полагали, что сближеніе съ Франціею есть дѣйствительнѣйшая и надежнѣйшая мѣра къ отвращенію вредныхъ послѣдствій, которыми въ настоящемъ положеніи государство наше угрожаемо, желаю, чтобы могла она произвесть ожидаемое дѣйствіе. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ о скрытныхъ поступкахъ берлинскаго двора, мы немного лестнаго для себя и отъ сего союзника обѣщать можемъ; съ другой же стороны, преимущества Бонапарте, надъ союзниками пріобрѣтенныя, столь велики, что неудивительно, если мы въ предполагаемыхъ нынѣ негоціаціяхъ и не получимъ желаемаго успѣха. И для того полагаю необходимо нужнымъ войти въ подробное разсмотрѣніе настоящаго положенія нашего государства, дабы не только оградить его отъ всего того, что къ большему его разслабленію послужить можетъ, но возвратить ему и увеличить существенныя его силы.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/28. Подлинникъ.

№ 68. — Мнѣніе графа Салтыкова.

Начало 1806 года.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ отозвался, что онъ согласенъ съ мнѣніями нѣкоторыхъ гг. членовъ совѣта о надобности сдѣлать шагъ къ примиренію и сближенію съ Бонапартіемъ, дабы сколько возможно проникнуть въ его виды и положить нѣкоторую преграду тѣмъ враждебнымъ замысламъ, кои по всей вѣроятности имѣетъ онъ противъ Россіи; и какъ уже предположено сдѣлать Лессепсу внушеніе

касательно задерживаемыхъ во Франціи торговыхъ судовъ нашихъ, то предполагаемая еще посылка туда нарочнаго кажется быть излишнею и можетъ возбудить въ Бонапарте болѣе кичливости и быть поводомъ къ разглашеніямъ, для здѣшняго двора предосудительнымъ. Въ ожиданіи же слѣдствій онаго внушенія, представляется необходимымъ, безъ упущенія времени, принять всѣ тѣ мѣры, кои нужны не только къ совершенной безопасности Россіи отъ внѣшнихъ непріязненныхъ покушеній, но и къ самому, еслибъ они оказались, дѣйствованію за предѣлами ея, уклоняяся впрочемъ отъ всякихъ предпріятій, могущихъ преждевременно навлечь намъ тягостную войну, и обращая притомъ вниманіе на сохраненіе и внутренней тишины и спокойствія. На берлинскій же дворъ, въ разсужденіи всегдашней его миролюбивой системы и ожидаемыхъ имъ, можетъ быть, отъ связи съ Франціею выгодъ, хотя и нельзя намъ полагать надежды, но поелику извѣстна личная къ е. и. в-ву дружба короля прусскаго, то нужно стараться поддерживать и укрѣплять оную для воздержанія сего государя отъ тѣснѣйшаго съ Бонапартіемъ соединенія и отъ участія во вредныхъ намъ со стороны сего правителя Франціи затѣяхъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/30. Подлинникъ.

№ 69.—Мнѣніе генерала отъ инфантеріи Вязьмитинова.

Начало 1806 года.

Дѣла политическаго круга не касались никогда моего занятія; и такъ я буду говорить основываясь на простомъ о вещахъ понятіи и какъ вѣрный слуга государю своему и отечеству.— При обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь находимся, первымъ представляется быть предметомъ—не уронить славы и важности имперіи. Онъ начертанъ въ непоколебимыхъ намѣреніяхъ монарха и впечатлѣнъ въ сердца вѣрноподданныхъ его.—Одинъ изъ первѣйшихъ союзниковъ нашихъ паденіемъ своимъ не дѣлаетъ еще вліянія ни на славу, ни на могущество Россіи. Данною ему помощію не умѣлъ онъ воспользоваться—пусть самъ сѣтуетъ и на слѣдствія; но тѣмъ не меньше выгода для насъ отъ сего союза изчезла. Другой остающійся въ неприкосновенности, обѣщая всё, ничего не сдѣлалъ. Избытокъ ли осторожности или другіе виды были тому виною—скажетъ время, но надежда на его опору мечтательна. Третій конечно ничѣмъ не пожертвуетъ безъ тысячныхъ выгодъ своихъ собственныхъ, не взирая на то, что предпріятіями въ послѣднюю кам-

панію смѣнили, такъ сказать, съ часовъ цѣлую его націю и дали ей способъ истребить важную часть флота непріятельскаго. — Прочихъ можно только считать добрыми сосѣдами; — и такъ надлежитъ находить способы къ удержанію величія имперіи въ самихъ себѣ. — Первый, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы войска наши были укомплектованы, снабжены всѣмъ чемъ должно и находились въ готовности къ ополченію при тѣхъ границахъ, кои больше обращаютъ на осторожность вниманія, но при расположеніи ихъ не выпускатъ изъ виду возможности къ продовольствію, по случаю бывшей неизобильной жатвы. Недостатокъ въ пропитаніи все остановить можетъ потомъ.—Въ случаѣ непріязненныхъ съ которой либо стороны намѣреній, о которыхъ министерству заранѣе вѣдать надлежитъ, не дожидаясь приближенія врага своего къ границамъ нашимъ, встрѣтить его въ землѣ чужой; но безъ явной причины необходимости войскъ своихъ за границу не выводить.— Публиковать того, что мы не потерпимъ чего либо у насъ отнять, не нахожу я нужнымъ. Оно или подало бы поводъ непріятелямъ къ замыслу на сіе покуситься, или означало нѣкоторый родъ опасенія, достоинству имперіи неприличнаго. — Ни съ однимъ изъ союзниковъ своихъ дружеской связи не прерывать, но участіе въ ихъ интересахъ принимать въ такой мѣрѣ, какая окажется возможною безъ тягости себѣ.—Не нужно описывать пользы, какая отъ возрожденія добраго согласія съ верховнымъ правителемъ Франціи произойтить бы могла, но мѣра къ сему сближенію требуетъ великой осторожности, и сколь полезно было бы не уклониться теперь отъ предложеній, ежели отъ него сдѣланы будутъ, столь неприличнымъ быть кажется зачать предлагать что либо со стороны нашей. Упоенный гордостію отъ случайныхъ удачъ, онъ захочетъ, можетъ быть, увѣнчать славу свою чистымъ отказомъ или станетъ требовать пожертвованій, на которыя никакъ согласиться не можно. Но если бы открылъ онъ самъ податливость, тогда отъ умѣренныхъ требованій, къ прочному благу Россіи и величію ея обращенныхъ, всего успѣха ожидать можно: ибо ежели чей союзъ для него важенъ, то конечно одинъ только съ Россіею. Впрочемъ съ концемъ жизни Бонапарте, или при не предвидимой счастію его перемѣнѣ, дѣла возьмутъ другой видъ и тогда располагать ими будетъ сила и готовность.— Въ заключеніи повторю я опять неискуство свое въ политикѣ и предаю мысль мою сужденію просвѣщеннѣйшихъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/32. Подлинникъ.

№ 70.—Мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея.

Начало 1806 года.

Е. и. в-ву угодно было, показавъ государственному совѣту особенную довѣренность свою сообщеніемъ изложенія о настоящемъ политическомъ нашемъ положеніи, поставить въ обязанность его представить мнѣніе свое, какъ въ обстоятельствахъ толико важныхъ и толико затруднительныхъ Россіи учредить должно поведеніе свое?—Сообразивъ всѣ обстоятельства, которыя, какъ посредствомъ изложенія сего, такъ и другихъ сообщеній и собственныхъ высочайшихъ изъясненій, совѣту сдѣлались извѣстными, я считаю себя въ обязанности изложить здѣсь сокращенно тѣ правила, кои, по мнѣнію моему, въ обстоятельствахъ столь критическихъ на первый случай руководствовать кабинетъ нашъ могутъ. Они заключаются въ слѣдующемъ.—1-е. Поставить арміи наши въ полную готовность и съ большимъ даже усиліемъ нежели прежде дѣйствовать, еслибы нужда того востребовала.—2-е. Показать союзникамъ нашимъ, а наипаче Англіи, что мы готовы не отдѣлять отъ нихъ интересовъ нашихъ, если въ томъ будетъ возможность. Сіе свойственно большой державѣ къ сохраненію достоинства ея и того уваженія, котораго мы лишимся, не сдѣлавъ по крайней мѣрѣ всѣхъ, зависящихъ отъ насъ, подвиговъ къ огражденію тѣхъ державъ, кои намъ себя, такъ сказать, ввѣрили.—Впрочемъ оказательство таковыхъ расположеній къ союзникамъ нашимъ не затруднитъ вѣроятно насъ въ совершеніи особеннаго примиренія, ибо Англія да и всѣ другіе союзники наши удостовѣрятся, что мы одни безъ содѣйствія Австріи или Пруссіи ничего противу Бонапарте предпринять не можемъ.—3-е. Вмѣстѣ съ симъ вступить прямо въ негоціаціи съ Бонапарте, найдя къ тому какой-либо благовидный предлогъ, ибо посредство Пруссіи, послѣ того, что извѣстно о положеніи тамошняго министерства, о партіяхъ, въ Берлинѣ существующихъ, и наконецъ о послѣднемъ поведеніи ея въ разсужденіи насъ сокрытіемъ предложеній, графомъ Гаугвицемъ привезенныхъ, при всемъ благонамѣреніи короля, врядъ-ли благонадежно быть можетъ.—4-е. Сообщить Пруссіи намѣренія наши вступить съ Франціею въ негоціацію и предложить ей, буде невозможно (какъ того изъ изъясненій е. и. в-ва и ожидать должно) подвинуть ее на мѣры рѣшительныя, то-есть, чтобъ подкрѣпить вооруженно и въ соединеніи съ нами негоціаціи наши, то чтобъ по крайней мѣрѣ вошла она въ соглашеніе самое положительнѣйшее о тѣхъ мѣрахъ, кои приняты быть могутъ къ взаимной нашей

оборонѣ, еслибы мы или Пруссія угрожаемы были, согласясь притомъ съ нею и о всемъ томъ, что относится до взаимныхъ польскихъ провинцій. Тутъ нужно бы открыть мысли берлинскаго кабинета по поводу предположенія, что, можетъ быть, Бонапарте въ послѣдствіи захочетъ возстановить Польшу, и какія мѣры будетъ Пруссія согласна принять къ отвращенію видовъ столь для насъ вредныхъ. При случаѣ семъ можно съ нею изъясниться и на счетъ заключенія, что, можетъ быть, Бонапарте предложитъ ей отдѣлить отъ Пруссіи часть польскихъ ея пріобрѣтеній, давъ ей въ замѣнъ Ганноверъ и другія, выгодныя для нея, удовлетворенія, и стараться отклонить берлинскій дворъ отъ видовъ столь для насъ неудобныхъ.—5-е. Показать Австріи всякое доброжелательство и изъясниться съ нею, не было-ли бы противно существеннымъ интересамъ ея, чтобъ войско наше, пока негоціаціи съ Бонапарте продолжатся, осталось въ провинціяхъ ея, къ границамъ нашимъ приближенныхъ. Если бы сіе было возможно, то таковое оказательство твердости имѣло бы полезное вліяніе на негоціаціи наши, ибо то кажется несомнѣнно, что Бонапарте, при всѣхъ успѣхахъ своихъ, можетъ однако жъ желать, по внутреннему положенію Франціи, доставить ей спокойствіе. Ободреніе же Австріи потому желательно, что она, бывъ принуждена подписать мирныя условія, правителемъ Франціи ей данныя, по крайней мѣрѣ удержится совершенно броситься въ руки французовъ, надѣясь, что мы, по крайней мѣрѣ при удобнѣйшихъ обстоятельствахъ, можемъ поддержать ее.—Таковое со стороны нашей поведеніе можетъ между прочимъ и потому быть удобно, что оно въ особенности побудитъ, можетъ быть, вѣнскій дворъ уклоняться отъ присоединенія къ областямъ своимъ нѣкоторой части владѣній турецкихъ, если, какъ то полагать можно, отъ Бонапарте сдѣланы будутъ оному на сіе предложенія.—6-е. Касательно условій мирныхъ съ Бонапарте, о коихъ въ первомъ совѣтѣ въ присутствіи е. и. в-ва было также упоминаемо, трудно, кажется, какія-либо теперь поставить въ виду. Получа свѣденія о мирныхъ условіяхъ Австріи, нужно бы узнать также, какія сдѣланы были предложенія графу Гаугвицу и поколику берлинскій дворъ расположенъ внять онымъ. Сіе нѣсколько просвѣтитъ насъ къ распоряженію поведенія нашего; но и тутъ условія не иначе предъявлены быть могутъ со стороны нашей, какъ развѣ только для того, чтобъ какими-либо общими предложеніями побудить Бонапарте изъясниться о намѣреніяхъ его; ибо положеніе сего властителя Франціи есть таково, что должно сперва знать виды его къ устроенію участи Европы. Получа сіи первыя свѣденія, можно будетъ лучше судить, какимъ образомъ удобнѣе

намъ расположить поступки наши.—7-е. Съ Англіею сохранить всѣ связи наши и не принимать никакого участія во всемъ томъ, что противу пользъ ея Бонапарте предпринимать можетъ. Если помѣшать вреднымъ замысламъ симъ не будетъ, какъ то вѣроятно, отъ насъ зависѣть, то нужно по крайней мѣрѣ, чтобъ мы не имѣли тутъ и малѣйшаго вида прикосновенія. Англія всегда можетъ нанести намъ существенный вредъ, и мы видѣли въ 1801 году, какихъ неудобствъ отъ разрыва съ нею здѣсь опасались. Англія наипаче полезна быть намъ можетъ со стороны Турціи. Сомнѣваться не должно, чтобъ Франція не взяла всей поверхности надъ диваномъ, и трактатъ пресбургскій достаточно удостовѣряетъ, что Бонапарте легко привести можетъ въ дѣйствіе любимые свои на имперію Оттоманскую виды. Въ обоихъ случаяхъ, то-есть, если Порта, тѣсно связавшись съ французами, захочетъ противу насъ дѣйствовать, или если Бонапарте предприметъ что-либо противу нея, Англія существенно содѣйствовать намъ можетъ. Война сухопутная съ турками ни въ какомъ случаѣ не можетъ для насъ быть опасна; но если къ флоту турецкому присоединится хотя небольшая часть морскихъ силъ французскихъ, то не только всѣ заведенія наши на Черномъ морѣ могутъ подвержены быть большой опасности, но и морскія силы наши тамъ, не знаю, будутъ-ли достаточно обезпечены. Англія одна флотами своими воспрепятствовать сему можетъ. Морскія силы ея и денежные способы положить также могутъ значущую преграду въ скоромъ выполненіи видовъ Бонапарте въ Альваніи и Мореѣ, ибо съ большою удобностію можетъ она, имѣя легкія вооруженныя суда, истреблять всѣ береговыя отправленія войскъ, снарядовъ или провіанта, кои французы чинить могутъ изъ Венеціи или другихъ мѣстъ Адріатики, а употребивъ деньги, весьма легко можно ей, а наипаче при содѣйствіи нашемъ, вооружить противу французовъ жителей провинцій упомянутыхъ—грековъ и магометанскаго исповѣданія. Сіи способы не должны быть пренебрежены, если войдетъ въ виды кабинета нашего представить возможныя Бонапарте препоны; а что весьма дѣйствительны онѣ быть могутъ, то доказывается всѣмъ тѣмъ, что извѣстно о необузданности и военныхъ свойствахъ жителей сихъ и о положеніи самихъ мѣстъ въ горахъ и дефилеяхъ, непрестанныя затрудненія самымъ лучшимъ европейскимъ войскамъ представлять могущихъ. Здѣсь упомянулъ я только объ Альваніи и Мореѣ, ибо само собою разумѣется, что Англія коренными своими пользами побуждена будетъ препятствовать водворенію власти французовъ въ Египтѣ, чему впрочемъ и турецкое правительство при всей его слабости вѣроятно искать будетъ положить также

возможныя преграды; но еслибы паче чаянія предуспѣли французы утвердиться въ Египтѣ, то происшествіе сіе весьма легко быть можетъ поводомъ важной революціи въ имперіи Оттоманской. Народъ весьма привязанъ къ азіатскимъ владѣніямъ, наипаче потому, что въ нихъ находятся священныя мѣста Мекки и Медины, и еслибы при таковомъ отторженіи христіанскою державою провинціи Оттоманской и при извѣстныхъ возмущеніяхъ, въ Турціи продолжающихся, кто-нибудь изъ Гиреевъ, въ Румеліи находящихся, бывъ предпріимчивъ, похотѣлъ низвергнуть султана и перемѣнить династію, то происшествіе сіе должно поставляемо быть въ числѣ вещей весьма возможныхъ. Мысль сія по крайней мѣрѣ довольно существовала въ Константинополѣ во время, когда Пазвантъ Оглу, усилившись въ Румеліи, заставилъ Порту съ нимъ примириться.—Что касается до поведенія, которое въ разсужденіи Порты намъ теперь наблюсти должно, кажется: что необходимо слѣдуетъ показать ей, безъ потери времени, тѣ опасности, которыми она угрожается; представить ей особенное желаніе наше отвратить отъ нея сіи бѣдствія, совокупно съ Англіею, и изъясниться съ диваномъ, какія мѣры самъ онъ къ защищенію имперіи Оттоманской принять рѣшится, побуждая его къ тому всѣми возможными убѣжденіями и стараясь во всѣхъ случаяхъ удержать отъ перемѣны настоящихъ политическихъ связей Порты. Сіи переговоры министра нашего въ Константинополѣ и обязанность, въ которую онъ долженъ быть поставленъ, ничего не щадить къ открытію прямыхъ намѣреній министерства турецкаго, доставятъ намъ способы судить, чего мы съ сей стороны ожидать должны, а между тѣмъ и изъясненія, кои мы, какъ по симъ дѣламъ, такъ и вообще по всему положенію политическихъ обстоятельствъ Европы, съ Англіею конечно имѣть будемъ, поставятъ насъ въ возможность судить лучше, какимъ образомъ удобнѣе намъ расположить политику нашу въ разсужденіи Турціи. Отъ сихъ свѣденій и отъ оборота, который возьмутъ негоціаціи наши съ Франціею, сіе зависѣть должно, и легко быть можетъ, что, не бывъ въ состояніи воспрепятствовать видамъ Бонапарте, должны будемъ мы перемѣнить сами систему нашу противу Турціи и стараться сдѣлать на счетъ ея присоединенія, дабы, ослабивъ ее, поставить еще въ большую невозможность намъ вредить. Здѣсь у мѣста присоединить, что желательно во всѣхъ случаяхъ быть бы могло, чтобъ морскія силы наши, въ Средиземномъ морѣ находящіяся, обращены были, коль скоро обстоятельства то дозволятъ, въ Черное море и тамъ уже остались, дабы сколько возможно могли мы усилить наши способы сопротивленія противу соединеннаго дѣйствія Франціи и Порты Отто-

манской, еслибы, что весьма возможно, Франція съ нею тѣснымъ связалась союзомъ.—8-е. Хотя по содержанію трактата, между Франціею и Австріею заключеннаго, уменьшиться должно безпокойство, что Бонапарте, давъ замѣнъ вѣнскому двору за Галицію, можетъ возстановить Польшу; однакожъ тѣмъ не менѣе нужно обратить особенное вниманіе къ открытію прямыхъ намѣреній правителя Франціи въ разсужденіи Польши; а между тѣмъ нужнымъ считаю усугубить наблюденіе за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ польскихъ нашихъ провинціяхъ, и за расположеніями въ нихъ умовъ, пріемля соотвѣтственно тому дѣятельныя мѣры къ отвращенію тѣхъ неудобствъ, кои отъ таковыхъ обстоятельствъ возродиться могутъ.—Къ мѣрамъ вышеизъясненнымъ вообще можно бы присоединить всѣ возможныя оказательства большихъ военныхъ пріуготовленій и рѣшимости нашей поступить въ необходимости и на новую войну. Способы сіи не были бы безполезны для негоціацій нашихъ и наипаче теперь, когда постановленія пресбургскаго мира показываютъ, что войско французское оставить должно австрійскія владѣнія и что Бонапарте дѣйствительно можетъ не желать продолженія войны. Они впрочемъ всегда были въ употребленіи; на нихъ нерѣдко основывались выгодныя заключенія на счетъ могущества, твердости и достоинства державъ, и самъ Бонапарте весьма часто къ онымъ прибѣгалъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/34. Подлинникъ.

№ 71. — Мнѣніе Трощинскаго.

Начало 1806 года.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Трощинскій отозвался, что не упражнявшись никогда въ дѣлахъ политическихъ, онъ ни въ раздробленіе всѣхъ происшествій, настоящему положенію дѣлъ предшествовавшихъ, не входитъ, ниже предлагаетъ какихъ-либо средствъ къ устраненію наставшихъ затрудненій; а находитъ только, что нуженъ Россіи миръ. Въ семъ утверждается онъ и общимъ всѣхъ членовъ совѣта мнѣніемъ. Но какъ россіянинъ, любящій свое отечество, онъ желаетъ, чтобы всемѣрно цѣлость границъ имперіи сохранена была, и думаетъ, что содержаніе, до минованія всѣхъ опасеній, арміи на ногѣ вооруженной и достоинство имперіи при договорахъ поддержать, и на самыя кондиціи мира полезное вліяніе имѣть можетъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/36 Подлинникъ.

№ 72 — Мнѣнія остальныхъ членовъ.

Начало 1806 года

Министръ финансовъ и министръ юстиціи согласились во всемъ съ мнѣніемъ министра просвѣщенія, а товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ—съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/37. Подлинникъ.

№ 73.—Rapprochement des opinions énoncées dans le conseil tenu par Sa Majesté Impériale le ... janvier 1806.

Commencement de l'année 1806.

Noms des membres du conseil qui ont opinés pour les points indiqués ci-après:

M-rs:
le comte Strogonoff,
le comte Zavadovsky,
le prince Lopouchin,
le comte Wassilieff,
le comte Nicolas Roumiantzoff,
le comte Kotschoubey,
le prince Czartorysky,

M-rs:
le c-te Strogonoff,
le c-te Zavadovsky,
le c-te Wassilieff,
le p-ce Lopouchin,
le p-ce Kourakin,
le c-te N. Roumiantzoff,
le c-te Kotschoubey,
le p-ce Czartorysky,

Il est des points sur lesquels les avis des différents membres du conseil se sont tellement rapprochés qu'on peut les envisager comme le résultat prononcé de leurs opinions.

Ces points qui ont été considérés et discutés sous des faces différentes sont:

1) Que la Russie n'a pas de suites graves à appréhender du soulèvement de la Pologne, que cet évènement pourrait à la vérité lui causer des embarras passagers, mais que pour le moment il n'est plus probable vû la retraite promise des forces de Bonaparte.

2) Que la France avait acquis par la possession de la Dalmatie les moyens de changer la nature des rapports existants entre la Russie et l'empire Ottoman et d'exécuter ses vues sur ce dernier pays.

M-rs:
le c-te Zavadovsky,
le p-ce Kourakin,
le c-te Kotschoubey,
le p-ce Czartorysky,
le p-ce Lopouchin,
le c-te Wassilieff,

3) Que pour en prévenir les suites fâcheuses, il fallait se tenir uni à l'Angleterre, tâcher d'un côté de conserver la confiance du Divan et de l'autre se ménager des intelligences utiles avec les peuples slaves et grecs de la domination Ottomane.

M-rs:
le c-te Soltikoff,
le p-ce Kourakin,
le c-te Kotschoubey,
le p-ce Czartorysky.

4) Tâcher d'empêcher la Prusse de s'unir étroitement avec la France et lui offrir des secours en cas de besoin.

M-rs: M-rs:
le c-te Soltykoff—le c-te Strogonoff,
le c-te Zavadovsky—le p-ce Kourakin,
le c-te Wassilieff — le p-ce Lopouchin,
de Troschinsky—de Tchitschagoff,
le p-ce Czartorysky.

5) Tâcher de découvrir les véritables sentiments que Bonaparte porte à la Russie et employer à cet effet soit le canal du s-r Lesseps, soit une personne de confiance qu'on enverrait en France sous un prétexte quelconque pour sonder Bonaparte.

NB. En outre m-r Serge Roumiantzoff a été d'opinion de traiter sous la médiation de l'Espagne et m-r le c-te Nicolas Roumiantzoff a opiné pour qu'il ne fût fait aucune démarche envers la France, avis auquel le g-l Wiasmitinoff a adhéré.

M-rs:
le g-l Wiasmitinoff,
le c-te Kotschoubey,
de Troschinsky,
de Tchitschagoff,
le p-ce Czartorysky.

6) Pour tous les cas et à tout évènement tenir les forces russes de terre et de mer sur le pied le plus respectable et les disposer de manière à pouvoir se porter immédiatement là où le besoin l'exigerait et particulièrement en Moldavie et Vallachie, si les autrichiens voulaient occuper ces principautés ou les français attaquer l'empire Ottoman.

№ 74. — Соображеніе мнѣній, поданныхъ господами членами государственнаго совѣта по дѣламъ политическимъ въ засѣданіи, бывшемъ января ... дня 1806-го года.

Имена членовъ государственнаго совѣта, которые въ мнѣніяхъ своихъ согласились на пункты, здѣсь означенные.

По соображеніи мнѣній г-дъ членовъ государственнаго совѣта, касательно настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ, усматривается, что они на нѣкоторые пункты до такой степени между собою согласны, что можно почесть оные общимъ правиломъ, на которомъ члены совѣта остановились.

Пункты сіи, о которыхъ было разсуждаемо въ разныхъ отношеніяхъ, суть слѣдующіе.

Гр. Строгановъ.
Гр. Завадовскій.
Кн. Лопухинъ.
Гр. Васильевъ.
Гр. Ник. Петр. Румянцовъ.
Гр. Кочубей.
Кн. Чарторыскій.

1) Что ни въ какомъ случаѣ Россія не должна опасаться важныхъ слѣдствій отъ возмущенія Польши; что таковое событіе можетъ токмо нанести ей временныя затрудненія; но что теперь, по условленномъ въ мирномъ трактатѣ между Австріею и Франціею отступленіи французскихъ войскъ изъ австрійскихъ областей, и самое сіе опасеніе, кажется, изчезаетъ.

Гр. Строгановъ.
Гр. Завадовскій.
Гр. Васильевъ.
Кн. Лопухинъ.
Кн. Куракинъ.
Гр. Н. П. Румянцовъ.
Гр. Кочубей.
Кн. Чарторыскій.

2) Что Франція, по пріобрѣтеніи Далмаціи, получила съ тѣмъ вмѣстѣ средства перемѣнить отношенія, существующія между Россіею и Турецкою имперіею и привесть въ исполненіе виды свои на сію послѣднюю державу.

Гр. Завадовскій.
Кн. Куракинъ.
Гр. Кочубей.
Кн. Чарторыскій.

3) Что для воспрепятствованія ей произвести сіе въ дѣйство, нужно быть въ союзѣ съ Англіею; должно, съ одной стороны, стараться сохра-

Кн. Лопухинъ.
Гр. Васильевъ.

нить довѣренность дивана, а съ другой—имѣть полезныя сношенія и связи съ славянскими народами и греками, подъ турецкимъ правленіемъ находящимися.

Гр. Солтыковъ.
Кн. Куракинъ.
Гр. Кочубей.
Кн. Чарторыскій.

4) Что должно пещись о недопущеніи Пруссіи вступить въ тѣсныя связи съ Франціею, и въ случаѣ надобности предложить ей помощь.

Гр. Солтыковъ—гр. Строгановъ.
Гр. Завадовскій—кн. Куракинъ.
Гр. Васильевъ—кн. Лопухинъ.
Д. П. Трощинскій—П. В. Чичаговъ.
К. Чарторыскій.

5) Что нужно употребить старанія къ открытію настоящихъ намѣреній Бонапартія въ отношеніи къ Россіи, употребя къ достиженію сей цѣли или посредство Лессепса или довѣренную особу, отправивъ оную во Францію подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ.

NB. Сверхъ сего, гр. Серг. Петр. Румянцовъ того мнѣнія, чтобы трактовать съ Франціею при посредствѣ Гишпаніи, а гр. Н. П. Румянцовъ и С. К. Вязмитиновъ того мнѣнія, чтобы не сдѣлано было никакого подвига къ сближенію съ Франціею.

Гр. Солтыковъ.
Гр. Строгановъ.
Гр. Завадовскій.
Кн. Лопухинъ.
Гр. Васильевъ.
Кн. Куракинъ.
Гр. Н. П. Румянцовъ.
Ген. Вязмитиновъ.
Гр. Кочубей.
Д. П. Трощинскій.
Кн. Чарторыскій.

6) Но дабы на всякій случай быть въ готовности отразить непріязненныя покушенія, съ какой бы стороны ни были, то надлежитъ держать на военной ногѣ, и еще съ бо́льшимъ усиліемъ, россійскія сухопутныя и морскія силы, расположивъ оныя такимъ образомъ, чтобы немедленно можно было употребить ихъ по востребованію надобности, а особливо въ Молдавіи и Валахіи, на тотъ случай, еслибы австрійцы вознамѣрились занять сіи княжества или французы покусились бы напасть на Оттоманскую имперію.

Pétersbourg. Ministère, 63/38. Подлинникъ.

№ 75. — Записка Чарторижскаго.

11/23 janvier 1806.

Les projets que la France a de tout temps manifestés aux dépens de l'empire Ottoman tant par l'invasion de l'Egypte que pendant l'occupation momentanée des îles, qui forment aujourd'hui la république Jonienne, viennent de recevoir un nouveau degré d'évidence par la ténacité avec laquelle Bonaparte a exigé et obtenu la cession de tout le pays ex-vénitien qui était échu à la maison d'Autriche par les traités de Campoformio et de Lunéville. Cette position donnant à la France toutes les facilités imaginables de réaliser ses projets contre l'empire Ottoman, il est de l'intérêt des puissances intéressées à la conservation de cet empire de se concerter dans l'intimité la plus parfaite sur tout ce qui peut contribuer à prévenir un ordre de choses, dont les suites ne tarderaient pas de détruire entièrement l'équilibre politique de l'Europe, qui malheureusement n'a déjà reçu que trop d'atteintes par l'agrandissement gigantesque de la puissance française. — Parmi ces puissances les plus intéressées à la conservation de l'empire Ottoman, la Russie et la Grande-Bretagne se trouvent naturellement en première ligne. Toute explication tendante à prouver la justesse de ce raisonnement serait oiseuse, puisque la solidité en est évidente. On ne s'atta-

---

11/23 января 1806.

Замыслы, постоянно обнаруживаемые Франціей насчетъ Оттоманской имперіи, какъ вторженіемъ въ Египетъ, такъ и въ теченіе кратковременнаго занятія острововъ, составляющихъ нынѣ Іонійскую республику, обнаружились теперь еще съ бо́льшей очевидностью, благодаря упорству, съ какимъ Бонапартъ требовалъ и добился уступки всей бывшей венеціанской области, доставшейся австрійскому дому по договорамъ въ Кампоформіо и Люневилѣ. Такъ какъ это положеніе предоставляетъ Франціи всевозможныя удобства для исполненія ея замысловъ противъ Оттоманской имперіи, то для пользы державъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи этой имперіи, имъ необходимо войти въ самое тѣсное соглашеніе насчетъ всего, что можетъ предотвратить порядокъ вещей, который можетъ повести къ окончательному разрушенію политическаго равновѣсія Европы; а оно, къ несчастью, и такъ получило слишкомъ много ударовъ вслѣдствіе громаднаго увеличенія французскаго могущества.— Въ числѣ этихъ державъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ сохраненіи Оттоманской имперіи, Россія и Великобританія естественно стоятъ на первомъ планѣ. Всякія разъясненія, пытающіяся доказать справедливость этого раз-

chera donc qu'à examiner les différents cas dans lesquels les intérêts de ces puissances relativement à la Turquie peuvent être compromis, ainsi que les moyens les plus propres à faire échouer les agressions que Bonaparte pourrait diriger contre les provinces turques, soit qu'il s'y porte ouvertement, soit par l'effet de cette tactique sourde et insurrectionnelle, dont le gouvernement français connaît si bien les ressorts.— Dans l'état d'épuisement et d'inértie où se trouve l'empire Ottoman, il est facile de prévoir, quel sera l'effet que produira ce nouvel ordre de choses sur son gouvernement si on l'abandonne à ses propres moyens. Il n'opposera qu'une résistance faible et inutile aux tentatives des nouveaux voisins de la Turquie, ou bien, effrayé par la proximité du danger, il s'abandonnera sans réserve aux impulsions de la France; ce qui au fond produirait le même effet, en détruisant à Constantinople l'influence que la Russie et l'Angleterre y exercent aujourd'hui. — Pour parer à l'un et l'autre de ces inconvénients, il s'agit donc de déterminer dès à présent les mesures les plus convenables, tant sous le rapport militaire qu'à l'égard des démarches politiques, dont l'ensemble, selon toutes les probabilités pourra mener au bût que l'on se propose.—Dans la supposition, que la Porte voudra s'opposer à tout empiètement de la France sur les états de l'empire Ottoman, il paraît essentiel que la Russie et la Grande-Bretagne lui fournissent tous les secours dont elles pourront disposer à

сужденія, были бы напрасны: до того очевидна его вѣрность. Итакъ, слѣдуетъ только разсмотрѣть различные случаи, которые могутъ затронуть интересы этихъ державъ относительно Турціи, а также наиболѣе дѣйствительныя средства предупредить нападенія Бонапарта на турецкія провинціи—бросится-ли онъ на нихъ открыто, или прибѣгнетъ къ тѣмъ глухимъ бунтовскимъ мѣрамъ, которыя французское правительство такъ хорошо умѣетъ пускать въ ходъ.— При томъ состояніи истощенія и бездѣйствія, въ которомъ находится Оттоманская имперія, легко предвидѣть какое дѣйствіе произведетъ этотъ новый порядокъ вещей на ея правительство, если его предоставить его собственнымъ средствамъ. Она окажетъ лишь слабое, безполезное сопротивленіе попыткамъ новыхъ сосѣдей Турціи; или же, испуганная близостью опасности, она вполнѣ подчинится наущеніямъ Франціи. А это въ сущности произведетъ то же дѣйствіе, разрушивъ въ Константинополѣ вліяніе Россіи и Англіи.—Чтобы устранить эти оба неудобства, слѣдуетъ теперь же опредѣлить самыя подходящія мѣры, какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи политическихъ дѣйствій; а совокупность ихъ, по всей вѣроятности, приведетъ къ желанной цѣли.— Допустивъ, что Порта захочетъ воспротивиться присвоенію Франціей какихъ бы то ни было владѣній Оттоманской имперіи, необходимо, чтобы Россія и Великобританія доставили ей помощь, какою только онѣ могутъ располагать

cet effet. Le corps de troupes russes débarqué à Naples et qui avait reçu ordre de retourner dans la mer Noire, à l'exception de ce qui serait jugé nécessaire pour former la garnison de Corfou, restera tout entier dans la république des Sept-Iles unies. Ces troupes seraient prêtes à passer sur tel point de l'Albanie ex-vénitienne où le besoin l'exigera. Le poste de Corfou sera mis dans l'état de défense le plus respectable; l'escadre russe stationnée dans la Méditerrannée, se réunira également dans ces parages (à l'exception toutefois des bâtiments, qui appartiennent à la flotte de la mer Noire et qui doivent y rentrer pour le cas dont il sera parlé dans la suite de ce mémoire) et combinera tous ses mouvements avec les troupes de terre.—Le cabinet de St. Pétersbourg tâchera de tirer tout le parti possible des grecs ainsi que des autres peuples chrétiens qui habitent l'Albanie, la Bosnie, la Servie, et qui par la conformité de religion ont toujours témoigné de l'attachement pour la cour de Russie. En un mot, on ne négligera rien pour former dans ces contrées une masse d'opposition formidable, qui ôtera aux français tout espoir de réussir dans leurs projets d'agrandissement. — Afin d'assurer le succès de ces différentes mesures il est indispensable toutefois que la cour de Londres y concoure en augmentant les forces maritimes qu'elle entretient dans la Méditerrannée, et surtout le nombre des bâtiments légers. On établirait d'abord une croisière permanente entre

---

для этой цѣли. Отрядъ русскихъ войскъ, высадившійся въ Неаполѣ и получившій приказаніе возвратиться въ Черное море, за исключеніемъ того, что нужно для гарнизона въ Корфу, останется весь въ республикѣ Семи Острововъ. Эти войска будутъ готовы перейти въ такое мѣсто бывшей венеціанской Албаніи, гдѣ они окажутся нужными. Постъ Корфу будетъ вооруженъ самымъ почтеннымъ образомъ; русская эскадра, стоящая въ Средиземномъ морѣ, соберется также въ этомъ пространствѣ, однако за исключеніемъ судовъ, принадлежащихъ флоту Чернаго моря, которыя должны тамъ остаться на случай, о которомъ будетъ упомянуто ниже въ этой запискѣ, и будетъ согласовать свои движенія съ сухопутными войсками.—С.-Петербургскій кабинетъ постарается извлечь всевозможныя выгоды изъ грековъ, а также изъ другихъ христіанскихъ народовъ, живущихъ въ Албаніи, Босніи, Сербіи, которые, какъ единовѣрцы, всегда обнаруживали привязанность къ русскому двору. Словомъ, не слѣдуетъ пренебрегать ничѣмъ, чтобы вызвать въ этихъ странахъ всеобщую сильную оппозицію, которая отняла бы у французовъ всякую надежду выполнить ихъ намѣренія насчетъ расширенія.—Чтобы обезпечить успѣхъ всѣхъ этихъ мѣръ, необходимо, однако, чтобы лондонскій дворъ оказалъ содѣйствіе, увеличивъ свои морскія силы въ Средиземномъ морѣ, и въ особенности число легкихъ судовъ. Прежде всего нужно учредить постоянное крейсерство между Венеціей.

Venise, Trieste et sur toute la côte que les français vont occuper, autant que le nombre disponible de bâtiments de guerre le permettra. Sans parler de l'utilité qui résulterait, si on pouvait au moyen de ces forces détruire dès leur naissance les établissements maritimes que les français vont former dans ces parages, ou du moins empêcher qu'ils ne les consolident, cette mesure serait d'un grand avantage pour intercepter toute communication par mer entre les différentes provinces ex-vénitiennes, qui seront au pouvoir de l'ennemi, pour l'empêcher d'y transporter les vivres nécessaires à l'entretien des habitants et des troupes, pour prévenir qu'au moyen d'embarcations légères il ne parvienne à tromper la vigilance des escadres alliées et à se glisser sur tel point qui ne serait point gardé, et enfin pour purger l'Adriatique d'une foule de brigantins français qui infectent ces parages. Il est certainement à regretter que la cession des provinces vénitiennes à la France s'étant faite d'une manière aussi prompte et inattendue, il paraît maintenant impossible d'en prévenir la prise de possession par les français. Cependant il n'est pas encore impossible, que le peuple belliqueux qui habite ces provinces, vu les facilités qu'un pays montagneux lui présente, ne se décide à défendre son entrée aux français. Dans ce cas il serait certainement convenable d'encourager les habitants dans leur opposition et de les soutenir par toute sorte de secours. L'on pourrait même s'emparer

---

Тріестомъ и вдоль всего берега, который могутъ занять французы, насколько это позволитъ количество военныхъ судовъ. Не говоря уже о пользѣ разрушить, при помощи этихъ силъ, въ самомъ зародышѣ морскія учрежденія, которыя французы собираются устроить въ этихъ водахъ, или, по крайней мѣрѣ, не дать имъ укрѣпиться,—эта мѣра имѣла бы и ту большую выгоду, что можно было бы прервать всякое сношеніе моремъ между различными бывшими венеціанскими провинціями, которыя будутъ во власти врага, и помѣшать ему доставлять туда припасы, необходимые для жителей и войскъ, а также предупредить, чтобы при помощи легкихъ судовъ имъ не удалось обмануть бдительность союзныхъ эскадръ и проскользнуть въ такое мѣсто, которое не охранялось бы; наконецъ, чтобы очистить Адріатическое море отъ множества французскихъ бриговъ, которые зачумляютъ эти воды. Конечно, достойно сожалѣнія, что уступка Франціи венеціанскихъ провинцій произошла такъ быстро и неожиданно, что теперь, повидимому, невозможно помѣшать французамъ завладѣть ими. Но возможно еще, что воинственный народъ, который населяетъ эти провинціи, въ виду удобствъ, представляемыхъ гористой страной, рѣшится не впускать французовъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, слѣдовало бы поощрять сопротивленіе жителей и поддержать ихъ всевозможной помощью. Можно было бы даже овладѣть какимъ-нибудь портомъ въ Истріи или Далмаціи, и даже

de quelque port soit en Istrie ou en Dalmatie, et même des bouches du Cattaro. Cette province surtout mérite une attention particulière par l'excellence de ses ports, la force de sa position et les dispositions connues des habitants, qui détestent les français. S'il était impossible de prendre poste sur le continent, il serait aisé d'occuper l'une ou plusieurs du grand nombre d'îles, dont est parsemée toute la côte depuis l'Istrie jusqu'à l'Albanie ex-vénitienne. Enfin si les circonstances exigeaient la présence des troupes russes sur le continent, il serait à désirer qu'elles puissent être soutenues par une partie des troupes anglaises établies à Malte. Le trajet étant très peu considérable, ce secours pourrait toujours arriver à temps. Tous ces objets ne peuvent être traités que dans des instructions éventuelles, envoyées aux commandants russes et anglais dans la Méditerrannée, car il y aura une foule de circonstances locales et du moment dont ils peuvent seuls être juges, et qui décidera de la possibilité ou de la convenance des mesures ci-dessus indiquées. Il faudrait seulement tâcher d'établir un concert parfait entre les différents commandants des forces de terre et de mer, afin qu'en agissant toujours sur un plan uniforme, ils puissent se soutenir mutuellement. De cette manière et en comptant plus ou moins sur la coopération des troupes turques, il paraît que les deux cours alliées n'auront rien négligé de ce côté-là pour assurer l'intégrité des posses-

---

устьями Каттаро. Эта провинція въ особенности заслуживаетъ особеннаго вниманія, благодаря своимъ превосходнымъ гаванямъ, своему сильному положенію и извѣстному настроенію жителей, которые ненавидятъ французовъ. Еслибы невозможно было утвердиться на материкѣ, то было бы удобно занять одинъ или нѣсколько изъ многочисленныхъ острововъ, которыми усѣянъ весь берегъ, отъ Истріи до бывшей венеціанской Албаніи. Наконецъ, еслибы обстоятельства потребовали присутствія на континентѣ русскихъ войскъ, то желательно было бы, чтобы ихъ могла поддержать часть англійскихъ войскъ, расположенныхъ на Мальтѣ. Такъ какъ путь тутъ очень незначителенъ, то эта помощь всегда могла бы придти во время. Обо всѣхъ этихъ предметахъ можно говорить только въ предварительныхъ наставленіяхъ, которыя должны быть отправлены русскимъ и англійскимъ военачальникамъ въ Средиземномъ морѣ, такъ какъ явится множество мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, о которыхъ могутъ судить только они, отъ которыхъ будетъ зависѣть возможность или своевременность мѣръ, указанныхъ выше. Нужно будетъ только постараться установить полное согласіе между различными военачальниками сухопутныхъ и морскихъ силъ; тогда, дѣйствуя постоянно по однообразному плану, они будутъ въ состояніи взаимно поддерживать другъ друга. При помощи такого способа и разсчитывая болѣе или менѣе на содѣйствіе турецкихъ войскъ, оба

sions ottomanes. Mais pour compléter l'ensemble des mesures ci-dessus énoncées la Russie croit devoir rassembler une armée au moins de 100 m. hommes sur la frontière de Moldavie et elle s'en occupera incessamment. Cette force imposante sera toujours prête à se porter partout où le besoin l'exigera, pour soutenir les troupes turques et repousser l'ennemi du territoire ottoman. — Le plan qui vient d'être tracé resterait à peu près le même si la Porte se laissait aller aux impulsions de la France et paraissait vouloir renoncer à son alliance avec la Russie et la Grande-Bretagne. Dans ce cas le moyen le plus efficace pour la retenir dans le système qu'elle paraît suivre actuellement, serait de lui faire craindre que les cours de St. Pétersbourg et de Londres ne s'arrêteront point au choix des moyens les plus propres à la faire agir conformément à ses véritables intérêts et qu'elles ne balanceront pas à se porter à des opérations hostiles contre elle dès que l'on aurait acquis un certain degré de certitude sur sa défection. Les forces combinées de terre et de mer portées et stationnées à Corfou dans la Méditerrannée et sur le Dniestre dirigeraient alors leurs opérations dans ce sens et seraient secondées par la flotte russe de la mer Noire que l'on aura soin de tenir toujours en état d'agir au premier ordre. L'armée du Dniestre accuperait alors les principautés de Moldavie et de Vallachie, tandis que la flotte anglaise débarquerait un certain nombre

---

союзные двора, кажется, ничего не забудутъ съ этой стороны, чтобы обезпечить неприкосновенность оттоманскихъ владѣній. Но, чтобы дополнить совокупность вышесказанныхъ мѣръ, Россія считаетъ необходимымъ собрать войско по крайней мѣрѣ во 100 тысячъ человѣкъ на границѣ Молдавіи, и она немедленно займется этимъ. Эта величественная сила всегда будетъ готова явиться всюду, гдѣ нужно будетъ поддержать турецкія войска и прогнать врага изъ оттоманскихъ владѣній.—Начертанный здѣсь планъ останется почти тотъ же, если Порта поддастся наущеніямъ Франціи и захочетъ отказаться отъ союза съ Россіей и Великобританіей. Въ этомъ случаѣ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ удержать ее въ томъ направленіи, которому она, повидимому, слѣдуетъ въ настоящую минуту, это—внушить ей страхъ, что петербургскій и лондонскій дворы не остановятся въ выборѣ средствъ, чтобы лучше заставить ее понять ея настоящіе интересы, что они не задумаются предпринять враждебныя дѣйствія противъ нея, какъ только достаточно обнаружится ея отступленіе. Тогда соединенныя сухопутныя и морскія силы, отправленныя и помѣщенныя въ Корфу, въ Средиземномъ морѣ и на Днѣстрѣ направятъ свои дѣйствія въ эту сторону; имъ на помощь явится русскій черноморскій флотъ, который долженъ быть всегда на-готовѣ дѣйствовать по первому призванію. Тогда днѣстровская армія займетъ княжества Молдавію и Валахію;

de troupes en Egypte, dont il ne sera pas difficile de s'emparer au moyen des intelligences que le gouvernement britannique a conservé dans ce pays. Ces mêmes mesures seront effectuées au cas possible où la Porte, poussée par les instigations de la France, demanderait l'évacuation du poste de Corfou avec un certain degré d'insistance. — Mais il s'entend que les cours de St. Pétersbourg et de Londres ne se porteront à cette extrémité qu'après que leurs ministres à Constantinople auront épuisé tous les moyens en leur pouvoir pour maintenir la Porte dans son système actuel en l'empêchant de pencher vers la France; et en général, dans l'un et dans l'autre des cas susénoncés, il est de la plus haute importance que les ministres respectifs concertent entre eux toutes leurs démarches qui seront relatives à l'objet en question. — La même unité d'action doit être établie entre les représentations de la Russie et de la Grande-Bretagne auprès des cours de Vienne et de Berlin, pour tout ce qui concernera les affaires de Turquie. Dans l'incertitude où l'on est encore sur l'existence et la nature des articles secrets qui peuvent avoir été arrêtés à Presbourg ainsi que sur les stipulations passées entre la Prusse et la France, on ne saurait à la vérité connaître avec précision, quelle sera la conduite que tiendront dorénavant les cours de Vienne et de Berlin vis-à-vis de la Porte. Toutefois d'après les dispositions de s. m. i. et royale apostolique connues par le

---

англійскій же флотъ высадитъ извѣстное число войскъ въ Египтѣ; имъ не трудно будетъ завладѣть при помощи сношеній, которыя англійское правительство сохранило въ этой странѣ. Къ тѣмъ же самымъ мѣрамъ прибѣгнутъ въ возможномъ случаѣ, если Порта по подстрекательству Франціи, потребуетъ довольно настойчиво очищенія позиціи въ Корфу.—Но само собою разумѣется, что с.-пстербургскій и лондонскій дворы дойдутъ до такой крайности лишь послѣ того, какъ ихъ министры въ Константинополѣ истощатъ всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства для сохраненія нынѣшней системы Порты, не давая послѣдней склоняться на сторону Франціи. Вообще же въ томъ и другомъ изъ указанныхъ случаевъ чрезвычайно важно, чтобы министры обѣихъ державъ согласовались между собою во всемъ, что будетъ касаться разбираемаго вопроса.—То же единство дѣйствія должно господствовать среди представителей Россіи и Великобританіи при вѣнскомъ и берлинскомъ дворахъ по отношенію къ турецкимъ дѣламъ. При еще не устраненной неизвѣстности относительно существованія и свойства тайныхъ статей, постановленныхъ въ Пресбургѣ, а также относительно состоявшихся между Пруссіей и Франціей условій, право, нельзя съ точностью знать, какъ отнынѣ дворы вѣнскій и берлинскій станутъ поступать съ Портой. Впрочемъ, судя по извѣстнымъ русскому министерству намѣреніямъ е. и. и королевскаго апостолическаго вели-

ministère de S. M. l'E-r de Toutes les Russies, il paraît que si dans l'état d'épuisement où se trouve l'Autriche, on ne peut guère compter sur une coopération directe de sa part dans les mesures salutaires concertées par les cours de St. Pétersbourg et de Londres pour la conservation de l'empire Ottoman, du moins peut on se flatter qu'elle n'y mettra aucun obstacle et que même elle secondera les opérations des deux cours d'une manière indirecte aussitôt qu'elle sera instruite des vrais motifs qui les font agir. — Quant à la Prusse, il est certain qu'elle pourrait prendre une part plus active dans les opérations des deux cours dont il s'agit, et il faudra que les ministres respectifs à Berlin réunissent tous leurs soins pour l'y porter. L'intérêt qu'il faut supposer au cabinet de Potsdam à ce que la France n'étende pas ses possessions du côté de l'Orient paraissant devoir être conforme à celui des deux cours, on s'attachera principalement à l'engager de se prononcer clairement à ce sujet, en déclarant que s. m. prussienne ne pourra voir avec indifférence tout empiètement que le gouvernement français se permettrait sur les états ottomans, et que même elle envisagerait toute tentative de ce genre comme une agression contre la Prusse.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/6. Подлинникъ.

чества, кажется, что, если, въ виду нынѣшняго истощенія Австріи, нельзя разсчитывать на ея прямое содѣйствіе спасительнымъ мѣрамъ, принимаемымъ с.-петербургскимъ и лондонскимъ дворами для сохраненія Оттоманской имперіи, то можно, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что она не станетъ препятствовать имъ и даже косвенно поддержитъ дѣйствія двухъ дворовъ, какъ только узнаетъ объ ихъ истинныхъ побужденіяхъ.—Что касается Пруссіи, то, конечно, она могла бы принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ двухъ дворовъ, о которыхъ идетъ рѣчь; и необходимо, чтобы соотвѣтственные министры въ Берлинѣ всячески старались склонить ее къ тому. Думаемъ, что польза потсдамскаго кабинета требуетъ, чтобы Франція не распространяла своихъ владѣній на востокъ; а это, кажется, совпадаетъ съ выгодами обоихъ дворовъ. Оттого нужно будетъ, главнымъ образомъ, стараться довести его до того, чтобы онъ ясно высказался по этому поводу, заявивъ, что е. прусское в-во не сможетъ видѣть равнодушно какое бы то ни было нарушеніе цѣлости Оттоманскаго государства со стороны французскаго правительства, и что онъ даже будетъ смотрѣть на всякую подобную попытку какъ на нападеніе на Пруссію.

№ 76. — Записка Чарторижскаго.

11/23 janvier 1806.

L'histoire de nos jours nous présente l'empire Ottoman dans un état de faiblesse et de dépérissement, qui aurait probablement déjà abouti à une déstruction totale, si la cour de Russie, guidée par des considérations d'une importance majeure, n'avait travaillé avec une persévérante sollicitude à éloigner cette catastrophe autant que possible. — En effet, on ne saurait avoir un voisin plus commode que la Turquie, et sous ce rapport seul le cabinet de St. Pétersbourg ne pouvait mettre assez de soins à perpétuer, s'il était possible, l'état de nullité de cet empire, en empêchant toutefois qu'il ne s'écroulât. — Tel était l'intérêt bien avéré de la Russie. La conclusion du traite de Presbourg, qui vient de mettre le royaume d'Italie, ou pour mieux dire la France, en contact immédiat avec l'empire Ottoman, ne saurait par lui-même changer encore notre système, mais nous le rendra bien plus difficile à suivre. — Il faut s'attendre à ce que le gouvernement français ne tardera pas à profiter de sa nouvelle position et tâchera de réaliser les projets d'agrandissement qu'il a eu de tout temps sur la Turquie. Quels que soient les moyens qu'emploiera la France à cet effet, il est presque certain que les nou-

---

11/23 января 1806.

Исторія нашихъ дней представляетъ намъ Оттоманскую имперію слабою и погибающею; и, по всей вѣроятности, она окончательно разрушилась бы, еслибы русскій дворъ, руководясь высшими соображеніями, не старался съ неусыпной заботливостью отдалить, на сколько возможно, этотъ разгромъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно имѣть болѣе удобнаго сосѣда, чѣмъ Турція; и это одно уже могло бы заставить петербургскій кабинетъ употребить всѣ усилія, чтобы увѣковѣчить, если возможно, состояніе ничтожества этой имперіи, не давая ей однако разрушиться.—Такова была хорошо доказанная выгода Россіи. Заключеніе пресбургскаго договора, который поставилъ Итальянское королевство, или, лучше сказать, Францію, въ непосредственное соприкосновеніе съ Оттоманской имперіей, само по себѣ еще не въ состояніи измѣнить нашу систему; но намъ труднѣе будетъ ее выполнить. — Нужно ожидать, что французское правительство не замедлитъ воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ и постарается осуществить свои завѣтные планы расширенія насчетъ Турціи.— Какія бы средства Франція ни употребила съ этой цѣлью, почти несомнѣнно, что Турецкая имперія въ концѣ-концовъ не выдержитъ новыхъ потрясеній

velles secousses qu'aura à essuyer l'empire turc, finiront par amener sa chute, malgré les efforts que la Russie voudrait consacrer à son soutien. — Il suffit d'un coup d'oeil rapide sur la constitution et le gouvernement actuel de l'empire Ottoman, pour se persuader que cette conjecture est peut-être à la veille de se réaliser. Ce gouvernement que l'on est étonné de voir exister encore, réunit tous les vices imaginables, dont les moindres sont la pusillanimité, l'ignorance et la vénalité de ses ministres. Son autorité réelle ne s'étend pour ainsi dire que jusqu'aux portes de Constantinople; plus loin ce n'est qu'un ombre de pouvoir que la Porte cherche inutilement à soutenir en se donnant l'air d'ordonner à des rebelles puissants ce qu'eux-mêmes désirent, et en semant la zizanie parmi eux. Par une suite de ces désordres, la grande majorité des provinces turques est déchirée par différentes factions qui ne reconnaissent aucune autorité supérieure, et dans toute la Turquie européenne il n'y a à proprement parler que les principautés de Valachie et de Moldavie que ne soient point en état d'insurrection formelle. — D'après cet exposé succint mais véridique, il est certain que les français, avec tous les moyens ostensibles et secrets qu'ils possèdent, auront beau jeu toutes les fois qu'ils voudront se porter à quelque empiètement contre les provinces Ottomanes. Or, en envisageant la subversion totale ou bien une révolution marquante dans l'empire Ottoman comme des évènements très prochains, il est essentiel d'examiner, quels sont les plus grands avan-

---

и падетъ, несмотря на всѣ усилія Россіи поддержать ее. — Довольно бросить бѣглый взглядъ на устройство и теперешнее правительство Турецкой имперіи, чтобы убѣдиться, что это предположеніе, можетъ быть, уже близко къ осуществленію. Это правительство, которое существуетъ еще какимъ-то чудомъ, соединяетъ въ себѣ всевозможные пороки, изъ которыхъ наименьшіе суть: малодушіе, невѣжество и продажность министровъ. Его истинное вліяніе простирается, такъ сказать, только до воротъ Константинополя; дальше это—лишь тѣнь власти, которую Порта напрасно силится поддержать, дѣлая видъ, будто приказываетъ могущественнымъ бунтовщикамъ то, чего они сами желаютъ, и посѣвая между ними несогласія. Вслѣдствіе этихъ безпорядковъ, бо́льшую часть турецкихъ провинцій раздираютъ различныя партіи, которыя не признаютъ никакой высшей власти; и во всей европейской Турціи, собственно говоря, только княжества Валахія и Молдавія не представляютъ картины открытаго возмущенія. — Судя по этому краткому, но правдивому изложенію, достовѣрно, что французы, пользуясь всѣми своими явными и тайными средствами, будутъ имѣть полный успѣхъ всякій разъ, какъ только вздумаютъ захватить какую-нибудь оттоманскую провинцію. А если считать полный разгромъ или, по крайней мѣрѣ, сильную революцію въ Оттоманской имперіи со-

tages que doit en retirer la Russie, si elle ne parvient pas à maintenir l'ordre actuel de choses, et quels sont les moyens qu'elle doit préparer dès à présent pour ne pas être prise au dépourvu et ne pas perdre le fruit de 40 années de travaux et de persévérance. — Tout changement qui s'opèrera en Turquie, ne peut nous être avantageux s'il ne met la totalité du continent entre la mer Noire, la Méditerrannée et l'Adriatique sous une influence plus absolue encore de la Russie, que n'est celle qu'elle peut exercer sur l'empire Ottoman dans son état actuel. Tout partage de la Turquie européenne, et principalement tout partage qui rendrait les français maîtres d'une partie de ce pays, ne saurait nous convenir sous aucun rapport. D'un autre côté, la possession d'une aussi vaste étendue de terrain habitée par tant de peuples divers et dans un aussi grand éloignement du centre du gouvernement, serait également sujette à des inconvéniens innombrables. — Il semble donc que le seul plan convenable à suivre pour la Russie sur un changement futur dans l'empire Ottoman, serait d'y établir des états séparés, jouissant des formes de l'indépendance, quant à leur régime intérieur, mais sous la suzeraineté de la Russie et sous l'égide de sa protection. On excepterait du nombre de ces états les pays que la cour impériale croirait à sa convenance de s'approprier entièrement, tels que la Moldavie, la Valachie et la Bessarabie. Outre les ressources de tout genre qu'offriraient ces provinces à la Russie par la nature, la richesse et l'abondance de

---

бытіями очень близкими, то необходимо разсмотрѣть, какія наибольшія выгоды должна Россія извлечь изъ этого, если ей не удастся поддержать современный порядокъ вещей, и какія средства ей слѣдуетъ подготовить, чтобы не быть застигнутой врасплохъ и не лишиться плодовъ 40-лѣтнихъ трудовъ и настойчивости. Какая бы перемѣна ни произошла въ Турціи, она можетъ быть выгодна для насъ лишь въ томъ случаѣ, если поставитъ всѣ земли между морями Черными, Средиземнымъ и Адріатическимъ въ еще болѣе полную зависимость отъ вліянія Россіи, нежели та, въ которой находится Оттоманская имперія въ ея теперешнемъ состояніи. Всякій раздѣлъ европейской Турціи, а, главное, всякій раздѣлъ, который отдастъ во власть французовъ часть этой страны, невыгоденъ для насъ ни въ какомъ отношеніи. Съ другой стороны, обладаніе такимъ обширнымъ пространствомъ земли, населеннымъ столькими различными народами, отдаленными отъ правительственнаго центра, встрѣтило бы безчисленное множество затрудненій.—Поэтому единственно подходящимъ для Россіи планомъ при будущихъ перемѣнахъ въ Оттоманской имперіи представляется устройство тамъ отдѣльныхъ государствъ, пользующихся независимымъ управленіемъ касательно ихъ внутреннихъ дѣлъ, но подъ верховной властью Россіи и подъ ея покровительствомъ. Изъ числа этихъ государствъ

leurs productions, le Danube qui les borde dans toute leur étendue, deviendrait une frontière infiniment plus solide que n'est actuellement le Dniestre. La Servie, le Monténégro et l'Herzégovine s'organiseraient facilement. Déjà ces pays se gouvernent par eux-mêmes. Ce seraient les localités qui indiqueraient la forme du gouvernement la plus convenable à chaque contrée, dont plusieurs, telles que la Macédoine et l'Albanie, demanderaient probablement un régime monarchique. Quoique la Russie, par la force de ses bienfaits, par la conformité de religion avec tous ces peuples et d'extraction avec plusieurs d'entre eux, pourrait déjà être assurée du maintien d'une influence prépondérante sur eux; toutefois pour la rendre encore plus certaine, on aurait soin de fixer ses droits de suzeraineté et de protection, afin qu'elle puisse en tout temps exercer la haute police, conserver l'union et la bonne harmonie entre tous ces différents peuples, et veiller aux intérêts et à la sûreté de l'ensemble de cette association. La Russie en outre, pour remplir avec une parfaite sécurité ses hautes fonctions dans ce nouvel empire, devrait constamment occuper par ses troupes divers postes choisis, tels que Corfou et autres, ce qui compléterait le degré d'autorité dont elle a besoin pour assurer le bonheur et la tranquillité de ces peuples, sans craindre les intrigues et les entreprises des puissances qui pourraient être jalouses d'une augmentation aussi considérable de ses forces. — Ce n'est qu'un pareil état de choses sauf peut-être très peu de modifica-

---

нужно исключить страны, которыя императорскій дворъ сочтетъ удобнымъ принять въ свое полное владѣніе, какъ, напр., Молдавію, Валахію и Бессарабію. Помимо всевозможныхъ доходовъ, которые могутъ дать эти провинціи Россіи натурой, разнообразіемъ и изобиліемъ своихъ произведеній, Дунай, орошающій ихъ на всемъ ихъ протяженіи, будетъ несравненно болѣе прочной границей, нежели теперь Днѣстръ. Сербія, Черногорія и Герцеговина устроятся легко. Эти страны уже управляются самостоятельно. Форма правленія будетъ зависѣть отъ мѣстностей; онѣ укажутъ, что болѣе подходитъ каждой странѣ; многія изъ нихъ, какъ, напр., Македонія и Албанія, по всей вѣроятности, потребуютъ монархическаго правленія. Хотя Россія, въ силу своихъ благодѣяній, единства вѣры со всѣми этими народами, а со многими—единства происхожденія, уже могла бы разсчитывать на преобладающее вліяніе на нихъ, тѣмъ не менѣе, чтобы упрочить его еще болѣе, нужно постараться установить ея права верховенства и покровительства; только тогда она будетъ имѣть право во всякое время проявить свою власть, соблюдать единство и согласіе между всѣми этими различными народами и охранять ихъ интересы и цѣлость этой ассоціаціи. Сверхъ того, чтобы вполнѣ успѣшно исполнять свои великія обязанности въ этой новой имперіи, Россія постоянно должна держать войска

tions qui puisse être préférable à celui qui existe actuellement. En partant de ce principe, il est donc essentiel que dès à présent le cabinet de St. Pétersbourg se forme un plan fixe sur cet important objet. Ce plan devrait toujours être suivi avec la plus persévérante attention, afin d'amener un ordre de choses, conforme aux intérêts de la Russie du moment où celui d'à présent cessera d'exister. — Avant tout, il faut cependant supposer que la Porte sera assez éclairée sur ses véritables intérêts, pour s'en tenir religieusement à son alliance avec la Russie et l'Angleterre, et qu'elle se persuadera enfin du désinterressement des vues de la Russie à son égard. Le ministre de cette puissance à Constantinople ne négligera rien pour cet effet, et s'il parvient à obtenir des preuves convaincantes de l'intention du gouvernement turc de rester fidèle à ses engagements envers les cours de St. Pétersbourg et de Londres, celles-ci réuniront tous leurs soins et leurs efforts, pour préserver l'empire Ottoman contre toute agression quelconque de la part des français, et pour le maintenir dans son état actuel. Les mesures à prendre pour ce but, se trouvent détaillées dans un mémoire séparé, et feront l'objet d'un concert particulier entre la Russie et la Grande-Bretagne. — Avec le secours de ces deux puissances, il est hors de doute que les français ne pourront que difficilement réussir dans leurs projets d'envahissement, si la Porte de son côté veut agir de bonne foi. Mais, comme on ne saurait compter là-dessus d'après la faiblesse et la ver-

---

въ избранныхъ мѣстахъ, каковы Корфу и другія; это подняло бы еще болѣе ея авторитетъ, который ей необходимъ, чтобы обезпечить счастіе и спокойствіе этихъ народовъ, не опасаясь интригъ и затѣй державъ, которыя могли бы позавидовать такому значительному усиленію ея могущества. — Только такой порядокъ вещей, развѣ за немногими измѣненіями, можно предпочесть тому, который существуетъ въ настоящее время. Основываясь на этомъ принципѣ, с.-петербургскій кабинетъ необходимо долженъ составить себѣ опредѣленный планъ дѣйствія въ этомъ важномъ вопросѣ. Этотъ планъ онъ долженъ приводить въ исполненіе съ самымъ настойчивымъ вниманіемъ, чтобы добиться такого порядка вещей, который соотвѣтствовалъ бы интересамъ Россіи, какъ только теперешній прекратится.—Прежде всего, однако, нужно предположить, что Порта довольно хорошо пойметъ свои интересы и будетъ строго держаться своего союза съ Россіей и Англіей, и что она въ концѣ-концовъ убѣдится въ безкорыстіи Россіи на ея счетъ. Русскій министръ въ Константинополѣ употребитъ всѣ мѣры для достиженія этой цѣли, и если ему удастся пріобрѣсти убѣдительныя доказательства, что турецкое правительство намѣрено остаться вѣрнымъ своимъ обязательствамъ относительно с.-петербургскаго и лондонскаго дворовъ, то эти послѣдніе будутъ заботиться всѣми силами объ

satilité du gouvernement turc, et qu'il est important de connaître le plutôt possible, quels sont les dispositions de la Porte dans le nouvel ordre de choses, m. d'Italinsky sera chargé de demander des réponses cathégoriques à ce sujet. Il tâchera en même temps d'approfondir les vrais sentiments de la Porte, et veillera avec une scrupuleuse attention à toutes ses démarches. En attendant il n'en serait pas moins indispensable de se mettre en mesure pour le cas où la Porte s'aviserait de se jeter entre les bras de la France, ou bien si elle se laissait aller à quelque complaisance dangereuse envers cette puissance. — La Porte a paru pendant quelque temps résolue à rester fidèle à son alliance avec la Russie, et elle vient même d'en donner une preuve toute récente en ratifiant le traité d'Alliance de 1793 qui a été renouvelé à sa demande. Cependant on ne saurait se dissimuler qu'une pareille conduite de sa part n'est qu'une suite de sa faiblesse, et surtout de la crainte qu'elle a de la Russie. Cette crainte, avant le traité de Presbourg, ne pouvait pas être balancée par celle que lui inspirait la France, tant que l'Angleterre restait unie avec nous. Le tort que Bonaparte pouvait faire à la Turquie où les secours qu'il pouvait lui offrir, n'étaient pas à comparer avec nos moyens de lui nuire ou de l'aider. Maintenant cette disproportion ne sera plus la même. Bonaparte par sa paix avec l'Autriche s'est ménagé toutes les ressources qu'il pouvait désirer contre la

---

охраненіи Оттоманской имперіи отъ всякаго нападенія со стороны французовъ и о поддержаніи ея теперешняго положенія. Мѣры, которыя нужно принять съ этой цѣлью, разсмотрѣны подробно въ особой запискѣ и составятъ предметъ частнаго соглашенія между Россіей и Великобританіей. — Съ помощью этихъ двухъ державъ можно быть увѣреннымъ, что французамъ трудно будетъ выполнить ихъ планы насчетъ захватовъ, если Порта, съ своей стороны, будетъ поступать честно. Но, такъ какъ нельзя на это разсчитывать вслѣдствіе слабости и непостоянства турецкаго правительства, а между тѣмъ важно, какъ можно скорѣе, узнать намѣренія Порты при новомъ порядкѣ вещей, то г. Италинскій долженъ будетъ потребовать категорическаго отвѣта на этотъ счетъ. Въ то же время онъ постарается выпытать истинныя мнѣнія Порты и будетъ строго слѣдить за всѣми ея дѣйствіями. Но покуда однако необходимо принять мѣры на случай, если Порта вздумаетъ броситься въ объятія Франціи, или если она согласится на какія-нибудь опасныя уступки этой державѣ.— Въ теченіе нѣкотораго времени Порта, казалось, рѣшилась остаться вѣрною союзницей Россіи, и даже недавно она доказала это, подписавъ союзный договоръ 1793 г., возобновленный по ея просьбѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что подобное поведеніе съ ея стороны есть лишь слѣдствіе ея слабости и въ особенности—ея страха передъ Россіей. До пресбургскаго договора

Turquie, et l'on doit s'attendre qu'il saura en tirer parti avec son habileté ordinaire. D'ailleurs les dispositions de la Porte à notre égard n'ont jamais été entièrement sincères. En secret les turcs penchent toujours pour les français en nourissant leur ancienne jalousie et leur haine contre la Russie. Nous ne pouvions nous fier à leur bonne foi pendant que nous dominions presque seuls à Constantinople. La Porte devra donc nous inspirer encore bien moins de confiance dorénavant. — Il est difficile de prévoir avec certitude, quel sera le plan que va adopter Bonaparte relativement à la Turquie. Soit qu'il veuille y faire des conquêtes, ou bien établir son influence à Constantinople de manière que la Porte règle sa conduite d'après sa volonté, la Russie y trouvera un désavantage égal; et l'on ne peut s'attendre qu'à l'une ou l'autre de ces deux alternatives. Pour prévenir chacune d'elle et l'ordre de choses qui en résulterait, il n'y a pas d'effort que la Russie ne doive faire. — Dans cette conjoncture décisive il faut donc s'attendre à ce que les dispositions de la Porte deviendront plus que jamais vacillantes, à ce que ses déterminations seront plus que jamais motivées par sa faiblesse et sa duplicité. Mais en supposant même que l'on puisse compter avec abandon sur sa sincérité, ses moyens de défense seraient si faibles et si mal dirigés, qu'on ne parviendrait jamais à la soutenir avec succès, si l'on prétendait la défendre par des moyens ordinaires et comme cela se pra-

---

этотъ страхъ не уравновѣшивался боязнью передъ Франціей, покуда Англія оставалась въ союзѣ съ нами. Вредъ, который Бонапартъ могъ бы причинить Турціи, или помощь, которую онъ могъ бы ей оказать, не могли сравниться съ нашими средствами повредить ей или помочь. Теперь положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось. Заключивъ миръ съ Австріей, Бонапартъ пріобрѣлъ желаемыя средства дѣйствовать противъ Турціи, и нужно ожидать, что онъ сумѣетъ ими воспользоваться съ своей обычной ловкостью. Къ тому же отношенія къ намъ Порты никогда не были вполнѣ искренни. Втайнѣ турки всегда склоняются на сторону французовъ, поддерживая ихъ закоренѣлую ревность и ненависть къ Россіи. Мы не могли довѣриться ихъ честности даже въ то время, когда почти одни господствовали въ Константинополѣ. А впредь Порта, конечно, должна внушать намъ еще меньше довѣрія.—Трудно предвидѣть съ достовѣрностью, какіе будутъ у Бонапарта планы насчетъ Турціи. Захочетъ-ли онъ дѣлать тамъ завоеванія, или утвердить свое вліяніе въ Константинополѣ такъ, чтобы Порта слѣдовала его волѣ, — Россіи будетъ равно невыгодно; а ничего иного ожидать нельзя. Россія не должна щадить усилій, чтобы предупредить то и другое. — Въ такую рѣшительную минуту, конечно, необходимо ожидать, что Порта станетъ колебаться, какъ никогда, и что слабость и лицемѣріе станутъ руководить ея рѣшеніями больше, чѣмъ когда-либо.

tiquerait envers un état fort et bien organisé. Ce serait un poids que la Russie même ne parviendrait pas à supporter, et sans pouvoir sauver la Turquie, elle finirait peut-être par se perdre elle-même. — C'est de là que dérive la nécessité absolue de déterminer dès à présent les moyens dont se servira la Russie, soit pour la défense de l'empire Ottoman, soit pour tirer le plus grand parti de sa destruction, si le sort en a fixé le moment pour l'époque actuelle. Les mesures à adopter ne pourront être réputées bonnes que si elles nous promettent du succès dans les deux hypothèses qu'il faut toujours avoir en vue en même temps. — L'indication des mesures à prendre pour le premier de ces cas se trouve dans le mémoire dont il a été fait mention plus haut et qui devra être communiqué à la cour de Londres. On ne récapitulera donc ici que les points principaux de ce mémoire, qui seront également applicables dans l'un et l'autre des cas, en y ajoutant toutefois le développement des mesures dont l'exécution ne doit dépendre que de la Russie et qui par leur nature ne peuvent être communiquées à la cour de Londres. — Pour être prêt à tout évènement et pouvoir faire la guerre en Turquie avec avantage, on propose les mesures suivantes. — 1) Rassembler incessamment une armée de 100,000 hommes sur le Dniestre. Le général commandant en chef devrait être instruit en détail des intentions de la cour impériale; et pour prévenir la perte de temps qu'occasionnerait né-

---

Но предположимъ даже, что можно положиться на ея искренность: ея оборонительныя средства такъ слабы и такъ плохо направляются, что никогда нельзя будетъ поддержать ее съ успѣхомъ, если защищать ее обычными способами, какъ государство сильное и стройное. Такой обузы не вынесла бы и Россія; и, пожалуй, она сама погибла бы, не спасши Турціи. — Вотъ откуда проистекаетъ рѣшительная необходимость теперь же опредѣлить, за какія средства возьмется Россія или для защиты Оттоманской имперіи, или для извлеченія побольше выгодъ изъ ея разрушенія, если послѣднее должно, волею Судебъ, совершиться въ настоящее время. Эти средства тогда только будутъ хороши, когда будутъ обѣщать намъ успѣхъ въ обоихъ случаяхъ, которые нужно всегда имѣть въ виду совмѣстно.—Указаніе мѣръ для перваго случая находится въ вышеупомянутой запискѣ, которую должно сообщить лондонскому двору. Поэтому здѣсь припомнимъ лишь главныя положенія этой записки, одинаково примѣнимыя въ обоихъ случаяхъ; но прибавимъ къ нимъ развитіе мѣръ, исполненіе которыхъ зависитъ отъ одной Россіи и которыя, по самому своему существу, не могутъ быть сообщены лондонскому двору. — Предлагаемъ слѣдующія мѣры, чтобы быть готовыми ко всему и успѣшно воевать въ Турціи.—1) Немедленно собрать 100-тысячную армію на Днѣстрѣ. Главнокомандующій долженъ быть извѣщенъ подробно насчетъ намѣреній

cessairement le grand éloignement de cette armée de la capitale, ce général devrait pouvoir agir sans attendre des ordres ultérieurs dans chacun des cas ci-dessous spécifiés, savoir: — A) L'entrée des français sur le territoire ottoman. — B) Une démonstration militaire de la part des autrichiens, qui pourraient vouloir s'emparer de quelque provinces de l'empire Ottoman en vertu des articles secrets du traité de Presbourg. — C) Un rassemblement de troupes turques sur le Danube, ou bien un renfort marquant des garnisons de Chotin et des forteresses de la Bessarabie. — Et enfin D) Une preuve convaincante qu'obtiendrait le ministre de Russie à Constantinople d'un changement de système de la Porte en faveur des français. Au nombre de ces preuves seront particulièrement comptés la demande cathégorique de faire évacuer le poste de Corfou par les troupes russes et les moindres difficultés que ferait la Porte au libre passage des bâtiments russes par le canal de Constantinople, et surtout au retour des vaisseaux de guerre appartenants à la flotte de la mer Noire. — Le général commandant l'armée de Dniestre serait informé de l'échéance de ces différents cas par une correspondance suivie et régulière que l'on aurait soin d'établir entre lui et le ministre de Russie auprès de la Porte, ainsi qu'avec tous les agents russes avoués et secrets, qui se trouveront dans les différentes provinces de la Turquie. — 2) La première opération de l'armée du Dniestre devrait être

---

императорскаго двора; и чтобы избѣжать необходимой потери времени при такомъ отдаленіи этой арміи отъ столицы, этотъ генералъ долженъ дѣйствовать, не дожидаясь окончательныхъ приказаній во всѣхъ нижеслѣдующихъ случаяхъ.—А) Вступленіе французовъ въ оттоманскія владѣнія.—В) Военное движеніе со стороны австрійцевъ, которые, пожалуй, захотятъ овладѣть нѣкоторыми провинціями Оттоманской имперіи въ силу тайныхъ статей пресбургскаго договора.—С) Сосредоточеніе турецкихъ войскъ на Дунаѣ, или же замѣтное усиленіе гарнизоновъ Хотина и бессарабскихъ крѣпостей. — Наконецъ, Д) Убѣдительное доказательство въ рукахъ русскаго министра въ Константинополѣ насчетъ измѣненія политики Порты въ пользу французовъ. Къ числу такихъ доказательствъ относятся по премуществу: рѣшительное требованіе очистить Корфу отъ русскихъ войскъ, а также малѣйшее затрудненіе со стороны Порты свободному проходу русскихъ судовъ черезъ Константинопольскій проливъ, въ особенности же возвращенію военныхъ кораблей, принадлежащихъ къ черноморскому флоту. — Командующій днѣстровскою арміей будетъ увѣдомленъ о наступленіи каждаго изъ этихъ случаевъ путемъ постоянной и правильной переписки, которую постараются установить между нимъ и русскимъ министромъ въ Портѣ, а также и русскими агентами, явными и тайными, находящимися въ разныхъ провинціяхъ Турціи.—2) Первымъ дѣломъ

d'occuper la Moldavie, la Valachie et le Budziak ou Bessarabie. A cet effet elle suivrait d'abord le plan d'opération ci-annexé, sauf modifications, et en se dirigeant dans la suite d'après ce que les circonstances exigeront. — 3) La totalité des troupes russes qui ont été débarquées à Naples, retournera à Corfou. Cette place sera mise dans l'état de défense le plus respectable et protégée du côté de la mer par l'escadre russe, qui a été envoyée dans la Méditerrannée de la Baltique. Cette escadre sera renforcée autant que possible par d'autres bâtiments de guerre que l'on expédierait également d'ici, tandis que les vaisseaux appartenants à la flotte de la mer Noire, y retourneraient incessamment. Cette dernière flotte sera constamment tenue en état de faire une démonstration sur Constantinople, aussitôt que l'Amiral commandant aura reçu avis de l'entrée des troupes russes en Moldavie, ou bien des notions officielles et directes de Constantinople relativement à l'échéance de quelqu'un des cas ci-dessus mentionnés. Les troupes stationnées à Corfou, les escadres russes et anglaises agiraient alors dans le même sens. — On ne saurait ne pas remarquer à cet endroit que si la Porte se déclare contre nous, l'apparition d'une flotte russe et anglaise aux Dardanelles et l'occupation subite des principautés de Moldavie et de Valachie mettrait déjà Constantinople dans l'état le plus critique par la disette qui en résulterait, dont la révolte parmi le peuple est la suite

---

днѣстровской арміи должно быть занятіе Молдавіи, Валахіи и Буджака, или Бессарабіи. Съ этою цѣлью она будетъ сообразоваться съ прилагаемымъ здѣсь планомъ дѣйствій, кромѣ тѣхъ измѣненій, какія потребуются потомъ обстоятельствами.—3) Всѣ русскія войска, высаженныя въ Неаполѣ, возвратятся въ Корфу. Это мѣсто будетъ приведено въ наилучшее оборонительное положеніе: со стороны моря его будетъ защищать русская эскадра, посланная изъ Балтики въ Средиземное море. Эта эскадра будетъ усилена по возможности другими военными судами, которыхъ также отправятъ отсюда; а между тѣмъ туда немедленно возвратятся корабли, принадлежащіе къ черноморскому флоту. Этотъ послѣдній флотъ постоянно будетъ въ готовности двинуться къ Константинополю, какъ только командующій адмиралъ освѣдомится о вступленіи русскихъ войскъ въ Молдавію или получитъ оффиціальныя и прямыя извѣстія изъ Константинополя о наступленіи одного изъ вышеупомянутыхъ случаевъ. И тогда, расположенныя въ Корфу войска и русскія и англійскія эскадры будутъ дѣйствовать заодно.—Тутъ нельзя не замѣтить, что если Порта пойдетъ противъ насъ, то уже появленіе англо-русскаго флота въ Дарданеллахъ и внезапное занятіе княжествъ Молдавіи и Валахіи поставятъ Константинополь въ самое крайнее положеніе, благодаря неизбѣжному голоду, обычнымъ слѣдствіемъ котораго является народный бунтъ.—4) Нужно принять всевозможныя

ordinaire. — 4) Il faudrait réunir tous les soins imaginables pour tirer le plus grand parti des dispositions que les peuples chrétiens, habitant la Turquie européenne, ont de tout temps manifestés envers la cour impériale de Russie. Cet objet étant de la plus haute importance, il exige un développement plus particulier pour faire sentir l'utilité que l'on pourra retirer de ces peuples, ainsi que les inconvénients qui s'en suivront nécessairement, si on les néglige ou les abandonne. — Pour faire la guerre avec avantage en Turquie, il faut absolument chercher à gagner les peuples chrétiens déjà combattant pour ne pas retomber dans un esclavage insupportable, ou prêt à se lever pour s'y soustraire. Celui qui saura s'approprier ces moyens, aura sans contredit l'avantage dans la guerre qui se fera pour le sort futur de l'empire Ottoman. Bonaparte ne négligera pas de telles armes d'autant plus que ce n'est pas d'aujourd'hui qu'il a commencé ses menées sourdes en Turquie. Il les continuera avec beaucoup plus de succès si on le laisse faire dans ce moment, où la possession de l'Istrie et de la Dalmatie lui en fournit la plus grande facilité. Il pourra soutenir ses intrigues par des secours de toute espèce dont le transport lui sera aisé, ou bien par une invasion qu'il peut exécuter à chaque moment. La cour de Russie, qui a plus de moyens d'agir sur les peuples chrétiens de la Turquie et qui, d'après ses anciennes liaisons, est même dans l'obligation de ne point les aban-

---

мѣры, чтобы наилучше воспользоваться расположеніемъ, которое христіане европейской Турціи всегда оказывали къ русскому императорскому двору. Это въ высшей степени важный вопросъ: онъ требуетъ особеннаго развитія, чтобы дать почувствовать пользу отъ этихъ народовъ, а также непріятности, которыя неизбѣжны, если презирать или покинуть ихъ.—Для успѣшной войны съ Турціей рѣшительно необходимо стараться привлечь къ себѣ христіанскіе народы, которые или уже борятся, чтобы не возвратиться въ невыносимое рабство, или готовы подняться, чтобы освободиться отъ него. Кто сумѣетъ запастись этимъ средствомъ, тотъ безспорно будетъ въ барышахъ въ войнѣ за будущность Оттоманской имперіи. Бонапартъ не пренебрежетъ подобнымъ орудіемъ, тѣмъ болѣе, что не съ нынѣшняго дня начались его тайные происки въ Турціи. Они будутъ продолжаться еще съ гораздо бо̀льшимъ успѣхомъ, если не мѣшать ему теперь, когда обладаніе Истріей и Далмаціей доставляетъ ему тутъ величайшее удобство. Онъ можетъ оказывать своимъ проискамъ всякаго рода помощь, которую легко доставлять туда; не то онъ можетъ совершить вторженіе въ тѣ страны, когда ему угодно. Русскому двору, который можетъ сильнѣе вліять на христіанскіе народы Турціи, и даже обязанъ, въ силу старыхъ связей, не покидать ихъ, было бы навѣки непростительно, при настоящемъ переворотѣ, упустить изъ рукъ такое могущественное оружіе, чтобы

donner, serait à jamais inexcusable, si, dans la crise actuelle, elle laissait échapper des armes aussi puissantes pour les laisser à la disposition de Bonaparte. Si nous perdons ces moyens, nous ne pourrons défendre l'empire Ottoman, et comme après une révolution pareille il va probablement changer de face, nous n'y conserverons aucune influence. Tous les avantages pendant la guerre et dans ses suites seront abandonnés à l'ennemi. Nous perdrons volontairement les meilleurs moyens que nous ayons pour lui faire tête, soit qu'il s'agisse de la défense de l'empire Ottoman ou de sa conquête, et de cette façon nous finirons par être la dupe de notre bonne foi envers un gouvernement qui, sans aucune force intrinsèque pour se défendre par ses propres moyens, nous trahira à la première occasion, tandis que nous aurons abandonné des peuples qui depuis un siècle se sont liés à la Russie et sur lesquels elle pouvait compter à jamais. — Les moyens, qui pour le moment paraissent les plus propres à prévenir ces inconvénients et à nous assurer la coopération des différents peuples dont il s'agit (particulièrement des serviens et des monténégrins), se trouvent exposés dans deux mémoires séparés ci-joints. On ajoutera seulement ici que du moment, où les troupes russes entreraient en Moldavie et en Valachie, il deviendrait infiniment plus facile de retenir ces peuples dans nos intérêts, en leur fournissant toute l'assistance qui pourrait leur être nécessaire. D'un autre côté, il est très à craindre que si Bonaparte parvient à gagner ces peuples et

---

имъ воспользовался Бонапартъ. Утративъ эти средства, мы не будемъ въ состояніи защищать Оттоманскую имперію; а такъ какъ послѣ такого переворота она, вѣроятно, перемѣнитъ свое положеніе, то тутъ за нами не останется никакого вліянія. Всѣ выгоды войны и ея послѣдствій достанутся врагу. Мы добровольно потеряемъ лучшія средства противодѣйствовать ему въ защитѣ или въ завоеваніи Оттоманской имперіи; такимъ образомъ кончится тѣмъ, что мы станемъ жертвой нашего довѣрія къ правительству, которое лишено внутреннихъ силъ для защиты собственными средствами и измѣнитъ намъ при первомъ случаѣ; между тѣмъ какъ покинемъ народы, которые уже цѣлое столѣтіе связаны съ Россіей и на которыхъ она всегда можетъ разсчитывать.— Въ двухъ отдѣльныхъ прилагаемыхъ здѣсь запискахъ изложены средства, которыя въ данную минуту, кажется, наиболѣе подходятъ для предупрежденія этихъ неудобствъ и для обезпеченія намъ содѣйствія различныхъ народовъ, о которыхъ идетъ рѣчь (въ особенности сербовъ и черногорцевъ). Здѣсь прибавимъ только, что съ той минуты, какъ русскія войска вступятъ въ Молдавію и Валахію, будетъ несравненно легче держать эти народы въ нашихъ рукахъ, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ. Съ другой стороны, весьма можно полагаться, что если Бонапарту удастся привлечь эти народы, въ особенности сербовъ, то французская армія можетъ въ самое короткое время явиться пе-

surtout les serviens, une armée française pourra en très peu de temps nous apparaître sur les bords du Dniestre, et alors il n'est pas douteux que les turcs, dans l'espoir de reprendre la Crimée, se joindront à elle. Pour écarter jusqu'à la possibilité d'un pareil état de choses, il ne faudra donc regretter ni les soins les plus assidus, ni les sacrifices pécuniaires qui à cet effet pourront devenir nécessaires. — 5) Par les mêmes motifs qui doivent engager la cour impériale à s'attacher de plus en plus les peuples chrétiens de la Turquie, il serait infiniment utile de travailler dès à présent à sonder les différents pachas, qui plus ou moins sont en rebellion ouverte envers la Porte, et qu'elle n'a pas la force de soumettre. Tels sont les pachas de Widdin, de Rusczuk et autres. Par le moyen d'émissaires secrets, il faudrait donc tâcher de se préparer les voies pour les faire agir selon nos vues dès qu'il en serait temps. — En adoptant les diverses mesures projetées dans ce présent mémoire, la Russie pourra être tranquille sur le résultat des machinations et des tentatives des français contre l'empire Ottoman. Mais il ne faut pas s'abuser sur les suites que peut avoir le manque de vigilance et d'énergie de la part de la Russie dans cette importante conjoncture. L'ennemi ne tarderait pas à s'approprier les immenses ressources qui dans ce moment-ci s'offrent d'elles-mêmes à la cour impériale, et le torrent qui détruirait l'empire Ottoman menacerait en même temps et d'une manière imminente les provinces méridionales de la Russie.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/11. Подлинникъ.

редъ нами на берегахъ Днѣстра; а тогда турки, конечно, присоединятся къ ней, разсчитывая на возвращеніе Крыма. Чтобы устранить самую возможность подобнаго исхода, конечно, не должно щадить ни самыхъ упорныхъ усилій, ни денежныхъ средствъ, которыя могутъ потребоваться для этого. — 5) По тѣмъ же причинамъ, по которымъ императорскій дворъ долженъ все болѣе и болѣе стараться привязать къ себѣ христіанскіе народы Турціи, было бы крайне полезно теперь же начать опыты надъ разными пашами, болѣе или менѣе открыто возстающими противъ Порты, которая не въ силахъ держать ихъ въ повиновеніи. Таковы паши видинскій, рущукскій и др. Необходимо стараться подготовить ихъ, посредствомъ тайныхъ посланцевъ, къ дѣйствіямъ въ нашу пользу, когда придетъ время.—Принявъ разныя мѣры, указанныя въ настоящей запискѣ, Россія могла бы быть спокойна насчетъ послѣдствій ухищреній и попытокъ французовъ противъ Оттоманской имперіи. Но не должно обманываться насчетъ послѣдствій небрежности и слабости Россіи въ такомъ важномъ дѣлѣ. Врагъ не замедлитъ воспользоваться огромными средствами, которыя въ данную минуту сами просятся въ руки императорскому двору; и потокъ, который разрушитъ Оттоманскую имперію, будетъ угрожать въ то же время и неизбѣжно южнымъ провинціямъ Россіи.

№ 77. — Записка Чарторижскаго.

11/23 janvier 1806.

D'après la position géographique du Monténégro, de la Berda et de l'Herzégovine, qui touchent sur divers points aux nouvelles acquisitions de la France sur l'Adriatique, il paraît indispensable de s'occuper avec la plus grande attention du sort des peuples chrétiens, qui habitent ces contrées et qui de tout temps ont témoigné beaucoup d'attachement à la cour impériale de Russie, tant à cause de la conformité d'origine et de religion que parce qu'ils espèrent toujours, que ce sera avec l'assistance de la Russie que tôt ou tard ils seront délivrés du joug et de l'oppression des turcs. — La cour de St. Pétersbourg est donc en quelque sorte dans l'obligation de s'intéresser à leur sort, dans un moment surtout, où il est peut-être à la veille d'être décidé pour toujours. — Depuis le règne de Pierre le Grand la cour impériale n'a cessé de cultiver les dispositions favorables de ces différents peuples. Rien n'a été négligé pour les y maintenir, et il paraît que le moment actuel est destiné à faire recueillir à la Russie le fruit de tous ses soins, ou du moins serait-elle inexcusable si elle ne fesait tous ses efforts afin de ne pas le perdre. Il s'agirait donc principalement de préserver

---

11/23 января 1806.

Въ силу географическаго положенія Черногоріи, Берды и Герцеговины, прилегающихъ съ разныхъ сторонъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ Франціи на Адріатикѣ, кажется, необходимо заняться съ полнымъ вниманіемъ судьбой обитающихъ тамъ христіанскихъ народовъ, которые всегда изъявляли большую привязанность къ русскому императорскому двору, частью по причинѣ сходства въ происхожденіи и религіи, частью потому, что они всегда надѣялись именно съ помощью Россіи освободиться рано или поздно отъ турецкаго ига.— Стало быть, с.-петербургскій дворъ какъ бы обязанъ интересоваться ихъ судьбой, особенно когда она, пожалуй, рѣшается навсегда.—Съ Петра Великаго императорскій дворъ не переставалъ поддерживать благорасположеніе этихъ р[illegible]ныхъ народовъ. Ничѣмъ не пренебрегали для этого. И, кажется, именно т[illegible]перь пришло время Россіи пожать плоды всѣхъ своихъ заботъ: по крайней м[illegible]рѣ ей было бы непростительно не употребить всѣхъ своихъ усилій, чтобы н[illegible] утратить ихъ. Прежде всего слѣдовало бы предохранить эти народы отъ з[illegible]адней и прельщеній французовъ, если послѣдніе ограничатся уловками привл[illegible]кать ихъ къ себѣ, защищать ихъ, извлекать всевозможную пользу изъ ихъ

ces peuples des piéges et des séductions des français, si ceux-ci se bornaient à un manége tendant à les attirer dans leur parti et de les défendre, de tirer de leur bravoure tout le parti possible en cas qu'ils fussent attaqués, ou bien si le développement des mesures projetées à l'égard de la Turquie rendait leur concours utile et nécessaire. — L'aversion naturelle, qu'ont tous ces peuples pour les français et dont il existe des preuves, suffira probablement dans le premier moment pour qu'ils résistent aux intrigues et aux machinations de ces nouveaux voisins. Mais dans la suite il sera nécessaire de nourrir ces dispositions par le moyen d'insinuations soutenues, qui devraient être accompagnées par toutes les marques de bienveillance et de générosité que la cour impériale se trouve dans le cas de donner à ces peuples, parmi lesquels les monténégrins méritent un intérêt et une sollicitude particuliers. — Sans autre moyen de défense que leur bravoure, leur enthousiasme pour la liberté et la position du pays qu'ils occupent, les monténégrins ont su jusqu'à ce jour conserver leur indépendance malgré les fréquentes agressions des turcs, malgré les intrigues de la ci-devant république Vénitienne et celles de la cour de Vienne, qui toutes tendaient à la destruction de l'existence politique que les monténégrins se sont créée eux-mêmes. — D'après la forme de leur gouvernement actuel, l'autorité suprême se trouve entre les mains du métropolitain qui réunit ainsi le

---

храбрости въ случаѣ, если они подвергнутся нападенію или если ихъ помощь будетъ полезна и необходима при развитіи предположенныхъ противъ Турціи мѣръ. Сначала, пожалуй, довольно доказаннаго природнаго отвращенія у всѣхъ этихъ народовъ къ французамъ, чтобы они сопротивлялась происканъ и пронырству этихъ новыхъ сосѣдей. Но впослѣдствіи будетъ необходимо поддерживать это настроеніе упорными внушеніями, а также всѣми знаками благоволенія и великодушія, которые долженъ явить императорскій дворъ этимъ народамъ, среди которыхъ черногорцы заслуживаютъ особаго вниманія и попеченія.—Лишенные всякихъ средствъ защиты, кромѣ собственной храбрости, страсти къ свободѣ и положенія занимаемой ими страны, черногорцы сумѣли донынѣ сохранить свою независимость, вопреки частымъ нападеніямъ турокъ, вопреки происканъ бывшей Венеціанской республики и вѣнскаго двора, которые клонились къ уничтоженію политическаго бытія, созданнаго себѣ самими черногорцами.—По ихъ нынѣшней формѣ правленія высшая власть находится въ рукахъ митрополита, соединяющаго такимъ образомъ свѣтскую и духовную власть. Это почти неограниченная власть, такъ какъ черногорцы слѣпо повинуются всему, что связано съ догматами ихъ религіи.—Личныя свойства нынѣшняго митрополита Негоша и его привязанность къ Россіи, кажется, не подлежатъ сомнѣнію, судя по свидѣтельству статскаго совѣтника Санковскаго,

pouvoir spirituel et séculier. Cette autorité est presque illimitée, vu que les monténégrins portent une soumission aveugle à tout ce qui tient aux dogmes de leur religion. — Les sentiments personnels du métropolitain actuel Négosh et son attachement pour la Russie ne paraissent sujets à aucun doute, d'après le témoignage du conseiller d'état Sankowsky ainsi que d'après sa conduite en général. Il a non-seulement résisté à toutes les intrigues de la cour de Vienne qui a taché par tous les moyens possibles de l'attirer dans ses intérêts, mais encore vient-il de donner tout récemment une preuve non équivoque de son dévouement pour la Russie, en portant le peuple monténégrin à prêter avec solennité le serment de fidélité à S. M. l'E-r et à lui demander une nouvelle organisation sous la protection spéciale de la Russie. — Cette organisation répond parfaitement à l'idée sur le sort futur de la Turquie qui à été développée dans un mémoire auquel celui-ci sert d'annexe. — En accueillant cette demande, la Russie acquérera en quelque façon le droit d'introduire dans le Monténégro un certain nombre de ses troupes d'après le désir des habitants même. Cependant avant que d'y procéder, avant de fixer le nombre de ces troupes, le point de débarcation et le moment de leur arrivée au Monténégro de manière à être suffisamment rassuré contre les risques de cette entreprise, il faudrait d'abord connaître l'état de choses de ce côté et pour le moment se borner à donner des ordres

---

а также вообще по его собственному поведенію. Онъ не только устоялъ противъ всѣхъ происковъ вѣнскаго двора, старавшагося вовлечь его въ свои выгоды, но недавно далъ еще новое несомнѣнное доказательство своей преданности Россіи, заставивъ черногорцевъ торжественно присягнуть въ вѣрности е. в-ву и-ру и просить его о новомъ устройствѣ подъ особымъ покровительствомъ Россіи.—Это устройство вполнѣ соотвѣтствуетъ мыслямъ о будущности Турціи, развитымъ въ той запискѣ, приложеніемъ къ которой служитъ настоящая записка.—Принявъ эту просьбу, Россія пріобрѣла бы нѣкоторымъ образомъ право ввести въ Черногорію извѣстное число своихъ войскъ, по желанію самихъ жителей. Но прежде чѣмъ пойти на это, преже чѣмъ опредѣлить число этихъ войскъ, мѣсто высадки и время ихъ прибытія въ Черногорію такъ, чтобы не было никакихъ опасеній, необходимо узнать положеніе дѣлъ съ этой стороны: покуда должно ограничиться отправкой на всякій случай указаній нашимъ командирамъ въ Средиземномъ морѣ и подобныхъ же наставленій г. Италинскому. А между тѣмъ можно бы уполномочить г. Санковскаго обѣщать согласіе императорскаго двора на предложеніе черногорцевъ, какъ только окажется возможнымъ установленіе новаго правительства у нихъ, и даже дать это согласіе теперь же, предоставляя митрополиту выбрать наиболѣе удобную минуту для провозглашенія новаго устройства. А г. Санковскій

éventuels à nos commandants dans la Méditerranée et des instructions analogues à m. d'Italinsky. En attendant on pourrait autoriser m. Sankowsky à promettre le consentement de la cour impériale à la proposition des monténégrins, aussitôt que l'établissement d'un nouveau gouvernement chez eux sera exécutable, et même accorder ce consentement dès à présent, en abandonnant au métropolitain de désigner le moment le plus convenable pour proclamer la nouvelle constitution. M. Sankowsky réunirait tous ses soins pour cultiver le métropolitain en l'assurant de la bienveillance particulière de S. M. I. — Par l'entremise de ce prélat on ferait entendre à ces peuples que le moment de leur délivrance n'est peut-être pas éloigné; que si les français se présentent chez eux, ils doivent se défendre à outrance; qu'alors nous irons ouvertement à leur secours et ne les abandonnerons plus; qu'ils peuvent compter sur une existence à jamais heureuse et indépendante en suivant sans réserve les impulsions que nous leur donnerons; qu'en général ils peuvent certainement se fier à l'intérêt si constant de la Russie qui ne cesse de veiller sur eux, et qu'ils doivent toujours se méfier des français qui sont les amis secrets des turcs. — Le métropolitain du Monténégro, jouissant d'une considération marquée auprès de tous ces peuples de l'église grecque, pourra être très utile dans cette conjoncture, et il ne faudrait rien négliger pour le conserver dans nos intérêts. A cet effet on lui accorderait

---

долженъ бы не щадить усилій, чтобы поддерживать связи съ митрополитомъ, увѣряя его въ особомъ благоволеніи е. и. в-ва.—Черезъ посредство этого владыки дадимъ понять этимъ народамъ, что часъ ихъ освобожденія, быть можетъ, недалекъ; что если пожалуютъ къ нимъ французы, они должны защищаться до послѣдней крайности; что тогда мы открыто двинемся къ нимъ на помощь, и уже не покинемъ ихъ; что они могутъ разсчитывать на вѣчно счастливое и независимое существованіе, безпрекословно слѣдуя нашимъ внушеніямъ; что вообще они могутъ полагаться на столь постоянное вниманіе къ нимъ Россіи, которая не перестаетъ пещись о нихъ, но никогда не должны довѣрять французамъ, этимъ тайнымъ друзьямъ Турціи.—Черногорскій митрополитъ, пользующійся большимъ уваженіемъ у всѣхъ этихъ народовъ греческой вѣры, можетъ быть очень полезенъ въ этомъ случаѣ; и не должно ничѣмъ пренебрегать, чтобы сохранить его связи съ нами. Съ этою цѣлью нужно даровать ему различныя милости, согласно съ его просьбой, а также наградить, по его же просьбѣ, нынѣшняго правителя, Радонича, и другихъ начальниковъ той націи, которыхъ рекомендуетъ г. Санковскій. Здѣсь прилагается списокъ всѣхъ этихъ лицъ.—Таковы мѣры для сохраненія расположенія черногорцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, на которыхъ распространяется вліяніе митрополита Негоша; но нужно еще увѣрить ихъ рѣшительно, что импе-

les différentes grâces qu'il sollicite, et on donnerait en même temps au gouverneur actuel Radonitsch et aux autres chefs de la nation, recommandés par m. Sankowsky, les gratifications qu'il sollicite pour eux. La liste de toutes ces personnes est jointe au présent exposé. — Tout en faisant usage de ces moyens pour maintenir les bonnes dispositions des monténégrins et des autres peuples circonvoisins, sur lesquels s'étend l'influence du métropolitain Négosh, il faudrait les assurer d'une manière positive que la cour impériale leur fournira tous les secours dont elle pourra disposer, s'ils étaient dans le cas de se défendre contre les français ou contre les turcs. Cette assurance devrait être appuyée dès à présent par l'envoi d'une certaine quantité de poudre, de plomb et d'autres munitions de guerre, qu'ils ont demandées et qui leur ont été même promises. On ajouterait à cet envoi six pièces de campagne qui, d'après les rapports de m. Sankowsky, leur seraient également d'une grande utilité. Ces munitions ainsi que les pièces de campagne pourraient leur être expédiées de la mer Noire ou bien de Corfou, si un pareil envoi peut se faire sans trop diminuer les munitions de guerre de nos troupes. Le commandant en chef à Corfou serait prévenu de cet arrangement et aurait soin de faire parvenir les munitions aux monténégrins de la manière la plus praticable. M. Sankowsky propose un endroit, nommé Spitza, pour le débarquement; mais comme ce port est sensé appartenir aux

---

раторскій дворъ подастъ имъ всякую зависящую отъ него помощь, если имъ придется защищаться противъ французовъ или турокъ. Должно сейчасъ же поддержать это увѣреніе отправкой извѣстнаго количества пороха, свинца и другихъ военныхъ снарядовъ, которыхъ они просили и которые даже были обѣщаны имъ. Къ этому слѣдовало бы прибавить шесть полевыхъ орудій, которыя, по словамъ г. Санковскаго, также были бы имъ очень полезны. Эти снаряды, а равно и полевыя орудія можно бы отправить къ нимъ Чернымъ моремъ или изъ Корфу, еслибы только подобная посылка не слишкомъ сократила вооруженіе нашихъ войскъ. Нужно предупредить объ этомъ главнокомандующаго въ Корфу, чтобы онъ позаботился доставить снаряды черногорцамъ возможно болѣе удобнымъ способомъ. Г. Санковскій предлагаетъ одно мѣсто для выгрузки, именно Спиццу; но вѣдь этотъ портъ принадлежитъ туркамъ; а желательно, чтобы между тѣмъ русско-англійскимъ эскадрамъ удалось овладѣть или Каттаро, или какимъ-нибудь другимъ мѣстомъ на томъ берегу.— Итакъ, Черногорія становится средоточіемъ нашихъ дѣйствій; и, кажется, намъ не найти лучшаго мѣста, въ виду какъ географическаго положенія этой страны, такъ и настроенія митрополита съ его замѣтнымъ вліяніемъ на всѣ и сосѣдніе народы.—Въ сущности всѣ наши заботы должны быть направлены лишь къ тому, чтобы дать возможность этимъ народамъ защищаться

turcs, il serait à désirer que les escadres russo-anglaises parvinsent entre temps à s'emparer soit de Cattaro ou de tel autre place sur cette côte.— Le Monténégro devenant ainsi le point central de nos opérations, il paraît que nous ne saurions en choisir un meilleur, tant à l'égard de la position géographique de ce pays, qu'en considération des dispositions du métropolitain et de son influence marquée sur tous les peuples voisins. — Dans le principe, tous nos soins n'auraient d'autre but que de mettre ces peuples en état de se défendre contre toute agression étrangère. Mais si dans la suite il était trouvé convenable de les faire agir offensivement, ce serait le général en chef des troupes russes à Corfou, qui leur donnerait l'impulsion et les directions nécessaires par l'entremise de m. Sankowsky, qui devrait toujours être en correspondance réglée avec ce général, ainsi qu'avec les chefs des escadres alliées dans l'Adriatique. M. Sankowsky serait autorisé en même temps à former tel engagement, soit avec les monténégrins ou avec d'autres peuples de ces contrées, qu'il jugerait devoir concourir au but que l'on se propose, sauf à être sanctionné par la cour impériale. — Il devrait dès à présent établir ses relations avec Czerni George et les peuples intermédiaires, afin de mettre de l'unité dans leurs actions et diriger leur conduite. — Ainsi, pour le premier moment, la Russie aura pris toutes les précautions qui dépendent d'elle pour ne pas être privée dans l'occasion des

---

противъ всякаго иноземнаго нападенія. Но еслибы впослѣдствіи сочли удобнымъ заставить ихъ дѣйствовать наступательно, то главнокомандующій русскими войсками на Корфу долженъ дать имъ толчокъ и необходимое направленіе черезъ посредство г. Санковскаго, которому слѣдовало бы всегда находиться въ правильной перепискѣ съ этимъ генераломъ, а также и съ начальникомъ союзныхъ эскадръ въ Адріатикѣ. Въ то же время нужно уполномочить г. Санковскаго вступать къ такія сдѣлки съ черногорцами или съ другими народами тѣхъ странъ, которыя, по его мнѣнію, должны служить предположенной цѣли, впрочемъ на условіи утвержденія ихъ императорскимъ дворомъ.—Ему слѣдовало бы теперь же установить сношенія съ Чернымъ Георгіемъ и съ промежуточными народами, чтобы объединить ихъ дѣйствія и направлять ихъ поступки.—Такъ, на первый разъ Россія приняла бы всѣ зависящія отъ нея мѣры предосторожности, чтобы при случаѣ не лишиться пользы, представляемой этими народами. Въ то же время можно бы извлечь много пользы изъ обитателей Истріи, Далмаціи и провинціи Каттаро, которые, въ свою очередь, принадлежатъ къ греческой вѣрѣ и точно также ненавидятъ французовъ. Пока мы не знаемъ, совершится-ли мирное занятіе этой страны французами, или населеніе воспользуется своимъ мѣстоположеніемъ и легкостью самозащиты, чтобы вновь завоевать свою старую независимость, на которую про-

ressources que lui offrent ces peuples. On pourrait en même temps tirer un grand parti des habitants de l'Istrie, de la Dalmatie et de la province de Cattaro, qui sont aussi de la communion grecque et qui détestent également les français. Jusqu'ici nous ignorons si la prise de possesion de ce pays par les français se fera paisiblement, ou bien si les habitants profiteront de leur position et de la facilité qu'ils ont à se défendre pour reconquérir leur ancienne indépendance, à laquelle la province de Cattaro a des droits particuliers, vu qu'elle ne s'est soumise à la ci-devant république de Venise qu'autant que celle-ci serait en état de la défendre contre ses ennemis. Lors de la chute de la république les habitants du Cattaro avaient eu le projet de s'unir au Monténégro, et sans les intrigues de la cour de Vienne cette réunion aurait sans doute eu lieu. En profitant de cette circonstance, de la haine des habitants contre les français, enfin des dificultés que ceux-ci auront à vaincre avant de s'emparer de ce pays contre le gré des indigènes, il faudrait, s'il en est temps encore, encourager les habitants du pays de Cattaro à se défendre contre les français et à s'unir aux monténégrins. On leur ferait entendre, que dès lors ils jouiraient de la même indépendance que ceux-ci, et que par la suite ils participeraient avec eux à tous les avantages de la nouvelle constitution qui leur sera donnée. — Cette union du Cattaro au Monténégro étant de la plus haute importance, surtout par la communication commode et libre qu'obtiendrait ce dernier pays avec la

---

винція Каттаро имѣетъ особенныя права, такъ какъ она подчинилась бывшей Венеціанской республикѣ лишь на условіи, чтобы та защищала ее отъ враговъ. По паденіи этой республики, обитатели Каттаро замышляли присоединиться къ Черногоріи; и это соединеніе, конечно, произошло бы, еслибъ не происки вѣнскаго двора. Слѣдовало бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, а также ненавистью населенія къ французамъ и затрудненіями, которыя встрѣтятъ эти послѣдніе при завоеваніи страны вопреки волѣ ея обитателей: слѣдовало бы, если еще не поздно, воодушевить жителей страны Каттаро къ оборонѣ противъ французовъ и къ соединенію съ черногорцами. Должно дать имъ понять, что отнынѣ они будутъ пользоваться одинаковою съ послѣдними независимостью, и что впослѣдствіи они раздѣлятъ съ ними всѣ выгоды новаго устройства, которое будетъ дано Черногоріи.—Это соединеніе Каттаро съ Черногоріей чрезвычайно важно особенно потому, что эта послѣдняя пріобрѣла бы удобное и свободное сообщеніе съ моремъ: нельзя ничѣмъ пренебрегать для его осуществленія. Среди наиболѣе подходящихъ для этого средствъ можно считать посредничество архимандрита Симеона Ивковича, который находится въ сію минуту въ С.-Петербургѣ. Проживъ много лѣтъ въ Далмаціи, этотъ архимандритъ пріобрѣлъ также довѣріе и любовь народа, такъ что тамошняя община

mer, on ne devrait rien négliger pour l'opérer. Parmi les moyens les plus propres à cet effet on pourrait employer l'entremise de l'archimandrite Siméon Iwcovitz, qui dans ce moment-ci se trouve à St. Pétersbourg. Ayant habité pendant plusieurs années en Dalmatie, cet archimandrite s'est tellement concilié la confiance et l'amour du peuple, qu'il avait été élu évêque par la communauté des chrétiens grecs de cette province. La confirmation de la cour de Vienne lui ayant été promise d'abord et refusée depuis, l'archimandrite Siméon se décida à venir en Russie pour réclamer la protection de la cour impériale auprès celle de Vienne. — En tirant parti de cette conjoncture, on pourrait l'expédier incessamment pour la Dalmatie, en lui recommandant de maintenir l'esprit du peuple de cette province ainsi que de l'Istrie dans son éloignement contre les français, lui conseiller de se défendre contre eux et leur promettre des secours efficaces de notre part, ainsi qu'une forme de gouvernement libre et indépendante à leur choix. L'archimandrite dirigerait en même temps tous ses soins sur la réunion du Cattaro au Monténégro, et dans ces différentes opérations il s'entendrait également avec m-s de Sankowsky et Fonton, consul de Russie à Raguse, qui en le secondant autant que cela pourra dépendre d'eux, s'appliqueraient particulièrement à établir la bonne harmonie entre l'archimandrite Iwcovitz et le métropolitain Négosh et à écarter tout ce qui en mettant de la désunion entre ces deux prélats, pourrait entraver le succès de la chose.—

христіанъ греческой вѣры выбрала его епископомъ. Такъ какъ утвержденіе было сначала обѣщано ему вѣнскимъ дворомъ, а потомъ отвергнуто, то архимандритъ Симеонъ рѣшился отправиться въ Россію, чтобы испросить предстательство императорскаго двора передъ вѣнскимъ дворомъ.—Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, можно бы немедленно отправить его въ Далмацію съ порученіемъ поддерживать духъ жителей тамъ и въ Истріи въ смыслѣ отчужденія отъ французовъ, совѣтовать имъ защищаться противъ нихъ и обѣщать имъ дѣятельную помощь съ нашей стороны, а также свободное и независимое правительство въ какой имъ угодно формѣ. Въ то же время архимандритъ направитъ всѣ свои усилія на соединеніе Каттаро съ Черногоріей. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ онъ будетъ также согласоваться съ гг. Санковскимъ и Фонтаномъ, русскимъ консуломъ въ Рагузѣ, которые будутъ всячески поддерживать его, особенно стараясь установить согласіе между архимандритомъ Ивковичемъ и митрополитомъ Негошемъ и устранить все, что могло бы поселить раздоръ между этими двумя владыками, и тѣмъ задержать успѣшный ходъ дѣла.—Въ случаѣ, если французы займутъ Истрію, Далмацію и Каттаро до прибытія архимандрита Ивковича, онъ долженъ будетъ ограничиться прежде всего пріобрѣтеніемъ сообщниковъ, распространеніемъ ненависти къ францу-

Au cas que les français aient déjà occupé l'Istrie, la Dalmatie et les bouches du Cattaro avant l'arrivée de l'archimandrite Iwcovitz, alors il devra se borner d'abord à se faire des partisans, à nourrir et ranimer la haine contre les français et à se préparer les moyens de faire révolter les habitants aussitôt que les escadres alliées se trouveront à portée de soutenir leurs efforts. — Au moment de l'expédition de l'archimandrite Iwcovitz, il serait convenable de lui accorder quelque grâce tant honorifique que pécuniaires. Il serait même très utile de mettre à sa disposition une certaine somme d'argent pour lui faciliter les moyens de remplir les commissions dont il sera chargé. — Les différentes mesures énoncées ci-dessus paraissent d'autant plus nécessaires que leur résultat peut servir d'acheminement à un ordre de choses, qui pour longtemps encore préserverait l'empire Ottoman de la déstruction dont il est menacé, et qui par conséquent ne saurait que nous convenir. En formant un état intermédiaire de l'Herzégovine, du Monténégro, de la Dalmatie et de la province de Cattaro, état dont l'existence politique serait à peu près celle de Raguse ou de Sept-Iles, il est évident que la Turquie obtiendrait une forte barrière de ce côté-là contre les français; de même qu'une république grecque, formée par les Sept-Iles et consolidée par des possessions suffisantes sur la terre ferme, la rassurerait du côté de la mer. Pour parvenir à un résultat si désirable, il faudra sans doute combattre les scrupules et les indécisions de la Porte; mais on tâcherait

---

замъ и подготовкой средствъ къ возмущенію жителей какъ только союзныя эскадры будутъ въ состояніи поддержать ихъ усилія.—При отправленіи архимандрита Ивковича было бы умѣстно оказать ему какую-нибудь милость, какъ почестью, такъ и деньгами. Было бы даже весьма полезно предоставить въ его распоряженіе извѣстную сумму денегъ, чтобъ облегчить исполненіе данныхъ ему порученій.—Разныя вышеупомянутыя мѣры, кажется, тѣмъ болѣе необходимы, что ихъ послѣдствія могутъ служить подготовкой такого порядка вещей, какой еще надолго предохранитъ Оттоманскую имперію отъ угрожающаго ей разрушенія и, слѣдовательно, выгоденъ намъ. Съ образованіемъ изъ Герцеговины, Черногоріи, Далмаціи и Каттаро промежуточнаго государства, политически схожаго съ Рагузой и съ Семью Островами, Турція оч видно пріобрѣтетъ сильный оплотъ съ этой стороны противъ французовъ; съ другой стороны, греческая республика, состоящая изъ Семи Острововъ и по крѣпленная достаточными владѣніями на материкѣ, обезпечивала бы ее съ мо ря. Правда, нужно бороться съ сомнѣніями и нерѣшительностью Порты, чт бы достигнуть столь желаннаго слѣдствія; но нужно постараться дать ей по нять, что ей слѣдовало бы воспользоваться нынѣшними обстоятельствами, чт бы округлить и обезопасить границы имперіи со стороны Далмаціи, и что

de lui faire entendre, qu'elle pourrait profiter des circonstances du moment pour arrondir et assurer les frontières de l'empire du côté de la Dalmatie, et que ce serait le seul moyen d'éviter les désagréments du voisinage des français. D'ailleur le succès d'une entreprise contre la Dalmatie serait immenquable, d'après toutes les circonstances locales, surtout si les habitants étaient soutenus par un certain nombre de troupes russes. Les français auraient de la peine à rentrer dans ce pays, vu que l'on ne peut y pénétrer qu'avec difficulté du côté de la terre, et par mer il serait facile de s'y opposer. — En n'envisageant que les vrais intérêts du gouvernement turc, il devrait s'empresser d'adhérer à toute proposition de ce genre que lui fera la cour impériale, car la Porte ne saurait se dissimuler qu'elle court le plus grand risque de perdre Raguse dès à présent, sans faire mention des provinces limitrophe. Nonobstant il faut s'attendre à beaucoup d'opposition de sa part, vu sa pusillanimité accoutumée, ce qui toutefois ne devrait pas ralentir nos soins à la porter aux mesures que nous jugerons conformes à la conservation de l'empire Ottoman, ainsi qu'à nos intérêts. — Si la Porte se prêtait à un pareil arrangement, on expliquerait aux monténégrins et aux autres peuples d'origine slave, qu'ils ne doivent agir contre les intérêts de la Porte et prendre l'apparence de se soumettre à sa souveraineté; mais en même temps on aurait soin de leur assurer une existence heureuse, régulière et indépendante. — En dernière analyse, il est essentiel d'ob-

---

это—единственное средство избѣжать непріятнаго сосѣдства французовъ. Впрочемъ успѣхъ предпріятія противъ Далмаціи несомнѣненъ, судя по всѣмъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, особенно если извѣстное количество русскихъ войскъ поддержитъ жителей. Французамъ было бы трудно вступить въ эту страну, такъ какъ съ суши мудрено проникнуть туда, а съ моря легко было бы воспротивиться имъ.—Если стать исключительно на точку зрѣнія выгодъ турецкаго правительства, то и тогда послѣднее должно поспѣшить принять всякое предложеніе императорскаго двора въ этомъ родѣ: Порта не должна скрывать отъ себя, что ей сильно угрожаетъ опасность теперь же потерять Рагузу, не говоря уже о сосѣднихъ провинціяхъ. Тѣмъ не менѣе нужно ожидать сильнаго сопротивленія съ ея стороны, въ виду ея обычной трусливости; но это не должно ослаблять нашихъ усилій довести ее до тѣхъ мѣръ, которыя мы сочтемъ соотвѣтствующими какъ сохраненію Оттоманской имперіи, такъ и нашимъ выгодамъ.—Если Порта пойдетъ на это, то нужно объяснить черногорцамъ и другимъ народамъ славянскаго происхожденія, что они не должны дѣйствовать противъ выгодъ Порты, и пусть показываютъ видъ, что подчиняются ея верховной власти; а между тѣмъ постараемся обезпечить имъ счастливое, правильное и независимое существованіе.—Въ заключеніе необходимо

server, qu'une des raisons, qui doit décider la Russie à tenter dès à présent une prise de possession de ce côté, c'est que Bonaparte serait alors infiniment plus coulant dans ses prétentions, vu que nous aurions en main des objets de compensation, qui deviendraient d'un grand poids dans toute négociation qui peut avoir lieu; enfin la mise en exécution du plan, qui vient d'être exposé, pourrait naître des combinaisons, qui rendraient peut-être la paix générale plus possible qu'elle ne paraît l'être dans ce moment, en ce que la formation des deux états intermédiaires, dont il vient d'être parlé et sur lesquels il nous serait aisé d'avoir toujours une influence prépondérante, ôterait à la France tout espoir de réaliser ses vues sur l'empire Ottoman, si même elle s'appropriait momentanément toute l'Italie.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/7. Подлинникъ.

№ 78. — Докладъ Чарторижскаго.

11/23 января 1806.

Донесеніе генеральнаго консула Болкунова, равно и всѣ прочія свѣдѣнія, доходящія сюда изъ Сербіи, Босніи и окрестныхъ областей, всѣ согласны въ томъ, что Оттоманская Порта, раздраженная послѣднею побѣдою, сербами надъ турецкимъ войскомъ одержанною, собираетъ вновь нарочитыя силы, дабы съ наступленія весны паки напасть на сербовъ, не скрывая при томъ, что она хочетъ вовсе истребить ихъ племя. — Начальники народа сербскаго, столь же славнаго храбростію своею, сколь и достойнаго особливаго вниманія по единовѣрію и всегдашней приверженности къ имперіи Россійской, подносимымъ у сего письмомъ на высочайшее в. и. в-ва имя молятъ о заступленіи вашемъ въ

замѣтить, что Россія должна теперь же попытаться пріобрѣсти что-нибудь съ этой стороны, между прочимъ, потому, что тогда Бонапартъ сталъ бы несравненно податливѣе въ своихъ притязаніяхъ, такъ какъ въ нашихъ рукахъ были бы такіе предметы вознагражденія, которые имѣли бы большой вѣсъ во всяхъ переговорахъ. Наконецъ, исполненіе только-что изложеннаго плана могло б породить событія, которыя, пожалуй, сдѣлали бы всеобщій миръ болѣе возможнымъ, чѣмъ теперь, такъ какъ образованіе двухъ промежуточныхъ государствъ, о которыхъ только-что говорилось и на которыя мы всегда легко могли бы оказывать преобладающее вліяніе, отняло бы у Франціи всякую надежду осуществить свои виды на Оттоманскую имперію, еслибы даже она захватила на минуту всю Испанію.

пользу ихъ у его султанова величества, лаская себя надеждою, что таковый всемилостивѣйшій подвигъ со стороны е. в-ва содѣлается всеконечно ихъ спасеніемъ.—Представляя о семъ, осмѣливаюсь изложить мнѣніе мое о важности сего событія въ настоящихъ обстоятельствахъ, равно и о приличнѣйшихъ мѣрахъ, дабы не только послѣдствія его не обратились во вредъ имперіи Россійской, но дабы даже извлечь изъ онаго въ предстоящихъ и возможныхъ случаяхъ величайшую для нея пользу.—Достаточно извѣстно, что народъ сербскій, угнетенный правительствомъ турецкимъ, нашелъ себя въ необходимости низвергнуть съ себя иго, содѣлавшееся наконецъ несноснымъ. Прогнавъ чиновниковъ, отъ Порты постановленныхъ, сербы объявили, что таковыхъ уже у себя не примутъ; но въ самое то время не преставали они представлять Портѣ со всевозможною покорностію, что они отнюдь не имѣютъ намѣренія содѣлаться отъ нея независимыми, и что всегда пребудутъ вѣрными ея подданными, нося всѣ обязанности, съ симъ званіемъ сопряженныя, лишь бы позволено имъ было управляться самимъ собою. Порта, не зная прямой своей пользы, всегда въ томъ отказывала, и наконецъ уже, какъ сербы, защищая себя, одержали знаменитую побѣду надъ пашею Нисскимъ, командовавшимъ турецкими войсками, Оттоманская Порта рѣшилась разорить всю Сербію посредствомъ меча и огня.—Устрашенный неизбѣжною сею опасностію, народъ сербской, припадая къ стопамъ в. и. в-ва, обратился также къ императору римскому, съ просьбою о заступленіи въ Константинополѣ и отъ е. в-ва, также и о снабженіи арміи сербской нѣкоторымъ числомъ военныхъ припасовъ. Вѣнскій дворъ, обнадежа сербовъ въ исполненіи первой части ихъ просьбы, отказалъ въ послѣдней, и такъ они, кромѣ надежды на Бога, на храбрость свою и на великодушіе в. и. в-ва не имѣютъ иного средства ко спасенію.—Изъ сего явствуетъ, что есть ли надѣяніе ихъ на помощь в. и. в-ва останется тщетною, то сербы будутъ или разорены до основанія турками, или же убѣжденные крайностію и видя французовъ въ близости, они предадутъ себя ихъ покровительству, и нѣтъ сомнѣнія, что французское правительство поспѣшитъ воспользоваться симъ случаемъ, дабы увеличить свое вліяніе въ дѣлахъ турецкихъ и привести въ дѣйство виды свои на счетъ Оттоманской имперіи. — Весьма ясно, что то и другое изъ сихъ событій будетъ совершенно противно пользѣ имперіи Россійской, тѣмъ паче, что и другіе единовѣрные тамошняго края народы, какъ-то, черногорцы, бердяне, герцоговиняне и прочіе, кои по сіе время почитали себя отчасти подъ непосредственнымъ покровительствомъ в. и. в-ва, видя равнодушіе, съ коимъ высочайшій дворъ поступаетъ въ разсужденіи

сербовъ, послѣдуя ихъ же примѣру, будутъ искать подпоры со стороны французовъ.— Во отвращеніе таковыхъ послѣдствій, долгомъ поставляю представить в. и. в-ву о необходимости принять слѣдующія мѣры.— 1-ое [1]). Полученное на высочайшее имя прошеніе отъ народа сербскаго отправить въ Константинополь къ посланнику Италинскому, предписавъ ему сообщить оное Портѣ въ подлинникѣ и употребить всевозможное стараніе, дабы преклонить министерство турецкое къ отмѣнѣ военныхъ противъ сербовъ приготовленій, къ доставленію имъ должной справедливости и къ принятію во уваженіе представленій ихъ касательно будущаго области ихъ управленія. Въ семъ случаѣ г. Италинскій конечно съ успѣхомъ употребить можетъ выше помянутое внушеніе о вѣроятности, что сербы прибѣгнутъ къ покровительству Франціи, если они доведены будутъ до крайности.—2-е [2]). Между тѣмъ по неизвѣстности, какой будетъ имѣть успѣхъ сей подвигъ, нужно необходимо поставить сербовъ въ состояніе на первой случай противуборствовать турецкимъ войскамъ, кои на нихъ нападутъ. Для сего отправить къ нимъ немедленно десять тысячъ червонныхъ чрезъ посредство генерал. консула Болкунова, и коль скоро объяснятся расположенія Австріи въ послѣдствіи пресбургскаго мира, отнестись къ вѣнскому двору объ отпускѣ сербамъ по возможности нужнаго имъ количества военныхъ припасовъ. Повидимому означенный дворъ твердо намѣренъ сохранить дружескія свои связи съ Россіею, и въ такомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что сколь скоро онъ вѣдать будетъ въ подробности о причинахъ, побуждающихъ насъ къ таковому требованію, онъ согласится на оной.— 3-е [3]). Генеральному консулу Болкунову предписать, чтобы извѣстнымъ ему и наисекретнѣйшимъ образомъ увѣдомилъ онъ начальниковъ сербскихъ о принятыхъ высочайшимъ дворомъ въ пользу ихъ мѣрахъ; совѣтовалъ бы имъ защищать себя съ признанною храбростію противу турковъ, стараясь наиболѣе овладѣть Бельградомъ, не упуская при томъ увѣрять Порту въ готовности своей вступить паки въ ея подданство, коль скоро она согласится на справедливыя ихъ требованія, и наконецъ, чтобы онъ отвращалъ ихъ отъ всякаго сношенія съ французами. Въ таковомъ же смыслѣ отнестись и къ волошскому господарю, который по признанной преданности къ высочайшему двору охотно будетъ дѣлать таковыя же сербамъ внушенія. — Споспѣшествовавъ такимъ образомъ къ спасенію сербовъ, в. и. в-ву и на будущія времена можно

[1]) На полѣ помѣтка: „исполнено 3 февраля 1806.
[2]) На полѣ помѣтка: „исполнено 18 февраля 1806.
[3]) На полѣ помѣтка: „исполнено 18 февраля 1806.

будетъ считать на ихъ приверженность къ Россіи и на содѣйствіе ихъ купно съ оною, коль скоро обстоятельства того потребуютъ. Равнымъ же образомъ и другіе единовѣрные народы, о коихъ выше помянуто, всеконечно пребудутъ Россіи вѣрны и преданны.—Предавая мнѣніе сіе на всемилостивѣйшее в. и. в-ва разсмотрѣніе, буду ожидать высочайшаго вашего разрѣшенія.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/13. Подлинникъ.

№ 79. — Мнѣніе Чарторижскаго.

16/28 janvier 1806.

Une suite d'évènements aussi malheureux que difficiles à prévoir a placé la Russie dans la situation où l'on appréhendait que la mettrait un jour l'agrandissement graduel de la France, si le cabinet de St. Pétersbourg ne trouvait pas dans l'énergie et l'union des principaux états de l'Europe des moyens pour opposer une digue au débordement de la puissance de Bonaparte. Au lieu de décroître elle a gagné de nouvelles forces dans la lutte trop courte que cet habil ambitieux a eu à soutenir. Plus formidable que jamais il a renversé ou frappé de terreur les deux puissances qui seules pouvaient lui faire tête en première ligne et à leur suite tous les états du second ordre. Les liens, qui s'étaient formés pour arrêter de concert le torrent, sont rompus ou tellement relâchés qu'ils ne présentent plus pour le moment aucune sécurité au continent; plus le plan, qui devait la lui donner, était combiné dans toutes ses parties, et plus son exécution a dû produire de difficultés lorsque sur un point elle a été totalement en défaut; enfin la Russie, qui était le soutien de cette masse à peine ébranlée et qui jusqu'ici était reputée hors de l'atteinte de la France, se voit elle-même directement menacée.—Dans cet état de choses, pour fixer la conduite qu'il lui convient de tenir, le premier soin doit être sans doute de s'éclairer sur les dangers qu'elle peut courir, sans se les exagérer, ni s'aveugler sur aucun d'eux, afin de pouvoir en déduire avec d'autant plus d'assurance les mesures, qu'elle doit adopter pour les détourner.—Ces dangers peuvent être de deux genres, ou bien immédiats, ils sont de nature à donner dès à présent des appréhensions pour l'intégrité des frontières russes, ou plus éloignés, mais non moins graves que ceux-ci, ils naîtront par la suite du temps et mineront successivement les ressources de cet empire.—Les premiers semblent devoir inspirer beaucoup moins d'inquiétudes depuis les dernières communications faites tant par l'Autriche que

par la Prusse. L'une et l'autre de ces puissances plient devant Bonaparte, chacune d'après sa position et les circonstances, dans lesquelles elle se trouve; mais en s'arrangeant avec lui, elles éloignent tout danger de celles de nos frontières, qui pour le moment semblaient les seules exposées. — Bonaparte, en abandonnant ses projects sur la Pologne, prouve qu'il n'y prenait pas un intérêt bien réel, car jamais il ne s'était trouvé plus à portée de les exécuter avec facilité, et cette circonstance servira probablement à lui aliéner ceux-mêmes des polonais que ses promesses avaient égarés. Cependant on ne saurait encore être entièrement tranquillisé à cet égard.—Quoique le traité de Presbourg paraisse être trop au désavantage de l'Autriche pour qu'on puisse supposer une intelligence secrète entr'elle et la France, quoique les communications du cabinet de Vienne aient tous le caractère de la franchise et du désir de se tenir uni à la Russie, l'on n'a pas encore assez de données à ce sujet pour pouvoir être assuré de la non-existence d'articles secrets, dont l'objet serait relatif au sort futur de la Galicie et des états ottomans, arrangements que la Russie ne saurait permettre sous aucun rapport.—D'un autre côté le retard inexcusable, que met la Prusse de nous communiquer la convention signée le 15 décembre par le comte de Haugwitz, doit faire supposer que cette transaction contient des stipulations bien peu conformes aux liens qui unissent les deux états. Le cabinet de Berlin ne nous a pas informé davantage des modifications que le roi a proposées à ce traité avant que de consentir à le ratifier et dont le but principal doit être, dit-on, d'écarter tout ce qui s'y trouvait de contraire aux intérêts directs de la Russie. En accordant même pleine croyance à cette assurance, il peut arriver que Bonaparte rejetera les modifications proposées, et dans ce cas il y a lieu de craindre que la Prusse ne se décide à lui obéir, ou si elle se resoud d'opposer la force à la force et que la guerre se rallume, Bonaparte n'en reprendra pas moins son projet sur la Pologne et forcera peut-être l'Autriche à y prêter les mains.—Un revirement subit dans ce genre n'est pas impossible tant que nous ne saurons pas avec précision la teneur de ce qui a été réglé entre la Prusse et la France et que nous n'apprendrons pas la r raite effective et complète des troupes françaises hors des états au- t :hiens. Comme la chose est au moment de se décider, il serait bon s s perte de temps de donner pour ces différentes suppositions des o lres éventuels aux généraux Beningsen, Tolstoy et Koutousoff; ce der- n :r entre autre ne devrait évacuer entièrement la Galicie que lorsqu'il a rait reçu la nouvelle certaine que les troupes françaises se sont en

effet retirées vers le Danube. — Ces évènements, dans lesquels la Russie, au milieu d'un danger pressant, acquérerait de nouvelles ressources par sa propre influence décisive sur l'esprit des polonais, sont possibles, mais nullement probables dans ce moment. — Il est à croire que Bonaparte désirera quelques instants de repit et surtout qu'il ne voudra pas commencer une guerre avec la Prusse. Ses efforts vont se tourner de préférence contre l'Angleterre et vers le midi. La Prusse tâchera sans doute de profiter des malheurs de l'Europe pour faire des acquisitions et elle aura pour Bonaparte toutes les complaisances qu'il lui demandera; mais elles ne seront poussées que précisement jusqu'au point auquel la Prusse croira pouvoir s'avancer sans craindre qu'il en résulte une guerre inévitable avec la Russie. — L'Autriche selon toutes les apparences ne pensera pour le moment qu'à se refaire en réorganisant son gouvernement intérieur. Elle sera entièrement nulle et passive, mais toujours portée, par système et par les sentiments de l'e-r français et de son ministre actuel, à rester unie à la Russie. Dans le cas, que la cour de Vienne fût obligée d'agir, et aussitôt qu'elle sera en état de le faire, il est probable qu'elle s'y résoudra plus facilement pour s'opposer aux empiètements de la France que pour les favoriser en se déclarant contre nous. De cette façon la Russie se trouverait hors de toute atteinte de la part de la France du côté du nord et de ses frontières polonaises. Son attention principale pourra d'autant mieux se porter vers le midi sans crainte fondée d'en être détournée. C'est de ce côté seul qu'elle a pour le moment les dangers les plus imminents à conjurer. Bonaparte, étant parvenu à arracher à l'Autriche la Dalmatie vénitienne et les bouches du Cattaro, acquiert un surcroit de moyens maritimes et des facilités infinies pour exécuter les plans qu'il médite depuis longtemps sur l'empire Ottoman et qui jusqu'ici avaient été entravés par l'éloignement, qui le séparait de ce pays.—Quels que soient cependant les nouveaux avantages qu'il vient d'obtenir, il se passera probablement quelque temps avant qu'il puisse les mettre en oeuvre, et la Russie soutenue par l'Angleterre sera très en état de lui faire tête de ce côté; Bonaparte n'y pourra point porter des armées bien considérables; il faudra qu'il laisse la plus grande partie de ses forces pour garder la vaste étendue de pays qu'il tient sous sa dépendance et pour observer l'Autriche et même la Prusse auxquelles il ne saurait entièrement se fier par les liaisons que le cabinet de St. Pétersbourg s'efforcera d'y conserver. La Russie, au contraire, libre probablement de toute autre inquiétude, pourra tourner exclusivement ses soins et ses efforts du côté de la Turquie et

employer à cet objet la plus grande partie de ses moyens immenses.— La Russie, au milieu des circonstances calamiteuses qui ont empiré l'état de l'Europe, ne se trouve donc pas dans une situation qui doive lui inspirer de trop grandes inquiétudes. Elle les fera cesser entièrement en redoublant d'énergie et en procédant avec assurance au développement des mesures que son honneur et sa sûreté vont lui dicter. Malgré les malheurs qui ont empêché l'heureuse exécution des plans qui avaient été arrêtés, les fruits de la conduite, qui a été tenue jusqu'à présent, ne seront pas entièrement perdus. Si nos suppositions à l'égard de l'Autriche se vérifient, ce sera une preuve bien marquante de l'avantage que donne une confiance méritée. Bonaparte vainqueur et avec toutes ses forces n'aura pu engager la cour de Vienne à accepter ses bienfaits et à se lier avec lui uniquement, parce qu'il n'inspire pas de confiance. Tandis que cette même cour dans son malheur et ne pouvant plus s'attendre à être secourue par la Russie, se tient encore à elle, parce que le caractère de S. M. I. lui commande de la confiance. Il ne dépendra que de nous d'empêcher que cette confiance ne s'affaiblisse dans l'Angleterre, et ce même sentiment, qui avait si heureusement germé dans tous les cabinets, contribuera beaucoup à nous préserver de toute entreprise directement hostile de la part de nos voisins et se consolidera même, si le développement des mesures militaires et une conduite soutenue et conséquente répondent au caractère de force et de dignité qu'il convient à la Russie de maintenir. — La France va dominer par la terreur en Allemagne, en Italie et dans la plus grande partie de l'Europe. En vain voudrait on s'y opposer; le temps seul ou des changements subits et imprévus peuvent remédier à ce mal; mais si Bonaparte prétend atteindre la Russie par son côté vulnérable et sensible, elle saura lui opposer des difficultés insurmontables, devant lesquelles il peut encore succomber ou du moins reculer et devenir plus raisonnable. — La Russie, quoique hors de l'atteinte de l'ennemi d'un côté et quoique supérieure à ses moyens, là où il pourrait tenter de l'attaquer, doit désirer cependant de ne point continuer la guerre. Elle ne l'a jamais souhaité, et maintenant qu'on ne peut plus espérer d'améliorer par la voie des armes le sort de la partie de l'Europe, qui gémit sous le joug de Bonaparte, le voeu d'une pacification prompte, si elle est possible, doit sans doute être écouté de préférence. Peut-être par ce moyen pourrait-on plus facilement parvenir à un état de choses, qui donne des sûretés suffisantes pour les pays qui jouissent encore de l'indépendance, et sauver par là quelques états, qui par leur confiance dans le soutien de la

Russie se sont devoués à la cause commune, comme nommément le roi de Naples. Peut-être que Bonaparte, pour gagner l'amitié de la Russie, consentira à lui procurer des avantages qui pourraient être mis en balance avec ceux qu'il à lui-même obtenus. Ce n'est que par ces motifs que la paix peut devenir désirable à la Russie, et ce n'est qu'autant qu'ils seront remplis, que son honneur et son intérêt seront à couvert par un arrangement amical avec Bonaparte. Si la Russie cherche à traiter directement avec lui, elle n'aura pas à se dire d'avoir rien négligé de ce qui pouvait mener à des résultats aussi importants. La Russie par ce moyen en allant droit au but, saurait avec plus de promptitude et de précision à quoi elle doit s'en tenir vis-à-vis de la France. Elle aurait l'avantage d'arrêter peut-être les plans que d'autres cours veulent concerter avec la France à son détriment. D'un autre côté tout ce qui pourrait faire croire à Bonaparte qu'on le craint ou compromettre le moins la dignité de la Russie, tout ce qui pourrait affaiblir la confiance qu'elle inspire, là où ce sentiment lui vaut un retour sincère, doit-être soigneusement évité. Ces considérations, quoiqu'en apparence contraires, semblent toutefois pouvoir se combiner. L'envoi d'un employé pour soigner les prisonniers russes en France serait entr'autres une manière facile de remplir nos vues à cet égard. Cet envoi paraît dans tous les cas absolument nécessaire pour porter des secours aux sujets de S. M. I. souffrants dans une captivité très dure, et je ne vois aucun inconvénient de munir cet employé d'une instruction pour écouter ce qu'on pourrait lui dire et pour en rendre compte ici. La dignité n'en serait pas blessée et des explications convenables données aux cours, dont nous sommes intéressés à conserver la confiance, previendraient aisement tout soupçon défavorable. L'embargo à mettre sur les propriétés françaises en Russie et le renvoi des agents commerciaux qui nous débarasserait d'une foule d'individus dangereux, aurait aussi à mon avis rempli le double but indiqué plus haut au moyen des explications, qui auraient eu lieu dans cette occasion avec mr. Lesseps, et je pense qu'il sera nécessaire de revenir à cette mesure aussitôt que celle qui a été adoptée à ce sujet n'aura pas eu l'effet attendu. — Sans vouloir ici m'étendre davantage sur ce point particulier, je me bornerai à observer qu'il est peut-être moins important qu'il ne semble au premier coup d'oeil. Ce n'est pas tant une démarche faite auprès de Bonaparte qui le rendra plus docile à nos désirs, mais la contenance que nous garderons, les mesures militaires qu'il nous verra prendre et notre conduite envers les autres états de l'Europe. Ce n'est qu'autant que la Russie lui en imposera et

lui deviendra nécessaire qu'il se décidera à la rechercher, et son intérêt lui indiquera bientôt la manière d'y parvenir. — C'est donc sur ces objets et sur ce qui peut lui donner une pareille impression que notre attention doit principalement se fixer, et d'après les faits et les observations réunis dans cette opinion, il semble qu'on peut la resumer comme il suit. — 1) Ne rien négliger pour faire entrer la Prusse dans un système défensif général, qui du moins ne permette pas à Bonaparte d'aller au-delà des limites actuelles de sa puissance. Assurer la cour de Berlin de secours puissants, si elle en avait besoin, et employer surtout les soins les plus assidus pour arrêter les complaisances de la Prusse à l'égard de la France en laissant deviner à la première de ces puissances qu'il y aurait des cas, où la guerre entr'elle et la Russie serait inévitable. Du reste ne pas s'expliquer sur les acquisitions que la Prusse veut faire par la protection de Bonaparte, ne pas se montrer contraire à des avantages qu'elle pourrait désirer, mais ne pas les sanctionner à présent et atteindre pour prendre un parti à ce sujet le moment de la paix générale ou celui que d'autres circonstances peuvent amener. — 2) Encourager l'Autriche dans la confiance qu'elle nous témoigne et dans son désir de rester unie avec nous. Pénétrer si des articles secrets ont en effet été signés à Presbourg et leur teneur; interroger la cour de Vienne sur le système qu'elle veut suivre, sur ce qu'elle compte faire dans ces circonstances, sur ses ressources présantes et à venir. — 3) S'entendre au plutôt avec l'Angleterre sur les mesures à prendre relativement à la défense de la Turquie. Marquer au ministère anglais la plus grande confiance, afin de le faire consentir à nos vues et à la marche que nous voudrions tenir. — 4) Déclarer au roi de Naples que quoique la Russie soit obligée de retirer ses troupes de son royaume (où elles ne peuvent plus lui être utiles, tandis qu'elles sont d'un besoin indispensable pour la défense de la Turquie), elle ne fera pas néanmoins la paix sans y comprendre les intérêts de ce souverain et lui conseiller de chercher à s'arranger en attendant avec Bonaparte. — 5) Rassurer la Suède sur la possession de Stralsund. — 6) Témoigner à Constantinople beaucoup de tranquillité sur nous mêmes et beaucoup d'inquiétude sur la Turquie. Demander une réponse cathégorique sur la conduite qu'elle compte tenir et sur les mesures qu'elle compte prendre en lui offrant l'assistance la plus puissante contre la France. — 7) Redoubler nos soins pour attacher à la Russie tous les peuples d'une même origine et d'une même religion, sujets de la Porte; leur fournir sous main de secours pécuniers et des munitions, afin que ces peuples ne se livrent pas à

Bonaparte, mais au contraire deviennent une première barrière contre lui; et que si par leur moyen l'on ne peut prévenir la prise des nouvelles provinces esclavonnes par les français, on leur en rende du moins la possession très précaire — 8) Mettre les forces de terre et de mer sur un pied formidable et en état d'agir à tout moment. Le faire même avec une sorte d'ostentation et en prenant des mesures, qui mettent en évidence les résolutions énirgiques et les grands moyens de la Russie.— 9) Tandis que vers le nord et l'occident, conformement à la marche de notre cabinet, la Russie ne prendra qu'une attitude d'observation et de surveillance imposante, elle doit se préparer à prendre une offensive vigoureuse au midi au moyen de laquelle on soit à même autant que possible de prévenir partout Bonaparte au premier avis que l'on aura qu'il va procéder à l'exécution de ses projets. A cet effet armer une flotte considérable dans les ports de la mer Noire. Réunir une armée de cent mille hommes sur les frontières de la Moldavie, qui marcherait immédiatement en avant, aussitôt que les français feront la moindre entreprise contre la Turquie ou que l'Autriche, en vertu de quelque concert secret, voudra s'emparer d'une province turque. Laisser dans la Méditerrannée toutes les troupes de terre qui s'y trouvent et une escadre pour être en état non-seulement de défendre Corfou, mais aussi, dès qu'un seul français sera entré sur le territoire turc, pour s'opposer de concert avec les anglais à leurs progrès ultérieurs.—10) Enfin sans désirer la continuation de la guerre, ni la craindre d'aucun côté, accueillir les propositions pacifiques, qui pourraient nous être adressées. Tout en convainquant Bonaparte de notre énergie, lui montrer aussi qu'on n'est pas contraire à des voies d'accommodement; profiter à cet effet des occasions, en faire naître même pour l'engager à s'expliquer, afin de connaître ses vues et quel parti l'on pourrait tirer de son amitié; mais ne chercher la paix, que la Russie n'est nullement réduite à solliciter qu'autant qu'elle pourra la faire avec honneur et sûreté.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/5. Подлинникъ.

№ 80. — Записка Чарторижскаго [1]).

Стеченіемъ несчастныхъ и отнюдь непредвидѣнныхъ происшествій Россія находится теперь въ томъ положеніи, коего постепенно возраставшее могущество Франціи давно уже заставляло ее опасаться, ежели твердость и взаимное соглашеніе главнѣйшихъ европейскихъ державъ не представятъ средствъ къ обузданію своевольствъ Бонапартія. Непродолжительная война не только не ослабила, но умножила его силы. Испровергнувъ или поразивъ ужасомъ два государства, которыя одни только могли противустать ему, и тому же жребію поработивъ всѣ второстепенныя державы, Бонапарте сдѣлался болѣе нежели когда-нибудь опаснымъ. Союзы, которые постановлены были, дабы положить преграду его стремленію, теперь или совсѣмъ рушились, или пришли въ такое изнеможеніе, что, въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, нельзя уже ожидать отъ нихъ никакой подпоры для безопасности и независимости твердыя земли. Чѣмъ болѣе соглашены были между собою всѣ части положеннаго для того плана, тѣмъ затруднительнѣе сдѣлалось исполненіе, когда перемѣною обстоятельствъ одна часть онаго не возъимѣла предначертаннаго дѣйствія. Наконецъ сама Россія, до которой покушенія Франціи не достигали, и которая служила оплотомъ соединившимся державамъ, теперь видитъ себя непосредственно угрожаемою. Чтобъ опредѣлить, какъ должно ей поступать въ таковомъ положеніи дѣлъ, то всего прежде слѣдуетъ разсмотрѣть, какимъ опасностямъ Россія можетъ быть подвержена; но не увеличивая, не уменьшая оныхъ, дабы для отвращенія ихъ тѣмъ лучше избрать приличнѣйшія мѣры.

Опасности таковыя могутъ быть двоякаго рода: или непосредственныя для Россіи и теперь же угрожающія спокойствію ея границъ; или болѣе удаленныя, но не менѣе сильныя, которыя могутъ родиться въ послѣдствіе времени и которыя будутъ мало по малу истощать наши способы.

Первыя изъ сихъ опасностей должны кажется не столько насъ тревожить послѣ послѣднихъ сообщеній, полученныхъ отъ Австріи и Пруссіи. Обѣ сіи державы уступаютъ предъ Бонапартіемъ, каждая по своему положенію и по обстоятельствамъ, въ каковыхъ находится, а

---

[1]) Эта бумага, составляющая переводъ предыдущей, написана въ одно время съ нею и испещрена поправками руки императора Александра I. Мы воспроизводимъ ее въ исправленномъ видѣ. На бумагѣ помѣтка: „конецъ 1805 г.“.

соглашеніями ихъ съ нимъ о своемъ положеніи удаляется опасность отъ тѣхъ нашихъ границъ, которыя теперь кажутся угрожаемы.

Бонапарте, оставивъ замыслы свои въ разсужденіи Польши, доказываетъ тѣмъ, что они не входили въ число предпріятій, наиболѣе его занимавшихъ, ибо никогда конечно не найдетъ онъ удобнѣйшаго времени для произведенія въ дѣйство намѣреній своихъ касательно сей земли. Нельзя, чтобъ обстоятельство сіе не охладило къ нему и даже самыхъ тѣхъ поляковъ, которыхъ обѣщаніями своими ввелъ онъ въ заблужденіе. Впрочемъ на сей счетъ нельзя еще совсѣмъ себя успокоить.

Хотя, разсматривая Пресбургскій трактатъ, столь предосудительный выгодамъ Австріи, не можно подумать, чтобъ держава сія имѣла какія-либо тайныя соглашенія съ Франціею; хотя сношенія вѣнскаго кабинета показываютъ полную его искренность и желаніе пребыть въ союзѣ съ Россіею; но мы не имѣемъ еще довольныхъ доказательствъ къ удостовѣренію себя, что между Австріею и Франціею точно не существуетъ никакого секретнаго постановленія касательно Далмаціи и турецкихъ областей, постановленія, на которое ни въ какомъ предположеніи Россія не можетъ согласиться.

Съ другой стороны, непростительная медленность берлинскаго кабинета въ сообщеніи намъ конвенціи, подписанной графомъ Гаугвицемъ 15 декабря, заставляетъ насъ думать, что конвенція сія заключаетъ условія, противныя связямъ дружбы, существующей между Россіею и Пруссіею. Не сообщено также намъ, въ чемъ точно состояли перемѣны, которыя король намѣренъ былъ сдѣлать въ семъ трактатѣ, прежде нежели далъ на оный свою ратификацію, и которыя, какъ говорятъ намъ, касались до отмѣненія всего, что въ ономъ трактатѣ помѣщено было противнаго выгодамъ Россіи. Не сомнѣваясь даже объ истинѣ таковыхъ увѣреній, нельзя однако-же не полагать, что, можетъ быть, Бонапарте не согласится на принятіе предложенныхъ королемъ прусскимъ перемѣнъ, а въ такомъ случаѣ есть уже причина опасаться, чтобъ Пруссія ему не уступила; если же рѣшится она сопротивляться и оттого возгорится снова война, то конечно Бонапарте обратится опять къ прежнимъ своимъ замысламъ касательно Польши и принудитъ можетъ-быть Австрію на то согласиться.

Внезапный оборотъ такого рода не долженъ казаться невозможнымъ, пока не узнаемъ мы точно, въ чемъ состоитъ постановленіе между Пруссіею и Франціею, и не услышимъ, что всѣ французскія войска дѣйствительно оставили австрійскія владѣнія. Впрочемъ, какъ все сіе немедленно должно объясниться, то на случай событія сихъ разныхъ

предположеній не безполезно было-бы снабдить предварительными приказаніями генераловъ Бенингсена, Толстова и Кутузова. Сему послѣднему особливо не должно совсѣмъ оставлять Галицію, доколѣ не получитъ онъ достовѣрнаго извѣстія объ отступленіи французскихъ войскъ къ Дунаю.

При таковыхъ-то происшествіяхъ, которыя, хотя кажутся и возможны, но въ теперешнемъ положеніи дѣлъ еще невѣроятны, Россія единымъ мощнымъ вліяніемъ своимъ на мнѣніе поляковъ, посреди самыхъ опасностей, пріобрѣла бы для себя новые способы.

Полагать должно, что Бонапарте пожелаетъ на нѣкоторое время остаться въ покоѣ, особливо-же не захочетъ онъ начать войны съ Пруссіею и вѣроятно, что предпочтетъ обратить всѣ свои усилія на Англію и на полдень. Пруссія конечно станетъ стараться воспользоваться несчастіями Европы для новыхъ пріобрѣтеній; но въ таковыхъ намѣреніяхъ оказывая Бонапартію всѣ тѣ снисхожденія, какихъ онъ потребуетъ, не пойдетъ она конечно далѣе той черты, преступивъ которую можетъ она опасаться войны съ Россіею.

Судя по всему, Австрія займется теперь возстановленіемъ своихъ силъ и устроеніемъ внутренняго управленія. Она останется конечно ничтожна и бездѣйственна; но по своей системѣ и по чувствамъ императора Франциска и его нынѣшняго министра искренно расположенною къ сохраненію союза своего съ Россіею. Ежели-же вѣнскій дворъ принужденъ будетъ дѣйствовать, то вѣроятно, что сколь скоро найдетъ себя въ состояніи приступить къ тому, скорѣе рѣшится онъ сопротивляться насильствамъ Франціи, нежели ей потворствовать и возстать противу Россіи. Держава сія такимъ образомъ будетъ совершенно обезпечена отъ покушеній Франціи со стороны сѣвера и со стороны своихъ польскихъ границъ, и вниманіе ея тѣмъ удобнѣе и безъ всякой помѣхи можетъ быть обращено къ полудню. Сей край теперь одинъ только, въ которомъ наиболѣе нужно принять строгія предосторожности. Съ отнятіемъ у Австріи венеціанской Далмаціи и Бока-ди-Катаро, Бонапарте пріобрѣлъ новыя средства къ усиленію себя на морѣ и неисчислимые способы къ произведенію давнихъ своихъ намѣреній касательно Порты Оттоманской, къ чему до сего времени главнымъ для него было и удобствомъ отдаленность отъ сей земли.

Сколь впрочемъ ни важны сіи вновь имъ пріобрѣтенныя преимущества, но такъ скоро не можетъ еще онъ употребить ихъ въ дѣйство, и Россія, подкрѣпляемая Англіею, въ состояніи будетъ упорствовать ему в томъ краѣ. Бонапарте не можетъ ввести туда сильныхъ армій;

главную часть оныхъ принужденъ онъ оставлять для обезпеченія пространнаго края, покореннаго его владычеству, и для надзора за Австріею и даже за Пруссіею, ибо на обѣ сіи державы не можетъ онъ совершенно полагаться, вѣдая, что Россія не оставитъ пещись о сохраненіи добраго съ ними согласія. Напротивъ того Россія, не опасаяся ничего со всѣхъ другихъ сторонъ, можетъ обратить вниманіе свое исключительно къ Портѣ Оттоманской и на сей конецъ употребить неисчислимые свои способы.

И такъ при толикихъ бѣдствіяхъ, угнетающихъ Европу, нѣтъ еще никакихъ особливыхъ причинъ для Россіи слишкомъ себя озабочивать, а умноживъ свои силы и съ твердостію принявъ соотвѣтственныя достоинству и безопасности своей мѣры, можетъ она насчетъ непріятельскихъ противъ нея покушеній оставаться совершенно спокойною. Не взирая на несчастія, воспрепятствовавшія успѣшному произведенію въ дѣйство положеннаго плана, поведеніе, какое съ нашей стороны наблюдаемо было до сей поры, не можетъ остаться безплоднымъ, и если совершатся предположенія наши вразсужденіи Австріи, то они послужатъ новымъ доказательствомъ, сколь сильно дѣйствуетъ довѣренность, справедливо пріобрѣтенная. Ни побѣды Бонапартія, ни огромность его силъ, не могли преклонить вѣнскій дворъ къ принятію его благодѣяній и къ заключенію съ нимъ союза, и потому только, что нѣтъ къ нему довѣрія, а въ тоже самое время дворъ сей, угнетенный несчастіями и не ожидая уже помощи отъ Россіи, не хочетъ отстать отъ нея единственно по довѣрію, какое внушаютъ ему свойства нашего Государя. Отъ насъ зависитъ, чтобъ не уменьшилось къ намъ довѣріе и Англіи, и таковое общее всѣхъ кабинетовъ о правотѣ нашей системы убѣжденіе не только будетъ способствовать къ предохраненію насъ отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній со стороны нашихъ сосѣдей, но болѣе еще утвердится, когда, съ одной стороны, военныя наши приготовленія, а съ другой—постоянность и твердость поведенія соотвѣтствовать будутъ могуществу и достоинству Россіи.

Франція, наполнивъ ужасомъ нѣмецкую землю, Италію и большую часть Европы, будетъ повелѣвать въ оныхъ; всѣ противъ того сопротивленія останутся тщетными и одно только время или внезапный и непредвидимый поворотъ обстоятельствъ могутъ то перемѣнить. Но ежели Бонапарте вздумаетъ коснуться Россіи съ того даже края, гдѣ кажется удобнѣе нанести ей вредъ, то и тамъ найдетъ онъ непреодолимыя препятствія, которыя самому ему могутъ сдѣлаться гибельны или

по крайней мѣрѣ принудятъ его ограничить свои предпріятія и сдѣлаться умѣреннѣе.

Хотя такимъ образомъ Россія съ одной стороны владѣній своихъ ничего не можетъ опасаться, а съ другой, откуда-бы Бонапарте ни покусился напасть на нее, она противупоставитъ ему превосходнѣйшія силы; но нельзя однако-же не желать, чтобы война прекращена была. Россія никогда оныя не искала; теперь же, когда нельзя надѣяться облегчить силою оружія судьбу той части Европы, которая стенаетъ подъ игомъ Бонапарте, то попеченіе о скоромъ, буде возможно, возстановленіи мира должно предпочтено быть всякому другому. Быть можетъ, что чрезъ то представятся удобнѣйшіе способы для обезпеченія земель еще пользующихся своею независимостью и для спасенія тѣхъ, которыя, надѣясь на подпору Россіи, жертвовали собою для пользы общей, такъ какъ королевство Неаполитанское; быть можетъ также, что для снисканія дружбы Россіи, Бонапарте согласится доставить ей выгоды соразмѣрныя имъ пріобрѣтеннымъ; то единственно таковые только виды могутъ побудить ее желать съ нимъ мира; и по мѣрѣ только, какъ оные будутъ выполнены, дружелюбное съ Бонапартіемъ постановленіе не будетъ предосудительно достоинству и пользѣ Россійской имперіи. Стараясь-же вступить съ нимъ непосредственно въ переговоры, не можемъ мы упрекнуть себя въ упущеніи какихъ-либо средствъ, которыя могли произвести столь важныя послѣдствія. Такимъ образомъ, слѣдуя прямою стезею къ самому предмету, скорѣе и съ бо́льшею точностью узнаемъ мы, какъ должно намъ поставить себя вразсужденіи Франціи, и чрезъ то успѣемъ, можетъ быть, остановить планы, какіе ко вреду нашему другія державы стараются согласить съ нею. Съ другой стороны, всѣ наши поступки должны быть строго соразмѣрены, дабы избѣгать всего, что подало бы Бонапартію поводъ заключить, что мы его страшимся, всего, что можетъ наималѣйше подвергнуть достоинство Россіи, однимъ словомъ всего, что можетъ уменьшить пріобрѣтенную ею довѣренность. Сіи примѣчанія сколь ни кажутся противуположны, могутъ однако-же соглашены быть. Отправленіе чиновника во Францію для надзора за нашими плѣнными представляетъ весьма благовидное средство къ достиженію видовъ нашихъ по сему предмету. Посылка таковая во всякомъ случаѣ кажется необходимо нужною, хотя бы не имѣла она никакого другаго предмета, какъ только облегчить судьбу тѣхъ изъ вѣрныхъ подданныхъ Его Императорскаго Величества, которые въ плѣну находятся; а притомъ не усматриваю я неудобства, чтобъ сего посланнаго снабдить повелѣніемъ, дабы онъ принималъ всѣ внушенія, какія будутъ

ему чинимы во Франціи, и сообщалъ оныя сюда. Достоинство Россіи отнюдь не будетъ чрезъ то оскорблено, а давъ предварительное о намѣреніи семъ извѣщеніе тѣмъ дворамъ, довѣріе которыхъ стараемся мы сохранить, предупредимъ мы всякія по поводу сему съ ихъ стороны подозрѣнія.

Наложеніемъ ареста на имущества французскія въ Россіи и удаленіемъ отсюда французскихъ коммерческихъ агентовъ мы бы избавились множества опасныхъ лазутчиковъ; также, по мнѣнію моему, достигли бы мы двоякаго предмета намѣреній нашихъ посредствомъ объясненій при семъ случаѣ съ г-мъ Лесепсомъ и, кажется мнѣ, не безполезно было бы обратиться къ сей мѣрѣ, сколь скоро нынѣ принятая не возъимѣетъ ожидаемаго дѣйствія.

Не распространяясь далѣе, ограничу я себя замѣчаніемъ, что предметъ сей въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо меньшей важности, нежели какъ кажется онъ при первомъ взглядѣ. Не столько вызовъ нашъ сдѣлаетъ Бонапартія податливымъ на наши желанія, сколько твердость, какая показана будетъ во всѣхъ нашихъ поступкахъ, распоряженія, какія сдѣланы будутъ по военной части, и вообще поведеніе наше въ разсужденіи европейскихъ державъ. Бонапарте будетъ оказывать Россіи всѣ уваженія и искать въ ней по мѣрѣ только какъ держава сія будетъ для него опасною и необходимою, а интересы его покажутъ ему способы для достиженія своей цѣли.

Сіи то предметы и все, что можетъ произвесть таковое впечатлѣніе въ Бонапарте, должны наиболѣе обращать наше вниманіе.

Впрочемъ, соображая всѣ событія и замѣчанія, заключающіяся въ семъ мнѣніи, въ существѣ своемъ представляетъ оное:

1-ое. Не щадить никакихъ средствъ, дабы преклонить Пруссію пристать къ генеральной оборонительной системѣ, которая по крайней мѣрѣ возбраняла-бы Бонапартію перейти настоящіе предѣлы его владѣній. Обнадежить берлинскій дворъ въ сильномъ вспомоществованіи, ежели бы оное было ему нужно, и особливо употребить старанія, чтобы поставить преграду снисхожденіямъ Пруссіи вразсужденіи французовъ, давъ ей выразумѣть, что подобное съ ея стороны поведеніе, ежели оно превзойдетъ мѣру, содѣлаетъ неизбѣжною войну между ею и Россіею. Не изъясняться, впрочемъ, о пріобрѣтеніяхъ, какія Пруссія чрезъ покровительство Бонапартія имѣетъ въ виду; не показывать, чтобъ мы противились ея выгодамъ, но однако-же не давать на то теперь нашего согласія и для обнаруженія рѣшимости нашей по сему предмету дожидаться или всеобщаго мира, или что въ продолженіе времени покажутъ обстоятельства.

2-ое. Ободрять и утверждать довѣренность къ намъ Австріи и расположеніе ея пребыть съ нами въ тѣсномъ союзѣ. Стараться проникнуть, не было-ли въ самомъ дѣлѣ подписано въ Пресбургѣ какихъ секретныхъ артикуловъ и въ чемъ оные могутъ заключаться. Стараться также узнать отъ вѣнскаго двора, какой намѣренъ онъ слѣдовать системѣ, что намѣренъ предпринять въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, къ чемъ могутъ состоять настоящія и будущія его средства.

3-е. Какъ можно скорѣе объясниться съ Англіею относительно защищенія турецкихъ владѣній. Оказывать англійскому министерству полную довѣренность, дабы склонить ее къ нашимъ видамъ и къ одобренію предназначаемыхъ нами мѣръ.

4-ое. Объявить королю неаполитанскому, что, хотя Россія нашлася принужденною возвратить изъ владѣній его свои войска, которыя тамъ были бы безполезны, но могутъ быть весьма нужны для защищенія Порты, но что не приступимъ мы къ заключенію мира, не включа интересовъ его неаполитанскаго величества. Совѣтовать государю сему, чтобы между тѣмъ старался онъ сблизиться съ Бонапартіемъ.

5-ое. Успокоить короля шведскаго относительно Страль-Зунда.

6-ое. Въ Царѣ-Градѣ показывать, что мы совершенно спокойны, что касается собственно нашего положенія, но обнаруживать крайнее опасеніе и заботу нашу вразсужденіи владѣній Порты Оттоманской. Испросить ясный и рѣшительный отъ нея отвѣтъ, какое намѣрена она наблюдать поведеніе и какія намѣрена принять мѣры; предложить ей сильную съ нашей стороны подпору противу Франціи.

7-ое. Усугубить старанія наши къ пріобрѣтенію наибольшей привязанности къ Россіи единоплеменныхъ и единовѣрныхъ съ нею народовъ, въ подданствѣ Порты находящихся; снабжать ихъ подъ рукою денежными пособіями и амуниціею, дабы не только не допустить ихъ предаться Бонапартію, но чтобы они служили первою ему преградою въ томъ краѣ, и чрезъ то, ежели не можно будетъ возбранить французамъ къ овладѣнію новыми славянскими провинціями, то по крайней мѣрѣ воспрепятствовать, чтобы владычество ихъ тамъ не вкоренилося.

8-ое. Привесть въ самое лучшее состояніе сухопутныя и морскія наши силы, и такъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, немедленно можно было оными дѣйствовать; всѣ приготовленія сіи производить даже довольно явнымъ образомъ и употребляя средства, которыя бы обнаруживали твердость намѣреній нашихъ и силу принимаемыхъ нами мѣръ.

9-ое. Между тѣмъ какъ Россія, согласно съ политикою своего кабинета, будетъ принимать одни только предостерегательныя мѣры на

сѣверѣ и западѣ, въ полуденной части должна она дѣлать сильныя наступательныя приготовленія, дабы посредствомъ оныхъ, сколько возможно, поставить себя въ состояніе предупредить Бонапартія и, при первомъ извѣстіи о покушеніяхъ его на какой-либо пунктъ, отразить оныя. На такой случай слѣдуетъ вооружить сильный флотъ въ черноморскихъ нашихъ портахъ; на границѣ Молдавіи собрать армію тысячь изо ста человѣкъ, которая бы подалась впередъ, сколь скоро французы сдѣлаютъ наималѣйшее покушеніе противъ Турціи, или ежели Австрія, по какому-либо тайному соглашенію, вздумаетъ овладѣть одною изъ турецкихъ провинцій. Въ Средиземномъ морѣ оставить какъ всѣ сухопутныя наши войска, тамъ находящіяся, такъ и эскадру, дабы оныя не только могли защищать Корфу, но при первомъ появленіи французовъ въ турецкихъ областяхъ, совокупно съ англичанами, сопротивляться дальнѣйшимъ ихъ успѣхамъ.

10-ое. Наконецъ, не желая продолженія войны, но ни съ которой стороны оныя не опасаяся, не отвергать мирныхъ предложеній, когда оныя учинены намъ будутъ. Убѣждать Бонапартія въ твердости нашей, но не скрывать отъ него, что мы не удаляемся отъ примиренія; пользоваться благопріятными для сего случаями, и, поколику возможно, доставить ему удобныя средства для объясненія съ нами, дабы тѣмъ лучше узнать, какъ подлинныя его намѣренія, такъ и то, какой пользы можно ожидать отъ его дружбы. Впрочемъ-же такъ какъ Россія не въ такомъ положеніи находится, чтобъ просить себѣ мира, то не иначе стараться о заключеніи онаго, какъ съ сохраненіемъ своей славы, выгодъ и всего, что можетъ обезпечить ея безопасность.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/4. Подлинникъ.

№ 81. — Записка Чарторижскаго.

17/29 janvier 1806.

Le sort du continent européen est pour le moment entre les mains de trois puissances: la Russie, la France et la Prusse. C'est l'ordre de choses qui s'établira entr'elles; c'est le système que chacune d'elles suivra;

17|29 января 1806.

Въ настоящее время судьба европейскаго материка въ рукахъ трехъ державъ: Россіи, Франціи и Пруссіи. Отъ отношеній между ними, отъ образа дѣйствій каждой изъ нихъ, отъ умѣренности, жадности, рвенія или слабости,

c'est la modération, l'avidité, l'énergie ou la faiblesse que chacune d'elles prendra pour mobile de ses vues et de ses mesures, qui décideront de l'asservissement des états du second ordre, ou qui assureront à l'Europe du moins quelque temps de calme et de tranquillité, sinon une indépendance et un bonheur permanents. — Me proposant de discuter dans ce mémoire plus particulièrement les rapports politiques de la Prusse avec la Russie, je n'y ferai pas moins mention de la France en tant qu'elle influe le plus sur nos relations avec la cour de Berlin; j'examinerai d'abord les principaux traits de la conduite de chacune de ces trois puissances, et lorsqu'il s'agira de partir d'une hypothèse quelconque à l'égard de l'une d'elles, je l'appuyerai préférablement sur les résultats connus et bien constatés des principes qui ont dirigé son cabinet depuis le moment où le bouleversement de l'Europe a commencé. — La Russie n'a voulu rien acquérir pour elle-même, mais elle ne veut et ne doit point perdre la place et le rôle qu'un siècle de travaux glorieux lui a assigné parmi les puissances de l'Europe. Satisfaite de ses avantages, elle n'a ambitionné que celui de préserver le faible des atteintes du puissant; ses armes sont l'appel au droit, à la justice et à la force enfin, lorsque les premières sont sans effet. Ce dernier moyen est-il infructueux? Le maintien de la confiance générale fait encore sa récompense ou du moins lui fait oublier des revers passagers. — La France occupe une place et joue un rôle en Europe, qui ne fut jamais celui

---

которыя будутъ руководить видами и мѣрами каждой изъ нихъ, зависитъ или порабощеніе второстепенныхъ государствъ, или обезпеченіе за Европой, хотя на нѣкоторое время, спокойствія и тишины, если не независимости и постояннаго благоденствія.—Имѣя въ виду поподробнѣе разобрать въ этой запискѣ политическія отношенія между Пруссіей и Россіей, я однако упомяну и о Франціи, по скольку она особенно вліяетъ на наши отношенія къ берлинскому двору. Прежде всего разсмотрю, въ главныхъ чертахъ, поведеніе каждой изъ этихъ трехъ державъ, и когда придется отправиться отъ какого-либо предположенія насчетъ одной изъ нихъ, я буду опираться преимущественно на извѣстныя и хорошо удостовѣренныя послѣдствія началъ, которыя руководили ея кабинетомъ съ начала европейскихъ потрясеній.—Россія не желала пріобрѣ ній; но она не желаетъ и не должна потерять мѣсто и роль среди евро йскихъ державъ, доставленныя ей цѣлымъ вѣкомъ славныхъ трудовъ. овольная своими выгодами, она стремилась только снискать честь защитить абаго отъ нападеній сильнаго; ея оружіе — воззваніе къ праву и справедли сти, а когда это не дѣйствуетъ, то и обращеніе къ силѣ. Было-ли безполезно о послѣднее средство? Оно все еще доставляетъ всеобщее довѣріе или по край ей мѣрѣ заставляетъ забывать временныя неудачи.—Франція всегда занимала

de cette puissance. Elle domine sur la plus grande partie des états auquels elle touche par la prépondérance que lui donne sa force, mais loin de se contenter de ce rôle brillant et hors de proportion avec ceux que jouent la Russie et la Prusse, elle veut étendre son influence et sa domination à l'infini; la modération lui est inconnue; à sa puissance sur le continent elle veut joindre maintenant la moitié du scèptre des mers; si elle réussit, demain elle voudra le posséder exclusivement. — Entre ce colosse et la Russie, lesquels, lorsque l'Europe était dans son assiette, avaient de la peine à s'atteindre, se trouve placée la Prusse. Craintive par système et par le besoin de ménager ses ressources, elle ne peut rien seule ni sur la Russie, ni sur la France. — Si ces deux puissances avaient une influence et une marche parfaitement égales, la Prusse pourrait justifier pleinement une conduite qui tendrait à ménager toutes deux. Mais placée entr'elles, et lorsque l'une envahit constamment, tandis que l'autre ne cherche qu'à mettre ses co-états à l'abri de ce danger, la Prusse devrait répondre au cri de l'Europe qui l'appelle à s'unir à la Russie, pour former une barrière prête à s'opposer à la France. C'est à titre d'état du premier ordre que cette tâche est dévolue à la Prusse. La Russie de son coté ne doit rien négliger pour lui procurer les moyens qui peuvent la mettre à même de jouer ce rôle avec succès. — En manquant à ce soin la Russie serait coupable envers les autres états de l'Europe et envers elle-même; mais elle n'aurait pas

---

иное мѣсто и иную роль въ Европѣ. Она господствуетъ надъ бо́льшею частью сосѣднихъ государствъ, благодаря превосходству своихъ силъ; но далеко не довольствуясь этою блестящею ролью, до которой далеко Россіи и Пруссіи, она желаетъ распространять свое вліяніе и свое господство до безконечности. Ей неизвѣстна умѣренность: теперь она желаетъ присоединить къ своему могуществу на материкѣ половину морскихъ владѣній, а если успѣетъ въ этомъ, то завтра же захочетъ пріобрѣсти ихъ цѣликомъ. — Между этимъ колоссомъ и Россіей, которые въ минуты европейскаго спокойствія съ трудомъ могли достать другъ друга, лежитъ Пруссія. Боязливая по своимъ правиламъ и по необходимости щадить свои средства, она одна не можетъ имѣть вліянія ни на Россію, ни на Францію. — Имѣй эти двѣ державы совершенно равное вліяніе и иди однимъ путемъ — Пруссія могла бъ вполнѣ быть снисходительною къ нимъ обѣимъ. Но поставленная между ними, когда одна изъ нихъ дѣлаетъ все новые захваты, а другая старается только охранить свои согосударства отъ этой опасности, Пруссія должна бы отвѣчать на крикъ Европы, призывающій ее соединиться съ Россіей, чтобы образовать готовый оплотъ противъ Франціи. Эта задача возлагалась на Пруссію какъ на государство перваго разряда. А Россія не должна щадить ничего, чтобъ

moins de reproches à se faire si, ayant lieu de se convaincre que la Prusse soit par nécessité, par système ou par l'influence d'un parti malveillant, est trop attachée à ses intérêts particuliers pour remplir ce qui requiert l'intérêt général de l'Europe, si alors, dis-je, la Russie ne cherchait pas dans d'autres combinaisons, indépendantes de celles que présente une union intime entre la Russie et la Prusse, le moyen de garantir les états faibles d'un asservissement total et de se préserver elle-même de toute atteinte. Il ne lui resterait à cet egard que peu d'espoir, supposé qu'endormie par des promesses vagues elle s'apercevait trop tard, que la Prusse est résolue à se prêter plutôt à toutes les volontés de la France que de jamais faire contr'elle cause commune avec la Russie. — Une résolution semblable de la Prusse devrait être envisagée, d'après la situation actuelle de l'Europe, comme impossible, si l'on n'avait égard qu'à ce qu'exige d'elle l'intérêt général de l'Europe; mais on ne doit pas oublier que les vices et les faiblesses humaines, qui souvent sont également dangereux, peuvent faire passer sur la force des principes, et que la pusillanimité, la crainte et la corruption sont capables également de produire dans le cabinet de Berlin les déterminations les plus funestes pour nos intérêts et ceux de la cause commune. — La Russie pourrait en être la victime, si elle n'avait pas la prévoyance de s'y préparer; et sa première occupation doit être d'examiner ce que la conduite passée de la Prusse peut faire attendre d'elle

---

доставить ей средства, при которыхъ она могла бы съ успѣхомъ сыграть эту роль.—Пренебрегая этимъ, Россія оказалась бы виновной передъ другими государствами Европы и передъ самою собой. Но она точно также упрекала бы себя, еслибы, убѣдившись, что Пруссія слишкомъ привержена къ своимъ частнымъ выгодамъ, чтобы отвѣчать требованіямъ общихъ выгодъ Европы, будетъ-ли тутъ виновата необходимость, или система, или же вліяніе недоброжелателей, еслибы, повторяю, Россія не искала, помимо тѣснаго соединенія съ Пруссіей, другихъ, болѣе независимыхъ средствъ къ охраненію слабыхъ государствъ отъ полнаго порабощенія и къ сбереженію себя самой отъ всякаго покушенія. Въ такомъ случаѣ у нея осталось бы мало надежды, если предположить, что, усыпленная смутными обѣщаніями, она слишкомъ поздно замѣтила, что Пруссія рѣшилась скорѣе подчиняться всякому приказанію Франціи, чѣмъ когда-либо пойти противъ нея заодно съ Россіей. — Подобное рѣшеніе со стороны Пруссіи было бы невозможно въ нынѣшнемъ положеніи Европы, еслибы тамъ думали объ общихъ выгодахъ Европы; но не должно забывать, что часто столь же опасные пороки и слабости берутъ верхъ надъ убѣжденіями, и что малодушіе, страхъ, соблазнъ точно также могутъ склонить берлинскій кабинетъ къ самымъ гибельнымъ для насъ и для общаго дѣла рѣшеніямъ. —

à l'avenir; ce que la Russie fera si des recherches bien précises lui montrent évidemment dès à présent qu'elle n'a que peu à espérer de son voisin; si elle tentera ou non de lui faire adopter la marche que les circonstances lui commandent; à quels signes elle reconnaîtra que cette marche est adoptée, ou que la Prusse s'en écarte plus que jamais, et enfin si tout en travaillant à la lui faire adopter nous ne préparerons pas les voies à d'autres combinaisons propres à suppléer au refus de la Prusse de concourir aux vues généreuses de la Russie. — C'est de l'examen détaillé de ces différents points que nous allons nous occuper. — En récapitulant le passé nous trouvons les faits suivants. — Que la Russie pendant le cours de la dernière guerre a tenté en vain tous les moyens de persuasion pour engager la Prusse à y prendre part. Cette puissance a formé une ligne de démarcation nuisible aux opérations des parties belligérantes, et avec le semblant de la neutralité elle a été l'alliée de la France et a reçu pour prix de cette contenance, en apparence passive, les grands avantages que lui a procurés le partage de l'Allemagne. — Lorsqu'après les traités de Lunéville et d'Amiens Bonaparte a commencé, au milieu de la paix ou à l'explosion d'une guerre maritime, qui devait être étrangère au continent, à faire des conquêtes plus importantes que celles que lui avait procuré la guerre même, lorsque, par ses démarches arbitraires, il a violé le droit des gens et l'intégrité des territoires neutres, la Prusse a été d'un côté la première à

Россія можетъ стать жертвой такого положенія дѣлъ, если не приготовится заранѣе. Прежде всего она должна разсмотрѣть, что̀ сулитъ ей прошлое поведеніе Пруссіи и что̀ ей дѣлать, если изъ точныхъ изысканій окажется теперь же несомнѣннымъ, что ей нечего ожидать отъ своей сосѣдки? Попытается-ли она заставить ее пойти по пути, который требуется обстоятельствами? Какъ узнать, пошла-ли Пруссія по этому пути, или уклоняется отъ него больше, чѣмъ когда-либо? Наконецъ, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ заставить ее пойти по этому пути, не подготовлять-ли намъ другихъ мѣръ на случай отказа Пруссіи содѣйствовать великодушнымъ намѣреніямъ Россіи? — Займемся подробнымъ разборомъ этихъ различныхъ вопросовъ. — Припоминая прошлое, мы находимъ слѣдующія данныя. — Въ послѣднюю войну Россія тщетно пускала въ ходъ всѣ средства убѣжденія, чтобы склонить Пруссію къ участію въ ней. Эта держава устроила вредную для воюющихъ сторонъ разграничительную линію, и подъ видомъ нейтралитета она была союзницей Франціи и получила за эту, повидимому, страдательную твердость большія выгоды отъ раздѣла Германіи. — Когда, послѣ люневильскаго и амьенскаго договоровъ, среди мира или при взрывѣ морской войны, которая не должна была касаться материка, Бонапартъ началъ дѣлать завоеванія болѣе важныя,

garantir ses envahissements et de l'autre à pardonner, à excuser et à justifier ses violences. Les démarches aussi amicales que fermes et précises de la Russie n'ont pu détourner la Prusse de son système, et elle l'a manifesté surtout en voulant empêcher un souverain menacé par la France de s'occuper de mesures nécessaires à sa défense. — Quand les dangers de l'Europe se sont accrus et que la Russie a songé à réunir des moyens puissants pour s'opposer aux progrès rapides de Bonaparte, la Prusse a été invitée à prendre part à la défense commune; mais elle s'en est toujours défendue avec l'apparence d'une grande impartialité, d'une amitié infinie pour la personne de l'E— r; les voeux de la Prusse étaient, disait-elle, pour le succès et la réussite des plans de la Russie; mais un système de neutralité inviolable, le manque de ressources, le danger des précautions empêchaient le roi d'y prendre part. Un général prussien, témoin de la fermeté des résolutions prises par l'E— r, qui le rendit dépositaire de ses voeux et de ses offres, sut les apprécier dans toute leur étendue; comment ne se serait-il pas empressé de les porter à la connaissance de son maître, de les appuyer auprès de lui? Le général Zastrow le fit, et une disgrâce fut le prix de son zèle inconsidéré. — Cependant la Russie, désirant connaître si cette apathie était imperturbable, a essayé l'emploi de moyens plus vigoureux, accompagnés toutefois des témoignages les plus réels de confiance et d'amitié; des armées russes se rapprochèrent des frontières de la Prusse, mais elle

---

чѣмъ въ самую войну, когда онъ нарушилъ своимъ произволомъ международное право и неприкосновенность нейтральныхъ земель, Пруссія первая обезпечивала его захваты и прощала, извиняла, оправдывала его насилія. Дружественныя, но твердыя и ясныя указанія Россіи не могли отвлечь Пруссію отъ ея системы, которая особенно обнаружилась въ ея желаніи помѣшать одному монарху, которому угрожала Франція, принять необходимыя мѣры защиты. — Когда опасности для Европы увеличились и Россія задумала собрать могущественныя средства для сопротивленія быстрымъ успѣхамъ Бонапарта, Пруссію пригласили принять участіе въ общей защитѣ. Но она всегда уклонялась, подъ видомъ великаго безпристрастія, безконечной дружбы къ особѣ и-ра: Пруссія, говорила она, желаетъ Россіи успѣха и исполненія ея плановъ; но король не можетъ принимать въ нихъ участія, въ силу своей системы ненарушимаго нейтралитета, въ силу недостатка средствъ и предосторожности. Одинъ прусскій генералъ, свидѣтель твердости рѣшеній и-ра, довѣрившаго ему свои желанія и предположенія, сумѣлъ оцѣнить ихъ во всей ихъ широтѣ. Какъ было ему не поспѣшить сообщить ихъ своему государю и поддержать передъ нимъ? Генералъ Цастровъ такъ и сдѣлалъ, но немилость была наградой за его легкомысленное рвеніе. — Но Россія, желая узнать,

n'y trouva pas de motif suffisant pour changer de système; elle déclama contre la violence qu'on voulait lui faire, elle ne songea, comme elle l'annonçait, qu'à son honneur blessé; en moins de rien ses armées eurent ordre de se mettre sur le pied de guerre. On eut dit que la Prusse était perdue, si un seul soldat russe avait franchi ses limites. La Russie arrêta toutes ses mesures, ne blessa point l'indépendance des états du roi, mais cette condescendance fut la source de nouveaux malheurs. Le territoire prussien ne fut point respecté par les français, qui eurent le temps de battre les autrichiens et d'avancer jusqu'à Olmutz avant que les armées russes, arrêtées d'abord par le refus de passage de la Prusse, ensuite par l'extrême lenteur de toutes les dispositions que ce passage accordé requérait, aient pu arriver au secours des états autrichiens. Cette violation du territoire prussien par les français parut un moment changer le système de la Prusse, qu'elle avoua alors, avec une naïveté remarquable, avoir été entièrement à l'avantage de la France. Mais cette amélioration ne fut pas de longue durée; lorsqu'on en vint au règlement des conditions pour l'adhésion de la Prusse à la coalition, tout fut mis en oeuvre par elle pour rendre cet acte entièrement nul, les conditions les plus onéreuses furent mises en avant, et quoique la Russie les eût acceptées toutes, le cabinet (si le roi même n'a pris aucune part à ce plan) a trouvé moyen d'éluder toutes les stipulations ou du moins de les rendre de nul effet, tant par le choix du plénipo-

---

насколько это безучастіе невозмутимо, испробовала болѣе сильныя средства, сопровождая ихъ, впрочемъ, самыми настоящими свидѣтельствами довѣрія и дружбы: русскія арміи приблизились къ границамъ Пруссіи. Но она не сочла ихъ достаточнымъ побужденіемъ къ перемѣнѣ системы: она кричала о томъ, что хотятъ сдѣлать ей насиліе; она заявила, что поглощена мыслью о своемъ безчестіи; въ одно мгновеніе ея арміи получили приказъ стать на военную ногу. Можно было подумать, что Пруссія погибнетъ, если хоть одинъ русскій солдатъ перешагнетъ черезъ ея границу. Россія пріостановила всѣ свои мѣропріятія; она не нарушала независимости владѣній короля. Но эта уступчивость стала источникомъ новыхъ бѣдствій. Французы не уважали прусскихъ владѣній: они успѣли побить австрійцевъ и продвинуться до Ольмюца прежде, чѣмъ русскія арміи могли придти на помощь Австріи, такъ какъ онѣ были задержаны сначала отказомъ Пруссіи пропустить ихъ, а потомъ крайнею медленностью всѣхъ распоряженій, которыя потребовались, когда этотъ пропускъ былъ полученъ. На минуту казалось, что это нарушеніе прусскихъ владѣній французами измѣнитъ въ Берлинѣ систему, которую сама Пруссія признала тогда съ замѣчательною наивностью, вполнѣ выгодною для Франціи. Но это улучшеніе было непродолжительно. Когда дошли до опредѣленія усло-

tentiaire qui devait en exécuter les premières conditions, que par la lenteur des rassemblements militaires et le peu d'empressement que le roi mit à s'entendre avec nous sur un plan de campagne et à nous rassurer sur sa prompte coopération. Cependant toute cette conduite appartient encore au temps, où la marche de la Prusse pouvait être influencée par la jalousie qu'on lui suppose contre l'Autriche, par sa répugnance de s'exposer pour défendre sa rivale; voyons, si le cabinet de Berlin a mieux rempli ses obligations depuis le moment, où l'Autriche abattue lui a cédé sa place dans le système conservateur de l'Europe, et voyons surtout comment la Prusse a répondu aux avances que la Russie lui a faites, dans un moment aussi décisif. — L'E-r, voyant l'Autriche forcée à traiter de la paix avec la France, a mis à la disposition du roi ses forces disponibles dans le moment d'alors, et lui a offert toutes celles de son empire, s'il s'engageait une lutte entre la France et la Prusse.—Le roi pouvait disposer alors de 310,000 hommes, comme on le voit dans le tableau suivant. — Troupes prussiennes non compris les bataillons de réserve 193,000 hommes, tr. saxonnes 25,000, tr. hessoises 16,000, tr. H. Darmstadt 8,000, tr. de Brunswiek 3,000, tr. de Weimar 1,000, tr. angl. et hanovr. 24,000, tr. russes 40,000. Total des troupes 310,000, qui se trouvaient sous les ordres immédiats du roi.—Ce dénombrement a été fait par le baron de Hardenberg après la bataille d'Austerlitz. — La Russie suivait en tout l'esprit du système

---

ній приступленія Пруссіи къ коалиціи, она пустила въ ходъ все, чтобы совсѣмъ превратить эту бумагу въ ничто. Были выставлены самыя тяжелыя условія, и хотя Россія приняла ихъ цѣликомъ, кабинетъ (если самъ король не принималъ никакого участія въ этомъ планѣ) нашелъ средство уклониться отъ всѣхъ обязательствъ или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ обезсилить ихъ. Отчасти таковъ былъ выборъ уполномоченнаго, который долженъ былъ исполнять первыя условія бумаги; отчасти къ тому же вела медленность въ военныхъ сборахъ и вялость, съ которой король вступалъ въ соглашеніе съ нами насчетъ плана кампаніи и насчетъ удостовѣренія въ своемъ быстромъ содѣйствіи. А все это относится еще къ тому времени, когда на Пруссію могла дѣйствовать предполагаемая въ ней зависть къ Австріи, а также нежеланіе подвергнуться опасности, защищая свою соперницу. Посмотримъ, лучше-ли исполнилъ свои обязанности берлинскій кабинетъ съ той минуты, какъ побитая Австрія уступила ему свое мѣсто въ охранительномъ строѣ Европѣ; въ особенности посмотримъ, какъ отвѣчала Пруссія на предложенія, сдѣланныя ей Россіей въ столь рѣшительную минуту?—Видя, что Австрія принуждена вести мирные переговоры съ Франціей, и-ръ отдавалъ въ распоряженіе короля свои свободныя тогда силы и предложилъ ему всѣ силы своей имперіи въ случаѣ, если

indiqué dès le début de ce mémoire. Elle avait lieu d'espérer et ne demandait pour prix de tant de cordialité qu'union intime, confiance et concert parfait sur toutes les résolutions, qui ne devaient être prises que d'un commun accord. — Dès ce moment au contraire toutes les communications franches cessèrent et les dehors seuls d'une amitié à toute épreuve furent conservés. La Prusse a transigé avec la France non-seulement sans consulter la Russie, mais sans lui communiquer même ses engagements. Le cabinet de Berlin a reçu des mains de Bonaparte le prix de ses nouvelles complaisance. Soit faiblesse, soit crainte, le roi paraît avoir passé par tout ce que ses conseillers ont voulu; on ignore tout, et la seule chose qui ne soit point douteuse, c'est que la retraite des troupes russes est la condition probable de l'acquisition future d'un pays appartenant à un allié de l'E-r. — Ce qu'il y a de remarquable dans ce dénouement, c'est que la Prusse s'est réservée l'emploi des forces des alliés jusqu'à la fin, et qu'elle se sera servie de leur présence pour transiger avec la France pour son propre avantage et à leur détriment.—Une conduite aussi constante dans le mal en égard aux intérêts de l'Europe, malgré les suites funestes qui en sont résultées, malgré toutes les raisons qui devaient engager la Prusse, surtout dernièrement, à la changer, et malgré tous les moyens divers qu'on n'a cessé d'emloyer pour l'y déterminer, mérite d'attirer sur soi notre attention la plus réfléchie. — Il est difficile de croire que tant de persévérance, une série

---

возгорится борьба между Франціей и Пруссіей.—Король могъ располагать тогда 310,000 людей, какъ явствуетъ изъ слѣдующей росписи.—Прусскихъ войскъ, не считая резервныхъ батальоновъ, 193,000 человѣкъ, саксонскихъ—25,000, гессенскихъ—16,000, г.-дармштадтскихъ 8,000, брауншвейгскихъ—3,000, веймарскихъ—1,000, англійскихъ и ганноверскихъ—24,000, русскихъ—40,000. Всего 310,000, которые находились подъ прямымъ начальствомъ короля.—Это исчисленіе сдѣлано барономъ Гарденбергомъ послѣ аустерлицкой битвы.—Россія во всемъ слѣдовала духу системы, обозначенной въ началѣ этой записки. Она имѣла основаніе надѣяться на единственную угодную ей награду за столько сердечности—на тѣсное единеніе, довѣріе и полное единомысліе во всѣхъ рѣшеніяхъ, которыя слѣдовало принимать не иначе, какъ со взаимнаго согласія.—Напротивъ, съ этой минуты прекратились всѣ искреннія сношенія: сохранилась одна внѣшность неизмѣнной дружбы. Пруссія вступила въ полюбовную сдѣлку съ Франціей, не только не посовѣтовавшись съ Россіей, но даже не сообщивъ ей своихъ обязательствъ. Берлинскій кабинетъ получилъ изъ рукъ Бонапарта награду за свое новое снисхожденіе. По слабости-ли, или изъ страха, но король, какъ видно, пошелъ на всѣ желанія своихъ совѣтниковъ: все темно; несомнѣнно одно — что удаленіе русскихъ войскъ было вѣ-

de résolutions, marquées toujours au même coin, soumises au même calcul, dirigées dans le même sens, puissent être uniquement l'effet de la malveillance de quelques membres du cabinet, et c'est le cas, ou jamais, de chercher, si l'on n'en trouvera pas les raisons principales dans des motifs non avoués, qui souvent constituent le principe secret de la politique des états et qu'il faut déduire de leur position géographique ainsi que de la nature et de la mesure de leurs ressources. — On ne peut se former à cet égard des idées bien justes relativement à la Prusse, qu'en examinant avec soin, quel est cet état qui au milieu d'un bouleversement général est appelé à jouer un rôle si marquant et si funeste sur le continent. — La puissance de la Prusse est factice; formée par le génie à son défaut, ce n'est peut-être qu'une politique double et avide, qui peut soutenir cet édifice, qu'on pourrait comparer au colosse aux pieds d'argile. — La Prusse dont le domaine s'est successivement accru, n'est formée que d'éléments hétérogènes et épars, et cependant elle entretient une armée qui dépasse de beaucoup les proportions habituelles qui existent entre les revenus, la population et les forces d'un état. — Consolider et étendre ses ressources est l'objet principal de la politique prussienne auprès duquel toute autre comsidération, excepté celle de la peur, se trouve en seconde ligne. La Prusse conséquemment cherche partout du profit, se mêle de toutes les affaires de l'Europe

---

реатнымъ условіемъ будущаго пріобрѣтенія страны, принадлежащей одному изъ союзниковъ и-ра. — Въ этой развязкѣ замѣчательно то, что Пруссія до конца сохранила за собой право располагать силами союзниковъ, и воспользовалась ихъ присутствіемъ, чтобы устроить съ Франціей выгодную для себя и вредную имъ сдѣлку. — Мы должны обратить самое строгое вниманіе на такое зловредное для Европы поведеніе, котораго упорно придерживается Пруссія, несмотря на его гибельныя послѣдствія, на всѣ причины перемѣнить его, особенно въ послѣднее время, на всѣ средства, которыя безпрерывно пускались въ ходъ, чтобы склонить ее къ этому.—Трудно повѣрить, чтобы такое постоянство и цѣлый рядъ одинаковыхъ рѣшеній, построенныхъ на одномъ и томъ же разсчетѣ и направляемыхъ въ одну и ту же сторону, чтобы все это было лишь плодомъ злоумышленія нѣсколькихъ членовъ кабинета. Теперь, или никогда, должно узнать, не кроются-ли тутъ главныя причины въ указываемыхъ побужденіяхъ, которыя часто составляютъ тайную основу политики государствъ и выводятся изъ ихъ географическаго положенія, а также изъ природы и размѣровъ ихъ средствъ.—Нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о Пруссіи съ этой стороны, не разсмотрѣвъ старательно, что это за государство, которому суждено, среди всеобщаго потрясенія, играть такую видную и такую роковую роль на материкѣ?—Могущество Пруссіи искусственно.

pour l'y trouver, mais sentant sa faiblesse, elle dirige sa conduite de manière à n'en jamais venir aux voies extrêmes; elle se retracte et recule aussitôt qu'il faut tirer l'épée, parce qu'elle n'a pas de moyens suffisants par elle-même pour soutenir avec vigueur une guerre de deux années. Cette faiblesse de complexion, jointe au désir de jouer un rôle ou à la nécessité de le soutenir et le besoin d'arrondissements et d'acquisitions qui en est la suite, doivent diriger la politique prussienne vers des combinaisons essentiellement contraires aux intérêts de l'Europe et à la politique de la Russie, dès que cette puissance s'occupe de vues grandes et généreuses.—Il suffit que la Russie maintienne le système de protection et d'affermissement qu'elle a adopté, et que la France persévère dans celui de destruction et d'envahissement qu'elle poursuit avec tant de succès, pour que la Prusse, par système également, favorise toujours de préférence la France à la Russie. Quoique l'ambition et l'avidité de Bonaparte soient insatiables, la Prusse croira fermement, et peut-être avec raison, qu'elle n'en sera que la dernière victime, et avant qu'elle subisse son joug, elle lui rendra encore de plein gré bien de services. Si elle va au devant de sa volonté, elle ne peut que gagner au lieu de perdre; si au contraire elle osait s'y opposer, elle en courerait sa colère dont elle connaît les effets tant par ce qu'ils ont coûté aux autres que par ce qu'ils lui ont valu. — En s'occupant de l'affermisse-

---

Оно создано геніемъ изъ ничего. Быть можетъ, только двойственная и жадная политика въ состояніи поддержать это зданіе, которое можно сравнить съ колоссомъ на глиняныхъ ногахъ.— Пруссія, владѣнія которой возрастали послѣдовательно, составлена изъ разнородныхъ и разбросанныхъ частей; а между тѣмъ она содержитъ армію, далеко превосходящую обыкновенное соотношеніе между доходами, населеніемъ и силами государства.—Упрочивать и расширять свои средства—вотъ главная задача прусской политики, передъ которой отступаютъ на задній планъ всѣ другія соображенія, кромѣ страха. Пруссія послѣдовательно ищетъ всюду выгодъ и вмѣшивается для этого во всѣ дѣла Европы; но, чувствуя свою слабость, она поступаетъ такъ, чтобы никогда не доходить до крайностей. Она отступаетъ и съеживается, какъ только приходится обнажить мечъ, такъ какъ у нея нѣтъ достаточно средствъ, чтобы стойко вести войну въ теченіе двухъ лѣтъ. Эта природная слабость, а также желаніе играть роль, или же необходимость поддерживать ее, да вытекающая отсюда потребность въ округленіяхъ и пріобрѣтеніяхъ, — все это должно направлять прусскую политику къ планамъ, существенно противнымъ выгодамъ Европы и политикѣ Россіи, каждый разъ, какъ только послѣдняя держава берется за великіе и благородные замыслы. Стоитъ только Россіи выдерживать принятую ею систему покровительства и укрѣпленія, а Франціи упорствовать въ системѣ

ment de son domaine, la Prusse ne néglige pas le soin d'étendre son influence sur ce qui se trouve à sa portée. Elle veut non-seulement dominer dans le nord de l'Allemagne, mais elle veut en écarter toute influence étrangère et particulièrement celle que la Russie peut et est intéressée à y avoir, et dans ce but elle cherche tous les moyens possibles de prévenir et de paraliser tout développement de moyens de la Russie de ce côté. Il existe encore un point qui éloigne la Prusse de la Russie. La première est et sera toujours la rivale de l'Autriche pour les affaires d'Allemagne; or, il nous convient de soutenir cette dernière et de tourner ses vues vers l'Allemagne pour qu'elle ne contrecarre pas les nôtres sur la Turquie. La France au contraire sera de tout temps l'alliée naturelle de la Prusse contre l'Autriche. — Sous le rapport des craintes que peuvent faire naître à un état les projets d'envahissement, la Russie doit également inspirer plus d'appréhensions à la Prusse que la France; cette dernière déjà si richement partagée, ne peut guère vouloir s'approprier aucune partie de la domination prussienne, tandis que si la Russie voulait un jour s'agrandir, elle pourrait le faire avantageusement aux dépens de la Prusse. Nous devons désirer d'avoir le cours du Niémen et de la Vistule; ces acquisitions sont tellement nécessaires à notre commerce et tellement sous notre main, qu'à plusieurs reprises elles ont déjà attiré nos regards, et que tôt ou tard elles ne

---

разрушенія и захватовъ, которую она преслѣдуетъ съ такимъ успѣхомъ, — и Пруссія, точно также по системѣ, всегда будетъ благопріятствовать скорѣе Франціи, чѣмъ Россіи. Хотя честолюбіе и жадность Бонапарта ненасытны, однако Пруссія будетъ твердо вѣрить—и, пожалуй, справедливо—что она станетъ ихъ жертвой лишь подъ самый конецъ; а прежде чѣмъ подчиниться его игу, она еще окажетъ ему много услугъ съ полною охотой. Если она пойдетъ навстрѣчу его желаніямъ, она, конечно, пріобрѣтетъ и не потеряетъ; если же, наоборотъ, она осмѣлится противиться имъ,—она навлечетъ на себя его гнѣвъ, послѣдствія котораго извѣстны ей, какъ по тому, чего стоили они другимъ, такъ и по собственному опыту. — Занимаясь утвержденіемъ своихъ владѣній, Пруссія не пренебрегаетъ заботами о распространеніи своего вліянія на все, что у нея подъ рукой. Ей хочется не только господствовать на сѣверѣ Германіи, но и устранить оттуда всякое чужое вліяніе, въ особенности же то, которое можетъ и желаетъ имѣть тамъ Россія; и въ этихъ видахъ она изыскиваетъ всевозможныя средства предупредить и подорвать всякое развертываніе тамъ средствъ со стороны Россіи. Есть еще одно обстоятельство, отдаляющее Пруссію отъ Россіи. Первая—вѣчная соперница Австріи по нѣмецкимъ дѣламъ: а намъ нужно поддерживать эту послѣднюю и направить ея планы на Германію, чтобы она не мѣшала нашимъ замысламъ на Турцію. Франція

peuvent manquer d'être notre partage; la Prusse le sent, le craint et cherchera constamment à diminuer notre poids et nos moyens en Europe,— de quelque côté que nous prétendions les étendre, mais particulièrement si nous portions nos vues sur la Galicie autrichienne, qui certainement donnerait dans nos mains plus d'ombrage à la Prusse que maintenant dans celles des autrichiens, parce que par la possession de ce pays nous pourrions porter des troupes au moment où nous le voudrions au centre même de cette monarchie. Rivale avouée de l'Autriche, la Prusse ne cache pas sa jalousie et sa méfiance contre cette puissance, mais en secret la Prusse en a tout autant contre nous et peut-être bien plus encore depuis que l'Autriche affaiblie lui donne moins d'appréhensions. Sous ces deux rapports la Prusse doit donc faire des voeux secrets en faveur de la France, ce qu'elle regarde comme son véritable soutien pour tout ce qui peut arriver dans l'avenir. Rien ne saurait faire disparaître entièrement l'effet que produisent ces différentes combinaisons sur le cabinet de Berlin, et il ne peut être rassuré que faiblement par le système que suit la Russie, et par les dispositions connues de son souverain actuel. Toutes ces réflexion jettent un nouveau jour sur le tableau tracé ci-dessus de la conduite du cabinet de Berlin; ses principes se trouvent constatés par les faits qui y sont présentés, et loin d'être surpris de rien à cet égard, nous sommes plutôt en droit de

---

же всегда будетъ естественною союзницей Пруссіи противъ Австріи.—Что касается страха, который могутъ внушить извѣстному государству завоевательные планы, то и здѣсь Россія должна болѣе Франціи внушать опасеній Пруссіи. Франція, уже столь богато надѣленная, не можетъ желать присвоить себѣ какую-либо часть прусскихъ владѣній; а Россія, еслибъ она вдругъ захотѣла расшириться, могла бы выгодно сдѣлать это насчетъ Пруссіи. Мы должны желать имѣть теченіе Нѣмана и Вислы: эти пріобрѣтенія столь необходимы для нашей торговли и до того у насъ подъ рукой, что уже много разъ привлекали наши взоры, и рано или поздно, а имъ не миновать сдѣлаться нашимъ удѣломъ. Пруссія чувствуетъ это, опасается этого: она всегда будетъ стараться сокращать нашъ вѣсъ и наши средства въ Европѣ, гдѣ бы мы ни вздумали расширять ихъ, въ особенности же, еслибы мы обратили наши взоры на австрійскую Галицію, которая, конечно, была бы въ нашихъ рукахъ опаснѣе для Пруссіи, чѣмъ теперь въ рукахъ австрійцевъ, ибо, владѣя этою страной, мы могли бы когда угодно двинуть войска въ самое средоточіе этой монархіи. Признанная соперница Австріи, Пруссія не скрываетъ своей ревности и недовѣрія къ этой державѣ; но втайнѣ она тоже самое чувствуетъ относительно насъ, пожалуй, даже въ сильнѣйшей степени съ тѣхъ поръ, какъ ослабленная Австрія внушаетъ ей меньше опасеній. Итакъ, въ этихъ двухъ отношеніяхъ

conclure, que difficilement la Prusse s'unira jamais avec sincérité à la Russie; qu'elle cherchera constamment à diminuer notre poids en Europe et favorisera en secret la France; que, pour servir ses propres intérêts, elle se liera même avec cette puissance, et qu'alors nous pourrions voir renaître contre la Russie l'ancien système d'union naturelle entre la France, la Prusse et la Turquie. — Tel est le centre d'intérêts vers lequel la Prusse gravitera sans cesse; elle peut en être détournée parfois par des causes momentanées; mais ces aberrations seront incertaines et de peu de durée, et elle finira toujours par retomber dans son orbite. — Si j'ai cru de mon devoir de présenter une peinture véridique des principes qui doivent conduire le cabinet prussien dans les affaires générales et dans ses rapports particuliers envers la Russie, c'est qu'il m'a paru plus important que jamais de se former une opinion juste à cet égard, fondée autant sur le raisonnement que sur l'expérience, afin que nous soyons dans le cas d'adopter à l'égard de cette cour, soit à présent, soit à l'avenir, la marche qui pourra le mieux conduire à notre but. — Quelque peu d'espoir que nous dussions avoir d'attacher la Prusse sincèrement à la Russie, il n'en est pas moins vrai que c'est leur union seule, qui dans ce moment peut sauver l'Europe, et que rien ne serait plus nuisible qu'un rapprochement intime de Bonaparte avec la Prusse. Plus le penchant de celle-ci pour la France est avéré, et plus il faut

---

Пруссія должна тайно сочувствовать Франціи: въ ея глазахъ это — ея истинная опора во всемъ, чтб бы ни случилось въ будущемъ. Ничѣмъ не искоренить вліянія этихъ различныхъ обстоятельствъ на берлинскій кабинетъ; его не очень-то разувѣришь системой, которой придерживается Россія, и извѣстными намѣреніями ея нынѣшняго государя. Всѣ эти соображенія бросаютъ новый свѣтъ на вышеочерченную картину поведенія берлинскаго кабинета. Его основы устанавливаются представленными тамъ данными. Ничему не удивляясь съ этой стороны, мы скорѣе вправѣ заключить, что врядъ-ли Пруссія когда-либо искренно соединится съ Россіей; что она вѣчно будетъ стараться уменьшить нашъ вѣсъ въ Европѣ и тайно будетъ благопріятствовать Франціи; что въ своихъ собственныхъ выгодахъ она даже соединится съ этою державой, и что тогда мы, пожалуй, увидимъ возрожденіе старой системы естественнаго союза противъ Россіи между Франціей, Пруссіей и Турціей. — Вотъ средоточіе выгодъ, къ которому вѣчно будетъ тяготѣть Пруссія. Порой она можетъ отклониться въ силу мимолетныхъ причинъ; но эти отклоненія будутъ всегда неясны и непродолжительны, и она всегда кончитъ тѣмъ, что войдетъ въ свою орбиту.—Если я счелъ долгомъ представить правдивую картину началъ, которыя должны руководить прусскимъ кабинетомъ въ общихъ дѣлахъ и въ частныхъ сношеніяхъ съ Россіей, то потому, что теперь, казалось мнѣ,

s'efforcer d'empêcher qu'il ne prenne trop le dessus à Berlin, et profiter de toute circonstance favorable à nos intéréts pour en diminuer l'influence, soutenue par un parti puissant dans le ministère et à la cour. — La Russie doit tout tenter pour y parvenir, mais en apportant l'attention la plus vigilante pour ne point être entraînée à de fausses démarches. Il serait certainement de la plus grande utilité de lier la Prusse par des engagements un peu précis, et pour y parvenir l'on ne saurait assez réunir de moyens. La fermeté, la persuasion et les conseils de l'amitié doivent y être également emloyés. Berlin doit devenir l'un des principaux pivot de la politique de la Russie; il faut que ses agents y connaissent dans le plus grand détail les vues et les rapports de leur cour, afin d'être à même de prendre des résolutions sur toute proposition qui pourrait leur être faite. Il s'entend que dans aucun cas ils ne seraient autorisés à confirmer ou à garantir les avantages que la Prusse aurait acquis pour prix de ses complaisances envers la France. Il est même nécessaire qu'ils soient chargés de faire connaître à la Prusse, que la Russie pourrait ne point souffrir la poursuite d'un système entièrement opposé à ses vues, et qu'ils aient soin de faire naître dans la Prusse une crainte de la Russie égale ou approchante à celle qu'inspire Bonaparte. — La conduite ici, pendant le séjour qu'y fera le duc de Brunswick, doit-être, surtout vu le caractère connu de ce prince, bien exacte-

---

важнѣе, чѣмъ когда-либо, составить себѣ правильное понятіе въ этомъ отношеніи, основываясь столько же на разсужденіи, сколько и на отвѣтѣ: это необходимо, чтобы нынѣ или въ будущемъ принять мѣры относительно этого двора, которыя лучше всего могли бы вести къ нашей цѣли.—Какъ ни мало надежды искренно привязать Пруссію къ Россіи, тѣмъ не менѣе вѣрно, что лишь ихъ соединеніе можетъ въ сію минуту спасти Европу, и что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ тѣсное сближеніе Бонапарта съ Пруссіей. Чѣмъ яснѣе склонность послѣдней къ Франціи, тѣмъ болѣе нужно стараться не допускать ее возобладать въ Берлинѣ: нужно пользоваться всякимъ благопріятнымъ для нашихъ выгодъ случаемъ, чтобы подрывать ея вліяніе, поддерживаемое могущественною партіей въ министерствѣ и при дворѣ.—Россія должна все испробовать для этого, но при самомъ бдительномъ вниманіи, чтобы не попасть на ложный путь. Конечно, было бы весьма полезно связать Пруссію немного строгими обязательствами; для этого не должно щадить средствъ. Тутъ должно употреблять одинаково и твердость, и убѣжденіе, и дружескія внушенія. Берлинъ долженъ стать однимъ изъ главныхъ стержней русской политики; ея агенты тамъ должны знать съ величайшими подробностями намѣренія и отношенія своего двора, чтобы быть въ состояніи принимать рѣшенія насчетъ всевозможныхъ предложеній. Само собой разумѣется, что ни въ какомъ случаѣ

ment calquée sur le même système, afin de ne point être induits en erreur par les tentatives qu'il fera sans doute pour engager la Russie à des démarches propres à éloigner cette puissance de ses véritables amis. Cette observation a également trait aux divers pourparlers qui auront lieu avec le ministre de Prusse résidant à St. Pétersbourg. — Les soins des ministres de Russie tendraient principalement à faire envisager au roi l'intérêt général comme le sien propre et à le détacher de l'influence des membres de son cabinet, qui sont dévoués à la France, ou par corruption, ou par principes. Si l'on parvenait à les éloigner, on pourrait espérer de voir un jour la Prusse jouer le rôle que l'Europe lui assigne; et si même les raisons que nous avons indiquées plus haut, l'engageaient à reprendre bientôt après son ancien système, l'Europe aurait cependant eu quelque temps de répit, et l'Autriche aurait pu se remettre des secousses terribles qu'elle a éprouvées. — L'objet que l'on aura à traiter à Berlin, sera de faire entrer la Prusse dans des engagements défensifs, qui ne soient pas limités au nord de l'Allemagne et dans lesquels surtout la conservation de l'empire Ottoman soit comprise. On pourrait travailler à y joindre une garantie de l'ordre de choses qui sera établi par la paix entre la Russie et la France, ainsi qu'entre cette puissance et l'Angleterre, en y comprenant nommément les possessions ottomanes. Il serait nécessaire de concerter en même temps le plan mi-

---

они не будутъ уполномочены признавать или обезпечивать за Пруссіей выгоды, полученныя ею въ награду за ея снисходительность къ Франціи.—Необходимо даже, чтобы имъ было поручено заявить Пруссіи, что Россія могла бы и не допускать преслѣдованія системы, совершенно противной ея видамъ: они должны бы стараться породить въ Пруссіи страхъ передъ Россіей, такой же или близкій къ тому, который внушаетъ ей Бонапартъ.—Мы должны и здѣсь строго сообразоваться съ тою же системой во время пребыванія у насъ герцога брауншвейгскаго, особенно въ виду извѣстнаго нрава этого принца: иначе не впасть бы намъ въ ошибку, благодаря попыткамъ, которыя онъ, конечно, сдѣлаетъ, чтобы склонить Россію къ выходкамъ, способнымъ отдалить эту державу отъ ея истинныхъ друзей. Это замѣчаніе относится и къ разнымъ переговорамъ съ прусскимъ министромъ, пребывающемъ въ С.-Петербургѣ. — Русскіе министры должны главнымъ образомъ стараться внушить королю, что общая выгода есть и его собственная; они должны также освободить его отъ вліянія тѣхъ членовъ его кабинета, которые преданы Франціи или изъ-за денегъ, или по убѣжденію. Еслибы удалось удалить ихъ, то можно бы надѣяться, что Пруссія какъ-нибудь станетъ играть роль, предназначаемую ей Европой; а еслибы вышеуказанныя причины заставили ее вскорѣ потомъ возвратиться къ своей старой системѣ, то все-таки Европѣ дали бы хоть передохнуть,

litaire, qui serait exécuté aussitôt que la France, en attaquant l'un des points qui auraient été garantis, nécessiterait l'opposition de la Russie et de la Prusse. Mais il est encore à observer qu'en s'occupant de la garantie des possessions de l'empire Ottoman, il faudrait être attentif de ne point tomber dans l'inconvénient qu'ont eu les engagements pour le nord de l'Allemagne, dont la Prusse a profité pour se faire un titre auprès de Bonaparte, en promettant d'empêcher les russes d'y pénétrer. — La Prusse qui sans le connaître, a sanctionné et garanti le traité entre la France et l'Autriche au moment, où cette dernière puissance était sous le couteau de l'ennemi, ne saurait nous refuser un semblable engagement préalable. Si elle le prenait avec l'indication des mesures militaires, qui devraient être exécutées au cas d'une contravention de la France, il n'y aurait aucun motif de ne point accepter sa médiation pour la paix; mais sans de semblables sûretés une condescendance de cette nature ne ferait que confirmer la Prusse dans le système désastreux qu'elle a adopté, et dans ce cas il serait préférable que la Russie profitât d'une accasion favorable pour s'expliquer directement avec la France. Si cette négociation n'avait pas même d'effets directs sur les affaires de l'Europe, l'inquiétude qu'elle donnerait à la Prusse, disposerait certainement cette puissance à rechercher davantage la confiance de la Russie.—

Австрія же могла бы оправиться отъ испытанныхъ ею ужасныхъ потрясеній.— Въ Берлинѣ пришлось бы вести переговоры о вступленіи Пруссіи въ оборонительныя обязательства, которыя не ограничивались бы однимъ сѣверомъ Германіи и въ особенности касались бы сохраненія Оттоманской имперіи. Можно бы стараться присоединить къ нимъ поручительство за порядокъ вещей, который будетъ установленъ миромъ между Россіей и Франціей и между Франціей и Англіей, включая сюда именно оттоманскія владѣнія. Въ то же время необходимо условиться насчетъ военнаго плана, который будетъ тотчасъ приведенъ въ исполненіе, какъ только Франція вызвала бы сопротивленіе Россіи и Пруссіи нападеніемъ на одинъ изъ пунктовъ, на которые распространяется поручительство. Но еще нужно замѣтить, что, устраивая поручительство относительно владѣній Оттоманской имперіи, нужно быть осторожными, чтобы не попасть въ непріятности, которыя случились съ обязательствами по отношенію къ сѣверу Германіи и которыми воспользовалась Пруссія, чтобы отличиться передъ Бонапартомъ, пообѣщавъ не пускать туда русскихъ.— Пруссія, которая безсознательно освятила и гарантировала договоръ между Франціей и Австріей въ ту минуту, когда послѣдняя была подъ ножомъ у врага, не откажетъ намъ въ подобномъ предварительномъ обязательствѣ. Если она приметъ его на себя съ указаніемъ военныхъ мѣръ на случай правонарушеній со стороны Франціи, то́ не будетъ никакой причины отвергнуть ея

Il est aussi possible que la violence du caractère de Bonaparte nous servira et que la guerre renaîtra dans le nord de l'Allemagne; alors sans contredit il faut soutenir la Prusse de toutes nos forces et lui en répéter dès à présent l'assurance. Si le roi veut franchement se lier à la Russie et servir de boulevard à l'Europe, les faits nous démontreront bientôt la sincérité de sa marche. Pourvu que la Russie ne s'en tienne qu'aux faits, elle ne sera pas exposée à se tromper dans ses jugements.— En soumettant à V. M. les réflexions contenues dans ce mémoire, je ne saurais le finir sans répéter encore une fois, combien il est nécessaire de se prémunir contre de trop grandes condescendances et complaisances vis-à-vis de la cour de Berlin. Le passé nous a prouvé que nous ne pouvions rien y gagner. Plus nous sommes sur un pied amical avec cette cour, et plus il faut être sur ses gardes de ne pas se laisser entraîner par elle. Trop de condescendance encourage les exigeances et ne les arrête pas. La cour de Berlin s'apercevant qu'on ne se ressent de rien ici, se permettra tout. Que peut-elle désirer de plus, sinon de faire son jeu et celui de la France non-seulement sans craindre d'irriter la Russie, mais même avec la certitude de conserver son amitié. — La Russie en se fiant à la Prusse et en suivant aveuglement ses impulsions, risque de se pedre immanquablement. Les impulsions de la Prusse ne peuvent tendre

---

посредничество въ мирѣ. Но безъ подобныхъ обезпеченій такого рода снисхожденіе только утвердило бы Пруссію въ усвоенной ею гибельной системѣ, и въ такомъ случаѣ лучше бы Россіи воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы прямо объясниться съ Франціей. Еслибы даже эти переговоры не имѣли прямого вліянія на дѣла Европы, то они возбудили бы безпокойство въ Пруссіи, которое, конечно, заставило бы эту державу усиленно искать довѣрія Россіи.— Возможно также, что запальчивость Бонапарта поможетъ намъ, и на сѣверѣ Германіи возгорится война: безспорно мы должны будемъ тогда поддерживать Пруссію всѣми нашими силами и теперь же повторить ей наши увѣренія въ этомъ. Если королю угодно искренно соединиться съ Россіей и служить оградой Европы, то факты скоро покажутъ намъ искренность его поведенія. Пусть только Россія придерживается фактовъ,—и ей нѣтъ опасности ошибиться въ своихъ сужденіяхъ.—Повергая на усмотрѣніе в. в-а соображенія, заключающіяся въ этой запискѣ, не могу кончить ее, не повторивъ еще разъ, какъ необходимо остерегаться слишкомъ большой уступчивости и снисходительности по отношенію къ прусскому двору. Прошлое доказало, что такъ мы ничего не добьемся. Чѣмъ болѣе будемъ мы на дружеской ногѣ съ этимъ дворомъ, тѣмъ болѣе нужно остерегаться, чтобы онъ не увлекъ насъ. Излишняя уступчивость не останавливаетъ требованій, а возвышаетъ ихъ. Замѣтивъ, что здѣсь все простили, берлинскій дворъ позволитъ себѣ все. Чего же ему еще, когда онъ

qu'à ce qu'exige son propre intérêt, qui presque toujours est contraire à celui de la Russie et de l'Europe; en y cédant nous ne pouvons manquer d'être induits continuellement dans de fausses démarches qui nous feraient perdre la considération générale, ainsi que l'attachement et la confiance de nos véritables alliés. La Prusse en attendant continuerait à s'agrandir et deviendrait une puissance formidable à la Russie même, qui n'aurait plus bientôt moyen de la tenir en respect et conserverait encore moins la possibilité d'obtenir des acquisitions utiles et que l'état actuel des affaires rendra de plus en plus nécessaires. L'on doit considérer une guerre avec la Prusse comme un évènement que les circonstances amèneront tôt ou tard immanquablement, et c'est dès à présent qu'il faudrait tout préparer pour la faire avec succès.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 63/10. Подлинникъ.

№ 82.—Докладъ Чарторижскаго.

3/15 февраля 1806.

В. и. в-ву благоугодно было уполномочить посланника нашего въ Берлинѣ, т. сов. Алопеуса, выдать заимообразно находящемуся тамъ австрійскому посланнику, графу Меттерниху, сумму, составляющую 6,600 гамбургскихъ банковыхъ талеровъ. Какъ г. Алопеусъ неоднократно писалъ сюда по сему предмету, и что онъ исполнилъ уже отчасти сію волю вашу, то я, осмѣливаясь испрашивать высочайшаго повелѣнія

будетъ въ состояніи вести свою и французскую игру, не только не опасаясь раздражить Россію, но даже питая увѣренность въ сохраненіи ея дружбы?— Довѣряясь Пруссіи и слѣпо слѣдуя ея движеніямъ, Россія подвергается неизбѣжной опасности погибнуть. Движенія Пруссіи направляются только ея собственными выгодами, которыя почти всегда противны выгодамъ Россіи и Европы: уступая имъ, мы неизбѣжно будемъ попадать въ ложныя положенія, которыя лишатъ насъ всеобщаго уваженія, а также привязанности и довѣрія нашихъ истинныхъ союзниковъ. Пруссія же между тѣмъ будетъ все увеличиваться и станетъ державою, грозною для самой Россіи, которая вскорѣ уже не будетъ въ силахъ держать ее на почтительной ногѣ и еще меньше будетъ имѣть возможность сдѣлать полезныя пріобрѣтенія, которыя, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, становятся все болѣе и болѣе необходимыми. Должно смотрѣть на войну съ Пруссіей какъ на событіе, которое рано или поздно неизбѣжно будетъ вызвано обстоятельствами, и именно съ нынѣшняго дня слѣдовало бы все приготовить, чтобы вести ее съ успѣхомъ.

о пересылкѣ ему означенной суммы, имѣю счастіе поднести у сего къ подписанію в. в-ва заготовленный мною указъ министру финансовъ о доставленіи мнѣ векселя на 6,600 гамбургскихъ банковыхъ талеровъ для отправленія онаго въ Берлинъ къ посланнику Алопеусу, который, получая съ сей суммы съ графа Меттерниха по 5-ти процентовъ до возвращенія имъ сполна всей суммы, доставлять будетъ ко мнѣ сіи проценты для отсылки въ государственное казначейство, съ вычетомъ, однако же, изъ нихъ слѣдующихъ за пересылку сюда.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 4. Подлинникъ.

№ 83.—Докладъ Чарторижскаго.

5/17 февраля 1806.

Послѣдуя заведенному до сихъ поръ порядку, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, по полученіи министерскихъ донесеній съ почтами или съ курьерами, просмотрѣвъ оныя наскоро, поспѣшаетъ доставлять ихъ всѣ въ подлинникѣ къ е. и. в-ву, и въ канцеляріи не остается о сихъ бумагахъ инаго свѣдѣнія, кромѣ кратчайшихъ изъ нихъ выписокъ, составляемыхъ съ крайнею поспѣшностью.—Отъ сего въ теченіе дѣлъ встрѣчаются разныя неудобства: по многимъ статьямъ министры остаются на нѣкоторое время безъ разрѣшенія; сообщеніе разныхъ свѣдѣній, нужныхъ какъ здѣсь по другимъ департаментамъ, такъ и по миссіямъ въ чужихъ краяхъ, бываетъ безъ исполненія; по требуемымъ часто выправкамъ нельзя дѣлать удовлетворенія, и составленіе самыхъ отвѣтовъ, не имѣя въ виду подлинныхъ бумагъ, затрудняется.—Для избѣжанія сего не благоугодно-ли будетъ повелѣть, чтобы впредь изъ получаемыхъ министерскихъ донесеній доставлялися къ е. в-ву одни только обстоятельныя выписки и чтобы подлинныя донесенія подносилъ товарищъ министра съ замѣчаніями на оныя для испрошенія по содержанію ихъ высочайшаго повелѣнія по днямъ, назначеннымъ для его докладовъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 5. Подлинникъ.

№ 84. — Докладъ Чарторижскаго.

16/24 février 1806.

V. M. I. ayant daigné me confier, qu'elle avait l'intention de changer dès à présent son ambassadeur à Vienne, vu qu'elle considérait sa conduite pendant le cours de l'année précédente comme fautive et même coupable, je supplie V. M. de permettre que je soumette à sa justice et à sa sagesse les observations suivantes. — Le comte de Rasoumovsky est accusé de n'avoir pas instruit notre cour du véritable état de choses à Vienne et de ne nous avoir pas averti des malheurs, qui ont accablé l'Autriche pendant la campagne passée. V. M. I. se rappellera sans doute que le c-te de Rasoumovsky avait constamment dépeint le ministère viennois d'alors sous le jour le plus défavorable; qu'il a dit que parmi les individus qui le composaient, il n'y avait ni talents, ni caractère, au point qu'il ne croyait pas qu'ils fussent capables de prendre une résolution énergique. Lorsqu'elle fut prise cependant, la prédiction du comte de Rasoumovsky ne s'étant pas vérifiée dans cette occasion, il cessa d'écrire contre un ministère dont à Vienne il avait passé pour être l'ennemi et qui dans le moment d'alors déploya beaucoup d'activité. L'armée autrichienne en Italie s'est très bien battue et est restée intacte. L'armée

---

12/24 февраля 1806.

Такъ какъ ваше и. в-во соблаговолили довѣрить мнѣ, что вы имѣете намѣреніе перемѣнить теперь же вашего посланника въ Вѣнѣ, находя его поведеніе въ теченіе прошлаго года ошибочнымъ и даже преступнымъ, то я умоляю ваше в-во позволить мнѣ представить на ваше правосудіе и на вашу мудрость слѣдующія замѣчанія.—Гр. Разумовскій обвиняется въ томъ, что не увѣдомилъ нашъ дворъ объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Вѣнѣ и не предупредилъ насъ о несчастіяхъ, которыя постигли Австрію въ прошлую войну. Ваше и. в-во, конечно, вспомните, что гр. Разумовскій постоянно описывалъ вѣнское министерство того времени въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ; что онъ говорилъ, что среди лицъ, изъ которыхъ оно состояло, не было ни талантовъ, ни сильныхъ характеровъ, такъ что онъ не считалъ ихъ способными принять энергическое рѣшеніе. Но когда оно, тѣмъ не менѣе, было принято, и предсказаніе гр. Разумовскаго не оправдалось въ этомъ случаѣ, онъ пересталъ писать противъ министерства, котораго онъ прослылъ въ Вѣнѣ врагомъ и которое въ ту минуту выказало себя очень дѣятельнымъ. Австрійское войско въ Италіи отлично сражалось и осталось цѣлымъ. Нѣмецкая армія также была великолѣпна, по словамъ всѣхъ; и можно-ли взваливать на

d'Allemagne avait été également belle, au dire de tout le monde; et faut-il rendre le comte de Rasoumovsky responsable de la folie de Mack et de tous le malheurs qui s'en sont suivis et dont l'excès et la promptitude ne pouvaient être prévus par aucune prudence humaine? Depuis que par ma place je me trouve en relation d'affaire avec notre ambassadeur à Vienne, je n'ai aperçu en lui que talents, zèle, désir de remplir au mieux les intentions de V. M. I.; ayant revu de près le comte Rasoumovsky à Olmütz et à Teschen, je n'ai pu que me raffermir dans cette opinion et juger avec d'autant plus de certitude jusqu'à quel point il est attaché à tout ce qui tient aux intérêts et à la gloire de V. M. I. C'est un témoignage que je m'empresse de lui rendre et d'y ajouter que d'après ma plus intime conviction le c-te de Rasoumovsky est parfaitement incapable de manquer volontèrement à ce que l'honneur et le devoir exigent. — Après les bruits injurieux qui ont couru ici contre le c-te de Rasoumovsky, son rappel subit par le premier courrier expédié de notre part, serait une preuve que V. M. les approuve et les trouve vrais; une tache déshonnorante serait donc la récompense qu'il aurait reçu après une si longue carrière, et l'on ne pourrait l'empêcher de demander à se justifier, puisque l'on aurait fait croire qu'on le trouve coupable. — L'effet de ce rappel subit serait aussi très fâcheux sur le public de Vienne et à la cour, où le c-te de Rasoumovsky est aussi estimé;

гр. Разумовскаго отвѣтственность за глупость Мака и за всѣ несчастія, которыя отсюда вытекли и которыхъ крайность и быстроту не могло предвидѣть никакое человѣческое благоразуміе? Съ тѣхъ поръ какъ, благодаря моему мѣсту, я нахожусь въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, я замѣтилъ въ немъ лишь талантливость, усердіе, желаніе какъ можно лучше исполнить намѣренія вашего и. в-ва; увидавъ снова близко гр. Разумовскаго въ Ольмюцѣ и Тешенѣ, я еще больше утвердился въ этомъ мнѣніи и тѣмъ вѣрнѣе могъ судить, до какой степени онъ привязанъ ко всему, что́ касается интересовъ и славы вашего и. в-ва. Я спѣшу засвидѣтельствовать это о немъ и прибавить, что, по моему глубочайшему убѣжденію, гр. Разумовскій совершенно неспособенъ умышленно нарушить требованія чести и долга.—Послѣ оскорбительныхъ слуховъ, ходившихъ здѣсь противъ гр. Разумовскаго, его внезапное отозваніе съ первымъ отправленнымъ нами курьеромъ послужило бы доказательствомъ, что ваше в-во ихъ одобряете и вѣрите имъ; такимъ образомъ позорное пятно было бы ему наградой за его столь долгую службу; и ему нельзя было бы отказать въ просьбѣ оправдаться, не подавая повода думать, что его считаютъ виновнымъ. Это внезапное отозваніе произвело бы также очень непріятное впечатлѣніе на вѣнскую публику и на дворъ, гдѣ гр. Разумовскій также пользуется уваженіемъ; а этимъ соображеніемъ

et cette considération n'est point non plus à négliger. — Si la Russie forme le dessein de rendre du nerf à l'Autriche et de porter l'empereur François de s'entourer d'une administration vigoureuse, ce plan qui paraît indispensable dans les circonstances actuelles, sera aussi important que délicat à exécuter. Il faut que les conseils de la Russie soient écoutés sans donner à Vienne l'idée qu'elle veut y dominer. Pour établir et maintenir un aussi haut degré de confiance, c'est surtout le choix des organes qui peut le plus contribuer. Personne n'a pour cet effet plus de moyens que le c-te de Rasoumovsky. Son habileté reconnue, sa longue expérience du poste qu'il occupe; sa parenté même et ses liaisons avec les premières familles du pays sont autant de motifs pour l'employer à une tâche qui aurait pour but le bien de l'Autriche, l'union des deux empires, et dans laquelle celui qui y travaillera, devra moins souvent paraître comme ambassadeur, qu'agir par le confiance et le poid qu'il se sera acquis comme particulier. Sous ces différents rapports il ne sera pas facile de remplacer le c-te de Rasoumovsky à Vienne. Je finis en soummettant ces diverses réflexions à l'examen bienveillant de V. M. I.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 6. Подлинникъ.

также не слѣдуетъ пренебрегать. — Если Россія намѣревается дать Австріи толчекъ и заставить и-ра Франца окружить себя сильнымъ правительствомъ, то этотъ планъ, который является необходимымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, будетъ столь же вѣренъ, какъ и трудно исполнимъ. Нужно, чтобъ въ Вѣнѣ слушались совѣтовъ Россіи, не заподозрѣвая, что она хочетъ надъ нею властвовать. Чтобы установить и поддержать довѣріе въ такой высокой степени, этому можетъ больше всего содѣйствовать въ особенности выборъ лицъ. А въ этомъ отношеніи никто не обладаетъ такими средствами, какъ гр. Разумовскій. Его признанная ловкость, его долгая опытность, пріобрѣтенная имъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ, даже его родственныя и другія связи съ первыми семействами страны—все это служитъ достаточнымъ поводомъ поручить ему задачу, цѣль которой—благо Австріи, соединеніе обѣихъ имперій; причемъ исполнитель не столько долженъ дѣйствовать какъ посланникъ, сколько по довѣрію и вліянію, которое онъ пріобрѣлъ какъ частное лицо. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ нелегко будетъ замѣнить гр. Разумовскаго въ Вѣнѣ. Я оканчиваю, повергая эти различныя размышленія на благосклонное обсужденіе вашего и. в-ва.

№ 85. — Замѣчанія Чарторижскаго насчетъ Турціи.

23 février (7 mars) 1806.

Les nouvelles qui viennent d'arriver de la Valachie, portent en substance: „que la Porte a reconnu le titre impérial de Bonaparte; que plusieurs pachas de la Romélie ont reçu ordre d'envoyer des troupes à Ismaël pour y former un camp; que la garnison de cette forteresse sera portée à 10 m. hommes, ainsi que celle de Hottin; que le pacha de Scutarie vient en Romélie avec une armée que l'on dit être de 40 m. hommes; que les hospodars de Valachie et de Moldavie ont reçu ordre de préparer des vivres pour ces différentes troupes; que la flotte turque doit être armée et équipée pour le printemps prochain; que le reis-effendi a manifesté l'intention de déposer les princes actuels de Moldavie et de Valachie; enfin que tout indique un changement de système, par lequel il paraît certain, que la Porte veut annihiler son alliance avec la cour impériale, en s'unissant avec la France". Les rapports de m-r d'Italinsky, reçus postérieurement à l'entrée de ces nouvelles, n'en confirment que la première, ce qui ne doit pas étonner, vu que les ordres de la Porte pour les préparatifs militaires, auront été expédiés dans le plus grand secret. Indépendamment de cette circonstance il est

---

23 февраля (7 марта) 1806.

Полученныя изъ Валахіи извѣстія сообщаютъ вкратцѣ: „что Порта признала императорскій титулъ Бонапарта; что многіе паши Румеліи получили приказаніе отправить войска въ Измаилъ, чтобы расположиться тамъ лагеремъ; что гарнизонъ этой крѣпости, также какъ и Хотина, будетъ доведенъ до 10 тысячъ человѣкъ; что скутарійскій паша идетъ въ Румелію съ войскомъ, которое, говорятъ, простирается до 40 тысячъ человѣкъ; что господари Молдавіи и Валахіи получили приказаніе приготовить жизненные припасы для этихъ различныхъ войскъ; что турецкій флотъ долженъ быть вооруженъ и снаряженъ къ будущей осени; что Рейсъ-эфенди изъявилъ намѣреніе низложить настоящихъ князей Молдавіи и Валахіи; наконецъ, что все указываетъ на перемѣну системы, посредствомъ которой Порта хочетъ уничтожить свой союзъ съ императорскимъ дворомъ, соединившись съ Франціей". Донесенія г. Италинскаго, полученныя послѣ этихъ извѣстій, подтверждаютъ только первое изъ нихъ; это не удивительно въ виду того, что приказы Порты относительно военныхъ приготовленій, конечно, были отправлены въ величайшей тайнѣ. Независимо отъ этого обстоятельства нужно замѣтить, что вышеупомянутыя извѣстія

à observer que les nouvelles précitées portent un caractère d'authenticité, auquel il est difficile de se méprendre; d'ailleurs elles sont d'une importance tellement grave, qu'en attendant qu'elles soient confirmées officiellement, il paraît de toute urgence de songer dès à présent aux moyens à adopter pour ne pas être pris au dépourvu par les turcs et pour nous ménager toutes les ressources, dont nous pouvons disposer en cas qu'une guerre contre eux devint inévitable. — S'il est vrai que les turcs ont reconnu le titre impérial de Bonaparte et qu'ils font toutes les démonstrations militaires, dont parle l'hospodar de Valachie, il ne faut pas douter qu'ils se sont laissé séduire par les français et qu'ils ont l'assurance d'être soutenus par eux. L'arrivée surtout du pacha de Scutarie en Romélie prouve du reste que la Porte se croit parfaitement sûre du côté des français et qu'elle veut diriger toutes ses forces contre nous. Dès lors il n'y a qu'une détermination prompte et vigoureuse, qui puisse détourner de la Russie les dangers les plus imminents, qui résulteraient de l'approche des armées turco-françaises de nos frontières. Ces dangers et leurs conséquences étant de la plus haute évidence, on croit ne pas devoir s'arrêter ici à les détailler, et on se bornera simplement à observer que si la Russie ne profite du moment actuel pour déjouer les intrigues des français à Constantinople et invalider les effets de la duplicité des turcs, nous devrons renoncer dès ce moment à toute

---

носятъ характеръ достовѣрности, въ которомъ трудно ошибиться; къ тому же они имѣютъ такое важное значеніе, что покуда они будутъ подтверждены оффиціально, кажется, необходимо немедленно подумать о мѣрахъ, которыя нужно принять, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ турками и чтобы приготовить всѣ средства, которыми мы можемъ располагать въ случаѣ, если война съ ними сдѣлается неизбѣжной.—Если правда, что турки признали императорскій титулъ Бонапарта и что они дѣлаютъ всѣ военныя демонстраціи, о которыхъ говоритъ господарь Валахіи, то несомнѣнно, что ихъ соблазнили французы и что они увѣрены въ поддержкѣ послѣднихъ. Въ особенности прибытіе скутарійскаго паши въ Румелію доказываетъ, что Порта считаетъ себя вполнѣ безопасной со стороны французовъ и хочетъ направить всѣ свои силы противъ насъ. Въ такомъ случаѣ только быстрое и сильное рѣшеніе можетъ отвратить отъ Россіи самыя грозныя опасности, которыя могутъ постигнуть ее отъ приближенія турецко-французскихъ войскъ къ нашимъ границамъ. Эти опасности съ ихъ послѣдствіями такъ очевидны, что считаемъ безполезнымъ разсматривать здѣсь ихъ подробно; а только ограничимся замѣчаніемъ, что если Россія не воспользуется настоящей минутой, чтобы разрушить интриги французовъ въ Константинополѣ и уничтожить дѣйствіе двуличности турокъ, то съ этой минуты мы должны будемъ отказаться отъ всякаго вліянія на

influence sur les déterminations de la Porte, nous attendre à voir le théâtre d'une guerre inévitable établi dans l'empire de Russie même et enfin à perdre pour toujours les avantages incalculables que nous offrent les dispositions des peuples chrétiens de la Turquie européenne, qui n'hésiteront pas à se ranger du côté des français, si nous tardons encore à leur prouver que nous nous occupons de bonne foi de l'amélioration de leur sort. — Si donc il se vérifie que les turcs ont encore une fois méconnu la loyauté et le désintéressement de S. M. I., s'il est vrai qu'immédiatement après avoir ratifié solennellement l'acte du renouvellement d'alliance, ils se sont laissé égarer par la France au point d'armer contre la Russie; dans ce cas il ne reste à celle-ci qu'un seul parti à prendre, c'est de les prévenir et de les forcer par le moyen d'une démarche vigoureuse à revenir au seul système qui puisse encore prolonger l'existence de l'empire Ottoman. — On tâchera d'indiquer ici les points principaux de ce qu'il y a à faire tant à l'égard de la Turquie que relativement aux autres puissances qui dans cette occasion peuvent influer sur les intentions de la cour impériale. — 1) L'expérience ayant suffisamment prouvé que la peur est le seul ressort qui dans de pareille circonstances puisse agir sur les turcs, il faudrait que le général en chef de l'armée du Dniestre fût avisé incessamment de se tenir prêt à marcher au premier ordre pour entrer en Moldavie. Ce général serait muni

---

рѣшенія Порты, опасаться, что сама Россія сдѣлается неизбѣжно театромъ войны, и, наконецъ, навсегда лишиться неисчислимыхъ выгодъ, которыя представляетъ намъ расположеніе христіанскихъ народовъ европейской Турціи, которые не преминутъ стать на сторону французовъ, если мы не поспѣшимъ имъ доказать, что мы искренно занимаемся улучшеніемъ ихъ участи.—Итакъ, если подтвердится, что турки еще разъ обманули честность и безкорыстіе его и. в-ва; если правда, что тотчасъ же послѣ торжественной ратификаціи акта о возобновленіи союза они настолько позволили французамъ сбить себя съ пути, что вооружаются противъ Россіи, въ такомъ случаѣ этой послѣдней остается только одно—предупредить ихъ и заставить сильнымъ поступкомъ вернуться къ единственной системѣ, которая еще можетъ продлить существованіе Оттоманской имперіи.—Здѣсь надо постараться указать въ главныхъ чертахъ, что нужно сдѣлать, какъ въ отношеніи Турціи, такъ и въ отношеніи другихъ державъ, которыя въ этомъ случаѣ могутъ вліять на намѣренія императорскаго двора.—1) Такъ какъ опытъ доказалъ, что страхъ есть единственное средство, которое въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ дѣйствовать на турокъ, нужно бы, чтобы генералъ-аншефу днѣстровской арміи было немедленно послано извѣщеніе, чтобы онъ былъ готовъ къ выступленію по первому приказу, чтобы двинуться въ Молдавію. Этотъ генералъ долженъ получить временныя инструк-

d'instructions éventuelles d'après lesquelles il entrerait immédiatement après avoir acquis des notions positives sur les préparatifs des turcs contre nous. Ceci paraît indispensable pour éviter les inconvénients qui pourraient résulter de la grande distance où se trouve cette armée du centre du gouvernement. L'armée du Dniestre s'avancerait aussitôt jusque sur le Danube en occupant également la Valachie, sans perdre son temps à réduire les forteresses du Budziak, ni celle de Hottin, qui tomberaient d'elles-même aussitôt que leur communication avec la rive droite du Danube sera coupée. Les avantages, qui résulteraient de l'occupation immédiate de la Valachie et de la Moldavie par les troupes russes, seraient principalement de contribuer avec efficacité à ramener la Porte aux principes de la saine politique, vu que Constantinople ne tarderait pas à se ressentir du manque de vivres, que cette capitale tire en grand partie des deux principautés; les magazins qu'y prépare la Porte, tomberaient en notre pouvoir tandis que la moindre hésitation pourrait nous en priver; l'armée russe se fortifierait aisément sur le Danube, au lieu que sur le Dniestre. elle n'aurait pas à beaucoup près les mêmes avantages; cette armée donnerait la main aux serviens, aux bulgares et autres peuples chrétiens de ces contrées, enfin nous aurions pour nous tous les avantages qui résultent nécessairement d'une détermination prompte et énergigue, à laquelle l'ennemi ne s'attend pas; tandis que, si on le laisse

---

ціи, по которымъ онъ долженъ вступить немедленно, какъ только получитъ точныя извѣстія о приготовленіяхъ турокъ противъ насъ. Это, кажется, необходимо, чтобы избѣжать неудобствъ, которыя могли бы произойти вслѣдствіе большого разстоянія, отдѣляющаго это войско отъ центра управленія. Днѣстровская армія двинулась бы тотчасъ же на Дунай, заняла бы тоже Валахію, не теряя времени на покореніе крѣпостей Буджака и Хотина, которыя падутъ сами собой, какъ только будетъ прервано ихъ сообщеніе съ правымъ берегомъ Днѣпра. Преимущества, которыя произойдутъ отъ немедленнаго занятія Валахіи и Молдавіи русскими войсками, будутъ состоять главнымъ образомъ въ томъ, что это будетъ сильно содѣйствовать возвращенію Порты къ принципамъ здравой политики, такъ какъ Константинополь не замедлилъ бы почувствовать недостатокъ жизненныхъ припасовъ, которые эта столица по бо́льшей части извлекаетъ изъ обоихъ княжествъ; магазины, заготовляемые тамъ Портой, попадутъ въ наши руки, тогда какъ малѣйшее промедленіе можетъ насъ лишить ихъ; русская армія легко укрѣпилась бы на Дунаѣ, тогда какъ на Днѣстрѣ она далеко не имѣла бы тѣхъ же самыхъ выгодъ; эта армія поддержала бы сербовъ, болгаръ и другіе христіанскіе народы этихъ странъ; наконецъ, на нашей сторонѣ были бы всѣ выгоды, которыя неизбѣжно проистекаютъ изъ быстраго и энергическаго рѣшенія, котораго врагъ не ожидаетъ,

faire, c'est lui qui se les appropriera. — 2) L'entrée de l'armée russe en Moldavie serait accompagnée d'un manifeste dans lequel on expliquerait clairement que ce n'est pas dans des vues hostiles que les armées russes s'avancent sur le territoire ottoman; que c'est uniquement pour maintenir l'indépendance de la Porte, qui, intimidée par la France, paraît vouloir aveuglement suivre ses impulsions; que dans le cas où les français voulussent attaquer les états Ottomans, les troupes russes seraient prêtes à les défendre; que la cour impériale désire religieusement s'en tenir à l'alliance, mais qu'elle a également droit de prétendre que la Porte ne s'en écarte pas; que l'armée russe se retirera dès que la cour impériale aura lieu de se rassurer à cet égard etc. etc. — 3) Il faudrait dès à présent prévenir la cour de Londres des intentions de S. M. I. pour le cas en question, afin de pouvoir compter sur l'assistance de ses flottes, dans le développement du plan d'opération qui sera arrêté. — 4) On inviterait la cour de Vienne à se déclarer strictement neutre et on lui ferait espérer tel avantage qu'indiqueront les circonstances aussitôt que cette nouvelle guerre sera terminée d'une manière satisfaisante pour nous. — 5) Après avoir communiqué à la Prusse les motifs qui font agir S. M. I., on lui représenterait que comme son traité avec Bonaparte ne sera obligatoire pour elle qu'après la guerre, le roi ne saurait avoir aucune obligation de prendre part à ce qui se passera

---

тогда какъ если дать ему время, то онъ присвоитъ ихъ себѣ.—2) Вступленіе русской арміи въ Молдавію должно сопровождаться манифестомъ, въ которомъ объяснялось бы отчетливо, что русскія войска вступаютъ въ оттоманскую землю не ради враждебныхъ цѣлей, а единственно, чтобы поддержать независимость Порты, которая, будучи запугана Франціей, очевидно, хочетъ слѣпо слѣдовать ея внушеніямъ; что въ случаѣ, если французы вздумаютъ напасть на оттоманскія владѣнія, то русскія войска будутъ готовы защищать ихъ; что императорскій дворъ желаетъ свято держаться союза, но что онъ одинаково имѣетъ право требовать, чтобы и Порта не уклонялась отъ него; что русскія войска удалятся, какъ только императорскій дворъ успокоится въ этомъ отношеніи и т. д.—3) Слѣдовало бы теперь же предупредить лондонскій дворъ о намѣреніяхъ его и. в-ва относительно даннаго случая, чтобы можно было разсчитывать на помощь его флота въ теченіе плана дѣйствій, на которомъ остановятся.—4) Отъ вѣнскаго двора нужно потребовать строгаго нейтралитета и пообѣщать ему такія выгоды, какія представятъ обстоятельства, какъ только эта новая война окончится удовлетворительно для насъ.—5) Сообщивъ Пруссіи причины, побуждающія его и. в-во дѣйствовать, представить ей, что, такъ какъ ея договоръ съ Бонапартомъ будетъ обязателенъ только послѣ войны, то королю нисколько не обязательно принимать участіе въ томъ, что будетъ

en Turquie. — On l'invitera à diriger toute son attention vers le maintien de la paix dans le Nord de l'Allemagne; on lui témoignera, que si Bonaparte, sans égards aux restrictions, que s'est réservée la cour de Berlin, voulait la forcer à remplir dès à présent la stipulation du traité du 15 décembre relatif à la garantie de l'empire Ottoman, S. M. I. espère que le roi s'y refusera et que même il défendra son indépendance par tous les moyens que possède la monarchie prussienne; que, prévoyant la possibilité de ce cas, les troupes commandées actuellement par les géneraux Beningsen et Tolstoy, en se repliant sur les frontières de la Russie, prendront poste sur la Vistule et seront toujours prêtes à voler au secours des armées prussiennes. Cette mesure aurait le double avantage de servir au but, qui vient d'être indiqué, et à tenir les prussiens en respect, s'ils pouvaient s'émanciper au point de vouloir entraver nos opérations du côté de la Turquie. On engagerait en même temps la cour de Berlin à demander des explications cathégoriques à la France sur ses intentions à l'égard de l'empire Ottoman, et à reconnaître formellement la validité de nos engagements actuels avec la Porte pour leur durée. — Enfin, 6) Tout en faisant les démarches militaires et politiques ci-dessus, il serait bon d'envoyer quelqu'un à Paris pour faire connaître à Bonaparte que nous sommes prêts à recommencer la guerre plutôt que de consentir ni à ses empiètements sur la Turquie, ni à ce

---

происходить въ Турціи.—Ему предложатъ сосредоточить все свое вниманіе на сохраненіи мира на сѣверѣ Германіи; ему заявятъ, что если Бонапартъ, несмотря на ограничивающія условія, которыя выговорилъ себѣ берлинскій дворъ, вздумаетъ принуждать его исполнить теперь же статью договора 15 декабря касательно гарантіи Оттоманской имперіи, то его и. в-во надѣется, что король откажется и даже будетъ защищать свою независимость всѣми средствами, которыми обладаетъ прусская монархія; что, предвидя возможность этого случая, войска, находящіяся теперь подъ командой генер. Бенингсена и Толстова, вытягиваясь вдоль русскихъ границъ, займутъ постъ на Вислѣ и всегда будутъ готовы летѣть на помощь прусскимъ войскамъ. Эта мѣра будетъ имѣть двойную выгоду—служить только-что указанной цѣли и держать въ почтеніи пруссаковъ, еслибы они забылись настолько, что вздумали бы мѣшать нашимъ дѣйствіямъ со стороны Турціи. Въ то же время берлинскому двору слѣдуетъ предложить потребовать категорическихъ объясненій у Франціи насчетъ ея намѣреній относительно Оттоманской имперіи и формально признать законность нашихъ настоящихъ договоровъ съ Портой на все время ихъ продолженія.—6) Покуда принимаются эти военныя и политическія мѣры, хорошо бы было послать кого-нибудь въ Парижъ, чтобы извѣстить Бонапарта, что мы скорѣе готовы возобновить войну, нежели согласиться на его посягательства

qu'il acquière une prépondérance marquée dans cet empire; que s'il y veut renoncer de bonne foi, nous pourrons encore tolérer l'influence qu'il exerce sur toute l'Italie, et nous entendre définitivement sur d'autres objets de la même importance; mais que dans le cas contraire nous réunirons tous nos efforts pour maintenir en Turquie l'ordre de choses qui nous convienne. — Cette ouverture, appuyée de l'occupation des principautés de Moldavie et de Valachie, produira probablement son effet. Bonaparte se convaincra que la cour impériale veut sérieusement ne pas se déssaisir de son influence sur l'empire Ottoman, influence qui devient de nécessité absolue pour la sûreté de la Russie même. — Par l'applications de ces différentes mesures, la Russie pourra se flatter de ramener la Porte au système qui convient aux deux empires. Elle lui aura prouvé que la cour impériale sait prendre des déterminations dignes de ses moyens et du rang qu'elle doit toujours occuper parmi les puissances de l'Europe aussitôt qu'il s'agit de ses véritables intérêts, et enfin elle se sera ménagé des objets de compensations qui seront d'un poid infini dans les négociations futures pour le rétablissement de la paix générale. Il est à remarquer que ces observations ne présentent pour ainsi dire que l'indication des moyens à adopter pour prévenir les dangers les plus réels, qui menaceront les provinces méridionales de la Russie, si elle ne se met en mesure dès à présent. Les objets de détail entreront dans le cadre des instructions à expédier aux généraux et aux

---

на Турцію или на его значительное господство въ этой имперіи; что если онъ добровольно откажется отъ этого, то мы еще можемъ сносить его вліяніе на всю Италію и окончательно сговориться насчетъ другихъ столь же важныхъ предметовъ; но что, въ противномъ случаѣ, мы употребимъ всѣ наши усилія, чтобы поддержать въ Турціи тотъ порядокъ вещей, который намъ нуженъ.— Это предложеніе, подкрѣпленное занятіемъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, по всей вѣроятности, произведетъ впечатлѣніе. Бонапартъ убѣдится, что императорскій дворъ серьезно рѣшился не уступать своего вліянія на Оттоманскую имперію, такъ какъ это вліяніе положительно необходимо для безопасности самой Россіи. Примѣнивъ эти различныя средства, Россія можетъ похвалиться, что вернула Порту къ системѣ, которая подходитъ обѣимъ имперіямъ. Она докажетъ ей, что императорскій дворъ умѣетъ принимать рѣшенія, достойныя его значенія и мѣста, которое онъ всегда долженъ занимать среди европейскихъ державъ, какъ только дѣло идетъ объ его истинныхъ интересахъ; наконецъ, она пріобрѣтетъ право на вознагражденіе, которое будетъ имѣть громадную цѣну въ будущихъ переговорахъ для возстановленія всеобщаго мира. Должно заявить, что эти замѣчанія только указываютъ такъ-сказать на мѣры, которыя нужно принять, чтобы предупредить самыя существенныя опасности, которыя

ministres de S. M. I. qui seront appelés à concourir à l'exécution de ses hautes intentions. — En terminant cet exposé, on ne saurait ne pas répéter encore que toute expédition que tenterait la Russie dans ce moment-ci, devrait réussir nécessairement par la raison que les turcs ainsi que les français auront calculé sur l'inactivité et la délicatesse politique, dont la cour impériale semble vouloir faire profession, tandis qu'en hésitant le moins du monde, les difficultés augmenteront dans une progression incalculable, la Russie n'en sera pas moins forcée de prendre les armes et l'Europe sera en droit de lui reprocher d'avoir poussé trop loin cette même délicatesse passive, qui certes est absolument hors de saison, lorsqu'on a affaire à des puissances, qui ne reconnaissent aucune loi que l'audace et l'intérêt et qui ont réduit la duplicité en principe.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 7. Подлинникъ.

№ 86. — Добавленіе къ Замѣчаніямъ насчетъ Турціи.

24 février (8 mars) 1806.

Si la mesure proposée de l'entrée immédiate en Moldavie paraît encore précoce à V. M. I., parce qu'elle croit n'avoir pas des données

---

будутъ угрожать южнымъ губерніямъ Россіи, если она теперь же не будетъ готова. Подробности войдутъ въ планъ инструкцій, которыя будутъ отправлены генераламъ и министрамъ его и. в-ва, призваннымъ содѣйствовать исполненію его высокихъ намѣреній.—Оканчивая это изложеніе, нельзя не напомнить еще разъ, что какой бы походъ ни предприняла Россія въ данную минуту, онъ непремѣнно удастся уже въ силу того, что турки, также какъ и французы, разсчитываютъ, конечно, на бездѣйствіе и политическую деликатность, которою какъ будто хвалится императорскій дворъ, тогда какъ при малѣйшемъ колебаніи трудности увеличатся въ невообразимой прогрессіи, а Россія все-таки принуждена будетъ взяться за оружіе, и Европа будетъ имѣть право упрекнуть ее въ томъ, что она уже слишкомъ далеко зашла въ этой самой пассивной деликатности, которая, безъ сомнѣнія, неумѣстна, когда имѣютъ дѣло съ державами, которыя не признаютъ другого закона, кромѣ смѣлости и выгодъ и возвели двуличность въ принципъ.

24 февраля (8 марта) 1806.

Если предложенная мѣра немедленнаго вступленія въ Молдавію кажется вашему и. в-ву еще преждевременной, потому что вы думаете, что нѣтъ до-

assez positives sur les vues hostiles de la Porte contre nous, en attendant qu'elles nous parviennent, ce qui ne peut tarder, on peut se borner pour le moment aux démarches suivantes, qui sont dans mon opinion les seules qui peuvent prévenir les inconvénients du retard de l'entrée en Moldavie, arrêter les préparatifs des turcs et dérouter pour quelque temps leurs plans insidieux. — 1) La crainte étant le seul ressort qui agisse sur les turcs, comme on l'a déjà observé, il faudrait que le général Michelson fît immédiatement une démonstration ostensible pour se rapprocher autant que faire se pourra du Dniestre, en y mettant une certaine publicité et sans cacher même qu'il attend des ordres pour entrer en Moldavie, si la Porte ne fait pas rebrousser chemin aux troupes turques, qui marchent sur le Danube. — Le général Michelson n'entrerait cependant que dans le seul cas, où il recevrait des avis positifs du passage de quelque corps marquant de troupes en Moldavie ou en Valachie. Dans ce cas, pour prévenir que l'ennemi ne rassemble de grandes forces dans les deux principautés et qu'il ne s'empare des magazins qui y sont préparés, le général Michelson passerait incessamment la frontière et s'avancerait jusque sur le Danube en occupant également la Valachie et sans s'arrêter à vouloir prendre Hottin. — Les instructions qu'il me paraît nécessaire de donner au général, sont comprises dans le projet de rescript ci-joint. — 2) M-r d'Italinsky étant déjà

вольно положительныхъ данныхъ насчетъ враждебныхъ намѣреній Порты противъ насъ, то, покуда они дойдутъ до насъ, что̀ не можетъ замедлить, можно ограничиться въ настоящую минуту слѣдующими мѣрами, которыя, по моему, однѣ могутъ предупредить опасности запоздалаго вступленія въ Молдавію, остановить приготовленія турокъ и сбить на время ихъ коварные планы.— 1) Такъ какъ на турокъ ничѣмъ нельзя подѣйствовать, кромѣ страха, какъ это уже замѣчено, то нужно, чтобъ генер. Михельсонъ немедленно сдѣлалъ враждебную демонстрацію, подойдя какъ можно ближе къ Днѣстру и придавъ этому нѣкоторую гласность, даже не скрывая, что онъ ждетъ приказанія вступить въ Молдавію, если Порта не поворотитъ назадъ своихъ войскъ, направляющихся къ Дунаю. — Но генер. Михельсонъ вступитъ единственно лишь въ томъ случаѣ, когда получитъ положительное извѣщеніе о переходѣ сколько-нибудь значительнаго отряда турецкихъ войскъ въ Молдавію или Валахію. Въ такомъ случаѣ, чтобы не дать непріятелю собрать большихъ силъ въ обоихъ княжествахъ и завладѣть приготовленными тамъ магазинами, генер. Михельсонъ долженъ немедленно перейти границу и двинуться къ Дунаю, занявъ также и Валахію и не останавливаясь на желаніи взять Хотинъ. — Инструкціи, которыя, по моему, слѣдуетъ дать генералу, указаны въ прилагаемомъ проектѣ рескрипта.—2) Такъ какъ г. Италинскому уже извѣстны

instruit des intentions de V. M. I. relativement à la reconnaissance, communiquera à la Porte les motifs qui ont déterminé V. M. à se relâcher sur ce point. Il demandera en même temps que la Porte se borne à cette première complaisance envers Bonaparte et surtout qu'elle donne contre-ordre à ses troupes, si non S. M. l'E-r, pour le bien des deux empires, se verra forcée d'occuper les deux principautés non pour en faire la conquête, mais pour aider la Porte à recouvrer son indépendance. A cette accasion m-r d'Italinsky renouvellerait de la manière la plus positive les assurances de l'intérêt que S. M. I. prend à la conservation de l'empire Ottoman. Cette démarche produira probablement l'effet désiré, vu qu'elle sera secondée par la crainte qu'inspireront les mouvements de l'armée du Dniestre. Le projet de rescrit ci-annexé renferme les instructions, dont il me paraît convenable de munir dans cette occasion m. d'Italinsky. Pour plus de sûreté on pourrait aussi faire passer une somme d'argent à m. d'Italinsky pour en faire usage selon les circonstances. Si les troupes russes devaient entrer en Moldavie, elles seraient précédés d'un manifeste analogue à la circonstance.

Pétersbourg. Ministère, 1806, ad 7. Подлинникъ.

намѣренія вашего и. в-ва относительно признанія титула, то онъ сообщитъ Портѣ причины, которыя побудили ваше и. в-во уступить въ этомъ отношеніи. Въ то же время онъ потребуетъ, чтобы Порта ограничилась этимъ первымъ снисхожденіемъ къ Бонапарту; въ особенности, чтобы она отмѣнила приказаніе своимъ войскамъ, не то его в-во и-ръ вынужденъ будетъ, для блага обѣихъ имперій, занять оба княжества, не ради завоеванія ихъ, но чтобы помочь Портѣ возвратить независимость. По этому поводу г. Италинскій возобновитъ самымъ положительнымъ образомъ увѣренія, что его и. в-во принимаетъ большое участіе въ сохраненіи Оттоманской имперіи. По всей вѣроятности, этотъ поступокъ произведетъ желаемое дѣйствіе, такъ какъ его поддержитъ страхъ, внушенный движеніями днѣстровской арміи. Приложенный здѣсь проектъ рескрипта заключаетъ инструкціи, которыми, мнѣ кажется, слѣдуетъ снабдить въ этомъ случаѣ г. Италинскаго. Для бо̀льшей безопасности можно бы также передать г. Италинскому сумму денегъ, чтобы распорядиться ею, смотря по обстоятельствамъ. Еслибы русскія войска должны были вступить въ Молдавію, имъ слѣдовало бы предпослать манифестъ, приличный этому случаю.

№ 87. — Рескриптъ Италинскому.

24 février (8 mars) 1806.

Par les communications, qui tous ont été adressées en dernier lieu par mon ministère, vous aurez été instruit du point de vue sous lequel j'ai envisagé dans ce moment-ci la reconnaissance du titre impérial de Bonaparte par la sublime Porte avant même d'avoir été instruit qu'elle s'y est portée en effet. Vous n'aurez pas tardé sans doute à faire connaître au ministère Ottoman combien je suis éloigné de vouloir attirer des embarras réels au sultan Sélim pour un objet de cette nature, qui dans la conjoncture actuelle ne saurait plus être de la même importance; et je suppose que cette démarche de votre part aura parfaitement tranquillisé la Porte sur les appréhensions qu'a pu produire sur elle le contenu de votre note du 23 janvier (6 février). — Mais si je crois pouvoir me relâcher sur ce point, il ne faut pas que le ministère Ottoman croie qu'il en sera de même sur les autres prétentions que le gouvernement français ne manquera pas d'élever après avoir cru obtenir un premier avantage et dont le résultat ne pourrait être qu'un asservissement parfait du divan aux volontés de Bonaparte. Un pareil ordre de choses ne pouvant convenir ni à la Russie, ni à la Porte Ottomane, je vous

---

24 февраля (8 марта) 1806.

Изъ послѣднихъ сообщеній, отправленныхъ вамъ моимъ министерствомъ, вы, конечно, познакомились съ моимъ взглядомъ въ настоящую минуту на признаніе высокой Портой императорскаго титула Бонапарта, прежде даже, нежели я узналъ, что она дѣйствительно это сдѣлала. Вы, конечно, не замедлили сообщить оттоманскому министерству, какъ я далекъ отъ намѣренія поставить султана Селима въ затруднительное положеніе изъ-за подобнаго дѣла, которое при теперешнихъ обстоятельствахъ уже не имѣетъ того значенія, и я надѣюсь, что этотъ шагъ съ вашей стороны совершенно успокоитъ Порту насчетъ опасеній, которыя вызвало въ ней содержаніе вашей ноты отъ 23 января (6 февраля).—Но если я могу уступить въ этомъ дѣлѣ, то пусть оттоманское министерство не думаетъ, что я отнесусь такъ же и къ другимъ притязаніямъ, которыя французское правительство не замедлитъ предъявить, вообразивъ, что оно уже добилось одной уступки; а слѣдствіемъ ихъ будетъ лишь полное порабощеніе дивана волѣ Бонапарта. Но такъ какъ подобный порядокъ вещей не удобенъ ни Россіи, ни Оттоманской Портѣ, то я поручаю вамъ увѣрить министерство его величества самымъ положительнымъ образомъ,

charge d'assurer le ministère de sa hautesse de la manière la plus positive, que je n'ai jamais varié dans mes dispositions envers l'empire Ottoman, dont je suis prêt à devenir le défenseur contre toute aggression étrangère; qu'à cet effet j'ai une armée de 100,000 hommes sur les frontières de Moldavie toute prête à voler au secours du sultan Sélim et à se rendre sur tel point de son empire qui serait attaqué. En même temps vous ferez connaître que puisque pour la sûreté même de mes états je ne pourrai consentir à ce que la Porte se mette dans une dépendance absolue du gouvernement français, surtout après les preuves multipliées d'intérêt et de désintéressement que je n'ai cessé de donner à sa hautesse. Je me crois en droit de demander qu'elle se borne à la reconnaissance du titre impérial de Bonaparte, en prenant la ferme résolution de décliner toute autre prétention quelconque. Vous ajouterez enfin qu'ayant appris que la Porte rassemble des troupes en Romélie et en Bessarabie et qu'elle fait divers autres préparatifs de ce genre et qui sont évidemment dirigés contre mon empire, je veux bien croire que ce ne sont que des mesures de précaution qu'elle a jugé devoir prendre à la suite de la note précitée que vous lui avez remise; mais que j'espère aussi qu'après la connaissance que vous aurez donné au ministère ottoman de ma manière de penser sur l'objet en question, la Porte se sera empressée de révoquer ses ordres et portera son attention vers les fron-

---

что я никогда не измѣнялъ своихъ чувствъ къ Оттоманской имперіи и готовъ быть ея защитникомъ отъ всякаго чужеземнаго нападенія; что съ этой цѣлью у меня есть войско въ 100,000 человѣкъ на границахъ Молдавіи, готовое летѣть на помощь султана Селима и явиться въ томъ мѣстѣ его имперіи, которое подвергнется нападенію. Въ то же время вы заявите, что такъ какъ, уже ради безопасности собственнаго государства, я не могу согласиться на полную зависимость Порты отъ французскаго правительства, въ особенности послѣ многократныхъ доказательствъ участія и безкорыстія, которыя я не переставалъ давать его величеству, я считаю себя въ-правѣ требовать, чтобы онъ ограничился признаніемъ императорскаго титула Бонапарта и твердо рѣшился бы отклонить какія бы то ни было другія притязанія. Наконецъ вы прибавите, что, узнавъ, что Порта собираетъ войско въ Румеліи и Бессарабіи и дѣлаетъ различныя другія приготовленія въ этомъ родѣ, очевидно, направленныя противъ моей имперіи, я готовъ вѣрить, что это лишь мѣры предосторожности, которыя она сочла нужнымъ принять вслѣдствіе вышеупомянутой ноты, которую вы ему передали, но что я надѣюсь также, что послѣ вашего сообщенія оттоманскому министерству о моемъ образѣ мыслей насчетъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь, Порта поспѣшитъ отмѣнить свои приказанія и направитъ свое вниманіе на западныя границы имперіи, которыя однѣ находятся

tières occidentales de l'empire qui sont les seules menacées et qui réclament exclusivement toute sa vigilence. — Si contre toute attente le résultat de vos démarches à la suite des dépêches qui vous ont été adressées le 18 du courant, n'avait pas été à cet égard tel que je le présume, je vous charge de demander sans délai que la Porte fasse donner contre-ordre aux troupes qu'elle fait marcher sur le Danube, et vous déclarerez que dans le cas contraire, je considèrerai ces préparatifs comme dénotant des vues hostiles contre moi, vu qu'ils ne peuvent être nécessaires comme mesures de sûreté après ma conduite constante vis-à-vis du sultan, l'alliance récente qui nous lie et la déclaration que contient le présent rescrit. Par une suite de la conviction dans laquelle je devrai être que les intentions de la Porte ne sont conformes ni à ses intérêts, ni aux miens, mon armée du Dniestre entrera incessamment en Moldavie non pour en faire la conquête, car il me serait bien pénible d'être forcé à agir hostilement contre l'empire Ottoman; mais uniquement pour me mettre en garde contre toute agression dirigée par la France et pour rendre à la Porte son indépendance, parce qu'il me sera impossible d'attribuer ses démonstrations militaires contre moi à d'autres causes qu'à la crainte que lui aura inspiré le gouvernement français. — Vous préviendrez le ministère ottoman que l'entrée de mon armée en Moldavie aura également lieu, s'il se laissait entraîner à quelque nouvelle complaisance

---

въ опасности и требуютъ ея исключительной бдительности.—Если, сверхъ всякаго ожиданія, ваши дѣйствія, согласно депешамъ, отправленнымъ вамъ 18 числа текущаго мѣсяца, не будутъ имѣть въ этомъ отношеніи желаемыхъ послѣдствій, я поручаю вамъ потребовать отъ Порты безотлагательно, чтобы она отмѣнила походъ войскъ на Дунай; и вы объявите, что въ противномъ случаѣ я буду считать эти приготовленія за проявленіе враждебныхъ намѣреній противъ меня, такъ какъ они вовсе ненужны какъ предохранительныя мѣры послѣ моего неизмѣннаго поведенія относительно султана, недавно соединившаго насъ союза и заявленія, которое содержится въ настоящемъ рескриптѣ. Если я приду къ убѣжденію, что намѣренія Порты не соотвѣтствуютъ ни ея, ни моимъ интересамъ, то моя днѣстровская армія немедленно войдетъ въ Молдавію, не для завоеванія страны—мнѣ было бы тяжело быть вынужденнымъ дѣйствовать враждебно противъ Оттоманской имперіи,—но единственно, чтобы защищаться противъ всякаго нападенія, подготовленнаго Франціей, и чтобы возвратить Портѣ ея независимость: вѣдь я не могу же приписать ея военныя демонстраціи противъ меня другимъ причинамъ, кромѣ страха передъ французскимъ правительствомъ.—Вы предупредите оттоманское министерство, что моя армія вступитъ въ Молдавію также и въ томъ случаѣ, если оно согласится еще на какую-нибудь новую уступку Бонапарту, противную договорамъ

envers Bonaparte, laquelle serait contraire aux traités et intérêts réciproques des deux empires, s'il se permettrait de faire tel changement dans l'état actuel de choses en Moldavie et en Valachie sans s'être au préalable concerté avec mon ministère; en un mot, vous ferez sentir que je suis intentionné de m'en tenir scrupuleusement aux différentes stipulations existantes entre nous, et que je m'attends à une conduite analogue de la part du sultan Sélim. — Aussitôt que vous aurez obtenu des réponses satisfaisantes aux représentations que je vous charge de faire, et que vous aurez lieu d'être persuadé que la révocation des préparatifs militaires contre mon empire a eu lieu en effet, vous en ferez part sans perte de temps à mon ministère. Dans le cas contraire et surtout si la Porte pouvait persister un seul instant dans ses préparatifs hostiles contre moi et ne faisait pas rebrousser immédiatement les renforts précités pour les employer là où l'ennemi commun nous menait, vous mettrez la même diligence à m'en informer et vous aurez soin en même temps d'en donner avis aux commandants de mes forces de terre et de mer tant sur le Dniestre qu'à Carfou, dans la mer Noire et en Perse, lesquels agiront dès lors d'après les instructions éventuelles dont ils sont munis.

Pétersbourg. Ministère, 1806, ad 7. Подлинникъ.

и взаимнымъ интересамъ обѣихъ имперій, и если оно позволитъ себѣ сколько-нибудь измѣнить настоящее положеніе дѣлъ въ Молдавіи и Валахіи, не посовѣтовавшись предварительно съ моимъ министерствомъ. Словомъ, вы дадите понять, что я намѣренъ строго держаться различныхъ договоровъ, заключенныхъ между нами, и что я ожидаю подобнаго же поведенія со стороны султана Селима.—Какъ только вы получите удовлетворительные отвѣты на заявленія, которыя я поручаю вамъ сдѣлать, и убѣдитесь, что военныя приготовленія противъ моей имперіи дѣйствительно отмѣнены, то немедленно донесите объ этомъ моему министерству. Въ противномъ случаѣ, и въ особенности если Порта хоть на минуту вздумаетъ упорствовать въ своихъ враждебныхъ приготовленіяхъ противъ меня и не отзоветъ немедленно упомянутыхъ выше подкрѣпленій, чтобы отправить ихъ туда, гдѣ намъ грозитъ общій врагъ, вы также поспѣшно увѣдомите меня объ этомъ и одновременно извѣстите объ этомъ военачальниковъ моихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ на Днѣстрѣ, на Корфу, въ Черномъ морѣ и Персіи; а они уже будутъ тогда поступать согласно съ предварительно полученными ими инструкціями.

№ 88.—Рескриптъ генералу Михельсону.

24 февраля (8 марта) 1806.

Дошедшія до насъ извѣстія о признаніи Портою императорскаго титула Бонапарте, равно и о военныхъ приготовленіяхъ со стороны турковъ, вслѣдъ за онымъ чинимыхъ, побудили насъ предписать посланнику нашему въ Константинополѣ, чтобы онъ истребовалъ нужныя по сему отношенію объясненія. Мы повелѣли товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторыскому, сообщить вамъ во всей подробности данныя посланнику Италинскому наставленія. Изъ оныхъ вы усмотрите, что ему поручено удержать сколь есть возможность Порту въ системѣ союза съ Россіею, успокоивъ ее насчетъ покушенія съ нашей стороны на ея предѣлы. Вамъ же поручаю извѣщать меня подробно о извѣстіяхъ, которыя будутъ доходить къ вамъ съ границы.

Pétersbourg. Ministère, 1806, ad 7. Подлинникъ.

№ 89.—Докладъ Чарторижскаго.

24 февраля (8 марта) 1806.

Генеральный консулъ Болкуновъ въ отношеніи своемъ отъ 4 февраля доноситъ о неоднократно повторенномъ желаніи князя Ипсилантія имѣть знающаго русскаго оберъ-офицера для сформированія корпуса его, и что онъ во уваженіе сего представленія отнесся по предмету сему къ генералу-отъ-кавалеріи барону Мейендорфу. Находя полезнымъ удовлетворить просьбу волошскаго господаря, тѣмъ болѣе что исполненіе оной можетъ быть сдѣлано безъ малѣйшей огласки посредствомъ секретнаго предписанія къ главнокомандующему днѣстровскою арміею, представляю на благоусмотрѣніе в. и. в-ва, не угодно-ли будетъ приказать мнѣ сообщить оному генералу выбрать одного изъ неслужащихъ офицеровъ, а если такового не найдется, то хотя унтеръ-офицера, который бы знающъ былъ въ тамошнемъ языкѣ, и отправить онаго къ генеральному консулу Болкунову въ Яссы для дальнѣйшаго препровожденія.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 8. Подлинникъ.

№ 90.—Докладъ Чарторижскаго.

26 февраля (10 марта) 1806.

В. и. в-ву благоугодно было апробовать всеподданнѣйшее мое представленіе относительно образа доставленія впредь къ в. в-ву министерскихъ донесеній, съ почтою и курьерами здѣсь получаемыхъ. — А какъ почти всѣ таковыя бумаги со дня возвращенія вашего сюда по день сего вновь утвержденнаго распоряженія находятся у в. в-ва, то и осмѣливаюсь испрашивать о всемилостивѣйшемъ приказаніи доставить оныя ко мнѣ, изъ коихъ если найдутся требующія высочайшаго разрѣшенія, то я не преминую поднести на благоусмотрѣніе ваше.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 9. Подлинникъ.

№ 91.—Докладъ Чарторижскаго.

8/20 mars 1806.

La situation actuelle de l'Europe est tellement embrouillée, la conduite de divers états si énigmatique que non-seulement l'opinion publique est égarée, mais même qu'à bien des égards l'opinion particulière des cabinets manque de données sûres pour se fixer. — On ne saurait mettre en oeuvre assez de moyens pour redresser la première et pour se procurer des notions propres à éclairer la seconde. — Il est évident que les écrivains bien pensants, qui se sont consacrés à la politique, doivent être comptés parmi les moyens les plus efficaces pour remplir ce double but. — Plusieurs hommes de lettres tant au service des autres puissances qu'à celui de la Russie lui ont offert les fruits de leurs recherches et de leurs méditations. Ces travaux qui par l'esprit de vérité qui les a

---

8/20 марта 1806.

Положеніе Европы въ настоящую минуту до того запутано, поведеніе различныхъ государствъ до того загадочно, что не только общественное мнѣніе блуждаетъ въ потемкахъ, но даже во многихъ отношеніяхъ и частное сужденіе кабинетовъ не имѣетъ достаточныхъ данныхъ, чтобы установиться. Нужно пустить въ ходъ всевозможныя средства, чтобы исправить первое и добыть свѣдѣнія, способныя прояснить второе.—Очевидно, что благомыслящіе писатели, посвятившіе себя политикѣ, должны быть отнесены къ самымъ надежнымъ средствамъ, чтобы выполнить эту двойную цѣль. — Многіе литераторы, находящіеся на службѣ какъ другихъ державъ, такъ и Россіи, предло-

dictés, seront un jour les vrais matériaux de l'histoire, offrent dès à présent l'avantage d'une influence salutaire sur l'opinion publique et même celui de présenter parfois des idées mêmes ou des notions, dont notre cabinet peut se servir ou qui peuvent le guider dans sa marche. — Parmi les plus distingués entre ces écrivains on compte m. Gentz; partisan enthousiaste de la bonne cause et ennemi de la révolution ainsi que de l'ordre de choses non moins funeste, qui l'a remplacé en France; il ne cesse, depuis qu'il écrit, de signaler la politique subversive des français et leurs vues désastreuses. Il vient d'envoyer un mémoire sur l'administration de l'Autriche pendant la dernière campagne. Il ne demande aucune rétribution pour le moment, mais en attendant et en lui faisant connaître qu'on apprécie ses talents, on pourrait le prier d'envoyer de temps en temps le résultat de ses observations sur la situation générale de l'Europe et patriculièrement ses idées sur les moyens de former à Vienne une administration vigoureuse et de relever l'Autriche de son abattement. M. Müller, placé depuis longtemps au premier rang des historiens allemands, a envoyé à V. M. I. ses ouvrages sur la Suisse et un mémoire sur la situation de l'Europe. Pour le premier objet il lui est dû une rétribution, et il me semblerait convenable de lui envoyer une somme de 600 ducats, en le priant de nous faire parvenir de temps en temps des mémoires sur les affaires générales aussi bien que sur la

---

жили ей плоды своихъ изысканій и размышленій. Эти труды, проникнутые и внушенные духомъ истины, сдѣлаются современемъ настоящими источниками исторіи; теперь они представляютъ то преимущество, что могутъ спасительно дѣйствовать на общественное мнѣніе, а иногда и высказывать даже мысли и свѣдѣнія, которыми можетъ пользоваться или руководствоваться въ своихъ дальнѣйшихъ поступкахъ нашъ кабинетъ.—Однимъ изъ самыхъ выдающихся среди этихъ писателей считается г. Генцъ, восторженный приверженецъ праваго дѣла и врагъ революціи, также какъ и того гибельнаго порядка вещей, который смѣнилъ ее во Франціи; онъ не перестаетъ указывать, съ тѣхъ поръ какъ пишетъ, на разрушительную политику французовъ и на ихъ зловредныя намѣренія. Онъ только-что прислалъ записку объ управленіи въ Австріи въ послѣднюю войну. Покуда онъ не требуетъ никакого вознагражденія, но немного погодя можно дать ему понять, что цѣнятъ его талантъ, и попросить его присылать отъ времени до времени результаты его наблюденій надъ общимъ положеніемъ Европы и въ особенности его взгляды на способы составить въ Вѣнѣ сильное правительство и поднять духъ Австріи. Г. Миллеръ, давно занимающій первое мѣсто среди нѣмецкихъ историковъ, послалъ вашему и. в-ву свои работы о Швейцаріи и записку о положеніи Европы. За первый трудъ ему слѣдуетъ дать вознагражденіе, и, мнѣ кажется,

situation de la Prusse et de continuer, comme il l'a fait jusqu'ici, à diriger l'esprit public à Berlin par ses écrits. — Ces écrivains sont les principaux entre ceux d'Allemagne, dont l'esprit et les principes, conformes aux vues de V. M., peuvent les servir par l'influence de leurs ouvrages sur l'opinion publique, aujourd'hui plus que jamais en possession d'influer elle-même sur les cabinets. — L'exemple des encouragements que V. M. leur accorderait et du soutien qu'ils trouveraient en elle, si leur zèle pour la bonne cause leur attirait des désagréments, exciterait et enhardirait à leur imiter un grand nombre de talents, dont les efforts réunis parviendraient à dissiper enfin les erreurs et les préventions dont les français remplissent l'Europe. — Des honoraires peu considérables, de légers sacrifices d'argent proportionnés au mérite des productions, suffiraient pour en régulariser l'envoi et en faciliter la publication. — Parmi les hommes de talent qui méritent les encouragements de V. M., je ne crois point devoir omettre le c-te d'Antraigues, dont les moyens et l'activité sont assez constatés par ses ouvrages et par la correspondance qu'il a entretenue avec moi. — Rien ne saurait animer son zèle pour le service de V. M. comme l'accueil gracieux qu'elle daignerait faire à sa demande d'agréer la dédicace de son nouvel ouvrage intitulé Histoire de Louis XI, en lui prescrivant toutefois d'en envoyer préalablement ici une copie ou un exemplaire avant de le faire paraître, afin que V. M.

прилично было бы послать ему 600 дукатовъ съ просьбою присылать намъ отъ времени до времени записки объ общихъ дѣлахъ, а также о положеніи Пруссіи, продолжая, какъ до сихъ поръ, исправлять общественное мнѣніе Берлина своими сочиненіями. — Это главные писатели Германіи, которые по своему уму и принципамъ, согласнымъ съ намѣреніями вашего в-ва, могутъ быть имъ полезны, благодаря вліянію ихъ трудовъ на общественное мнѣніе; а оно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, способно само вліять на кабинеты. — Примѣръ поощренія, оказанный вашимъ в-вомъ, и поддержка, которую они нашли бы въ васъ въ случаѣ, еслибы ихъ усердіе къ правому дѣлу навлекло на нихъ непріятности, возбудили бы охоту и смѣлость подражать имъ во многихъ талантливыхъ писателяхъ; а ихъ соединеннымъ усиліямъ удалось бы, наконецъ, разсѣять заблужденія и предвзятые взгляды, которые французы распространяютъ въ Европѣ. — Незначительной платы, легкой жертвы деньгами, сообразной съ достоинствами произведеній, было бы достаточно для того, чтобы устроить ихъ правильное полученіе и облегчить ихъ печатаніе.— Въ числѣ даровитыхъ людей, заслуживающихъ поощренія вашего и. в-ва, я считаю долгомъ указать на гр. д'Антрэга, способности и дѣятельность котораго достаточно подтверждаются его трудами и его перепиской со мною. — Ничто не возбудило бы такъ его ревности къ служенію его в-ву, какъ милостивое

puisse juger s'il lui convient que son nom se trouve à la tête de l'ouvrage. V. M. pourrait joindre à cette faveur comme une marque de sa satisfaction pour ses services passés une bague de la valeur de 1500 roubles. — Il vient de représenter que la prolongation de son séjour à Dresde pourra faire renaître la demande de Bonaparte de l'éloigner de cette ville et qu'il serait peut-être par cette raison préférable de l'employer ailleurs. — Comme il a des liaisons intéressantes à Londres, il pourrait s'y rendre, mais la vie y étant, comme dans tout le royaume, excessivement chère, ne serait-il pas conforme aux intentions de V. M. de lui accorder en sus de ses appointements actuels un traitement secret, qui fasse monter ses émoluments pendant son séjour en Angleterre à 1500 ducats. — M. d'Antraigues serait chargé d'envoyer tous les mois ou plus souvent, s'il le pouvait, un mémoire sur la situation de l'Angleterre et un autre sur celle de l'Europe en général. De plus m. d'Antraigues devrait fournir un mémoire sur la manière la plus convenable de relever la monarchie Autrichienne. — L'établissement qu'on lui ferait en Angleterre, en lui formant un sort agréable, remplirait une partie des engagements qu'on a pris envers lui à son entrée au service. — Le duc de Brunswick ayant témoigné le désir d'avoir près de soi m-r le marquis de la Maisonfort, je dois soumettre à V. M. I., si dans les circonstances actuelles elle voudra l'y placer à titre d'agent ou de simple voyageur

---

согласіе на его просьбу принять посвященіе его новаго труда подъ заглавіемъ „Исторія Людовика XI"; во всякомъ случаѣ нужно потребовать отъ него, чтобы онъ предварительно прислалъ сюда копію или одинъ экземпляръ до выхода книги, чтобы ваше в-во могли судить, насколько прилично вашему имени красоваться во главѣ труда. Ваше в-во могли бы присоединить къ этой милости, въ знакъ благодарности за его прошлыя услуги, перстень въ 1,500 р. Онъ заявляетъ, что продолженіе его пребыванія въ Дрезденѣ можетъ снова вызвать требованіе Бонапарта удалить его изъ этого города, и что поэтому, можетъ быть, лучше было бы послать его въ другое мѣсто. — Такъ какъ у него есть интересныя связи въ Лондонѣ, то онъ могъ бы отправиться туда; но жизнь тамъ, какъ и во всемъ королевствѣ, чрезвычайно дорога, и поэтому не угодно-ли было бы вашему в-ву даровать ему, сверхъ его настоящаго жалованья, тайное содержаніе, которое увеличило бы его доходы на 1,500 дукатовъ во время его пребыванія въ Англіи. — Г. д'Антрэгъ обязанъ былъ бы присылать ежемѣсячно, или, если можно, чаще, одну записку о положеніи Англіи, а другую—о положеніи Европы вообще. Сверхъ того г. д'Антрэгъ долженъ представить записку о самомъ лучшемъ способѣ поднять австрійскую имперію.—Устроивъ ему такимъ образомъ въ Англіи пріятную жизнь, мы исполнили бы отчасти обязательства, принятыя относительно него при его поступ-

et quel traitement elle voudra lui accorder. — M. Piattoli pourrait d'un autre côté continuer à nous donner ses informations d'après le plan, qui lui a été tracé et auquel on est redevable de renseignements assez intéressants pour donner un exemple de l'utilité qu'on peut retirer de pareilles correspondances. Il s'occupe actuellement d'un ouvrage plus étendu, qui d'après le plan qu'il en a envoyé, devra influer considérablement sur l'opinion publique. — Tous ces écrivains auraient la commission de publier tant dans les ouvrages périodiques, que sous la forme d'imprimés séparés des articles et des réflexions modérées et analogues aux principes que la Russie professe, afin de diriger par ce moyen l'opinion publique.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 11. Подлинникъ.

№ 92. — Докладъ Чарторижскаго.

5/17 avril 1806.

M. d'Italinsky rapporte en date du 2/14 mars, que le général Lacy est arrivé à Constantinople avec une partie des troupes sous ses ordres et que l'on y attendait également un autre transport de ces mêmes troupes, qui retournent dans les ports de la mer Noire en con-

---

леніи на службу. — Герцогъ Брауншвейгскій выразилъ желаніе имѣть при своемъ дворѣ маркиза Мезонфора, и поэтому я долженъ представить вашему и. в-ву, желаете-ли вы при настоящихъ обстоятельствахъ отправить его туда въ качествѣ агента или простого путешественника и какое назначите ему жалованье. — Съ другой стороны, г. Піатоли могъ бы продолжать сообщать намъ свои свѣдѣнія по плану, который ему былъ намѣченъ и которому мы обязаны довольно интересными свѣдѣніями; они могутъ служить примѣромъ того, какую пользу можно извлечь изъ подобныхъ сообщеній. Теперь онъ занимается болѣе обширнымъ трудомъ; судя по присланному имъ плану, онъ долженъ будетъ значительно повліять на общественное мнѣніе.—Всѣмъ этимъ писателямъ слѣдуетъ поручить обнародовать, какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и отдѣльными брошюрами, статьи и умѣренныя размышленія, на основаніи принциповъ, которые признаетъ Россія, и такимъ образомъ направлять общественное мнѣніе.

5/17 апрѣля 1806.

Г. Италинскій доноситъ отъ 2/14 марта, что генер. Ласи пріѣхалъ въ Константинополь съ частью войскъ, состоящихъ подъ его командой, и что

formité des ordres, qui furent adressés à m. de Lacy le 24 novembre dernier. — Il paraît certain que les instructions subséquentes, envoyées à ce général le 8 février et d'après lesquelles il devait rester à Corfou avec la totalité des troupes sous son commandement, ne lui sont point parvenues. — Ce contre-temps, fâcheux sous tous les rapports, aurait pu être prévenu sans doute, si dès le commencement de février on avait envoyé à Constantinople, ainsi qu'il fut proposé, les *duplicata* des instructions ci-dessus, avec ordre au général Lacy de retourner à Corfou. — Mais puisque le mal est fait, on ne s'attachera qu'à représenter les moyens, qui paraissent les plus propres à y remédier, en indiquant en même temps les conséquences funestes, qui selon toutes les probabilités résulteraient de la continuation du rôle passif que la Russie paraît vouloir jouer, dans les évènements qui se préparent vers l'Orient. — Les français, profitant du prétexte que leur fournit l'occupation de Cattaro et de la faiblesse du corps russe à Corfou, ne tarderont pas d'attaquer ce dernier poste, soit du côté de l'Albanie, soit en faisant passer quelques troupes de Barlette, de Manfredonia ou de tel autre port du royaume de Naples sur l'Adriatique. — Supposons que les troupes de s. m. i., pourront se concentrer à Corfou même, dont les fortifications sont en bon état, et à l'aide des escadres alliées se soutenir pendant quelque temps. Il n'en est pas moins à craindre qu'à la longue elles ne pour-

---

тамъ ожидаютъ опять другого транспорта тѣхъ же войскъ, возвращающихся въ порты Чернаго моря согласно приказаніямъ, полученнымъ г. Ласи 24 ноября прошлаго года.—Кажется, несомнѣнно, что послѣдующія наставленія, посланныя этому генералу 8 февраля и повелѣвавшія ему остаться въ Корфу со всѣми войсками, состоящими подъ его командой, не дошли до него. — Эту неудачу, непріятную во всѣхъ отношеніяхъ, можно было бы, конечно, предупредить, еслибы съ начала февраля послали въ Константинополь, какъ и было предложено, *дубликаты* вышеупомянутыхъ инструкцій съ приказаніемъ ген. Ласи возвратиться въ Корфу.—Но разъ уже бѣда случилась, нужно стараться изыскать средства, наиболѣе способныя помочь горю, указавъ въ то же время пагубныя послѣдствія, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, произойдутъ отъ пассивной роли, которую Россія, повидимому, хочетъ играть въ событіяхъ, готовящихся на востокѣ.—Французы, навѣрное, воспользуются предлогомъ, который доставитъ имъ занятіе Каттаро, и слабостью русскаго отряда въ Корфу, чтобы напасть на этотъ послѣдній постъ или со стороны Албаніи, или переправивъ кое-какія войска изъ Барлета, Манфредоніи или другого какого порта Неаполитанскаго королевства на Адріатическомъ морѣ.—Допустимъ, что войска его в-ва будутъ въ состояніи сосредоточиться въ самомъ Корфу, который хорошо укрѣпленъ, и при помощи союзныхъ эскадръ продержатся тамъ нѣко-

ront résister à une supériorité marquée du nombre des ennemis et qu'elles seront obligées de se rendre. Le mal serait alors sans remède. De plus, la diversion qu'effectueraient les français de ce côté, en occupant la majorité de l'escadre russo-anglaise, leur laisserait le champ libre pour s'emparer de la Sicile, dont la possession entraînerait nécessairement une supériorité marquée dans la Méditerranée en faveur des français. — Maîtres de ce royaume, ainsi que des Sept-Iles, rien n'arrêterait plus l'éxécution de leurs projets sur la Morée et la Turquie en général. Ils n'auront qu'à vouloir, et Constantinople est à eux avant trois mois. Les grecs, les monténégrins et tous les autres peuples chrétiens de ces contrées, sans en excepter même les serviens, s'empresseront de suivre la bannière des français, qu'ils envisageront dorénavant comme leurs libérateurs, tandis que l'espoir qu'ils fondaient de tous temps sur la Russie, s'évanouira pour toujours. — Il paraît donc instant de prévenir un pareil état de choses, dont les résultats funestes seraient incalculables. D'ailleurs l'intégrité de la république des Sept-Iles a été formellement garantie par l'article I de la convention du 21 mars 1800 et par l'art. IV du traité d'alliance, qui vient d'être renouvelé. (Voy. la copie ci-jointe de cet article). — La cour de Naples, si intéressante par ses infortunes, ainsi que par la loyauté qu'elle a déployée dans l'exécution de ses engagements envers la Russie, n'attend son salut et la conserva-

---

торое время. Тѣмъ не менѣе можно опасаться, что въ концѣ-концовъ они не будутъ въ состояніи сопротивляться значительно болѣе многочисленному врагу и принуждены будутъ сдаться. Тогда бѣда была бы непоправима. Сверхъ того, диверсія, которую французы могутъ предпринять съ этой стороны, займетъ бо́льшую часть англо-русской эскадры, и тогда они могутъ свободно завладѣть Сициліей; а обладаніе ею неизбѣжно дастъ французамъ значительный перевѣсъ въ Средиземномъ морѣ. — Разъ они завладѣютъ этимъ королевствомъ, а также Семью Островами, то уже ничто не помѣшаетъ имъ выполнить ихъ планы насчетъ Мореи и вообще Турціи. Имъ стоитъ захотѣть — и не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ Константинополь будетъ ихъ собственностью. Греки, черногорцы и всѣ прочіе христіанскіе народы этихъ странъ, не исключая даже сербовъ, бросятся подъ французскія знамена и съ той поры будутъ смотрѣть на французовъ какъ на своихъ избавителей, а надежда, которую они съ давнихъ поръ возлагали на Россію, исчезнетъ навсегда.—Поэтому возникаетъ необходимость предупредить подобное положеніе дѣлъ, которое повлекло бы за собой безчисленное множество пагубныхъ послѣдствій. Къ тому же неприкосновенность республики Семи Острововъ была формально обезпечена статьей 1-ой конвенціи 21 марта 1800 г. и статьей IV союзнаго договора, который только-что возобновленъ (см. прилагаемый здѣсь списокъ

tion de son dernier azile que de la magnanimité de S. M. I. — Enfin les troupes russes restées à Corfou, réclament également la sollicitude paternelle de leur Auguste Souverain, qui, en abandonnant cette poignée de braves militaires, les sacrifierait en pure perte. — Toutes ces considérations, dont l'importance n'est certainement pas équivoque, paraissent ne laisser d'autre parti à prendre que de renvoyer incessamment un corps de troupes aux Sept-Iles. Toute autre détermination ne saurait produire l'effet désiré. — En conséquence l'on propose de donner ordre sans délai de tenir 15 à 20,000 hommes prêts à être embarqués dans les ports de la mer Noire. Ces troupes amèneraient avec elles des provisions de bouche pour 5 mois au moins et une certaine quantité de munitions de guerre en sus de ce qu'il leur faudra pour elles-mêmes, afin de les faire passer aux monténégrins et autres peuples, qui seront dans le cas de se défendre contre les français. Le général commandant en chef aurait à sa disposition une somme d'argent suffisante pour subvenir aux dépenses extraordinaires. — La Porte serait prévenue sans perte de temps de ce nouvel envoi de troupes. M. d'Italinsky, en lui en faisant la notification, exposerait conformement à la plus stricte vérité: „que l'ordre de ramener la majorité des troupes de S. M. en Russie avait été expédié au gén. Lacy bien avant le traité de Presbourg; qu'alors il devait paraître suffisant de ne laisser qu'une simple garnison à

этой статьи). — Неаполитанскій дворъ, возбуждающій такое сочувствіе, благодаря своимъ несчастіямъ и честности, которую онъ обнаружилъ при исполненіи своихъ обязательствъ относительно Россіи, ожидаетъ своего спасенія и сохраненія своего послѣдняго пристанища лишь отъ великодушія его и. в-ва.— Наконецъ и русскія войска, оставшіяся въ Корфу, также требуютъ отеческой заботливости отъ своего августѣйшаго государя, который, покинувъ ихъ, совершенно безполезно пожертвовалъ бы этой горстью храбрыхъ воиновъ.—Всѣ эти соображенія, важность которыхъ, конечно, нельзя оспаривать, приводятъ, кажется, къ единственному рѣшенію — къ немедленной отправкѣ войска на Семь-Острововъ. Никакой другой шагъ не произвелъ бы желаемаго дѣйствія.— Итакъ предлагается немедленно дать приказъ, чтобы 15—20 тысячъ человѣкъ были готовы къ посадкѣ въ портахъ Чернаго моря. Пусть эти войска возьмутъ со собой съѣстныхъ припасовъ по крайней мѣрѣ на 3 мѣсяца и извѣстное количество военнаго снаряженія сверхъ того, которое нужно имъ самимъ, чтобы снабдить имъ черногорцевъ и другіе народы, которымъ придется защищаться противъ французовъ. А главнокомандующему дать извѣстную сумму денегъ на чрезвычайные расходы. — Не теряя времени, предупредить Порту объ этой новой отправкѣ войскъ. Извѣщая ее объ этомъ, г. Италинскій долженъ изложить слѣдующее по сущей правдѣ: „приказаніе при-

Corfou; mais que les choses ayant absolument changé de face depuis, l'E-r avait envoyé contre-ordre; que ce contre-ordre n'ayant pu arriver à temps, S. M. I. s'était décidée à renforcer ses troupes dans la Méditerranée pour remplir ses engagements envers l'empire Ottoman (art. IV secret), en empêchant que les français ne s'emparent d'un poste, qui est sans contredit la clef des états ottomans de ce côté". — Si la Porte conserve la moindre intention de maintenir son alliance avec la cour impériale, comme elle affecte d'en avoir le désir, elle ne faira aucune difficulté au passage des troupes en question, et dès lors on pourrait espérer de remettre encore les choses sur l'ancien pied. Mais si, au contraire, le ministère ottoman, se laissant diriger par les impulsions de la France, voulût mettre le moindre obstacle à ce passage sous quelque prétexte que ce soit, on ne pourrait envisager son refus que comme une infraction manifeste de l'alliance, ce qui en tout cas serait encore préférable à l'état d'incertitude, où se trouve jusqu'ici la Russie sur les véritables intentions de la Porte. — Dans ce cas la nécessité de secourir la république Jonienne, la Sicile et les troupes russes à Corfou et à Cattaro n'en devenant que plus urgente, il ne resterait que la voie de la Moldavie, de la Valachie, de la Servie etc. pour remplir ce but. Le succès ne serait pas douteux, puisque dès lors tous les peuples chrétiens de la Turquie feraient cause commune avec les armées russes, et

---

вести бо́льшую часть войскъ е. в-ва обратно въ Россію было дано генералу Ласи гораздо раньше пресбургскаго договора; тогда казалось достаточно оставить въ Корфу лишь простой гарнизонъ; но такъ какъ съ тѣхъ поръ обстоятельства совсѣмъ измѣнились, то и-ръ послалъ отмѣну приказанія; эта отмѣна не пришла во́время, и е. и. в-во рѣшился усилить свои войска на Средиземномъ морѣ, чтобы исполнить свои обязательства въ отношеніи Оттоманской имперіи (IV тайная статья), воспрепятствовавъ французамъ овладѣть постомъ, который безспорно составляетъ ключъ къ оттоманскимъ владѣніямъ съ этой стороны".—Если Порта хоть сколько-нибудь намѣрена поддерживать союзъ съ императорскимъ дворомъ, какъ она показываетъ видъ, то проѣздъ упомянутыхъ войскъ не встрѣтитъ никакихъ препятствій; и тогда можно бы надѣяться на возстановленіе прежняго порядка вещей. Если же, наоборотъ, оттоманское министерство, подчиняясь движеніямъ Франціи, вздумало бы сколько-нибудь помѣшать этому проѣзду подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, то его отказъ былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ явнымъ нарушеніемъ союза; и это во всякомъ случаѣ было бы лучше, чѣмъ неизвѣстность, въ которой Россія находится до сихъ поръ относительно истинныхъ намѣреній Порты.—Въ такомъ случаѣ еще нужнѣе будетъ помочь Іонійской республикѣ, Сициліи и русскимъ войскамъ въ Корфу и Каттаро, и для этого не останется другого пути, кромѣ

l'Europe entière (hors la France), loin de prendre ombrage de l'exécution de cette mesure, ne pourrait que reconnaître la légitimité des motifs, qui y ont porté S. M. I., aussitôt que ces motifs seront connus. Dans le manifeste ou telle autre déclaration, qui serait publiée à cette occasion, on aurait soin d'assurer, „que ce n'est aucunément dans des vues hostiles que les troupes russes sont entrées sur le territoire ottoman, mais uniquement pour la défense de cet empire dont le gouvernement se laisse entraîner par les impulsions de la France au point d'enfreindre les stipulations les plus solennelles". On promettrait en même temps „d'évacuer les états ottomans aussitôt que la garnison de Corfou serait suffisamment renforcée, et que toute chose serait remise à cet égard sur l'ancien pied". — Mais pour ne pas nous laisser prévenir par les turcs et les français dans le cas présupposé, il faudrait que le général Michelson fût muni d'ordres éventuels de marcher vers le Danube aussitôt que m. d'Italinsky le préviendrait que la Porte refuse le passage des troupes russes. — Telles sont les mesures préalables que paraît exiger l'importance du cas. Si elles rencontrent l'approbation de S. M. I., on s'occuperait incessamment de la rédaction des différentes instructions à expédier, lesquelles renfermeraient nécessairement le développement ultérieur des idées, qui n'ont été qu'indiquées ci-dessus.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 16. Подлинникъ.

Молдавіи, Валахіи, Сербіи и проч. Въ успѣхѣ нельзя сомнѣваться, такъ какъ тогда всѣ христіанскіе народы Турціи соединятся съ русскими арміями, и вся Европа (кромѣ Франціи) не только не встревожится отъ исполненія этой мѣры, но непремѣнно признаетъ законность побужденій е. и. в-ва, какъ только эти побужденія станутъ извѣстны. Манифестъ или иное заявленіе по этому случаю должны удостовѣрять, „что русскія войска вступили въ оттоманскія владѣнія вовсе не съ враждебными цѣлями, но единственно для защиты этой имперіи, правительство которой до того подчиняется внушеніямъ Франціи, что нарушаетъ самыя священныя обязательства". Въ то же время пообѣщаемъ „очистить оттоманскія владѣнія, какъ только гарнизонъ въ Корфу получитъ достаточное подкрѣпленіе и все придетъ въ прежнее положеніе съ этой стороны".—Но чтобы не дать туркамъ и французамъ, въ предполагаемомъ случаѣ, предупредить насъ, нужно снабдить генерала Михельсона приказомъ идти на Дунай, какъ только г. Италинскій увѣдомитъ его, что Порта отказываетъ русскимъ войскамъ въ проѣздѣ.—Вотъ предварительныя мѣры, которыя, повидимому, требуются важностью обстоятельствъ. Если онѣ удостоятся одобренія е. и. в-ва, то нужно будетъ немедленно озаботиться изготовленіемъ различныхъ инструкцій, въ которыхъ неизбѣжно будутъ окончательно развиты мысли, лишь намѣченныя выше.

№ 93. — Докладъ Чарторижскаго.

5/17 avril 1806.

Si le seul système, qui puisse garantir entièrement l'honneur, l'indépendance et la sûreté de la Russie, celui de s'opposer tant qu'elle ne sera pas entièrement subjugée à la reconnaissance de ce que Bonaparte a exécuté, aux progrès ultérieurs qu'il fera sur l'esprit du ministère ottoman, aux empiètements progressifs de la Prusse, en employant à rendre cette opposition efficace toutes les forces et toutes les ressources de la Russie; si ce système n'est point adopté par elle, alors il semble indispensable de lui en substituer un différent, qui n'ait d'autre but que de cacher à l'Europe que notre intention est de voir avec calme tout évènement qui la concerne, qui en même temps n'enhardisse point la France et la Prusse à aller plus en avant, qui ne nous brouille point avec l'Angleterre. — Ce système devrait être de profiter du moment, où la fermeture des ports du nord, les préparatifs hostiles de la Turquie et l'occupation de Cattaro semblent préparer de manière ou d'autre une crise nouvelle, pour ouvrir une négociation directe avec la France en prenant l'apparence que les ouvertures du s-r Lesseps sont de nature à faire croire à la sincérité du gouvernement français et à la bonne volonté qu'il apportera à un rapprochement entre les deux états. — Si la

---

5/17 апрѣля 1806.

Одна только система можетъ обезпечить честь, независимость и безопасность Россіи: это—пользоваться случаемъ, пока она еще не совсѣмъ приневолена признавать все, что̀ ни дѣлаетъ Бонапартъ, и противиться какъ его окончательному вліянію на оттоманское министерство, такъ и возрастающимъ захватамъ Пруссіи, причемъ не щадить силъ и средствъ Россіи, чтобы сдѣлать это противодѣйствіе дѣйствительнымъ. Но если эта система не будетъ принята, то, кажется, было бы необходимо замѣнить ее другою, которая старалась бы только скрыть передъ Европой, что мы намѣрены спокойно смотрѣть на всякое касающееся ея событіе, если только оно не будетъ ободрять Францію и Пруссію въ ихъ движеніи впередъ и не поссоритъ насъ съ Англіей. — Эта система должна состоять въ томъ, чтобы воспользоваться минутой, когда закрытіе сѣверныхъ портовъ, враждебныя приготовленія Турціи и занятіе Каттаро, повидимому, ведутъ такъ или иначе къ новому перевороту, и открыть прямые переговоры съ Франціей, показывая видъ, будто предложенія Лессепса заставляютъ вѣрить въ искренность французскаго правительства и въ его стремленіе сблизить два государства. — Если Россія захочетъ

Russie veut rendre Cattaro, il vaut autant qu'elle le fasse à la suite d'une négociation que sans coup férir; et en tout cas, en s'expliquant maintenant directement avec la France à ce sujet, elle détourne de l'Autriche la grande humeur de Bonaparte sur cette occupation. — Si la Russie veut se taire sur la conduite que tient la Prusse dans le nord de l'Allemagne, si elle veut tolérer dans l'inaction une extension des entraves mises au commerce de ses productions et de ses sujets sur des bâtiments anglais et probablement sur ceux de toute autre nation, vu le blocus indubitable des ports fermés aux navires anglais, — il vaut peut-être mieux en donner pour prétexte une négociation pour la paix générale, un désir de la paix poussé à l'excès, que de laisser supposer que la cause en est dans sa faiblesse réelle, celle de son administration, ou dans les ressors de son gouvernement. — Le difficile, en prenant ce parti, est de savoir de quel prétexte on le colorera aux yeux des alliés et quels seraient le titre et les autorisations qu'on donnerait à la personne qu'on enverrait en France. — Il semblerait naturel de revenir à l'idée proposée il y a 3 mois, d'envoyer porter des secours aux prisonniers russes et de charger la personne, qui aurait cette commission, de discuter les intérêts des deux états et de faire tous ses efforts pour lier une négociation, en y comprenant l'Angleterre. — A l'Angleterre on dirait, que la personne qui va en France, n'a aucuns pouvoirs pour conclure sans son concours, et que

---

отдать Каттаро, то лучше сдѣлать это путемъ переговоровъ, безъ выстрѣла; во всякомъ случаѣ, изъяснившись теперь прямо съ Франціей по этому предмету, она отвратила бы отъ Австріи великій гнѣвъ Бонапарта по поводу этого владѣнія.—Если Россія захочетъ замалчивать поведеніе Пруссіи въ сѣверной Германіи, если она захочетъ стерпѣть бездѣйственно все возрастающія препятствія въ перевозкѣ своихъ товаровъ и подданныхъ на англійскихъ, а вѣроятно, и на всякихъ другихъ судахъ, въ виду несомнѣнной блокады портовъ, закрытыхъ для англійскихъ кораблей, то не лучше-ли выставить предлогомъ переговоры о всеобщемъ мирѣ, желаніе мира во что бы то ни стало, чѣмъ давать поводъ предполагать, что причиной тутъ ея дѣйствительная слабость,—слабость ея администраціи или орудій ея правительства. — Самое трудное при этомъ рѣшеніи, это—знать, въ какомъ свѣтѣ оно будетъ представлено въ глазахъ союзниковъ, а также, какое званіе и какія полномочія дать лицу, которое будетъ послано во Францію? — Кажется, естественно возвратиться къ мысли, предложенной 3 мѣсяца тому назадъ, именно—послать извѣстное лицо на помощь къ русскимъ плѣннымъ и поручить ему обсуждать выгоды двухъ государствъ и всячески стараться завязать переговоры, включая въ нихъ и Англію.— Англіи сказать, что отправляющееся во Францію лицо не имѣетъ никакихъ полномочій для заключенія мира безъ ея содѣйствія, и что единственная цѣль

le but de cette mission est uniquement de sonder le terrain, à moins qu'il ne lui soit fait des propositions évidemment avantageuses pour l'Angleterre et pour le reste de l'Europe. — A la Prusse—que la négociation directe a pour but de montrer du mécontentement contre elle, et que c'est un moyen de dérober d'autant mieux à la connaissance de la France la négociation secrète du baron de Hardenberg avec m. d'Alopeus. — A la Turquie—que c'est pour empêcher une invasion française chez elle et par conséquent pour prévenir que le théâtre de la guerre ne soit porté sur son territoire. — A la Suède et au Danemark — qu'on a une assurance de la Prusse de ne point les attaquer, mais qu'on sent qu'elle serait illusoire, vu la faiblesse de cette puissance, si l'on ne pouvait pas s'assurer que Bonaparte ne demandera pas à la Prusse d'étendre son régime d'oppression pour le commerce anglais, et que c'est dans cette vue qu'on envoie un négociateur pour voir, s'il est possible de faire la paix avec la France. — Quant à l'instruction même de ce négociateur, elle porterait de tenter tous les moyens possibles pour faire la paix la moins honteuse qu'il pourrait, en travaillant de tous ses moyens à y faire intervenir l'Angleterre sans toutefois l'annoncer hautement, mais en le préparant par des insinuations et par des voies secrètes. — Les conditions, qui seraient envisagées comme d'une indispensable nécessité pour la Russie, seraient: le maintien d'une garnison russe

---

этого посланничества — развѣдать почву, если ему только не будетъ сдѣлано предложеній, очевидно выгодныхъ для Англіи и для остальной Европы. — Пруссіи сказать, что цѣль прямыхъ переговоровъ—показать недовольство ею, и что этимъ путемъ лучше всего скрыть отъ Франціи тайные переговоры между барономъ Гарденбергомъ и г. Алопеусомъ. — Турціи сказать, что это—чтобы воспрепятствовать нападенію французовъ на нее, а слѣдовательно не допустить, чтобы театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ на ея землю.— Швеціи и Даніи сказать, что имѣется удостовѣреніе о томъ, что Пруссія не нападаетъ на нихъ; но мы-де видимъ, что оно будетъ призрачно, въ виду слабости этой державы, если не получить удостовѣренія, что Бонапартъ не потребуетъ отъ Пруссіи распространять свои стѣсненія англійской торговли, и что съ этою-то цѣлью посылается переговорщикъ, чтобы видѣть, возможенъ-ли миръ съ Франціей. — Что касается самой инструкціи этому переговорщику, то она должна внушать всячески стараться устроить наименѣе постыдный миръ, причемъ напрягать всѣ свои силы, чтобы включить въ него Англію, впрочемъ не возвѣщая объ этомъ громко, но подготовляя дѣло посредствомъ внушеній и тайныхъ ходовъ. — Слѣдующія условія должны быть поставлены какъ самыя необходимыя для Россіи: сохраненіе русскаго гарнизона въ Корфу; выходъ французскихъ войскъ изъ Далмаціи; признаніе обяза-

à Corfou; la retraite des troupes françaises de la Dalmatie; la reconnaissance des engagements contractés par la Porte en faveur de la Russie; l'établissement d'un état indépendant entre la Porte et l'Italie.— Le prix pour la France en serait la paix et la reconnaissance de Bonaparte comme empereur. — Pour obtenir la reconnaissance du reste de ce qu'il a opéré, il faudrait au moins que Bonaparte souscrive au rétablissement du royaume de Naplès, à assurer un établissement au roi de Sardaigne, ces deux objets en sus des conditions énoncées ci-dessus. — Si Bonaparte ne voulait absolument céder sur aucun point, on pourrait conclure une trève de 8, 10 ou 12 ans, en restant chacun dans les positions qu'on occupe et en n'entretenant de part et d'autre que des agents et sans reconnaître le titre que Bonaparte a pris et ceux qu'il a donnés aux siens. — Dans tous les cas le plénipotentiaire aurait soin d'insérer un article pour assurer l'indépendance du Danemark et de la Suède. — Aussitôt que le plénipotentiaire aurait obtenu l'admission de l'Angleterre à la négociation, il en donnerait immédiatement avis à Londres pour qu'on envoyât également une personne chargée de pouvoirs à Paris pour traiter en commun.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 17. Подлинникъ.

тельствъ Порты въ пользу Россіи; основаніе независимаго государства между Портой и Италіей.—Франція получила бы за это миръ и признаніе Бонапарта императоромъ. — Чтобы получить признаніе остальныхъ своихъ дѣлъ, нужно, чтобы Бонапартъ по крайней мѣрѣ возстановилъ Неаполитанское королевство и обезпечилъ удѣлъ сардинскому королю — это два условія, не считая вышеупомянутыхъ.—Если Бонапартъ рѣшительно не захочетъ уступить ни въ чемъ, то можно бы заключить перемиріе на 8, 10 или 12 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы каждый занималъ свои нынѣшнія позиціи и содержалъ только второстепенныхъ агентовъ, и чтобы не признавались титулы, которые Бонапартъ принялъ самъ и надавалъ своимъ.—Во всякомъ случаѣ уполномоченный долженъ стараться вставить статью, обезпечивающую независимость Даніи и Швеціи. — Какъ только уполномоченный добьется допущенія Англіи къ переговорамъ, онъ тотчасъ увѣдомитъ Лондонъ, чтобы оттуда также послали снабженное полномочіями лицо для совмѣстныхъ переговоровъ въ Парижѣ.

№ 94. — Записка Чарторижскаго.

9/21 avril 1806.

L'occupation des bouches du Cattaro par les monténégrins soutenus par quelques bâtiments de guerre russes est un de ces évènements, qui commandent la plus sérieuse attention de la part des puissances intéressées, moins encore par l'importance du fait même, que par le parti que l'on pourrait en tirer et par les combinaisons politiques auxquelles cet évènement peut donner lieu.—L'importance du poste de Cattaro et l'utilité qu'il présente, se trouvent amplement détaillés dans l'un des mémoires que j'ai eu l'honneur de vous présenter, Sire, le 11 janvier de l'année courante. Cette importance m'a paru telle, que j'ai cru devoir proposer de porter les habitants du Cattaro, par l'entremise de m. de Sankovsky, à se défendre contre les français, lorsque ceux-ci viendraient prendre possession de leur pays, et de s'unir aux monténégrins, comme ils en avaient déjà témoigné l'intention antérieurement. La réunion de ces deux peuples s'étant opérée d'elle-même par un mouvement spontané, il s'agit actuellement de considérer, s'il est de l'intérêt de la Russie de les soutenir, ou bien si elle doit désapprouver le parti qu'ils ont pris, en les privant de ses secours. — Cette dernière façon d'envisager cet évènement ne saurait avoir lieu sous aucun rapport; nous ne pouvons

---

9/21 апрѣля 1806.

Занятіе Каттаро черногорцами, съ поддержкой нѣсколькихъ русскихъ военныхъ судовъ, представляетъ собою одно изъ тѣхъ событій, которыя привлекаютъ къ себѣ самое глубокое вниманіе заинтересованныхъ державъ, и не столько важностью самаго дѣла, сколько тѣмъ, какъ имъ могутъ воспользоваться и какія оно можетъ породить политическія обстоятельства.—Въ одной изъ записокъ, которыя я имѣлъ честь представить вамъ, государь, 11 января текущаго года, подробно обозначены возможность и польза такого поста, какъ Каттаро. Эта важность показалась мнѣ столь значительною, что я счелъ долгомъ предложить обитателямъ Каттаро, черезъ посредство г. Санковскаго, защищаться противъ французовъ, еслибы эти послѣдніе пришли брать ихъ землю, и соединиться съ черногорцами, какъ они уже намѣревались раньше. Соединеніе этихъ двухъ народовъ произошло само собой, силой самопроизвольнаго движенія; и теперь вопросъ, что выгоднѣе Россіи—поддерживать-ли ихъ или осудить ихъ дѣло, лишивъ ихъ своей помощи.—Послѣдняя точка зрѣнія на это событіе ни въ какомъ случаѣ невозможна: мы не можемъ осуждать то, что̀ служитъ плодомъ привязанности славянъ къ Россіи и ихъ ненависти къ

désapprouver ce qui est l'effet de l'attachement des slaves à la Russie et de leur haine pour les français, et ce qui en même temps ést d'une utilité palpable pour nous. Vos employés, sire, dans la Méditerranée ont donné une preuve réelle d'habileté et de zèle en tentant cette entreprise, et priver les monténégrins de nos secours volontairement serait une conduite si impolitique et si reprochable, qu'il serait superflu même d'en combattre l'opinion. La difficulté de la question ne résulte donc que d'une combinaison momentanée, qui élève quelque empêchement à ce que les intérêts et les principes politiques de la Russie doivent lui faire désirer.—Sous ce point de vue l'attention de V. M. I. doit sans doute être attirée sur l'influence que peut avoir notre résolution à l'égard de la cour de Vienne, sur les risques qu'elle peut courir, et sur les mouvements qui peuvent en résulter. Mais, en les énumérant, il s'agit de les balancer avec les avantages que nous présente la possession de Cattaro et avec les inconvénients, qui résulteraient de la cession volontaire de ce poste. — Il est sûr que la cour de Vienne devait être alarmée d'un évènement qui, en fournissant un nouveau prétexte à Bonaparte d'abuser de sa position vis-à-vis de l'Autriche, ne laissait à cette puissance d'autre moyen de faire disparaître ce prétexte que de recourir à la modération, ou plutôt à la générosité de V. M. I. Dans sa position actuelle, l'Autriche ne pourrait certainement pas résister à une nouvelle

---

французамъ,—то, что̀, въ то же время, очевидно, полезно намъ. Попытавшись устроить это предпріятіе, ваши слуги, государь, въ Средиземномъ морѣ истинно доказали свое искусство и рвеніе; а добровольно лишить черногорцевъ нашей помощи—это было бы такимъ неполитическимъ и предосудительнымъ поступкомъ, что излишне даже спорить объ этомъ. Итакъ, затруднительность въ этомъ вопросѣ проистекаетъ лишь изъ временнаго сцѣпленія обстоятельствъ, препятствующаго тому, что̀ намъ желательно въ силу выгодъ и политическихъ основъ Россіи. — Съ этой точки зрѣнія вниманіе в. и. в-ва, конечно, должно быть обращено на дѣйствіе, которое произведетъ наше рѣшеніе на вѣнскій дворъ, на угрожающія ему опасности и могущія произойти отсюда движенія. Но, перечисляя ихъ, слѣдуетъ взвѣшивать ихъ съ нашими выгодами отъ завладѣнія Каттаро и съ неудобствами, которыя проистекутъ изъ добровольнаго отреченія отъ этого поста.—Ясно, что вѣнскій дворъ долженъ встревожиться отъ событія, которое дало бы Бонапарту новый предлогъ злоупотреблять своимъ положеніемъ въ отношеніи Австріи; а у этой державы не осталось бы другого средства уничтожить этотъ поводъ, кромѣ умѣренности или, скорѣе, великодушія в. и. в-ва. Въ своемъ нынѣшнемъ положеніи Австрія, конечно, не могла бы сопротивляться новому нападенію французовъ; стало-быть, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ нужно щадить ее, а не Россію.—

attaque des français, et c'est donc principalement elle et non la Russie qu'il s'agit de ménager dans la circonstance présente. — V. M. I., désirant ne pas provoquer inutilement les français et écarter de la cour de Vienne toute espèce d'embarras, penche à acquiescer à la demande de l'e-r d'Allemagne. Cette disposition me fait un devoir de vous représenter, Sire, quelques observations sur la possibilité de concilier le maintien du repos de l'Autriche avec des considérations d'une importance non moins évidente.—Malgré l'épuisement où se trouve l'Autriche, il paraît certain que c'est encore la puissance, sur laquelle la Russie peut compter le plus en cas de besoin. Il lui faudra nécessairement du temps pour se remettre des pertes immenses qu'elle a essuyées par la dernière guerre. Rien n'est donc plus juste que l'intention d'écarter autant que possible tout prétexte, qui pourrait rallumer la guerre entre ces deux puissances. Mais pour le moment il n'y a encore aucune preuve certaine qu'un pareil état de choses puisse en résulter. La manière assez modérée dont le gouvernement français s'est conduit dans cette occasion, semble prouver qu'il ne trouve pas de son intérêt, dans la circonstance du moment, d'user jusqu'à un certain point de violence pour obtenir la possession du *Cattaro*. Or, comme il ne se présente aucun danger imminent pour l'Autriche de la nonrestitution immédiate de ce poste, la cour de Vienne ne peut avoir des motifs pressants pour insister sur cet objet auprès

---

Не желая вызывать французовъ безполезно и навлекать на вѣнскій дворъ какую-либо непріятность, в. и. в-во готовы снизойти на просьбу германскаго и-ра. Въ виду этого считаю долгомъ представить вамъ, государь, нѣкоторыя замѣчанія насчетъ возможности согласовать сохраненіе спокойствія Австріи съ не менѣе очевидно важными соображеніями.—Несмотря на истощеніе Австріи, кажется, несомнѣнно, что все-таки это — государство, на которое Россія можетъ болѣе всего разсчитывать въ случаѣ нужды. Ей необходимо время, чтобы оправиться отъ огромныхъ потерь, понесенныхъ ею въ послѣднюю войну. Оттого нѣтъ ничего справедливѣе, какъ желать по возможности устранить всякій предлогъ къ возобновленію войны между этими двумя державами. Но покуда нѣтъ еще никакого вѣрнаго признака, чтобы могло возникнуть подобное положеніе дѣлъ. Довольно умѣренный образъ дѣйствій французскаго правительства въ этомъ случаѣ доказываетъ, кажется, что оно не находитъ выгоднымъ въ настоящую минуту прибѣгать къ извѣстнаго рода насилію для завладѣнія *Каттаро*. А такъ какъ Австріи не предстоитъ опасности, если ей не возвратятъ немедленно этого поста, то вѣнскому двору и нѣтъ особой надобности настаивать на этомъ у в. и. в-ва; и еслибы онъ настаивалъ, то лишь съ тѣмъ, чтобы увѣрить Францію въ своемъ усердномъ желаніи доставить ей *Каттаро*, или же потому, что она преувеличиваетъ опасности отъ

de V. M. I.; et si elle le faisait, ce ne sera que pour pouvoir assurer la France de n'avoir rien négligé pour lui procurer la possession du *Cattaro* ou bien parce qu'elle s'exagère ses dangers. Mais au fond l'Autriche, si elle est mue par ses véritables intérêts, ne peut que désirer que cette place reste au pouvoir de la Russie, soit que le développement des vues de Bonaparte sur la Turquie établisse le théâtre d'une nouvelle guerre dans le Levant, en laissant l'Autriche neutre, soit que cette puissance fût entraînée malgré elle à prendre part à cette guerre.—La position géographique de Cattaro, l'excellence de son port dont la possession ne saurait être que d'un avantage infini pour les escadres russes, les dispositions nonéquivoques des habitants, les facilités que présente le pays pour une défense contre l'ennemi, l'impuissance même où se trouverait celui-ci de se porter à une agression par le manque de vivres en Dalmatie, qui ne peut cesser tant que nos flottes bloquent ces parages, par les difficultés des communications par terre, de façon que l'ennemi peut difficilement marcher avec de grandes forces et mener du canon,—en un mot l'évidence qu'en tout état de choses et quelle que soit la tournure que peuvent prendre nos relations avec la France et la Turquie, il sera toujours de l'intérêt bien avéré de la Russie de maintenir une position à Cattaro,—tels sont les motifs, Sire, qui m'engagent à supplier V. M. I. de ne rien précipiter dans cette importante circonstance et d'ajourner encore l'expédition des ordres pour l'évacuation

---

обладанія имъ. Но въ сущности, если только Австрія руководится своими истинными выгодами, то она должна именно желать, чтобы эта мѣстность оставалась во власти Россіи во всякомъ случаѣ, приведетъ-ли развитіе плановъ Бонапарта относительно Турціи къ новой восточной войнѣ, причемъ Австрія останется нейтральной, или эта держава будетъ вовлечена въ эту войну вопреки своему желанію.—Географическое положеніе Каттаро, его превосходный портъ, представляющій безконечныя выгоды для русскихъ эскадръ, несомнѣнное расположеніе населенія, удобства, представляемыя страной для защиты отъ непріятеля, который даже не можетъ сдѣлать нападенія вслѣдствіе недостатка жизненныхъ припасовъ въ Далмаціи, которыхъ и не будетъ, пока нашъ флотъ будетъ блокировать эти берега, а также вслѣдствіе затруднительности сухопутныхъ сношеній въ странѣ, гдѣ непріятелю трудно двигаться съ большими силами и пушками,—словомъ, все убѣждаетъ насъ, что во всякомъ случаѣ и какъ бы ни сложились наши отношенія къ Франціи и Пруссіи, для Россіи несомнѣнно выгодно удержать за собой Каттаро. Вотъ побужденія, которыя заставляютъ меня, государь, покорно просить в. и. в-во не торопиться въ такомъ важномъ дѣлѣ и еще разъ отложить отправку приказа объ окончательномъ очищеніи *Каттаро*. Впрочемъ не стану спорить,

définitive de *Cattaro*. Je ne disconviendrai cependant pas que cette mesure isolée ne saurait produire un effet bien marquant, si elle ne marchait pour ainsi dire de front avec les autres mesures de précaution que j'ai cru devoir proposer à V. M. I. dans mes différents mémoires de 11 janvier, 23 février et 5 avril dont celle surtout énoncée dans le dernier de ces mémoires, savoir: le renvoi d'un corps de troupes à Corfou, serait sans doute indispensable pour assurer les avantages que nous présente la possession de *Cattaro*. En renforçant ce corps de quelques troupes pour que les garnisons de Corfou et de Cattaro soient suffisantes, et qu'en outre le vice-amiral Séniavin eût à sa disposition un corps volant de 10 à 12,000 hommes pour être mis à terre sur tel point des côtes de l'Adriatique, où la présence de l'ennemi et les circonstances l'exigeraient, il n'y a pas de doute que, du moins de ce coté, nous pourrions être dans une sécurité parfaite sur les entreprises de Bonaparte, qui se verra à tout moment menacé de voir ses communications entièrement coupées et de se trouver dans de grands embarras pour les vivres et les munitions. — Les inconvénients qui du premier abord résulteraient de la restitution de Cattaro aux autrichiens et de la remise de ce poste par ceux-ci aux français seraient, que Bonaparte, loin d'envisager ce procédé comme un acte de justice de la part de V. M. I., n'y verrait qu'une preuve de faiblesse, de déférence à ses volontés, et que par conséquent il y trouverait un nouveau motif de pour-

---

что эта мѣра, взятая отдѣльно, не произвела бы замѣтнаго впечатлѣнія, еслибы она не шла, такъ сказать, во главѣ другихъ мѣръ предосторожности, которыя я счелъ долгомъ предложить в. и. в-ву въ разныхъ моихъ запискахъ отъ 11 января, 23 февраля и 5 апрѣля, изъ которыхъ послѣдняя — а именно, отправка военнаго отряда въ Корфу — была бы, конечно, неизбѣжна, чтобы обезпечить за нами выгоды обладанія *Каттаро*. Нужно усилить этотъ отрядъ такъ, чтобы гарнизоны Корфу и Каттаро были достаточны и чтобы, сверхъ того, въ распоряженіи вице-адмирала Сенявина находился летучій отрядъ въ 10—12 тысячъ человѣкъ, который могъ бы высаживаться въ тѣхъ мѣстахъ Адріатики, гдѣ того потребуютъ обстоятельства и присутствіе непріятеля. При такихъ условіяхъ мы хоть съ этой стороны, конечно, будемъ въ полной безопасности со стороны затѣй Бонапарта, который ежеминутно будетъ опасаться, что ему совсѣмъ отрѣжутъ сообщенія и онъ попадетъ въ крайне затруднительное положеніе относительно жизненныхъ и военныхъ припасовъ.— Если возвратить Каттаро австрійцамъ и если послѣдніе сдадутъ этотъ постъ французамъ, то прежде всего отсюда проистечетъ такое неудобство: Бонапартъ вовсе не сочтетъ этого дѣломъ справедливости со стороны в. и. в-ва; онъ увидитъ тутъ доказательство слабости, уступчивости его волѣ, а слѣдовательно и

suivre l'exécution de ses vastes et ambitieux projets. Rien ne l'empêcherait plus de pénétrer en Albanie pour attaquer Corfou, en profitant de la retraite de la majorité des troupes russes, tandis qu'en conservant Cattaro, ce pays, joint au Monténégro, formerait un obstacle aussi naturel que solide de ce côté, et qui avec de la suite et des opérations bien dirigées pourrait devenir bientôt une barrière formidable, si nous parvenions à faire insurger toute la Dalmatie. Les monténégrins et ceux de Cattaro, qui ont déployé tant de dévouement et de zèle pour la Russie, une fois livrés à Bonaparte, deviendraient l'objet particulier de sa haine et de sa persécution, à moins qu'ils n'obtiennent grâce par une soumission subite et illimitée. Il serait impossible de les persuader, que nous ne les avons pas sacrifiés, et l'antique attachement de ces peuples à la Russie disparaîtrait pour toujours. Cet exemple ne manquerait pas de produire le même effet sur les grecs, les serviens etc., et V. M. se priverait ainsi d'une ressource immense pour le cas d'une guerre contre la Turquie, que je persiste à croire immanquable malgré les assurances réitérées et les protestations d'amitié de la Porte. Si cette guerre éclate dans peu, nous aurons rendu à pure perte Cattaro; nous nous serons privés des avantages que ce poste présente; nous les aurons livrés aux français sans rendre même service à l'Autriche, qui n'en sera ni plus ni moins menacée des mêmes dangers, aussitôt que des hostilités com-

---

новый поводъ преслѣдовать исполненіе своихъ широкихъ и честолюбивыхъ плановъ. И ничто не воспрепятствуетъ ему проникнуть въ Албанію для нападенія на Корфу, пользуясь отступленіемъ бо́льшей части русскихъ войскъ; а если мы удержимъ Каттаро, то эта страна, вмѣстѣ съ Черногоріей, представила бы естественное и твердое препятствіе съ этой стороны, которое, при хорошо направленныхъ дѣйствіяхъ, могло бы вскорѣ стать грознымъ оплотомъ, если намъ удастся взбунтовать всю Далмацію. Если предать Бонапарту черногорцевъ и каттарцевъ, обнаружившихъ столько преданности и рвенія къ Россіи, то они станутъ предметомъ его особенной ненависти и преслѣдованія, если только они не заслужатъ его милости быстрымъ и безграничнымъ подчиненіемъ. Было бы невозможно убѣдить ихъ, что мы не пожертвовали ими, и навсегда исчезла бы старая привязанность этихъ народовъ къ Россіи. Этотъ примѣръ не преминетъ произвести такое же впечатлѣніе на грековъ, сербовъ и др.; и такимъ образомъ в. в-во лишитесь огромной помощи въ случаѣ войны съ Турціей, которую я не перестаю считать неизбѣжною, вопреки новымъ увѣреніямъ и дружескимъ заявленіямъ со стороны Порты. Если эта война возгорится въ морѣ, то мы просто задаромъ отдадимъ Каттаро. Мы будемъ лишены выгоды этого поста; мы предадимъ каттарцевъ французамъ, не оказавъ даже услуги Австріи, которой будутъ угрожать прежнія опасности, какъ

menceront entre nous et les turcs.—Enfin, si même le désir de la paix est celui qui doit l'emporter sur tout autre, pourquoi se priver d'une position, à laquelle Bonaparte attache un grand prix, qui peut amener des explications et des pourparlers entre les deux états et donner lieu à des arrangements plus compatibles avec la paix générale? — D'après toutes ces considérations, je serais d'avis, qu'il faudrait pour le moins suspendre encore toute détermination décisive sur l'objet en question. Temporiser, traîner autant que possible, me paraît absolument nécessaire. D'ailleurs la nonréception de nouvelles directes de m. Sankowsky servirait de motif suffisant envers la cour de Vienne pour justifier ce délai, et le cours rapide des évènements, ainsi que le développement probable des préparatifs hostiles de la Porte, ne tarderont pas à indiquer avec précision le parti le plus convenable à prendre. — Pour que V. M. I. puisse décider sur un objet de cette importance avec une entière connaissance de cause, je la supplie de vouloir bien charger son conseil ou tout autre association de ministres de discuter cette matière aussi délicate qu'importante et de soumettre à V. M. le résultat de ses délibérations.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 18. Подлинникъ.

только начнутся непріязненныя дѣйствія между нами и турками.—Наконецъ, еслибы даже суждено было возобладать миролюбію, то зачѣмъ лишать себя позиціи, которой Бонапартъ придаетъ большое значеніе и которая можетъ привести къ изъясненіямъ и переговорамъ между двумя государствами, а также къ сдѣлкамъ, болѣе согласнымъ съ общимъ миромъ? — Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, я думаю, что слѣдовало бы по крайней мѣрѣ повременить съ окончательнымъ рѣшеніемъ по дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь. По мнѣ рѣшительно необходимо помедлить, возможно дольше тянуть дѣло. Впрочемъ отсутствіе прямыхъ извѣстій отъ г. Санковскаго могло бы служить для вѣнскаго двора достаточнымъ поводомъ къ оправданію этой отсрочки; а быстрый ходъ событій и вѣроятныя враждебныя приготовленія Порты не замедлили бы съ точностью указать, на что слѣдуетъ лучше всего рѣшиться. — Чтобы рѣшить такой важный вопросъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, покорнѣйше прошу в. и. в-во соблаговолить, чтобы вашъ совѣтъ или какое-нибудь собраніе министровъ обсудили эту щекотливую и важную статью и поднесли в. в-ву результатъ своихъ совѣщаній.

№ 95. — Приложеніе къ запискѣ Чарторижскаго.

9/21 avril 1806.

Cattaro doit être gardé, et l'on ne doit pas le rendre sous aucune condition quelconque. — 1) Cattaro est pour les circonstances d'à présent l'acquisition la plus importante. 100 m. hommes employés ailleurs ne pourraient causer autant d'embarras et de terreur aux ennemis de la Russie. Cattaro, ayant une garnison de 4 à 5 mille hommes, serait presque imprenable. Cette place est inattaquable du côté du continent; il n'y faudrait qu'un corps de berçailleurs et une flotte qui garderait le port. — 2) Si nous gardons Cattaro, la Turquie nous devient dépendante. Elle n'osera plus cabaler contre la Russie. Dans une campagne la Turquie serait une province russe. — 3) La place de Cattaro est tant militairement que politiquement le point de contact le plus important, le plus terrible même, que nous puissions jamais avoir avec la France. Si nous gardons Cattaro, tous les projets de Bonaparte sur le Levant disparaissent à jamais. — 4) Cattaro serait le boulevard des républiques des Sept-Iles et de Raguse. — 5) Si Cattaro est au pouvoir des russes, la conquête de l'Italie par les français n'est que précaire. — 6) Si Cattaro est rendu, nous perdons immensement dans l'esprit des grecs, dans

---

9/21 апрѣля 1806.

Каттаро нужно удержать за нами; ни подъ какимъ видомъ не должно уступать его.—Во-1-хъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Каттаро есть самое важное пріобрѣтеніе. Сто тысячъ человѣкъ въ другомъ мѣстѣ не могутъ причинить столько затрудненій и задать столько страха врагамъ Россіи. Каттаро почти неприступенъ при 4 — 5 тысячахъ гарнизона. Это мѣсто недоступно съ суши, а для защиты порта довольно одного корпуса берсальеровъ и одной флотиліи. — Во-2-хъ, если Каттаро нашъ, Турція становится въ зависимость отъ насъ. Она уже не посмѣетъ злоумышлять противъ Россіи. Въ одинъ походъ Турція стала бы русскою провинціей.—Въ-3-хъ, и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніи, Каттаро—самый важный, даже самый ужасный пунктъ столкновенія между нами и Франціей. Если Каттаро нашъ—всѣ планы Бонапарта относительно Востока исчезаютъ навсегда.—Въ-4-хъ, Каттаро сталъ бы оплотомъ республикъ Семи-Острововъ и Рагузы. — Въ-5-хъ, если Каттаро принадлежитъ русскимъ, то завоеваніе Италіи французами можетъ быть лишь временнымъ. — Въ-6-хъ, если сдадимъ Каттаро, то чрезвычайно много потеряемъ во мнѣніи грековъ и итальянцевъ, а Порта повѣритъ

celui des italiens, et la Porte sera persuadée par les français que la crainte nous obligea de rendre cette place. — Bonaparte sent bien l'importance de Cattaro: aussi il ne ménagera rien au monde pour l'obtenir. Si l'on cède Cattaro, que de torrents de maux que Bonaparte va causer encore!

Pétersbourg. Ministère, 1806, 18. Подлинникъ.

№ 96. — Докладъ Чарторижскаго.

19 avril (1 mai) 1806.

La personne qui sera envoyée en France aura besoin, pour subvenir aux dépenses journalières de logement, table, équipage et gens de service, d'environs 3,600 francs par mois, ce qui ferait, en comptant l'extraordinaire à 3,000 francs, 250 ducats ou 125 louis par mois. Les fraix de voyage en passant par Vienne peuvent se monter à 600. — Elle aura besoin, tant pour les écritures, la garde de papiers, que pour les courses de courrier, de deux employés auxquels il semble juste d'allouer, en sus des appointements de leur grade qu'ils toucheraient au département, environs 35 ducats par mois pour chacun et en outre pour le voyage, la course de courrier à Paris étant de 300—350 à cause du détour par Vienne. — Les 2,000 ducats restitués par le comte de Pahlen pourraient servir pour cet objet, le restant serait employé aux

---

французамъ, что мы сдали это мѣсто со страха. — Бонапартъ отлично понимаетъ важность Каттаро: и онъ не пощадитъ ничего въ мірѣ, чтобы овладѣть имъ. Если мы уступимъ Каттаро, то сколько новыхъ потоковъ бѣдствій прольетъ Бонапартъ!

19 апрѣля (1 мая) 1806.

Нужно будетъ дать лицу, которое отправится во Францію, 3,600 франковъ въ мѣсяцъ для ежедневныхъ издержекъ на квартиру, столъ, экипажъ и прислугу. Полагая 3,000 фр. на чрезвычайные расходы, выйдетъ всего 250 дукатовъ или 125 луидоровъ въ мѣсяцъ. Издержки путешествія черезъ Вѣну могутъ дойти до 600.—При этомъ лицѣ должны находиться два чиновника, какъ для письменной части и храненія бумагъ, такъ и для курьерскаго дѣла. Кажется, было бы справедливо положить имъ, сверхъ жалованья по чину, получаемому ими въ департаментѣ, около 35 дукатовъ въ мѣсяцъ на каждаго и, сверхъ того, дать на путевыя издержки, имѣя въ виду, что путешествіе парижскаго курьера стоитъ 300—350, вслѣдствіе заѣзда въ Вѣну. — На это

courses de courrier et autres dépenses imprévues. — Pour les premiers secours qu'exigeront les prisonniers, il serait nécessaire de munir la personne qui se rend à Paris d'un crédit de au moins 50,000 roubles. — Un moyen de donner du relief à la personne chargée de cette commission et de la mettre à même de faire circulaire de l'argent sans qu'il en résulte de perte pour le trésor impérial, serait que le grand-maréchal lui donnât différentes commissions pour la cour et nommément pour la personne de l'E-r et des Impératrices. Ces relations fréquentes avec les principaux ouvriers et ouvrières de Paris contribueraient à diriger l'opinion public par l'intérêt vers le prompt rétablissement de la paix avec la Russie, et ce moyen de se faire des partisans semble ne devoir pas être négligé, puisque dans le fond il coûtera très peu à satisfaire. — Quelques cadeaux et gratifications employées à propos, peuvent concourir au même objet. Peut être même qu'il serait trouvé convenable d'essayer plus directement l'influence de l'argent, et pour que la personne envoyée en France en ait suffisamment à sa disposition sans surcharger le trésor, on pourrait adresser à m. Bethmann à Francfort la dépêche ci-jointe en projet.

Pétersbourg. Paris, 1806, 6. Подлинникъ.

можно бы употребить возвращенные гр. Паленомъ 2,000 дукатовъ; а остатокъ пошелъ бы на поѣздки курьеровъ и на другія непредвидѣнныя издержки.— Слѣдовало бы снабдить отправляемое въ Парижъ лицо кредитомъ не менѣе какъ на 50,000 рублей для первой помощи плѣннымъ.—Чтобы придать блеску лицу, посланному съ этимъ порученіемъ, и дать ему возможность тратить деньги безъ ущерба императорской казнѣ, великій маршалъ долженъ дать ему разныя порученія для двора, и именно для особы императора и императрицъ. Эти частыя сношенія съ главными рабочими и работницами Парижа помогали бы направить общественное мнѣніе въ пользу скораго возстановленія мира съ Россіей; кажется, не должно пренебрегать этимъ средствомъ набирать себѣ приверженцевъ, такъ какъ въ сущности оно стоило бы весьма недорого.— Той же цѣли могутъ служить разные подарки и награды, данные кстати. Быть можетъ, окажется умѣстнымъ даже попытаться болѣе непосредственно дѣйствовать деньгами; чтобы посылаемое во Францію лицо не нуждалось въ нихъ, а казна не была бы обременена, можно бы отправить г. Бетману во Франкфуртъ прилагаемую здѣсь вчернѣ депешу.

№ 97. — Фушэ префекту департамента Нижняго Рейна.

Paris, 19 avril (1 mai) 1806.

Plusieurs inconvénients graves étant résultés de la facilité qu'on accorde aux étrangers de pénétrer dans l'intérieur de l'empire, je vous charge, m-r, de ne pas permettre qu' aucun étranger puisse entrer en France même muni d'un passeport du ministre des relations extérieures, sans une permission formelle émanée de moi et approuvée par S. M. Vous retiendrez à Strasbourg tout étranger qui se présenterait pour pénétrer dans l'intérieur, jusqu'à ce que vous ayez pris mes ordres à ce sujet.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 17. Списокъ.

№ 98. — Докладъ Чарторижскаго.

20 avril (2 mai) 1806.

Les déterminations prises par la cour de Londres pour la conclusion d'un arrangement provisoire avec la France; la déclaration faite par m. Fox, que la paix ne serait conclue que d'un commun accord et qu'un plénipotentiaire russe serait admis aux négociations aussitôt que les principes énoncés dans la lettre à m. Talleyrand auraient été adoptés par

---

Парижъ, 19 апрѣля (1 мая) 1806.

Такъ какъ вслѣдствіе разрѣшенія иностранцамъ легкаго доступа внутрь имперіи возникло много важныхъ недоразумѣній, то я поручаю вамъ, м. г., не допускать ни одного иностранца во Францію даже съ паспортомъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, если онъ не будетъ имѣть отъ меня формальнаго разрѣшенія, утвержденнаго его в-вомъ. Вы будете задерживать въ Страсбургѣ всякаго иностранца, который пожелаетъ проникнуть внутрь, покуда не получите отъ меня приказанія на этотъ счетъ.

20 апрѣля (2 мая) 1806.

Лондонскій дворъ принялъ мѣры къ заключенію предварительной сдѣлки съ Франціей. Г. Фоксъ заявилъ, что миръ будетъ заключенъ лишь съ общаго согласія и что русскій уполномоченный будетъ допущенъ къ переговорамъ, какъ только Франція усвоитъ себѣ начала, высказанныя въ письмѣ къ Талей-

la France; toutes ces considérations, mais plus particulièrement l'évènement de Cattaro, qui d'un côté menace la cour de Vienne du courroux de la France et de l'autre peut être très désavantageux à la Russie, si elle est forcée par les circonstances à évacuer ce poste sans avoir arrêté par un moyen quelconque les projets de Bonaparte et sans avoir pourvu à la sûreté des monténégrins, semblent nécessiter que la Russie suive, à l'égard des autres états, la marche indiquée ci-après: — 1) De transmettre au comte de Rosoumowsky l'autorisation nécessaire pour faire évacuer Cattaro, mais en lui recommandant de n'en faire usage que dans le cas seulement, où la cour de Vienne serait effectivement et fortement menacée par la France. — De lui prescrire d'instruire le comte de Stadion que la Russie ne se refuse point à faire à cette occasion ce qui peut être agréable à l'Autriche et à la France, et jugeant que le meilleur moyen de prévenir à l'avenir des discussions semblables serait de faire cesser entièrement les hostilités, S. M. I. est prête à entrer en négociation directe avec la France, et elle se flatte qu'en égard à cette détermination le gouvernement français voudra suspendre toute mesure contre l'Autriche motivée par l'occupation de Cattaro; que même elle s'entendra sur un mode de régler cette affaire, qui ne puisse compromettre les intérêts d'aucune des trois puissances; qu'indépendamment des explications qui pourraient avoir lieu à ce sujet à Vienne, l'E-r avait songé aux moyens de faciliter celles entre la Russie et la

---

рану. Каттарское дѣло, съ одной стороны, угрожаетъ вѣнскому двору гнѣвомъ Франціи, съ другой—можетъ стать весьма невыгоднымъ для Россіи, если обстоятельства заставятъ ее очистить этотъ постъ, не остановивъ какимъ-либо путемъ плановъ Бонапарта и не оградивъ безопасности черногорцевъ. Всѣ эти обстоятельства, и въ особенности послѣднее изъ нихъ, кажется, требуютъ, чтобы Россія держалась въ отношеніи другихъ государствъ нижеслѣдующаго пути.—Во-1-хъ, нужно снабдить графа Разумовскаго необходимыми полномочіями для очищенія Каттаро, но внушить ему, чтобы онъ воспользовался ими лишь въ томъ случаѣ, когда Франція станетъ дѣйствительно и сильно угрожать вѣнскому двору.—Предписать ему увѣдомить графа Стадіона о нижеслѣдующемъ. Россія не отказывается при этомъ сдѣлать угодное Австріи и Франціи. Считая лучшимъ средствомъ предупрежденія подобныхъ споровъ въ будущемъ полное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій, е. и. в-во готовъ вступить въ прямые переговоры съ Франціей, и онъ надѣется, что, въ виду такого рѣшенія, французское правительство соблаговолитъ пріостановить всякія мѣры противъ Австріи, объясняемыя занятіемъ Каттаро. Его в-во даже пойдетъ на такое рѣшеніе этого дѣла, которое не могло бы задѣть выгоды ни одной изъ трехъ державъ. Независимо отъ объясненій по этому поводу въ Вѣнѣ, и-ръ

France à Paris même. — Le sieur Lesseps a témoigné ici, au nom de son gouvernement, le désir d'un rapprochement entre les deux états et a indiqué entre autre mode de s'entendre, celui d'envoyer une personne de confiance en France; qu'à cela s'était joint le désir de S. M. de s'expliqner plus particulièrement sur l'affaire de Cattaro et de faire parvenir des secours aux prisonniers russes; que pour tous ces objets S. M. avait fait choix du . . . . . auquel m. de la Rochefoucault était prié de donner les passeports nécessaires pour se rendre à Paris en instruisant m. de Talleyrand de l'objet de ce voyage. — Le comte de Rosoumowsky continuerait néanmoins ses pourparlers avec les agents français pour tâcher d'éviter tout désagrément à l'Autriche et afin de mieux connaître leurs idées sur les bases de la paix. — 2) La personne, qui se rendrait en France, serait munie d'une commission formelle de pourvoir aux besoins des prisonniers russes et recevrait les crédits nécessaires pour y subvenir. Elle serait munie d'une lettre du ministre adjoint des affaires étrangères à m. Talleyrand, par laquelle il lui serait annoncé que, le sieur Lesseps ayant assuré que la France désirait un rapprochement avec la Russie, on avait autorisé ce porteur à discuter avec lui, Talleyrand, les points qui pouvaient intéresser le plus particulièrement les deux états et à s'entendre même provisoirement sur les bases qui pourraient mener à assurer une paix durable à l'Europe.— L'instruction consisterait à tâcher, s'il était possible, de régler de prime

---

задумывался надъ средствами къ облегченію объясненій между Россіей и Франціей въ самомъ Парижѣ.—Г. Лессепсъ, именемъ своего правительства, изъявилъ здѣсь желаніе сближенія между двумя государствами и среди другихъ способовъ столковаться указалъ на отправку довѣреннаго лица во Францію. Къ этому присоединилось желаніе е. в-ва объясниться поподробнѣе о каттарскомъ дѣлѣ и послать помощь русскимъ плѣннымъ. Съ этою цѣлью е. в-во избралъ . . . . . , которому просятъ Ларошфуко дать необходимые паспорты для слѣдованія въ Парижъ, извѣстивъ г. Талейрана о цѣли этого путешествія.— Между тѣмъ графъ Разумовскій пусть продолжаетъ свои переговорые съ французскими агентами, стараясь отвратить всякую непріятность отъ Австріи и получше узнать ихъ мысли объ основаніяхъ мира.—Во-2-хъ, нужно дать лицу, отправляющемуся во Францію, формальное порученіе удовлетворять нужды русскихъ плѣнныхъ и снабдить его для этого необходимымъ кредитомъ. Вручить ему письмо товарища министра иностранныхъ дѣлъ къ г. Талейрану, въ которомъ извѣстить его, что такъ какъ г. Лессепсъ увѣряетъ въ желаніи Франціи сблизиться съ Россіей, то подателя письма уполномочили обсуждать съ нимъ, Талейраномъ, статьи, которыя могутъ особенно занимать оба государства, и даже условиться предварительно насчетъ основаній, которыя могли бы

abord l'affaire de Cattaro d'une manière qui donne la facilité d'en ôter la possession aux français. — Ensuite de tâcher de lier une négociation commune avec l'Angleterre pour la paix générale, soit en se faisant admettre à celle proposée par m. Fox, soit en en établissant une à laquelle un plénipotentiaire anglais se joindrait, si la première n'avait point lieu. — L'agent russe tâcherait d'amener les choses au point que la Russie puisse obtenir pour sa paix avec la France au moins les conditions suivantes... [1]). Si Bonaparte ne voulait absolument céder sur aucun point, on pourrait conclure une trève de 8, 10 ou 12 ans, en restant chacun dans les positions qu'on occupe, à l'exception de la Dalmatie, qu'il faudrait dans tous les cas chercher à faire évacuer par la France, et alors on n'entretiendrait de part et d'autre que des agents, sans reconnaître le titre que Bonaparte a pris et ceux qu'il a donnés aux siens.—Dans tous les cas l'agent russe aurait soin de tenter toutes les voies possibles pour faciliter la paix entre la France et l'Angleterre et pour écarter la difficulté, qui naît de la prise de possession du Hannovre par la Prusse; il ne terminerait rien, s'il n'obtenait pas un article pour assurer l'indépendance du Danemark et de la Suède et pour prévenir que l'empire Ottoman ne puisse être attaqué par la France.— L'agent russe serait muni d'une autorisation sub spe rati pour traiter et conclure provisoirement avec celui qui y serait autorisé par la France

---

привести къ обезпеченію Европѣ прочнаго мира.—Въ инструкціи нужно предписать стараться, если возможно, прежде всего установить каттарское дѣло такъ, чтобы легко было отнять у французовъ эту позицію.—Затѣмъ нужно стараться завязать, совмѣстно съ Англіей, переговоры о всеобщемъ мирѣ, или приставъ къ тѣмъ, которые предложены г. Фоксомъ, или, если они не состоятся, устроивъ другіе, къ которымъ присоединился бы англійскій уполномоченный.— Русскій агентъ долженъ стараться вести дѣло такъ, чтобы Россія могла получить за свой миръ съ Франціей по меньшей мѣрѣ слѣдующее [1])... Если Бонапартъ рѣшительно не захочетъ уступить ни въ чемъ, то можно бы заключить перемиріе на 8, 10 или 12 лѣтъ, съ условіемъ каждому оставаться въ нынѣшнемъ положеніи вездѣ, за исключеніемъ Далмаціи, которую во всякомъ случаѣ нужно стараться очистить отъ французовъ; и тогда обѣ стороны содержали бы только второстепенныхъ агентовъ, причемъ не были бы признаны титулы, которые Бонапартъ присвоилъ себѣ и роздалъ своимъ.—Во всякомъ случаѣ русскій агентъ постарается испробовать всевозможные пути къ облегченію мира между Франціей и Англіей и къ устраненію затрудненій, вытекающихъ изъ присоединенія Ганновера къ Пруссіи. Онъ не долженъ ничего рѣшать, не

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ дословное перечисленіе условій, изложенныхъ выше, въ № 93.

et d'une autre pour prendre part à une négociation en commun avec l'Angleterre jusqu'à ce qu'il ait été nommé un plénipotentiaire russe à cet effet. — 3) A l'Angleterre on donnerait le détail des motifs qui déterminent la Russie à envoyer une personne de confiance à Paris, et on l'assurerait qu'il n'est aucunement question de traiter séparément, mais qu'on a eu surtout en vue d'avoir constamment quelqu'un sur les lieux qui puisse ou se joindre à la négociation proposée par m. Fox, ou, si elle était déclinée par la France, pour tâcher d'en établir une commune entre les trois états. — On lui demanderait, au cas qu'elle eût déjà envoyé quelqu'un à Paris, de lui prescrire de mettre beaucoup de confiance dans la personne qui s'y rend au nom de la Russie, ce qu'elle aura soin d'observer de son côté. — 4) La Prusse se convaincrait, que la négociation directe a aussi l'avantage de montrer du mécontentement contre elle, et que c'est un moyen de plus de dérober d'autant mieux à la connaissance de la France la négociation secrète du baron de Hardenberg et de m. d'Alopéus; qu'il serait toutefois agréable à l'E-r que le marquis de Lucchesini se prêta aux demandes qui lui seraient faites par l'agent russe et qui ne seraient pas de nature à compromettre la Prusse vis-à-vis de la France. — 5) A la Suède et au Danemark on leur communiquerait qu'on a l'espoir d'obtenir de la Prusse de ne les attaquer dans aucun cas, mais qu'on sent que cette promesse serait illu-

---

добившись статьи, которая обезпечивала бы независимость Даніи и Швеціи и предупреждала бы нападеніе Франціи на Оттоманскую имперію.—Нужно дать русскому агенту полномочіе sub spe rati договариваться и рѣшать предварительно съ уполномоченнымъ Франціи; а также снабдить его другимъ полномочіемъ, для совмѣстнаго съ Англіей участія въ переговорахъ, покуда не будетъ назначенъ съ этою цѣлью русскій уполномоченный. — Въ-3-хъ, нужно сообщить Англіи въ подробности причины, побуждающія Россію послать въ Парижъ довѣренное лицо. Нужно увѣрить ее, что вовсе не имѣется въ виду договариваться отдѣльно отъ нея; но что мы думали особенно о томъ, чтобы всегда былъ кто-нибудь на самомъ мѣстѣ, кто могъ бы или присоединиться къ предложенной г. Фоксомъ сдѣлкѣ, или, если Франція отклонитъ ее, постарается установить новое соглашеніе между тремя государствами.—Въ случаѣ, если Англія уже послала кого-нибудь въ Парижъ, нужно просить ее, чтобы она предписала ему хорошенько довѣрять лицу, посланному туда Россіей, которая съ своей стороны сдѣлаетъ то же самое.—Въ-4-хъ, Пруссія убѣдится, что прямые переговоры имѣютъ еще ту выгоду, что покажутъ недовольство ею; а это будетъ новымъ средствомъ еще лучше скрыть отъ Франціи тайные переговоры между барономъ Гарденбергомъ и г. Алопеусомъ. Впрочемъ и-ру было бы пріятно, еслибы маркизъ Люкезини снисходилъ къ такимъ просьбамъ рус-

soire vu la faiblesse de cette puissance, si l'on ne pouvait pas s'assurer en même temps que Bonaparte ne demandera pas à la Prusse d'étendre son régime d'oppression contre le commerce anglais, et que c'est une des raisons pour lesquelles on envoie un employé à Paris pour voir, s'il est possible de convenir avec la France des bases d'une paix générale. — 6) On assurerait la Turquie que l'envoi d'un agent russe à Paris a entre autres pour but d'empêcher une invasion française chez elle et par conséquent pour prévenir que le thèâtre de la guerre ne soit porté sur son territoire. Il serait impossible de définir avec précision le langage que l'agent russe tiendrait dans ses conversations avec le ministre des affaires étrangères, mais il semble qu'il pourrait faire usage des arguments suivants: — que la Russie et la France n'ont pour le moment qu'un point de contact, la Turquie; que la Russie ne pourrait y tolérer la domination française, et par conséquent que la guerre serait sans fin, si Bonaparte voulait chercher à faire des progrès de ce côté;— que la Russie était sûre que l'Angleterre ne ferait pas la paix sans elle; que cette situation était toute à l'avantage de la Russie, et qu'on ne pouvait pas y renoncer sans s'assurer des avantages équivalents; — que cette même circonstance faisait qu'une fois les intérêts de la Russie réglés, la paix avec l'Angleterre serait plus facile, et que par conséquent le cabinet britannique serait disposé à accepter des conditions

---

скаго агента, которыя не могли бы очернить Пруссію въ глазахъ Франціи.— Въ-5-хъ, сообщить Швеціи и Даніи, что есть надежда получить удостовѣреніе со стороны Пруссіи, что она ни въ какомъ случаѣ не нападетъ на нихъ, но что это обѣщаніе будетъ призрачно, въ виду слабости этой державы, если въ то же время не добиться удостовѣренія, что Бонапартъ не прикажетъ Пруссіи развивать свои притѣсненія противъ англійской торговли; и это-то одна изъ причинъ, почему посылается чиновникъ въ Парижъ, чтобы узнать, возможно-ли договориться съ Франціей насчетъ основаній всеобщаго мира.— Въ-6-хъ, нужно увѣрить Турцію, что русскій агентъ посылается въ Парижъ между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы воспрепятствовать нападенію французовъ на нее и тѣмъ предупредить перенесеніе военныхъ дѣйствій на ея землю. Трудно съ точностью опредѣлить, какимъ языкомъ долженъ говорить русскій агентъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ; но, кажется, онъ могъ бы выставить такіе доводы. Въ настоящее время Россія и Франція сталкиваются только въ Турціи. Россія не потерпитъ тамъ французскаго господства: стало-быть, была бы безконечная война, еслибы Бонапартъ вздумалъ распространяться съ этой стороны. Россія увѣрена, что Англія не заключитъ мира безъ нея: это положеніе вполнѣ выгодно Россіи, и она не можетъ отказаться отъ него, не обезпечивъ за собой равносильныхъ выгодъ. Въ силу этого самаго обстоятель-

dont la Russie annoncerait être satisfaite; que l'intérêt de la France était par conséquent de chercher à gagner la Russie par quelque concession honorable ou avantageuse pour engager cette puissance à son tour d'employer toute son influence à porter l'Angleterre de céder sur des points, qui entraveraient la conclusion de la paix.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 19. Подлинникъ.

№ 99. — Записка Чарторижскаго.

26 avril (8 mai) 1806.

Au moment, où V. M. I. se détermine à ouvrir une négociation directe avec la France, il semble nécessaire de combiner toutes les mesures et toute la marche de la Russie de manière que Bonaparte ait le désir de lui donner de bonnes conditions de paix. — Ce désir ne peut naître en lui principalement que par deux considérations. — La première de faire cesser les hostilités avec nos troupes, la seconde de nous séparer de l'Angleterre; or la retraite de l'escadre russe dans la Méditerranée remplit l'un et l'autre but, et par conséquent en n'ayant rien à désirer, Bonaparte jugera n'avoir besoin de rien accorder. — Mais indépendamment de cet inconvénient cette retraite en présente bien d'autres. Je ne récapitulerai point tout ce que j'ai déjà eu l'honneur de sou-

---

ства, какъ только будутъ соблюдены выгоды Россіи, тотчасъ облегчится миръ съ Англіей; то-есть, британскій кабинетъ будетъ расположенъ принять условія, которыя Россія признаетъ удовлетворительными. А слѣдовательно въ выгодахъ Франціи стараться заискать у Россіи, путемъ какой-нибудь почетной или выгодной уступки съ тѣмъ, чтобы эта держава, въ свою очередь, употребила все свое вліяніе для склоненія Англіи къ уступкамъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя препятствуютъ заключенію мира.

26 апрѣля (8 мая) 1806.

Въ ту минуту, когда в. и. в-во рѣшаетесь вступить въ прямые переговоры съ Франціей, кажется необходимо сообразить всѣ мѣры и всѣ ходы Россіи такъ, чтобы Бонапарту захотѣлось дать ей хорошія условія мира.—Въ сущности только два слѣдующія соображенія могутъ породить въ немъ это желаніе.—Онъ можетъ задумываться, во-1-хъ, о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій противъ нашихъ войскъ, во-2-хъ—объ отвлеченіи насъ отъ Англіи. Но съ удаленіемъ русской эскадры изъ Средиземнаго моря, достигаются обѣ эти цѣли: и Бонапартъ, которому нечего будетъ желать больше, не сочтетъ

mettre à V. M. I. dans différents mémoires précédents sur la nécessité de renforcer le poste de Corfou et sur celle de ne point évacuer les bouches de Cattaro; mais il m'est impossible de ne pas lui représenter que l'Angleterre, voyant que nous cessons toute coopération à la défense de la Sicile et des côtes qui mènent immédiatement aux possessions Ottomanes, pourrait de son côté ne point intercepter les expéditions maritimes que la France voudrait faire contre Corfou, et que la faible garnison, qui y a été laissée n'ayant point une force maritime suffisante pour l'assister, ne pourra pas résister aux attaques réitérées de Bonaparte, et que ce poste sera en danger de tomber au pouvoir de l'ennemi. — Mais un motif particulier, qui devrait empêcher de donner l'ordre au vice-amiral Siniawin de se rendre dans les ports de la mer Noire, c'est que les vaisseaux qu'il commande appartenant à la flotte de la Baltique, il est très probable que les turcs ne voudront pas les laisser passer par les Dardanelles. — Pour ne point dévoiler donc à la France que nous sommes décidés à ne point agir contre elle, pour ne point laisser apercevoir à l'Angleterre que nous pourrions même retirer le peu de forces russes, qui peuvent encore coopérer avec eux, il semble indispensable de transmettre à m. le vice-amiral Siniawin l'ordre de reprendre sa station aux Sept-Iles et dans la mer Adriatique, pour ne l'en rappeler que lorsque la cessation des hostilités entre la Russie et

---

нужнымъ дѣлать уступки.—Независимо отъ этого, это удаленіе представляетъ много другихъ неудобствъ. Не стану повторять всего того, что я имѣлъ честь подносить в. и. в-ву во многихъ прежнихъ запискахъ о необходимости усилить постъ въ Корфу и не очищать Каттаро. Но не могу не представить вамъ слѣдующаго. Видя, что мы отказываемся отъ всякаго содѣйствія въ защитѣ Сициліи и береговъ, ведущихъ прямо къ оттоманскимъ владѣніямъ, Англія можетъ, съ своей стороны, перестать перехватывать морскія экспедиціи Франціи противъ Корфу; стоящій тамъ слабый гарнизонъ, лишенный значительной поддержки морскихъ силъ, не будетъ въ состояніи противиться неоднократнымъ нападеніямъ Бонапарта; и этому посту будетъ грозить опасность попасть въ руки непріятеля.—Но главная причина, побуждающая не давать приказанія вице-адмиралу Синявину отплыть въ порты Чернаго моря, это то, что подчиненные ему корабли принадлежатъ къ балтійскому флоту: весьма вѣроятно, что турки не пропустятъ ихъ черезъ Дарданеллы.—Итакъ, чтобы не раскрывать передъ Франціей нашего рѣшенія не дѣйствовать противъ нея, чтобы не дать понять Англіи, что мы можемъ даже удалить тѣ немногія русскія войска, которыя еще могли бы дѣйствовать заодно съ ними, кажется необходимо приказать г. вице-адмиралу Синявину снова занять свое положеніе у Семи-Острововъ и въ Адріатическомъ морѣ и отозвать его оттуда лишь въ томъ случаѣ,

la France aura été arrêtée par des stipulations, qui présentent un peu d'avantage à la Russie. — Bien loin de diminuer les forces russes de ce côté, il serait nécessaire de les renforcer, afin que m. de Siniawin eût constamment un corps de 8 à 10 m. hommes avec lequel il puisse inquiéter les français dans leur établissement en Dalmatie. Le désir de voir cesser une petite guerre faite par un corps toujours prêt à se rembarquer pour se retirer à Corfou, disposerait Bonaparte à souscrire à des conditions plus favorables pour la Russie, soit dans le moment actuel, soit dans le cours de quelques mois. — J'observerai encore à V. M. I. que, si elle adoptait ces mesures, il serait nécessaire d'envoyer aux Sept-Iles un officier habile, qui pût sous la direction générale du vice-amiral exécuter les entreprises, qu'il jugerait nécessaires sur les côtes.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 20. Подлинникъ.

№ 100.—Чарторижскій Талейрану.

30 avril (12 mai) 1806.

Le s-r Lesseps m'ayant assuré au nom de v. e. que la France désirait un rapprochement avec la Russie, je me suis empressé d'en rendre compte à l'E-r mon auguste maître, qui en a témoigné une véritable satisfaction partageant sincèrement ce désir, surtout depuis que des

---

когда прекратятся непріязненныя дѣйствія между Россіей и Франціей въ силу условій, представляющихъ нѣкоторыя выгоды для Россіи.—Вмѣсто того, чтобы уменьшить русскія силы съ этой стороны, необходимо, напротивъ, умножить ихъ такъ, чтобы у г. Синявина всегда былъ корпусъ въ 8—10 тысячъ человѣкъ, съ помощью котораго онъ могъ бы безпокоить французовъ въ ихъ владѣніяхъ въ Далмаціи. Желаніе прекратить партизанскую войну со стороны корпуса, всегда готоваго сѣсть на суда и возвратиться въ Корфу, заставило бы Бонапарта подписаться подъ болѣе благопріятными для Россіи условіями или теперь же, или въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.—Еще замѣчу в. и. в-ву, что въ случаѣ, если вы согласитесь на эти мѣры, нужно будетъ послать на Семь-Острововъ способнаго офицера, который могъ бы, подъ общимъ руководствомъ вице-адмирала, исполнить мѣропріятія, которыя онъ сочтетъ необходимыми на берегахъ.

30 апрѣля (12 мая) 1806.

Г. Лессепсъ увѣрилъ меня именемъ в. превосходительства, что Франція желаетъ сближенія съ Россіей. Я поспѣшилъ доложить объ этомъ моему августѣйшему государю и-ру, который выразилъ истинное удовольствіе по этому

évènements du nombre de ceux, qui peuvent facilement se reproduire tant que l'état de guerre se prolongera en Europe, menacent de troubler la tranquillité des états voisins et même de l'Autriche qui semble avoir acquis par tous ses sacrifices de justes titres à jouir de la sienne. — Pour conclure la paix, il est nécessaire de s'expliquer avec franchise sur tout ce qui peut avoir rapport aux intérêts de deux états, et c'est pour s'occuper de ce travail préliminaire avec vous, m-r, ou avec toute autre personne qui sera désignée à cet effet, que S. M. I. a chargé le conseiller d'état d'Oubril, qui aura l'honneur de vous remettre cette lettre, de se rendre à Paris. Un autre motif y a encore concouru. — Il se trouve en France des prisonniers russes dont l'E-r désirerait alléger la pénible destinée. Il s'est flatté qu'en donnant à m. le conseiller d'état d'Oubril le titre d'agent pour les prisonniers, il pourrait en s'occupant de la discussion de tout ce qui peut concourir à rendre la paix à l'Europe, recevoir aussi du ministère de France quelques détails sur la situation des sujets russes prisonniers de guerre, afin de pouvoir leur faire parvenir des secours qui ne sauraient que leur être infiniment précieux, quelque bien d'ailleurs qu'ils puissent être traités en France. — Il me reste à vous prier, m-r, d'ajouter foi à tout ce que m. le conseiller d'état d'Oubril vous dira au nom de S. M. I.

Pétersbourg. France, 1. Черновая.

поводу: онъ искренно раздѣляетъ это желаніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ извѣстныя событія, которыя легко могутъ повториться, пока длится война въ Европѣ, стали угрожать спокойствію сосѣднихъ державъ и самой Австріи, которая, кажется, пріобрѣла право пользоваться покоемъ цѣной столькихъ жертвъ. — Для заключенія мира необходимо искренно объясниться насчетъ всего, что̀ можетъ касаться выгодъ обоихъ государствъ. Для этой-то предварительной работы съ вами, м. г., или съ другимъ назначеннымъ къ тому лицомъ, е. и. в-во посылаетъ въ Парижъ статскаго совѣтника Убри, который будетъ имѣть честь вручить вамъ это письмо. Тутъ была и другая побудительная причина.— Во Франціи находятся русскіе плѣнные, тяжкую участь которыхъ и-ру хотѣлось бы облегчить. Онъ надѣялся, что, если дать г-ну ст. сов. Убри званіе агента для плѣнныхъ, то послѣдній могъ бы, занимаясь обсужденіемъ всего, что можетъ содѣйствовать европейскому миру, узнавать въ то же время отъ французскаго министерства нѣкоторыя подробности о положеніи русскихъ военно-плѣнныхъ, съ тѣмъ, чтобы доставить имъ вспомоществованіе, которое было бы, конечно, весьма драгоцѣнно для нихъ, какъ бы хорошо ни содержали ихъ во Франціи.—Мнѣ остается просить васъ, м. г., вѣрить всему, что скажетъ вамъ ст. сов. Убри отъ имени е. и. в-ва.

№ 101. — Полномочіе Петру Убри.

30 avril (12 mai) 1806.

Quoique mon intention en vous envoyant à Paris ne soit pour le moment que d'établir une discussion franche et confidentielle sur tous les intérêts de la Russie et de la France, afin de préparer par là les voies à une négociation formelle pour la paix générale, néanmoins, comme il est probable qu'il s'établira également à cette fin des pourparlers entre la France et la Grande-Bretagne et que vous serez invité à y prendre part, j'ai résolu de vous autoriser à intervenir en mon nom, en attendant que je puisse désigner à cet objet un plénipotentiaire particulier, dans toute négociation qui s'établira entre l'Angleterre et la France et de signer sub spe rati avec les plénipotentiaires respectifs tout acte que vous jugeriez conforme à l'honneur et aux intérêts de la Russie.

Pétersbourg. Paris, 1806, 1. Черновая.

№ 102. — Инструкція Петру Убри.

30 avril (12 mai) 1806.

Les notions que vous avez recueillies ici sur les motifs qui ont déterminé S. M. I. à vous envoyer à Vienne et à Paris, rendent superflu

---

30 апрѣля (12 мая) 1806.

Собственно я не имѣю другого намѣренія теперь, посылая васъ въ Парижъ, какъ завязать откровенное и тайное обсужденіе всѣхъ выгодъ Россіи и Франціи, съ цѣлью подготовить путь къ формальнымъ переговорамъ о всеобщемъ мирѣ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ, вѣроятно, начнутся съ тою же цѣлью переговоры между Франціей и Великобританіей, и васъ пригласятъ принять въ нихъ участіе, то я рѣшился, въ ожиданіи, пока можно будетъ назначить для этого особаго уполномоченнаго, уполномочить васъ вступать во всякіе переговоры между Англіей и Франціей и подписывать sub spe rati, вмѣстѣ съ ихъ уполномоченными, всякую бумагу, которая покажется вамъ соотвѣтствующею чести и выгодамъ Россіи.

30 апрѣля (12 мая) 1806.

Послѣ того, что́ вы узнали здѣсь о причинахъ, побудившихъ е. и. в-во послать васъ въ Вѣну и Парижъ, излишне снабжать васъ особенною инструк-

de vous munir d'une instruction particulière. — Vous connaissez les différentes relations dans lesquelles se trouve la Russie, et combien le désir de S. M. pour le rétablissement de la paix est sincère, et c'est sur cette connaissance que vous aurez à régler toutes vos démarches. Il est impossible de fixer quelles peuvent être les conditions d'une paix générale, et cela dépend en grande partie des dispositions que le chef du gouvernement français voudra y apporter. Vous trouverez dans différentes notes annexées à cette lettre ce que nous croyons qu'il serait essentiel d'obtenir pour la Russie, et ce sera à rapprocher de leur contenu les vues de la France que vous devrez vous appliquer essentiellement. — Je n'entrerai pas dans la discussion des motifs qui devraient engager la France à terminer la guerre, m'en remettant à cet égard à tout ce que vous inspirera votre zèle pour le service et votre connaissance des intentions de l'E-r; mais ce que je ne saurais ne pas vous recommander, c'est de ne point vous écarter de ce que commandent à la Russie son honneur et le maintien de ses rapports d'amitié et d'union avec les principales puissances de l'Europe.

Pétersbourg. Paris, 1806, 4. Черновая.

№ 103.—Докладъ Чарторижскаго.

7/19 мая 1806.

Учрежденная по высочайшему в. и. в-ва повелѣнію секретная цензура относительно присылаемыхъ въ Россію иностранныхъ вѣдомостей и журналовъ принуждена весьма часто останавливать выпускъ оныхъ, наипаче французскихъ, по причинѣ непристойныхъ статей, коими почти

ціей.—Вамъ извѣстны разныя отношенія, въ которыхъ находится Россія, а также вся искренность желанія е. в-ва возстановить миръ: это-то и должно руководить всѣми вашими поступками. Невозможно опредѣлить условій всеобщаго мира: это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ расположенія главы французскаго правительства. Изъ различныхъ нотъ, прилагаемыхъ при этой бумагѣ, вы увидите, что̀ мы считаемъ существеннымъ для Россіи: ваша задача будетъ состоять, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы сблизить виды Франціи съ содержаніемъ этихъ нотъ.—Не стану входить въ обсужденіе причинъ, которыя должны побуждать Францію окончить войну: полагаюсь въ этомъ на ваше служебное рвеніе и на ваше знаніе намѣреній и-ра. Но не могу не посовѣтовать вамъ одного: не забывайте того, что требуется отъ Россіи ея честью и сохраненіемъ дружескихъ и союзныхъ отношеній съ главными державами Европы.

всегда наполнены бываютъ. Но какъ при настоящемъ духѣ, управляющемъ франнузскими и даже нѣмецкими писателями, нельзя ожидать, чтобы пристойность соблюдена была, и что сіи, выписываемые публикою, журналы, исключая нѣсколькихъ ругательныхъ статей, содержатъ впрочемъ предметы, единственно до учености относящіеся, того ради всеподданнѣйше испрашиваю, не благоугодно-ли будетъ в. и. в-ву указать таковые французскіе и прочіе иностранные журналы выдавать съ вырѣзываніемъ листковъ, содержащихъ ругательства или несовмѣстныя разсужденія, дабы такимъ образомъ удовольствовать платящихъ деньги за выписываніе оныхъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 21. Подлинникъ.

№ 104. — Чарторижскій г-ну Убри.

15/27 mai 1806.

Dans une entrevue que j'ai eue le 5 avec Lesseps, il a tellement insisté sur la permission d'expédier un courrier pour Paris, que je n'ai pu m'y refuser, y étant d'ailleurs déjà autorisé. Je lui ai communiqué le même jour une dépêche du 2 au comte de Rasoumowsky et qui commence par ces mots: *J'ai mis sous les yeux de S. M. les différents rapports que vous m'avez adressés sur la prise de possession.* Il en a pris copie lui-même dans l'une des pièces attenantes à mon cabinet. Ruffin est parti dans la nuit même. — Bogoluboff est enfin arrivé le 6. Il nous a apporté des rapports du vice-amiral Siniawin dont la date est très ancienne; mais le lendemain est retourné Fedoroff par lequel nous avons enfin obtenu des notions positives et assez fraîches sur l'état des affaires

15/27 мая 1806.

При свиданіи со мной, 5-го числа, Лессепсъ такъ настойчиво просилъ позволенія отправить курьера въ Парижъ, что я не могъ отказать ему: впрочемъ, я уже имѣлъ разрѣшеніе на это. Въ тотъ же день я сообщилъ ему депешу графу Разумовскому отъ 2-го числа, которая начинается такъ: *я поднесъ в. в-ву различныя ваши донесенія касательно завладѣнія.* Онъ самъ списалъ ее въ сосѣдней съ моимъ кабинетомъ комнатѣ. Рюфенъ отправился въ ту же ночь.—Боголюбовъ прибылъ наконецъ 6-го числа. Онъ привезъ намъ довольно запоздавшія донесенія вице-адмирала Синявина. Но на другой день возвратился Федоровъ, отъ котораго мы получили наконецъ положительныя и довольно свѣжія извѣстія о положеніи дѣлъ съ этой стороны. Посылаю вамъ

de ce côté. Je vous envoie copie de plusieurs de ces derniers rapports.— Ellisen est également revenu de Londres le 7. Vous trouverez ici une copie des principales dépêches qui lui ont été confiées, ainsi que d'un rapport subséquent du baron Nicolay et enfin une copie du protocole de ma dernière conférence avec lord Gower. D'après le refus du gouvernement français de traiter en commun avec la Russie et l'Angleterre et d'après la réponse que ce refus a motivé de la part du gouvernement britannique de n'entrer dans aucune négociation sans y comprendre la Russie, il paraît que pour le moment on peut envisager les pourparlers entre ces deux puissances comme rompus. Ceci n'apporte encore aucun changement aux instructions données à m. le comte de Rasoumowsky pour ce qui regarde les ouvertures à faire au sujet de Cattaro, ni à votre destination ultérieure; mais vous aurez à vous abstenir de tout ce qui pourrait faire croire que de notre côté nous pourrons jamais traiter des affaires générales avec la France indépendamment de l'Angleterre. A cet égard vous voudrez bien vous conformer strictement au sens de la dépêche ci-jointe en copie que j'adresse à m. le comte de Stroganoff à Londres. — Vous voudrez bien communiquer à l'ambassadeur comte de Rasoumowsky le contenu de la présente, et je le prie de vous faire part également de l'expédition que je lui adresse.

Pétersbourg. Paris, 1806, 7. Черновая.

списки со многихъ изъ этихъ послѣднихъ донесеній. — Эллисенъ также возвратился изъ Лондона 7-го числа. Вы найдете здѣсь списокъ главныхъ изъ довѣренныхъ ему депешъ, а также нижеслѣдующаго донесенія барона Николаи и, наконецъ, списокъ протокола моей послѣдней бесѣды съ лордомъ Гоуэромъ. Въ силу отказа французскаго правительства вести переговоры сообща съ Россіей и Англіей, въ силу отвѣта британскаго правительства на этотъ отказъ, что оно не пойдетъ ни на какіе переговоры безъ Россіи, въ настоящее время, кажется, нужно считать переговоры между двумя державами прерванными. Покуда это вовсе не измѣняетъ наставленій, данныхъ графу Разумовскому насчетъ заявленій, которыя онъ долженъ сдѣлать по поводу Каттаро, а также не нарушаетъ вашей окончательной цѣли. Но вы должны воздерживаться отъ всего, что могло бы навести на мысль, будто мы стали бы когда-либо переговариваться съ Франціей объ общихъ дѣлахъ независимо отъ Англіи. Въ этомъ отношеніи благоволите строго слѣдовать смыслу прилагаемаго списка депеши, которую я отправляю въ Лондонъ графу Строганову. — Благоволите сообщить содержаніе настоящей депеши посланнику графу Разумовскому; а его прошу точно также познакомить васъ съ бумагами, которыя я посылаю ему.

№ 105. — Чарторижскій г-ну Убри.

15/27 mai 1806.

Par les différentes copies que je vous transmets aujourd'hui, vous verrez où nous en sommes avec l'Angleterre, la Prusse et la Suède pour ce qui regarde les intérêts de ces trois puissances entre elles et la part que nous jugeons devoir y prendre. — J'ajouterai que, par un courrier expédié d'ici le 12 pour Berlin et Stralsund, le comte Stakelberg et m. d'Alopéus ont été *spécialement chargé* de travailler à ménager un accommodement à l'amiable entre les deux cours. A cet effet m. de Stakelberg a été accrédité auprès de s. m. prusssienne par une lettre de cabinet *ad hoc*. Celle du même genre qui avait été expédiée à m. d'Alopéus le 12 avril, a été renvoyée. — Du reste vous verrez, par les protocoles des conférences que j'ai eues avec le comte de Goltz le 6 et 8 mai, la manière dont je me suis expliqué sur ces différents objets.— Vous voudrez bien remettre les pièces que je vous envoie à m. l'ambassadeur comte de Rasoumowsky, en gardant pour vous des copies ou des extraits de celles que vous jugerez devoir conserver.

Pétersbourg. Paris, 1806, 8. Черновая.

15/27 мая 1806.

Изъ различныхъ списковъ, которые я посылаю вамъ сегодня, вы увидите, до чего мы дошли съ Англіей, Пруссіей и Швеціей, что касается взаимныхъ интересовъ этихъ державъ и нашего участія въ нихъ. — Я прибавлю, что черезъ курьера, посланнаго отсюда 12 числа въ Берлинъ и Штральзундъ, гр. Штакельбергу и г. Алопеусу, *спеціально предписывалось* постараться достигнуть полюбовнаго соглашенія между двумя дворами. Съ этой цѣлью г. Штакельбергъ былъ акредитованъ при его в-вѣ прусскомъ королѣ кабинетнымъ письмомъ *ad hoc*. Такое же письмо, отправленное Алопеусу 12-го апрѣля, было возвращено обратно. Впрочемъ вы увидите изъ протоколовъ конференцій, которыя у меня были съ гр. Гольцемъ 6 и 8 мая, какимъ образомъ я высказался относительно этихъ различныхъ предметовъ. — Вы потрудитесь передать посылаемыя бумаги посланнику гр. Разумовскому, оставивъ у себя копіи или извлеченія изъ тѣхъ, которыя сочтете нужнымъ сохранить.

№ 106. — Убри Чарторижскому.

Vienne, 24 mai (5 juin) 1806.

Le courrier, que m. le comte de Rasoumowsky expédie aujourd'hui à v. e., lui porte le détail officiel et circonstancié de tout ce qui s'est passé relativement à deux objets de la dernière importance: celui de la remise de Cattaro et les ouvertures faites à m. de La Rochefoucault. Persuadé que je ne pourrais rien ajouter aux notions que vous recevez à cette occasion, je me bornerai à vous en parler, en tant que le rapport de ce qui me concerne individuellement l'amènera et se liera au bulletin que j'ai intentionné de vous adresser sur tout ce que j'ai fait et observé de tous côtés depuis mon arrivée à Vienne. — Descendu le 13/25 mai à la maison de campagne qu'habite m. le comte de Rasoumowsky, je lui remis les dépêches dont j'étais porteur; et comme après m'avoir témoigné très obligeamment du contentement de faire ma connaissance personnelle, il me demanda ce qui m'amenait à Vienne, je me référai aux dépêches dont j'étais porteur et je lui en détaillai le contenu aussi bien que les principes qui avaient amené les résolutions prises par S. M. I. Je n'eus point de peine à m'apercevoir, combien il avait été prévu avec fondement à St. Pétersbourg la répugnance que m. le comte de Rasoumowsky aurait à entrer en relation directe avec

---

Вѣна, 24 мая (5 іюня) 1806.

Курьеръ, котораго сегодня графъ Разумовскій отправляетъ къ в. прев-ву, доставитъ вамъ офиціальныя и обстоятельныя подробности обо всемъ, что произошло относительно двухъ предметовъ крайней важности — именно, возвращенія Каттаро и заявленій, сдѣланныхъ г-ну Ларошфуко. Я увѣренъ, что не могу ничего прибавить къ извѣстіямъ, которыя вы получите по этому случаю. Оттого ограничусь изложеніемъ того, что въ донесеніи касается меня лично и что имѣетъ связь съ задуманнымъ мною для васъ перечнемъ всего, что сдѣлано и замѣчено мною повсюду съ пріѣзда въ Вѣну. — Прибывъ 13 (25) мая на дачу, занимаемую гр. Разумовскимъ, я вручилъ ему данныя мнѣ депеши. Онъ весьма обязательно выразилъ свое удовольствіе по поводу личнаго знакомства со мной и спросилъ, что привело меня въ Вѣну. Я сослался на привезенныя мною депеши и сообщилъ ему подробности насчетъ ихъ, а также насчетъ началъ, которыя привели къ принятымъ е. и. в-мъ рѣшеніямъ. Мнѣ легко было замѣтить, какъ основательно предвидѣли въ С-Петербургѣ, отвращеніе гр. Разумовскаго къ прямымъ сношеніямъ съ агентами Франціи:

les agents de la France, pour lesquels il ne sentait aucune estime et dans lesquels il avait encore moins de confiance de trouver des dispositions à avoir égard aux justes demandes que la Russie ferait pour prix d'un rapprochement; cependant je n'observai rien, qui pût me faire appréhender qu'il voulût le moins du monde mettre en balance ses convenances personnelles avec la volonté du Souverain et ce que la force des circonstances nécessitait. Il me congédia pour s'occuper de la lecture de ce que je lui avais apporté et me donna rendez-vous au lendemain matin pour prendre connaissance des instructions éventuelles dont j'étais muni. Je fus exact à l'heure qui m'avait été fixée, et après avoir lu les notes qui doivent servir de direction à celui qui négociera avec la France, m. le comte de Rasoumowsky voulut bien discuter avec moi la marche qu'il y avait à suivre, tant vis-à-vis du comte de Stadion, que vis-à-vis de m. de La Rochefoucault. — J'appris alors des différentes menaces faites et en partie réalisées par les agents de Bonaparte, qui a suivi à cette occasion, comme vous vous en serez déjà convaincu, une marche progressive appuyée sur le principe, que le traité de Presbourg était comme nul et non advenu, et d'après laquelle on ne pouvait par conséquent pas calculer tout ce qu'il entreprendrait encore contre l'Autriche. Cependant il était déjà visible que, comme il l'a fait à l'égard de la Prusse, il voulait faire naître des incidents qui brouillent l'Autriche avec la Russie et l'Angleterre; et comme la première de ces puissances

---

онъ не чувствуетъ къ нимъ никакого уваженія, и еще менѣе питаетъ надежду встрѣтить въ нихъ желаніе удовлетворить справедливымъ требованіямъ, которыя выставитъ Россія цѣной своего сближенія. Тѣмъ не менѣе я не замѣтилъ ничего такого, что̀ заставило бы меня опасаться, что онъ готовъ хоть сколько-нибудь противопоставить свое личное удовольствіе волѣ государя и требованіямъ силы вещей. Онъ отпустилъ меня, чтобы заняться чтеніемъ привезеннаго мной, и назначилъ мнѣ свиданіе завтра утромъ, чтобы ознакомиться съ данными мнѣ наставленіями на случай. Я пришелъ какъ разъ въ назначенное время. Прочитавъ ноты, которыя должны служить руководствомъ тому, кто будетъ переговариваться съ Франціей, гр. Разумовскій соблаговолилъ обсуждать со мной, какъ поступать и съ графомъ Стадіономъ, и съ Ларошфуко.—Тутъ я узналъ о разныхъ, отчасти уже исполненныхъ, угрозахъ агентовъ Бонапарта, который, какъ вы легко убѣдитесь, идетъ въ этомъ случаѣ впередъ, опираясь на то начало, что пресбургскаго мира какъ бы не бывало, — начало, при которомъ не сообразишь, что̀ еще предприметъ онъ противъ Австріи. Между тѣмъ уже было замѣтно, что онъ хочетъ сдѣлать съ Австріей то же, что̀ сдѣлалъ съ Пруссіей, т.-е. создать такія случайности, которыя поссорили бы ее съ Россіей и Англіей. А такъ какъ первая изъ

n'a absolument aucun moyen d'avoir une volonté à elle, il parut instant d'écarter le plus promptement possible le prétexte que Bonaparte avait de lui demander tous les jours quelque nouveau sacrifice. — Pour y parvenir, il fallait rendre Cattaro; pour donner à m. Sankowsky le temps de s'y préparer, il fallait gagner une quinzaine de jours, il fallait enfin au moins s'assurer que le principal but de l'E-r dans cette restitution, celui de sauver l'Autriche, serait atteint. Vous trouverez dans les rapports de m. le comte de Rasoumowsky les détails de la manière dont il a tâché d'y parvenir sans que cela puisse faire tort à la négociation qu'il avait à entamer avec m. de La Rochefoucault. — A l'égard de celle-ci, m. le comte de Rasoumowsky ne me déguisa point la peine qu'il éprouvait d'en être chargé, mais je le trouvai bien résolu à faire tout ce qui dépendrait de lui pour tâcher d'amener la France à apprécier les intentions de l'E-r. — Non-seulement il prévit la nécessité de mettre beaucoup de franchise et même de complaisance dans ses pourparlers avec le sieur La Rochefoucault, mais il reconnut aussi combien il serait essentiel de ne lui présenter que successivement et même par la suite seulement les demandes que nous voulions faire, parce qu'il est persuadé qu'on ne saurait les obtenir qu'à la faveur d'une paix générale et en procurant à la France des compensations importantes de l'Angleterre.— La différence assez marquante qui existe dans la manière, dont m. de La Rochefoucault s'est expliqué aux deux entrevues qu'il a eu avec

---

этихъ державъ совсѣмъ лишена своей воли, то, казалось, нужно было возможно скорѣе устранить поводы, по которымъ Бонапартъ каждый день требовалъ отъ нея какой-нибудь новой жертвы.—Чтобы достигнуть этого, нужно было отдать Каттаро. Чтобы дать время г. Санковскому приготовиться къ этому, нужно было выиграть недѣльки двѣ или, по крайней мѣрѣ, удостовѣриться, что главная цѣль и-ра въ этомъ возвратѣ—спасеніе Австріи—будетъ достигнута. Въ донесеніяхъ гр. Разумовскаго вы найдете подробности о томъ, какъ онъ старался достигнуть этого безъ вреда для переговоровъ, которые приходилось ему завести съ г. Ларошфуко.—Что касается этихъ послѣднихъ, то гр. Разумовскій не скрылъ предо мной, какъ тяжело было для него это порученіе; но я видѣлъ, какъ онъ вполнѣ рѣшился сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы заставить Францію цѣнить намѣренія и-ра. — Онъ не только предвидѣлъ необходимость быть весьма искреннимъ и даже снисходительнымъ въ переговорахъ съ Ларошфуко, но и призналъ, какъ важно предъявлять ему наши требованія лишь послѣдовательно и даже одно за другимъ: онъ убѣжденъ, что они будутъ удовлетворены только при всеобщемъ мирѣ и при значительныхъ вознагражденіяхъ Франціи со стороны Англіи.—Довольно значительная разница въ способѣ изъясненій г-на Ларошфуко на первомъ и

m. le comte de Rasoumowsky, prouve combien ce dernier y a mis de liant; et il m'est revenu par une personne entièrement digne de foi, que l'ambassadeur de France était infiniment flatté de la manière, dont il avait été traité, et il a dit nommément, qu'il avouait son tort d'avoir jugé le comte de Rasoumowsky tout autre qu'il n'était. — Ce ne sera que dans dix-huit à vingt jours qu'on pourra juger des dispositions réelles de la France. Dans mon opinion Bonaparte fera des difficultés de traiter de toute autre chose que d'un arrangement séparé entre les deux cours, surtout si ses pourparlers avec l'Angleterre lui promettent quelque réussite. — Je reviens à mon bulletin. J'ai vu depuis plusieurs fois le comte de Rasoumowsky, et il m'a tenu au courant de tout ce qui s'est passé entre lui et m-s Stadion et La Rochefoucault. — Je vous avoue que je remettais d'un jour à l'autre d'amener avec l'ambassadeur la conversation sur ce qui le regardait personnellement. J'étais étonné de ce qu'il ne toucha point cette corde, peu surpris, mais bien charmé de voir, que cela n'eût aucune influence quelconque sur sa manière de procéder tant envers l'Autriche qu'envers la France. Ce n'est que le quatrième jour de mon arrivée qu'il en fut question dans nos entretiens, et tout ce que m'en a. dit m. le comte de Rasoumowsky est, qu'il ne lui appartenait point de scruter les volontés de l'E-r; que son âge et le nombre de ses années de service lui permettraient difficilement de commencer un nouveau poste; mais que devant quitter celui de Vienne,

---

на второмъ свиданіи съ гр. Разумовскимъ доказываетъ, какъ обходителенъ былъ послѣдній. Вполнѣ заслуживающее довѣрія лицо передало мнѣ, что французскій посланникъ чрезвычайно польщенъ его обхожденіемъ: именно, онъ сказалъ, что сознается въ ошибочности своего прежняго сужденія о гр. Разумовскомъ. — Не раньше 10—20 дней можно будетъ судить о дѣйствительномъ настроеніи Франціи. По моему мнѣнію, Бонапартъ не согласится договариваться ни о чемъ иномъ, кромѣ отдѣльнаго договора между обоими дворами, въ особенности если переговоры съ Англіей будутъ обѣщать ему какой-нибудь успѣхъ.— Возвращаюсь къ моему перечню. Я нѣсколько разъ видѣлся съ гр. Разумовскимъ; онъ сообщилъ мнѣ обо всемъ, что происходило между нимъ и гг. Стадіономъ и Ларошфуко. — Признаюсь вамъ, что я со дня на день откладывалъ разговоръ съ посланникомъ насчетъ того, что касалось его лично. Мнѣ казалось страннымъ, что онъ не затрогивалъ этого вопроса. Мнѣ было очень пріятно, хотя и не удивительно, видѣть, что это не имѣло никакого вліянія на его отношенія къ Австріи и Франціи. Лишь на четвертый день послѣ моего пріѣзда зашла рѣчь объ этомъ. Гр. Разумовскій сказалъ мнѣ, что не его дѣло обсуждать волю и-ра, и что въ его лѣтахъ и при его долговременной службѣ трудно начинать новое поприще; но покидая поневолѣ вѣнскій постъ, онъ

il voyait avec peine que le prince Kourakin dût le remplacer, parce qu'il ne l'y croyait guère propre. J'ai fait usage de ce que l'E-r m'a fait l'honneur de me dire sur les motifs qui le portaient à envoyer le comte à Londres; et il a paru satisfait de cette nouvelle preuve, qu'il n'avait pas perdu la confiance de son maître. — Voilà à peu près à quoi se réduisent mes relations avec le comte de Rasoumowsky. J'ai vu le comte de Stadion, dont je n'ai pas été très satisfait. Il m'a semblé que ce ministre était sous bien des rapports au-dessous de sa place et des circonstances malheureuses, où se trouve la monarchie autrichienne. Il m'a parlé avec beaucoup de vivacité et de feu de l'affaire de Cattaro, mais avec une légèreté qui faisait entrevoir le peu de peine qu'il s'était donné d'étudier des arguments contre la nécessité que nous tenions ce poste. Il donnait toute l'importance à la Dalmatie et assurait l'avoir prouvé, en écrivant au comte de Stahremberg, que l'Autriche désirerait la récupérer à la paix générale. Je convins que cette preuve était très bonne, mais il ne me fut pas difficile en même temps de lui prouver, que, si ce plan ne réussissait pas, il serait beaucoup plus avantageux à l'Europe et à l'Autriche en particulier que la Russie eût de préférence à la France une influence de ce côté. Non-seulement il en tomba d'accord, mais il parut désirer sincèrement que nous ne négligions rien pour nous l'assurer; et comme la conversation tomba sur les serviens, il convint

---

сожалѣетъ, что его преемникомъ будетъ князь Куракинъ, котораго онъ не считаетъ годнымъ къ тому. Я высказалъ то, что̀ имѣлъ честь слышать отъ и-ра насчетъ причинъ, побудившихъ его отправить графа въ Лондонъ. Онъ, кажется, удовлетворился этимъ новымъ доказательствомъ, что имъ не утрачено довѣріе его государя.—Вотъ приблизительно все, къ чему сводятся мои сношенія съ гр. Разумовскимъ. Видѣлъ я гр. Стадіона, и остался не очень доволенъ имъ. Мнѣ показалось, что этотъ министръ во многихъ отношеніяхъ ниже своего мѣста и того злополучія, въ которомъ находится австрійская монархія. Онъ говорилъ со мной о Каттаро весьма живо и горячо, но такъ легкомысленно, что очевидно, что онъ не очень-то трудился надъ изученіемъ доводовъ противъ необходимости, которая заставляетъ насъ держаться этого поста. По его мнѣнію, все дѣло въ Далмаціи: онъ увѣренъ, что доказалъ это, написавъ графу Штакельбергу, что при всеобщемъ мирѣ Австрія желаетъ возвратить ее себѣ. Я согласился, что это доказательство очень хорошо. Но въ то же время мнѣ не трудно было доказать ему, что въ случаѣ неудачи этого плана было бы гораздо выгоднѣе для Европы, и въ особенности для Австріи, еслибы Россія преимущественно передъ Франціей имѣла вліяніе съ этой стороны. Онъ не только согласился съ этимъ, но, казалось, искренно желалъ, чтобы мы не пренебрегли ничѣмъ для обезпеченія его себѣ. А когда

de la nécessité indispensable d'en faire une arme pour retenir la Porte dans notre système. Je lui observai que pour y parvenir, il fallait les soutenir un peu, et il avoua qu'on leur donnait des secours tout le long de la frontière, mais très secrètement, pour ne pas être compromis. — Après avoir discuté avec moi ainsi ces intérêts majeurs et après avoir représenté avec toute la force possible la faiblesse de l'Autriche et les dangers qu'elle courait du côté de la France, il me demanda, si le prince Kourakin viendrait bientôt à Vienne; je répondis, que je n'étais point instruit de l'époque de son arrivée. Il me dit: „c'est de quoi nous achever"; et il me fit entendre qu'il craignait personnellement sa présence, comme devant le géner infiniment dans sa marche, parce qu'il ne pourrait pas espérer d'être secondé comme il faut par lui dans les circonstances difficiles; cependant il dit ne plus oser rien écrire à St. Pétersbourg à ce sujet, surtout le comte de Rasoumowsky le lui ayant demandé très expressement. — Le comte de Stadion ajouta toutefois que le prince Kourakin serait reçu avec toute la distinction possible, qu'on ferait même plus pour lui sous ce rapport que pour tout autre, parce qu'on savait qu'il aimait la représentation; que pour sa personne il serait content, mais que les affaires probablement et par conséquent notre auguste maître auraient avec le temps à se plaindre de cette destination. Je n'épargnai rien pour montrer au comte de Stadion cet objet sous un

---

рѣчь коснулась сербовъ, онъ призналъ крайнюю необходимость воспользоваться ими какъ орудіемъ для удержанія Порты въ нашей системѣ. Я замѣтилъ ему, что для этого нужно бы немного поддерживать ихъ; онъ признался, что имъ помогаютъ по всей границѣ, но въ глубокой тайнѣ, чтобы не навлечь на себя подозрѣній.—Обсудивъ такимъ образомъ со мной эти высшіе интересы и изобразивъ со всей силой слабость Австріи и опасности, угрожающія ей со стороны Франціи, онъ спросилъ, скоро-ли кн. Куракинъ пріѣдетъ въ Вѣну. Я отвѣчалъ, что не знаю. Онъ сказалъ мнѣ: „это значитъ доканать насъ". И прибавилъ, что онъ лично опасается его присутствія: оно должно-де крайне стѣснять его дѣйствія, такъ какъ нельзя надѣяться, чтобы кн. Куракинъ поддерживалъ его какъ слѣдуетъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. А между тѣмъ, по его словамъ, онъ не смѣетъ ничего писать по этому дѣлу въ С.-Петербургъ: гр. Разумовскій весьма настойчиво просилъ его объ этомъ.—Впрочемъ гр. Стадіонъ прибавилъ, что кн. Куракинъ будетъ принятъ со всевозможнымъ отличіемъ: въ этомъ отношеніи для него даже сдѣлаютъ больше, чѣмъ для всякаго другого, такъ какъ извѣстно, что онъ любитъ представительство. Онъ сказалъ, что самъ онъ лично будетъ доволенъ; но дѣла, а слѣдовательно и нашъ августѣйшій государь, будутъ вѣроятно жалѣть современемъ объ этомъ назначеніи. Я не жалѣлъ словъ, чтобы представить гр. Ста-

jour différent, quoique je doive vous dire que je ne pouvais nullement y être préparé par tout ce qui m'est revenu depuis mon arrivée à Vienne. J'aurais un volume à vous écrire, si je voulais faire entrer dans ma lettre ce que chacun en dit. La colonie russe en parle peu, mais généralement elle ne croit pas à la chose, parce qu'il y a parmi des personnes, qui connaissent très particulièrement l'E-r et qui savent qu'il n'aura jamais de véritable confiance dans le prince Kourakin et encore moins dans ses talents. D'ailleurs le début de cet ambassadeur n'a pas été heureux; il s'est adressé au comte Saurau pour soigner son premier établissement. M. le comte, qui a la mémoire très bonne, surtout pour ce qui le concerne personnellement, à écrit à quelqu'un de ses amis, qui l'a redit à qui a voulu l'entendre, qu'il ne revenait pas de sa surprise que le prince Kourakin s'adressât à lui pour des détails tels que ceux de louer maison, chevaux, laquais, coureurs et pour confectionner des livrées, après avoir été l'instrument principal de son renvoi de St. Pétersbourg; qu'il lui fit venir l'eau à la bouche pour des parties de jeu et des soirées agréables, puisque la demande du rappel du comte Saurau s'est faite à la suite d'un office qu'il a remis, ou d'une plainte verbale qu'il a adressée pour réclamer une place donnée au baron de Stedingk à une partie de jeu avec l'impératrice-mère à Gatschina. — Je termine ici mon rapport, qui sans contenir rien de bien intéressant

---

діону это дѣло въ другомъ свѣтѣ, хотя долженъ сказать вамъ, что никакъ не ожидалъ этого, судя по тому, что̀ доходило до меня съ моего пріѣзда въ Вѣну. Пришлось бы написать цѣлый томъ, еслибы я вздумалъ изложить въ моемъ письмѣ все, что всякій говоритъ объ этомъ. Русская колонія мало говоритъ; но вообще она не вѣритъ этому, такъ какъ среди нея есть лица, которыя очень хорошо знаютъ и-ра и убѣждены, что онъ никогда не станетъ питать истиннаго довѣрія къ кн. Куракину и тѣмъ менѣе къ его талантамъ. Къ тому же первые шаги этого посланника не были удачны: онъ обратился къ графу Саураy съ хлопотами о своемъ первомъ обзаведеніи. Графъ, обладающій очень хорошею памятью, особенно во всемъ, что касается его лично, написалъ одному изъ своихъ друзей, который всѣмъ разсказывалъ объ этомъ, что онъ не могъ опомниться отъ удивленія, когда кн. Куракинъ обратился къ нему съ такими мелочами, какъ наемъ дома, лошадей, лакеевъ, скороходовъ, а также сооруженіе ливрей,—тотъ самый кн. Куракинъ, который былъ главнымъ виновникомъ его высылки изъ С.-Петербурга; что у него слюнки текли изо рта отъ карточныхъ игръ и пріятныхъ вечеровъ, потому что требованіе отозвать графа Саураy было послѣдствіемъ бумаги или словесной жалобы, въ которой онъ просилъ мѣсто, данное барону Стедингу при одной карточной игрѣ съ императрицей-матерью въ Гатчинѣ. — Здѣсь кончаю мое

est néanmoins devenu assez volumineux. Je dois cependant ajouter encore, que le secret de mon voyage projeté à Paris n'a point transpiré du tout; que personne absolument ne s'en doute. Lorsque Harlamoff et Foussadier sont arrivés, je me suis concerté avec le comte de Rasoumowsky sur la manière de cacher le sujet de leur apparition à Vienne, et nous sommes convenus de les envoyer à m. de Tatischeff. C'était le meilleur prétexte qu'on pouvait trouver, cependant vu les circonstances du moment il n'était guère bon; aussi les bien fins ont deviné que ces messieurs appartenaient à l'ambassade du prince Kourakin, et des lettres de Moscou, qui annoncent une ample recrue pour cette mission fondée sur l'espoir que le comte de Rasoumowsky emmènerait beaucoup de monde à Londres, ont pleinement confirmé le soupçon.

Pétersbourg. Paris, 1806, 13. Подлинникъ.

№ 107.—Докладъ Чарторижскаго.

24 мая (5 іюня) 1806.

Министръ сардинскій вручилъ мнѣ двѣ, у сего прилагаемыя, выписки изъ писемъ къ нему королевы сардинской.—Въ первомъ ея в-во изображаетъ опасность, каковой подвергаетъ ихъ пребываніе въ Сардиніи, какъ по настоящему положенію дѣла въ Италіи, такъ и по сосѣдству съ Корсикою, и, возлагая всю свою надежду на великодушіе в. и. в-ва, какъ на единственнаго по Богѣ покровителя ихъ дому, проситъ о присылкѣ въ Сардинію одного линейнаго корабля, который бы, въ случаѣ надобности, могли они употребить для своего спасенія.—Во второмъ, по единодушной просьбѣ начальника и всѣхъ офицеровъ корабля „Парасковіи", на которомъ ихъ сардинскія величества при-

---

донесеніе, которое довольно растянулось, хотя въ немъ мало любопытнаго. Впрочемъ я долженъ еще прибавить, что тайна моего предположеннаго путешествія въ Парижъ ни чуть не открылась: рѣшительно никто и не подозрѣваетъ этого. Когда пріѣхали Харламовъ и Фусадье, я сговорился съ гр. Разумовскимъ, какъ намъ скрыть причину ихъ появленія въ Вѣнѣ: мы условились отправить ихъ къ г. Татищеву. Лучшаго предлога нельзя было найти; но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ не былъ хорошъ: хитрецы догадались, что эти господа принадлежатъ къ посольству кн. Куракина, и это подозрѣніе было вполнѣ подтверждено московскими письмами, въ которыхъ говорится о большомъ наборѣ для этого посольства, такъ какъ думаютъ, что гр. Разумовскій возьметъ съ собой въ Лондонъ много народа.

были изъ Неаполя въ Сардинію, королева усильно ходатайствуетъ о всемилостивѣйшемъ возвращеніи прежняго чина и старшинства находящемуся на томъ кораблѣ Спиридону Ризо, который въ 1804 году разжалованъ изъ мичмановъ въ матросы за тайный пропускъ бычачьихъ кожъ.

Представляя сіе на усмотрѣніе в. и. в-ва, испрашиваю высочайшаго повелѣнія.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 23. Подлинникъ.

№ 108. — Чарторижскій г-ну Убри.

26 mai (7 juin) 1806.

Je profite du passage du capitaine Stanoewicz par Vienne, pour adresser au comte de Rasoumowsky différentes notions sur les affaires courantes, en le priant de vous en faire part.—La découverte, que nous venons de faire sur le manége qu'a tenu le comte Haugwitz à Paris pour obtenir le Hanovre, paraît très intéressante, et je ne doute pas que vous en tirerez parti. Il est certain qu'il serait plus conforme aux intérêts de la France même que le Hanovre soit rendu à l'Angleterre, d'autant plus que, sans ce préliminaire, cette puissance ne consentira jamais à un arrangement quelconque. — Quant aux demandes et aux propositions contenues dans les dépêches de m. Fox à lord Gower, je ne saurais prévoir quel sera le parti que prendra S. M. l'E-r. En tout cas il sera bon de ne faire aucune espèce d'usage de cette communication, et d'en garder la connaissance pour vous seul.

Pétersbourg. Paris, 1806, 9. Черновая.

---

26 мая (7 іюня) 1806.

Пользуюсь проѣздомъ капитана Станоевича черезъ Вѣну, чтобы передать гр. Разумовскому различныя свѣдѣнія о текущихъ дѣлахъ, прося его сообщить ихъ вамъ. — Только-что сдѣланное нами открытіе объ уловкѣ, къ которой прибѣгнулъ гр. Гаугвицъ въ Парижѣ, чтобы получить Ганноверъ, очень занимательно, и я не сомнѣваюсь, что вы имъ воспользуетесь. Несомнѣнно, что самой Франціи гораздо выгоднѣе уступить Ганноверъ Англіи, тѣмъ болѣе, что безъ этого предварительнаго условія, эта держава никогда не согласится на какую бы то ни было сдѣлку. Что же касается требованій и предложеній, содержащихся въ депешахъ г. Фокса лорду Гоуеру, я еще не могу предвидѣть, на что рѣшится его и. в-во. Во всякомъ случаѣ, лучше будетъ не пускать въ ходъ этого сообщенія, а сохранить его только для васъ однихъ.

№ 109.— Убри Чарторижскому.

Vienne, 28 mai (9 juin) 1806.

Quoique je n'aie rien d'important à vous écrire, il m'est impossible de savoir qu'il part un courrier sans prendre aussitôt la plume pour demander à v. e. la continuation de ses bontés. J'en ai eu une preuve bien précieuse dans ce que m. Fensch m'a apporté! Il était important que l'issue des négociations entre la France et l'Angleterre fût connue de m. le comte de Rasoumowsky et de moi, et maintenant je commence à nourrir quelque espoir que ces messieurs, si fiers, serait un peu plus traitables, depuis que m. Fox, auquel certainement personne ne fera le reproche de ne point désirer la paix, a montré tant de fermeté à soutenir une thèse que sa cour avait adoptée. — L'apparition de son ami m. Adair à Vienne doit produire de la sensation sur l'esprit de toute personne qui s'occupe d'affaires politiques. Je suis persuadé qu'elle a attiré l'attention de m. le comte de Rasoumowsky, et que, s'il ne peut le faire par le présent courrier, qu'il vous mandera à la première occasion quel est le but que ce plénipotentiaire cherche à atteindre. — M. le comte de Rasoumowsky continue à me donner des marques de bonté et de confiance qui me sont très précieuses, mais qui surtout pourront être

---

Вѣна, 28 мая (9 іюня) 1806.

Хотя у меня нѣтъ никакихъ важныхъ извѣстій, но, какъ только я слышу, что отправляется курьеръ, я не могу не взяться сейчасъ же за перо, чтобы испросить у вашего с-ва продолженіе вашихъ милостей. Вы уже дали мнѣ одно драгоцѣнное доказательство въ томъ, что́ мнѣ привезъ г. Феншъ. Намъ съ гр. Разумовскимъ важно было знать исходъ переговоровъ между Франціей и Англіей, и теперь я начинаю питать нѣкоторую надежду, что эти гордые господа будутъ нѣсколько сговорчивѣе, съ тѣхъ поръ какъ г. Фоксъ, котораго уже, конечно, никто не упрекнетъ въ нежеланіи мира, выказалъ столько твердости въ поддержаніи предложенія, принятаго его дворомъ. — Появленіе въ Вѣнѣ его друга, г. Адера, должно произвести впечатлѣніе на умъ каждаго, кто занимается политическими дѣлами. Я убѣжденъ, что оно привлекло вниманіе гр. Разумовскаго, и что онъ при первомъ удобномъ случаѣ сообщитъ вамъ, чего добивается этотъ уполномоченный, если не успѣетъ этого сдѣлать съ настоящимъ курьеромъ.—Гр. Разумовскій продолжаетъ осыпать меня знаками вниманія и довѣрія, которые для меня очень драгоцѣнны,

d'une grande utilité pour le service, dans le cas où j'irais à Paris et que toutefois la négociation avec la France se poursuive ici. — Dans peu mon sort sera décidé; plus le moment approche où j'aurai à agir par moi-même, plus je sens l'immensité des devoirs qu'il m'impose; cependant je commence à les envisager avec moins d'appréhension depuis que je sais que Bonaparte n'ignore pas que nous avons 300 m. hommes de disponibles. Je tâcherai de profiter de cette opinion fondée le plus avantageusement possible, pour obtenir au moins des égards à la Russie; car si ce n'était que pour faire persévérer l'E-r dans son système de modération, Bonaparte devrait supprimer toutes les diatribes qu'il publie journellement contre notre cour. Si je me laissais aller à la sensation qu'elles ont produit sur moi, ainsi que la nomination de Sebastiani à l'ambassade de Constantinople et celle de Fesch à la coadjutorerie de l'archichancellerie de l'empire, je crois que je ne finirais plus.

Pétersbourg. Paris, 1806, 14. Подлинникъ.

а главное, могутъ быть очень полезны для службы въ случаѣ, если я поѣду въ Парижъ, или если во всякомъ случаѣ переговоры съ Франціей будутъ вестись здѣсь.—Вскорѣ моя участь будетъ рѣшена; чѣмъ ближе подходитъ время, когда я долженъ буду дѣйствовать на свой страхъ, тѣмъ болѣе я чувствую необъятность налагаемымъ имъ на меня обязанностей; но я начинаю меньше бояться ихъ съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что Бонапарту извѣстно, что у насъ есть свободныхъ 300 тысячъ человѣкъ. Я постараюсь воспользоваться этимъ основательнымъ мнѣніемъ какъ можно выгоднѣе, чтобы добиться по крайней мѣрѣ уваженія къ Россіи, такъ какъ Бонапартъ долженъ будетъ прекратить всю брань, которую онъ ежедневно печатаетъ противъ нашего двора хотя бы для того, чтобы удержать и-ра въ его системѣ умѣренности. Еслибы я сталъ распространяться о впечатлѣніи, которое она произвела на меня, равно какъ и назначеніе Себастьяни посланникомъ въ Константинополѣ, а Феша коадъюторомъ эрцканцлера имперіи, то, мнѣ кажется, я никогда не кончилъ бы.

№ 110. — Фоксъ г-ну Убри.

Londres, 2/14 juin 1806.

M. d'Oubril peut compter que lord Yarmouth a toute la confiance du ministère britannique, et il serait désirable que m. d'Oubril se communiquât à lui en tout comme il le ferait ici au cabinet de St. James.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 19. Списокъ.

№ 111. — Убри Меллеръ-Закомельскому.

Vienne, 9/21 juin 1806.

S. M. I. ne perdant pas un moment de vue le sort de ses braves militaires, prisonniers de guerre en France, a voulu leur donner un témoignage particulier de son intérêt et a nommé un agent pour s'occuper de tout ce qui peut les concerner, et elle m'a honoré de son choix pour ces fonctions. — Le cabinet des Tuileries m'ayant fait remettre en conséquence des passeports pour me rendre à Paris, je compte entreprendre incessamment ce voyage et y concerter dès mon arrivée les mesures nécessaires pour faire tenir régulièrement aux prissoniers russes, qui se trouvent en France, l'assistance que S. M. leur destine. — Désirant cependant pourvoir dès à présent à leurs besoins les plus pressants,

---

Лондонъ, 2/14 іюня 1806.

Г. Убри можетъ разсчитывать на то, что лордъ Ярмутъ пользуется полнымъ довѣріемъ британскаго министерства, и было бы желательно, чтобы г. Убри сносился съ нимъ обо всемъ, какъ бы онъ это сдѣлалъ здѣсь, съ с.-джемскимъ кабинетомъ.

Вѣна, 9/21 іюня 1806.

Ни на минуту не теряя изъ виду участи тѣхъ своихъ храбрыхъ воиновъ, которые находятся во французскомъ плѣну, е. и. в-во пожелалъ явить имъ особый знакъ своего участія: онъ назначилъ агента, который долженъ заняться всѣмъ, что́ касается ихъ; онъ почтилъ меня своимъ выборомъ для этой обязанности.—Тюльерійскій кабинетъ далъ мнѣ, въ силу этого, паспорты на Парижъ, и я разсчитываю немедленно предпринять это путешествіе, чтобы съ самаго пріѣзда туда принять необходимыя мѣры, чтобы правильно доставлять русскимъ плѣннымъ во Франціи помощь, предназначенную для нихъ е. в-вомъ.—

je crois ne pouvoir mieux faire que de prier v. e. à l'occasion de son départ pour la France, de se charger de ce soin. — N'ayant aucunes données sur le lieu où sont les dépots de nos prisonniers, je désire, que vous vous en informiez, en arrivant aux frontières, et que sans affectation vous tâchiez de diriger votre route par les points, où vous croirez pouvoir rencontrer des prisonniers russes, et que partout où vous en trouverez vous leur laissiez une somme proportionnée au nombre d'hommes et à leurs besoins pendant un mois. — Là où il y aura des officiers russes, vous pourrez leur confier ce dépot pour le distribuer soit par jour, soit par semaine aux soldats; mais là où ceux-ci seront seuls, pour éviter qu'en recevant une somme un peu considérable à la fois, ils ne se portent à des excès, il sera plus convenable que vous priiez celui duquel ils ont à recevoir *le prêt* de la France, de se charger aussi de la distribution de la somme, que vous croiriez nécessaire d'après le nombre d'hommes. — Vous voudrez bien prendre quittance de chaque personne à laquelle vous remettrez des fonds, et en tenir un régistre exact pour me le faire parvenir dans l'occasion. — Pour subvenir à ces différentes dépenses, j'ai l'honneur de vous remettre ci-joint un crédit de 30 m. francs sur Strasbourg et Rheims, qui sont les villes où je suppose que sont établis les dépots de nos prisonniers. — Je dois encore vous prévenir que, d'après les ordres de S. M., m. l'ambassadeur comte de Rasoumowsky a déjà transmis, par les banquiers de Vienne Arnstein

---

Но, желая теперь же удовлетворить ихъ болѣе настоятельныя нужды, я считаю самымъ лучшимъ дѣломъ, пользуясь вашимъ отъѣздомъ во Францію, просить в. прев-во принять на себя эту заботу.—Не имѣя никакихъ свѣдѣній о мѣстахъ, гдѣ содержатся наши плѣнные, я желаю, чтобы вы справились объ этомъ на границѣ. Затѣмъ постарайтесь безъ шума направлять свой путь черезъ мѣстности, гдѣ вы надѣетесь встрѣтить русскихъ плѣнныхъ; и вездѣ, гдѣ найдете ихъ, оставляйте имъ извѣстную сумму, соотвѣтственно съ числомъ людей и съ ихъ нуждами, на мѣсяцъ.—Гдѣ есть русскіе офицеры, вы можете довѣрить имъ эту сумму для раздачи солдатамъ ежедневно или по недѣлямъ; а гдѣ солдаты одни, тамъ, во избѣжаніе, чтобы, получая разомъ порядочную сумму, они не предавались излишествамъ, лучше попросите раздатчиковъ французскихъ денегъ взять на себя и раздачу суммы, которую вы сочтете нужнымъ оставить, сообразно съ числомъ людей.—Благоволите брать росписки съ лицъ, которымъ вы вручите деньги, и вести имъ точный счетъ, чтобы при случаѣ доставить ихъ мнѣ. — На покрытіе этихъ различныхъ издержекъ честь имѣю доставить вамъ прилагаемый кредитъ въ 30 т. франковъ на Страсбургъ и Реймсъ, гдѣ, я думаю, содержатся наши плѣнные. — Я долженъ еще предупредить васъ, что, по приказу е. в-ва, посланникъ графъ Разумовскій уже

et Ekeles, quelques fonds en France pour les généraux et officiers russes prisonniers de guerre, et nommément pour les généraux à raison de 200 chacun, pour les officiers d'état major à raison de 30 à 40 chacun, et pour les officiers depuis le capitaine jusqu'à l'enseigne de 20 à 25 pour chacun.—Jusqu'ici leurs quittances ne sont point encore rentrées, et par conséquent j'ignore si ces fonds leur sont parvenus ou non; mais j'ai cru d'autant plus devoir faire connaître cet objet à v. e., pour qu'elle pût se régler, dans les avances qu'elle fera aux officiers, sur le besoin réel qu'ils pourraient avoir d'argent, en donnant la préférence à ceux qui n'auraient encore rien touché.

Pétersbourg. Paris. 1806, 15. Подлинникъ.

№ 112.—Убри Чарторижскому.

Vienne, 11/23 juin 1806.

Après les détails dans lesquels m. le comte de Rasoumowsky est entré dans ses différentes dépêches d'aujourd'hui, je n'ai rien à mander à v. e. relativement à mon voyage à Paris. Vous savez tout ce qui a précédé mon départ et sous quels auspices je me rends dans cette ville. Je dois cependant ajouter que, d'après les dépêches du général Vincent que le comte de Stadion m'a lues, il paraît que m. Talleyrand s'attendait à ce que nous n'aurions pas de peine à nous entendre. Il a dit que

---

послалъ, черезъ вѣнскихъ банкировъ, Арнштейна и Экелеса, нѣкоторыя суммы во Францію для русскихъ плѣнныхъ генераловъ и офицеровъ, а именно—по 200 каждому генералу, по 30—40 каждому штабъ-офицеру и по 20—25 каждому офицеру отъ капитана до прапорщика.—До сихъ поръ нѣтъ ихъ росписокъ, и я не знаю, дошли-ли до нихъ эти деньги. Тѣмъ болѣе считаю долгомъ увѣдомить васъ объ этомъ, чтобы въ вашихъ выдачахъ офицерамъ вы могли руководиться ихъ дѣйствительною нуждой въ деньгахъ и чтобы вы давали преимущественно тѣмъ, которые еще ничего не получили.

Вѣна, 11/23 іюня 1806.

Послѣ подробностей, въ которыя вдался сегодня гр. Разумовскій въ своихъ депешахъ, мнѣ нечего больше передать вамъ касательно моего путешествія въ Парижъ. Вамъ извѣстно все, что̀ предшествовало моему отъѣзду, а также, при какихъ предзнаменованіяхъ я отправляюсь въ этотъ городъ. Я долженъ только прибавить, что, судя по депешамъ генерала Венсана, которыя прочелъ мнѣ графъ Стадіонъ, г. Талейранъ, кажется, надѣется, что намъ не

j'étais français. Peut-être en infère-t-il que j'oublierai mes devoirs. Cette pensée, quelque injurieuse qu'elle puisse être pour moi, me serait bien précieuse, si elle me donnait des facilités pour remplir avec honneur la mission dont je suis chargé. Je ne chercherai point à dissuader m. Talleyrand, s'il a l'idée qu'un penchant secret m'attache à la France; mais sous aucun prétexte je ne souffrirai qu'on me traite comme le comte Monarini envoyé de l'archiduc Ferdinand de Milan, qui, envisagé comme sujet de Bonaparte, a été déclaré incapable de remplir une mission près de lui et de porter un ordre étranger sans son consentement. — M. le comte de Stadion m'a dit qu'il transmettrait au comte de Merveldt toutes ces dépêches de Paris, et par conséquent vous saurez avec détail tout ce qui s'est dit à mon sujet et tout ce qui concerne le comte Monarini. — Dans l'incertitude où je suis sur les facilités que je trouverai après mon arrivée à Paris, pour transmettre des secours aux prisonniers, j'ai cru devoir profiter d'une occasion favorable qui se présentait de leur en faire passer directement. Vous trouverez dans la lettre ci-jointe, que j'ai adressée au général Meller-Zakomelsky, tout ce qui est relatif à cet objet.—J'ai fait la connaissance personnelle de cet officier, et j'ai trouvé qu'il pourrait m'être d'une grande utilité dans l'affaire des prisonniers. Il a des manières très agréables, une grande mesure et beaucoup d'intelligence et, à ce que je crois, du talent pour la partie militaire. — J'ai le projet, lorsque je serai à Paris, de demander la per-

---

трудно будетъ согласиться. Онъ сказалъ, что я французъ. Быть можетъ, онъ выводитъ отсюда, что я забуду мой долгъ. Какъ ни оскорбительна для меня эта мысль, она была бы драгоцѣнна, еслибы облегчила мнѣ задачу исполнить съ честью возложенное на меня порученіе. Я не стану разубѣждать г. Талейрана, если онъ думаетъ, что тайная склонность привязываетъ меня къ Франціи; но ни въ какомъ случаѣ я не потерплю, чтобы со мной обращались какъ съ графомъ Монарини, посломъ эрцгерцога Фердинанда миланскаго: на него смотрѣли какъ на подданнаго Бонапарта, и объявили, что онъ не можетъ исполнять при немъ свою миссію и носить иностранные ордена безъ его согласія.—Гр. Стадіонъ сказалъ мнѣ, что пошлетъ графу Мервельдту всѣ эти парижскія депеши: слѣдовательно вы узнаете въ подробности все, что говорилось обо мнѣ и что касается гр. Монарини.—Не зная, насколько легко будетъ мнѣ, по пріѣздѣ въ Парижъ, передать вспомоществованія плѣннымъ, я счелъ долгомъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы отправить ихъ прямо къ нимъ. Изъ прилагаемаго моего письма къ генералу Меллеръ-Закомельскому вы увидите все, что касается этого предмета. — Я лично познакомился съ этимъ офицеромъ и нашелъ, что онъ могъ бы быть мнѣ очень полезенъ въ дѣлѣ плѣнныхъ. У него весьма пріятное обращеніе, много сдержанности,

mission pour lui d'y venir, et je suis sûr, qu'indépendamment de l'assistance qu'il me donnera pour arranger tout ce qui concerne les prisonniers, ce voyage ne sera point perdu, parce qu'il observera avec attention les objets relatifs à son métier.

Pétersbourg. Paris, 1806, 15. Подлинникъ.

№ 113. — Убри Чарторижскому.

Vienne, 11/23 juin 1806.

Ayant examiné avec plus d'attention, quel serait le détour que j'aurais à faire pour me rendre à Francfort sur Main, j'ai trouvé, qu'il serait de quarante miles d'Allemagne, ce qui aurait exigé au moins deux fois vingt quatre heures. Il m'a semblé que dans les circonstances actuelles, je ne devais pas perdre ce temps, et je me suis décidé à prendre la route directe pour Paris. — Afin de faire parvenir à m. Bethmann la lettre dont j'étais porteur pour lui, j'ai demandé au comte de Rasoumowsky de la remettre au conseiller de cour Harlamoff lorsqu'il reviendra ici de Cattaro et se rendra à Paris, en lui recommandant de passer par Francfort. J'écris en même temps à m. Bethmann pour lui demander de m'envoyer un crédit de 50 m. francs, afin que dans aucun cas je ne puisse manquer de fonds. — Je joins ici la copie de cette

---

ума и, какъ мнѣ думается, таланта по военной части. — Когда буду въ Парижѣ, намѣреваюсь просить позволенія ему пріѣхать туда: я увѣренъ, что, помимо помощи мнѣ въ дѣлѣ плѣнныхъ, это путешествіе не прошло бы даромъ, ибо онъ внимательно наблюдалъ бы все относящееся къ его службѣ.

Вѣна, 11/23 іюня 1806.

Разсмотрѣвъ повнимательнѣе, какой мнѣ придется сдѣлать объѣздъ, чтобы отправиться во Франкфуртъ-на-Майнѣ, я нашелъ, что это составитъ 40 нѣмецкихъ миль, такъ что потребовалось бы по крайней мѣрѣ двое сутокъ. Мнѣ показалось, что при теперешнихъ обстоятельствахъ я не долженъ терять столько времени, и поэтому я рѣшился ѣхать прямо на Парижъ.—Чтобы доставить г-ну Бетману письмо, которое мнѣ было поручено, я попросилъ гр. Разумовскаго передать его надворному совѣтнику Харламову, когда онъ вернется сюда изъ Каттаро и поѣдетъ въ Парижъ; я совѣтовалъ ему ѣхать черезъ Франкфуртъ. Въ то же время я пишу г. Бетману, прося его прислать мнѣ довѣренность на 50.000 фр., чтобы мнѣ ни въ какомъ случаѣ не нуждаться въ деньгахъ.—Я прилагаю здѣсь списокъ съ этого письма и прошу снисхож-

lettre et je demande l'indulgence de v. e., pour la détermination que j'ai prise, de ne point passer par Francfort, en la priant de considérer qu'un aussi long détour, dont il aurait été visible que m. Bethmann était le seul objet, aurait pu paraître suspect aux français et aurait pu le compromettre envers eux.

Pétersbourg. Paris, 1806, 16. Подлинникъ.

№ 114. — Префектъ департамента Нижняго Рейна г-ну Убри.

Strasbourg, 17/29 juin 1806.

J'ai pris connaissance du passeport qui vous a été délivré par s. e. le ministre des relations extérieures pour vous autoriser à vous rendre à Paris avec les personnes de votre suite. — Quelque désir que j'aie de faire quelque chose qui vous soit agréable et quelque puisse être l'objet de votre voyage, il ne dépend pas de moi, monsieur, d'interprêter les ordres formels et positifs concernant les porteurs de passeports quels qu'ils soient, que j'ai eu l'honneur de vous communiquer et dont je joins ici copie en forme. — Je ne puis en conséquence vous autoriser, ni aucune personne de votre suite à passer outre Strasbourg, jusqu'à nouvel ordre; néanmoins afin d'abréger autant qu'il peut dépendre de moi le retard momentané que vous allez éprouver, je dépêche en ce

---

денія вашего с-ва относительно принятаго мною рѣшенія не проѣзжать черезъ Франкфуртъ, а также прошу принять въ соображеніе, что столь далекій объѣздъ, предпринимаемый, очевидно, ради одного г. Бетмана, могъ бы показаться французамъ подозрительнымъ и могъ бы скомпрометировать его передъ ними.

Страсбургъ, 17/29 іюня 1806.

Я узналъ о паспортѣ, который вамъ былъ выданъ его с-вомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы пропустить васъ въ Парижъ съ вашей свитой.— Но, не смотря на все мое желаніе угодить вамъ и несмотря на цѣль вашего путешествія, я не смѣю нарушить, м. г., формальныя и положительныя приказанія, касательно предъявителей паспортовъ, кто бы они ни были, которыя я имѣлъ честь сообщить вамъ и съ которыхъ я прилагаю здѣсь списокъ по формѣ.—Слѣдовательно я не могу разрѣшить ни вамъ, ни кому-либо изъ вашей свиты ѣхать дальше Страсбурга до новаго приказанія; тѣмъ не менѣе, чтобы сократить, насколько это отъ меня зависитъ, кратковременную задержку, которую вамъ придется испытать, я посылаю въ настоящую минуту курьера

moment un courrier à s. e. le ministre de la police générale, pour lui adresser copie de votre passeport et solliciter de sa part une prompte décision sur l'autorisation que vous réclamez de vous rendre à votre destination. — Je puis d'autant moins, monsieur, me dispenser de vous faire l'application de cet ordre général et sans aucune exception, que le passeport de s. e. le ministre des relations extérieures est sans date, et qu'il est naturel de le supposer expédié antérieurement aux instructions nouvelles et générales qui ont été prescrites par le ministre de la police.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 17. Списокъ.

№ 115. — Убри Талейрану.

Strasbourg, 17/29 juin 1806.

Au moment où j'allais quitter Strasbourg, pour me rendre à Paris en vertu du passeport signé par v. e. que m. de La Rochefoucault m'a remis à Vienne, m. le préfet du Bas-Rhin m'a adressé la lettre que j'ai l'honneur de joindre ici en copie après m'avoir annoncé verbalement son objet. Je lui ai demandé la permission de profiter de son courrier pour écrire à v. e. Ne pouvant attribuer qu'à un mésentendu le retard aussi pénible qu'inattendu qu'éprouve mon voyage, j'ai pensé que plutôt v. e. en serait informée et plutôt je serais mis à même de me rendre à ma

---

къ его с-ву министру общей полиціи со спискомъ съ вашего паспорта и прошу съ его стороны быстраго рѣшенія относительно позволенія вамъ ѣхать къ мѣсту вашего назначенія.—Я тѣмъ болѣе не могу избѣжать примѣненія этого общаго приказанія безъ всякаго исключенія, что паспортъ его с-ва министра иностранныхъ дѣлъ не помѣченъ никакимъ числомъ, и что естественно предполагать, что онъ отправленъ раньше новыхъ и общихъ правилъ, предписанныхъ министромъ полиціи.

Страсбургъ, 17/29 іюня 1806.

Въ ту минуту, какъ я собирался выѣхать изъ Страсбурга, чтобы отправиться въ Парижъ, согласно паспорту, подписанному вашимъ с-вомъ и переданному мнѣ въ Вѣнѣ г. де-Ларошфуко, я получилъ отъ г. префекта Нижняго Рейна письмо, содержаніе котораго онъ сообщилъ мнѣ устно; я имѣю честь приложить здѣсь списокъ съ него. Я просилъ у него разрѣшенія воспользоваться его курьеромъ, чтобы написать вашему с-ву. Приписывая лишь недоразумѣнію столь же тяжелую, какъ и неожиданную задержку въ моемъ путешествіи, я думалъ, что, чѣмъ скорѣе ваше с-во узнаете объ этомъ, тѣмъ скорѣе я буду

destination, et j'ai saisi avec d'autant plus de plaisir l'idée de l'en instruire directement, qu'elle m'offrait une occasion de lui renouveler l'assurance de la considération respectueuse avec laquelle j'ai l'honneur d'être.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 17. Списокъ.

№ 116.—Докладъ Чарторижскаго.

17/29 juin 1806.

Tous les offices que m'a présenté le duc de Serra Capriola dans les derniers temps, roulent sur la demande de sa cour d'être soutenue par la Russie, soit que la guerre continue, soit qu'il s'agisse de négociations de paix. — En remettant ci joint ces différents offices auxquels le ministre de Naples demandera probablement des réponses, je crois de mon devoir d'observer que l'opinion qu'à cet égard j'ai toujours professé et que j'ai eu occasion de soumettre à S. M. I. est, que les démarches du duc sont on ne peut pas plus fondées en justice, et que les engagements que la cour impériale et celle de Naples ont contractés réciproquement, notamment le 29 août (10 septembre) dernier, et que celle-ci a remplis avec une loyauté et une exactitude exemplaires, mettent la Russie dans l'obligation non-seulement de ne pas abandonner les intérêts de S. M. Sicilienne, mais même de les soutenir et de les dé-

---

въ состояніи отправиться къ мѣсту моего назначенія, и я тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ остановился на мысли прямо извѣстить васъ объ этомъ, что мнѣ представился случай возобновить увѣреніе въ отмѣнномъ уваженіи къ вамъ, съ которымъ честь имѣю быть.

17/29 іюня 1806.

Всѣ бумаги, представленныя мнѣ въ послѣднее время герцогомъ Серра Капріола, посвящены просьбѣ его двора о помощи со стороны Россіи, будетъ-ли продолжаться война, или начнутся мирные переговоры. Прилагая при семъ эти бумаги, на которыя неаполитанскій министръ, вѣроятно, потребуетъ отвѣта, считаю долгомъ напомнить, какого мнѣнія я всегда держался объ этомъ предметѣ и имѣлъ случай представлять его в. и. в-ву. Поступки герцога какъ нельзя болѣе справедливы. Неаполитанскій дворъ образцово, честно и точно исполнилъ обязательства, взаимно принятыя на себя имъ и императорскимъ дворомъ, именно 29 августа (10 сентября). А эти обязательства налагаютъ на Россію долгъ не только не покидать выгодъ его сицилійскаго величества, но

fendre activement en toute occasion et par tous les moyens qui peuvent être à sa disposition.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 30. Подлинникъ.

№ 117. — Докладъ Чарторижскаго.

17/29 juin 1806.

Au moment de remettre la direction des affaires étrangères, qui m'a été confiée pendant deux ans et demi, je crois devoir présenter en raccourci le tableau de la situation des affaires politiques de la Russie relativement aux autres états de l'Europe telle que je la laisse en quittant le ministère. — Cette situation n'est pas aussi avantageuse que l'on aurait pu le désirer; mais du moins, après les évènements malheureux de l'année passée, cette situation est-elle aussi favorable que l'on pouvait l'attendre des seules opérations du ministère des affaires étrangères. Rien n'est gâté; tout reste à faire de quelque côté que V. M. I. veuille tourner son attention; et chaque objet qui pouvait intéresser la Russie, est acheminé à un point qui admettrait l'espoir, que telle résolution que V. M. jugerait à propos de prendre, pourrait être exécuté avec succès.— Les bouches du Cattaro, ce poste sur l'importance duquel je n'ai cessé d'attirer l'attention de V. M. I., ne sont pas remises. Le comte de Ra-

---

даже поддерживать ихъ и защищать на дѣлѣ при всякомъ случаѣ и всѣми средствами, находящимися въ ея распоряженіи.

17/29 іюня 1806.

Оставляя управленіе иностранными дѣлами, которыя довѣрялись мнѣ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, считаю долгомъ представить краткую картину русской политики по отношенію къ другимъ европейскимъ государствамъ въ томъ видѣ, въ какомъ я оставляю ее, покидая министерство.—Она находится не въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ было бы желательно; но въ виду несчастныхъ событій прошлаго года, нельзя было и ожидать лучшаго отъ дѣйствій одного министерства иностранныхъ дѣлъ. Ничего не испорчено. Куда в. и. в-во ни обратите своего вниманія, всюду еще нужно все сдѣлать; но каждое интересное для Россіи дѣло доведено до положенія, допускающаго надежду, что всякое рѣшеніе в. в-ва будетъ исполнено съ успѣхомъ.—Каттаро, этотъ важный постъ, на который я не переставалъ обращать вниманіе в. и. в-ва, не отданъ. Не упуская этого дѣла изъ виду и зная все значеніе его въ глазахъ Россіи и Франціи, гр. Разумовскій приказалъ Санковскому затянуть

soumowsky, ne perdant pas de vue cet objet et connaissant toute l'étendue de l'intérêt que doivent y prendre la Russie comme la France, a ordonné à Sankowsky de traîner la remise en longueur, afin de chercher d'en faire la condition d'une négociation avec la France, tandis que celle avec l'Angleterre est rompue, et de préparer en attendant tous les moyens pour reprendre immédiatement Cattaro s'il doit passer au pouvoir des français. Sur ce point important il dépendra donc encore de V. M. I. de donner tels ordres qu'elle jugera à propos. — On ne saurait désirer d'une puissance des sentiments et des dispositions meilleurs que ceux que nous a témoigné la cour de Londres. Cette cour désire nous voir actifs; mais excepté les demandes pressantes qu'elle nous a adressées à ce sujet et qui nous paraissent génantes, il n'y a pas de voeu de notre part qu'elle ne remplirait. — La Suède est, on ne peut pas mieux, disposée envers la Russie. Le roi paraît être animé d'un attachement réel pour V. M. I. Ce prince tient également à son alliance avec la Russie et l'Angleterre et il se croit dans les mêmes obligations envers l'une et l'autre de ces puissances. Cette persuasion l'entraîne à des démarches que nous n'avons pas toujours approuvées, mais qui n'en démontrent pas moins que le roi est sincèrement attaché à la cause commune et que l'on peut compter sur son soutien toutes les fois qu'il s'agira des intérêts de cette cause. Je ne saurais ne pas répéter ici, que le roi du Suède a toutes les raisons possibles pour

---

сдачу поста, чтобы сдѣлать ее условіемъ переговоровъ съ Франціей, при разрывѣ ихъ съ Англіей, и приготовить всѣ средства, чтобы немедленно снова занять Каттаро, если послѣдній долженъ перейти во власть французовъ. Итакъ, относительно этого важнаго дѣла опять-таки зависитъ отъ в. и. в-ва, какія дать приказанія.—Нельзя желать отъ любой державы лучшихъ чувствъ, чѣмъ тѣ, которыя обнаруживалъ намъ лондонскій дворъ. Правда, этотъ дворъ желаетъ, чтобы мы дѣйствовали; но, за исключеніемъ его настойчивыхъ требованій по этому поводу, которыя кажутся намъ стѣснительными, нѣтъ желанія съ нашей стороны, которое не было бы исполнено имъ.—Швеція какъ нельзя лучше расположена къ Россіи. Король, кажется, полонъ истинной привязанности къ в. и. в-ву. Этотъ государь равно держится своего союза и съ Россіей, и съ Англіей: онъ признаетъ за собой одинаковыя обязательства по отношенію къ обѣимъ державамъ. Это убѣжденіе вызывало поступки, которые не всегда были одобряемы нами; но тѣмъ не менѣе они доказываютъ, что король искренно приверженъ къ общему дѣлу, и что можно всегда разсчитывать на его поддержку, какъ только вопросъ пойдетъ о выгодахъ этого дѣла. Не могу не повторить здѣсь, что шведскій король имѣетъ всѣ основанія разсчитывать на помощь Россіи; но есть вѣроятность, что, еслибы Россія покинула его, и ему

compter sur l'assistance de la Russie; mais il est probable que même en se voyant abandonné par elle, s'il devait céder au-delà de ses propositions actuelles, il préfèrerait de courir les chances d'une guerre avec la Prusse. — Le Danemark est également dans de très bonnes dispositions, quant à la détermination de ne point laisser attenter à son indépendance. Il dépendra par la suite du langage, que nous tiendrons à Copenhague conjointement avec l'Angleterre, de retenir et de fortifier même le Danemark dans ce système. — La Prusse a déjà beaucoup cédé relativement à la Suède et s'est arrêtée tout court dans ses opérations contre elle à la voix de V. M. I. La négociation secrète est également acheminée, et le succès de ces deux objets ainsi que de l'aplanissement des difficultés survenues entre la Prusse et l'Angleterre dépendront, d'après mon opinion, du plus ou moins de fermeté que nous mettrons dans notre conduite envers la cour de Berlin, de sorte que si V. M. I. avait trouvé convenable d'adopter quelques-unes des idées contenues dans le dernier mémoire, que j'ai eu l'honneur de lui présenter sur les décisions à prendre relativement aux demandes récentes de la cour de Londres, tout en satisfaisant celle-ci, nous n'aurions pas eu la guerre avec la Prusse, qui très probablement aurait cédée sur les points qu'il importait à la Russie et à l'Angleterre d'obtenir d'elle. — L'Autriche, quoique forcée à des démarches contraires à ses principes comme à ses véritables intérêts, n'en est au fond pas moins dans les

пришлось бы уступить больше, чѣмъ въ его нынѣшнихъ предложеніяхъ, онъ предпочелъ бы случайности войны съ Пруссіей.—Данія также находится въ наилучшемъ настроеніи въ смыслѣ рѣшимости не допускать нарушенія своей независимости. Стало-быть, будетъ зависѣть отъ того, какъ мы будемъ говорить въ Копенгагенѣ совмѣстно съ Англіей, удержать и даже утвердить Данію въ этой системѣ.—Пруссія уже много уступила Швеціи и вдругъ остановила свои дѣйствія противъ нея, слѣдуя голосу в. и. в-ва, и уже наладились тайные переговоры. Успѣхъ этихъ двухъ дѣлъ, а также устраненіе непріятностей, возникшихъ между Пруссіей и Англіей, зависятъ, по моему мнѣнію, отъ большей или меньшей твердости въ нашихъ сношеніяхъ съ берлинскимъ дворомъ: еслибы в. и. в-во нашли удобнымъ принять нѣсколько мыслей изъ моей послѣдней записки, которую я имѣлъ честь представить вамъ по поводу мѣръ касательно новѣйшихъ требованій лондонскаго двора, то мы могли бы и вполнѣ удовлетворить этимъ требованіямъ, и избѣжать войны съ Пруссіей, которая, весьма вѣроятно, уступила бы въ томъ, чего нужно бы было Россіи и Англіи добиться отъ нея.—Хотя Австрія принуждена поступать противно своимъ убѣжденіямъ и своимъ истиннымъ выгодамъ, тѣмъ не менѣе она въ сущности находится въ лучшемъ настроеніи: можно надѣяться, что стоитъ дать ей вздох-

meilleures dispositions, et l'on peut s'attendre qu'en lui laissant reprendre haleine, cette puissance dans l'occasion se trouvera toujours à sa place. V. M. I. vient de la délivrer d'un grand embarras, en ordonnant la réstitution des bouches du Cattaro; cependant, comme je l'ai observé plus haut en parlant de ce poste, il peut survenir telle chance, qui, tout en remplissant l'intention généreuse de V. M. I. de détourner de l'Autriche le nouvel orage qui la menaçait, pourra néanmoins conserver à la Russie les avantages inappréciables qui résultent de la possession des bouches du Cattaro et parmi lesquels il faut essentiellement compter la facilité que nous aurions de défendre ou de contenir la Turquie selon les circonstances. — De toutes les puissances voisines la Turquie est celle dont les dispositions à l'égard de la Russie sont les plus équivoques. Le divan, longtemps dirigé par l'influence exclusive du cabinet de St. Pétersbourg, paraît se laisser éblouir par les promesses astucieuses de Bonaparte, qui ne vise qu'à s'emparer des ressources que possède encore l'empire Ottoman et pour s'approprier ensuite telle partie de cet empire qui sera le plus à sa convenance. Bonaparte agit et agira à Constantinople par la crainte; c'est en y inspirant le même sentiment que nous pouvons lui tenir tête de ce côté; et telle est l'opinion que j'ai osé constamment soumettre à V. M. I. Tous nos moyens d'action contre la Porte sont intacts; et l'attachement surtout des peuples slaves qui habitent les différentes provinces de la Turquie, ainsi que des grecs à V. M. I., atta-

---

нуть — и эта держава всегда окажется при случаѣ на своемъ мѣстѣ. В. и. в-во только-что освободили ее отъ большой непріятности, приказавъ возвратить Каттаро. Тѣмъ не менѣе, какъ я уже замѣтилъ выше, говоря объ этомъ постѣ, можетъ подойти такой случай, что и исполнилось бы великодушное желаніе в. и. в-ва отвратить отъ Австріи новую бурю, и сохранились бы за Россіей неоцѣненныя выгоды занятія Каттаро, во главѣ которыхъ нужно поставить ту легкость, съ которою мы могли бы защищать или сдерживать Турцію, смотря по обстоятельствамъ.—Изъ всѣхъ сосѣднихъ державъ Турція питаетъ наиболѣе сомнительныя чувства относительно Россіи. Диванъ, столь долго подчинявшійся исключительному вліянію с.-петербургскаго кабинета, кажется, ослѣпленъ коварными обѣщаніями Бонапарта, который думаетъ лишь о томъ, чтобы овладѣть послѣдними средствами Оттоманской имперіи и присвоить потомъ ту часть этой имперіи, которая больше приглянется ему. Бонапартъ дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать въ Константинополѣ страхомъ: мы можемъ бороться съ нимъ, внушая тамъ то же чувство. Я всегда высказывалъ это мнѣніе в. и. в-ву. Всѣ наши средства противодѣйствовать Портѣ не тронуты; въ особенности же привязанность славянъ въ различныхъ провинціяхъ Турціи и грековъ къ в. и. в-ву, которую министерство всячески старалось поддерживать,

chement que le ministère autant qu'il a dépendu de lui, a mis un soin particulier à cultiver, offre encore à la Russie des ressources immenses, dont il ne dépendrait que d'elle de tirer le plus grand parti. — Parmi les puissances du midi l'Espagne est celle, dont le concours pourrait être le plus utile, si jamais les circonstances amenaient quelque changement dans les affaires générales de l'Europe; et cette puissance nous a manifesté des dispositions très favorables à la cause commune, autant que le lui permet l'état d'asservissement où, avec le reste de l'Europe, elle se trouve aujourd'hui vis-à-vis de la France. — Les rois de Naples et de Sardaigne, malgré les malheurs qui les accablent, sont restés constants dans leur attachement à la Russie et maintiennent leurs sujets dans une haine invariable contre Bonaparte. Si l'occasion s'en présentait, V. M. I. pourrait toujours compter sur les ressources qui restent encore à ces souverains. — Enfin des relations sont ouvertes avec l'ennemi commun. La manière dont cette négociation, motivée par le danger pressant de l'Autriche, a été entamée, n'est accompagnée d'aucune inconvenance et peut amener la paix, si tant y a que l'on soit décidé à la faire. — Il paraît donc que les affaires générales, autant que cela a pu dépendre de la gestion du cabinet et de l'exécution des décisions de V. M. I. telles qu'elles ont été prises, sont laissées dans un état que l'on peut appeler aussi bon que la situation des choses dans son ensemble pouvait seulement le permettre. La majorité des puissances est

---

даетъ Россіи огромныя преимущества, и отъ васъ зависитъ воспользоваться ими наилучшимъ образомъ.—Среди южныхъ державъ Испанія можетъ быть наиболѣе полезною въ случаѣ, если обстоятельства приведутъ къ какому-либо измѣненію въ общемъ положеніи европейскихъ дѣлъ. И эта держава обнаружила настроеніе, весьма благопріятное для общаго дѣла, насколько позволяетъ ей рабство, въ которомъ она находится теперь, вмѣстѣ съ остальною Европой, по отношенію къ Франціи.—Короли неаполитанскій и сардинскій, несмотря на удручающія ихъ дѣйствія, сохранили свою привязанность къ Россіи и поддерживаютъ въ своихъ подданныхъ неизмѣнную ненависть къ Бонапарту. При случаѣ, в. и. в-во всегда можетъ разсчитывать на средства, которыя еще остаются у этихъ государей.—Наконецъ, завязались сношенія съ общимъ врагомъ. Начало этихъ переговоровъ, поводомъ къ которымъ выставлена неминуемая опасность для Австріи, не сопровождалось никакою неловкостью: дѣло можетъ придти къ миру, если только хотятъ заключить его.—Итакъ, насколько зависитъ отъ дѣйствій кабинета и отъ точнаго исполненія воли в. и. в-ва, общія дѣла оставляются въ положеніи, которое можно назвать такимъ хорошимъ, какимъ только оно можетъ быть вообще при нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Большинство державъ все еще расположено къ намъ и полно довѣрія; нам-

encore bien disposée et remplie de confiance pour nous; les objets, qui nous touchent du plus près, sont à un point où les résolutions de V. M. pourront leur faire prendre telle direction qu'elle jugera à propos de leur donner.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 28. Подлинникъ.

№ 118. — Докладъ Чарторижскаго.

17/29 juin 1806.

Quoique la conduite du roi de Suède n'ait pas toujours été conforme aux règles de la stricte prudence, il n'en est pas moins certain que la fermeté et la loyauté de ce prince non moins que les engagements de la Russie envers lui exigent tous les soins de S M. I. pour le tirer de la situation critique où il se trouve dans ce moment-ci. Il est à désirer que la négociation confiée au comte de Stakelberg puisse produire cet effet; mais si contre toute attente les affaires pouvaient s'embrouiller au point d'amener des hostilités réelles entre la Prusse et la Suède, qui entraîneraient immanquablement pour cette dernière puissance la perte de la Poméranie, il semble que le traité de Gatschina, mais surtout l'art. V secret de la convention du 2/14 Janvier 1805, ne laisseraient pas à S. M. I. le choix du parti qu'elle aurait à embrasser. — Pour éviter cette extrémité, il semblerait convenable d'insister

---

болѣе близкія къ намъ дѣла въ такомъ видѣ, что отъ воли в. в-ва зависитъ тотъ или другой ихъ ходъ.

17/29 іюня 1806.

Хотя поведеніе шведскаго короля не всегда согласовалось съ правилами строгаго благоразумія, тѣмъ не менѣе вѣрно, что какъ твердость и честность этого государя, такъ и обязательства Россіи относительно него, требуютъ, чтобы в. и. в-во всячески старались вывести его изъ того критическаго положенія, въ которое онъ попалъ въ эту минуту. Желательно, чтобы порученные графу Штакельбергу переговоры произвели такое дѣйствіе; но если, сверхъ всякаго ожиданія, дѣла запутаются до того, что дѣйствительно откроются непріязненныя дѣйствія между Пруссіей и Швеціей, которая при этомъ неизбѣжно потеряетъ Померанію, то в. и. в-ву, кажется, нельзя колебаться, въ виду гатчинскаго договора, въ особенности же V-й тайной статьи конвенціи 2/14 января 1805.—Во избѣжаніе этой крайности, кажется, слѣдовало бы особенно сильно настаивать въ Берлинѣ на исполненіи послѣднихъ желаній шведскаго короля.

d'autant plus fortement à Berlin sur l'admission des derniers désirs du roi de Suède, desquels ce prince très probablement ne consentira guère à se départir. Ce parti mettrait aussi dans le plus grand jour la manière dont S. M. envisage la prise de possession du Hanovre par la Prusse et serait conforme aux liens qui nous unissent à l'Angleterre.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 29. Подлинникъ.

№ 119. — Убри Чарторижскому.

Strasbourg, 18/30 juin 1806.

J'ai l'honneur de rendre compte à v. e. qu'étant arrivé à Strasbourg samedi soir le 16/28 juin, je me suis rendu dimanche matin chez m. le préfet du département pour le prier d'apposer à mon passeport le visa nécessaire pour que je puisse continuer ma route. M. Shée m'a fait communication d'un ordre du ministre de la police générale, qui assujettit tous les étrangers, qui arrivent à Strasbourg pour se rendre dans l'intérieur de la France, à y attendre la confirmation des passeports dont ils sont munis. — J'ai fait à m. le préfet toutes les observations qui me semblaient devoir l'engager à me laisser continuer ma route, et je me suis appuyé surtout de l'avis qu'il devait avoir reçu de m. de la Rochefoucault; mais il m'a assuré n'en avoir eu aucun et ne pouvoir absolument s'écarter de ce qui lui était prescrit par le ministre

---

отъ которыхъ онъ, по всей вѣроятности, не отступится. Это также вполнѣ выяснило бы взглядъ в. в-ва на захватъ Ганновера Пруссіей и было бы согласно съ узами, которыя связываютъ насъ съ Англіей.

Страсбургъ, 18/30 іюня 1806.

Честь имѣю доложить вашему сіятельству, что, прибывъ въ Страсбургъ въ субботу вечеромъ 16/28 іюня, я отправился въ воскресенье утромъ къ г. префекту департамента съ просьбой визировать мой паспортъ для продолженія моего путешествія. Г. Сэ сообщилъ мнѣ приказъ министра общей полиціи, въ силу котораго всѣ иностранцы, пріѣзжающіе въ Страсбургъ, чтобы слѣдовать внутрь Франціи, должны выжидать тамъ утвержденія своихъ паспортовъ.—Я высказалъ г. префекту все, что, казалось, должно было заставить его пропустить меня; въ особенности я упиралъ на увѣдомленіе, которое онъ долженъ былъ получить отъ г. Ларошфуко. Но онъ увѣрялъ меня, что ничего не получалъ и что рѣшительно не можетъ уклониться отъ предписаній министра общей полиціи. Я выразилъ г-ну Сэ желаніе имѣть официальное за-

de la police générale. Sur le désir que j'ai témoigné à m. Shée d'avoir une communication officielle des motifs qui l'engageaient à refuser son visa à mon passeport, il y a consenti avec beaucoup d'obligeance et m'a adressé la lettre que j'ai l'honneur de joindre ici en copie. — J'ai cru qu'il était convenable que je réclamasse de m. de Talleyrand une prompte expédition de la confirmation du passeport qu'il m'avait donné, et je lui ai écrit la lettre également jointe ici en copie. — Je ne doute pas un moment que par le retour du courrier de Paris, je ne sois mis à même de continuer ma route. J'en rendrai compte à v. e., comme je n'ai pas voulu tarder de l'instruire avec détail de la cause d'une prolongation de séjour à Strasbourg, qui aurait lieu de la surprendre, si la nouvelle lui en parvenait par les feuilles publiques avant qu'elle soit en possession de la présente dépêche.

Pétersbourg. Paris, 1806, 17. Подлинникъ.

№ 120. — Сэ, префектъ департамента Нижняго Рейна, г-ну Убри.

Strasbourg, 21 juin (3 juillet) à 9 heures du soir an 1806.

Je m'empresse d'avoir l'honneur de vous informer, que je reçois dans l'instant l'ordre de S. M. l'E-r et Roi, de vous laisser continuer votre route pour Paris. — Agréez, je vous prie, mes voeux bien sincères

---

явленіе о причинахъ, заставляющихъ его отказывать мнѣ въ визированіи паспорта. Онъ согласился весьма любезно и прислалъ мнѣ письмо, которое имѣю честь присоединить здѣсь въ спискѣ. — Я счелъ умѣстнымъ потребовать у г. Талейрана скорѣйшей присылки утвержденія даннаго имъ мнѣ паспорта, и написалъ ему письмо, также прилагаемое здѣсь въ спискѣ. — Не сомнѣваюсь ни на минуту, что съ возвращеніемъ курьера изъ Парижа мнѣ можно будетъ продолжать мое путешествіе. Я доложу объ этомъ в. с-ву точно также, какъ мнѣ не хотѣлось запаздывать съ подробнымъ увѣдомленіемъ о причинѣ моего долгаго пребыванія въ Страсбургѣ: вы могли бы удивиться, еслибы узнали о ней изъ журналовъ прежде, чѣмъ получилась бы настоящая депеша.

Страсбургъ, 21 іюня (3 іюля), 9 часовъ вечера, 1806.

Я спѣшу имѣть честь увѣдомить васъ, что сію минуту я получилъ приказъ отъ его в-ва и-ра и короля позволить вамъ продолжать вашъ путь въ Парижъ. — Прошу васъ принять мои искреннія пожеланія вамъ счастливаго

pour que votre voyage soit heureux et recevez l'assurance des sentiments distingués que vous m'avez inspirés et avec lesquels je suis etc. — Shée.

Pétersbourg. Paris, 1806, 18. Подлинникъ.

№ 121. — Убри Строгонову.

Paris, 27 juin (9 juillet) 1806.

Vous savez avec détail sous quels auspices je me suis rendu à Paris et vous connaissez sans doute, par les communications de m. Fox, quel est l'état de choses que j'y ai trouvé. Je crois cependant devoir le retracer en peu de mots, afin que v. e. puisse apprécier quelle a été ma conduite depuis quatre jours que je suis dans Paris, quels en ont été les résultats et quels doivent en être les conséquences. — Lord Yarmouth m'a communiqué que la France ne voulait pas entendre parler du mélange des deux négociations; que Bonaparte allait détruire l'existence de la dignité impériale germanique; qu'il allait disposer de la Suisse, de l'Espagne et du Portugal. — J'ai su de bonne source que l'asservissement de l'empire Ottoman était un des plans arrêtés. Dans cet état de choses, j'ai cru devoir ne rien épargner pour unir nos intérêts, et j'y suis parvenu. M. de Talleyrand tout en assurant qu'il n'y est point autorisé par Bonaparte, m'a chargé de m'informer à Londres, comme d'un

---

пути и увѣреніе въ отмѣнныхъ чувствахъ, которыя вы внушили мнѣ и съ которыми честь имѣю пребывать, и т. д.

Парижъ, 27 іюня (9 іюля) 1806.

Вамъ извѣстно въ подробности, при какихъ предзнаменованіяхъ прибылъ я въ Парижъ, и вы знаете, конечно, черезъ г. Фокса, въ какомъ положеніи я нашелъ тамъ дѣла. Впрочемъ считаю долгомъ очертить его въ нѣсколькихъ словахъ, чтобы в. с-во могли видѣть, каково было мое поведеніе въ Парижѣ въ первые четыре дня, каковы были послѣдствія и что́ должно проистечь отсюда.—Лордъ Ярмутъ сообщилъ мнѣ, что Франція не хочетъ и слышать о смѣшеніи двухъ переговоровъ; что Бонапартъ рѣшился уничтожить императорское достоинство въ Германіи; что онъ намѣренъ располагать Швейцаріей, Испаніей и Португаліей.—Я узналъ изъ хорошаго источника, что порабощеніе Оттоманской имперіи было однимъ изъ рѣшительныхъ плановъ. При такомъ положеніи дѣлъ я счелъ долгомъ не жалѣть ничего, чтобы слить наши выгоды, и достигъ этого. Г. Талейранъ при всѣхъ своихъ увѣреніяхъ, что Бонапартъ не уполномочивалъ его на это, поручилъ мнѣ однако справиться

objet suscité par un tiers, si la Dalmatie, l'Albanie entière et Raguse, vu leur position, seraient envisagées comme une compensation de la perte de la Sicile par le roi de Naples. — Je l'ai assuré que comme position je le croyais, mais que comme revenu je ne croyais pas que cela fût admissible.

Cependant lord Yarmouth avait déjà la promesse de la restitution du Hanovre, celle de l'abandon, en faveur du roi des deux Siciles, des trois villes anséatiques, celle du maintien de l'intégrité de la Suisse, des possessions allemandes du roi de Suède, de l'Espagne et du Portugal. Ce seraient donc là les conditions de la paix; voici mon opinion individuelle. Je n'ai pas besoin de parler de mes instructions, car vous les connaissez. — Si l'on laisse échapper cette occasion de faire la paix, jamais on n'obtiendra la restitution du Hanovre, et toutes les fois qu'on voudra le prendre de force, on aura contre soi la France unie à la Prusse, tandis qu'en signant maintenant le traité sur ces bases, on brouillera à jamais la France et la Prusse. — En arrachant à la France Raguse, l'Albanie et la Dalmatie, on détruit son influence à Constantinople, et l'Europe gagne par là les forces que la Russie serait obligée de destiner à surveiller les turcs. — Il est entendu que nous conserverions la station de Corfou, et j'ai dit à m. de Talleyrand que ce serait nommément pour protéger l'indépendance de la propriété du roi de Naples

---

въ Лондонѣ, какъ о дѣлѣ, возбужденномъ третьимъ лицомъ, признаютъ-ли тамъ Далмацію, всю Албанію и Рагузу, въ виду ихъ положенія, достаточнымъ вознагражденіемъ за утрату Сициліи неаполитанскимъ королемъ?— Я увѣрялъ его, что, по мнѣ, признаютъ, въ смыслѣ положенія, но не думаю, чтобы допустили это въ смыслѣ доходности.

Между тѣмъ лорду Ярмуту уже обѣщали возвратить Гановеръ, отступиться отъ трехъ ганзейскихъ городовъ въ пользу короля Обѣихъ Сицилій, сохранить неприкосновенность Швейцаріи, нѣмецкихъ владѣній шведскаго короля, Испаніи и Португаліи. Все это, право, мирныя условія: таково мое личное мнѣніе. Нѣтъ нужды говорить о моихъ инструкціяхъ: онѣ вамъ извѣстны.— Если упустить этотъ случай заключить миръ, то никогда не добьемся возвращенія Гановера, и всякій разъ, когда вздумаютъ взять его силой, увидятъ противъ себя Францію въ союзѣ съ Пруссіей, тогда какъ, подписавъ договоръ теперь, мы навсегда поссорили бы Францію съ Пруссіей.—Отнимая у Франціи Рагузу, Албанію и Далмацію, мы подорвали бы ея вліяніе въ Константинополѣ, и черезъ то Европа пріобрѣла бы силы, которыя иначе Россія обязана предназначать для надзора за турками.—Было условлено, что мы сохранимъ стоянку въ Корфу; и я сказалъ г. Талейрану, что это именно для охраненія независимости владѣній неаполитанскаго короля на Адріатическомъ морѣ;

sur la mer Adriatique, parce que ce prince n'aurait pas avec ce qu'on lui offre de quoi entretenir une garde. — En arrachant la Dalmatie, l'Albanie et Raguse aux français, nous procurons à l'Europe les forces de l'Autriche, parce que cette puissance aura son flanc gauche assuré ou du moins moins exposé.

Voilà les avantages de l'offre faite par la France. Veuillez les présenter dans leur vrai jour au ministère britannique. Je me rends garant que c'est rendre service à l'Europe, que de terminer en ce moment la guerre. — On espère défendre la Sicile; on y parviendra peut-être, mais si l'on se trompe, ne prépare-t-on pas à la famille royale de Naples le sort du roi de Sardaigne? — Avec les villes anséatiques et avec ce que l'Angleterre et la Russie peuvent donner au roi de Naples, établi à Raguse pour prix de ses sacrifices, il pourra être mis à même de défendre cette importante possession jusqu'au moment où il recevra des secours, soit de Malte, soit de Corfou.

Je présente ici les principaux arguments qui doivent faire adopter le principe d'établir là S. M. Sicilienne, plutôt que de donner un libre champ aux vues ultérieures de Bonaparte de ce côté de l'empire Ottoman. Je désire infiniment qu'ils puissent être appréciés par le cabinet de St. James ou du moins qu'il les juge digne d'une mûre délibération. — Si le continent pouvait disposer des forces proportionnées à celles que l'Angleterre a sur mer, je parlerais autrement; mais vous, m. Fox

---

иначе, съ тѣмъ, что̀ ему предлагаютъ, ему нечѣмъ было бы содержать даже гвардію.—Отнимая Далмацію, Албанію и Рагузу у французовъ, мы пріобрѣли бы для Европы силы Австріи, такъ какъ лѣвый флангъ этой державы былъ бы обезпеченъ или, по крайней мѣрѣ, менѣе подвергался бы опасности.

Вотъ выгоды французскаго предложенія. Соблаговолите представить ихъ въ истинномъ свѣтѣ британскому министерству. Ручаюсь, что прекратить войну въ эту минуту значило бы оказать услугу Европѣ.—Надѣются защитить Сицилію: быть можетъ, успѣютъ; но если ошибутся, то не будетъ-ли уготована королевской фамиліей въ Неаполѣ судьба сардинскаго короля?—Получивъ ганзейскіе города и то, что̀ могутъ дать ему Англія и Россія, и утвердившись въ Рагузѣ, которая вознаградила бы его за жертвы, неаполитанскій король могъ бы защищать это важное владѣніе до тѣхъ поръ, пока не пришла бы къ нему помощь или съ Мальты, или съ Корфу.

Представляю здѣсь главные доводы въ пользу принятія мысли помѣстить тамъ е. в-во короля Сициліи, не давая простора дальнѣйшимъ видамъ Бонапарта на Оттоманскую имперію съ этой стороны. Безмѣрно желаю, чтобы они были оцѣнены с.-джемскимъ кабинетомъ, или чтобы по крайней мѣрѣ онъ счелъ ихъ достойными зрѣлаго обсужденія. — Еслибы материкъ располагалъ

et tous les membres du ministère savent, que ce n'est point le cas, et que quelque pénible que soit cette vérité, il faut absolument la prendre en considération lorsqu'on veut régler le sort de l'Europe.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 19. Списокъ.

№ 122.—Убри Строгонову.

Paris, 27 juin (9 juillet) 1806.

Ma lettre officielle d'aujourd'hui aura lieu de vous surprendre, parce que j'y avance des principes qui sont en opposition avec mes instructions. En effet v. e. sait que je n'ai aucun titre pour proposer ou pour souscrire à l'abandon de la Sicile; mais lorsque j'ai été muni d'ordres, l'on ne connaissait pas à St. Pétersbourg les nouveaux plans de Bonaparte et les offres qu'il fait pour la paix. Un seul point arrête encore cette oeuvre si indispensable à notre repos: c'est la Sicile. Quel prix a cette île, lorsque nous possédons Malte et Corfou? Croit-on qu'il faut travailler à la conserver et garder, et chercher à s'emparer de la Dalmatie? Peut-être y parviendrait-on; mais il faut compter que le jour, où nos troupes feront évacuer la Dalmatie, celles de Bonaparte entreront à Vienne, car il a pour principe de venger sur les faibles le

---

такими же силами, какъ Англія на морѣ, я заговорилъ бы иначе; но вы, г. Фоксъ и всѣ члены министерства знаютъ, что этого нѣтъ и что, какъ ни тяжела эта истина, положительно необходимо брать ее въ разсчетъ, когда хочешь устраивать судьбу Европы.

Парижъ, 27 іюня (9 іюля) 1806.

Мое нынѣшнее офиціальное письмо должно изумить васъ, такъ какъ я выставляю въ немъ начала, противорѣчащія моимъ инструкціямъ. В. с-во, вѣдь, знаете, что я не имѣю никакого права ни предлагать, ни подписывать отреченіе отъ Сициліи; но когда мнѣ давали приказанія, въ С.-Петербургѣ не знали новыхъ плановъ Бонапарта и его мирныхъ предложеній. Одно только мѣшаетъ еще этому дѣлу, столь необходимому для нашего спокойствія: это—Сицилія. Что значитъ этотъ островъ, когда мы владѣемъ Мальтой и Корфу? Можно-ли стараться и объ его сохраненіи, и о пріобрѣтеніи Далмаціи? Быть можетъ, и достигнутъ этого; но нужно имѣть въ виду, что въ тотъ самый день, когда наши войска заставятъ очистить Далмацію, войска Бонапарта вступятъ въ Вѣну, такъ какъ у него правило—вымещать на слабыхъ зло, которое причиняютъ ему сильные.—Въ теченіе трехъ дней моего пребыванія здѣсь, Талей-

mal que les forts lui font. — Depuis trois jours que je suis ici, j'ai vu trois fois le moment, où m. de Talleyrand voudrait me faire signer dans 24 heures un acte et me présenterait l'alternative d'y souscrire ou de quitter Paris. J'ai détourné ce plan et je suis parvenu à rattacher ma négociation à celle de lord Yarmouth. Ce n'est pas sans fermeté et sans peine que j'y suis parvenu. Voici le fruit que j'espère en retirer. Si l'Angleterre veut temporiser, nous pourrons finir par signer des préliminaires; si elle veut se raidir et confirmer l'ordre qu'elle a donné à lord Yarmouth de demander ses passeports, il partira, mais au moins vous aurai-je fourni le temps de me communiquer exactement quel effet a produit la dépêche confidentielle que le prince de Czartorisky vous a adressée le 13 mai. L'Angleterre consent-elle ou non à ce que je fasse un arrangement pour le continent.

Voici ce que j'espère obtenir:

1) Pour la Sicile, Raguse, l'Albanie et la Dalmatie. Comme ce n'est pas nous qui défendons cette île, nous ne pouvons que promettre de ne rien envoyer à son secours. Naturellement on refusera de me remettre le territoire concédé en échange, mais alors je ne signerai qu'à condition qu'il sera remis à un tiers, c'est à dire à l'Autriche. — 2) L'abandon du plan de bouleversement de l'Allemagne dont je joins ici une notice.— 3) La garantie de la Poméranie suédoise et peut-être celle de la Suisse.

ранъ три раза хотѣлъ заставить меня подписать бумагу въ 24 часа и предоставить мнѣ на выборъ—согласиться на это или уѣзжать изъ Парижа. Я отклонилъ этотъ планъ, и мнѣ удалось связать мое дѣло съ дѣломъ лорда Ярмута. Не безъ твердости и не безъ труда я достигъ этого. Вотъ какую выгоду надѣюсь получить отсюда: если Англіи желательно выиграть время, мы можемъ покончить подписаніемъ предварительныхъ условій; если же она хочетъ упорствовать и подтвердить данное лорду Ярмуту приказаніе потребовать свои паспорты—онъ уѣдетъ; но по крайней мѣрѣ я дамъ вамъ время сообщить мнѣ точно, какое впечатлѣніе произвела тайная депеша, посланная вамъ кн. Чарторижскимъ 13 мая. Согласна-ли Англія, чтобы я устроилъ сдѣлку для материка?

Вотъ что я надѣюсь получить:

1) Для Сициліи—Рагузу, Албанію и Далмацію. Такъ какъ не мы защищаемъ этотъ островъ, то мы можемъ только обѣщать не посылать ему помощи. Естественно откажутся передать мнѣ землю, уступаемую въ обмѣнъ; но въ такомъ случаѣ я подпишу лишь на условіи, чтобы она была передана въ третьи руки, т.-е. Австріи.—2) Отреченіе отъ плана перестройства Германіи, о которомъ прилагаю здѣсь замѣтку.—3) Обезпеченіе шведской Помераніи и, пожалуй, обезпеченіе Швейцаріи.

Ces conditions, avec la conservation d'une station russe à Corfou, me sembleraient améliorer tellement le sort de l'Europe que je croirais devoir prendre sur moi de les signer; mais ce serait avec une répugnance infinie que je le ferais sans l'assentiment de l'Angleterre, parce que avant tout il faut préserver de toute atteinte notre union intime qui fera cependant dans un avenir peut-être éloigné le salut de l'Europe. — M. de Talleyrand m'a proposée de promettre que je signerais, si l'Angleterre n'admettait pas la proposition que je suis chargé de faire; mais je m'y suis refusé, parce que je veux avant tout connaître l'opinion du cabinet de St. James sur cet objet important. — Je suis loin de demander qu'en réponse à ma lettre officielle vous me disiez, que l'Angleterre accepte purement et simplement la proposition de compenser la Sicile par la Dalmatie, Raguse et l'Albanie; mais je désire que m. Fox vous mette à même de m'écrire de la manière suivante:

Que l'Angleterre désire sincèrement rétablir la paix et qu'elle envisage le mode proposé comme un moyen d'y parvenir; qu'elle me remercie de mes soins et qu'elle me prie de les employer pour augmenter autant que possible le lot destiné au roi de Naples, afin de pouvoir faire la paix non uniquement par considération pour cet objet, mais par égard pour les autres concessions offertes par la France à lord Yarmouth.

Мнѣ показалось, что эти условія, съ присоединеніемъ сохраненія русской стоянки на Корфу, до того улучшаютъ судьбу Европы, что я счелъ долгомъ взять на себя отвѣтственность за подписаніе мира. Но мнѣ было бы крайне непріятно сдѣлать это безъ согласія Англіи, такъ какъ прежде всего нужно предохранить отъ всякихъ покушеній наши тѣсныя связи, которыя станутъ, пожалуй, въ далекомъ будущемъ спасеніемъ Европы.—Г. Талейранъ предложилъ, чтобы я пообѣщалъ подписать, если Англія не приметъ предложенія, которое мнѣ поручено сдѣлать ей; но я отказался, такъ какъ мнѣ хочется прежде всего узнать мнѣніе с.-джемскаго кабинета объ этомъ важномъ предметѣ Я вовсе не требую, чтобы въ отвѣтъ на мое офиціальное письмо вы мнѣ сказали, что Англія безусловно принимаетъ предложеніе вознаградить за Сицилію Далмаціей, Рагузой и Албаніей. Я желаю, чтобы г. Фоксъ далъ вамъ возможность написать мнѣ слѣдующимъ образомъ:

Англія-де искренно желаетъ возстановить миръ и считаетъ предложенный способъ средствомъ къ достиженію этой цѣли. Она благодаритъ меня за мои заботы и проситъ не бросать ихъ, чтобы возможно больше увеличить удѣлъ короля неаполитанскаго и тѣмъ привести къ миру не только съ этой стороны, но и относительно другихъ уступокъ, предложенныхъ Франціей лорду Ярмуту.

Je ne me flatte pas d'obtenir le Vénitien et l'Istrie, mais peut-être quelques îles de l'empire Ottoman ou même une portion de la terre ferme, et ce serait un coup adroit de politique, parce que cela détruirait encore plus l'influence française à Constantinople.

Cette lettre est purement confidentielle, et je vous demande, lorsque vous me répondrez, de bien séparer ce que vous voudrez me dire à moi et ce que vous voudrez qui soit dit à m. de Talleyrand. Cette réserve est très nécessaire pour prolonger autant que possible la communauté que j'ai établie maintenant entre ma négociation et celle de lord Yarmouth. — M. Fox m'a écrit la lettre ci-jointe, et en y répondant j'ai cru devoir toucher aux intérêts politiques de l'Europe. Je vous transmets ma lettre avec une copie pour votre information. Veuillez la remettre sur le champ au ministre du cabinet britannique et surtout lui représenter que dans toute l'insistance que je mets à ce qu'on fasse la paix, je suis autant les intentions de notre auguste maître que l'impulsion de mon coeur, qui me dit que l'Europe a besoin d'un peu de repos. Je suis pénétré des dangers qui peuvent encore atteindre l'Europe. Peut-être est il temps encore de les prévenir. Cela dépend de l'Angleterre. Il y a deux souverains en danger de perdre leur patrimoine primitif. Celui de la Grande-Bretagne, qui voit le Hanovre entre les mains de la Prusse, et celui de Naples, qui voit le sien soit entre les mains des

---

Я не надѣюсь получить Венецію и Истрію, но, быть можетъ, добьюсь нѣсколькихъ острововъ Оттоманской имперіи или даже часть материка: и это былъ бы ловкій политическій шагъ:—это еще болѣе подорвало бы французское вліяніе въ Константинополѣ.

Настоящее письмо чисто тайное. И прошу васъ, когда будете отвѣчать мнѣ, хорошенько отдѣлить то, что вы захотите сказать мнѣ, отъ того, что должно быть передано г. Талейрану. Эта осторожность очень нужна, чтобы возможно дольше продлить установленное мною теперь единство между моимъ дѣломъ и дѣломъ лорда Ярмута.—Г. Фоксъ написалъ мнѣ прилагаемое письмо; отвѣчая на него, я счелъ долгомъ коснуться политическихъ выгодъ Европы. Посылаю вамъ, къ свѣдѣнію, мое письмо со спискомъ. Соблаговолите передать его тотчасъ же министру британскаго кабинета, въ особенности же представить ему, что въ моей настойчивости добиться мира я руковожусь столько же волей нашего августѣйшаго государя, сколько влеченіемъ моего сердца, которое внушаетъ мнѣ, что Европа немного нуждается въ спокойствіи. Мою мысль преслѣдуютъ опасности, которыя еще могутъ разразиться надъ Европой. Быть можетъ, еще не ушло время предотвратить ихъ. Это зависитъ отъ Англіи. Двумъ государямъ грозитъ опасность потерять ихъ извѣчную отчину: великобританскому, который видитъ Гановеръ въ рукахъ Пруссіи, и неаполитан-

français, soit exposé à leurs attaques immédiates. Personne n'est plus pénétré de la puissance de la Grande-Bretagne que moi, et cependant j'avoue que, par ses seuls moyens, je ne crois pas qu'elle puisse récupérer le Hanovre, si Bonaparte prenait la résolution de le défendre. S'il faut opter, je suis sûr d'entrer dans les vues de l'E-r en prêchant pour le retour du Hanovre à son maître légitime.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 19. Списокъ.

№ 123. — Убри Чарторижскому.

Paris, 28 juin (10 juillet) 1806.

Je suis arrivé ici dimanche 24 juin (6 juillet) vers deux heures après midi, et la présente dépêche est destinée à rendre compte à v. e. en gros de tout ce qui s'est passé jusqu'au jour d'aujourd'hui. Ce sera plutôt un bulletin qu'un rapport, parce que je me propose de détailler d'avantage dans d'autres dépêches les objets les plus importants.

Le 24 juin (6 juillet) vers quatre heures j'ai prévenu m. de Talleyrand de mon arrivée et je lui ai demandé un rendez-vous. Dans la soirée le marquis de Lucchesini, que j'avais, sans doute par hasard, rencontré aux portes de Paris, a passé chez moi et m'a fait, par ordre de sa cour, des offres de service. Je l'en ai remercié et l'ai prié de

---

скому, который видитъ свою землю частью въ рукахъ французовъ, частью подъ страхомъ ихъ немедленнаго нападенія. Никто больше меня не чувствуетъ могущества Великобританіи; тѣмъ не менѣе, признаюсь, не думаю, чтобы она могла одними собственными средствами возвратить Гановеръ, если Бонапартъ рѣшится защищать его. Еслибы понадобилось выбирать, то я увѣренъ, что угодилъ бы и-ру, требуя возвратить Ганноверъ его законному владѣльцу.

Парижъ, 28 іюня (10 іюля) 1806.

Я прибылъ сюда въ воскресенье, 24 іюня (6 іюля), въ два часа пополудни; и настоящая депеша предназначается для общаго донесенія в. с-ву обо всемъ происшедшемъ до нынѣшняго дня. Это будетъ скорѣе дневникъ, чѣмъ донесеніе: предполагаю изложить самые важные предметы болѣе подробно въ другихъ депешахъ.

24 іюня (6 іюля), въ 4 часа я увѣдомилъ г. Талейрана о моемъ пріѣздѣ и попросилъ у него свиданія. Вечеромъ маркизъ Люкезини, котораго я, конечно случайно, встрѣтилъ у воротъ Парижа, явился ко мнѣ и предложилъ мнѣ свои услуги именемъ своего двора. Я поблагодарилъ его и попросилъ на

commencer par me mettre au fait de la carte du pays. Il s'en est acquitté en me disant que lord Yarmouth était ici pour traiter au nom de l'Angleterre, mais que les choses n'avançaient pas; que du reste Bonaparte méditait des changements en Allemagne, qui concernaient particulièrement le midi et aucunement le nord, où la Prusse, disait ce ministre, était décidée à ne plus souffrir d'affronts. — Lord Yarmouth vint me voir le lendemain matin et me remit une lettre de m. Fox, qui l'accrédite auprès de moi et dont je joins ici copie. Il me dit avoir employé tous les moyens possibles pour me faire arriver jusqu'à Paris; me confirma ce que j'avais soupçonné à Strasbourg, c'est qu'on m'y avait retenu avec intention, et nommément pour que nous n'ayons pas occasion de nous concerter. Je lui demandai où en étaient ses conversations avec m. de Talleyrand, car il m'assura n'avoir point produit de pleins pouvoirs. Il me répondit que m. de Talleyrand lui avait déclaré péremptoirement, que Bonaparte ne se désisterait jamais de la Sicile; que sans cette possession il ne croirait pas son frère un moment en sûreté à Naples; que les assassinats, les conspirations se succèderaient tellement que la France se verrait forcée à passer tôt ou tard les dix-huit cent toises qui séparent la Sicile du continent; que la France était sûre de s'emparer de la Sicile malgré les efforts des anglais pour la défendre; que Bonaparte par conséquent ne ferait point la paix sans

---

первый разъ познакомить меня съ картой страны. Онъ исполнилъ мою просьбу, сказавъ, что лордъ Ярмутъ проживаетъ здѣсь для веденія переговоровъ отъ имени Англіи, но дѣло не подвигается. Онъ прибавилъ, что Бонапартъ замышляетъ произвести измѣненія въ Германіи, и именно на югѣ, отнюдь не на сѣверѣ, гдѣ Пруссія, по словамъ этого министра, рѣшилась не переносить оскорбленій. — На другой день утромъ пришелъ ко мнѣ лордъ Ярмутъ и передалъ мнѣ прилагаемое въ спискѣ письмо г. Фокса, который поручаетъ его моему довѣрію. Онъ сказалъ мнѣ, что употребилъ всевозможныя средства, чтобы помочь мнѣ добраться до Парижа. И я утвердился въ своемъ подозрѣніи въ Страсбургѣ, а именно въ томъ, что меня задержали преднамѣренно, чтобы мы не могли сговориться. Я спросилъ его, до чего дошли его бесѣды съ г. Талейраномъ, такъ какъ онъ увѣрялъ, что еще не предъявлялъ полномочій. Онъ отвѣчалъ, что г. Талейранъ отвѣтилъ ему наотрѣзъ, что Бонапартъ никогда не отступится отъ Сициліи: безъ этого владѣнія онъ-де не считаетъ своего брата въ Неаполѣ ни на минуту обезпеченнымъ отъ такого непрерывнаго ряда убійствъ и заговоровъ, что Франціи пришлось бы по необходимости пройти рано или поздно эти 1,800 туазовъ, отдѣляющихъ Сицилію отъ материка. Г. Талейранъ прибавилъ, что Франція несомнѣнно овладѣетъ Сициліей, несмотря на усилія англичанъ защитить ее; а слѣдовательно, Бонапартъ не пой-

obtenir ce point. — Lord Yarmouth me dit que m. de Talleyrand lui avait déclaré, que Bonaparte envisageait la cession d'un point quelconque qu'il s'était approprié et assuré par un traité formel comme une abdication de la couronne; et qu'il était tout-à-fait indifférent à ses yeux que cet évènement fût amené par la force des bayonnettes ou par faiblesse de sa part. — Le plénipotentiaire britannique me dit en outre que m. de Talleyrand lui avait annoncé, que si la paix ne se faisait pas, l'empire germanique serait détruit, la Suisse soumise à un parent ou allié de Bonaparte et les villes anséatiques données à la Prusse qui les demandait à corps et à cris; qu'au lieu de cela Bonaparte offrait à l'Angleterre, si elle voulait retirer ses secours au roi des deux Siciles, de lui laisser Malte, la cause de la guerre, le Cap et de lui rendre le pays d'Hanovre et les villes anséatiques pour le roi de Naples. Lord Yarmouth ajouta qu'il avait rejeté ces offres avantageuses pour sa patrie; qu'il en avait cependant rendu compte et avait même dit que, d'après la manière dont lui avait parlé m. de Talleyrand, il avait pu juger que Bonaparte souscrirait à abandonner à l'Angleterre en propriété les villes anséatiques qu'il offrait déjà de faire occuper par les troupes anglaises au nom du roi des deux Siciles. — Lord Yarmouth me consulta sur la manière dont j'envisageais ce dernier point. Je lui répondit que ce qu'il y aurait de meilleur pour l'Europe, serait que l'Angleterre, en rentrant

---

детъ на миръ, пока не получитъ этой земли.—Лордъ Ярмутъ сказалъ мнѣ, что г. Талейранъ объявилъ ему слѣдующее: въ глазахъ Бонапарта, уступки какой-либо земли, присвоенной имъ и закрѣпленной формальнымъ договоромъ, была бы какъ бы отреченіемъ отъ короны; и для него рѣшительно все равно, случится-ли это отъ силы штыковъ или отъ его слабости.—Сверхъ того, британскій уполномоченный сказалъ мнѣ, что г. Талейранъ возвѣстилъ ему: если миръ не состоится, то Германская имперія будетъ разрушена, Швейцарія подчинится одному изъ родственниковъ или союзниковъ Бонапарта, а ганзейскіе города будутъ отданы Пруссіи, которая хватается за нихъ руками и ногами; но если Англія перестанетъ помогать королю Обѣихъ Сицилій, то Бонапартъ предлагаетъ оставить за ней Мальту, эту причину войны, и Мысъ, а также отдать Ганноверъ и ганзейскіе города для неаполитанскаго короля. Лордъ Ярмутъ прибавилъ, что онъ отвергъ эти выгодныя для его отечества предложенія, но донесъ о нихъ и даже увѣдомилъ, что, судя по тому, какъ г. Талейранъ говорилъ съ нимъ, ему кажется, что Бонапартъ согласится отдать Англіи въ собственность ганзейскіе города, которые онъ уже предлагалъ занять англійскими войсками во имя короля Обѣихъ Сицилій. — Лордъ Ярмутъ спросилъ моего мнѣнія насчетъ послѣдняго обстоятельства. Я отвѣтилъ такъ: для Европы было бы лучше всего, еслибы Англія вступила во владѣніе Ганове-

en possession du pays d'Hanovre, en confia la garde à la Prusse; qu'après avoir brouillé la France et la Prusse par la restitution du pays d'Hanovre, il faudrait tout de suite s'attacher cette puissance par des marques de confiance; que quant aux villes anséatiques, il serait à désirer que leur indépendance pût être assurée, parce qu'elles formaient les principaux entrepots du commerce du continent avec l'Angleterre; mais que le pire qui pourrait arriver serait qu'elles tombassent au pouvoir de la Prusse dont le fisc est si oppressif pour le commerce; que je devais avouer aussi avec franchise, qu'il ne me semblerait pas d'accord avec les intérêts de la Russie que l'Angleterre y domina. Lord Yarmouth me demanda, si elles nous conviendraient, et je répondis que peut-être l'E-r accepterait-il un droit de suzeraineté sur Hambourg et Lubec, parce que la Russie se verrait à même par là de protéger plus efficacement le commerce de ces deux villes et même le Danemark. — Lord Yarmouth parut beaucoup goûter cette idée; il parla d'un arrangement à cet égard entre l'Angleterre et la Russie; et j'eus lieu de m'apercevoir qu'il ne croyait pas que la France fût dans des positions à l'égard de la Russie propres à faciliter cet arrangement, et qu'en général j'en rencontrerais très peu dans les demandes que je pourrais faire pour ma cour. — Je demandai à lord Yarmouth, s'il avait parlé de la Dalmatie et de l'Albanie? Il me répondit que non, et qu'il n'avait encore discuté

ромъ, но поручили бы его Пруссіи на храненіе; поссоривъ Францію съ Пруссіей возвращеніемъ Ганновера, слѣдовало бы тотчасъ же привязать къ себѣ эту послѣднюю державу знаками довѣрія; что касается ганзейскихъ городовъ, то желательно бы обезпечить ихъ независимость, такъ какъ это главныя складочныя мѣста въ торговлѣ материка съ Англіей; но было бы хуже всего, еслибы они попали во власть Пруссіи, казна которой такъ угнетаетъ торговлю; я долженъ также признаться откровенно, что господство здѣсь Англіи не соотвѣтствовало бы выгодамъ Россіи. Лордъ Ярмутъ спросилъ меня, не пригодятся-ли эти города намъ? Я отвѣчалъ, что, быть можетъ, и-ръ принялъ бы сюзеренныя права надъ Гамбургомъ и Любекомъ, такъ какъ это дало бы возможность Россіи болѣе существенно покровительствовать торговлѣ этихъ двухъ городовъ и даже Даніи.—Мнѣ показалось, что лорду Ярмуту очень понравилась эта мысль: онъ заговорилъ о сдѣлкѣ въ этомъ смыслѣ между Англіей и Россіей. И я имѣлъ основаніе подумать, что, по его мнѣнію, Франція не намѣрена облегчить Россіи такую сдѣлку, и что вообще я встрѣчу очень мало снисходительности въ отношеніи требованій моего двора.—Я спросилъ лорда Ярмута, говорилъ-ли онъ о Далмаціи и объ Албаніи? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ и что покуда онъ обсуждалъ только то, что̀ касалось Сициліи. Замѣтивъ, какое значеніе я придаю первымъ двумъ предметамъ, онъ признался, что не

que ce qui concernait la Sicile. Sur l'importance qu'il remarqua que j'attachais aux deux premiers points, il m'avoua qu'il ne se flattait pas d'en obtenir la restitution, si on lui accordait celui relatif à la Sicile. Je lui fis entendre que je ne me croirais autorisé à rien signer, si Bonaparte conservait la Dalmatie et l'Albanie. Nous cherchâmes alors comment on pourrait combiner les deux objets, et lord Yarmouth m'assura qu'il se flatterait d'obtenir, en compensation de la Sicile, l'état Vénitien avec l'Istrie, la Dalmatie et l'Albanie. Je lui montrai mes appréhensions qu'on ne pût point y parvenir; mais en même temps je ne pus me défendre de l'idée, qu'obtenir cet établissement pour le roi de Naples, la restitution du Hanovre, un arrangement convenable à nos intérêts pour les villes anséatiques, qui tôt ou tard perdront leur indépendance, et une garantie du maintien de l'indépendance de la Suisse et de la constitution germanique,—serait encore dans les circonstances actuelles une paix tolérable. — Lord Yarmouth me dit que le mode de conclure, qu'il avait discuté en dernière analyse, était de signer le même jour des traités séparés.

Je reçus dans la matinée une invitation de m. de Talleyrand pour le soir, et je recueillis sur les affaires d'Allemagne les notions que m. de Vincent m'a communiquées ensuite et qui sont renfermées dans la note que v. e. trouvera ci-jointe.

A huit heures et demie du soir je me rendis chez le ministre des

---

надѣется на ихъ возвращеніе, если согласятся на возвращеніе Сициліи. Я далъ понять ему, что не считаю себя уполномоченнымъ подписывать что-либо, покуда Бонапартъ будетъ удерживать за собой Далмацію и Албанію. Тутъ мы стали соображать, какъ бы слить оба предмета; и лордъ Ярмутъ увѣрилъ меня, что надѣется получить за Сицилію Венецію съ Истріей, Далмацію и Албанію. Я заявилъ ему опасеніе, что не добьешься этого. Но въ то же время я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ это былъ бы еще сносный миръ, еслибы неаполитанскій король получилъ этотъ удѣлъ, а Ганноверъ былъ возвращенъ, еслибы состоялась выгодная для насъ сдѣлка насчетъ ганзейскихъ городовъ, которые рано или поздно утратятъ свою независимость, еслибы, наконецъ, были обезпечены независимость Швейцаріи и конституція Германіи.—Лордъ Ярмоутъ сказалъ мнѣ, что въ концѣ своихъ обсужденій они пришли къ такой формѣ заключенія мира: подписать въ одинъ и тотъ же день отдѣльные договоры.

Утромъ я получилъ приглашеніе отъ г. Талейрана навѣстить его вечеромъ; и я собралъ тѣ свѣдѣнія о дѣлахъ Германіи, которыя сообщилъ мнѣ потомъ г. Венсанъ: они заключаются въ прилагаемой нотѣ.

Въ восемь съ половиной вечера я отправился къ министру внѣшнихъ

relations extérieures. Il avait beaucoup de monde et me fit passer dans son cabinet par une porte dérobée. Il me reçut avec beaucoup de politesse et de prévenance, m'assura de l'estime qu'on m'avait conservée ici, et de la confiance avec laquelle on m'écouterait. Je lui remis votre lettre; il la lut d'un bout à l'autre et reprenant le passage relatif aux prisonniers russes, il me dit, qu'on était dans l'erreur à St. Pétersbourg; qu'ils ne manquaient absolument de rien, et qu'on avait eu d'eux les plus grands soins en France. Je répondis que les malades avaient en effet été traités dans les hôpitaux à l'égal des soldats français, mais qu'en sortant ils étaient dépourvus de tout; et que j'avais eu lieu de m'en convaincre pendant mon voyage. M. Talleyrand parut fâché d'avoir entammé cette discussion, et en me proposant de m'asseoir, il eut l'air de me dire—parlez d'autre chose.

Vous connaissez les motifs que j'avais de désirer avant tout d'être reconnu dans ma qualité d'agent pour les prisonniers. Je commençai donc le détail de ce qui m'ammenait à Paris par annoncer à m. de Talleyrand que mon séjour à Paris avait deux motifs. Le premier de m'occuper de tout ce qui concernait les prisonniers de guerre russes. Je dis que, dans l'incertitude où l'on était à St. Pétersbourg sur le mode d'après lequel je pourrais être mis à même de travailler à cet objet, j'avais été muni d'une patente d'agent pour les prisonniers, à

сношеній. У него было много народу, и онъ провелъ меня въ кабинетъ потайною дверью. Онъ принялъ меня очень любезно и предупредительно и увѣрялъ въ томъ уваженіи, которое сохраняется здѣсь ко мнѣ, и въ томъ довѣріи, съ которымъ меня будутъ слушать. Я вручилъ ему ваше письмо. Онъ прочелъ его съ начала до конца и, схватившись за мѣсто, относящееся къ русскимъ плѣннымъ, сказалъ, что въ С.-Петербургѣ ошибаются: они рѣшительно ни въ чемъ не нуждаются; во Франціи о нихъ очень много заботятся. Я отвѣчалъ, что больные дѣйствительно содержатся въ госпиталяхъ наравнѣ съ французскими солдатами, но у нихъ нѣтъ ничего, когда они выходятъ оттуда: я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ во время моего путешествія. Г. Талейранъ, казалось, досадовалъ на то, что затронулъ этотъ вопросъ; и, приглашая меня садиться, онъ какъ будто хотѣлъ сказать мнѣ—скажите что-нибудь другое.

Вамъ извѣстны причины, побуждавшія меня желать, чтобы меня прежде всего признали въ званіи агента по дѣламъ плѣнныхъ. И вотъ, я началъ излагать причины, приведшія меня въ Парижъ, съ заявленія г. Талейрану, что ихъ двѣ. Во-1-хъ, я долженъ заняться всѣмъ, что́ касается русскихъ военно-плѣнныхъ. Я сказалъ, что, такъ какъ въ С.-Петербургѣ не знали формы, въ которой меня допустятъ до исполненія этого дѣла, то меня снабдили патен-

l'instar de celles que reçoivent les consuls; que pour écarter toutefois des discussions sur cet objet, je ne lui présentais qu'une traduction de cette patente, afin qu'il pût prendre connaissance de son contenu; et que lorsque nous serions tombés d'accord sur le mode, je lui présenterais l'original accompagné d'une note. M. de Talleyrand employa quelques arguments pour écarter ce que je lui demandais; et voyant que j'insistais, il me dit, que ce n'était point là une affaire, et que je devais être chargé d'autre chose. La manière dont cette phrase fut prononcée me confirma bien dans l'idée, que je m'étais déjà faite dans ma conversation avec lord Yarmouth, du peu de facilité que je rencontrais à me faire écouter sur des objets auxquels la Russie attachait du prix, si par quelque circonstance heureuse les dispositions du moment ne venaient à changer; et confirmé encore dans cette idée par les difficultés qu'on avait mises à mon arrivée à Paris, je sentis doublement la nécessité d'éviter tout ce qui pourrait choquer l'esprit dans lequel la France comptait de traiter avec moi. Je sentis que brusquer ou faire craindre ma présence à Paris pour l'issue des négociations avec l'Angleterre, était me faire renvoyer d'ici dans vingt quatre heures. C'est avec cette opinion que tout confirmait, que je commençai ma discussion avec m. de Talleyrand sur les affaires politiques. Je lui développai l'étendue des désirs de S. M. de voir la tranquillité générale rétablie en Europe; je

---

томъ на званіе агента для плѣнныхъ, на подобіе консульскихъ патентовъ. Я прибавилъ, что впрочемъ для устраненія споровъ объ этомъ предметѣ я представляю ему лишь переводъ этого патента, чтобы онъ могъ познакомиться съ его содержаніемъ, а когда мы сойдемся насчетъ формы, я представлю ему подлинникъ съ присоединеніемъ ноты. Г. Талейранъ выставилъ нѣкоторые доводы, чтобы отстранить мою просьбу. Видя, что я настаиваю, онъ сказалъ, что не въ этомъ дѣло, что мнѣ должно быть поручено что-нибудь другое. Эта фраза была произнесена такъ, что я утвердился въ мысли, которая пришла мнѣ въ голову уже во время разговора съ лордомъ Ярмутомъ, а именно: не легко будетъ мнѣ заставить выслушать себя касательно важныхъ для Россіи вопросовъ, если только счастливый случай не измѣнитъ нынѣшнихъ настроеній. Еще болѣе утвердился я въ этой мысли вслѣдствіе препятствій моей поѣздкѣ въ Парижъ, и я вдвойнѣ почувствовалъ необходимость избѣгать всего, что могло бы задѣть характеръ тѣхъ отношеній, которыя Франція намѣревалась установить со мной. Я понималъ, что быть грубымъ или заставить бояться моего присутствія въ Парижѣ по отношенію къ переговорамъ съ Англіей—значило быть высланнымъ отсюда въ 24 часа. Съ такою-то мыслью, которую все подтверждало, я началъ обсуждать съ г. Талейраномъ политическія дѣла. Я раскрылъ передъ нимъ всю силу желанія е. в-ва видѣть возстановленіе всеоб-

lui témoignai de vifs regrets de ce qu'on ne put pas traiter la chóse en commun avec l'Angleterre. Il m'allégua alors contre ce mode tous les arguments que renferment ses lettres à m. Fox, et en me disant péremptoirement qu'on ne l'adopterait jamais, il restreignit les rapports de la Russie et de la France à ceux de commerce et au mal qu'elles pouvaient se faire réciproquement sans y faire entrer le sort des états intermédiaires. Je m'appuyai de l'instabilité d'une paix qui n'aurait que ces objets pour base, et je dis que dans tous les cas il faudrait apporter quelques changements à différentes combinaisons qui existent en ce moment, pour que la Russie pût s'envisager réellement en état de paix avec la France; qu'il était d'autres objets qui, sans toucher aux intérêts directs et immédiats de la Russie, lui importaient infiniment par suite de liaisons généralement connues. M. de Talleyrand me demanda quels étaient ces objets? Je lui répondis, que je plaçais en première ligne l'occupation par la France des côtes de l'Adriatique. Il me répliqua assez sèchement, que ce n'était pas à changer, et que ce n'était même pas une proposition à faire. J'ajoutai que la Russie ne pouvait également pas être indifférente à l'accroissement excessif donné par la France à la Prusse, et qu'enfin la Russie avait besoin de savoir quel sort était réservé au roi de Naples. Pour ces deux objets, il ne me donna guère plus d'espoir d'obtenir quelque chose que pour le premier. Après

---

щаго спокойствія въ Европѣ; я заявилъ ему глубокое сожалѣніе о томъ, что нельзя было вести дѣло заодно съ Англіей. Тутъ онъ привелъ противъ этого способа всѣ доводы своего письма къ г. Фоксу; сказавъ рѣшительно, что никогда не пойдутъ на это, онъ ограничилъ отношенія Россіи и Франціи торговлей и тѣмъ зломъ, которое онѣ могли причинить другъ другу, не касаясь судьбы посредствующихъ государствъ. Я доказывалъ непрочность мира, опирающагося лишь на эти вопросы, и сказалъ, что во всякомъ случаѣ слѣдовало бы нѣсколько измѣнить нѣкоторыя нынѣшнія обстоятельства, чтобы Россія дѣйствительно могла считать себя въ мирѣ съ Франціей. Я прибавилъ, что есть другіе предметы, которые хотя и не касаются прямыхъ и неотложныхъ выгодъ Россіи, однако чрезвычайно важны для нея въ силу всѣмъ извѣстныхъ связей. Г. Талейранъ спросилъ, какіе же это предметы? Я отвѣчалъ, что ставлю на первый планъ занятіе Франціей береговъ Адріатики. Онъ возразилъ довольно холодно, что тутъ ничего нельзя измѣнить: нечего даже дѣлать такое предложеніе. Я прибавилъ, что точно также Россія не можетъ быть равнодушной къ крайнему усиленію Пруссіи, благодаря Франціи, и что, наконецъ, Россіи нужно знать, какая судьба уготована неаполитанскому королю? Касательно этихъ двухъ предметовъ онъ точно также не подалъ мнѣ надежды получить что-нибудь, какъ и касательно перваго вопроса. Выставивъ мнѣ доводы

m'avoir allégué des arguments sur l'impossibilité que la France abandonne son projet de conquête de la Sicile, il me dit que, puisque nous nous intéressions à son souverain, nous n'avions qu'à lui donner les Sept-Iles qui n'appartenaient à personne. Je regrettai naturellement, mais avec beaucoup de retenue cette idée. Je dis que l'E-r s'était flatté, que le roi des deux Siciles pourrait encore remonter sur son trône; que cependant si la conquête de ce pays avait pu faire supposer que la France demanderait à le garder, qu'il n'était jamais entré dans l'idée de l'E-r que l'on pût demander d'y joindre la Sicile avant d'en avoir fait la conquête; que comme on n'en avait pas même eu le soupçon à mon départ de St. Pétersbourg, on n'avait pu m'autoriser à transiger sur ce point; que je rendrais compte sur-le-champ des dispositions que j'avais rencontrées ici; et que quoique je ne dusse pas le croire, qu'il se pourrait cependant que l'E-r consentît à adopter quelque terme moyen pour cet objet. Je fis en même temps la demande d'un passeport pour envoyer un courrier à St. Pétersbourg. M. de Talleyrand me répondit, qu'il n'était pas question de faire un traité par envoi de courriers; qu'il fallait terminer promptement; qu'il ne doutait pas que je n'eusse des pleins pouvoirs, et que la Russie pouvait encore jouer un très beau rôle, en rendant service à d'autres états auxquels elle s'intéressait. Je demandai, quels étaient ces états, et en quoi la Russie pourrait leur être utile. Il

---

въ пользу того, что Франція не можетъ покинуть свой планъ завоеванія Сициліи, онъ сказалъ мнѣ, что, такъ какъ мы принимаемъ участіе въ ея государѣ, то намъ стоитъ только дать ему Семь-Острововъ, которые никому не принадлежатъ. Само собой разумѣется, что я сожалѣлъ о возникновеніи такой мысли, но очень сдержанно. Я сказалъ, что и-ръ надѣялся, что король Обѣихъ Сицилій все еще можетъ возвратиться на престолъ; но если завоеваніе этой страны могло бы внушить мысль, что Франція потребуетъ ея сохраненія за собой, то и-ру никогда не приходило въ голову, чтобы могли потребовать этого относительно Сициліи прежде, чѣмъ завоевать ее; а такъ какъ при моемъ отъѣздѣ изъ С.-Петербурга и не подозрѣвали ничего подобнаго, то и не могли уполномочить меня входить въ сдѣлку по этому вопросу. Я прибавилъ, что тотчасъ же донесу о встрѣченномъ мною здѣсь настроеніи: и хотя я не надѣюсь на это, но возможно, что и-ръ согласится на какое-нибудь среднее рѣшеніе по этому предмету. Въ то же время я попросилъ паспорта для отправки курьера въ С.-Петербургъ. Г. Талейранъ отвѣчалъ мнѣ, что вопросъ не въ томъ, чтобы заключать договоры посредствомъ отправки курьеровъ; что нужно кончать скорѣе, и онъ не сомнѣвается въ существованіи моихъ полномочій. Онъ прибавилъ, что Россія могла еще сыграть очень хорошую роль, оказавъ услугу другимъ государствамъ, въ которыхъ она принимаетъ участіе. Я спросилъ,

ne voulut pas s'expliquer clairement, mais me donna à entendre qu'il était question de l'Autriche. Je dis alors, que nous avions tout fait pour la sauver en évacuant Cattaro, et que nous espérions que l'exécution du traité de Presbourg en serait la suite immédiate. Il assura que oui; mais il parla aussi de l'influence de l'Autriche en empire qu'on pouvait détruire, et m'engagea de m'informer un peu auprès de mes connaissances sur les plans qui pouvaient exister à ce sujet. Il me répéta, que la Russie, en les arrêtant, jouerait un beau rôle, et qu'il m'engageait à bien réfléchir, si cela ne serait pas suffisant pour terminer une guerre qui n'avait aucun but, et pour rétablir les relations d'amitié entre deux états qui dans le fond n'avaient d'autres intérêts communs que ceux du commerce. Nous nous séparâmes, et il me pria de venir dîner le lendemain chez lui, afin de lui porter ma réponse. Je lui dis, qu'elle serait probablement telle que je la lui avais déjà faite, c'est-à-dire que l'E-r n'envisagerait la Russie comme vraiment en paix que lorsque la tranquillité générale de l'Europe sera rétablie.

Je revis le lendemain lord Yarmouth et je le mis au fait de ce qui s'était passé entre m. de Talleyrand et moi. J'allai dîner chez ce ministre; il me fit appeler dans son cabinet avant de se mettre à table, et au lieu de me demander une réponse, il se borna à récapituler notre

---

какія это государства и чѣмъ Россія можетъ быть имъ полезна. Онъ не хотѣлъ выразиться ясно, но далъ мнѣ понять, что дѣло идетъ объ Австріи. Тутъ я сказалъ, что, очистивъ Каттаро, мы сдѣлали все для ея спасенія; и мы надѣемся, что немедленнымъ слѣдствіемъ этого будетъ исполненіе пресбургскаго договора. Онъ увѣрялъ, что это будетъ сдѣлано; но онъ заговорилъ также о вліяніи Австріи въ нѣмецкой имперіи, которое можно было уничтожить: онъ посовѣтовалъ мнѣ навести нѣкоторыя справки у моихъ знакомыхъ насчетъ возможныхъ плановъ въ этомъ отношеніи. Онъ повторилъ, что, остановивъ ихъ, Россія сыграла бы хорошую роль; онъ совѣтовалъ мнѣ подумать хорошенько, не достаточно ли этого, чтобы прекратить безцѣльную войну и возстановить дружбу между двумя государствами, у которыхъ въ сущности нѣтъ никакихъ общихъ интересовъ, кромѣ торговли. Мы разстались. И онъ просилъ меня придти завтра къ нему обѣдать и принести отвѣтъ. Я сказалъ ему, что отвѣтъ, вѣроятно, будетъ тотъ самый, который уже данъ мною, т.-е. что и-ръ тогда только будетъ считать Россію въ дѣйствительномъ мирѣ съ Франціей, когда будетъ возстановлено всеобщее спокойствіе въ Европѣ.

На другой день я опять увидѣлся съ лордомъ Ярмутомъ и передалъ ему о томъ, что происходило между г. Талейраномъ и мною. Пошелъ я обѣдать къ этому министру. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и, вмѣсто того, чтобы потребовать моего отвѣта, ограничился

conversation de la veille pour pouvoir, disait-il, en rendre compte à son chef. Tout-à-coup s'interrompant il me dit: „permettez-moi, m. d'Oubril, de vous faire une question: est-ce avec le ministère britannique que je traite en traitant avec vous?“ Je le fixai attentivement pour lui montrer combien j'étais frappé de cette question, et je lui répondis, que s'il voulait savoir si partout, où je rencontrerai un agent anglais jouissant de la confiance du ministère, je chercherai par ma conduite à maintenir les rapports qui existent entre ma cour et celle de Londres, je devais dire avec franchise que oui, et que je ne pouvais pas adopter une autre marche; que si d'un autre coté il voulait savoir si je ferai connaître à Londres une chose qu'il m'aurait dit pour ma cour seulement, qu'à cela je répondrai positivement que non, et que je le priais de m'en croire sur ma parole d'honneur. Il me répliqua que cela suffisait et qu'il allait me parler ouvertement. Je désire sincèrement, me dit-il, trouver un moyen de nous entendre; signons une trêve de huit ou dix ans pendant laquelle nous travaillerons à la paix, et nous n'aurons en attendant de part et d'autre que des agents. Je répondis que quoique cette idée fût toute nouvelle pour moi, qu'il me semblait pourtant qu'elle pourrait être adoptée; mais que toujours il faudrait s'entendre sur la situation dans laquelle l'Europe serait pendant la durée de cette trève. Il me demanda à quoi je voulais en venir. Je répondis que, poussé

краткимъ воспроизведеніемъ нашей вечерней бесѣды, съ тѣмъ, сказалъ онъ, чтобы донести о ней своему начальнику. Какъ вдругъ онъ остановился и сказалъ мнѣ: „Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ, г. д'Убри, одинъ вопросъ: договариваясь съ вами, не договариваюсь-ли я съ британскимъ министерствомъ?“ Я уставился на него внимательно, чтобы показать ему, какъ меня поразилъ этотъ вопросъ, и отвѣчалъ такъ: если ему желательно знать, буду-ли я стараться вездѣ, гдѣ встрѣчу англійскаго агента, пользующагося довѣріемъ министерства, поддерживать отношенія, существующія между моимъ и лондонскимъ дворами, то я долженъ сказать откровенно—да, и мнѣ нельзя поступать иначе; если же ему желательно знать, увѣдомлю-ли я Лондонъ о томъ, что онъ передаетъ только для моего двора, то отвѣчаю положительно—нѣтъ и прошу вѣрить этому на честное слово. Онъ возразилъ, что этого довольно и что онъ станетъ теперь говорить со мной откровенно. Искренно желаю найти средство къ соглашенію, сказалъ онъ мнѣ: подпишемъ перемиріе на 8 или 10 лѣтъ, въ теченіе котораго будемъ трудиться надъ созданіемъ мира; а покуда съ обѣихъ сторонъ будутъ только агенты. Я отвѣчалъ, что хотя это совсѣмъ новая для меня мысль, однако она, мнѣ кажется, можетъ быть принята; но во всякомъ случаѣ слѣдовало бы условиться насчетъ положенія, въ которомъ будетъ находиться Европа въ теченіе этого перемирія. Онъ спро-

par sa franchise, je devais lui avouer que l'E-r envisageait paix ou trève comme impossibles entre la Russie et la France tant que cette dernière serait voisine de l'empire Ottoman; que la raison de cette opinion était que Bonaparte avait été voisin de la Hollande et l'avait subjuguée; qu'il avait été voisin de l'Italie, et qu'elle était toute sous sa dépendance; et que nous craignons qu'il n'en fût de même à la suite de son voisinage avec l'empire Ottoman; que par conséquent nous ne pouvions point être tranquilles tant que nous saurons la France en possession de la Dalmatie et de l'Albanie. Je lui fis beaucoup d'excuses de cette sortie et je l'assurai qu'elle m'avait été arrachée par un mouvenement tout-à-fait involontaire. Il me répondit par des remerciments de ma franchise et me dit qu'il sentait, que ce point était important pour nous, surtout parce qu'il nous croyait de véritables appréhensions pour l'empire Ottoman, mais que la France en avait aussi, et qu'il m'en parlerait. Je lui répliquai que nous avions prouvé depuis dix ans, que nous ne voulions rien envahir de ce côté, et que nous étions encore prêts à prendre tels engagements qui seraient envisagés comme nécessaires pour préciser nos vues. Il me dit que la Moldavie et la Valachie étaient des provinces russes; je lui répondis, que si m. Reinhard était un homme d'honneur, il aurait bientôt rendu compte du contraire. Sur ces entrefaites, on nous avertit que le dîner était servi, et notre conversation fut interrompue

---

силъ, что̀ я имѣю въ виду. Я отвѣчалъ, что въ отвѣтъ на его откровенность долженъ признаться, что и-ръ будетъ считать невозможными миръ или перемиріе между Россіей и Франціей, покуда эта послѣдняя будетъ сосѣдкой Оттоманской имперіи: это потому, что Бонапартъ былъ сосѣдомъ Голландіи—и она подчинена ему; онъ былъ сосѣдъ Италіи—и она вся въ зависимости отъ него; и мы боимся, какъ бы, вслѣдствіе его сосѣдства, не случилось того же съ Оттоманскою имперіей; оттого-то мы не можемъ быть покойны, пока знаемъ, что Франція владѣетъ Далмаціей и Албаніей. Я много извинялся за эту выходку и увѣрялъ его, что она была вызвана совсѣмъ непроизвольнымъ движеніемъ. Онъ отвѣчалъ благодарностью за мою откровенность и сказалъ, что понимаетъ, какъ важенъ этотъ предметъ для насъ, тѣмъ болѣе что онъ признаетъ истинныя опасенія съ нашей стороны насчетъ Оттоманской имперіи. Но онъ прибавилъ, что и Франція имѣетъ свои опасенія, и что мы поговоримъ о нихъ. Я возразилъ, что мы доказали въ теченіе десяти лѣтъ, что не ищемъ завоеваній съ этой стороны: да мы и теперь готовы взять на себя обязательства, которыя будутъ признаны нужными для точнаго опредѣленія нашихъ видовъ. Онъ сказалъ, что Молдавія и Валахія—русскія провинціи. Я отвѣчалъ, что если г. Рейнгардъ честный человѣкъ, то вскорѣ онъ донесетъ противное. Тутъ доложили, что подано на столъ, и наша бесѣда была прервана. Онъ возобновилъ ее послѣ

Il la reprit après midi, pour me dire, qu'il rendrait compte à Bonaparte de notre entretien, et qu'il lui semblait que nous pourrions régler dans vingt quatre heures les conditions d'une trève pendant laquelle on travaillerait à la paix. Je lui répondis que cela ne serait certainement pas difficile, pourvu qu'on voulût s'entendre sur la situation dans laquelle serait l'Europe pendant sa durée.

Le lendemain je reçus une invitation de m. de Talleyrand pour me rendre à une nouvelle conférence. Il commença par parler de nos entretiens précédents, et après avoir ouvert avec moi une discussion sur de prétendues plaintes que formait la Porte contre nous de ce que nos vaisseaux de guerre traversaient si fréquemment les Dardanelles sans aucun droit, ce que je réfutai par l'assurance positive que notre droit à cet égard était fondé sur des traités, je m'aperçus bientôt que cette discussion n'était qu'un préambule qui devait mener à quelqu'autre ouverture; en effet m. de Talleyrand me dit qu'ayant réfléchi sur notre conversation de la veille, il lui semblait qu'un moyen de nous accommoder et en même temps de faciliter la paix générale serait de donner la Dalmatie et l'Albanie au roi de Naples. Je me récriai sur la modicité de ce lot, mais je convins de l'avantage que sa position nous présentait ainsi qu'à l'Angleterre, et je me mis à chercher les moyens de l'augmenter. M. de Talleyrand me dit, qu'il ne fallait pas se perdre dans

---

полудня, чтобы сказать мнѣ, что онъ доложитъ Бонапарту о нашей бесѣдѣ и что, на его взглядъ, мы можемъ въ 24 часа установить условія перемирія, во время котораго будутъ работать надъ созданіемъ мира. Я отвѣчалъ, что, конечно, это не будетъ трудно, если только пожелаютъ сговориться насчетъ положенія, въ которомъ будетъ Европа во время перемирія.

На другой день я получилъ приглашеніе отъ г. Талейрана на новую конференцію. Онъ началъ съ нашихъ прошлыхъ разговоровъ и затѣмъ началъ обсужденіе мнимыхъ жалобъ Порты на насъ за то, что наши военныя суда столь часто проходятъ черезъ Дарданеллы безъ всякаго на то права, что я отвергалъ, положительно увѣряя, что наши права въ этомъ отношеніи основаны на договорахъ. Вскорѣ я замѣтилъ, что это обсужденіе не что иное, какъ введеніе, которое должно привести къ какому-нибудь иному предложенію. Дѣйствительно, г. Талейранъ сказалъ мнѣ, что, поразмысливъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ, онъ увидѣлъ, что, пожалуй, лучшимъ средствомъ къ нашему соглашенію, а также ко всеобщему миру, было бы отдать Далмацію и Албанію неаполитанскому королю. Я возсталъ противъ скудости этого надѣла, но согласился, что его положеніе представляло выгоды и для насъ, и для Англіи; и я началъ изыскивать средства увеличить его. Г. Талейранъ сказалъ мнѣ, что не должно вдаваться въ химеры: никогда Франція не уступитъ Венеціи и

des chimères; que jamais la France ne cèderait Venise et l'Istrie, mais que peut-être Bonaparte souscrirait à abandonner la Dalmatie et l'Albanie; je proposai d'y joindre Raguse et l'Albanie ex-vénitienne, appartenant aux turcs. M. de Talleyrand y souscrivit; il voulut insinuer que nous évacuerions alors Corfou, mais je ne lui en laissai aucunement l'espoir. Enfin il me proposa d'écrire cette idée au comte de Strogonoff, et je lui promis de le faire dans les termes les plus pressants. Il voulu de moi une promesse de signer cet arrangement si l'Angleterre ne l'admettait pas; mais je m'y refusai par le besoin où je me trouvais de conserver la confiance du ministère britannique, afin d'apporter des facilités à la paix. Il se contenta de cette raison, qui jusqu'ici m'a toujours très heureusement servi, lorsque m. de Talleyrand a voulu me faire adopter le principe de contracter sur les intérêts seuls de la Russie et de la France.

Je joins ici les lettres que j'ai écrites à m. le comte de Strogonoff, et v. e. y trouvera également celle que j'ai adressée à m. Fox en réponse à la sienne. — Dans mes deux conférences précédentes j'avais toujours renouvelé la demande d'un passeport, et m. de Talleyrand m'avait constamment remis d'un jour à l'autre. Cette fois il s'en rappela lui-même, et en me le remettant il me dit: „j'espère que vous écrivez que vous trouvez ici de bonnes dispositions pour la paix, surtout depuis que je vous abandonne la Dalmatie et l'Albanie que nous n'avions

---

Истріи, но, быть можетъ, Бонапартъ согласится покинуть Далмацію и Албанію. Я предложилъ прибавить Рагузу и бывшую венеціанскую Албанію, принадлежащую туркамъ. Г. Талейранъ согласился; онъ хотѣлъ, чтобы въ такомъ случаѣ мы очистили Корфу, но я не подавалъ ему никакой надежды. Наконецъ онъ предложилъ мнѣ передать эту мысль графу Строгонову; я обѣщалъ сдѣлать это въ самыхъ сильныхъ и настойчивыхъ выраженіяхъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я пообѣщался подписать эту сдѣлку, если Англія не согласится на нее; но я отказался въ силу необходимости для меня сохранить довѣріе британскаго министерства, чтобы способствовать тѣмъ заключенію мира. Онъ удовольствовался этимъ доводомъ, который до сихъ поръ прекрасно выручалъ меня каждый разъ, какъ только г. Талейрану хотѣлось заставить меня принять за правило договариваться объ однихъ интересахъ Россіи и Франціи.

Прилагаю при семъ мои письма къ гр. Строгонову; в. с-во найдете здѣсь также письмо, отправленное мною г. Фоксу въ отвѣтъ на его письмо. — На двухъ предшествовавшихъ конференціяхъ я все просилъ паспорта, а г. Талейранъ оттягивалъ со дня-на-день. На этотъ разъ онъ самъ вспомнилъ о немъ. Вручая мнѣ его, онъ сказалъ: „надѣюсь, вы напишите, что находите здѣсь мирное настроеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я уступилъ вамъ Далмацію и Албанію, которыя, признаюсь вамъ, мы взяли лишь съ цѣлью немного

pris, je vous l'avoue, que pour vous faire un peu enrager". Je le remerciai de ce qu'il se montrait disposé à les abandonner, et je l'assurai que j'éprouvais une véritable satisfaction par la perspective qu'elles sortissent des mains de la France. — J'ai mis lord Yarmouth au fait de tous mes entretiens avec m. Talleyrand, à l'exception de la proposition de la trève dont je ne lui ai point parlé.—Pardonnez-moi, mon prince, la longueur de ce rapport, qu'il m'a été impossible de rendre plus court, quoique j'aie cherché à en élaguer tout ce qui n'était pas absolument indispensable.

P.-S. Je m'aperçois que je n'ai point dit dans mon rapport, qu'à la fin de la première conférence m. de Talleyrand me demanda, si je faisais de l'affaire de la Sicile une condition sine qua non, et que je lui répondis que, quoique non autorisé à transiger sur ce point, je consentirais à chercher à régler par compensations. Je me hâte de réparer cette omission.

Pétersbourg. Paris, 1806, 19. Подлинникъ.

№ 124. — Убри Чарторижскому.

28 juin (10 juillet) 1806.

Les notions, que j'ai recueillies sur le nouveau plan qui fixera le sort de l'empire germanique, et qu'on dit arrêté, sans être encore signé par l'empereur, se réduisent aux points suivants:

побѣсить васъ". Я поблагодарилъ его за намѣреніе покинуть ихъ и увѣрилъ его, что испытываю истинное удовольствіе отъ надежды увидѣть ихъ вышедшими изъ рукъ Франціи.—Я передалъ лорду Ярмуту всѣ мои разговоры съ г. Талейраномъ, за исключеніемъ предложенія о перемиріи, о которомъ я не говорилъ съ нимъ.—Простите за длинноту настоящаго донесенія: нельзя было сократить его, хотя я старался выбросить все, что не было рѣшительно необходимо.

P.-S. Я замѣтилъ упущеніе въ моемъ донесеніи. Въ концѣ первой конференціи, г. Талейранъ спросилъ меня, поставлю-ли я сицилійское дѣло условіемъ sine qua non. Я отвѣчалъ, что хотя меня не уполномочивали уступать по этой статьѣ, я готовъ стараться устроить дѣло съ помощью вознагражденій. Спѣшу возстановить опущенное.

Парижъ, 28 іюня (10 іюля) 1806.

Вотъ собранныя мною свѣдѣнія касательно новаго плана, которымъ опредѣлится судьба Германской имперіи и который, говорятъ, уже рѣшенъ, только еще не подписанъ императоромъ:

1) A l'exception de très peu de petits états d'Allemagne que j'indiquerai plus bas, tout sera médiatisé et soumis à des puissances plus grandes, lesquelles

2) avec les petits qui seront conservés, formeront une confédération nouvelle d'états souverains, sous la protection et l'influence de la France.

3) Le plan sera porté à la diète, on dit le 15 juillet, et les confédérés déclareront tout ancien lien, qui subsistait entre eux et le chef suprême, dissous et la constitution abolie.

4) Les grandes puissances, dont la confédération se composera, auront la dignité royale, elles seront au nombre de 5 ou 6: 1) le roi de Bavière, 2) le roi de Würtemberg, 3) le roi de Bade, 4) le roi de Hesse-Darmstadt, 5) le roi de Clèves, 6) peut-être le roi de Hesse-Cassel.

5) Les états de moindre ordre conservés sont: 1) l'électeur archichancelier obtiendra la ville de Francfort avec une augmentation de sa dotation; 2) le duc d'Aremberg; 3) les maisons de Nassau-Weilbourg et Usingen; 4) les maisons de Solm-Solm et Rubourg; 5) les maisons de Hohenzollern-Siegmaringen et Hechingen; 6) le prince d'Isenbourg, colonel au service de France; 7) le comte de la Leyen.

6) Tous ces confédérés auront un traité d'alliance offensive et dé-

---

1) За исключеніемъ весьма немногихъ мелкихъ государствъ Германіи, которыя укажу ниже, все будетъ медіатизовано и подчинено болѣе обширнымъ державамъ, которыя,

2) вмѣстѣ съ сохранившимися мелкими государствами составятъ новую конфедерацію верховныхъ государствъ, подъ покровительствомъ и вліяніемъ Франціи.

3) Планъ будетъ представленъ сейму, какъ говорятъ, 15 іюля, и конфедераты объявятъ, что всѣ старыя связи между ними и высшимъ главой порваны, а конституція уничтожена.

4) Великія державы, которыя войдутъ въ составъ конфедераціи, получатъ королевское достоинство. Ихъ будетъ 5 или 6: 1) король баварскій, 2) король вюртембергскій, 3) король баденскій, 4) король гессенъ-дармштадтскій, 5) король клевскій, 6) быть можетъ, король гессенъ-кассельскій.

5) Меньшія государства, которыя будутъ сохранены, слѣдующія: 1) курфюрстъ эрцканцлеръ получитъ городъ Франкфуртъ съ увеличеніемъ своего надѣла; 2) герцогъ д'Арембергъ; 3) дома Нассау-Вейльбургъ и Узингенъ; 4) дома Сольмъ-Сольмъ и Рубургъ; 5) дома Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ и Гехингенъ; 6) принцъ д'Изенбургъ, полковникъ французской службы; 7) графъ Лейенъ.

6) У всѣхъ этихъ конфедератовъ будетъ наступательный и оборонитель-

fensive avec la France, et des traités particuliers détermineront les rapports plus ou moins intimes. Le contigent de troupes que chaque état fournira à la France en cas de guerre est fixé: la Bavière donnera 30,000 hommes, Wurtemberg 12,000, Bade 10,000, Clève 5,000, Darmstadt 4,000, Nassau-Weilbourg avec les autres petits états en masse 1,500 hommes.

7) Le siége de l'union sera à Francfort sur Mein, où l'archichancelier résidera et s'occupera sans délais des loix organiques de la nouvelle constitution.

8) Aucun individu possessionné dans une province de la confédération ne pourra s'établir ailleurs, ni être au service d'une puissance étrangère; ceux qui se trouvent dans ce cas, seront obligés ou de revenir chez eux, ou de vendre leurs biens.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 19. Подлинникъ.

№ 125. — Убри Чарторижскому.

Paris, 29 juin (11 juillet) 1806.

J'étais à rédiger ma dépêche datée du jour d'hier lorsque je reçus une invitation pour me rendre chez m. de Talleyrand. Après les pre-

---

ный союзъ съ Франціей; особымъ договоромъ опредѣлятся ихъ болѣе или менѣе тѣсныя связи. Количество войскъ, которыя каждое государство будетъ доставлять Франціи въ случаѣ войны, опредѣляется такъ: Баварія дастъ 30,000 человѣкъ, Вюртембергъ — 13,000, Баденъ—10,000, Клеве—5,000, Дармштадтъ—4,000, Нассау-Вейльбургъ вмѣстѣ съ другими мелкими государствами—1,500.

7) Столицей конфедераціи будетъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ будетъ пребывать эрцканцлеръ, который займется безъ замедленія органическими законами новой конституціи.

8) Кто обладаетъ имуществомъ въ одной изъ провинцій конфедераціи, тотъ не можетъ основаться въ другомъ мѣстѣ, а также состоять на службѣ иностранной державы. А кто находится въ такомъ положеніи, тотъ обязанъ или возвратиться домой, или продать свое имущество.

Парижъ, 29 іюня (11 іюля) 1806.

Я составилъ депешу отъ вчерашняго числа, когда получилъ приглашеніе придти къ г. Талейрану. Послѣ первыхъ обычныхъ любезностей, этотъ

mières politesses d'usage, ce ministre me dit qu'il y avait une chose bien essentielle dont nous pourrions nous occuper et dont l'idée était venue tout à coup à Bonaparte en recevant un courrier de Raguse, d'où il apprenait que les monténégrins secondés des russes allaient attaquer les français; qu'il y aurait du sang à répandre et que, comme nous étions en train de faire la paix, il faudrait l'éviter, et que d'après cela il me proposait de signer un armistice. — Je lui objectai encore que ce serait entraver au lieu de faciliter la paix générale, parce que tout ce qui tendait à ôter à la Russie la confiance de l'Angleterre, menait droit à retarder la paix; que je répugnais d'après cela à signer aucun acte séparé, et que pour y suppléer j'offrais d'écrire à m. l'amiral Siniavin de suspendre ses opérations, parce qu'on approchait du moment de conclure la paix. M. de Talleyrand me dit que cela ne remplirait pas l'objet, parce que l'amiral ne suivrait pas les directions que je lui donnerais; que d'ailleurs la France devait envoyer des renforts en Dalmatie; et que cela influerait très défavorablement sur les négociations ultérieures. Je restai toujours ferme à mon argument. M. de Talleyrand me montra alors le projet de cet armistice, qu'il dit avoir couché par écrit, et voulut me persuader de le signer. — Je le lus attentivement et je ne tardai pas à m'apercevoir que c'était un traité préliminaire et non un armistice. Je voulus le prendre chez moi, mais m. de Talleyrand n'y con-

---

министръ сказалъ мнѣ, что есть довольно важное дѣло, которымъ мы должны заняться. Мысль о немъ вдругъ пришла въ голову Бонапарту, когда онъ принялъ курьера изъ Рагузы, отъ котораго узналъ, что черногорцы, вспомоществуемые русскими, напали на французовъ. Произойдетъ кровопролитіе, между тѣмъ какъ мы заключаемъ миръ: слѣдовало бы избѣжать его; и потому онъ предложилъ мнѣ подписать перемиріе.—Я снова возразилъ ему, что это значило бы не ускорить, а замедлить общій миръ: такъ какъ все, что клонится къ лишенію Россіи довѣрія Англіи, ведетъ прямо къ задержкѣ мира. Я прибавилъ, что послѣ этого мнѣ претитъ подписаніе какого бы то ни было отдѣльнаго акта; а вмѣсто того я предложилъ написать г. адмиралу Синявину оставить свои дѣйствія, такъ какъ приближается минута заключенія мира. Г. Талейранъ сказалъ мнѣ, что это не поможетъ, такъ какъ адмиралъ не послѣдуетъ моимъ указаніямъ; что Франція, сверхъ того, должна послать подкрѣпленія въ Далмацію, и что это отразится весьма неблагопріятно на дальнѣйшихъ переговорахъ. Я оставался твердъ въ моихъ доводахъ. Тутъ г. Талейранъ показалъ мнѣ проектъ этого перемирія, который, по его словамъ, написанъ имъ, и старался убѣдить меня подписать его.—Я прочелъ его внимательно и тотчасъ замѣтилъ, что это предварительный договоръ, а не перемиріе. Я хотѣлъ взять его съ собой; но г. Талейранъ не согласился на это

sentit pas et me permit seulement d'en faire un extrait. Voici à peu près ce que contenait ce papier.

S. m. l'empereur des français, roi d'Italie et S. M. l'Empereur de Toutes les Russies ayant manifesté le désir d'un rapprochement qui puisse conduire à une paix stable définitive entre les deux états et ayant à coeur avant tout de faire cesser l'effusion du sang qui se répand tous les jours sans utilité pour le but que les deux puissances peuvent avoir dans la présente guerre, ont nommé, savoir etc...

Article 1-er.

Il y aura, à compter de ce jour, suspension de toute hostilité entre les soldats et sujets respectifs sur terre et sur mer, et tout ce qui serait pris de part ou d'autre après la date de la signature des présents articles préliminaires de quelque nature que ce soit, sera restitué sans échange et compensations quelconques

Art. 2-d.

Les généraux respectifs donneront immédiatement les ordres nécessaires pour la cessation des hostilités.

и позволилъ мнѣ только сдѣлать выписку. Вотъ приблизительно что́ было въ этой бумагѣ.

Е. в-во императоръ французовъ, король Италіи и е. в-во императоръ всероссійскій, обнаруживъ желаніе сблизиться, которое можетъ привести къ прочному окончательному миру между двумя государствами, и стараясь прежде всего прекратить кровопролитіе, которое расширяется съ каждымъ днемъ безъ пользы для цѣли, которую обѣ державы могутъ имѣть въ нынѣшней войнѣ, назначили и проч...

Статья 1-я.

Съ сего дня прекращаются всякія непріязненныя дѣйствія между солдатами и подданными обѣихъ державъ на сушѣ и на землѣ; и со дня подписанія настоящихъ предварительныхъ статей все, взятое тою или другою стороной и всякаго рода, должно быть возвращено безъ всякаго обмѣна и вознагражденія.

Ст. 2-я.

Генералы обѣихъ сторонъ немедленно дадутъ необходимыя приказанія для прекращенія непріязненныхъ дѣйствій.

Art. 3-me.

Les relations commerciales seront rétablies entre les deux états sur le même pied, où elles se trouvaient avant la présente guerre.

Art. 4-me.

On respectera le pavillon de chacune des deux puissances et des pays occupés par chacune d'elles.

Art. 5-me.

Quinze jours après la ratification des présents articles préliminaires, on nommera de part et d'autre des ministres plénipotentiaires pour traiter de la paix définitive entre les deux états.

Je ne laissai point apercevoir à m. de Talleyrand, combien j'avais deviné son intention; mais je cherchai à écarter l'idée de signer cet acte disant que si on lui laissait sa forme, ce serait une reconnaissance du titre de Bonaparte, ce qui ne pouvait avoir lieu qu'à la paix définitive; qu'en signant cet acte je détruisais nos moyens de confiance en Angleterre. Je proposai, pour éviter l'un et l'autre inconvénient, de ne parler que de la Russie et de la France sans nommer les souverains et de dire que le but était de travailler à la paix générale dans une négociation

---

Ст. 3-я.

Торговыя сношенія между двумя государствами будутъ возстановлены въ томъ видѣ, въ какомъ они находились до настоящей войны.

Ст. 4-я.

Будетъ уважаемъ флагъ каждой изъ двухъ державъ и занятыхъ ими странъ.

Ст. 5-я.

Пятнадцать дней спустя послѣ утвержденія настоящихъ предварительныхъ статей, будутъ назначены съ обѣихъ сторонъ уполномоченные министры для переговоровъ объ окончательномъ мирѣ между двумя государствами.

Я не далъ замѣтить г. Талейрану, насколько угадалъ его намѣреніе. Но я старался устранить мысль о подписаніи этой бумаги: я сказалъ, что при такой ея формѣ это было бы признаніемъ титула Бонапарта, которое можетъ послѣдовать лишь при окончательномъ мирѣ, и что, подписывая эту бумагу, я разрушилъ бы довѣріе Англіи къ намъ. Чтобы избѣгнуть и того, и другого затрудненія, я предложилъ говорить только о Россіи и Франціи, не

commune entre les trois puissances. M. de Talleyrand souscrivit aux deux premiers points, mais il ne voulut point admettre de négociation commune, disant qu'ils s'étaient trop prononcés contre ce mode. Notre discussion dura pendant deux heures, et m. Talleyrand ne négligea rien pour me faire adopter son plan; il me proposa de signer un traité définitif et m'offrit de nous donner les Sept-Iles en propriété; j'écartai toutes ces propositions avec retenue et douceur et enfin j'obtins de lui que cet objet serait abandonné maintenant, mais discuté de nouveau après le retour du courrier envoyé en Angleterre.

Je crois avoir remporté une espèce de victoire sur lui; mais souvent des succès semblables sont dangereux, et je ne suis pas sans appréhension sur les effets qu'aura produit le rapport que m. de Talleyrand a dû faire de notre conversation à Bonaparte. Je me hate d'expédier mon courrier afin que m. Talleyrand ne me demande pas de le retarder de nouveau pour empêcher que vous ne receviez trop promptement la nouvelle de la tentative qu'il a faite de me surprendre. Il a essayé de m'effrayer par l'envoi de nouvelles troupes en Dalmatie, et moi je suis convenu de la mauvaise impression que cela produirait, mais je lui ai dit en même temps que je ne pouvais l'arrêter en souscrivant à des points qui étaient en opposition avec mes ordres, qui d'ailleurs ne m'autorisaient dans aucun cas à faire une chose qui était en oppo-

---

называя государей, и сказать, что цѣль — стараться о всеобщемъ мирѣ при совмѣстныхъ переговорахъ между тремя державами. Г. Талейранъ подписался подъ обоими первыми условіями, но не хотѣлъ допустить совмѣстныхъ переговоровъ, сказавъ, что у нихъ уже слишкомъ сильно высказались противъ такого способа. Наше обсужденіе продолжалось два часа, и г. Талейранъ не пожалѣлъ ничего, чтобы убѣдить меня принять его планъ. Онъ предложилъ мнѣ подписать окончательный договоръ, а намъ отдать Семь-Острововъ въ собственность. Я устранилъ всѣ эти предложенія сдержанно и мягко и наконецъ добился отъ него, чтобы теперь этотъ предметъ былъ оставленъ и чтобы снова обсуждать его по возвращеніи курьера, посланнаго въ Англію.

Мнѣ кажется, я одержалъ надъ нимъ нѣкотораго рода побѣду; но подобные успѣхи нерѣдко опасны, и я не безъ опасеній думаю о впечатлѣніи, которое произведетъ на Бонапарта докладъ г. Талейрана о нашей бесѣдѣ. Спѣшу отправить моего курьера, чтобы г. Талейранъ не попросилъ меня снова задержать его, стараясь помѣшать вамъ слишкомъ скоро узнать объ его попыткѣ захватить меня врасплохъ. Онъ попытался запугать меня отправкой новыхъ войскъ въ Далмацію, и я призналъ, что это произведетъ дурное впечатлѣніе. Но я сказалъ ему въ то же время, что не могу остановить его, подписавшись подъ условіями, которыя противорѣчили полученнымъ мною при-

sition directe avec une autre que j'avais faite la veille; que ce serait cependant le cas, si je signais aujourd'hui une paix particulière entre la Russie et la France sans avoir attendu de réponse à ce que j'ai écrit au comte de Strogonoff sur la paix générale.

P. S. Je ne dois pas négliger de dire à v. e. qu'il est échappé à m. de Talleyrand, en parlant du projet d'acte rédigé par lui, qu'il serait agréable à St. Pétersbourg, parce que son objet rentrait dans l'esprit philantropique de l'Empereur.

Pétersbourg. Paris, 1806, 20. Подлинникъ.

№ 126. — Убри Чарторижскому.

Paris, 29 juin (11 juillet) 1806.

Quoique j'aie abandonné presque dès le début le point de la Sicile et aie cessé d'en faire une condition *sine qua non*, je n'ai pas manqué de réitérer dans toutes les occasions à m. de Talleyrand, que je le faisais sans autorisation de ma cour et uniquement pour faciliter la négociation; et malgré la manière positive dont m. de Talleyrand a dit à lord Yarmouth et à moi, que jamais la France ne renoncerait à cette possession, cependant j'y suis revenu à plusieurs reprises, et m. de Talleyrand a même déjà discuté les conditions auxquelles la France pour-

---

казаніямъ, отнюдь не уполномочивающимъ меня дѣлать то, что прямо противорѣчитъ сдѣланному мною наканунѣ; а именно такъ бы и случилось, если бы сегодня я подписалъ особый миръ между Россіей и Франціей, не дождавшись отвѣта на то, что писалъ графу Строгонову насчетъ всеобщаго мира.

P. S. Я долженъ сказать в. с-ву, что г. Талейранъ, говоря о проектѣ составленной имъ бумаги, замѣтилъ, что она направится въ С.-Петербургъ, такъ какъ ея предметъ соотвѣтствуетъ человѣколюбію императора.

Парижъ, 29 іюня (11 іюля) 1806.

Хотя я почти съ самаго начала бросилъ условіе насчетъ Сициліи и пересталъ ставить его какъ *sine qua non*, однако я не преминулъ повторять г. Талейрану при всякомъ случаѣ, что дѣлаю это безъ полномочія со стороны моего двора, и единственно лишь съ цѣлью облегчить ходъ дѣла. И, несмотря на положительныя заявленія г. Талейрана лорду Ярмуту и мнѣ, что Франція никогда не откажется отъ этого владѣнія, я нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету; и г. Талейранъ уже входилъ въ обсужденіе условій, на которыхъ Франція могла бы отказаться отъ Сициліи. Вообще я стою на такой

rait y renoncer. En général le pied sur lequel je me suis mis avec lui, m'a fourni l'occasion de bien expliquer la façon de voir de l'Empereur et d'établir en principe, qu'il ne peut y avoir ni paix, ni trève entre la Russie et la France tant que cette dernière possèdera la Dalmatie et l'Albanie; que ce serait une démarche honteuse de la part de la Russie que d'abandonner le roi de Naples; qu'il était avantageux, pour amener la paix générale, que nous restions dans l'intimité dans laquelle nous nous trouvons avec l'Angleterre.

Il est échappé à m. de Talleyrand, qu'il croyait qu'un jour la Russie et la France seraient alliées, et pour le faire jaser, j'ai dit que cela pourrait bien être, mais il s'est hâté de dire, qu'il était probablement trop vieux pour le voir et que cela était réservé à mon âge.

Il m'est impossible de vous rendre mot à mot mes entretiens; mais veuillez m'en croire que je suis sur un bon pied avec le ministre, si la conversation d'hier ou plutôt la ferme résolution que j'ai montrée de ne pas précipiter les choses n'a rien gâté. On m'a dit qu'à dîner, après m'avoir quitté, il a été de très belle humeur.

Pétersbourg. Paris, 1806, 22. Подлинникъ.

ногѣ съ нимъ, что представляются случаи хорошо выяснить точку зрѣнія императора и установить слѣдующія основанія: не можетъ быть ни мира, ни перемирія между Россіей и Франціей, пока эта послѣдняя будетъ владѣть Далмаціей и Албаніей; было бы постыдно для Россіи покинуть неаполитанскаго короля; было бы выгодно для всеобщаго мира, еслибы мы сохраняли ту дружбу, которая связываетъ насъ съ Англіей.

У г. Талейрана сорвалось съ языка, что, по его мнѣнію, настанетъ время, когда Россія и Франція осоюзятся. Чтобы заставить его проболтаться, я сказалъ, что это весьма возможно; но онъ поспѣшилъ сказать, что онъ, пожалуй, слишкомъ старъ, чтобы увидѣть это, и что это будетъ удѣломъ моего возраста.

Невозможно передать вамъ слово-въ-слово мои разговоры; но благоволите вѣрить, что я на хорошей ногѣ съ министромъ, если только вчерашняя бесѣда или, скорѣе, мое твердое рѣшеніе не спѣшить съ дѣломъ ничего не испортили. Мнѣ сказывали, что за обѣдомъ, послѣ разговора со мной, онъ находился въ очень хорошемъ расположеніи духа.

№ 127. — Убри Чарторижскому.

Paris, 29 juin (11 juillet) 1806.

Je ne puis témoigner assez ma surprise à v. e. du personnage que m. Fox a choisi pour discuter ici les intérêts de l'Angleterre. Lord Yarmouth est un joueur déterminé, guère moins bon buveur, et pendant la dernière trève entre la France et l'Angleterre il a joué ici un rôle assez équivoque. Amant de m-me Visconti, maîtresse du général Berthier, sa femme était la maîtresse du général Junot, commandant général de Paris. — Maintenant je n'ai pu encore vérifier si ce train de vie continue tout-à-fait, mais je sais déjà qu'un certain Montront, l'âme damnée de m. de Talleyrand, boit depuis le matin jusqu'au soir avec lord Yarmouth. Je sais que ce dernier qui envisage le premier comme un espion, a une tête plus forte et par conséquent mettra son antagoniste sous table avant d'y être lui-même; mais qui peut empêcher, que lorsqu'ils seront bien en train tous deux, un tiers n'arrive et ne fasse rafle de tout ce qui échappera à lord Yarmouth. Cela rend ma position vis-à-vis de lui embarassante parce que je risquerais beaucoup de lui confier une chose que m. de Talleyrand m'aurait dit sous le sceau du secret, et je balance encore si je lui parlerai ou non du projet de traité qui m'a été présenté.

Pétersbourg. Paris, 1806, 23. Подлинникъ.

Парижъ, 29 іюня (11 іюля) 1806.

Не могу выразить вашему с-ву всего моего удивленія по поводу лица, избраннаго г. Фоксомъ, чтобы отстаивать здѣсь интересы Англіи. Лордъ Ярмутъ питаетъ рѣшительную страсть къ игрѣ и не меньшую къ пьянству; во время послѣдняго перемирія между Франціей и Англіей онъ игралъ довольно двусмысленную роль. Онъ былъ любовникомъ г-жи Висконти, любовницы генер. Бертье; а его жена была любовницею генер. Жюно, главнаго коменданта Парижа. — Теперь я еще не могъ провѣрить, вполнѣ-ли продолжается этотъ образъ жизни; но мнѣ уже извѣстно, что нѣкто Монтронъ, злой духъ г. Талейрана, пьетъ съ утра до вечера съ лордомъ Ярмутомъ. Я знаю, что у этого послѣдняго, который смотритъ на перваго какъ на шпіона, голова крѣпче, и поэтому онъ скорѣе перепьетъ своего противника. Но кто можетъ поручиться, что когда они оба будутъ готовы, не явится третій и не подхватитъ всего, что сорвется съ устъ лорда Ярмута? Это ставитъ меня относительно его въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ я слишкомъ рискую, передавъ ему что-нибудь довѣренное мнѣ г. Талейраномъ за тайну. И вотъ я все колеблюсь, сообщить ему о представленномъ мнѣ проектѣ договора, или нѣтъ.

№ 128. — Убри Чарторижскому.

Paris, 29 juin (11 juillet) 1806.

Depuis mon arrivée à Paris tout mon temps a été absorbé par les conférences avec m. Talleyrand et lord Yarmouth de façon que je n'ai pu voir presque personne de mes connaissances. Je n'ai pas pu non plus donner à mes dépêches le soin de rédaction que j'aurais désiré. Ma lettre à m. Fox surtout me déplait souverainement depuis que je l'ai relue; mais j'ai pour excuse que le courrier n'attendait que mon paquet pour partir, et que probablement un agent de police était aux aguets pour rendre compte du moment, où il se mettrait en route.

L'état des affaires que je vous dépeins est à peu près tel que nous l'avions jugé à St. Pétersbourg; mais il me semble que c'est en vain que nous nous flattions que Bonaparte renoncerait à ses projets sur la Sicile. En général je me persuade tous les jours plus de la difficulté de faire une paix générale.

Pour l'arrangement particulier de la Russie, j'y vois plus de jour, car on n'insiste pas sur les reconnaissances, ce qui *pour l'honneur* est une grande facilité. Pour les *avantages*, je ne me flatte pas d'en obtenir en considération de nous seuls, parce que notre guerre n'est pas gé-

---

Парижъ, 29 іюня (11 іюля) 1806

Съ пріѣзда въ Парижъ все мое время было до того занято бесѣдами съ г. Талейраномъ и съ лордомъ Ярмутомъ, что я не могъ видѣть почти никого изъ моихъ знакомыхъ. Я не могъ также позаботиться объ изложеніи моихъ депешъ, какъ хотѣлось бы. Въ особенности мнѣ не понравилось мое письмо къ г. Фоксу, когда я перечелъ его; но извиненіемъ мнѣ служитъ то, что курьеръ ждалъ только моего пакета, чтобы ѣхать, и полицейскій агентъ, вѣроятно, стоялъ насторожѣ, чтобы донести, какъ только онъ пустится въ дорогу.

Положеніе дѣлъ, которое я вамъ описываю, почти такое, какъ думали мы въ С.-Петербургѣ; но, по мнѣ, мы напрасно надѣялися, что Бонапартъ откажется отъ своихъ видовъ на Сицилію. Вообще съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, какъ трудно добиться всеобщаго мира.

Что касается отдѣльной сдѣлки съ Россіей, тутъ для меня дѣло яснѣе, такъ какъ не настаиваютъ на признаніяхъ, что̀ очень важно въ отношеніи *чести*. Но относительно *выгодъ*—не надѣюсь получить ихъ для насъ однихъ,

nante pour eux, à moins que m. Siniavin ne fasse des prodiges, ce que je lui souhaite bien sincèrement.

M. Talleyrand désire de faire la paix, parce qu'il attend ce moment comme celui de son repos. Il est mécontent de la manière de traiter de m. Fox, parce qu'il ne le trouve ni assez inventif, ni assez expéditif. Cela m'a un peu fait valoir, parce que m. Talleyrand a trouvé que j'avançais plus en besogne. Vous trouverez peut-être trop, mais je vous prie d'attendre, avant de me juger en dernier ressort, que j'aie signé. Le point d'où l'on part n'est rien; c'est celui auquel on arrive qu'il faut considérer.

Bonaparte désire aussi la paix, mais sans sacrifices ou du moins sans restitutions importantes.

Il donne beaucoup dans les femmes, et c'est le prince et la princesse de Clèves qui sont ses procureurs. Vous sentez qu'il faut au moins une couronne royale pour payer de semblables services, et c'est l'Allemagne probablement qui la fournira.

Je vous prie de ne point envisager cette expédition, comme le compte que j'ai à vous rendre de l'état de la France. Elle est uniquement destinée à vous mettre au fait de ce que j'ai fait personnellement; pour le reste, je manque encore de notions, et j'aurais manqué de temps pour les réunir dans un ensemble.

такъ какъ наша война не тяжела для нихъ, если только г. Синявинъ не сотворитъ чудесъ, чего желаю ему отъ души.

Г. Талейранъ желаетъ мира: онъ ждетъ этой минуты какъ поры своего успокоенія. Онъ недоволенъ способомъ г. Фокса вести переговоры, не находя его ни достаточно изобрѣтательнымъ, ни достаточно проворнымъ. Это немного придало мнѣ вѣсу, такъ какъ г. Талейранъ нашелъ, что я быстрѣе въ дѣлахъ. Вы, пожалуй, найдете, что я слишкомъ быстръ; но прошу подождать моего подписанія, прежде чѣмъ судить обо мнѣ окончательно. Мѣсто, откуда отправляются, ничего не значитъ: нужно смотрѣть на то мѣсто, куда прибываютъ.

Бонапартъ также желаетъ мира, но безъ жертвъ или по крайней мѣрѣ безъ важныхъ возстановленій прежняго порядка. Онъ очень увлекается женщинами; его наперсники — принцъ и принцесса Клевскіе. Понимаете, что нужна по крайней мѣрѣ королевская корона, чтобы вознаградить за такія услуги, и ее доставитъ, вѣроятно, Германія.

Прошу не смотрѣть на эту бумагу, какъ на мой отчетъ вамъ о состояніи Франціи. Она предназначается единственно для того, чтобы показать вамъ, что́ я лично сдѣлалъ. Что же касается всего остальнаго, то у меня еще мало свѣдѣній, да и не было бы времени изложить ихъ связно.

Je ne puis encore prévoir ce que je ferai, parce que jusqu'ici le tableau a été trop mouvant. Je ne vous demande pas non plus d'instructions parce que je sens qu'elles seraient trop tardives. Je désirerais seulement que vous voulussiez me mettre au fait des plans qui peuvent avoir été arrêtés après mon départ. Il me semble que le plus urgent serait de renforcer la station de Corfou. Je ne puis en indiquer d'autres, parce que je ne suis pas encore assez instruit des véritables vues de Bonaparte pour l'avenir, quoique je sache que dans leur ensemble elles sont très pernicieuses pour la sûreté du continent.

Je finis cette lettre, quoique je m'apperçoive bien qu'elle ne contient que très peu de chose; mais je sens tellement que mes idées sont encore confuses, que je crains de ne rien rassembler de bon. Ce qui certainement les remettrait infiniment, ce serait d'avoir le bonheur de recevoir de vos nouvelles. Vous savez combien elles me sont précieuses sous un double rapport. Veuillez donc n'en pas être avare.

Pétersbourg. Paris, 1806, 26. Подлинникъ.

№ 129. — Убри Чарторижскому.

Paris, 29 juin (11 juillet) 1806.

J'ai vu conformément aux ordres de l'Empereur m. de la Harpe, et quoique j'eusse le chagrin de ne pouvoir lui remettre la lettre qui m'a-

---

Покуда не могу предвидѣть, что̀ стану дѣлать, такъ какъ до сихъ поръ передо мной развертывалась слишкомъ подвижная картина. Не прошу у васъ и новыхъ наставленій, такъ какъ чувствую, что они слишкомъ запоздаютъ. Мнѣ хотѣлось бы только, чтобы вы познакомили мени съ планами, которые могли быть приняты послѣ моего отъѣзда. По мнѣ, самое необходимое было—усилить позицію въ Корфу. Больше ничего не могу указать, потому что еще недостаточно знаю истинные виды Бонапарта на будущее, хотя мнѣ извѣстно, что въ общемъ они весьма вредны для материка.

Кончаю это письмо, хотя хорошо вижу, что въ немъ очень мало сказано; но я вполнѣ понимаю, что мои мысли еще не ясны, и потому боюсь, что не сумѣю схватить ничего путнаго. Одно только, несомнѣнно, можетъ безконечно помочь мнѣ—это если вы осчастливите меня сообщеніемъ новостей о себѣ. Вы знаете, какъ онѣ дороги мнѣ вдвойнѣ. Соблаговолите же не скупиться на нихъ.

Парижъ, 29 іюня (11 іюля) 1806.

Согласно предписанію и-ра, я видѣлся съ г. де-Лагарпомъ, и хотя, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось передать ему письмо, которое мнѣ было обѣщано

vait été promise pour lui, il m'a accueilli avec amitié et confiance. Nous avons causé sur les affaires et je l'ai mis au fait de la conduite que j'ai tenue, et il a trouvé la marche que j'ai adopté bonne pour les hommes avec lesquels j'ai à faire et qu'il connaît parfaitement bien.— Il m'a confié une lettre pour S. M., et je la joins ici.

P.-S. Ayez la bonté de me faire envoyer par le premier courrier une petite provision du meilleur thé possible. C'est la princesse de Bénévent qui m'en a demandé, et il serait bon que je puisse lui faire plaisir.

Pétersbourg. Paris, 1806, 27. Подлинникъ.

№ 130. — Талейранъ г-ну Убри.

Paris, 30 juin (12 juillet) 1806.

J'ai fait connaître, monsieur, à S. M. l'E-r et roi que vous étiez arrivé à Paris muni des pouvoirs de S. M. l'E-r de Russie pour traiter du rétablissement de la paix entre la France et la Russie, et je dois vous prévenir que S. M. I. a donné de son côté des pouvoirs à m. le général Clarcke pour suivre avec v. e. les négociations relatives au rétablissement de la paix et pour en arrêter les conditions.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 28. Подлинникъ.

для него, онъ принялъ меня дружелюбно и довѣрчиво. Мы говорили о дѣлахъ, и я разсказалъ ему о моемъ поведеніи; онъ нашелъ, что я поступалъ, какъ слѣдуетъ, съ людьми, съ которыми имѣю дѣло и которыхъ онъ прекрасно знаетъ.—Онъ вручилъ мнѣ письмо къ его в-ву, и я его прилагаю здѣсь.

P. S. Будьте такъ добры, вышлите мнѣ съ первымъ курьеромъ маленькій запасъ самаго лучшаго чаю: меня просила объ этомъ принцесса беневентская, и хорошо было бы, еслибы я могъ доставить ей это удовольствіе.

Парижъ, 30 іюня (12 іюля) 1806.

М. г, я сообщилъ его в-ву и-ру и королю, что вы прибыли въ Парижъ съ полномочіями отъ его в-ва и-ра Россіи, чтобы вести переговоры о возобновленіи мира между Франціей и Россіей; и я долженъ предупредить васъ, что его и. в-во съ своей стороны далъ полномочія генералу Кларку, чтобы вести съ вашимъ п-вомъ переговоры относительно возстановленія мира и установленія условій.

№ 131. — Убри Талейрану.

Paris, 1 (13) juillet 1806.

Quelque pénible qu'il me soit personnellement de voir prendre une autre direction aux discussions intéressantes qui ont eu lieu entre v. e. et moi depuis mon arrivée à Paris, le cas où de la part de la France il y aurait quelqu'un de substitué à v. e. ayant été prévu dans la lettre du prince de Czartorisky que j'ai eu l'honneur de lui remettre, je ne manquerais point de les continuer avec m. le général Clarcke aussitôt que v. e. ou lui-même m'aura fait savoir où et quand je pourrais avoir l'honneur de le voir.—Je me flatte que si même mes relations officielles avec. v. e. sont interrompues, qu'elle me permettra pendant mon séjour à Paris de venir lui réitérer quelquefois l'assurance de ma reconnaissance pour la confiance qu'elle m'a montrée, et l'expression de la considération respectueuse avec laquelle etc.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 28. Списокъ.

Парижъ, 1/13 іюля 1806.

Какъ ни тяжело мнѣ лично видѣть, что занимательные переговоры, установившіеся между вашимъ с-вомъ и мною со времени моего прибытія въ Парижъ, приняли другое направленіе, но такъ какъ въ письмѣ князя Чарторижскаго, которое я имѣлъ честь передать вамъ, была предвидѣна возможность со стороны Франціи замѣнить ваше с-во, то я не премину продолжать ихъ съ генер. Кларкомъ, какъ только ваше с-во или онъ самъ извѣстятъ меня, гдѣ и когда я могу имѣть честь видѣть его. — Я надѣюсь даже, что, хотя мои офиціальныя отношенія съ вашимъ с-вомъ и прерваны, тѣмъ не менѣе вы позволите мнѣ, покуда я въ Парижѣ, являться иногда къ вамъ, чтобы повторить увѣреніе въ моей признательности за оказанное мнѣ довѣріе и выразить мое отмѣнное уваженіе, съ которымъ и пр.

№ 132. — Убри Синявину.

Paris, 8/20 juillet 1806.

J'ai l'honneur de vous faire part que conformément aux pouvoirs qui m'ont été donnés par S. M. l'E-r notre auguste maître, j'ai signé aujourd'hui un traité de paix défintif entre la Russie et la France qui renferme les stipulations tracées dans l'extrait ci-joint. En conséquence, j'ai l'honneur de vous adresser la présente réquisition formelle de procéder immédiatement à l'exécution de ces différents articles de concert avec l'officier général, commandant les troupes françaises, qui vous fera parvenir cette lettre.

J'engage d'autant plus v. e. à ne point différer ces mesures, que la tranquillité de différents états de l'Europe pourrait être troublée par les retards que vous y apporteriez.

P.-S. Je prie v. e. de vouloir bien envoyer à m. Sankoffsky copie de cette lettre pour son information et pour qu'il puisse régler ses démarches sur son contenu.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 28. Списокъ.

Парижъ, 8/20 іюля 1806.

Честь имѣю сообщить вамъ, что, согласно полномочіямъ, даннымъ мнѣ е. в-мъ императоромъ, нашимъ августѣйшимъ государемъ, я подписалъ сегодня окончательный мирный договоръ между Россіей и Франціей, заключающій въ себѣ условія, набросанныя въ прилагаемой выноскѣ. Въ силу этого, честь имѣю послать вамъ настоящее формальное требованіе приступить немедленно къ истолкованію сихъ различныхъ статей въ согласіи съ командующимъ французскими войсками, который доставитъ вамъ это письмо.

Тѣмъ болѣе приглашаю в. пр-во поспѣшить съ этими мѣрами, что задержка съ вашей стороны можетъ нарушить спокойствіе различныхъ государствъ Европы.

P. S. Прошу в. пр-во соблаговолить послать списокъ этого письма г. Санковскому, къ свѣдѣнію и для того, чтобы онъ могъ сообразоваться въ своихъ поступкахъ съ его содержаніемъ.

№ 133. — Убри Строгонову.

Paris, 9/21 juillet 1806.

Au moment où j'ai reçu les lettres que v. e. m'a fait l'honneur de m'adresser par m. Loguinoff, je me trouvais tellement pressé par le gouvernement français, que voyant d'un coté l'impossibilité d'obtenir de meilleures conditions, à moins de réunir dès forces plus considérables que celles qu'a présentées la dernière coalition, et de l'autre, la certitude que l'Autriche allait devenir la victime de notre persévérance à ne point faire la paix, j'avais consenti à signer un traité définitif entre la Russie et la France à condition toutefois que les troupes françaises évacueraient immédiatement l'Allemagne. Cette stipulation me paraissait décisive tant pour l'Angleterre que pour la Russie, parce que nous avons un même intérêt, celui d'empêcher la ruine du continent et celle de l'Autriche, qui était inévitable si je ne signais point. Je me flatte donc que la résolution que j'ai prise de signer un traité définitif pour la Russie, sera appréciée par le ministère britannique et qu'il n'envisagera point comme une infraction aux traités qui nous lient, que j'aie pris cette détermination dans un moment de crise et après avoir tout épuisé pour faire marcher les intérêts des deux puissances de front même encore au moment de conclure. Je joins ici cette transaction.

Парижъ, 9/21 іюля 1806.

Въ ту минуту, когда пришли письма, которыми в. с-во удостоили меня черезъ г. Логинова, французское правительство такъ насѣдало на меня, что я согласился подписать окончательный договоръ между Россіей и Франціей, впрочемъ съ условіемъ, чтобы французскія войска немедленно очистили Германію. Я рѣшился на это, видя, съ одной стороны, невозможность добиться лучшихъ условій, если только не соберутъ больше войскъ, чѣмъ сколько могла представить послѣдняя коалиція, увѣрившись, съ другой стороны, что Австрія тотчасъ станетъ жертвой нашего упорства въ отверженіи мира. Этотъ договоръ казался мнѣ необходимымъ, какъ для Англіи, такъ и для Россіи, потому что у насъ одинъ и тотъ же интересъ — не допустить гибели материка и Австріи, которая была неизбѣжна, еслибы я не подписался. Оттого льщу себя надеждой, что моя рѣшимость подписать окончательный договоръ со стороны Россіи будетъ оцѣнена британскимъ министерствомъ и что оно не сочтетъ нарушеніемъ связующихъ насъ договоровъ то обстоятельство, что я принялъ это рѣшеніе въ критическую минуту и истощилъ всѣ средства, чтобы выдвинуть выгоды обѣихъ державъ даже въ самый моментъ заключенія договора. Прилагаю здѣсь эту сдѣлку.

Je pars en ce moment pour St.-Pétersbourg pour y porter le traité que j'ai signé. J'ose espérer d'obtenir le pardon d'avoir transgressé les ordres de mon souverain en faveur des motifs qui m'ont guidé, comme j'espère que le cabinet de St. James sera trop équitable pour y trouver une raison d'apporter le moindre changement aux liens d'amitié et d'union intime qui existent entre les deux états.

NB. Dans une longue lettre particulière j'ai détaillé au comte de Strogonoff tout ce qui s'était passé à Paris. Le temps ne m'a point permis d'en garder copie.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad 28. Списокъ.

№ 134. — Будбергъ г-ну Убри.

17/27 juillet 1806.

Jugeant que dans l'état actuel des offices il n'y a aucune nécessité de faire passer vos rapports en cour par Vienne, je vous invite à me les faire parvenir en droiture, par la voie la plus courte, soit que ces expéditions se fassent par courrier, ou par la poste.

Pétersbourg. Paris, 1806, 10. Черновая.

Сію минуту выѣзжаю въ С.-Петербургъ съ подписаннымъ мною договоромъ. Смѣю надѣяться получить прощеніе за превышеніе приказаній моего государя въ силу руководившихъ мною побужденій. Точно также надѣюсь, что с.-джемскій кабинетъ будетъ слишкомъ справедливымъ, чтобы не увидѣть здѣсь причинъ къ малѣйшему измѣненію въ узахъ дружбы и тѣснаго единенія, существующихъ между двумя государствами.

NB. Я описалъ графу Строгонову, въ длинномъ частномъ письмѣ, подробности всего происходившаго въ Парижѣ. У меня не хватило времени сдѣлать съ него списокъ.

17/29 іюля 1806.

Полагая, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ нѣтъ никакой надобности пересылать вамъ донесенія двору черезъ Вѣну, прошу васъ отправлять ихъ ко мнѣ прямо, самымъ короткимъ путемъ, — все-равно, черезъ курьера или почтой.

№ 135. — Фуссадье Чарторижскому.

Paris, 20 juillet (1 août) 1806.

Veuillez me permettre de saisir l'occasion du départ d'un courrier autrichien, pour me rappeler à votre souvenir et de supplier v. e. de lire avec indulgence quelques notions sur les affaires que j'ai recueillies ici après le départ de m. d'Oubril.

On parle ici de grands changements qui doivent s'opérer en Europe, après la paix définitive entre la France et l'Angleterre, qui est à la veille d'être signée. — On dit que par cette paix la France accorde à l'Angleterre la restitution du Hanovre pour un prince cadet de la maison régnante, la possession future du cap de Bonne Espérance, le commerce exclusif des Indes, un établissement pour le prince royal de Naples etc.— L'Angleterre rend l'île de Malte à l'ordre, Gibraltar à la France et consent d'abandonner à cette dernière le commerce exclusif de la Méditerranée et de l'Orient.

De plus, on veut donner des dédommagements à l'Autriche, la Pomméranie prussienne au roi de Suède, former en Allemagne une confédération du nord sous la protection de la Russie et une du midi sous celle de la France, en maintenant toutefois la liberté des villes anséatiques, et former ainsi en Europe trois puissances du premier ordre,

---

Парижъ, 20 іюля (1 августа) 1806.

Благоволите позволить мнѣ воспользоваться отъѣздомъ австрійскаго курьера, чтобы напомнить вамъ о себѣ и просить снисходительно прочесть нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣлахъ, собранныя мною здѣсь послѣ отъѣзда г-на Убри.

Здѣсь говорятъ о большихъ перемѣнахъ, которыя должны произойти въ Европѣ послѣ окончательнаго мира между Франціей и Англіей, который будетъ подписанъ наднихъ.—По этому миру Франція, говорятъ, уступаетъ Англіи Гановеръ для младшаго принца царствующаго дома, овладѣніе мысомъ Доброй Надежды въ будущемъ, исключительное право торговли въ Индіи, надѣлъ неаполитанскаго королевскаго принца и проч.—Англія возвращаетъ о. Мальту ордену, а Гибралтаръ—Франціи и соглашается уступить этой послѣдней исключительно право торговли въ Средиземномъ морѣ и на Востокѣ.

Сверхъ того, хотятъ дать вознагражденіе Австріи, а Прусскую Померанію — Швеціи, и создать двѣ конфедераціи въ Германіи — одну на сѣверѣ, подъ покровительствомъ Россіи, другую на югѣ, подъ покровительствомъ Франціи, но съ сохраненіемъ свободы ганзейскихъ городовъ: такъ образуются

qui seront la Russie, la France et l'Angleterre, dont toutes les autres seront dépendantes plus ou moins.

Cet ordre de choses ainsi établi, m. de Talleyrand obtiendra le titre d'archichancelier de France, et le général Clarcke le remplacera dans sa charge actuelle de ministre des relations extérieures.

On prétend même que le cabinet des Tuileries pense très favorablement de celui de St. Pétersbourg, et qu'il ne verrait pas avec déplaisir que la Russie se mît en possession de la Pologne prussienne.

M. le comte de Metternich n'est point encore arrivé en cette ville, quoiqu'on le sait depuis plusieurs jours à Strasbourg. C'est à la forme dans laquelle sont écrits ses pleins pouvoirs, qu'on attribue ce retard.

Pétersbourg. Paris, 1806, 43. Подлинникъ.

№ 136. — Убри Будбергу.

Pétersbourg, 26 juillet (7 août) 1806.

La démarche de m. de Talleyrand de vouloir que je signe immédiatement un acte préliminaire ne me laissa point sans inquiètude sur ce qui se passerait entre lui et moi les jours suivants. Je n'en fus que plus attentif à tâcher de découvrir quelles mesures le gouvernement français s'occupait à prendre. J'appris que le payeur général des armées

---

въ Европѣ три перворазрядныя державы—Россія, Франція и Англія, отъ которыхъ будутъ зависѣть болѣе или менѣе всѣ другія государства.

По установленіи такого порядка вещей, г. Талейранъ получитъ званіе эрцканцлера Франціи, а генералъ Кларкъ замѣститъ его въ нынѣшней должности министра внѣшнихъ сношеній.

Думаютъ даже, что тюльерійскій кабинетъ очень хорошаго мнѣнія о с.-петербургскомъ кабинетѣ и что ему не будетъ непріятно, если Россія завладѣетъ прусскою Польшей.

Графъ Меттернихъ еще не прибылъ въ здѣшній городъ, хотя слышно, что онъ уже нѣсколько дней проживаетъ въ Страсбургѣ. Эту задержку приписываютъ формѣ, въ которой написаны его полномочія.

С.-Петербургъ, 26 іюля (7 августа) 1806.

Желаніе г. Талейрана, чтобы я немедленно подписалъ предварительную бумагу, не успокоивало меня относительно того, что̀ произойдетъ между нимъ и мной въ слѣдующіе дни. Я сталъ еще болѣе стараться узнать, какія мѣры собирается принять французское правительство. Я сдѣлалъ слѣдующее: глав-

d'Allemagne était allé les joindre pour leur compter leur solde arriérée de quatre mois; que les différents corps avaient reçu ordre d'appeler à eux leurs réserves; et enfin que les négociations entamées avec les ministres de différents princes d'Allemagne avaient pris une nouvelle activité. C'est avec ces notions que je reçus, dans la matinée du dimanche 13, la lettre de m. de Talleyrand ci-jointe; son ton solennel et son objet même me confirmèrent dans une idée que j'avais déjà eue précédemment, c'est que l'offre que m. de Talleyrand m'avait chargé de transmettre en Angleterre n'était pas goûtée par Bonaparte.

Pour ne point refuser de traiter avec le général Clarcke et en même temps pour ne point me lier trop les mains en acceptant d'emblée le titre de plénipotentiaire, je répondis de la manière que v. e. le verra dans la copie ci-jointe de ma lettre à m. de Talleyrand.

Je vis dans la soirée le général Clarcke chez lui et, comme je l'avais prévu, il me reçut avec beaucoup de cérémonie et débuta par me proposer de procéder à l'échange de nos pleins pouvoirs. Pour justifier mon refus de souscrire à cette demande, je fis prendre lecture au général de la lettre, dont j'avais été porteur pour m. de Talleyrand, et de la note remise par m. le comte de Razoumowsky à m. de la Rochefoucauld, qui toutes deux établissaient que je devais être envisagé à Paris simplement comme un agent subalterne qui, vu la confiance dont l'honorait son sou-

---

ный казначей германскихъ армій отправился къ нимъ для уплаты имъ задержаннаго жалованья за четыре мѣсяца; разные корпуса получили приказаніе стянуть къ себѣ свои резервы; наконецъ, оживились переговоры, завязанные съ министрами разныхъ нѣмецкихъ принцевъ. При такихъ-то извѣстіяхъ я получилъ, утромъ въ воскресенье 13-го числа, прилагаемое письмо г. Талейрана. Его торжественный тонъ да и самый предметъ утвердили меня въ мысли, которая раньше пришла мнѣ въ голову,—именно, что Бонапарту не понравилось предложеніе, которое г. Талейранъ поручилъ мнѣ передать въ Англію.

Чтобы не отказываться вести переговоры съ генераломъ Кларкомъ, но и не слишкомъ связывать себѣ руки принятіемъ сразу званія уполномоченнаго, я прибѣгнулъ къ тому способу, который в. с-во увидите изъ прилагаемаго списка моего отвѣта г. Талейрану.

Вечеромъ я увидѣлся у него съ генераломъ Кларкомъ. Какъ я предвидѣлъ, онъ принялъ меня съ большими церемоніями и началъ съ того, что предложилъ мнѣ обмѣняться полномочіями. Чтобы оправдаться въ моемъ отказѣ на это требованіе, я заставилъ генерала прочесть привезенное мною письмо къ г. Талейрану и ноту графа Разумовскаго г-ну Ларошфуко: объ эти бумаги доказывали, что на меня должны были смотрѣть въ Парижѣ просто

verain, pouvait discuter, signer même, mais nullement se charger de la représentation attachée au caractère de plénipotentiaire. M. le général Clarcke parut se rendre à mes représentations, mais en même temps il appuya beaucoup sur l'inquiétude qu'éprouverait Bonaparte par l'idée qu'il pourrait avoir, que je n'étais point muni de pleins pouvoirs. M. Clarcke me demanda, pour être à même de dissuader son chef, de faire voir mes pleins pouvoirs confidentiellement; j'y souscrivis, et il se rendit à cet effet chez moi. Dans cette conversation, qui dura, tant chez le général Clarcke que chez moi, depuis huit heures et demie jusqu'à minuit et demie, m. le général Clarcke allégua constamment qu'il ne pouvait me parler d'office, puisque je n'avais point produit de pleins pouvoirs; cependant il me déclara très positivement, que Bonaparte n'abandonnerait jamais la Dalmatie, et que m. de Talleyrand, en m'en parlant dans ce sens, avait dépassé les bornes de ce à quoi il était autorisé; j'en pris occasion pour dire, que cette circonstance, aussi bien que la nouvelle qui m'était parvenue que les affaires d'Alllemagne avançaient beaucoup, augmentait les motifs que j'avais de ne point produire mes pouvoirs. J'observai à m. de Clarcke qu'un changement si subit dans les dispositions du chef de la nation française sur deux points importants pour la Russie m'était incompréhensible, surtout parce que je n'avais point rejeté la proposition qui m'avait été faite par m. de Talleyrand de signer un

---

какъ на второстепеннаго агента, который лишь въ силу довѣрія своего государя могъ обсуждать дѣла и даже давать свою подпись, но отнюдь не долженъ былъ брать на себя представительство, связанное съ званіемъ уполномоченнаго. Г. генералъ Кларкъ, казалось, согласился съ моими доводами; но въ то же время онъ сильно напиралъ на безпокойство, которое испытаетъ Бонапартъ, если ему придетъ въ голову мысль, что я не снабженъ полномочіями. Чтобы получить возможность разубѣдить своего начальника, г. Кларкъ попросилъ меня показать ему втайнѣ мои полномочія. Я согласился, и онъ отправился ко мнѣ съ этою цѣлью. Въ этой бесѣдѣ, которая длилась, то у генерала Кларка, то у меня, отъ $8^1/_2$ до $12^1/_2$ часовъ ночи, г. генералъ Кларкъ твердилъ, что не можетъ говорить со мной офиціально, такъ какъ я не предъявляю полномочій. Впрочемъ онъ заявилъ весьма положительно, что Бонапартъ никогда не откажется отъ Далмаціи и что г. Талейранъ превысилъ свои полномочія, когда говорилъ мнѣ противное. Я воспользовался этимъ случаемъ и сказалъ, что это обстоятельство, а также дошедшее до меня извѣстіе о быстромъ ходѣ нѣмецкихъ дѣлъ, еще болѣе побуждаютъ меня не предъявлять моихъ полномочій. Я замѣтилъ г. Кларку, что мнѣ непонятна столь внезапная перемѣна въ настроеніи главы французской націи относительно двухъ важныхъ для Россіи условій, тѣмъ болѣе, что я не отвергъ предложенія г. Та-

acte préliminaire, et que je n'en avais remis la discution qu'à l'époque du retour du courrier envoyé en Angleterre; que mon intention de la reprendre était si sincère que je m'étais déjà occupé d'un contreprojet. Nous nous séparâmes en nous donnant rendez-vous au lendemain à deux heures; cette conférence, qui dura de deux à six heures après midi, n'apporta aucun changement essentiel à la situation des choses, sinon que m. Clarcke me dit avoir l'autorisation de traiter avec moi sans échanger de pouvoirs, et qu'il m'invita à lui communiquer le lendemain à trois heures mon contreprojet de l'acte que m. de Talleyrand m'avait proposé de signer. A quoi je souscrivis. Le quinze en effet je fis lecture à m. de Clarcke de la pièce ci-jointe en copie. Pour suivre la marche tracée par m. de Talleyrand, je n'en donnai point copie, mais je consentis à ce que m. de Clarcke en prit note, donnant pour motif de cette réserve que n'ayant pu comprendre dans ma rédaction deux points importants, nommément ceux relatifs à la Dalmatie et à la Sicile, j'avais dû les remplacer par des idées à moi, et que je ne pouvais par conséquent présenter dans une forme trop officielle. M. de Clarcke ne me donna guère d'espoir que mes demandes fussent admises, et il me proposa pour le lendemain une conférence à trois heures suivie d'un dîner avec m-s Talleyrand, Duroc etc. J'arrivai chez le général Clarcke à trois heures précises; il n'était pas encore de retour de St. Cloud; je le vis descendre

---

лейрана подписать предварительную бумагу: я только отложилъ ея обсужденіе до возвращенія посланнаго въ Англію курьера; и мое намѣреніе продолжать его было такъ искренне, что я уже занялся контръ-проектомъ. Мы разстались, условившись свидѣться завтра въ два часа. Эта бесѣда, длившаяся отъ 2 до 6 часовъ, не принесла никакого существеннаго измѣненія въ положеніи дѣлъ, кромѣ одного: г. Кларкъ сказалъ, что его уполномочили договариваться со мной безъ обмѣна полномочій, и онъ просилъ меня сообщить ему завтра въ три часа мой проектъ въ отвѣтъ на бумагу, которую г. Талейранъ предложилъ мнѣ подписать. Я согласился. 15-го числа я дѣйствительно прочелъ г. Кларку прилагаемую здѣсь въ спискѣ бумагу. Придерживаясь поведенія г. Талейрана, я не далъ списка съ нея, но согласился, чтобы г. Кларкъ сдѣлалъ выписку, объяснивъ эту предосторожность такимъ образомъ: такъ какъ онъ не могъ понять въ моей редакціи двухъ важныхъ статей, именно касательно Далмаціи и Сициліи, я долженъ былъ замѣнить ихъ моими собственными мыслями, вслѣдствіе чего мнѣ нельзя было придавать дѣлу слишкомъ офиціальный видъ. Г. Кларкъ не подавалъ мнѣ надежды, что мои требованія будутъ уважены, и предложилъ мнѣ побесѣдовать завтра въ три часа, а затѣмъ пообѣдать съ гг. Талейраномъ, Дюрокомъ и др. Я явился къ генералу Кларку ровно въ три часа. Онъ еще не возвращался изъ С.-Клу. Вдругъ

de sa voiture de course, et après quelques politesses d'usage il me témoigna tous ses regrets d'avoir de mauvaises nouvelles à me donner: d'abord il me déclara que les affaires d'Allemagne étaient finies et irrévocablement arrêtées; ensuite il tira de sa poche un papier fortement griffoné et qu'il me dit avoir écrit à l'instant sous la dictée de Bonaparte; il m'en lut quelques passages relatifs au chach de Perse, au Grand Turc et à la liberté des mers. Je coupai court à cette discussion, en disant à m. de Clarcke que je m'étais douté, d'après l'article ci-joint du „Moniteur", de la nature de la réponse qu'il me ferait; qu'elle était absolument relative à des objets sur lesquels je ne pouvais entendre aucune proposition quelconque. Cette déclaration, affirmée avec beaucoup de précision, donna matière à réflexion au plénipotentiaire français; il parut sentir la justesse de mon refus et en rejetant sur Bonaparte seul tout ce que je trouvais d'inadmissible dans ses ouvertures, il me promit d'engager m. de Talleyrand d'aller à St. Cloud pour dissuader Bonaparte de s'y arrêter. Ceci eut lieu après le dîner, et dans l'attente de l'effet que produiraient les réclamations du ministre des affaires étrangères, la conférence entre m. de Clarcke et moi fut remise au lendemain. Je reçus un billet d'invitation pour trois heures et en même temps pour un dîner tête-à-tête.

J'appris dans la soirée que le général Marmont avait eu ordre de

---

вижу, онъ выходитъ изъ дорожной кареты. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ любезностей, онъ выразилъ глубокое сожалѣніе, что привезъ мнѣ дурныя вѣсти. Прежде всего онъ объявилъ, что нѣмецкія дѣла покончены и установлены неизмѣнно. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана сильно измятую бумагу, которую, по его словамъ, онъ сейчасъ написалъ подъ диктовку Бонапарта; онъ прочелъ мнѣ изъ нея нѣкоторыя мѣста, касающіяся персидскаго шаха, великаго турка и свободы морей. Я прервалъ эти разсужденія, сказавши г. Кларку, что, въ виду прилагаемой статьи „Монитера", я ожидалъ такого отвѣта, и что этотъ отвѣтъ касается вопросовъ, относительно которыхъ я не могу принимать никакихъ предложеній. Это заявленіе, выраженное весьма точно, заставило задуматься французскаго уполномоченнаго. Онъ, казалось, понялъ справедливость моего отказа: сваливая на одного Бонапарта все, что я находилъ невозможнымъ въ его предложеніяхъ, онъ обѣщалъ уговорить г. Талейрана отправиться въ С.-Клу, чтобы отклонить Бонапарта отъ его рѣшеній. Это произошло послѣ обѣда, и въ ожиданіи впечатлѣнія, которое произведутъ доводы министра иностранныхъ дѣлъ, моя бесѣда съ г. Кларкомъ была отложена на завтра. Я получилъ записку съ приглашеніемъ прибыть въ три часа, а также отобѣдать съ-глазу-на-глазъ.

Вечеромъ я узналъ, что генералъ Мармонъ получилъ приказъ отправить

jeter quinze mille hommes en Dalmatie, et qu'il était destiné au commendement d'une armée sous le nom „d'armée de Servie"; et que le maréchal Berthier avait été instruit de se rendre, dans de certains cas, avec son état-major à Vienne. Ces nouvelles qui me sont parvenues de bonnes sources, confirmaient quelques propos échappés au général Clarcke sur la culpabilité des autrichiens dans l'affaire de Cattaro et sur la peine qu'éprouverait la Russie si, par sa persévérance à faire la guerre, elle amenait un changement total de l'ordre de choses dans les états héréditaires d'Autriche.

Dès le début de la conférence le général Clarcke déroula un projet de traité qui, indépendamment des articles pour le rétablissement de la bonne harmonie, des missions et des relations commerciales entre la Russie et la France, contenait à peu près les demandes suivantes:

Abandon par la Russie de ses privilèges sur la Moldavie et la Valachie. — Abandon du droit de faire passer des troupes par les Dardanelles ainsi que des vaisseaux armées. — Ou bien concession du même droit à la France. — Evacuation de Corfou. — Promesse de ne pas rassembler sur les frontières de la Turquie au-delà d'un nombre de troupes convenu. — Promesse de n'accorder de pavillon qu'aux sujets nés russes. — Reconnaissance du nouveau roi de Naples, de ceux de Hollande, de Bavière, de Wurtemberg etc. — Promesse d'employer tous ces soins

---

15,000 человѣкъ въ Далмацію; что самъ онъ назначается начальникомъ войскъ, получающихъ названіе „сербской арміи", а маршалу Бертье велѣно, въ извѣстныхъ случаяхъ, отправляться вмѣстѣ съ своимъ штабомъ въ Вѣну. Эти извѣстія, дошедшія до меня изъ вѣрныхъ источниковъ, подтверждали нѣкоторыя слова, сорвавшіяся съ языка генерала Кларка, насчетъ виновности австрійцевъ въ каттарскомъ дѣлѣ и насчетъ непріятности, которую испытаетъ Россія, если своимъ упорствомъ въ войнѣ она приведетъ къ полному измѣненію порядка вещей въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ Австріи.

Съ самаго начала бесѣды генералъ Кларкъ развернулъ проектъ договора, въ которомъ, за исключеніемъ статей о возстановленіи добраго согласія, посольствъ и торговыхъ сношеній между Россіей и Франціей, заключались приблизительно слѣдующія требованія:

Отреченіе Россіи отъ своихъ преимуществъ въ Молдавіи и Валахіи.— Отреченіе отъ права перевозить войска черезъ Дарданеллы, а также препровождать вооруженныя суда.—Или же уступка того же права Франціи.—Очищеніе Корфу. — Обѣщаніе не держать на границахъ Турціи больше опредѣленнаго числа войскъ. — Обѣщаніе давать право флага только подданнымъ русскаго происхожденія.—Признаніе новаго неаполитанскаго короля, а также королей Голландіи, Баваріи, Виртемберга и др. — Обѣщаніе употребить всѣ

pour faire souscrire l'Angleterre à une paix équitable, qui ne compromette pas l'équilibre de la Méditerranée.

Je n'attendis pas la fin de la lecture de cet étrange projet pour déclarer péremptoirement à m. le général de Clarcke, que jamais je ne le signerais; qu'il était inutile de le discuter, et que la négociation, dont j'étais chargé devant se rompre, je préférais que ce fût pour quelque raison de forme que pour le texte d'un traité dont le projet seul prouvait d'une part et devait faire naître de l'autre une aigreur infinie. Ce fut vers quatre heures après midi que je m'exprimai ainsi. Le général Clarcke éclata plusieurs fois en reproches sur ce que j'étais venu à Paris avec des autorisations insuffisantes et parla avec beaucoup d'effusion sur les malheurs qui en seraient la suite.

Mon intention ne pouvait être d'aggraver ceux de l'Europe. Je voulus calmer l'effervescence du plénipotentiaire français. Je proposai différents actes préliminaires dont le croquis est joint ici, mais rien de non définitif ne lui parut admissible; il m'assura avec l'accent de la vérité, que Bonaparte ne consentirait pas à arrêter sa marche et à suspendre ses opérations dans la saison la plus favorable par un acte préliminaire ou signé *sub spe rati*, qui dans le fond pourrait n'être qu'un leurre diplomatique. Notre discussion fut très vive, mais ne dégènera cependant point en dispute. Toutefois dans la chaleur de la conversa-

---

усилія, чтобы склонить Англію къ справедливому миру, который не подрывалъ бы равновѣсія на Средиземномъ морѣ.

Я не дождался конца чтенія этого страннаго проекта и объявилъ генералу Кларку рѣшительно, что никогда не подпишу его, что безполезно обсуждать его, и что такъ какъ порученные мнѣ переговоры разрываются, то я предпочелъ бы, чтобы это произошло изъ-за какой-нибудь формальности, а не изъ-за текста договора, одинъ проектъ котораго доказывалъ присутствіе безконечной досады у одной стороны и могъ породить такое же чувство у другой. Было около четырехъ часовъ, когда я сказалъ это. Генералъ Кларкъ нѣсколько разъ разражался упреками за то, что я прибылъ въ Парижъ безъ достаточныхъ полномочій, и очень горячо говорилъ о бѣдствіяхъ, которыя проистекутъ отсюда.

Я вовсе не думалъ увеличивать бѣдствія Европы. Мнѣ хотѣлось успокоить разгорячившагося французскаго уполномоченнаго. Я предложилъ различныя предварительныя бумаги, наброски которыхъ прилагаю здѣсь. Но онъ не считалъ возможнымъ принять ничего неокончательнаго Онъ увѣрялъ меня тономъ истины, что Бонапартъ не согласится остановиться и прервать свои дѣйствія въ самое благопріятное время посредствомъ предварительной бумаги или акта, подписаннаго *sub spe rati*, который въ сущности можетъ быть не

tion m. de Clarcke en avait assez dit, pour qu'à l'aide des notions que j'ai détaillées plus haut, il ne me reste guère de doute que, si je rompais la négociation, Bonaparte entreprendrait quelque chose de décisif sur les états héréditaires d'Autriche sous prétexte de faire exécuter le traité de Presbourg, sur les côtés de la mer Ionienne sous prétexte d'aller attaquer les russes à Corfou, et en Servie sous prétexte de faire rentrer ce peuple dans le devoir.

C'est l'appréhension que le reste de l'Europe n'eût pas dans le moment actuel des forces suffisantes à opposer à ce torrent, qui me détermina à ramener la discussion sur le projet de traité, et je le réduisis aux termes dans lesquels je l'ai signé plus tard, à l'exception que le général Clarcke voulut y laisser une clause pour mitiger notre droit de passer par les Dardanelles; qu'il insistât pour que l'évacuation de l'Allemagne n'eût lieu qu'après l'échange des ratifications ou au moins après qu'on aurait reçu la nouvelle de l'évacuation de Cattaro. Enfin il demandait aussi que l'article relatif aux négociations pour la paix avec l'Angleterre fût maintenu dans sa première force et valeur. C'est contre ces trois stipulations que je me prononçai décidément à 3 heures et demie du matin. De son côté m. de Clarcke ne voulut point se départir de ces trois points, et nous nous séparâmes, quoiqu'il eût bien compté

чѣмъ инымъ, какъ дипломатическою ловушкой. Наши разсужденія были очень оживленны, но они не перешли въ споръ. Но въ жару разговора г. Кларкъ высказался достаточно, чтобы, съ помощью свѣдѣній, изложенныхъ много выше подробно, я убѣдился, что разорви я переговоры—и Бонапартъ предприметъ что-нибудь рѣшительное или въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ Австріи—подъ предлогомъ исполненія пресбургскаго договора, или на берегахъ Іоническаго моря—подъ предлогомъ нападенія на русскихъ въ Корфу, или въ Сербіи—подъ предлогомъ обуздать этотъ народъ.

Опасеніе, что въ настоящую минуту въ остальной Европѣ нѣтъ достаточно силъ для противодѣйствія этому потоку, заставило меня свести обсужденіе дѣла къ проекту договора, доведеннаго мною до тѣхъ условій, на которыхъ я подписалъ его позже, за исключеніемъ одного: генералу Кларку хотѣлось вставить оговорку для ослабленія нашего права прохода черезъ Дарданеллы, и онъ настаивалъ, чтобы очищеніе Германіи произошло не раньше обмѣна ратификацій или по крайней мѣрѣ вслѣдъ за извѣстіемъ объ очищеніи Каттаро. Наконецъ онъ требовалъ, чтобы статья о мирныхъ переговорахъ съ Англіей оставалась въ ея прежней силѣ и значеніи. Противъ этихъ-то трехъ условій я высказался рѣшительно въ $3^1/_2$ часа утра. Г. Кларкъ, съ своей стороны, не хотѣлъ отступиться отъ этихъ трехъ условій, — и мы разстались, несмотря на то, что онъ вполнѣ разсчитывалъ уговорить меня

me déterminer à signer ce jour-même et qu'il eût fait venir chez lui pour les écritures un secrétaire du bureau des affaires étrangères.

Indépendemment des autres motifs que j'avais de ne point précipiter de conclusion, l'attente, où j'étais d'un courrier de Londres, m'y disposait encore. Cette même raison, à ce que je crois, agissait dans un sens inverse sur le plénipotentiaire français, qui par tous les moyens immaginables cherchait à accélérer notre travail. C'est sans contredit dans ce but qu'il se rendit le lendemain dès les dix heures du matin chez moi, pour m'offrir de retrancher l'article relatif au passage de nos troupes par les Dardanelles, de modifier celui qui concernait les négociations avec la cour de Londres; mais il ne voulut point se départir de la rédaction de l'article qui avait rapport à l'évacuation de l'Allemagne. Il resta chez moi jusqu'à cinq heures du soir, vint me trouver à six pour ne me quitter qu'à minuit, toujours dans la vue de me persuader de signer l'acte tel qu'il était. Au nombre des arguments que j'employai pour m'y refuser était celui que, puisque je faisais une chose diamétralement opposée à mes instructions, je devais au moins obtenir un point qui me justifia, et que je ne le trouvais tout au plus que dans la stipulation de l'évacuation immédiate de l'allemagne. M. de Clarcke fut dans toute cette journée d'une vivacité extrême, à laquelle je ne répondis qu'avec beaucoup de sang-froid et de retenue; il lui échappa de me

---

подписаться въ тотъ же день и привелъ къ себѣ для письменной части одного изъ секретарей департамента иностранныхъ дѣлъ.

Помимо другихъ причинъ, побуждавшихъ меня не спѣшить съ рѣшеніемъ дѣла, на меня дѣйствовало ожиданіе курьера изъ Лондона. Та же причина, какъ мнѣ кажется, дѣйствовала на французскаго уполномоченнаго, но въ противномъ смыслѣ: онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы ускорить нашу работу. Безъ сомнѣнія, съ этою цѣлью онъ явился ко мнѣ на другой день въ десять часовъ утра, предлагая опустить статью о проходѣ нашихъ войскъ черезъ Дарданеллы и измѣнить статью о переговорахъ съ лондонскимъ дворомъ; но онъ не хотѣлъ отступить отъ редакціи статьи объ очищеніи Германіи. Онъ пробылъ у меня до пяти часовъ вечера, возвратился въ шесть и не покидалъ меня до полночи, все надѣясь уговорить меня подписать бумагу въ томъ видѣ. Въ числѣ моихъ доводовъ для отказа былъ такой: такъ какъ я дѣлалъ шагъ, прямо противоположный даннымъ мнѣ наставленіямъ, то мнѣ нужно по крайней мѣрѣ заручиться условіемъ, которое оправдывало бы меня, и я нахожу его по крайней мѣрѣ въ немедленномъ очищеніи Германіи. Весь этотъ день г. Кларкъ былъ чрезвычайно оживленъ, а я соблюдалъ большое хладнокровіе и сдержанность. У него сорвалось съ языка, будто г. Талейранъ сказалъ, что если я не хочу подписывать, то могу возвращаться въ

dire de la part de m. de Talleyrand que, si je ne voulais point signer, je pouvais retourner à St. Pétersbourg; je répliquai très sèchement que j'espérais que m. de Talleyrand ne me ferait point faire de messages semblables sans avoir au préalable pris les ordres de Bonaparte. Le général Clarcke parut un peu piqué de cette réponse et le fut en général de la résistance que j'avais mise à souscrire à ses demandes. Après avoir causé encore quelque temps, il me quitta pour aller chez m. de Talleyrand. Moi, exténué des fatigues de cette journée et de la précédante, j'allais me mettre au lit, lorsqu'on vint me chercher de la part de ce ministre. Je m'y rendis à deux heures du matin, et j'y restai jusqu'à quatre toujours pressé de signer et toujours refusant de le faire autrement que *sub spe rati*. M. de Talleyrand employa toute sa logique pour m'y déterminer, et néanmoins je m'en retournai chez moi sans avoir rien terminé et avec la certitude, d'après les assertions de m. de Talleyrand, que ma négociation était rompue.

Cette dernière conférence avait eu lieu dans la nuit du 19 au 20, et dans la matinée qui la suivie, je reçus un courrier de la part de m. le comte de Strogonoff, qui m'exprimait au nom du ministère britannique le désir de connaître avec plus de précision l'étendue qu'on voudrait donner à l'établissement projeté pour le roi de Naples; ce même courrier était porteur de dépêches de m. Fox pour lord Yarmouth par lesquelles on l'autorisait à ne plus faire du maintien de la Sicilie

---

С.-Петербургъ. Я возразилъ очень сухо, что надѣюсь, что г. Талейранъ не сдѣлаетъ мнѣ такихъ сообщеній, не получивъ на то предварительно приказаній Бонапарта. Генералъ Кларкъ, казалось, былъ задѣтъ этимъ отвѣтомъ, и вообще его раздражало мое сопротивленіе его требованіямъ. Поговоривъ еще нѣсколько времени, онъ оставилъ меня, чтобы отправиться къ г. Талейрану. Утомленный этимъ и предшествующимъ днями, я собирался лечь въ постель, какъ вдругъ пришли за мной отъ этого министра. Я отправился къ нему въ два часа утра и пробылъ тамъ до четырехъ: меня все заставляли подписать, а я все отказывался отъ всякой иной формы, кромѣ *sub spe rati*. Г. Талейранъ употребилъ всю свою логику для склоненія меня въ свою пользу; но я возвратился домой, ничего не кончивъ, и съ увѣренностью, что переговоры прервались, какъ говорилъ г. Талейранъ.

Эта послѣдняя конференція происходила ночью съ 1 на 20 число; а на слѣдующее утро ко мнѣ прибылъ курьеръ отъ графа Строгонова. Именемъ британскаго министерства графъ выражалъ желаніе узнать болѣе точно размѣры надѣла, предназначеннаго неаполитанскому королю. Этотъ же курьеръ привезъ депеши г. Фокса лорду Ярмуту, которыя уполномочивали его не дѣлать изъ сохраненія Сициліи въ нынѣшнемъ положеніи условія *sine qua non*.

dans son état actuel une condition *sine qua non;* il me demanda où en était ma négociation; je lui répondis que je l'envisageais comme rompue. Il en parut très peiné et m'engagea de travailler à la renouer; j'y souscrivis et, pour y parvenir, j'adressai un billet au général Clarcke pour lui annoncer l'arrivée du courrier de Londres; ce général venait en ce moment chez moi pour me prier de me rendre chez m. de Talleyrand. Ce ministre m'annonça au nom de Bonaparte, qu'il avait encore consenti à modifier dans mon sens l'article relatif à l'évacuation de l'Allemagne; qu'il s'attendait qu'après cette complaisance je signerai sans difficulté. J'essayai alors de représenter les avantages qu'il y aurait de mener de front les négociations de France et d'Angleterre, et je dis que je serais à même d'y travailler très efficacement, n'ayant qu'à me louer des réponses qui m'étaient venues de Londres sur les premières propositions que j'y avais transmises. M. de Talleyrand rejeta de nouveau toute idée de négociations communes et me déclara que Bonaparte demandait que je signasse immédiatement et définitivement le traité tel qu'il avait été discuté, m'assurant de la manière la plus positive que, si je ne prenais point ce parti, le lendemain je n'aurai plus les mêmes conditions. Je me décidai alors à signer l'acte tel que j'ai eu l'honneur de le présenter à v. e. Je ne récapitulerai point de nouveau les motifs de cette détermination. Il me suffira de dire qu'en rompant je faisais éclater une nouvelle guerre, qui de la part de la France serait pous-

---

Онъ спросилъ меня, какъ идутъ мои переговоры; я отвѣчалъ, что считаю ихъ прерванными. Кажется, это было очень непріятно ему, и онъ посовѣтовалъ мнѣ постараться возобновить ихъ. Я согласился, и съ этой цѣлью послалъ записку генералу Кларку, чтобы увѣдомить его о прибытіи курьера изъ Лондона. А онъ пришелъ въ ту минуту ко мнѣ, чтобы пригласить меня къ г. Талейрану. Этотъ министръ передалъ мнѣ отъ имени Бонапарта, что онъ согласенъ и на измѣненіе статьи объ очищеніи Германіи въ моемъ смыслѣ, но надѣется, что послѣ такого снисхожденія я подпишу безъ затрудненія. Тутъ я попытался представить, какъ было бы выгодно вести въ то же время переговоры съ Англіей; я сказалъ, что могу весьма существенно помочь имъ, такъ какъ не похвалюсь полученными отвѣтами изъ Лондона на мои первыя предложенія. Г. Талейранъ снова отвергъ всякую мысль о совмѣстныхъ переговорахъ и объявилъ, что Бонапартъ требуетъ отъ меня немедленнаго и окончательнаго подписанія договора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ обсуждался.—При этомъ онъ увѣрялъ меня самымъ положительнымъ образомъ, что если я не рѣшусь на это, то завтра уже не получу тѣхъ же условій. Тогда я рѣшился подписать бумагу въ томъ видѣ, въ какомъ имѣю честь представить ее в. превосх-ву. Не стану снова перечислять причины, побудившія меня к

sée avec une grande énergie contre des états nullement préparés à s'opposer à eux; qu'en signant au contraire je fournissais à ces états le temps de se mettre en mesure. Reconnaissant cependant combien je m'étais écarté des directions qui m'avaient été données, je sentis le besoin d'exposer moi-même tout ce qui m'avait fait agir ainsi, sachant que je ne pourrais le faire par écrit avec assez de précision et de détail. J'avais annoncé à m. de Talleyrand et à lord Yarmouth la résolution de me rendre à St. Pétersbourg pour me justifier d'avoir dépassé les bornes de mes instructions.

Je demande à v. e. la permission de lui rendre compte de mes relations avec ce dernier dans un rapport particulier, celui-ci étant déjà sans cela trop volumineux; je ne saurai cependant le terminer sans y joindre encore la copie de mes lettres au vice-amiral Siniavin, au vice-roi d'Italie et au comte de Strogonoff, lesquelles ont été une conséquence immédiate de la transaction que j'ai signée.

A mon passage à Berlin j'en ai donné communication au comte Stackelberg et je l'ai prié d'expédier un courrier au comte de Razoumowsky pour la lui faire connaître également. La hâte que j'ai mise à mon voyage, ne m'a point permis de garder copie de la lettre que j'ai adressée à cette occasion à cet ambassadeur.

Pétersbourg. Paris, 1806, 28. Подлинникъ.

этому. Достаточно сказать, что, разрывая, я вызвалъ бы новую войну, которую Франція вела бы съ большою энергіей противъ государствъ, вовсе не приготовленныхъ къ отпору ей; напротивъ, подписывая, я давалъ этимъ государствамъ время принять свои мѣры. Но я сознавалъ, насколько уклонялся отъ данныхъ мнѣ внушеній, и потому чувствовалъ необходимость самому лично изложить все, что̀ заставило меня поступить такъ, зная, что на бумагѣ не выйдетъ такъ точно и подробно. Я заявилъ г. Талейрану и лорду Ярмуту, что рѣшаюсь ѣхать въ С.-Петербургъ, чтобы оправдаться въ выступленіи за предѣлы моихъ инструкцій.

Прошу позволенія у в. прев-ва дать отчетъ о моихъ сношеніяхъ съ этимъ послѣднимъ въ особомъ донесеніи, такъ какъ настоящая бумага и безъ того разрослась. Впрочемъ не могу окончить ее, не приложивъ къ ней еще списковъ моихъ писемъ къ вице-адмиралу Синявину, къ вице-королю Италіи и къ графу Строгонову, — писемъ, служившихъ прямымъ слѣдствіемъ подписанной мною сдѣлки.

Проѣзжая черезъ Берлинъ, я сообщилъ о ней графу Штакельбергу и просилъ его послать курьера къ графу Разумовскому, чтобы и его извѣстить о ней. Я такъ спѣшилъ ѣхать, что не могъ сохранить списокъ письма, отправленнаго мною по этому поводу этому посланнику.

№ 137. Убри Будбергу.

Pétersbourg, 26 juillet (7 août) 1896.

J'ai continué à témoigner à lord Yarmouth une confiance entière pendant toute ma négociation. Je lui représentais fréquemment les embarras où je me trouvais, surtout m. de Talleyrand et Clarcke me pressant d'une manière si marquée. Je communiquai aussi à lord Yarmouth les craintes que j'avais pour l'Autriche, et les notions qn'il avait recueillies étaient à cet égard parfaitement d'accord avec les miennes. Il me demanda un jour si pour sauver cette puissance, je me déterminerais à signer un acte séparé; je lui répondis que oui, et à mon tour je lui demandai son avis sur une semblable détermination. Il me répondit que comme plénipotentiaire anglais il la blamerait, mais qu'en son particulier il l'approuverait. Il convint avec moi, que nous ne parviendrions point à faire la paix, si nous continuions à vouloir traiter absolument de concert, et lorsque je lui montrai une disposition à signer le traité tel que je l'avais discuté en dernier lieu, mais en même temps à me rendre à St.-Pétersbourg pour y détailler mes motifs, il me dit ne partir que dans deux jours et „Vous serez porteur de mes préliminaires“. Lorsqu'enfin j'eus signé, il convint encore que cette résolution

---

Петербургъ, 26 іюля (7 августа) 1806.

Я продолжалъ оказывать лорду Ярмуту полное довѣріе въ продолженіе всѣхъ нашихъ переговоровъ. Я часто представлялъ ему затрудненія, въ которыхъ я находился, въ особенности благодаря тому, что гг. Талейранъ и Кларкъ торопили меня такъ сильно. Я сообщилъ также лорду Ярмуту мои опасенія насчетъ Австріи, и его свѣденія на этотъ счетъ вполнѣ согласовались съ моими. Онъ спросилъ меня однажды, рѣшусь-ли я для спасенія этой державы подписать отдѣльную бумагу; я отвѣчалъ ему, что да, и въ свою очередь спросилъ его мнѣнія насчетъ подобнаго рѣшенія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ качествѣ англійскаго уполномоченнаго онъ осудилъ бы его, но, какъ частный человѣкъ, онъ его одобрилъ бы. Онъ согласился со мною, что мы никогда не добьемся заключенія мира, если будемъ настаивать на желаніи непремѣнно вести переговоры совмѣстно, и когда я высказалъ ему намѣреніе подписать договоръ въ томъ видѣ, какъ я обсуждалъ его въ послѣдній разъ, но въ то же время отправиться въ Петербургъ, чтобы изложить тамъ мои побужденія, онъ просилъ меня не ѣхать раньше двухъ дней, чтобы отвезти и его прели-

décidait de la paix générale, mais il chercha à me dissuader de me rendre à St.-Pétersbourg, afin de pouvoir le seconder dans sa négociation. Je consentis à rester, pourvu que m. de Talleyrand et lui, lord Yarmouth, m'y invitassent formellement. Le dernier me dit qu'ils feraient simultanément la démarche que je désirais, mais en même temps il me parla d'une lettre que je devrais lui adresser, pour l'engager à se contenter d'un lot modique en faveur du roi des deux Siciles. Je declinai une démarche semblable et je montrai à lord Yarmouth la grande différence qu'il y avait entre ce que la Russie pouvait demander pour cet infortuné prince et ce que l'Angleterre pouvait stipuler en sa faveur, puisque c'est elle qui maintenant le défendait. M. Talleyrand, à la demande de lord Yarmouth, m'engagea à lui donner des conseils sur ce qu'il avait à faire, et je remarquai encore ici un désir de me faire parler relativement aux affaires de Sicile dans un sens convenable au désir de la France, mais qui n'aurait pas manqué de compromettre la Russie. Je ne m'y prêtait point et je me félicitai de la résolution que j'avais prise de partir pour St.-Pétersbourg. Lord Yarmouth lui-même ne m'engagea plus à rester, sous prétexte qu'il n'osait pas me demander officiellement mes bons offices, après que j'avais signé un traité séparé, tandis que c'était encore après la conclusion de cet acte qu'il avait désiré que je lui écrivisse une lettre pour le disposer à abandonner le roi des deux Siciles.

минаріи. Когда, наконецъ, я подписалъ, онъ опять согласился, что это рѣшеніе имѣетъ значеніе для всеобщаго мира, но онъ старался отговорить меня отъ поѣздки въ Петербургъ, чтобы помогать ему въ его переговорахъ. Я согласился остаться съ тѣмъ, чтобы г. Талейранъ, а также и онъ, лордъ Ярмутъ, потребовали этого отъ меня формально. Послѣдній сказалъ мнѣ, что они сдѣлаютъ это одновременно, но въ то же время онъ прибавилъ, что я долженъ написать ему письмо, въ которомъ я требую отъ него удовольствоваться умѣреннымъ вознагражденіемъ въ пользу короля Обѣихъ Сицилій. Я отклонилъ подобный поступокъ и указалъ лорду Ярмуту, какъ велика разница между тѣмъ, чего Россія можетъ требовать для этого несчастнаго государя, и что̀ можетъ выговорить въ его пользу Англія, потому что теперь она его защитница. Г. Талейранъ, по просьбѣ лорда Ярмута, попросилъ меня подать совѣтъ, что̀ ему дѣлать, и здѣсь я опять замѣтилъ желаніе заставить меня высказаться относительно дѣлъ Сициліи въ смыслѣ, сообразномъ съ желаніями Франціи, но который неминуемо скомпрометировалъ бы Россію. Я не согласился на это и хвалилъ себя за свое рѣшеніе уѣхать въ Петербургъ. Самъ лордъ Ярмутъ не удерживалъ меня болѣе, подъ предлогомъ, что онъ не смѣлъ офиціально просить моихъ услугъ послѣ того, какъ я подписалъ отдѣльный договоръ; а между тѣмъ, еще послѣ заключенія этой бумаги онъ желалъ, чтобы я написалъ ему

Lord Yarmouth a produit ses pleins pouvoirs et a déjà eu deux conférences avec m. de Talleyrand, et le 9/21 au soir il rédigeait le projet d'acte. Il m'a montré une grande disposition de terminer promptement, persuadé que plus il tarderait et moins les conditions qu'il obtiendrait seraient avantageuses.

Pétersbourg. Paris, 1806, 29. Подлинникъ.

№ 138. — Убри Будбергу.

St.-Pétersbourg, 26 juillet (7 août) 1806.

J'ai l'honneur de présenter ci-jointe à v. e. une copie que je me suis procurée à Paris de l'acte par lequel une partie de l'Allemagne se met sous la protection de la France. Après la signature de l'acte du 8/20 juillet m. de Talleyrand me parla des affaires d'Allemagne, mais en termes très généraux. Je lui répondis de même, mais toujours en réclamant les droits de l'Autriche. Le ministre français me dit qu'il m'en parlait parce que nous étions maintenant dans une position différente l'un envers l'autre, et qu'il désirait établir la confiance. Je répondis que je me flattais que cette confiance irait au point de me donner connaissance des choses avant qu'elles ne fussent définitivement arrêtées.

письмо съ цѣлью убѣдить его покинуть короля Обѣихъ Сицилій.—Лордъ Ярмутъ представилъ свои полномочія и уже имѣлъ двѣ конференціи съ г. Талейраномъ, и 9/21 вечеромъ онъ составилъ проектъ бумаги. Онъ высказалъ мнѣ большое желаніе кончить поскорѣе, убѣжденный, что чѣмъ болѣе онъ будетъ медлить, тѣмъ менѣе онъ добьется выгодныхъ условій.

С.-Петербургъ, 26 іюля (7 августа) 1806.

Честь имѣю представить вашему с-ву прилагаемую при этомъ копію, которую я досталъ въ Парижѣ, съ бумаги, которая удостовѣряетъ, что часть Германіи отдается подъ покровительство Франціи. Послѣ подписанія бумаги отъ 8/20 іюля г. Талейранъ говорилъ со мною о дѣлахъ Германіи, но въ очень общихъ выраженіяхъ. Я отвѣчалъ ему также, но постоянно выгораживая права Австріи. Французскій министръ сказалъ мнѣ, что онъ говоритъ со мною объ этомъ потому, что наше взаимное положеніе измѣнилось, и онъ желаетъ установить довѣріе. Я отвѣчалъ, что льщу себя надеждой, что это довѣріе дойдетъ до того, что онъ будетъ сообщать мнѣ о всѣхъ предметахъ, прежде нежели они будутъ рѣшены окончательно. Онъ возразилъ, что впредь это будетъ

Il répliqua qu'il s'en ferait un vrai plaisir à l'avenir. J'ai cru devoir ne point laisser ignorer cette circonstance à v. e.

Pétersbourg. Paris, 1806, 30. Подинникъ.

№ 139. — Будбергъ Харламову.

28 іюля (9 августа) 1806.

Немедленно по полученіи сего предписываю вамъ истребить безъ всякой огласки, какъ имѣющіяся у васъ бумаги, такъ и оставленныя на сохраненіе статскимъ совѣтникомъ Убріемъ коллежскому ассесору Фусадье, исключая только счеты по дѣламъ военноплѣнныхъ и вообще всѣ росписки.—Сіе предписаніе сохраните въ тайнѣ, а вскорѣ получите отъ меня дальнѣйшія наставленія.

Pétersbourg. Paris, 1806, 36. Черновая.

№ 140. Докладъ Будберга.

Au commencement du mois d'août, 1806.

Si l'on pouvait compter avec une sécurité entière sur la scrupulosité du gouvernement français actuel dans l'exécution de ses traités, l'évavacuation de l'Allemagne, stipulée par le traité de 8/20 juillet, serait sans contredit un bienfait pour l'Europe entière, bienfait qui ne pourrait qu'augmenter la reconnaissance que V. M. I. s'est déjà acquise par la pureté et le désintéressement de ses vues et de ses intentions, et en même temps rehausser la considération qui lui est due.—Mais indépendamment de ce que l'expérience journalière ne prouve que trop, combien

---

для него истинное удовольствіе. Я счелъ долгомъ не скрывать отъ вашего с-ва этого обстоятельства.

Въ началѣ августа 1806.

Еслибы можно было съ полной увѣренностью разсчитывать на добросовѣстность теперешняго французскаго правительства въ исполненіи его договоровъ, очищеніе Германіи, установленное договоромъ 8/20 іюля, было бы, конечно, благодѣяніемъ для всей Европы,—благодѣяніемъ, которое только увеличило бы благодарность, уже пріобрѣтенную вашимъ и. в-вомъ чистотою и бескорыстіемъ вашихъ взглядовъ и намѣреній, и въ то же время возвысило бы должное вамъ уваженіе.—Но уже помимо того, что ежедневный опытъ слиш-

peu la France se croit obligée à remplir les engagements qu'elle a contractés par les traités les plus solennels, il est une autre considération essentielle qui anéantit ou du moins diminue considérablement les avantages qui résulteraient de cette stipulation. Il est dit que l'évacuation de l'Allemagne aura lieu dans le terme de 3 mois *au plus tard,* ce qui suffit pour faire voir qu'elle ne se fera pas plutôt. Or, avec la dextérité que Bonaparte sait mettre à toutes ses manoeuvres politiques, avec la promptitude qui caractérise toutes ses opérations militaires, quel parti ne saura-t-il pas tirer de ces trois mois?—Non-seulement il pourra réaliser les plans de réforme que déjà il a formé pour subvertir l'ancienne constitution de l'empire germanique, mais il aura encore la faculté et tout le loisir nécessaire pour concevoir et exécuter tels autres projets que son ambition ou sa cupidité pourront lui suggérer soit contre le nord de l'Allemagne, soit contre telle autre partie de cet empire.—D'un autre côté, en faisant la paix avec la France sur les bases établies dans ce traité, nous abandonnons la Porte à sa discrétion.—Restant en possession de la Dalmatie et de Cattaro, Bonaparte conserve tous ses moyens de comprimer le Divan par la crainte et par l'intrigue, ce que l'intérêt de la Russie lui prescrit impérieusement de ne pas souffrir.—Dans ce moment-ci la Porte se trouve pour ainsi dire entre l'enclume et le marteau; elle attend avec une angoisse proportionnée à sa faiblesse que

---

комъ хорошо доказываетъ, какъ мало Франція считаетъ себя обязанной исполнять обязательства, которыя она приняла на себя въ силу самыхъ торжественныхъ договоровъ, другое важное соображеніе уничтожаетъ или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшаетъ выгоды, которыя могли бы произойти отъ этого договора. Сказано, что Германія будетъ очищена не позже 3-хъ мѣсяцевъ; изъ этого слѣдуетъ, что это не произойдетъ раньше. А при той ловкости, съ какою Бонапартъ умѣетъ обдѣлывать свои политическія дѣла, и при той быстротѣ, которою отличаются всѣ его военныя дѣйствія, чего ни надѣлаетъ онъ въ эти три мѣсяца?—Онъ не только осуществитъ планъ реформъ, составленный имъ, чтобы разрушить древнюю конституцію Германской имперіи, но еще будетъ имѣть возможность и достаточно времени, чтобы задумать и исполнить любой проектъ, который могутъ ему внушить его честолюбіе или тщеславіе, относительно-ли сѣвера Германіи, или относительно какой-нибудь другой части этой имперіи.—Съ другой стороны, заключивъ миръ съ Франціей на условіяхъ, заключающихся въ этомъ договорѣ, мы отдаемъ Порту на ея произволъ.—Продолжая владѣть Далмаціей и Каттаро, Бонапартъ сохраняетъ всѣ средства обуздывать Диванъ страхомъ и интригой, чего интересы Россіи не допускаютъ ни подъ какимъ видомъ.—Въ настоящую минуту Порта находится такъ сказать между молотомъ и наковальней; она ждетъ съ тоскою, соотвѣтствующею

les évènements décident, ci ce sera la Russie ou la France qui l'emportera. — Dès que cette crise sera passée, la Porte ne pourra faire autrement que de se jeter à corps perdu entre les bras du plus fort, et il ne faut pas se dissimuler qu'avec la possession de la Dalmatie et de Cattaro, avec toutes les ressources de la politique française, enfin avec les dispositions connues des turcs, Bonaparte aura beau jeu, et que ce ne sera pas nous sans doute que la Porte envisagera comme les plus forts. — En restituant Cattaro aux français, nous leur livrons tous les moyens qu'ils puissent désirer pour détruire jusqu'à la racine cet attachement exemplaire que tous les peuples de ces contrées ont voué à la Russie depuis des siècles.—Ils envisageront, et à juste titre, notre politique comme dangereuse et auront droit de dire qu'après avoir abusé de leur dévouement, nous les livrons sans miséricorde à leurs plus cruels ennemis. L'effet, que produira nécessairement cette conduite de notre part sur les monténégrins et les bocquois, gagnera bientôt les serviens et les grecs, et au lieu de pouvoir compter sur tous les peuples chrétiens qui habitent la Turquie d'Europe, comme nous le pouvons encore, nous ne trouverons en eux que des ennemis d'autant plus irréconciliables, que leur confiance en nous aura été plus illimitée. — Les engagements les plus solennels, non moins que la conduite la plus loyale tenue constamment par la cour de Naples, mettent la Russie dans l'obligation de ne

---

ея слабости, чтобы событія рѣшили, кто побѣдитъ—Россія или Франція.—Какъ только этотъ кризисъ минуетъ, Портѣ останется только броситься съ отчаянія въ объятія сильнѣйшаго; и нечего скрывать отъ себя, что, владѣя Далмаціей и Каттаро и всѣми средствами французской политики, наконецъ, благодаря извѣстному настроенію турокъ, Бонапартъ будетъ имѣть полный успѣхъ; и, ужъ, конечно, не насъ Порта будетъ считать сильнѣйшими.—Возвращая французамъ Каттаро, мы доставляемъ имъ всѣ желанныя средства, чтобы искоренить окончательно ту примѣрную привязанность, которую всѣ народы этихъ странъ питали къ Россіи въ теченіе вѣковъ.—Они будутъ считать, и справедливо, нашу политику опасною и будутъ имѣть право сказать, что, употребивъ во зло ихъ преданность, мы предаемъ ихъ безъ милосердія ихъ злѣйшимъ врагамъ. Дѣйствіе, которое неизбѣжно произведетъ подобное поведеніе съ нашей стороны на черногорцевъ и каттарцевъ, скоро сообщится сербамъ и грекамъ, и, вмѣсто того, чтобы разсчитывать на всѣ христіанскіе народы, населяющіе европейскую Турцію, какъ мы еще можемъ теперь, мы найдемъ въ нихъ лишь враговъ, тѣмъ болѣе непримиримыхъ, чѣмъ безграничнѣе было ихъ довѣріе къ намъ. — Самыя торжественныя обязательства, и не менѣе того—честное поведеніе неаполитанскаго двора, заставляютъ Россію не покидать интересовъ короля Обѣихъ Сицилій—несчастной жертвы его усер-

point abandonner les intérêts du roi des deux Siciles, victime infortunée de son zèle pour la bonne cause et de sa confiance dans le cabinet de St.-Pétersbourg.—Sanctionner l'envahissement total de ses états en lui destinant une indemnité hors de toute proportion, serait donc aussi injuste que peu conforme à la dignité de la Russie et à la confiance qu'elle doit ambitionner de la part de ses alliés.—Les droits du roi de Sardaigne à la protection de la Russie sont à la vérité moins positifs que ceux de S. M. Sicilienne. Il n'en est pas moins certain toutefois que les principes généreux, que ce souverain a constamment professé en faveur de la cause commune, et les promesses, qui lui ont été si souvent répétées au nom de V. M. I., lui donnent des titres irrécusables à sa protection. Or, ne pas même faire mention de ses intérêts dans un traité définitif avec la France, paraît tout au moins peu conforme à la considération du souverain de la Russie.—Une des stipulations du traité du 8/20 juillet nous oblige à employer nos bons offices pour amener le roi de Suède à faire sa paix avec la Prusse. S. M. Suédoise a déjà décliné la médiation de la Russie; elle a déclaré qu'elle ne voulait point qu'il fût question d'elle dans aucune transaction avec la France; considérant en même temps le caractère personnel du roi, il ne paraît pas qu'il puisse être facile à la Russie de remplir cette clause, à moins de vouloir y employer des moyens de vigueur, ce qui sans doute serait

---

дія къ правому дѣлу и его довѣрія къ с.-петербургскому кабинету.—Поэтому, утвердить захватъ всѣхъ его владѣній, давъ ему взамѣнъ ничтожное вознагражденіе, было бы столь же несправедливо, какъ и несообразно съ достоинствомъ Россіи и съ довѣріемъ, котораго она должна желать отъ своихъ союзниковъ.—Права сардинскаго короля на покровительство Россіи, говоря правду, менѣе основательны, нежели права сицилійскаго короля. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что великодушные взгляды, высказываемые постоянно этимъ государемъ въ пользу общаго дѣла, и обѣщанія, которыя ему такъ часто повторялись отъ имени в. и. в-ва, даютъ ему неоспоримыя права на ваше покровительство. Итакъ, не упомянуть даже объ его интересахъ въ окончательномъ договорѣ съ Франціей, кажется по меньшей мѣрѣ несообразнымъ съ достоинствомъ россійскаго государя.—Одна изъ статей договора 8/20 іюля заставляетъ насъ употребить наши усилія, чтобы заставить шведскаго короля помириться съ Пруссіей. Шведскій король уже отклонилъ посредничество Россіи, онъ уже объявилъ, что не хочетъ, чтобы объ ней упоминали ни въ какой сдѣлкѣ съ Франціей; если принять въ то же время въ разсчетъ личный характеръ короля, врядъ-ли Россіи будетъ легко выполнить это условіе, развѣ если употребить насильственныя мѣры, что, конечно, опять-таки будетъ противно ея достоинству, также какъ и ея истиннымъ интересамъ.—Наконецъ еще одно важ-

encore contre sa dignité comme contre ses véritables intérêts. — Enfin une considération majeure que la Russie ne saurait perdre de vue, ce sont ses relations avec l'Angleterre. Cette puissance est sans contredit la seule et véritable alliée de la Russie, non par suite de quelque transaction de circonstance et momentanée comme il y en a tant, mais parce que leurs intérêts essentiels et permanents relativement à la France sont les mêmes. Dans toutes les relations, qui ont eu lieu dans les derniers temps entre les cours de St.-Pétersbourg et de Londres, il a été pour base de ne traiter que conjointement avec la France, ou bien, si cela devenait impossible, de négocier séparément, mais toujours sur les mêmes principes. La précipitation avec laquelle m. d'Oubril a dû signer n'a point permis de remplir cet engagement que nous avions contracté envers l'Angleterre et qu'elle a si religieusement observé de son côté; et d'ailleurs nous ne pouvons savoir, quelle sera la tournure que voudra donner le gouvernement français à sa négociation avec l'Angleterre après avoir terminé celle avec la Rnssie. Dans tous les cas faut-il appréhender que cette circonstance ne pourra qu'affaiblir la confiance que le cabinet de S. James place en celui de St.-Pétersbourg; et il faut convenir que, si le rétablissement de l'ordre et de la tranquillité générale en Europe ne peut devenir le résultat que de l'union la plus intime entre la Russie et l'Angleterre, tout ce qui peut relâcher ces liens doit être évité avec la plus scrupuleuse attention.

ное соображеніе, которое Россія не должна терять изъ виду, это—ея отношенія къ Англіи. Эта держава, безъ сомнѣнія, единственная истинная союзница Россіи, не вслѣдствіе какой-нибудь случайной и мимолетной сдѣлки, какъ часто бываетъ, потому что ихъ связываютъ общіе важные и неизмѣнные интересы относительно Франціи. Въ послѣднее время во всѣхъ сношеніяхъ между с.-петербургскимъ и лондонскимъ дворами держались правила договариваться съ Франціей не иначе, какъ совмѣстно, а если это невозможно, то вести переговоры отдѣльно, но всегда на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Быстрота, съ которою г. Убри долженъ былъ подписать договоръ, не позволила намъ исполнить это обязательство относительно Англіи, которая, съ своей стороны, такъ свято соблюдала его; а между тѣмъ мы не можемъ знать, какой оборотъ заблагоразсудится французскому правительству дать своимъ переговорамъ съ Англіей, когда окончится ея дѣло съ Россіей. Во всякомъ случаѣ, нужно опасаться, какъ бы это обстоятельство не подорвало довѣрія с.-джемскаго кабинета къ с.-петербургскому; и нужно признаться, что если возстановленіе порядка и всеобщаго спокойствія въ Европѣ должно вытечь лишь изъ самаго тѣснаго сближенія между Россіей и Англіей, то должно тщательнѣйшимъ образомъ избѣгать всего, что можетъ ослабить эти связи.

Il résulte de cet exposé que si même l'évacuation de l'Allemagne par les troupes françaises pouvait être envisagée comme une clause avantageuse pour nous en se qu'elle augmenterait la considération et la dignité de V. M. I., cette clause (si même elle était religieusement exécutée par la France) ne saurait contrebalancer les inconvénients sans nombre qui résulteraient pour la Russie de l'admission du traité du 8/20 juillet tel qu'il est.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 33 bis.

№ 141. Заявленіе, вызванное неутвержденіемъ договора, подписаннаго въ Парижѣ 8/20 іюля 1806.

St.-Pétersbourg, au commencement du mois d'août 1806.

Le conseiller d'état P. d'Oubril, qui fut envoyé à Paris au commencement du mois de mai dernier pour porter des secours aux soldats russes prisonniers de guerre, avait été muni en même temps d'instructions pour le cas, où il trouverait occasion d'opérer un rapprochement entre la Russie et la France. Il en est revenu en toute diligence portant avec lui un traité de paix, signé le 8/20 juillet par lui et le général Clarcke autorisé à cet effet par le gouvernement français.

Cet évènement, qui eût comblé les voeux de S. M. I. pour peu que l'acte en question eût été compatible avec sa dignité, avec ses enga-

---

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что если даже считать очищеніе Германіи отъ французскихъ войскъ выгоднымъ для насъ условіемъ, такъ какъ оно возвысило бы значеніе в. и. в-ва, то это условіе (еслибы даже оно было свято исполнено Франціей) не вознаградило бы насъ за тѣ безчисленныя непріятности, которыя проистекли бы для Россіи изъ принятія договора 8/20 іюля въ его настоящемъ видѣ.

Петербургъ, въ началѣ августа 1806.

Статскій совѣтникъ П. Убри, посланный въ Парижъ въ началѣ прошлаго мая, для вспомоществованія русскимъ военно-плѣннымъ солдатамъ, былъ въ то же время снабженъ инструкціями на тотъ случай, если явится возможность устроить сближеніе между Россіей и Франціей. Онъ очень поспѣшно возвратился оттуда и привезъ мирный договоръ, подписанный 8/20 іюля имъ и генераломъ Кларкомъ, уполномоченнымъ для этого французскимъ правительствомъ.

Это событіе было бы верхомъ исполненія желаній е. и. в-ва, еслибы упомянутая бумага согласовалась съ его достоинствомъ, съ его обязательствами

gements envers ses alliés, avec la sûreté de ses peuples et la tranquillité de l'Europe, a dû produire un effect tout opposé, parce qu'aucune de ses intentions magnanimes ne s'est trouvée remplie, comme on le verra par la traduction ci-dessous. Dans une séance extraordinaire du conseil d'état, le monarque a daigné communiquer l'acte de cette prétendue pacification, et après l'avoir comparé avec les instructions données à m. d'Oubril ainsi qu'avec les ordres précis à lui envoyés avant son départ de Vienne pour Paris, S. M. I. s'est vu dans l'impossibilité de ratifier ce traité que m. d'Oubril a pris absolument sur lui de signer, non-seulement en dépassant les bornes de ses pouvoirs, mais encore en agissant évidemment contre la lettre et l'esprit de sa commission.

Le conseil d'état, guidé par le sentiment unanime de la gloire nationale et de la loyauté connue de l'empereur, a applaudi à ce refus indispensable de toute ratification, et S. M. I. s'est bornée à le faire annoncer en France en y joignant un aperçu des bases sur lesquelles uniquement des négociations de paix pourraient être renouées.

Le ministre des affaires étrangères a fait part officiellement de ces résolutions aux ministres étrangers résidants près de la cour impériale. M. d'Oubril, qui par une combinaison inconcevable de circonstances a si mal répondu à la confiance dont il était investi et qu'il avait justifié tout récemment dans des commissions importantes remplies avec un

---

относительно союзниковъ, съ безопасностью его народовъ и спокойствіемъ Европы. Но оно произвело противоположное впечатлѣніе, потому что не исполнилось ни одного изъ его великодушныхъ намѣреній, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующаго перевода. Монархъ соблаговолилъ сообщить это мнимое умиротвореніе государственному совѣту въ чрезвычайномъ засѣданіи; и, сличивъ его съ данными г-ну Убри инструкціями, а также съ точными приказаніями, посланными ему передъ его отъѣздомъ изъ Вѣны въ Парижъ, е. и. в-во нашелъ невозможнымъ утвердить этотъ договоръ, который г. Убри подписалъ совершенно на свой страхъ, не только преступая предѣлы своихъ полномочій, но и дѣйствуя, очевидно, противъ буквы и духа своего порученія.

Государственный совѣтъ, руководимый единодушнымъ чувствомъ народной славы и извѣстной честности императора, пришелъ въ восторгъ отъ этого неизбѣжнаго отказа во всякой ратификаціи; и е. и. в-во ограничился тѣмъ, что извѣстилъ объ этомъ Францію, прибавивъ перечень единственныхъ основаній, на которыхъ могли бы возобновиться мирные переговоры.

Министръ иностранныхъ дѣлъ офиціально сообщилъ объ этомъ рѣшеніи иностраннымъ министрамъ при императорскомъ дворѣ. Г. Убри, въ силу непостижимыхъ обстоятельствъ, такъ мало оправдавшій то довѣріе, которое еще такъ недавно онъ оправдывалъ отличнымъ исполненіемъ важныхъ порученій

succès distingué à Londres, à Berlin et à Vienne, a été renvoyé sur ses terres pour y rester jusqu'à nouvel ordre.

Pétersbourg. Paris, 1806, ad. 34. Черновая.

142. — То же заявленіе въ окончательномъ видѣ.

Au commencement du mois d'août 1806.

Le conseiller d'état Pierre d'Oubril, qui fut envoyé à Paris au commencement de mai dernier pour soigner les prisonniers de guerre russes qui se trouvent en France, avait été muni en même temps d'instructions et d'autorisations pour le cas, où il aurait occasion d'opérer un rapprochement entre la Russie et le gouvernement français.

Il a signé un traité de paix le 8/20 juillet avec le général Clarcke chargé de pleins pouvoirs par le cabinet des Tuileries.

L'un des articles de ce traité (dont la traduction se trouve ci-dessous) stipule l'évacuation de l'Allemagne par les troupes françaises; mais le gouvernement français venait de détruire la constitution de l'empire germanique dont une partie considérable devenait absolument dépendante de la France. Cet acte de violence, commis au moment même, où le plénipotentiaire russe croyait avoir obtenu par la retraite des troupes françaises de l'Allemagne le rétablissement de l'orde et de la paix dans

---

въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, былъ сосланъ въ свои имѣнія, чтобы оставаться тамъ до новыхъ приказаній.

Въ началѣ августа 1806.

Статскій совѣтникъ Петръ Убри, посланный въ Парижъ въ началѣ прошлаго мая для ухода за русскими военноплѣнными во Франціи, былъ въ то же время снабженъ инструкціями и полномочіями на тотъ случай, если явится возможность устроить сближеніе между Россіей и французскимъ правительствомъ.

Онъ подписалъ 8/20 іюля мирный договоръ съ генераломъ Кларкомъ, которому были даны полномочія тюльерійскимъ кабинетомъ.

Одною изъ статей этого договора (переводъ его находится ниже) постановляется очищеніе Германіи отъ французскихъ войскъ; а французское правительство только-что разрушило конституцію Германской имперіи, значительная часть которой поступила въ полную зависимость отъ Франціи. Это насиліе учинено въ ту самую минуту, когда русскому уполномоченному казалось, что онъ добился, благодаря выходу французскихъ войскъ изъ Германіи,

cet empire, a dû être envisagé comme une nouvelle preuve du peu de bonne foi et de l'ambition démesurée du gouvernement français. Le traité en question n'ayant du reste rempli aucun des buts que la Russie devait se proposer et qui se trouvaient clairement expliqués dans les instructions de m. d'Oubril, cet acte n'a point été ratifié par Sa Majesté Impériale.

Pétersbourg. Paris, 1806, 34. Бѣловая.

№ 143. — Будбергъ Талейрану.

2/14 août 1806.

Le désir sincère, que l'Empereur, mon auguste maître, professe pour le rétablissement du calme en Europe, l'a déterminé à envoyer m. d'Oubril à Paris; mais Sa Majesté Impériale n'a jamais eu en vue que de conclure une paix qui pût être durable et qui fût également honorable pour elle et pour ses alliés.

C'est sur ces bases que le conseiller d'état d'Oubril a été instruit et autorisé à traiter; et cependant il a souscrit, par des considérations que Sa Majesté ne saurait admettre, à une transaction qui s'en écarte entièrement et qui dans la concession la plus importante pour le sort futur de l'Europe, celle relative à l'emprire germanique, ne présente

---

возстановленія порядка и мира въ этой имперіи: на него должно смотрѣть какъ на новое доказательство чрезмѣрнаго честолюбія и недостатка добросовѣстности у французскаго правительства. Итакъ, помянутый договоръ не достигъ ни одной изъ цѣлей, которыя Россія должна была преслѣдовать и которыя были ясно изложены въ инструкціяхъ г-на Убри: вслѣдствіе этого эта бумага не была утверждена е. и. в-вомъ.

2/14 августа 1806.

Искреннее желаніе императора, моего августѣйшаго государя, возстановить спокойствіе въ Европѣ заставило его послать въ Парижъ г-на Убри; но е. и. в-во имѣлъ въ виду только миръ прочный и одинаково почетный, какъ для него, такъ и для его союзниковъ.

На этихъ-то основаніяхъ статскій совѣтникъ г. Убри долженъ былъ вести переговоры, какъ гласили его инструкціи и полномочія. А онъ подписался, по соображеніямъ, которыхъ не можетъ допустить его величество, подъ сдѣлкой, которая совсѣмъ уклоняется отъ нихъ и въ важнѣйшей уступкѣ для будущности Европы, именно въ вопросѣ о Германской имперіи, представ-

que la perspective éloignée de la retraite des troupes françaises, tandis qu'il s'y organise un ordre de choses entièrement à l'avantage de la France.

Sa Majesté Impériale ne peut invisager la paix entre la Russie et la France comme durable tant que cette dernière puissance restera en possession de l'Albanie et de la Dalmatie; et une paix qui ne statuerait pas au moins en faveur du roi des deux Siciles la tranquille possession de cette île qui jusqu'ici n'est point la conquête des français, une paix qui n'assurerait pas au roi de Sardaigne quelque indemnité pour la perte de ses états de terre ferme, ne saurait être *avantageuse* pour la Russie. L'Empereur envisagerait en outre comme un manque évident à ses engagements généralement connus, s'il ratifiait un traité de paix qui précèderait la cessation de l'état de guerre entre la France et la Grande-Bretagne.

Le conseiller d'état d'Oubril s'étant écarté de ses instructions et de ses autorisations en signant le traité du 8/20 juillet, et cet acte ne contenant aucun des points susmentionnés, l'Empereur, mon auguste maître, m'a chargé en conséquence de prévenir v. e. qu'il n'avait point jugé devoir le ratifier, et qu'en général il ne pouvait faire la paix avec la France que sur les bases énoncées dans la présente lettre. Si elles étaient adoptées, Sa Majesté Impériale serait prête à reprendre les négociations

---

ляетъ лишь въ отдаленной перспективѣ удаленіе французскихъ войскъ, между тѣмъ какъ тамъ установляется новый порядокъ вещей къ полной выгодѣ Франціи.

Е. и. в-во не можетъ считать прочнымъ миръ между Россіей и Франціей, пока эта послѣдняя держава будетъ владѣть Албаніей и Далмаціей. И не можетъ быть *выгоднымъ* для Россіи миръ, который не доставляетъ по крайней мѣрѣ королю Обѣихъ Сицилій спокойнаго обладанія этимъ островомъ, еще не составляющимъ французскаго завоеванія, и не обезпечиваетъ сардинскому королю какого-нибудь вознагражденія за потерю его материковыхъ владѣній. Сверхъ того, императоръ счелъ бы очевиднымъ уклоненіемъ отъ своихъ всѣмъ извѣстныхъ обязательствъ, еслибы утвердилъ мирный договоръ раньше, чѣмъ прекратятся военныя дѣйствія между Франціей и Великобританіей.

Но статскій совѣтникъ д'Убри уклонился отъ своихъ инструкцій и полномочій, подписавъ договоръ 8/20 іюля, и эта бумага не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ вышепомянутыхъ условій. Въ силу этого императоръ, мой августѣйшій государь, поручилъ мнѣ предупредить в. с-во, что онъ не счелъ долгомъ утвердить его, и что вообще онъ не можетъ заключить мира съ Франціей иначе, какъ на основаніяхъ, указанныхъ въ настоящемъ письмѣ. Если они будутъ приняты, е. и. в-во будетъ готовъ возобновить переговоры для

pour sa conclusion; mais dans le cas contraire je dois prier v. e. de vouloir bien faire remettre à m. le conseiller de cour Harlamoff et à m. l'assesseur de collége Foussadier, que m. d'Oubril a laissé à Paris, les passeports nécessaires pour revenir à St. Pétersbourg.

Pétersbourg. Ministère, France, 1806, 2. Черновая.

№ 144.—Замѣчаніе на письмо Талейрану.

4/16 août 1806.

Dans le premier projet de ma lettre à m. de Talleyrand, V. M. I. a jugé à propos de substituer à l'endroit indiqué dans la pièce ci-jointe au mot *honorable* celui d'*avantageux*.

Après les évènements de la dernière campagne la Russie ne se trouve malheureusement pas dans le cas de faire une paix *avantageuse*, quelque concession que la France fasse en faveur de nos alliés; ce qui toutefois n'exclue pas la possibilité de faire une paix *honorable*.

En conséquence je demande la permission de rétablir cette dernière expression dans le période désigné [1]).

Pétersbourg. Ministère, France, 1806, ad 2. Подлинникъ.

[1]) Внизу помѣтка: cette remarque n'a point été présentée à l'Empereur faute de temps. (Это замѣчаніе не было представлено Императору за недостаткомъ времени).

его заключенія. Въ противномъ же случаѣ я долженъ просить в. с-во благоволить вручить г. надворному совѣтнику Харламову и коллежскому ассесору Фусадье, которыхъ г. Убри оставилъ въ Парижѣ, необходимые паспорты для возвращенія въ С.-Петербургъ.

4/16 августа 1806.

Въ первомъ проектѣ моего письма г. Талейрану, в. и. в-во сочли умѣстнымъ замѣнить въ указанномъ мѣстѣ прилагаемой бумаги слово *почетный* словомъ *выгодный*.

Послѣ событій послѣдней кампаніи, Россія, къ несчастью, не можетъ заключить *выгоднаго* мира, какія бы уступки Франція ни сдѣлала въ пользу ея союзниковъ; впрочемъ это не исключаетъ возможности заключить миръ *почетный*.

Вслѣдствіе этого, прошу позволенія возстановить это послѣднее выраженіе въ обозначенномъ періодѣ.

№ 145. — Будбергъ Харламову.

4/16 августа 1806.

Коль скоро доставлены къ вамъ будутъ отъ французскаго правительства паспорты для выѣзда изъ Франціи, то вы, равно и коллежскій асс. Фусадье немедленно имѣете отправиться изъ Парижа и прибыть сюда прямѣйшимъ трактомъ.

На путевыя же ваши издержки препровождаю у сего 600 (червонныхъ), изъ коихъ 300 оставьте себѣ, а остальные вручите г. Фусадье.

Pétersbourg. Paris, 1806, 37. Черновая.

№ 146. — Харламовъ Будбергу.

Парижъ, 14/26 августа 1806.

Надѣясь на благосклонное снисхожденіе в. высокопр-ва къ неопытности моей, я принимаю смѣлость занять на минуту вниманіе в. выс-ва, къ важнымъ государственнымъ дѣламъ обращенное, донесеніемъ о нѣкоторыхъ дошедшихъ до меня свѣдѣніяхъ, пользуясь случаемъ отправленія курьера въ Берлинъ отъ прусскаго посланника маркиза Люкезини, о чемъ е. пр-во изволилъ лично меня предувѣдомить. — Едва не прерванные переговоры съ аглинскимъ посломъ хотя опять начались, но продолжаются съ великою медленностью. Сколько французское министерство ни старается ускорить заключеніе мира съ Англіею, но посолъ сей державы, въ оправданіе медленности, отзывается, что ожидаетъ курьера отъ своего двора. Увѣряютъ, что французское правительство согласно уже уступить Англіи Мальту, Гибралтаръ и мысъ Доброй Надежды. — Медленность переговоровъ съ аглинскимъ посломъ приписываютъ болѣе тому, что великобританскій дворъ, желая предварительно быть въ извѣстности касательно ратификаціи государемъ и-ромъ мирнаго трактата, заключеннаго съ французскимъ правительствомъ г-мъ ст. сов. Убріемъ, всячески старается до того времени продолжить переговоры, дабы тогда уже принять соотвѣтственную съ обстоятельствами рѣшимость.

Pétersbourg. Paris, 1806, 38. Подлинникъ.

№ 147. — Харламовъ Будбергу.

Парижъ, 14/26 августа 1806.

Маркизъ де-Лукезини, пригласивъ меня вчера къ себѣ, вручилъ мнѣ лично почтеннѣйшее предписаніе в. высокопр-ва отъ 30 іюля. Сообразно повелѣнію в. выс-ва, я немедленно приступилъ съ г. Фусадье къ истребленію бумагъ, до политическихъ отношеній касающихся, о чемъ поставляю себѣ долгомъ донести в. выс-ву.

Pétersbourg. Paris, 1806, 40. Подлинникъ.

№ 148. — Харламовъ Будбергу.

Парижъ, 19/31 августа 1806.

Г. статскій совѣтникъ Убри, въ обратный проѣздъ свой въ С.-Петербургъ, писалъ ко мнѣ изъ Франкфурта, чтобы я, въ случаѣ непринятія еще мною нужныхъ мѣръ для безопасности моего здѣсь пребыванія, отнесся его именемъ къ маркизу Люкезини съ просьбою объ исходатайствованіи мнѣ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ карты *de sûreté*. По полученіи сего письма, не бывши еще въ то время снабженъ таковою картою, я бы конечно не замедлилъ исполненіемъ приказанія г. Убрія; но постигшая меня тогда болѣзнь привела меня въ необходимость отложить оное до выздоровленія. Коль же скоро я почувствовалъ облегченіе въ моей болѣзни, то немедленно адресовался къ г. прусскому посланнику, прося его о исходатайствованіи мнѣ карты безопасности, и е. пр-во охотно согласился мою просьбу исполнить.

По прошествіи нѣсколькихъ послѣ того дней, маркизъ Люкезини увѣдомилъ меня письмомъ, что говорилъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ разсужденіи желаемой мною карты, и что г. Талейранъ, обѣщавъ снабдить меня оною, изъявилъ при томъ желаніе свое меня видѣть. Вскорѣ затѣмъ е. пр-во, удостоивъ меня своимъ посѣщеніемъ, повторилъ мнѣ о такомъ желаніи г. Талейрана, присовокупивъ къ тому, что министръ сей вторично говорилъ ему о желаніи своемъ меня видѣть.

Исполненіе желанія г. Талейрана почитая съ моей стороны долгомъ учтивости, я имѣлъ честь быть у е. пр-ва 14 августа по ст. ст.

Г. Талейранъ, принявъ меня очень ласково, началъ тѣмъ, что обѣщалъ мнѣ прислать карту *de sûreté;* затѣмъ спросилъ меня, не получалъ-ли я какого извѣстія изъ Петербурга; предполагая, что г. Люке-

зини конечно не оставилъ его предувѣдомить о полученіи имъ на мое имя письма изъ Петербурга, при случаѣ пріѣхавшаго къ нему курьера, что и оказалось послѣ справедливымъ, я отвѣчалъ, что получилъ письмо, но что оное не содержитъ въ себѣ никакихъ любопытныхъ извѣстій. Г. Талейранъ, не довольствуясь симъ отвѣтомъ, неоднократно спрашивалъ меня: „что новаго пишутъ къ вамъ изъ Петербурга; что слышно было тамъ при отъѣздѣ оттуда прусскаго курьера въ разсужденіи ратификаціи мирнаго трактата; какъ я думаю, г. ли Убри, или кто другой назначенъ будетъ сюда министромъ; дѣлаются-ли уже какія приготовленія для отъѣзда сего министра?“ На всѣ сіи вопросы отозвался я совершеннымъ незнаніемъ. Е. пр-во спросилъ меня также, какое лицо я буду представлять; на что я отвѣчалъ, что остаюсь здѣсь какъ частный человѣкъ. Г. Талейранъ весьма любопытствовалъ узнать, возвратится-ли сюда г. Убри, въ разсужденіи котораго отзывался онъ въ лестныхъ выраженіяхъ. Разговоръ сей, продолжавшійся около четверти часа, кончился тѣмъ, что г. Талейранъ повторилъ обѣщаніе свое доставить мнѣ требуемую мною карту, которую и получилъ уже я 16 числа сего мѣсяца, при запискѣ отъ е. пр-ва.

Пользуясь отправленіемъ отсюда австрійскаго курьера, я долгомъ себѣ поставляю донести о семъ въ подробности в. высокопр-ву, льстя себя надеждою, что в. высокопр-во, уваживъ совершенную мою неопытность, великодушно изволите извинить меня, если мое поведеніе въ семъ случаѣ было неблагоразумно, и позволите присоединить замѣчаніе, сдѣланное мною во время разговора моего съ г. Талейраномъ: мнѣ казалось, что министръ сей находился въ большомъ безпокойствѣ насчетъ ратификаціи е. в-мъ государемъ императоромъ мирнаго трактата, г. статскимъ совѣтникомъ Убріемъ заключеннаго.

Pétersbourg. Paris, 1806, 39. Подлинникъ.

№ 149. — Харламовъ Будбергу.

Парижъ, 19/31 августа 1806.

Усиленныя старанія здѣшняго министерства привести къ скорѣйшему и желаемому окончанію негоціаціи съ аглинскимъ посломъ остаются по сіе время безуспѣшными. Переговоры сіи едва-было совершенно не прекратились: г. Талейранъ, какъ сказываютъ, не могши никоимъ образомъ склонить аглинскаго посла къ соглашенію на предлагаемыя ему условія, отозвался, что французское правительство лучше

продолжить войну на десять лѣтъ, нежели подастся на требованія Англіи. За симъ лордъ Лодердаль приготовился уже было къ отъѣзду изъ Парижа, какъ получилъ приглашеніе отъ г. Талейрана отложить свою поѣздку на нѣкоторое время, и въ самый сей день началась опять негоціація съ аглинскимъ посломъ, который послѣ того отправилъ курьера къ своему двору. Говорятъ, что лордъ Лодердаль отнюдь не соглашается на присоединеніе Португаліи къ Гишпаніи, и что будто бы уже аглинскія войска высажены въ Португалію для защищенія сего государства.

Здѣшнее министерство всячески старается кончить негоціацію съ аглинскимъ посломъ до полученія извѣстія касательно ратификаціи мирнаго трактата, г. Убріемъ подписаннаго. Уже пронесся слухъ, что сей трактатъ не ратификованъ е. в-мъ государемъ императоромъ, и публика находится отъ того въ безпокойствѣ, хотя министерство, съ своей стороны, въ успокоеніе оной распространяетъ противный слухъ.

Здѣсь пронеслась также молва, что французскій флотъ, на которомъ находился Іеронимъ Бонапарте, встрѣтился съ аглинскимъ и совершенно разбитъ симъ послѣднимъ.

Все сіе не очень благопріятно для приготовляемаго празднества въ честь аустерлицкой баталіи.

Pétersbourg. Paris, 1806, 41. Подлинникъ.

№ 150. — Харламовъ Разумовскому.

Парижъ, 27 августа (8 сентября) 1806.

Критическое положеніе, въ которомъ я теперь здѣсь нахожусь вмѣстѣ съ г. коллежскимъ ассессоромъ Фусадье, подаетъ мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ в. с-ву съ покорнѣйшею моею просьбою о снабженіи меня вашими наставленіями.

Г. Руффень, отправленный изъ Петербурга курьеромъ отъ находящагося тамъ французскаго консула, г. Лессепса, пріѣхалъ сюда 3 сентября по н. ст. На третій день по его пріѣздѣ помѣщено въ „Монитерѣ“ полученное съ нимъ извѣстіе, что мирный трактатъ, г. Убріемъ 8/20 іюля подписанный, не ратификованъ государемъ императоромъ, какъ в. с-во изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго у сего нумера парижской газеты. Не получивъ изъ Петербурга никакого отъ министерства повелѣнія, которымъ бы я могъ руководствоваться при такомъ оборотѣ политическихъ обстоятельствъ, я приведенъ теперь въ затруднительное положеніе, находясь въ неизвѣстности, просить-ли пачпортовъ для воз-

вращенія въ Россію вмѣстѣ съ г. Фусадье, или оставаться здѣсь до полученія отъ министерства повелѣнія. Единыя наставленія в. с-ва могутъ вывести меня изъ такой неизвѣстности, и для того принялъ я смѣлость покорнѣйше просить васъ о удостоеніи меня оными.

Pétersbourg. Paris, 1806, 42. Подлинникъ.

№ 151. — Докладъ Будберга.

31 авгус[illegible] (12 сентября) 1806.

Изъ донесеній дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина явствуетъ, что сербы чрезмѣрно нуждаются въ недостаткѣ (sic) оружія и денегъ; полагая, что на первый случай достаточно будетъ доставить къ нимъ 100,000 піастровъ, что̀ составляетъ около 13,000 червонныхъ, испрашиваю о томъ высочайшаго вашего повелѣнія [1]).

Pétersbourg. Ministère, 1806, 35. Подлинникъ.

№ 152. — Будбергъ г-ну Убри.

26 septembre (8 octobre) 1806.

Peu après votre dernier départ d'ici, j'ai été informé que beaucoup de personnes étaient d'opinion, que le résultat de votre mission à Paris ne vous avait nullement attiré la désapprobation de l'Empereur, ni de son ministère, et que même vous aviez obtenu à cette occasion une marque ostensible de la bienveillance de S. M. I. Bien éloigné alors de croire que cette opinion aurait pu être suggérée par vous-même, je l'avais rangée dans la classe de ces bruits de ville qui ne méritent

---

26 сентября (8 октября) 1806.

Немного времени спустя послѣ вашего послѣдняго отъѣзда отсюда, я узналъ, что многіе думаютъ, будто послѣдствіе вашего посольства въ Парижъ отнюдь не навлекло на васъ неодобренія ни императора, ни его министерства, и будто вы даже получили по этому случаю видимый знакъ благоволенія е. и. в-ва. Тогда я былъ далекъ отъ мысли, что вы сами могли внушить

[1]) На обложкѣ помѣтки: „Указъ высочайше подписанъ 3 сентября 1806.—Означенныя въ сей Запискѣ 13 т. отправлены къ генералу Михельсону 11 сентября 1806 съ ѣздовымъ Андреевымъ.—S'aboucher avec le comte Wass., et s'il n'y a pas une occasion plus sûre, faire passer la somme par la voie de Jassy (переговорить съ графомъ Вас., и если нѣтъ болѣе вѣрнаго случая, отправить деньги черезъ Яссы)".

aucune attention. Mais je viens d'apprendre que vous avez écrit sur le même objet et dans le même sens en d'autres villes de l'empire, en faisant sentir que la croix de Ste Anne en diamants ne vous a été accordée que comme un témoignage de la satisfaction avec laquelle Sa Majesté l'Empereur a daigné approuver votre conduite à Paris.

Quoiqu'à la vérité ce ne soit qu'à votre retour de cette capitale que vous avez reçu cette nouvelle distinction, il n'a cependant pu vous échapper, que le rescript qui vous a été remis en même temps porte la date du 19 juin, et que par conséquent c'est bien antérieurement à votre arrivée même à Paris que cette croix vous a été accordée. Par une suite de cette considération je ne saurais me dispenser de vous témoigner mon juste étonnement sur une pareille conduite de votre part, en vous observant, que si, par une suite de l'extrême bonté de S. M. I., elle a pu se borner à vous éloigner d'ici après l'issue de la négociation qui vous avait été confiée, cette indulgence aurait dû être pour vous un motif de plus de n'agir qu'avec la plus grande circonspection et surtout d'éviter tout ce qui pourrait donner au gouvernement l'apparence d'être en contradiction avec lui-même; et c'est là cependant ce qui doit résulter des insinuations que vous vous permettez de faire et qui ont motivé la présente.

Pétersbourg. Paris, 1806, 11. Черновая.

такое мнѣніе: я относилъ его къ разряду городскихъ слуховъ, не заслуживающихъ никакого вниманія. Но сейчасъ я узналъ, что вы писали о томъ же предметѣ и въ томъ же смыслѣ въ другіе города имперіи, давая понять, что орденъ св. Анны съ алмазами пожалованъ вамъ именно, какъ знакъ удовольствія, съ которымъ е. в-во императоръ соблаговолилъ одобрить ваше поведеніе въ Парижѣ. Правда, вы получили это новое отличіе лишь по возвращеніи изъ сей столицы; но вы не могли не замѣтить, что врученный вамъ тогда же рескриптъ помѣченъ 19-мъ іюня: стало быть, этотъ крестъ былъ пожалованъ вамъ даже гораздо раньше вашего прибытія въ Парижъ. Въ силу этого соображенія, не могу не выразить вамъ моего истиннаго изумленія по поводу подобнаго поведенія съ вашей стороны. Не могу не замѣтить вамъ, что если е. и. в-во могъ, по своей крайней добротѣ, ограничиться удаленіемъ васъ отсюда, послѣ исхода порученнаго вамъ дѣла, то такая снисходительность должна бы еще болѣе заставить васъ дѣйствовать съ величайшею осторожностью, въ особенности же избѣгать всего, что могло бы навести на мысль, будто правительство впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. А это-то и должно вытекать изъ внушеній, которыя вы позволяете себѣ дѣлать и которыя вызвали настоящее письмо.

№ 153. — Докладъ Будберга.

Septembre 1806.

Parmi les papiers, que V. M. a daigné me renvoyer en dernier lieu, il y en a qui ont été marqués par elle, et sur lesquels je me trouve dans le cas de demander ses ordres.

1) Dépêche de m. d'Italinsky № 119, accompagnant une supplique du monastère de la S-te Trinité en Salonique, relative à l'aumône qui a été accordé par les souverains de Russie à ce monastère, et qu'il ne reçoit plus depuis plusieurs années [1]).

2) Dépêche du même № 125, au sujet des ouvertures faites par Ali pacha au consul Flory. Les ordres, qui ont été envoyés à ce sujet au comte de Mocenigo, sont conçus dans le même sens que ceux dont m. d'Italinsky a muni le s-r Flory. Ce consul manque de chiffre et désire en avoir un pour sa correspondance.

3) Dépêche secrète du même du 13/15 juillet relative aux communications à lui fournies par le prince Démetrio Murusi, témoignage de son zèle, et représentation qu'il conviendrait beaucoup de lui donner quelque marque de la satisfaction de V. M. I. [2]).

[1]) На полѣ: „сообщить кн. Голицыну о продолженіи".

[2]) На полѣ: „высочайшаго соизволенія не послѣдовало".

Сентябрь 1806.

На нѣкоторыхъ изъ бумагъ, которыя в. в-во соблаговолили прислать мнѣ сейчасъ, есть ваши помѣтки, насчетъ которыхъ я долженъ испросить вашихъ приказаній.

1) Депеша г. Италинскаго № 119, сопровождающая прошеніе монастыря Св. Троицы въ Салоникахъ касательно милостыни, жалуемой русскими монархами этому монастырю, которой онъ не получаетъ уже нѣсколько лѣтъ.

2) Депеша того же № 125, по поводу предложеній, сдѣланныхъ Алипашей консулу Флори. Посланныя по сему предмету приказанія графу Моцениго имѣютъ тотъ же смыслъ, что и приказанія, данныя г. Италинскимъ г-ну Флори. У этого консула нѣтъ шифровъ, и онъ желаетъ имѣть ихъ для своей переписки.

3) Тайная депеша того же отъ 3/15 іюля касательно свѣдѣній, доставленныхъ ему княземъ Дмитріемъ Мурузи, свидѣтельствуетъ объ его усердіи и представляетъ, что было бы весьма пристойно дать ему какой-нибудь знакъ удовольствія е. и. в-ва.

4) Lettre du s-r Roubeaud de Pontèves. Il demande que son fils soit placé au service effectif, et informe qu'il l'a nommé temporairement chancelier à son poste [1]). Recommande pour la place du premier dragoman Nicolas Pargouli, et le s-r Timoni pour celle du second dragoman. Observe que les communications du gouvernement français avec la Porte se font par l'intermission d'un certain Roini, docteur du grand-seigneur; et observe qu'il serait utile de rendre publiques à Constantinople les relations de cet homme.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 36. Подлинникъ.

№ 154. — Убри Будбергу.

Riga, 9/21 octobre 1806.

Une course que j'ai faite dans les environs de Riga, a été cause que je n'ai reçu que maintenant la lettre que v. e. m'a fait l'honneur de m'écrire le 22 septembre.

Quelque douloureux qu'ait été pour moi le soupçon qui l'a motivé, elle m'a donné l'espoir d'avoir encore quelque part à votre estime, mon général, puisque vous daigniez me donner une occasion de me justifier. Veuillez recevoir l'expression de ma vive reconnaissance pour cette bonté

[1]) На полѣ: „о утвержденіи".

---

4) Письмо г-на Рубо-де-Понтэвъ. Проситъ о принятіи сына на дѣйствительную службу и увѣдомляетъ, что онъ назначилъ его временно въ свою канцелярію. Рекомендуетъ Николая Паргули на мѣсто перваго драгомана, а г-на Тимони—на мѣсто второго. Замѣчаетъ, что сношенія французскаго правительства съ Портой происходятъ при посредствѣ нѣкоего Руани, султанскаго доктора. Еще замѣчаетъ, что было бы полезно раскрыть въ Константинополѣ сношенія этого человѣка.

Рига, 9/21 октября 1806.

Моя поѣздка въ окрестности Риги была причиною того, что я только теперь получилъ письмо, которое ваше пр-во удостоили написать мнѣ 22 сентября.

Какъ ни прискорбно было для меня вызвавшее его подозрѣніе, но это письмо подало мнѣ надежду, что я еще не совсѣмъ потерялъ ваше уваженіе, генералъ мой, такъ какъ вы соблаговолили дать мнѣ случай оправдаться. Благоволите принять выраженіе моей живѣйшей благодарности за эту милость и позвольте мнѣ воспользоваться ею; я не стану приводить ложныхъ доводовъ

et permettez-moi d'en profiter, non pour accumuler de fausses allégations à ma décharge, mais pour citer des faits, qui, à ce que je crois, montreront que jamais je n'ai eu l'intention coupable qu'indique la lettre de v. e., et qu'au contraire j'ai fait ce qu'elle a attendu de moi.

A St. Pétersbourg, je me suis tenu renfermé chez moi pendant le peu de temps que j'y ai séjourné, et je n'ai parlé de ce qui me concernait qu'avec des personnes qui étaient parfaitement au fait de ce qui s'était passé à Paris et de l'époque à laquelle j'avais reçu l'ordre de S-te Anne en diamants. Je crois me rappeler que deux personnes sont venues chez moi me féliciter de cette décoration, et je suis sûr de leur avoir dit qu'elle m'avait été accordée depuis longtemps et qu'elle n'avait aucun rapport avec ma mission à Paris. J'en suis sûr, parce que j'agissais en cela par principe, et v. e. se rappellera que fidèle au plan d'éviter le monde, j'ai décliné une invitation que m-r le grand-duc m'avait faite de dîner chez lui à Strelna.

Depuis que j'ai été employé dans la haute politique, j'ai cru devoir interrompre toute correspondance particulière, et ce n'est que parfois, pour ne pas entièrement manquer d'égards, que j'ai répondu aux lettres que je recevais; ma famille même n'avait de nouvelles de moi que très rarement. V. e. peut juger que ce n'était pas le moment de mon renvoi de St. Pétersbourg que j'aurais choisi pour changer de conduite.

въ свое оправданіе, но укажу только на факты, которые, смѣю надѣяться, покажутъ, что я никогда не имѣлъ преступнаго намѣренія, на которое указываетъ письмо вашего пр-ва, и что, напротивъ, я сдѣлалъ то, чего вы отъ меня ожидали.

Въ Петербургѣ я сидѣлъ, запершись дома, въ теченіе того непродолжительнаго времени, которое я тамъ провелъ, и говорилъ о томъ, что меня касается, только съ лицами, которыя знали все, что произошло въ Парижѣ, а также то, когда я получилъ орденъ св. Анны, осыпанный брилліантами. Я припоминаю, что двѣ особы явились ко мнѣ поздравить меня съ этимъ знакомъ отличія, и я увѣренъ, что сказалъ имъ, что получилъ его давно, и что онъ не имѣлъ никакого отношенія къ моей миссіи въ Парижѣ. Я увѣренъ въ этомъ, потому что поступалъ по принципу, и ваше пр-во припомните, что, вѣрный моему намѣренію избѣгать людей, я отклонилъ приглашеніе его в-ва великаго князя обѣдать у него въ Стрѣльнѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я служу высшей политикѣ, я счелъ долгомъ прервать всякую частную переписку, и лишь изрѣдка, чтобы не быть окончательно невѣжливымъ, я отвѣчалъ на получаемыя письма; даже моя семья лишь изрѣдка получала вѣсти обо мнѣ. Ваше пр-во можете судить, могъ-ли я избрать минуту моего удаленія изъ С.-Петербурга, чтобы измѣнить мое пове-

J'étais sûr de n'avoir écrit que deux lettres à mon départ de cette ville et dont le motif était que ma mère, accablée de chagrins à Riga, apprît cette nouvelle par moi et non par la voie publique, et que ma soeur, dangereusement malade dans sa terre, fût prévenue de ma visite. Je me suis félicité d'être à même de relire la plus détaillée de ces lettres, celle à ma mère, et voici tout ce qu'elle renferme sur ma position d'alors: „Je dois aux bontés de l'Empereur la permission de m'absenter pour quelque temps de mon poste" *et par apostille*: „J'ai trouvé ici pour moi la croix de S-te Anne en diamants".

Il me semble que les mots *trouvé ici* suffisent pour prouver que je n'avais pas l'intention de faire penser que cette grâce m'était nouvellement accordée.

A mon arrivée à Riga, j'ai cru qu'il était séant, surtout dans le commencement, que je n'allasse pas beaucoup dans le monde. D'après ce principe je n'ai fait que les visites de devoir au gouverneur général, au gouverneur et au commandant. Les deux premiers m'ayant parlé de ma situation, je les ai entretenus de ma reconnaissance pour l'indulgence avec laquelle l'Empereur m'avait traité; et j'ai observé la même conduite envers toutes les personnes que j'ai vues depuis et qui m'ont fourni l'occasion de m'expliquer à ce sujet. Enfin pour me soustraire à une curiosité que mon nom souvent répété dans les gazettes pouvait exciter,

---

денiе. Я былъ увѣренъ, что написалъ только два письма при моемъ отъѣздѣ изъ этого города, и единственно съ цѣлью, чтобы моя мать, удрученная горемъ въ Ригѣ, узнала эту новость отъ меня, а не путемъ гласности, и чтобы моя сестра, опасно больная въ своемъ имѣніи, была предупреждена о моемъ посѣщеніи. Я былъ радъ, что могъ перечитать самое подробное изъ этихъ писемъ, а именно письмо къ моей матери, и вотъ что тамъ сказано относительно моего тогдашняго положенія: „Я обязанъ милости и-ра позволеніемъ отлучиться на нѣкоторое время съ моей должности", и *въ приписк*ѣ: „я нашелъ здѣсь бриллiантовый крестъ Св. Анны".

Мнѣ кажется, что слова *нашелъ здѣсь* достаточно доказываютъ, что я не имѣлъ намѣренія заставить думать, будто эта милость оказана мнѣ только теперь.

Когда я пріѣхалъ въ Ригу, я думалъ, что приличнѣе будетъ, въ особенности вначалѣ, если я не буду много показываться въ свѣтѣ. Въ силу этого принципа я сдѣлалъ только обязательные визиты генералъ-губернатору, губернатору и коменданту. Двое первыхъ изъ нихъ спросили меня насчетъ моего положенія, и я говорилъ имъ о моей признательности за снисходительность ко мнѣ императора. Такъ же я велъ себя со всѣми лицами, съ которыми видался потомъ и который подавали мнѣ поводъ изъясняться объ этомъ пред-

j'ai accepté une partie de chasse qui m'a retenu pendant près de huit jours hors de Riga.

Voilà comment je me suis conduit. Je désire que vous daigniez ajouter foi à mon récit, et je ne l'appuierai plus que d'un seul exemple pour ne point abuser du temps précieux de v. e.

Lorsque je revins de Paris après y avoir été chargé d'affaires, les gazettes annonçaient que j'avais reçu des marques éclatantes de la bienveillance de l'Empereur. J'ai cependant été 10 mois sans en avoir aucune.

Mon chef d'alors le prince Czartoryski, m. Schroeder, qui dans ce temps était avec moi dans sa chancellerie, et m. Beck, qui y venait souvent, pourront vous dire comment je me suis comporté dans cette circonstance.

Je ne m'en glorifie point, mais ayant fait une étude pendant 15 ans de mériter la bienveillance de mes chefs par mon zèle, ma circonspection et mon dévouement, sans jamais avoir recours à de petits moyens honteux pour tout être pensant, le seul désir que, lorsque j'ai vraiment besoin d'indulgence, qu'alors la pureté assidue de mes intentions plaide en ma faveur.

Pétersbourg. Paris, 1806, 32. Подлинникъ.

метѣ. Наконецъ, чтобы избѣжать любопытства, которое могло возбуждать мое имя, часто повторяемое въ газетахъ, я принялъ приглашеніе на охоту, которая задержала меня почти восемь дней внѣ Риги.

Вотъ какъ я велъ себя. Мнѣ хочется, чтобы вы соблаговолили повѣрить моему разсказу. Въ подтвержденіе его приведу одинъ только примѣръ, чтобы не злоупотреблять драгоцѣннымъ временемъ в. пр-ва.

Когда я возвратился изъ Парижа, по исправленіи тамъ должности повѣреннаго въ дѣлахъ, газеты возвѣщали, что я получилъ блестящіе знаки благоволенія императора. А я 10 мѣсяцевъ ничего не получалъ.

Мой тогдашній начальникъ, князь Чарторижскій, г. Шредеръ, который служилъ тогда со мной въ его канцеляріи, и г. Бекъ, который часто приходилъ туда, могутъ разсказать вамъ, какъ я велъ себя при этомъ случаѣ.

Я не величаюсь этимъ. Но, учившись въ теченіе 15 лѣтъ заслуживать благоволеніе начальниковъ усердіемъ, осторожностью и преданностью, никогда не прибѣгая къ мелкимъ, постыднымъ для всякаго мыслящаго существа средствамъ, я не желаю ничего въ мірѣ, кромѣ одного — чтобы въ ту минуту, когда я дѣйствительно нуждаюсь въ снисхожденіи, вѣчная чистота моихъ намѣреній заговорила въ мою пользу.

№ 155. — Докладъ Будберга.

15/27 novembre 1806.

Dans une conférence que j'ai eu hier avec m. Stuart, ce ministre m'a témoigné le vif désir de sa cour de renouveler le traité de commerce subsistant entre la Russie et l'Angleterre et renouvelé en dernier lieu le 10/21 février 1797 pour huit ans. Le motif de cet empressement, énoncé par m. Stuart, c'est que le gouvernement britannique désire par ce moyen calmer les inquiétudes des commerçants anglais dans les circonstances actuelles; aussi m. Stuart m'a dit être autorisé à procéder au renouvellement de ce traité tel qu'il est, afin de ne pas retarder cette opération, et pour le terme que l'on jugera à propos, sans insister sur les changements et modifications qu'il avait eu ordre de proposer il y a quelque temps [1]).

Pétersbourg. Ministère, 1806, 49 a. Подлинникъ.

№ 156. — Себастіани Талейрану.

Constantinople, 12/24 décembre 1806.

La guerre a été déclarée à la Russie avec solennité. Le corps des ulémas, les janissaires et tous les grands de l'empire ont unanimement

[1]) На полѣ: „послѣдовало высочайшее повелѣніе истребовать отъ министра коммерціи мнѣнія, о чемъ сообщено ему 21 ноября 1806.

15/27 ноября 1806.

Во вчерашнемъ разговорѣ со мной г. Стюартъ заявилъ мнѣ горячее желаніе своего двора возобновить торговый договоръ между Россіей и Англіей и возобновленный въ послѣдній разъ 10/21 февраля 1797 г. на восемь лѣтъ. Побужденіемъ къ тому г. Стюартъ выставилъ желаніе британскаго правительства успокоить этимъ путемъ англійскихъ купцовъ въ нынѣшнихъ тревожныхъ обстоятельствахъ. Г. Стюартъ прибавилъ, что его уполномочили возобновить этотъ договоръ въ его настоящемъ видѣ, чтобы не задерживать этого дѣла, и на какой угодно срокъ, не настаивая на измѣненіяхъ, которыя было приказано ему предложить нѣсколько времени тому назадъ.

Константинополь, 12/24 декабря 1806.

Торжественно была объявлена война Россіи. Улемы, янычары и всѣ вельможи имперіи единогласно заявили его величеству свое желаніе дать

énoncé à sa hautesse leurs voeux pour repousser l'injuste agression des russes et venger enfin l'honneur national tant de fois outragé. L'enthousiasme est grand parmi le peuple, parmi les ulémas, parmi les janissaires. Le ministère seul est timide, froid et presque incertain encore. Après la promesse qui m'avait été faite et que j'ai eu l'honneur de vous transmettre, le reis-effendi avait renouvelé des négociations avec l'ambassadeur d'Angleterre pour l'évacuation de la Valachie et de la Moldavie et de... [1]) par les troupes russes. J'ai été obligé de lui parler avec force, pour le déterminer à prendre le parti que lui commandaient l'honneur, la sûreté de l'état, la religion et surtout le voeu du souverain et de la nation. Il a dû céder à des considérations aussi impérieuses, à des forces aussi majeures; mais il l'a fait de mauvaise grâce, et la traduction de la note qu'il a remise à m. d'Italinsky, dont il est le rédacteur, vous prouvera par sa faiblesse, qu'il n'appartenait pas au parti courageux de la guerre. L'ambassadeur d'Angleterre a tenu dans cette circonstance une conduite pleine de violence et d'absurdité. Il s'est porté pendant trois jours de suite au palais du divan, en a forcé l'entrée, et s'est abandonné à des menaces outrageuses contre ce gouvernement. Les deux vaisseaux qu'il a dans le port et les cinq qu'il a aux Dardanelles lui inspiraient cette audace et forcaient les ministres de la Porte à

[1]) Неразобрано.

отпоръ несправедливому нападенію русскихъ и наконецъ-то отомстить за столько разъ оскорбленную національную честь. Громадно одушевленіе, овладѣвшее народомъ, улемами, янычарами. Одно министерство трусливо, холодно и все еще нерѣшительно. Послѣ даннаго мнѣ обѣщанія, о которомъ я имѣлъ честь увѣдомить васъ, Рейсъ-Эфенди возобновилъ переговоры съ англійскимъ посланникомъ объ очищеніи русскими войсками Валахіи, Молдавіи и... Я былъ принужденъ говорить ему сильно, чтобы заставить его принять рѣшеніе, котораго требовали отъ него честь, безопасность государства, религія, въ особенности же воля монарха и націи. Онъ принужденъ былъ уступить такимъ повелительнымъ соображеніямъ, такимъ высшимъ силамъ; но онъ сдѣлалъ это нехотя, и переводъ ноты г. Италинскому, которую онъ самъ составилъ, докажетъ вамъ своею слабостью, что онъ не принадлежитъ къ храброй партіи войны. Англійскій посланникъ держалъ себя при этомъ крайне дерзко и нелѣпо. Онъ три дня сряду ходилъ во дворецъ дивана, насильно растворяя двери, и позволялъ себѣ оскорбительныя угрозы этому правительству. Два корабля, находившіеся у него въ порту, и пять другихъ въ Дарданеллахъ внушали ему эту дерзость и заставляли министровъ Порты терпѣливо выслушивать его брань. Его поведеніе возмутило

écouter patiemment ses invectives. Sa conduite a révolté tous les musulmans et n'a pu rien changer à une détermination vraiment nationale. J'ai opposé à tant d'extravagances une conduite mesurée, mais ferme, et j'ai lieu de croire que cette différence a été sentie par sa hautesse. M. Arbuthnot a, comme à son ordinaire, répandu des nouvelles fausses sur la situation de l'Europe, de l'armée et de l'empire français, d'après une lettre qu'il dit avoir reçue du ministre d'Angleterre à Vienne, m. Adair. Cette lettre, qu'il a successivement envoyée à tous les membres du corps diplomatique, et qui m'a été communiquée par m. l'internonce, porte que la moitié de l'armée française a péri dans les différents combats qui ont eu lieu depuis l'ouverture de la campagne; qu'une dyssenterie affreuse plonge le reste dans les hôpitaux; que le roi de Prusse a refusé la ratification de l'armistice conclu à Charlottenbourg; qu'il a joint ses forces à l'armée russe qui, réunies, vont accabler l'empereur Napoléon; que la position de la France est d'autant plus fâcheuse que le Portugal et l'Espagne s'étant réunis à la coalition contre la France, ces deux puissances vont porter la guerre jusqu'au coeur de l'empire. Il a même ajouté que Paris est en pleine révolte.

J'ai persiflé un peu les nouvelles et le gazetier dans une lettre adressée au drogman de la Porte, et m. le marquis d'Alménara a démenti officiellement tout ce qui a été dit sur l'Espagne avec énergie et loyauté.

всѣхъ мусульманъ, но не могло ничего измѣнить въ истинно національномъ рѣшеніи. Я противопоставилъ этому сумасбродству сдержанное, но твердое поведеніе, и имѣю основаніе думать, что эта разница восчувствована его высочествомъ. По своему обыкновенію, г. Арбэтнотъ распространялъ ложныя вѣсти о положеніи Европы и о французской имперіи и ея арміи, на основаніи одного письма, якобы полученнаго отъ г. Адэра, англійскаго министра въ Вѣнѣ. Въ этомъ письмѣ, которое онъ посылалъ ко всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса и которое передалъ мнѣ г. интернунцій, сказано слѣдующее: половина французской арміи погибла въ разныхъ битвахъ, происходившихъ съ начала кампаніи; остальные лежатъ въ гошпиталяхъ отъ страшной диссентеріи; прусскій король отказался утвердить шарлотенбургское перемиріе; его силы соединились съ русскою арміей, и онѣ сообща задавятъ императора Наполеона; положеніе Франціи тѣмъ печальнѣе, что Португалія и Испанія кристали въ коалиціи противъ Франціи, и эти двѣ державы внесутъ войну въ самое сердце имперіи. Прибавлено даже, что въ Парижѣ бунтъ въ разгарѣ.

Я немножко осмѣялъ эти вѣсти и газетчика въ письмѣ къ драгоману Порты; а маркизъ д'Алменара съ энергіей и честностью опровергъ офиціально все сказанное объ Испаніи.

J'espère que, malgré l'argent que répandent ici l'ambassadeur d'Angleterre et ses satellites, les Morousi, et la crainte qu'impriment les forces navales anglaises dans l'Archipel, je parviendrai dans quelque temps à faire prendre par cette cour des mesures sévères contre la Grande-Bretagne. Si le ministère était aussi musulman que le sont les habitants de la Romélie, on ne souffrirait pas longtemps à Constantinople les bravades anglaises. Mais, excepté les ulémas et les militaires, tout est corrompu à un point dont il est difficile de se faire une idée.

Dix régiments partent demain de cette capitale pour l'armée. Soixante mille hommes, commandés par Passwan-Oglou, Mustapha, Bairactard et Aidine-pacha, sont entrés en Valachie et marchent au-devant des russes. Toute la Turquie Européenne se lève avec un zèle magnanime, et toutes les divisions intestines ont disparu à l'approche de l'ennemi extérieur. Le grand-visir va partir incessamment pour se mettre à la tête des troupes. Ali-pacha montre une grande vigueur en cette circonstance. Le prince des Abases et le pacha d'Erzerum vont attaquer la Géorgie, et, dans toutes les parties de l'empire Ottoman, la haine contre les russes imprime un tel mouvement que le gouvernement lui-même ne pourrait plus l'arrêter. Cependant toutes ces levées, toutes ces marches de troupes se font avec beaucoup de désordre; cette population armée est peu capable de résister aux troupes réglées de l'Europe. Cette

---

Несмотря на деньги, расточаемыя здѣсь англійскимъ посланникомъ и его приспѣшниками, Моруви, несмотря на страхъ, внушаемый англійскими военными силами въ Архипелагѣ, надѣюсь черезъ нѣсколько времени заставить здѣшній дворъ взяться за строгія мѣры противъ Великобританіи. Будь министерство такимъ же мусульманскимъ, какъ жители Румеліи, въ Константинополѣ не стерпѣли бы такъ долго англійскаго бахвальства. Но, за исключеніемъ улемовъ и военныхъ, все здѣсь до того развращено, что трудно себѣ составить понятіе.

Завтра изъ сей столицы отправляются въ армію десять полковъ. Шестьдесятъ тысячъ подъ начальствомъ Пасванъ-Оглу, Мустафы, Байрактара и Эдинъ-паши, вступили въ Валахію и идутъ навстрѣчу русскимъ. Вся Европейская Турція подымается съ единодушнымъ рвеніемъ, и всѣ внутреніе раздоры исчезли при приближеніи внѣшняго врага. Великій визирь отправляется немедленно, чтобы стать во главѣ войскъ. При этомъ Али-паша выказываетъ большое мужество. Абхазскій князь и эрзерумскій паша идутъ на Грузію; и во всѣхъ частяхъ Оттоманской имперіи подымается такое движеніе отъ ненависти къ русскимъ, что само правительство уже не было бы въ силахъ остановить его. Впрочемъ всѣ эти наборы, всѣ эти походы войскъ совершаются въ большомъ безпорядкѣ: это вооруженное населеніе мало спо-

guerre, de la part des turcs ne peut être regardée par la France que comme une diversion utile, et c'est aujourd'hui que l'arrivée de plusieurs officiers français de toute arme est plus que jamais nécessaire en Turquie. J'envoie m. de Coigni, mon beau-frère et mon aide-de-camp, à l'armée du Danube, pour pouvoir vous donner des nouvelles promptes de toutes les opérations militaires, et m. de Lascours va partir pour Erzerum.

L'escadre sera bientôt prête, au nombre de vingt vaisseaux. Que n'ai-je des officiers de génie et d'artillerie pour réparer les châteaux des Dardanelles et du Bosphore, et mettre à couvert, avec des batteries, Constantinople?

L'embargo sur tous les bâtiments russes a été mis hier. M. d'Italinsky s'embarque demain à bord de l'un des vaisseaux anglais. Le prince Suzzo va être nommé hospodar de Valachie. Il a l'inspection sur la Moldavie jusqu'à ce qu'on ait donné un prince à cette province. Je suis dans des rapports très intimes avec le... [1]). Il a toujours montré beaucoup d'attachement à la France, et, dans ce moment, il prend des mesures pleines de vigueur.

[1]) Неразобрано.

собно къ сопротивленію правильнымъ войскамъ Европы. Франція можетъ смотрѣть на эту турецкую войну лишь какъ на полезную диверсію; и теперь-то больше, чѣмъ когда-либо, Турція нуждается въ присылкѣ многихъ французскихъ офицеровъ всякаго оружія. Посылаю моего зятя и адъютанта, г-на де-Куаньи, въ дунайскую армію, чтобы сообщать вамъ быстрыя извѣстія обо всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ; а г. де-Ласкуръ отправляется въ Эрзерумъ.

Скоро изготовится эскадра въ двадцать судовъ. Какъ жаль, что нѣтъ у меня инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, чтобы починить крѣпостцы на Дарданеллахъ и Босфорѣ и прикрыть Константинополь батареями!

Вчера было наложено запрещеніе на всѣ русскія суда. Г. Италинскій садится завтра на одинъ изъ англійскихъ кораблей. Князь Суццо назначается валашскимъ господаремъ. Онъ будетъ надзирать надъ Молдавіей пока не назначатъ туда принца. Я въ очень близкихъ отношеніяхъ къ... Онъ всегда выказывалъ много привязанности къ Франціи, и въ настоящую минуту принимаетъ самыя сильныя мѣры.

14/26 décembre 1806.

P. S. Le reis-effendi vient encore de montrer jusqu'à quel point il appartient aux russes et aux anglais, en livrant cinq... [1]) matelots septinsulaires à ces derniers. Je viens de remettre une note pour cet objet, dont je joins ici copie. Avec un homme qui résiste à tous les conseils, à toutes les insinuations de l'amitié, qui trahit les intérêts et la volonté même de son souverain, on est obligé de sortir des bornes étroites de la modération. Il est vrai que toutes ces menées des anglais tourneront, j'espère, bientôt à leur désavantage. Elles me donnent les moyens de leur faire déclarer la guerre par la sublime Porte. J'ai déjà tout préparé pour cet objet...

15/27 décembre 1806.

2-e P. S. La remise des matelots septinsulaires m'avait causé tant de mécontentement, que, non content d'avoir envoyé la note dont j'ai joint ici la copie, je me suis rendu à la Porte, où j'ai vu le grand-visir et les ministres. Tous, excepté le reis-effendi, m'ont témoigné la plus grande confiance. Le grand-visir m'a dit que sa hautesse me regardait comme un de ses ministres, et qu'il ne savait rien faire sans

[1]) Неразобрано.

14/26 декабря 1806.

P. S. Рейсъ-Эфенди еще разъ показалъ, до чего онъ приверженъ къ русскимъ и англичанамъ: онъ выдалъ послѣднимъ пять... матросовъ республики Семи-Острововъ. Я только-что подалъ ноту по этому поводу, списокъ которой прилагается здѣсь. Поневолѣ выйдешь изъ границъ умѣренности съ человѣкомъ, который не слушаетъ никакихъ совѣтовъ и дружественныхъ внушеній, который предаетъ выгоды и волю даже своего государя. Да, всѣ эти происки англичанъ, надѣюсь, скоро обратятся на ихъ же голову. Они даютъ лишь въ руки средства заставить Высокую Порту объявить имъ войну. У меня уже все готово для этого...

15/27 декабря 1806.

2-е P. S. Выдача матросовъ республики Семи-Острововъ причинила мнѣ столько непріятностей: не довольствуясь нотой, прилагаемой здѣсь въ спискѣ, я отправился въ Порту, гдѣ увидѣлся съ великимъ визиремъ и съ министрами. Всѣ, за исключеніемъ Рейсъ-Эфенди, оказали мнѣ величайшее довѣріе. Великій визирь сказалъ мнѣ, что его высочество считаетъ меня какъ бы од-

que je fusse consulté. Le nombre des matelots embarqués s'est trouvé beaucoup moins grand qu'on ne l'avait dit. Cependant j'ai fait adresser le billet ci-joint par le reis-effendi à l'ambassadeur d'Angleterre.

On m'envoie dans ce moment la lettre du grand-seigneur, et la traduction qui en a été faite par le drogman de la sublime Porte. Je n'ai ni le temps de la faire traduire par m. Ruffin, ni celui de la renvoyer pour y faire mettre l'adresse, ce qui occasionnerait un retard de deux jours.

Votre excellence ne peut se faire une idée des intrigues qui ont lieu à Constantinople, et combien peu on doit compter sur la promesse des ministres, et sur les promesses des turcs, et sur les promesses des grecs. Ceux-même qui nous doivent le plus, entretiennent des liaisons continuelles et secrètes avec les ennemis. Tout ce que la démoralisation la plus complète peut produire, je le vois journellement et continuellement. Je sollicite de Sa Majesté la faveur d'être retiré de ce pays; il me serait impossible d'y rester davantage. J'ai fait tout ce qui dépendait de moi pour le service du mon auguste maître. Je le supplie de m'accorder la récompense de m'envoyer à une armée. J'aimerais mieux servir comme volontaire et sans aucun commandement que de rester ici davantage...

Paris, 144, 34. Подлинникъ.

нимъ изъ своихъ министровъ, и ничего не дѣлаетъ, не посовѣтовавшись со мной. Оказалось, что посаженныхъ на суда матросовъ гораздо меньше, чѣмъ говорили. Тѣмъ не менѣе я заставилъ Рейсъ-Эфенди написать англійскому посланнику прилагаемую записку.

Сію минуту я получилъ письмо султана, а также переводъ, сдѣланный драгоманомъ Высокой Порты. У меня нѣтъ времени, чтобы дать его перевести г. Руффену и чтобы послать его назадъ для прописанія адреса: это причинило бы задержку въ два дня.

Ваше пр-во не можете представить себѣ, каковы интриги въ Константинополѣ, и какъ мало можно полагаться на обѣщанія министровъ-ли, или турокъ и грековъ. Даже тѣ, которые больше всего обязаны намъ, поддерживаютъ постоянныя и тайныя связи съ врагами. Ежедневно и непрерывно вижу я то, что только можетъ произвести полнѣйшее нравственное растлѣніе. Прошу его величество милостиво удалить меня изъ этой страны: мнѣ невозможно оставаться здѣсь долѣе. Я сдѣлалъ все зависѣвшее отъ меня для службы моего августѣйшаго государя. Умоляю его объ одной наградѣ—отправить меня въ какую-нибудь армію. Я готовъ лучше служить добровольцемъ и безъ всякаго начальствованія, чѣмъ оставаться здѣсь долѣе...

№ 157. — Записка Чичагова.

18/30 декабря 1806.

Предъ отбытіемъ в. и. в-ва въ армію 1805 года я имѣлъ счастіе представить на усмотрѣніе ваше мысли мои о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя, на случай разрыва нашего съ Франціею, морскимъ силамъ нашимъ на Средиземномъ морѣ предлежать могли бы, и о соучастіи союзныхъ съ нами державъ. В. в-во, выслушавъ меня, повелѣть соизволили сообщить сіи мысли мои, для разныхъ соображеній съ политическими видами, бывшему товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторижскому, что̀ и было мною исполнено того же года сентября 22 числа. Прежде нежели приступлю я къ приведенію на видъ сущности, какъ оной, первоначальной, такъ и послѣдующей затѣмъ отъ 5 іюля настоящаго года представленной, записокъ моихъ о изысканіи выгоднѣйшаго употребленія морскихъ силъ нашихъ, за нужное поставляю показать здѣсь нынѣшнее состояніе оныхъ на Средиземномъ морѣ.— У насъ теперь находится тамо: 15 кораблей, 6 фрегатовъ, 7 разныхъ меньшихъ судовъ, кромѣ транспортныхъ, и 12 канонирскихъ лодокъ. Сухопутныхъ же войскъ считается нынѣ тамо всего со штабъ- и оберъ-офицерами, также съ музыкантами и нестроевыми, 12,856 человѣкъ; да вслѣдствіе посланныхъ къ генералъ-лейтенанту дюку де-Ришелье и къ адмиралу маркизу де-Траверсе высочайшихъ повелѣній должно вскорѣ отправлено быть туда 3,600 человѣкъ.

Между прочими статьями, въ запискѣ моей 1805 года содержащимися, помѣщено было слѣдующее: „Извѣстно, что англичане, когда и самыя большія морскія силы на Средиземномъ морѣ имѣли, когда одни они боролись противъ всѣхъ предпріятій Франціи и Гишпаніи, блокировали ихъ порты, обороняли Италію и Египетъ, и тогда они столь знатнаго морскаго ополченія на семъ морѣ не могли, или не находили за нужное, имѣть. Убѣдительныя причины имѣемъ мы думать, что Бонапарте заставитъ предпріимчивостію своею Англію перемѣнить планъ военныхъ ея дѣйствій; усильное его напряженіе увеличить и возстановить флотъ, предпринятое имъ повсемѣстное строеніе кораблей и разныя покушенія вывесть ихъ въ море озаботятъ сугубо флотъ англинскій, ибо англичанамъ не довольно уже становится блокировать французскіе и гишпанскіе порты, но въ тоже время принуждены они раздѣлить силы свои на охраненіе собственныхъ береговъ Англіи и всѣхъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта селеній своихъ. Таковыя умноженныя заботы

объ охраненіи себя и своихъ предѣловъ должны безъ сомнѣнія навлечь имъ изнурительныя затрудненія и разорительные убытки. — По симъ уваженіямъ необходимо нужно условиться съ лондонскимъ дворомъ въ приличномъ обѣимъ державамъ раздѣленіи морскихъ дѣйствій, показавъ имъ, что какъ по положенію обоихъ государствъ, такъ и по всѣмъ другимъ отношеніямъ, самое естественное было бы то, чтобы, не ожидая изъ Портсмута подкрѣпленій, когда порты наши прилежатъ, такъ сказать, къ устью Средиземнаго моря и въ состояніи выслать достаточныя силы для всѣхъ встрѣтиться могущихъ надобностей, предоставить флоту нашему въ соединеніи съ турецкимъ дѣйствовать на Средиземномъ морѣ, оставя токмо нѣсколько англинскихъ судовъ у Гибралтара, буде они почтутъ сіе за нужное, а также для дѣйствій противу Гишпаніи, по причинѣ доселѣ существующаго добраго нашего съ симъ государствомъ согласія. Впрочемъ, начиная отъ Сициліи, Сардиніи и Мальты, кои для кораблей обѣихъ державъ пристанищами служить должны, всѣ берега Франціи, Италіи, Адріатическаго моря, Греціи и Египта надлежитъ предоставить огражденію, блокадѣ и нападеніямъ соединенныхъ россійскихъ и турецкихъ силъ". — Далѣе говорю: „Между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сумнѣнія, чтобы сентъ-жемскій кабинетъ, коего намѣренія обыкновенно на одну собственную пользу устремляются, не употребилъ всѣхъ средствъ къ занятію Египта, можно сказать, изъ-подъ ногъ нашихъ.

Кому не извѣстно, что упорное настояніе англичанъ въ удержаніи Мальты не иное что было, какъ первый шагъ къ исполненію давно придуманнаго уже ими плана пріобрѣсть все вліяніе и, можетъ быть, и всю власть надъ народами того края и воспользоваться всѣми прибытками, отъ возстановленія тамъ торговли и укорененія своего владычества произойти могущими?—Не должно-ли ожидать, что за первымъ симъ шагомъ тамъ удержанной (sic), столь для нихъ убыточной, Мальты, въ вознагражденіе сего намѣрены они отворить себѣ путь ко всѣмъ дѣйствіямъ, которыя ближе всѣхъ должны бы намъ принадлежать, и кои всегда входили въ политическую систему тѣхъ изъ государей нашихъ, кои дальновидностію своею всѣ пользы и благо государства обнимали?— Не ясно-ли представляется, что утвердяся въ Мальтѣ, постараются они утвердить себя на Средиземномъ морѣ и потомъ почтутъ себя вправѣ распространить вліяніе свое и на окрестныя владѣнія? — Первая цѣль ихъ будетъ взять подъ защиту свою Египетъ, а тѣмъ усугубить вліяніе свое на турокъ, потомъ грековъ, и на весь тотъ край. Отсюда пойдутъ они далѣе обезпечивать себя въ завладѣніи восточной торговли, которая одна могла противовѣсить той, которую они уже исключительно себѣ

присвоили. Чувствуя, что по мѣрѣ распространенія своего нужно имъ увеличить способы свои, помышляютъ они непрестанно о пріобрѣтеніи оныхъ. Они намѣревались даже утвердиться, подъ именемъ колоній, на черноморскихъ берегахъ нашихъ; подъ предлогомъ вывоза соленаго мяса, присылали туда своихъ мясосоловъ; но могъ-ли нуженъ быть для произведенія сего въ дѣйство человѣкъ, каковъ Итонъ, который не въ первый уже разъ объѣзжалъ сіи страны и Турцію и въ наблюденіяхъ своихъ о всѣхъ тамошнихъ отношеніяхъ давалъ отчетъ своему государству?—Они знаютъ, что край сей со всеобщею торговлею представляетъ непочатые способы къ содержанію обширнаго флота. Конечно, имѣютъ англичане сіе въ виду и хотятъ у насъ изъ рукъ вырвать сіи выгоды. Сіе предполагать должно по правиламъ обыкновенной англійской политики, которая, не щадя никого, кромѣ себя, ослѣпляетъ другихъ деньгами, сберегаетъ драгоцѣннѣйшее свое сокровище — людей, проливаетъ кровь союзниковъ, шествуетъ всегда скорыми шагами къ источникамъ обогащенія и пополняетъ оными временныя свои издержки".

Въ соображеніи всѣхъ таковыхъ умышленій англинскаго правительства писалъ я въ первой моей запискѣ, „что расположеніе наше способствовать и раздѣлить съ ними дѣйствія, подъ видомъ происходящаго для нихъ отъ того облегченія, должно намъ представляться не иначе, какъ, чтобы отклоня всякое вліяніе Англіи на дѣйствія въ Средиземномъ морѣ, удержать распоряженіе оныхъ преимущественно въ нашей власти, и что съ таковымъ положеніемъ дѣлъ Россія могла бы играть въ той странѣ достойную ея роль, и флотъ нашъ сдѣлалъ бы знаменитый шагъ къ восхожденію на ту степень, которую Великій основатель онаго предначерталъ, и на которую Великая Екатерина въ концѣ царствованія своего возвести его намѣревалась, но не предуспѣла".

Въ запискѣ же нынѣшняго года отъ 5 іюля между прочимъ приводилъ я на видъ: „что буде турки не изъявятъ рѣшительнаго согласія на переходъ кораблей нашихъ изъ Средиземнаго въ Черное море, то, почитая прекословіе ихъ нарушеніемъ трактата, принять оное за объявленіе войны; и на таковой случай необходимо нужно отправить отсюда немедленно 7 кораблей и столько же меньшихъ судовъ, какъ для того, чтобы заставить турокъ выслать въ Архипелагъ знатныя морскія силы и тѣмъ уменьшить опасности, въ коихъ черноморскій флотъ находиться можетъ, такъ и для того, чтобъ извлечь съ тѣмъ вмѣстѣ морскія наши силы изъ теперешняго разсѣяннаго по тремъ морямъ, и слѣдственно крайне разслабленнаго, состоянія. Іоническая эскадра, по соединеніи съ нею сего отряда, состоя изъ 16 кораблей, 8 фрегатовъ и

11 меньшихъ судовъ, кромѣ транспортовъ, будетъ совершенно достаточна не только для оборонительныхъ дѣйствій противу всѣхъ могущихъ соединиться тамъ къ одолѣнію ея державъ, но и для разновидныхъ предпріятій, какими только воспользоваться можно тамъ будетъ.

Собранная во-едино, главнѣйшая морская сила наша поставится въ ту степень могущества, въ которой успѣхъ и польза дѣйствій ея сдѣлаться могутъ ощутительными. Дѣлая нападенія не токмо на всѣ могущія появляться на Адріатическомъ и Іоническомъ моряхъ и въ Архипелагѣ суда, но и на самые берега, въ турецкихъ и другихъ непріязненныхъ намъ державъ владѣніяхъ состоящія, будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ получать разные способы къ своему продовольствію.

Вся та сумма, которую получаютъ турки, по вассальству своему, отъ Іонической республики, обратиться можетъ въ нѣкоторое пособіе къ содержанію эскадры и войскъ нашихъ. Въ Превезѣ, Бутринтѣ и другихъ приморскихъ мѣстахъ сего берега, гдѣ жители по единовѣрію съ нами, уповательно, не будутъ дѣлать большого сопротивленія, могутъ получаемы быть разныя для содержанія флота потребности. А если мы заблаговременно успѣемъ занять всю восточную часть Средиземнаго моря, тогда, можетъ быть, и изъ Египта не малыя для насъ пользы послѣдуютъ".

Еслибы предположенія сіи приняли тогда дѣйствіе свое, то конечно англинское правительство до тѣхъ поръ, пока къ уваженію оныхъ долженствовало побуждаться собственною пользою, не покусилось бы распространять дѣйствій своихъ на Средиземномъ морѣ далѣе водъ, омывающихъ западные берега Италіи. Но изъ сообщенныхъ мнѣ, по высочайшей в. и. в-ва волѣ, послѣднихъ изъ Лондона свѣдѣній открывается болѣе, нежели событіе всего того, чего я, по мѣрѣ желанія чести и пользы государственной, столько опасался. — Англичане не только участіе въ морскихъ дѣйствіяхъ, отъ которыхъ устранять ихъ надлежало, пріемлютъ, но и самовластно взяли на себя главное распоряженіе войною, еслибы оная между нами и турками возникнуть могла. Они симъ похищаютъ у насъ тотъ единственный случай, въ которомъ мы могли бы съ преимуществомъ дѣйствовать и отъ успѣховъ ожидать для себя пользы и славы; ибо сей непріятель намъ довольно извѣстенъ, коего сила и способы подлежатъ нашему измѣренію. Случай сей, можно сказать, былъ бы первый, въ которомъ мы не служили бы орудіемъ въ чужой токмо пользѣ, но собственно себѣ ожидать могли выгодъ, которыя и для будущаго времени, если необходимость заставитъ насъ продолжать войну, важнымъ были бы намъ подкрѣпленіемъ.

Если мы допустимъ англичанъ перводѣйствовать, то не говоря уже о безславіи, черезъ сіе въ глазахъ всего свѣта произойти для насъ долженствующемъ, не говоря о убійственномъ вредѣ, который произойдетъ для воительнаго духа россійскихъ мореходцевъ, неразлучны будутъ съ тѣмъ весьма многія превеликой для насъ важности потери, а для нихъ пользы и пріобрѣтенія.

Никто не можетъ ни болѣе меня отдавать справедливости, ни болѣе прельщаться истинными достоинствами и рѣдкими качествами сего народа, котораго не мнимое токмо, но на самомъ опытѣ доказанное величіе непоколебимымъ останется на прочнѣйшемъ изъ всѣхъ основаніи мудрости правительства, твердости общественной связи и происшедшаго отъ того духа патріотическаго; но при всемъ томъ нельзя не признать, что, гордясь преимуществами своими, дозволяютъ они себѣ дѣлать разсчеты, сколько для собственныхъ ихъ выгодъ безошибочные, столько неумѣренные и даже иногда насильственные для другихъ.

Нынѣ они тѣмъ охотнѣе представляютъ готовность свою раздѣлять съ нами трудности войны, подъ видомъ якобы желаютъ оказать намъ, какъ союзникамъ, услугу свою, что въ самой вещи ласкаются и достигнутъ той цѣли, о которой выше упоминается, извлекая въ самомъ уже началѣ великія выгоды, и именно:

1-е. Чтобы для продолженія войны и содержанія флота воспользоваться всѣми наилучшими произведеніями и сокровищами богатаго сего края; изъ Египта, Греціи и Архипелага конечно все польется къ нимъ.

2-е. Дабы въ случаѣ завоеваній получить право къ завладѣнію лучшими и выгоднѣйшими мѣстами: лучшіе порты, лучшіе лѣса навѣрно достанутся имъ въ добычу.

3-е. Чтобы на самый флотъ турецкій, въ случаѣ успѣха, пріобрѣсть неоспоримое и первое право; а мы, какъ помощники ихъ, сыграемъ опять, вмѣсто первой, послѣднюю роль, получивъ отъ щедрости ихъ нѣкоторую, можетъ быть, въ утѣшеніе свое часть.

Пріемлемое англичанами въ войнѣ нашей съ турками участіе и упрежденіе съ ихъ стороны въ мѣрахъ, которыя единственно отъ соображенія нашего кабинета зависѣть должны, явно содержитъ въ себѣ начало властолюбивыхъ ихъ видовъ и вмѣстѣ обнаруживаетъ невыгодное мнѣніе ихъ, какъ о правительствѣ, такъ и о флотѣ нашемъ, и потому должно возбудить справедливое негодованіе вашего величества.

Въ надеждѣ, что предпринятая ими мѣра съ нашей стороны отклонена будетъ, я долгомъ почелъ заняться изложеніемъ плана для тѣхъ дѣйствій, которыя нами, вслѣдствіе разрыва съ турками, предначаты

быть могутъ. Предварительнѣе же всего, такъ какъ вопросъ, въ союзѣ ли, въ мирѣ, или въ войнѣ мы съ ними находимся, черезъ поступокъ англинскаго правительства разрѣшается и показываетъ, что мы уже военнымъ образомъ противу нихъ дѣйствовать начинаемъ, я бы думалъ поступить слѣдующимъ образомъ:

Изъ числа состоящихъ подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина 15 кораблей, 6 фрегатовъ и 7 меньшихъ военныхъ судовъ предоставить ему отрядить достаточное число къ Дарданелламъ, также и къ Египту послать часть, оставя въ Адріатическомъ морѣ, сколько потребно будетъ, и между всѣми сими мѣстами установить крейсерство и удобнѣйшія сношенія по всему Архипелагу.

Если за таковымъ распредѣленіемъ морскихъ силъ нашихъ для дѣйствій со стороны Средиземнаго моря окажется впредь, что для усиленія какой-либо части нужна будетъ прибавка въ судахъ, тогда можно будетъ просить объ оной англичанъ, о чемъ предварительно и снестись съ ними, дабы, въ случаѣ требованія вице-адмирала Сенявина, оное удовлетворено было.

Сенявину же предоставить можно и дѣйствія десантными войсками до времени, пока о главнѣйшей цѣли войны отсюда доставлены будутъ къ нему наставленія.

Со стороны же Чернаго моря, предписать тамошнему командиру, чтобы, коль скоро дозволитъ время и возможность, отправилъ къ Константинополю 5 кораблей и 2 фрегата, для наблюденія за движеніемъ турецкаго флота и воспрепятствованія оному выйти изъ гавани.

Когда на семъ основаніи война поведется настоящимъ своимъ порядкомъ, то можно надѣяться, что въ скоромъ времени удостоимся мы выгоднѣйшаго о себѣ отъ сихъ первыхъ мореходцевъ мнѣнія.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 59. Подлинникъ.

№ 158. Примѣчанія Будберга на записку Чичагова.

Декабрь 1806.

Согласно съ высочайшею в. и. в-ва волею, разсматривалъ я записку, поданную в. в-ву отъ г. вице-адмирала Чичагова, относительно употребленія морскихъ нашихъ силъ при настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ съ Портою Оттоманскою и на случай открытія войны съ сею державою. Въ оной предполагается, что Англія, во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ дѣйствующая къ единственной и нераздѣльной своей пользѣ,

коль скоро будетъ участницею въ ополченіяхъ нашихъ противу Порты, то въ оныхъ не оставитъ присвоить себѣ первую ролю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всю славу и всѣ выгоды, которыя ополченіями сими будутъ пріобрѣтаться; что потому слава Россіи и польза ея требуютъ, чтобы не допускать Англію къ таковому соучастію, но дѣйствовать намъ однимъ какъ въ Адріатическомъ морѣ, такъ въ Архипелагѣ и Дарданеллахъ и у береговъ Египта; и что эскадра, состоящая подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина, будетъ для того достаточна. Я долгомъ своимъ поставляю изложить на то слѣдующія мои замѣчанія.

Главныя дѣйствія помянутыя эскадры до сей поры ограничивались защищеніемъ только Катаро и блокадою береговъ Далмаціи; кажется даже, что вице-адмиралъ Сенявинъ не могъ, не ослабя себя, отдѣлить нѣкоторую часть сей эскадры ни для блокированія восточныхъ береговъ Италіи, ни для защищенія острововъ Занта и Цефалоніи, когда предполагалась опасность, чтобы Порта не учинила на оные нападенія. По соединеніи съ комодоромъ Игнатьевымъ, эскадра сія и будетъ хотя усилена, но на случай разрыва съ Портою, и когда конечно употребитъ она противъ насъ всѣ свои морскія силы, не знаемъ еще мы въ чемъ состоять будутъ тѣ, которыя противупоставитъ она намъ въ Средиземномъ и въ Адріатическомъ моряхъ, и въ такомъ случаѣ эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина, получивъ сіе новое подкрѣпленіе, до такой-ли степени будетъ тѣмъ усилена, чтобы, занимая тѣ же мѣста, которыя и нынѣ она занимаетъ, въ то же время могла сильно и съ вѣрною надеждою успѣха дѣйствовать противу многочисленныхъ турецкихъ силъ, блокировать восточные берега Италіи и берега Египта? Въ той же запискѣ сказано, что ежели бы впредь оказалось, что для усиленія какой-либо части нужна намъ будетъ прибавка въ судахъ, то объ оной можно будетъ просить Англію. Но когда оскорбимъ уже мы державу сію, отринувъ содѣйствіе ее при самомъ началѣ ополченія, то невѣроятно кажется, чтобы тогда согласилась она подкрѣплять насъ. Тогда должны мы будемъ заимствовать сіе подкрѣпленіе или изъ Чернаго моря, но тѣмъ обезсилили бы мы тамошній флотъ и подвергнули бы опасности тамошніе наши порты; или принуждены будемъ послать еще новую эскадру изъ балтійскихъ портовъ; но еще важнѣйшіе интересы наши требуютъ, чтобъ не ослаблять способовъ нашихъ въ семъ краѣ, и съ достоинствомъ Россіи конечно несовмѣстно было бы оставить черезъ то Балтійское море, такъ сказать, на произволъ другихъ державъ, коихъ владѣнія къ оному прилегаютъ. По симъ уваженіямъ полагаю я, что въ Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ

содѣйствія Англіи отвергать намъ не должно. Но нахожу нужнымъ, чтобы сдѣланы были домогательства у аглинскаго министерства, дабы, на случай разрыва съ Портою, аглинскія суда, которыя для содѣйствія съ нами отряжены будутъ, и командующіе оными судами состояли подъ начальствомъ начальника нашей эскадры, представивъ мѣру сію потому необходимою, чтобы сей начальникъ могъ соображать и располагать дѣйствія морскихъ силъ съ дѣйствіями армій, которыя противу Порты употреблены будутъ. Таковымъ средствомъ, съ одной стороны, усилены будутъ способы ополченія нашего, съ другой же — отдалится всякой произвольный упрекъ, чтобы морскія наши силы употреблены тамъ были несогласно съ достоинствомъ Россіи.

При семъ случаѣ не могу я такъ же не представить в. и. в-ву, что ежели Порта до сей поры еще воздержалась принять противъ насъ рѣшительныя мѣры, тому конечно причиною была боязнь ея присутствія аглинскаго флота; и ежели, въ настоящемъ положеніи дѣлъ и связей державы сей съ Франціею, избѣгнемъ мы разрыва съ нею, то и сіе должно отнести частію тому же сильному содѣйствію Англіи.

Представляя на высочайшее в. и. в-ва усмотрѣніе сіи мои мысли, подношу у сего и записку, товарищемъ министра морскихъ силъ в. в-ву поданную.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 59. Подлинникъ.

№ 159. Докладъ Будберга.

30 декабря 1806 (11 января 1807).

Въ послѣдній докладъ имѣлъ я счастіе представить в. и. в-ву мнѣніе мое по запискѣ г. вице-адмирала Чичагова относительно употребленія морскихъ нашихъ силъ, на случай разрыва съ Портою. Осмѣливаюсь испросить высочайшей воли, не благоугодно-ли будетъ приказать, на основаніи того мнѣнія моего, дать предписанія миссіи нашей въ Лондонѣ и въ тоже время объясниться съ находящимся здѣсь аглинскимъ министромъ, или же неблагоугодно-ли будетъ снабдить какими повелѣніями касательно сего предмета товарища министра морскихъ силъ.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 60. Подлинникъ.

№ 160. — Докладъ Будберга.

Vers la fin de 1806.

Les derniers rapports de m. d'Italinsky viennent de confirmer la nouvelle que la Porte, en cédant aux justes réclamations de V. M. I. relativement à la déposition arbitraire des hospodars, les a réinstallés dans leurs postes.

Avant l'entrée de ces rapports Votre Majesté avait donné ordre à son armée du Dniester d'entrer en Moldavie. Cette détermination a dû paraître suffisamment motivée par le retard considérable qu'éprouvait le retour du courrier expédié d'ici le 26 août pour Constantinople, ainsi que par les avis qui nous parvenaient de Moldavie et de nos frontières et qui tous ne parlaient que de rassemblements de troupes et d'autres préparatifs de guerre qui ne pouvaient être dirigés que contre la Russie.

Il s'agit actuellement de discuter si la rétractation de la Porte dans l'affaire des hospodars est un acte suffisamment rassurant pour engager V. M. I. à révoquer dès à présent la mesure qu'elle avait prise dans sa haute sagesse et qui doit être effectuer à l'heure qu'il est par l'entrée de ses troupes en Moldavie.

Avant d'énoncer mon opinion sur un objet de cette importance, je prendrai la liberté d'exposer ici quelques réflexions sur la nature de

---

Въ концѣ 1806.

Послѣднія донесенія г. Италинскаго подтверждаютъ извѣстіе, что Порта, уступая справедливымъ требованіямъ в. и. в-ва относительно произвольнаго низложенія господарей, возстановила ихъ на ихъ мѣстахъ.

Еще до полученія этихъ донесеній в. и. в-во отдали приказаніе вашей днѣстровской арміи вступить въ Молдавію. Должно было казаться, что это рѣшеніе достаточно объяснялось значительно запоздавшимъ возвращеніемъ курьера, отправляемаго отсюда 26 августа въ Константинополь, а также вѣстями, приходившими изъ Молдавіи и съ нашихъ границъ, въ которыхъ только и было рѣчи, что о собираніи войскъ и о другихъ военныхъ приготовленіяхъ, которыя могли быть направлены только противъ Россіи.

Въ настоящую минуту нужно разсмотрѣть, представляетъ-ли оправданіе Порты по дѣлу господарей достаточное ручательство, чтобы побудить в. и. в-во отклонить теперь мѣру, принятую вами въ вашей мудрости,—мѣру, которая въ эту минуту, вѣроятно, уже приведена въ исполненіе вступленіемъ вашихъ войскъ въ Молдавію.

Прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе о предметѣ такой важности, беру

nos relations avec la Porte et sur ce que nous avons à en attendre d'après telle résolution que V. M. I. jugera à propos de prendre dans la circonstance actuelle.

L'état de désorganisation et de dépérissement graduel où se trouve l'empire Ottoman est tel, que chaque jour, pour ainsi dire, peut amener la dissolution totale de ce vaste corps délabré. Une conséquence immédiate de cette triste situation, c'est que la Porte, en réunissant tous ses soins à conserver les faibles débris de son existence politique et ne pouvant, pour y réussir, se passer d'un appui étranger, doit nécessairement céder à l'influence exclusive de telle puissance qui saura s'emparer d'elle, et par une suite de la même conséquence cette puissance sera toujours celle qui lui inspirera le plus de crainte. Jusqu'à la cession de la Dalmatie aux français, la Russie jouissait sans partage de cette prérogative, et l'Europe entière est témoin de la loyauté et de la modération avec lesquelles la cour impériale a soutenu l'empire Ottoman dans un temps, où il n'aurait dépendu que d'elle d'en démembrer telle partie qui eût été à sa convenance. Mais depuis que la paix de Présbourg a rendu les possessions françaises contigües à celles de la Turquie, il était à prévoir que la Porte, dans l'espoir d'écarter les dangers dont la menaçait ce voisinage, et comptant toujours sur la modération et peut-être même sur l'impassibilité de la Russie, n'hésiterait

---

смѣлость изложить здѣсь нѣкоторыя соображенія о свойствѣ нашихъ отношеній къ Портѣ и о томъ, чего намъ ожидать отъ нихъ послѣ рѣшенія, которое в. и. в-во сочтете умѣстнымъ принять въ настоящемъ случаѣ.

Оттоманская имперія находится въ состояніи такого разложенія и постепеннаго упадка, что, такъ сказать, каждый день можетъ привести съ собой окончательное распаденіе этого огромнаго изветшавшаго тѣла. Неизбѣжное послѣдствіе такого печальнаго положенія состоитъ въ томъ, что Порта, сосредоточивая свои заботы на сохраненіи слабыхъ обломковъ своего политическаго существованія и не будучи въ состояніи обойтись безъ иностранной опоры, должна по необходимости подпасть исключительному вліянію той державы, которая съумѣетъ овладѣть ею; и въ силу того же послѣдствія этою державой всегда будетъ та, которая внушитъ ей наиболѣе страха. До уступки Далмаціи французамъ Россія безраздѣльно пользовалась этимъ преимуществомъ; и вся Европа—свидѣтельница честности и умѣренности, съ которыми императорскій дворъ поддерживалъ Оттоманскую имперію въ ту пору, когда только отъ него зависѣло отрѣзать отъ нея какую угодно часть. Но когда французскія владѣнія стали, по пресбургскому миру, граничить съ владѣніями Турціи, нужно было предвидѣть, что Порта не задумается броситься въ объятія Франціи, какъ только сочтетъ возможнымъ сдѣлать это безнаказанно: ее будутъ побуж-

pas de se jeter entre les bras de la France dès qu'elle croirait pouvoir le faire impunément. Dès lors il était à présumer que notre influence à Constantinople diminuerait en proportion de ce qu'augmenterait celle des français; et la Russie devait se préparer dès ce moment à soutenir par d'autres moyens une prépondérence devenue de nécessité absolue pour sa gloire, comme pour sa propre sûreté; sa gloire y est intéressée par ce qu'il serait indigne que la Turquie s'avisât d'enfreindre ouvertement les engagements les plus solennels; sa sûreté n'admet pas que le divan soit en même temps influencé par la Russie et par la France et exige par conséquent impérieusement que les turcs soient décidément ou pour, ou contre nous.

Dans des temps plus heureux et moins extraordinaires la réinstallation des hospodars serait sans doute une satifaction éclatante dont la Russie aurait tout lieu d'être satisfaite. Mais aujourd'hui que le système permanent de désorganisation et d'empiètements que professe la France, doit prescrire des mesures de précaution analogues à tout gouvernement régulier, jaloux de conserver ses droits et son indépendance, il ne s'agit plus pour la Russie de faits isolés, si elle veut préserver ses provinces méridionales des effets malfaisants de l'animosité des français réunis aux turcs, dont la malveillance à notre égard n'est pas moins constatée. Ce n'est donc plus d'un acte détaché de justice de la part du divan

---

дать къ этому и надежда устранить опасности французскаго сосѣдства, и разсчеты на умѣренность, быть можетъ, даже равнодушіе Россіи. Съ тѣхъ поръ нужно было думать, что наше вліяніе въ Константинополѣ станетъ падать по мѣрѣ возрастанія французскаго вліянія. И Россіи слѣдовало съ той минуты готовиться поддерживать иными мѣрами тотъ перевѣсъ, который сталъ рѣшительною необходимостью какъ для ея славы, такъ и для самой ея безопасности. Ея слава затрогивается здѣсь тѣмъ, что было бы недостойно ея, еслибы Турція дерзала открыто нарушать самыя священныя обязательства. А ея безопасность не допускаетъ, чтобы диванъ въ одно и тоже время подчинялся и Россіи, и Франціи: стало быть она повелительно требуетъ, чтобы турки рѣшительно стали или за насъ, или противъ насъ.

Въ болѣе счастливыя и не столь чрезвычайныя времена возстановленіе господарей было бы безъ сомнѣнія блестящимъ удовлетвореніемъ, совершенно достаточнымъ для Россіи. Но теперь, когда проповѣдуемая Франціей система разрушенія и захватовъ предписываетъ всякому правильному правительству, ревнивому къ сохраненію своихъ правъ и своей независимости, принимать мѣры предосторожности, Россія не можетъ довольствоваться отдѣльными фактами, если только она желаетъ уберечь свои южныя провинціи отъ пагубнаго вліянія французской вражды, слитой съ турецкимъ зложелатель-

que la Russie peut se contenter dans les circonstances actuelles; bien loin de suffir pour remettre les choses sur l'ancien pied, cette mesure lui a peut-être été dictée par les français même dans le dessein de gagner du temps et de pouvoir ensuite faire agir la Porte contre la Russie avec d'autant plus d'avantage qu'ils auront tout préparé à leur gré. D'ailleurs le divan n'ayant pas assez de fermeté pour se maintenir neutre entre la Russie et la France, si même il pouvait en avoir la volonté, il ne pourra à la longue se dispenser de prendre fait et cause pour l'une de ces puissances; et si notre traité d'alliance avec la Porte devrait nous assurer la préférence que nous sommes en droit d'exiger, notre intérêt bien avéré nous commande en même temps de ne rien négliger afin d'être parfaitement sûrs du côté de la Turquie dans un moment, où les affaires générales de l'Europe réclament plus que jamais toute l'attention de la cour de Russie.

En résumant l'exposé qui vient d'être fait, il paraît évident que, tant que l'ambassadeur de Bonaparte jouera un rôle prépondérant à Constantinople, nous ne pourrons jamais nous fier aux turcs; l'exécution de nos traités de leur part ne cessera d'être précaire, et nous risquerons d'être attaqués par eux au moment, où l'on s'y attendra le moins.

ствомъ, которое не менѣе доказано по отношенію къ намъ. Итакъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ Россіи мало отдѣльнаго акта справедливости со стороны дивана. Эта мѣра далеко недостаточна, чтобы повернуть дѣло на старый путь: быть можетъ, она даже внушена дивану самими французами съ тѣмъ, чтобы выиграть время и заставить потомъ Порту выступить противъ Россіи съ особеннымъ успѣхомъ, такъ какъ они все приготовятъ для этого по своему произволу. Сверхъ того, такъ какъ у дивана нѣтъ достаточно твердости, чтобы держаться нейтрально между Россіей и Франціей, еслибы даже онъ хотѣлъ этого, то въ концѣ-концовъ ему придется стать за одну изъ этихъ державъ. И еслибы даже союзный договоръ съ Портой доставилъ намъ преимущество, котораго мы въ-правѣ требовать, то несомнѣнная выгода повелѣваетъ намъ все-таки не пренебрегать ничѣмъ, чтобы быть въ совершенной безопасности со стороны Турціи въ ту минуту, когда общія дѣла Европы потребуютъ болѣе, чѣмъ когда-либо, всего вниманія русскаго двора.

Изъ вышесказаннаго, кажется, вытекаетъ съ очевидностью, что мы отнюдь не можемъ довѣрять туркамъ, пока посланникъ Бонапарта будетъ играть первенствующую роль въ Константинополѣ. Исполненіе нашихъ договоровъ будетъ вѣчно ненадежно съ ихъ стороны; и мы подвергаемся опасности подвергнуться ихъ нападенію, когда менѣе всего будемъ ожидать его.

Pour prévenir de pareils résultats et pour nous assurer tous les avantages que nous offre notre position actuelle vis-à-vis de la Turquie, je serais d'avis:

De ne rien changer aux ordres du 16 et du 23 octobre adressés au général de Michelson jusqu'à la réception des rapports ultérieurs annoncés par m. d'Italinsky, pour pouvoir juger avec plus de précision jusqu'à quel point nous pourrons compter sur les dispositions et la sincérité du ministère Ottoman.

Si ces nouvelles sont de nature à pouvoir être envisagées comme une garantie suffisante de la stricte exécution des traités par les turcs, d'ordonner alors au général Michelson de faire halte là, où il se trouve. La Porte serait incessamment instruite de cette détermination; mais on lui ferait connaître aussi, que comme nous ne saurions nous désister sur aucune des prétentions que nous avons le droit de former à sa charge en vertu de nos traités, l'armée de S. M. I. ne quittera la Moldavie que lorsque nous aurons obtenu une pleine et entière satisfaction sur tous nos griefs; on lui ferait sentir en même temps, que comme Bonaparte ne laissera probablement pas de profiter de l'occasion que lui offre la réintégration des hospodars qui avaient été déstitués d'après sa volonté, pour tomber sur les états ottomans limitrophes de la Dalmatie, l'armée russe serait là tout à propos pour repousser une pareille invasion;

По мнѣ, нужно принять слѣдующія мѣры, чтобы предупредить подобныя послѣдствія и обезпечить за собой всѣ выгоды, которыя предоставляетъ намъ наше нынѣшнее положеніе относительно Турціи.

Ничего не измѣнять въ приказахъ генералу Михельсону отъ 16 и 23 октября до полученія обѣщанныхъ г. Италинскимъ новыхъ донесеній, чтобы вѣрнѣе судить, насколько мы можемъ разсчитывать на расположеніе и искренность оттоманскаго министерства.

Если эти извѣстія будутъ таковы, что ихъ можно будетъ принять за достаточное обезпеченіе строгаго исполненія договоровъ со стороны турокъ, то приказать генералу Михельсону остановиться тамъ, гдѣ онъ находится. Немедленно увѣдомить Порту объ этомъ рѣшеніи. Но дать знать ей, что такъ какъ мы не можемъ отступиться ни отъ одного изъ требованій, на которыя имѣемъ право по нашимъ договорамъ, то армія е. и. в-ва не покинетъ Молдавіи до тѣхъ поръ, пока не получится полное удовлетвореніе всѣхъ нашихъ жалобъ. Въ то же время дать ей понять, что такъ какъ Бонапартъ не упуститъ такого случая, какъ возстановленіе господарей, низложенныхъ по его винѣ, чтобы броситься на сопредѣльныя съ Далмаціей оттоманскія владѣнія, то русская армія тамъ будетъ весьма кстати для отраженія подобнаго нападенія. Наконецъ, представивъ Портѣ, что ея существованіе шатко, пока фран-

enfin après avoir représenté à la Porte que son existence ne pourra être que précaire tant que les français seront en Dalmatie, on tâchera de l'engager à agir de concert avec nous pour les en expulser.

Des demandes de ce genre de notre part appuyées par la position de l'armée russe en Moldavie, quoique dans une attitude non hostile, ne manqueraient probablement pas d'amener une rupture entre la Porte et la France, ou du moins une interruption totale de toute relation entre ces deux puissances; ce dont les résultats ne pourraient qu'être avantageux pour nous, puisqu'ils replaceraient la Porte sous notre influence exclusive, nous ôteraient ainsi toute appréhension de ce côté en éloignant le théâtre des évènements de nos frontières, et nous faciliteraient en même temps les moyens de cultiver et de fortifier les dispositions favorables que les peuples chrétiens de la Turquie et particulièrement les serviens (nation brave et nombreuse, qui pourra nous être de la plus grande utilité, si on juge à propos de les soutenir par des armes et de l'argent; mais qui aussi pourra nous devenir très redoutable, si on la met dans le cas de s'abandonner aux français), que ces peuples, dis-je, ne cessent de nous témoigner.

Tels seraient les avantages du plan proposé sous le rapport de nos relations avec la Porte. Quant à l'influence que l'exécution de ce plan pourra avoir sur les affaires générales, il serait difficile dans ce moment de rien préciser à cet égard; mais il semble qu'en suscitant des embarras

---

цузы находятся въ Далмаціи, нужно постараться заставить ее дѣйствовать заодно съ нами, чтобы выгнать ихъ оттуда.

Подобныя требованія съ нашей стороны, опирающіяся на русскую армію въ Молдавіи, хотя и сохраняющую невраждебное положеніе, вѣроятно, приведутъ къ разрыву между Портой и Франціей или по крайней мѣрѣ къ перерыву всякихъ сношеній между этими двумя державами. А отсюда непремѣнно вытекли бы выгодныя для насъ послѣдствія: Порта перешла бы подъ наше исключительное вліяніе; съ удаленіемъ театра событій отъ нашихъ границъ мы освободились бы отъ страха съ этой стороны; въ то же время облегчилась бы наша задача—поддерживать и укрѣплять постоянное благорасположеніе турецкихъ христіанъ и въ особенности сербовъ, этого храбраго и многочисленнаго народа, который могъ быть намъ очень полезенъ, еслибы поддержать его оружіемъ и деньгами, но можетъ стать и очень опаснымъ, если будетъ принужденъ отдаться французамъ.

Таковы выгоды предлагаемаго плана касательно нашихъ сношеній съ Портой. Что же касается дѣйствія, которое можетъ произвести исполненіе этого плана на общія дѣла, объ этомъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное въ настоящую минуту. Не должно думать, что если Бонапартъ будетъ встрѣ-

à Bonaparte sur le plus de points que possible, ses forces en seront nécessairement plus partagées, et ceci ne peut tourner qu'à l'avantage commun des puissances alliées.

Pétersbourg. Ministère, 1806, 49. Подлинникъ.

чать препятствія по возможности со всѣхъ сторонъ, то его силы неизбѣжно разобьются; а это можетъ только послужить на общую пользу союзныхъ державъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Адэръ: Пера, 117; Вѣна, 378; положеніе Европы, 475.
Актонъ: Алькье, 17.
Александръ I, императоръ: мирные переговоры, 105, 109; Италія, 138; Австрія, 139, 140.
Али-паша: консулъ Флори, 468.
Алонеусъ: европейскій миръ, 77; Новосильцовъ, 94; Пруссія, 123, 124, 152; мирные переговоры, 125, 126, 128, 131; Гарденбергъ, 127, 129, 342, 358; Померанія, 130; инструкція, 149; Меттернихъ, 310, 311; Штакельбергъ, 368.
Алькье: характеръ, 17; королева, 18; Вернэгъ, 29.
Альменара: Испанія, 475.
Амвросій: Разумовскій, 1; сербскій епископъ, 2.
Ангьенскій, герцогъ: Бонапартъ, 22; злодѣйство, 205.
Анреп: Неаполь, 107.
Антрэгъ: писатели, 332.
Арбетнотъ: положеніе Европы, 475.
Аркинтейнъ: Разумовскій, 381.

Баба-ханъ: Циціановъ, 152.
Бакъ: Убри, 472.
Барра: Бурбонскій домъ, 13.
Барроцци: Верона, 173, 174.
Башичъ: Фьуме, 187, 190.
Байрактаръ: Валахія, 476.
Бельгардъ: Массена, 186.
Бентинкгенъ: движеніе войскъ, 173; Пруссія, 213, 320; Австрія, 279, 287.
Бечтамъ: подарки, 146.
Беррійскій, герцогъ: Вернэгъ, 29, 33.
Бертье: Жюно, 426; Вѣна, 441.
Бетманъ: Франкфуртъ, 353; Убри, 384, 385.
Биссингенъ: Верона, 175; Вернэгъ, 185, 186; Шепелевъ, 189; Венеція, 195; Франція, 197.
Богарне: Италія, 42.
Боголюбовъ: Синявинъ, 366.
Болкуновъ: Порта, 275; Сербія, 277; князь Ипсиланти, 329.
Бонапартъ, Жеромъ: французскій флотъ, 465.
Бонапартъ, Іосифъ: Италія, 14.
Бонапартъ, Люсьенъ: Италія, 42.
Бонапартъ, Наполеонъ: Вернэгъ, 7, 31, 35; Россія, 9, 10, 197, 200—214, 241, 278, 288; Италія, 12, 14, 15, 42, 56, 71, 136, 137; Барра, 13; Моро, 20, 21; герц. Ангьенскій, 22; европейскія державы, 23, 150, 285; характеръ, 24—26; Австрія, 39, 44, 82, 86, 133, 141, 147, 166, 167, 215, 216, 220, 221, 229, 281, 345, 370, 371, 399, 443; коронованіе, 34, 43, 55; Турція, 49, 52, 55, 162, 163, 198, 217, 218, 219, 222, 237, 244, 257, 262, 275, 284, 321, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 340, 347, 359, 397, 398, 452, 453, 491, 492, 494; Франція, 55, 168, 176, 177; Англія, 59, 60, 61, 124, 405, 437; европейскій миръ, 72, 73; мирные переговоры, 76, 77, 78, 79, 88, 89, 96, 100, 101, 225, 227, 232, 234, 235, 241, 243, 300, 362, 404, 405, 407, 414—416, 420, 423, 428, 438, 440, 445, 446, 452; Генуя, 74; Новосильцовъ, 81; Латур-Мобуръ, 122; Массена, 165, 166, 168,

197; Тироль, 170; Польша, 187, 188, 228, 236, 239, 279, 286; Венеція, 195; положеніе и намѣренія, 219—224; Галиція, 221; Пруссія, 223, 280, 283, 287, 296, 297, 300, 302, 305, 306, 308, 315, 316, 319, 320, 342, 354; торговыя суда, 233; Неаполь, 282, 343, 392; императорскій титулъ, 326, 329, 357; Антрэгъ, 333; Каттаро, 341, 348—350, 351—352, 355; Востокъ, 351; Убри, 379; Монарини, 383; Сардинія, 392; Германская имперія, 396; Ганноверъ, 403; ганзейскіе города, 405; Швейцарія, 405; Далмація, 407; Сицилія, 427.

Брюнъ: Константинополь, 11.

Буксгевденъ: Кутузовъ, 212.

Бурбоны: Барра, 13; Бонапартъ, 21; Вернэгъ, 26; Россія, 205.

Васильевъ: мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 240, 241, 242, 243.

Венсанъ: перемиріе, 191; Убри, 382.

Вернэгъ: Бонапартъ, 7; карьера, 27—28; арестъ, 36.

Вейдемейеръ: Вѣна, 143; сербы, 172; ратификаціи, 177.

Викторъ: русскія войска, 131.

Вильгельмъ-Генрихъ, герцогъ Глочестеръ: смерть, 145.

Винценродтъ: русскія войска, 147, 148.

Висконти: Ярмутъ, 426.

Воронцовъ: мирные переговоры, 75, 76; Мальта, 77.

Вукашевичъ: Верона, 170, 175.

Вязмитиновъ: главнокомандующій, 153; мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 241, 243.

Гарденбергъ: мирные переговоры, 72, 74, 76, 128; Алопеусъ, 127, 129, 342; Австрія, 128; Аустерлицъ, 299; тайные переговоры, 358.

Гаугвицъ: Ганноверъ, 224, 377; Бонапартъ, 235; конвенція, 279, 286.

Генцъ: писатели, 331.

Георгій-Черный: Кроація, 194; черногорцы, 270.

Говеръ, см. **Гоуэръ**.

Гольцъ: конференція, 368.

Гоуэръ: Мальта, 78, 79, 80; Чарторижскій, 95; ратификаціи, 96; субсидіи, 99; подарки, 146; конференція, 367; Фоксъ, 377.

Градеръ: шифрованныя бумаги, 146.

Грейгъ: Неаполь, 107.

Гюбшъ-отецъ: Селимъ, 120.

Гюбшъ-сынъ: Константинополь, 120.

Демаре: Вернэгъ, 31, 32, 34.

Деодаки: Константинополь, 121.

Дидевиль: переписка, 4.

Дубенскій: эрцгерцогъ Карлъ, 199.

Дюранъ: русскія войска, 131.

Екатерина II: Вернэгъ, 27; Бонапартъ, 227.

Елачичъ, Іоаннъ: Кроація, 187; сдача, 192.

Жюно: Бертье, 426.

Завадовскій: мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 240, 241, 242, 243.

Заіончекъ: Бонапартъ, 220.

Званцовъ: сербскій епископъ, 2.

Ивеличъ: Милетичъ, 2.

Ивковичъ, Симеонъ: Далмація, 272, 273.

Игнатьевъ: русская эскадра, 486.

Инсиланти: Вейдемейеръ, 143; русскій офицеръ, 329.

Исметъ-Бей: подарки, 160.

Италинскій: Вернэгъ, 28; русское посольство, 114; Константинополь, 159; Порта, 160, 257, 277, 323, 324, 329, 488, 492; ратификаціи, 178, 181, 183; деньги, 180; черногорцы, 268; Франція; 315; Ласи, 337—338, 339; монастырь св. Троицы, 468; Англія, 474; амбарго, 477; Черное море, 482.

Іоанновичъ: Разумовскій, 1.

Іоаннъ Іерусалимскій: Мальта, 209.

Іоаннъ, эрцгерцогъ: эрцг. Карлъ, 186.

Карлъ, эрцгерцогъ: Массена, 166, 186; Мон-Сени, 168; Эчь, 171; Верона, 175; русскій маіоръ, 193; русскія войска, 197; Дубенскій, 199; Бонапартъ, 214; Неаполь, 224.

Карно: республика, 13.

Кассини: Вернэгъ, 30.

Кирико: Константинополь, 121.

Кларкъ: Талейранъ, 436; мирные переговоры, 430, 431, 437—447, 448, 456, 458.

Клевскіе, принцы: Бонапартъ, 428.

Княжевичъ: Кроація, 187.

Кобенцль, Филиппъ: мирные переговоры, 99, 107, 108, 111, 112, 113; Наполеонъ, 137.

Конде: Вернэгъ, 27.
Константинъ, вел. князь: Іоанновичъ, 1; русская армія, 192.
Константинъ Неманъ: Сербія, 1.
Костюшко: Бонапартъ, 220.
Кочубей: Тайяръ-паша, 181; мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 240, 241, 242, 243.
Куаньи: Дунай, 477.
Куракинъ: мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 240, 241, 242, 243; Вѣна, 373, 374, 375, 376.
Кутузовъ: Германія, 154; Вернэгъ, 161, 185; Санковскій, 161; Венгрія, 188; Вѣна, 212; Галиція, 279, 287.

Лагарпъ: Убри, 430.
Лантевъ: возвращеніе на службу, 152.
Ларошфуко: паспорта, 356, 386; Разумовскій, 369, 370, 371, 372; мирные переговоры, 437.
Ласи: Австрія, 213; Константинополь, 334, 335; пресбургскій договоръ, 337.
Ласкуръ: Эрзерумъ, 477.
Латуръ-Мобуръ: Пера, 117, 122.
Лафорэ: русскія войска, 131.
Лессепсъ: торговыя суда, 232, 233; Бонапартъ, 241, 243; мирные переговоры, 340, 362, 465; торговые агенты, 282, 290; Каттаро, 356; Разумовскій, 366.
Лизакевичъ: Вернэгъ, 27.
Лильскій, графъ: Вернэгъ, 29; деньги, 33.
Логиновъ: мирный договоръ, 433.
Лодердаль: Талейранъ, 465.
Лопухинъ: мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 240, 241, 242, 243.
Лорнь-Дидевиль: корреспонденція, 36, 37.
Людовикъ XI: исторія, 332.
Людольфъ: Константинополь, 121.
Люккезини: русскій агентъ, 358; Убри, 403; Харламовъ, 462, 463, 464.

Макъ: военное министерство, 210; Разумовскій, 313.
Маркаръ: отъѣздъ, 143; Тайяръ-паша, 181, 182.
Мармонъ: Далмація, 441.
Маруцци: Верона, 174.
Массена: Италія, 165, 188; Бонапартъ, 166, 167; эрцг. Карлъ, 168, 171, 186; Верона, 170; армія, 170; перемиріе, 191; Венеція, 195; Россія, 197; контрибуція, 198; Марбургъ, 199.
Махмудъ-эфенди: Италинскій, 159.
Мезонфоръ: герц. Брауншвейгскій, 333.
Меллеръ-Закомельскій: военноплѣнные, 383.
Мену: Египетъ, 11.
Мервельдтъ: Стадіонъ, 383.
Меттерних: Алопеусъ, 310, 311; Парижъ, 436.
Мейендорфъ: Инсиланти, 329.
Милетичъ: покровительство Россіи, 2.
Михельсонъ: инструкція, 150; Молдавія, 323; Порта, 492.
Мишеру: Актонъ, 17; писатели, 331.
Монларини: Бонапартъ, 383.
Монтронъ: Талейранъ, 426.
Морковъ: Пруссія, 152.
Моро: Франція, 20, 21, 22.
Моцениго: Италинскій, 468.
Мурузи, Дмитрій: награда, 468; Англія, 476.
Мустафа: Валахія, 476.
Мюратъ: австрійцы, 167.

Наполеонъ: см. Бонапартъ.
Негошъ: Черногорія, 267, 269; Ивковичъ, 272.
Николаи: Лондонъ, 367.
Новосильцовъ: Англія, 57—63, 91, 92; переговоры, 81, 87, 98, 99, 102, 106, 108; Петербургъ, 90; путешествіе императора, 157.

Овцынъ: Зенсъ, 189, 192.

Павелъ I, императоръ: Вернэгъ, 27; военная канцелярія, 154.
Паленъ: Франція, 352.
Паргули, Николай; драгоманъ, 469.
Пасван-Оглу: французы, 194; Валахія, 476.
Пеллегрини: Зенсъ, 193.
Петръ Великій: Бонапартъ, 227.
Пизани, г-жа: Константинополь, 121.
Пино: французское правительство, 163.
Питтъ: субсидія, 99.
Пишегрю: убійство, 20.
Піатоли: Новосильцовъ, 94; корреспонденція, 334.
Прохницкій: мирные переговоры, 78.

Разумовскій: сербскій епископъ, 1; Франкини, 37, 38; Вѣна, 39, 85, 97, 312, 313, 314, 381; Англія, 62, 373, 376; мирные переговоры, 77, 378, 437, 447; Новосиль-

цовъ, 94; Пруссія, 124; Гарденбергъ, 128; Алопеусъ, 129; австрійское посольство, 144; декларація, 149; Швейцарія, 162; Вернэгъ, 169; Дубенскій, 199; Каттаро, 355, 367, 369, 388, 389; Австрія, 356, 372; Лессепсъ, 366; Убри, 368; Стадіонъ, 370; Ларошфуко, 371, 372; Куракинъ, 374; Харламовъ, 376; Станоевичъ, 377; Бетманъ, 384.

Рейнгардъ: Молдавія, Валахія, 414.

Ривз, Спиридонъ: сардинская королева, 377.

Ришелье: русскія войска, 480.

Родофиникинъ: канцелярія, 154; сербы, 466.

Ростапъи: Турція, 162; Австрія, 166; Бонапартъ, 167; Венеція, 168.

Руани: Порта, 469.

Рубо-де-Понтэвъ: просьба о сынѣ, 469.

Румбольтъ: герцогъ Ангьенскій, 205.

Румянцевъ Николай: мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 240, 241, 242, 243.

Румянцевъ Сергѣй: мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 241, 243.

Рюфенъ: Лессепсъ, 366; мирный договоръ, 465; Порта, 479.

Савари: Александръ I, 184.

Салисетти: европейскій миръ, 73.

Салтыковъ: Бонапартъ, 232; мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 241, 243.

Санковскій: Черногорія, 267, 268, 269, 270, 272; Каттаро, 344, 371, 389; мирный договоръ, 432.

Саурау: Куракинъ, 375.

Себастіани: Латуръ-Мобуръ, 122; Константинополь, 379.

Селимъ: Гюбшъ, 120; Россія, 326, 328.

С. Роже де Дама: неаполитанцы, 19.

С. Сернель: Актонъ, 17.

С. Сиръ: Калабрія, 18; Неаполь, 171.

Сенявинъ: Каттаро, 348; Семь Острововъ, 361, 362; донесенія, 366; мирные переговоры, 420, 428; Архипелагъ, 485, 486.

Серра Капріола: Неаполь, 387.

Сіейсъ: республика, 13.

Стадіонъ: Италія, 70, 71; Вѣна, 82, 84; Англія, 83; Вейдемейеръ, 144, 145; Стутергеймъ, 146; Австрія, 355; Разумовскій, 370, 372; Каттаро, 373; Куракинъ, 374; Вепсанъ, 382; Монарини, 383.

Станоевичъ: Вѣна, 377.

Стедникъ: Гатчина, 375.

Строгоновъ: мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 240, 241, 242, 243; Лондонъ, 367; мирные переговоры, 416, 434, 445, 446.

Стутергеймъ: Стадіонъ, 146.

Стюартъ: торговый договоръ, 473.

Суворовъ: директорія, 13; австрійскій кабинетъ, 83.

Суццо: Молдавія, 477.

Сэ: паспорта, 394—396.

Талейранъ: Франкини, 38; европейскій миръ, 72, 73; Морковъ, 152; Каттаро, 354—355; паспорта, 356, 395; Лессепсъ, 356; Убри, 382, 383, 400, 464; Лондонъ, 396; Неаполь, 397; мирные переговоры, 401, 402, 404, 405, 407, 408—417, 420, 424, 425, 427, 428, 436, 437, 438, 439, 445, 446, 448—449, 450, 461, 464, 465; Монтронъ, 426; эрцканцлеръ, 436; Германія, 450; Люкезини, 463.

Тамара: подарки, 182, 183.

Татищевъ: Неаполь, 107; Харламовъ, 376; Шепелевъ, Овцынъ, 190.

Тайяръ-паша: бѣгство, 181, 182.

Тимони: драгоманъ, 469.

Толстой: Пруссія, 213, 320; Ганноверъ, 224; Австрія, 279, 287.

Траверсе: Чичаговъ, 143; Порта, 181; русскія войска, 480.

Трофимъ, игуменъ: покровительство Россіи, 2.

Трощинскій: директоръ почтъ, 4; мирные переговоры, 239; мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 241, 243.

Убри: Дидевиль, 36; военнопл'ѣнные, 363; Ярмутъ, 380; мирные переговоры, 413, 455, 456—461, 462, 464, 465; Фуссадье, 435; бумаги, 450; Харламовъ, 463.

Федоровъ: Сенявинъ, 366.

Фешъ: Убри, 378.

Фердинандъ, эрцгерцогъ: удѣлъ, 228; Монарини, 383.

Фешъ: Вернэгъ, 30; коадъюторъ, 379.

Флори: Али-паша, 468.

Фоксъ: Талейранъ, 354; мирные переговоры, 358, 377, 378, 401, 402, 410, 416, 427, 445; Убри, 396.

Фонтонъ: Константинополь, 121; Черногорія, 272.

Франкини: Разумовскій, 37; переписка, 38; Константинополь, 122.

Францъ, императоръ: Кутузовъ, 212; Бонапартъ, 213; Россія, 287.
Фридрихъ II: Австрія, 111.
Фуссадье: Вѣна, 376; Убри, 451, 463; паспортъ, 461, 462; мирные переговоры, 465, 466.
Фуше: Вернэгъ, 33, 35.

Харламовъ: Вѣна, 376; Бетманъ, 384; паспортъ, 461.

Цастровъ: Пруссія, 297.
Циціановъ: Баба-ханъ, 152.

Чарторижскій: Вернэгъ, 36, 161, 169, 185; Англія, 95, 96, 400; Венеція, 163; Верона, 173; мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 240, 241, 242, 243; Турція, 329; мирные переговоры, 451; Убри, 472.
Чимченъ: Кроація, 187.
Чичаговъ: Неаполь, 107; Порта, 180, 181, 143, 485, 487; мнѣніе въ чрезвычайномъ комитетѣ, 241, 243.

Шепелевъ: русская армія, 192; Зенсъ, 189.
Шепинъ: Вернэгъ, 33.
Шредеръ: Убри, 472.
Штакельбергъ: Людольфъ, 121; Пруссія, 368; мирный договоръ, 447.
Штарембергъ: Далмація, 373.

Эдинъ-паша: Валахія, 476.
Эдувиль: Вернэгъ, 30.
Экелесъ: военноплѣнные, 382.
Эллисенъ: Лондонъ, 367.

Юговичъ: Разумовскій, 1; сербскій епископъ, 2.
Юсуфъ-ага: смерть султанши, 142, 143.

Ярмутъ: Убри, 380, 396, 400; Ганноверъ, 397; мирные переговоры, 401, 402, 404, 405, 406, 407, 409, 412, 417, 424, 427, 445, 446, 448, 450; Далмація, 406; Висконти, 426.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ВОСЬМИДЕСЯТИ ОДНОГО ТОМОВЪ СБОРНИКА

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Томъ I. Уставъ Русскаго историческаго Общества.—Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщ. кн. Н. А. Орловымъ и изд. подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой. Сообщ. изъ Государственнаго архива К. К. Злобинымъ. — О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца имп. Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма имп. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ.—Бумаги изъ дѣла о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и о сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ. — Письма имп. Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ. Сообщ. А. Ѳ. Гамбургеромъ.—Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи Іезуитскаго новиціата. Князя М. А. Оболенскаго, и пр. . . . . Цѣна 2 р.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія имп. Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ.—Записка графа Поццо-ди-Борго о немъ самомъ. Сообщено К. К. Злобинымъ.—Депеши графа Литты, посланника мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. Ѳ. Бычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго.—Выписки о государственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ имп. Екатериною II, съ 1762 по 1769 годъ. Сообщ. графомъ А. С. Уваровымъ.—Извлеченія изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщ. княземъ Н. А. Орловымъ.—Записка барона Т. Димсделя, о пребываніи его въ Россіи, и пр. . . . . Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго о министерствахъ. Сообщена А. Н. Поповымъ.—Записка графа І. Каподистріа о его служебной дѣятельности. Сообщ. изъ Государственнаго архива въ С.-Петербургѣ.—Отвѣтное письмо графа І. Каподистріа Петро-Бею, вождю Спартанцевъ.—Инструкція, данная имп. Екатериною II-ю фонъ-Ребиндеру. Сообщ. А. Х. Бекомъ.—Письма имп. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Сообщ. княземъ А. Н. Волконскимъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣлъ Саксонскаго Государственнаго архива въ Дрезденѣ, профессоромъ Э. Германомъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма имп. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщено Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. — Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный имп. Екатеринѣ II въ 1775 г. Сообщено А. Н. Поповымъ.—Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ дѣлъ Саксонскаго Государственнаго архива въ Дрезденѣ, Э. Германомъ. Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну гр. Никитѣ Петровичу. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ имп. Александру I. Сообщено М. И. Богдановичемъ. — Бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. — Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено кн. Н. В. Репнинымъ.—Записка князя А. А. Чарторижскаго имп. Александру I, 26 іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ Саксонскаго Государственнаго архива Э. Германомъ. . . Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400 преимущественно собственноручныхъ бумагъ Императрицы, съ 1744 по 1764 г. включительно). Часть I. . . . Цѣна 3 р.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ IX. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ, 1782 г. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ; документы эти напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. 2) Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ Великою Княжною Александрою Павловною. 3) Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинымъ въ 1765 и 1771 гг. 4) Письма кн. А. А. Чарторижскаго къ Н. Н. Новосильцеву. 5) Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову). . . Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ М. И. Д., съ 1765—1771 г. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ, и извлеченные изъ архива Прав. Сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Собраны и изданы академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. . Цѣна 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ Дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ Англійскаго Госуд. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ Госуд. архивѣ М. И. Д., съ 1771—1774 г. Изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III. Ц. 3 р.

Томъ XV. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. 2) Донесенія барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 3) Бумаги князя Репнина за время константинопольскаго посольства . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка имп. Екатерины II съ Фальконетомъ . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ Дворѣ, съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ Англійск. Госуд. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть II . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XX. 1) Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. 2) Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. 3) Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено имперскимъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ и госуд. канцлеромъ княземъ А. М. Горчаковымъ. 4) Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при Датскомъ Дворѣ. 5) Письма Великаго Князя Павла Петровича (впослѣдствіи императора Павла I) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при Датскомъ Дворѣ. 6) Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 7) Записка Государственнаго Секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. 8) Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17-го марта 1877 г., въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 9) Сотрудничество Екатерины II въ „Собесѣдникѣ“ княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXI. 1) Донесенія А. И. Чернышева имп. Александру I, 1810 и 1811 гг. 2) Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 г. 3) Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г. 4) Донесенія имп. Александру I кн. А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг. 5) Донесенія кн. А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцову, 1811 и 1812 гг. 6) Письмо графа Н. А. Шувалова имп. Александру I, 1811 г. 7) Донесенія бар. Сухтелена имп. Александру I, 1812 г. Сообщено А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ Госуд. архива въ С.-Петербургѣ. 8) Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представленный императору Александру I М. М. Сперанскимъ. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при Русскомъ Дворѣ: 1) Донесенія гр. Сольмса Фридриху II и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 г. 2) Шесть приложеній къ донесенію гр. Сольмса королю, отъ 15 (26) октября 1766 г., № 270. Сообщено изъ Берлинскаго Госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма имп. Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщ. изъ Госуд. архива Мин. Ин. Дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. академик. Я. К. Гротомъ. Ц. 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ Нидерландскаго Государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петровича Шереметева (1704—1718 гг.). Съ портретомъ имп. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ . . Цѣна 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко, въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. 1747—1787 гг. Томъ I. . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ Госуд. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, съ 1774 по 1788 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко, въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. 1788—1799 гг. Т. II. . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I . . . . . Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II. . . . . Цѣна 4 р.

Томъ XXXII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напеч. подъ наблюд. проф. В. И. Сергѣевича. Часть IV . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXIII. 1) Письма барона Мельхіора Гримма къ импер. Екатеринѣ II. съ приложеніями. 2) Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику Герману Кейзерлингу. 3) Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями, напеч. подъ наблюденіемъ Я. К. Грота и Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ Дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, наход. во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ. Напеч. подъ наблюд. А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею, въ царствованіе Вел. Кн. Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напеч. подъ наблюд. Г. Ѳ. Карпова. Томъ I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича. Часть V . . . . . Цѣна 2 р.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при Русскомъ Дворѣ. Сообщено изъ Берлинскаго Государственнаго архива. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II. Ц. 3 р.

Томъ XXXVIII. Документы, касающейся сношеній Россіи съ Англіею съ 1581 по 1601 г. Документы эти получены изъ Московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ Ю. В. Толстымъ и начаты печатаніемъ подъ его надзоромъ; послѣ же его смерти изданіе окончено проф. Бестужевымъ-Рюминымъ. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ Дворѣ, съ 1704—1708 г. Сообщено изъ Англійскаго Госуд. архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть III. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XL. Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ Дворѣ, съ 1719—1723 годъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLI. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіятскими народами: Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціею, за время Великихъ Князей Іоанна III и Василія Іоанновича . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ Госуд. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, съ 1789 по 1796 г., съ дополненіями и поясненіями. Часть V. . . Цѣна 3 р.

Томъ XLIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича. Часть VI . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напеч. подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. II. Ц. 3 р.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLVII. Бумаги посланника Я. И. Булгакова съ 1779—1798. Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. Ѳ. Дубровинымъ. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1762—1764 г. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго. Часть I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLIX. Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при Русскомъ Дворѣ Кампредона, съ 1722 по 1724 г. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ Дворѣ, съ 1708—1712 гг. Сообщено изъ Англійскаго Госуд. архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть IV. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LI. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1764—1766 г. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Ульяницкаго . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при Русскомъ Дворѣ, Кампредона, съ 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV . . Цѣна 3 р.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюд. Г. Ѳ. Карпова. Ц. 2 р.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами. — Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова. Ц. 3 р.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Ч. I (февраль — іюль 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Часть II (іюль—декабрь 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1766 по 1767 г. Ч. III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Ульяницкаго. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ, Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Ч. V. Цѣна 3 р.

Томъ LIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1533—1560 г. Томъ II. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Ц. 3 р.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго Словаря. Часть I. А.—Л. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ Дворѣ, съ 1712—1719 г. Сообщено изъ Англійскаго Государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть V . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго Словаря. Часть II. М.—Ѳ. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 января по конецъ іюня 1727 года. Часть III. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXIV. Донесеніе французскаго полномочнаго министра при Русскомъ Дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна, за 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть VI . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты изъ архива князя Н. В. Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г., изданные профессоромъ Ф. Ф. Мартенсономъ. Ц. 3 р.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ Дворѣ съ 1728—1733 г. Сообщено изъ Англійскаго Государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть VI . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1767 — 1768 г. Часть IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть VII . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 іюля по конецъ декабря 1727 года. Часть IV. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Ц. 3 р.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть 1-я. 1800—1802 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ

Польско-Литовскимъ, съ 1560 — 1570 гг. Томъ III. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXII. Дипломатическая переписка Прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ Берлинскаго государственнаго архива. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ LXXIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго, 1812—1831 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXIV. Журналы и дѣла Высочайше учрежденнаго 6 декабря 1826 г. особаго секретнаго комитета. Изданы подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества А. А. Половцова . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXV. Донесенія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Маньяна, и распоряженія французскаго правительства, за 1728 — 1730 гг. Часть VII. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, за 1733—1736 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VII. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXVII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть II, 1803—1804 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 р.

Томъ LXXVIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго, 1812 — 1831 гг. Часть II. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ января по конецъ іюня 1728 г. Часть V. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Ц. 3 р.

Томъ LXXX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ августа 1736 по конецъ 1739 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VIII . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXXI. Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ, Маньяна, и распоряженія французскаго правительства, за 1730 — 1733 гг. Часть VIII. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Къ каждому тому Сборника приложенъ азбучный указатель именъ.

DK
297

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

v. 83

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1892

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1892

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества А. А. Половцова.

Типографія Трвнке и Фюсно, Спб., Максимиліановскій пер., д. № 13.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ПЕРЕПИСКА

ГЕНЕРАЛА САВАРИ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО

ВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ 1807 Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—

1893.

5-29-34
29121

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ОГЛАВЛЕНІЕ	III
ПРЕДИСЛОВІЕ	VII

ПЕРЕПИСКА.

	Стр.
№ 1. Отъ Наполеона Савари, Кенигсбергъ, 13 іюля 1807 г.	1
2. Отъ Савари Наполеону, письмо, Спб., 6 августа	2
3. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 6 августа	2
4. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 6 августа	5
5. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 6 августа	7
6. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 6 августа	10
7. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 6 августа	15
8. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 6 августа	16
9. Замѣтка о русскомъ дворѣ	20
10. Описаніе Спб. за періодъ отъ 23 іюля по 5 августа	21
11. Отъ Савари Таллейрану, Спб., 7 августа	23
12. Отъ Савари Наполеону, письмо, Спб., 23 августа	25
13. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 23 августа	28
14. Отъ Савари Таллейрану, Спб., 23 августа	81
15. Отъ Савари Таллейрану, Спб., 23 августа	33
16. Донесеніе Сентъ-Эньяна	41
17. Отъ Наполеона Савари, Сенъ-Клу, 25 августа	44
18. Отъ Наполеона Савари, Сенъ-Клу, 26 августа	45
19. Отъ Шампаньи Савари, Парижъ, 26 августа	46
20. Отъ Савари Таллейрану, Спб., 27 августа	47
21. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 27 августа	47

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Донесеніе русскаго посланника при датскомъ дворѣ Лизакевича министру иностранныхъ дѣлъ барону Будбергу, помѣченное: Копенгагенъ, 11 августа, № 48	50
II. То-же, съ помѣтой: Копенгагенъ, 13 августа, № 49	52
III. То-же, съ помѣтой: Копенгагенъ, 13 августа, № 50	54

Стр.

№ 22. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 28 сентября..... стр. 55
23. Отъ Савари Талейрану, Спб. 8 августа..... 56
24. Отъ Савари Наполеону, письмо, Спб., 9 сентября..... 57
25. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 9 сентября..... 59

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Нота главнаго статсъ-секретаря его британскаго величества Каннинга русскому посланнику Алопеусу, помѣченная: Лондонъ, 5 августа 1807 г..... 63

№ 26. Отъ Савари Талейрану, Спб., 9 сентября..... 65
27. Отъ Шампаньи Савари, Рамбулье, 14 сентября..... 69
28. Отъ Наполеона Савари, Рамбулье, 16 сентября..... 72
29. Отъ Шампаньи Савари, Парижъ, 17 сентября..... 74
30. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 22 сентября..... 76
31. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 22 сентября..... 78
32. Отъ Савари Наполеону, письмо, Спб., 23 сентября..... 78
33. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 23 сентября..... 82

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Записка Императора Александра генералу Савари..... 93
II. Конвенція о перемиріи въ Слободзеѣ..... 93

34. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 27 сентября..... 97
35. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 27 сентября..... 100
36. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 27 сентября..... 101
37. Отъ Наполеона Савари, Фонтенебло, 28 сентября..... 101
38. Отъ Савари Наполеону, Спб., 29 сентября..... 102
39. Отъ Наполеона Савари, Фонтенебло, 6 октября..... 103
40. Отъ Наполеона Савари, Фонтенебло, 8 октября..... 104

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Письмо командора Баратынскаго итальянскому вице-королю принцу Евгенію, на палубѣ корабля Св. Петра, передъ Ганоди-Пьяве, 24 сентября 1807 г..... 105

II. Письмо командующаго войсками русскаго гарнизона въ Катарро полковника Книпера итальянскому вице-королю принцу Евгенію, съ помѣтой; Падуя, 30 сентября 1807 г..... 106

III. Состояніе русскихъ войскъ, расположившихся въ Падуѣ..... 107

№ 41. Отъ Наполеона Савари, извлеченіе, Фонтенебло, 9 октября..... 108

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Донесеніе генералъ-губернатора Корфу Цезаря Бертье, помѣченное: Корфу, сентябрь 1807 г..... 109

№ 42. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 8 октября..... 112
43. Отъ Савари Наполеону, письмо, Спб, 9 октября..... 113
44. Отъ Савари Наполеону, Спб., 9 октября..... 115

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Нота министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцова англійскому послу лорду Гоуэру, отъ 25 сентября 1807 г..... 129

II. Нота англійскаго посла лорда Гоуэра министру иностранныхъ дѣлъ графу Румянцову, отъ 24 сентября 1807 г..... 130

Стр.

III. Письмо датскаго посланника въ С.-Петербургѣ графа Блома министру иностранныхъ дѣлъ графу Румянцову, отъ 9 октября 1807 г. 131

№ 45. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 9 октября 133
46. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 18 октября 134
47. Отъ Наполеона Савари, Фонтенебло, 14 октября 138
48. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 18 октября 140
49. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 21 октября 141
50. Отъ Савари Наполеону, письмо, Спб., 21 октября 146
51. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 21 октября 153

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Записка генерала Савари Императору Александру 157
II. Извлеченіе изъ записки Наполеона Савари отъ 16 сентября 1807 г., въ томъ видѣ, какъ оно было предъявлено Императору Александру I 157
III. Извлеченіе изъ письма маршала Сульта генералу Савари, помѣченнаго: Эльбингъ, 20 сентября 1807 г. 158
IV. Извлеченіе изъ письма маршала Даву маршалу Сульту, помѣченнаго: Варшава, 14 сентября 1807 г. 159

№ 52. Отъ Савари Румянцеву, Спб., 2 октября 160
53. Отъ Наполеона Савари, Фонтенебло, 30 октября 160
54. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 31 октября 162
55. Отъ Наполеона Савари, Фонтенебло, 1 ноября 164
56. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 1 ноября 166

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Союзный договоръ между Франціей и Даніей, подписанный въ Фонтенебло, 31 октября 1807 г., министромъ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, съ одной стороны, и датскимъ посланникомъ въ Парижѣ Дрейеромъ, съ другой. 169

№ 57. Отъ Савари Наполеону, письмо, Спб., 4 ноября 171
58. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 4 ноября 174

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Извлеченіе изъ письма Наполеона Савари отъ 16 сентября, въ томъ видѣ, какъ оно было предъявлено Императору Александру 191
II. Письмо помощника коменданта Гильемино генералу Савари, помѣченное: Бухарестъ, 28 сентября 1807 г. 192
III. Нота графа Румянцова лорду Гоуэру, отъ 8 ноября 1807 г. 195
IV. Декларація 7 ноября 1807 г. 197

№ 59. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 4 ноября 201
60. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 4 ноября 206
61. Отъ Наполеона Савари, Фонтенебло, 7 ноября 207
62. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 8 ноября 209
63. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 8 ноября 211
64. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 10 ноября 216
65. Отъ Шампаньи Савари, Фонтенебло, 16 ноября 218
66. Отъ Савари Наполеону, письмо Спб., 18 ноября 219
67. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 18 ноября 220
68. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 18 ноября 220
69. Отъ Савари Императору Александру, Спб., 24 ноября 234

70. Отъ Шампаньи Савари, Миланъ, 1 декабря 237
71. Отъ Савари Наполеону, письмо, Спб., 6 декабря 237
72. Отъ Савари Наполеону, донесеніе, Спб., 6 декабря 241
73. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 6 декабря 245
74. Отъ Наполеона Савари, Венеція, 7 декабря 250
75. Отъ Шампаньи Савари, Венеція, 7 декабря 251
76. Отъ Савари Румянцову, Спб., 20 декабря 252
77. Отъ Румянцова Савари, Спб., 21 декабря 253
78. Отъ Румянцова Савари, Спб., 22 декабря 253
79. Отъ Савари Шампаньи, Спб., 25 декабря 253
80. Отъ Румянцова Савари, Спб., 25 декабря 254
81. Замѣтки Савари о русскомъ дворѣ и о жителяхъ С.-Петербурга 255
82. Отъ Савари Румянцову: Варшава, 8 января 1808 г. 268
83. Отъ Савари Шампаньи, Варшава, 9 января 269
84. Отъ Румянцова Савари, Спб., 27 января 270
85. Отъ Румянцова Савари, Спб., 19 іюня 271

ПРИЛОЖЕНІЯ.

АКТЫ ТИЛЬЗИТСКАГО МИРА.

I. Мирный договоръ 273
II. Статьи сепаратныя и секретныя 279
III. Союзный договоръ 280
IV. Добавочная конвенція 283

Переписка Императора Александра I съ Наполеономъ отъ іюля 1807 по январь 1808 г.

I. Отъ Наполеона Александру, Кенигсбергъ, 13 іюля 1807 г. 287
II. Отъ Александра Наполеону, Петергофъ, 4 августа, 1807 г. 287
III. Отъ Наполеона Александру, Парижъ, 25 августа 1807 г. 288
IV. Отъ Наполеона Александру, Сенъ-Клу, 16 августа 1807 г. 289
V. Отъ Александра Наполеону, Спб., 27 августа 1807 г. 289
VI. Отъ Наполеона Александру, Рамбулье, 16 сентября 1807 г. 290
VII. Отъ Александра Наполеону, Спб., 22 сентября 1807 г. 291
VIII. Отъ Александра Наполеону, Спб., 27 сентября 1807 г. 291
IX. Отъ Наполеона Александру, Фонтенебло, 28 сентября 1807 г. 292
X. Отъ Александра Наполеону, Спб., 2 ноября 1807 г. 293
XI. Отъ Наполеона Александру, Фонтенебло, 7 ноября 1807 г. 293
XII. Отъ Александра Наполеону, Спб., 15 ноября 1807 г. 294
XIII. Отъ Наполеона Александру, Венеція, 7 декабря 1807 г. 295
XIV. Отъ Александра Наполеону, Спб., 9 декабря 1807 г. 296
XV. Отъ Александра Наполеону, Спб., 25 декабря 1807 г. 297

ПРИМѢЧАНІЯ 1
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 55

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее изданіе вошли документы, относящіеся къ одному изъ знаменательнѣйшихъ эпизодовъ политическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ теченіе настоящаго вѣка: пребыванію генерала Савари въ С.-Петербургѣ, вслѣдъ за заключеніемъ тильзитскаго мира, съ іюля по декабрь 1807 г.

Матеріалы заключающіеся въ предлагаемомъ томѣ, почерпнуты изъ французскаго національнаго архива.

Въ архивѣ этомъ сохранились бумаги бывшей государственной канцеляріи Наполеона I, часть которыхъ и состоитъ между прочимъ изъ переписки генерала Савари съ императоромъ Наполеономъ, за время пребыванія его въ Россіи, независимо отъ донесеній, посылавшихся министру внѣшнихъ сношеній. Переписка эта хранится въ картонѣ A. F. IV 1697 и была разсмотрѣна С. С. Татищевымъ, который, снявъ съ этихъ бумагъ копіи, принесъ ихъ въ даръ Императорскому Русскому Историческому Обществу.

Донесенія Савари императору Наполеону, для болѣе связнаго и полнаго освѣщенія событій этой эпохи, дополнены въ настоящемъ томѣ, во первыхъ, письмами Наполеона къ своему посланнику, напечатанными уже въ томахъ XV и XVI „Переписки“ этого государя, а кромѣ того, различными другими документами, относящимися къ тому же предмету и извлеченными изъ с.-петербургскаго и парижскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ отмѣтить: инструкціи Таллейрана и Шампаньи гене-

ралу Савари, отвѣты послѣдняго, его переписку съ Императоромъ Александромъ I и министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Н. П. Румянцовымъ. Изъ 85 документовъ, содержащихся въ настоящемъ томѣ, 71 нигдѣ еще изданы не были.

Въ приложеніяхъ напечатанъ текстъ четырехъ договоровъ, подписанныхъ въ Тильзитѣ, равно какъ сообщена и личная переписка между обоими императорами въ продолженіи шести мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Россіи генераломъ Савари. Наконецъ въ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ вслѣдъ за документами, собраны указанія, какія представилось возможнымъ найти въ трехъ вышеупомянутыхъ архивахъ относительно фактовъ, сообщаемыхъ въ перепискѣ Савари съ Наполеономъ. Тамъ же приводится нѣсколько дополнительныхъ документовъ, какъ то: письма обоихъ монарховъ, дополнительныя инструкціи, донесенія и пр., которыя, хотя и не были посылаемы къ Савари или имъ написаны, но относятся болѣе или менѣе къ предмету возложеннаго на него порученія.

Печатаемая въ такомъ видѣ переписка Савари пополнитъ не одинъ пробѣлъ въ исторіи нашихъ сношеній съ Франціею за то время, когда, преклоняясь передъ тяжелою необходимостью, Императоръ Александръ надѣялся доставить своему народу періодъ мирнаго существованія, гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ ненасытное властолюбіе Наполеона въ дѣйствительности то допустило.

CORRESPONDANCE.

1.

Napoléon à Savary.

Kœnigsberg, 13 juillet 1807.

Le général Savary se rendra à Saint-Pétersbourg. Il s'adressera au grand-maréchal du palais pour lui demander une audience de l'Empereur et lui remettra la lettre ci-jointe [1]. Après quelques jours de séjour à Saint-Pétersbourg, il m'expédiera un courrier à Paris pour m'instruire de ce qui sera venu à sa connaissance, de ce qu'il aura recueilli des événements de la campagne, sur les partis qui divisent la Cour, sur les changements qui pourraient avoir lieu dans le ministère.

Il n'est là que comme aide de camp et comme militaire et n'a aucun titre diplomatique. Il aura soin de voir le prince Lobanof [2], ainsi que le grand-maréchal du palais Tolstoï [3] et de leur dire que je l'ai chargé de les voir et de s'adresser à eux toutes les fois qu'il aura besoin de voir l'Empereur.

Il m'expédiera un courrier toutes les fois que cela sera nécessaire; mais il doit, dans tous les cas, m'en expédier un au moins toutes les semaines. Toutes les lettres qu'il fera passer par la poste, il aura soin de les écrire comme si elles devaient être lues par l'Empereur Alexandre.

Il soignera autant que possible les intérêts de notre commerce et veillera à ce que les séquestres soient levés et les propriétés françaises restituées.

NAPOLÉON [4].

Dépôt de la Guerre,
Paris.

2.

Savary à Napoléon.

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 6 août 1807.

Sire, j'ai l'honneur de rendre compte à Votre Majesté de mon arrivée à Pétersbourg le 23 juillet [5]. Depuis j'ai eu plusieurs conversations avec l'Empereur Alexandre et je n'ai pas trouvé de meilleur moyen d'en faire la narration qu'en les écrivant mot à mot dans les mêmes expressions dont il s'est servi. Elles sont ci-jointes en plusieurs cahiers [6].

J'ose assurer à Votre Majesté que tout ira bien ici et que l'Empereur de Russie est encore dans les mêmes principes qu'à Tilsit. Il attend la réponse à l'offre de sa médiation à l'Angleterre [7] et aussitôt qu'elle sera arrivée, comme il m'a dit qu'il me ferait appeler, j'expédierai sur le champ un courrier à Votre Majesté.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

3.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 6 août 1807.

Arrivé le 23 juillet à trois heures de l'après-midi à Pétersbourg, j'obtins le même jour à huit heures du soir une audience de l'Empereur [8] à qui je remis la lettre de Sa Majesté. Je rapporte exactement ce qui s'est dit dans cette première conversation.

L'EMPEREUR. Général, je suis bien aise de vous voir dans ce pays-ci. Vous étiez le seul que je n'avais pas vu à Tilsit et j'aurais eu beaucoup de plaisir à vous y rencontrer et à vous prouver... Au reste vous connaissez mes sentiments depuis longtemps; malheureusement, je n'ai pas pu faire dans le temps différemment et, aussitôt qu'un arrangement a été possible et honorablement pos-

sible, j'ai été le premier à hâter cette rencontre qui, j'espère, a tout terminé entre deux nations aussi grandes et qui se sont donné réciproquement des marques d'amitié aussi chères.

RÉPONSE. L'Empereur mon maître avant de quitter son armée m'a fait l'honneur de me charger de cette dépêche pour Votre Majesté. Il ne m'a pas été possible d'arriver plus promptement et de mettre plus tôt à Ses pieds l'hommage de la reconnaissance dont je suis pénétré pour les marques de bonté dont Elle daigne m'honorer.

L'EMPEREUR (avant d'ouvrir la lettre). Comment se porte l'Empereur?

RÉPONSE. Très bien, Sire.

L'EMPEREUR. Quel jour est-il parti?

RÉPONSE. Le 13 juillet, Sire.

L'EMPEREUR. Quand comptait-il arriver à Paris? Il m'a dit qu'il s'arrêterait à Dresde.

RÉPONSE. Il comptait, Sire, passer deux ou trois jours à Dresde et on ne lui connaissait pas d'autre projet. Ce n'était qu'à Dresde qu'il devait déterminer le reste de son voyage. On supposait cependant qu'il pourrait bien s'arrêter à Weimar, à Stuttgart et à Carlsruhe, mais on ne le savait pas positivement [9].

L'EMPEREUR. Je sais bien qu'il n'est pas dans l'habitude de faire connaître ses projets. *Il m'a donné à Tilsit des marques d'attachement que je n'oublierai jamais.* Je suis bien sensible aux témoignages d'amitié qu'il me donne aujourd'hui et lui sais gré du choix qu'il a fait de vous pour me les apporter. (Après un moment de silence, en me fixant:) Eh! bien, plus j'y pense, et plus je suis content de l'avoir vu. Je crains toujours d'oublier un seul mot de l'énorme quantité des choses qu'il m'a dites dans un si court intervalle de temps. C'est un homme extraordinaire, et il faut reconnaître, messieurs, que, quoique nous ayons quelques droits à votre estime, vous avez une supériorité marquée et qu'il faudrait être insensé pour vous la contester. Au reste, j'espère que cela est bien fini: il a ma parole et je la tiendrai. Avez-vous quelques instructions avec cette lettre?

RÉPONSE. Non, Sire. Je n'ai ici aucun caractère et je n'ai pour commission que de faire mes efforts pour être agréable à Votre Majesté.

L'EMPEREUR. Avez-vous entendu parler du choix que veut faire l'Empereur pour envoyer près de moi?

RÉPONSE. Non, Sire. Beaucoup de personnes ambitionnent cette faveur, mais l'Empereur n'avait encore rien prononcé. Il m'a recommandé de dire à Votre Majesté qu'il avait un long voyage à faire, son Corps Législatif à ouvrir [10], ses communications avec le Sénat, son administration intérieure et son Conseil d'Etat qu'il n'avait pas présidé depuis longtemps et que probablement ces soins l'occuperaient exclusivement au moment de son arrivée, mais qu'au premier instant de repos il chercherait quelqu'un qui pût convenir à Votre Majesté et qui fût tout à fait dans les principes du grand événement de Tilsit.

L'EMPEREUR. Fort bien. Je recevrai avec plaisir tout ce qui viendra de lui et qui parlera comme lui, c'est-à-dire, qui sera toujours dans sa manière de voir qui est la mienne... entendez-vous : qui est la mienne. L'Empereur vous a sans doute dit de me demander quand mon ambassadeur partirait?

RÉPONSE. Oui, Sire, il m'a chargé de témoigner à Votre Majesté le grand désir qu'il avait bientôt de voir à Paris M. le comte Roumiantzof [11]. Il met le plus grand intérêt à cela et je crois inutile de dire à Votre Majesté qu'il est plus important pour l'Europe qui va ouvrir les yeux sur tout ceci de voir arriver une ambassade solennelle à Paris que d'en voir partir une de Paris pour Saint-Pétersbourg.

L'EMPEREUR. L'Empereur le désire et cela me suffit. Quant au choix du comte Roumiantzof, je crains d'être obligé de changer d'avis. Vous le verrez et je vais vous dire ce qui y a donné lieu. C'est moi qui ai parlé le premier à l'Empereur du comte Roumiantzof et j'avais le projet de le lui donner comme un homme qui a ma confiance et mon estime. Mais à mon arrivée ici je l'ai trouvé si baissé et si maladif que je crains qu'étant à Paris il ne puisse suivre l'Empereur comme un jeune homme; et ensuite il est chargé ici d'une partie qu'il me conduit fort bien et dans laquelle je le remplacerai difficilement. Au reste, nous reparlerons de cela avant votre premier courrier à l'Empereur. Quand comptez-vous l'expédier?

RÉPONSE. Sire, je solliciterai de Votre Majesté la permission d'informer l'Empereur de mon arrivée à Pétersbourg et de l'accueil

flatteur que j'y ai reçu. Pour le reste, Votre Majesté daignera m'apprendre ce qu'il faut que je dise, ne voulant rien faire ni penser dans Ses Etats qui ne Lui soit tout à fait convenable, parceque je suis sûr que c'est l'intention de l'Empereur mon maître.

L'EMPEREUR. Etes-vous logé [12]? Voyez Tolstoï pour tout ce que vous désirerez. Adieu, général, et venez me voir souvent.

Je me suis alors retiré et, à peine étais-je dans le premier salon à causer avec le prince Lobanof, le prince Golitzyne [13], procureur du Synode, et le comte Tolstoï, que l'Empereur entra dans le salon et, s'adressant à moi, me dit, en parlant des officiers qui m'accompagnaient: faites-moi faire connaissance avec ces messieurs. Je les lui ai présentés et il s'est ensuite retiré avec le comte Tolstoï, qui peu après est venu me dire: „Général, l'Empereur n'aime pas les cérémonies, surtout avec un envoyé de l'Empereur Napoléon. Il me charge de vous dire de venir dîner demain avec lui et que là vous serez présenté à l'Impératrice [14a].

Le moment d'avant j'avais dit au comte Tolstoï que l'Empereur mon maître m'avait bien recommandé de m'adresser à lui toutes les fois que j'aurais besoin de voir l'Empereur Alexandre et que je comptais qu'il voudrait bien avoir pour moi la même bonté qu'il avait eue pour mes camarades à Tilsit. Je l'avais prié de solliciter pour moi la faveur d'être présenté à l'Impératrice.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

4.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 6 août 1807.

Le 24 juillet, lendemain du jour de mon arrivée, je me rendis chez l'Empereur à l'heure du dîner. Je fus présenté à S. M. l'Impératrice.

Je fus placé à table à côté de l'Empereur et à sa droite.

On parla de Tilsit, du beau temps, et la conversation fut générale. Après le dîner l'Empereur, me prenant à part devant toute la Cour, me mena dans le jardin où je restai seul avec lui pendant une demi-heure. Voici ce qui s'est dit:

L'EMPEREUR. Comment trouvez-vous Pétersbourg, général?

RÉPONSE. Etonnant, Sire, et l'Italie n'offre rien de semblable [15]).

L'EMPEREUR. N'oubliez pas de dire à l'Empereur ce que vous voyez de notre climat. Je sais qu'il craint le froid, mais-malgré cela, je ne le tiens pas quitte de venir me voir. Il aura un appartement que je lui ferai chauffer au même degré qu'en Egypte. Mais avant je veux aller le visiter et causer encore avec lui.

RÉPONSE. Sire, je n'osais parler à Votre Majesté de ce projet, mais Elle nous rendra bien heureux si Elle veut bien l'exécuter; et l'Empereur, d'après ce que j'ai vu, en sera plus satisfait et en éprouvera un plaisir plus vrai que je ne puis le dépeindre.

L'EMPEREUR. C'est pour moi que j'irai, — vous pouvez le lui dire. Je veux le voir chez lui, et toutes ses grandes institutions. Il m'a donné des preuves d'un attachement dont je lui porte le retour. Ce sera une absence un peu longue pour moi, mais je la ferai avec plaisir et dans peu.

RÉPONSE. Ce voyage aura un double prix pour l'Empereur, Sire; et je lui causerai bien du plaisir en lui faisant part de l'intention de Votre Majesté.

L'EMPEREUR. Quelle nouvelle y avait-il à l'armée lorsque vous l'avez quittée?

RÉPONSE. Sire, l'Empereur recevait au moment de mon départ un courrier de Constantinople qui lui apportait la même nouvelle que Votre Majesté lui avait apportée à Tilsit relativement aux succès que vos troupes avaient obtenus sur les Turcs et à l'occupation de quelques îles du Danube [16]).

L'EMPEREUR. Ah! j'en avais eu le rapport et le voilà confirmé. L'Empereur, lors de l'événement arrivé à Constantinople, a eu la bonté de me dire qu'il se regardait comme tout à fait dégagé avec cette puissance et... par une extrême bonté de sa part, m'a fait espérer... Vous a-t-il parlé de cela?

RÉPONSE. Je crois comprendre Votre Majesté dans ce moment. Elle me fait l'honneur de m'entretenir d'une chose de laquelle il m'a été parlé, mais sans aucune instruction.

L'EMPEREUR. L'Empereur qui juge mieux que personne a paru voir aussi que l'empire de Constantinople ne pouvait longtemps encore occuper une place parmi les puissances de l'Europe. Nous avons beaucoup parlé de cela; et j'avoue que si cette puissance doit s'écrouler un jour, la position de la Russie lui fait espérer d'hériter d'une partie de la dépouille. L'Empereur a la bonté de me comprendre là-dessus et je m'en rapporte entièrement à lui quand il croira le moment arrivé... je compte beaucoup sur l'attachement qu'il m'a témoigné, je ne presserai pas ce moment.

RÉPONSE. Sire, Votre Majesté a bien établi Sa confiance et ne peut mieux s'en rapporter qu'à la connaissance parfaite qu'Elle a de l'Empereur.

L'EMPEREUR. S'il vous donne des instructions là-dessus, nous en reparlerons [17].

L'Empereur me ramena dans le salon que je quittai, après quelques mots honnêtes de l'Impératrice et quand la Cour se fut retirée.

Le même soir j'allai rendre visite aux ministres du pays, ainsi qu'aux ministres d'Espagne et d'Autriche.

Le dernier, M. le général comte de Merveldt [18], m'a fait beaucoup de politesses. Il m'a prié avec tant d'instance de venir dîner chez lui le lendemain que je n'ai pu m'y refuser.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

5.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 6 août 1807.

Le 25 juillet j'allai dîner chez l'ambassadeur d'Autriche. Les ministres d'Espagne, de Danemark, de Hanovre, et l'ambassadeur d'Angleterre y étaient.

La conversation pendant le dîner fut générale et lord Gower [19] ne desserra pas les dents.

Après le dîner le général Merveldt me reparla longtemps

des événements de la campagne dernière et fit le furieux de ce que l'on avait fait la paix. Une telle conversation devait bientôt tomber. Le général Merveldt la fit tourner sur le point qui était le motif principal des honnêtetés qu'il me faisait, et voici comment il s'expliqua :

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Je vous avoue que je désire beaucoup connaître le traité de Tilsit.

RÉPONSE. Je le crois, mon général, mais sans doute qu'on ne tardera pas à le publier. Moi-même je ne l'ai pas.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Et comment êtes-vous donc ici ?

RÉPONSE. Comme un courrier. J'avais depuis longtemps manifesté le désir de voir Pétersbourg et, comme j'avais fait les trois quarts du chemin, j'ai saisi cette occasion de venir visiter une ville aussi étonnante.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Je vous avoue qu'il me paraît difficile que vous ayez fait une paix durable sans nous.

RÉPONSE. Mon général, je ne comprends pas cela. Pour une paix durable, certes cela a été l'intention de l'Empereur, autrement il ne l'aurait pas faite. Quant à avoir traité sans vous, je vous répondrai que je ne croyais pas que nous eussions encore quelques comptes à régler ensemble.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Loin de moi cette pensée; mais vous avouerez pourtant que c'est ce qui a été arrêté relativement aux Turcs qui fera la base de la paix ou le motif de la guerre, parce qu'enfin, nous ne pouvons pas être indifférents au sort de la Valachie et de la Moldavie.

RÉPONSE. Mon général, je ne puis rien vous dire à ce sujet parce que je ne sais rien; mais il est probable que vous saurez à quoi vous en tenir là-dessus parce que le traité de paix ne peut pas tarder à être publié.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Mais on assure que non, et je vous dirai franchement que c'est de ce traité que dépendra le sort du monde; et, si enfin il faut encore tirer l'épée, il sera nécessaire de s'y résoudre, mais pour lors on jettera le fourreau.

RÉPONSE. Permettez-moi de vous observer que votre imagination se forme quelquefois des fantômes pour se donner le plaisir de les combattre et que, dans ce moment-ci, vous cherchez déjà un motif de guerre dans un traité qui est à peine signé. Je vous

le répète, général : je suis convaincu que l'Empereur veut la paix et qu'il l'a voulue parce que j'ai vu toutes les immenses ressources qu'il avait pour poursuivre la campagne ; et s'il s'est arrêté, c'est parce qu'il est accoutumé à donner cet exemple après ses victoires, vous le savez.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Voilà ce qu'il a d'admirable, votre Empereur, c'est de ne jamais pousser à bout une grande puissance dans la crainte de trop grands événements.

RÉPONSE. Mon général, il n'a jamais commencé la guerre sans avoir d'avance calculé toutes les chances et au-delà même des probabilités ordinaires ; et il est toujours si préparé à un événement quelconque qu'il ne craint pas même tout ce que peut enfanter une grande conception dans la fièvre de l'agonie. Rassurez-vous, mon général, et persuadez-vous de ses intentions pacifiques et croyez bien au désir....

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Oh ! je le crois bien : on ne veut pas la guerre quand on fait la paix, cela paraît ainsi à tout le monde; mais, par une fatalité ordinaire, il arrive des incidents, on dit que les ministres sont soldés, et enfin, insensiblement on court aux armes. Voilà pourquoi, vous dis-je, je suis curieux de savoir si vous posez les armes franchement et je vous assure que je pense qu'il vaudrait autant perdre le dernier Hongrois et le dernier Allemand que de vous laisser Braunau et que de perdre la Valachie et la Moldavie.

RÉPONSE. Mais, mon général, ces provinces ne sont pas à vous et vous voulez les prendre... Vous me surprenez et je ne puis vous répondre parce que je n'ai nulle connaissance du traité de paix. Quant à poser les armes franchement, il me semble que nous ne sommes pas occupés de vous. Aviez-vous une part indirecte à cette guerre ? Etiez-vous intéressé à ce qu'elle se prolonge ? Il me semble, au contraire, que toutes les relations de la France avec vous ont été dans le sens diamétralement opposé. Non, mon général, l'Empereur ne veut point de guerre, mais il ne craindra jamais de la faire et vous le connaissez assez pour pouvoir prédire malheur à quiconque viendra la lui faire recommencer. Quand il a dit que des ministres étaient soldés il en avait mille preuves.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Mais quand on forme une alliance chacun

y apporte ce qu'il a et, si l'un a des hommes et l'autre de l'argent, celui-ci donne son argent.

RÉPONSE. Fort bien, mon général. Aussi ceux qui reçoivent cet argent s'appellent-ils, avec raison, salariés, car enfin, quand on reçoit de l'argent pour une chose, on est payé et celui qui donne l'argent a acheté cette même chose. Une telle matière, mon général, nous conduirait trop loin.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Vous conviendrez pourtant que l'on ne peut pas appeler cela payer.

RÉPONSE. Au reste, mon général, comme il n'est plus question de cela, n'en parlons plus. Il n'y aura plus personne à payer puisqu'il n'y aura plus de guerre.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Je le désire, général, mais je n'y crois pas.

Je quittai le général Merveldt après cette conversation[20].

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

6.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 6 août 1807.

Le 29 juillet il vint chez moi un fourrier de la Cour qui s'expliqua ainsi: L'Empereur m'envoie pour dire à votre excellence que, si elle n'a pas d'engagements pour aujourd'hui, il la prie de venir dîner à Kamény-Ostrof (maison de plaisance à une demi-lieue de Pétersbourg).

J'y fus. Il y avait:

Le comte Tolstoï,
Le prince Lobanof,
Le comte Roumiantzof,
Le ministre de la marine[21],
Le prince Bagration[22],
Le général Ouvarof[23], et
Le prince Michel Dolgorouky (le même qui a été à Paris)[24]

Je fus placé, comme la première fois, immédiatement à la droite de l'Empereur et le comte Roumiantzof à sa gauche. L'Empereur fut fort gai pendant le dîner et me parla beaucoup de la guerre, de son artillerie, de ses troupes, des nôtres, de nos officiers et, particulièrement, de l'école de Fontainebleau, avec beaucoup de détails. Il ajouta à ce qu'il racontait au sujet de cette école: „L'Empereur m'a dit qu'avec les économies qu'il faisait sur les pensions payées par les familles, il entretenait ses élèves à lui."

Après le dîner et quelques politesses de la part de S. M. l'Impératrice, ainsi que de sa sœur, la princesse Amélie de Bade [25], l'Empereur, s'approchant de moi, me dit:

Avez-vous des nouvelles de chez vous?

RÉPONSE. Non, Sire, pas encore.

L'EMPEREUR. Attendez-vous quelqu'un?

RÉPONSE. Oui, M. de Lesseps [26], que M. le prince de Bénévent m'a dit devoir m'envoyer de Dresde.

L'EMPEREUR. Ah! j'apprends cela avec plaisir. (Se tournant vers le cercle.) Messieurs, M. de Lesseps nous revient: félicitons-nous-en. (A moi.) C'est un estimable homme, qui a emporté les regrets de toute cette ville. Il connaît mieux la Russie qu'aucun de mes ministres.

(En causant ainsi Sa Majesté me conduisit dans le jardin. Quand nous fûmes écartés, la conversation prit une autre tournure.)

L'EMPEREUR. Vous avez fait, il y a trois jours, un dîner peu aimable (celui de M. de Merveldt), mais je suis bien aise que vous ayez eu occasion de voir votre partie adverse. Comment trouvez-vous lord Gower?

RÉPONSE. Sire, il m'a été impossible de le juger parce qu'il n'a pas proféré une parole ni pendant le dîner, ni après.

L'EMPEREUR. Cela ne me surprend pas. C'est un grand indolent qui, indépendamment de beaucoup d'autres défauts, n'aime point sa besogne. Au reste nous allons voir. (En souriant.) J'attends une réponse de là-bas.

RÉPONSE. Je crains beaucoup que l'offre de Votre Majesté ne soit mal accueillie par ces messieurs.

L'EMPEREUR. Ah! vous savez cela?

RÉPONSE. Oui, Sire, et d'ailleurs, je l'aurais appris ici.

L'EMPEREUR. Comment cela? Contez-le-moi.

RÉPONSE. Sire, je vais le dire à Votre Majesté, comme je le dirais à l'Empereur si j'étais près de lui: Votre Majesté sait que M. de Merveldt possède très bien l'art de questionner et je n'ai pas tardé à m'apercevoir quel était le but de toutes ses politesses.

L'EMPEREUR. Oui, je pense comme votre maître: Merveldt est fin et faux. Que vous a-t-il dit?

RÉPONSE. Il m'a fait beaucoup de questions sur Tilsit, m'a laissé voir une excessive curiosité sur les articles du traité, qu'il voudrait connaître à tout prix. (Ici j'ai raconté ce que je pouvais dire de ma discussion avec M. de Merveldt.)

L'EMPEREUR. Comment! Il vous a dit tout cela?

RÉPONSE. Oui, Sire. Il a une excessive impatience de voir le traité se publier.

L'EMPEREUR. Patience; il saura ce qui doit le concerner. On lui notifiera quand il en sera temps et cela se fera dans peu. Quant à ses inquiétudes, tant pis pour lui s'il en a. Ces messieurs devront bien se contenter, et laissez-les faire, ils se tairont lorsque deux puissances comme la Russie et la France auront parlé.

RÉPONSE. J'en suis plus que persuadé, Sire, mais certainement, il se doute de quelque chose.

L'EMPEREUR. J'ai donné ma parole à l'Empereur et je la tiendrai. Une chose charmante de lui et que je n'oublierai jamais, c'est ceci: Il m'a dit: „Je n'ai jamais pu m'arranger avec un tiers; j'ai souvent couché à deux, mais jamais à trois", — et je suis parfaitement de son avis. (Sa Majesté accompagna ces paroles d'un geste avec les doigts.) Lorsque vous écrirez à l'Empereur, dites-le-moi afin que je vous donne une lettre pour lui, à moins que vous ne jugiez convenable de lui envoyer un officier.

RÉPONSE. Je ne pense pas que l'Empereur remarque de quelle manière il recevra des nouvelles de Votre Majesté lorsqu'elles viendront directement de Sa part; mais je suis convaincu qu'après le plaisir de les recevoir, rien ne peut lui être plus agréable que d'apprendre l'arrivée prochaine de l'ambassadeur de Votre Majesté à Paris.

L'EMPEREUR. Soyez sans inquiétude là-dessus. Le mien partira en courrier, vous pouvez le lui dire.

RÉPONSE. Votre Majesté permet-elle que je nourrisse l'espoir qu'a l'Empereur d'y voir le comte Roumiantzof?

L'EMPEREUR. Eh! bien, Vous l'avez vu, Roumiantzof. Vous voyez comme il est faible et cassé. Il ne conviendra jamais à votre maître. Je voudrais faire un choix qui fût tout à fait *dans le sens* et qui en même temps sût inspirer de la confiance à l'Empereur; qui pût le suivre dans ses courses et l'entretenir quand il en aurait besoin, comme je le fais dans ce moment avec vous et pour cela je voudrais qu'il fût militaire. Vous sentez quel prix j'attache à cela et combien il serait dangereux de lui envoyer encore un homme comme M. de Morkof[27]. J'ai jeté les yeux sur un homme qui a mon estime et ma confiance entière et qui va arriver ici: c'est le général Tolstoï[28], le frère de celui qui est ici, le même qui commandait contre vous l'hiver dernier. Vous aurez occasion de le voir ici et vous m'en parlerez. Je crois qu'il peut convenir à l'Empereur.

RÉPONSE. Sire, si le général Tolstoï a beaucoup du caractère de son frère, il conviendra beaucoup et sera très bien reçu.

L'EMPEREUR. Comment passez-vous votre temps à Pétersbourg? Je sais que vous ne vous y amusez pas. Encore un peu de patience. Qu'avez-vous appris?

RÉPONSE. Peu de chose, Sire. On m'a parlé de la nomination de nouveaux ministres et, entre autres, on m'a cité celui de la marine et le prince Lobanof pour le ministère de la guerre. J'avoue que si cette dernière nomination a lieu, je me hâterai d'en instruire l'Empereur comme d'une nouvelle qui lui fera grand plaisir; il l'a beaucoup goûté à Tilsit.

L'EMPEREUR. On fait ici beaucoup de contes, comme à Paris sans doute. Quant à des changements de ministres, je n'ai pas grand chose à faire à cet égard. Celui de la marine est nommé: c'est M. Tchitchagof que vous voyez là. Il est bien dans la chose et j'en suis content. Quant à Lobanof, c'est moi qui en ai parlé à l'Empereur dans nos *soirées nocturnes*, et je compte me l'attacher comme ministre de la guerre ayant la partie active, lorsque j'aurai divisé ce ministère comme le vôtre[29]. Cette manière est incontestablement bonne. Du reste je pense comme votre maître: il vaut mieux remettre un ministre en bonne route que de le perdre, quand il a les moyens de bien servir. Vous avez donc vu peu de monde jusqu'à présent?

RÉPONSE. Sire, j'avouerai à Votre Majesté que sans Ses bontés

et celles du Grand-Duc [30] je ne serais pas encore sorti de mon appartement. Je Lui parle de cela avec confiance, parce que je sais qu'on Lui en a rendu compte. Ma patience n'est pas rebutée et l'accueil que Votre Majesté daigne me faire l'a encouragée.

L'EMPEREUR. Cela changera bientôt. Attendons l'arrivée de la réponse. Allez voir Cronstadt avec le ministre de la marine; il a ordre de vous y conduire. Vous verrez que je suis prêt à bien recevoir ces messieurs. J'ai donné également ordre que l'on vous ouvre l'arsenal et la fonderie.

RÉPONSE. Sire, je ne sais comment exprimer ma reconnaissance à Votre Majesté.

L'EMPEREUR. Avez-vous vu le Grand-Duc?

RÉPONSE. Oui, Sire, j'ai eu cet honneur-là.

L'EMPEREUR. Que vous a-t-il dit?

RÉPONSE. Qu'il espérait tenir les engagements qu'il avait pris d'aller à Paris, mais que cela ne dépendait pas de lui. On l'attend à Paris, Sire; on se fait une fête de l'y recevoir et le Grand-Duc de Berg m'a recommandé de le sommer de tenir sa promesse.

L'EMPEREUR. Oui, pour qu'à mon arrivée je le trouve jusqu'au cou dans les plaisirs... et personne que moi pour l'en tirer. Je compte le prendre pour compagnon de voyage. D'ailleurs, il a de la besogne. Les gardes n'arrivent que dans un mois et j'avoue franchement qu'il a des pertes considérables à réparer. Moi aussi, j'ai beaucoup de travail et une fois tout cela terminé, rien ne mettra obstacle à ce voyage dont je me promets beaucoup *). Adieu, général, je vous reverrai à Péterhof.

RÉPONSE. J'aurai cet honneur-là, Sire, et n'écrirai à l'Empereur qu'au retour de Votre Majesté.

L'EMPEREUR. Fort bien.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

*) Rien ne peut rendre comment l'Empereur Alexandre parle de ce voyage et avec quel plaisir. Il a déjà calculé qu'il arrivera en vingt jours à Paris et qu'il ne visitera nos grandes garnisons, comme Metz et Strasbourg, qu'à son retour. Il parle de cela comme d'une pensée favorite qu'il a longtemps bercée. *(Note de Savary).*

7.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 6 août 1807.

Le 30 juillet j'eus avec M. de Merveldt une autre conversation que je crois bien de rapporter ici comme une nouvelle preuve de son impatience et de son inquiétude.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Général, il me semble que vous m'aviez dit que le traité de paix n'était pas un secret.

RÉPONSE. Sans doute, mon général, et vous le verrez probablement dans nos journaux.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Alors, pourquoi ne le publie-t-on pas ici? C'est une drôle de manière.

RÉPONSE. Ce cabinet-ci peut avoir des raisons pour le tenir ignoré encore quelque temps, mais d'ailleurs, comme ambassadeur d'Autriche, vous en aurez infailliblement connaissance.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Je ne sais pas trop; ces messieurs ne me paraissent pas en prendre le chemin et je commence à croire qu'ils ne se soucient pas de me rien communiquer. Ce sont eux qui nous ont fait faire la dernière guerre par le moyen du comte Louis de Cobenzl et je ne serais pas étonné qu'ils nous eussent plantés là.

RÉPONSE. Vous me surprenez, mon général, et je vous prie de vous rassurer. Je voudrais qu'il dépendît de moi de vous donner connaissance de ce traité, mais je ne le connais pas et j'espère le recevoir par nos journaux.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Mais, mon général, c'est vous qui m'étonnez. Comment êtes-vous donc ici?

RÉPONSE. Comme un voyageur curieux. La première personne qui doit y venir avec un caractère n'y est pas encore: c'est notre consul M. Lesseps.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. L'on dit ici que l'Empereur a écrit à Londres pour offrir sa médiation. En avez-vous ouï parler?

RÉPONSE. Non, mon général, en aucune manière.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Pour le coup, vous ne voulez rien dire, car vous avez dîné à la Cour il y a deux jours et, sans doute, l'Empereur vous en aura parlé.

RÉPONSE. Du tout, mon général; et d'ailleurs, comme vous l'observez très bien, je ne le dirais pas. Mais l'Empereur n'a aucune raison de me faire de pareilles communications, parce que je n'ai aucun caractère auprès de lui.

Le 30, à six heures du soir, je fus présenté à S. M. l'Impératrice-Mère, au palais de Tauride. J'avais sollicité cette faveur dès le lendemain de mon arrivée. L'accueil fut froid et ne dura pas tout à fait une minute [31].

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

8.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 6 août 1807.

Le 1er août l'Empereur m'envoya inviter à venir le soir même coucher à Péterhof *) où le corps diplomatique ne devait se rendre que le lendemain.

Une des maisons dépendantes de la Cour était préparée uniquement pour moi et une calèche de Cour était à ma disposition.

Je fus le seul étranger invité le lendemain à la parade et placé immédiatement à la gauche de l'Empereur, qui se fit présenter les officiers qui étaient avec moi.

J'eus ensuite l'honneur d'être admis à la messe et placé au premier rang après la famille impériale, c'est-à-dire avec le grand-maréchal, le grand-chambellan, les princes, etc.

Après la messe je fus présenté aux deux jeunes Grands-Ducs et aux deux Grandes-Duchesses [33].

*) Le château de Péterhof est situé sur le bord de la mer, en face de Cronstadt, à 10 lieues de Pétersbourg. Il a été bâti par Pierre le Grand. C'est là que l'Empereur a coutume de célébrer chaque année, le 2 août, l'anniversaire de la naissance de sa mère [32]. Toute la noblesse et le peuple sont admis pêle-mêle dans les appartements et les jardins, où l'on trouve des tables bien servies. (*Note de Savary*).

Le soir, étant dans les appartements du palais au moment du bal, l'Empereur, en présence de toute la Cour, perça la foule et vint à moi. Il m'entretint pendant un quart d'heure devant tout le public et me fit le même honneur deux fois dans la soirée.

Le Grand-Duc me rechercha également *) et, enfin, j'ai été honorablement affiché par de grandes distinctions qui furent pour le public l'avertissement du ton sur lequel on en était aujourd'hui. Depuis ces moments je ne rencontre que des visages riants.

Tout le monde se retira de Péterhof après le bal, et je reçus de la part de l'Empereur par son aide de camp général Lieven l'invitation d'y coucher encore cette nuit et de venir dîner avec lui le lendemain.

Je me rendis à cet honneur et après le dîner Sa Majesté causant avec moi dans une embrasure de fenêtre me dit: „Ne parlons pas ici devant tout le monde. Vous viendrez dans mon cabinet afin que vous puissiez vous mettre à votre aise." Effectivement, après s'être retiré, l'Empereur m'envoya chercher et me fit introduire par un passage dérobé jusque dans son cabinet et voici exactement ce qu'il m'a dit: „Toutes les fois que nous aurons à causer ce sera toujours dans mon intérieur parce que j'ai besoin que l'on parle un peu haut. Quand part votre courrier?"

RÉPONSE. Je compte le faire partir après-demain, Sire.

L'EMPEREUR. Alors je vous enverrai une lettre pour l'Empereur [35]. Dites-lui que j'attends le comte Tolstoï sous quelques jours et qu'aussitôt il partira par courrier. J'espère qu'il lui conviendra. Vous le verrez. C'est un homme qui pourra suivre l'Empereur dans ses courses, dans ses voyages et dans ses chasses, comme un de ses aides de camp. Cette manière me plairait beaucoup parce qu'elle nous fournirait réciproquement beaucoup d'occasions de communiquer sans passer pas les formes officielles. Une chose encore à laquelle je tiens beaucoup, c'est de recevoir quelquefois des lettres de l'Empereur. Il n'est pas nécessaire de m'envoyer d'officiers pour cela, mais simplement un courrier, ou me les faire remettre par son ambassadeur, parce qu'il est une chose incontestable, c'est qu'entre nous

*) Le Grand-Duc me dit entre autres choses: „Nous avons su que l'Empereur avait écrit à l'intendant qu'il a dans le Mecklembourg en faveur de mon beau-frère [34]. Mon frère et ma mère ont appris cela avec bien du plaisir et de la reconnaissance". *(Note de Savary.)*

deux il n'y aura jamais de moyen plus efficace pour terminer toute espèce d'affaires, car je suis sûr de ses sentiments et, de mon côté, j'ai une extrême envie de devancer ses désirs. Et, malgré ce que vous a dit Merveldt, je n'ajoute aucune foi à ses discours. Il fait, je crois, beaucoup de contes à sa Cour; au reste, tant pis pour lui et tant pis pour elle, si cela le conduit encore à d'autres sottises. Je suis prêt et, au premier mot de votre maître, je marche avec autant de monde qu'il voudra. C'est dans une telle circonstance qu'il pourra me juger.

Dites aussi à l'Empereur que la note pour offrir ma médiation à l'Angleterre a été portée sur-le-champ par un officier et qu'elle a été copiée mot à mot sur celle qu'il m'a lui-même remise [36]. J'attends chaque jour le retour de cet officier pour lui faire connaître la réponse qu'il m'apportera. Ce sera alors qu'on arrivera aux mesures à prendre contre ces messieurs et, comme vous serez encore ici, vous verrez ce qui se passera. Je suis tout entier à l'ouvrage de Tilsit et l'Empereur sera content de son allié.

Je ne suis pas extrêmement pressé de voir arriver son ambassadeur, surtout vous étant ici, mais je vous avoue pourtant que je pense que cela ne sera pas trop long. Il ne me sourirait pas qu'il y eût un intervalle entre votre départ et son arrivée. Au reste, l'Empereur fera là-dessus ce qu'il lui plaira. Je vous le répète, général, ne croyez à aucun conte ici, sans m'en avoir parlé. On en fait à Pétersbourg tout autant qu'à Paris. Sans doute l'on ne songera pas à nous faire battre d'ici à quelque temps; mais il est bien possible qu'après quelque repos l'intrigue revienne nous faire voir de l'humeur là où il n'y en aura pas; j'espère que l'on n'imprimera rien. (En riant.) On s'en est assez dit [37]. Mais, si malgré les soins des deux gouvernements, il paraissait encore quelque chose de cette nature, je ne demande que la faveur d'un simple courrier, comme je viens de vous le dire, et, de mon côté, je serai habile à prévenir la moindre mésintelligence. Au reste, je compte aller le voir pour lui, mon instruction et le bien de mon pays. Mais vous voyez que j'ai besoin d'être ici pour établir les choses comme il me convient qu'elles soient; cependant dites-lui que dès que le moment des plaisirs arrivera pour moi et mon frère, ce voyage sera le premier auquel je me livrerai.

Allez voir Cronstadt et écrivez-lui. Adieu, général. Je vous

répète encore ce que l'Empereur m'a dit: trois n'ont jamais marié ensemble, mais deux peuvent coucher. Venez manger ma soupe quand vous le voudrez.

Pendant cette conversation j'ai beaucoup écouté l'Empereur et l'ai peu interrompu.

Le même jour au soir j'ai vu M. de Merveldt qui m'a dit en me voyant: „Ah! général! Je viens de recevoir des nouvelles de Vienne. On y est dans l'enchantement de l'arrivée de Metternich qui a dit que votre Empereur l'avait autorisé à annoncer qu'il allait nous rendre Braunau [38]; mais l'on désire beaucoup connaître votre traité; faites-moi donc le plaisir de me le communiquer".

RÉPONSE. Général, ce serait avec empressement, mais je ne l'ai pas. Sans doute les premiers journaux de France me l'apporteront et alors je me ferai un plaisir de vous les communiquer.

LE GÉNÉRAL MERVELDT. Mais pour lors, on le saura déjà à Vienne.

RÉPONSE. Je n'y sais d'autre moyen, mon général.

L'Empereur après la conversation dont j'ai rendu compte à la suite du dîner de Péterhof a ajouté quelques mots au sujet de la Prusse et à l'occasion de certains bruits qui circulent dans le public. „L'Empereur" — a-t-il dit — „sait tout l'intérêt que je porte à un prince qui fut mon allié et qui est à plaindre. On me dit qu'on tourmente beaucoup son pays pour le paiement des contributions extraordinaires. Je ne veux pas, général, que vous parliez à l'Empereur de ceci: il est occupé de trop grandes choses pour que je veuille le distraire; mais, vous-même, ne pourriez-vous pas écrire ou faire écrire aux maréchaux ou aux intendants qui sont restés en Prusse pour tâcher d'arranger tout cela sans rien brusquer et avec tous les ménagements qui sont possibles?" [39].

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

9.

Notice sur la Cour de Russie.

Il y a proprement deux Cours à Pétersbourg: La jeune Cour, celle de l'Empereur et de l'Impératrice régnante ; la vieille Cour, celle de l'Impératrice douairière.

Cette dernière, qui semblait devoir ne se mêler d'aucune affaire politique, passe cependant pour avoir dans plus d'une circonstance donné des avis prépondérants. Le trait principal du caractère de l'Impératrice-Mère c'est la fermeté. Elle tient beaucoup de son frère le Roi de Wurtemberg. Elle a de la noblesse et beaucoup de dignité. Il y a à sa Cour beaucoup plus d'étiquette qu'à celle de son fils.

On a répandu au sujet de cette Princesse quelques soupçons d'ambitions qui ne paraissent pas fondés. Le penchant naturel qui porte les Russes à aimer les gouvernements des femmes peut y avoir donné lieu ; mais la tendresse que l'Impératrice Marie a pour son fils détruit suffisamment tout ce qu'on peut répandre sur son compte. Son fils chéri — c'est l'Empereur. Elle le préfère beaucoup à son frère le Grand-Duc Constantin. Les mœurs et les principes de celui-ci ne le recommandent guère auprès de sa mère, pieuse et d'une conduite qui n'a jamais rien prêté à la malignité. Les jeunes Grands-Ducs et les Grandes-Duchesses sont élevés à la Cour de l'Impératrice douairière et sous ses yeux.

Cette Cour ne se prononce que lentement sur les événements politiques actuels. Mais on peut conjecturer d'avance qu'elle finira par affirmer ce qui se fait.

La jeune Cour est tout entière régie par la volonté de l'Empereur. L'Impératrice Elisabeth, timide et réservée, dit et pense comme on le désire. Sa sœur, la princesse Amélie de Bade, a le caractère moins souple ; cependant elle cède, parce qu'il le faut, mais avec moins de douceur et de résignation que l'Impératrice. J'ai eu occasion de le remarquer dans la conduite de ces Princesses à mon égard.

L'Empereur est le maître à sa Cour et dans le gouvernement. Ce Prince a de la volonté. Il persiste dans ses opinions avec une persévérance et une obstination qui le font passer pour avoir de

l'entêtement. Tout ce qu'il fait depuis son retour est conséquent avec ce qui s'est passé à Tilsit. Il a pu rencontrer quelquefois de la mauvaise volonté dans celles des personnes qui l'approchent qui ne sont pas de son avis, mais on ne voit pas de système d'opposition suivie. Je le répète, la volonté du Souverain est une à Pétersbourg [40].

La Cour du Grand-Duc, qui est à part, est toute militaire.

Il serait hasardeux d'entreprendre de parler plus en détail de la Cour et du gouvernement. Il faut mieux en connaître les personnages pour le pouvoir juger. Je serai bientôt suffisamment au courant des événements pour apprécier la conduite des ministres et mon premier courrier portera des renseignements plus positifs.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

10.

Tableau de Saint-Pétersbourg à l'époque du 23 juillet au 5 août.

Le retour de l'Empereur Alexandre dans sa capitale a produit peu d'effet et n'a donné lieu à aucune réjouissance publique. La nouvelle de la paix, arrivée précédemment, n'avait causé aucune sensation. L'opinion publique, travaillée depuis plus de deux ans, avait été portée au plus haut degré d'exaltation contre nous. Les esprits étaient trop disposés à la guerre pour que la paix fût accueillie à Pétersbourg avec l'enthousiasme que produit toujours un pareil événement.

Mon arrivée fit ici une grande sensation. On m'a suivi pendant plusieurs jours aux spectacles et aux promenades comme un objet curieux. J'ai remarqué partout un silence sur les affaires politiques qui tenait de la stupeur. Personne n'osait parler ni de Tilsit, ni de la paix, ni de la France, ni de l'Empereur.

La paix n'était point publiée. Cependant on n'en doutait pas, quoique certaines personnes voulussent avoir l'air de ne pas y croire.

Il transpirait que l'on avait été battu; cette opinion faisait ressortir l'indignation d'un orgueil parfaitement humilié.

Une relation de la bataille de Friedland avait paru. On y avouait une perte de 10,000 hommes et, comme l'on savait toutes les conséquences de la retraite derrière le Niémen, on évaluait la perte à bien davantage.

Deux jours avant mon arrivée on priait encore contre nous dans les églises [41]. Le 24 juillet un oukaze fit cesser ces prières et un autre ordonna que, dans les conversations, comme dans les actes et autres écrits, on ne parle de S. M. l'Empereur des Français qu'avec tout le respect qui convient à sa haute dignité. Il était aussi question dans l'oukaze des Rois de Naples, de Hollande et des princes français.

Plusieurs libelles de mauvais goût et quelques feuilles périodiques rédigées par des émigrés avaient fait naître et entretenaient une opinion de mépris contre nous; mais, par l'ordre de l'Empereur, on a défendu la publication et la vente de ces diatribes [42].

On a osé dire publiquement à la Bourse que la paix n'était pas faite et on s'est avisé de juger la conduite de l'Empereur Alexandre en le blâmant d'être venu voir l'Empereur Napoléon, tandis que c'était à celui-ci à aller au devant de l'Empereur de Russie.

De trente visites que j'ai faites aux hommes en place ou considérables, je n'ai été reçu et visité que par le prince Lobanof et le comte Tolstoï. J'ai remarqué beaucoup de gens n'osant pas encore me parler et même des officiers que j'avais occasion de connaître pendant la campagne dernière.

Les négociants français établis ici n'osent pas encore venir me voir *).

Les Anglais qui sont ici en grand nombre font tout ce qu'ils peuvent pour connaître les articles du traité de paix. Leur ambassadeur a dans la société et dans le commerce une grande influence.

---

*) Tous ont été forcés pour pouvoir rester ici de prêter sur l'Evangile un serment par lequel ils se sont engagés de renoncer pour jamais à la France et de n'entretenir avec des Français aucune correspondance sous peine de mort... Beaucoup ont été dans la nécessité de ce lien par ce serment faute de moyens de pouvoir partir et ayant ici leurs familles et leur fortune. Ils désirent maintenant d'être dégagés de ce serment et de rentrer sous la protection de la France. Je demande des ordres à ce sujet. *(Note de Savary)* [43].

Il fait une dépense considérable. Les commerçants russes sont en général partisans des Anglais parce que depuis bien des années ils ne voient dans leurs ports que le pavillon et les vaisseaux de cette nation.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

11.

Savary à Talleyrand.

Saint-Pétersbourg, 7 août 1807.

Monseigneur, j'ai l'honneur de vous informer que je suis arrivé ici le 23 juillet. Le même jour, j'ai été admis à voir l'Empereur, et depuis, j'ai eu avec Sa Majesté différentes conversations dont je rends compte à l'Empereur, qui probablement vous en fera part.

Depuis le peu de temps que je suis ici, j'ai déjà été à même d'observer quelle influence les Anglais exercent dans la société. Je pense que le seul moyen de la balancer serait d'envoyer promptement ici une ambassade bien choisie, bien composée, qui pût, par l'éclat qui l'entourerait, parler aux yeux des habitants de Pétersbourg et ramener l'opinion en notre faveur.

Votre altesse saura mieux que moi, monseigneur, quel homme il convient d'envoyer aux Russes. Il faut que l'ambassadeur de France ici, par un nom connu, par ses titres et son rang, en impose ; et il sera nécessaire, pour soutenir cela et pour représenter dignement, de faire de très grands frais d'établissement. La manière dont je suis ici peut durer encore un ou deux mois au plus, le public n'attendant rien de moi parce que je n'ai aucun caractère. Mais je crois très sérieusement qu'il y aurait beaucoup d'inconvénient à me laisser plus longtemps ici et à ne pas envoyer un ambassadeur. Un simple général logé à l'auberge et roulant en voiture de place, n'est pas ce qu'il faut ici pour donner aux habitants l'opinion qu'ils doivent avoir de la nation française et qu'ils ne se formeront que d'après ce qui frappera leurs yeux.

Ces réflexions me reviennent trop souvent pour que je me sois abstenu de vous les communiquer, monseigneur; je suis sur les lieux, et j'ai l'expérience de tout ce que j'ai l'honneur de vous dire.

La maison la plus anglaise que j'aie vu ici, est celle de M. de Merveldt, ambassadeur d'Autriche, dont la femme affecte de bien traiter lord Gower et tous les siens et est à peine polie envers les Français[44]. Je suis tellement persuadé que les principes de M. de Merveldt sont tout à fait dans le sens du cabinet de Saint-James, que je crois pouvoir avancer que, si les Anglais cessaient d'avoir une légation ici, M. de Merveldt soignerait leurs intérêts.

Votre altesse jugera de la suite que l'on peut donner à ces renseignements, et s'il ne serait pas convenable de faire envoyer ici par l'Autriche un homme qui pût seconder l'ambassadeur de France, ou, au moins, ne pas le contrarier?

Il en est de même du comte de Norona, ministre d'Espagne; c'est un homme de peu de moyens, et qui n'a aucune espèce de caractère. Dans les circonstances où sa position est devenue difficile, il s'est tiré d'embarras en convenant de tout ce qui pouvait flatter les ennemis les plus acharnés de l'Empereur. Après une conduite aussi peu loyale, un tel homme ne convient nullement auprès d'une Cour, qui attend incessamment une ambassade de France, et la Cour de Madrid, si elle était bien instruite, serait empressée à désapprouver le comte de Norona.

L'Empereur, en me faisant partir de Kœnigsberg aussi subitement, ne m'a pas laissé le temps de prendre des arrangements de finances dont je pourrai bientôt sentir le besoin. C'est à votre altesse que je prends la liberté de m'adresser pour la prier de vouloir bien me faire ouvrir, par M. Perregaux, un crédit assez considérable pour suffire aux dépenses énormes que je fais ici seulement pour me loger, moi et les personnes qui m'accompagnent, et pour ma table.

SAVARY.

P.-S. J'espère pouvoir par mon prochain courrier parler à votre altesse de la Cour et particulièrement des membres de la famille Impériale, alliés à des parents de l'Empereur Napoléon. Jusqu'à présent personne ne m'a ouvert la bouche ni du prince de Bade,

ni de sa femme, ni du Roi de Wurtemberg [45]). Du reste j'ai beaucoup à me louer de l'accueil des Impératrices. J'ai quelque raison de croire que le prince Charles de Bade n'a pas conservé toute la force de caractère qu'il devait avoir dans la circonstance qui l'a brouillé avec sa famille.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

12.

Savary à Napoléon [46].

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 23 août 1807.

Sire, depuis le dernier rapport que j'ai eu l'honneur d'adresser à Votre Majesté le 7 de ce mois, il ne s'est rien passé de bien intéressant à Saint-Pétersbourg.

La paix y a été publiée et a produit les plus agréables sensations [47]. Les ministres étrangers en ont reçu la notification et un seul, celui d'Angleterre, a demandé à M. de Budberg [48] une conférence à ce sujet; elle a eu lieu avant-hier ; le ministre anglais s'y est fort échauffé et a demandé s'il y a des articles secrets? M. de Budberg a répliqué qu'il n'avait rien à lui répondre là-dessus et qu'il ne connaissait aucune obligation de les lui communiquer. mylord Gower a pris de l'humeur et est sorti. (Je tiens ces détails de M. de Budberg lui-même.)

M. de Kotchoubey, ministre de l'intérieur, homme d'esprit, qui nous a été fort opposé, a demandé sa démission. Elle lui a été accordée, mais il reste à son ministère jusqu'à l'arrivée de son successeur, qui n'est pas connu [49].

Le prince Lobanof, qui est toujours excessivement attaché à son pays et qui aime la France, est entré dans son ministère. Il y est ce que le maréchal Berthier est à celui de la guerre et il a pour collaborateur le général Viasmitinof [50].

M. de Roumiantzof m'a témoigné ses regrets de n'avoir pu accepter l'ambassade de Paris et m'a dit à ce sujet qu'il fixerait l'attention de Votre Majesté en La servant à Pétersbourg et que

le commerce de France lui fournirait sans doute des occasions de prouver son admiration et son désir d'être agréable à un aussi grand homme (ce sont ses expressions).

J'adresse un long rapport à M. le prince de Bénévent; je l'entretiens d'objets qui sont de son ressort, entre autres, de cadeaux qui, sans être d'un grand prix, feront, d'après ce que j'ai vu, beaucoup de plaisir. M. de Lesseps lui en adresse également un sur sa partie.

L'Empereur m'a fait faire connaissance chez lui avec le comte de Tolstoï, qu'il a nommé son ambassadeur près de Votre Majesté [51]. C'est un franc et loyal militaire qui est un peu intimidé de cette mission par la seule crainte de ne pas être agréable à la Cour de France. Il avait le projet de se retirer dans ses terres et il n'y a renoncé que parce qu'il a été séduit par l'honneur d'être placé près de Votre Majesté ; il est animé des meilleurs sentiments et a surtout le désir de réussir en France; il arrivera à Paris vers la fin de septembre.

Votre Majesté verra dans le rapport qui est ci-joint l'opinion de l'Empereur Alexandre sur son ambassadeur. Je rends sa conversation mot à mot.

En général, l'opinion a fait ici des progrès considérables en notre faveur, et, dans peu, celle qui avait produit les moments d'aigreur qui ont amené la guerre sera entièrement disparue.

L'Empereur Alexandre est sans cesse occupé du désir d'être agréable à Votre Majesté. Il en résulte des attentions pour moi qui sont si distinguées qu'à la longue elles doivent lui devenir gênantes et je pense qu'avec l'ambassadeur qui viendra il prendra une autre manière, non moins agréable à l'envoyé de Votre Majesté, mais moins assujettissante pour lui, qui a poussé les prévenances à l'excès.

Je suis convaincu que rien ne peut être plus agréable à l'Empereur de Russie que de recevoir de temps à autre des nouvelles directes de Votre Majesté, par un simple officier ou même un courrier, et je ne crois pas qu'il existe quelque chose qu'il ne fasse pas avec empressement au premier avis qu'il aura que cela peut plaire à Votre Majesté.

Son voyage en France n'est pas un simple projet. Il l'exécutera aussitôt que la grande besogne que lui ont donnée les suites de la guerre sera un peu avancée et, surtout si Votre Majesté

lui témoigne le désir de le voir, il se mettra en chemin immédiatement. Son projet, à lui, est de faire ce voyage vers le mois de mars.

Il se promet beaucoup de son séjour aux Tuileries et espère assister à des séances du Conseil d'Etat, à des conseils des ministres et enfin, dit-il, „je ne le quitterai qu'après avoir vu son dernier établissement“ (en parlant de Votre Majesté).

La première colonne de la garde russe est arrivée; la dernière arrivera le 1er septembre.

L'armée est divisée en cantonnements dont le centre est à Vitebsk. On y recomplète les régiments par l'incorporation des levées d'hommes qu'avait amenées le prince Lobanof sur le Niémen.

M. de Saint-Aignan est porteur de cette dépêche pour Votre Majesté. Il a été fort répandu et fort goûté à Pétersbourg. L'Empereur l'a invité à dîner particulièrement et il pourra répondre à tout ce que Votre Majesté désirera apprendre de cette ville.

M. Lelorgne, dont Votre Majesté m'a fait accompagner, a été reçu en Russie avec beaucoup de plaisir et l'on s'est empressé de venir lui faire oublier les formes sévères dont on avait usé envers lui à l'époque où on l'obligea de quitter Pétersbourg. Il y est fort utile par la confiance qu'il y a inspirée et l'estime qu'il y commande [52].

L'Empereur Alexandre a fait monter dans un appartement près de celui qu'il occupe le lit que Votre Majesté lui a donné à Tilsit. On va le voir par curiosité.

J'allais fermer ma lettre au moment où M. de Lesseps arrive de Kamény-Ostrof et me fait part de ce qui suit:

L'Empereur, sachant qu'il était présenté aujourd'hui chez l'Impératrice, l'a fait venir dans son cabinet et lui a dit, pour que je l'écrive à Votre Majesté, qu'il avait reçu hier soir un courrier du gouverneur de Mitau qui lui a apporté la nouvelle que le comte de l'Isle était prêt à s'embarquer pour la Suède.

L'Empereur de Russie a répondu ce matin même que le comte de l'Isle était libre de faire ce qu'il voulait; il a dit à M. de Lesseps de venir sur-le-champ me rendre compte de cela afin que j'en donne avis à Votre Majesté et il a ajouté: „*Je veux que l'Empereur sache que je ne veux rien faire, sans lui communiquer jusqu'à la moindre de mes actions qui peut l'intéresser*“ [53].

Je fais faire à M. de Lesseps un rapport détaillé de cette conversation et le même courrier le porte au prince de Bénévent.

M. de Saint-Aignan est porteur d'un buste de l'Empereur, en marbre, qu'il vient de m'envoyer pour l'offrir à Votre Majesté.

SAVARY.

P.-S. M. de Tolstoï, le grand maréchal, continue de conserver aux Français les plus vifs sentiments d'amitié. Il est recommandable, en outre, par l'empressement qu'il met à me faire parler à l'Empereur toutes les fois que je parais le désirer. C'est par ses soins que je reçois exactement de fréquentes invitations pour la Cour.

Archives Nationales,
Paris.

13.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 23 août 1807.

Sire, mon dernier courrier pour Paris est parti le 7. Depuis ce jour jusqu'au 17 août je n'ai pu voir l'Empereur, ayant été retenu dans mon lit par une fluxion, accompagnée d'une fièvre catarrhale. Pendant ces dix jours Sa Majesté a envoyé chaque matin demander de mes nouvelles.

Le 17 je conduisis M. de Lesseps à Kamény-Ostrof, où devait avoir lieu sa présentation à l'Empereur. Il apprit que j'étais dans l'appartement du comte Tolstoï et il me fit appeler.

Après bien des marques d'intérêt sur mon rétablissement, l'Empereur me parla ainsi:

„Je viens d'éprouver un grand plaisir en voyant M. de Lesseps et je sais bien bon gré à l'Empereur de me l'avoir envoyé. C'est un excellent homme, qui jouit d'une estime générale dans ce pays-ci. Il m'a donné des nouvelles de Dresde qui m'ont fait grand plaisir. Le prince Stcherbatof [54], qui est aussi arrivé, m'a dit qu'il s'était trouvé dans l'antichambre de l'Empereur lorsqu'il dictait la consti-

tution du duché de Varsovie et que tout cela avait été fini dans deux heures. Il a même eu la bonté de lui en parler et tout est très bien arrangé pour ce pays-là. Qu'avez-vous appris de nouveau, général?"

RÉPONSE. Sire, rien de bien intéressant. J'attends l'arrivée du comte Tolstoï, que l'on annonce prochaine.

L'EMPEREUR. Oui, c'est vrai; son courrier est arrivé et lui-même arrivera probablement ce soir. Il ne restera que peu de jours ici et se mettra tout de suite en route. A propos, j'ai reçu des nouvelles d'Angleterre, mais pas depuis l'arrivée de nos propositions et de ma note. Mon ministre me mande qu'on l'a un peu boudé lorsqu'on a appris à Londres par Altona qu'à mon intercession, l'Empereur avait rendu à mon frère de Mecklembourg ses Etats. On a auguré de là qu'il était possible qu'on en vînt à des arrangements définitifs et l'on était bien aise de savoir si l'on pouvait compter sur moi, en ajoutant que l'on ne désirait rien tant que de voir la bonne intelligence des deux Etats maintenue et que l'on espérait qu'ils ne se sépareraient pas d'intérêts. Mon ministre, qui n'avait encore rien reçu, n'a pu répondre que d'une manière évasive qui n'a pas satisfait ces messieurs, et ils viennent de m'envoyer une flotte assez considérable dans la Baltique. Sans doute ils comptent faire ce qu'ils ont fait à Copenhague et à Constantinople, mais ils peuvent venir — je suis prêt. J'ai calculé que ce ne pouvait être que deux jours après le départ de ce courrier que mon ministre recevrait la proposition de ma médiation et ma note[55]. Actuellement, j'attends donc de jour en jour cette réponse et s'ils ne veulent pas de moi comme médiateur, nous verrons avec votre maître à les arranger. Il faudrait qu'ils fussent fous, mais, ma foi, ils sont capables de tout. Je n'ai aucune nouvelle de la Méditerranée, mais il est probable que l'Empereur en aura avant moi par l'Italie. L'amiral Séniavine me donne un peu d'inquiétude parce que, si tout cela éclate avant qu'il ait passé le détroit, il aura beaucoup de peine à sortir de là[56]. Mais, du reste, il a les ports de France, où je lui ai bien recommandé d'entrer plutôt que de courir trop de chances. Je suis sûr que, s'il est dans ce cas, l'Empereur le fera bien recevoir.

RÉPONSE. C'est faire grand plaisir à l'Empereur, Sire, que de lui fournir une occasion de faire quelque chose qui soit agréable

à Votre Majesté et je La prie d'avoir toujours la même confiance dans ses sentiments.

Le 21 je fus invité à dîner à Kamény-Ostrof. Avant le dîner l'Empereur me fit appeler dans son cabinet et après beaucoup de politesses il me dit: „Voilà mon ambassadeur arrivé, vous allez le voir. C'est un galant homme qui a toute ma confiance et que j'envoie à l'Empereur comme l'homme que je trouve lui mieux convenir. Je vais vous parler avec franchise (me prenant par la main): vous êtes un de nos amis et il faut que vous me rendiez service. J'ai le plus grand désir que le comte Tolstoï réussisse chez vous; j'éprouverais une peine mortelle s'il ne plaisait pas à l'Empereur et je serais fort embarrassé pour le remplacer. J'attends donc de vous, général, que vous écrirez pour lui et que vous lui faciliterez les moyens de se mettre là-bas, dès en arrivant, comme il convient pour ne pas être désagréable et cependant être rapproché autant que possible de l'Empereur. Je sais que votre étiquette permet que vos ambassadeurs soient invités aux chasses et aux manœuvres de l'Empereur. Je vous avoue que je désire beaucoup cela pour le comte Tolstoï, parce qu'à la chasse il arrive souvent que l'Empereur, pensant aux affaires, laisse là les chasseurs pour s'en occuper; et c'est dans de telles occasions que mon ambassadeur pourra trouver l'occasion de lui parler. Enfin, il y a mille petits moyens de ce genre qui souvent resserrent mieux la liaison que toutes les formes officielles qui sont si fatigantes. Ecrivez donc à vos camarades et demandez-leur leur amitié pour Tolstoï. Dites à Duroc et à Caulaincourt que je recommanderai à mon ambassadeur de les voir beaucoup et que je compte sur eux et leur amitié pour lui [57]. Puisque vous faites partir Saint-Aignan, envoyez-le-moi demain afin que je lui parle de cela avant son départ. J'envoie à l'Empereur deux pelisses, parce que voilà la fin de l'automne qui s'approche, et j'espère qu'il pensera à venir en s'enveloppant dedans. L'une n'est pas si estimée que l'autre et c'est une faute, parce que j'ai trouvé celle de renard noir si lourde que j'ai craint qu'il ne la portât pas et c'est ce qui m'a décidé à faire mettre une autre, plus légère, mais, à la vérité, de moindre valeur. Je veux être son marchand de fourrures. — Encore aucune

nouvelle d'Angleterre. Je pense comme l'Empereur: aussitôt qu'ils auront appris la conférence de Tilsit, ils auront envoyé à Paris et refuseront par orgueil ma médiation. Au reste, peu importe, pourvu que la besogne se fasse et je m'en rapporte bien à l'Empereur pour lui faire sentir leur impolitesse. J'ai fait communiquer le traité à tous les ambassadeurs; un seul a demandé des explications, c'est celui d'Angleterre; mais ce sont les tables de la loi et il faudra bien qu'on s'y conforme."

L'Empereur me quitta en ajoutant encore: „Je recommande Tolstoï à votre amitié et vous m'obligerez beaucoup".

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

14.

Savary à Talleyrand.

Saint-Pétersbourg, 23 août 1807.

Monseigneur, M. de Lesseps est arrivé, et m'a remis les deux lettres que votre altesse m'a fait l'honneur de m'écrire de Dresde; elle ne pouvait faire un meilleur choix pour la Russie, et je ne saurais trop lui répéter combien il est satisfaisant pour un Français de voir un de ses compatriotes réunir autant de suffrages flatteurs que M. de Lesseps l'a fait dans ce pays.

Je renvoie à Paris M. de Saint-Aignan, qui a été très répandu et en général fort goûté ici. L'Empereur a voulu qu'il vînt prendre congé de lui, et l'a invité à dîner. Votre altesse peut l'interroger sur ce qui se passe à Saint-Pétersbourg, il y répondra.

M. le comte de Tolstoï, lieutenant-général (frère du grand-maréchal de la Cour), arrivera comme ambassadeur à Paris, vers la fin de septembre au plus tard. J'ai fait connaissance avec lui chez l'Empereur; il a une grande crainte de ne pas plaire à Saint-Cloud et s'effraye de l'ambassade de France, dont il est cependant très flatté, entre autres, il a grand peur de vous, monseigneur, et, à cette occasion, il m'a répété souvent qu'il craignait de ne pouvoir plus parler en se trouvant devant l'Empereur, et il m'a

demandé en grâce de supplier votre altesse de vouloir bien le traiter avec une bonté particulière et non avec le cérémonial d'un ambassadeur, sans quoi, il désespérait de réussir jamais à Paris. Son caractère et son métier est celui des armes; il avait le projet de se retirer dans ses terres, s'il n'avait pas été séduit par le plaisir d'être placé près d'un aussi grand homme.

J'ose vous assurer, monseigneur, que vous serez content de cet ambassadeur. Il a un caractère noble et ouvert, et sera fort sensible au moindre procédé envers lui; ses intentions sont loyales et il ne tiendra pas à lui que les liaisons de la France avec son pays soient très étroites; il emmène en France ses enfants pour les faire élever (ce qui prouve ses intentions pacifiques).

Je ne puis trop vous dire combien sont aimables les accueils que je reçois maintenant de toute part. L'Empereur continue à m'accorder des marques de préférence et d'une bonté si grande que je ne sais à quoi en attribuer le motif; je sens que si ces politesses-là durent, elles le gêneront beaucoup, et il n'est pas possible qu'il ne voye pas avec plaisir, que même il ne désire pas voir arriver bientôt un ambassadeur, avec lequel il se mettra d'abord plus à son aise [58].

Je prie, votre altesse, de faire accueillir M. le comte de Tolstoï avec la même bonté que je l'ai été ici et, en général, dans la société; on ne saurait avoir pour ces messieurs plus d'attentions aimables et délicates que l'on en a à Saint-Pétersbourg pour tous les Français qui m'accompagnent.

Dans le rapport qui est joint à cette lettre, je désigne quelques jeunes officiers que je trouve qu'il serait utile d'envoyer ici au lieu de courriers; ils ne pourraient que faire le plus grand bien en faisant disparaître cette opinion ridicule dont on a cherché à couvrir la nation la plus polie de l'Europe, et malheureusement elle a fait quelques prosélytes. L'on reverrait avec beaucoup de plaisir M. Louis de Périgord.

Je saisis cette occasion de remercier votre altesse de m'avoir fait donner une mission si flatteuse, mais je lui observerai qu'elle m'a fait espérer qu'elle ne se prolongerait pas, et mon plus grand désir est de rejoindre bientôt l'Empereur; il n'y a de poste flatteur et agréable pour ses serviteurs que près de lui, et je ne puis vivre que là.

M. de Saint-Aignan désire être chambellan, et, en honneur, ce serait une bien bonne acquisition. Je demande les bontés de votre altesse pour lui.

SAVARY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

15.

Savary à Talleyrand.

Saint-Pétersbourg, 23 août 1807.

Monseigneur, M. de Lesseps, arrivé ici le 15, m'a remis les dépêches de votre altesse. Il a eu le 17 son audience de M. de Budberg dont il vous rend compte, ainsi que de la réception que lui a faite l'Empereur.

J'ai la satisfaction de pouvoir annoncer à votre altesse que le général comte Pierre Tolstoï, frère du grand-maréchal, va partir incessamment pour Paris.

Depuis mon dernier courrier il s'est opéré ici quelque changement en notre faveur. Les figures ont pris un air plus riant, quelques portes se sont ouvertes, et j'ai lieu d'être content de l'accueil que l'on nous fait. L'Empereur est toujours noble et loyal. Le corps diplomatique s'inquiète beaucoup des préférences qu'il m'accorde et s'intrigue en tous sens pour deviner le motif d'un accueil si distingué. C'est au point que lord Gower n'a pu y tenir plus longtemps et a demandé une audience à M. de Budberg dans laquelle, en élevant la voix, il a prié qu'on lui donnât communication du traité de Tilsit. M. de Budberg lui a répondu qu'il n'avait pas encore reçu l'ordre de le lui communiquer et qu'il le connaîtrait dès que l'Empereur le jugerait à propos. Lord Gower est sorti furieux et n'a rien obtenu de plus. Depuis, la communication du traité de paix a été faite aux membres du corps diplomatique.

Je crois voir que les ministres de l'Empereur marcheront très bien dans le sens de sa volonté actuelle. Il faut savoir oublier avec eux ce qu'ils ont fait ou dit depuis deux ans. Voici la note de ces ministres:

M. de Budberg, ministre des affaires étrangères, est entièrement revenu à nous depuis Tilsit.

M. de Soltykof [59], son adjoint, est un travailleur, ami de la paix.

M. le comte de Kotchoubey [60], ministre de l'intérieur. C'est un homme de beaucoup d'esprit et d'instruction. Il a eu pendant un temps l'ambassade de Constantinople. Il n'a pas été de nos amis, mais on le dit Russe par-dessus tout. Il demande sa démission.

M. le comte Roumiantzof, ministre du commerce. Brave et respectable homme; déjà vieux et cassé, ami de son pays et de la paix par-dessus tout. Le comte Roumiantzof m'a dit: «Je n'ai pu être l'ambassadeur de mon maître en France, à cause de ma mauvaise santé; mais je veux servir l'Empereur Napoléon d'ici, et je veux qu'il s'aperçoive que je suis ministre du commerce. Les négociants français me trouvent toujours prêt à les protéger; dans les temps *d'aigreur* je n'ai pas craint de parler en leur faveur». Le comte Roumiantzof serait fort sensible à la moindre marque de souvenir de l'Empereur.

Le prince Lobanof et M. de Viasmitinof, ministres de la guerre, depuis que ce département est organisé comme il l'est en France. On connaît le prince Lobanof; quant à M. de Viasmitinof, c'est un homme assez âgé, bon Russe.

Le prince Lapoukhine [61], ministre de la justice. Il est déjà connu à Paris. C'est un homme qui ne s'occupe que des affaires de son ministère.

M. de Tchitchagof, ministre de la marine. C'est un jeune homme instruit dans sa partie. Il n'est ni Français ni Anglais: c'est un bon Russe.

Le prince Golitzyne, procureur impérial au Synode, ce qui répond à notre ministre des cultes. C'est également un bon Russe.

M. le comte Zavadovsky [62], ministre de l'instruction publique. On n'en dit rien.

M. le comte Vassiliéf [63], ministre des finances. Brave et respectable homme.

Le prince Adam Czartoryski [64]. J'ai eu occasion de connaître le prince Czartoryski; je l'ai trouvé fort au-dessous de sa réputation. C'est un homme de l'opinion duquel on doit peu se soucier, aujourd'hui sénateur et membre du conseil; on ajoute, dans le

public, ami de l'Empereur. Il a une conduite inexplicable, a l'air de ne se mêler de rien et l'opinion le place presque partout. On ne sait ce qu'il veut; il voit peu de monde, excepté M. de Novossiltzof.

M. de Novossiltzof [65], autrefois adjoint aux affaires étrangères, n'est plus que sénateur et membre du conseil. Il a vécu longtemps en Angleterre, où il a puisé des principes de gouvernement qu'il voudrait faire adopter à son pays. Il en est ridicule. Il est maintenant président de la commission des lois qui s'occupe de la rédaction d'un code. C'est un des intimes de l'Empereur.

M. Alexandre Narychkine, grand-chambellan, et son frère, M. Dimitri Narychkine, grand-veneur [66], sont de braves et excellents Russes ne voulant que la paix et les plaisirs et accueillant très bien les Français chez eux.

La Cour de l'Impératrice régnante sera toujours ce que voudra l'Empereur, qui, je l'assure, sera le maître chez lui.

Celle de l'Impératrice-Mère est différente, il ne faut pas compter sur elle. Cette Princesse a de la hauteur, beaucoup d'orgueil et peu d'esprit. On la dit ambitieuse et l'on ajoute même que son amitié pour son fils, l'Empereur, n'est plus ce qu'elle était. Tout ce qui compose cette Cour est dans le même sens. M. de Schérémetiéf [67], premier chambellan, et M. Lanskoï [68], maréchal, sont de bonnes gens.

Le prince Bagration, gouverneur militaire de tous les lieux où réside l'Impératrice-Mère, est un homme sombre, ambitieux et n'aimant pas les Français. On dit qu'il ne voulait pas la paix. Je ne sais pourquoi il est poussé à la tête de l'armée, mais tous les militaires l'ont en grande vénération et son éloge est dans toutes les bouches.

L'opinion de la société nous est en général peu favorable. Elle sera longtemps encore entretenue dans cette direction par les soins de l'intrigue. Le corps diplomatique, qui forme ici la très grande partie de la société, qui en dirige l'esprit et les plaisirs, se trouve encore aujourd'hui composé bien désavantageusement pour nos intérêts. En voici la note:

Lord Gower, ambassadeur d'Angleterre. Il passe pour avoir très peu de moyens. M. Stuart, son ministre, fait tout.

M. le comte de Merveldt, ambassadeur d'Autriche. Les Anglais n'ont pas de plus chauds amis à Pétersbourg que M. et Mme

de Merveldt, envers qui l'Angleterre est reconnaissante et leur envoie régulièrement des présents de toute espèce. M. de Merveldt affiche sa préférence pour les Anglais jusqu'à l'oubli de tout sentiment de dignité. Il serait bien nécessaire que l'Empereur fît changer le comte de Merveldt et envoyer ici un homme, tel que le général Vincent[69]. Cela est d'autant plus aisé que l'Empereur Alexandre le verra partir sans le moindre regret.

Le baron de Stedingk[70], ambassadeur de Suède. Ancien et brave militaire, ayant servi autrefois la France, pour laquelle il a conservé une grande prédilection. Il est ami de la paix, et souffre de la conduite de sa Cour.

M. de Norona, ministre d'Espagne. (Depuis un mois que je suis ici je n'ai pas reçu une politesse de M. Norona.) C'est un homme de l'esprit le plus médiocre, l'objet du ridicule de la société. Il s'est conduit avec lâcheté pendant la guerre et n'a pas su soutenir son caractère de ministre d'un des plus fidèles alliés de la France. On lui a entendu dire que l'Espagne était sous le joug.... Aujourd'hui il ne sait quelle contenance faire vis-à-vis de moi. C'est un homme qu'il faut absolument changer. Il serait à désirer qu'on eût ici M. le comte d'Yoldi, ministre d'Espagne à Copenhague, où l'on pourrait envoyer M. de Norona. M. d'Yoldi est un homme d'honneur, ami de la France et d'une loyauté reconnue, qui sera toujours ce qu'un ministre d'Espagne doit être pour l'ambassadeur de France.

M. de Navarro, chargé d'affaires de Portugal, est un homme d'esprit, depuis plusieurs années ici.

Le comte Einsiedel, ministre de Saxe, est un brave et loyal homme. Il ne se montre nulle part, en attendant ses lettres de recréance du Roi.

M. de Bremer, ministre de Hanovre. C'est un honnête homme, mais tout à fait à la dévotion de l'ambassadeur d'Angleterre. Il est frère du baron de Bremer qui fut député du Hanovre à Varsovie auprès de l'Empereur.

M le baron de Blome, ministre de Danemark, ne passe pas pour être ami des Français.

Le vieux duc de Serra-Capriola[71], ci-devant ministre de Naples, marié à une Russe, reste encore ici et se croit toujours ministre. L'Empereur ne le traite plus comme tel, mais la société ne cessera

de le considérer comme ministre de Naples que lorsqu'on verra à Pétersbourg un envoyé du Roi Joseph. Il sera nécessaire de faire choix d'un homme riche, considérable dans le pays et titré. Le vieux duc retournera alors à son existence de simple particulier. Il est déjà à moitié Russe, établi ici depuis trente ans.

On rencontre encore ici un comte de Maistre qui prétend toujours être ministre de Sardaigne. C'est un homme d'esprit et un habitué de la maison de l'ambassadeur d'Autriche et de celui d'Angleterre. Il serait peut-être mieux à Mitau qu'ici, s'il s'obstine à vouloir être ambassadeur du Roi de Cagliari [72].

Vous voyez assez, monseigneur, que le corps diplomatique tel qu'il est en ce moment à Saint-Pétersbourg est loin de nous être favorable. Les choses changeraient promptement, si l'on voyait bientôt ici un ambassadeur de France et des ministres bien choisis d'Espagne, de Naples, de Hollande, de Bavière, de Wurtemberg, de Westphalie, etc. Il serait peut-être bon aussi que l'on envoyât ici un ministre d'Italie, choisi parmi les nationaux riches et les gens considérés. Il faut ici un grand-cordon de la Couronne-de-fer, extrêmement riche et titré, ce serait un moyen d'habituer les Russes à l'existence du nouveau royaume qu'on regarde comme *circonstantiel.*

Un corps diplomatique ainsi composé balancerait bientôt l'énorme influence des Anglais dans la société et nous placerait ici comme il convient que les Français y soient.

Tout ce dont j'ai l'honneur de parler à votre altesse doit se faire promptement, monseigneur. Il n'y a pas de temps à perdre quand il s'agit si directement de reprendre de la considération. Il ne faut pas croire que ma mission puisse remplacer encore longtemps l'ambassade de France dans ce pays. Cette erreur nuirait trop à l'intérêt de nos affaires. A coup sûr, sans la bonté particulière de l'Empereur, je serais moins considéré ici qu'un envoyé de Hanovre; mais il ne serait pas raisonnable à moi d'imaginer que l'Empereur de Russie puisse continuer bien longtemps à me traiter avec autant de distinction. Certes, ce serait une fatigante suggestion pour lui, si cela devait durer, et un grand désagrément pour moi si, après avoir été comblé, on en agissait autrement à mon égard. Je fais bien tout ce que je puis pour ne pas fatiguer l'Empereur de ma présence et je m'efforce d'avoir toujours de

quoi intéresser sa curiosité en lui parlant de l'Egypte et de l'Italie, sujets ordinaires de sa conversation avec moi; mais, à la longue, les préférences qu'il m'accorde deviendraient gênantes pour lui. Il faut donc l'en débarrasser en lui envoyant incessamment quelqu'un qui devra rester ici et avec qui il puisse se mettre à son aise. L'Empereur espère que cela ne tardera pas. Je ne me lasserai pas de vous répéter, monseigneur, de quelle importance est pour nos intérêts d'envoyer promptement un ambassadeur à Saint-Pétersbourg. Il est instant que l'on sache bientôt ici qu'à Paris l'on s'occupe du choix de cet ambassadeur et que je puisse le dire officiellement. C'est, je pense, parce que l'amour-propre des Russes a été si fortement froissé par les derniers événemens de la guerre qu'il faut avec eux plus de ménagement; ils sont naturellement portés à croire que nous les traiterons avec peu d'importance, et déjà nos ennemis répandent ce bruit dans la société. Il ne faudrait pas qu'un plus long retard confirmât de pareils propos. Si votre altesse veut bien considérer l'empressement avec lequel l'Empereur Alexandre envoie le comte Tolstoï à Paris après l'avoir fait venir exprès de Bialystock et sans lui permettre même d'aller à Smolensk, où est sa famille, elle pourra, en considérant aussi l'état des choses, presser la nomination d'un ambassadeur et l'envoi d'une légation ici. Les Russes se persuaderaient qu'on manque avec intention aux égards qui doivent être réciproques entre les deux nations si, lorsqu'ils vont avoir un ambassadeur en France, ils ne voyaient chez eux qu'un simple général dont la mission apparente a pour ainsi dire fini le jour même de son arrivée.

Je ne sais pas ce qui a pu faire penser au général Clarke, mais M. de Budberg en a parlé à M. de Lesseps comme d'un homme qu'on verrait ici avec plaisir et M. de Kotchoubey m'en a parlé dans le même sens. Je crois que c'est parce qu'ils ont vu son nom au traité de M. d'Oubril et qu'ils n'en connaissent pas d'autre [78].

L'on se loue beaucoup ici de la manière dont le général Suchet s'est conduit relativement à une négociation dont il a été chargé du côté de la . . . . . (illisible).

Il n'est pas du tout indifférent que l'ambassade qui viendra ici soit solennelle. Il faut du faste et beaucoup de dignité, un choix rigoureux dans les personnes qui accompagneront l'ambas-

sadeur, beaucoup de jeunes gens agréables et d'une éducation soignée.

Je désirerais que l'on envoyât ici porter les premières dépêches MM. Edouard ou Louis de Périgord, de Noailles, Sopransi et Flahaut.

Je vais maintenant, monseigneur, vous parler de quelques articles de cadeaux qui seraient reçus ici avec infiniment de plaisir.

Le major-général a promis à Tilsit quelques armes de Versailles, et on ferait bien de les envoyer: par exemple, au prince Lobanof, deux fusils à un coup, et à M. de Narychkine, le grand-veneur, qui envoie de superbes lévriers pour les chasses de l'Empereur, aussi des fusils.

Je me rappelle d'avoir vu envoyer à la reine d'Espagne des robes magnifiques. C'est un cadeau dont on sentirait tout le prix ici. L'Impératrice est jeune, jolie et gracieuse, elle a beaucoup de perles et de diamants, mais pas une seule robe de belle étoffe et qui soit bien faite. La grande-duchesse Catherine, âgée de dix-sept ans, est dans le même cas, et ne serait pas moins sensible aux soins qu'on prendrait de sa parure. La princesse Amélie, sœur de l'Impératrice, serait également flattée de recevoir le moindre cadeau de toilette. Nos dentelles, nos étoffes de Lyon, brodées en or et en argent, seraient sans prix ici.

Je parie d'une manière certaine que M. de Tolstoï portera avec lui deux pelisses pour l'Empereur, dont la fourrure est estimée pour chacune, quatre-vingt mille roubles.

Parmi les choses qui seraient le plus agréables à l'Empereur Alexandre, je crois que son goût pour les tableaux dans le genre gracieux doit déterminer principalement le choix de ce qu'on lui enverra. Il vient de faire remettre à M. Denon par le grand-maréchal une traite de cinquante mille francs pour acheter des tableaux de maîtres français. Cette somme sera bientôt suivie d'une autre. Il m'a demandé si l'Empereur avait acheté le tableau des Sabines de David. Il m'a demandé également si j'avais vu un nouveau tableau, appelé la Peste de Jaffa, et si j'en connaissais le sujet? J'ai répondu que oui, et après me l'avoir fait raconter, l'Empereur me dit avec étonnement: „*Et il a touché le pestiféré! Pour le coup, c'est fort. J'eusse mieux aimé aller à cent batailles que de faire cela*“. Si ce tableau n'est pas vendu, je pense qu'il ferait grand plaisir à l'Empereur.

Il parle si souvent et toujours avec tant d'intérêt des campagnes d'Egypte que j'ai pensé qu'il lui serait agréable d'avoir le beau service de porcelaine de Sèvres dont chaque pièce représente un tableau de cette guerre, ou un camp, ou une marche, ou une vue du Nil. En général, rien de plus estimé ici en ce genre que la porcelaine de Sèvres. C'est au point que M. Démidof [74], qui va partir pour Paris, est tourmenté par tout le monde pour vendre un service de porcelaine qu'il a apporté de France. Il n'a pas craint de l'offrir au grand-maréchal pour l'Empereur, qui ne l'a point fait acheter, parce qu'il n'était pas de Sèvres.

Je sais aussi de M. de Tolstoï lui-même que l'Empereur lui a donné ordre de faire venir du vin de Bourgogne, de même qualité que celui que l'Empereur Napoléon lui a fait boire à Tilsit, et de s'arranger pour qu'il en ait toujours. On a déjà écrit à ce sujet à la maison Francke de Strasbourg, qui fait les commissions de la Cour de Russie.

Je vous prie instamment, monseigneur, de me faire envoyer par le premier courrier un bon nombre des médailles qui ont consacré les événements les plus importants de la vie de l'Empereur. On ne les connaît point ici et l'on m'en a beaucoup demandé. Quelques napoléons que nous avions ont été désirés et recherchés comme des médailles. Ces petits moyens-là ne coûtent rien et l'on ne saurait trop répandre ce qui éternise la gloire de l'Empereur.

J'ai eu l'honneur de vous dire dans ma dernière dépêche qu'à la Cour on ne m'avait pas encore ouvert la bouche du mariage du prince de Bade. Jusqu'à présent on a observé la même retenue. L'Impératrice Elisabeth et sa sœur la princesse Amélie me comblent de politesses, mais elles évitent soigneusement toute conversation qui pourrait les amener à parler de leur frère. Je m'explique un pareil silence par l'embarras où sont aujourd'hui ces princesses de me parler d'un mariage qu'elles ont dans le temps improuvé si hautement. Et, de mon côté, n'ayant aucune instruction à ce sujet, je ne mets aucune affectation à provoquer ce dont on ne paraît pas se soucier. SAVARY.

P.-S. — Je demande un beau médailler complet pour le comte de Tolstoï, grand-maréchal.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

16.

Rapport de M. de Saint-Aignan.

Le général Savary me charge de dire à Sa Majesté que sa position à Saint-Pétersbourg ne peut rester longtemps convenable et qu'il désire y être remplacé. Ce n'est pas que l'Empereur Alexandre ne l'ait toujours parfaitement traité; il l'a invité plusieurs fois à dîner, a eu souvent des entretiens particuliers avec lui, et toute la Cour a été témoin de ces distinctions. Le Grand-Duc a été aussi bien pour lui; mais si la mission du général Savary se prolonge, ce que l'Empereur Alexandre ne pense pas, ces distinctions, étant extraordinaires, ne peuvent durer longtemps, et il serait fâcheux de déchoir aux yeux du public et de n'être plus traité avec une faveur aussi marquée.

D'ailleurs, quoique l'Empereur Alexandre se soit prononcé ouvertement depuis son retour de Tilsit et qu'il n'ait pas varié depuis, une grande partie de ce qui l'entoure semble être en opposition avec lui et un ambassadeur de Sa Majesté sera bien plus en mesure que le général Savary de vaincre cette opposition.

Les Anglais ont à Saint-Pétersbourg un parti considérable et emploient tous les moyens pour le soutenir. Le marquis Douglas, qui y était précédemment ambassadeur, y reste encore, malgré l'arrivée de son successeur lord Gower; celui-ci n'a point de talent, mais son secrétaire de légation M. Stuart en a infiniment. Le général Hutchinson y est aussi revenu et il y est arrivé de Londres, depuis peu de jours, plusieurs officiers. Toute cette légation a une grande représentation et beaucoup d'influence. Le général Savary est d'autant moins en état de la contrebalancer qu'il est absolument isolé. Le ministre d'Espagne, comte de Norona, n'a ni capacité ni considération et a avili pendant la guerre le caractère dont il est revêtu. L'ambassadeur d'Autriche, comte de Merveldt, est ami des Anglais et quelques-uns des ministres étrangers le sont encore davantage et ne doivent plus exister à Saint-Pétersbourg, puisque ce sont ceux du Hanovre, de Sardaigne et de Naples.

Tous les moyens possibles avaient été pris pour exciter à la guerre et l'on avait bien réussi à monter les esprits. Le passage à des idées toutes opposées a été si prompt que l'on n'en est pas encore revenu et qu'il est impossible de dire quel en est l'effet.

Il y a un parti russe, composé de beaucoup de grands seigneurs, lequel ne voudrait aucune innovation dans le gouvernement. Ce parti existe principalement à Moscou, où les Anglais n'ont pas d'influence, et où l'on a appris avec joie la nouvelle de la paix.

Il y a une autre faction, beaucoup plus forte, composée d'hommes dont la plus grande partie est vendue à l'Angleterre et le reste, y ayant passé longtemps, est imbu des principes du gouvernement anglais et voudrait les appliquer à la Russie. Dans ce nombre sont les seuls hommes que l'on cite pour avoir quelques talents, tels que M. de Kotchoubey, qui va quitter le ministère de l'intérieur, MM. de Novossiltzof, Strogonof. On y a joint le prince Czartoryski, mais personne ne peut expliquer sa conduite ni ses projets. C'est un homme qui est pour beaucoup dans toutes les affaires importantes et qui ne paraît dans aucune; on ne peut pas douter cependant qu'il n'ait voulu sincèrement la paix du temps de la mission de M. d'Oubril.

Ces personnes ont été jusqu'à présent conseillers intimes et amis de l'Empereur.

Le comte Tolstoï et le prince Lobanof sont aujourd'hui dans son intimité; ils passent l'un et l'autre pour n'avoir que de très bonnes intentions.

L'Empereur Alexandre se montre fermement résolu à tenir sa parole. Il semble même chercher les occasions de le faire connaître. Son ministre, M. de Budberg, parle dans le même sens; il a dit, il y a peu de jours, à M. de Lesseps: «l'Empereur tiendra tout ce qu'il a promis, et je serai le premier à l'y engager, en dépit de tout ce qu'on peut faire. Nous savons bien que les Anglais sont en force dans la Baltique, mais nous ne craignons personne».

Le Grand-Duc est parfaitement bien avec l'Empereur et d'accord avec lui.

L'Impératrice-Mère n'adoptera jamais franchement cette opinion et il ne faut pas compter sur elle. Elle paraît aimer beaucoup l'Empereur, qui a confiance en elle et lui témoigne les plus grands égards. Elle a une Cour nombreuse, séparée de celle de son fils et dans laquelle il y a plus de dignité et de représentation. Elle est composée de tous les anciens courtisans qui se sont attachés à elle lorsque l'Empereur s'est entouré de jeunes gens. Le prince Bagra-

tion, le comte Golovkine[75], le comte Roumiantzof, le comte Schérémétiéf, sont habituellement chez elle.

L'Impératrice régnante n'a pas d'influence. Elle est généralement aimée. Le général Savary a remarqué qu'elle ne lui a jamais parlé du prince ni de la princesse de Bade.

Le traité de paix a été communiqué le 19 août aux ministres étrangers; jusque-là on avait témoigné dans le public beaucoup de doutes et d'incertitudes et on en parlait fort librement.

Le même jour que le traité a été communiqué, j'en ai entendu parler à M. de Merveldt; il a paru avoir des doutes sur l'évacuation de la Valachie et de la Moldavie et sur la manière dont elle est stipulée; il a semblé croire qu'il y avait à ce sujet quelque article secret. Il a dit que l'article portant que l'Angleterre se décidera dans le délai d'un mois à compter du jour de la signature, avait choqué les Anglais, que d'abord, cela était impossible et qu'ensuite, ils disaient qu'ils n'étaient pas en position de recevoir la loi. Il a dit qu'il était entré onze vaisseaux de ligne anglais et onze frégates par le grand Belt, qu'il a dû aussi en entrer par le Sund et que 8,000 Hanovriens sont descendus dans l'île de Rügen.

L'armée russe est sur la Dvina, principalement à Vitebsk. On travaille à son recrutement, qui achèvera d'incorporer les 200,000 hommes produits par la levée en masse. La perte qu'a éprouvée l'armée russe est beaucoup au-dessus de ce qu'on l'a estimée.

La veille de mon départ l'Empereur m'a fait l'honneur de me faire dîner avec lui. Après dîner il m'a fait appeler dans son cabinet et m'a dit: «J'envoie le général Tolstoï à Paris; j'ai le plus grand désir qu'il convienne à l'Empereur; ce n'est point un diplomate, un politique, c'est un brave militaire, un homme loyal et sincère; je ne saurais en dire trop de bien et là-dessus j'ai donné hier carte blanche au général Savary pour y ajouter ce qu'il voudra, car je ne connais pas un plus honnête homme et dont je pense autant de bien. J'attache le plus grand prix à ce qu'il réussisse. Je compte sur l'ancienne amitié de Duroc et de Caulaincourt et sur leur bienveillance pour lui; dites-leur cela de ma part. Je désire qu'il soit invité aux chasses de l'Empereur, si cela se peut. Là, on peut se trouver près de l'Empereur et causer avec lui; quant à notre correspondance, c'est nous qui la ferons et nous n'avons pas besoin d'ambassadeur pour cela. Tout ce que je désire

c'est que celui que j'envoie soit rapproché de l'Empereur autant que possible. Si on le confond dans la foule des ministres étrangers, il ne se mettra pas en avant de lui-même et j'avoue que cela me fera de la peine. Dites bien à l'Empereur que je n'oublierai jamais l'amitié qu'il m'a témoignée à Tilsit et les bons conseils qu'il m'a donnés».

J'ai répondu que je rapporterai fidèlement ces paroles à Sa Majesté.

La nouvelle de la descente des Anglais en Danemark n'était pas encore connue à Saint-Pétersbourg le 24 août. On a dû l'apprendre au plus tard le 27, car on la savait sur toute la route depuis Riga. On m'a dit partout que les Anglais étaient descendus au nombre de 20,000 dans l'île de Zélande, dont ils occupent la partie occidentale, et qu'ils menacent Copenhague.

Le bruit a couru en Prusse et dans toute l'Allemagne que l'Empereur de Russie avait été empoisonné et que le Sénat s'était déclaré contre le traité de paix.

Le comte de l'Isle doit partir incessamment de Mitau pour la Suède. Une frégate suédoise se tient depuis un mois à sa disposition dans le petit port de Libau, sur la côte de Courlande.

AUGUSTE DE SAINT-AIGNAN.

Archives Nationales,
Paris.

17.

Napoléon à Savary[76].

Saint-Cloud, 25 août 1807.

Monsieur le général Savary, j'ai reçu votre lettre du 6 et vos notes. J'ai vu avec plaisir les bons sentiments de l'Empereur Alexandre. Vous trouverez ci-joint une lettre que vous remettrez à ce Prince[77].

Nous avons célébré à Paris le mariage du roi de Westphalie[78], ce qui m'a fait rester quatre ou cinq jours à Paris, où la chaleur a été excessive. Me voilà de retour à Saint-Cloud. J'ai chargé M. de Champagny de vous écrire en détail.

On ne manquera pas de vous parler de la princesse: elle est

bonne, d'une figure assez agréable et fort bien élevée; des Prussiens: ils continuent à ne savoir ce qu'ils font; il est faux qu'on leur ait imposé aucune contribution nouvelle; mais par la convention passée à Kœnigsberg avec le maréchal Kalkreuth toutes les contributions doivent être payées avant l'évacuation, celles seulement dont le pays aurait eu connaissance avant la paix. J'ai, au reste, donné des facilités pour leur payement; mais ce sont des gens qui se plaignent toujours et ne savent prendre aucun parti [79].

NAPOLÉON.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

18.

Napoléon à Savary.

Saint-Cloud, 26 août 1807.

Les Anglais ont débarqué le 16 devant Copenhague. Ils bombardent cette ville. Je suis dans l'opinion que la Russie doit faire marcher une armée contre la Suède pour l'obliger à faire cause commune avec le Danemark. L'Empereur n'a qu'à me dire là-dessus ce qu'il désire et je ferai ce qui sera nécessaire; j'ai une armée assez considérable à Hambourg.

Je pense également que, si les Anglais continuent ainsi, il faut leur fermer tous les ports de l'Europe, même ceux de l'Autriche, faire chasser du continent tous les ministres anglais et même faire arrêter les individus. Si l'Empereur est de cet avis, nous ferons ensemble une déclaration à l'Autriche, qui sera bien obligée de s'y conformer.

Vous profiterez de cette ouverture selon la position des affaires où vous êtes [80].

NAPOLÉON.

Archives Nationales,
Paris.

19.

Champagny à Savary.

Paris, 26 août 1807.

Monsieur, j'ai reçu la lettre que vous avez adressée le 7 août à mon prédécesseur [81] et Sa Majesté m'a fait l'honneur de me communiquer les détails de vos entretiens avec l'Empereur de Russie. Elle m'a paru fort satisfaite de l'exactitude dont ils portent l'empreinte. Mais l'Empereur voudrait aussi des détails sur d'autres objets et me charge de vous demander de me faire connaître le résultat des observations que vous avez faites pendant votre séjour à Saint-Pétersbourg. Il lui importe surtout de savoir quelles sont les opinions dominantes à la Cour, dans la noblesse et dans les classes inférieures de la société et du peuple, si le militaire est toujours prononcé pour la paix et pour la France, si les intrigues anglaises ne fortifient pas le parti que cette nation a toujours eu dans ce gouvernement et si ce pays est favorisé par l'Impératrice-Mère et par l'Impératrice régnante? L'Empereur mettrait aussi du prix à connaître les différents personnages qui jouent un rôle dans le gouvernement ou exercent de l'influence, et il aimerait à recevoir des détails sur l'état actuel de l'armée, sur les pertes qu'elle a faites, sur la manière dont elles peuvent être réparées.

Faites connaître à l'Empereur de Russie que, du moment où les desseins hostiles des Anglais sur le Danemark ont été connus ici, l'Empereur m'a ordonné de dépêcher un courrier à Madrid, pour faire prévenir l'amiral de l'escadre russe attendue à Cadix et lui donner le conseil de rester dans ce port jusqu'à nouvel ordre [82]. L'Empereur a voulu ainsi pourvoir à la conservation de cette partie des forces navales de son allié, que les Anglais ne se feraient pas scrupule d'arrêter et de retenir, au moins comme otage. L'Empereur Alexandre vous a beaucoup entretenu de son voyage à Paris; dites que ce voyage sera agréable à l'Empereur et Roi, mais n'insistez pas sur ce point. L'Empereur d'ailleurs, monsieur, s'en rapporte entièrement à votre zèle et à votre sagacité, qui lui sont connus depuis longtemps [83].

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

20.

Savary à Talleyrand [84].

Saint-Pétersbourg, 27 août 1807.

Monseigneur, votre altesse voudra bien permettre que je ne laisse jamais échapper une occasion de lui faire part de ce que j'aurais remar qué pouvoir être agréable à l'Empereur Alexandre. Je pense que, lorsqu'il s'agit de politesse et d'attentions, les moindres choses ne sauraient être indifférentes. Hier, en dînant à Kamény-Ostrof, Sa Majesté m'a longtemps entretenu de spectacle, se plaignant de n'avoir ici que Mme Philis [85]. J'ai compris positivement que l'Empereur verrait ici avec plaisir quelques-uns de nos bons acteurs français et surtout de l'Opéra-Comique. Il suffirait d'accorder à un ou deux des meilleurs chanteurs et à autant d'actrices la permission de venir en Russie pour un temps limité. Ces artistes y trouveraient leur compte ; et la Cour et la ville seraient enchantées de les voir.

Je vous écris par un courrier russe qui porte aussi une lettre de moi à l'Empereur sur l'objet dont M. de Lesseps entretient Votre altesse.

SAVARY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

21.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 28 août 1807.

Sire, M. de Saint-Aignan est parti pour Paris le 24 août et aujourd'hui il se présente un nouveau motif d'envoyer un courrier à Votre Majesté.

L'on s'attendait à Saint-Pétersbourg à voir paraître la flotte anglaise devant Cronstadt, lorsque des dépêches en date du 11 et du 13 août, adressées à M. le baron de Budberg par le ministre russe à Copenhague, ont appris qu'elle commençait les opérations par le Danemark et, à cette occasion, S. M. l'Empereur Alexandre

m'a fait l'honneur d'avoir avec moi une communication dont je vais rendre compte à Votre Majesté.

Hier, après son dîner, Sa Majesté me fit passer dans Son cabinet et dit :

L'EMPEREUR. M. de Budberg a dû dire à M. de Lesseps ce qui vient de se passer à Copenhague et je crois qu'il sera nécessaire d'en informer l'Empereur, qu'il le sache d'abord et qu'il se mette en mesure. Voyez ce que mande mon ministre. (En me remettant les lettres originales :) L'apparition de la flotte anglaise, forte, dit-on, d'environ trente vaisseaux et de 200 transports, avait bien donné quelques inquiétudes à une puissance comme le Danemark, mais elle était loin d'imaginer que l'on crût jamais lui proposer ce qu'exigent les Anglais, de leur remettre sur-le-champ toute la marine de guerre danoise, pour être gardée en Angleterre jusqu'à la paix avec la France, sous prétexte que celle-ci pouvait s'en emparer pour fermer le Sund.

Une telle demande a indigné le Prince Royal et a été rejetée, sans avoir égard aux malheurs qui pouvaient en résulter pour son pays. Certes, cette puissance si sage et si religieuse observatrice de sa neutralité ne devait point s'attendre à une telle conduite envers elle et le gouvernement anglais paraît décidément vouloir soumettre le monde aux principes qu'il a adoptés.

C'est pour moi une occasion de prouver à l'Empereur combien je tiens à tout ce que je lui ai promis et je désire sincèrement entrer en communication avec lui sur les mesures qu'il compte prendre pour réduire cette puissance.

Je n'ai aucune réponse d'Angleterre et la conduite de cette flotte me laisse entrevoir celle que je recevrai. Qu'elle ne croie pas m'en imposer et venir faire de la jactance devant Cronstadt! Tout y est prêt et je n'entends pas que l'on vienne m'y insulter ; d'ailleurs, je fais demander une explication catégorique à l'ambassadeur anglais ici et je prétends savoir ce que cela signifie ?

Quant à une entreprise sur mes côtes, je suis également en mesure. Voilà mes gardes arrivées et je ne pense pas qu'ils osent l'entreprendre. Mais, je vous le répète, je désire que l'Empereur me fasse part de ce qui se passe vers lui et surtout veuille bien entrer en communication avec moi pour mettre fin à tout cela.

RÉPONSE. Sire, je ferai grand plaisir à l'Empereur en lui

rendant compte de ce que Votre Majesté vient de me faire l'honneur de me dire, et il sera sensible aux nouvelles marques des sentiments que Votre Majesté lui conserve.

Ce qui s'est passé à Copenhague est d'un très grand intérêt et, si les événements n'avaient pas laissé à notre ministre la possibilité d'en rendre compte, ce qui serait possible, l'Empereur ne peut qu'être reconnaissant de l'obligeance avec laquelle Votre Majesté lui en fait part.

Elle peut s'en rapporter à lui quant à la manière de terminer promptement avec l'Angleterre et pour ne lui accorder que ce qu'il conviendra de lui laisser.

Mais si Votre Majesté permet que je L'entretienne sur cette matière, je Lui avouerai que je ne connais point la situation de notre marine aujourd'hui et il serait possible qu'elle se sentît un peu des privations que, sans doute, on lui aura fait éprouver pour porter plus de moyens à la guerre.

Je sais cependant que l'on a prodigieusement travaillé dans nos ports ; je les connais tous et j'ai vu dans des circonstances difficiles tout ce que pouvait y faire le génie de l'Empereur. Je ne serais donc point étonné que, malgré les malheurs que notre marine a éprouvés, une grande partie de ses pertes fût déjà réparée et que l'Empereur eût des flottes en état d'armer ; mais tout ce que je puis dire là-dessus n'est qu'une suite de conjectures, peut-être mal établie.

Un autre moyen qu'a l'Empereur, c'est sa flottille de Boulogne, qu'il a fait soigner pendant son absence, ainsi que ce qui en dépend. Tous les immenses travaux qui ont été faits sur ce point, sont le résultat de ses conceptions et de sa persévérance, et, comme il a encore les mêmes instruments desquels il s'est servi, il n'y a nul doute qu'il puisse y revenir, s'il le juge à propos. Mais j'observe à Votre Majesté que tout cela se sent de deux ans d'absence; qu'il y aurait beaucoup à travailler et, par conséquent, de la patience à lui accorder. J'entends par là que Votre Majesté voudra bien persévérer dans Sa ferme résolution contre l'Angleterre et Se persuader que l'Empereur en finira aussitôt que cela lui sera possible.

Le moyen de terminer à l'amiable serait, sans doute, le meilleur, si l'on pouvait amener cette puissance à des principes suppor-

tables aux nations maritimes ; mais peut-on l'espérer d'après la conduite qu'elle fait tenir à sa flotte devant Copenhague ?

Je suis sorti du cabinet de l'Empereur après cette conversation en lui demandant la permission de lui présenter la dépêche que j'adresserai à Votre Majesté en lui rendant compte d'une communication aussi loyale de sa part. Il m'a fait l'honneur de me répondre qu'il serait sensible à cette marque de confiance ; conséquemment, c'est de son palais que je fais partir celle-ci.

Rien n'égale les dispositions dans lesquelles est l'Empereur de Russie ; il s'efforce de faire naître des occasions de se livrer aux sentiments qu'il a témoignés à Votre Majesté à Tilsit, et c'est lui être agréable que de l'en entretenir.

SAVARY.

P.-S.—L'Empereur permet que j'envoie à Votre Majesté la copie des pièces originales qu'il m'a confiées et me recommande seulement de prier Votre Majesté que, si Elle les publie, Elle voulût bien les mettre sur le compte de M. Divetôt et qu'il prie instamment que l'on ne nomme point ses ministres.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

ANNEXES.

I.

Rapport de M. Lizakévitch, envoyé de Russie près la Cour de Danemark, au baron de Budberg, ministre des affaires étrangères, en date de Copenhague, le 11 août 1807, № 48.

Le séjour prolongé de la flotte anglaise à la rade d'Elseneur a enfin engagé le gouvernement danois à songer aux moyens de sa propre défense dans la situation critique où le pays se trouve dans ce moment et on vient de recevoir les ordres de Mgr le Prince Royal [87], de Kiel, de renforcer la garnison de la capitale en y appelant tous les officiers et soldats de différents régiments qui étaient absents par congé et en y ramassant toutes les troupes qui se trouvaient

éparpillées sur l'île de Zélande, ce qui formera en tout une garnison d'environ 10,000 hommes effectifs; en même temps, on a fait remonter les canons des batteries qui protègent la rade de Copenhague et on a envoyé un renfort de 400 hommes d'artillerie à la grande batterie des Trois Couronnes; de plus, on a établi des patrouilles à cheval le long des côtes, entre la capitale et le château de Cronenbourg, pour observer les mouvements des Anglais et mettre cette partie de la côte hors de danger d'un coup de main; en un mot, on a employé tous les moyens qui leur restaient pour la défense de la capitale, n'ayant pas de troupes de reste et ne pouvant compter que sur quelques milliers de plus de la milice nationale. En attendant, on est toujours dans la même ignorance ici quant à l'objet réel de l'armement anglais dont on garde un secret impénétrable et, ce qu'il y a encore de singulier, c'est que malgré qu'il se trouve ici deux ministres anglais, aucun d'eux n'exerce en ce moment ses fonctions diplomatiques, puisque M. de Garlike prétend que, depuis sa nomination en Prusse, sa mission auprès de la Cour de Danemark est finalement terminée, et M. le comte Joachim de Bernstorff [88] a déclaré à M. Taylor que, jusqu'à ce qu'il aura son audience du Roi pour remettre à Sa Majesté ses lettres de créance, il ne pourra pas traiter d'affaires avec lui, et il a poussé cette retenue si loin qu'il a refusé de recevoir une note officielle que M. Taylor avait ordre de lui remettre, s'appuyant de ce refus sur l'intimation susmentionnée. Plusieurs personnes du gouvernement qui m'ont parlé sur cet incident n'approuvent pas la conduite dans cette instance du comte Joachim, puisqu'au moins, en acceptant avec certaines réserves la note en question, on aurait pu découvrir par son contenu les intentions de l'Angleterre relativement à l'objet de son armement, visiblement dirigé contre ce pays-ci. Quoi qu'il en soit, cet état de choses paraît approcher de sa fin, puisqu'on est décidé, d'après les ordres de Mgr le Prince Royal, d'admettre M. Taylor à l'audience du Roi, vendredi prochain, à l'issue du conseil, qui sera composé d'un membre de plus par le retour de Mgr le duc d'Augustenbourg, qui est arrivé ici avant-hier de Holstein, ayant passé à dessein par Kiel pour y prendre les ordres de S. A. R. Mgr le Prince Royal.

LIZAKÉVITCH [89].

II.

Rapport de M. Lizakévitch, envoyé de Russie près la Cour de Danemark, au baron de Budberg, ministre des affaires étrangères, en date de Copenhague, le 13 août 1807, № 49.

Depuis que j'avais fini avant-hier mon très humble rapport à votre excellence sous № 48, les affaires ont pris une tournure aussi inattendue qu'extraordinaire et qui menace ce pays-ci d'un déshonneur ou d'une ruine totale. Hier matin Mgr le Prince Royal est arrivé à l'improviste et a aussitôt donné ordre pour mettre cette capitale dans le meilleur état de défense possible. On a su en même temps que M. Jackson, le même qui a été ci-devant ministre d'Angleterre à Berlin, avait été envoyé en droiture à Kiel pour porter directement à Son Altesse Royale la demande de sa Cour, demande qu'on a toujours tenue ici sous le plus profond secret et qui est appuyée de l'armement formidable qui se trouve actuellement à Elseneur et presque à la vue de Copenhague. Autant que j'ai pu découvrir, cette demande n'est rien moins que d'obtenir du Danemark, de gré ou de force, le consentement de livrer aux Anglais toute sa flotte qui se trouve dans le port de cette capitale et qui consiste en une vingtaine de vaisseaux de ligne et nombre de frégates, pour être gardés en Angleterre pendant la guerre actuelle avec la France, avec la promesse de les restituer au Danemark à la paix, en colorant la nécessité d'une mesure aussi extraordinaire qu'elle est dérogatoire à l'honneur et à la dignité de ce pays-ci, d'une supposition tout aussi frivole que gratuite: que la France pourrait bien s'emparer de cette même flotte danoise et s'en servir pour fermer le Sund au commerce et à la navigation anglaise dans la mer Baltique [90]. Mgr le Prince Royal a rejeté avec indignation cette proposition de M. Jackson, sur quoi celui-ci est retourné en droiture sur la flotte à Elseneur, et on a appris hier que cette flotte a tout aussitôt pris une position menaçante contre le château de Cronenbourg en plaçant tous les bateaux plats sous la protection de ses vaisseaux pour diriger la descente des troupes et attaquer ce château par terre et par mer, au premier signal donné. Hier M. Taylor a eu une longue conférence avec M. le comte Joachim de Bernstorff, dans laquelle il aura probablement articulé la même

demande de la part de sa Cour et l'on prétend savoir qu'il a insisté sur une réponse prompte, catégorique et définitive. Vers les onze heures du soir de la même journée, S. M. le Roi et Mgr le Prince Royal sont partis pour Colding en Jutland, laissant le commandement de la capitale au général Peymann, qui est aussi commandant de la citadelle, et en faisant afficher dans les rues de Copenhague une notice dont j'ai l'honneur de joindre ici la traduction.

Ce départ subit du Roi et du Prince Royal a plongé la ville dans la plus grande consternation et l'on s'attend à chaque moment d'apprendre l'attaque de Cronenbourg, qui, n'ayant pas été pourvu des moyens suffisants de défense, ne pourra pas tenir longtemps contre les forces anglaises; l'attaque de la ville de Copenhague suivra probablement de près et le Prince Royal a signé lui-même l'ordre aux commandants de défendre ces deux villes jusqu'à la dernière extrémité.

Dans cet état de choses, croyant qu'il sera de conséquence pour le bien de notre navigation et de notre commerce d'être instruit à temps de la situation critique où le Danemark se trouve dans ce moment, je me suis déterminé à faire parvenir mes très humbles rapports à votre excellence par M. l'assesseur Kozlof, que j'envoie en courrier à Saint-Pétersbourg par la Suède, espérant qu'il ne trouvera pas encore d'obstacle de la part des Anglais dans la traversée d'Elseneur à Helsingborg. Il a reçu de moi pour cette course 150 ducats de Hollande, que je supplie votre excellence de me faire rembourser le plus tôt possible et, en recommandant M. Kozlof à ses bontés et à sa haute protection, j'ai l'honneur d'être, etc.

LIZAKÉVITCH.

Proclamation du Prince Royal de Danemark, du 12 août 1807.

Mes confrères! Après avoir tout arrangé, d'après ce qu'exigeaient le temps et les circonstances, je me hâte de rejoindre l'armée pour agir avec elle aussitôt que cela sera possible pour le bien de mes compatriotes, à moins que des événements dussent arriver bientôt qui terminassent les choses suivant mes vœux, d'une manière honorable et pacifique.

FRÉDERIC, PRINCE ROYAL.

III.

Rapport de M. Lizakévitch, envoyé de Russie près la Cour de Danemark, au baron de Budberg, ministre des affaires étrangères, en date de Copenhague, le 13 août 1807, № 50.

Au moment où j'allais expédier mon courrier, M. le comte Joachim de Bernstorff est venu chez moi pour me parler de l'état périlleux et critique où l'on se trouvait ici dans ce moment par les procédés violents et injustes de la part de l'Angleterre envers le Danemark. Il a commencé par me dire que, malgré la conduite franche et loyale que la Cour de Copenhague a observée pendant toute la guerre entre la France et l'Angleterre; malgré la neutralité stricte et impartiale à laquelle on s'est constamment tenu ici; malgré l'utilité même que l'Angleterre surtout n'a cessé d'en recueillir, en se servant des ports danois pour ses communications uniques, pour ainsi dire, avec le continent, elle vient sans cause et sans raison, à main armée, faire une demande à ce pays-ci, inadmissible dans son principe et qu'on ne saurait lui accorder sans se couvrir d'une honte éternelle et d'une tache ineffaçable à son honneur, à sa dignité et à son indépendance. Il me dit ensuite que l'objet actuellement avoué de la flotte formidable que l'Angleterre vient d'envoyer dans ces parages était de forcer le Danemark à lui livrer sa flotte et de l'engager de s'allier avec elle, et probablement avec la Suède, pour contrecarrer les stipulations qui peuvent être convenues entre la Russie et la France et qu'on suppose être hostiles contre l'Angleterre; que c'est M. Jackson qui a été spécialement chargé de cette mission et qui est venu en droiture de Londres à Kiel pour faire à Mgr le Prince Royal des propositions aussi extravagantes, que Son Altesse Royale a rejetées avec indignation, en lui déclarant que le Danemark ne se départira jamais de son système de neutralité qu'on est résolu ici de maintenir coûte que coûte et qu'on se ferait plutôt ensevelir sous les ruines de la capitale que d'accéder à des propositions aussi humiliantes; qu'après cette conversation avec M. Jackson, Mgr le Prince Royal était parti pour Copenhague et que l'on ignorait encore si le ministre anglais viendrait ici ou attendrait à Kiel la réponse de Son Altesse Royale, mais qu'on avait lieu de craindre que, dépité de la réponse qu'il a

reçue, il ne soit allé rejoindre la flotte anglaise au Sund et mettre ses menaces à exécution; que dans cette situation incertaine et périlleuse, on avait songé ici à mettre en sûreté la personne du Roi, qui est déjà parti pour un de ses châteaux en Jutland; que par cette absence de la Cour, les ministres étrangers pouvaient aussi prendre leurs mesures de sûreté personnelle, soit en suivant Sa Majesté, soit en choisissant quelque autre lieu de séjour; que, pour lui-même, il resterait ici jusqu'au moment du danger réel, pour se rendre ensuite auprès du Roi en Jutland.

En conséquence de cette notification, tous les membres du corps diplomatique qui se trouvaient ici sont, ou partis, ou prêts à partir, les uns pour le Holstein et d'autres pour le Jutland. Quant à moi, je crois de mon devoir de rester ici pour voir venir les événements et je ne quitterai cette capitale qu'au moment où je recevrai l'avis du départ d'ici du comte Joachim de Bernstorff qui, probablement, sera celui du commencement des hostilités des Anglais contre ce pays-ci.

LIZAKÉVITCH.

22.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 28 août 1807.

Sire, j'ai eu l'honneur d'écrire ce matin à Votre Majesté, et le soir un officier de l'Empereur de Russie est venu me remettre de sa part le paquet ci-joint, que j'adresse à Votre Majesté [91]; je n'ai rien de plus intéressant à ajouter, sinon que l'Empereur m'a dit: «S'il y a du canon à Cronstadt je vous ferai avertir, et j'espère que vous m'accompagnerez». J'ai répondu avec enthousiasme que j'ambitionnais cet honneur, et si l'occasion se présente, je prouverai que j'appartiens à Votre Majesté et m'empresserai de Lui en rendre compte.

SAVARY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

23.

Savary à Talleyrand [92].

Saint-Pétersbourg, 8 septembre 1807.

Monseigneur, en arrivant dans cette capitale, mes yeux se sont fixés sur cette classe malheureuse des Français établis dans cet empire, qui, par l'effet d'une mesure rigoureuse, ont été réduits à la cruelle alternative, ou de renoncer à leur patrie pour se rendre sujets russes, ou de perdre, en un instant, le fruit de plusieurs années de peines et de séjour dans l'étranger. Tous se sont présentés à moi, livrés au plus affreux désespoir, versant des larmes amères sur la perte du titre précieux de Français, et tous m'ont supplié d'implorer en leur faveur la clémence de Sa Majesté l'Empereur.

Le tableau déchirant de la situation de ces individus, que je désirerais encore pouvoir nommer mes compatriotes, parce que je les en crois dignes par leurs sentiments et leur attachement à la France, m'a vivement affecté; mais ne voulant rien précipiter et asseoir mon jugement sur des bases plus certaines, j'ai pris des informations préalables et j'ai, entre autres, invité M. de Lesseps à me donner des renseignements exacts, tant sur les mesures qui ont été prises à l'époque de son départ de Russie, que sur la position où les Français des différentes classes se trouvaient alors. Je joins, à cet effet, ici l'exposé que cet agent m'a remis et que j'ai jugé parfaitement d'accord avec ce que j'ai appris.

Veuillez d'après cela, monseigneur, joindre vos instances aux miennes et réclamer de la sollicitude paternelle de Sa Majesté la grâce de ces infortunés, sans distinction et en masse. Son cœur bienfaisant ne se repentira jamais de les avoir rendus au bonheur et à leur patrie.

Le nombre des Français qui ont prêté le serment comme sujets russes est d'environ 700 à Pétersbourg. Il s'élève à davantage à Moscou, et je ne crois pas exagérer en en comptant deux mille au moins dans tout l'Empire.

La négociation à établir pour déterminer l'Empereur Alexandre à les relever de ce serment ne serait pas difficile, et je ne m'avance

pas trop en préjugeant un succès aussi prompt que complet, et en assurant que je me fais fort de l'obtenir, si je suis autorisé à traiter cet objet.

Il me serait bien agréable de signaler ma mission en Russie par un bienfait qui répandrait la joie et la tranquillité dans toute la colonie française et je vous aurais, monseigneur, la plus vive obligation de m'avoir procuré cette douce jouissance.

SAVARY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

24.

Savary à Napoléon.

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 9 septembre 1807.

Sire, M. de Saint-Chamand, aide de camp du maréchal Soult, porte cette fois mes dépêches à Votre Majesté. Il a vu l'Empereur de Russie deux fois, a eu deux entretiens particuliers avec lui et pourra satisfaire à ce que Votre Majesté lui fera l'honneur de lui demander.

Je n'ai rien que de satisfaisant à annoncer à Votre Majesté. L'indignation contre la conduite des Anglais devant Copenhague est à son comble. Elle révolte tous les Russes et ils travaillent à Cronstadt avec une activité sans exemple.

J'ai visité le port ; il y a encore une dizaine d'assez bons vaisseaux, mais l'on n'a pu en armer que cinq, faute de matelots, et on les a placés en embossage dans la baie. La côte, les batteries des remparts et du port sont armées de 1,083 pièces de canons dont le moindre calibre est de douze. En outre, il y a sur toute l'île 12,000 hommes de garnison et je regarde comme impossible de faire réussir la moindre tentative contre cette place.

Indépendamment de ces dispositions, il y a un corps de 14 bataillons et de quelque cavalerie cantonné à Oranienbaum, en face de Cronstadt ; l'on peut être plus que tranquille sur la défense que l'on fera ici.

L'Empereur Alexandre continue à manifester hautement les meilleures intentions pour la France. Je suis content de tout ce que je vois ici et les efforts qu'il fait pour nous rendre favorable un parti qui conserve encore de l'aigreur sont si constants qu'ils font l'objet de ses sollicitudes de gouvernement; il n'y a déjà nul doute qu'il y réussira, parce qu'il met tout en œuvre, les grands, ses alentours, et les dames de la société auxquelles il donne quelques soins. Il trace à chacun la marche qu'il veut qu'il tienne et, jusqu'à présent, il est bien obéi.

J'ai appris par une de ces dames combien il avait à cœur de ramener les esprits de ce reste d'opposition et surtout avec quelle admiration il parle de Votre Majesté. Il a su que je fréquentais beaucoup cette maison et il n'y a aucun petit moyen qu'il n'ait employé pour me faire ouvrir les salons de Pétersbourg par cette dame.

Il m'est revenu par une voie extrêmement sûre différentes petites anecdotes galantes qui le concernent, dans lesquelles il a eu occasion de montrer toute la sincérité de son attachement pour Votre Majesté. C'est au point qu'il a rompu en visière avec une personne pour laquelle il avait des bontés, dont il recevait le retour, parce qu'elle osa lui parler de tout ce qui s'était passé entre lui et l'Empereur des Français.

Je crois maintenant être arrivé au degré de confiance nécessaire pour savoir de lui-même tout ce que Votre Majesté me demandera et, par l'objet de ses délassements, apprendre les moindres détails qui peuvent être importants dans quelques circonstances.

J'ai écrit au maréchal Duroc et au général Caulaincourt en détail sur cette matière. Je pense que mes lettres sont de nature à être mises sous les yeux de Votre Majesté. Ce qu'elles contiennent est le résultat de quelques conversations et des insinuations de cette même personne, qu'ils connaissent tous deux et qui a assez de tête pour se faire confier de semblables choses. Je lui ai la plus grande obligation des soins qu'elle a pris ici pour nous et d'avoir été la première à nous accueillir [93].

Je dois cependant prévenir Votre Majesté que, malgré cette loyauté de l'Empereur, je trouve encore de la résistance dans les plus considérables de ses sujets. On ose même s'entretenir dans beaucoup de conversations de la possibilité de renverser son

ouvrage avec lui[94], on dit beaucoup «d'on dit», mais je ne vois ici personne de capable de diriger un pareil événement; d'ailleurs, il est prévenu et croit lui-même qu'il existe quelques menées qu'il ne craint pas. Je ne cesse à chaque occasion de le conjurer de se faire suivre et j'entretiens la vigilance de tout ce qui l'entoure par la narration des dangers que Votre Majesté a courus à différentes époques; d'un autre côté, la dépêche du maréchal Soult a tellement éveillé leur attention que chacun cherche dans ce qu'il entend des rapprochements avec ce qu'elle renfermait.

Le comte Tolstoï est à l'avant-veille de son départ et, à cette occasion, l'Empereur m'a dit: qui va-t-on m'envoyer? J'ai répondu que je n'en savais rien, mais qu'indubitablement, le premier courrier de Votre Majesté lui en parlerait.

Depuis ma dernière, l'on a perdu ici le ministre des finances, qui a été enlevé subitement d'une attaque d'apoplexie[95]. C'est une perte pour la Russie.

M. de Budberg a quitté les affaires étrangères pour se retirer tout à fait. Il est provisoirement remplacé par son adjoint, le comte Soltykof[96]; je l'ai noté dans ma dernière dépêche. On parle du prince Kourakine[97] pour occuper le ministère.

M. de Kotchoubey n'est pas encore remplacé à l'intérieur. Je suis revenu sur son compte. Il n'est point à nous; il est profondément faux et veut jouer au plus fin. C'est un tenant assidu de la maison de M. de Merveldt et de mylord Gower.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

25.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 9 septembre 1807.

Sire, depuis le départ du courrier russe qui a porté le 28 à Votre Majesté le rapport de ma dernière conversation avec l'Empereur Alexandre, ainsi que les copies de quatre lettres et d'une note du ministre de Russie en Danemark et en Suède et du mi-

nistre de Danemark à Pétersbourg, la réponse de l'Angleterre à l'offre de médiation de la Russie est arrivée. L'Empereur m'a fait demander pour m'en communiquer l'original et la traduction. Sa Majesté a bien voulu me confier ces pièces et j'en joins ici les copies [98].

L'Empereur m'a dit à ce sujet: «C'est aujourd'hui (7 septembre) lundi; le comte Tolstoï sera en chemin avant samedi (12), et je prierai l'Empereur de me faire part de ce qu'il compte entreprendre contre l'Angleterre. Je suis entièrement à ses ordres. Je suis impatient d'avoir de ses nouvelles pour savoir si ce que j'ai appris par le commerce est vrai, que déjà lord Saint-Helens était à Paris?».

Avant l'arrivée de cette réponse d'Angleterre j'avais reçu du maréchal Soult un paquet pour l'Empereur de Russie et un, à mon adresse, contenant différentes pièces relatives à une trame ourdie contre les jours de ce monarque. Je lui ai remis le tout, parce que cela paraissait le toucher de trop près. M. de Saint-Chamand était porteur de cette dépêche et, comme il en connaissait le contenu, je lui donne celle-ci pour Paris, afin que Votre Majesté puisse l'interroger. Cette démarche d'un de vos maréchaux a pénétré l'Empereur Alexandre et a donné lieu à de longues explications sur la possibilité d'exécuter un semblable projet et sur les moyens à prendre pour se garantir du danger. Il se garde maintenant un peu mieux et se fait suivre partout. Il a écrit au maréchal Soult pour le remercier et lui demander d'autres détails, s'il en parvient à sa connaissance [99].

Voici comment l'Empereur s'est exprimé à cette occasion: «S'ils parviennent à leur but, tout sera fini; mais je ne pense pas qu'ils trouvent autour de moi de mes ennemis. Au reste, un bon averti en vaut deux et je vais m'en occuper, d'autant mieux que ce n'est pas le premier avis que je reçois. S'il me revient encore quelque chose, je vous le dirai et j'espère que vous me servirez, s'il vient encore à votre connaissance le moindre bruit de ce genre».

RÉPONSE. Non seulement, Sire, je vous donnerai avis de tout ce que j'apprendrai, mais j'espère que Votre Majesté me permettra de me placer parmi Ses dévoués, si l'événement prenait un caractère tel que l'on fût obligé d'employer la force pour préserver Votre Majesté.

L'EMPEREUR. J'y compte, général, et ai la plus grande confiance en vous; mais j'espère que nous n'en viendrons pas là. Une seule chose m'occupe: c'est Bennigsen, qui est en quelque sorte un traître et capable de se mettre à la tête d'un parti contre moi [100] *). Les avis donnés au maréchal Soult par vos prisonniers ne sont pas les premiers qui me soient parvenus et je vais prendre des mesures de surveillance sévères contre lui. Adieu, général, nous nous entretiendrons quelquefois de cela.

Un incident fâcheux a failli déranger une partie de tout ce que j'avais fait jusqu'à présent. Depuis plusieurs jours j'entendais le parti anglais parler dans tous les salons de la violence faite à Dantzig aux commissaires du Roi de Prusse et l'on se récriait sur une prétendue violation déjà faite au traité de Tilsit. On ajoutait beaucoup de choses invraisemblables et, généralement, tout ce que la malignité pouvait imaginer de plus mordant. L'arrivée de M. de Saint-Chamand, aide de camp du maréchal Soult, qui avait vu le comte de Goltz [101] à son passage à Memel, me fit connaître bientôt le sujet de toute ces petites tracasseries. N'ayant aucunes nouvelles de Paris ou d'ordres de Votre Majesté, je me hâtai d'aller au devant de tout ce que ces propos pouvaient amener de désagréable et je résolus d'en parler à l'Empereur lui-même. Il m'en fournit l'occasion lundi dernier, le 27, en me faisant inviter à venir dîner à la cour. La veille il y avait eu spectacle à l'Hermitage et j'avais eu, moi seul étranger, l'honneur d'y assister.

Pendant le dîner de lundi on parla beaucoup de théâtres et l'Empereur me dit plusieurs fois qu'il espérait que Votre Majesté voudrait bien lui donner quelques acteurs et qu'Elle ne pouvait lui faire de plus grand plaisir.

Il m'engagea à passer dans son cabinet après le dîner. Je l'y suivis et il commença ainsi:

«Quand expédiez-vous à Paris?»

RÉPONSE. Demain, Sire.

L'EMPEREUR. Eh! bien, envoyez-moi l'officier demain, à l'heure de mon dîner; je lui donnerai une lettre pour le maréchal Soult et je serai bien aise de le charger de l'assurance de mon atta-

*) Depuis l'Empereur a fait part de cette conversation à Mme de N*** qui m'a dit combien il avait été sensible à beaucoup de choses que je lui avais dites et qui m'a recommandé de tâcher *de le rendre un peu plus méchant. (Note de Savary).*

chement pour l'Empereur. Donnez-lui le rapport de ce que vous avez vu à Cronstadt.

RÉPONSE. Puisque Votre Majesté me l'ordonne, je le ferai ; mais une chose qui intéresse certainement l'Empereur, c'est de savoir jusqu'à quel point le motif du voyage de M. de Saint-Chamand est fondé et je ne puis lui faire un plus grand plaisir que de l'en entretenir parce que je suis sûr que la lettre qu'il a reçue du maréchal Soult lui a donné de l'inquiétude sur Votre Majesté.

L'EMPEREUR. Dites-lui combien j'ai été sensible à cette marque d'intérêt personnel d'un de ses généraux. Je n'ai aucune raison de craindre un pareil événement, mais je me tiendrai sur mes gardes et ferai suivre avec aptitude ces soupçons, qui, peut-être, finiront par m'apprendre quelque chose. Mes vœux sont pour lui et j'espère qu'il sera conservé, comme aussi j'espère rencontrer bientôt l'occasion de lui prouver mon attachement.

RÉPONSE. J'ai encore une grâce à demander à Votre Majesté.

L'EMPEREUR. Quelle est-elle ? Je serais trop heureux ; dites.

RÉPONSE. Je ne puis taire à Votre Majesté que, depuis plusieurs jours, je vois dans la société des figures mécontentes et que j'entends parler de violation du traité de Tilsit. Je sais plus : c'est que ces propos viennent du comte de Lehndorff, ministre de Prusse. La façon dont on s'explique sur cette matière m'a fait croire qu'il était impossible que Votre Majesté n'en eût pas connaissance et que même Elle n'eût pas reçu d'avis du Roi à ce sujet. Je ne sais rien de ce qui peut avoir donné lieu à ces propos, mais Votre Majesté m'a traité avec tant de bonté que j'espère qu'Elle voudra bien me pardonner d'être venu directement à Elle pour en avoir l'explication, bien persuadé qu'Elle m'accorderait assez de confiance pour me faire connaître jusqu'à quel point le sujet de ces tracasseries pourrait l'intéresser. Je ne prendrais pas la liberté de Lui adresser une question là-dessus, si je n'étais convaincu que l'intention de l'Empereur est de ne rien faire qui Lui soit désagréable.

L'EMPEREUR. Général, je vous sais le plus grand gré de cette confiance et vous prie instamment de toujours me la conserver, et je vous paierai de retour. Voici ce que c'est. L'envoyé de Prusse qui est ici a eu hier son audience et m'a remis ses lettres de créance comme ministre plénipotentiaire et, en même temps, une lettre du Roi qui ne me parle de l'Empereur qu'avec les expressions du

plus profond respect, mais qui se plaint assurément de la conduite du général Rapp vis-à-vis de ses commissaires, en disant que, de son autorité, sans avoir fait de notifications quelconques, il lui a plu d'étendre de deux milles d'Allemagne le rayon du territoire de Dantzig. Assurément, si l'intention de l'Empereur a été d'enrôler *deux milles* et non *deux lieues*, il a été le maître à Tilsit de le faire et la Prusse ne pourrait que se soumettre et, conséquemment, ne peut avoir recours aujourd'hui qu'à la clémence de l'Empereur, mais je ne prétends pas me mêler en aucune manière de ce différend. Je suis trop dévoué à l'Empereur pour lui donner le moindre sujet de plainte ; mais je me rappelle encore avec peine mon alliance avec la Prusse et j'aurais vu avec satisfaction que l'Empereur voulût bien ne pas ajouter les sacrifices que le Roi a déjà faits. J'ai été témoin à Tilsit de ce qu'il a accordé au Roi de Prusse à mes instances. J'en ai été trop frappé pour croire que ce soit par son ordre que le général Rapp en ait agi, comme il paraît l'avoir fait vis-à-vis les commissaires du Roi. Au reste, je ne vous parle de cela, général, que pour répondre à votre franchise et, je vous le répète, cette affaire n'est pas la mienne. Je plains seulement ces malheureux Princes qui ont déjà tout perdu et pour lesquels les moindres sacrifices deviennent maintenant considérables. J'ai répondu à M. de Lehndorff que je vous en avais parlé et que vous m'aviez promis d'écrire à ce sujet; que, conséquemment, il était inutile que je vous répétasse la même chose. Je serais au désespoir que l'Empereur pense que je prends une autre part à ces discussions [102].

SAVARY.

Archives Nationales.
Paris.

ANNEXE.

Note de M. Canning, principal secrétaire d'Etat de Sa Majesté Britannique, à M. d'Alopéus, envoyé de Russie, en date de Londres, le 5 août 1807.

Le soussigné, secrétaire d'Etat de Sa Majesté pour les affaires étrangères, n'a pas tardé à mettre sous les yeux du Roi son maître la note officielle de M. d'Alopéus, ministre plénipotentiaire de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, par laquelle M. d'Alopéus, en vertu des ordres de sa Cour, notifie au gouvernement britannique

la conclusion d'un traité de paix, fait à Tilsit le 25 juin (7 juillet) entre la Russie et la France, et annonce en même temps l'offre de la médiation de Sa Majesté Impériale pour la conclusion d'un traité de paix entre la Grande-Bretagne et la France, ainsi que l'acceptation de cette offre par le gouvernement français.

Le soussigné a ordre du Roi son maître de déclarer que l'Empereur de Russie rend justice aux sentiments du Roi en exprimant sa confiance dans les dispositions de Sa Majesté à contribuer au rétablissement d'une paix générale, propre à assurer le repos de l'Europe. Sa Majesté a donné récemment de fortes preuves de ces dispositions, tant par la réponse qu'Elle a fait donner aux offres de médiation de l'Empereur d'Autriche, que par l'empressement qu'Elle a montré à accéder à la convention de Bartenstein du 23 avril entre l'Empereur de Russie et le Roi de Prusse et par les instructions qu'Elle a fait transmettre par le soussigné à son ambassadeur à la Cour de Saint-Pétersbourg, dès qu'on eut eu connaissance des événements malheureux arrivés dernièrement en Pologne, instructions par lesquelles cet ambassadeur était chargé de faire connaître aux ministres de S. M. l'Empereur de Russie les dispositions parfaites de Sa Majesté Britannique à entrer, de concert avec son Auguste Allié, dans telle négociation que l'Empereur de Russie pourrait juger à propos d'ouvrir pour le rétablissement de la paix générale.

Sa Majesté continuera invariablement à professer ces sentiments et ces dispositions.

Le soussigné a ordre, en conséquence, d'assurer M. d'Alopéus que Sa Majesté attend avec la plus vive sollicitude la communication des articles du traité conclu à Tilsit, ainsi que des principes équitables et honorables sur lesquels Sa Majesté Impériale témoigne croire que la France désire de conclure une paix avec la Grande-Bretagne.

Sa Majesté se flatte que le caractère des stipulations du traité de Tilsit et des principes sur lesquels la France est représentée comme étant prête à négocier sera tel que Sa Majesté puisse y trouver un juste motif d'espérer de parvenir à une paix solide et honorable.

Dans un tel cas, Sa Majesté sera empressée de se prévaloir de l'offre de médiation de l'Empereur de Russie.

Mais tant que Sa Majesté n'aura pas reçu ces importantes et nécessaires communications, il est impossible que le soussigné puisse être autorisé à donner une réponse plus précise à la note présentée par M. d'Alopéus.

Le soussigné a l'honneur, etc.

CANNING.

26.

Savary à Talleyrand.

Saint-Pétersbourg, 9 septembre 1807.

Monseigneur, M. le chef d'escadron Saint-Chamand, aide de camp du maréchal Soult, porte cette fois mes dépêches à l'Empereur et à votre altesse. Il m'avait été envoyé par le maréchal Soult avec différentes communications importantes pour l'Empereur Alexandre, dont votre altesse aura pu avoir déjà connaissance. M. Saint-Chamand pourra, dans tous les cas, vous en parler. Le maréchal Soult m'avait aussi écrit relativement à des affaires de service concernant l'échange des prisonniers; ces affaires ont été aussitôt arrangées ici suivant le désir du maréchal. On met toujours beaucoup d'empressement à faire ce que je demande.

Les changements qui ont lieu ici sont toujours en notre faveur. L'état des choses est aujourd'hui bien différent de ce qu'il était à l'époque de mon arrivée, et j'ai la satisfaction de pouvoir annoncer à l'Empereur qu'il est absolument tel qu'il pouvait le souhaiter. On tient avec fermeté et loyauté à ce qui s'est fait et à ce qu'on a promis. On est animé des mêmes sentimens qu'on a manifestés à Tilsit; partout on montre le désir de maintenir ce qui s'y est fait. Il serait malheureux que quelque circonstance vînt détruire tout ce bel ouvrage, et j'ai le regret d'avoir à annoncer à votre altesse que ce qui vient de se passer à Dantzig a failli faire bien du mal ici. On a su que le général Rapp avait fait arrêter par des gendarmes et conduire hors de la ville les commissaires du Roi qui avaient été envoyés à Dantzig pour la discussion des limites. Cette mesure a été trouvée trop sévère et peu convenable. L'ordre signé du général Rapp est entre les mains du Roi, qui a fait témoigner ici tout le chagrin qu'il ressentait d'une pareille conduite. L'Empe-

reur Alexandre en a été profondément affecté; j'ai eu occasion de le remarquer dans les explications que j'ai eues à ce sujet, explications dans lesquelles Sa Majesté n'a montré aucune aigreur, mais seulement le sentiment de l'intérêt qu'Elle continue de prendre à tout ce qui touche Son ancien allié. Votre altesse sentira combien il est important de prévenir tous ces petits sujets de discussion que la malignité et des mésentendus peuvent si facilement grossir, et dont nos ennemis ne manqueraient pas de profiter pour troubler la bonne harmonie. J'ai cru bon d'aller au devant d'une explication à ce sujet, pour ne pas laisser le prétexte du plus léger ressentiment. Cette marche franche me paraît la seule convenable avec un Souverain du caractère de l'Empereur Alexandre; c'est le moyen de ne pas laisser d'arrière-pensées qui sont trop souvent la cause de refroidissement dans les relations d'affaires [103].

Ce qui s'est passé à Copenhague a excité ici une indignation presque générale, et, sous les yeux de l'ambassadeur d'Angleterre, on fait tous les préparatifs les plus formidables pour mettre Cronstadt et la côte en état de défense. Tout est déjà prêt pour recevoir les Anglais s'ils se présentent. L'Empereur Alexandre a désiré que je visse moi-même Cronstadt. Je l'ai visité, et la connaissance que j'ai prise de l'état des batteries et des localités me persuade plus que jamais que toute tentative contre cette forteresse serait infructueuse. Quant au passage, il me paraît impossible; plus de mille bouches à feu peuvent croiser leur feu pour en empêcher l'entrée.

Je vous ai annoncé la retraite de M. de Kotchoubey. J'ai su positivement qu'il avait reçu l'insinuation de demander sa démission, par suite d'un mécontentement bien marqué de la part de l'Empereur pour ses opinions [104]. On ne désigne pas encore son successeur.

M. le comte Vassiliéf, ministre des finances, vient de mourir subitement. L'Empereur en faisait le plus grand cas et regarde cette perte comme difficile à réparer. M. Goloubtzof, adjoint du ministre des finances, le remplace provisoirement [105].

M. de Budberg a demandé sa retraite et l'Empereur la lui a accordée. Vous connaissez assez ce ministre pour savoir que ce n'est pas une grande perte, M. le comte Soltykof, son adjoint, est provisoirement chargé du portefeuille.

On parle du prince Alexis Kourakine, le frère du prince Alexandre, pour un des ministères vacants [106].

Les gardes ont fait leur entrée à Saint-Pétersbourg, le 5 de ce mois, l'Empereur à leur tête. La présence de ces gardes dans la capitale fait plaisir aux habitants et ôte tout prétexte aux incrédules obstinés qui voulaient encore douter de la paix [107]. La publication du traité a été faite il y a six jours sans aucun cérémonial et seulement par la voie de l'impression.

J'annonce à votre altesse le très prochain départ du comte Tolstoï et je lui rappelle, à cette occasion, ce que je lui répète dans chaque dépêche: il est plus que jamais nécessaire que l'on sache ici la nomination d'un ambassadeur. La position dans laquelle je suis ici, que je ne dois qu'aux bontés particulières dont l'Empereur me comble et qui ne sont fondées que sur la confiance dont l'Empereur Napoléon m'a investi, cette position, dis-je, ne saurait durer et je sens déjà l'inconvénient qui résulte du silence que l'on garde avec moi. Depuis que je suis parti de Kœnigsberg je n'ai pas reçu un mot de l'Empereur ni de votre altesse, et je ne vois pas deux fois Sa Majesté qu'Elle ne me demande si j'ai des nouvelles de Paris. Je suis peiné et embarrassé de n'avoir jamais rien à Lui répondre; et, aux yeux du public, l'espèce d'oubli dans lequel on me laisse ne peut rien moins que me nuire. Votre altesse doit trop bien sentir cette vérité pour que j'insiste davantage; je me borne à solliciter ses bontés et des marques de son souvenir.

Je viens d'écrire au grand-maréchal Duroc une longue lettre que je me dispense de rapporter ici, aimant à espérer que vous aurez l'extrême bonté de lui en demander communication. Je n'oublie rien de ce que votre altesse m'a fait l'honneur de me dire; je n'oublie pas surtout qu'elle m'a recommandé d'être empressé à obliger, de demander peu pour recevoir beaucoup, et cela m'a réussi. Je mets le plus grand intérêt à recevoir promptement les objets demandés dans la note jointe à ma lettre au grand-maréchal Duroc. La personne pour qui ils sont est *toute française,* quand il s'agit de servir notre Empereur, et mérite qu'on entretienne ses bonnes dispositions. Je charge M. de Saint-Chamand de voir votre altesse et j'espère qu'elle voudra bien lui permettre de l'entretenir des détails qu'il pourra vous donner relativement à ma situation ici. Devrait-on renvoyer cet officier pour rapporter tout ce que je

demande? Il est d'un plus grand intérêt, qu'on ne pense, que je reçoive promptement toutes ces commissions, parce que cette exactitude sera *un moyen de plaire* [108].

La demande d'acteurs m'a été renouvelée encore hier au dîner de l'Empereur. Il y met personnellement l'intérêt d'un prince qui cherche à polir, par les moyens les plus agréables, les mœurs de ses sujets, et il saura à votre altesse un gré infini de faire accéder à ses désirs.

J'adresse à l'Empereur la copie de la réponse que l'Empereur Alexandre a reçue d'Angleterre à l'offre de sa médiation. Sa Majesté me l'a remise elle-même, en original et traduite, pour que j'en envoie copie à Saint-Cloud.

J'ai reçu de M. Lachevachère, consul à Dantzig, une lettre que j'ai l'honneur d'adresser à votre altesse. Je ne sais si cet agent a des instructions pour entrer en correspondance avec moi, mais il s'y est pris d'une manière à ne pas me faire désirer de lui répondre. L'imprudence qu'il a eue de m'écrire, par la poste et sous le couvert d'un négociant, des choses aussi conséquentes que celles que contient sa lettre ne donne pas une grande idée de sa mesure. Il a joint à cela la proposition de correspondre avec lui par des moyens cachés. Votre altesse jugera si M. Lachevachère a fait dans ce cas ce qu'il a dû.

On a vu ici avec plaisir et regret le décret qui élève votre altesse à la dignité de vice-grand-électeur, mais qui en même temps l'éloigne du département des relations extérieures. Ceux qui ont le bonheur de vous connaître et qui ne connaissent pas votre successeur ont vu ce changement avec peine.

Veuillez permettre que je continue à vous tenir au courant de ce qui peut se passer d'intéressant en Russie. Je n'ai aucun titre pour écrire à M. de Champagny, que je ne connais pas; j'en ai un précieux pour écrire à votre altesse; c'est celui que me donnent la bienveillance et l'intérêt qu'elle a bien voulu me témoigner. J'en réclame de nouvelles marques en m'adressant à vous pour tout ce que je désire le plus ici. Je sais trop de quel poids seront vos sollicitudes et vos instances dans un cas semblable.

SAVARY.

P.-S. — M. de Lesseps vous écrit, monseigneur, pour vous demander un congé. Je prie votre altesse de me permettre de lui

recommander cette demande. Je pense que, après l'arrivée d'un ambassadeur et pendant l'hiver, l'absence de M. de Lesseps ne nuira en rien aux affaires. Il vous expliquera les raisons qui lui font désirer d'aller à Paris pour passer quelque temps au sein de sa famille. Je connais ces raisons et elles sont assez fondées et assez puissantes pour mériter l'intérêt particulier de votre altesse.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

27.

Champagny à Savary [109].

Rambouillet, 14 septembre 1807.

Monsieur, le courrier russe envoyé par l'Empereur Alexandre est arrivé à Rambouillet hier, 13 septembre; il a apporté vos dépêches du 28 du mois précédent. L'Empereur m'ordonne d'y répondre et de vous tracer la marche que vous avez à suivre dans ce moment.

Les bruits d'une ouverture faite par la Suède à la France sont sans fondement. Le Roi de Suède [110], un beau matin, a abandonné Stralsund; nos troupes y sont entrées, voilà tout ce qui s'est passé [111]. Cependant il est nécessaire de faire entrer la Suède dans les intérêts de la Russie et du Danemark, intérêts qui sont aussi les siens. Il est maintenant question de défendre l'indépendance de la Baltique; d'anciens traités en imposent l'obligation à la Suède [112]. Quelque aveugle que soit son Roi, il ne peut méconnaître ni ce devoir, ni ces intérêts; il faut donc lui proposer de faire cause commune avec la Russie et le Danemark, de fermer ses ports aux Anglais, de leur déclarer la guerre. C'est à l'Empereur Alexandre à diriger cette négociation; l'Empereur s'en rapporte à lui, et, pour éviter une double négociation, n'en entamera pas avec la Suède; il consentira à la paix avec la Suède, à la restitution de la Poméranie et, dans le dessein de faire quelque chose d'agréable à l'Empereur de Russie, ratifiera toutes les stipulations faites par ce Prince. Seulement, il exige qu'il ne soit demandé à la Suède, ni accepté de sa part, aucune espèce de reconnaissance; l'Empereur n'en veut aucune, surtout de la part de ce gouvernement [113].

Mais, si le caractère extravagant du Roi le porte encore à refuser d'entrer dans la cause commune, dans la cause de la liberté

des siens et de l'indépendance de la Baltique, l'Empereur pense qu'il faut l'y contraindre; qu'au moment où l'Empereur de Russie renvoie la légation anglaise de Saint-Pétersbourg, la légation suédoise doit être aussi renvoyée et que la guerre doit être déclarée au même instant à l'une et à l'autre puissance. Des mesures hostiles doivent accompagner cette déclaration; la Finlande suédoise peut être envahie par la Russie; des troupes françaises se disposeront à passer dans l'île de Rügen, et une de nos armées, si la saison la favorise, pourra, soit de la Zélande à travers le Sund, soit du Jutland à travers le col de Gatt, menacer la Suède lorsque les tempêtes et l'approche des glaces auront forcé les vaisseaux de s'éloigner. Si les Danois, qui auront à venger d'anciennes injures et de nouveaux torts, préfèrent faire cette expédition avec leurs propres troupes, un corps auxiliaire français veillera à la défense des côtes de Holstein et de leurs autres possessions. Cette attitude menaçante ne suffira-t-elle pas seule pour intimider la Suède, soulever tous les esprits contre les mesures insensées de son monarque et forcer ce dernier à prendre le parti que lui commandent l'intérêt de son peuple et la dignité de sa couronne? Enfin, il faut qu'il y soit contraint, et ce doit être le premier objet de la sollicitude de la Russie.

La France a pris de pareilles mesures à l'égard du Portugal; une armée française de 36,000 hommes, commandée par le général Junot, est rassemblée à Bayonne; une armée espagnole se forme sur les frontières du Portugal; elles seront probablement inutiles. Prévenue qu'il ne doit plus y avoir de neutres sur le continent, la Cour de Lisbonne paraît disposée à fermer ses ports aux Anglais et à leur déclarer la guerre.

L'Autriche restera donc seule en paix avec cette puissance. Mais l'Autriche a aussi beaucoup de griefs contre elle; son pavillon dans l'Adriatique a été sans cesse insulté; pour la déterminer à ressentir et à venger cette injure, il faut que le général Andréossi [114] et le prince Kourakine se rendent chez M. de Stadion [115]; que s'appuyant sur la conduite atroce de l'Angleterre à l'égard du Danemark, ils disent que la cause de cette puissance est devenue celle du continent; qu'il n'est plus permis à aucune puissance du continent de rester neutre dans une querelle où toutes ont des griefs à venger, des droits à soutenir, et ne peuvent le faire avec succès que par leur réunion

à une cause qui leur est commune. Ils demanderont que la légation anglaise à Vienne soit renvoyée, la légation autrichienne à Londres rappelée et la guerre déclarée à l'Angleterre.

Tout porte à penser que l'Autriche, dans cette pressante alternative, adhérera à la proposition qui lui sera faite. Ainsi l'Angleterre sera chassée du continent ; elle n'y aura ni mission, ni agents, ni relations, ni commerce ; aucun Anglais ne pourra y habiter avec sécurité. Il est impossible, quoiqu'en disent quelques Anglais, qu'ils soutiennent longtemps un tel état de choses. L'opinion publique dans toute l'Angleterre en sera fortement ébranlée, et cette secousse, qui précédera les pertes qu'éprouveront inévitablement le commerce et la richesse de l'Angleterre, sera, elle seule, un acheminement à la paix. Aucune mesure n'est négligée pour arriver à ce résultat.

La flotte de Boulogne est en armement, le ministre de la marine s'est rendu dans ce port ; dans peu de temps une armée formidable sera embarquée, prête à profiter des circonstances.

Du moment que l'Empereur a été informé de la guerre contre le Danemark, il en a fait donner avis aux amiraux russes, comme aux bâtiments danois[116]. Cet avis a dû précéder tout ordre de commettre des hostilités qui avait été expédié d'Angleterre, d'après le refus du Prince Royal d'adhérer aux propositions transmises par M. Jackson. Ainsi, quand l'Angleterre aurait pris à la fin des mesures hostiles et contre les Danois, et contre les Russes, les vaisseaux russes, prévenus à temps dans la Méditerranée, seraient en sûreté à Cadix ou à Toulon. La déclaration de guerre contre l'Angleterre ne les expose donc à aucun risque. Si, contre toute attente, ils avaient été attaqués par les Anglais, la guerre contre eux y en serait plus nécessaire, car sûrement une grande puissance comme la Russie ne sera pas impunément insultée. Ainsi elle est déjà en guerre, ou peut y entrer avec sécurité. Que l'escadre anglaise échoue ou réussisse à Copenhague, elle sera sûrement hors d'état de tenter aucune autre entreprise avant l'hiver. La Russie peut donc lever le masque et parler un langage digne de sa puissance et de sa grandeur, en signant la convention dont la minute est jointe à cette lettre.

Voilà pour l'hypothèse de la guerre; voici pour l'hypothèse de la paix.

Les dernières nouvelles de la Zélande sont du 1er septembre. Quinze jours s'étaient écoulés depuis le débarquement des Anglais; ils n'avaient fait rien d'important; Copenhague s'était fortifié, l'armée danoise tenait la campagne, celle des Anglais n'était forte que de 16,000 hommes, au lieu de 40,000 qu'on avait annoncés; les apparences semblent donc annoncer le mauvais succès de cette entreprise, mal combinée, comme toutes les opérations militaires des Anglais [117]).

Si les Anglais échouent, on a une raison de plus de presser les mesures de rigueur, de pousser les choses à l'extrême avec le cabinet de Londres, pour l'amener à des dispositions plus pacifiques. Sans doute les Anglais essayeront en ces quatre mois de conclure une convention avec le Danemark; les sentiments d'honneur du Prince Royal et la fermeté qu'il a déployée font espérer qu'il ne prêtera l'oreille à aucune ouverture. Ainsi, par le fait seul des hostilités commises par l'Angleterre, le Danemark aura été entraîné dans la cause commune et lui restera fidèle. Si les Anglais ont en même temps, ce qu'on est disposé à croire, ce qu'annoncent quelques nouvelles particulières, accepté la médiation de la Russie, la Russie, forte de la convention qu'elle aura signée avec la France et des événements survenus depuis l'offre qu'elle en a faite, pourra rendre ce traité plus avantageux aux puissances continentales, jusqu'à ce moment l'Angleterre n'a fait...

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

28.

Napoléon à Savary [118].

Rambouillet, 16 septembre 1807.

Monsieur le général Savary, j'ai reçu votre lettre que m'a apportée un courrier russe. Vous avez dû à l'heure qu'il est recevoir par M. de Montesquiou une lettre de moi qui vous aura fait connaître l'état des choses. Je viens de dicter une longue lettre à M. de Champagny, qui est actuellement à Rambouillet et qui la rédige.

Nous n'avons point de nouvelles de Copenhague depuis le 1er septembre. Tout me porte à penser que les Anglais ont manqué leur coup; ils croyaient prendre Copenhague sans coup férir et même sans guerre.

La Porte a accepté ma médiation et l'armistice a eu lieu avec Michelson [119].

Rien ne finit avec la Prusse. Le Roi a une dizaine de plénipotentiaires à Berlin qu'il laisse sans instructions. Croirait-on qu'il y a cinq semaines qu'ils n'en ont point eu de réponse, quoiqu'ils lui écrivent depuis huit jours! N'ayant aucun des papiers des pays qu'ils doivent rendre, le reste ne s'évacue pas. Notez bien que je n'exige aucune nouvelle contribution, mais que ce sont toujours celles qui avaient été frappées avant la paix. Ce pays aura bien de la peine à se remettre. Ils sont insolents et sans moyens. Je vous donne ces détails pour votre instruction, en cas qu'on vous en parle [120].

On m'écrit d'Elbing, en date du 2 septembre, que les premiers convois de nos prisonniers ne font que de rentrer ; qu'en général, ils se plaignent d'avoir été maltraités, même depuis la paix. Le maréchal Soult se plaint aussi que des petits libelles, pareils à ceux qu'on jetait dans nos camps avant la bataille de Friedland, sont de nouveau distribués; qu'on en a jeté beaucoup parmi les prisonniers qu'on nous rend. Il faut parler de cela au ministre de la police ou au ministre de la guerre.

Les Suédois nous ont cédé l'île de Rügen. On les dit fort mécontents des Anglais. Je n'ai aucun moyen de traiter directement avec eux; mais je crois que l'Empereur doit trouver des moyens, moitié par menaces, moitié par négociations, de les faire entrer dans la cause commune. Je crois qu'ils y sont tenus par les traités. Quand vous lirez ceci le Portugal aura déclaré la guerre à l'Angleterre. Les Anglais sont donc chassés de partout. Les Anglais ne m'ont rien fait dire. Je ne sais ce qu'ils ont répondu sur la médiation de la Russie.

Remerciez l'Empereur de ses belles pelisses et de son buste.

Il faut être très en garde contre les mauvais bruits. Les Anglais soufflent le diable sur le continent. Ils disent que l'Empereur de Russie va être assassiné. Moi, ils me tuent de toutes sortes de maladies. Ils font faire la guerre à l'Autriche, etc.

Duroc envoie un beau service de porcelaine. C'est un servic qui avait été fait pour moi et le plus beau qu'ait fait Sèvres Je ferai partir le service égyptien aussitôt qu'il aura été terminé

La lettre de M. de Champagny ne doit pas partir aujourd'hu J'expédie Deponthon. C'est un bon officier du génie. Si l'Empe reur a besoin d'un officier du génie pour Cronstadt, etc., il peut lu servir.

NAPOLÉON.

P.-S. — Mon intention est d'envoyer à Saint-Pétersbourg M de Laforêst, soit avec le titre d'ambassadeur, soit avec celui d ministre, comme l'Empereur le voudra. Mon dessein est d'avoi cependant toujours un de mes aides-de-camp à Saint-Pétersbour pour entretenir l'Empereur dans ses bonnes dispositions. Mais j'a pensé que j'avais besoin là d'un homme consommé dans les affaire et, dans tous les pays, ce choix n'est pas facile aujourd'hui. L'Empe reur doit se souvenir que M. de Laforêst a traité les affaires d Ratisbonne conjointement avec la Russie [121], et qu'il était en der nier lieu ambassadeur à Berlin. J'attends pour le faire partir qu ce choix ait été agréé à Saint-Pétersbourg.

Avant huit jours d'ici je vous expédierai des lettres et vou ferai connaître mes intentions en détail sur différents objets. Mai si la Russie voulait attacher la Suède à la cause commune l'Empereur peut compter que je suis disposé à faire ce qu'il juger le plus convenable.

Archives Nationales,
Paris.

29.

Champagny à Savary [122].

Paris, 17 septembre 1807.

Monsieur, j'ai mis sous les yeux de Sa Majesté les deu dépêches de vous, adressées à mon prédécesseur. L'Empereur a ét satisfait des détails qu'elles renferment. Il m'enjoint de vous invite à m'écrire avec plus de détail encore, s'il est possible. Dans l lettre dont je vous accuse réception, vous me faites connaître le

personnes composant le ministère de l'Empereur de Russie et celles qui forment le corps diplomatique, et vos observations sont pleines de justesse et de sagacité. Étendez-en davantage le cercle. Toute la Cour de l'Empereur n'est pas bornée aux personnes dont vous parlez ; d'autres, sans doute, jouent un rôle, ont une influence directe ou cachée. Qu'elles soient aussi le sujet de vos remarques. La société dont vous parlez, celle sur laquelle vous croyez utile d'exercer une puissante influence, semble n'être pas celle du corps diplomatique. Mais probablement cette société est circonscrite; sans doute, à elle seule, elle ne détermine pas l'opinion publique de Saint-Pétersbourg, pas même celle de la noblesse. Veuillez faire connaître ce qui en est, et s'il existe une autre société indépendante de celle-là, plus loin du trône, mais plus près du peuple. Donnez-nous à cet égard les notions que vous aurez acquises. Votre manière de voir et de dire ce que vous avez vu ne peut inspirer que la plus grande confiance.

Avant dix jours j'aurai à vous écrire sur des sujets plus sérieux, et je serai chargé de vous tracer la marche que vous devez suivre dans une circonstance qui chaque jour acquiert plus d'importance. En attendant, continuez à faire ce que vous avez si bien fait. Observez et racontez; cultivez l'amitié dont le Prince vous honore; obtenez de plus en plus sa confiance. Parlez-lui souvent du prix que l'Empereur met à son alliance et à son attachement. Faites-lui bien sentir que là est le véritable intérêt de la Russie et la gloire de son Monarque, et confirmez des dispositions que vous avez si heureusement cultivées.

L'Empereur s'occupe de la nomination d'un ambassadeur ou ministre à la Cour de Saint-Pétersbourg. Sous quel titre vient M. le comte de Tolstoï? Il sera reçu ici avec beaucoup d'égards, et rien ne sera négligé de ce qui pourra lui rendre sa mission douce et son séjour à Paris agréable. J'y apporterai tous mes soins.

J'ai mis particulièrement sous les yeux de l'Empereur ce que vous m'écrivez relativement aux présents à faire à la Cour de Saint-Pétersbourg. L'Empereur s'acquitte d'une manière très noble, comme à son ordinaire, de la dette qui lui est personnelle. Il m'autorise à vous envoyer des collections de médailles, dont une complète pour le grand-maréchal. Malheureusement, le départ de M. Deponthon, qui vous porte cette lettre, est trop subit pour me per-

mettre de l'en charger; je n'ai pu encore me les procurer. Je saisirai donc une autre occasion.

Je termine, monsieur, en vous répétant, comme chose très agréable pour vous, que l'Empereur, en général très content de la manière dont vous remplissez votre mission, a été particulièrement satisfait des dépêches que vous m'avez adressées et que je lui ai mises sous les yeux. Cette assurance de la satisfaction de l'Empereur ne peut que vous rendre plus agréable encore le temps probablement court que vous avez à passer à Saint-Pétersbourg.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

30.

Savary à Champagny [123].

Saint-Pétersbourg, 22 septembre 1807.

Monseigneur, M. de Montesquiou m'a remis, avec les dépêches de l'Empereur, votre lettre chiffrée en date du 26 août dans laquelle votre excellence m'accuse simplement réception de la mienne du 7 sans me répondre à aucun des articles de cette lettre. Je dois vous avouer que j'ai vu avec bien du regret un pareil silence sur tout le contenu de ma dépêche. Je croyais pouvoir attendre de votre excellence la réponse que le prince de Benevent m'aurait sans doute fait l'honneur de m'envoyer, n'ignorant pas que ma position dans ce pays exige que je sache au moins le cas que l'on fait à Paris des avis que je puis donner. Je serais véritablement au désespoir que les lettres que j'écrivais à votre prédécesseur par MM. de Saint-Aignan et de Saint-Chamand eussent le sort de la première et restassent sans réponse. Je me plais à croire que votre excellence les aura jugées assez importantes pour mériter quelque attention. J'insistais particulièrement sur la prompte nomination d'un ambassadeur et sur l'envoi de beaucoup de présents que je crois plus que jamais nécessaire à donner, aussitôt que possible, ici. Je juge ainsi par tout ce que je vois, et vous avez, monseigneur, une trop grande connaissance des affaires et des relations entre les Cours pour ne pas savoir qu'il n'y a pas de petites choses en ce genre. Je suis

porté à penser, d'après cette considération, que beaucoup des objets que j'ai demandés sont déjà en route.

Votre excellence veut bien me dire que l'Empereur a paru satisfait de mes premiers rapports. Je la remercie infiniment de m'avoir annoncé une chose qui ne pouvait que m'être très agréable. Sa Majesté a daigné me le témoigner Elle-même.

Vous me demandez par votre lettre du 26 divers renseignements dont je ne puis m'occuper aussi promptement que vous paraissez le désirer. La position dans laquelle je suis ici me commande bien de la circonspection. On est trop naturellement porté à la méfiance, pour que je ne mette pas tous mes soins à éviter toutes les occasions qui pourraient y donner lieu. Je pense, d'ailleurs, que mes lettres postérieures auront satisfait Sa Majesté sous les différents rapports qui pouvaient le plus intéresser Sa curiosité. Je Lui rends compte exactement de tout ce que j'observe et de tout ce que j'apprends, et, puisque Sa Majesté vous communique mes rapports, je me dispenserai de vous répéter ici ce que j'ai l'honneur de Lui mander.

J'attends avec impatience les réponses aux dépêches dont M. de Saint-Aignan était porteur. L'empressement qu'on aura mis à faire ce que j'indiquais comme moyens de plaire ici sera justement apprécié à la Cour de Russie et contribuera beaucoup à rendre ma position plus convenable et plus agréable. J'ai trouvé bien des choses à faire en arrivant ici: la Cour et la ville en opposition avec le système nouveau. Les bontés particulières de l'Empereur Alexandre, et son extrême franchise dans les communications qu'il m'a fait l'honneur de me faire m'ont soutenu contre les désagréments infinis que j'ai eu à essuyer.

J'ai fait connaître à Sa Majesté le paragraphe de la lettre de votre excellence relatif à l'ordre donné à Cadix pour la flotte de l'amiral Séniavine. Elle m'a témoigné combien Elle était satisfaite de l'attention de l'Empereur.

SAVARY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

31.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 22 septembre 1807.

Monseigneur, j'ai reçu le crédit de cinquante mille francs qu votre excellence m'a adressé avec sa lettre du 26 août. Il m' servi à rembourser la même somme à un négociant français qu me l'avait avancée depuis que je suis ici. Je n'en ai, par conséquen fait aucun usage chez M. Rall et j'ai été bien aise d'éviter tout espèce de relations avec un homme, connu, comme lui, par ses opi nions anti-françaises, aussi exagérées que ridicules.

Je voudrais qu'il dépendît de moi d'entrer dans les vue d'économie que votre excellence me recommande, mais la positio dans laquelle je suis ici ne me permet guère de compter avec moi même. Si même j'y étais à mes frais, je ne saurais pas ménage dans les occasions, où il convient de faire dignement les choses.

Je vous préviens, monseigneur, que je tirerai de nouvelle lettres de change sur M. Perregaux quand j'en aurai besoin. J ne ménagerai ici, ni ne prodiguerai l'argent de l'Empereur, mai je demanderai tout ce qui me sera nécessaire. Je me borne à prie votre excellence de vouloir bien s'en rapporter à moi et à m discrétion, et de me dispenser d'entrer dans de plus longs détail à ce sujet.

SAVARY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

32.

Savary à Napoléon.

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 23 septembre 1807.

Sire, M. de Montesquiou est arrivé ici le 15 septembre e m'a remis la dépêche de Votre Majesté qui renfermait celle pou l'Empereur de Russie. Je l'ai remise moi-même, deux heures aprè l'avoir reçue, et ai été témoin du plaisir qu'elle lui a fait éprou

ver. Depuis, j'ai eu avec Sa Majesté une conversation au sujet des intentions manifestées dans celle que Votre Majesté m'a fait l'honneur de m'écrire. Je la rends, mot pour mot, dans le rapport qui est ci-joint.

Deux jours avant l'arrivée de M. de Montesquiou, l'Empereur m'avait communiqué l'armistice conclu avec les Turcs. Il était de fort mauvaise humeur contre les articles 2 et 4 et, en s'échauffant contre son général qui l'avait signé, il m'a dit : «Je vous en prie, faites changer cela, sans que je sois obligé d'occuper l'Empereur de cette misère. Ecrivez à ce M. Guilleminot[124]. J'enverrai votre lettre par mon général auquel je fais laver la tête. Il ne m'est pas possible de ratifier une pareille négociation[125]. Ce serait la première fois que les Turcs auraient parlé sur ce ton-là aux Russes et je ne conçois pas que M. Guilleminot ait été ouvrir une discussion qui ne pouvait pas être dans ses instructions».

J'ai trouvé l'Empereur si monté, il m'a demandé avec tant d'instance de lui donner cette lettre pour M. Guilleminot, que je n'ai pu me refuser à lui écrire celle dont je joins ici la copie, n'ayant là d'autre but que de prouver à l'Empereur Alexandre que je présumais que ce n'était que par excès de zèle que M. Guilleminot avait fait conclure ces deux articles.

Ce prince a été fort sensible au soin que Votre Majesté a fait prendre pour préserver son escadre; il me l'a répété plusieurs fois.

L'armée russe commence sa dislocation pour entrer dans ses garnisons. L'Empereur m'a dit lui-même qu'il l'avait tenue rassemblée pendant tout septembre pour la réformer, car, m'a-t-il ajouté, «on peut dire cela à présent : il faut en recréer une, il m'est impossible de concevoir comment elle a perdu tant de monde; enfin, je ne le dis qu'à vous : plusieurs régiments d'infanterie n'avaient pas cent hommes. C'est pourquoi je l'ai laissée vers Vitebsk et Smolensk pour donner le temps aux derniers prisonniers faits de rentrer à leurs corps et afin d'incorporer la levée d'hommes que m'avait amenée Lobanof. Pendant ce temps-là je les ai chaussés et habillés en partie et ils commencent à prendre bonne mine. Il me faut encore du temps pour opérer les changements que je me propose et je commence déjà...» Il me parla beaucoup de ces changements et, en général, il s'occupe beaucoup de son armée.

Votre Majesté peut être sans inquiétude sur cette armée. Il

en arrive tous les jours des officiers par lesquels j'apprends q l'on commence à donner les congés de semestre et qu'à mesure q les régiments sont réparés, ils partent pour leurs garnisons.

L'opinion de Pétersbourg est insignifiante et ce serait donn des inquiétudes mal fondées que de rapporter tout ce qui s'y c bite. Il suffira à Votre Majesté de savoir que la grande moitié d négociants ayant comptoirs sont Anglais de nation, que, sur 1,2 navires qui entrent ordinairement par an dans la Néva, plus de 6 portent pavillon anglais, pour qu'Elle ne soit pas étonnée que commerce qui prévoit une rupture prochaine répande mille bru absurdes.

Les Anglais qui donnent le ton ici depuis trois ans feraie d'immenses sacrifices pour opérer une révolution de palais ; ma j'ose assurer, qu'ils n'y parviendront pas, n'y aurait-il contre e que leur conduite à Copenhague. Leur ambassadeur était ici puissant potentat; beaucoup de grands princes en Allemagne n'o pas son étalage; sa hardiesse a été telle qu'il a envoyé par un of cier anglais la capitulation de Copenhague au ministre de Dan mark qui est ici et il s'est attiré par là le mépris de la société.

Sans nul doute, et le rapport ci-joint le prouve, au premi désir de Votre Majesté il sera renvoyé et les négociants angl eux-mêmes, fort maltraités ; mais il est une vérité incontestable dont je suis convaincu depuis mon arrivée ici: c'est qu'il est n cessaire que cet ambassadeur soit remplacé incessamment par ce de Votre Majesté et qu'il ressaisisse toute l'influence que ce d'Angleterre abandonne. Si la France n'influe pas, il y aura enco à craindre dans quelque temps, parce que ce pays-ci sera toujou mené par une puissance étrangère. On y est accoutumé et da cette ville, où les plus grands seigneurs sont ruinés de dettes, point par exemple de devoir jusqu'à 120,000 francs à leur boula ger, l'on n'accorde de la considération à un ambassadeur qu'auta qu'il a de l'état, qu'il traite souvent et qu'il fait honneur à s engagements.

Celui d'Angleterre était à Pétersbourg le plus puissant par culier de la Russie après le Grand-Duc. Son départ fera sensatio

Je voudrais pouvoir annoncer à Votre Majesté que l'on m déjà entretenu de la Reine de Westphalie et de la princesse de Bad mais, excepté l'Empereur, qui m'en a parlé, les deux Impératrices o

gardé avec moi là-dessus le plus profond silence [126]. Je dois cependant dire à Votre Majesté qu'aujourd'hui je sais positivement que l'Impératrice-Mère s'attend à recevoir une lettre d'hommage de ses neveux et je tiens du prince Bélosselsky [127], qui est un habitué de son salon (le maréchal Duroc le connaît), qu'elle s'étonnerait que cela ne fût pas; il a ajouté qu'elle serait sensible à cette démarche et que, sûrement, l'on serait content de sa réponse. Si Votre Majesté l'agrée et qu'Elle veuille bien ordonner qu'on la fasse, je crois qu'il serait bon que je fusse chargé de remettre ces lettres, afin que, le sachant, je puisse me faire informer de ce qu'elle dira dans son intérieur. C'est une femme bien importante à avoir, par le respect qu'elle commande et le grand pouvoir que le public croit qu'elle exerce. De plus, ce serait rendre un grand service à son fils que de la conquérir.

Quant à l'Impératrice régnante, la première lettre de la princesse de Bade et du prince ramènera l'intimité; elle aime son frère, elle est douce et l'Empereur fera le reste. J'ose répondre de ce que j'avance et, si l'intrigue de Cour compte sur ces Princesses comme un moyen de troubler encore, il est bien facile de lui ôter cette espérance.

L'Empereur me parlait encore hier de son voyage à Paris; mais je suis bien embarrassé depuis la lettre de M. de Champagny qui me recommande de ne pas insister là-dessus. J'ai cru comprendre que l'on ne s'en souciait pas et cette inquiétude suffit pour gêner beaucoup la franchise de mes relations avec un Prince qui met tant de loyauté dans ses entretiens.

Je voudrais que M. de Champagny me donnât beaucoup de nouvelles, même insignifiantes, parce qu'il ne m'arrive jamais un courrier qu'il ne soit avant conduit par devant trois ou quatre autorités; on sait alors que je l'ai reçu et, quand je n'ai pas quelque chose à dire, on suppose que j'en ai beaucoup à cacher, c'est ce qui fait que lorsque j'entre quelque part, on ne parle plus que russe ou polonais.

Le comte de l'Isle, avec le duc d'Angoulême et un autre personnage, sont partis de Mitau pour la Suède, la comtesse de l'Isle et la duchesse d'Angoulême sont restées à Mitau avec Mme de Seraut [128].

Au moment où l'officier d'ordonnance de Votre Majesté allait

partir pour porter mes dépêches à Votre Majesté j'ai reçu d l'Empereur la lettre ci-jointe [129].

J'ai eu l'honneur de voir Sa Majesté ce matin et d'avoir ave Elle une conversation que je viens d'ajouter à mon rapport.

Le comte de Tolstoï part dans la nuit du 26 au 27 de c mois et l'Empereur lui a ordonné d'arriver en moins de vingt jours Les jeunes gens qu'il emmène partent aujourd'hui et demain [130].

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

33.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 23 septembre 1807.

Sire, depuis le départ de M. de Saint-Chamand, le 10 septembr il y a eu une légère variation dans ma position à Saint-Péters bourg et voici ce qu'elle a amené.

Déjà depuis plusieurs jours, je remarquais que l'opinion de cercles qui ne nous étaient pas favorables prenait de l'essor e allait jusqu'à improuver hautement tout ce que l'Empereur fai aujourd'hui. Quelques imaginations faciles y voyaient du danger pou sa vie et, en général, cela était devenu partout un sujet de conver sation. M. de Lesseps apprenait la même chose par des négociant français que nous avons ici. Je voyais bien qu'il se formait u orage et je résolus d'aller au devant, à la première occasion favo rable. Elle se présenta. La veille de la fête de l'Empereur Ale xandre, le 10 septembre, je reçus l'invitation de dîner chez so grand-veneur, M. de Narychkine, et après plusieurs conversation vagues, l'on m'apprit où l'Empereur irait passer la soirée. Il m fut facile d'intéresser, en me plaignant du peu d'accueil que l'on m faisait (ce fut le prétexte que je choisis), et j'ajoutai que cela m surprenait d'autant plus qu'à toutes les occasions je recevais de marques de bonté surprenantes du maître que je croyais ador dans son pays, et qu'il était étonnant que l'on osât lui manque

en m'éloignant, comme on le faisait, des maisons qui devaient ici le bon exemple ou, au moins, de la soumission *).

L'on me répondit «que c'était affreux», mais que l'on espérait que je serais assez bon pour patienter, parce que tous les amis de l'Empereur étaient furieux de la conduite de certaines gens. «Je suis bien aise», ajouta-t-on, «que vous ayez à vous en plaindre; mais ce n'est pas tout. Je veux qu'on vous en parle et promettez-moi de dire tout ce que vous savez; il est impossible que vous n'ayez pas appris beaucoup de détails. Rappelez-vous seulement que vous pouvez tout lui dire et qu'il vous écoutera». (L'on entendait parler de l'Empereur).

Cette ouverture, faite par une personne de son intimité, de premier abord me laissa voir qu'il y avait effectivement quelque intrigue en jeu et j'y répondis de cette manière:

«Si l'Empereur me questionnait là-dessus, il n'y a nul doute que je lui dirais tout ce qu'il me semble voir, mais il faudrait qu'il me le demandât avec sa bonté naturelle, parce qu'enfin je ne veux pas qu'il pense que j'ai d'autres motifs dans une telle conversation que celui de lui témoigner par mon zèle ma reconnaissance des faveurs dont il me comble. Ces sortes de choses l'intéressent seul et il n'appartient à personne de s'en occuper, surtout à moi, étranger, qui, au pis aller, ne peut qu'être obligé de monter en voiture pour Paris lorsqu'il n'aura plus la force de me soutenir ici. Au reste, s'il est servi comme il doit l'être, il sait tout cela, et s'il *commande,* il y mettra ordre quand il voudra.»

On répondit: «Comment pouvez-vous dire cela? J'espère que vous ne le pensez pas. Il n'y a d'autre défaut dans son cœur que celui d'être trop fait comme les nôtres et je vous assure que vous êtes peut-être le seul qui puissiez l'entretenir là-dessus en le prenant d'abord du côté de l'affection. Croyez-moi, faites-le, je vous en conjure.»

Je répliquai: «Moi, j'aurais grand tort de me mêler de pareilles choses! Il n'a qu'à mal prendre ma confidence. J'aurai fait une belle besogne et bien gratuitement, puisque cela n'est nullement mon affaire: c'est à vous Russes à faire cette démarche.»

---

*) J'avais été opiniâtrément refusé à la porte de MM. Czartoryski, Novossiltzof, Strogonof [81] et Kotchoubey. *(Note de Savary).*

On me répondit: «Eh! bien, l'on vous parlera et nous verrons si vous avez envie de le servir.»

«Je ne m'engage à rien», répliquai-je, «il faut que cela vienne comme une affaire indifférente.»

Le lendemain, 11 septembre, jour de la fête de Saint-Alexandre je fus invité à me rendre à l'église, où devait officier le métropolitain. Un maître des cérémonies m'attendait pour me placer avec les ministres et grands cordons de Saint-Alexandre.

M. de Roumiantzof en arrivant à l'église s'approcha de moi et me dit: «Général, l'Empereur m'a permis de vous dire que demain je serai ministre des affaires étrangères. Je m'en félicite parce que dans ce poste je pourrai bien mieux prouver à votre maître combien je désire qu'il soit content de nous, d'autant plus que c'est la volonté du nôtre. J'espère que je vous verrai souvent.»

Effectivement, le comte Romaiantzof entra au ministère des affaires étrangères le lendemain.

La Cour arriva en cortège à cette fête et, après l'office divin elle se rend chez le métropolitain, où elle déjeune. Je fis encore partie du cortège et j'étais le seul étranger admis à cette cérémonie.

Le soir il y eut Hermitage, où je fus invité, et le surlendemain, à la grande parade, je vis que l'Empereur avait à me parler*). Il m'avait fait préparer un cheval richement équipé et je l'accompagnai pendant toute sa revue. Pendant que les troupes défilaient il me fit tout à fait approcher et me dit: «Vous dînez avec moi aujourd'hui et ne partez pas le soir; j'ai à vous entretenir».

Je ne manquai pas de me rendre à cette invitation. Le dîner fut gai. Le général comte Tolstoï y était et l'Empereur lui demanda en riant: «Eh bien! Est-ce que vos paquets et vos voitures seront bientôt arrangés? Voilà le général Savary qui vous pousse.»

Le seul motif du retard qu'il a mis à partir, c'est l'arrivée de sa femme, qui est venue de Moscou lui dire adieu.

Après dîner je passai dans le cabinet de l'Empereur et, après avoir un peu causé de choses indifférentes, il me parla ainsi:

---

*) A chaque parade l'Empereur envoie toujours à ma porte un de ses chevaux avec un écuyer qui m'accompagne et je reste à cheval à côté de lui pendant toute la revue. Je suis le seul étranger à qui cette faveur soit accordée. *(Note de Savary.)*

«Je suis bien aise de vous voir et de vous entretenir, général. Voici l'armistice conclu avec les Turcs, je l'ai reçu ce matin. J'ai d'abord fait laver la tête à mon général pour avoir conclu les articles 2 et 4 [132]. Mais, enfin, ils le sont, et comme je ne puis y souscrire et que je ne veux pas occuper l'Empereur de cette misère, ce qui d'ailleurs demanderait trop de temps, j'ai pensé qu'il aurait assez de confiance en vous pour ne pas trouver mauvais que vous ayez fait ce que je désire en cette occasion. Il s'agirait de me donner une lettre pour ce Guilleminot et de lui faire voir le ridicule de ces deux articles, afin qu'il fasse revenir les Turcs sur leur contenu. Je ne crois pas qu'il ait eu cette instruction de l'Empereur. C'est pourquoi, encore, je pense que vous pouvez arranger cela. Il a voulu montrer son zèle et je vous avoue que je ne me soucie pas que cela soit à mes dépens. Dans le cas contraire, qu'il vous le dise, parce qu'alors je m'adresserai à Paris. Il aurait dû voir là-bas qui, des Turcs ou de moi, avait le droit de parler haut; mais Michelson est mort dans ces entrefaites et son successeur m'a fait cette sottise. D'abord, je n'entends point me laisser lier jusqu'au mois de mai, si la paix ne suit pas cet armistice. C'est une condition absurde et contre tout principe. L'Empereur sait que je ne veux point envahir, mais il est trop juste pour vouloir que les Turcs me dictent des lois. Quant au vaisseau pris par Séniavine, je ne le rendrai pas; d'abord, il est en mer avec l'escadre et puis, c'est un trophée assez chèrement payé pour que je tienne à le conserver; il était inutile de faire mention de cela. Votre Empereur, à ma place, ne le rendrait pas au monde entier et je suis convaincu qu'il ne pensera jamais à me le redemander. Je vous en prie, général, arrangez cela et évitez-moi le désagrément d'en importuner l'Empereur. Envoyez-moi votre lettre pour Guilleminot. Mon courrier repart demain et il la portera.»

RÉPONSE. J'écrirai, Sire, mais j'observe à Votre Majesté que je ne puis faire que des observations à M. Guilleminot dans l'hypothèse où ce qu'il a fait ne serait point dans ses instructions.

L'EMPEREUR. Sans doute, mais je vous assure que cela n'est nullement dans ses instructions. L'Empereur me l'avait dit à Tilsit, et ce n'est que pour éviter des tracas que je m'adresse à vous. Maintenant, parlons d'autre chose. Que faites-vous ici?

RÉPONSE. Sire, je vois beaucoup de monde.

L'EMPEREUR. En êtes-vous content?

RÉPONSE. Non, Sire, pas du tout; et puisque Votre Majesté m met sur cette matière, avant de Lui répondre davantage, il m'import de savoir si Elle permet que je Lui parle de ce qui La touche e que je Lui dise ce que je vois, comme je le dirais à l'Empereur Paris, si j'étais dans son cabinet arrivant de Saint-Pétersbourg.

L'EMPEREUR. J'espère que vous ne doutez pas de mon attache ment et que je vous ai donné assez de marques de confiance pou que vous croyiez à l'intérêt que je mets à ce que vous alle me dire.

RÉPONSE. Puisque Votre Majesté le permet, je ne Lui taira rien. J'ai eu plusieurs occasions de remarquer, depuis que je sui à Pétersbourg, combien l'opinion de la haute noblesse était éloigné du système que Votre Majesté suit aujourd'hui. Je n'ai adress aucune question pour en deviner la cause, que je n'attribuai d'abord qu'au changement subit des circonstances, et il était nature d'espérer qu'un peu de temps et la volonté du maître rassureraien cet esprit d'opposition qui observait encore quelque mesure dan son mécontentement. Aujourd'hui, il n'est guère possible de voi quelque chose de pire, et un étranger qui arriverait à Saint-Péters bourg pourrait douter qu'il y existe un maître que l'on y respecte en entendant comme on l'ose s'exprimer. L'opinion se monte toute seule, un peu d'intrigue l'excite et je ne crains pas de dire qu'elle a déjà fait de très grands progrès. Je le vois de plusieurs manières La première, c'est qu'en réfléchissant que je suis ici l'envoyé de l'Empereur et traité comme Votre Majesté a l'extrême bonté de le faire, je ne devrais trouver que des figures riantes ou, au moins des politesses. Au lieu de cela, je suis évincé et, si je parviens à voir souvent une maison, elle est abandonnée la semaine suivante. Il est bien évident que de pareils procédés ne sont que pour le maître que je sers et bien certainement je ne m'en plaindrais pas et n'y aurais pas même fait attention, sans les conséquences que je prévois qui vont en dériver.

L'autre manière de m'en apercevoir est celle-ci.

L'abandon de quelques ingrats comblés des bontés du maître, et qui, dans un moment où il a besoin de leur dévouement, renoncent à le servir et emportent dans le parti opposé leur nom, leur fortune et leur influence. De tels hommes sont des traîtres et Votre

Majesté aura un jour des regrets de les avoir traités avec autant d'indulgence.

Cette opinion n'est point à mépriser du tout. Elle couve quelque chose et il est d'autant plus urgent d'être en garde contre elle et d'aller crever le nuage avec l'épée que, si on ne l'observe pas, elle finira par gagner tellement tous les esprits que, lorsque le moment de remplir les engagements de Votre Majesté sera arrivé, Elle trouvera tous les ressorts détendus jusque dans les membres du gouvernement. Elle sera alors obligée de combattre à la fin cette opinion exaspérée et de faire taire les cris du commerce, qui prévoit déjà ce qui va lui arriver et s'en alarme d'avance. Il me semble donc que Votre Majesté aurait beaucoup à gagner en éloignant les hommes trop prononcés dans l'opposition et en les remplaçant par d'autres dont les principes connus aideraient à l'exécution de ce que Votre Majesté se propose, sans quoi il est possible qu'avant peu l'intrigue, la faction même et les cris de tout le commerce ne vous forcent encore à balancer entre l'Angleterre et nous. Je vous avoue, Sire, que je prévois ce moment.

L'EMPEREUR (en me prenant par le bras:) Général, le choix est tout fait et rien ne peut le changer. Ne discutons pas là-dessus et attendons les événements. Je n'ai aucune arrière-pensée sur tout ce qui a été fait et vous avez dû voir ici qu'il n'y a pas un seul homme fait pour changer mes déterminations. Ne voyez pas l'opinion dans quelques misérables dont je ne me sers point et qui sont trop lâches pour entreprendre quelque chose. Il n'y a pas ici assez d'esprit ni de résolution pour cela.

Je sais qu'il y a de l'intrigue, que l'Angleterre travaille encore et ce que vous avez aperçu est le résultat de ces menées, — je ne les crains pas; j'irai malgré tout à mon but. Soyez sans inquiétude de ce côté-là. Il faudra bien que l'on fléchisse.

Notre éducation, qui est si négligée en Russie, nous donnera longtemps encore de l'occupation pour nous défaire d'une quantité de préjugés dont nous sommes esclaves. Vous verrez cela, si vous prolongez encore votre séjour ici. Je travaille à un changement, mais je ne puis l'opérer que lentement. Mon intention est de mettre tout sur un autre pied, même autour de moi. J'aime mes parents beaucoup, mais je règne et je veux que l'on ait pour moi des égards. (En disant cela l'Empereur paraissait s'échauffer. Il

s'arrêta tout à coup les yeux fixes, puis, me prenant par la mai et me la serrant, il continua:) Vous voyez, général, que j'ai bie de la confiance en vous, puisque je vous entretiens de l'intérieu de ma famille. Je compte sur votre discrétion et sur votre atta chement pour moi.

Je témoignai de la sensibilité à cette ouverture et je répondi que je verrais avec plaisir le moment où les sentiments des grand de la nation ne se diviseraient plus entre l'Impératrice-Mère e lui *), et qu'il me paraissait dangereux de négliger cela dans cett circonstance.

L'Empereur me répliqua: *Je le sais*, et je quittai Sa Majesté

Depuis la fête de l'Empereur, on a célébré celle de la nais sance de l'Impératrice (17 septembre) [133]. Le soir il y a eu Hermi tage et j'y ai été invité, toujours moi seul étranger.

Le 18 on a chanté en grande pompe une messe funèbr pour les militaires morts pendant la dernière guerre.

M. de Montesquiou est arrivé ici le 15 de ce mois et j'ai e hier, 20, avec l'Empereur une conversation relativement au conten de la lettre que Votre Majesté m'a fait l'honneur de m'écrire Après avoir dîné à la Cour je passai seul dans son cabinet et i me parla ainsi:

L'EMPEREUR. Voilà la capitulation de Copenhague que mo ministre en Danemark vient de m'envoyer. Prenez-en copie, s vous croyez que l'Empereur ne l'ait pas déjà reçue, et envoyez-la-lui

Maintenant, parlons un peu du désir de l'Empereur. Dites-lu que, comme je le lui avais promis à Tilsit, je m'étais préparé pou le mois de novembre. Sans doute je serai prêt avant, mais à pré sent il m'est impossible de faire marcher un seul régiment en Fin lande. Ce n'est que dans trois jours que vous verrez les troi premiers régiments de la division de cette frontière qui arriven de l'armée. Le reste de cette division et une autre les suiven de près. Je ne crains pas de vous dire que tout cela est en bie

---

*) Tous les officiers promus, les chevaliers de tous les ordres, nommés depui le retour de l'Empereur et, en général, tout ce qui reçoit un bienfait du Souverai va en cérémonie remercier l'Impératrice-Mère et ne dit rien à l'Impératrice régnant ni à l'Empereur. *(Note de Savary.)*

mauvais état et qu'il faudra quelques jours pour les vêtir et les chausser.

D'un autre côté, je crains que les Suédois, qui sont à la merci des Anglais, ne mettent à leur disposition leur flotte à rames, et qu'avec quelques troupes ils ne me préviennent en Finlande ; et certainement ils feraient beaucoup de mal à mes ports de cette côte, sur toute laquelle je n'ai que deux bataillons de vétérans. De plus, les Anglais profiteraient de cela pour y hiverner, au lieu qu'ils vont être obligés de s'en aller dans un mois, ce qui est bien différent pour moi. Il n'y a nul doute que, si j'avais à Cronstadt ma flotte de la Méditerranée, je ne m'inquiéterais pas des Suédois, mais il n'y faut pas penser et, d'ailleurs, celle des Anglais est incomparablement plus forte que tout ce que je pourrais réunir dans la Baltique. Vous concevez donc que je dois attendre l'arrivée de mes troupes à la frontière, afin de ne pas recevoir de chiquenaudes d'un petit pays comme celui-là.

Maintenant, si vous croyez nécessaire aux projets de l'Empereur et aux mouvements de ses troupes sur l'Elbe que j'éclate sur-le-champ avec l'Angleterre, je suis tout prêt et dès demain je puis le faire; mais chargez-vous de lui répondre si ce n'est pas son intention. Ne croyez-vous pas que la prise de Copenhague ne soit une raison pour attendre une réponse de l'Empereur et une explication positive sur ce qu'il veut que nous fassions?

D'un autre côté, s'il était vrai que les Anglais cherchassent à se rapprocher de lui et à ouvrir des négociations, il conviendrait peut-être que je me déclarasse sur-le-champ pour appuyer ses intentions. Voyez : je vous laisse le maître et je me moque des cris du commerce, — je saurais bien les faire taire.

Quant à la déclaration qu'il me propose de faire à l'Autriche, je suis à ses ordres ; et qu'il me l'envoie, je ne ferai que la transcrire, la signer et l'envoyer sans y changer un mot. Mandez-lui cela.

RÉPONSE. Sire, on ne peut rien manifester de plus positif et je vais me hâter d'en informer l'Empereur.

L'EMPEREUR. Demain je vous enverrai une lettre pour lui et je lui manderai que Tolstoï va partir. Je suis un peu en retard, il est vrai. Maintenant, dites-moi si vous êtes plus content de Pétersbourg que la semaine passée ?

RÉPONSE. Oui, Sire, on parle moins et quelques personnages marquants paraissent changer d'opinion ou, au moins, respecter vos volontés.

L'EMPEREUR. Encore un peu et vous verrez un autre changement. Je n'aime pas à m'occuper des individus, surtout lorsqu'ils n'en valent pas la peine. Je n'en ferai jamais une affaire, mais malheur à celui qui n'ira pas droit. Ce Kotchoubey ne doit plus vous donner d'inquiétude ; il quitte son ministère et j'attends le prince Alexis Kourakine pour le remplacer. (Il vient de la Petite-Russie, où il était gouverneur général.)

J'ai dit à l'Empereur à Tilsit, et il doit s'en rappeler, que l'on n'essaierait plus de nous faire battre, mais bien de nous brouiller, et que l'on viendrait me dire, à moi, que sa politique était toujours la même, une tyrannie pour le monde, etc., et mille autres contes; et à lui, on lui dira qu'on ne doit pas compter sur moi, que je ne cherche qu'une occasion de ne pas tenir mes engagements, et enfin, que je suis faible, que l'on me mène, etc. Si cela arrive, un courrier, j'espère, détruira tout ce que pourraient produire ces balivernes et lorsque vous aurez besoin encore d'explications sur ces bagatelles, ne vous adressez qu'à moi, je vous en prie. Liez-vous avec Roumiantzof; je ne connais pas un plus honnête homme. Et, en général, ne vous plaignez pas de la Russie : elle est naturellement portée vers vous. Si encore, à présent, il y a un peu de bouderie, c'est du dépit qui vous fait honneur, messieurs, et il est généreux de ne pas le remarquer. Je vous en sais gré. Je pousserai la Russie vers la France, tant que je pourrai, et j'espère que, de votre côté, vous ferez en sorte de nous rendre les esprits favorables. Adieu, général.

M. Bertémy devait partir dans la nuit du 22 au 23. Le 22 au soir, en rentrant chez moi, je trouvai un valet de chambre de l'Empereur Alexandre qui me remit de sa part la lettre que je joins ici[134].

Le 23 je me rendis à Kamény-Ostrof. Je fus de suite introduit dans le cabinet de l'Empereur, qui me remit la lettre cachetée ci-jointe et nous eûmes la conversation suivante:

L'EMPEREUR. Général, j'ai voulu vous voir pour vous dire qu'ayant réfléchi à la position des Danois, j'avais chargé le comte

Roumiantzof de faire venir lord Gower, qui s'expliquait mal sur ces derniers événements, et que j'avais ordonné qu'on le mît au pied du mur, de manière à lui faire dire tout ce qu'il savait sur l'offre de ma médiation, en lui demandant nettement si on l'acceptait *oui* ou *non*. Roumiantzof l'a fortement pressé et il a effectivement répondu et assez sèchement *qu'on ne l'acceptait pas* [135]. Je regarde donc tout comme fini avec cette puissance et j'ai fait remettre par Roumiantzof à son ambassadeur une note violente contre ce refus et dans laquelle je ne ménage point mes expressions sur la conduite indigne que l'on vient de tenir à Copenhague; et je lui déclare que je ne resterai pas indifférent dans cette querelle [136]. Je mande à l'Empereur que je me charge de lui en rendre compte. Ajoutez-lui qu'incessamment, c'est-à-dire aussitôt la réponse de lord Gower à la note, il reprendra le chemin de Londres. Dites aussi à l'Empereur qu'il aura probablement remarqué que les six semaines que les Anglais se proposent de passer en Zélande lui présenteront peut-être l'occasion de les empêcher de se rembarquer. Au reste, il sait cela mieux que moi, mais ce serait bien heureux, et j'espère qu'au moins il trouvera un moyen de faire rendre la flotte de guerre au Prince Royal. Ajoutez-lui que mes troupes marchent et que je vais m'occuper de la Finlande.

L'Empereur me dit aussi à cette occasion: «Si l'Empereur voulait en revenir à son expédition de Boulogne, il aurait Séniavine et mes 22 vaisseaux à sa disposition. Que l'Espagne et la Hollande joignent leurs efforts et bien des choses seront possibles.»

J'ai répondu à l'Empereur: «Sire, je suis bien aise de voir ce que j'avais annoncé à Votre Majesté se justifier: que M. Gower devait avoir une instruction de son gouvernement et qu'il ne fallait que le presser pour le savoir. Maintenant, je pense qu'il est également fondé à répondre à la note dont Votre Majesté me fait l'honneur de me parler et Elle verra qu'il va sur-le-champ rendre compte à M. Jackson à Copenhague de ce qui vient de lui arriver. Et si, comme je n'en doute pas, ce M. Jackson représente en quelque sorte son gouvernement et peut disposer de ses forces de terre et de mer, Votre Majesté aura une flotte anglaise en observation devant Cronstadt avant dix jours».

L'EMPEREUR. Vous avez vu que cela m'importait fort peu et que je suis prêt.

RÉPONSE. Oui, Sire; mais je dois avouer à Votre Majest qu'il me paraît que ce serait une grande faute de laisser sorti tous les bâtiments de commerce de cette nation qui se trouven maintenant dans vos ports de Pétersbourg, Cronstadt, Riga, Réve et Archangel, et je pense qu'il faudrait les retenir au moins comm otages, sans les saisir tout à fait, puisque Votre Majesté ne le veu pas. Cette mesure peut faire grand bien aux affaires seulemen par l'effet qu'elle produira en Angleterre, en grossissant le part de l'opposition des mécontents intéressés à la propriété de ces bâti ments et de leurs cargaisons. Votre Majesté voit qu'à Copenhagu même les Anglais prennent les bâtiments de commerce qui son dans le port, et, dans tous les cas, il ne serait pas prudent qu'a moment où Votre Majesté prend une attitude de guerre, Elle laissâ sortir autant d'espions qui ne manqueraient pas de rendre compt à la flotte anglaise de ce qui se passe ici.

L'EMPEREUR. Je n'aime guère à faire peser sur les individu les querelles politiques de leurs gouvernements; mais, cependant, j trouve que vous avez raison, et je vais ordonner à Roumiantzof d renouveler sur-le-champ l'ordre sur l'embargo et de le faire stric tement exécuter*).

J'ai signé tout ce qui regarde Tolstoï et je lui ai donné l'ordr de partir dans la nuit de samedi à dimanche (du 26 au 27). J veux qu'il soit en vingt jours à Paris. L'Empereur pourra lui re mettre la déclaration pour l'Autriche, comme il désire qu'elle soi faite. Il me l'enverra et sur-le-champ elle lui sera remise. Au reste dites-lui aussi que je viens de recevoir des nouvelles du prince Kou rakine, qui me mande que ce qui s'est fait à Copenhague a excité l plus vive indignation; qu'ainsi la note sera bien accueillie.

Vous pouvez aussi lui faire savoir, si vous le voulez, qu' Londres on a insinué à mon ministre que l'on ne se prêterait à au cun arrangement contre les Turcs. Il est bon qu'il sache cel si, comme le commerce le débite, lord Saint-Helens doit aller à Paris Hâtez-vous de le prévenir. Cette insinuation ne m'occupe guère parce que tout ce que l'Empereur voudra — arrivera.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

*) Cet ordre avait été donné il y a environ un mois, mais il resta sans effet (*Note de Savary.*)

ANNEXES.

I.

Billet de l'Empereur Alexandre au général Savary.

Ma lettre est prête, général, mais je vous engage à différer de quelques heures le départ de votre courrier et à venir chez moi demain, à dix heures du matin; je désire que vous ajoutiez à votre expédition la réponse finale que j'ai reçue de l'ambassadeur d'Angleterre sur la médiation. C'est le sujet dont je veux vous parler demain. Recevez l'assurance de toute mon estime.

ALEXANDRE.

Ce mardi soir.

II.

Convention d'armistice de Slobodzéia.

AU NOM DE DIEU.

La Sublime Porte et la Cour Impériale de Russie, désirant mutuellement et sincèrement mettre fin à la guerre qui divise actuellement les deux Empires et rétablir la paix et la bonne harmonie, avec la médiation de S. M. l'Empereur des Français et Roi d'Italie, que les deux hautes parties contractantes ont également acceptée, sont convenues: qu'il y aurait sur-le-champ armistice. Elles ont nommé pour cet effet leurs plénipotentiaires respectifs, c'est-à-dire: la Sublime Porte — son excellence Saïd-Mehmed-Galib-Effendi, ci-devant Reïs-Effendi et actuellement Nichandri, et la Cour de Russie — son excellence M. le général Serge Lachkaref, conseiller privé de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et chevalier de plusieurs ordres, lesquels, en présence de M. le colonel, adjutant commandant Guilleminot, envoyé par S. M. l'Empereur des Français et Roi d'Italie pour assister aux arrangements relatifs à l'armistice, sont convenus des articles suivants:

Art. 1er.

Aussitôt après la signature de l'armistice, les généraux en chef des deux armées impériales, savoir, son altesse le grand-

vizir et son excellence le général en chef Michelson enverron des courriers pour que les hostilités cessent tout à fait de part e d'autre, tant par terre que par mer, dans les rivières et, en u mot, partout où il se trouve des troupes des deux puissances.

Art. 2.

Comme la Sublime Porte et la Russie désirent également d la manière la plus sincère le rétablissement de la paix et de l bonne harmonie, les deux hautes parties contractantes nommeront aussitôt après la signature du présent armistice, des plénipotentiaire pour traiter et conclure la paix le plus tôt possible, dans tel endroi qu'elles auront jugé convenable.

Si pendant les négociations pour la paix il s'élève malheureu sement des difficultés et que les affaires ne puissent s'arranger, l'ar mistice ne sera rompu que le printemps prochain, c'est-à-dire le de la lune de Safer, l'an de l'hégire 1223 et le 3 avril 1808 r st. ou le 21 mars v. s. de l'ère chrétienne.

Art. 3.

Aussitôt après la signature du présent armistice, les troupe russes commenceront à évacuer la Valachie et la Moldavie, ainsi qu toutes les provinces, forteresses et autres pays qu'elle ont occupé pendant cette guerre, et à se retirer à leurs anciennes frontière de manière que l'évacuation soit entièrement terminée dans l'espac de trente cinq jours, à compter de la date du présent armistice.

Les troupes russes laisseront dans les pays et forteresses qu doivent être évacués par elles tous les effets, canons et munition qui s'y trouvaient avant l'occupation.

La Sublime Porte nommera des commissaires qui recevront le dites forteresses des officiers russes désignés à cet effet. Les troupe ottomanes sortiront de même de la Moldavie et de la Valachie dan les trente-cinq jours pour repasser le Danube. Elles ne laisseron dans les forteresses d'Ismaïl, Braïlof et Giurgiof que les garnison suffisantes pour les garder.

Les troupes russes correspondront avec les troupes turques afin que les deux armées commencent à se retirer en même temp de la Moldavie et de la Valachie.

Les deux parties contractantes ne se mêleront nullement d

l'administration des deux Principautés de la Moldavie et de la Valachie, jusqu'à l'arrivée des plénipotentiaires, chargés de traiter de la paix.

Jusqu'à la conclusion de la paix, les troupes ottomanes ne pourront occuper aucune des forteresses qui seront livrées par les troupes russes en conséquence du présent armistice ; les habitants seuls pourront y entrer.

Art. 4.

Conformément à l'article précédent, l'île de Ténédos, ainsi que tout autre endroit dans l'Archipel qui, avant que la nouvelle de l'armistice y soit parvenue, aura été occupé par les troupes russes, seront évacués.

Les vaisseaux russes qui sont mouillés devant Ténédos ou quelque autre endroit de l'Archipel retourneront à leurs ports, afin que le passage du détroit des Dardanelles soit tout à fait ouvert et libre.

Si les vaisseaux russes, en se rendant en leurs ports, sont obligés de s'arrêter à quelque endroit de l'Archipel à cause d'une tempête ou de quelque autre besoin indispensable, les officiers turcs n'y mettront aucun obstacle et leur prêteront au contraire les secours nécessaires.

Tous les vaisseaux de guerre ou autres vaisseaux ottomans qui, pendant la guerre, seraient tombés entre les mains des Russes seront rendus avec leur équipage, ainsi que les vaisseaux russes qui seraient tombés au pouvoir des forces ottomanes.

Les vaisseaux russes, en se rendant à leurs ports, ne prendront à bord aucun sujet de la Sublime Porte.

Art. 5.

Tous les bâtiments de la flottille russe qui se trouvent dans l'embouchure du *Sunne* ou dans quelque autre embouchure sortiront et se rendront à leurs ports, afin que les vaisseaux ottomans puissent aller et venir en toute sûreté.

La Sublime Porte donnera des ordres pour que les bâtiments russes se rendant à leurs ports soient respectés et qu'il leur soit permis d'entrer même dans quelques ports ottomans, en cas qu'ils

y soient obligés par une tempête ou par quelque autre besoin in dispensable.

Art. 6.

Tous les prisonniers de guerre et autres esclaves des deux sexes de quelle qualité ou grade qu'ils soient, seront incessamment mi en liberté et rendus de part et d'autre, sans aucune rançon; l'exception, cependant, des musulmans qui auraient embrassé volon tairement la religion chrétienne dans l'empire de la Russie et le chrétiens, sujets de la Russie, qui auraient pareillement embrass volontairement la religion mahométane dans l'Empire de Turquie

Aussitôt après la conclusion du présent armistice, tous le commandants, officiers, et habitants des forteresses de la Turqui qui se trouvent actuellement en Russie seront rendus et envoyé en Turquie, avec tous leurs effets et bagages.

Art. 7.

Le présent traité de l'armistice, écrit en turc et en français a été signé par les deux plénipotentiaires et par M. l'adjudant commandant Guilleminot, et il a été échangé, afin qu'il soit ratifi par son altesse le grand-vizir et par son excellence le général e chef Michelson.

Les deux plénipotentiaires auront soin que la dite ratificatio soit aussi échangée dans une semaine ou plus tôt si faire se peut

Fait et arrêté au château de Slobodzéia, près de Giurgiof, l 20 de la lune de Djemmint-Ahyr, l'an de l'hégire 1222 et le 1 août v. st. ou le 24 août n. st. 1807 de l'ère chrétienne.

MEHMED-SAÏD-GALIB-EFFENDI.

SERGE LACHKAREF, conseiller intime et plénipotentiaire d S. M. l'Empereur de toutes les Russies et chevalier

Colonel adjudant et commandant GUILLEMINOT.

En conséquence des pleins pouvoirs, donnés par S. M. I. l'Em pereur de toutes les Russies, mon très auguste Souverain, au com mandant en chef de l'armée de Sa Majesté je, soussigné, ratifie en plein l'armistice ci-dessus. Fait à Bucarest le 23 d'août 1807.

BARON MEYENDORF, général de cavalerie, commandant en chef et chevalier de plusieurs ordres.

Article particulier, entre son excellence Galib-Effendi, plénipotentiaire de la Sublime Porte, et son excellence Serge Lachkaref, plénipotentiaire de la Cour de Russie, en présence de M. l'adjudant-commandant Guilleminot.

Comme il faut que, conformément à l'armistice signé en date d'aujourd'hui, les hostilités cessent partout, les troupes ottomanes, jusqu'à l'arrivée des plénipotentiaires chargés de traiter de la paix, ne commettront aucun acte d'hostilité dans les environs de Vidin et de Zeth-Islam, où il y a des troupes russes réunies aux Serviens. Fait et arrêté au château de Slobodzéia, près de Giurgiof, le 20 de la lune de Djemmint-Ahyr, l'an de l'hégire 1222, et le 12 août v. st. ou le 24 août n. st. 1807, de l'ère chrétienne.

SERGE LACHKAREF.

MEHMED-SAÏD-GALIB-EFFENDI

Colonel adjudant et commandant GUILLEMINOT.

En conséquence des pleins pouvoirs donnés par S. M. I. l'Empereur de toutes les Russies, mon très auguste Souverain, au commandant en chef de l'armée de Sa Majesté, je, soussigné, ratifie en plein l'article particulier ci-dessus. Fait à Bucarest, le 25 août 1807.

BARON MEYENDORF, général de cavalerie, commandant en chef et chevalier de plusieurs ordres.

34.

Champagny à Savary [138].

Fontainebleau, 27 septembre 1807.

Monsieur, l'Empereur a reçu les lettres dont vous avez chargé M. de Saint-Chamand et, en me remettant celles que vous écriviez à mon prédécesseur, m'a chargé de faire aux unes et aux autres la réponse que j'ai l'honneur de vous adresser.

L'Empereur applaudit toujours à l'exactitude avec laquelle vous lui rendez compte de votre mission et à la manière dont vous la remplissez. Il aurait préféré que vous n'eussiez pas fait expliquer l'Empereur Alexandre sur l'affaire de Dantzig; il fallait respecter son silence et ne pas donner tant d'importance à des

propos de société. La mesure prise à Dantzig, quoique non ordonnée par l'Empereur, a été nécessitée par la conduite insolente des commissaires prussiens. L'Empereur est mécontent des Prussiens, mécontent de l'esprit de l'armée prussienne que ses revers n'ont pas corrigée. Toujours les mêmes forfanteries; toujours de nouvelles provocations. Une scène scandaleuse et insultante pour l'armée française s'est passée à Kœnigsberg. L'Empereur n'a pas encore reçu à cet égard une explication satisfaisante. Comme à de tels hommes il ne faut pas une molle condescendance, on doit réprimer vivement leurs plus légers torts[139].

L'Empereur veut que les officiers français qui sont à Pétersbourg sachent y plaire et réussir, comme il voit avec plaisir les officiers russes obtenir du succès dans la société de Paris; mais les Français ne doivent point se laisser dominer par l'esprit de société et il faut qu'ils s'abstiennent de pousser les égards envers les personnes qu'ils fréquentent au point de les gâter et de leur donner une importance qu'elles ne sont que trop disposées à avoir.

L'Empereur a entretenu avec vous une correspondance régulière et l'arrivée de chacun de vos courriers a occasionné le départ d'un courrier de Paris. Après M. de Montesquiou on vous a dépêché l'officier d'ordonnance Deponthon. La lenteur de la poste ne permet pas d'employer cette voie; à l'arrivée de M. Tolstoï il vous sera dépêché un nouveau courrier.

L'Empereur a choisi M. de Laforêst pour son ministre à Saint-Pétersbourg; il vous a déjà écrit à cet égard. Il se propose d'attendre votre réponse pour le faire partir; ce départ ne lui paraît pas pressant; votre présence à Saint-Pétersbourg équivaut à celle d'un ambassadeur, et la manière dont vous remplissez votre mission ne permet pas de désirer que vous soyez promptement remplacé.

L'Empereur n'a pas approuvé la mesure prise par le maréchal Soult. Les mauvais propos de l'officier prussien ne se liaient à aucun plan, il ne fallait pas en faire l'objet d'une démarche aussi solennelle. L'opinion de l'Empereur est que l'Empereur de Russie ne court aucun danger réel, et qu'à l'égard d'un Prince moins ferme, il y aurait de l'inconvénient à lui faire croire à de tels dangers et à lui en parler souvent, lui donnerait aussi une sorte d'intérêt à se rapprocher de l'Angleterre, pour se débarrasser

des soins et des inquiétudes qu'amène une pareille situation. L'Empereur vous engage donc à éviter d'entretenir l'Empereur Alexandre de pareils dangers, à moins qu'il n'en existât de réels, ce dont votre position vous mettra peu dans le cas d'être instruit.

J'arrive, monsieur, à des objets d'intérêt général. Au 1er novembre, la Russie doit déclarer la guerre à l'Angleterre; à défaut d'autre motif, l'atroce expédition de Copenhague suffirait seule pour l'y déterminer. Vous devez presser le renvoi du ministre d'Angleterre à Pétersbourg, le rappel du ministre russe qui est à Londres et l'embargo sur les marchandises anglaises. Qu'en même temps les Anglais soient chassés de la Suède, que l'on obtienne de l'Autriche une pareille mesure, ce qui sera facile aux deux Empereurs par des démarches bien concertées, mais il faut que la Russie parle ferme à la Suède, et elle sera obéie par la Suède. Alors, on aura toute facilité de combiner les opérations de guerre qui doivent avoir lieu dans le Nord. Peut-être les Anglais n'attendront-ils pas ce moment. Leur expulsion du continent, en frappant un coup mortel à leurs industries, leur fera, enfin, désirer la paix. Dans ce moment ils la dédaignent, leur réponse aux ouvertures de l'Empereur est évidemment un refus, surtout en l'expliquant par la mesure contre le Danemark, arrêtée dans le même moment. Ainsi, la même main signait au même instant cette réponse évasive et l'ordre d'incendier Copenhague. Le ministère anglais disait assez clairement qu'il voulait encore tenter les hazards de la guerre.

Ils ont eu un succès d'un moment, ils ont pris la flotte danoise, mais le Prince Royal réitéra l'assurance de ne pas traiter avec eux et de ne pas ratifier une capitulation qu'il regarde comme déshonorante. Déjà, on concerte avec lui les mesures à prendre pour les chasser de la Zélande, tant est qu'ils veulent y rester.

Le général Sebastiani a obtenu le passage des Dardanelles pour les vaisseaux russes qui sont à Corfou; on doit le savoir à Saint-Pétersbourg.

Quatre vaisseaux de guerre et plusieurs frégates russes portant la garnison des bouches du Cattaro, se sont présentés devant Venise. Une seule frégate anglaise, alléguant le blocus prétendu de ce port, leur a signifié de ne pas y entrer. L'amiral russe a eu l'ineptie d'obéir à cette sommation et il s'est rendu à Trieste.

Un courrier du prince Eugène a dû lui prescrire de retourner Venise; on n'a pas encore de nouvelles qu'il y soit arrivé [140].

Tout est prêt pour recevoir cette garnison; elle sera bien tra tée, ainsi que celle qui viendra de Corfou. En France on habil les prisonniers russes; on les forme en bataillons, et à compter d 1er octobre, ils seront payés et traités comme les troupes française

L'Autriche nous parle beaucoup d'alliance. L'Empereur ve que je vous en instruise, non pour en parler, si on ne vous e parle pas, mais pour vous servir dans l'occasion. Les propositio fort vagues n'ont pas été absolument rejetées. On laissa aller c cabinet pour savoir quelles sont ses vues. Mais l'alliance de l'Empereu avec la Russie et le prix dont elle est pour lui le met dans cas de ne pas en désirer d'autre [141].

Telles sont, monsieur, les notions que Sa Majesté m'a charg de vous communiquer. Elle se confie à votre zèle et à votre sag cité pour le bon usage que vous saurez en faire. Après l'arrivé du comte de Tolstoï, je serai probablement dans le cas de vou écrire d'une manière plus détaillée. La dépêche chiffrée jointe celle-ci, étrangère aux affaires du moment, n'est écrite que pou vous.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

35.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 27 septembre 1807.

Monsieur, l'Empereur m'ordonne de vous prévenir que ce qu vous avez demandé d'une manière particulière, vous sera envoy Il me charge en même tems de vous dire qu'il a vu avec pein qu'une chose qui, par sa nature, doit rester secrète, ait été confi à un jeune homme comme M. de Saint-Chamand et même à M de Lesseps. Votre secrétaire devait également ignorer ces détail et tout ce qui tient à la vie privée des souverains doit être u objet sacré. Il désire que ce secrétaire n'écrive à qui que ce so

sur les affaires de Saint-Pétersbourg. L'Empereur veut qu'elles ne soient connues ici que de lui et de son ministre des relations extérieures. Aussi Sa Majesté s'est-Elle fait remettre toutes les lettres, et Elle a supprimé celle adressée à M. Maret.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

36.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 27 septembre 1807.

Monsieur, j'ai l'honneur de vous envoyer deux médaillers complets que vous avez demandés à mon prédécesseur. Ils sont peu considérables, parce qu'on en a retranché les médailles imparfaites et celles dont les coins n'existent plus à Paris; vous pouvez en disposer à votre gré. Je me trouverai heureux de pouvoir concourir, par les moyens qui sont en mon pouvoir, à lever quelques-uns des obstacles d'une mission importante, dont le succès sera dû à votre sagacité et à votre dévouement pour l'Empereur.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

37.

Napoléon à Savary.

Fontainebleau, 28 septembre 1807.

Je reçois votre lettre du 9 septembre. M. de Champagny vous répond en détail.

Je ne vous connaissais pas aussi galant que vous l'êtes devenu. Toutefois les modes pour vos belles Russes vont être expédiées. Je veux me charger des frais. Vous les remettrez en disant qu'ayant ouvert par hasard la dépêche par laquelle vous me les demandiez, j'ai voulu en faire moi-même le choix. Vous savez que

je m'entends très bien en toilettes. Talleyrand enverra des acteu et des actrices.

Je suis on ne peut pas plus mécontent des Prussiens; ce so des gens dont on ne peut rien faire, aussi bêtes qu'ils l'aie jamais été [142].

N'alarmez pas inutilement l'Empereur Alexandre; environn comme il l'est, de l'amour de ses sujets, il n'a rien à craindr pour peu qu'il montre un peu de vigueur.

J'attends M. de Tolstoï et je le recevrai, non comme amba sadeur, mais comme un homme honoré de l'amitié particulière d l'Empereur. Cela me gênera un peu, à vous dire vrai, à cause d l'exemple; vous savez que je n'ai pas l'habitude de recevoir l ambassadeurs et les ministres, mais il faudra bien sortir de l règle pour être agréable à l'Empereur Alexandre.

NAPOLÉON.

P.-S. — Vous trouverez ci-joint deux lettres pour l'Impé ratrice. Je vous les envoie sous cachet volant. Vous les cachettere et vous ne les remettrez qu'après vous être assuré qu'elles seron agréablement reçues et qu'on y répondra [143].

Archives Nationales,
Paris.

38.

Savary à Napoléon.

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 29 septembre 1807.

Sire, l'Empereur Alexandre désire que je fasse connaître à Votre Majesté l'arrivée à Saint-Pétersbourg de son aide de camp M. Ouvarof et me charge d'exprimer à Votre Majesté combien i a été sensible à l'accueil fait à cet officier. Il s'est fait raconte la manière dont il avait été traité et a entendu ces détails avec plaisir.

L'Empereur me charge aussi de faire part à Votre Majesté qu'il a écouté avec intérêt la commission verbale que M. Ouvarof

avait pour lui et qu'il remerciait Votre Majesté de ce qu'Elle lui avait fait dire. C'est hier dimanche à la parade que l'Empereur de Russie m'a entretenu de ce que j'ai l'honneur d'annoncer à Votre Majesté. Je n'ai pas voulu perdre un moment pour L'en informer.

M. Ouvarof a apporté au prince Lobanof de la part du prince de Neufchatel un fusil de Versailles que l'Empereur a trouvé si beau qu'il l'a demandé au prince. J'ai pensé que Votre Majesté serait bien aise d'être informée de cette particularité.

Hier soir, étant à l'Hermitage, le Grand-Duc Constantin s'est entretenu longtemps avec moi et m'a dit, entre autres choses, pour que je l'écrive à Votre Majesté:

„J'ai des nouvelles de Cobourg et de toute la famille de ma femme que j'aime toujours beaucoup, quoique je ne puisse pas vivre avec elle; c'est de ma faute, parce que je suis trop mauvais sujet. Mais ce qui regarde à ses parents et à elle-même m'intéresse toujours beaucoup. L'on m'écrit que l'on est comblé de ce qu'a fait l'Empereur Napoléon pour eux. Je vous prie, général, de lui faire savoir qu'on est reconnaissant, comme on doit l'être, et qu'en mon particulier, quoique je lui fusse déjà bien attaché, cette nouvelle circonstance ajoute encore au dévouement que je lui portais[144]".

Je devais faire partir cette lettre par la poste, mais le comte Tolstoï, qui part cette nuit, veut bien s'en charger[145].

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

39.

Napoléon à Savary[146].

Fontainebleau, 6 octobre 1807.

Monsieur le général Savary, les frégates et les vaisseaux de transport russes ont paru devant Venise. 4,500 hommes de troupes de cette nation ont été débarqués et sont cantonnés dans les environs de Padoue. L'amiral doit être retourné dans les ports de l'Istrie. On leur a fourni tout ce dont ils avaient besoin, comme vous le verrez par la lettre ci-jointe, écrite au vice-roi.

Les Anglais ont pris un brick et six bâtiments de transpor russes dans l'Archipel. Je ne sais pas si c'est une déclaration d guerre ou une conséquence de toutes les vexations qu'ils ont l'ha bitude d'exercer en mer.

Vous avez eu tort de trouver mauvaise la conduite du généra Rapp. Les officiers prussiens portent quelquefois leur insolence un degré qu'un homme d'honneur ne saurait tolérer. Vous save que le Roi de Prusse est faible et qu'il manque de l'énergie qu serait pourtant bien nécessaire pour imposer silence à ses officiers Enfin, toutes les lettres des officiers de l'armée me prouvent qu le général Rapp n'a pas pu faire autrement. Les Russes, par suit de l'armistice, avaient évacué Bucarest; immédiatement après, u courrier de Saint-Pétersbourg étant arrivé le 12 septembre à leu quartier-général, ils sont rentrés dans la ville et ont réoccupé tou le pays. Vous sentez que cela inquiète beaucoup les Turcs J'attends l'ambassadeur de Russie pour m'entendre avec lui su toutes ces questions. Lorsque les circonstances veulent que vou parliez des Prussiens, faites comprendre leur mauvaise conduite D'ailleurs, vous savez que dans le traité de paix, j'ai stipulé l restitution de la Prusse, comme la Russie a stipulé l'évacuation d la Valachie et de la Moldavie. Il est donc nécessaire que nou nous entendions sur tout cela et, avec le désir que l'Empereu Alexandre et moi avons de tout concilier, nous lèverons les diffi cultés sur tous les points.

NAPOLÉON.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

40.

Napoléon à Savary.

Fontainebleau, 8 octobre 1807.

Vous trouverez ci-joint l'état des troupes russes de Cattaro Vivres, argent, solde, j'ai ordonné qu'on fournît à ces troupes tou en abondance. Vous trouverez ci-joint une lettre de l'amira Baratynsky. Il paraît qu'il a reçu des ordres de l'amiral Séniavine pour se rendre à Corfou. Par mes ordres il a été approvisionné

pour un mois. A Cadix, à Toulon, en Hollande, j'ai ordonné que les escadres russes qui s'y présenteraient fussent fournies de tout. Je n'ai pas encore d'avis que l'amiral Séniavine soit arrivé à Cadix [147].

NAPOLÉON.

Archives Nationales,
Paris.

ANNEXES [148].

I.

Lettre du Commodore Baratynsky au Prince Eugène, Vice-Roi d'Italie, à bord du vaisseau le *Saint-Pierre*, devant Ganodi Piave, le 24 septembre 1807.

Altesse Impériale, l'arrivée de l'aide de camp Bataille qui m'a été envoyé par Votre Altesse Impériale a mis mon cœur dans une situation si flatteuse et si douce pour moi qu'il me serait impossible de l'exprimer entièrement. Il m'a communiqué les généreuses intentions de Votre Altesse Impériale à mon égard et vos gracieuses offres auxquelles la bonté et le grand caractère connus de Votre Altesse Impériale avaient seuls pu permettre de s'attendre.

Je suis désolé de ne pouvoir remplir sur-le-champ l'obligation que m'imposent à la fois mon devoir et vos bénignes invitations, d'aller présenter personnellement à Votre Altesse Impériale les hommages de mon respect et de ma gratitude; mais comme mon dessein est de me transporter sur-le-champ dans le port de Pola, qui m'a été désigné par Votre Altesse Impériale et où je pourrai attendre en sûreté les dispositions de notre ministre le comte de Tolstoï, j'ose espérer que, en attendant qu'elles me soient parvenues, je serai dans la possibilité de céder à ce vœu si pressant de mon cœur et qu'il m'est si honorable de pouvoir former.

Cependant que Votre Altesse Impériale daigne agréer l'assurance de mes sentiments de vénération et de ma vive reconnaissance pour la liberté qu'Elle a bien voulu m'accorder de correspondre directement avec Elle et de Lui adresser les lettres que j'écrirai à M. l'ambassadeur Tolstoï jusqu'à ce que j'aie pu établir

avec lui une communication plus immédiate. Sans doute les grandes obligations que les bontés de Votre Altesse Impériale daigne me faire contracter ne devront point être ignorées de mon Auguste Souverain. La fidèle description que j'aurai l'honneur de lui en adresser formera l'unique gloire de celui qui a l'honneur d'être, avec un profond respect et dévouement, de Votre Altesse Impériale le très humble, très dévoué et très obéissant serviteur.

BARATYNSKY.

II.

Lettre du colonel Kniper, commandant les troupes de la garnison russe de Cattaro, au prince Eugène, Vice-Roi d'Italie, en date de Padoue, le 30 septembre 1807.

Altesse Impériale, je me fais un devoir d'informer Votre Altesse Impériale qu'à la suite des ordres que j'ai reçus de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, après avoir remis les bouches de Cattaro au général de division M. de Marmont, je me suis rendu avec le corps des troupes russes qui en formaient la garnison et que j'ai l'honneur de commander, le 11 (23) du courant à Venise, et de Venise à Padoue, le 13 (25) du même mois, où, grâce aux ordres émanés par Votre Altesse Impériale, j'ai trouvé les casernes et logements des officiers qui devaient les recevoir dans le meilleur état possible.

Je supplie Votre Altesse Impériale de daigner agréer de la part de tout le corps qui est sous mes ordres et, particulièrement de mon côté, les témoignages des sentiments respectueux de notre plus vive reconnaissance.

Votre Altesse Impériale trouvera ci-joint un état de la force des troupes que Sa Majesté Impériale, mon Auguste Maître, a daigné me confier et une note que je soumets à ses réflexions et que j'ai l'honneur de lui envoyer par le capitaine Michaud, chef de l'état-major du dit corps à la suite de Sa Majesté Impériale.

J'ai l'honneur d'être, de Votre Altesse Impériale, le très humble et très obéissant serviteur.

Le colonel de KNIPER.

III.

Etat des troupes russes cantonnées à Padoue.

	Trois bataillons du régiment de Vitebsk.	Un bataillon du régiment de Kozluf.	Un bataillon du régiment de Kolyvan.	Trois bataillons du 13e chasseurs.	Deux bataillons du 14e chasseurs.	Artillerie.	TOTAL.
Colonel de Kniper, commandant des troupes	—	—	—	—	1	—	1
Lieutenants-colonels	1	—	—	3	—	—	4
Majors	3	1	1	—	1	—	6
Capitaines et capitaines-lieutenants	10	4	4	9	5	—	32
Aides-majors	3	1	1	4	2	—	11
Lieutenants	12	4	4	13	8	2	43
Sous-Lieutenants	11	5	2	11	8	1	38
Porte-enseigne	11	3	5	11	9	—	39
Auditeur	—	—	—	1	—	—	1
Chirurgiens	3	1	1	2	1	—	8
Aumôniers	1	—	—	1	—	—	2
Bas-officiers	116	42	39	93	56	10	356
Soldats	1348	394	397	808	601	99	3647
Tambours et musiciens	55	10	19	30	18	1	133
Ouvriers et autres individus affectés au régiment	93	26	20	69	49	16	272
Domestiques des officiers	75	25	24	74	45	3	246
TOTAL	1742	516	517	1129	804	132	4840

Officiers de l'état-major général à la suite de Sa Majesté Impériale :	
Capitaine	1
Lieutenant	1
Sous-Lieutenants	1
Officiers du corps du génie:	
Major	1
Sous-Lieutenant	1
Domestiques des officiers ci-dessus	8
TOTAL	13

Affectés à la commission des vivres :	
Commissaires	2
Bas-officiers	4
Soldats	3
Domestiques des commissaires	3
TOTAL	12

Le Colonel de Kniper.

41.

Napoléon à Savary [149].

(EXTRAIT.)

Fontainebleau, 9 octobre 1807.

Le 20 septembre l'amiral Séniavine se trouvait encore à Corfou. Je saurai probablement bientôt le parti qu'il compte prendre. Je vous envoie un rapport du général César Berthier sur le sujet de plainte qu'il a contre l'escadre russe. Vous n'en ferez usage qu'autant que vous penseriez que la connaissance de ces faits peut être de quelque intérêt pour l'Empereur Alexandre. Je suis fort content des troupes russes qui sont à Padoue. Je trouve tout simple que l'amiral Séniavine soit impoli et tienne une conduite peu politique. C'est le caractère ordinaire des marins; mais l'esprit de son escadre paraît fort mauvais. J'ai ordonné à la police de faire dresser un état des prisonniers de guerre russes, qui sont en France, qui se sont livrés aux propos les plus inconvenables contre la Famille Impériale de Russie. Vous n'en parlerez qu'autant que vous jugerez qu'il y ait quelque utilité à le faire. Du moment que l'ambassadeur Tolstoï sera arrivé, ce sera à lui que l'on remettra ce fatras de notes. J'avais eu l'intention d'en faire arrêter quelques-uns; l'ambassadeur pourra le faire, après qu'il aura pris lui-même connaissance des pièces. Il y a eu des propos qui, en vérité, passent toute mesure, tels que ceux-ci : *il faut anéantir toute la Famille Impériale russe.* J'ajoute avec joie que les auteurs de ces propos sont en petit nombre; ce ne sont que quelques mauvais sujets, car la masse est très attachée à son Prince. Mais il paraît qu'il y a dans la nation russe un certain nombre de têtes qui demandent à être sévèrement contenues.

NAPOLÉON.

Archives des Affaires Étrangères,
Saint-Pétersbourg.

ANNEXE.

Rapport du général César Berthier, gouverneur-général à Corfou, en date de cette ville, septembre 1807 [150].

Je dois par un rapport faire connaître à mon gouvernement la conduite de M. l'amiral Séniavine et des marins de l'escadre russe sous ses ordres, malgré que j'aie employé la modération et tous les moyens possibles pour éviter tous les désagréments que les Français ont éprouvés.

La première expédition partie d'Otrante arriva dans la rade de Corfou et salua la forteresse, qui lui répondit coup pour coup.

Le commandant de l'expédition Sibille expédia, cinq minutes après midi, l'enseigne de vaisseau Cortes à bord de *l'Asia*, vaisseau russe, commandé par M. Jelly, Anglais d'origine, pour le prévenir que M. le général Cardeneau était à son bord et qu'il venait prendre possession, au nom de S. M. l'Empereur et Roi, de Corfou et autres îles, sans lui dire cependant que je devais arriver. Ces honnêtetés sont consacrées par l'usage. M. Jelly, capitaine de vaisseau, oublia ce qu'il devait à un officier supérieur et français et aux égards réciproques, puisqu'il ne rendit pas sa visite au général Cardeneau.

Quelques jours plus tard, une corvette russe entra dans le port. Le commandant Sibille, conformément à l'usage établi dans les ports civilisés, fut lui-même accoster la dite corvette russe avec le pavillon français de distinction pour l'interroger. L'officier répondit malhonnêtement qu'il n'avait aucun compte à lui rendre et il refusa de remplir les formalités accoutumées envers les magistrats de la santé et méconnut entièrement l'autorité française. Il est difficile de témoigner plus de mépris.

La fête de Saint-Alexandre fut un coup plus sensible pour la marine française. Toute l'armée navale russe était pavoisée et le pavillon français n'occupa pas la place qui lui était dûe chez toutes les nations amies et alliées, qui est à tribord, c'est-à-dire, à droite de la grande vergue, tandis que les pavillons de toutes les autres nations étaient à leur poste. Il n'y eut que la frégate *la Vénus* qui avait un petit pavillon français à la jalancène de babord du grand perroquet et cependant, j'avais fait saluer le pavillon russe

en signe de célébration de la fête de l'Empereur des Russies a moment où les troupes russes se rendaient à la messe. Le soir je fi illuminer le palais du gouvernement avec un transparent où étai écrit: *Vive Alexandre!* accompagné de la musique militaire, attentio qu'aucun Russe n'a eue lors de la prise de possession par moi, pen dant que toute la ville a illuminé avec beaucoup d'éclat, except les maisons des officiers russes.

Mais rien n'a égalé la conduite du vice-amiral Séniavine pa l'opiniâtreté qu'il a mise à ne point saluer le pavillon français su la forteresse; c'est un acte de mépris difficile à concevoir, puisqu nos gouvernements sont en paix et que cet amiral ne pourrai sous aucun prétexte être autorisé à une manière d'agir si contrair aux principes généraux des vaisseaux ou bâtiments de guerre ar rivant dans un port ami, qui doivent saluer les premiers, et c'es ensuite à la forteresse de répondre. Cette loi est celle des nation civilisées et j'avais donné les ordres en conséquence.

De plus, M. l'amiral est entré dans le port, sans préveni personne, s'est placé où il a voulu et a dit au capitaine du por français qu'il n'avait d'ordres à recevoir de qui que ce soit et n' rendu le salut qu'aux vaisseaux russes qui étaient déjà dans le port Deux ou trois heures après qu'il fut mouillé, il envoya deux aspi rants de marine pour me prévenir qu'il était arrivé et il n'es point venu me faire des visites, ni ses officiers. J'avais commence avant que l'amiral fût dans le port, à envoyer un aide de cam complimenter M. l'ambassadeur de Russie sur l'heureuse arrivée d la flotte. J'envoyai, en même temps, à bord du vice-amiral le com mandant de la place et un aide de camp pour lui offrir un loge ment et tout ce qu'il désirerait. Ils ont été reçus d'une manièr indécente et déshonorante, en disant qu'il resterait à bord et qu'i n'avait besoin de rien, sans donner un matelot pour aider l'officie français à descendre.

Il est impossible de rendre la malhonnêteté des marins et sur tout depuis l'arrivée de M. le vice-amiral Séniavine, qui est entière ment anglais et influencé par les Anglais qui l'entourent. Il cor respond tous les jours avec eux; il a apporté des dépêches pou l'amiral anglais à Malte et rien ne se fait ici qu'il ne le leu communique. Je suis obligé de me cacher de tout ce que je fais e surtout du départ de mes courriers. Jamais un marin russe ne salu

un français dans la rue et pas même moi, en grand uniforme. Ils ont tenu des propos indécents dans le café et je les ai répétés à l'ambassadeur russe. Il est essentiel de les rapporter ici. Plusieurs officiers de marine et je crois de l'équipage de *l'Asie* disaient: «que si l'Empereur Alexandre avait fait des sottises, qu'il les paierait cher et qu'on pourrait bien lui faire ce qui avait été fait à d'autres», et mille sottises du même genre.

Sur mes demandes réitérées de mettre en liberté sur parole 550 prisonniers turcs, qu'ils laissaient mourir de faim, puisque j'étais obligé de les nourrir, pour ne pas les voir succomber à la misère, ils y ont enfin acquiescé et les ont jetés dans Corfou, sans me prévenir, ni verbalement, ni par écrit. Enfin, ils emportent toutes les munitions, malgré mes représentations, et il est impossible d'avoir une conduite plus indécente que celle de M. l'amiral Séniavine et de la plus grande partie de la marine russe. Il faut en excepter seul M. le consul de Russie Senoki, qui se comporte assez bien.

L'ambassadeur Mocenigo fait ce qu'il peut, mais il n'est point écouté et c'est un homme nul. Il est accusé d'être du parti français. Il fait au moins son possible pour convaincre la marine russe de ses torts.

M. le général Nazimof est un brave homme, très honnête; aussi les troupes de terre s'entendent-elles parfaitement, les officiers et soldats se conduisent bien et il n'y a jamais une difficulté. Il est malheureux que la marine ait autant de morgue. Cela me donne beaucoup de peine à maintenir la tranquillité et je regarde le port comme appartenant encore à la marine russe, puisqu'elle y commande presque entièrement. Ils ne veulent point faire retirer le pavillon russe aux bâtiments sept-insulaires qu'ils avaient autorisés à le porter, en disant qu'ils seraient pris par les Anglais dans huit jours.

Le gouverneur-général:

César Berthier.

Depuis ce rapport, les propos tenus à bord du vice-amiral russe Séniavine sont indécents contre l'Empereur Alexandre. Je suis informé de tout par des officiers russes qui gémissent d'une telle conduite et la désapprouvent entièrement.

42.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 8 octobre 1807.

Monsieur, l'officier russe qui a apporté les présents de l'Emp reur Alexandre retournant à Saint-Pétersbourg, je profite de l'occ sion qu'il m'offre, non pour ajouter aux instructions qui vous so portées par M. Louis de Périgord, mais pour les confirmer vous parler de la situation générale des affaires, qui, depuis dernière lettre, n'a point changé.

Le Prince Royal de Danemark est toujours dans les mêm sentiments, toujours regardant l'attentat des Anglais sur Copenhag non seulement comme une injustice atroce, mais encore comme affront à sa gloire personnelle, et voulant laver cet affront da leur sang, au prix même du sien. Il annonce qu'il continuerait guerre lui seul, plutôt que de trahir son honneur par un accomm dement honteux, mais il sent que la lutte serait inégale et dési d'unir ses ressentiments et ses intérêts aux nôtres. Nous lui avo fait connaître sur quelle base nous pensions qu'une alliance pou rait être faite. Cette alliance, qui est dans l'esprit de celle concl à Tilsit, serait toutefois temporaire et contre l'Angleterre seul ment. Ce n'est qu'avec la Russie que nous voulons avoir u alliance éternelle et contre tout ennemi [151].

Nous sommes, d'ailleurs, avec l'Autriche dans les meilleu termes, et on s'occupe de terminer les discussions survenues depu la paix de Presbourg [152].

Le Roi de Prusse veut envoyer ici un ministre, sur le cho duquel il a fait pressentir l'Empereur. Sa Majesté n'a point d'objection contre la personne désignée; ainsi, on peut croire q les anciens rapports entre les deux Etats seront incessamme rétablis. L'Empereur oubliera facilement et complètement le pass si la Prusse ne le force pas de s'en souvenir [153].

Nous attendons avec impatience l'arrivée de M. de Tolsto M. de Laforest dont l'Empereur a fait choix pour la mission Saint-Pétersbourg prépare tout pour son départ. Son titre sera même que celui de M. de Tolstoï, et l'Empereur l'a mis en ét

de paraître à Saint-Pétersbourg avec un éclat conforme à la dignité des deux Souverains et aux mœurs du pays.

L'Empereur, venu à Fontainebleau pour y prendre quelques délassements, [154] n'y jouit, à son ordinaire, que d'un loisir laborieux, du sein duquel, veillant sur toutes les parties de son vaste Empire, il embrasse encore de ses regards et l'état présent de l'Europe, et l'avenir qui se prépare pour elle. Sa pensée aime surtout à se porter vers Saint-Pétersbourg, car le moment approche où l'Empereur Alexandre doit rappeler de Londres son ambassadeur, renvoyer l'ambassadeur d'Angleterre, expulser les Anglais de la Russie, leur déclarer la guerre, et agir de concert avec la France auprès de la Cour de Vienne, pour la déterminer à embrasser la cause du continent, et Sa Majesté, qui sait combien l'Empereur Alexandre sera fidèle à sa gloire, aux intérêts de ses peuples, à ses engagements, jouit d'avance de tout le bien dont le monde sera redevable à cette union intime, qu'une estime mutuelle et les traités de Tilsit ont établie entre les deux Etats.

Tels sont les sentiments de S. M. l'Empereur et Roi, que vous devez exprimer dans toute occasion que vous aurez naturellement de le faire.

CHAMPAGNY.

P.-S. — En faisant payer les lettres de change que vous avez tirées sur M. Perregaux, je vous conserve toujours le crédit de 10,000 francs qui vous était ouvert sur ce banquier.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

43.

Savary à Napoléon [155].

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 9 octobre 1807.

Sire, les dernières dépêches que j'ai eu l'honneur d'adresser à Votre Majesté étaient datées du 23 septembre et portées par M. Berthémy. Celles-ci le sont par M. de Montesquiou.

Malgré les rapports qu'elles renferment, il y a beaucoup de détails qui sont à la connaissance de cet officier et que je n'aurais pu présenter ici sous leur véritable jour. M. de Montesquiou a été présenté à toutes les Cours et admis dans l'intérieur de celle de l'Impératrice-Mère, où je n'ai pu encore avoir accès. Je l'ai conduit chez tous les grands de Saint-Pétersbourg, et enfin, après avoir longuement causé avec lui, je me suis convaincu qu'il emporte d'ici une juste opinion sur tout ce qui intéresse les relations de Votre Majesté en Russie. Je l'ai donc chargé, si Elle l'interroge, de Lui rendre compte des moindres détails que je lui ai fait remarquer sur les lieux et que je ne pourrais présenter qu'imparfaitement par écrit.

Aujourd'hui, après avoir dîné à la Cour, j'ai eu avec l'Empereur dans son cabinet une conversation dont je rends compte à la suite de mon rapport. En me congédiant, il me chargea de dire à Votre Majesté combien il avait été sensible à la manière dont Elle s'était exprimée dans Son discours au Corps législatif. Il m'a ajouté: «Dites à l'Empereur que je pars après-demain, le 11, pour aller visiter cinq divisions de mes troupes dans les environs de Vitebsk. Ce sont des régiments nouvellement formés, dont une grande partie venait de la Sibérie; et comme probablement je n'aurai pas d'autre occasion de les voir, je vais m'assurer de l'état où elles sont, avant de les remettre en route pour leurs garnisons. Je serai de retour ici le dixième jour après mon départ».

L'Empereur m'a remis lui-même les pièces ci-jointes pour que je les adresse à Votre Majesté. Elle pourra voir dans le rapport de ma conversation ce que j'ai dit au sujet de ces notes.

SAVARY.

P.-S. — Un aide de camp du maréchal Soult m'arrive à l'instant et m'apporte des réclamations sur quelques-uns de nos prisonniers que des officiers russes retiennent comme domestiques. Il y a aussi quelques rapports de propos. J'arrangerai tout cela.

L'Empereur Alexandre m'a bien recommandé de prier Votre Majesté de ne point faire imprimer les notes dont il m'a remis les copies.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

44.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 9 octobre 1807.

Sire, le 30 septembre je fus invité à dîner à la Cour. Pendant le repas l'Empereur me dit: «Général, j'ai à vous entretenir», et en sortant de table, je fus introduit dans son cabinet. Sa Majesté avait travaillé le matin avec son ministre de la marine et voici ce qu'Elle m'a dit:

L'EMPEREUR. Avez-vous des nouvelles de l'Empereur?

RÉPONSE. Non, Sire, aucune.

L'EMPEREUR. Ni moi non plus. J'ai voulu causer avec vous de marine et vais vous expliquer ce dont il s'agit. Depuis que notre marine est créée, nous n'avons d'autre école pour nos officiers et pour nos ingénieurs instructeurs que les ports et la flotte anglaise, à bord de laquelle je tenais toujours une trentaine de jeunes gens qui, au bout d'un certain temps, revenaient à bord de nos vaisseaux. Ce nombre suffisait pour l'entretien d'une marine de 25 à 30 bâtiments de haut bord [156]. Maintenant, je viens de donner ordre à tous les jeunes gens de rentrer et, comme j'ai intention de faire durer l'alliance de la Russie avec la France et de saisir toutes les occasions de la mettre en rapport avec elle, j'ai pensé que les ports de France et la flotte française pourraient recevoir le même nombre d'élèves que j'entretenais en Angleterre. Seriez-vous assez bon, général, pour demander cette grâce à l'Empereur et lui dire que j'espère que ce ne sera qu'un lien de plus, parce que, s'il peut me l'accorder, j'aurai tout à fait rompu avec l'Angleterre. Je ne demande rien autre chose pour tous ces jeunes gens que d'être admis aux classes et, en général, à toutes les études pour la marine, de même que je serais flatté qu'on les admît comme vos gardes-marine à l'honneur d'être embarqués sur les vaisseaux de l'Etat et qu'enfin, l'on se servît d'eux, comme s'ils étaient français, sans les ménager en rien pour tous les genres de service. De cette manière ils feraient connaissance avec des officiers de marine qui dorénavant doivent être leurs collaborateurs et jamais leurs ennemis. Si

l'Empereur accorde ce que je désire, il me fera grand plaisir, e j'y tiens beaucoup. Quand vous en aurez une réponse, ne tarde pas à me la faire connaître, parce qu'alors je donnerai à Tolst l'ordre de s'aboucher avec votre ministre de la marine pour l distribution de ces enfants dans vos ports et pour satisfaire leur entretien et à leur solde sur le pied des vôtres. Les Angla n'ont jamais voulu les admettre qu'à la queue des derniers grad de leur marine, quels que fussent leurs services. Cette humiliation éta repoussante, mais le besoin de former des sujets nous faisait passe là-dessus. Pensez-vous que j'obtiendrai cela? J'y tiens; mais cette demande contrariait en la moindre chose l'Empereur, je n'e parle plus.

RÉPONSE. Sire, je vais en rendre compte et je ferai part Votre Majesté de la réponse que je recevrai à ce sujet.

L'EMPEREUR. J'ai encore une autre chose à vous demande Sûrement vous n'êtes point autorisé à y répondre, mais, cependan je vais vous en parler, afin que vous la demandiez avec discrétio et que l'Empereur ne me soupçonne pas, quoique j'aie sa pro messe, de vouloir une chose qui ne lui convienne pas. Il m'a promi à Tilsit de me vendre des fusils. Je vous avoue que j'en ai besoi et je l'avais entretenu de ma position. L'Angleterre devait m'e fournir sur un modèle que j'y avais envoyé, mais il serait déra sonnable de compter dessus. Mes deux manufactures travaillent e font tout ce qu'elles peuvent. Néanmoins, elles m'en fourniro peu et si peu que ce n'est rien. Voilà le besoin qui va se fai sentir; et si la besogne *s'engraine* et que l'Empereur nous don quelque chose à faire—je me trouverai embarrassé. C'est pourqu j'ai recours à sa promesse, s'il est dans l'intention de la teni Ecrivez-lui, je vous prie, ce que je vous dis. Je ne vous en aura pas parlé si l'Empereur lui-même, à Tilsit, ne m'avait offert de fusils. D'ailleurs, ma foi, il est le seul qui puisse m'aider et j ne m'en servirai que pour lui.

RÉPONSE. Je ferai ce que Votre Majesté m'ordonne, mais j La prie de me dire quelle espèce d'armes elle désire? L'Empereu a dans ses arsenaux les fusils anglais de l'armée d'Hanovre, ceu de toute la puissance prussienne, ceux de l'armée autrichienne, qu sont maintenant sur le modèle des nôtres, et aussi, il a les fusil de ses fabriques impériales qu'il conserve toujours dans un nombr

fixe et déterminé; et, comme il a fait une certaine consommation des siens depuis deux ans, il serait possible que son approvisionnement de réserve ne fût plus complet et que par là, il ne puisse en céder à Votre Majesté avant que de les avoir remplacés.

L'EMPEREUR. Je ne veux point de fusils anglais, encore moins de prussiens et quoique ceux des autrichiens soient à peu près semblables aux vôtres, il y a cependant une énorme différence. D'ailleurs, j'ai le projet de donner à toute l'armée des fusils fabriqués sur votre modèle et, devant en acheter, je serais bien aise de commencer tout de suite par une bonne acquisition. Les vôtres sont préférables à tout et c'est de ceux-là que je désire, et encore j'aimerais qu'ils fussent tous de la même fabrique, parce que j'en ai vu à Tilsit, dans le corps du maréchal Davout, qui étaient d'une longueur inégale, et les uns garnis de cuivre, les autres en fer. J'avoue que je voudrais qu'ils fussent tous du même modèle et garnis en fer. Quant à des armes blanches, j'en ai, ainsi que des pistolets et autres armes de cavalerie. Je n'ai besoin que de fusils d'infanterie.

RÉPONSE. J'entends ce que Votre Majesté me fait l'honneur de me dire. Je me permettrai de Lui demander la quantité de fusils qu'Elle se propose d'acheter et comment Elle compte les faire arriver?

L'EMPEREUR. Il m'en faudrait beaucoup, mais je me contenterai de ce que l'Empereur voudra bien me céder. Une cinquantaine de mille me ferait grand bien et me mettrait à même de répondre à tout ce qu'il dépendra de moi lorsqu'il nous donnera de la besogne. Sans doute, il trouvera cette quantité considérable, mais, je ne crains pas de vous le dire, je n'en ai point. Vous avez vu l'arsenal — y avez-vous trouvé un seul fusil? Ceci est d'une nécessité urgente pour moi et la confiance que vous m'inspirez m'a déterminé à vous en entretenir. Si l'Empereur ne juge pas à propos de m'en céder, nous n'en serons pas moins bons amis, mais je vous répète que c'est lui-même qui me l'a promis, car je n'aurais pas voulu vous charger d'une pareille demande. Quant au moyen de faire arriver ces fusils — il est facile: lorsque l'Empereur me les aura accordés et qu'il aura désigné sur quel point de la frontière ou dans quel arsenal je devrai les recevoir, j'enverrai des officiers pour traiter de leur achat, les payer et les accompagner jusqu'à

Magdebourg, et de Magdebourg ici ils peuvent venir par eau, parc que la navigation de la côte est sûre.

RÉPONSE. Votre Majesté sera obéie. Je rendrai compte de c qu'Elle vient de me faire l'honneur de me dire, mais je La prie d prendre garde à la navigation depuis Memel jusqu'ici *), parce qu l'Empereur ne se souciera pas de voir ses fusils entre les mains de Anglais.

Le 4 octobre j'ai vu M. le comte de Roumiantzof, ministre de affaires étrangères.

J'avais rencontré la veille, chez le grand-chambellan, l'ambas sadeur d'Angleterre, avec lequel j'avais un peu causé et, entr autres choses, du Danemark. Il m'avait paru si content que je n savais à quoi en attribuer la cause. Un jour avant, il avait e une longue conférence avec le comte Roumiantzof. Il me tardai de savoir si l'air de satisfaction que j'avais remarqué à lor Gower en était le résultat.

Je demandai au ministre des affaires étrangères, s'il avait e une réponse de l'ambassadeur d'Angleterre à la note qu'il lui avai remise au sujet de la violation du Danemark et s'il croyait qu' fût autorisé à répondre sur ce point?

Voici, mot pour mot, ce que le comte Roumiantzof m'a ré pondu:

«Je ne crois pas que l'ambassadeur d'Angleterre ait un instruction pour la circonstance présente; je m'en serais aperç dans notre conférence, pendant laquelle il n'a fait que se récrie contre quelques expressions fortes dont je me suis servi. Il deman dait que je les changeasse et je lui ai répondu que je n'avais fai qu'exécuter les ordres de l'Empereur, qu'en conséquence, je n'ava rien à changer à ma note. Mylord m'a demandé ensuite si l'o se proposait de mettre l'embargo. Je lui ai répondu que, quan on l'ordonnerait, sans doute l'Empereur serait obéi. Après quelque autres conversations à peu près insignifiantes sur le traité d Tilsit, lord Gower est parti [157]».

Le comte Roumiantzof m'a ajouté: «Soyez sans inquiétude

---

*) C'est une côte basse, comme de Calais à Ostende. *(Note de Savary.)*

général; n'écoutez personne. Je vous certifie que l'Empereur sera content de nous. Nous avons la plus grande confiance en lui et nous méritons la sienne».

RÉPONSE. Je le crois, M. le comte, et je ne venais point chez vous avec d'autres intentions que celle de vous entretenir d'une chose qui nous est aujourd'hui commune. Je fais peu d'attention à l'opinion des cercles, je sais comment elle se forme et comment elle change. Maintenant, permettez-moi de vous demander si, étant déjà aussi avancés contre l'Angleterre, vous ne trouvez pas d'inconvénient à garder son ambassadeur plus longtemps ou si, du moins, vous ne trouvez pas que vous n'y gagnez rien. Certainement il voit déjà ce qui va arriver. La feinte des vaisseaux anglais le prouve assez*) et dès lors, tout ce que ce ministre fait, pense et écrit ne peut être que nuisible à vos intérêts.

LE COMTE. Je suis parfaitement de votre avis et je voudrais le voir bien loin. Je n'aime point à perdre du temps et vous ne me trouverez pas lent en affaires; mais nous craignons de ne pas nous conformer à ce qui a été convenu avec votre Empereur. Ce n'est uniquement que pour lui que nous temporisons et je suis surpris que vous n'ayez rien reçu à ce sujet, parce que sûrement l'on sait à Paris ce qui se passe dans la Baltique et l'Empereur Napoléon n'est pas de caractère à ne pas penser à quelque chose sur tout cela. Jusqu'à présent nous ne sommes encore que sur ce qui a été convenu à Tilsit; nous attendons les autres communications qu'il aura à nous faire. L'on devait en novembre proposer en commun quelque chose à l'Angleterre et la presser vivement, et enfin, agir en décembre, si elle s'y refusait. Voilà où nous en sommes. Nous attendons votre Empereur et nous sommes prêts. A vous dire vrai, je crois que l'occupation définitive du Danemark lui fera changer de projet, parce que cette prise de possession annonce de la part de l'Angleterre des plans contre lesquels une proposition, comme celle qu'il est convenu que l'on fera en novembre, ne serait d'aucun effet. Il me tarde de savoir ce qui aura été arrêté chez vous.

---

*) Les Anglais ont enlevé en quarante-huit heures tout le chanvre qui était en magasin et autres denrées russes *à tout prix*; et plus de 60 vaisseaux marchands de cette nation ont mis à la voile, n'attendant même pas que l'arrimage de leur cargaison soit achevé. Quelques-uns sont partis sur leur lest. Tout ceci a eu lieu par suite d'un avis donné par le consul anglais. (*Note de Savary.*)

Une autre chose encore, mon général. Nous avons grand plaisir à vous voir, l'Empereur particulièrement; mais prévenez-le toujours quand vous voudrez me voir, parce que depuis que vous êtes ici, il m'a paru que tous vos rapports étaient directs avec lui, et comme il ne m'a rien communiqué à cet égard, je ne sais pas jusqu'à quel point nous pouvons nous entretenir, — *d'amitié* — tant que vous voudrez, parce que nous ne pouvons pas mettre plus d'importance à nos relations.

Il est étonnant que vous n'ayez encore rien reçu! Cependant, il me paraît difficile que votre Empereur n'envoie pas quelqu'un ici. Attend-il l'arrivée du comte Tolstoï? Je ne le pense pas. Il est cependant difficile que vos affaires avec nous se fassent comme cela, parce qu'enfin, il faudra se voir, s'entendre, discuter, et tout cela ne peut se faire qu'avec quelqu'un accrédité à cet effet. L'Empereur vous entretiendra, mais ensuite il faut qu'il prenne la peine de me redire votre entretien, pour que j'en fasse un rapport et — entre nous soit dit — il oublie facilement ce que l'on n'écrit pas. D'ailleurs, général, j'ai le désir de bien servir et la Russie, et l'Empereur Napoléon. Mes sentiments sont connus ici depuis longtemps, mais j'ai le désir aussi d'aller vite et je regrette toujours le temps perdu.

RÉPONSE. Je vous connais ces sentiments-là, M. le comte, et j'en ai déjà rendu compte à l'Empereur. Mais qu'entendez-vous par *aller vite?*

LE COMTE. Vous voyez, voilà l'inconvénient de votre position. Cependant, je vais m'en entretenir avec vous. D'abord, il faut que vous sachiez que je suis tout disposé envers la France. Interrogez là-dessus les Russes, vos négociants et M. Lesseps et, à cette occasion, je vous dirai que je crois comme ministre du commerce que celui que nous faisons avec l'Angleterre n'est avantageux qu'aux Anglais. Nos exportations auront infailliblement lieu en tout temps et en tout état de choses; quant aux importations étrangères, l'Angleterre n'en fait aucune que la France ne puisse remplacer avec profusion et même de plus belles choses. Si, donc, la France veut y mettre un intérêt bien prononcé, nous pourrions rompre tout à fait avec l'Angleterre et nous passer d'elle pour tout; mais il faut s'en occuper, comme les Anglais s'en sont occupés depuis trois ans. Vous n'avez ici que deux ou trois maisons respectables de vrais marchands, le reste — ce sont des aventuriers. Ne pourriez vous pas

aussi avoir ici un corps de négociants estimables et des magasins comme les Anglais? Pourquoi votre ambassadeur ne s'occuperait-il pas lui-même de ces détails qui sont souvent si importants? Alors nous cesserions toutes nos relations avec l'Angleterre. Vous me trouverez tout disposé à cela quand vous aurez, vous ou votre successeur, commission de m'entretenir à ce sujet. Je suis dans l'opinion que l'on peut trouver un moyen avec vous de se passer de l'Angleterre; et puisque nous voilà alliés pour la politique et l'intérêt général, il faut que la sollicitude du gouvernement pour les intérêts des individus resserre les liens qui nous unissent.

RÉPONSE. Je ne saurais vous exprimer, M. le comte, combien votre conversation me fait de plaisir et je vous prie d'être persuadé que, quoique sans aucun caractère d'envoyé, tout ce que j'ai pu vous dire en différentes occasions sur les principes de l'Empereur, mon maître, est établi sur la vérité et que tous les liens d'amitié qu'il a contractés avec l'Empereur Alexandre ne seront jamais altérés par des rapports d'opinions ou d'autres verbiages. Il a trop de confiance dans tout ce qu'il lui a promis.

LE COMTE. Vous parlez à un converti, mon général, et puisque nous y sommes, je vais vous dire ce que j'entendais par ne pas perdre de temps. *C'est au sujet du grand ouvrage que vous connaissez.* Il ne m'est sans doute pas permis d'approfondir la pensée des deux Empereurs sur ce projet; mais, entre nous soit dit, *il serait d'un grand intérêt pour nous qu'on l'entreprît bientôt.* Non pas que l'Empereur Alexandre veuille faire aucune conquête, mais parce que l'Empire Ottoman s'en va tellement que, même sans secours quelconque, nous allons être obligés de nous présenter pour recueillir ses dépouilles. Imaginez-vous, général, que, lorsqu'en vertu de l'armistice que vous connaissez, nous avons commencé l'évacuation de la Valachie et de la Moldavie, toutes ces bandes de Turcs se sont mises à la poursuite de nos troupes et ont massacré et pillé tous les malheureux habitants qui repassaient sous leur domination. Si je vous racontais tous les détails de ces désordres et combien l'on a eu de peine à faire concevoir à ces misérables ce que c'est qu'un armistice, que chacun devait rester chez soi et en paix, vous vous convaincriez qu'il n'est pas possible d'espérer que cela aille encore loin. Tous les infortunés habitants de ces provinces sont venus se jeter dans nos

frontières, abandonnant tout ce qu'ils possédaient. Néanmoins, l'éva-
cuation convenue s'est opérée et doit être terminée en ce moment
Je ne sais quand il conviendra à votre Empereur de faire fair
cette dislocation; nous sommes de ce côté-là à ses ordres. Mais, à
moins qu'il n'ait de grandes raisons pour différer ou ajourner cett
affaire, je vous assure qu'il ne peut y avoir de circonstance plu
favorable. Vous voyez ce que les Anglais viennent de faire e
Danemark; il paraît aussi que dans ce moment ils attaquent l
Norvège. Tout cela paraît destiné par eux à l'accroissement de l
Suède*) et par conséquent recule beaucoup l'espérance d'un ache
minement à la paix. En second lieu, l'Empereur a dû vous dire qu
l'on avait signifié à son ministre à Londres que l'on ne se prête
rait à aucun arrangement contraire à l'Empire turc. Il est don
vraisemblable que, quand on sera décidé à exécuter ce projet, o
ne pourra le faire sans la guerre. L'Angleterre, même en céda
actuellement à la nécessité de faire la paix, sera bien aise d
retrouver alors un motif de guerre. D'un autre côté, l'Autriche n
restera pas indifférente à une telle opération, et d'ici là elle peu
être en état de parler un peu haut, tandis qu'aujourd'hui elle n'e
rien**). Votre Empereur sait sûrement tout cela et a probablemen
déjà pensé à quelque chose dont il fera part au nôtre, et il e
bien à désirer que cette intimité soit entretenue. Je vous assure
général, qu'il n'en coûtera pas plus de faire de suite le partag
que de différer. L'Empereur Alexandre ne veut point s'agrandi
je vous le cautionne, et vous le connaissez assez pour voir si c
que je vous dis est vrai; mais, incontestablement, il sera forcé d
venir recevoir les débris de ce pays, même sans le secours d
personne. Ne vaudrait-il donc pas mieux profiter d'une circonstanc
aussi favorable? Une autre chose encore, c'est que l'Empereu
Napoléon nous a fait changer de religion en huit jours, après un
guerre malheureuse qui ne nous laisse aucun beau côté pour l'his
toire. Sans doute, en s'alliant et en s'unissant d'amitié avec l'Em
pereur Alexandre, il n'a pas eu l'intention de le mettre dans un
position difficile vis-à-vis de la nation. Cependant, voyez avec quell

*) Les Anglais disent ici qu'ils donneront le Danemark à la Suède et qu'ils gar
deront Copenhague comme un Gibraltar (propos de M. Stuart). *(Note de Savary.)*

**) Le comte Roumiantzof avait eu la veille une longue conférence avec le comt
de Merveldt. *(Note de Savary.)*

peine l'opinion se retourne en un sens si opposé et combien peu elle a fait de progrès depuis votre arrivée, malgré tout ce qui a été fait et dit pour cela. La raison en est que l'on se demande ce que l'on a gagné à la guerre, surtout depuis que l'on connaît l'armistice ridicule accordé aux Turcs *). L'on se dit: «Mais pourquoi ne prend-on pas aussi quand tout le monde prend? Nous aurions fait au moins une paix honorable».

Soyez sûr, général, que si votre Empereur aide le nôtre et montre un beau côté à la nation, *le revirement* des esprits se fera en un instant et il ne peut qu'y gagner. Je vous certifie qu'il sera content de nous dans tout état de choses, mais, pour peu qu'il nous aide, ses désirs seront devancés ici.

RÉPONSE. Voilà, M. le comte, une matière bien importante et qui est tout à fait hors de mes pouvoirs. Mais j'ai bien compris tout ce que vous m'avez fait l'honneur de me dire et je suis convaincu que l'on a beaucoup à faire pour amener le changement nécessaire dans les esprits. Ne doutez nullement de tout l'intérêt que l'Empereur, mon maître, mettra à aider le vôtre, si cela devient nécessaire.

Après cette conversation nous nous séparâmes, en nous réitérant réciproquement les protestations les plus franches.

Le dimanche, 4 octobre, je reçus à la parade l'invitation de dîner à la Cour. Après le dîner je fus, comme de coutume, admis dans le cabinet de l'Empereur. Voici sa conversation :

L'EMPEREUR. Tolstoï m'a dit que vous aviez eu la bonté de lui donner quelques conseils qui l'aideront là-bas. Je vous en remercie.

RÉPONSE. Sire, M. de Tolstoï a pu redire à Votre Majesté tout ce que je lui ai dit. Il m'a paru avoir une grande peur de sa mission et j'ai fait tout ce qu'il a dépendu de moi pour le rassurer, en lui disant qu'il trouverait l'Empereur bien disposé pour l'ambassadeur de Russie et pour lui particulièrement ; qu'il n'avait qu'à avoir la conversation franche, ainsi que la conduite, et qu'il trouverait tout à merveille là-bas. L'Empereur n'est pas

---

*) Le général qui l'a conclu a été renvoyé du service et l'on a été indigné ici des conditions de cet armistice. *(Note de Savary.)*

méfiant, —lui ai-je dit,—mais on ne le trompe pas deux fois; et si votre instruction a quelque chose de louche, croyez-moi, faites-la expliquer ici et ne pensez pas qu'on en sera dupe à Paris. Notre Empereur a trop de tact et d'expérience dans l'art de juger les hommes pour ne pas voir, même dans votre embarras, la vérité et si elle devait même vous être défavorable, vous n'avez rien de mieux à faire que la lui dire de suite. Voilà, Sire, ce que j'ai dit à M. de Tolstoï et ce qu'il verra après un mois de séjour à Paris.

L'EMPEREUR. Je vous en sais gré, général, mais Tolstoï n'a aucune instruction qu'il ne puisse montrer à l'Empereur. Comme c'est de lui que j'attends tout ce qu'il y aura à faire, je n'ai rien pu dire à mon ambassadeur. Je pense comme vous : c'est que l'on ne trompe pas l'Empereur. Je vous avouerai que l'on n'a jamais eu plus de préventions contre quelqu'un que je n'en ai eu contre lui ; mais après trois quarts d'heure de conversation avec lui elles ont toutes disparu comme un songe, et jamais je ne m'en suis rappelé, tant j'ai été pénétré de tout ce qu'il m'a dit. Il me tarde de savoir comment Tolstoï réussira. Faites-moi le plaisir d'écrire à Duroc et à Caulaincourt de vous le mander et de vous dire en quoi il manquera, afin que je lui écrive moi-même pour le remettre en bon chemin. Vous saurez cependant, général, que je lui ai dit que probablement l'Empereur lui parlerait de son ambassadeur et que dans ce cas, il eût à répondre que, maintenant que nous avions fait connaissance, je vous verrais avec plaisir, si l'on voulait vous accréditer. Cela vous ferait-il beaucoup de peine?

RÉPONSE. Sire, je ne puis qu'être extrêmement flatté de ce que Votre Majesté me fait l'honneur de me dire et je n'ai aucune volonté à émettre quand mon maître parle. S'il m'accrédite près de Votre Majesté, il sera obéi, sans la plus légère observation ; mais je suis assez franc, si vous me permettez de m'expliquer, pour vous dire que ma position m'empêche de former d'autre désir que celui de retourner en France, aussitôt que l'Empereur m'en aura donné l'ordre. Je fais la guerre depuis si longtemps que je n'ai pas encore goûté le repos, et Votre Majesté trouvera sans doute raisonnable que je sois un peu empressé de revoir ma famille, que je ne ferais point venir ici en tout état de choses. D'ailleurs, accoutumé depuis longtemps à servir l'Empereur de si près, il me

manquerait toujours quelque chose aussi loin de sa personne. Je prie Votre Majesté d'excuser ma franchise. Elle m'a toujours permis de lui parler ainsi et je tiens autant à ne pas La tromper dans une affaire aussi peu importante pour Elle, que je mettrai de zèle à La servir dans toute autre occasion.

L'EMPEREUR. Je conçois ce désir de revoir Paris; je sais tout ce qui vous y attache et si vous nous quittez, général, vous emporterez nos regrets et mon estime.

Le 9 octobre je reçus une invitation de dîner à la Cour qui me fit différer le départ de M. de Montesquiou. Avant de se mettre à table l'Empereur me dit : «Nous causerons après le dîner dans mon cabinet». La conversation pendant le repas roula sur des détails de troupes, particulièrement sur les grenadiers et chasseurs de la garde de Votre Majesté, sur la perfection des armes à feu en France. Après le dîner je fus appelé dans le cabinet de l'Empereur et après m'avoir fait asseoir à côté de lui, il commença le premier ainsi :

L'EMPEREUR. Vous vous rappelez, général, que je vous ai dit que je me ferai une religion de vous avertir de tout ce qui pourrait intéresser l'Empereur. Mon ministre en Suède me mande que le comte de l'Isle a débarqué à Carlscrone, qu'il a vu le Roi de Suède une seule fois, que celui-ci se dit toujours malade et que le comte de l'Isle avait fait répandre le bruit qu'il allait partir pour l'Angleterre. Je crois que tout cela ne vaut pas plus que des *bulles de savon* et que c'est, en général, plus digne de l'attention de votre ministre de la police que de celle de l'Empereur, mais encore faut-il qu'il le sache [158].

RÉPONSE. Je remercie Votre Majesté de cette communication et j'en informerai l'Empereur. J'aurais bien désiré, Sire, que M. de Montesquiou emportât la réponse que lord Gower a faite à la note que lui a remise M. de Roumiantzof.

L'EMPEREUR (ne me laissant pas achever). Oh ! vous voyez que j'avais prévenu vos désirs. J'ai fait copier ces notes pour que vous ne retardiez pas le départ de M. de Montesquiou. J'y joins la lettre que le ministre de Danemark a écrite ce matin à Roumiantzof. Prenez-en copie et renvoyez-la-moi demain.

L'Empereur me remit les pièces et nous lûmes ensemble l réponse de lord Gower. Je lui dis après cette lecture :

«Sire, je ne puis mettre sous les yeux de l'Empereur un pièce comme celle-là sans lui donner le désir de connaître à que point Votre Majesté est restée sur son contenu. J'imagine bie que les expressions dont l'ambassadeur d'Angleterre s'est serv outre qu'elles sont irrespectueuses, n'ont pas mis Votre Majest dans l'impossibilité de réfuter ce qu'il avance et si, comme je l crois, on n'a pas fait de réponse à lord Gower, dois-je dire à l'Em pereur que Votre Majesté s'en tiendra à ce qui a été conven à Tilsit ou si Elle compte, à Son retour, donner à cette répons la suite qu'elle mérite? Me permet-Elle d'en faire part ? »

L'EMPEREUR (en souriant.) Je ne veux rien promettre, parce qu je ne suis pas encore en état d'appuyer ce que je ferai. L'avant garde de mes troupes arrive seulement ce soir à Gatchina*), mai je vous assure que je suis bien dans la résolution de mettre lor Gower à la porte très incessamment et peut-être plus tôt qu vous ne le pensez vous-même. Mais je n'ai jamais eu d'autre in tention que de donner à tout ceci la direction qui conviendr à l'Empereur. Comme il était dans l'opinion que, si l'on refusai ma médiation, on lui *décocherait* quelqu'un pour s'arranger ave lui, et qu'il ne m'a encore rien fait connaître, je dois éviter d prendre la chose trop haut, dans la crainte de baisser le ton, votre Empereur a envie d'en finir autrement que par des coup de canon. D'ailleurs, voilà un petit voyage qui arrive fort à pro pos. Il faut espérer que pendant ce temps il nous arrivera quelqu chose de Paris, mais si à mon retour nous n'avons rien, je prer drai mon parti. A vous dire le vrai, d'après tout ce qui se pass autour de nous, je ne crois pas qu'ils pensent à s'accommoder et j ne vois pas grand risque à hâter l'exécution de la mesure qui été arrêtée contre eux. Mais j'espère encore que nous aurons de nouvelles.

RÉPONSE. L'Empereur sera satisfait de cela, car il n'aurait ja mais conçu que la réponse impertinente de lord Gower n'eût pa de suite. Maintenant Votre Majesté permet-Elle que je Lui parl de Son voyage à l'armée? Je crois devoir Lui faire remarquer que

*) Maison impériale, à 12 lieues de Pétersbourg. *(Note de Savary.)*

dans la position où est encore la nôtre, cela va faire parler tous les journaux de l'Allemagne et que nos généraux eux-mêmes, n'étant pas prévenus de l'arrivée de Votre Majesté, seront inquiétés par tous les contes que l'on va débiter dans les contrées que nos troupes habitent. Je sais de plus que le Roi de Prusse a le projet de venir visiter Votre Majesté. Son aide de camp qui est ici m'a envoyé une lettre pour lui faire remettre à Memel. Je ne l'ai pas refusée et elle partira, à moins que Votre Majesté ne donne des ordres contraires.

L'EMPEREUR. Voici ce que c'est que ce voyage. Depuis longtemps je m'étais annoncé à l'armée pour voir l'état des régiments nouvellement réorganisés, le recrutement, l'armement et l'habillement. Je devais commencer ce voyage par Yambourg, Riga et parcourir toute la frontière jusqu'à vers Bialystok et voir ainsi toute l'armée avant de la congédier. Le Roi de Prusse ayant appris ce que je me proposais de faire, envoya à Mitau un de ses aides de camp, M. de Schöler, pour me faire les compliments d'usage et comme je passais très près de sa frontière, il n'aurait pas manqué de me voir. Je vous avoue que je n'ai pas été fâché d'esquiver cette visite, qui, comme je le pensais bien, n'avait d'autre but que de me demander mon intercession auprès de l'Empereur, que je ne veux plus importuner. Depuis j'ai trouvé moyen de dissoudre les trois divisions que j'avais dans cette partie-là et de les placer sur toute la côte de Courlande, où elles étaient avant la guerre. Elles sont seulement un peu plus resserrées vers Yambourg, Riga et Rével, parce que je veux abriter ce dernier port en cas qu'on voulût me l'incendier. Lorsque M. de Schöler vit cette dislocation et qu'on ne m'attendait plus dans cette partie, il se crut obligé de pousser jusqu'ici et m'apporta une lettre du Roi que je pourrais vous faire voir si je ne l'avais envoyée à Roumiantzof. Elle est toute simple. Il demande des consolations et toujours mon intercession. J'ai congédié M. de Schöler et j'ai répondu au Roi une lettre honnête dans laquelle je lui mande que j'avais fait tout ce qui dépendait de moi ; et si j'avais encore conservé le projet d'aller visiter les trois divisions qui étaient dans cette partie, cette seule raison m'y aurait fait renoncer [159]. Je serai dix jours absent. Je verrai cinq divisions dans les environs de Vitebsk, je donnerai quelques récompenses à des officiers et mettrai ensuite les régi-

ments en route pour leurs garnisons. Vous savez que nous avon l'habitude, même en temps de paix, de faire camper nos troupe en septembre. J'ai profité de l'état des choses pour les laisse dans les positions qu'elles occupaient. La plupart devront marche une bonne partie de l'hiver pour se rendre à leurs quartier Comme nos distances sont si grandes, je n'aurais pas eu d'autre occasions de les voir. Deux autres divisions sont en marche arrivent ce soir à Gatchina. Voilà toute l'armée. Dites cela à l'Em pereur.

RÉPONSE. Non seulement je le dirai à l'Empereur, mais j'e avertirai notre armée, afin que l'on y soit tranquille et que l'o n'ajoute pas foi à tous les bruits auxquels ce voyage va donne lieu. Maintenant, Sire, je prie Votre Majesté de me permettre d Lui témoigner le désir de L'accompagner dans cette course, parc que ma mission est d'être près d'Elle et je serai bien aise de sa sir une semblable occasion de voir cette partie de la Russie.

L'EMPEREUR. Combien je regrette, général, de n'avoir pas s cela il y a deux jours, quand j'étais à Gatchina. Je vous aura fait dire de partir d'avance, mais à présent, il est trop tard. J vais là par une route sur laquelle j'ai été obligé de faire prép rer des relais. Ce n'est pas une route de poste. Je vous enlèv rai tous les chevaux, quoique je n'aie que deux voitures, et vo n'arriveriez qu'au moment où je repartirais pour revenir à Sain Pétersbourg. J'aurais eu grand plaisir à vous faire voir mes tro pes, mais nous ferons une autre course ensemble à mon retour* D'ailleurs si, comme je le présume, il nous arrive quelque cho de Paris, il faut que vous soyez là pour en causer avec Roumia tzof et m'envoyer un feldjäger, s'il y avait lieu. Je ne vous pas dit, général, que j'ai lu dans la gazette de Hambourg un artic de Londres qui m'inquiète sur le sort de la flotte de Séniavin Je n'ai point eu de ses nouvelles depuis qu'elle est sortie de Co fou, après la remise des îles à vos troupes. Adieu, général, jusqu mon retour.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

*) Il a voulu parler de la Finlande. *(Note de Savary.)*

ANNEXES[160].

I.

Note du comte Roumiantzof, ministre des affaires étrangères, à lord Gower, ambassadeur d'Angleterre, du 28 septembre 1807.

Le soussigné a eu l'honneur de mettre sous les yeux de l'Empereur la note et la copie de la capitulation de Copenhague que lui a fait parvenir son excellence mylord Granville Leweson Gower.

Sa Majesté Impériale a vu avec une peine infinie tous les malheurs qui viennent d'accabler un monarque auquel Elle est attachée et par les liens du sang et par ceux d'une longue amitié.

Lorsque le ministère britannique a conçu le dessein de ravir au Danemark toute sa flotte; lorsque, pour cet effet, il a envoyé dans la Baltique des troupes nombreuses et une flotte considérable, il l'a fait sans en prévenir Sa Majesté Impériale. Ce silence, cette extrême réserve, peut servir de preuve que le cabinet de Saint-James jugeait lui-même que ce qu'il entreprenait était directement contraire aux intérêts de la Russie.

Tout ce qui vient de s'exécuter l'est en effet; et l'Empereur se doit à lui-même comme aux intérêts de son Empire, de ne s'y pas montrer insensible.

Sa Majesté se regarde comme garant de la sûreté et de la tranquillité de la mer Baltique. A quelle époque la tranquillité et la sûreté de cette mer a-t-elle été troublée, comme elle vient de l'être aujourd'hui?

Le soussigné, après avoir instruit M. l'ambassadeur de Sa Majesté Britannique des sentiments de l'Empereur, son maître, saisit cette occasion, etc.

LE COMTE NICOLAS DE ROUMIANTZOF.

II.

Note de lord Gower, ambassadeur d'Angleterre, au comte Roumiantzof, ministr des affaires étrangères, du 24 septembre 1807.

Le soussigné, ambassadeur de Sa Majesté Britannique, a l'hon neur d'accuser la réception de la note que son excellence M. comte de Roumiantzof lui a adressée en date d'hier. Il ne tarder pas de la transmettre à sa Cour; mais les inculpations qui y son contenues contre le gouvernement britannique imposent au soussign le devoir de prier son excellence de vouloir bien porter sa délai à la connaissance de Sa Majesté Impériale quelques observa tions qui puissent mettre dans leur jour véritable les démarche réciproques des deux puissances.

Quoique la célérité, indispensable à l'exécution des proje de précautions adoptés vis-à-vis le Danemark, ne permettait pa des communications antérieures, la note du soussigné en date d 2 septembre, bien loin de cacher les raisons qui avaient motiv cette expédition, les divulguait avec franchise et l'explication e fut réitérée et accompagnée de détails plus que satisfaisants l'occasion de la première conférence du soussigné avec le ministèr du jour.

Les articles secrets du traité de Tilsit sont, d'ailleurs, encor inconnus à la Cour de Londres et le soussigné a vainement réclam la communication des arrangements dont l'accomplissement dévelop chaque jour des objets peu conformes à l'esprit des ancienne alliances et absolument préjudiciables aux intérêts dont le maintie fut jadis une partie essentielle du système russe. Est-ce donc la Russie de se plaindre du secret lorsque cette Cour refuse nette ment la seule explication qui aurait pu rassurer celle de Londre sur les intentions et les projets médités à son égard? Ce silenc cette extrême réserve, peut servir de preuve que le cabinet d Saint-Pétersbourg jugea lui-même que les arrangements secret étaient directement contraires aux intérêts de la Grande-Bretagne

Quant à la tranquillité de la Baltique, l'Angleterre n'a jamai reconnu des droits exclusifs, et quelles que fussent les prétentions d la Russie au titre de garant de la sûreté de cette mer, son silence lors de la clôture des ports au pavillon britannique, de Lubec jusqu'à Memel, paraissait en être l'abandon ouvert.

G. L. Gower.

III.

Lettre du comte de Blome, envoyé du Danemark à Saint-Pétersbourg, au comte Roumiantzof, ministre des affaires étrangères, du 9 octobre 1807.

Les ordres destinés à enjoindre à M. Rist, chargé des affaires de Sa Majesté Danoise près la Cour de Londres, de quitter l'Angleterre sans délai ne lui étant pas parvenus, le gouvernement britannique en a profité pour nous adresser, par la voie de ce diplomate, des communications dont je m'empresserai de porter confidentiellement la substance à la connaissance de votre excellence, en la suppliant de vouloir bien, à cet effet, m'accorder une heure d'entretien.

Les détails contenus dans le rapport qu'a fait M. Rist à sa Cour de cette ouverture sont d'autant plus authentiques que, pour se trouver par la suite à l'abri d'un démenti, il a usé de la précaution d'en mettre auparavant le précis sous les yeux de M. Canning.

Le gouvernement anglais, en nous faisant cette ouverture insultante, y apporte un double but: celui de se donner aux yeux de la nation le mérite d'une tentative faite pour acheminer une réconciliation avec le Danemark et celui d'éluder l'obligation de faire évacuer la Zélande par ses troupes. Il n'y a rien de plus révoltant, ni de plus ridicule, que le sophisme employé dans cette dernière vue. Nous nous sommes du reste, dès le commencement, attendus à ce dernier acte de perfidie qui met le sceau à une conduite qui, dans toutes ses nuances, a été marquée au coin de la plus mauvaise foi. La personne destinée à être envoyée à Copenhague avec les pouvoirs nécessaires pour entrer dans une négociation formelle est M. Merry, le même qui autrefois déjà a été employé en Danemark, et ensuite à Paris et en Amérique.

Suivant ce que M. Rist a pu comprendre du sens des instructions dont il allait être muni, l'on comptait nous laisser le choix entre le rétablissement de notre neutralité et une alliance étroite avec la Grande-Bretagne. Il s'agissait, en outre, de nous faire espérer dans le premier cas la garantie de la Russie; de convenir d'un arrangement en vertu duquel notre flotte nous serait restituée trois ans après la conclusion d'une paix générale; de nous demander la cession de l'île de Helgoland et de nous offrir, pour le cas

d'une alliance, une coopération puissante par terre et par mer, la garantie de tous les Etats du Roi ou un équivalent pour les provinces que la guerre nous enlèverait et, au surplus, une extension convenable de nos possessions coloniales.

Le gouvernement anglais, pour donner plus de poids à ses propositions, croit devoir les appuyer sur les plus indignes menaces. M. Canning, en rendant M. Rist attentif aux pertes qui résulteraient pour nous de la destruction de notre commerce, de la confiscation de nos vaisseaux détenus et de la prise de nos colonies, a poussé l'insulte jusqu'à lui faire entrevoir la possibilité, où le gouvernement anglais pourrait se trouver, d'introduire des troupes suédoises dans Copenhague et de concourir, en faveur de son allié. le Roi de Suède, à la conquête de la Norvège. Nous ignorons à quel point les rapports existants entre l'Angleterre et la Suède peuvent autoriser le ministère anglais à tenir ce langage ou le mettre en mesure de donner effet à cette partie de ses menaces?

Votre excellence conçoit qu'il n'a pu exister pour ma Cour aucun embarras, ni aucune hésitation sur la réponse à faire à une ouverture qui comble la mesure des outrages que nous avons reçus de la part du gouvernement anglais. Nous nous bornerons à faire comprendre à celui-ci que ses offres et ses menaces ont été reçues avec la même indignation et qu'après ce qui s'est passé, il ne saurait être question d'un arrangement séparé entre le Danemark et la Grande-Bretagne.

J'aurai l'honneur de faire part à votre excellence de cette réponse d'une manière plus particulière aussitôt qu'elle sera donnée. Elle a dû être portée à Londres par M. de Hennings, qui a été attaché à la maison du Roi et que M. Rist avait dépêché à M. le comte de Bernstorff à Kiel, muni d'un passeport du gouvernement anglais.

On comptait profiter de cette occasion pour faire enfin tenir à M. Rist l'ordre de quitter le plus tôt possible un pays qui, de la manière la plus féroce, a rompu ses liens avec nous. L'ignorance où, par un défaut absolu d'instructions, M. Rist s'est trouvé sur la véritable position, ainsi que sur les intentions de sa Cour, peut seule lui servir d'excuse d'avoir écouté et de s'être prêté à transmettre une communication évidemment injurieuse et dérisoire.

Si M. Merry, après son arrivée à Copenhague, fait quelques tentatives pour se mettre en rapport avec le gouvernement, l'on n'en usera à son égard pas autrement qu'on l'a fait à celui de M. Jackson.

BLOME.

45.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 9 octobre 1807.

Monseigneur, n'ayant pas reçu de nouvelles de votre excellence depuis la lettre qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire le 26 août dernier, je n'ai aujourd'hui aucune réponse à lui faire. Les rapports que j'adresse à l'Empereur et que Sa Majesté vous communiquera sans doute, vous mettront au fait de l'état actuel des choses à Pétersbourg. Je n'y ai pas remarqué de grand changement depuis ma dernière dépêche. L'arrivée d'un ambassadeur de France est l'événement qui pourra avoir le plus d'influence sur la situation des affaires. On l'attend ici avec une impatience qui n'a fait que s'accroître depuis le départ du comte Tolstoï. J'avais prévu que cette circonstance produirait un tel effet, et c'est par ce motif que, dans toutes mes dépêches, j'ai si fort insisté sur l'envoi d'un ambassadeur ou, au moins, sur sa prompte nomination. Je m'en réfère à cet égard à ces mêmes dépêches, en répétant que les délais ne pourront que rendre ma position de plus en plus inconvenante.

Il y a eu ces jours derniers, entre le ministre des affaires étrangères et l'ambassadeur d'Angleterre, un échange de notes dont j'adresse les copies à l'Empereur. Votre excellence jugera facilement par leur contenu du résultat qui doit suivre de pareilles déclarations. Le ton qu'a pris l'ambassadeur anglais vis-à-vis de ce ministère indique suffisamment de quelle nature sont les instructions qu'il a reçues de son gouvernement, et fait voir qu'à Londres, après le refus de la médiation de la Russie et après l'expédition du Danemark, on était disposé à tout événement. On peut aisément prévoir que l'éloignement probablement très prochain de l'ambassadeur d'Angleterre et de toute sa légation laissera dans les esprits une incertitude et une vacillation d'opinion que l'arrivée

d'un ambassadeur de France fixerait en notre faveur, en donnant aux affaires la direction convenable.

M. de Montesquiou que je charge de mes dépêches a vu beaucoup de monde ici et est instruit de bien des choses concernant la situation présente de Saint-Pétersbourg. Votre excellence aura par lui bien des détails et des renseignements qui pourront l'intéresser.

SAVARY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

46.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 13 octobre 1807 [161].

Monsieur, j'ai eu l'honneur de vous écrire par M. de Tchourakof retournant à Saint-Pétersbourg.

S. M. l'Empereur et Roi m'ordonne aujourd'hui d'entrer avec vous dans le détail de toutes les obligations que la France et la Russie ont contractées par les traités de Tilsit, de ce que chacune des deux puissances doit avoir déjà fait et de ce qu'elle devra incessamment faire pour les remplir. Je dois en même temps vous faire connaître ce que Sa Majesté vous charge de demander, les explications qu'Elle vous prescrit de donner, le langage, enfin, que vous devez tenir, soit vis-à-vis de l'Empereur de Russie, soit vis-à-vis de ses ministres.

Les traités de Tilsit, en tant qu'ils ont eu pour objet le rétablissement de la paix entre la France et la Russie, ont été de part et d'autre complètement exécutés. En tant qu'ils ont rétabli la paix entre la France et la Prusse, leur exécution complète n'a été retardée que par la Prusse, qui n'a point encore acquitté les contributions au payement desquelles l'époque des évacuations a été et dû être subordonnée.

Mais les deux Empereurs n'ont point borné leurs soins à cette double paix. Ils ont voulu stipuler pour l'Europe entière, lui faire rendre, ou lui conquérir et lui assurer un repos durable.

Après avoir, pour ainsi dire, jeté dans quelques articles du traité de paix les fondements de ce grand et noble ouvrage, ils y ont mis la dernière main dans le traité secret d'alliance dont j'ai l'honneur de vous adresser une copie[162].

Dans le traité de paix les deux Monarques s'étaient réciproquement portés pour médiateurs, l'Empereur Napoléon—entre la Russie et la Porte Ottomane, et l'Empereur Alexandre—entre la France et l'Angleterre. Il avait été de plus convenu que les hostilités cesseraient immédiatement entre la Russie et la Porte et que leurs troupes respectives se retireraient de la Valachie et de la Moldavie.

Le traité d'alliance a prévu le cas où la médiation offerte ne serait point acceptée, soit par l'Angleterre, soit par la Porte, et réglé, pour ce cas, les obligations des deux puissances.

Un armistice a été conclu entre la Russie et la Porte; il a été ratifié par les généraux respectifs. L'obligation d'évacuer la Valachie et la Moldavie y est rappelée et confirmée. Cependant les troupes russes continuent d'occuper ces deux provinces. Les dernières nouvelles annoncent qu'elles avaient commencé de se retirer, qu'elles se sont arrêtées et qu'elles sont même revenues sur leurs pas[163].

Sa Majesté ne pouvant soupçonner la loyauté de l'Empereur Alexandre, n'avait attribué cet incident qu'à quelque mésentendu.

Vos dernières lettres, qu'Elle reçut hier, Lui ont fait supposer qu'il pouvait provenir du mécontentement que deux clauses de l'armistice paraissent avoir causé à l'Empereur de Russie. Mais quoi qu'il faille penser de ces deux clauses que Sa Majesté a regardées comme peu graves dans leur conséquence, l'une, parce que les Turcs ne se mettront pas dans le cas d'une rupture avec la Russie, l'autre, celle relative à la reddition des vaisseaux capturés, parce qu'elle est vraiment inexécutable et que, par cela même, elle n'a pas besoin d'être annulée, il est certain qu'elles n'ont aucun rapport direct ou indirect à celle de l'évacuation, qu'elles ne la changent, ne l'affaiblissent, ne la modifient en aucune manière, et qu'elles ne pouvaient pas être un motif d'en suspendre l'exécution. C'est ce que vous devez représenter, monsieur, en demandant que l'évacuation ne soit plus différée.

Il n'est pas probable que l'on veuille justifier les Russes de

ne s'être point retirés des deux provinces sur le Danube, en alléguant que les troupes françaises sont encore en Silésie et dans les Marches de Brandebourg, quoique le dernier terme fixé pour l'évacuation de la Prusse se trouve expiré. Il vous serait aisé de faire sentir combien les deux cas sont différents.

La clause relative à l'évacuation de la Valachie et de la Moldavie est inconditionnelle et absolue; le terme fixé par l'armistice est de rigueur. Il n'en pouvait pas être de même à l'égard de la Prusse, qui ne devait être évacuée qu'après avoir payé ses contributions. C'est aussi pour cela que les époques des évacuations n'ont point été fixées par le traité, comme le prince Lobanof l'avait d'abord demandé. La Russie n'aurait pu intervenir dans les évacuations des provinces prussiennes, sans intervenir aussi pour presser le payement de leurs contributions, et c'était là une obligation dont il ne lui convenait pas de se charger.

Ainsi, en n'évacuant pas les provinces turques, les Russes manquent à un engagement actuel, au lieu qu'en continuant d'occuper les provinces prussiennes, la France ne fait qu'user d'un droit incontestable, tant que les contributions n'ont pas été acquittées.

Toutefois, monsieur, vous ne ferez usage de ces arguments qu'autant qu'on vous parlerait de la non-évacuation de la Silésie et de Berlin. L'Empereur a voulu que, si l'on vous en parlait, vous fussiez instruit de ce qui s'est passé, pour pouvoir répondre. Mais si l'on ne vous en dit rien, vous vous bornerez à demander, mais sans insistance, l'évacuation de la Valachie et de la Moldavie.

La Porte a accepté la médiation de la France. On le sait à Saint-Pétersbourg, puisque le préambule de l'armistice le dit en termes exprès. L'Empereur Alexandre avait désiré que la négociation eût lieu à Paris, et même l'article du traité avait été dressé en conséquence. Ensuite on pensa que ce serait éveiller la défiance des Turcs et leur donner un sujet de se plaindre, si on fixait le lieu de la négociation sans leur concours.

La Porte a proposé d'elle-même de traiter à Paris; elle a fait connaître qu'elle envoyait des pleins pouvoirs et des instructions à son ambassadeur ordinaire, Mouhib Effendi. Vous devez en informer l'Empereur Alexandre, qui n'en peut être que satisfait, et inviter le cabinet à donner de son côté des pouvoirs à M. de

Tolstoï pour entrer en négociation, la nomination d'un plénipotentiaire de Russie étant, avec l'évacuation des provinces turques, la seule chose qui reste à faire pour l'exécution complète des traités, en tant qu'ils regardent l'Empire Ottoman, sauf toutefois les obligations qui naîtraient de la rupture des négociations, cas que le traité d'alliance a aussi prévu.

Le plénipotentiaire ottoman aura les pouvoirs les plus étendus. Il est à désirer, et vous voudrez bien faire en sorte, qu'il en soit donné de semblables à M. de Tolstoï, pour prévenir l'inconvénient d'avoir à demander de nouvelles instructions à des distances si grandes [161].

L'Angleterre a laissé passer le mois qui a suivi l'échange des ratifications sans accepter la médiation de la Russie, ce qui déjà devait être considéré comme un refus; et non seulement elle ne l'a point acceptée, mais elle a, par son expédition contre Copenhague, prononcé son refus de la manière la plus positive et la plus claire. Ainsi, l'Empereur Alexandre doit lui notifier les conditions auxquelles elle peut encore faire la paix, la sommer d'y accéder, et lui déclarer que, sur son refus, il fera cause commune avec la France. C'est le mois prochain que la note doit être remise. Il n'y a conséquemment pas de temps à perdre. Si, donc, il n'a pas encore été envoyé d'ordres à cet effet, il est nécessaire, et vous devez demander, que M. de Tolstoï en soit chargé, pour les transmettre en toute diligence au ministre de Russie à Londres.

Au 1er décembre, si l'Angleterre n'a point acquiescé à la sommation qui lui sera faite, la Russie devra fermer ses ports aux Anglais, renvoyer leur ambassadeur, et commencer la guerre. Les deux Cours devront agir de concert auprès du cabinet de Vienne pour lui faire embrasser la cause commune. A cet égard les dispositions que l'Empereur Alexandre vous a montrées ne laissent rien à désirer. Les ports du Portugal et de la Suède devront être aussi fermés, de gré ou de force. La nature des choses veut que la France se charge de fermer ceux du Portugal et la Russie ceux de la Suède. La France a déjà employé vis-à-vis du Portugal la voie de la négociation; le Portugal hésite et tergiverse; la voie des armes va être employée. De son côté, la Russie doit se mettre de bonne heure en mesure d'agir contre la Suède, dans le cas où les moyens de persuasion n'auraient pu suffire.

Je joins à cette lettre une copie du traité d'alliance de la France et de la Russie. C'est son exécution que vous allez presser, et l'Empereur a voulu que je vous traçasse la marche que vous avez à suivre, et que je vous indiquasse les réponses aux objections qui pourraient vous être faites. Vous saurez très bien suppléer à celles que, de si loin, on ne peut prévoir. La France a rempli ses engagements; la Russie, à son tour, remplira les siens; à cela se bornent les demandes qui lui sont faites. Elles sont trop justes pour rencontrer des obstacles que votre habileté et la confiance que vous inspirez ne puissent surmonter.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

47.

Napoléon à Savary.

Fontainebleau, 14 octobre 1807.

Monsieur le général Savary, je reçois votre lettre du 23 septembre. L'officier d'ordonnance Deponthon et l'aide de camp du prince de Neufchatel Périgord vous seront successivement arrivés depuis Montesquiou. Vous aurez également reçu une partie des choses que vous avez demandées. Je vous envoie aujourd'hui des lettres pour l'Impératrice régnante.

J'ai vu avec peine que vos lettres à M. de Champagny n'étaient pas dans le style convenable. Un ministre est toujours un ministre. D'ailleurs, un homme sage et prudent n'accroît jamais le nombre de ses ennemis. Quelle nécessité y avait-il de répondre à une phrase banale par laquelle le ministre vous recommandait l'économie? Vous donnant un crédit illimité, il était de son devoir, en qualité de ministre qui a un budget dont il rend compte, de vous dire d'économiser. Mais vous avez, messieurs, la tête près du bonnet, vous vous formalisez trop. Vous avez eu d'autant plus tort que je n'ai pas d'homme plus honnête et plus attaché que Champagny.

Guilleminot en Valachie s'est mêlé de beaucoup plus de choses qu'il ne devait. Ses instructions ne lui disaient pas de signer l'armistice, ni de stipuler des conditions absurdes, telles que la remise

des vaisseaux de guerre et la reprise des hostilités au 1er mars, si l'on ne s'arrangeait pas. La lettre que vous lui avez écrite n'a donc aucun inconvénient. Si cet officier est encore à Bucarest, ce que je ne crois point, et que, pour soutenir sa pointe, il vous répondît qu'il a agi d'après ses instructions, vous ne devez pas le croire. J'ai écrit à Sébastiani pour faire revenir la Porte sur ces deux articles. Mais le principal, n'est pas ces deux articles: c'est la remise des places fortes qui a dû indisposer l'Empereur Alexandre. M. de Champagny vous écrit longuement et vous envoie diverses pièces que vous ne connaissez pas, telles que les articles secrets du traité avec la Russie et le traité d'alliance, afin que vous soyez au faît de toutes les affaires.

Un courrier russe est parti il y a trois jours; il vous porte des lettres qui seront probablement vues. Le fait est que l'amiral Séniavine était encore le 20 septembre à Corfou. L'équipage dont se plaint surtout le gouverneur de Corfou est celui du vaisseau *l'Asie*, qui est commandé par un Anglais; mais ce sont là de petites affaires. Au reste, j'ai fait donner à l'amiral l'avis de se méfier des Anglais. Je pense que cela aura produit l'effet convenable[165].

Après ce que vous m'écrivez, je puis penser que, du 15 au 17, l'ambassadeur Tolstoï sera ici. Il eût été très nécessaire qu'il arrivât plus tôt, afin de pouvoir envoyer des ordres et des instructions aux vaisseaux russes.

Les prisonniers russes sont arrivés à Cologne et à Coblentz; on en a formé sept bataillons. On leur avait donné de mauvaises armes à Metz; j'ai ordonné qu'on les leur retirât et qu'on leur en donnât de meilleures[166].

L'Angleterre n'a fait ici, ni directement ni indirectement, aucune proposition. Tout porte à penser qu'elle est dans le système de continuer la guerre. Notre première opération doit être, aussitôt que lord Gower sera chassé de Saint-Pétersbourg, de faire chasser le ministre anglais de Vienne. A l'heure qu'il est, celui qui est à Lisbonne doit avoir quitté cette ville.

J'ai vu avec plaisir que l'Empereur faisait venir son armée en Finlande. Il faut aussi obliger la Suède à fermer ses ports et à déclarer la guerre à l'Angleterre.

Quant aux affaires de Turquie, c'est une chose qui demande bien des combinaisons, sur laquelle il faut marcher bien doucement;

elle est trop compliquée pour que vous puissiez connaître mes intentions. J'attends pour tout cela M. de Tolstoï. Au reste, il paraît que cet empire tombe tous les jours.

L'ambassadeur de la Porte, qui était d'abord allé à Vienne et de Vienne s'était rendu à Paris, y était à peine arrivé qu'il a reçu un courrier qui le rappelait à Constantinople.

NAPOLÉON.

Je vous envoie deux lettres du prince et de la princesse de Bade pour l'Impératrice [167].

Archives de famille
de M. le Baron du Havelt.

48.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 18 octobre 1807.

Monseigneur, les dernières mesures prises par le gouvernement russe contre les Anglais ont causé ici une très grande sensation. C'est surtout dans la classe des commerçants que l'on se permet le plus d'observations à ce sujet. On regarde la fermeture des ports aux vaisseaux anglais comme un embargo mis sur tous les produits du sol russe que l'Angleterre achetait et exportait annuellement en si grande quantité, et l'on présente déjà la durée de cet état de choses comme une calamité qui froissera directement les intérêts de la nation. Les ennemis de la France, habiles à saisir toutes les armes qui peuvent la combattre ici et diminuer l'influence qu'ils redoutent qu'elle prenne dans l'opinion, ne manquent pas de profiter d'un tel moyen, et leurs réflexions n'ont d'autre but que d'alarmer la classe crédule. Il est à craindre que si l'on ne prépare pas bientôt des mesures de répression les cris du commerce ne prennent un caractère plus sérieux. M. de Roumiantzof pense ainsi, et il ne dépendra pas du zèle de ce ministre d'empêcher ce qu'il prévoit.

Mais la France, plus que la Russie peut-être, a les moyens de faire taire les plaintes des commerçants russes, de cette classe

d'hommes dont l'intérêt particulier passe pour eux avant tout. Il suffirait pour cela de faire savoir dans le public que la France, qui depuis si longtemps n'a fait en Russie aucune acquisition importante, veut faire acheter du bois, du chanvre, des toiles, etc. Un tel marché, dans les circonstances actuelles, serait aussi politique qu'avantageux. Politique, en ce qu'il nous mettrait en possession de l'opinion des plus mécontents et qu'il ferait oublier les Anglais que l'on regrettera par trop de raisons, si nous ne nous occupons des moyens de les remplacer. Avantageux, parce que la France, en profitant du moment, achètera sans concurrence et, par conséquent, à bon compte.

M. de Lesseps vous développera plus longuement cette idée. J'ai seulement voulu faire connaître à votre excellence de quel intérêt majeur peut être dans ce moment une chose qui paraîtrait toute simple dans d'autres circonstances. Je crois ce projet assez important par ses conséquences pour mériter l'attention de Sa Majesté.

SAVARY.

Archives des Affaires Étrangères
Paris.

49.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 21 octobre 1807.

Monseigneur, M. Deponthon, arrivé ici le 10 de ce mois, m'a remis, avec les dépêches de l'Empereur, la lettre que votre excellence m'a fait l'honneur de m'écrire de Paris le 17 septembre. J'ai lu cette lettre avec toute l'attentiou qu'elle méritait et je m'empresse d'y répondre.

Votre excellence me demande de nouveau des détails qu'il n'est pas en mon pouvoir de lui transmettre, parce que, dans la position où je me trouve placé, je ne saurais étendre mes observations autant que vous paraissez le désirer. J'ai été exact à vous informer de tout ce que j'ai cru utile de vous faire savoir, en vous donnant les notes sur *le corps diplomatique et le ministère du pays.* Quant à mon avis *sur la société* j'aurais trop hasardé en voulant

vous le faire connaître, et j'aurais risqué de vous transmettre de fausses données; car depuis plus de deux mois que je suis ici, je serais encore embarrassé pour établir un jugement sur beaucoup de personnages que je rencontre habituellement et dont, au reste, l'opinion, quelle qu'elle soit, *est tout à fait insignifiante.* Je me borne à assurer votre excellence que je ne laisserai jamais ignorer rien de ce que je croirai digne de l'attention de l'Empereur. Je lui adresse aujourd'hui de nouvelles notes pour répondre autant que je le puis à ce que Sa Majesté vous avait chargé de me demander.

Quand, dans mes premières dépêches, j'avais indiqué le corps diplomatique et le ministère comme devant fixer particulièrement l'attention, c'est qu'en effet je pensais qu'il était de la plus grande importance que l'Empereur connût leur composition et sût de quel intérêt il était pour lui de le voir changer. Je répèterai ici à cette occasion que le changement de M. de Merveldt, ambassadeur d'Autriche, est une des premières choses à faire. Un tel homme sera toujours là pour gêner la marche d'un ambassadeur de France. Je sais de bonne source qu'il est *particulièrement* bien traité de l'Angleterre. Il attend dans ce moment plusieurs chevaux qui lui sont envoyés de Londres. Il est juste de dire que M. de Merveldt mérite bien ces récompenses par le zèle qu'il met à seconder les Anglais dans leurs intrigues.

On sait ici depuis trois jours le rappel de M. de Norona, ministre d'Espagne, que M. de Pardo vient remplacer. Ce changement déplaît beaucoup au parti anglais, dont ce ministre était le très humble serviteur. Ils savent très bien qu'ils ne peuvent que perdre en le voyant partir. L'effet que ce rappel produit prouve combien il était nécessaire.

J'ai commis dans mes notes sur le corps diplomatique une erreur que je dois m'empresser de réparer. Connaissant peu M. de Blome, ministre de Danemark, je m'en étais rapporté aux renseignements que j'avais pris sur son compte et je me suis trompé à son égard en l'indiquant comme *étant peu l'ami des Français.* Depuis ce temps j'ai beaucoup connu M. de Blome et je doute que personne pût mieux convenir ici que lui. Il a montré du caractère et de la dignité dans les circonstances malheureuses pour lui qui ont eu lieu récemment. Il est parfaitement dans le sens du Prince

Royal, dont il est aide de camp. C'est un brave homme, dont j'ai beaucoup à me louer. Ses conversations ont été ici d'une grande ressource pour moi. Je serais bien aise que le nom du baron de Blome fût connu avantageusement de l'Empereur.

La composition bien choisie d'un corps diplomatique est une chose essentielle pour le succès et l'influence de l'ambassadeur de France ici. Je m'en réfère à ce que j'ai déjà dit à ce sujet. Il serait instant que les Princes les plus puissants de la Confédération du Rhin envoyassent promptement des ministres à Saint-Pétersbourg. La Saxe a ici le comte Einsidel, à qui on n'envoie pas ses lettres de créance depuis la Royauté. C'est un homme bon à conserver à son poste. Des ministres d'Italie, de Naples et de Hollande sont également nécessaires ici. On ne peut que gagner à les envoyer promptement.

Lorsque j'ai présenté à l'Empereur quelques traits du tableau de Saint-Pétersbourg, et de la Cour de Russie, je lui ai observé que j'étais bien convaincu que la persévérance de l'Empereur Alexandre et sa fermeté finiraient par amener tout le monde à son avis. J'ai toujours été de l'opinion qu'il ne fallait rien précipiter; l'ouvrage de la *conversion* ne pouvait s'achever qu'avec le temps. J'ai la satisfaction aujourd'hui de voir que j'avais eu raison de juger ainsi. La Cour de l'Impératrice-Mère, celle qui était la plus exaltée contre la France pendant la guerre, qui nous était la plus opposée à l'époque de mon arrivée ici, cette Cour que j'ai ménagée avec soin et flattée par tous les moyens que j'ai pu imaginer, commence à céder et à nous revenir. La présentation de M. de Montesquiou à l'Impératrice-Mère et l'accueil qu'on lui a fait témoignent assez que mes efforts n'ont pas été infructueux.

On tomberait dans une grande erreur si l'on entendait par *l'opinion publique* de Pétersbourg ce que ce mot comprend dans tout autre pays. Le peuple, qui partout ailleurs est compté pour quelque chose dans l'Etat, n'est rien ici. Je ne sais pas où je pourrais trouver ce que votre excellence entend par cette société *indépendante de la noblesse, loin du trône et près du peuple.* Après la Cour et le ministère, je ne vois que les négociants, entre les nobles et leurs esclaves; or cette classe de négociants est une colonie composée pour la plus grande partie d'Anglais; le reste est Français ou Allemands. Elle méritera de fixer l'attention d'un ministre de France

lorsque le moment sera arrivé de rétablir avec la Russie des relations de commerce. Permettez-moi, monseigneur, de vous dire ici que je pense qu'il serait nécessaire d'envoyer en Russie un négociant bien entendu et capable de juger de l'état de notre commerce dans ce pays et des moyens de le vivifier en lui donnant l'accroissement dont il est susceptible. La maison Ternaux de Paris, pourrait peut-être mieux qu'une autre remplir vos instructions à cet égard si vous adoptiez mon idée.

Votre excellence paraît désirer de connaître les individus qui composent la Cour de l'Empereur de Russie. Je ne pourrais, pour la satisfaire, que lui présenter une simple nomenclature, sans y ajouter aucune réflexion. La plupart de ces personnes, à l'exception de trois ou quatre individus connus et déjà désignés comme obstinément opposés au système actuel, ne marquent que par leurs titres, leur rang et nullement par leur opinion, qui finit toujours par être celle du maître dont ils attendent des grâces et des honneurs. D'ailleurs, tout ce qui compose les Cours sera facilement influencé par l'ambassadeur de France qui saura s'en emparer. Les notes que j'adresse à l'Empereur sont le résultat de mes observations depuis que je suis ici. Ce n'est pas sans peine que je suis parvenu à recueillir tous les renseignemens qu'elles contiennent, et j'avoue qu'il m'aurait été impossible d'entrer dans de plus grands détails sur tous les objets que je traite, sans m'exposer à inspirer ici encore plus de méfiance que je n'en remarque déjà partout où je me présente. La malignité donne aux questions les plus simples que je puis faire, une interprétation toujours défavorable et qui m'oblige à beaucoup de circonspection. J'espère, néanmoins, que ces notes suffiront pour indiquer à Sa Majesté les moyens d'influence qu'Elle peut employer ici.

Il y a beaucoup à faire, beaucoup à changer pour notre avantage en Russie. Un Français observateur en arrivant ici trouve les choses si peu avancées en notre faveur qu'il serait tenté de croire que, depuis cinquante ans, il y a eu interruption de relations entre la France et la Russie. Voici, selon moi, les causes du mauvais état de nos affaires dans ce pays. Nos ministres n'ont laissé ici aucune trace de ce qu'ils auraient dû faire pour notre avantage. M. de Ségur[168], résidant ici à l'époque brillante de Catherine II, a été ébloui par l'éclat de ce règne et séduit par les distinctions que lui

accordait la Souveraine. Le soin de plaire semble avoir été sa principale affaire. Il a été courtisan aimable, plutôt que ministre de France. C'était faire précisément ce que voulait Catherine, qui cherchait ainsi, par tous les moyens, à enchaîner le zèle des ministres étrangers pour leur pays. Le gouvernement français d'alors, dans l'état de faiblesse où il était tombé, ne prévoyait pas le mal qui se préparait et ne faisait rien pour l'empêcher. M. de Ségur a laissé ici dans la société la réputation d'un homme parfaitement aimable; il n'a laissé à la France qu'un traité de commerce [169] où l'intérêt des négociants français n'était pas l'intérêt le plus ménagé, et cela, parce qu'ils n'ont pas été consultés et qu'il n'y a qu'eux-mêmes qui sachent bien ce qui leur convient. L'intervalle de la Révolution, où, pendant dix années, on n'a pas vu d'envoyé de France à Saint-Pétersbourg, ayant interrompu toute espèce de relations avec nous, a laissé à nos ennemis tous les moyens d'influence dont ils ont su s'emparer; et c'est cet ouvrage, le fruit de plus de dix ans de soins, d'attentions et de corruption, qu'il s'agit de détruire aujourd'hui. Les Anglais ont tout envahi. C'est à leur place qu'il faut nous mettre; jusqu'à présent on n'avait encore rien entrepris pour arriver à ce but. Le général Duroc n'a fait que paraître ici [170]. Il n'avait qu'une mission circonstancielle qu'il a remplie sans pouvoir s'occuper d'autres soins. Ensuite, le général Caulaincourt est arrivé [171]. Sa mission momentanée a duré trop peu pour lui laisser le temps de voir ce qui pouvait blesser ou favoriser nos intérêts dans ce pays. Tous deux ont emporté d'ici les regrets du Souverain et des personnes qui les ont connus. C'était à celui qui viendrait après eux à tout faire pour la France. Le général Hédouville [172], arrivant ici avec le caractère de ministre, envoyé du Premier Consul après la bataille de Marengo, aurait pu se montrer aux Russes dans une attitude tout autre que celle qu'il a prise. Il n'a pas représenté dignement la France, puisqu'il semblait l'avoir placée ici au rang des puissances du troisième ordre L'intérieur de sa maison prêtait aux plaisanteries un côté ridicule qui n'a pas échappé aux Russes. Néanmoins, en rendant justice aux qualités personnelles et privées du général Hédouville, on n'est que l'écho de toutes les personnes qui le connaissent; mais cet éloge même prouve qu'un homme, qui ne serait que bon, honnête et estimable, n'est pas ce qu'il faut, comme ministre de l'Empereur en Russie. Je suis arrivé

dans ce pays à une époque assez critique pour nous. La guerre avait exalté l'opinion contre tout ce qui est français. Les chances de cette guerre et de celle qui l'avait précédée n'avaient pas été assez favorables aux Russes pour les ramener vers nous. Notre gloire n'avait fait qu'ajouter à leur haine. C'est alors que l'Empereur m'a envoyé à Saint-Pétersbourg. J'ai vu, observé avec attention et je rends compte de tout à Sa Majesté. Il y a une vérité forte à dire, mais que j'avance avec conviction: c'est que notre ambassadeur ici sera trop craint pour être aimé, s'il est ce qu'il doit être pour les intérêts de notre Empereur et de l'Empereur Alexandre. Ce n'est qu'à la longue qu'il pourra se concilier les suffrages d'hommes, qu'il doit nécessairement gouverner.

J'ai répondu, autant qu'il m'a été possible, à la lettre de votre excellence. Je la prie d'assurer Sa Majesté et d'être persuadée elle-même que, si je n'ai pas entièrement rempli les désirs de l'Empereur, il n'a pas dépendu de mon zèle de mieux faire.

SAVARY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

50.

Savary à Napoléon.

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 21 octobre 1807.

Sire, les derniers rapports que j'ai eu l'honneur d'adresser à Votre Majesté, sont portés par M. de Montesquiou, qui est parti d'ici le 10 octobre.

M. Deponthon est arrivé le même jour, et le soir, j'ai eu avec l'Empereur de Russie, qui partait le lendemain, une conversation que je rends mot pour mot dans le rapport ci-joint. Le Prince est parti, comme je l'ai annoncé; pendant son absence, les Anglais, tout en se hâtant d'arranger leurs affaires de commerce, se sont tellement remués dans tous les sens, qu'ils ont fait changer le ton en leur faveur. Puissamment secondés par M. de Merveldt, ils ont fait circuler mille bruits tendant à faire croire qu'ils n'étaient venus

en Danemark qu'à la sollicitation du Prince Royal, qui les aurait appelés pour se garantir d'une invasion prochaine de nos troupes. D'après ce que l'on mande au ministre de Danemark ici, il paraît qu'ils disent à Copenhague qu'ils se sont arrangés avec la Russie et que la guerre va se déclarer de nouveau entre la Russie et la France. De pareils propos font lever les épaules à Saint-Pétersbourg, mais, néanmoins, leurs agents dans ce pays ne se déconcertent pas; ils ont l'air de mettre en doute que la Russie se déclare contre eux.

Un officier anglais nommé Wilson, parti de Londres le 2 octobre, est arrivé ici en quatorze jours [173]; c'est un postillon d'intrigue et de corruption, qui a eu la hardiesse de venir ici les poches pleines de brochures dégoûtantes, dans lesquelles on traîne Votre Majesté et l'Empereur Alexandre dans la boue. J'ai eu grand soin de me procurer des exemplaires de ces ouvrages pour les remettre à l'Empereur à son arrivée, d'autant mieux que le mauvais esprit commençait à percer [174].

Le parti anglais se cramponne à Saint-Pétersbourg; tout y est dans l'attente; cette incertitude est passée jusque dans tous les cercles, et il est nécessaire, pour fixer l'opinion tout à fait à notre bord, de donner son coup de grâce à cette nation.

Pendant l'absence de l'Empereur, l'Impératrice régnante m'a fait l'honneur de m'inviter à dîner; [175] il n'y avait chez elle que sa sœur, et le comte Roumiantzof, ministre des affaires étrangères. Pendant le dîner il n'a été question que de théâtre, des tragédies favorites de Votre Majesté, des pièces de l'Impératrice, et en général, des habitudes de la Cour de Saint-Cloud. Après le repas, et un instant de conversation, je suis resté une heure en tête-à-tête avec le comte Roumiantzof.

Il me parla ainsi:

«C'est inimaginable, tout ce que les Anglais font pour nous ébranler, et je suis bien fâché de voir arriver ici ce M. Wilson, qui ne me plaît point. Ils répandent maintenant le bruit qu'ils vont s'accommoder avec le Danemark et qu'ils ont déjà envoyé quelqu'un à Paris. Vous voyez comme il pourrait être désagréable de rompre aussi promptement avec eux, si l'on est chez vous dans l'intention d'en finir. Je ne sais pas à quoi l'on s'arrêtera, mais mon opinion est que, si nous traitons, nous ne ferons que du plâ-

trage pour dix-huit mois, deux ans. Mon opinion n'est point suspecte, puisque vous voyez de quelle fortune immense je jouis dans ce pays-ci, ainsi que mon frère [176]. Je ne suis lié par rien, n'ayant ni femme ni enfant; je pourrais vivre dans tous les pays du monde et y être un des plus riches particuliers, mais je me suis décidé à accepter le ministère des affaires étrangères, parce que j'ai été séduit par la gloire de mettre mon nom parmi ceux qui auront l'honneur d'être cités dans un siècle aussi immense que celui que prépare votre Empereur, et je vous assure que, si l'entrevue de Tilsit n'avait pas eu lieu et si les intentions de l'Empereur Alexandre à l'égard du vôtre ne m'étaient pas parfaitement connues, je n'aurais point quitté ma manière de vivre, car vous conviendrez que, si la paix se fait avec les Anglais, je ne serai arrivé aux affaires que pour en avoir la peine, et nullement la gloire.»

Après lui avoir fait une réponse honnête, je lui ai dit, entre autres choses, que je savais qu'il avait reçu un courrier de M. d'Alopéus, leur ministre à Londres, et que, probablement, il lui donnait quelques détails sur les dispositions dans lesquelles on y était. Il m'a répondu que c'était la seule chose dont on ne lui parlait pas; que, d'ailleurs, il n'était pas content de cet agent et qu'il ne le croyait pas dans les intérêts de son pays, autant que dans ceux des Anglais [177]. «Il y en a beaucoup d'autres encore», a-t-il ajouté, «mais je ne m'en effraye point et je saurai bien les faire changer».

Nous avons ensuite parlé de M. de Laforest. Plusieurs jours auparavant j'avais sondé l'opinion sur son compte; elle lui est entièrement favorable; il sera reçu ici avec les plus grandes marques d'estime, mais je dois dire à Votre Majesté que M. le comte Roumiantzof est un des hommes les plus considérables de la Russie, qu'il mérite sa réputation d'homme d'esprit sous beaucoup de rapports, et que, dans les occasions qu'il m'a fournies de le cultiver, j'ai remarqué que c'était un ministre avec lequel il fallait traiter d'égal à égal, et qu'il pourrait devenir fâcheux pour la France dans ce pays-ci que notre ambassadeur eût dans la discussion le moindre degré d'infériorité avec lui. Le comte Roumiantzof est si animé du désir de servir son pays et d'être agréable à Votre Majesté que, pour peu que notre ambassadeur soit un homme supérieur et un homme grand en affaires, il fera tout ce qu'il voudra avec le ministre.

Je prendrai la liberté de mettre sous les yeux de Votre Majesté tout ce que j'ai observé à Saint-Pétersbourg pour le bien de Son service.

Il n'y a point de second rôle à la Cour de Russie pour un ambassadeur de France; s'il n'a pas le premier, il aura le dernier. L'opinion qu'on y a de la nation, et particulièrement de Votre Majesté, fait désirer qu'on n'y en envoie point, s'il ne doit pas, en quelque sorte, y gouverner. Le ton a tellement changé ici, et surtout dans les femmes, qu'il n'y a sortes de comparaisons glorieuses que l'on ne fasse de Votre Majesté; il reste peu de chose à faire pour que cela soit général. Un homme nouveau, qui n'aura pas vu comme moi changer cette opinion, et dont la présence ne sera point, comme la mienne, un reproche à la société de toutes les malhonnêtetés que j'y ai éprouvées lors de mon arrivée, cet homme qui arrivera sous d'autres couleurs, ne trouvera plus guère de bile; on l'accueillera, parce que l'on n'aura aucune réparation à lui faire, et ce n'est point là la position dans laquelle se trouvent les premières maisons de Saint-Pétersbourg vis-à-vis de moi. Tant que j'y serai, leur position sera gênée avec notre ambassadeur et sa légation. J'entends parler des Orlof, Strogonof, Kotchoubey, Lopoukhine, Pouchkine, Czartoryski, etc., etc., tous ces personnages-là ont plus d'importance en Russie que des ministres.

Si, comme je l'espère, notre ambassadeur est moins contrarié que moi en arrivant, qu'il n'éprouve plus d'opposition de la part de ces messieurs, il conduira le pays ici, comme bon lui semblera.

On se forme à Saint-Pétersbourg, sur l'ambassadeur de France, toutes les idées qui devancent et accompagnent un ministre du plus puissant monarque du monde, et l'on se flatte qu'il remplira tout le vide énorme que va laisser partout le départ de l'ambassadeur d'Angleterre.

Je regarderais comme malheureux pour nous que notre ambassadeur ne fût que ce que l'on appelle vulgairement un homme de bien, estimable, etc... quelque fût d'ailleurs son mérite en affaires. Tout ce que je vois, et tout ce que j'entends, me prouve qu'il faut que ce soit un homme tranchant du grand seigneur, apportant des titres, un nom, de la gloire, qui fixe tous les regards, un homme qui attire tous les hommages, sans se prodiguer dans le monde,

qui voie chez lui tous les grands de la Russie, et enfin, qu'il soit considérable dans tout ce qu'il fait et dans tout ce qu'il dit.

J'ai sous les yeux un ancien ambassadeur de Naples (le duc Serra Capriola) qui n'a plus une obole de revenu, qui représente un Roi sans Etats, et malgré qu'il soit couvert de dettes, sa considération a été telle, qu'il est encore quelque chose dans la société [178]. Si le corps des ministres diplomatiques n'offre point un personnage de ce genre, il y aurait beaucoup à gagner à le prendre ailleurs et à lui donner pour ministre sous lui et l'accréditant, un homme consommé en affaires.

La France touche au moment de changer tout en sa faveur en Russie. La mission du général Hédouville nous y a donné mille ridicules; il y a laissé la réputation d'un homme de bien, généralement estimé, mais l'état de parcimonie dans lequel il a vécu, l'a souvent rendu le sujet des conversations de la société; s'il avait eu une autre maison, il aurait vu se former l'orage qui a amené la campagne de Moravie.

Je ne crains pas de dire qu'un ambassadeur de France qui ne sera qu'aimé ici, n'aura pas fait son devoir ou négligera nos intérêts; il faut qu'il soit estimé, respecté, mais craint par-dessus tout; il est urgent de régner ici, ou il faut s'attendre à voir l'Angleterre reprendre son influence, et se préparer à recommencer la guerre dans trois ans au plus tard.

Une chose essentielle encore, c'est de faire accompagner notre ambassadeur de beaucoup de jeunes gens, bien élevés, possédant des talents d'agrément, ayant de la naissance et de la fortune, et s'il est possible, qu'ils soient militaires, parce que j'ai remarqué que les souvenirs qui s'attachent à notre habit, en excitant l'admiration et la curiosité, contribuaient le plus à nos succès. L'on n'accorde rien ici à ce qui n'est pas militaire; avec le titre d'officier l'on est reçu partout. Si, pour quelque temps, la légation peut présenter beaucoup de jeunes officiers, ce sera d'un grand avantage.

L'aide de camp que Votre Majesté a le projet de tenir continuellement à Saint-Pétersbourg, réussira sans doute pendant quelque temps près de l'Empereur Alexandre seulement; mais je vois déjà se former autour de lui un cercle de méfiance, qu'il ne détruira pas et qui lui fermera l'entrée d'un grand nombre de maisons, où il serait cependant de la plus grande nécessité qu'il

entrât. Quelque circonspect qu'il soit, il n'abusera personne sur le but de son séjour ici, d'autant plus qu'il offrira le premier exemple d'une mission comme la sienne. On a déjà dit que Votre Majesté enverrait tous Ses aides de camp passer alternativement quelques mois à Saint-Pétersbourg pour l'observer.

Le moindre inconvénient qui puisse en résulter pour l'ambassadeur et cet aide de camp, c'est, d'abord, de voir la considération du premier s'atténuer par la confiance qui résultera des préférences ou des faveurs de l'Empereur de Russie pour le second, telles que de monter ses chevaux à la parade, l'Hermitage, dîner à la Cour, et en général, les facilités de communiquer avec lui. Toutes ces faveurs faisant le crédit qu'il lui est si important de conserver, il ne peut pas s'en passer. Cependant si, comme je le suppose c'est l'intention de Votre Majesté, il défère à l'ambassadeur, il perd par cela seul tous les avantages, et alors, sa position devient si désagréable qu'il est même difficile de déterminer dans quelle ligne il devra être rangé, indépendamment de ce qu'il ne pourra plus rien, par la privation de toutes les marques de bonté que je sais déjà qu'on ne lui accordera plus. Il deviendra donc nécessaire que l'ambassadeur ramène à lui encore cette confiance, et je ne doute pas que cela ne lui soit facile, d'après la manière avec laquelle Votre Majesté se propose de traiter l'ambassadeur de Russie à Paris. Si M. de Laforest sait profiter de cet avantage, qu'il faut qu'il ait malgré les obstacles diplomatiques, Votre Majesté règnera ici, je suis bien convaincu de cela. Une confiance partagée ne produira pas le même résultat.

SAVARY.

Cette lettre devait partir aussitôt le retour de l'Empereur Alexandre, qui m'avait prié d'attendre son arrivée ; elle était écrite pendant son absence. Comme je me disposais à expédier à Paris, M. Louis de Périgord arrive et m'apporte les dépêches de Votre Majesté. Je ne ferai qu'un courrier des deux.

Archives Nationales,
Paris.

51.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 21 octobre 1807.

Sire, M. de Montesquiou est parti d'ici le 10 octobre à midi. Le même jour, à quatre heures du soir, est arrivé M. Deponthon, qui était parti de Rambouillet le 17 septembre.

J'envoyai aussitôt à l'Empereur Alexandre la lettre de Votre Majesté qui était pour lui [179], en faisant demander à quelle heure je pourrais le voir le même jour, puisqu'il devait partir le lendemain matin à six heures?

L'Empereur m'envoya pour réponse le billet au crayon qui est ci-joint [180].

A l'heure indiquée j'étais à Kamény-Ostrof et j'eus avec l'Empereur la conversation suivante:

L'EMPEREUR. Je vous remercie bien, général, de m'avoir envoyé une lettre aussi aimable de l'Empereur. J'en suis dans l'enchantement. Il m'écrit que mes fourrures lui font plaisir et qu'il m'envoie de la porcelaine. Cela sera bien plus beau que nos pelleteries, mais je ne compterai pas avec lui. Je n'ai qu'une manière de m'acquitter, et le plaisir que cela me fera apportera du retour. Que vous mande l'Empereur? Voilà ce qu'il me dit, et à vous? (Nous lûmes ensemble la lettre de Votre Majesté à l'Empereur.)

RÉPONSE. Sire, voici la lettre que m'écrit l'Empereur. (J'avais fait de la lettre de Votre Majesté un extrait conforme à celui que je joins ici № 2.) Comme j'ai pensé que Votre Majesté serait bien aise de l'emporter dans son voyage, j'en ai fait une copie que je puis Lui laisser. (Je lui remis l'extrait que nous lûmes ensemble.)

L'EMPEREUR. Oh! Je vous remercie bien. Il me mande, comme vous voyez, une partie de tout cela, et maintenant, nous voilà à notre aise. Dites-lui que, pour la Suède, j'avais prévu ses intentions. Nous sommes effectivement liés par des traités et c'était le seul moyen que j'avais d'ouvrir une négociation avec ce pays.

Aussitôt que vous m'avez communiqué la première lettre de l'Empereur, où il vous mandait que je devais forcer la Suède à

faire cause commune avec le Danemark, j'ai écrit moi-même une lettre au Roi, dans laquelle je lui rappelle le traité de l'Impératrice Catherine et celui de 1800 relativement à la neutralité de la Baltique, et je lui demande positivement ses intentions à cet égard, en lui déclarant que, quant à moi, je suis fermement résolu à la faire respecter. J'ai envoyé cette lettre à mon ministre à Stockholm, avec l'ordre d'aller lui-même porter ma lettre au Roi, qui se dit malade à Carlscrone, et je lui recommande de saisir cette occasion pour voir par lui-même *quel est l'air que l'on respire dans cette maison*, et de m'en rendre compte sur-le-champ, parce que l'on pourrait me faire une réponse équivoque et, par là, gagner du temps[181]. Voilà la seule voie de négociation que je connaisse; j'en attends le résultat. D'ici-là, mes troupes s'approchent de la Finlande, je les verrai demain, à mon passage à Gatchina, où elles seront en partie arrivées. Aussitôt la réponse de mon ministre, si elle n'est pas ce que j'attends, je n'ai plus d'autre moyen que les coups de canon, et vous verrez que je ne marchanderai pas. Nous voilà donc d'accord sur ce point, et je suis bien aise de l'avoir prévenu.

RÉPONSE. Maintenant j'observerai à Votre Majesté que l'Empereur lui dit que les Anglais vont être chassés de partout. Il n'y a plus qu'ici, où il y a encore un ministre de cette nation. Votre Majesté voit que l'Empereur songe à agir, puisqu'il annonce qu'il va visiter sa flottille. Puis-je lui annoncer qu'à votre retour, lord Gower reprendra le chemin de Londres?

L'EMPEREUR. Je n'aime ni le personnage, ni la nation, et certainement, je ne le garderai pas. Vous savez que je n'attendais que la communication de l'Empereur pour savoir quelle direction il voulait faire prendre à tout cela? Maintenant que la voilà, dites-lui que je ferai tout ce qu'il demande et que je chercherai à prévoir ce qu'il désire. Vous devez à présent connaître mes sentiments là-dessus et vous verrez que je ne serai pas en retard.

L'Empereur, en continuant de lire l'extrait que je lui avais remis de la lettre de Votre Majesté, s'arrêta au passage concernant les plaintes des prisonniers et me dit:

«J'en éprouve une peine infinie, mais je voudrais savoir dans quel gouvernement, ou dans quelle province, étaient ces prisonniers qui ont été maltraités?»

RÉPONSE. Sire, je parlerai de cela à Votre Majesté tout à l'heure. Je La prie de continuer.

Au passage, où il est question des bruits d'assassinat de l'Empereur Alexandre, de guerre de la part de l'Autriche, et en général, au sujet du venin de discorde que soufflent les Anglais, l'Empereur s'écria avec fermeté:

L'EMPEREUR. Il a bien raison, l'Empereur. Il faut se mettre en garde contre tout cela; ils feront le diable! (Puis, en frappant de la main sur la lettre:) Voilà comme on devrait faire toutes les ambassades, il n'y aurait jamais rien d'aigre avec cette franchise. Combien je vous remercie, général, de m'avoir communiqué cela!

RÉPONSE. Maintenant, Sire, avant de lire plus loin, je prie Votre Majesté de me faire l'honneur de m'écouter. Hier, en sortant de chez Votre Majesté, et rentrant chez moi pour expédier M. de Montesquiou, il était dix heures du soir, je trouvai un aide de camp du maréchal Soult qui venait d'arriver m'apportant une dépêche dont voici l'extrait. (Je remis à l'Empereur l'extrait ci-joint, qu'il lut attentivement.)

L'EMPEREUR. Pour le coup, c'est fort, et je veux mettre fin à ces propos par un exemple. Remerciez le maréchal Soult et dites-lui que je vais encore, quoique tard, m'occuper de rechercher les auteurs des mauvais traitements que l'on a fait éprouver aux prisonniers, malgré tous mes ordres à cet égard. Mais je regrette bien qu'il n'ait pas demandé le nom du gouvernement d'où venaient ceux qui avaient à se plaindre. J'emporte avec moi ces pièces et j'en aurai raison là-bas, comme de ce caporal de vos troupes, déserteur et auteur du pamphlet dont se plaint l'Empereur *).

Quant à la lettre du maréchal Davoût[182], c'est plus sérieux. (Joignant les mains et avec l'air interdit:) On ne m'a jamais fait un pareil rapport. Je vous avoue qu'il fait plus que me surprendre, surtout de la part des cosaques, qui sont si religieux observateurs dans ces sortes de circonstances auxquelles ils sont habitués dans

*) Votre Majesté avait ordonné de parler de ces plaintes au ministre de la police et au ministre de la guerre; mais ces deux ministères ne sont pas organisés ici pour recevoir de pareilles plaintes, et il a fallu en parler à l'Empereur lui-même, pour que les intentions de Votre Majesté soient remplies. Je La supplie de ne pas trouver cette communication mauvaise, parce que je vois les choses d'assez près pour juger de ce qu'il faut taire et de ce qu'il n'y a nul inconvénient de dire. *(Note de Savary).*

leurs querelles de famille et de canton à canton. Certainement, ils n'auraient pas commis une telle infraction, si on ne les y avait pas engagés. Tout cela, avec ces propos, et mes rapports particuliers, me prouve qu'il y a quelque chose là-dessous. Combien je vous sais gré, général, de cette communication. Elle est précieuse pour moi et je m'en servirai là-bas. Je vais envoyer Troubetzkoï [183] (un de ses aides de camp) directement au lieu même, pour voir ces mêmes cosaques, aller jusque chez le maréchal Davoût et savoir d'où part ce souffle là. Entre nous soit dit, de confiance et d'amitié, je crois que cela vient de Bennigsen, et qu'il est temps d'y mettre fin. A mon retour nous parlerons de cela.

RÉPONSE. J'ai encore reçu du maréchal Soult une petite lettre d'amitié, d'après laquelle j'aperçois des inquiétudes, fondées sur les bruits qui circulent dans le pays qu'il habite, et sur de prétendus mouvements de troupes dans l'armée de Votre Majesté. Vous pouvez juger de ce que ces rapports, sans doute exagérés, auraient été à l'arrivée de Votre Majesté à Ses camps, et combien il est essentiel d'en avertir le maréchal Soult, pour que l'on fasse taire les journaux allemands qui vont faire mille contes sur ce voyage.

L'EMPEREUR. (En riant aux éclats.) Comment, ils croyaient que j'allais leur tomber sur le corps!... Voyez un peu à quoi peuvent mener les démarches les plus innocentes! [184] Ces mouvements de troupes sont pour les rassembler, afin que je les voie par division, et les camps seront dissous immédiatement après.

Le corps qui est devant le maréchal Davoût sur la Narew, et qui est moins fort d'une division que lorsque vous commandiez dans cette contrée, y restera une bonne partie de l'hiver, parce qu'il est formé de garnisons de Lithuanie, et que cette province ayant été la plus surchargée de fournitures pendant la guerre, je veux la soulager. Pour cela, j'en laisserai les troupes absentes pour quelque temps, parce que vous savez que nos garnisons ne sont autre chose que des villages, et que le soldat est chez le paysan et à sa charge.

Général, je vous réitère combien je vous remercie de cette communication. Quant à la Prusse, dont l'Empereur vous parle, dites-lui ce que je vous en ai dit. Ce n'est plus mon affaire. Je vous en parle d'amitié, mais n'y mets *rien d'officiel*. Je pense que l'Empereur est pressé d'en finir avec eux, et je ne conçois pas

ce qu'ils gagnent à prolonger le séjour de l'armée qui va les ruiner.

RÉPONSE. Sire, il y a une heure que j'avais chez moi M. de Lehndorff (le ministre de Prusse [185]; il me parlait de la situation de son pays, et j'ai vu par ce qu'il m'a dit que le Roi et en général, tout ce qui l'entoure, avaient déjà oublié tout ce qui était arrivé, et regardaient comme une justice qu'on les débarrassât d'un fardeau comme celui de l'armée. Il m'a ajouté que le Roi avait offert de transiger pour l'acquittement des contributions [186]. Certainement, il y a quelque chose d'injurieux dans cette offre de transaction ou de bien inconvenant.

Il devrait savoir, et je suis bien aise d'en informer Votre Majesté, que les impositions qui ont été frappées n'ont été fixées qu'après avoir pris une connaissance exacte des revenus annuels des pays imposés, de la valeur de tous les domaines royaux, et enfin qu'après avoir su positivement ce que pouvaient rapporter toutes les branches d'industrie.

Ces estimations ne peuvent être suspectes, puisque ce sont les administrations prussiennes qui ont donné les renseignements sur lesquels on les a établies. Il est inutile de rejeter sur M. Daru tout le poids de ce fardeau. (On prétendait que c'était l'intendant Daru qui exigeait ces contributions et que l'Empereur n'en avait pas parlé). Cela ne le regarde point; il n'a fait que transmettre l'ordre de l'Empereur et il est chargé par sa place de le faire exécuter. Votre Majesté voit par la lettre que Lui écrit l'Empereur qu'il lui tarde d'en finir avec la Prusse, et qu'il peut avoir besoin de son armée (la lettre de Votre Majesté à l'Empereur de Russie lui annonçant le dessein d'aller voir sa flottille,) mais que le Roi n'espère pas en être débarrassé avant que de s'être exécuté.

L'EMPEREUR. Je conçois cela et je ne m'en mêle plus.

RÉPONSE. Maintenant, Sire, j'ai une communication à faire à Votre Majesté. Les lettres que je reçois aujourd'hui de Paris m'annoncent qu'il est vraisemblable que M. de Laforest viendra ici comme ambassadeur. Votre Majesté doit se rappeler qu'il a traité les affaires d'Allemagne pour la France, conjointement avec M. de Bühler pour la Russie [187].

L'EMPEREUR. Je ne le connais pas, mais il suffit que l'Empereur

l'envoie pour qu'il soit très bien reçu. Je me rappelle bien en avoir entendu parler. Le connaissez-vous?

RÉPONSE. Sire, je ne l'ai pas vu depuis la paix de Lunéville. Il est chez nous entouré de l'estime et de la considération générale. Je ne fais nul doute qu'il ne convienne beaucoup à Votre Majesté. Si on l'envoie ici, je suis assuré surtout qu'il s'entendra à merveille avec M. de Roumiantzof. Ces deux caractères-là me paraissent faits l'un pour l'autre.

L'EMPEREUR. Très bien. Je suis bien aise qu'il vienne. Je le verrai avec plaisir. Adieu, général, amusez-vous bien pendant mon absence. Je vous remercie encore de vos franches communications.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

ANNEXES.

I.

Billet de l'Empereur Alexandre I au général Savary.

Général, venez chez moi ce soir à 8 heures précis.

Tout à vous

A.

II.

Extrait de la lettre de Napoléon à Savary, du 16 septembre 1807, tel qu'il a été remis à l'Empereur Alexandre.

Nous étions convenus qu'au 1er novembre la Russie déclarerait la guerre à l'Angleterre. Quand bien même il n'y aurait pas ce motif, l'atroce expédition de Copenhague suffirait seule pour l'y déterminer.

Ainsi, le prompt renvoi du ministre d'Angleterre qui est à Saint-Pétersbourg, le rappel du ministre russe qui est à Londres, et l'embargo sur les marchandises anglaises sont les mesures dictées impérieusement par les circonstances.

Qu'en même temps les Anglais soient chassés de la Suède. Il n'y a que la Russie qui peut le faire.

Sollicitez donc l'Empereur Alexandre de parler ferme à cette puissance et qu'il en soit obéi; alors toute l'opération dans le Nord deviendra facile. Les Anglais n'attendront peut-être pas ce moment. Leur expulsion du continent, en frappant leur industrie d'un coup mortel, leur fera enfin désirer la paix. A présent ils la dédaignent, leur réponse aux ouvertures de l'Empereur Alexandre est évidemment un refus, surtout en l'expliquant par la mesure contre le Danemark, arrêtée dans le même moment. Ainsi, la même main signait en même temps cette réponse évasive et l'ordre d'incendier Copenhague. Le ministère anglais disait assez clairement qu'il voulait encore tenter les hasards de la guerre.

III.

Extrait d'une lettre du maréchal Soult au général Savary, en date d'Elbing, le 29 septembre 1807.

Je dois vous instruire, mon cher général, que plusieurs prisonniers rentrés ont rendu compte qu'il circulait dans l'intérieur de la Russie des libelles contre Sa Majesté l'Empereur Napoléon et son armée; ils en ont même vus contre Sa Majesté l'Empereur Alexandre. A Vilna ils ont trouvé un nommé Petit, ex-caporal et déserteur du 64e régiment de ligne, et un nommé Semperrond, ex-sergent au 94e régiment, qui vomissaient les plus grandes vociférations, et ce qu'il y a d'étrange, c'est que ces deux misérables étaient ouvertement protégés par des officiers supérieurs russes et autres personnes en place; ils leur ont vu beaucoup d'argent et faire beaucoup de dépenses.

Les prisonniers ont aussi rendu compte que plusieurs d'entre eux avaient été débauchés par des officiers russes avant la paix, pendant qu'ils étaient maltraités et en prison, et étaient passés à leur service comme domestiques; beaucoup désirent rentrer, mais ils n'en ont pas la faculté.

Il est encore des prisonniers qui se plaignent des mauvais traitements que, depuis la paix, on leur a fait éprouver; cependant ils observent que ce n'est pas partout ainsi, et que, dans quelques

gouvernements, ils étaient beaucoup mieux, ce qui fait voir que Sa Majesté l'Empereur de Russie a bien donné des ordres en leur faveur, mais qu'on ne les a pas également exécutés.

Enfin, je vous adresse copie d'une lettre, en date du 14 de ce mois, que M. le maréchal Davoût m'a écrite. Elle vous instruira des incursions que quelques détachements de cosaques se sont permises sur le territoire du Duché de Varsovie, du côté de Balwiesky et d'Alexotec sur le Niémen, ainsi que des propos extrêmement indécents que des officiers particuliers et supérieurs russes se permettent sur le compte de Sa Majesté l'Empereur Alexandre et des mouvements qu'on a remarqués dans les camps russes.

SOULT.

IV.

Extrait d'une lettre du maréchal Davoût au maréchal Soult, en date de Varsovie, le 14 septembre 1807.

Je dois vous faire connaître, mon cher maréchal, que le commandant de mes troupes légères sur les bords du Niémen m'a rendu compte que, le 6 de ce mois, plusieurs cosaques avaient passé le Niémen, et s'étaient présentés chez le brigadier commandant un poste à Balwiesky; qu'ils avaient voulu visiter ses papiers et enfin l'emmener sur la rive droite; que la veille, 5, une patrouille, sortie du poste de Szapiesker et passant vers les sept heures du soir vis-à-vis de la petite ville d'Alexotec, avait essuyé quatre coups de carabine d'un poste de cosaques établi sur la rive droite.

Les officiers que j'ai envoyés à Brzesc, à Vilna et à Grodno, ont vu différents camps russes.

Les propos des officiers, non seulement particuliers, mais des officiers supérieurs russes sur le compte de leur Empereur, sont de la dernière indécence.

DAVOÛT.

52.

Savary à Roumiantzof.

Saint-Pétersbourg, 25 octobre 1807.

M. le comte, j'ai réfléchi à l'entretien que vous m'avez fait l'honneur d'avoir avec moi ce matin et je crois, qu'à moins de fortes raisons, il n'y aurait pas de grands inconvénients à ne laisser sortir aucun navire, bâtiment ou cutter pour l'Angleterre ou la Suède, et d'arrêter toutes les lettres expédiées par la poste ou par estafette pour ces deux pays, jusqu'à ce que S. M. l'Empereur Alexandre ait prononcé sur la question dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir ce matin.

En pensant bien à tout le mal qui peut résulter d'un manque de précaution et en observant que l'opinion que lord Gower ne va pas manquer de donner à son gouvernement, d'après la conversation que cet ambassadeur a eue hier avec votre excellence, pourrait entraîner les conséquences que nous redoutons, j'imagine que, pour y parer, il n'y a rien de mieux à faire que de la gagner de vitesse quand on le voudra. Il n'y a nul doute que tout ce qu'il dira à son gouvernement sur cette matière sera regardé comme les paroles d'un oracle, d'autant plus que tout ce qu'ils ont vu jusqu'ici les a plus fait pencher vers une rupture que vers une conciliation.

Savary.

Archives des Affaires Etrangères,
Saint-Pétersbourg.

53.

Napoléon à Savary.

Fontainebleau, 30 octobre 1807.

Monsieur le général Savary, je ne vous ai pas écrit depuis longtemps. J'attendais à chaque instant l'arrivée du comte Tolstoï et voulais vous écrire immédiatement après. J'apprends qu'il ne sera ici que dans cinq ou six jours; je n'ai pas voulu tarder da-

vantage à vous donner de mes nouvelles. Mon armée marche sur les frontières du Portugal et quand vous lirez cette lettre elle sera à Lisbonne. C'est le général Junot qui la commande.

Je vais signer un traité d'alliance avec le Danemark. J'y ai fait mettre la clause que, si la Russie déclarait la guerre à la Suède, le Danemark ferait cause commune et ferait marcher son armée, par la Norvége ou partout ailleurs.

La garnison de Cattaro est à Padoue; elle est bien avec les Français et est abondamment pourvue de tout. Celle de Corfou n'est pas encore arrivée à Ancône, mais je sais qu'elle est partie de Corfou.

L'amiral Séniavine est parti le 2 octobre, sans doute pour Cadix; je présume qu'il y est arrivé à l'heure qu'il est.

Je suis toujours dans la même situation; je n'ai aucune nouvelle de la Suède ni de l'Angleterre.

Guilleminot m'a dit qu'il vous avait écrit; il m'a assuré que les deux articles dont se plaint l'Empereur étaient passés, parce que les plénipotentiaires russes n'avaient fait aucune objection.

Les prisonniers russes sont à Cologne. J'attends l'arrivée de M. de Tolstoï pour les faire partir.

J'ai fait demander à la Cour de Vienne le passage pour les garnisons de Corfou et de Cattaro ; je n'ai point encore de réponse, mais elles ne partiront que lorsque je me serai entendu avec M. de Tolstoï.

Je voulais aller en Italie, mais j'ai voulu retarder mon voyage pour attendre l'ambassadeur.

Je n'écris pas aujourd'hui à l'Empereur, pour ne pas l'ennuyer. Je lui écrirai après avoir vu M. de Tolstoï. Communiquez-lui la partie de ces nouvelles qui peut l'intéresser.

Je suis ici à Fontainebleau depuis six semaines, où je chasse beaucoup.

Les Anglais disent que l'Empereur de Russie a fait mettre l'embargo sur leurs bâtiments. Je n'en ai pas encore la nouvelle officielle.

Les Américains sont très mal avec l'Angleterre et l'on croit que ces deux puissances ne tarderont pas à être en guerre. L'Angleterre est aujourd'hui fort embarrassée et si, comme je n'en doute pas, nous obligeons l'Autriche et la Suède à lui déclarer la

guerre, il y a lieu de croire qu'elle ne tardera pas à venir à résipiscence.

Par tout ce qui me revient de tous côtés, je vois avec plaisir que tout prend de l'énergie en Russie.

Je n'ai que de bons renseignements à donner des troupes russes qui sont en France.

Vous ne sauriez trop dire à l'Empereur, combien je lui suis attaché et combien le moment où je pourrai le revoir serait doux pour moi. Je me fais une vraie fête de voir M. de Tolstoï.

NAPOLÉON.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

54.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 31 octobre 1807.

Monsieur, il convient de vous instruire des événements qui ont eu lieu dans le Midi de l'Europe. Le Portugal a trompé l'attente de l'Empereur. Soit crainte, soit inhabileté, il n'a su se décider pour aucun parti. Il a communiqué à l'Angleterre la première proposition que lui avait faite l'Empereur, et s'est hâté de prendre avec cette puissance l'engagement de ménager dans tous les cas les intérêts de son commerce et de ses sujets, et de les protéger dans leurs personnes et dans leurs propriétés. Ce n'est donc qu'autant que cet engagement pouvait le permettre, qu'il a voulu se prêter à seconder les vues de l'Empereur. Mais un pareil engagement était inconciliable avec ces vues, tendait à rendre la rupture qu'on promettait d'opérer avec l'Angleterre plutôt utile que défavorable à cette puissance, et le Portugal aurait trahi la cause du continent, en feignant de la servir. Ainsi, en se refusant d'une manière absolue à l'arrestation des Anglais et à la confiscation de leurs propriétés, la Cour de Lisbonne a laissé passer l'époque du 1er septembre qui lui avait été fixée pour prendre parti entre la France et l'Angleterre. Elle a fait valoir de prétendus scrupules du Prince-Régent. L'Empereur a bien voulu condescendre à ces scrupules et a consenti à modifier les mesures qui en étaient

le sujet. Une seconde époque, celle du 1er octobre, a été fixée pour le départ des ministres de France et d'Espagne. Même refus de la part du Portugal, qui alléguait, tantôt le projet de faire partir pour le Brésil le Prince de Beïra, enfant de douze ans, pour servir à la défense de cette colonie, tantôt la nécessité d'attendre le retour de son escadre de la Méditerranée. Le 1er octobre est venu sans qu'il ait été pris un parti décisif, et les deux ministres ont quitté Lisbonne. Alarmé par leur départ, le Prince-Régent a renouvelé ses promesses et envoyé lettre sur lettre à l'Empereur. Mais ses ports sont restés ouverts aux Anglais; mais ceux-ci ont pu mettre en sûreté et leurs propriétés, et leurs personnes. L'Empereur a donc eu le regret de compter le Portugal parmi les ennemis de la cause continentale et s'est décidé à lui faire la guerre.

L'ambassade portugaise a été renvoyée le 22 de ce mois et est partie de Paris. L'armée du général Junot est en marche, et sera sur les frontières du Portugal avant le 10 novembre. Elle doit marcher directement à Lisbonne. L'Espagne se prête avec ardeur à servir les vues de la France.

L'Empereur ayant ainsi rempli à l'égard du Portugal l'une des obligations résultant du traité d'alliance, ne doute point que l'Empereur Alexandre ne la remplisse, de son côté, à l'égard de la Suède, et n'ait déjà fait les préparatifs nécessaires à cette fin. Je vous invitais, par ma dernière dépêche, à l'en presser. Il n'y a pas un moment à perdre. Nous touchons à l'époque marquée par le traité. Si on la laissait arriver, sans s'être mis en état d'agir, on multiplierait soi-même les difficultés et les chances contraires.

C'est ce qui a déterminé l'Empereur à devancer cette même époque relativement au Portugal. En attendant, il aurait laissé le temps à la Cour de Lisbonne de consommer son alliance avec l'Angleterre, d'appeler les Anglais et d'opposer, sinon une résistance heureuse, du moins une résistance qui eût coûté plus de sacrifices. Si l'on vous paraissait trouver à Saint-Pétersbourg que la France s'est un peu trop hâtée, vous en ferez connaître la raison, et vous ferez sentir que l'Empereur ne s'est hâté que pour servir plus efficacement la cause commune [187].

J'ai fait, par ordre de Sa Majesté, des insinuations à l'ambassadeur d'Autriche pour faire pressentir à la Cour de Vienne les

demandes que la France et la Russie doivent lui faire. Le but de ces insinuations est de préparer de loin l'Autriche à ces demandes, pour qu'elle soit disposée à y acquiescer lorsqu'elles lui seront faites et que les deux Puissances ne soient pas dans la nécessité de prendre vis-à-vis d'elle une attitude et un langage hostiles, et l'on peut se flatter que cette nécessité n'existera pas, si l'on peut s'en rapporter à l'opinion personnelle de M. de Metternich [188].

Le Prince Royal de Danemark est toujours dans la ferme résolution de n'entrer dans aucun arrangement avec l'Angleterre, qui lui a fait plusieurs fois en vain des propositions.

Ainsi, une fois que la Russie aura amené ou forcé la Suède à embrasser la cause commune, le continent tout entier sera fermé à l'ennemi. C'est alors seulement que sera complètement exécutée la mesure dont la paix doit être le résultat. C'est donc vers ce point que la Russie doit porter et que vous devez, monsieur, l'exciter, de toute votre influence, à porter efficacement toute son attention.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

55.

Napoléon à Savary [189].

Fontainebleau, 1er novembre 1807.

Monsieur le général Savary, je vous ai expédié un courrier hier, mais au moment même arrive Montesquiou, qui m'apporte votre lettre du 9 octobre avec le rapport qui y était joint. L'Empereur désire envoyer de ses cadets dans mes ports: il n'y a point de difficultés à cela; ils seront reçus et traités comme des officiers français; vous pouvez lui en donner l'assurance. Il désire 50,000 fusils de mes manufactures: il n'y a pas non plus de difficulté à cela; dès que Tolstoï en fera la demande, ils lui seront remis; il y en a un million dans mes arsenaux; ainsi, ce n'est pas pour moi un grand sacrifice; d'ailleurs, il n'en est pas que je ne fasse pour être agréable à l'Empereur. M. de Tolstoï est arrivé à Francfort, il y a quelques jours, et sera ici après-demain. Je lui ferai remettre

l'hôtel que j'ai acheté de la princesse Caroline, tout meublé; il m'a coûté un million. Vous savez que c'est l'hôtel le plus élégamment arrangé de Paris. J'en fais présent à l'Empereur pour loger ses ministres. Il faudra que les meubles en soient conservés avec soin, afin que cela n'occasionne pas de grandes dépenses lors du renouvellement de ses ambassadeurs. Vous prierez l'Empereur d'agréer cette maison comme un hommage de ma part. Si, par échange, il veut faire présent pour mes ambassadeurs d'un hôtel meublé, je ne m'y oppose pas, je vous autorise à le recevoir [190].

J'attendais Tolstoï pour écrire à l'Empereur.

Vous avez reçu Saint-Aignan.

Quant à nos affaires, elles sont de trois espèces: 1° faire la guerre à l'Angleterre; 2° obliger l'Autriche et la Suède à se déclarer contre l'Angleterre; 3° arranger les affaires de la Porte.

1° *Déclarer la guerre à l'Angleterre.* Par les pièces que je vous ai envoyées, vous avez vu que la Russie devait faire une *déclaration* au 1er décembre, chasser lord Gower et déclarer la guerre à l'Angleterre. Je juge, comme la Russie, que cette *déclaration* aujourd'hui n'aboutira à rien et que l'affaire de Copenhague a changé la face des choses. Vous vous bornerez à demander que Gower soit chassé et la guerre déclarée.

2° *Pour ce qui regarde la Suède.* L'île de Zélande est évacuée par les Anglais. Par le traité que je viens de conclure avec le Danemark, cette puissance doit faire cause commune avec la Russie; si la Russie déclare la guerre à la Suède, le Danemark la lui déclarera aussi, et une armée danoise doit l'attaquer en même temps.

3° *Quant aux affaires de la Porte,* je sens la nécessité de terminer quelque chose et je suis prêt à m'entendre là-dessus avec la Russie. Mais cette affaire est bien intéressante pour moi. Je remets à vous en écrire après avoir vu Tolstoï. J'aurai besoin même d'avoir une entrevue pour cela avec l'Empereur, après que la guerre aura été déclarée par la Russie à l'Angleterre.

Faites passer désormais vos courriers par Varsovie et Dresde, parce que, s'il arrivait que j'allasse en Italie, je donnerais l'ordre que de Varsovie on les dirigeât sur Milan. Cependant, je suis encore très incertain sur ce voyage. Cela dépendra de beaucoup d'autres circonstances.

NAPOLÉON.

P.-S. — J'envoie décidément Caulaincourt comme ambassadeur extraordinaire en Russie. Il aura 600,000 francs de traitement, ce qui, joint à ce qu'il a, le mettra dans le cas de faire une figure convenable. Vous pouvez donc compter qu'il sera à la fin de novembre à Saint-Pétersbourg. J'avais d'abord voulu envoyer Laforest, mais j'ai craint qu'il ne fût trop vieux et qu'on crût qu'il n'avait pas assez ma confiance, ce qui m'importe par-dessus tout.

Archives Nationales,
Paris.

56.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 1er novembre 1807.

Monsieur, je vous envoie une copie du traité de la France avec le Danemark que je viens de signer par ordre de l'Empereur. L'intention de Sa Majesté est que vous en donniez communication à S. M. l'Empereur de Russie. L'Empereur veut répondre à la loyauté du Souverain de la Russie par une égale franchise et autant d'abandon. Lorsque les deux Princes sont aussi unis de sentiments que d'intérêts, ils ne peuvent plus avoir de secrets l'un pour l'autre, tous les deux tendant au même but, et leur parfait concert, nécessaire pour y arriver, exige qu'ils se communiquent sans réserve les mesures que leur éloignement les a empêchés de combiner ensemble.

C'est par cette raison que je suis entré avec vous dans de si grands détails sur notre situation relativement au Portugal et sur les motifs qui avaient déterminé l'Empereur dans le parti qu'il a pris à l'égard de cette puissance [191]. Ceux qui ont amené la conclusion du traité avec le Danemark n'ont pas besoin d'être développés. Il importait de profiter de ce moment pour attacher le Danemark à la cause du continent, il fallait le mettre en garde contre la prétendue générosité des Anglais, qui renouvelaient leurs tentatives pour le maintenir dans un état de neutralité, en le berçant de l'espérance d'une restitution qu'ils n'auraient jamais effectuée. Vous verrez que l'Empereur a assez compté sur la fidélité de l'Empereur Alexandre à remplir ses engagements pour ne pas craindre

de faire pressentir la démarche que les deux Empereurs doivent faire de concert. Il était aussi utile qu'honorable de lui donner pour motif cette atroce expédition du Danemark; elle doit soulever toute l'Europe, elle est l'odieuse confirmation de ces prétentions révoltantes des Anglais relativement au droit de visite des bâtiments neutres, de blocus opéré par une simple déclaration, prétentions qui outragent l'indépendance de toutes les nations neutres et les font servir d'instrument à l'avidité et à la perfidie anglaises. De telles prétentions sont une véritable guerre faite à tous les peuples du continent; aucun ne peut les admettre, ni même les tolérer, sans blesser les intérêts de tous les autres, et les choses en sont arrivées au point où il ne peut plus y avoir de neutres, puisque les Anglais ne reconnaissent aucune neutralité, et où la puissance qui n'embrasse pas la cause du continent est nécessairement l'ennemie du continent. Tels sont les principes adoptés par l'Empereur. Ils seront mis au jour, et dans le manifeste qui sera publié contre le Portugal, et dans une déclaration que l'Empereur rendra publique en la communiquant au Sénat. Elle précédera les mesures que l'on serait dans le cas de prendre relativement à l'Autriche.

On n'a encore aucune réponse de cette puissance aux insinuations qui lui ont été faites, mais on n'a pas eu le temps de la recevoir.

L'Empereur rend plus rigoureuses encore toutes les mesures qui ont pour but d'empêcher tout commerce et toute communication avec l'Angleterre; il va arrêter même l'arrivée et le départ des parlementaires. L'Angleterre doit être dans une espèce d'interdit, séparée de toute l'Europe, objet de la haine et du ressentiment de tous les peuples. La sévérité de cette mesure ne peut que lui faire désirer la paix. L'Empereur aime mieux empêcher toute navigation, que de tolérer une navigation dont les Anglais pourraient tirer parti. Des ordres précis et sévères ont été envoyés à cet égard en Allemagne et en Hollande et je suis chargé de les réitérer.

La nouvelle de l'évacuation de la Zélande est arrivée au moment où je finissais avec le ministre de Danemark.

Un nouveau ministre de Prusse, M. Brockhausen, est à Paris. L'Empereur doit le recevoir et ne l'a pas encore reçu, quoique je traite avec lui [192]. L'Empereur a beaucoup à se plaindre de la lenteur

avec laquelle le Roi de Prusse exécute les stipulations de la convention conclue avec le comte Kalkreuth. Il semble que les Prussiens prennent plaisir à voir leur pays occupé par une armée étrangère.

Nous n'avons pas entendu parler des Anglais, qui persévèrent dans leur système de guerre perpétuelle. L'expédient du Danemark annonce suffisamment leurs dispositions à cet égard. L'union du continent les rejettera au milieu des mers; telle est la guerre qu'il faut leur faire, tel est le moyen de les forcer à la paix. Des invitations vont être faites à la Cour de Prusse pour l'engager à renvoyer l'envoyé d'Angleterre et à rappeler le ministre qu'elle a à Londres [193]; sans doute la Cour de Russie se prêtera à appuyer cette mesure. Ce système de guerre universelle contre l'Angleterre doit être poursuivi avec ardeur et constance, dans toutes ses ramifications.

J'ai reçu les dépêches que vous m'avez adressées par M. de Montesquiou. L'Empereur a bien voulu me donner connaissance de celles qu'il a reçues directement. Il est satisfait des dispositions que vous lui annoncez et s'attend à en voir bientôt les effets. Sans doute, il aurait pressé l'exécution du plan concerté, s'il ne s'était pas fait comme un devoir de ne demander à l'Empereur Alexandre que ce qui était convenu avec lui, mais vous avez pu voir que, dans tout ce que l'Empereur avait à faire de son côté, il n'a point attendu les époques déterminées. Lorsque cette dépêche vous parviendra, le moment d'agir sera arrivé, et l'Empereur ne doute pas de l'exécution des promesses qui lui ont été faites.

Du moment où il a pu pressentir les vœux de l'Empereur Alexandre, sur l'ambassadeur qui devait lui être envoyé, il a nommé à ce poste honorable M. de Caulaincourt, son grand-écuyer, qu'il a pensé devoir lui être agréable, comme ayant déjà l'honneur d'être connu de lui et l'avantage d'avoir rempli une mission auprès de sa Cour. Il partira immédiatement après l'arrivée de M. le comte de Tolstoï.

Nous attendons cet ambassadeur russe de moment en moment; nous n'avons pas eu de ses nouvelles depuis Francfort. L'Empereur lui donne une maison, et m'a chargé d'acheter pour cet usage la maison Thélusse, très belle et très bien meublée, qu'ont habitée successivement le Grand-Duc de Berg et le Prince Jérôme.

J'ai désiré, monsieur, vous mettre sous les yeux l'état de nos affaires pour que vous puissiez en instruire l'Empereur de Russie, qui ne doit rien ignorer de ce qui se passe ici. L'Empereur vous donne directement ses ordres par les lettres que je vous fais passer. Je n'ai rien à ajouter aux instructions qu'il m'a chargé de vous transmettre. Vous remplirez sur tous les points les intentions de l'Empereur; il en a pour garant le zèle et le talent avec lesquels vous l'avez servi jusqu'à ce jour.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

ANNEXE.

Traité d'alliance entre la France et le Danemark signé à Fontainebleau, le 31 octobre 1807, par M. de Champagny, ministre des relations extérieures d'une part, et M. de Dreyer, envoyé du Danemark à Paris, de l'autre [194].

Art. 1er.

Sa Majesté l'Empereur des Français, Roi d'Italie, protecteur de la Confédération du Rhin, et Sa Majesté le Roi de Danemark feront cause commune dans la présente guerre maritime.

Art. 2.

Chacune des deux hautes parties contractantes emploiera contre l'ennemi commun la totalité de ses forces de terre et de mer; et si, pour satisfaire au juste ressentiment qu'a fait naître l'attaque de Copenhague, la France, d'accord avec la Russie, fait quelques déclarations tendantes à obliger les autres puissances de l'Europe à entrer dans la ligue qui aurait pour objet d'obtenir satisfaction de cette commune injure, Sa Majesté Danoise s'engage à adhérer à ces déclarations et à concourir à l'exécution de toutes les mesures qui en seraient la suite.

Art. 3.

Toutes les opérations de la guerre commune seront faites de concert et les deux hautes parties contractantes s'engagent à ne point faire de paix séparée.

Art. 4.

Sa Majesté l'Empereur et Roi, voulant donner à Sa Majesté le Roi de Danemark une preuve de son amitié et de l'intérêt qu'il lui porte, garantit l'intégrité et l'indépendance absolue des Etats et possessions de Sa Majesté le Roi de Danemark, soit en Europe, soit dans les colonies.

Sa Majesté Impériale promet également d'interposer ses bons offices pour faire, lors de la conclusion de la paix avec l'Angleterre, restituer ou compenser par celle-ci au Danemark toutes les pertes mobilières qu'il aurait faites pendant la durée de la présente guerre.

De son côté, Sa Majesté le Roi de Danemark garantit l'intégrité des possessions de la France et, autant que cela dépendra de lui, la restitution ou la compensation des pertes mobilières qu'elle aurait éprouvées pendant la durée de la présente guerre.

Art. 5.

Sa Majesté l'Empereur et Roi, prenant en considération l'embarras dans lequel l'attaque inopinée de l'Angleterre et la spoliation qu'elle a faite des vaisseaux et des arsenaux danois peut mettre le Danemark, promet de fournir à Sa Majesté le Roi de Danemark les secours de toute espèce qui seront reconnus nécessaires pour le succès des opérations en général et la défense des possessions danoises en particulier; à l'égard des avances, soit en argent, soit en munitions, denrées ou matières que la France serait dans le cas de fournir au Danemark, sur sa demande, une convention particulière réglera la quotité et le mode de versement de ces avances, le prix des objets fournis, ainsi que les époques des remboursements et le taux des intérêts.

Art. 6.

Sa Majesté Danoise, voulant concourir à toutes les mesures déjà prises par Sa Majesté l'Empereur et Roi contre l'Angleterre, fermera l'entrée de ses Etats et possessions à tout sujet anglais, de quelque classe et condition qu'il puisse être. Aucun Anglais n'y pourra résider, voyager ou pénétrer, pour quelque cause et sous quelque prétexte que ce soit. Les contrevenants seront arrêtés et détenus comme prisonniers de guerre, jusqu'à la paix.

Aucun produit, soit du sol, soit des manufactures des îles ou des colonies britanniques. ne pourra être importé dans les Etats et possessions de Sa Majesté le Roi de Danemark, sous quelque prétexte que ce soit. Il sera pris toutes les mesures nécessaires pour en empêcher l'introduction furtive.

Aucun navire venant directement des îles ou des colonies britanniques ou y ayant relâché, hors le cas d'un danger imminent, ne sera reçu dans aucun des ports de Sa Majesté le Roi de Danemark.

Aucun navire, sous quelque pavillon qu'il soit, ne pourra être expédié des dits ports pour les îles et colonies britanniques.

Les contrevenants aux dispositions des paragraphes ci-dessus seront punis par la saisie et confiscation de leurs navires et marchandises et, selon les cas, par la détention pendant toute la durée de la guerre, sans préjudice des autres peines que les lois danoises peuvent infliger pour fait de contrebande ou tel autre délit semblable.

Art. 7.

Le présent traité sera ratifié le plus tôt possible et les ratifications seront échangées dans le délai de trente jours à Paris.

57.

Savary à Napoléon.

Saint-Pétersbourg, 4 novembre 1807.

Sire, par le retour du courrier qui a porté les fourrures de l'Empereur à Votre Majesté, j'ai reçu les lettres qu'Elle m'a fait l'honneur de m'écrire de Fontainebleau, les 6, 8 et 9 octobre.

Les rapports ci-joints feront connaître à Votre Majesté tout ce qui s'est passé à Saint-Pétersbourg depuis le départ de M. de Montesquiou.

Un heureux concours de circonstances, dont il m'a été facile de profiter, a enfin amené la déclaration de guerre de la Russie à l'Angleterre. Je joins ici la déclaration de l'Empereur Alexandre à toutes les cours étrangères, ainsi qu'au Sénat et à la nation russe, et la copie de la note qui a été remise ici à l'ambassadeur d'Angleterre, et la même est envoyée à l'ambassadeur de Russie à

Londres, pour être remise au gouvernement britannique. Ces deux pièces m'ont été remises par l'Empereur lui-même, quelques instants avant qu'il eût des nouvelles de son escadre.

Le courrier russe qui va à Londres ne pouvant pas traverser la Suède, par la crainte que l'on a de ne plus y trouver un libre passage, et encore moins par le Sund, vu les circonstances, le comte Roumiantzof l'expédie par la France, et donne en même temps l'ordre à toute la mission à Londres de passer sans délai dans les États de Votre Majesté.

L'on me demande des passeports pour ce courrier. Je m'empresse de les donner et d'y joindre une lettre pour le général commandant de place à Calais, afin que la traversée ne soit nullement retardée. L'on m'a prié aussi de solliciter des ordres à Paris pour que l'on reçoive la mission russe dans quel point de la côte elle se présentera. Je m'empresse également d'en rendre compte à Votre Majesté, afin qu'Elle en ordonne comme bon Lui semblera. Pour le courrier, l'on a été si pressant que je n'ai pu me refuser à faire ce que l'on demandait.

Il est de mon devoir de faire connaître à Votre Majesté combien M. le comte Roumiantzof nous a été favorable dans cette circonstance, et je crois que jamais un personnage de cette importance n'a mis autant de zèle à servir tout à la fois son pays, son prince, et à être en même temps agréable à Votre Majesté, dont il ambitionne d'être distingué de si loin et dont il a mérité, en cette occasion, un témoignage extraordinaire d'estime toute particulière. Je dois ajouter aussi que l'idée d'être acheté ou captivé, par un don de trop grande valeur, le révolterait et nous nuirait peut-être; c'est un homme essentiellement délicat, qu'il faut prendre par l'honneur et par des marques d'estime au-dessus de toutes celles qu'on emploie, même le moins ordinairement.

Il n'y a que Votre Majesté qui sache bien faire ces choses-là. C'est M. de Roumiantzof lui-même qui a dressé les deux déclarations. Je l'ai vu y travailler; elles ont été copiées chez l'Empereur. En outre, il est ministre du commerce et va devenir doublement précieux aux Français.

L'Empereur est toujours dans les meilleures dispositions possibles, et les attentions qu'il continue d'avoir pour moi, quoique assujétissantes pour lui, sont constamment les mêmes.

J'ai cru m'apercevoir que l'idée d'être mené ou influencé lui était insupportable, et même humiliante. J'ai donc dû mettre toujours beaucoup de réserve en lui parlant de ce qui touchait les intentions de Votre Majesté. Le comte Roumiantzof m'en avait aussi averti et c'est ce qui me fait répéter ce que j'ai eu l'honneur de dire à Votre Majesté dans la lettre qui est ci-jointe au sujet du séjour continuel d'un de ses aides de camp ici; dans peu, il sera une arme dans la main de nos ennemis.

Je vois par toutes les lettres que Votre Majesté m'a fait l'honneur de m'écrire que j'ai toujours marché dans Ses intentions. Cependant, je crains d'être désapprouvé pour la lettre que j'ai écrite à M. Guilleminot. Je prie Votre Majesté de ne point m'en blâmer; il m'aurait été impossible de m'en défendre; l'Empereur Alexandre y mettait trop d'instances, et il était d'un si grand intérêt pour moi de ne pas lui déplaire, que je n'ai pu m'y refuser.

Votre Majesté ne verra point dans la déclaration de guerre qu'il soit question de l'embargo. Je l'ai observé, et l'on m'a répondu que c'était par une sorte de dignité qu'on ne l'avait pas stipulé, mais que c'était une conséquence infaillible de la déclaration de guerre, et que je pouvais y compter [195].

Un feldjäger part dans trois jours pour porter à l'ambassadeur Tolstoï la communication officielle à faire à Paris. J'écrirai par cette occasion que lord Gower est parti.

J'éprouverais des regrets d'avoir fait expliquer l'Empereur Alexandre sur les événements de la Prusse et de Dantzig, si je n'étais convaincu qu'il n'a pas été indifférent à Votre Majesté d'apprendre qu'il ne portait plus qu'un souvenir à cette puissance, mais aucun intérêt d'office. Cela m'a mis bien à mon aise depuis.

SAVARY.

P.-S.—Voici les deux réponses de l'Impératrice-Mère [196]. Elle a reçu les lettres avec plaisir et a seulement observé, dans son petit intérieur, qu'on ne l'avait point titrée de Majesté Impériale. Je crois indispensable d'en faire écrire une à l'Impératrice régnante par la princesse de Bade; elle sait déjà que le Roi et la Reine de Westphalie ont écrit à l'Impératrice-Mère.

Archives Nationales,
Paris.

58.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 4 novembre 1807.

Sire, l'Empereur de Russie, qui était parti de Saint-Pétersbourg le 11 octobre, à six heures du matin, est rentré à son palais d'hiver le 22, à huit heures du soir. Le lendemain, 23, il a passé la revue d'une partie des troupes qu'il se propose de faire marcher en Finlande. Le même jour il me fit inviter à dîner à la Cour, en me faisant dire de venir de bonne heure.

Je m'y rendis à quatre heures.

Avant le dîner, l'Empereur me fit appeler dans son cabinet; il me parla ainsi:

L'EMPEREUR. Vous avez vu Roumiantzof pendant mon absence et il m'a rapporté une partie de vos conversations. Ces messieurs du parti anglais recommencent donc à causer?

RÉPONSE. Oui, Sire, et plus fort que jamais. Cette fois-ci, cela paraît mériter plus d'attention, puisqu'à Saint-Pétersbourg même, et parmi des officiers de votre Cour, on débite des libelles dans lesquels on ose séparer Votre Majesté de la nation et de Son armée. Ces ouvrages dégoûtants ont été apportés ici de Londres par M. de Wilson, et distribués par lui à MM. Orlof, Novossiltzof, Kotchoubey, Strogonof, et quelques autres.

L'EMPEREUR. C'est-à-dire tout le parti anglais. Mais avez-vous lu vous-même cette brochure?

RÉPONSE. Oui, Sire, et la voici. J'ai cherché à me la procurer pour vous la remettre. Votre Majesté verra combien il est instant d'empêcher ces messieurs d'aller trop loin, pour qu'Elle ne se trouve pas dans la nécessité de punir d'une manière trop sévère *).

*) J'avais avec moi cette brochure, intitulée «*Réflexions sur le traité de paix entre la France et la Russie*». Elle contenait vraiment des injures virulentes. J'avais aussi une déclaration du Roi d'Angleterre au sujet des affaires du Danemark.

Depuis le départ de l'Empereur et l'arrivée de ce Wilson, j'observais la jactance anglaise hausser plus que jamais de ton. Ce jeune homme affectait de

L'EMPEREUR (avec l'air satisfait). Je vous remercie bien, général. Roumiantzof m'avait promis cette pièce, qu'il n'avait pas encore pu avoir, mais vous avez été plus habile que lui. Je vous sais un grand gré de l'intérêt personnel que vous voulez bien y mettre. Je vais lire cela avant dîner et nous en causerons après, dans mon cabinet.

Pendant le dîner il ne fut question que du voyage que venait de faire l'Empereur et des belles troupes qu'il avait vues. En général, il paraît fort content de l'état dans lequel il a trouvé son armée. Il m'a dit qu'il avait été surpris de la voir aussi bien *réhabillée* et *réorganisée*. Entre autres choses il m'a dit en souriant: *Le maréchal Soult sera content; tout cela est parti.*

Après le dîner, l'Empereur rentra aussitôt dans son cabinet et je me trouvai seul dans le salon, avec M. de Roumiantzof et le grand-maréchal Tolstoï. Celui-ci me dit:

«Eh bien! faites-nous donc venir des marchands français, afin que les Anglais soient remplacés de suite et que nous ayons ici de vos beaux magasins.» Et le comte Roumiantzof ajouta: «Rappelez-vous, général, ce que j'ai eu l'honneur de vous dire à ce sujet: il nous faudra des denrées et nous sommes tous disposés à vous donner la préférence.» Il allait continuer lorsque l'Empereur me fit appeler dans son cabinet et me dit:

L'EMPEREUR. Je viens de lire cette vile brochure. Il faut être bien osé pour apporter un pareil ouvrage en même temps que des dépêches de cabinet. Je vous remercie de me l'avoir confiée. Dites-le à l'Empereur, mais ajoutez-lui que, loin d'y avoir ajouté de l'importance, je foule aux pieds tout ce qu'elle renferme contre lui et contre moi. J'espère qu'il me jugera assez bien pour être persuadé que je ne puis être ébranlé. Ce pamphlet dénote assez clairement les sentiments de ces messieurs, et ceux, qui à Saint-Pétersbourg l'ont reçu, sans en faire part, sont des traîtres. Nous en avons souvent parlé et je vais encore vous en entretenir.

---

rechercher tous les officiers aux gardes et parlait avec tant d'impertinence sur la paix, la Russie et l'Empereur Alexandre, qu'il avait l'air d'être venu pour hâter un événement.

Il y avait des coteries anglaises où l'on regardait ce Wilson comme un oracle. Que l'on ne s'étonne pas de cela à Paris. Il n'y a personne ici spécialement chargé de surveiller cette partie de la police. Rien n'est organisé comme chez nous [197].

(*Note de Savary.*)

Votre Empereur est plus heureux que moi; il a trouvé des hommes, et il en a beaucoup formé. Indépendamment de cela il a organisé son affaire comme bon lui a semblé. Tout le bien qui existe chez vous est son ouvrage, et quand même il n'aurait que fait cesser le mal, c'était plus que suffisant pour attacher tous les cœurs. Il a donc plus d'un droit à l'amour de sa nation.

Moi, au contraire, je n'ai pas même assez de ce qu'on appelle *hommes* chez vous, pour composer un ministère, et indépendamment de cela, j'ai trouvé mille abus à réformer, des gens en place indignes d'y être. Le règne de Catherine est celui qui a jeté le germe du mécontentement qui m'occupe. Feu l'Empereur a fait pis encore. Sous ces deux règnes, les domaines de la couronne étaient livrés à *l'exploitation* de tous ces hommes sordides que les événements d'alors ont rendus si célèbres. Sous Paul, on donnait 9,000 paysans comme une bague de diamants. Je me suis fortement prononcé contre cette manière de gouverner; je ne donne rien à ces gens-là, et en second lieu, je veux sortir la nation de cet état de barbarie dans lequel la laissait ce trafic d'hommes Je dis même plus. Si la civilisation était assez avancée, j'abolirais cet esclavage, dût-il m'en coûter la tête.

Voilà, général, le sujet des mécontentements, mais l'on a beau faire, l'on ne me fera pas changer, et vous entendrez parler de l'avertissement que je vais donner à ces messieurs *).

Je vous rends la lettre de M. Guilleminot, et vous remercie bien de la franchise de votre communication **).

Il est évident que c'est mon général qui a fait la faute. Vous voyez quels hommes j'ai à employer! Je vous demande ce que votre Empereur aurait fait à un de ses généraux qui se serait conduit ainsi? Après un instant de silence il continue:

Maintenant que nous nous connaissons, général, je vous dirai de confiance que la moindre condescendance de l'Empereur de ce côté-là fera ici un effet bien heureux. Vous devez entendre dire

---

*) Depuis ce moment M. de Kotchoubey a reçu l'ordre de remettre son portefeuille à M. Popof [198], secrétaire du cabinet, M. Novossiltzof a reçu l'ordre de voyager, et M. Orlof est venu se mettre à genoux aux pieds de l'Empereur en avouant que lord Gower lui a remis lui-même la brochure. *(Note de Savary.)*

**) Pendant l'absence de l'Empereur, M. Guilleminot avait répondu à la lettre que je lui avais écrite à la sollicitation de l'Empereur Alexandre. Elle était de nature à pouvoir lui être communiquée. Je l'ai fait. Je la joins ici. *(Note de Savary.)*

tous les jours, et l'on me le répète, que votre Empereur n'a voulu que nous endormir et m'a séduit pour gagner du temps; qu'il ne nous pardonnera pas et qu'il finira par nous donner une *tape* lorsqu'il n'aura plus besoin de nous.

Votre nation passe pour être légère, mais, à coup sûr, elle n'est pas si frivole que celle-ci. L'on tient ces propos, il est vrai, même chez les grands. Il faut que je vive au milieu de tout cela. Certainement, il est possible que l'Empereur tire encore l'épée en Europe, mais qu'il conserve un ressentiment contre nous et qu'il veuille nous donner cette tape, foi d'homme d'honneur, je ne le crois pas.

Je vous dis tout ceci d'amitié et non d'office. Observez bien que tout ce monde était accoutumé sous Catherine, dans les guerres de Potemkine, à se battre uniquement pour dépouiller les vaincus; nous sommes un peu asiatiques de ce côté-là; aujourd'hui, c'est autre chose et l'on se plaint.

Adieu, général. Venez me voir demain à onze heures et amenez-moi M. Deponthon. J'espère qu'il ira voir Cronstadt et me donnera son avis sur un ouvrage que j'ai le projet d'y faire construire *).

Le lendemain 24, je me rendis effectivement au palais pour présenter M. Deponthon à l'Empereur. M. Louis de Périgord venait d'arriver une demi-heure avant. Je profitai de l'occasion pour remettre la lettre de Votre Majesté adressée à l'Empereur Alexandre.

Avant d'en prendre lecture l'Empereur me dit: «Hier, en vous quittant, j'ai eu des nouvelles d'Odessa et de Sévastopole. Voyez Roumiantzof, pour qu'il vous montre les lettres de Richelieu [199] et de Traversay [200]. Il paraît qu'il y a du mouvement à Constantinople et que les Anglais y ont eu le dessus, puisque Sébastiani a jugé à propos d'envoyer sa famille à Odessa, où elle est arrivée. Que vous mande l'Empereur?»

RÉPONSE. Je n'ai fait que parcourir sa lettre, Sire, mais j'ai déjà vu qu'il demande instamment le départ de l'ambassadeur d'Angleterre et le rappel de celui de Votre Majesté à Londres. Il est fort mécontent de la réponse de l'Angleterre à l'offre de votre

*) L'Empereur a envoyé M. Deponthon visiter la passe des canonnières entre la côte de Finlande et Cronstadt. *(Note de Savary.)*

médiation, et voit dans cette conduite une résolution de continuer la guerre. D'ailleurs, Votre Majesté touche à l'époque de Ses engagements, et même l'on pense à Paris que, sans ce motif, celui du refus de la médiation et la violation du Danemark, cela serait plus que suffisant pour ne plus différer de rompre avec l'Angleterre.

L'EMPEREUR. Très bien. J'aurai dans tous les cas été scrupuleux au terme, et comme je vous l'ai dit, je ne veux pas donner à cela d'autre direction que celle qui convient à l'Empereur; maintenant qu'il s'est expliqué, toutes ses intentions seront remplies. Donnez-nous quelques jours pour régler les écritures, mais particulièrement, pour savoir jusqu'à quel point est fondée une nouvelle qui vient de m'être communiquée par le ministre de la marine? Voici ce que c'est: un bâtiment arrivé hier de Portsmouth annonce que, le jour de son départ, il a vu une flotte y entrer; il ajoute qu'elle était forte de 15 vaisseaux. Il pourrait se faire que cela fût vrai, mais c'est qu'alors il aurait plu à l'amiral de l'y conduire, ce que je ne puis croire. Dans tous les cas, quelque malheureux que puisse être l'échec en débutant, il ne m'arrêtera pas; mon sacrifice est fait. Mais, sans doute, que quatre ou cinq jours ne feront rien à l'Empereur et ils suffiront pour éclaircir cette mauvaise nouvelle, quoiqu'entre nous soit dit, je soupçonne fortement les Anglais de faire courir un tel bruit dans quelque dessein coïncidant avec l'esprit de cette indigne brochure *).

Voyez Roumiantzof et causez avec lui. Pouvez-vous m'envoyer le paragraphe de la lettre de l'Empereur par lequel il manifeste ses intentions? Vous ne lui direz pas que vous me l'avez montré.

RÉPONSE. Oui, Sire, je vais en faire un extrait et vous l'adresser.

L'EMPEREUR. Il ne dit rien de l'Autriche. Il n'a donc plus le projet de la faire déclarer?

RÉPONSE. Je demande pardon à Votre Majesté. Elle verra que l'Empereur en parle.

L'EMPEREUR. Peut-être lui-même me le dit-il dans sa lettre. Je vais la lire. Adieu, général.

---

*) J'ai pu remarquer l'indignation progressive que la lecture de cette brochure causait à l'Empereur et l'humeur qu'il en avait n'a pas peu contribué à hâter ce que je demandais. M. de Roumiantzof, dans la conversation qu'il avait eue avec M. de Wilson, lui a fait avouer que c'est lui qui avait apporté de Londres ces libelles.

Je sortis du cabinet de l'Empereur pour traverser la foule d'officiers qui remplissait les salons du palais, et à peine étais-je en voiture, qu'un coureur vint me dire que Sa Majesté me demandait de nouveau. Je remontai donc au château et fus de rechef introduit dans le cabinet. Je trouvai l'Empereur ayant en main la lettre de Votre Majesté, qu'il me montra en disant:

L'EMPEREUR. Pardon, général, si je vous ai fait remonter. Voici la lettre de l'Empereur. Il ne me dit rien. J'aurais voulu qu'il me parlât franchement sur cette matière, comme à vous. Entre nous deux, ce cérémonial de cour ne doit pas être de règle, et une lettre d'amitié me fera plus de plaisir. Vous voyez qu'il ne dit pas un mot de l'Autriche. Allez vite chez vous; il me tarde de savoir ce que l'on vous dit. Demain, à la parade, amenez-moi le jeune Périgord.

Rentré chez moi j'envoyai de suite à l'Empereur Alexandre l'extrait de la lettre de Votre Majesté, conforme à la copie ci-jointe *).

Le même jour, au soir, je lui fis remettre par le grand-maréchal Tolstoï le beau volume de gravures dont Votre Majesté avait chargé M. de Périgord.

En sortant de chez l'Empereur, j'avais été chez le comte de Roumiantzof et lui avais demandé de la part de Sa Majesté de me communiquer la lettre de MM. de Richelieu et Traversay, au sujet des événements de Constantinople. Il me les montra. M. de Richelieu écrit d'Odessa, en date du 10 octobre de notre calendrier:

Ministre des affaires étrangères:

«J'aime à croire que votre excellence est exactement informée «des nouveaux événements survenus à Constantinople. Nous n'en «avions ici aucune nouvelle, lorsque, tout à coup, il arriva un bâti-«ment italien portant uniquement la famille du général Sébastiani «et sa vaisselle plate. Cet ambassadeur m'écrit par le même bâti-«ment et me demande de donner un passeport à toute sa suite, «pour se rendre à Vienne, par Radzivilof. Quoique je n'aie pas «demandé l'autorisation à votre excellence j'ai pensé que notre

*) Cet extrait contenait quelques paragraphes de la lettre de Votre Majesté et de celle de M. de Champagny. J'avais des raisons de l'arranger ainsi.
(*Note de Savary.*)

«situation avec la France me ferait excuser, et non seulement j'ai «donné le passeport, mais j'ai écrit à la douane de Radzivilof afin «que l'on ait pour l'enfant et la suite de M. Sébastiani les plus «grands soins*).

«Un autre bâtiment italien est entré ce matin portant la «famille de l'internonce d'Autriche qu'il renvoie aussi à Vienne.

«Le capitaine du navire m'apprend qu'il y a eu une révo-«lution à Constantinople; que l'on a coupé des têtes, entre autres, «celle du 1er drogman, uniquement pour avoir été accusé d'avoir «rendu au général Sébastiani les délibérations du Divan, lors de «l'apparition des Anglais. Le capitaine ajoute que, peu de jours «avant son départ, on répandait le bruit qu'il était arrivé un envoyé «anglais et que l'on allait s'arranger avec eux. Si cela est, je m'at-«tends d'un jour à l'autre à voir arriver le général Sébastiani «lui-même. Je m'empresserai de vous en rendre compte, etc., etc...»

Le comte Roumiantzof me dit alors en riant: «Vous voyez, général, que l'on va être obligé d'annoncer dans les journaux que l'empire Ottoman est mort et que l'on invite les héritiers à se présenter à la succession. Au reste, nous aurons infailliblement d'autres détails, et le général Sébastiani aura écrit lui-même à votre Cour».

RÉPONSE. Oui, M. le comte, dans l'instant je viens d'en recevoir. Je sors de chez l'Empereur, qui m'envoie pour en causer avec vous.

J'entretins le comte Roumiantzof des intentions de Votre Majesté, à peu près comme j'en avais parlé à l'Empereur.

LE COMTE. Eh bien! général, à merveille! Vous savez tout ce que je vous ai dit là-dessus; nous n'attendions que le signal, le voilà donné, et vous serez content. Mais l'Empereur vous a-t-il parlé d'une nouvelle qui nous est arrivée bien mal à propos?

RÉPONSE. Oui, mais je vais vous en prouver la fausseté, parce que nous avons ici des feuilles plus fraîches que le départ du bâtiment qui est arrivé. Il y a des nouvelles de Portsmouth dans ces mêmes feuilles et il n'y est pas dit un mot de l'arrivée de votre escadre,

*) L'Empereur a fait louer M. de Richelieu pour sa conduite dans cette occasion. *(Note de Savary.)*

ce qui, cependant, ferait un article essentiel dans la circonstance. En second lieu, comment Séniavine serait-il sorti de la Méditerranée sans avoir reçu le courrier que l'Empereur lui a expédié de Tilsit? Et s'il l'a reçu, il savait positivement en quels termes la Russie en était avec la France; d'ailleurs, il n'a pas dû passer le détroit sans un ordre exprès, et en supposant même qu'il ait été à Portsmouth, il a dû expédier aussitôt un courrier à votre ministre à Londres. Or, celui-ci, qui est instruit depuis le mois de juillet, a dû faire sortir l'escadre sur-le-champ. Enfin, si elle y est, c'est qu'on a voulu l'y conduire.

LE COMTE. Je ne crois pas que Séniavine ait fait cela, mais Alopéus est capable de tout.

RÉPONSE. En ce cas, si vous êtes sûr de Séniavine, la flotte n'est pas en Angleterre, parce que, si le hasard voulait qu'il n'ait pas reçu le courrier de Tilsit, il aura eu des nouvelles de l'évacuation de Corfou de tous les points de la Méditerranée. Si on le disait à Malte, ou à Palerme, cela pourrait paraître un peu plus vraisemblable, mais dire qu'il est en Angleterre, cela n'a pas le sens commun. C'est une nouvelle anglaise venue de Copenhague. Il faut s'en méfier. Ils cherchent à suspendre votre résolution par toutes sortes de mauvais bruits et dans l'espérance d'intriguer. Si rien ne vous arrête, vous les verrez rampant dans huit jours.

LE COMTE. Je vous crois. Vous serez content, vous dis-je. Donnez-nous seulement quelques jours. Auraient-ils la flotte que, loin de nous arrêter, cet événement serait, selon moi, un motif de plus pour rompre. J'écris à Lesseps que l'Empereur veut recevoir de lui-même la lettre qu'il m'annonce avoir à me remettre au sujet du mariage du prince Jérôme, et qu'en conséquence, Sa Majesté le recevra demain [201].

Je quittai ainsi le comte Roumiantzof.

Le lendemain, dimanche 25, il y eut grande parade, où je me rendis comme de coutume. J'étais à cheval avec l'Empereur pendant que les troupes défilaient. Il me demanda quand je comptais expédier à Paris? Je lui répondis: une heure après le départ de l'ambassadeur d'Angleterre.

Après la parade il me fit appeler et demanda à voir M. Louis

de Périgord, qui lui fut présenté. En le recevant, il n'y a sortes d'expressions dont il ne se servit pour marquer son admiration du livre de gravures qu'il lui avait apporté de la part de Votre Majesté.

«J'avoue», a-t-il dit, «que je n'ai rien vu d'aussi beau. L'Empereur ne pouvait me faire plus de plaisir; ce premier volume est le commencement d'une magnifique collection» *).

M. de Périgord étant sorti, nous restâmes encore un instant dans le cabinet de l'Empereur, qui me tint la conversation suivante:

L'EMPEREUR. Vous avez vu Roumiantzof, il me l'a dit. Je vais à Gatchina. C'est demain l'anniversaire du jour de naissance de ma mère; à mon retour, toute cette besogne sera achevée et vous pourrez expédier un officier à l'Empereur.

RÉPONSE. Je n'ai rien à lui mander, Sire, avant le départ de lord Gower, et je prie Votre Majesté de ne me pas faire écrire avant de l'avoir vu partir.

L'EMPEREUR. C'est ainsi que je l'entends; nous nous verrons à mon retour.

Le mercredi 28, je reçus un billet du grand-maréchal qui me disait que l'Empereur avait à me parler et qu'il l'avait chargé de m'inviter à dîner pour le lendemain.

Le jeudi 29, je me rendis au palais impérial; avant le dîner l'Empereur me dit: *nous causerons ce soir*. Effectivement, à peine était-on sorti de table qu'il me fit appeler, et après m'avoir fait asseoir, il commença ainsi:

L'EMPEREUR. Vous pourrez écrire incessamment à l'Empereur. J'espère que tout sera bientôt fini. On fait une note pour l'ambassadeur d'Angleterre, et comme assurément il ne pourra pas y répondre, ses passeports seront tout prêts. Je vous ferai donner toutes ces pièces pour que vous les puissiez joindre à votre courrier. Je n'ai encore rien reçu de la Suède, mais je ne perds pas

*) J'ai appris que l'on travaillait dans les ateliers impériaux de Pétersbourg à achever un vase magnifique d'une production de Sibérie dont le pied et le socle seront garnis de la collection complète des pierres précieuses de toutes espèces que fournit la Sibérie. Ce vase est superbe et je vois peu de choses dans les Tuileries qui soit plus digne de décorer un palais impérial. (*Note de Savary.*)

mon temps de ce côté-là. Mes troupes marchent pendant ce délai. Il faut, cependant, que vous sachiez une chose, c'est que je ne ferai pas partir le ministre de Suède, parce que c'est un respectable vieillard qui est ici depuis nombre d'années, et qui a su s'y attacher tout le monde *). Il est naturel que je le laisse le maître de faire ce qu'il voudra, mais je rappellerai le mien sur-le-champ.

Quant à l'Autriche, je ne vois pas encore bien ce que l'Empereur désire. Je lis dans votre note que, *par des opérations combinées, nous la forcerons à se déclarer aussi.* Mais cela ne me suffit pas. Comme c'est principalement dans l'intention de le servir que je mets tant d'intérêt à cela, dites-lui de vous envoyer, ou de m'envoyer, ou enfin, de remettre à Tolstoï la déclaration qu'il veut que je fasse à l'Autriche. Je n'y changerai pas un mot, elle sera copiée littéralement. Qu'il dise de quel jour elle doit être datée, pour qu'elle concorde avec la sienne, et quel jour elle doit être remise, afin qu'elle nous guide. Je ferai donner ordre à Kourakine de s'entendre avec le général Andréossi pour cette affaire. Dites également à l'Empereur, général, que je suis informé de ce qui s'est passé à Corfou, lors de la remise de cette île, entre des officiers français et un colonel de nos chasseurs.

Peut-être le sait-il lui-même par le général Berthier, mais vous lui apprendrez que justice a été rendue et que le colonel a été renvoyé du service; de même celui de mes aides de camp qui a été jusqu'aux avant-postes du maréchal Davoût m'a rapporté que les plaintes de votre officier d'avant-garde étaient fondées, et, qu'effectivement, il y a eu des coups de carabine de tirés par deux cosaques. Comme je n'entends pas que l'on manque ainsi à l'honneur, j'ai fait casser le major qui commandait le cordon dans cette partie, et les deux cosaques ont été passés par les baguettes. Vous me ferez grand plaisir d'en informer le maréchal Davoût et ce sera me rendre service que de m'avertir de tout ce qui lui arrivera de cette nature. Il est assez singulier que la surveillance de mes avant-postes se fasse par ceux des Français. Avez-vous vu chez Roumiantzof la lettre de Richelieu?

RÉPONSE. Oui, Sire.

---

*) Le baron de Stedingk, ancien militaire, qui a servi jadis en France et qui a conservé un grand attachement pour ce pays. (*Note de Savary.*)

L'EMPEREUR. Eh bien! Cela paraît positif. Ma foi, il en arrivera ce que l'Empereur voudra. Je me ferais un scrupule de lui en parler. Vous vous rappelez ce que je vous ai dit à ce sujet. Mais comme il devine juste, votre Empereur! Il me souvient qu'à Tilsit, étant à une manœuvre, nous venions de parler de cela, lorsqu'il reçut la nouvelle de l'événement de Sélim et il me dit: «Voilà un décret de la Providence qui vient me dégager et qui me dit que l'Empire Turc ne peut plus exister». Nous causons de cela, mais ne lui en parlez pas. Je ne suis occupé que de lui prouver que je suis aussi loyal allié, que je lui ai fait noblement la guerre. Loin de nous ce temps-là!...

Croiriez-vous que Wilson a demandé à me voir? Il faut être bien impudent. Nous verrons dans quelques jours. Adieu, général.

Le samedi 31 octobre, conformément aux ordres de l'Empereur, je vis M. de Roumiantzof. Voici notre conversation.

LE COMTE. L'Empereur a dû vous dire, mon général, qu'il avait refusé de voir ce M. Wilson. Celui-ci est venu me visiter hier, et après de longues plaintes sur les changements défavorables qu'il voyait se succéder relativement à la position des Anglais en Russie, il entra en matière. Il faut vous dire d'abord que ce simple officier n'a déployé ici aucun caractère que celui de courrier, mais, cependant, notre ministre, M. d'Alopéus, me mande qu'il tient de M. de Canning lui-même que M. Wilson était chargé de faire des propositions verbales à l'Empereur Alexandre, et que si elles étaient acceptées, il n'y a nul doute que lord Gower était chargé dans ce cas de cultiver les dispositions dans lesquelles on croyait trouver ce Prince, et que, probablement, il avait reçu par Wilson même une instruction pour cette circonstance. Wilson ne manque pas d'esprit, et dans une très longue narration qu'il m'a faite hier, voici ce qn'il m'a dit et ce que l'Empereur m'a chargé de vous rendre.

C'est Wilson qui parle:

«Il n'y a rien, M. le comte, que le cabinet de Londres ne fasse pour conserver l'amitié de la Russie. Je suis particulièrement chargé de vous le dire et de vous assurer que nous ne chercherons point à vous entraîner dans une nouvelle guerre avec la France. Nous en prendrons l'engagement formel. Nous sommes résolus de

continuer la guerre seuls, ou avec d'autres alliés; elle sera longue sans doute, parce que nous sommes décidés à ne point faire la paix, avant d'avoir obtenu en Allemagne une certaine quantité de pays, comme barrière formidable entre la France et les autres puissances, de manière que l'ambition de celle-là ne trouble plus la tranquillité de l'Europe».

LE COMTE ROUMIANTZOF. Et sous quelle domination, monsieur, se propose-t-on d'établir cette barrière, et qui en aura la clef?

WILSON. Mais nous ne voulons la faire reconnaître que comme agrandissement de la Prusse et de la Russie, et ce n'est qu'à leur profit que nous en ferions l'acquisition.

LE COMTE ROUMIANTZOF. Vous n'y pensez pas. Vous voulez que nous portions notre frontière jusque vers celle de France, et vous appelez cela ne pas nous entraîner dans une nouvelle guerre. Je ne puis vraiment prolonger une discussion là-dessus...

WILSON. Nous ne demandons pas, M. le comte, autre chose que l'amitié de la Russie. Considérez bien notre situation et la vôtre: Nous ne pourrons jamais avoir de différends ensemble, puisque nous ne pouvons pas faire de conquêtes, ni nous opposer à celles qu'il vous conviendra d'entreprendre. Contents de notre puissance maritime et de l'extension de notre commerce, nous ne pouvons, au contraire, que désirer votre accroissement de puissance continentale et même, si vous avez besoin de notre secours pour y parvenir, nous sommes à vos ordres. Je suis chargé aussi de vous dire que, depuis longtemps, le bruit public annonce que vous serez mis en possession de la Valachie et de la Moldavie; l'Angleterre le verra avec plaisir et elle est prête à accéder à cette acquisition. Seulement, elle désire que ce résultat ne soit pas la suite d'un partage avec d'autres puissances, parce que nous ne voudrons jamais consentir au démembrement de l'Empire turc, mais, comme conquête, elle vous reconnaîtra tout ce que vous voudrez.

LE COMTE ROUMIANTZOF. Voilà, monsieur, des propositions auxquelles je n'étais pas préparé. Je me les rappelle très bien et je les soumettrai à Sa Majesté en lui demandant Ses ordres à ce sujet, mais je vous observerai que, dans tout ce que vous venez de m'exposer, je vois pour premier principe la guerre avec la France.

WILSON. Non, M. le comte, je vous le répète, nous ne voulons même pas nous immiscer dans vos relations avec la France, mais

soyez assuré que, quelle que soit l'intimité dans laquelle vous avez le projet de vivre avec cette puissance, vous aurez infailliblement des sujets de mécontentement de l'ambition de son Empereur, qui saura vous rencontrer, lorsqu'il le croira utile à sa gloire. Nous, au contraire, nous ne pourrons jamais vous porter ombrage. Je suis chargé de vous assurer que nous ne ferons point d'instance pour renouveler le traité de commerce que nous avions avec vous *). Nous ne demandons aucune préférence; nous ne désirons être traités que comme la France le sera. Veuillez bien, M. le comte, être persuadé de tout ce que je viens d'avoir l'honneur de vous dire, et qu'il n'y a aucun sacrifice que l'Angleterre ne fasse pour conserver l'amitié de la Russie. Je dois aussi vous avertir que l'Angleterre se propose d'attaquer sans délai et de prendre les îles Ioniennes qui ont été cédées à la France, ne voulant pas les lui laisser, à quelque prix que ce soit. Notre intention n'est pas de les garder, mais de forcer la France à vous les laisser à la paix [202].

Je restai encore seul avec le ministre et lui demandai de me répéter cette conversation, ce qu'il fit de si bonne grâce, qu'il me permit d'en prendre note dans son cabinet même.

Il ajouta:

LE COMTE. Maintenant, général, il faut que vous sachiez que j'ai porté ces propositions devant l'Empereur, et que je vous dise, qu'après en avoir conféré longtemps avec lui, il s'est vivement écrié: « *Voilà une belle occasion de prouver à l'Empereur la sincérité de mes sentiments, et combien je veux être fidèle allié.* » Et il m'a ordonné de rappeler sur-le-champ la mission de Londres, sans même laisser quelqu'un pour la garde de nos archives, parce que, dit-il, «on s'en servira pour me faire de nouvelles propositions. *Je n'attache* «*aucune importance à toutes ces paperasses, mais beaucoup à leur* «*ôter tout espoir d'intrigues.* Préparez la note et les passeports de «lord Gower, de même que la communication au Sénat, apportez-«les-moi après-demain. Je verrai le général Savary à dîner lundi; «mon intention est de les lui montrer. Faites en sorte que je sois «débarrassé de tout cela dans la semaine, afin qu'il puisse expédier «à Paris [203]. »

*) Ce traité est expiré au mois de juin dernier, vers l'époque du traité de Tilsit. *(Note de Savary.)*

Voilà, mon général, comme l'Empereur Alexandre a répondu aux propositions de l'Angleterre. Je vous en prie, faites-le connaître chez vous, et combien je vous serais reconnaissant si vous vouliez bien dire à l'Empereur que je m'estime heureux d'avoir répondu à ses désirs par une première besogne dans ce nouveau ministère!

Maintenant, parlons d'autre chose. Relisons la lettre de Richelieu au sujet de l'arrivée de M. Sébastiani, et je vais vous en montrer une que je reçois à l'instant du prince Kourakine, qui, comme vous savez, est à Vienne. Elle donne de l'importance à celle de Richelieu et jette un jour sur les événements de Constantinople. Lisez-la vous-même, je vous en prie.

Je fis lecture de cette lettre, dans laquelle le prince Kourakine s'exprime ainsi:

«Il vient d'arriver de Constantinople un tartare qui court «après l'ambassadeur turc qui est parti d'ici il y a huit jours pour «Paris. Ce tartare ayant ordre de n'aller que jusqu'à Vienne, ne «verra pas l'ambassadeur; et le chargé d'affaires turc ici n'ayant «pas voulu prendre sur lui d'ouvrir la dépêche dont il était porteur, «nous ne savons pas positivement ce qu'elle contient; mais le chargé «d'affaires dit que les têtes volent à Constantinople, et que l'on «s'est aperçu trop tard du danger qu'il y avait à se livrer à une «perfide amie comme la France. Le tartare ayant dit qu'il était «arrivé un ambassadeur anglais, il y a tout lieu de penser que ce «courrier apportait à l'ambassadeur turc, qui se rend à Paris, «l'ordre de rétrograder. Les nouvelles particulières de Constanti«nople disent la même chose.»

Lorsque j'eus achevé de lire la lettre du prince Kourakine, le comte Roumiantzof me dit:

«Vous voyez, général, que ces vilains marabouts vont s'arranger avec les Anglais; voilà pourquoi ceux-ci nous pressent tant. Mais, entre nous soit dit, croyez-vous que votre Empereur amènera les Anglais à condition? Cette descente est-elle possible? Le croyez-vous? Vous voyez que nous nous livrons».

RÉPONSE. Je suis loin de la France depuis trop longtemps pour pouvoir vous rien dire de positif là-dessus, mais pour possible, elle l'est certainement, surtout à notre Empereur. Les Anglais eux-mêmes ont fait voir qu'ils la craignaient en faisant tant d'efforts pour

nous en détourner par la coalition de l'année dernière. Quant à les amener à composition, je vous jure qu'ils ne pourraient tomber en meilleures mains que celles de l'Empereur. Nous n'avons point de jactance; c'est par des faits que nous voulons convaincre. Regardez-les faire. Soyez constants dans votre loyale résolution, et vous verrez s'il est aussi un *noble allié*. Vous devez être assuré de tout ce qu'il fera contre les Anglais, puisque ce ne sont plus des intérêts politiques qui nous mettent les armes à la main dans cette guerre, mais toute notre existence.

Après cette conversation je quittai le ministre des affaires étrangères.

Le lendemain, dimanche 1er novembre, j'étais à la parade, à cheval, auprès de l'Empereur; il me fit signe de m'approcher et me dit:

L'EMPEREUR. Roumiantzof m'a dit que vous l'aviez vu hier.

RÉPONSE. Oui, Sire, il m'a dit des choses qu'il me tarde de faire connaître à Paris.

L'EMPEREUR. Et moi aussi je voudrais qu'elles y fussent déjà. Demain venez dîner avec moi, j'espère que tout cela sera prêt, et que vous pourrez faire partir Faudras. Une fois pour toutes, disposez de mes feldjägers, quand vous n'aurez pas d'officiers. Dites à l'Empereur que l'intrigue est au comble. On voudrait nous acheter à tout prix, mais on ne m'aura pas; je mets tout à la porte, au plus vite.

RÉPONSE. Je suis assuré d'avance du plaisir que ma dépêche fera à Paris, et combien l'Empereur sera sensible aux sentiments de Votre Majesté. Il ne manquera pas de remarquer de quelle manière Elle a reçu des propositions aussi séduisantes.

L'EMPEREUR. J'en serai bien aise et me trouverai heureux de rencontrer des occasions de lui prouver la fidélité de mes engagements. A demain, général.

Dimanche soir, 1er novembre, le feldjäger russe qui avait porté à Paris les cadeaux de l'Empereur Alexandre est arrivé à Pétersbourg. Il m'a remis les dépêches de Votre Majesté des 6, 8 et 9 octobre.

Lundi 2, j'ai dîné chez l'Empereur. Le soir nous eûmes une longue conversation dans son cabinet. Il m'a remis les deux déclarations dont je joins ici copies.

Comme Votre Majesté l'aura vu par les rapports qui précèdent, l'Empereur Alexandre savait une partie des petites tracasseries de Corfou et avait déjà donné des ordres sévères pour les réprimer. J'avais donc une raison pour lui en parler. Il m'a répondu:

«L'Empereur ne s'étonnera plus de ce mauvais esprit, lorsqu'il saura que presque tous les officiers de cette flotte ont été élevés sur la flotte anglaise, que même beaucoup de capitaines de vaisseaux sont Anglais. C'est pourquoi aussi je désire entretenir dans les ports de France les jeunes gens que je destine dorénavant à la marine. Du reste, général, que l'on soit sans inquiétude là-dessus; on cause beaucoup chez nous, mais l'on n'entreprend jamais rien. Remerciez l'Empereur de tous les bons traitements que reçoivent mes troupes à Padoue; des lettres particulières nous annoncent que le bien-être, dans lequel elles sont, est encore mieux que ce que l'Empereur vous en dit.

RÉPONSE. L'Empereur attendait M. de Tolstoï pour lui faire donner connaissance de quelques mécontentements que l'on a eu de la conduite d'un petit nombre d'officiers prisonniers. Ce sont des plaintes dont l'ambassadeur de Votre Majesté fera le cas qu'elles méritent et qu'il traitera avec l'importance qu'il croira nécessaire. L'Empereur me mande aussi qu'il lui tarde de voir arriver M. de Tolstoï pour l'entretenir sur une autre matière. Il paraîtrait que les troupes de Votre Majesté, après avoir évacué Bucarest, ont reçu immédiatement l'ordre d'y rentrer et de réoccuper les pays d'où elles s'étaient retirées. Votre Majesté comprendra sans doute que les Turcs ont été fort inquiets et qu'ils ont fait parvenir leurs plaintes à Paris. L'Empereur m'ajoute qu'il attend votre ambassadeur pour s'entendre avec lui là-dessus, et il me dit positivement, qu'avec le désir qu'a Votre Majesté de tout concilier et le sien, il est impossible que toute espèce de difficultés ne puisse pas s'aplanir.

.Je me trouve avoir induit l'Empereur en erreur parce que M. de Roumiantzof m'avait dit que l'on avait ordonné à M. de Lachkaref de redresser les deux articles de l'armistice, mais que, néanmoins, l'évacuation convenue aurait lieu, parce que l'on espérait que l'intermédiaire de M. Guilleminot avait tout concilié.

Cependant, voilà cette partie à peu près dans le même état qu'avant l'armistice.

Il est probable que les premières dépêches de M. de Tolstoï entretiendront Votre Majesté sur cette matière. Je suis bien aise de lui en avoir donné avis, parce que, s'il n'avait pas d'instructions sur ce point, il serait important que Votre Majesté lui en fît parvenir de suite.

L'EMPEREUR. Cela a été prévu, général. Tolstoï a ordre de ne point insister là-dessus, parce que, si l'Empereur veut absolument que j'en passe par cet armistice, il sera satisfait, quoique, je l'avoue, il me déplaît, d'autant plus que je pouvais dicter la loi de ce côté-là, au lieu de la recevoir; mais je ne sais point faire une affaire d'une misère; j'en excepte toutefois la restitution du vaisseau turc. Séniavine me mande qu'il l'amène. Je me reprocherais de vous avoir fait écrire cette lettre à M. Guilleminot, si elle vous attirait quelque désagrément. Rappelez-vous que c'était précisément pour éviter d'en tourmenter l'Empereur que je vous l'avais demandée, parce que je supposais que cet officier pouvait faire changer les deux articles, qui n'auraient été d'aucune importance entre deux nations également civilisées, mais avec ces misérables, il faut commencer par parler haut. Je vous répéterai ensuite ce que je vous ai dit avant-hier, c'est que c'est là le beau côté que je puis offrir à la nation, qui ne revient pas d'un changement si subit, et dans lequel elle ne voit pour elle aucun avantage. Vous êtes sur les lieux et vous pouvez en juger.

Si donc l'Empereur veut nous conquérir, — non pas moi, ma religion est toute éclairée, — mais toute cette immense nation, c'est en nous donnant l'apparence d'un avantage sur les Turcs, d'ailleurs, accoutumés à nous redouter. Du reste, je vous le dis encore, il sera satisfait. Tolstoï a ordre de parler en ces mêmes termes. Dites-le à l'Empereur; je ne connais rien qui puisse de nouveau mettre le trouble entre nous deux; mais je ne crois pas qu'il intéresse sa gloire à nous faire passer sous la loi des Turcs. Je parierais qu'il ne le pense pas, et c'est un moyen dont se sert la malveillance ici. Ajoutez-lui aussi qu'un second courrier du prince Kourakine de Vienne annonce que les bruits répandus sur

Constantinople viennent d'être démentis par les rapports de M. Guilleminot, qui a passé par cette capitale, dit-on *).

J'attends maintenant des lettres de Tolstoï avec impatience.

Faites partir Faudras avec ces deux pièces (les deux notes ci-jointes) et dans trois jours, après que Gower sera parti, j'expédierai un feldjäger à Paris pour porter la même chose à Tolstoï et, en même temps, répondre longuement aux lettres aimables de l'Empereur. Je fais donner des ordres à Alopéus à Londres de passer en France ou en Hollande, parce que je crains que la route par la Suède ne me soit fermée.

Mon ministre à Stockholm m'écrit qu'il a reçu ma lettre au Roi de Suède et qu'il va la lui porter. Roumiantzof fera passer par la France le courrier qui va à Londres. J'espère que vous voudrez bien le mettre en règle, afin qu'il aille promptement et qu'il soit protégé. Il portera la même note que celle qui va être remise à Gower, et l'ordre de départ à ma mission.

RÉPONSE. Je ferai, Sire, tout ce que Votre Majesté m'ordonne et je vais en prévenir à Paris afin que, si l'on a le temps encore, on fasse donner des ordres à Calais pour son passage et l'arrivée de la mission de Votre Majesté [204].

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

ANNEXES.

I.

Extrait de la lettre de Sa Majesté l'Empereur Napoléon au général Savary en date du 16 septembre, tel qu'il a été remis à l'Empereur Alexandre.

«La Porte a accepté ma médiation et l'armistice a eu lieu. Rien ne finit avec la Prusse. Le Roi a une douzaine de plénipotentiaires à Berlin qu'il laisse sans instructions. Croirait-on qu'il y

*) La lettre de M. Guilleminot, datée de Bucarest, est du 28 septembre. Il se proposait à cette époque de partir pour Paris; or, il n'a pu avoir connaissance des faits dont M. de Richelieu rend compte dans sa lettre d'Odessa du 10 octobre. *(Note de Savary.)*

a cinq semaines qu'ils n'en ont point eu de réponse, quoiqu'ils lui écrivent tous les jours. N'ayant aucun des papiers qu'ils doivent rendre, le reste ne s'évacue pas.

Notez bien que je n'exige aucune nouvelle contribution, mais que ce sont toujours celles qui avaient été frappées avant la paix. On m'écrit d'Elbing, en date du 2 septembre, que les premiers convois de nos prisonniers ne font que rentrer; qu'en général ils se plaignent d'avoir été maltraités, même depuis la paix. Le maréchal Soult se plaint aussi de ce que de petits libelles, pareils à ceux qu'on jetait dans nos camps avant la bataille de Friedland, sont de nouveau répandus et qu'on en a jeté beaucoup parmi les prisonniers qu'on nous rend. Les Suédois nous ont cédé l'île de Rügen. On les dit au reste fort mécontents des Anglais. Je n'ai aucun moyen de traiter directement avec eux, mais je crois que l'Empereur de Russie doit trouver des moyens, moitié par voies de négociation, moitié par menaces, de les faire entrer dans la cause commune.

Je crois d'ailleurs qu'ils y sont tenus par traités. Quand vous lirez ceci, le Portugal aura déclaré la guerre à l'Angleterre.

Les Anglais sont donc chassés de partout. Ils ne m'ont rien fait dire. Je ne sais pas ce qu'ils ont répondu à l'offre de la médiation de la Russie.

Remerciez l'Empereur de ses belles fourrures et de son buste. Il faut être très en garde contre les mauvais bruits. Les Anglais soufflent le diable sur le continent. Ils disent que l'Empereur de Russie va être assassiné. Moi, ils me tuent par toutes sortes de maladies. Ils font faire la guerre à l'Autriche, etc., etc.»

II.

Lettre de l'adjudant-commandant Guilleminot au général Savary, en date de Bucarest, le 28 septembre 1807.

La lettre que votre excellence m'a fait l'honneur de m'écrire le 15 de ce mois, relativement à l'armistice conclu à Slobodzéia le 12 (24) août, vient de m'être remise.

J'ai été extrêmement sensible aux reproches qu'elle contient; mais je ne crois pas les mériter; j'ose me flatter que votre excel-

lence en demeurera convaincue, si elle daigne m'accorder un moment d'attention.

Avant de répondre aux différents paragraphes de sa lettre, je crois utile de lui observer que: 1) je ne faisais point partie dans la cause; 2) que mon rôle n'étant que celui de médiateur, je n'ai proposé, ni dû proposer, aucune condition, encore moins en dicter à personne, et que, 3) mes instructions portaient de ménager les Turcs, tout en ménageant la Russie dans les choses et dans les formes.

C'est sur les articles 2 et 4 que roulent les reproches de votre excellence, et à ce sujet, j'ai l'honneur de lui observer que ces articles ont passé, sur la proposition du plénipotentiaire turc, sans aucune espèce de discussion, sans la moindre objection de la part de M. de Lachkaref.

Mon devoir était d'aplanir les difficultés, et non de les faire naître. Cependant, je représentai à M. de Lachkaref que le terme qu'il accordait pour la durée de l'armistice me paraissait trop long; mais ce plénipotentiaire me répondit que cela n'était que plus avantageux pour son gouvernement, puisque, par ce moyen, il enchaînait les Turcs. Il a écrit, et je le sais positivement, dans le même sens à sa Cour.

Quant au 4e article de l'armistice, par lequel il est convenu qu'on se rendrait les vaisseaux pris, il n'y eut qu'une seule objection de faite, et ce fut par moi. Les Turcs exigeaient que les Russes rendissent leurs vaisseaux sans se soumettre à la réciprocité. Je demandai qu'elle eût lieu et elle fut reconnue.

A l'époque des conférences, j'ignorais complètement que l'escadre russe avait battu celle des Turcs, et que, dans cette action glorieuse pour les Russes, les Ottomans avaient perdu trois vaisseaux, dont un, de 80 canons, était tombé au pouvoir de leurs ennemis.

Quand bien même ce fait m'eût été connu, j'ose le demander à votre excellence, devais-je m'opposer à ce que M. de Lachkaref consentît à la restitution des vaisseaux pris par sa nation, surtout lorsqu'il n'y avait de sa part aucune opposition? Mon devoir eût été seulement d'appuyer ce plénipotentiaire, dans le cas où il se serait refusé à cette restitution. Il n'en fit rien, ce n'était pas à moi de le faire. Chaque fois qu'il y a eu discussion, j'ai cherché à

rapprocher les parties. J'ai souvent soutenu avec chal ur les intérêts de la Russie et la preuve en est dans les plaintes que le négociateur turc a portées contre moi à son gouvernement. Il a écrit à Constantinople que je ne parlais, que je n'agissais qu'en faveur de la Russie; qu'il éprouvait la plus grande difficulté à diriger les affaires suivant les intérêts de la Sublime Porte, et que les plus grandes contrariétés venaient de la part de l'officier chargé de la médiation de la France. Cela convaincra sans doute votre excellence que M. de Lachkaref a dû presque toujours me trouver disposé à le seconder.

Ce plénipotentiaire agissait-il contre les instructions de sa Cour en acceptant les conditions de l'armistice? C'est ce que je ne devais pas examiner, c'est ce qu'il ne m'était pas possible de croire. Je devais supposer qu'un homme de son âge, revêtu d'un pareil caractère et habitué depuis longtemps à traiter avec les Turcs, savait ce qu'il avait à faire. Tous les jours il expédiait des courriers au général en chef Michelson et tous les jours il en recevait. Les négociations avaient donc une marche conforme aux intentions de ce dernier qui, d'ailleurs, avait reçu des instructions en ma présence, par l'officier russe qui m'a accompagné de Tilsit à son quartier-général.

D'un autre côté, M. de Lachkaref instruisait aussi régulièrement sa Cour de ses opérations, et il est certain que si sa Cour avait cru devoir alors désapprouver sa conduite, elle eût eu tout le temps de le faire, avant l'échange des ratifications. Ce n'était donc pas à moi à élever des difficultés, quand la partie intéressée paraissait ne pas vouloir en faire naître.

J'en viens maintenant à ce que votre excellence exige, dans le cas où je n'aurais pas d'instructions contraires; c'est-à-dire que je détermine les Turcs à revenir de leurs prétentions; en un mot, que je rompe ce qui a été fait et signé, pour travailler sur nouveaux frais. J'ai l'honneur d'observer à ce sujet à votre excellence que, sans avoir précisément des instructions contraires, je crois devoir ne pas me rendre à ses désirs, et en voici le motif. Pendant la durée des conférences, j'ai exactement instruit le général Sébastiani de ce qui s'y passait. Ce général, loin de désapprouver ma conduite, me mandait au contraire de *continuer* à rendre aux Turcs tous les services qui étaient en mon pouvoir, et lorsque

les dites conférences furent terminées, il daigna m'écrire en ces termes: «Je reconnais tous les jours, monsieur, les effets de la bonne conduite que vous avez tenue dans la négociation de l'armistice de Slobodzéia. Je rends compte à Sa Majesté de ce que vous avez fait, d'une manière qui ne peut que vous être avantageuse, et vous donner de nouveaux droits à sa bienveillance.

Puisque j'ai reçu l'approbation de cet ambassadeur, c'est que j'ai agi dans le sens qu'il doit agir lui-même près de la Sublime-Porte. Me comporter différemment maintenant, ne serait-ce pas contrarier les opérations, et compromettre conséquemment les intérêts de notre Souverain? Je dois donc éviter toute marche qui n'aurait pas la même direction que celle que j'ai tenue. Que votre excellence soit elle-même mon juge.

Convaincu de la nécessité de ne pas prendre part à la rupture d'armistice qui semble se préparer, je vais me rendre à Paris. Si Sa Majesté décide différemment et qu'Elle m'honore de nouveau de Sa confiance, j'aurai tout le temps de venir assister aux nouvelles conférences, d'ici à ce que le négociateur turc ait reçu le pouvoir de les entamer.

Je ne me consolerais jamais d'avoir reçu des reproches de votre excellence, si je n'avais l'espoir d'obtenir son suffrage après qu'elle aura eu pris lecture de cette lettre.

GUILLEMINOT.
Adjudant-Commandant.

III.

Note du comte Roumiantzof à lord Gower, du 8 novembre 1807 [205].

L'Empereur, qui dans le cours de la guerre qu'il vient d'achever avait à se plaindre de la conduite de l'Angleterre à son égard, subordonnait ses justes ressentiments à la pensée consolante que la paix qu'il venait de conclure devait amener la paix générale.

Il s'était constitué médiateur; il avait ensuite offert sa médiation, en prévenant Sa Majesté Britanique que son désir était de lui procurer une paix honorable. L'Angleterre rejeta ses offices.

Il semblait qu'il entrait dans ses vues de ne pas laisser éteindre les feux de la guerre, mais de la rallumer dans le Nord par un événement subit et nouveau.

Les flottes de Sa Majesté Britannique, ses armées, vinrent commettre sur le Danemark un acte dont l'histoire n'offre aucun exemple.

L'Empereur, qui, du su de l'Angleterre, était un des garants de la tranquillité de la Baltique, qui est une mer fermée, l'Empereur, qui n'avait été prévenu de rien, ne dissimula pas son ressentiment et, dans une seconde note remise à lord Gower, prévint l'Angleterre qu'il ne se proposait pas de rester tranquille spectateur de ce qui venait d'arriver à un Roi, son parent et son ami.

L'Empereur ne prévit pas, il le confesse, qu'après cette déclaration l'Angleterre lui ferait l'offre de se charger de faire entendre au Danemark qu'il était de son intérêt de supporter ce qui venait de lui arriver et de rendre la Russie garante que la Grande-Bretagne pouvait en toute sûreté posséder ce qu'elle venait de ravir.

Le Prince Royal de Danemark n'avait pas ratifié la convention de Copenhague. Aux secondes propositions qui viennent de lui être faites, il a encore exposé à Sa Majesté Impériale, combien il était irrité par ce nouveau procédé du ministère britannique à son égard.

L'Empereur, touché de la confiance que le Prince Royal plaçait dans son amitié, ayant considéré ses propres griefs contre l'Angleterre, ayant mûrement examiné les engagements qu'il avait avec les puissances du Nord, pris par l'Impératrice Catherine et feu S. M. l'Empereur, tous deux de glorieuse mémoire, s'est décidé à les remplir.

Aussi, Sa Majesté charge-t-Elle le soussigné de déclarer à son excellence lord Gower, ambassadeur de Sa Majesté Britannique, que Sa Majesté Impériale rompt toute communication avec l'Angleterre. Sa Majesté Impériale rappelle toute la mission qu'Elle y avait et ne veut pas conserver près d'Elle celle de Sa Majesté Britannique. Il n'y aura dorénavant entre les deux pays aucun rapport.

L'Empereur déclare qu'il annule et pour toujours tout acte conclu précédemment entre la Grande-Bretagne et la Russie, et nommément, la convention faite le 5 (17) juin 1801. Il proclame

de nouveau les principes de la neutralité armée, ce monument de la sagesse de l'Impératrice Catherine, et s'engage de ne jamais déroger de ce système.

Il demande à l'Angleterre de satisfaire complètement ses sujets sur toutes leurs justes réclamations de vaisseaux et de marchandises, saisies et retenues contre la teneur expresse des traités, conclus sous son propre règne.

L'Empereur prévient que rien ne sera rétabli entre la Russie et l'Angleterre que celle-ci n'ait satisfait le Danemark.

L'Empereur s'attend à ce que Sa Majesté Britannique, au lieu de permettre à ses ministres, comme Elle vient de le faire, de répandre de nouveaux germes de la guerre, n'écoutant que Sa propre sensibilité, se prêtera à conclure la paix avec S. M. l'Empereur des Français, ce qui étendrait, pour ainsi dire, à toute la terre les bienfaits inappréciables de la paix.

Lorsque l'Empereur sera satisfait sur tous les points qui précèdent et nommément, sur celui de la paix entre la France et l'Angleterre, sans laquelle aucune partie de l'Europe ne peut pas se promettre une véritable tranquillité, Sa Majesté Impériale reprendra alors volontiers avec la Grande-Bretagne les relations d'amitié que, dans l'état de juste mécontentement où l'Empereur devait être, il a peut-être conservées trop longtemps.

Le soussigné, s'étant acquitté des ordres de l'Empereur, son maître, prie son excellence M. l'ambassadeur de faire parvenir sans délai à la connaissance du Roi, son Souverain, le contenu de cette lettre.

Le comte N. Roumiantzof.

IV.

DÉCLARATION [206].

Plus l'Empereur attachait de prix à l'amitié de Sa Majesté Britannique, plus il a dû voir avec regret que ce monarque s'en éloignait tout à fait.

Deux fois l'Empereur a pris les armes dans une cause, où l'intérêt le plus direct était celui de l'Angleterre. Il a sollicité en vain qu'elle coopérât au gré de son propre intérêt; il ne lui de-

mandait pas de joindre ses troupes aux siennes; il désirait qu'elle fît une diversion. Il s'étonnait de ce que, dans sa propre cause, elle n'agissait pas de son côté. Mais froide spectatrice du sanglant théâtre de la guerre qui s'était allumée à son gré, elle envoyait des troupes attaquer Buenos-Ayres; une partie de ses armées, qui paraissait destinée à faire une diversion en Italie, quitta finalement la Sicile, où elle s'était assemblée. On avait lieu de croire que c'était pour se porter sur les côtes de Naples; l'on apprit qu'elle était occupée à essayer de s'approprier l'Egypte.

Mais ce qui toucha sensiblement le cœur de Sa Majesté Impériale, c'était de voir que, contre la foi et la parole expresse et précise des traités, l'Angleterre tourmentait en mer le commerce de ses sujets et à quelle époque? Lorsque le sang des Russes se versait dans des combats glorieux, qui retenaient et fixaient contre les armées de Sa Majesté Impériale toutes les forces militaires de S. M. l'Empereur des Français, avec qui l'Angleterre était et se trouve encore en guerre.

Lorsque les deux Empereurs firent la paix, Sa Majesté, malgré ses justes griefs contre l'Angleterre, ne renonça pas encore à lui rendre service; Elle stipula dans le traité même qu'Elle se constituerait médiatrice entre elle et la France; ensuite, Elle fit l'offre de sa médiation au Roi de la Grande-Bretagne; Elle le prévint que c'était afin de lui obtenir des conditions honorables. Mais le ministère britannique, apparemment fidèle à son plan, qui devait relâcher et rompre les liens de la Russie et de l'Angleterre, rejeta la médiation.

La paix de la Russie avec la France devait préparer la paix générale. Alors l'Angleterre quitta subitement cette léthargie apparente, à laquelle elle s'était livrée; mais ce fut pour jeter dans le Nord de l'Europe de nouveaux brandons qui devaient rallumer, alimenter les feux de la guerre, qu'elle ne désirait pas voir s'éteindre.

Ses flottes, ses troupes parurent sur les côtes du Danemark, pour y exécuter un acte de violence dont l'histoire, si fertile en exemples, n'en offre pas un seul de pareil.

Une puissance tranquille et modérée, qui par une longue et inaltérable sagesse avait obtenu dans les cercles des monarchies une dignité morale, se voit saisie, traitée, comme si elle méditait

la ruine de l'Angleterre, le tout pour justifier sa totale et prompte spoliation.

L'Empereur, blessé en sa dignité, dans l'intérêt de ses peuples, dans ses engagements avec les Cours du Nord, par cet acte de violence commis dans la mer Baltique, qui est une mer fermée dont la tranquillité avait été depuis longtemps et du su du gouvernement de Saint-James réciproquement garantie par les puissances riveraines, ne dissimula par son ressentiment à l'Angleterre et la fit avertir qu'il n'y resterait pas insensible.

Sa Majesté ne prévit pas que, lorsque l'Angleterre ayant usé de ses forces avec succès, touchait au moment d'enlever sa proie, elle ferait un nouvel outrage au Danemark et que Sa Majesté devait le partager.

De nouvelles propositions furent faites, les unes plus insidieuses que les autres, qui devaient rattacher à la puissance britannique le Danemark soumis, dégradé et comme applaudissant à ce qui venait de lui arriver. L'Empereur prévit encore moins qu'on lui ferait l'offre de garantir cette soumission et de répondre que cette violence n'aurait aucune suite fâcheuse pour l'Angleterre. Son ambassadeur crut qu'il était possible de proposer au ministère de l'Empereur que Sa Majesté Impériale se chargeât de se faire l'apologiste et le soutien de ce qu'Elle avait si hautement blâmé.

L'Empereur ne donna à cette démarche du cabinet de Saint-James d'autre attention que celle qu'elle méritait et jugea qu'il était temps de mettre des bornes à sa modération.

Le Prince Royal de Danemark, doué d'un caractère plein d'énergie et de noblesse, et ayant reçu de la Providence une dignité d'âme analogue à la dignité de son rang, avait fait avertir l'Empereur que, justement outré de ce qui venait de se passer à Copenhague, il n'en avait pas ratifié la convention et la regardait comme non avenue [207].

Maintenant, il vient de faire instruire Sa Majesté Impériale des nouvelles propositions qu'on lui a faites et qui irritaient sa résistance au lieu de la calmer, parce qu'elles tendaient à imprimer sur ses actions le cachet de l'avilissement dont elles ne porteront jamais l'empreinte.

L'Empereur, touché de la confiance que le Prince Royal plaçait en lui; ayant considéré ses propres griefs contre l'Angleterre;

ayant mûrement examiné les engagements qu'il avait avec les puissances du Nord, engagements pris par l'Impératrice Catherine et par feu S. M. l'Empereur, tous deux de glorieuse mémoire, s'est décidé à les remplir.

Sa Majesté Impériale rompt toute communication avec l'Angleterre. Elle rappelle toute la mission qu'Elle y avait et ne veut pas conserver près d'Elle celle de Sa Majesté Britannique. Il n'y aura dorénavant entre les deux pays aucun rapport.

L'Empereur déclare qu'il annule et pour toujours tout acte conclu précédemment entre la Grande-Bretagne et la Russie et nommément, la convention faite en 1801, le 5 (17) du mois de juin.

Il proclame de nouveau les principes de la neutralité armée, ce monument de la sagesse de l'Impératrice Catherine, et s'engage à ne jamais déroger à ce système.

Il demande à l'Angleterre de satisfaire complètement ses sujets sur toutes leurs justes réclamations de vaisseaux ou de marchandises, saisies ou retenues, contre la teneur expresse des traités, conclus sous son propre règne.

L'Empereur prévient que rien ne sera rétabli entre la Russie et l'Angleterre que celle-ci n'ait satisfait le Danemark.

L'Empereur s'attend à ce que Sa Majesté Britannique, au lieu de permettre à ses ministres, comme Elle vient de le faire, de répandre de nouveaux germes de la guerre, n'écoutant que Sa propre sensibilité, se prêtera à conclure la paix avec S. M. l'Empereur des Français, ce qui étendrait, pour ainsi dire, à toute la terre les bienfaits inappréciables de la paix.

Lorsque l'Empereur sera satisfait sur tous les points qui précèdent, et nommément, sur celui de la paix entre la France et l'Angleterre, sans laquelle aucune partie de l'Europe ne peut pas se promettre une véritable tranquillité, Sa Majesté Impériale reprendra alors volontiers avec la Grande-Bretagne des relations d'amitié que, dans l'état de juste mécontentement où l'Empereur devait être, il a peut-être conservées trop longtemps.

Fait à Saint-Pétersbourg, l'an 1807, le 7 novembre.

59.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 4 novembre 1807.

Monseigneur, la lettre ci-jointe du 21 octobre était écrite et je n'attendais pour la faire partir que le retour de l'Empereur de Russie de son armée. Le 24 octobre, M. Louis de Périgord est arrivé et m'a remis vos dépêches du 27 septembre. Je dois avouer à votre excellence que les éloges contenus dans les premières pages ne compensent pas, à beaucoup près, la peine que j'ai éprouvée en lisant les reproches qui se trouvaient dans les suivantes. Je ne me dispenserai pas d'y répondre, parce qu'en revoyant les rapports et les dépêches qu'a portés M. de Saint-Chamand à Paris, je ne trouve aucun motif de blâme, où votre excellencè paraît en avoir vu plusieurs.

Vous m'adressez un premier reproche, parce que j'ai fait expliquer l'Empereur Alexandre sur les affaires de Dantzig.

Je prie votre excellence de vouloir bien observer, qu'à cette époque, je n'avais encore aucune nouvelle de Paris, ni de l'armée française; que dans l'état d'oubli et d'isolement, où je me trouvais, je voyais chaque jour la jactance anglaise hausser le ton dans les salons, et le parti qui nous est contraire s'armer de l'événement de Dantzig pour me combattre. Les détails, dans lesquels on entrait, ne me permettaient pas de douter qu'il n'y eût des communications de Memel à ce sujet, puisqu'on citait le général Rapp de toutes les manières. Votre excellence jugera elle-même que le temps de donner cet avis à Paris et d'en attendre la réponse aurait laissé à la malveillance celui de faire bien du chemin. L'arrivée subite d'un courrier du Roi de Prusse hâta l'explication. Ce courrier apportait toutes les pièces relatives à cette affaire des commissaires de Dantzig et à la querelle de Kœnigsberg. L'Empereur m'a remis ces dernières, les regardant comme *bonnes à rien*, et je vous les adresse. Le résultat de l'explication que j'ai provoquée de la part de l'Empereur et que l'on désapprouve, c'est de m'avoir convaincu que *tout ce qui concerne la Prusse est devenu fort indifférent ici;* mais encore fallait-il une occasion, comme celle que j'ai saisie, pour savoir cela [208].

M. de Saint-Chamand, qui m'était envoyé par le maréchal Soult, arriva vers cette époque. Si sa mission devait être le sujet d'un reproche, j'étais loin de penser que ce serait à moi qu'il s'adresserait; mais j'y répondrai. Je n'avais alors encore aucune nouvelle de Paris; je n'avais reçu aucune instruction qui pût me guider. Pouvais-je me dispenser de remettre à l'Empereur de Russie la lettre d'un maréchal d'Empire, commandant l'armée, qui lui était adressée? Pouvais-je, ensuite, lui cacher celle que j'avais reçue et les pièces qui l'accompagnaient, quand cela seul était le motif de la mission de M. de Saint-Chamand? Cependant, je n'en ai point fait l'objet d'une communication directe avec l'Empereur. Je me suis contenté d'envoyer le tout à son grand-maréchal le comte de Tolstoï, qui l'a montré à ce Prince. Le hazard a voulu que l'Empereur eût déjà reçu deux avis semblables de différentes sources, et voilà ce qui a donné plus d'importance à la mission de M. de Saint-Chamand, mission qui, au reste, m'a beaucoup déplu par sa nature. Mais, je le demande à votre excellence, quels reproches plus graves et surtout plus justes n'aurais-je mérités, si le motif de cette communication du maréchal Soult eût été bien fondé et si elle eût été suivie de l'événement dont je ne parle pas...? Il était permis de se livrer à l'inquiétude en voyant ce qu'avait d'effrayant alors le tableau de Pétersbourg; et d'ailleurs, tout ce qui est venu depuis à la connaissance de l'Empereur Napoléon sur ce sujet et tout ce que j'ai appris prouve suffisamment que les reproches que j'ai reçus étaient au moins prématurés et que je n'ai pas eu si grand tort d'entretenir l'Empereur Alexandre de choses qui le touchaient d'aussi près.

Au surplus, je prie votre excellence de distinguer à l'avenir les conversations privées dont l'Empereur de Russie m'honore d'avec les communications dont je suis directement chargé. Les premières sont uniquement de confiance; et si je me suis fait un devoir de les rapporter aussi fidèlement, c'est que je m'en suis fait un de ne pas donner à l'Empereur d'autre opinion sur la Cour de Russie que celle qu'il se fera lui-même, en lisant la narration exacte de tout ce que l'on me dit, dans les choses d'intérêt particulier ou d'intérêt général. Votre excellence peut observer que tout ce que je dis dans ces conversations est de peu d'importance, puisque cela peut être désavoué; mais il n'en est pas de même de ce que l'on

me répond, et je crois bien faire en allant toujours au devant de ce que l'on ne me dirait certainement pas, sans mes provocations indirectes. D'ailleurs cette manière m'a réussi, puisqu'elle m'a valu la confiance du Prince dont je dois chercher à connaître les dispositions, afin d'entretenir en lui celles qui nous sont favorables. Je prie encore votre excellence de considérer que, n'étant ni ambassadeur, ni ministre, je n'ai pas même, pour communiquer officiellement et dans les formes, le droit que peut avoir un simple chargé d'affaires. Sans cette même confiance que j'ai acquise par les communications franches dont on semble me faire un reproche, je ne serais d'aucune utilité à l'Empereur. L'arrivée d'un courrier serait pour moi embarrassante et gênerait ma marche, si je ne trouvais le moyen de communiquer à l'Empereur ce que l'on m'écrit ou, au moins, un extrait des lettres que je reçois [209]. Le caractère de l'Empereur Alexandre n'admet pas de demi-confiance. J'ai pu remarquer qu'il prenait de l'ombrage de la moindre réticence de ma part, lorsqu'il me demande quelles nouvelles j'ai de Paris; qu'au contraire, j'augmentais sa confiance, en lui en montrant une, toute entière.

La lettre de votre excellence, qui était chiffrée, est celle qui a dû le plus m'affecter. J'aurais été sensible à ce que vous prissiez la peine de me l'écrire vous-même, au lieu de la confier à ses secrétaires auxquels il est permis de croire, que j'ai pu être assez inconséquent pour m'attirer les reproches que vous me faites, tandis que la chose qui, en est le motif, est si simple et si ordinaire, que je ne lui trouve pas même de place dans une dépêche officielle. Je m'explique assez longuement à ce sujet dans une lettre d'amitié que j'écris au grand-maréchal Duroc, parce que j'espère qu'elle sera lue par l'Empereur. Je n'ai jamais ignoré, monseigneur, que *rien n'est plus sacré que tout ce qui a rapport à la vie privée d'un Souverain.* L'Empereur, heureusement pour moi, ne peut pas me faire un reproche à ce sujet, semblable à celui que contient votre lettre chiffrée.

Pour répondre à la partie de cette lettre relative au secrétaire qui est avec moi, je me contenterai de dire à votre excellence que je crois ma confiance bien placée dans une personne dont l'Empereur lui-même a fait choix, en la désignant pour m'accompagner, lorsque Sa Majesté m'envoya en Russie; je veux parler de M. Lelorgne [210], attaché à la Secrétairerie d'Etat. Je dois, au reste,

tranquilliser votre excellence, en l'assurant qu'il n'y a eu aucune indiscrétion de commise et que ce qu'elle paraît craindre ne saurait arriver. Jamais d'autres lettres que les miennes ne parleront des affaires que l'Empereur seul doit connaître.

Les officiers qui sont avec moi sont polis, mais ne rendent pas trop de déférence aux personnes qui ne voudraient pas leur en rendre. Ils ont de trop beaux souvenirs, précisément, parce qu'ils sont en Russie, pour baisser la tête.

La lettre de votre excellence en date du 17 septembre, en me faisant grand plaisir, m'avait consolé des désagréments de ma position. A une distance de 900 lieues on a quelque besoin d'être soutenu et encouragé. Ce qui m'a le plus fâché dans vos dernières lettres, c'est le paragraphe qui m'annonce que je ne serai pas rappelé aussitôt que je le désire. Je connais mon devoir et je sais obéir; mais il est bon que vous sachiez que je bois ici le calice de l'amertume jusqu'à la lie. Je m'en explique avec le grand-maréchal Duroc. J'ai tellement respecté les moments de l'Empereur, pour tout ce qui m'était personnel, que je n'ai jamais voulu en écrire. J'ai chargé M. de Montesquiou de dire tout ce que lui-même a vu d'assez près ici, si on l'interroge.

Je prévois encore des reproches dans les réponses qui m'arriveront aux courriers de MM. Berthémy et Montesquiou. J'en mériterai peut-être encore par les dépêches que porte aujourd'hui M. de Faudras, mais je n'y changerai rien, parce que je dois rendre compte de tout ce que j'ai fait et dit, au risque d'être désapprouvé. Je vois Pétersbourg des bords de la Néva et votre excellence ne la voit à Paris que des bords de la Seine. Elle devrait s'en rapporter davantage à moi et croire que je sais juger ce qui est convenable et ce qui ne l'est pas.

Je passe maintenant aux objets d'intérêt général sur lesquels votre excellence m'a transmis les instructions de l'Empereur.

Le premier, le plus important, c'est sans doute ce qui concerne le renvoi de Pétersbourg de l'ambassadeur d'Angleterre et le rappel du ministre russe qui est à Londres. Ces deux choses sont faites. La déclaration aux Cours de l'Europe est rédigée et s'imprime déjà et les passeports de lord Gower et de toute sa mission lui seront envoyés d'ici à vingt-quatre heures. Je crois pouvoir espérer que l'Empereur sera satisfait du triomphe qu'il a obtenu ici. Ce triomphe

est le résultat manifeste des bonnes dispositions dans lesquelles l'Empereur Alexandre est toujours à l'égard de son allié.

La Russie fait vis-à-vis de la Suède ce que l'Empereur désirait. On a commencé par les voies de négociation, on continuera par des menaces. Les moyens s'avancent et se préparent vers la frontière de Finlande.

La lettre de votre excellence ne disait rien d'assez positif au sujet de la démarche combinée à faire vis-à-vis de l'Autriche, pour que je puisse à mon tour annoncer un résultat *positif*. J'ai seulement préparé les choses; et ce que le cabinet de Saint-Cloud fera dans cette circonstance indiquera la conduite que devra tenir le cabinet de Pétersbourg. Les bonnes dispositions de l'Empereur de Russie s'étendent à tout ce que peut lui demander l'Empereur Napoléon.

Il est arrivé ici, par la voie d'Odessa et de Sévastopol, des nouvelles de Constantinople qui annoncent un nouveau changement dans le système politique du Divan. On parle de l'arrivée d'un ministre anglais, et il paraît que cet agent aurait réussi à opérer une révolution qui, comme toutes celles de l'Orient, a fait tomber des têtes.

J'ai appris par M. de Roumiantzof qu'il avait écrit, à tous les agents russes diplomatiques et de commerce résidant en pays étrangers, une circulaire, par laquelle il leur enjoint de vivre dans la plus étroite intelligence et dans les termes de la plus intime amitié avec les agents français [211].

J'annonce à votre excellence l'arrivée ici depuis trois jours du feldjäger russe, qui m'a apporté sa lettre du 9 octobre. J'en remercie votre excellence; cette lettre ne pouvait m'arriver plus à propos. Elle était heureusement de nature à être communiquée en grande partie à l'Empereur de Russie, et j'ai été témoin de son émotion quand il a lu le paragraphe où il est dit que ce n'est qu'avec la Russie que la France veut avoir une *alliance éternelle et contre tout ennemi*. De pareilles lettres m'aident à faire bien des choses.

On attend ici M. de Laforest avec impatience. La réputation qui le précède fait espérer qu'il sera parfaitement accueilli et qu'il réussira ici.

SAVARY.

P.-S.—Je ne puis trop me louer de M. de Lesseps et je dois ajouter que ce serait une grande justice, en même temps qu'un bienfait, de venir à son secours. Je le trouve ici dans un grenier presque sans meubles, et s'il n'avait pas ma table, il serait vraiment mal. Ne pourrait-on pas insinuer au commerce de Lyon et à celui de Bordeaux, auxquels il consacre ici son temps et tous ses soins, qu'ils se réunissent pour acheter au Consulat de France une petite maison qu'ils feraient meubler? Je suis témoin des pertes que M. de Lesseps a éprouvées, lorsqu'il a été obligé de quitter la Russie à l'époque de la guerre. M. de Lesseps mérite, indépendamment d'une bienveillance toute particulière, qu'on ne le laisse pas vivre dans cet état de parcimonie.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

60.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 4 novembre 1807.

Monseigneur, vos reproches m'ont vraiment fait beaucoup de mal, parce que je ne les avais pas mérités.

Maintenant, il y aurait de l'ingratitude à ne pas me savoir gré de ce courrier-ci. J'en suis tout fier, quand je considère combien l'état actuel des choses est différent de ce qu'il était à mon arrivée. Il y avait certainement les douze travaux d'Hercule à faire.

J'ai continué l'œuvre en faisant chasser séance tenante M. de Kotchoubey et M. de Novossiltzof. Maintenant, que M. de Laforest arrive et qu'il ait bonne maison; tout ira comme on le voudra et sans secousses.

Pour moi, j'ai mille raisons de désirer ne rester ici que le temps nécessaire pour bien informer M. de Laforest de tout ce que j'y ai vu et l'installer. Après cela, un autre rôle me compromettrait tout à fait ici, où je ne suis pas, comme il convient que je sois. Je m'en explique avec le maréchal Duroc.

SAVARY [212].

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

61.

Napoléon à Savary.

Fontainebleau, 7 novembre 1807.

Monsieur le général Savary, Caulaincourt partira dans trois jours, mais je ne veux pas perdre un moment à vous expédier un courrier pour vous faire connaître que M. de Tolstoï m'a remis hier ses lettres de créance à Fontainebleau[213]. Il a été ensuite présenté à l'Impératrice et aux princes et princesses. Il a dîné, selon l'usage, chez le grand-maréchal. Le soir, il a assisté au spectacle. Je l'ai fait inscrire du voyage de Fontainebleau et fait loger au palais, où il a couché et où il restera tout le temps que j'y resterai. J'ai porté toute la journée le cordon de l'ordre de Saint-André. La manière dont on l'a traité a déjà excité des réclamations de quelques membres du corps diplomatique. On leur a répondu que ce n'était que la réciprocité du traitement qui était fait à mon envoyé à Saint-Pétersbourg. M. de Tolstoï m'a remis, dans l'audience que je lui ai donnée aujourd'hui, la lettre particulière de l'Empereur et la vôtre. J'ai causé plus d'une heure avec lui sur différents objets[214]. Nous sommes convenus qu'il écrirait au prince de Kourakine et que je lui remettrais un projet de note pour décider la cour de Vienne à déclarer la guerre à l'Angleterre. Je lui ai parlé franchement des affaires de Constantinople relativement à la Russie, en lui faisant comprendre que tout ce qui pouvait resserrer nos liens me convenait; que le monde était assez grand pour nos deux puissances; qu'il fallait toujours s'entendre et ne donner lieu à aucun sujet de refroidissement; que je pensais que la Russie réunissait des troupes pour marcher contre la Suède, si cette puissance refusait de faire cause commune avec le continent; que, quant à moi, mes troupes étaient sur les frontières du Portugal et allaient y entrer.

M. de Tolstoï m'a beaucoup parlé de l'évacuation de la Prusse. Je lui ai dit que je la désirais aussi, mais que les Prussiens ne finissaient rien; que je m'attendais que des arrangements allaient enfin avoir lieu et que cela ne tarderait pas. J'ai ajouté que, d'ailleurs, il entrait sans doute dans la politique de la Russie de garder la Valachie et la Moldavie; que, si tel était le projet de la Russie,

il était de compensation que je gardasse quelques provinces de la Prusse; que, si la Russie avait des idées plus étendues sur l'Empire de Turquie, il fallait que M. de Roumiantzof lui envoyât des instructions plus précises; que, quant à moi, je voulais tout ce qui pourrait resserrer nos liens.

Quant à l'escadre russe, voici les nouvelles les plus récentes que j'en aie. Je vous envoie en original la lettre du ministre de la marine. Il paraît que cette escadre a positivement passé devant Cadix, le 19 octobre. Je regrette que l'amiral ne soit pas entré dans ce port, puisque les Anglais n'étaient pas en force pour l'en empêcher, vu que mon escadre était prête à appareiller pour le secourir.

Du moment que j'aurai d'autres nouvelles, je m'empresserai de les envoyer à Saint-Pétersbourg. M. de Tolstoï ne m'a pas paru, du reste, connaître toutes les intentions de l'Empereur. J'espère qu'il aura été content. Il est nécessaire qu'on lui écrive et qu'on lui fasse connaître tout ce que l'on veut. Je suppose que, si la Suède fait la folie de vouloir résister, la Russie n'aura pas besoin qu'une division française et danoise passe en Norvège pour l'appuyer.

Je suppose que Caulaincourt sera rendu à Saint-Pétersbourg pour le 5 décembre.

En revenant aux affaires de Prusse, M. Daru a eu la bêtise de demander les places de Graudenz et de Kolberg en otage. Il a fait cette demande de son propre mouvement. J'ai déclaré que je ne rendrai pas les places de Küstrin et Glogau, que les contributions ne soient entièrement payées. Du reste, le corps du maréchal Soult et une grosse cavalerie passent l'Oder; mes troupes s'approchent tous les jours davantage et se concentrent sur l'Allemagne [215].

NAPOLÉON.

Au moment même, arrive un courrier de Vienne. L'Empereur d'Autriche a pris le parti de déclarer la guerre à l'Angleterre. A cet effet un courrier se rend par Calais auprès de M. de Stahremberg pour lui porter l'ordre de déclarer que, si l'Angleterre ne remet pas les choses à Copenhague dans l'état où elles étaient, il quittera Londres sous vingt-quatre heures [216]. Même déclaration a été faite à M. Adair, à Vienne. Il serait honteux pour la Russie, après un évé-

nement qui la touche de si près, d'être restée en arrière; mais j'espère que lord Gower est déjà chassé. M. de Champagny vous écrit en détail sur cette affaire.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

62.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 8 novembre 1807.

Monsieur, le comte de Tolstoï, ambassadeur de S. M. l'Empereur de Russie, est arrivé à Paris. Du moment où il m'a annoncé son arrivée, je me suis empressé de le recevoir, et deux jours après, il a eu de Sa Majesté une audience, dans laquelle il a eu l'honneur de Lui présenter ses lettres de créance. Cette audience, qui a eu lieu le 6 de ce mois, a été remarquable par la grâce et la bonté avec laquelle Sa Majesté a reçu l'ambassadeur de Russie. On a remarqué l'attention délicate qui a porté l'Empereur à mettre sur son habit le cordon de Saint-André, qu'il a gardé toute la journée, et la Cour, ainsi que le public de Fontainebleau qui est admis au spectacle de la Cour, ont fait, le soir, lors de la représentation, une grande attention à ce témoignage public et distingué de la considération de l'Empereur Napoléon pour l'Empereur Alexandre.

Après le spectacle, M. de Tolstoï a été admis au cercle particulier de l'Impératrice, ce qui n'est pas l'usage à l'égard des ambassadeurs, ni des étrangers, et a eu l'honneur de faire la partie de Sa Majesté. Il a occupé l'appartement qu'on lui avait préparé au palais et il jouit de tous les privilèges de la Cour, est admis au lever, et ce matin il a suivi l'Empereur à la messe. Cela excite la jalousie des autres ambassadeurs, et plusieurs ont déjà fait entendre quelques plaintes; on leur répond, en leur parlant des bontés dont l'Empereur Alexandre vous a comblé.

M. de Tolstoï, dans cette première audience qu'il a eue de l'Empereur, a été un peu intimidé, comme doit l'être un homme d'un sens droit qui paraît pour la première fois devant un grand

homme, d'un génie si supérieur; mais le ton de bonté et d'affabilité de l'Empereur l'a bientôt rassuré.

Ce jour même j'ai eu avec M. l'ambassadeur de Russie un très long entretien [217]. Je lui ai annoncé les dispositions que l'Empereur avait faites en faveur des troupes russes de Cattaro et de Corfou, comment on avait pourvu à tous leurs besoins, et la satisfaction qu'on avait en général de leur conduite; je l'ai engagé à terminer quelques petites difficultés qui se sont élevées à Corfou au sujet des magasins et à écrire pour qu'il fût nommé un commissaire russe qui, d'accord avec un commissaire français, ferait l'estimation de toutes les munitions appartenantes à la Russie, afin que, remises aux Français, leur valeur entrât dans le décompte qu'on pourrait être dans le cas de faire, de part et d'autre. Il a senti l'utilité de cette mesure pour son pays. Je vous inviterais à en parler, si je prévoyais que cela pût souffrir la moindre difficulté.

Je lui ai fait connaître les avis donnés par l'Empereur à Madrid, à Cadix, pour la sûreté de la flotte russe; je l'ai invité à les renouveler et je lui en ai fourni l'occasion.

J'avais commencé la conférence par lui parler de l'hôtel que l'Empereur lui avait destiné et qui doit être donné par Sa Majesté à la Russie; il a paru sensible à cette attention et m'a dit qu'il ne pouvait l'accepter sans la permission de son Souverain; je l'ai engagé à s'y établir provisoirement, en lui disant que l'Empereur serait toujours bien aise de lui avoir sauvé le très grand embarras qu'on éprouve à se loger dans peu de jours, lorsqu'on vient de si loin.

Enfin, je lui ai exposé notre situation politique. Je la lui ai fait connaître sans aucun voile; je lui ai parlé de nos dernières mesures à l'égard du Portugal; je lui ai montré le traité avec le Danemark; je l'ai instruit des démarches faites auprès de la Cour de Vienne, et enfin, je l'ai entretenu des projets communs de la France et de la Russie, qui datent de Tilsit et dont l'exécution est bien prochaine. Il n'avait rien à nous apprendre à cet égard. Ces notes échangées entre le cabinet de Saint-Pétersbourg et l'ambassadeur d'Angleterre que vous avez envoyées à l'Empereur étaient les derniers actes dont il eût connaissance.

Dans cette conférence M. l'ambassadeur de Russie ne m'a paru s'attacher qu'à un seul point, auquel il paraissait prendre un très

vif intérêt: c'est l'évacuation de la Prusse par les armées françaises. Il y est revenu plusieurs fois et avec chaleur; sûrement il remplissait un devoir qui lui avait été imposé par son Souverain; mais de son aveu, le séjour qu'il avait fait à Mémel rendait ce devoir plus sacré pour lui et lui faisait désirer plus vivement le succès de sa démarche.

Il m'a aussi entretenu du départ des prisonniers russes, maintenant organisés en bataillons provisoires, et il m'a donné lieu de lui faire connaître que Sa Majesté, instruite de la préférence que l'Empereur de Russie donne aux fusils français, venait de donner l'ordre que les fusils hanovriens que les troupes avaient reçus, fussent changés contre des fusils français du modèle de 1777.

Hier l'Empereur a donné à M. de Tolstoï une longue audience dont Sa Majesté a bien voulu m'entretenir.

Il résulte de ces entretiens que M. de Tolstoï n'est pas dans tous les secrets de la politique russe, que le comte Roumiantzof nous a presque entièrement divulgués. L'ambassadeur, lui, ne pense qu'à la stricte exécution du traité de Tilsit. Ses vues personnelles n'ont pas la Turquie pour objet. Il semble même plutôt blâmer qu'approuver cet objet de l'ambition du cabinet russe. Sa manière est celle d'un homme droit, franc; il me paraît judicieux et sensé. Je ne sais s'il a senti le prix de l'accueil extraordinaire que lui a fait l'Empereur, autant que l'aurait fait un homme élevé dans la carrière diplomatique, et habitué à mettre du prix aux plus légères circonstances. J'ose croire qu'il est fort à son aise avec nous, et qu'il n'est plus embarrassé de son rôle [218].

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

63.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 8 novembre 1807.

Monsieur, je vous ai parlé du comte de Tolstoï; il me reste à vous entretenir des affaires que j'ai déjà traitées avec lui et des intérêts communs de la Russie et de la France, que votre séjour à Saint-Pétersbourg a si bien servis.

M. le comte de Tolstoï m'a beaucoup parlé dans la conférence que j'ai eue avec lui de l'évacuation de la Prusse; il en a parlé à l'Empereur; il m'en a entretenu encore hier chez moi, après dîner. Il semblerait que c'est le premier objet de sa mission et la principale recommandation qui lui a été faite par son gouvernement. Nous sommes autorisés à avoir une toute autre opinion, d'après le silence qui a été gardé avec vous sur ce point, et même d'après quelques réponses que vous a faites l'Empereur Alexandre. Mais, comme il serait possible qu'on vous en parlât aussi à Saint-Pétersbourg, je crois utile de vous faire connaître à cet égard les intentions de l'Empereur.

L'Empereur ne se regarde pas comme obligé à cette évacuation; le traité de Tilsit n'en a pas fixé le terme, et l'Empereur Alexandre se rappellera que c'était avec intention que ce terme n'avait pas été fixé pour les provinces prussiennes, comme pour la Valachie et la Moldavie, et dans la vue de ne pas sacrifier toutes les chances de l'avenir et d'être prêt à tout événement. On s'est donc borné à dire qu'une convention déterminerait cette époque. La convention n'a pas été faite entre la France et la Russie; donc la Russie n'a rien encore à demander à la France à cet égard. Veut-on faire la convention? C'est alors le cas de s'entendre sur ce qu'on désire de part et d'autre. l'Empereur Alexandre trouvera l'Empereur Napoléon prêt à embrasser l'un ou l'autre des deux partis qu'il lui plaira de choisir. Si l'Empereur de Russie veut la stricte exécution du traité de Tilsit, comme le réclame son ambassadeur, l'Empereur évacuera les provinces prussiennes, lorsque le Roi de Prusse aura rempli ses engagements et l'Empereur de Russie fera évacuer également la Valachie et la Moldavie. Comme j'ai eu l'honneur de vous le mander déjà, nous exécuterons la convention de Kœnigsberg, comme les Russes exécuteront l'armistice conclu en Valachie. Ces deux conventions, appuyées l'une et l'autre sur le traité de Tilsit, sont également respectables.

L'Empereur Alexandre a-t-il d'autres vues? désire-t-il retenir la Valachie et la Moldavie? L'Empereur pourra s'y prêter, mais ce ne peut être qu'avec un avantage égal pour lui, de manière à maintenir l'état respectif des deux puissances établi par le traité de Tilsit. C'est ce que l'on déterminerait de part et d'autre.

Que les Français évacuent la Prusse et que les Russes restent en Valachie et en Turquie — n'est pas une chose admissible; la Russie paraîtrait avoir protégé son allié et la France aurait sacrifié le sien.

La Prusse a mis des lenteurs inconcevables à exécuter la convention de Kœnigsberg; la commission nommée pour son exécution a disputé longtemps sans avoir le pouvoir de conclure; elle a disputé sur le montant des contributions; maintenant, elle dispute sur le mode de payement; un temps précieux a été perdu; les contributions n'ont pas été payées; les limites du Duché de Varsovie n'ont pas été réglées; rien n'est fait. Il semble que le gouvernement prussien n'était point pressé de se débarrasser de la présence des troupes françaises.

Cependant, je dois vous dire que l'Empereur n'a point approuvé la demande qui a été faite par M. Daru des places de Colberg et de Graudenz, en nantissement de payement; elle était contre les intentions de l'Empereur, qui ne veut point faire de démarches infructueuses, et qui ne cherche pas à obtenir par une transaction ce que ses armes n'ont pas conquis. Il est probable que M. Daru a demandé plus pour avoir moins. L'Empereur m'a chargé d'improuver cette conduite [219].

Sa Majesté a donc tout droit de rester en possession des provinces prussiennes; mais Elle tempérera l'exercice de ce droit par des motifs de condescendance et d'égards pour Leurs Majestés. Il donne ordre d'évacuer la rive droite de la Vistule, et la Reine pourra faire ses couches à Kœnigsberg, sans être inquiétée par le voisinage des armées françaises [220]. Tels sont, monsieur, tous les motifs de la conduite de l'Empereur à l'égard de la Prusse; elle ne laisse pas que d'être onéreuse pour la France même, car il a fallu créer des armées pour remplacer celle qui reste en Allemagne. Ainsi a été formée l'armée qui marche contre le Portugal. Elle est actuellement assez avancée en Espagne; on ne s'attend à aucune résistance.

La Cour de Vienne a eu une politique plus sage que celle de Lisbonne. D'après les insinuations verbales faites ici à son ambassadeur, elle s'est déterminée à envoyer un courrier à Londres porteur d'une dépêche dans laquelle, après avoir rappelé ses ten-

tatives souvent réitérées pour disposer l'Angleterre à la paix, le ministre comte de Stadion s'exprime ainsi:

«La Cour de Londres n'a répondu à ces démarches que par le refus de la médiation de la Russie, refus encore confirmé par l'expédition de la Zélande, mesure attentatoire aux droits des puissances neutres et accompagnée de déclarations officielles, diamétralement en opposition avec les principes adoptés par les autres grandes Cours.»

Et enfin, il termine par ordonner à l'ambassadeur autrichien de faire la proposition: «Que la Cour de Londres déclare sincèrement la volonté d'entrer en négociation pour la paix maritime sur des bases convenables aux intérêts des puissances qui ont à y prendre part, et que, comme témoignage préalable de ses intentions à cet égard, elle ne se refuse point à revenir complètement sur les mesures hostiles qu'elle a prises contre la Cour danoise, ainsi que sur la déclaration dont il les a accompagnées... Je me vois forcé d'ajouter, quoique à regret, que Sa Majesté vous prescrit que dans le cas où la Cour d'Angleterre se refusât à ces propositions ou qu'elle mît des retards volontaires à sa réponse, vous auriez à demander vos passeports et à quitter Londres avec toute votre mission.»

Le courrier porteur de la dépêche est à Paris; l'Empereur lui permet de passer par Calais pour se rendre à Londres. J'ai invité M. de Tolstoï à profiter de cette occasion pour écrire au ministre russe à Londres et l'engager à agir dans le même sens que le prince de Stahremberg et à appuyer ses démarches. M. de Tolstoï s'est déterminé à écrire, quoiqu'il n'eût point de pouvoirs à cet égard, pouvoirs qui lui avaient été donnés pour Vienne, mais non pour Londres, parce qu'on n'avait pas supposé qu'il pût y avoir un moyen de correspondre avec l'Angleterre [221].

Une convention signée avec le ministre d'Autriche et ratifiée par sa Cour, accorde le passage à travers les Etats autrichiens aux Russes de la garnison de Cattaro. On ne fait nulle attention au nombre de ces troupes; aussi la garnison de Corfou se trouve implicitement comprise dans la convention, qui stipule que les arrangemens relatifs à la subsistance des troupes et les payements des secours qui leur seront fournis dans les Etats autrichiens, seront convenus entre les deux Cours de Vienne et de Saint-Pétersbourg.

J'en ai prévenu M. le comte de Tolstoï, qui doit en écrire au prince Kourakine [222].

Il ne reste donc rien à demander à la Cour de Vienne, mais il faut déterminer la Suède; l'Empereur Alexandre a tout moyen pour cela; sa volonté n'est pas donteuse; vous n'aurez donc qu'à lui dire l'importance que l'Empereur met à cette mesure.

La Prusse a été invitée également à déclarer la guerre à l'Angleterre et son ministre me répond de l'empressement avec lequel elle accédera à la cause du continent [223]. Ainsi, le continent entier sera armé contre l'Angleterre.

La Porte persiste dans ses intentions hostiles à l'égard de cette puissance, et l'occupation d'Alexandrie ne peut que l'encourager à suivre le système de l'Europe. Son ambassadeur à Paris a reçu les pleins-pouvoirs nécessaires pour traiter de la paix avec la Russie, sous la médiation de la France; mais M. de Tolstoï n'a aucun pouvoir et les intentions de l'Empereur Alexandre ne sont pas encore bien connues. La Porte fait les démarches les plus pressantes pour obtenir l'exécution de l'armistice.

Nous avons eu des nouvelles de l'escadre de l'amiral Séniavine. Plusieurs rapports concourent à certifier que, le 18 octobre, elle était dans les parages de Cadix et en vue de l'escadre anglaise qui bloque ce port; elle faisait voile vers le large; on ne l'a vue que de très loin de Cadix. Un rapport dit qu'elle a été chassée par l'escadre anglaise, qui n'a pu l'atteindre; la circonstance de sa route pourrait faire présumer que les Anglais lui ont fait connaître qu'elle ne devait pas entrer à Cadix, ce port étant bloqué. Il paraît qu'une frégate russe avait mouillé à Gibraltar. J'ai aussi reçu la nouvelle de deux vaisseaux russes de 74 canons entrés le 29 octobre à Porto, dans l'île d'Elbe.

L'Empereur fait partir deux frégates avec ordre de chercher cette escadre pour la détourner d'entrer dans la Manche, et l'inviter à se rendre plutôt dans un port d'Espagne ou de France. J'en ai prévenu M. Tolstoï, qui m'a donné des lettres en duplicata, adressées à l'amiral Séniavine, pour être remises à ses frégates. Une troisième lettre sera envoyée à Lisbonne, pour y faire rester l'escadre russe, si elle y était entrée [224]. L'Empereur veille aux intérêts de la Russie, comme sur ses plus chers intérêts. Il désire que vous communiquiez à l'Empereur Alexandre les extraits de la lettre du

comte de Stadion au prince de Stahremberg que j'ai transcrits dans celle-ci. Ils ont été copiés de cette dépêche que l'ambassadeur d'Autriche m'a communiquée.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

64.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 10 novembre 1807.

Monsieur, je profite de l'occasion d'un courrier de M. le comte de Tolstoï pour vous entretenir de nos relations actuelles avec la Turquie. Elles ne laissent pas que d'être pénibles pour l'Empereur par les réclamations qui lui sont adressées, tant pour l'exécution de l'armistice, que pour l'ouverture de la négociation pour la paix, et par la difficulté d'y répondre d'une manière nette et satisfaisante. Chaque courrier qui arrive de Turquie, apporte de nouvelles plaintes et de nouvelles démarches. Je joins, pour votre instruction, une copie des pièces que j'ai reçues hier.

A peine M. de Tolstoï a-t-il été arrivé, que l'ambassadeur turc s'est adressé à moi pour savoir, si l'ambassadeur russe était autorisé à traiter de la paix avec lui? Il a bien fallu lui dire que non, et je ne puis vous exprimer à combien de plaintes et de réclamations cette réponse a donné lieu. Je suis loin de vous inviter à communiquer ces détails à l'Empereur Alexandre; Sa Majesté veut épargner à Son grand allié, objet de son affection particulière, jusqu'à l'ennui que pourrait occasionner cette opposition à des vœux qui ne sont pas encore bien connus. Il préfère en avoir seul le désagrément; c'est par le même motif que j'en ai très peu parlé à M. le comte de Tolstoï; mais cela ne peut qu'ajouter au désir de l'Empereur de voir l'Empereur Alexandre s'expliquer, et de connaître ses vues dans toute leur étendue. Jusque-là, et jusqu'à ce que la Prusse ait rempli ses engagements, les Etats prussiens ne seront pas évacués. Cependant, dans ce moment nos troupes doivent avoir abandonné la rive droite de la Vistule,

et rien n'empêche que le Roi de Prusse ne se rende à Kœnigsberg. La garde impériale est sur le point d'arriver à Paris; une partie sera envoyée à Boulogne.

Vous trouverez ci-joint la copie d'une lettre que l'Empereur a reçue du Roi d'Espagne au sujet de l'arrestation du Prince des Asturies. Elle est écrite de la propre main du Roi [225]. On parlera sûrement à Saint-Pétersbourg de cet étrange événement; il importe que vous ayez à cet égard de sûrs renseignements. Les dernières lettres de notre ambassadeur à Madrid m'annoncent une réunion au palais de tous les conseils pour délibérer sur cette grande affaire et dit que le Prince va être déclaré déchu de ses droits au trône, par le conseil de Castille. Je vous engage à ne pas parler de cette lettre du Roi que j'ai l'honneur de vous communiquer.

Je vous ai envoyé le traité avec le Danemark. J'ai l'honneur de vous communiquer aujourd'hui la convention faite avec l'Autriche qui règle les frontières du Royaume d'Italie du côté de Goritz et stipule la restitution de Braunau. C'est par cette convention que l'Autriche accorde le passage aux troupes russes qui sont en Italie. L'Autriche s'est empressée en même temps de reconnaître les Rois de Naples, Hollande et Westphalie. Je vous ai parlé de sa conduite avec l'Angleterre. L'Empereur est satisfait sur tous les points. Vous pouvez communiquer ce traité au comte de Roumiantzof.

Les deux vaisseaux russes qui ont mouillé à Porto-Ferrajo le 29 octobre sont le *Saint-Pierre* et le *Moscou*, de 74 canons, commandés par le commodore Baratynsky, venant de Trieste et de Corfou. La nouvelle en a été apportée au ministre de la marine par le brick impérial le *Cyclope*.

M. de Caulaincourt aura aujourd'hui ou demain ses audiences de congé; il partira deux ou trois jours après.

Nous sommes toujours empressés de rendre le séjour de Fontainebleau agréable à M. l'ambassadeur russe et rien ne sera négligé pour que ceux de ses compatriotes qui viendront à Paris, soient contents de l'accueil qui leur sera fait dans cette capitale.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

65.

Champagny à Savary.

Fontainebleau, 16 novembre 1807.

Monsieur, S. M. l'Empereur et Roi est parti ce matin pour l'Italie, où il me permet de le suivre [226]. Son voyage sera rapide, son absence de courte durée et les communications à Saint-Pétersbourg n'en seront point ralenties.

Sa Majesté était déjà en voiture quand j'ai reçu la nouvelle que, sur les représentations et les instances de M. de Lima, qui, ainsi que j'ai eu l'honneur de vous le marquer, s'était rendu à Lisbonne, le Prince-Régent a ordonné de séquestrer les marchandises anglaises et d'arrêter les Anglais. Je n'ai pu en rendre compte à Sa Majesté, ni prendre Ses ordres. En Son absence, personne n'a le droit d'arrêter l'armée qui marche sur Lisbonne. Quelle influence cet ordre donné par le Prince-Régent aura-t-il sur les premières déterminations de l'Empereur? Je l'ignore, mais je doute beaucoup qu'il puisse en avoir aucune. Il n'a été donné que quand il ne pouvait plus être exécuté, que quand il était sans objet, lorsqu'il était de notoriété publique que tous les Anglais étaient partis et que plus de cent bâtiments, sortis de Lisbonne et de Porto, avaient emporté tout ce qui pouvait être saisi, tout ce qu'il était important de retenir, comme moyen de garantie ou compensation. Cet acte d'une déférence apparente ne sert qu'à mettre dans un plus grand jour la mauvaise foi de la Cour de Lisbonne.

Les deux décrets de déclarations du Roi d'Espagne dont je joins ici copie vous apprendront tout ce que nous savons de l'affaire du Prince des Asturies. L'Empereur, qui ne s'est jamais mêlé des dispositions et des intrigues qui ont pu agiter la Cour d'Espagne, est, s'il se peut, encore plus étranger à celle-ci. Ce n'est pas de la sorte que Sa Majesté est accoutumée à exercer Son influence, et si Elle intervenait dans des divisions domestiques, ce serait pour les prévenir ou pour les arrêter [227].

M. de Caulaincourt, qui a pris congé de Sa Majesté et reçu Ses derniers ordres, partira sous très peu de jours. Son arrivée à

Saint-Pétersbourg mettra fin aux fonctions que vous y aviez jusqu'à présent remplies à la satisfaction de Sa Majesté. Vous pourrez prendre immédiatement congé et remplir le plus cher de vos désirs en vous rapprochant de la personne de l'Empereur. Vous voudrez bien remettre à M. de Caulaincourt les lettres que j'ai eu l'honneur de vous écrire et les pièces qui les accompagnaient; elles doivent rester dans les archives de son ambassade *).

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

66 [228].

Savary à Napoléon.

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 18 novembre 1807.

Sire, lord Gower ainsi que toute la mission anglaise, ne sont plus à Pétersbourg; j'ai demandé que l'on retardât jusqu'à ce jour le départ du courrier qui porte à l'ambassadeur de Russie à Paris les communications officielles qu'il doit faire au ministre de Votre Majesté, pour que je puisse Lui rendre compte que tout ce qu'Elle avait demandé que l'on fît contre l'Angleterre a été exécuté sur-le-champ.

Cet événement a fait une grande sensation ici. Depuis près de cinquante ans cette nation était en possession de presque toutes les affaires de commerce de ce pays, et indubitablement, le dérangement qui va survenir donnera beaucoup d'occupation au gouvernement russe.

A peine mon courrier du 4 novembre était-il en chemin pour Paris, que M. de Saint-Aignan, parti de Fontainebleau le 14 octobre, est arrivé et m'a remis les dépêches de Votre Majesté, ainsi que celles de M. de Champagny, dont l'objet principal est l'évacuation de la Valachie et de la Moldavie.

---

*) Lui recommander de remettre à M. de Caulaincourt les dépêches qui lui ont été écrites du ministère des relations et les pièces qui les accompagnaient. (*Note de Champagny sur la minute de la dépêche*).

A cette occasion j'ai eu avec l'Empereur et le comte Roumiantzof deux conversations que je rends mot pour mot dans le rapport ci-joint; je n'ai rien à y ajouter, non plus qu'à la lettre à M. de Champagny. C'est la situation exacte de Pétersbourg au moment où le courrier part.

Le rapport de la place avait appris le même jour à l'Empereur l'arrivée de M. de Saint-Aignan, et dès le lendemain, à neuf heures du matin, il m'avait déjà fait dire de me rendre chez lui. Il a été fort sensible aux soins que Votre Majesté a fait prendre de ses prisonniers, et m'a chargé de lui apprendre qu'il avait écrit lui-même à l'amiral Séniavine et lui avait donné l'ordre de débarquer sur-le-champ tous les officiers anglais qui sont à bord de son escadre et de les renvoyer par terre en Russie.

On est toujours dans les meilleures dispositions pour la France; notre ambassadeur pourra tout ici. Je suis même persuadé que, si Votre Majesté veut l'autoriser à traiter avec la Suède, il terminera en quelques semaines, n'importe quelles conditions il plaira à Votre Majesté d'imposer à ce pays.

Le courrier russe était parti pour rappeler la mission de Londres avant la remise de la note à lord Gower, et il a aujourd'hui quatorze jours de marche.

SAVARY.

P.-S.—Voici les deux réponses de l'Impératrice régnante que l'on vient de m'envoyer après mes lettres écrites [229].

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

67 [230].

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 18 novembre 1807.

Notes ou Observations du Général Savary présentées à l'Empereur de Russie.	Réponses de l'Empereur de Russie.
Par la dépêche écrite de Fontainebleau le 14 octobre et reçue à Pétersbourg le 10 novembre,	A l'époque du traité de Tilsit, il a été envoyé au général Michelson, commandant l'armée de Mol-

on témoigne le désir de connaître les motifs qui retardent l'évacuation de la Valachie et de la Moldavie par les troupes russes.

On observe que la paix ne peut être rétablie entre la Russie et la Porte que préalablement cette opération n'ait eu lieu, puisqu'elle est la base du traité de paix et celle de l'armistice qui a été conclu, lequel armistice est le préliminaire de la paix définitive que l'on veut rétablir.

On ajoute que l'évacuation n'ayant pas lieu, par cela même l'armistice se trouve annulé et que, conséquemment, les négociations de paix ne peuvent s'entamer.

Il en résulte donc l'état de guerre continuel entre la Russie et la Porte et cependant, celle-ci a accepté la médiation de la France. Il a été conclu un armistice par suite de cette médiation et la Porte fait connaître qu'elle donne à son ambassadeur à Paris les pouvoirs les plus étendus pour traiter de la paix définitive avec la Russie; mais on demande comment ces négociations pourront s'ouvrir, tant que l'opération qui en est la première base ne sera point exécutée?

A l'époque où l'armistice a été conclu, la Russie n'a point fait d'objections sur la principale davie, une instruction avec des pouvoirs de traiter d'un armistice avec les Turcs et de le ratifier. Pendant le temps des négociations, il est mort. A une si grande distance, son successeur n'ayant pu être désigné de suite, le plus ancien général a pris le commandement de l'armée et s'est arrogé le droit de négocier, de conclure et de ratifier cet armistice, sans y être en aucune manière autorisé.

Pendant l'intervalle qui s'est écoulé après sa ratification, depuis le moment de l'expédition qu'il m'en a faite, jusqu'à celui où il a reçu le refus de mon acceptation, à moins d'être en contradiction avec lui-même, il a dû se mettre en devoir de l'exécuter et il a effectivement commencé sa marche rétrograde vers le Dniéster avec toute l'armée.

Il avait déjà fait quatre marches en arrière, lorsque, tout à coup, des hordes de Turcs repassèrent le Danube, rentrèrent dans Galatz, tuèrent des officiers et des membres du gouvernement moldave, se livrèrent à tous les désordres ordinaires aux Turcs et s'avancèrent à la poursuite des troupes russes.

Le général qui avait ratifié l'armistice, effrayé lui même de cette infraction, s'arrête d'abord; puis, revenant sur ses pas, chasse

clause de son contenu, mais seulement sur deux articles qu'elle a rejetés tout à fait, en témoignant son mécontentement sur le peu de dignité qui avait été observé envers la force de ses armes, dans les conférences où elle jouait le premier rôle.

Il a été rendu compte à Paris de cet incident. Les observations de la Russie sur l'inconvenance de ces deux articles et son refus d'y souscrire y ont été approuvés. L'Empereur Alexandre avait le droit de s'y attendre.

L'Empereur Napoléon lui-même, dans ses dépêches du 14 octobre, désapprouve en ce point la conduite de l'officier qui avait l'honneur d'être chargé de sa médiation. Il ajoute qu'il fait donner ordre à son ambassadeur à Constantinople de faire revenir les Turcs sur ces deux articles.

Il a donc partagé le mécontentement de l'Empereur Alexandre et, en ce qu'il dépendait de lui, il s'est empressé d'en faire cesser la cause; mais l'on observe que, quant à la clause principale de l'armistice, les deux articles en question n'ont aucun rapport direct ou indirect avec elle, qu'ils ne l'affaiblissent ni ne la modifient en rien.

La conséquence de ces articles est de nulle valeur, parce que d'abord, les Turcs se garderont les Turcs de Galatz et les force de repasser le Danube.

C'est dans ces entrefaites qu'il reçut le refus de mon acceptation à cet armistice, avec l'ordre de demander sur-le-champ aux Turcs de changer ou d'annuler les deux articles en question, et de s'aider de votre lettre à M. Guilleminot pour accélérer la chose, tant mon désir de conclure cette paix était sincère.

Les Turcs ont refusé positivement de rien changer à l'armistice, qu'ils venaient de rompre en repassant sur la rive gauche du Danube et en rentrant dans Galatz. J'ai donc dû regarder les choses comme étant encore dans leur premier état et ne point ordonner l'évacuation convenue dans l'armistice qu'ils venaient de rompre.

Néanmoins, l'on n'a pas donné de suite aux hostilités, dans l'espérance qu'une médiation puissante leur ferait entendre raison et remettrait les choses dans l'état qu'il convenait qu'elles fussent.

Maintenant, j'observe que, puisque les Turcs ont eux-mêmes les premiers manqué aux engagements réciproques, je tiens beaucoup à faire annuler l'acte, qu'il ne me convient point de garder dans mes archives et que, quand même je n'aurais pas de réflexions

bien de rompre les premiers avec la Russie et que celle-ci sera toujours la maîtresse de recommencer les hostilités, quand elle aura jugé le moment convenable. Ses succès infaillibles justifieront ses droits. Ainsi, l'époque fixée serait, au contraire, favorable à ses intérêts, en endormant encore la sécurité des Turcs.

L'article relatif à la restitution des vaisseaux pris est annulé de lui-même, parce qu'il est vraiment inexécutable et conséquemment, il ne peut être un obstacle à l'exécution de l'armistice.

Telles sont les observations que l'on fait à Paris. On n'y parle pas de l'exécution des traités, ni de fidélité dans les engagements pris entre les deux Monarques. L'Empereur Napoléon, au contraire, dit qu'il a trop de confiance dans la loyauté de son allié, l'Empereur de Russie, pour douter un seul instant de la validité des motifs qui l'ont déterminé à ne pas encore remplir cette partie du résultat de leurs entretiens particuliers; mais, toujours animé du désir de tout concilier, et la paix entre la Russie et la Porte étant la seule chose qui reste à faire de tout le traité de Tilsit, il travaille sincèrement a la faire conclure, il y marche par les chemins que le traité a tracés. à faire sur les deux articles en question, j'en aurais beaucoup sur les conséquences d'une évacuation, comme celle convenue. L'infraction faite de la part des Turcs m'avertit de me mettre en garde et il serait déraisonnable de ne point prendre des sûretés contre une pareille conduite.

Il est d'abord important de savoir qu'une fois derrière le Dniéster, j'ai trente-cinq marches à faire pour arriver au Danube et que conséquemment, si je n'ai pas de caution de l'exactitude des Turcs à observer l'armistice, je leur donne, en me retirant, le temps de réoccuper toutes les places de guerre, et de les mettre en état de me les vendre cher lorsqu'il faudra y rentrer définitivement. Je dois donc ne pas m'y exposer; et puisqu'il est nécessaire de se rapprocher pour redresser les deux articles de l'armistice, il n'en coûtera pas davantage de les faire rédiger différemment et de prendre des précautions contre les Turcs, qui promettront toujours ce que l'on voudra, mais dont les chefs de bandes feront ensuite ce que bon leur semblera. Ils ont beau dire que ce sont des rebelles que l'on ne peut contenir; je dois y prendre garde et me charger de les contenir moi-même, afin de ne pas m'exposer à être obligé de faire une guerre sanglante lors-

Maintenant, s'il est survenu quelque difficulté qui empêche qu'on n'y arrive par cette voie, il est, sans doute, indispensable de la lui faire connaître, et l'Empereur Alexandre peut compter que la sincérité des sentiments qui lui attachent l'Empereur Napoléon est le meilleur gage qu'on puisse lui offrir pour le persuader des dispositions favorables dans lesquelles il se trouvera, si de nouvelles circonstances nécessitaient de nouveaux arrangements.

On demande de plus, par la même dépêche du 14, que l'ambassadeur russe à Paris soit investi des mêmes pouvoirs de traiter qu'aura l'ambassadeur turc, parce que, à des distances aussi éloignées, on veut éviter l'inconvénient de demander de nouvelles instructions. Ce désir émane encore de celui de faire conclure la paix entre la Russie et la Porte et d'achever l'exécution du traité de Tilsit.

qu'il s'agira d'exécuter ce qui a été convenu. Voilà ce qui a prolongé l'occupation de la Valachie et de la Moldavie.

Aujourd'hui, les circonstances paraissent commander d'elles-mêmes un changement dans les dispositions qui avaient été arrêtées primitivement. Si les avis de Vienne, d'Odessa, et autres, sont fondés, il est plus que probable que la France a perdu son influence à Constantinople. Une lettre interceptée de l'ambassadeur anglais à Vienne, adressée à lord Gower ici, lui dit que lord Paget, autrefois ministre à Vienne et qui s'était embarqué sur la flotte de Collingwood aux Dardanelles, est enfin parvenu à débarquer à Constantinople; qu'il y a été reçu malgré que le général Sébastiani ait déclaré qu'il regarderait la réception d'un ministre anglais comme une déclaration de guerre. Il est probable que tout ce qui se conclura là sera contre vous et par conséquent, contre moi, et que, conséquemment, si j'avais évacué la Moldavie et la Valachie, je devrais commencer par y rentrer, afin de n'avoir pas à combattre les Turcs sur mes propres frontières.

Je reviendrai ensuite à ce que l'Empereur m'a dit à Tilsit, non pas une fois, mais dix, à l'occasion de ces provinces, et j'y ai

Puisque l'armistice conclu présente autant d'inconvénients dans son exécution, il est urgent de déterminer sur quelles autres bases on pourrait l'établir de nouveau? Ne serait-il pas possible d'indiquer de quelle manière il conviendrait à la Russie d'évacuer ces provinces et pourrait-on préciser comment elle désire se précautionner contre une nouvelle infraction de la part des Turcs, jusqu'à l'époque où l'on prendra des mesures pour soustraire ces provinces à leurs vexations?

Parce qu'enfin il faut bien qu'un armistice occupe l'intervalle qu'il y a entre le moment où les hostilités cessent, et celui où la paix définitive se conclut. Sans doute, il convient que les Turcs, tout extraordinaires qu'il soient, aient plus de confiance qu'en tout ce que les circonstances amèneraient ou obligeraient d'exécuter. Alors pourquoi renoncer à des avantages que j'ai, lorsque l'expérience de ce qui vient de se passer me prouve ce qui arrivera, si j'évacue de nouveau? En supposant même que vous ayez encore le dessus à Constantinople, vous n'empêcherez jamais les bandes d'insurgés turcs de repasser le Danube et de recommencer le pillage de ces provinces. Les ordres de la Porte ne sont rien à un mille de Constantinople.

L'Empereur, après avoir pris connaissance et lu attentivement tout ce qui précède, me dit: «Vous avez parfaitement rapporté tout ce que je vous ai dit. Maintenant, je ne demande qu'à faire tout ce que l'Empereur désire. Voyez Roumiantzof. Je lui ai parlé et il vous fera connaître dans quels termes il me conviendrait que cet armistice fût renouvelé et surtout, quelles précautions il est nécessaire que nous prenions contre l'indiscipline des Turcs. Il est inutile de répéter tout ce que je vous ai déjà dit à ce sujet. J'ai eu assez de confiance en vous pour vous avouer que cette condescendance de l'Empereur me sera de la plus grande utilité. Sans doute, ce n'est point indiscret de ma part, puisque lui-même

aussi quelques sûretés ou, au moins, les apparences d'une caution qui n'existera réellement que dans la loyauté de la Russie.

Jusqu'à présent ils sont encore une puissance et à moins que, par suite des événements supposés arrivés à Constantinople, ils ne rejettent tout à fait la médiation de la France, il entre dans les principes de loyauté de celle-ci de leur tendre une main secourable jusqu'à la fin.

Tout ce que l'Empereur a dit à Tilsit sera religieusement exécuté et je ne vois rien dans le traité secret qui contrarie ce que la Russie désire, mais bien, au contraire, le moyen d'y arriver plus vite en hâtant l'entière exécution du premier traité.

Il faut donc faire la paix; pour cela il faut un armistice et puisque le premier ne convenait pas, quel est celui que l'on désire? Il est instant de mettre les plénipotentiaires qui doivent traiter de la paix définitive bientôt en état de se rapprocher. Il y a tout à gagner à en finir promptement pour l'exécution de l'article du traité de Tilsit.

Les pouvoirs étendus demandés pour l'ambassadeur russe à Paris paraissent indispensables.

Trouverait-on quelques inconvénients à ne point les limiter, en les accompagnant toutefois d'une m'en a parlé le premier, et vous pourrez apprendre ici que je m'étais toujours opposé au moindre agrandissement de territoire. Mais aujourd'hui, et surtout depuis cette déclaration contre l'Angleterre, il serait vraiment malheureux que l'on ajoutât aux plaintes qui vont s'élever de toutes parts les cris que l'évacuation de la Moldavie et de la Valachie ne manquerait pas de faire jeter».

A la lecture de cette dernière réplique de ma part, l'Empereur Alexandre se prit à rire et me

instruction? Il semble que, si le cas d'en faire usage ne se présente pas, rien ne l'obligera à s'en servir, au lieu que, s'il se trouvait en avoir besoin, la distance qui le sépare de sa capitale est un grand inconvénient, s'il se présente un cas où il ne puisse pas transiger. Mais avant tout, il est nécessaire d'être en armistice avec les Turcs d'une manière quelconque, sinon, il est inutile de traiter ou bien veut-on faire leur épitaphe?

dit: „Ma foi! Tout ce que l'Empereur voudra. Je compte uniquement sur lui. Je vous dirai même que dans nos conversations de Tilsit il m'a souvent dit qu'il ne tenait point à cette évacuation, qu'on la traînerait en longueur pour se disposer et qu'il n'était pas possible de souffrir plus longtemps les Turcs en Europe; il me laissait même entrevoir le projet de les jeter en Asie. Ce n'est qu'ensuite qu'il est revenu à leur laisser Constantinople et quelques provinces environnantes".

C'est le samedi, 14 novembre, à huit heures du soir, que je fus admis chez l'Empereur de Russie et que je lui donnai communication de tout l'exposé qui précède. Après m'avoir fait les réponses que j'ai rapportées à la marge ci-contre, il changea de conversation en me disant ce qui suit:

L'EMPEREUR. Général, parlons d'autre chose. J'ai vu hier l'ambassadeur de Suède, qui m'a apporté la réponse du Roi; elle ne signifie pas grand'chose; j'y vois de l'embarras. Il me dit qu'il est disposé à suivre mes conseils, mais qu'il est dans une position bien critique; au milieu de cela il ne prend aucun parti [231]. J'ai entretenu cet ambassadeur longtemps et je l'ai fortement engagé à donner à sa Cour le conseil de se rapprocher promptement de la France, en lui faisant voir le ridicule auquel s'exposait un petit pays comme la Suède et le danger qu'il courait en n'entrant pas dans la cause commune. Il m'a répondu que, par ses lettres particulières qu'il venait de recevoir, on lui mandait qu'on était dans les meilleures intentions de faire promptement la paix avec la France, mais que l'on n'avait aucun moyen pour cela; que depuis si longtemps il n'y avait plus aucuns rapports entre les deux pays, et qu'on ne connaissait pas de voie par laquelle on pût se rapprocher. Dans tout cela je vois, a dit l'Empereur, que cette paix ne tient qu'à une bagatelle et que tout cela s'arrangera au gré

de l'Empereur *)? Néanmoins je marche, vous le voyez. Dans sept ou huit jours ma dernière division sera arrivée et je commence [232]. Dans tous les cas, il n'y aura pas de temps de perdu, puisque la saison seule ferme les ports et nous donne un double avantage.

Il me semble que l'Empereur m'avait dit qu'il n'avait pas le projet de faire trop de mal à la Suède, royaume qui pendant si longtemps a été un des plus fidèles alliés de la France

Ce sera donc être d'accord avec lui que de les forcer seulement à faire la paix, et vous verrez qu'ils n'attendront pas le premier coup de canon. Néanmoins, comme je vous l'ai dit — je marche **).

Puisque nous parlons d'affaires, général, je vous dirai de *confiance, mais sans office quelconque*, que j'ai encore reçu des suppliques de Mémel et cependant, vous m'avez dit que l'on s'arrangeait. Mon chargé d'affaires à Mémel, le baron de Krüdner, me mande que l'on y est dans la désolation, parce que l'on exige pour caution des sommes qui restent à payer cinq forteresses; dans chacune d'elles on mettra 8,000 hommes de garnison, entretenus aux frais de la Prusse. Vous concevez toute la peine que cela a dû faire et l'on a pris le seul parti qu'il était convenable de prendre, en envoyant le frère du Roi à Paris pour solliciter l'Empereur [233]. Je voudrais que vous puissiez mander chez vous, sans y mettre aucun caractère officiel, qu'assurément, l'on ne pense pas à rien changer de tout ce qu'il plaira à l'Empereur d'imposer à la Prusse; mais je me rappelle que c'est à mes instances qu'il a bien voulu conserver l'existence à ce malheureux pays, qui maintenant, n'est pas plus à craindre que le Wurtemberg ou le pays de ma femme; conséquemment, il n'a pas besoin de caution de son

*) L'on présume que, si la saison était assez avancée pour que les Anglais ne pussent pas venir prendre leur flotte, les Suédois se décideraient de suite.

(*Note de Savary.*)

**) Depuis trois semaines il ne cesse de passer par Saint-Pétersbourg des troupes qui marchent en Finlande. L'Empereur m'a dit qu'en tout il n'y aurait guère moins de 50,000 hommes. Ces troupes étaient contre nous et viennent de faire un chemin affreux. Je les vois tous les jours et j'ose assurer qu'elles sont en très bon état, seulement les soldats sont trop jeunes et ne seront bons que dans deux ans. Il a aussi passé pour aller en Finlande un train d'artillerie de cent pièces de campagne, aussi dans le meilleur état. Il y a ici dans ce moment l'activité qu'il y aurait pour attaquer une grande puissance.

(*Note de Savary.*)

exactitude à s'acquitter de tout ce qu'il lui doit. Il faudrait qu'ils fussent mille fois fous s'ils obligeaient l'Empereur à revenir chercher ses contributions; mais je regarderais comme une marque d'amitié bien flatteuse pour moi tout ce que l'Empereur voudra bien accorder à ces infortunés; ce sera moi qui en serai reconnaissant.

Je vous ai dit bien des choses qui me touchent de près, parceque je vous connais, et il m'en coûte d'être obligé de vous avouer ce que j'éprouve de peine à penser que ce n'est peut-être pas contre la Prusse que l'Empereur prend des sûretés en gardant ces forteresses, mais plutôt par suite des bruits qu'on a répandus dans votre armée et dont les maréchaux Davoût et Soult ont rendu compte, en annonçant mon arrivée à la mienne. Ce malheureux voyage insignifiant, qui a été suivi de la dislocation de l'armée, paraît avoir fait parler beaucoup; au reste, si cela était, l'Empereur verra que je le sers mieux que ces messieurs, et j'ai à leur opposer un bon argument, qui est ma déclaration contre l'Angleterre. Vous êtes témoin qu'à votre première sollicitation, elle a été faite, quoique j'eusse des raisons d'être fort inquiet sur Séniavine, dont je n'avais encore aucune nouvelle. Je serais au regret que l'Empereur doutât un seul instant de mon attachement[234]. Adieu, général, je vous remercie de vous être si bien rappelé de tout ce que je vous ai dit. Allez voir Roumiantzof.

Le lendemain, 15 novembre, il y eut parade, messe, Cour après la messe, et je ne pus voir le comte de Roumiantzof que le soir; il avait travaillé avec l'Empereur le matin. Je vais rapporter mot à mot ce qu'il m'a dit et ce qu'il a bien voulu me répéter deux fois. J'ai pu l'écrire sur-le-champ.

C'est M. Roumiantzof qui parle:

Mon général, l'Empereur a eu la bonté de me dire ce qu'il vous avait dit et m'a ajouté qu'il était étonné que vous vous en fussiez si bien rappelé. Il m'a chargé de vous remercier du bon esprit avec lequel vous traitez les affaires et de m'entretenir avec vous sur tout cela, en réponse à ce que vous demandez de la part de votre Cour. Nous nous connaissons, général, je ne parle pas ici comme le ministre de Russie, mais comme quelqu'un qui a grand plaisir à causer avec vous.

Je vous sais gré de ne nous avoir point parlé d'exécution du traité et en général, ce langage qui ne convient point à l'intimité de nos deux maîtres qu'il faut toujours entretenir. D'ailleurs, vous savez ce que sont les traités les mieux rédigés; quand ils ne reposent pas, comme le nôtre, sur le désir réciproque des deux Monarques de parfaitement vivre ensemble, ils ne manquent jamais de présenter un moyen de les enfreindre ou d'éluder leur exécution. Par exemple, le traité en question parle de la Valachie et de la Moldavie, mais ne dit pas un mot de la Bessarabie, quoique évidemment l'intention ait été de l'y comprendre aussi. Au reste, il n'est pas question ici de se chicaner, mais au contraire de s'obliger à l'envi l'un et l'autre, et c'est dans cet esprit que je suis. Nous pouvons vous aider beaucoup, nous le voulons; vous serez contents et toujours contents de nous. Je vous ai déjà fait ma profession de foi, général: je ne serais jamais venu aux affaires sans cette alliance et n'aurais même pas voulu m'immiscer aucunement dans ce qui concerne le gouvernement. Je vous répéterai encore que je ne m'arrête jamais aux petites affaires, je vais au but par le chemin le plus droit.

Lorsque vous avez demandé la déclaration de guerre à l'Angleterre, je n'ai point cru qu'il était question d'un petit changement de politique ne tenant à aucun système et pouvant encore se replacer dans sa première forme. S'il n'avait été question que de cela, je n'aurais pas voulu y mettre mon nom. Mais je me suis dit: Que demande-t-on? De préparer de grands événements, qui en feront oublier de malheureux et qui mettront les deux Etats dans des rapports de politique qui ne pourront jamais les troubler. Sur-le-champ, sans m'arrêter aux sacrifices que cela pouvait coûter, ma résolution a été prise, et vous n'avez pas attendu vingt-quatre heures l'exécution de ce que vous désiriez, quoique cette guerre ne soit en aucune manière favorable à nos intérêts, mais, au contraire, nous expose à toutes sortes de dommages. Je savais tout cela. Nous vous l'avions promis pour décembre; il était de votre convenance de la faire faire en octobre et cela a eu lieu. Loin d'en être fâchés, nous vous remercions de nous avoir fourni une occasion de faire ce qui vous était de quelque intérêt. En cela ne voyez que notre désir de vous être agréables.

Maintenant, vous demandez que nous fassions déclarer la Suède.

Vous voyez de quelle manière on s'en occupe et assurément, elle vous satisfera pleinement dans quelque temps; elle y est toute disposée. Nous n'avions pas encore pensé à nous et nous ne le ferions pas, sans votre demande au sujet de cette évacuation. Je puis vous assurer, qu'avant les temps malheureux qu'il faut faire oublier, l'Empereur n'a jamais songé à faire une conquête, que même il montrait de l'humeur lorsque l'on voulait lui parler du projet de Catherine; moi-même, lors de vos dissensions et au lieu d'aller vous faire la guerre en Italie et en Autriche, j'ai voulu faire exécuter ce projet. Aujourd'hui il serait terminé et l'Europe y souscrirait. Mais j'ai dû y renoncer. Il semblait déjà que nous devions obtenir ces avantages de votre Empereur. Je ne sais ce qu'il a dit et fait au nôtre; mais actuellement, toutes ces idées germent en lui et même sans cela la situation des esprits nous forcerait à avoir recours au vôtre. Remarquez quel changement vous avez opéré sur nous, ce que vous nous avez déjà fait faire! Notre histoire n'en offre point d'exemples. Vous voyez aussi ce que nous aurons à faire pour calmer les esprits dans quelque temps. Je ne crains pas de vous dire que la confiance que l'on a en moi les contiendra encore un mois ou deux; mais ensuite il faudra chercher de quoi les satisfaire. Je m'en occupe déjà et je compte même avoir recours à votre commerce pour cela. Nous en reparlerons.

Le seul beau côté que nous pouvions présenter à la nation, c'était celui-là (la Moldavie et la Valachie), et vous venez nous l'enlever! Comment donc répondrons-nous quand elle nous demandera, pourquoi nous n'y avons pas tenu et comment cet avantage nous a été retiré, puisque nous perdons déjà tant à la guerre de l'Angleterre?

Je viens de vous dire qu'il n'était pas question de se chicaner, mais de s'obliger. Nous devons compter sur ce que l'Empereur a dit à Tilsit et conséquemment, sur ces provinces. Reste donc à savoir quand on jugera à propos de nous les laisser occuper tout à fait, quoique le traité d'alliance en laisse entrevoir l'époque; mais l'Empereur vous a témoigné assez de confiance pour vous faire connaître de quel intérêt il serait pour lui que l'Empereur Napoléon lui laissât des avantages de ce côté. Moi je dirais plus: c'est que plus tard, ce seront peut-être les circonstances qui nous feront obtenir ce que nous désirons; aujourd'hui, c'est de vous que

nous le tiendrons, si votre Empereur veut nous aider, et il ne doit pas être indifférent au sentiment de reconnaissance qui suivra un tel procédé de sa part. Croyez-moi, il contribuerait lui-même ainsi à amener le *revirement* des esprits. Je suis persuadé que, s'il voyait la chose d'ici, il ne s'y refuserait pas, au lieu que, quand les circonstances auront amené cet événement, vous conviendrez que cela ne pourra plus être la même chose. Les deux Empereurs sont d'accord sur la *question intentionnelle;* il n'y a donc plus à discuter que l'exécution. Or, nous vous disons franchement ce que nous désirons tenir de vous. Voilà toute la diplomatie qu'il y aura dorénavant entre la France et nous. Je ne regarde pas comme affaires de petites formes ministérielles; quand on a intention de bien vivre, tout cela n'est rien. Il faut aller au fait. Nous voulons ce que votre Empereur a demandé de nous. L'Empereur vous a dit quels inconvénients il y avait pour lui à évacuer la Moldavie et la Valachie et puisque les Turcs se sont donné le premier tort en revenant les occuper, voilà une occasion d'en venir à ce que l'on se propose.

Si l'on n'est pas disposé chez vous à le faire maintenant, quoique je ne voie pour vous aucune raison de différer, nous ne vous demandons que de ne pas nous mettre dans l'obligation de faire une longue guerre et qui sera meurtrière, lorsqu'il faudra entrer en possession définitive. Du reste, nous prendrons la forme que vous voudrez.

Je répondis au comte Roumiantzof:

J'ai bien compris, M. le comte, toutes les bonnes raisons que l'Empereur m'a fait connaître, ainsi que toutes celles que vous venez d'y ajouter.

Je m'en référerai à ce que j'ai eu l'honneur de lui répondre et je vous demanderai, comment vous voulez précautionner contre les difficultés que vous croyez rencontrer en revenant occuper ces provinces, parce qu'enfin, à moins de déchirer tout ce qui a été convenu à ce sujet il y a trois mois, il faut y donner suite. La paix avec les Turcs peut mener à tout ce que vous désirez; il n'y a donc aucune raison pour ne pas la conclure. D'ailleurs, la France est médiatrice dans cette affaire. Le traité de Tilsit a tracé le chemin que l'on doit suivre; l'armistice est son premier point; il

a été conclu. Mais un incident paraît mettre obstacle à son exécution; ce n'est pas une raison pour le rejeter entièrement.

Il ne m'appartient pas de combattre ce que vous me dites de violation de traité de la part des Turcs. Je me borne à vous demander comment vous voulez les prévenir? Mais j'ai l'honneur de vous le répéter: d'abord l'armistice, parce qu'il le faut pour négocier la paix et que la paix mène à tout. Les plénipotentiaires ne peuvent pas se rapprocher avant.

LE COMTE ROUMIANTZOF. Très bien, mon général, je vais mander à M. de Tolstoï ce qui conviendrait que l'on nous accordât. Par exemple, en quoi contrarierait-il votre Empereur de nous laisser occuper les places de guerre? Du reste, nous évacuerions le pays. Je ne vois pas d'autre précaution à pouvoir prendre contre ces vilains-là. En même temps, il sera envoyé au comte Tolstoï des pouvoirs pour traiter de la paix, tels que vous les avez demandés. Mais, vous verrez, mon général, que ces Turcs n'entendront encore rien à cela et qu'à la fin, l'Empereur sera obligé de faire terminer tout cela avec eux. Observez encore que tous nos établissements de la mer Noire sont sous la garde de votre ambassadeur à Constantinople.

Si, dans une matinée il a le dessous, et que l'escadre anglaise passe, c'en est fait d'Odessa, de Sévastopol et de tout notre commerce sur cette côte, qui n'a pas la moindre protection. Voyez quelle chance nous courons. Néanmoins vous serez contents.

Il paraît, d'après une lettre du prince Kourakine reçue aujourd'hui, qu'enfin M. de Sébastiani a repris le dessus, heureusement ou malheureusement, comme vous voudrez. Mais, sans cela, nous aurions été obligés de nous défendre dans la mer Noire en allant occuper les Dardanelles. Pouvez-vous me dire le contraire?

Tenez, général, il vaut mieux que vous nous donniez cela aujourd'hui que de nous l'abandonner quand cela ne sera plus pour nous d'un double prix, comme dans le moment actuel, et l'intention de votre Empereur ne peut pas être d'embarrasser son allié. L'Europe ne dira rien. Qu'est l'Europe? Où est-elle, si ce n'est entre vous et nous? Je pense toujours que votre Empereur n'aime pas les bagatelles et nous aurons plaisir à le servir. Il a accordé ces provinces dans ses conversations. Maintenant, dites-lui de nous

laisser faire le reste et de nous dire seulement où il veut que nous nous arrêtions.

Je vous certifie qu'il sera content de nous. Dites que c'est moi, le fils du maréchal Roumiantzof, qui vous l'ai assuré.

SAVARY.

68.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 18 novembre 1807.

Monseigneur, M. de Saint-Aignan, arrivé ici le 10 de ce mois, m'a remis la dépêche chiffrée que votre excellence m'a fait l'honneur de m'adresser de Fontainebleau le 14 octobre, à laquelle était jointe la copie, également chiffrée, du traité d'alliance.

Mon premier soin, aussitôt la réception de cette lettre, a été de m'occuper des moyens de suivre les instructions qu'elle contenait.

Votre excellence aura pu voir par mes dernières dépêches que, sans connaître encore les intentions formelles de l'Empereur, j'ai déjà pressenti le comte Roumiantzof sur les motifs de la non exécution de l'armistice avec les Turcs. Aujourd'hui, pour obéir à Sa Majesté, j'ai dû demander à l'Empereur de Russie lui-même l'exécution du traité de Tilsit et de l'armistice, toutefois en le faisant dans les termes convenables. Je n'ai pu, pour appuyer ma demande, m'aider d'aucun des arguments que votre excellence avait pensé que je pouvais employer, et qui sont tous relatifs à la Prusse, l'Empereur Alexandre ne m'ayant rien dit à ce sujet.

Les explications successives, que j'ai eues à cette occasion et dont je rends un compte exact à Sa Majesté, Lui feront connaître la vraie raison de la non-évacuation de la Moldavie et de la Valachie. Le premier tort a été malheureusement de la part des Turcs vis-à-vis des Russes; ceux-ci voulaient remplir leurs engagements; les autres leur ont fourni un prétexte plus que suffisant pour retourner sur leurs pas.

Maintenant, la Russie, dont les troupes occupent les provinces qu'elle espère posséder un jour, ne paraît pas disposée à une éva-

tuation, comme celle qui avait été convenue et qui l'exposerait à de nouveaux inconvénients.

J'ai eu avec le comte Roumiantzof des entretiens suivis sur ce sujet. L'intention du gouvernement russe n'est pas cachée. L'Empereur Alexandre demande positivement à l'Empereur Napoléon que ce qu'il lui a promis se fasse maintenant. Il est porté à le désirer, par le besoin qu'il a de présenter à ses peuples un résultat du traité de Tilsit, en quelque sorte, une justification de la paix qu'on a hautement désapprouvée. Les dernières mesures prises contre les Anglais rendent les circonstances plus impérieuses encore; il est nécessaire d'offrir à la nation russe une compensation à la guerre qui se prépare et qui lui paraît si directement opposée à ses intérêts. Cette nation, en acquérant des provinces qu'elle devra à la nouvelle alliance de son Souverain, ne s'en plaindra plus, comme elle fait aujourd'hui, la regardant, disent les ennemis de la France, comme impolitique, inutile et dangereuse pour la Russie.

J'ai fait mon devoir en suivant les ordres de l'Empereur; je crois le faire également en lui rendant compte de tous les motifs que la Russie présente à l'appui de ses prétentions. Il me reste à désirer que Sa Majesté soit satisfaite des rapports que j'ai l'honneur de lui adresser. Ils sont exacts et contiennent toutes les raisons que m'ont répétées officiellement et à plusieurs reprises l'Empereur Alexandre et son ministre. Ce dernier m'a fait voir la dépêche qu'il adresse sur tous ces objets à M. le comte de Tolstoï, qui a ordre de la montrer à votre excellence.

L'ambassadeur de Russie à Paris recevra les instructions et pleins pouvoirs dont l'Empereur désire qu'il soit muni pour traiter avec l'ambassadeur de la Porte Ottomane.

Les dépêches que porte M. de Faudras à Sa Majesté répondent à la dernière partie de la lettre de votre excellence qui est relative à l'Angleterre. La déclaration a été faite au premier désir de Sa Majesté. L'ambassadeur d'Angleterre et toute sa mission sont partis de Pétersbourg pour la Suède.

Il ne restera rien à désirer à l'Empereur non plus pour ce qui regarde la Suède. Il m'a été facile de remarquer par ce que m'a dit l'Empereur de Russie au sujet de la réponse qu'il a reçue du Roi de Suède, que ce prince ne demande pas mieux que de faire sa paix avec la France, s'il peut se soustraire sans danger

aux engagements qu'il avait pris avec les Anglais. Le baron de Stedingk, ambassadeur de Suède, que j'ai rencontré au dernier cercle qui a eu lieu à la Cour, m'a fait, en politesses, des avances qui ont été remarquées. Il est personnellement grand partisan de la France et ami de la paix. J'ai des raisons de croire que, si l'Empereur veut faire dire quelque chose au Roi de Suède par la voie de Pétersbourg, on ne saurait mieux choisir que cet ambassadeur. La paix, aux conditions que voudrait Sa Majesté, serait bientôt signée ici par la médiation de la Russie, si l'Empereur était dans l'intention d'adresser à M. de Laforest ses instructions et des pouvoirs. Au reste, il n'y aura pas de temps de perdu pour une pareille négociation, L'hiver, en fermant la navigation de la Baltique, tranquillisera le Roi de Suède sur le sort de sa flotte, que dans toute autre saison, les Anglais pourraient facilement lui enlever.

SAVARY.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

69.

Savary à Alexandre Ier.

Saint-Pétersbourg, 24 novembre 1807.

Sire, lorsque j'ai eu l'honneur d'adresser hier à Votre Majesté l'extrait de la lettre de l'Empereur, je n'avais pas encore pris connaissance du paquet ministériel qui l'accompagnait. Je m'empresse de la Lui adresser parce que j'ai pensé qu'Elle mettrait quelque intérêt au traité avec le Danemark.

Je prie Votre Majesté de me permettre de saisir cette occasion de mettre mon dévouement à Ses pieds.

SAVARY.

Archives des Affaires Etrangères,
Saint-Pétersbourg.

70.

Champagny à Savary [285].

Milan, le 1er décembre 1807.

Monsieur, c'est de Milan où j'ai suivi Sa Majesté que j'ai l'honneur de vous écrire. L'Empereur a été reçu dans cette capitale de son royaume d'Italie avec des démonstrations très sincères de l'attachement d'un peuple qui s'applaudit de lui devoir son indépendance et son bonheur, et qui est fier de l'honneur de l'avoir pour son souverain immédiat. Sa Majesté a donné aux affaires les premiers moments de son arrivée, et toute l'administration italienne en a reçu une vive impulsion. Elle s'est également occupée des affaires extérieures, et elle me charge de vous mander de nouveau qu'elle vous autorise à revenir à Paris, aussitôt que M. de Caulaincourt aura eu sa première audience et que vous l'aurez mis au fait des affaires que vous avez suivies jusqu'à ce jour, et que vous lui aurez fait connaître les principaux personnages avec lesquels il doit avoir des relations. Annoncez à l'Empereur Alexandre que ses troupes se mettront aujourd'hui en marche de Padoue pour traverser les Etats autrichiens, conformément à la convention dont je vous ai envoyé copie et que j'ai fait connaître à M. Tolstoï.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Etrangères, Paris.

71.

Savary à Napoléon.

LETTRE.

Saint-Pétersbourg, 6 décembre 1807.

Sire, j'ai reçu les lettres que Votre Majesté m'a fait l'honneur de m'écrire sous la date des 30 octobre, 1er et 7 novembre; j'espère qu'Elle a reçu maintenant les dépêches que portait M. de Faudras, parti d'ici le 4 novembre, ainsi que celles que

portait un courrier à moi qui est parti le 18, et que, par ces deux expéditions, Votre Majesté aura vu que tout ce qu'Elle désirait de la part de la Russie contre l'Angleterre est effectué.

J'ai également un compte favorable à lui rendre de l'activité qui règne dans les préparatifs contre la Suède ; tout est maintenant arrivé, et l'Empereur, en m'entretenant de cette expédition, m'a dit qu'il espérait que dans un mois il occuperait toute la Finlande jusqu'à Abo. Il fait un froid bien rigoureux, et c'est un misérable pays, où les troupes russes souffriront beaucoup ; il faut y importer de quoi faire vivre les hommes et les chevaux ; pendant que tout cela s'organise, on ne perd pas de temps ici, on presse l'ambassadeur de Suède de faire décider sa Cour, et on lui a signifié que l'on ne voulait point d'autres arrangements, si ce n'est celui d'entrer dans la cause commune. Je regarde donc Votre Majesté comme bien servie de ce côté-là.

Quant au troisième point, qui est l'affaire des Turcs, mes dépêches du 18 auront déjà fait connaître à Votre Majesté tout ce que l'on désire ici à ce sujet, et j'espère que celle-ci La satisfera pleinement sur les intentions où est l'Empereur de Russie relativement à la Valachie et à la Moldavie. J'ai fidèlement rendu tout ce qu'il m'a dit, et tout ce que je lui ai répondu ; Votre Majesté désire connaître quels sont ses projets, et je puis Lui certifier qu'il n'en a point d'autres que ceux qu'il m'a manifestés, et qu'il est animé du meilleur désir de consolider tout l'ouvrage de Tilsit.

Avant d'avoir eu avec lui la conversation dont je joins ici le rapport, il avait reçu un courrier du comte Tolstoï qui lui rendait compte de celle que Votre Majesté avait eue avec cet ambassadeur au sujet de l'acquisition de ces deux provinces par la Russie, et des compensations qu'Elle avait le projet de retenir en Prusse.

Je l'ai trouvé peiné et même affecté de cette proposition. Il m'a parlé longtemps sur cette matière, et m'a répété souvent, combien il éprouvait de mal d'être encore obligé d'entretenir Votre Majesté de la Prusse. Je n'ai pas remarqué qu'il éprouvât un autre sentiment que celui d'un véritable chagrin ; parfois il se cabrait contre cette idée, mais il revenait toujours aux bons termes ; il m'a répété souvent que Votre Majesté lui avait promis de laisser

l'existence au Roi de Prusse, et je ne fais nul doute que, si c'est aux dépens de ces provinces qu'il doit posséder celles des Turcs, il renoncera tout à fait à ce projet, quoiqu'il m'ait dit combien il désirait les acquérir, et comme il a compté dessus, si ses espérances sont déçues, les relations de la France en Russie en souffriront indubitablement.

J'ajouterai à Votre Majesté que j'ai eu plusieurs occasions de me convaincre que le parti russe dans les provinces était beaucoup plus fort que l'autorité de la Porte; tous les militaires qui reviennent de cette armée me donnent des détails qui me prouvent que, si même l'évacuation avait lieu, les Valaques et les Moldaves seuls, joints aux Serviens, secoueraient tout à fait le joug des Turcs; je ne doute point que le cabinet russe n'ait organisé cette insurrection lors de l'entrée des troupes russes dans ces provinces; il a même, à cette époque, envoyé le prince moldave, Ypsilanty, à Bucarest, où il a rassemblé ses partisans. On regarde à Pétersbourg cette acquisition comme impossible à échapper à la Russie, et tout porte à croire que les esprits de la population sont tels, que tôt ou tard, ils appartiendront à la Russie; c'est ce que le comte Roumiantzof m'a encore répété hier, en me disant qu'il désirait que la France eût au moins l'air de les leur donner, parce que cela amènerait le rapprochement que l'Empereur s'efforçait d'opérer entre les deux nations.

Je dois dire à Votre Majesté que, si les Russes sont obligés de renoncer à ces deux provinces, cet événement produira ici un changement qui ne nous sera point favorable, et les esprits qui commencent à nous revenir ne manqueront point à nous abandonner de nouveau, pour se jeter dans le parti anglais, qui est déjà fortement ébranlé, et par là, ranimeraient l'opposition contre nous; alors le gouvernement lui-même resterait presque sans force, et il convient qu'il l'attend de nous.

L'Empereur m'a particulièrement recommandé d'exprimer à Votre Majesté combien il était sensible à tout ce qui avait été fait pour le comte Tolstoï. Il s'empressera de rendre les mêmes témoignages d'attachement à Votre Majesté dans la personne de son ambassadeur; il sera magnifiquement logé et jouira de tous les avantages de faveur que l'on n'accorde point ordinairement à la Cour de Russie. Dans la capitale l'on ne parle que de la

réception faite au comte Tolstoï; les jeunes gens qui l'accompagnent ont écrit à leurs familles dans le meilleur sens, entre autres, le jeune Gouriéf, dont le père est ici ministre des apanages de la Cour [236], grand admirateur de la France et jouissant ici de la considération générale. On sait, également, ce que Votre Majesté a accordé relativement aux cadets de la marine et aux fusils, de sorte que tout concourt jusqu'à présent à nous rendre l'opinion nationale favorable. Je réitérerai à Votre Majesté le désir que j'ai de voir arriver un nouvel ambassadeur d'Espagne; M. del Pardo est annoncé comme tel, mais il reste à Berlin, je ne sais par quelle raison. Il serait utile à notre ambassadeur de trouver ici de bons ministres de nos alliés; la Hollande, Naples, l'Italie, et les souverains d'Allemagne n'ont point encore fait connaître le désir d'en envoyer, cependant l'on est tout disposé à les très bien accueillir; l'on a même déjà désigné quelques-uns de ceux de Russie que l'on se propose d'accréditer près de ces Cours. Si telle est l'intention de Votre Majesté, il y aurait un grand avantage à presser leur arrivée, afin de rendre nuls les anciens ministres de ces pays qui sont encore à Pétersbourg, où ils ne peuvent que nuire à notre ambassadeur, en lui détournant l'opinion d'une partie des cercles; à cette occasion je rappellerai ce que j'ai dit de M. de Merveldt. C'est une pierre dans le chemin de la France en Russie, surtout depuis qu'il a été déshonoré dans nos journaux; il va jusqu'à désapprouver hautement la conduite de sa Cour envers l'Angleterre, et il n'y a sorte de petits empêchements qu'il n'ait mis à tout ce que j'ai entrepris ici.

J'ai eu occasion de parler à l'Empereur de la possibilité où pourrait être Votre Majesté de désirer une entrevue avec lui. Il y est tout disposé et il m'a dit: «Avant la fin des affaires de Suède je ne puis sortir de chez moi, parce qu'il faut que je sois sûr que le Sund sera fermé au printemps, et si je perds mon temps avec cette Cour, je verrai les Anglais devant Riga, Réval et Cronstadt pendant toute la belle saison; mais après cette opération, je suis à vos ordres. Vous connaissez le désir que j'ai de voir Paris, mais particulièrement, celui de causer encore quelques jours avec lui, et s'il ne m'était pas possible d'aller à Paris, ce que je ne crois pas, et qu'il voulût bien venir à Weimar, je préférerais ce rendez-vous à tout autre». Je n'ai pas poussé cet

entretien plus loin, mais je suis certain qu'il désire ardemment cette entrevue, et si Votre Majesté juge à propos de l'amener, Elle gouvernera décidément en Russie.

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

72.

Savary à Napoléon.

RAPPORT.

Saint-Pétersbourg, 6 décembre 1807.

Sire, j'ai mis sous les yeux de l'Empereur de Russie l'extrait des différentes dépêches que j'ai reçues de Votre Majesté sous la date du 30 octobre, des 1er et 7 novembre, après avoir eu, toutefois, le soin d'en retrancher ce que j'avais cru ne devoir point communiquer. L'Empereur m'écrivit, une heure après que j'avais envoyé chez lui, la lettre que je joins ici.

Le 1er décembre je fus invité à dîner à la Cour. Après le dîner, l'Empereur me fit passer dans son cabinet et nous eûmes l'entretien suivant. Il me laissa à peine parler, et commença ainsi:

L'EMPEREUR. Général, j'ai bien à vous remercier de tout ce que vous m'avez fait lire. Dites à l'Empereur combien je suis reconnaissant de tout ce qu'il m'accorde pour mes cadets, pour les fusils, et n'oubliez pas de lui dire tout ce que vous me voyez éprouver pour la belle réception qu'il a faite à mon ambassadeur.

Le sien sera reçu avec les mêmes distinctions, et sans doute, j'aurai grand plaisir à lui prouver la sincérité de mon attachement. Ce matin j'ai vu la magnifique porcelaine et je vous assure que je ne m'en faisais pas une idée. J'étais déjà en redevance, mais si l'autre service qui arrive est aussi beau que cela, il me sera impossible de m'acquitter. Maintenant, je vais vous parler d'une chose qui m'affecte. Tolstoï m'écrit, et je ne puis vous taire le chagrin que me fait éprouver son rapport.

Il paraîtrait, d'après ce qu'il me dit, que l'Empereur lie l'occupation de la Prusse à l'affaire de la Valachie et de la Moldavie.

Jamais je n'ai pensé que ces deux points eussent le moindre rapport entre eux, et comme je vous ai toujours parlé franchement, vous allez connaître là-dessus ma profession de foi.

L'Empereur doit se rappeler qu'à Tilsit il n'a pas pu me faire accepter les dépouilles d'un Prince, qui était encore mon allié; il voulait me faire prendre Mémel et je l'ai supplié de ne pas me faire violence de ce côté-là. Il a vu avec quelle répugnance j'ai consenti à un petit arrangement de frontière qui enlevait un coin de terre à la Prusse. L'Empereur a eu la bonté de m'écouter, et c'est toujours avec un sentiment d'admiration que je me rappelle que c'est à mon intercession, qu'il a conservé à ce Prince l'existence chétive qu'il a encore aujourd'hui.

Ce n'est que par condescendance qu'il l'a fait, puisque le succès de ses armes lui permettait tout; mais il n'a jamais été question de faire une même affaire de l'occupation des provinces turques et des provinces prussiennes. Si cela était ainsi, je vous demande à quoi aurait servi mon intercession pour ces malheureux, et si je n'aurais pas été en opposition avec le principe qui me faisait une loi d'honneur de ne rien accepter de ce que le succès de mes armes ne m'avait pas donné le droit de défendre?

Si, en obtenant de l'Empereur qu'il veuille bien leur remettre leur pays, j'avais pris l'engagement secret de consentir à leur démembrement en échange de l'acquisition de la Valachie et de la Moldavie, n'aurais-je pas concouru à leur destruction?

L'Empereur ne m'a jamais parlé de cela, et de plus, j'ajouterai que je crois qu'il a vu combien j'en aurais éprouvé de peine. Il sait que nous avons été alliés. Je ne demande qu'à être dégagé de cette alliance, mais, en honneur, ce n'est point la simple promesse qui m'a été faite de leur rendre leur pays qui suffit pour me dégager de tout ce que je leur dois; il faut, au moins, les remettre en possession de ce que l'Empereur a bien voulu leur laisser. Si, après cela, ils s'attirent quelques nouveaux malheurs, je ne me croirai plus obligé de les aider; mais ils s'en garderont bien. Que peuvent-ils faire?

RÉPONSE. Sire, j'ai eu occasion d'entretenir plusieurs fois Votre Majesté des affaires de Prusse et il me souvient très bien qu'Elle m'a toujours répondu qu'Elle ne prenait plus à ce pays d'autre intérêt que celui du souvenir d'une ancienne alliance, mais sans y

mettre aucun office. Elle m'a même ajouté qu'Elle regardait comme un bienfait particulier tout ce que l'Empereur ferait pour le Roi de Prusse.

Cependant M. de Tolstoï paraît avoir fait de la demande de l'évacuation de la Prusse le point principal de sa mission; il a même mis de la chaleur dans ses instances, et l'on a dû penser que cette affaire était l'objet capital de ses instructions.

Votre Majesté connaît les motifs qui ont prolongé l'occupation de ce pays et le désir de l'Empereur de terminer promptement. J'observerai que, si Votre Majesté juge à propos d'intercéder près de la France pour l'évacuation de la Prusse, il faut aussi qu'Elle intervienne près de la Prusse pour l'acquittement des contributions, qu'elle doit encore à la France, et avant le paiement desquelles les troupes françaises ne sortiront point des provinces prussiennes.

L'Empereur n'a point proposé le démembrement de la Prusse. Il a pressenti M. de Tolstoï sur les compensations qu'il désirait obtenir en échange de la Valachie et de la Moldavie par Votre Majesté et, comme il ne l'a pas trouvé instruit sur cette partie des projets de Votre Majesté, comme il l'aurait désiré, ce n'était pas à lui de lui faire connaître la politique de son pays.

L'Empereur a le désir de tout concilier et veut tout ce qui peut resserrer les liens entre la Russie et la France. Il ne demande qu'à connaître les intentions de Votre Majesté. Si Elle fait une affaire d'office de l'évacuation de la Prusse, Elle trouvera l'Empereur prêt à entrer en accommodement, aussitôt qu'on lui aura fait savoir ce que désire Votre Majesté. Si Elle veut retenir la Valachie et la Moldavie, il est également disposé à s'y prêter, toutefois, avec un avantage égal pour lui, de manière à maintenir l'état respectif des deux puissances. Mais Votre Majesté ne saurait trouver convenable que, protégeant Son allié, la France abandonnât tout à fait le sien.

L'Empereur m'avait écouté attentivement et me répondit ainsi :

L'EMPEREUR. Vous avez très bien dit, général, je n'ai jamais fait une affaire d'office de l'évacuation de la Prusse, parce que j'ai toujours cru à ce que l'Empereur m'avait promis pour ce pays; aussi, vous ai-je dit que je trouvais toute simple l'occupation prolongée jusqu'à l'acquittement des contributions, et je dirai plus, c'est que je les ai pressés à Mémel d'en finir absolument comme

l'Empereur le voulait, et vous n'avez pas entendu une seule réclamation de ma part sur cette évacuation. Aujourd'hui, il paraît être question de toute autre chose que d'argent. Le royaume de Prusse est tellement réduit que la moindre acquisition que l'on ferait sur lui lui coûterait l'existence ; alors à quoi mon intercession aurait-elle servi? Qu'aurais-je obtenu de ce que l'on m'avait promis, et comment, après avoir refusé les dépouilles du Roi de Prusse à Tilsit, pourrais-je à présent entrer dans le partage de ses provinces, avant même qu'on lui eût rendu son existence? L'Empereur se rappellera qu'il n'a pas été question entre nous de la Prusse, comme compensation de la Valachie et la Moldavie ; il voyait bien qu'avec les sentiments que je conservais à ces malheureux, un pareil arrangement était incompatible. D'ailleurs, il pensait que le démembrement de la Prusse n'offrait rien à sa gloire qui fût digne d'elle. Il avait trouvé des vues d'acquisition pour la France d'un autre côté; il avait nommé l'Albanie, la Morée, Candie, les îles Ioniennes, et j'étais tellement dans cette persuasion, que je lui ai à peine donné le temps de désirer la remise de ces îles, ainsi que de Cattaro. Il me rendra aussi la justice de se rappeler que je n'avais point parlé de la Valachie et de la Moldavie, que c'est lui qui m'en a parlé le premier, en me disant qu'après une longue guerre *il fallait se remontrer à sa nation avec un beau côté, qui pût faire oublier les sacrifices.*

Je n'avais pas le projet de faire cette acquisition. Depuis votre arrivée nous en avons parlé et j'ai eu assez de confiance en vous pour vous faire connaître toutes les raisons que j'avais de désirer conserver ces provinces, mais, si je devais les posséder aux dépens de la Prusse, par suite d'un accord passé dans la position actuelle où est le pays dont j'ai été l'allié, j'aime mieux y renoncer. Je ne voudrais pas de tout l'Empire Ottoman à ce prix ; je fais de cela une affaire d'honneur, et vous devez comprendre que ce que l'Empereur m'avait promis pour le Roi de Prusse n'ayant pas été fait, je me regarde encore comme obligé d'intercéder pour lui.

Maintenant, veut-il protéger son allié, a-t-il des raisons de ne point consentir de quelque temps à l'occupation définitive de ces provinces? N'en parlons plus *d'ici-là*. Entre nous, je vous dirai que je suis un peu surpris de ce changement, parce que je me rappelle que l'Empereur m'a dit qu'il fallait éviter de se rencontrer,

parce que l'on se touchait, *les querelles de douanes finissant souvent par des coups de canon.*

Le 5 décembre, je reçus de nouveau une invitation de dîner à la Cour. Je fus introduit comme de coutume dans le cabinet de l'Empereur.

Sa Majesté me rappela de ce qui avait fait le sujet de Sa dernière conversation et toujours dans le même sens, en ajoutant :

L'EMPEREUR. Si je désire autant que mon intercession pour la Prusse ne soit pas sans résultat, c'est que le motif qui m'y porta dans le temps m'en fait un devoir. Aujourd'hui, non seulement moi, mais toute l'Europe sait que l'Empereur n'a laissé d'existence à la maison de Brandebourg qu'à mon intercession. Lui-même l'a dit à son Sénat, à son Corps Législatif, à toute sa nation. Les paroles de l'Empereur ont consacré à jamais l'amitié qui nous lie et ce que sa générosité a accordé à cette amitié, il ne peut pas vouloir maintenant le refuser.

Quand je me rappelle plus en détail nos entretiens de Tilsit, je me persuade davantage qu'il y a quelque fausse interprétation dans ce que m'écrit Tolstoï.

Ne taisez rien à l'Empereur de tout ce que je vous ai dit, général, parce que je vous ai parlé à cœur ouvert. Il n'y a que la franchise des explications qui puisse prévenir toute espèce de malentendus entre lui et moi [237].

SAVARY.

Archives Nationales,
Paris.

73.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 6 décembre 1807.

Monseigneur, j'ai l'honneur d'accuser réception à votre excellence de cinq lettres qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire le 31 octobre, les 1, 8 et 10 novembre. Ces lettres contenaient des communications dont j'ai pu, en partie, donner connaissance à l'Empereur Alexandre. Sa Majesté paraît toujours plus satisfaite du ton

de franchise qui s'établit dans les relations qui L'unissent à l'Empereur Napoléon. Elle me le témoigne souvent par des protestations qui répondent parfaitement au style des lettres que je reçois de l'Empereur.

Les détails que vous me donnez sur le Portugal ont suffisamment expliqué ce qui se fait contre cette puissance. Le gouvernement russe a vu avec plaisir que les choses s'avançaient de ce côté.

La résolution prise par la Cour de Vienne satisfait pleinement ici. Votre excellence aura pu voir, par mes précédentes dépêches, que la Russie était prête à seconder les intentions de la France, si les insinuations faites au comte de Metternich n'eussent pas été suivies d'un résultat si prompt et si conforme aux volontés de l'Empereur.

J'ai communiqué au ministère russe, suivant le désir de Sa Majesté, les paragraphes de la lettre du comte de Stadion au comte de Stahremberg. Cette marque de confiance a été appréciée.

Je me suis empressé aussi de faire connaître le traité que votre excellence a signé avec M. de Dreyer. L'Empereur de Russie a vu dans ce traité de nouvelles preuves de l'amitié prévoyante de son allié; il y a paru sensible.

Tout ce que l'on fait en Finlande depuis un mois est l'exécution des désirs de l'Empereur. J'ai déjà rendu compte des dispositions que l'on préparait de ce côté, et votre excellence aura vu par mes différentes dépêches que j'avais obéi aux premières intentions de Sa Majesté dès que je les ai connues. L'armée de Finlande passe dans ce moment les frontières de la partie suédoise. L'Empereur Alexandre interprète le silence du Roi de Suède comme un refus de se prêter aux arrangements proposés, et l'indécision du cabinet de Stockholm va coûter au Royaume une de ses provinces.

Les lettres où votre excellence a bien voulu m'instruire du détail de ses entretiens avec le comte de Tolstoï m'avaient préparé à répondre à ce qui pourrait m'être dit à ce sujet. J'ai fait observer, quand on m'en a parlé, que l'Empereur n'avait pu qu'être surpris de voir l'ambassadeur de Russie insister sur l'évacuation de la Prusse, comme si cette affaire était l'objet principal de ses instructions, tandis que jusqu'à présent, l'Empereur Alexandre n'avait pas témoigné d'autre intérêt sur le sort de ce Royaume que celui

que pouvait laisser le souvenir d'une ancienne alliance. J'ai fait voir que cette évacuation ne dépendait que de l'exécution de conditions auxquelles la Russie était absolument étrangère, puisqu'il s'agissait de payement de contributions. En observant qu'aucun terme n'avait été fixé pour le départ des troupes françaises, j'ai fait valoir la condescendance de l'Empereur pour Leurs Majestés Prussiennes, en consentant à rappeler son armée en deçà de la Vistule pour laisser à la Reine la liberté de se rendre à Kœnigsberg. On a senti toutes ces réflexions; on est même convenu que le comte Tolstoï avait outrepassé ses instructions ou les avait mal comprises en traitant comme une affaire principale une affaire qui n'était que secondaire. Mais, en même temps, j'ai pu voir que, si cet ambassadeur n'était pas entièrement désapprouvé, c'est que l'écart qu'on aurait pu lui reprocher semble être justifié aux yeux de sa Cour par les découvertes qu'il prétend avoir faites. Il paraît que les dépêches de M. de Tolstoï ne font appréhender rien moins qu'un démembrement total des provinces que le traité de Tilsit a conservées à la Prusse. Votre excellence saura mieux que moi où l'ambassadeur de Russie a pu puiser de semblables données. M. de Tolstoï paraît avoir dans le caractère et dans l'esprit une timidité qui a pu tromper son jugement. Il n'a pas fallu davantage que ses rapports pour que sa Cour prît la chose au sérieux, et déjà l'on m'a témoigné des craintes à ce sujet. Je n'avais aucune instruction pour répondre catégoriquement. J'ai dû me renfermer dans le sens des lettres de l'Empereur et de celles de votre excellence qui ne laissaient entrevoir rien de semblable à ce que le comte de Tolstoï annonce. Je m'applaudis de ne m'être pas servi dans le temps des arguments contenus dans la dépêche chiffrée de votre excellence, du 14 octobre, lorsqu'il s'agissait de demander l'évacuation de la Moldavie et de la Valachie. On n'aurait pas manqué de les rétorquer contre moi, aujourd'hui que la France paraît vouloir reconnaître quelque rapport entre le sort de ces provinces et celui de la Prusse.

Dans les conversations que j'ai eues à cette occasion avec l'Empereur de Russie, ce Prince s'est montré fermement opposé au démembrement dont parle son ambassadeur. Il le trouve, dit-il, trop contraire aux dispositions du traité de Tilsit pour y croire; il compte trop sur la loyauté de son plus fidèle allié; il a déjà

trop de garanties de sa générosité. Il m'a ajouté qu'il serait prêt à renoncer aux espérances que lui donne le traité secret, si le sort futur de la Moldavie et de la Valachie devait être lié au sort des provinces du Royaume de Prusse. Je rends compte de ces conversations à Sa Majesté. J'ai cru devoir lui rapporter fidèlement jusqu'aux expressions dont on s'est servi avec moi. C'est le moyen de pouvoir faire mieux juger de l'impression qu'ont causée ici les premiers rapports de l'ambassadeur de Russie. Il pourrait devenir dangereux qu'une telle impression ne fût pas promptement effacée. Le parti anglais a conservé ici des amis zélés qui sauront profiter du premier moment et qui ne laisseront pas échapper la première occasion de nous nuire, en alarmant l'esprit du Souverain contre les intentions de la France. Il faut ici une grande vigilance et bien des soins pour maintenir les choses dans l'état où elles sont pour nous. L'Empereur et son ministre, le comte de Roumiantzof, sont les seuls vrais amis de la France en Russie. C'est une vérité qu'il serait dangereux de taire. La nation serait toute prête à reprendre les armes et à faire de nouveaux sacrifices pour une guerre contre nous. Un grand moyen de rapprochement entre les deux pays et que le gouvernement semble attendre de la France, c'est l'accroissement de la puissance russe du côté de la Turquie ; cet événement, en ajoutant à la force de l'Empereur Alexandre, donnera à son alliance la direction et l'utilité que l'Empereur en attend.

L'accueil que l'on a fait à Paris et à Fontainebleau au comte de Tolstoï a fait ici une grande sensation. On raconte partout la manière distinguée dont il a été traité. L'Empereur Alexandre a été sensible à tout ce que l'Empereur Napoléon a fait pour son ambassadeur. Sa Majesté m'a chargé d'exprimer ses remercîments et le comte Roumiantzof m'a parlé dans le même sens, au nom de son maître. On est disposé à faire tout ce qu'on pourra ici pour recevoir dignement l'ambassadeur de France. L'Empereur a donné ordre d'acheter un hôtel, où il pût être convenablement logé.

Le service de porcelaine a fait grand plaisir. Il est exposé dans une des salles de l'Hermitage où tout le monde s'empresse de l'aller voir. M. de Lesseps, qui en a fait la présentation à l'Empereur, doit rendre compte à votre excellence de tout ce qui lui a été dit d'agréable à ce sujet. L'Empereur a trouvé ce service

superbe. Il est heureusement arrivé sans le moindre accident, grâce aux soins que M. le grand-maréchal Duroc avait fait prendre lors de l'emballage.

Je parle de nouveau à Sa Majesté de la nécessité de former promptement à Saint-Pétersbourg un corps diplomatique qui puisse entourer l'ambassadeur de France. Je ne saurais trop insister auprès de votre excellence pour ne pas lui laisser oublier ce que j'ai eu l'honneur de lui mander déjà au sujet du comte de Merveldt. C'est un homme qui ne peut que nuire à la France ici, et qu'il est instant de rappeler. L'existence publique du duc de Serra-Capriola, comme ambassadeur de Naples, est une contradiction trop forte avec l'état actuel des choses; il est traité partout selon son ancien caractère; il assiste régulièrement aux cercles de la Cour et reçoit les notifications officielles. Si le Roi Joseph témoignait seulement le désir d'avoir ici un ambassadeur ou un ministre, le duc de Serra-Capriola rentrerait bientôt dans la classe des particuliers. Il n'y a pas de temps à perdre non plus pour les Royaumes d'Italie, de Hollande, de Bavière, de Wurtemberg et de Westphalie. Le comte d'Einsiedel, ministre de Saxe, a reçu ses nouvelles lettres de créance. Lui et le baron de Blome, ministre de Danemark, sont d'excellents choix.

Le comte de Roumiantzof fait partir demain les pouvoirs nécessaires au comte de Tolstoï pour traiter avec le plénipotentiaire turc. Il écrit à cet ambassadeur une longue lettre qu'il a ordre de montrer à votre excellence. SAVARY.

P.-S.—Je n'ai encore aucune nouvelle de M. de Caulaincourt L'Empereur a envoyé au devant de lui des feldjäger et l'ordre à tous les gouverneurs de province de lui prodiguer tous les égards qu'on a eus pour le comte de Tolstoï. Je compte me mettre en route aussitôt qu'il sera ici et dès que je lui aurai donné tous les renseignements qui lui seront nécessaires. Le choix que Sa Majesté a fait du général Caulaincourt me fait suffisamment penser qu'Elle n'a plus le projet de me laisser ici. Je me rendrai à Paris par la route la plus courte et accompagné d'un courrier.

7 décembre, à 3 heures du matin. P.-S. — J'arrive de la Cour. Le comte Roumiantzof m'a fait voir hier soir la dépêche que l'on adresse au comte Tolstoï aujourd'hui [238]. L'Empereur en m'en

parlant à son bal m'a dit: «J'ai voulu que l'on s'expliquât en ces termes dans la dépêche officielle que l'on doit montrer à M. de Champagny et j'ai préféré vous charger de dire les choses un peu fortes dont je vous ai entretenu. Je compte sur vous pour cela».

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

74.

Napoléon à Savary.

Venise, 7 décembre 1807.

Je reçois votre lettre du 4 novembre et les pièces qui l'accompagnent. Vous trouverez ci-joint une lettre que vous remettrez à Caulaincourt. Je serai le 20 décembre à Paris. Le ministre des relations extérieures vous a envoyé la convention avec l'Autriche et celle avec le Danemark. Mes troupes sont entrées à l'heure qu'il est à Lisbonne, fort à propos pour l'escadre de l'amiral Séniavine, qui a jugé à propos de se rendre dans cette ville. J'ai fait passer votre déclaration dans toute l'Adriatique, de sorte que pas un vaisseau, pas un brick russe ne deviendra victime de la rapacité anglaise [239].

Du moment que Caulaincourt sera bien au courant, revenez à Paris.

Faites connaître à l'Empereur que les Rois de Hollande, de Naples et de Westphalie envoient des ministres à Saint-Pétersbourg; j'attendrai cependant de savoir positivement si cela est agréable à l'Empereur, ces souverains ne voulant rien faire qui ne lui plaise [240]. Je pense que de grands seigneurs riches formeront à Saint-Pétersbourg autant de grandes maisons, qui seront toutes dévouées à l'Empereur et marcheront dans le sens de Tilsit.

Les commandants des troupes russes qui sont à Padoue ont témoigné le désir d'attendre de nouveaux ordres de Saint-Pétersbourg avant de partir; j'y ai consenti. Il y a eu aussi de petits différends avec les commandants, qui veulent être traités différemment que notre administration ne le comporte. Tout sera réglé à l'amiable et il ne leur sera rien refusé de tout ce qu'il est convenable de leur accorder. Les prisonniers russes qui sont partis de

Mayence sont armés de mes meilleurs fusils; vous pourrez le dire à l'Empereur, qui, à leur arrivée à Riga, pourrait prendre ces fusils pour ses gardes.

Revenez à Paris; je serai fort aise de vous voir, car vous connaissez l'attachement que je vous porte et le cas que je fais de vos services; je me plairai à vous en donner des preuves dans toutes les circonstances, tout en blâmant cependant la force de vos réparties aux observations du ministre des relations extérieures, qui ne vous écrit rien que je ne lui aie ordonné de vous écrire. Monsieur le général Savary voudra bien permettre que, toutes les fois que je trouve des observations à faire à ses rapports, je les lui fasse dire.

J'ai des forces considérables à Corfou. L'armée de Dalmatie est en bon état. Toutes les nouvelles qu'on vous a données de Turquie sont controuvées. Mon premier but, comme le premier sentiment de mon cœur, est de modifier ma politique de manière à accorder mes intérêts avec ceux de l'Empereur Alexandre.

NAPOLÉON.

Archives Nationales,
Paris.

75.

Champagny à Savary.

Venise, 7 décembre 1807.

Monsieur, j'ai reçu les deux lettres des 20 octobre et 4 novembre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire. Sa Majesté a bien voulu me communiquer les pièces très intéressantes que vous lui avez directement adressées. Vous couronnez par un beau et utile succès une mission constamment brillante; toutes les espérances qu'elle a fait naître sont remplies, et votre carrière diplomatique n'est pas moins glorieuse que votre carrière militaire. L'Empereur est aussi satisfait de votre conduite que des bonnes nouvelles que vous lui annoncez.

Il me charge de vous renouveler l'autorisation que je vou ai déjà donnée en son nom de quitter Saint-Pétersbourg, du moment où M. de Caulaincourt sera établi dans son nouveau poste,

et il n'aura plus besoin de votre présence auprès de lui; il aura eu à recueillir de vous d'utiles renseignements. Revenez alors à Paris, content du bien que vous avez fait et du suffrage que vous avez obtenu.

CHAMPAGNY.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

76.

Savary à Roumiantzof.

Saint-Pétersbourg, 20 décembre 1807.

Monsieur le comte, je viens réclamer de la complaisance de votre excellence des soins pénibles à mon cœur, puisqu'ils sont relatifs à mon départ de Russie. Je compte partir dimanche matin. J'ai déjà écrit au grand-chambellan pour lui demander une audience de congé pour moi et MM. Lelorgne et Talhouet. Je prie votre excellence de vouloir bien me faire expédier les passeports qui me sont nécessaires. Je compte aussi la prier de m'accorder un feldjäger, pour m'accompagner jusque sur les frontières et me rendre plus faciles les difficultés du voyage que je vais entreprendre. J'aurai besoin de vingt-quatre chevaux à chaque poste. Vous voudrez peut-être bien, M. le comte, faire donner des ordres pour qu'ils se trouvent aux stations de la route, par *Vilna*, *Grodno*, *Bialystok* et *Briansk*. Je vous demanderai une podorojna pour décembre 27. Je compte me mettre en route dans la matinée.

Je crois superflu de vous assurer, M. le comte, de tous les regrets que j'emporte de Saint-Pétersbourg. J'ose espérer que vous me rendez assez de justice pour me dispenser d'exprimer à votre excellence ce que je ne pourrais lui peindre que faiblement.

J'ai l'honneur de vous renouveler, M. le comte, l'assurance de ma très haute considération et de mon bien sincère attachement.

SAVARY.

Archives des Affaires Etrangères,
Saint-Pétersbourg.

77.

Roumiantzof à Savary.

Saint-Pétersbourg, 21 décembre 1807.

Le comte de Roumiantzof a l'honneur de restituer à M. le général de Savary la copie de la convention conclue à Fontainebleau, le 10 octobre, entre la France et l'Autriche, qu'il a bien voulu lui confier et, en en exprimant à M. le général toute sa reconnaissance, il profite avec empressement de cette occasion pour lui renouveler l'assurance de sa haute considération.

Archives des Affaires Étrangères,
Saint-Pétersbourg.

78.

Roumiantzof à Savary.

Saint-Pétersbourg, 22 décembre 1807.

Le comte de Roumiantzof serait très flatté si M. le général de Savary voulait bien lui faire l'honneur de passer chez lui, dans la matinée de demain, à onze heures, midi ou une heure, selon que cela lui conviendra le mieux. Il saisit en attendant cette occasion pour renouveler à M. le général l'assurance de sa haute considération.

Archives des Affaires Étrangères,
Saint-Pétersbourg.

79.

Savary à Champagny.

Saint-Pétersbourg, 23 décembre 1807.

Monseigneur, d'après les intentions de l'Empereur qui m'ont été transmises par votre excellence, j'ai remis à M. de Caulaincourt toutes les affaires et la correspondance ministérielles que j'avais entre les mains [241].

L'ambassadeur de Sa Majesté est descendu à l'hôtel qu'avait

fait acheter l'Empereur Alexandre pour le recevoir et qui est le plus beau et le mieux meublé de Saint-Pétersbourg, après le palais qu'occupe le Grand-Duc. Je l'ai accepté au nom de l'Empereur, d'après l'autorisation que m'en avait donnée Sa Majesté; mais je laisse au consul général le soin de faire le traité d'échange et de signer les inventaires.

Je me dispose à obéir aux ordres de l'Empereur, en me rendant au plutôt auprès de sa personne. Je compte partir dans trois jours [242].

SAVARY.

P.-S. — J'ai l'honneur de prévenir votre excellence que je viens de signer de nouvelles lettres de change pour cinquante mille francs. J'ai eu besoin de cette somme pour solder tous les comptes de mes dépenses ici et pour les frais de mon voyage et de celui des personnes que je remmène avec moi. Je porte à votre excellence toutes les pièces nécessaires à la comptabilité pour justifier de mes dépenses.

Archives des Affaires Étrangères,
Paris.

80.

Roumiantzof à Savary.

Saint-Pétersbourg, 25 décembre 1807.

Le comte de Roumiantzof a l'honneur de transmettre à M. le général de Savary le passeport et la podorojna qu'il a bien voulu lui demander par sa lettre du 20 dernier et, en lui renouvelant l'expression des vœux qu'il forme pour son heureux voyage, il s'empresse de lui réitérer, à cette occasion, l'assurance de sa haute considération.

Archives des Affaires Étrangères,
Saint-Pétersbourg.

81.

Notes du général Savary sur la Cour de Russie et Saint-Pétersbourg *).

Un voyageur qui arrive à St-Pétersbourg y remarque quatre choses bien distinctes, savoir: la Cour, la noblesse, le corps de négociants et le peuple, qui est esclave.

J'essaierai de les décomposer et de les présenter sous leurs rapports politiques.

DE LA COUR.

Elle se divise en trois:

L'Empereur, l'Impératrice régnante, l'Impératrice-Mère et ses enfants.

La Cour de l'Empereur se compose des ministres du pays et des grands-officiers de sa maison, parmi lesquels on remarque comme ayant des habitudes journalières chez lui:

1° Son grand-maréchal le comte de Tolstoï.

2° Le prince Golitzyne, ministre du Synode, ou du culte.

3° Le prince Lobanof.

4° M. de Gouriéf, ministre des apanages, ou intendant de la liste civile. (Son fils est à Paris avec le comte Tolstoï).

5° Le lieutenant-général comte de Lieven, aide-de-camp de l'Empereur **).

6° Le général Ouvarof, aussi aide-de-camp, et commandant le corps des chevaliers-gardes. Homme de confiance-créature [243].

Tous ces personnages ont l'entrée du salon de l'Empereur en tous temps et dînent régulièrement trois fois par semaine, et quelquefois plus, à la Cour. La conversation habituelle roule pendant

---

*) Pour répondre aux lettres de son excellence M. de Champagny, en date du 26 août et du 17 septembre. *(Note de Savary.)*

**) M. de Lieven est fils de la comtesse de Lieven, grande-maîtresse, directrice de l'éducation des Grandes-Duchesses Catherine et Anne. Il est chez l'Empereur pour la partie militaire de l'armée ce qu'est le grand-maréchal Duroc auprès de l'Empereur Napoléon.

(Note de Savary.)

le dîner sur les voyages, la guerre, l'administration. Il n'y a jamais de cercle chez l'Empereur. A huit heures, au plus tard, il est retiré. Alors ces personnes vont à leurs affaires et l'on ne peut les rencontrer que dans la société. Elles sont toutes de mœurs douces, et si l'on avait intérêt à s'en approcher pour un motif quelconque, ce serait facile.

Il y a beaucoup d'autres personnes, qui sont également admises chez l'Empereur, mais toujours pour travailler, et non pour sa société privée.

L'Impératrice régnante vit dans une entière retraite.

Elle mange chez elle, seule avec sa sœur, la princesse Amélie de Bade, trois jours de la semaine au moins. Les autres jours, où elle dîne chez l'Empereur, elle paraît dans le salon un instant avant que l'on ne serve, elle se retire immédiatement après le café et reste dans son intérieur, d'où même elle renvoie la demoiselle d'honneur, ou dame du palais, qui est de service près d'elle.

Elle reste ainsi toute seule, quand elle n'a pas fait dire à madame la grande-maréchale, comtesse Tolstoï, et à la comtesse Strogonof la jeune, de venir lui tenir compagnie. Il n'y a chez elle aucune espèce de représentation, ni d'étiquette, et peu de gaieté. Elle s'occupe de choses sérieuses. Elle lit beaucoup, raisonne bien de nos bons auteurs, parle peu et a l'air, en général, d'avoir l'esprit extrêmement froid *).

Il n'y a jamais eu d'intrigues politiques à cette Cour, qui n'est que l'intérieur d'une particulière très ordinaire.

Je crois l'Impératrice Elisabeth très fine et d'un jugement très exercé. Le souvenir de l'Allemagne ne paraît point beaucoup l'occuper, et en général, ces princesses étrangères deviennent des princesses russes, une fois qu'elles sont mariées.

Il y a peu d'hommes admis dans sa société intérieure.

L'Impératrice-Mère. C'est chez elle que se trouve toute la représentation de la cour de Russie. C'est là que l'on voit l'étiquette, jusque dans les moindres détails de la vie privée. C'est à

*) Depuis quatorze ans que l'Impératrice régnante est ici, son caractère est encore inconnu de ceux mêmes qui la voient le plus souvent. Elle s'observe tellement dans le monde, qu'elle ne laisse échapper aucune parole, aucun regard qui puisse la faire juger.

(Note de Savary.)

cette Cour qu'il y a des dames d'honneur de service, des chambellans, des écuyers et des pages.

Tout le service commensal ne remplit des devoirs que près de l'Impératrice-Mère. Elle élève dans son palais ses enfants, qui ont, néanmoins, leurs maisons séparées : c'est-à-dire, les deux Grandes-Duchesses, ensemble, sous la direction de Mme la comtesse de Lieven, âgée de soixante ans au moins, et les deux jeunes Grands-Ducs, ensemble, sous la direction de leur gouverneur.

Chacune de ces maisons a un service d'honneur particulier. Il n'y a que les jours où l'Impératrice-Mère fait inviter ses enfants à dîner que tous ces services se confondent.

Un étranger qui arrive en Russie est frappé de la différence qui existe entre la Cour de l'Impératrice-Mère et celle de l'Empereur, et comme la première impression se fait par les yeux, on est surtout frappé de voir tous les honneurs extérieurs, tous les hommages dirigés vers ce point. L'étiquette ne permet jamais de franchir la distance qui en sépare; enfin, c'est à la Cour qui n'est pas souveraine que l'on trouve tout le prestige qui environne un trône!

Dans les cérémonies publiques, l'Impératrice-Mère prend le plus souvent le bras de l'Empereur. L'Impératrice régnante ne marche qu'après Elle, et seule. En voiture, elle a toujours la droite du fond.

L'Impératrice régnante à sa gauche et (l'on a vu quelquefois) l'Empereur sur le devant.

Il est arrivé fréquemment, dans les cérémonies militaires, *et je l'ai vu*, que les troupes étant sous les armes et l'Empereur à cheval, la cérémonie ne commençait pas, parce que l'Impératrice-Mère n'était point arrivée.

Il ne s'accorde pas une faveur en Russie, il ne se fait pas une nomination, qu'on n'aille lui rendre hommage et lui baiser la main, pour la remercier, sans que, cependant, elle ait pris la moindre part à faire obtenir le bienfait ou la faveur. On ne va rien dire à l'Impératrice régnante, et quand un étranger fait une observation à ce sujet, on lui répond que ce *n'est pas d'usage*. Les grands de Saint-Pétersbourg se garderaient bien de laisser passer quinze jours sans avoir fait une apparition à la Cour de l'Impératrice-Mère, et quoiqu'elle demeure à douze lieues de la ville, on va assister à son cercle jusqu'à minuit et l'on revient à Pétersbourg.

L'Empereur lui-même y va dîner deux fois la semaine et souvent il y couche; mais presque jamais l'Impératrice régnante n'y paraît.

Le Grand-Duc Constantin s'y rend aussi assez régulièrement.

Il n'y a à Pétersbourg qu'une seule troupe d'acteurs français qui soit obligée d'aller jouer, quelquefois deux et trois jours de suite, au palais de l'Impératrice-Mère.

Dans ce cas la ville n'a plus de théâtre.

Je crois par tous ces détails avoir suffisamment démontré que pour *les yeux*, c'est chez l'Impératrice-Mère que se trouve toute la représentation d'un grand Etat, comme la Russie.

Maintenant, j'ajouterai que le nom de cette Princesse commande ici la vénération publique, que la pratique de toutes les vertus honore sa vie, que tous les grands établissements de charité, de bienfaisance et d'humanité, tels que les orphelins, les enfants trouvés, les pauvres, les femmes en couche, l'éducation des demoiselles nobles, orphelines ou pauvres, et en général, tout ce qui appartient à cette partie en Russie, porte son nom. Elle en est la fondatrice, la directrice et le premier administrateur. J'ai vu tous ces établissements, et dans chacun on reconnaît la marque d'une puissante protection.

Quand elle est à Saint-Pétersbourg, elle visite régulièrement toutes ces maisons, elle préside elle-même les conseils d'administration, réforme les dépenses, dirige les maîtres dans les instructions, assiste aux cours à la fin de l'année, donne elle-même les récompenses et fait les mariages.

On voit dans tous ses appartements des meubles brodés par ses petites pensionnaires. Il n'y a pas d'officier général, ou particulier tué, dont les enfants ne deviennent les siens. Aussi, sa puissance en Russie est-elle établie sur la reconnaissance, l'amour et le respect de toute la nation.

Son salon est habituellement composé de gens très puissants et de quelques hommes de lettres de ce pays-ci; et la foule de chambellans, d'écuyers et de courtisans va, successivement et comme machinalement, y porter ses hommages, par l'habitude et le besoin que l'on a de vivre à la Cour *qui ne se trouve que là.*

En arrivant ici, j'ai trouvé dans tout ce qui formait la société intime de l'Impératrice-Mère une opposition très prononcée contre nous; et par une conséquence de cette opinion, toute la partie de

la noblesse qui n'était pas pour nous se rattachait à elle de plus près et cherchait dans son intérieur de la consolation contre les événements politiques, qu'ils voyaient marcher en sens opposé à leurs désirs.

Il y aurait eu de l'imprudence, lors de mon arrivée ici, à vouloir heurter les opinions de cette Cour. Je n'aurais point eu de succès et d'ailleurs, ce n'était pas là l'objet de ma mission. Ce n'est que depuis un mois, qu'ayant appris que, dans le salon de l'Impératrice-Mère, le ton de conversation changeait en notre faveur, j'ai hasardé une lettre à son grand-maréchal, dans laquelle je le priais de vouloir bien solliciter pour moi de Sa Majesté la permission de visiter les établissements dont Elle était la fondatrice ou la protectrice. Vingt-quatre heures après, je reçus, non seulement une réponse de son grand-maréchal, mais encore un avis de sa part que l'Impératrice-Mère avait envoyé *elle-même* sur-le-champ prévenir les directeurs et les directrices de ces maisons de ma visite, avec l'ordre de me les faire voir comme à elle-même.

Je ne manquai pas de répondre à cette extrême bonté de sa part. Je visitai toutes les maisons, et fis en sorte de faire parvenir jusqu'à elle l'admiration et les éloges que ces établissements méritent si justement.

C'est vers ce temps-là que l'on apprit ici le mariage de la Reine de Westphalie. On en parlait peu. Je n'eus d'autre moyen de savoir l'opinion de l'Impératrice-Mère sur cet événement qu'en choisissant cette circonstance pour faire présenter M. de Montesquiou à sa Cour. L'accueil flatteur qu'il y a reçu m'a prouvé la vérité de tout ce qu'on m'avait dit (sur le changement de ton de son salon) et combien j'avais été autorisé à mander à l'Empereur tout ce que j'ai eu l'honneur de lui écrire.

J'ai su, qu'après le départ de M. de Montesquiou, l'Impératrice-Mère a dit dans son intérieur combien elle avait été contente de lui, et que lorsqu'elle serait rentrée à Saint-Pétersbourg, elle se proposait d'inviter à son bal les Français qui étaient avec moi.

Je tiens de deux habitués de son salon qu'elle avait témoigné sa satisfaction de ma visite à ses établissements de bienfaisance *).

*) Le prince Bélosselsky, homme d'esprit, ancien ministre à Dresde et à Turin, enthousiaste de notre Empereur et un des habitués du salon de l'Impératrice-Mère, s'attache à nous rendre les esprits de cette Cour favorables. *(Note de Savary.)*

Je crois en avoir dit assez sur cette matière pour convaincre de la nécessité d'achever promptement la tâche commencée et de mettre cette Princesse tout à fait dans nos intérêts, ou, pour mieux dire, d'enlever à nos ennemis l'espérance de l'attacher encore à leur parti. Il n'y a nul doute que cette conversion ne soit tout à la fois l'effet de la justesse de son esprit et de son attachement pour son fils. Je ne puis rien préciser sur ce qu'il faudrait faire de gracieux pour elle, mais je sais positivement qu'elle est disposée à accueillir très bien tout ce qui lui viendra de Saint-Cloud. Mais, je le répète, il est important, pour parvenir à l'influence que la France doit exercer sur la Russie, que l'Impératrice-Mère soit entièrement pour nous. C'est, pour ainsi dire, elle seule qu'il faut gagner, et il n'y a que notre Empereur qui sache bien faire ce qu'il faut pour cela.

Pour achever de peindre son caractère, je dirai, qu'en parcourant ses appartements, j'ai vu tout ce qui rappelle la mémoire de son mari religieusement conservé, au point que les petits objets qu'elle tenait de lui ont été laissés à la même place, où ils étaient lorsqu'il est mort.

Par exemple, on trouve son cabinet encore dans le même état; son bureau, sa chaise, son écritoire et ses plumes, sont encore comme il les a laissés pour la dernière fois. On y remarque plusieurs jolis ouvrages d'ivoire faits par l'Impératrice-Mère elle-même *) et dont elle avait fait présent à son mari, à l'époque des fêtes de famille.

J'ai vu dans ses petits appartements un service de déjeuner en porcelaine de Sèvres, qui lui fut donné par Louis XVI. Il est de mauvais goût et bien inférieur à ce que l'on fait aujourd'hui.

Ses tapisseries favorites sont les étoffes de Lyon brodées. J'ai vu chez elle quelques Gobelins assez beaux, donnés par Louis XV à l'Impératrice Catherine. Je pense que, si l'Empereur a l'intention de lui envoyer quelques présents, c'est particulièrement dans ce genre (porcelaine, étoffes de soie et tapisseries,) que l'on peut trouver ce qui lui serait agréable **).

---

*) L'Impératrice-Mère tourne l'ivoire et l'ambre aussi bien qu'un bon ouvrier de Paris. C'est une de ses occupations favorites. (*Note de Savary.*)

**) Sans envoyer des tentures de tapisserie complète, on peut trouver quelque chose qui lui plairait également, par exemple: des écrans, des paravents, des fauteuils, des tabourets, etc., etc. C'est l'élégance dans le choix et la grâce dans la manière de donner qui feront surtout le prix de telles choses. *(Note de Savary.)*

Cela produirait un effet d'autant meilleur qu'il y a ici, et particulièrement à cette Cour, des gens persuadés, que sous l'Empereur Napoléon, nos fabriques et manufactures ne font rien d'aussi beau que ce qu'elles faisaient sous les Rois. On a l'air de croire que nous avons traité les arts et métiers en Turcs ou en Arabes!

On ne trouve dans les jardins de l'Impératrice-Mère que des monuments élevés à la mémoire de feu l'Empereur et qui attestent son attachement pour lui. On y trouve des arbres plantés à la naissance de chacun de ses enfants; des urnes funéraires, à ceux qui sont déjà morts; enfin, un mausolée magnifique, consacré à la mémoire de ses parents, et de son frère, et de sa sœur.

Je crois avoir tout dit sur cette Princesse et l'avoir fait assez connaître pour qu'on sache maintenant par quels moyens on peut lui plaire. J'aurai atteint le but que je me proposais, si j'ai persuadé *qu'il était du plus grand intérêt pour la France de se l'attacher.*

Je termine ces notes sur la Cour par quelques détails sur la manière de vivre du Grand-Duc Constantin. Il habite, toujours seul, à la campagne, dans un très beau château bâti par Pierre-le-Grand, appelé *Strelna*, à sept lieues de Saint-Pétersbourg. Il a avec lui son régiment de houlans, qui l'occupe exclusivement. Son château ressemble à une vraie place de guerre, où l'on sert plus rigidement que dans nos principales villes de garnison.

Son appartement est un arsenal, où l'on voit des armes de toute espèce; sa bibliothèque est composée de tous les ouvrages militaires qui existent, et dans lesquels il cherche toujours quelques nouveautés à introduire dans l'armée russe. On remarque, dans son parc, des modèles de baraques de tous nos camps de Boulogne, d'Ostende et d'Ambleteuse, qu'il a fait faire par des prisonniers français qu'il avait chez lui. La musique de ses deux régiments des gardes-à-cheval et des houlans ne défile plus la parade qu'en jouant des marches françaises, telles que le Chant du Départ, etc.

Voilà, je pense, tout ce qu'il y a à dire sur l'intérieur des Cours de Russie. Quant aux moyens de les influencer, il n'y a que notre Empereur lui-même qui puisse les bien choisir, et il est nécessaire qu'ils viennent directement de lui. Je parlerai maintenant de la noblesse que j'ai rangée après la Cour.

DE LA NOBLESSE.

Je la divise en deux classes: *grande et petite.*

Par la grande noblesse j'entends parler des plus anciennes généalogies de l'Empire russe, des hommes occupant les premières places actuellement et de tous ceux qui les ont occupées, ou leurs aïeux, depuis l'Impératrice Elisabeth. Il est une vérité, c'est qu'à l'exception des individus dont l'Empereur se sert *) et de quelques autres qui vivent assez loin de la Cour, le Souverain de Russie a le droit d'appeler le reste

«Un tas d'hommes perdus de dettes et de crimes
«Que pressent de ses lois les ordres légitimes,
«Et qui, désespérant de les plus éviter,
«Si tout n'est renversé, ne sauraient subsister.

Jamais application ne fut plus juste. Tous ces hommes, accoutumés sous Catherine à recevoir fréquemment des cadeaux considérables **) et à les dissiper presque aussitôt pour être autorisés à en solliciter d'autres, ne peuvent s'habituer à la sage économie de l'Empereur Alexandre, qui, loin d'employer les domaines de la Couronne pour venir au secours des dérangements de fortune de pareils hommes, veut les obliger à vivre avec ce qu'ils possèdent, et loin de les aider, il achète au contraire pour la Couronne les biens de ceux qui sont obligés de les vendre, pour satisfaire aux poursuites de leurs créanciers. Il est inexorable là-dessus. Aussi, toute cette classe d'hommes, accoutumés aux crimes, fait-elle craindre, qu'étant poussée à bout dans ses ressources, elle ne fasse une révolution contre l'Empereur Alexandre, si celui-ci n'en gagne quelques-uns de vitesse, ou ne prenne extrêmement garde à lui. Il n'a vraiment dans son empire que ces gens-là pour ennemis, et l'état de leurs affaires est tel que j'en connais plusieurs, titrés, couverts de diamants les jours de représentation et occupant des

*) Savoir: Les Tolstoï, les Roumiantzof, les Lobanof, Golitzyne, Schérémétiéf, Soltykof, Lanskoï, Gouriéf.

**) Les prodigalités du règne de Catherine sont encore à présent le sujet des conversations et l'objet des regrets. Paul Ier était dans les mêmes principes et récompensait magnifiquement. De telles comparaisons sont funestes au règne actuel. *(Note de Savary.)*

charges éminentes dans l'Etat, auxquels il arrive fréquemment qu'un boulanger refuse au moment du dîner de fournir le pain nécessaire. On voit ici, à cet égard, des choses qu'on ne voit nulle part: des hommes qui ont des millions de dettes, et qui n'ont d'autres ressources que de les mettre à la mode, que de s'en flatter et d'en tirer vanité*)

Une des causes qui contribuèrent à la guerre de Moravie, ce fut l'extrême désir que les jeunes gens avaient de se soustraire à la poursuite de leurs créanciers, qui négociaient leurs lettres de change sur la place, à 80 pour cent de perte. Les chefs de leurs familles dont je viens de parler, intriguaient, dans l'espoir dont ils se flattaient du succès, qui vaudrait à la Russie de nouvelles acquisitions, et déjà ils croyaient obtenir des terres et des dédommagements provenant des dépouilles des vaincus.

Les Anglais, qui étaient observateurs de toutes ces dispositions, n'ont point eu grand'chose à faire pour les tourner à leur avantage et il leur a été facile de décider la Cour de Russie, en profitant des événements qui sont survenus dans ce temps-là.

La guerre, au lieu d'avoir des suites heureuses, a aggravé la position désagréable de tous ces individus, qui ont perdu leurs équipages, leurs chevaux, et qui se sont fait blesser, de sorte qu'actuellement, les imaginations travaillent de nouveau, mais il n'y a point d'arrogance, parce que l'on a été battu.

Cette classe d'hommes donnera beaucoup d'occupations à l'Empereur Alexandre, et les révolutions de palais sont si faciles ici, qu'on ne saurait trop être sur ses gardes. Cependant rien n'annonce un événement.

Un mot sur les femmes peut trouver sa place ici. On peut les diviser, comme leurs maris, en deux classes. Toutes celles qui appartiennent aux familles dont j'ai indiqué les noms sont estimables et respectables, sous tous les rapports. Quant aux autres, leurs affaires sont aussi dérangées que celles de leurs maris, avec lesquels elles ont ordinairement peu de rapports d'intérêt. Rien ne ressemble au mauvais état de leurs finances et à la dissolution des mœurs de la plupart d'entre elles. En général, elles ont de l'esprit et

*) Ceci se conçoit quand on sait qu'à Pétersbourg le nombre des débiteurs surpasse de beaucoup celui des créanciers. *(Note de Savary.)*

beaucoup ont de l'instruction. Une femme titrée de Saint-Pétersbourg raconte, comme une chose à laquelle elle met peu d'importance, qu'elle a 150 mille roubles de dettes, et quand on l'invite à un bal paré et qu'elle n'a pu s'y rendre, il est ordinaire de l'entendre s'excuser en disant que le prêteur n'a pas voulu lui confier ses diamants pour la nuit.

Ce qu'il y a de plus singulier, c'est que tout cela ne fait aucun tort à ces femmes dans le monde, toutes étant à peu près dans le même cas.

Que l'on juge maintenant de ce qu'on peut espérer des sentiments d'un cercle comme celui-là et qui forme la moyenne partie de ce qu'on appelle les courtisans!

L'ambassadeur de France doit exercer une surveillance bien active sur cette noblesse dérangée, et être habile à observer la direction qu'elle peut prendre dans des circonstances difficiles. Il y a même quelques individus, dans le nombre, qui sont dangereux pour l'Empereur Alexandre.

Il sera nécessaire que notre ambassadeur en reçoive beaucoup chez lui, afin de contrebalancer l'intrigue anglaise, si elle avait le projet de s'en servir pour une révolution de palais. Ce soin est regardé comme essentiel par des gens même du pays, et ce n'est que par les dîners et des fêtes, que nous pourrons gouverner ceux que nous ne pouvons, ni ne devons payer.

Il existe dans cette noblesse un parti anglais décidément prononcé contre nous et contre tout ce que fait l'Empereur de Russie. Dans ce parti sont: le prince Czartoryski, le comte Kotchoubey, les comtes Strogonof (père et fils), M. Novosiltzof, un comte Orlof, (neveu du fameux Orlof), le comte Pouchkine et M. de Budberg.

Il y a encore, dans ce parti, quelques émigrés sans nom, sans naissance, se faisant passer ici pour des descendants des familles qui ont illustré notre histoire, et qui, prévoyant que leur fourberie sera infailliblement reconnue, s'agitent en tous sens. Ce sont ces misérables qui ont fourni des notes pour la composition de ces ouvrages dégoûtants sur nos événements politiques, sur l'avènement de notre dynastie nouvelle et sur les principaux personnages de notre révolution.

Il y en a quelques-uns qui se proposent de retourner en

France. Il sera bon que, dans le temps, le ministre de la police en soit averti. Ces misérables étaient ici à la solde de l'ambassadeur d'Angleterre, pour nous flétrir et nous déshonorer.

Il sera facile à l'ambassadeur de France d'observer ce parti-là, et, à son arrivée ici, je lui donnerai des notes utiles à ce sujet.

D'ailleurs, l'Empereur Alexandre est mal disposé à leur égard, et ne les ménagera pas, s'il les trouve en faute. J'ai déjà beaucoup fait contre eux près de ce Prince, et j'aurais infailliblement obtenu un succès complet, s'il eût pensé qu'il était temps de renvoyer l'ambassade d'Angleterre.

Moi-même j'aurais été fâché que cela fût trop prématuré, ne voyant pas encore une mission française en Russie bien établie, entourée d'une grande considération et capable de donner de la confiance au petit nombre d'amis que nous y avons, et qui puisse remplir, dans la société et dans l'opinion, le vide qu'un tel changement ne manquera pas de laisser.

On est tellement accoutumé à l'influence étrangère, qu'une fois l'ambassadeur d'Angleterre parti, on serait surpris que la maison de l'ambassadeur de France ne fût pas la meilleure de Saint-Pétersbourg, et constamment ouverte à toutes les personnes de la Cour, accoutumées à voir dans le corps diplomatique, moins des hommes d'affaires, que des ministres, chargés du soin de les fêter et de les amuser.

Cela ferait désirer que l'ambassade fût donnée à quelqu'un de marquant, et qui aurait sous lui un ministre consommé dans les affaires, qui ne fût obligé à aucune représentation, et uniquement occupé du travail *).

Ce que j'appelle la petite noblesse reçoit son impulsion de la grande, et n'en diffère que par la médiocrité de la fortune, la naissance n'apportant pas de grandes distinctions entre elles deux, parce que, à l'exception de familles d'anciens boyards, les généalogies ne remontent pas à Pierre Ier.

*) L'ambassade d'Angleterre est ainsi composée. Lord Gower paye, traite, a de beaux chevaux, de belles voitures, et ne se mêle de rien, que de la représentation. Il a sous lui un ministre accrédité, nommé M. Stuart, qui fait les affaires. *(Note de Savary.)*

Cette petite noblesse, n'étant pas riche, n'a pas tant de désordre que l'autre, et en général, est de peu d'importance en Russie.

DU COMMERCE.

Je le divise en deux classes, savoir:

1) Les banquiers ayant comptoir et les négociants en gros;

2) Les marchands en boutiques.

La première classe est composée, moitié d'Anglais de nation, l'autre moitié d'Allemands, de Russes et de quelques Français. Il n'y a ici que cinq à six maisons françaises du troisième ordre. (A Lyon, à Bordeaux, à Nantes ou à Rouen, cela ne s'appellerait pas des négociants).

La seconde classe se compose de Russes en grande partie, d'Allemands, et d'une foule d'aventuriers français, sortis de France avec rien, ou avec une pacotille de 5 à 600 francs, dont ils ont décuplé le capital en vendant à usure.

Il y en a peu d'estimables à Saint-Pétersbourg.

Notre commerce ici est dans l'avilissement, ou, pour mieux dire, n'existe pas. J'ai parcouru les magasins et je n'y ai pas vu pour 20 mille francs d'objets provenant de nos manufactures *).

Celui de l'Angleterre est dans l'état le plus florissant. Il embrasse tout en général. L'esprit d'envahissement qui anime tous les négociants de cette nation est tel que, n'ayant pu obtenir l'entrée de quelques objets qui sont ici de contrebande, ils ont fait venir des ouvriers d'Angleterre pour les manufacturer sur les lieux et pouvoir les débiter dans leurs magasins. De cette manière, ils sont parvenus à fournir à la Russie toute espèce de denrées, de-

*) Je n'ai vu en Russie ni soieries de Lyon, ni velours, ni draps de France, ni toile, ni porcelaine, ni argenterie, ni dentelle, ni bijouterie, ni horlogerie, ni bronzes dorés, ni tapis, et en général, rien de ce qui donne une idée de tout ce que nous savons faire et que nous avons tellement perfectionné depuis la révolution. Je suis dans l'opinion que notre ambassadeur ne peut pas rendre un plus grand service à l'Empereur et à l'Etat qu'en faisant faire ici, en petit, par nos négociants, une exposition des produits de nos fabriques, d'après celle faite à Paris. Comme tout le commerce de la Russie passe par Saint-Pétersbourg, il est probable que le nôtre est en aussi mauvais état dans les provinces qu'il l'est dans la capitale. Hormis les vins, les eaux-de-vie, les huiles, les savons, nous ne vendons rien ici. *(Note de Savary.)*

puis les pains à cacheter, le papier, les plumes et l'encre, jusqu'aux objets les plus précieux.

Tant que ce moyen leur restera, ils exerceront une influence énorme, et donneront seuls la vie au commerce, et accoutumeront tellement les Russes à les regarder comme leurs pourvoyeurs que ceux-ci croiront ne pouvoir se passer d'eux.

Nos ministres dans ce pays n'ont point fait assez d'attention aux progrès annuels et excessifs du commerce anglais. L'opinion les accuse d'indifférence sur cette partie de nos intérêts. Notre ambassadeur n'aura des moyens pour influencer le commerce en Russie que lorsque la France aura ici une factorerie composée de négociants respectables et connus dans notre pays, et lorsqu'on portera son attention à avoir ici des magasins ouverts, comme ceux des Anglais, où les produits de notre industrie seront exposés aux yeux du public.

Cela est d'autant plus facile, que tout ce que nous faisons est infiniment au-dessus de tout ce que je vois vendre aux Anglais à Saint-Pétersbourg.

Je m'occupe à recueillir des notes à ce sujet que j'emporterai à Paris et qui, je crois, pourront servir au ministre de l'intérieur pour chasser l'industrie des Anglais de tous les points de la Russie.

Si nous n'avons point ici le commerce exclusif, nous n'en aurons point, les Anglais nous tueront toujours. Je crois qu'on ne trouverait pas d'opposition chez les vrais Russes à toute espèce d'arrangement pour les relations de commerce avec nous. Ils nous donnent la préférence dans le trafic.

Je crois avoir suffisamment ébauché le tableau des négociants pour donner une idée de ce qu'il y à à faire, si l'on veut les mettre dans nos intérêts. J'avoue que je regarde la chose comme impossible dans ce moment. Je crains même que, lorsqu'il faudra éclater contre l'Angleterre, l'Empereur Alexandre ne soit obligé d'employer de la sévérité pour faire taire les cris des mécontents.

Je me résume donc à dire que l'Empereur Napoléon seul peut influencer les Cours de Russie et en chasser l'intrigue par ses communications directes avec l'Empereur Alexandre, dont les sentiments sont durables.

L'Impératrice régnante est nulle. Une politesse de loin en loin, un cadeau, fait avec grâce, la maintiendront dans la ligne de l'Empereur, son mari.

Chez l'Impératrice-Mère il y a beaucoup à observer; mais comme elle a beaucoup d'esprit et de jugement, notre Empereur peut encore bien mieux en tirer parti.

Quant à la noblesse, il faut que notre ambassadeur, tout en lui donnant des dîners et des fêtes, se fasse craindre d'elle. Ce n'est que de cette manière qu'il la gouvernera, et il faut qu'elle le soit. Il est bon d'observer que la plupart des officiers aux gardes sont des enfants de ces nobles, et qu'il est plus important qu'on ne le croit de savoir ce qu'ils font et ce qu'ils disent.

Ils n'aiment pas les officiers français, par lesquels ils ont été battus, et sont naturellement indiscrets

Je m'en réfère pour les négociants à ce que j'ai dit à ce chapitre. Il n'y a que le temps et la restauration de notre commerce qui puissent les mettre dans nos intérêts.

Archives Nationales,
Paris.

82.

Savary à Roumiantzof.

Varsovie, 8 janvier 1808.

Monsieur le comte, je suis à Varsovie depuis deux jours. En quittant la Russie, il me reste un dernier devoir à remplir, qui m'est aussi cher que sacré, et je m'empresse de saisir la seule occasion que j'ai, peut-être, d'ici à quelque temps, pour transmettre à votre excellence l'expression bien franche de tous les sentiments dont je suis pénétré. Je quitte Pétersbourg comblé des bontés de l'Empereur Alexandre et heureux de l'espérance d'avoir pu mériter son estime. Je réclame, M. le comte, un nouveau témoignage de votre amitié pour moi, en vous priant de vouloir bien mettre aux pieds de Sa Majesté l'hommage respectueux de ma vive reconnaissance. Je conserverai toute ma vie le souvenir de la bienveillance dont l'Empereur a daigné m'honorer pendant le temps, où j'ai eu le bonheur de résider près de lui; et toute ma vie je me trouverai heureux d'avoir les occasions de le servir. Je retourne à Paris

avec une opinion bien formée sur les grands intérêts politiques dont j'ai eu la connaissance pendant ces derniers mois; et tout ce que j'ai eu l'honneur de dire à l'Empereur Alexandre et de vous dire à vous-même dans nos entretiens *d'abandon*, enfin, tout ce que j'ai écrit à l'Empereur, mon maître, je le lui répèterai. Je regarderai comme un grand bonheur pour moi, si mon retour pour sa personne peut être de quelque utilité aux affaires de Russie.

Permettez, M. le comte, que je joigne à ces sentiments l'assurance du sincère attachement que je vous prie de me permettre de vous porter et que je contracte l'obligation de faire connaître, jusque dans les moindres détails, la noblesse des sentiments généreux que j'ai été à portée d'observer de si près dans le cœur du Monarque qui les professe. Tel je suis sorti du cabinet du Palais d'Hiver, tel j'arriverai à celui des Tuileries, parce que je suis convaincu que l'un n'est que l'écho de l'autre, et réciproquement [241].

Veuillez bien agréer, M. le comte, l'hommage de mon respectueux dévoûment.

SAVARY.

83.

Savary à Champagny.

Varsovie, 9 janvier 1808.

Les lettres de votre excellence, datées de Milan et de Venise, m'ont été remises par l'officier qui en était porteur et qui m'a rencontré près de Narva. Je remercie beaucoup votre excellence de la lettre particulière qu'elle a bien voulu m'écrire.

M. de Talhouet, qui vous remettra cette lettre, me devance de quelques jours à Paris. Je me suis arrêté ici pour y régler quelques affaires et pour prendre le repos dont j'avais besoin après le voyage pénible que je viens de faire. Je suis aussi retenu ici par la réparation de ma voiture. Je me remettrai en route en quelques jours, c'est-à-dire après-demain.

SAVARY.

P.-S. — J'ai des lettres de l'Impératrice-Mère de Russie pour sa fille à Weymar et je passerai par Dresde.

Archives des Affaires Etrangères,
Paris.

Je suis arrivé ici pour rendre la *vie*, la *santé* et le *pouvoir* à l'Empereur Alexandre et apaiser l'insurrection de Pétersbourg. L'on voit ici à travers un microscope et vous êtes, selon la malveillance des turbulents, des rebelles, vous vouliez la guerre, on livre des batailles dans vos belles mers, etc., etc. Mille absurdités. Comme je n'ai rien de caché pour vous, je vous dirai de confiance que le palais de Pulawy est mal servi en relations, tandis que si l'on voulait être bon serviteur et franc, il devrait savoir toutes les belles vérités qu'on peut lui apprendre. Ce palais est pour ce pays-ci le temple de la Sybille. Il faut donc que la divinité en soit pacifique [245]. Comme cela est personnel, je m'abstiendrai d'en dire davantage. Je me bornerai à vous dire que ce n'est point une simple prévention que j'ai.

Archives des Affaires Etrangères,
Saint-Pétersbourg.

84.

Roumiantzof à Savary.

Saint-Pétersbourg. 27 janvier 1808.

Je ne puis assez vous remercier, mon général, de la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date de Varsovie. Je suis flatté de tout ce qu'elle contient d'obligeant pour moi; je me rappelle avec plaisir les conversations, où nous avons discuté, avec cet abandon que vous me citez, divers objets d'un intérêt assez majeur. J'applaudis à vos talents aujourd'hui, comme alors j'applaudissais à votre zèle, à la justice que vous nous rendez, et je m'attends, en effet, à ce que votre retour à Paris sera d'une grande utilité pour le service des deux Empereurs.

Je n'ai pas laissé ignorer à Sa Majesté Impériale tout ce qui La concernait dans la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire et je puis vous assurer, mon général, que tout cela a été parfaitement bien reçu et que ce Monarque a été touché de l'attachement que vous lui montrez.

Je ne suis pas étonné de toutes les nouvelles que l'on débitait dans une certaine ville, où vous avez passé.

Je vous prie, mon général, de me conserver en votre souvenir. Nous vous regrettons tous, moi, plus particulièrement, et ce n'est-il pas vous assurer de la considération très distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être, etc.

ROUMIANTZOF.

Archives des Affaires Etrangères,
Saint-Pétersbourg.

85.

Roumiantzof à Savary.

Saint-Pétersbourg 19 juin 1808.

Lorsque vous avez le droit, mon général, de m'accuser de négligence et de lenteur, je crois avoir celui de vous citer l'exactitude et l'empressement, avec lequel je vous remercie de la lettre très obligeante que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire [246] et de la très belle tasse, avec le portrait de l'Empereur, mon maître, que vous avez bien voulu me donner.

Votre lettre, mon général, que je n'ai reçue qu'hier, est cependant datée du 18 mars. M. Lelorgne devait me l'apporter, mais son expédition n'ayant pas eu lieu, il paraît qu'elle est restée dans les bureaux. Je vous prie d'être bien convaincu du prix que j'attache à votre souvenir et du plaisir avec lequel je récapitule dans ma pensée les diverses conversations que nous avons eues.

Je persévère dans cette opinion que l'amitié, qui lie nos deux Monarques, peut et doit avoir de grands résultats. Elle aura cet avantage, qu'elle fixera la tranquillité de l'Europe, par le bénéfice d'une paix générale et solide. Vous savez, monsieur, à quel point mon maître désire la prospérité du vôtre.

Je suis très sensible de ce que vous avez bien voulu me dire de la bonne opinion dont l'Empereur m'honore. Un grand homme est toujours indulgent.

ROUMIANTZOF.

Archives des Affaires Etrangères,
Saint-Pétersbourg.

APPENDICE.

I.

Les instruments de Tilsit.

I.

TRAITÉ DE PAIX.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin étant animés d'un égal désir de mettre fin aux calamités de la guerre, ont, à cet effet, nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, M. le prince Alexandre Kourakine, son conseiller privé actuel, membre du Conseil d'État, sénateur, chancelier de tous les ordres de l'Empire, chambellan actuel, ambassadeur extraordinaire et ministre plénipotentiaire de S. M. l'Empereur de toutes les Russies près S. M. l'Empereur d'Autriche, et chevalier des ordres de Russie: de Saint-André, de Saint-Alexandre, de Sainte-Anne de première classe, et de Saint-Wolodimir de la première classe, de l'Aigle-Noir et de l'Aigle-Rouge de Prusse, de Saint-Hubert de Bavière, du Danebrog et de l'Union parfaite du Danemark, et bailli grand-croix de l'ordre souverain de Saint-Jean de Jérusalem, et M. le prince Dmitry Lobanof de Rostof, lieutenant général des armées de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier des ordres de Sainte-Anne de la première classe, de l'ordre militaire de Saint-Georges, et de l'ordre de Wolodimir de la troisième classe;

Et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, M. Charles Maurice Talleyrand, prince de Bénévent, son grand-chambellan et ministre des relations extérieures, grand-cordon de la Légion d'honneur, chevalier grand-croix des ordres de l'Aigle-Noir et de l'Aigle-Rouge de Prusse et de Saint-Hubert,

Lesquels, après avoir échangé leurs pleins-pouvoirs respectifs, sont convenus des articles suivants:

ARTICLE PREMIER. — Il y aura, à compter du jour de l'échange des ratifications du présent traité, paix et amitié parfaite entre S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie.

ART. 2. — Toutes les hostilités cesseront immédiatement, de part et d'autre, sur terre et sur mer, dans tous les points où la nouvelle de la signature du présent traité sera officiellement parvenue. Les hautes parties contractantes la feront porter, sans délai, par des courriers extraordinaires, à leurs généraux et commandants respectifs.

ART. 3. — Tous les bâtiments de guerre, ou autres, appartenant à l'une des parties contractantes ou à leurs sujets respectifs, qui auraient été pris postérieurement à la signature du présent traité, seront restitués, ou, en cas de vente, le prix en sera restitué.

ART. 4. — S. M. l'Empereur Napoléon, par égard pour S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et voulant donner une preuve du désir sincère qu'il a d'unir les deux nations par les liens d'une confiance et d'une amitié inaltérables, consent à restituer à S. M. le Roi de Prusse, allié de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, tous les pays, villes et territoires conquis et dénommés ci-après, savoir:

La partie du duché de Magdebourg située à la droite de l'Elbe;

La Marche de Prignitz, l'Uker-Marck, la moyenne et la nouvelle Marche de Brandebourg, à l'exception du Cotbuserkreys, ou cercle de Cotbus, dans la basse Lusace, lequel devra appartenir à S. M. le Roi de Saxe; le duché de Poméranie; la haute, la basse et la nouvelle Silésie, avec le comté de Glatz; la partie du district de la Netze, située au nord de la chaussée allant de Driessen à Schneidemühl, et d'une ligne allant de Schneidemühl à la Vistule par Waldau, en suivant les limites du cercle de Bromberg, la navigation par la rivière de Netze et le canal de Bromberg, depuis Driessen jusqu'à la Vistule, et réciproquement, devant être libre et franche de tout péage; la Pomérélie, l'île de Nogat, les pays à la droite du Nogat et de la Vistule, à l'ouest de l'ancienne Prusse et au nord du cercle de Culm; l'Ermeland, et enfin le royaume de Prusse, tel qu'il était au 1er janvier 1772, avec les places de

Spandau, Stettin, Custrin, Glogau, Breslau, Schweidnitz, Neiss, Brieg, Kosel et Glatz, et généralement toutes les places, citadelles, châteaux et forts des pays ci-dessus dénommés, dans l'état où lesdites places, citadelles, châteaux et forts se trouvent maintenant, et, en outre, la ville et la citadelle de Graudentz.

ART. 5. — Les provinces qui, au 1er janvier 1772, faisaient partie de l'ancien Royaume de Pologne, et qui ont passé depuis, à diverses époques, sous la domination prussienne, seront, à l'exception des pays qui sont nommés ou désignés au précédent article, et de ceux qui sont spécifiés en l'article 9 ci-après, possédés en toute propriété et souveraineté par S. M. le Roi de Saxe, sous le titre de duché de Varsovie, et régies par des constitutions qui, en assurant les libertés et les privilèges des peuples de ce duché, se concilient avec la tranquillité des États voisins.

ART. 6. — La ville de Dantzick, avec un territoire de deux lieues de rayon autour de son enceinte, sera rétablie dans son indépendance, sous la protection de S. M. le Roi de Prusse et de S. M. le Roi de Saxe, et gouvernée par les lois qui la régissaient à l'époque où elle cessa de se gouverneur elle-même.

ART. 7. — Pour les communications entre le royaume de Saxe et le duché de Varsovie, S. M. le Roi de Saxe aura le libre usage d'une route militaire à travers les possessions de S. M. le Roi de Prusse. Ladite route, le nombre des troupes qui pourront y passer à la fois, et les lieux d'étapes, seront déterminés par une convention spéciale faite entre Leurs dites Majestés, sous la médiation de la France.

ART. 8. — S. M. le Roi de Prusse, S. M. le Roi de Saxe, ni la ville de Dantzick ne pourront empêcher par aucune prohibition, ni entraver par l'établissement d'un péage, droit ou impôt, de quelque nature qu'ils puissent être, la navigation de la Vistule.

ART. 9. — Afin d'établir, autant qu'il est possible, des limites naturelles entre la Russie et le duché de Varsovie, le territoire circonscrit par la partie des frontières russes actuelles, qui s'étend depuis le Bug jusqu'à l'embouchure de la Lossosna, et par une ligne partant de la dite embouchure et suivant le thalweg de cette rivière, le thalweg de la Bobra jusqu'à son embouchure, le thalweg de la Narew, depuis le point susdit jusqu'à Suratz, de la Liza jusqu'à sa source près le village de Mien, de l'affluent de la Nurzeck prenant sa source près le même village, de la Nurzeck jusqu'à son embou-

chure au-dessus de Nurr, et enfin le thalweg du Bug, en le remontant jusqu'aux frontières russes actuelles, sera réuni, à perpétuité, à l'Empire de Russie.

Art. 10. — Aucun individu de quelque classe et condition qu'il soit, ayant son domicile ou des propriétés dans le territoire spécifié en l'article précédent, ne pourra, non plus qu'aucun individu domicilié, soit dans les provinces de l'ancien Royaume de Pologne qui doivent être restituées à S. M. le Roi de Prusse, soit dans le duché de Varsovie, mais ayant en Russie des biens-fonds, rentes, pensions ou revenus, de quelque nature qu'ils soient, être frappé dans sa personne, biens, pensions et revenus de tout genre, dans son rang et ses dignités, ni poursuivi, ni recherché, en aucune façon quelconque, pour aucune part, ou politique ou militaire, qu'il ait pu prendre aux événements de la guerre présente.

Art. 11. — Tous les engagements et toutes les obligations de S. M. le Roi de Prusse, tant envers les anciens possesseurs, soit de charges publiques, soit de bénéfices ecclésiastiques, militaires ou civils qu'à l'égard des créanciers et des pensionnaires de l'ancien gouvernement de Pologne, restent à la charge de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et de S. M. le Roi de Saxe, dans la proportion de ce que chacune de Leurs dites Majestés acquiert par les articles 5 et 9, et seront acquittés pleinement, sans restriction, exception, ni réserve aucune.

Art. 12. — LL. AA. SS. les ducs de Saxe-Cobourg, d'Oldenbourg et de Mecklembourg-Schwérin, seront remis chacun dans la pleine et paisible possession de ses États; mais les ports des duchés d'Oldenbourg et de Mecklembourg continueront d'être occupés par des garnisons françaises, jusqu'à l'échange des ratifications du futur traité de paix définitive entre la France et l'Angleterre.

Art. 13. — S. M. l'Empereur Napoléon accepte la médiation de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, à l'effet de négocier et conclure un traité de paix définitive entre la France et l'Angleterre, dans la supposition que cette médiation sera aussi acceptée par l'Angleterre, un mois après l'échange des ratifications du présent traité.

Art. 14. — De son côté, S. M. l'Empereur de toutes les Russies, voulant prouver combien il désire d'établir entre les deux Empires les rapports les plus intimes et les plus durables, recon-

naît S. M. le Roi de Naples, Joseph-Napoléon, et S. M. le Roi de Hollande, Louis-Napoléon.

Art. 15. — S. M. l'Empereur de toutes les Russies reconnaît pareillement la Confédération du Rhin, l'état actuel de possession de chacun des souverains qui la composent et les titres donnés à plusieurs d'entre eux, soit par l'acte de Confédération, soit par les traités d'accession subséquents. Sa dite Majesté promet de reconnaître, sur les notifications qui lui seront faites de la part de S. M. l'Empereur Napoléon, les souverains qui deviendront ultérieurement membres de la Confédération, en la qualité qui leur sera donnée par les actes qui les y feront entrer.

Art. 16. — S. M. l'Empereur de toutes les Russies cède, en toute propriété et souveraineté, à S. M. le Roi de Hollande la seigneurie de Jever, dans l'Ost-Frise.

Art. 17. — Le présent traité de paix et d'amitié est déclaré commun à LL. MM. les Rois de Naples et de Hollande, et aux souverains confédérés du Rhin, alliés de S. M. l'Empereur Napoléon.

Art. 18. — S. M. l'Empereur de toutes les Russies reconnaît aussi S. A. I. le prince Jérôme-Napoléon comme Roi de Westphalie.

Art. 19. — Le royaume de Westphalie sera composé des provinces cédées par S. M. le Roi de Prusse à la gauche de l'Elbe et d'autres États actuellement possédés par S. M. l'Empereur Napoléon.

Art. 20. — S. M. l'Empereur de toutes les Russies promet de reconnaître la disposition qui, en conséquence de l'article 19 ci-dessus et des cessions de S. M. le Roi de Prusse, sera faite par S. M. l'Empereur Napoléon (laquelle devra être notifiée à S. M. l'Empereur de toutes les Russies), et l'état de possession en résultant pour les souverains au profit desquels elle aura été faite.

Art. 21. — Toutes les hostilités cesseront immédiatement, sur terre et sur mer, entre les forces de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et celles de Sa Hautesse, dans tous les points où la nouvelle de la signature du présent traité sera officiellement parvenue. Les hautes parties contractantes la feront porter, sans délai, par des courriers extraordinaires, pour qu'elle parvienne le plus promptement possible aux généraux et commandants respectifs.

Art. 22. — Les troupes russes se retireront des provinces de Valachie et de Moldavie, mais les dites provinces ne pourront être occupées par les troupes de Sa Hautesse, jusqu'à l'échange des

ratifications du futur traité de paix définitive entre la Russie et la Porte Ottomane.

ART. 23. — S. M. l'Empereur de toutes les Russies accepte la médiation de S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, à l'effet de négocier et conclure une paix avantageuse et honorable aux deux Empires. Les plénipotentiaires respectifs se rendront dans le lieu dont les parties intéressées conviendront, pour y ouvrir et suivre les négociations.

ART. 24. — Les délais dans lesquels les hautes parties contractantes devront retirer leurs troupes des lieux qu'elles doivent quitter, en conséquence des stipulations ci-dessus, ainsi que le mode d'exécution des diverses clauses que contient le présent traité, seront fixés par une convention spéciale.

ART. 25. — S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, se garantissent mutuellement l'intégrité de leurs possessions et de celles des puissances comprises au présent traité de paix, telles qu'elles sont maintenant ou seront, en conséquence des stipulations ci-dessus.

ART. 26. — Les prisonniers de guerre faits par les parties contractantes ou comprises au présent traité de paix, seront rendus réciproquement sans échange et en masse.

ART. 27. — Les relations de commerce entre l'Empire français, le Royaume d'Italie, les Royaumes de Naples et de Hollande et les États confédérés du Rhin, d'une part, et, d'autre part, l'Empire de Russie, seront rétablies sur le même pied qu'avant la guerre.

ART. 28. — Le cérémonial des deux Cours des Tuileries et de Saint-Pétersbourg entre elles et à l'égard des ambassadeurs, ministres et envoyés qu'elles accréditeront l'une près de l'autre, sera établi sur le principe d'une réciprocité et d'une égalité parfaites.

ART. 29. — Le présent traité sera ratifié par S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et par S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie. L'échange des ratifications aura lieu dans cette ville dans le délai de quatre jours.

Fait à Tilsit, le 7 juillet (25 juin) 1807.

Le prince Alexandre KOURAKINE.
Le prince Dmitry LOBANOF DE ROSTOF.
Ch.-M. TALLEYRAND, prince de BÉNÉVENT.

II.

ARTICLES SÉPARÉS ET SECRETS.

1. Les troupes russes remettront aux troupes françaises le pays connu sous le nom de Cattaro.

2. Les Sept-Iles seront possédées en toute propriété et souveraineté par S. M. l'Empereur Napoléon.

3. Consent S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, à ne point inquiéter ni rechercher directement ou indirectement aucun sujet de la Sublime Porte et spécialement, les Monténégrins, pour aucune part qu'ils aient prise ou pu prendre aux hostilités contre les troupes françaises, pourvu que désormais ils vivent paisiblement.

4. S. M. l'Empereur de toutes les Russies s'engage à reconnaître S. M. le Roi de Naples Joseph-Napoléon comme Roi de Sicile aussitôt que le Roi Ferdinand IV aura une indemnité, telle que les îles Baléares, ou l'île de Candie, ou toute autre de même valeur.

5. Si, lors de la paix future avec l'Angleterre, le Hanovre vient à être réuni au Royaume de Westphalie, un territoire formé de pays cédés par S. M. le Roi de Prusse à la rive gauche de l'Elbe et ayant une population de trois à quatre cent mille âmes, cessera de faire partie de ce Royaume et sera rétrocédé à la Prusse.

6. Les chefs des maisons de Hesse-Cassel, de Brunswick-Wolfenbuttel et de Nassau-Orange jouiront d'un traitement annuel et viager dont jouiront également les princesses leurs épouses, si elles leur survivent.

Le traitement du chef de la maison de Hesse-Cassel sera de deux cent mille florins d'Hollande. Le traitement du chef de la maison de Brunswick-Wolfenbuttel sera de cent mille florins d'Hollande. Ces traitements seront acquittés par S. M. le Roi de Westphalie.

Le traitement du chef de la maison de Nassau-Orange sera de soixante mille florins d'Hollande et acquitté par S. A. I. le grand-duc de Berg.

7. Les articles ci-dessus séparés et secrets auront la même force et valeur que s'ils avaient été textuellement insérés dans le traité patent de ce jour et ils seront ratifiés en même temps.

Fait et signé à Tilsit, le 25 juin (7 juillet) 1807.

Le prince Alexandre Kourakine.
Le prince Dmitry Lobanof de Rostof.
Ch. Maurice Talleyrand, prince de Bénévent.

III.

TRAITÉ D'ALLIANCE.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, ayant spécialement à cœur de rétablir la paix générale en Europe sur des bases solides et, s'il se peut, inébranlables, ont, à cet effet, résolu de conclure une alliance offensive et défensive et nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies: M. le prince Alexandre Kourakine, son conseiller privé actuel, membre du Conseil d'Etat, sénateur, chancelier de tous les ordres de l'empire, chambellan actuel, ambassadeur extraordinaire et ministre plénipotentiaire de S. M. l'Empereur de toutes les Russies près S. M. l'Empereur d'Autriche et chevalier des ordres de Russie: de Saint-André, de Saint-Alexandre, de Sainte-Anne de la première classe, et de Saint-Wolodimir de la première classe, de l'Aigle-Noir et de l'Aigle-Rouge de Prusse, de Saint-Hubert de Bavière, du Danebrog et de l'Union parfaite de Danemark et bailli grand-croix de l'ordre souverain de Saint-Jean de Jérusalem,

Et M. le prince Dmitri Lobanof de Rostof, lieutenant-général des armées de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier des ordres de Sainte-Anne de la première classe, de l'ordre militaire de Saint-Georges et de l'ordre de Saint-Wolodimir de la troisième classe;

Et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin: M. Charles-Maurice Talleyrand, prince de Bénévent, son grand-chambellan et ministre des relations extérieures, grand-cordon de la Légion d'honneur, chevalier grand-croix des ordres de l'Aigle-Noir et de l'Aigle-Rouge de Prusse et de Saint-Hubert,

Lesquels, après avoir échangé leurs pleins-pouvoirs respectifs, sont convenus des articles suivants:

ARTICLE PREMIER. — Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté l'Empereur des Français, roi d'Italie, s'engagent à faire cause commune, soit par terre, soit par mer, soit enfin, par terre et mer, dans toute guerre que la Russie ou la France serait dans la nécessité d'entreprendre ou de soutenir contre toute puissance européenne.

ART. 2. — Le cas de l'alliance survenant et chaque fois qu'il surviendra, les hautes parties contractantes régleront par une convention spéciale les forces que chacune d'elles devra employer contre l'ennemi commun, et les points où ces forces devront agir; mais, dès à présent, elles s'engagent à employer, si les circonstances l'exigent, la totalité de leurs forces de terre et de mer.

ART. 3. — Toutes les opérations de guerre communes seront faites de concert, et ni l'une ni l'autre des parties contractantes ne pourra, dans aucun cas, traiter de la paix sans le concours ou le consentement de l'autre partie.

ART. 4. — Si l'Angleterre n'accepte pas la médiation de la Russie, ou si, l'ayant acceptée, elle n'a point, le 1er novembre prochain, consenti à conclure la paix, en reconnaissant que les pavillons de toutes les puissances doivent jouir d'une égale et parfaite indépendance sur les mers et en restituant les conquêtes par elle faites sur la France et ses alliés depuis 1805, où la Russie a fait cause commune avec elle, une note sera, dans le courant du dit mois de novembre, remise au cabinet de Saint-James par l'ambassadeur de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. Cette note, exprimant l'intérêt que Sadite Majesté Impériale prend au repos du monde et l'intention où Elle est d'employer toutes les forces de Son empire pour procurer à l'humanité le bienfait de la paix, contiendra la déclaration positive et explicite que, sur le refus de

l'Angleterre de conclure la paix aux conditions susdites, S. M. l'Empereur de toutes les Russies fera cause commune avec la France, et pour le cas où le cabinet de Saint-James n'aura pas donné, au 1er décembre prochain, une réponse catégorique et satisfaisante, l'ambassadeur de Russie recevra l'ordre éventuel de demander ses passeports ce dit jour et de quitter immédiatement l'Angleterre.

Art. 5. — Arrivant le cas prévu par l'article précédent, les hautes parties contractantes feront de concert, et au même moment, sommer les trois Cours de Copenhague, de Stockholm et de Lisbonne, de fermer leurs ports aux Anglais, de rappeler de Londres leurs ambassadeurs et de déclarer la guerre à l'Angleterre. Celle des trois Cours qui s'y refusera sera traitée comme ennemie par les hautes parties contractantes, et la Suède s'y refusant, le Danemark sera contraint de lui déclarer la guerre.

Art. 6. — Les deux hautes parties contractantes agiront pareillement de concert et insisteront avec force auprès de la Cour de Vienne pour qu'elle adopte les principes exposés dans l'article 4 ci-dessus, qu'elle ferme ses ports aux Anglais, rappelle de Londres son ambassadeur et déclare la guerre à l'Angleterre.

Art. 7. — Si, au contraire, l'Angleterre, dans le délai spécifié ci-dessus, fait la paix aux conditions susdites (et S. M. l'Empereur de toutes les Russies emploiera toute son influence pour l'y amener), le Hanovre sera restitué au Roi d'Angleterre en compensation des colonies françaises, espagnoles et hollandaises.

Art. 8. — Pareillement, si, par une suite des changements qui viennent de se faire à Constantinople, la Porte n'acceptait pas la médiation de la France, ou si, après qu'elle l'aura acceptée, il arrivait que, dans le délai de trois mois après l'ouverture des négociations, elles n'eussent pas conduit à un résultat satisfaisant, la France fera cause commune avec la Russie contre la Porte Ottomane, et les deux hautes parties contractantes s'entendront pour soustraire toutes les provinces de l'Empire Ottoman en Europe, la ville de Constantinople et la province de Romélie exceptées, au joug et aux vexations des Turcs.

Art. 9. — Le présent traité restera secret et ne pourra être rendu public, ni communiqué à aucun cabinet par l'une des parties contractantes, sans le consentement de l'autre. Il sera ratifié, et

les ratifications en seront échangées à Tilsit, dans le délai de quatre jours.

Fait à Tilsit, le sept juillet mit huit cent sept.

Le prince Alexandre KOURAKINE.
Le prince Dmitri LOBANOF DE ROSTOF.
Charles-Maurice TALLEYRAND, prince de BÉNÉVENT.

IV.

CONVENTION ADDITIONNELLE.

Deux officiers russes doivent être porteurs par duplicata des ordres de l'Empereur Alexandre à l'amiral qui commande son escadre dans l'Adriatique; un de ces officiers partira avec un officier français pour se rendre à Zara, par la route la plus courte et de là à Cattaro. Du moment qu'il sera arrivé à Zara, s'il y a un bâtiment russe en croisière, il remettra au commandant la dépêche de l'Empereur, au lieu de la porter à Cattaro; s'il n'y en a pas, il continuera sa route jusqu'à Cattaro, où il trouvera des frégates russes, et immédiatement une frégate russe mettra à la voile pour porter à l'amiral les ordres de l'Empereur, en quelque lieu qu'il se trouve. Indépendamment de ça, le même officier aura des ordres de l'Empereur pour la remise de Cattaro aux troupes françaises.

L'officier français qui accompagnera l'officier russe prendra les ordres du major-général de l'armée française pour que le général Marmont se concerte avec le commandant russe pour prendre possession de la forteresse de Cattaro.

Il sera nécessaire que M. de Budberg donne des ordres aux agents russes qui seront près des Monténégrins, pour le maintien de la bonne harmonie.

Il paraît aussi convenable que l'officier russe soit porteur de dépêches au consul russe à Trieste pour notifier aux bâtiments russes le rétablissement de la paix et leur faire connaître qu'ils peuvent relâcher dans les ports français, italiens et napolitains.

Il est convenu avec l'Empereur Alexandre que la garnison de Cattaro se rendra soit par terre, soit par mer, à Venise où elle sera placée dans une ville de terre ferme et convenablement traitée; elle pourrait être très bien placée à Trévise ou à Padoue.

Il est nécessaire que le major-général donne des ordres au général Marmont et au vice-roi d'Italie sur la manière dont ces troupes doivent être traitées, l'intention de l'Empereur étant qu'elles le soient comme les troupes françaises, en suivant leurs usages. On tiendra un compte particulier de l'argent qu'on leur avancera pour la solde.

Le même officier doit être porteur d'ordres pour faire recevoir les troupes françaises dans la citadelle de Corfou.

Les troupes russes pourront rester à Corfou ou, selon ce qu'il leur paraîtra préférable, se rendre par terre ou par mer à Venise et ainsi, on réunirait toute la division russe de l'Adriatique.

Le général César Berthier est le général qui prendra possession de Corfou; il s'embarquera à Otrante, avec les troupes qui sont cantonnées à Tarente pour cet objet.

La partie des troupes russes que le général commandant à Corfou jugerait convenable de laisser encore quelque temps dans cette île y feraient le service avec les troupes françaises et la défendraient envers et contre tous.

Le consul français à Janina sera prévenu par le général César Berthier, mais seulement quand les troupes françaises seront entrées dans la citadelle de Corfou; il sera invité à y envoyer des vivres; même recommandation sera faite au Roi de Naples et au vice-roi d'Italie.

Les magasins de vivres qui resteraient à Corfou seront remis sur procès-verbal aux commissaires français pour en tenir compte comme de droit; même observation pour les magasins de vivres de Cattaro.

Ce qui appartient à l'artillerie et à la marine russes y restera en dépôt entre les mains des gardiens qu'il conviendra aux officiers russes d'y laisser.

S'il est des troupes russes de la garnison de Corfou qui préfèrent débarquer à Otrante ou sur un point quelconque de la Dalmatie, pour éviter la mer ou faire la route à pied, on leur donnera toute facilité.

Le second officier russe doit être expédié avec un autre officier français pour se rendre à Otrante; ils seront dirigés sur Corfou; ils seront tous deux porteurs de duplicata, afin que, l'un manquant, l'autre arrive; ils seront porteurs de trois ordres: l'un au comman-

dant de Cattaro et l'autre au commandant de Corfou; le troisième relativement à l'escadre russe.

L'intention de l'Empereur Alexandre est que toute son escadre de l'Adriatique se rende à Cadix et s'adresse à l'amiral français qui est dans ce port, lequel a ordre de lui faire fournir tous les vivres dont elle aura besoin et de ne pas l'arrêter plus de trois jours. De là, elle continuera sa route sur Copenhague, avec l'avertissement que, s'il lui arrive des accidents ou qu'elle manque de quelque chose, elle peut relâcher à Rochefort, à Lorient ou à Brest, les ordres ayant déjà été donnés au ministre de la marine de France que, l'escadre russe arrivant dans l'un de ces ports, on lui donne tous les vivres et autres objets dont elle aura besoin sans la retenir plus de deux ou trois jours.

Les vaisseaux russes qui ne pourraient pas suivre l'escadre seraient laissés à Cadix ou envoyés à Toulon pour y être réparés et mis en état; les ordres sont déjà donnés de la part de la France pour ces deux objets.

Les vaisseaux de la mer Noire doivent rester à Corfou, à moins que le commandant ne préfère, par des raisons particulières, soit d'entrer à Venise, soit dans un port de Naples; ils doivent attendre là une lettre de l'ambassadeur de France à Constantinople qui fasse connaître si on a pu obtenir le passage dans la mer Noire; dans quelque endroit que cette escadre se mettra, elle doit toujours se tenir à portée des batteries de côtes et à l'abri d'une surprise de mer, soit de la part des Turcs, soit de la part des Anglais.

L'adjudant-commandant François Guilleminot, accompagné d'un officier russe, doit se rendre au quartier-général du général Michelson; il doit être porteur de lettres du prince de Bénévent au grand-vizir et à l'ambassadeur de France à Constantinople sur les ordres qui ont été donnés ce matin. Le général Michelson doit être prévenu des mêmes dispositions, toute hostilité devant cesser, si la Porte adhère au traité et accepte la médiation de la France. Le général Michelson recevra des ordres pour conclure cette suspension d'armes avec le grand-vizir, conformément aux termes du traité.

Si, au contraire, la Porte voulait rester en guerre avec la Russie et refusait la médiation de la France, ce qui n'est pas à présumer, le général Michelson sera maître de ses opérations.

Le général Suchet sera nommé pour, conjointement avec l'officier russe que nommera le général Lobanof, marquer les limites des frontières de la Russie et de la Saxe; les poteaux devront être placés sous huit jours, et vingt-quatre heures après, les troupes russes prendront possession de la partie qui leur est cédée, de manière que le 20 juillet tout cela soit fait.

Tilsit, le 9 juillet 1807.

Les soussignés plénipotentiaires sont convenus de donner des ordres conformes aux dispositions ci-dessus, convenus entre LL. MM. l'Empereur de toutes les Russies et l'Empereur des Français, en foi de quoi nous l'avons signée et munie du sceau de nos armes.

Le prince Dmitri Lobanof de Rostof.
Maréchal A. Berthier.

II.

Correspondance d'Alexandre Ier et de Napoléon

DE JUILLET 1807 A JANVIER 1808.

I.

Napoléon à Alexandre.

Kœnigsberg, 13 juillet 1807.

Monsieur mon frère, jaloux d'avoir auprès de Votre Majesté quelqu'un qui puisse Lui exprimer de vive voix les sentiments dont Elle m'a laissé pénétré, je Lui envoie mon aide-de-camp le général de division Savary, jusqu'à ce que j'aie nommé un ambassadeur pour résider dans Sa Cour. Je prie Votre Majesté de le recevoir avec cette bonté qui Lui est particulière, et d'ajouter une entière confiance à ce qu'il Lui dira de ma part, et surtout toutes les fois qu'il sera assez heureux pour Lui renouveler de vive voix les assurances de la haute estime et de la sincère amitié dont je suis sorti pénétré d'auprès d'Elle.

Sur ce, je prie Dieu, Monsieur mon frère, qu'il veuille tenir Votre Majesté Impériale en sa sainte et digne garde.

NAPOLÉON.

II.

Alexandre à Napoléon.

Péterhof, 4 août 1807.

Monsieur mon frère, le général Savary m'a remis la lettre dont Votre Majesté l'avait chargé pour moi et je m'empresse de Lui en

exprimer toute ma reconnaissance, de même que pour l'envoi de ce général dont le choix m'a été bien agréable. Je prie Votre Majesté de croire que les sentiments et la confiance qu'Elle a su m'inspirer sont inaltérables et que Tilsit restera constamment présent à mon souvenir. J'aime à croire que l'union entre la Russie et la France se resserrera de plus en plus! Tel est mon vœu le plus sincère. Mon ambassadeur va incessamment arriver auprès de Votre Majesté. J'espère que son choix lui prouvera combien j'ai à cœur de cimenter les liens qui nous unissent. Sur ce, je prie Dieu, Monsieur mon frère, qu'il veuille tenir Votre Majesté Impériale en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté Impériale le bon frère.

ALEXANDRE.

III.

Napoléon à Alexandre.

Paris, 25 août 1807.

Monsieur mon frère, je m'empresse de faire part à Votre Majesté du mariage de mon très-cher frère Jérôme Napoléon avec la princesse Catherine de Wurtemberg, célébré le 22 de ce mois dans mon château impérial des Tuileries. Cette union m'est d'autant plus agréable qu'elle établit entre Votre Majesté et mon frère des liens de parenté auxquels nous attachons le plus grand prix. Je saisis, avec un véritable plaisir, cette occasion pour exprimer à Votre Majesté ma satisfaction des rapports d'amitié et de confiance qui viennent d'être établis entre nous, et pour L'assurer que je n'omettrai rien pour les cimenter et les consolider. Je compte sur la plus parfaite réciprocité de sentiments de la part de Votre Majesté. Je La prie d'être bien persuadée de la sincère amitié avec laquelle je suis, Monsieur mon frère, de Votre Majesté le bon frère.

NAPOLÉON.

IV.

Napoléon à Alexandre.

Saint-Cloud, 26 août 1807.

Monsieur mon frère, je remercie Votre Majesté des sentiments qu'Elle m'exprime dans Sa lettre du 23 juillet.

Elle sera instruite des affaires de Danemark. Aussitôt que je les ai apprises, j'ai fait expédier un courrier à Madrid pour faire connaître ces événements à l'ambassadeur de Votre Majesté, et pour l'engager à conseiller à son amiral, lorsqu'il passera à Cadix, d'y rester avec son escadre et d'attendre là l'issue des événements. J'espère que Votre Majesté verra dans ce conseil mon désir d'être agréable à Son service.

Je suis impatient d'apprendre ce que Votre Majesté compte faire pour secourir le Danemark et forcer le Roi de Suède à faire cause commune avec lui, comme il y est tenu par son plus vrai intérêt, l'indépendance de la Baltique.

Dans tous les cas, Votre Majesté peut compter sur moi. J'ai une armée réunie à Hambourg. J'attends avec impatience des nouvelles de Votre Majesté sur ces événements, priant Dieu qu'il La veuille avoir, Monsieur mon frère, en sa sainte et digne garde.

NAPOLÉON.

V.

Alexandre à Napoléon.

Saint-Pétersbourg, 27 août 1807.

Monsieur mon frère, cette lettre ne devait contenir que l'expression des sentiments dont je suis pénétré pour Votre Majesté et accompagner les fourrures que je Lui avais promises et que je trouve tant de plaisir à Lui offrir. Mais des événements majeurs étant survenus devant Copenhague, ce courrier se trouve porteur des rapports que, à mon invitation, le général Savary adresse à Votre Majesté et auxquels je me réfère entièrement. En attendant,

je me prépare à recevoir de mon mieux la visite des Anglais. Je compte que, dans dix ou douze jours, après la réception de cette lettre, mon ambassadeur, le général comte de Tolstoï, sera rendu auprès de Votre Majesté. Sur ce, je prie Dieu, Monsieur mon frère, qu'il veuille tenir Votre Majesté Impériale en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté Impériale le bon frère.

ALEXANDRE.

VI.

Napoléon à Alexandre.

Rambouillet, 16 septembre 1807.

Monsieur mon frère, je remercie Votre Majesté des belles fourrures qu'Elle m'a envoyées. Je ne puis rien Lui donner de si beau. Je désire cependant qu'Elle trouve agréables quelques porcelaines de Sèvres que je Lui envoie.

Je n'ai aucunes relations avec la Suède. Le Roi a abandonné Stralsund et mes troupes y sont entrées. Il a depuis rendu l'île de Rügen par une convention. On m'a écrit qu'il était retourné en Suède malade, et que toute son armée témoignait un grand mécontentement contre les Anglais, à cause de l'affaire du Danemark. Aussitôt que j'ai appris les événements qui s'y passaient, j'ai réuni mes instances à celles du Roi d'Espagne auprès du Portugal, et j'ai décidé cette dernière puissance à déclarer la guerre à l'Angleterre.

Les garnisons des troupes de Votre Majesté, qui étaient à Cattaro et à Corfou, sont en route pour se rendre à Venise. J'ai fait prévenir vos différents amiraux, et j'espère qu'à l'heure qu'il est ils se seront mis en sûreté dans mes ports ou dans ceux d'Espagne.

Je ne sais rien de l'Angleterre; j'ignore absolument ses dispositions. Je prépare mes flottes et mes flottilles, et il me semble que le moment n'est pas éloigné où nous pourrons chasser les Anglais de tout le continent. Je pense même que la Suède et l'Autriche ne sont pas très-loin de prendre parti contre eux.

NAPOLÉON.

VII.

Alexandre à Napoléon.

Saint-Pétersbourg, 22 septembre 1807.

Monsieur mon frère, je m'empresse d'accuser à Votre Majesté la réception de Sa lettre du 26 août. Elle a pu voir, par les rapports que le général Savary lui a adressés par mon courrier, combien de même j'ai été impatient d'apprendre les déterminations de Votre Majesté, à la suite des événements survenus devant Copenhague. Elle aura appris depuis la reddition de cette place; il était difficile de la sauver, surtout à moi tout seul. Mais en combinant nos mesures, nous pourrons réparer le mal. Il ne me faut que le temps nécessaire à mes troupes pour revenir, des bords du Niémen dans la Finlande, qui s'en trouve entièrement dégarnie. Votre Majesté peut compter que, pour le temps convenu entre nous, je serai tout prêt. J'ai des remerciements à faire à Votre Majesté pour le soin qu'Elle a de ma flotte et je me repose sur Son amitié pour sa conservation. Je charge le général Savary de Lui faire connaître le refus à peu près formel que l'Angleterre a fait de ma médiation. Il semble qu'elle veut traiter directement avec Votre Majesté. Sur ce, je prie Dieu qu'il veuille tenir Votre Majesté en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté Impériale le bon frère.

ALEXANDRE.

VIII.

Alexandre à Napoléon.

Saint-Pétersbourg, 27 septembre 1807.

Monsieur mon frère, c'est mon ambassadeur, le général comte de Tolstoï, qui aura l'honneur de remettre cette lettre à Votre Majesté. Je le recommande à Sa bienveillance. Il n'est pas diplomate, mais un brave et loyal militaire. Votre Majesté voudra bien ajouter foi à tout ce qu'il lui dira de ma part. Il est, en outre, expressément chargé par moi de Lui réitérer l'expression du sincère attachement et de la haute estime que j'ai voués à Votre Majesté.

Il ne saurait le Lui répéter assez. Sur ce, je prie Dieu qu'il veuille tenir Votre Majesté en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté Impériale le bon frère.

ALEXANDRE.

IX.

Napoléon à Alexandre.

Fontainebleau, 28 septembre 1807.

Monsieur mon frère, l'escadre de Votre Majesté, de Corfou, composée de quatre vaisseaux, est arrivée devant Venise. Ayant rencontré deux frégates anglaises, elle a été mouiller à Trieste, d'où l'amiral a expédié un courrier au prince de Kourakine; et, au retour du courrier, l'escadre de Votre Majesté a mis à la voile de Trieste pour se rendre à Venise, malgré les frégates anglaises. Elle convoyait vingt-deux bâtiments marchands, portant 4,000 hommes de la garnison de Cattaro. Tout est prévu pour que ces troupes soient bien à Padoue.

Votre Majesté aura été bien affligée de ce qui s'est passé à Copenhague. Il me semble qu'il nous sera facile de chasser les Anglais de tout le continent d'Europe; une déclaration commune produirait cet effet.

Je remercie Votre Majesté de ce qu'Elle a bien voulu me communiquer la note anglaise; l'expédition de Copenhague explique son véritable esprit.

L'ambassadeur turc, qui était à Vienne, est arrivé hier à Paris; je ne l'ai pas encore vu; il a des pouvoirs de la Porte.

Votre Majesté veut-Elle me permettre de Lui témoigner toute ma reconnaissance pour les bons sentiments qu'Elle témoigne au général Savary? Je désire fort que Votre Majesté soit persuadée de tous ceux que je Lui porte, et qu'Elle croie que je ne le cède à personne pour l'intérêt que j'attache à tout ce qui peut Lui être agréable.

NAPOLÉON.

X.

Alexandre à Napoléon.

Saint-Pétersbourg, 2 novembre 1807.

Monsieur mon frère, j'ai reçu la lettre que Votre Majesté a bien voulu m'adresser le 25 août pour me notifier la célébration du mariage de Son frère le Roi de Westphalie avec la princesse Catherine de Wurtemberg. Tout comme Votre Majesté, j'attache le plus grand prix à ce nouveau lien qui nous unit et je désire bien vivement qu'il puisse contribuer à consolider de plus en plus les rapports d'amitié et de confiance qui se sont si heureusement établis entre nous. Je prie Votre Majesté de compter toujours sur mes dispositions invariables à cet égard, ainsi que sur la sincère amitié avec laquelle je suis, Monsieur mon frère, de Votre Majesté le bon frère.

ALEXANDRE.

XI.

Napoléon à Alexandre.

Fontainebleau, 7 novembre 1807.

Monsieur mon frère, M. le comte de Tolstoï m'a remis la lettre de Votre Majesté. Je ne veux pas tarder un moment à Lui exprimer tout le plaisir que m'a fait éprouver l'arrivée de Son ambassadeur. En voyant une personne que Votre Majesté honore d'une confiance si particulière, je me suis ressouvenu de tout le bonheur que j'avais eu à Tilsit. Nous serons bien heureux quand Elle pourra tenir Sa promesse et faire Son grand voyage. Quant à moi, je ressens un grand plaisir de pouvoir montrer, dans la personne de l'ambassadeur de Votre Majesté, la vérité et la force des sentiments qu'Elle m'a inspirés. J'ai ce matin causé fort longtemps avec M. le comte de Tolstoï.

L'escadre de Votre Majesté a passé le 19 octobre devant Cadix et n'est pas entrée dans ce port. Je suppose qu'elle entrera, ou à Lisbonne, ou à la Corogne, ou dans un de mes ports de l'Océan.

J'ai fait sortir plusieurs frégates à sa recherche, et pour engager l'amiral Séniavine à ne pas donner dans la Manche.

J'écris en détail à Savary sur ces différentes affaires.

L'Autriche a pris le parti de déclarer la guerre à l'Angleterre, si l'Angleterre ne remet pas les choses à Copenhague dans l'état où elles étaient. Ainsi, voilà l'Angleterre en guerre avec tout le monde. Il n'y a plus que le Roi de Suède, qui entendra probablement raison, quand Votre Majesté lui aura parlé un peu sérieusement.

NAPOLÉON.

XII.

Alexandre à Napoléon.

Saint-Pétersbourg, 15 novembre 1807.

Monsieur mon frère, j'ai à remercier Votre Majesté pour les deux lettres qu'Elle a bien voulu m'écrire les 14 et 28 septembre. J'y ai vu avec plaisir qu'Elle rend justice à mes sentiments pour Elle. Je La prie de croire qu'ils Lui sont voués pour toujours. J'ai rompu avec les Anglais, et leur ambassadeur, que j'ai renvoyé, a déjà quitté Pétersbourg. Au lieu de décembre, comme nous en étions convenus, c'est en octobre que le tout a été terminé. Je ne doute pas que la Suède se rangera de notre côté. Toutes mes troupes sont déjà arrivées; il se peut même qu'elles ne seront pas nécessaires. Dès que Votre Majesté m'aura fait connaître Ses déterminations, je suis prêt à tenir le même langage qu'Elle à l'Autriche. Quant à la Porte, j'ai dû arrêter l'évacuation de la Moldavie et de la Valachie, et voici mes raisons. L'armistice a été mal conclu. On y a inséré des articles que je ne peux pas admettre. J'ai cassé le général qui s'est permis de le ratifier sans en avoir le droit, car le général en chef était mort dans les entrefaites. A peine cet armistice s'est-il trouvé ratifié, que les Turcs se sont permis des infractions, en passant à plusieurs reprises le Danube et en occupant Galatz. Le même général s'est vu dans la nécessité d'arrêter l'évacuation, qu'il avait déjà commencée. Depuis, j'ai fait proposer des changements à l'armistice, dont le général Savary a rendu compte

à Votre Majesté. Mais les Turcs ont refusé de les admettre. En conséquence, l'armistice n'existe pas et je ne peux pas retirer mes troupes. Mes nouvelles de Constantinople y viennent encore à l'appui. Elles portent que les Anglais prennent une grande prépondérance au Divan. Je dois donc me tenir plus sur mes gardes que jamais. J'ai chargé mon ambassadeur de rendre compte de tout au ministère de Sa Majesté et j'en ai instruit en détail le général Savary. Que Votre Majesté soit convaincue que mon désir est d'être d'accord en tout avec Elle. Sur ce, je prie Dieu qu'il veuille avoir Votre Majesté en sa sainte garde. De Votre Majesté Impériale le bon frère.

ALEXANDRE.

XIII.

Napoléon à Alexandre.

Venise, 7 décembre 1807.

Monsieur mon frère, j'ai envoyé, pour résider auprès de Votre Majesté, M. de Caulaincourt. L'avantage qu'il a d'être connu d'Elle, et les bontés dont Elle l'a honoré dans sa première mission et pendant les moments heureux que j'ai passés à Tilsit, m'ont fait penser que ce choix pourrait Lui être agréable.

Je suis depuis plusieurs jours à Venise. Les troupes de Votre Majesté qui étaient à Corfou sont arrivées à Padoue. J'ai fait dire au colonel qui les commande de venir me trouver à Trévise, étant bien aise de savoir par moi-même s'il ne leur manque rien. Mon ministre à Vienne m'avait fait connaître que le passage leur était ouvert par l'Autriche; mais j'approuve l'opinion où sont leurs commandants d'attendre, avant de partir, les ordres de Votre Majesté. Toutefois Elle peut être sans inquiétude sur elles.

Deux vaisseaux de la flotte de Votre Majesté sont arrivés à Porto-Ferrajo; je leur ai fait conseiller de se rendre à Toulon, où ils pourront être radoubés et remis en bon état.

L'escadre de l'amiral Séniavine est arrivée à Lisbonne; heureusement que mes troupes doivent y être à l'heure qu'il est. Il serait bon que Votre Majesté donnât autorité au comte de Tolstoï

sur cette escadre et sur les troupes, afin que, l'occasion de les employer arrivant, nous puissions le faire sans attendre de nouvelles directions de Saint-Pétersbourg. Je pense aussi que cette autorité immédiate de l'ambassadeur de Votre Majesté aurait le bon effet de faire cesser la méfiance dont parfois les commandants sont agités sur les sentiments de la France.

Lorsque Votre Majesté recevra cette lettre, je serai de retour à Paris. Je me flatte que le comte de Tolstoï aura été content de moi; je le désire beaucoup, car je suis bien heureux de toutes les circonstances qui peuvent mettre au grand jour les sentiments que je porte à Votre Majesté.

Je reçois au même instant la lettre de Savary, du 4 novembre, que m'apporte un de ses officiers, et la *Déclaration* que Votre Majesté a fait passer à la Cour de Londres. De toutes les puissances du continent, il ne reste plus que la Suède qui soit en paix avec l'Angleterre; Votre Majesté y mettra probablement bon ordre.

Je suis vraiment heureux de voir se consolider l'ouvrage de Tilsit. Je le serai davantage lorsque Votre Majesté tiendra Sa promesse de venir à Paris: ce sera un moment bien doux pour moi et pour mes peuples. Nous viendrons à bout de l'Angleterre, nous pacifierons le monde, et la paix de Tilsit sera, je l'espère, une nouvelle époque dans les fastes du monde.

NAPOLÉON.

XIV.

Alexandre à Napoléon.

Saint-Pétersbourg, 9 décembre 1807.

Monsieur mon frère, la manière si distinguée dont Votre Majesté a bien voulu recevoir mon ambassadeur m'a touché bien vivement. Je ne puis assez lui exprimer combien je suis sensible à tous les témoignages d'amitié qu'Elle veut bien me donner. Aussi cette lettre n'est destinée qu'à exprimer à Votre Majesté toute ma reconnaissance pour tout ce qu'Elle fait pour moi. M. Lesseps m'a remis le superbe service de porcelaine qu'Elle a bien voulu m'envoyer. Je n'ai jamais rien vu d'aussi beau dans ce genre. J'ai reçu avec le même plaisir le premier volume du Muséum. Cet ouvrage

est magnifique. C'est bien à moi à dire que je ne puis rien offrir d'aussi beau à Votre Majesté. Je compte dans peu Lui envoyer cependant quelques productions de la Sibérie et je désire beaucoup qu'elles puissent Lui être agréables. Je suis bien sensible aussi à la permission que Votre Majesté m'a accordée d'envoyer des jeunes gens dans Ses ports. Il me reste de La remercier encore pour Sa promesse pour les 50,000 fusils. Tous les jours les liens qui m'unissent à Votre Majesté me deviennent plus chers et j'éprouve un plaisir véritable à faire marcher à grands pas à sa conclusion l'ouvrage de Tilsit. Je n'ai plus qu'à terminer avec la Suède, ce qui sera fait dans peu. L'espoir de revoir Votre Majesté est constamment présent à ma pensée et j'envisagerai ce moment comme un des plus agréables de ma vie. Dès que tout sera achevé de ce côté, je m'empresserai de l'En prévenir et alors il dépendra d'Elle de fixer le temps pour notre entrevue. Avant de finir cette lettre, je crois de mon devoir de recommander à Votre Majesté le sort du Roi de Prusse. Elle connaît tout l'intérêt que j'y prends et je m'en remets à l'amitié de Votre Majesté avec confiance. Sur ce, je prie Dieu qu'il veuille avoir, Monsieur mon frère, Votre Majesté en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté Impériale le bon frère.

ALEXANDRE.

XV.

Alexandre à Napoléon.

Saint-Pétersbourg, 25 décembre 1807.

Monsieur mon frère, je ne puis laisser partir le général Savary sans le charger de ces lignes pour Votre Majesté et La remercier de me l'avoir envoyé, le temps qu'il a passé auprès de moi n'ayant fait qu'augmenter l'estime que je lui portais déjà. J'espère qu'il entretiendra Votre Majesté de tous les sentiments que je porte à Sa personne et combien je suis désireux de resserrer de plus en plus les liens qui nous unissent. Sur ce, je prie Dieu, Monsieur mon frère, qu'il veuille tenir Votre Majesté en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté Impériale le bon frère.

ALEXANDRE.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Письмо Наполеона къ Императору Александру, помѣченное: Кенигсбергъ, 13 іюля 1807 г. въ *Correspondance de Napoléon I*, XV, 12910.

2.

Князь Димитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, род. въ 1758 году, генералъ отъ инфантеріи, начальствовавшій 17-й дивизіей въ 1807 году, велъ переговоры о перемиріи 21 іюля и былъ однимъ изъ подписавшихъ Тильзитскій договоръ о мирѣ и союзѣ. См. его біографію у Бантышъ-Каменскаго, *Біографическій словарь достопамятныхъ людей Русской земли*, т. II, стр. 291—322.

3.

Графъ Николай Александровичъ Толстой, род. въ 1761 г., былъ въ 1807 г. оберъ-гофмаршаломъ двора Императора Александра I.

4.

Въ своихъ мемуарахъ генералъ Савари приводитъ словесную инструкцію, полученную имъ отъ Наполеона при отъѣздѣ его изъ Кенигсберга. Императоръ сказалъ ему: «Je viens de faire la paix; on me dit que j'ai eu tort, que je serai trompé; mais, ma foi, c'est assez faire la guerre, il faut donner du repos au monde. Je veux vous envoyer à Saint-Pétersbourg en attendant que j'aie fait choix d'un ambassadeur; je vous donnerai pour l'Empereur Alexandre une lettre qui sera votre lettre de créance. Vous ferez là mes affaires. Souvenez-vous que je ne veux faire la guerre avec qui que ce soit et établissez-vous sur ce principe-là. Ce serait me déplaire beaucoup que de ne pas m'éviter de nouveaux embarras. Voyez Talleyrand, il vous dira ce qu'il y a à faire pour le moment et ce qui a été réglé entre l'Empereur de Russie et moi. Je vais laisser reposer l'armée dans les pays que je dois encore occuper et faire achever le paiement des contributions. C'est le seul cas qui pourrait ramener des difficultés; mais tenez-le pour dit que je n'en rabattrai rien. Vous aurez à presser le départ d'un ambassadeur; faites en sorte que le choix tombe sur un homme qui ne vienne pas chez nous pour y faire ce qu'ont fait ceux que nous avons déjà eus. Je vous ferai envoyer le traité

secret après que j'aurai reçu vos premiers rapports. Dans vos conversations, evitesoigneusement tout ce qui peut choquer. Par exemple, ne parlez jamais de guerre; ne frondez aucun usage, ne remarquez aucun ridicule; chaque peuple a ses usages et il n'est que trop dans l'habitude des Français de rapporter tout aux leurs et de se donner pour modèles. C'est une mauvaise marche, qui vous empêchera de réussir en vous rendant insupportable à toute la société. Enfin, si je puis resserrer mon alliance avec ce pays et y faire quelque chose de durable, ne négligez rien pour cela. Vous avez vu comme j'ai été trompé avec les Autrichiens et les Prussiens; j'ai confiance dans l'Empereur de Russie et il n'y a rien entre les deux nations qui s'oppose à un entier rapprochement. Allez-y travailler». (*Mémoires du duc de Rovigo*. Paris, 1828. III, p. 147.)

5.

Савари ошибается, отмѣчая въ своихъ мемуарахъ (тамъ-же, III, стр. 149) срокъ прибытія своего въ С.-Петербургъ 14-мъ іюля, также, какъ и генералъ-лейтенантъ А. И. Михайловскій-Данилевскій въ своемъ *Описаніи второй войны Императора Александра съ Наполеономъ 1806—1807 гг.* (стр. 404) дѣлаетъ ошибку, указывая на 10 (22) іюля, какъ на день возвращенія Александра I въ свою столицу. Въ дѣйствительности-же Императоръ вернулся въ С.-Петербургъ 3 (15) іюля, а Савари туда прибылъ, какъ явствуетъ изъ его донесенія Наполеону, 11 (23), т. е. восемью днями позже.

6.

Это именно слѣдующіе №№ 3—10. Донесенія эти, какъ и письмо Савари къ Таллейрану (№ 11), были отправлены съ курьеромъ, выѣхавшимъ изъ С.-Петербурга 7 августа. Послѣдній весьма торопился, такъ какъ 25 числа того-же мѣсяца онъ былъ уже въ Парижѣ, употребивъ лишь 18 дней на переѣздъ отъ одной столицы до другой.

7.

Повелѣніе предложить англійскому кабинету посредничество Россіи для заключенія мира съ Франціей, согласно статьѣ XIII мирнаго Тильзитскаго договора, было отправлено министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Будбергомъ, русскому посланнику, въ Берлинѣ, находившемуся по особому порученію въ Лондонѣ, М. М. Алопеусу; оно помѣчено: Таурогенъ, 10 іюля 1807.

8.

Императоръ Александръ принялъ генерала Савари въ Каменноостровскомъ дворцѣ, куда послѣ кратковременнаго пребыванія въ Таврическомъ дворцѣ онъ переѣхалъ на лѣто въ іюлѣ 1807 г. (*Mémoires du duc de Rovigo, III*, стр. 150).

9.

Выѣхавъ изъ Кенигсберга 13 іюля, Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ 17 и провелъ тамъ пять дней. 27 іюля въ 6 часовъ утра онъ возвратился въ Сенъ-Клу.

10.

Открытіе законодательнаго корпуса, происходило съ большимъ торжествомъ 16 августа. Рѣчь, произнесенная по этому случаю Наполеономъ, заключаетъ въ

себѣ слѣдующее мѣсто: «Depuis votre nouvelle session, de nouvelles guerres, de nouveaux triomphes, de nouveaux traités de paix ont changé la face de l'Europe politique. Si la maison de Brandebourg, qui la première se conjura contre notre indépendance, règne encore, elle le doit à la sincère amitié que m'a inspirée le puissant Empereur du Nord». *(Correspondance,* XV, 13034).

11.

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, род. въ 1754 году, въ 1807 г. былъ министромъ коммерціи. 11 сентября того-же года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ.

12.

Въ своемъ донесеніи Наполеону Савари не упоминаетъ о слѣдующей любопытной подробности, которую онъ отмѣтилъ въ своихъ мемуарахъ: «J'avais envoyé la veille des officiers qui étaient avec moi, afin de retenir un logement convenable pour moi et pour tout ce qui m'accompagnait. Mais, quel fut mon étonnement de les trouver encore le lendemain cherchant eux-mêmes où s'établir! L'opinion était tellement montée contre les Français que dans aucun hôtel garni on ne voulait me loger; j'ai été au moment d'être obligé d'avoir recours à des moyens extraordinaires, lorsque le plus heureux hasard me fit rencontrer dans le propriétaire de l'Hôtel de Londres un homme qui était de mon département; il passa sur toutes les considérations et me logea» *(Mémoires du duc de Rovigo,* III, стр. 149).

13.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, род. въ 1773 году, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

14.

Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I, род. въ 1779 году, принцесса Баденская.

15.

Въ своихъ мемуарахъ Савари высказывается слѣдующимъ образомъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него русской столицей: «Je fus frappé d'admiration en me trouvant dans une aussi belle ville, après avoir traversé un pays à l'extrémité duquel j'aurais été moins surpris de rencontrer le chaos; mais il faut être arrivé jusqu'à la porte pour s'apercevoir que l'on approche d'une grande capitale». *(Mémoires du duc de Rovigo,* III, стр. 149).

16.

14 іюня, т. е. въ самый день боя подъ Фридландомъ, генералъ отъ-инфантеріи М. И. Милорадовичъ разбилъ турокъ при Обилешти, мѣстечкѣ, находящемся на лѣвомъ берегу Дуная, въ 50 километрахъ отъ Бухареста, въ Валахіи. Послѣ такого пораженія великій визирь отказался отъ своего намѣренія оттѣснить русскихъ отъ этого города.

17.

Къ этой бесѣдѣ относятся безъ сомнѣнія слѣдующія строки въ *Mémoires du duc de Rovigo* (III, стр. 150): «Je dois hommage à la vérité et convenir qu'en le quittant (l'Empereur Alexandre), j'étais convaincu qu'il tiendrait toutes les conditions de son alliance avec nous; mais aussi il me parla de sa position vis-à-vis des Turcs en termes si clairs que je ne pouvais me méprendre sur la conclusion qu'il en tirerait».

18.

Генералъ графъ Максимиліанъ Мерфельдъ, род. въ 1764 году, былъ въ 1807 австрійскимъ посломъ при русскомъ дворѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ во время революціи и въ качествѣ уполномоченнаго подписалъ въ 1797 году перемиріе въ Леобенѣ и миръ въ Кампо-Форміо. См. его біографію у Вурцбаха, *Biogr. Lex. des Kais. Oesterreich*, т. XVII.

19.

Лордъ Гренвилль-Левесонъ-Гоуэръ, англійскій посолъ при русскомъ дворѣ. Онъ подписалъ передъ тѣмъ основной договоръ третьей коалиціи, такъ называемый «союзный» договоръ, заключенный въ С.-Петербургѣ 30 марта (11 апрѣля) 1805 г. (Ѳ. Ѳ. Мартенсъ: *Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей*, II, стр. 433.) Переписка его въ С.-Петербургѣ 1807 года съ лордомъ Каннингомъ была издана въ *Papers presented to Parliament in 1808*, стр. 69—164.)

20.

Обращаясь такимъ образомъ къ Савари, гр. Мерфельдъ является выразителемъ сильнаго безпокойства, внушеннаго австрійскому двору Тильзитскимъ договоромъ. Бэръ въ своемъ трудѣ «*Zehn Jahre Oesterreichischer Politik, 1801 bis 1810*» (стр. 288) приводитъ по этому поводу слѣдующую замѣтку императора Франца, помѣщенную на поляхъ донесенія графа Стадіона: «Dieu sait ce qui adviendra de cette affaire! Toutefois, il reste à savoir si Stutterheim arrivera à temps, pour pouvoir obtenir quelque chose en notre faveur et si on voudra l'écouter? Je pense, en attendant, que nous pourrions baser une espérance sur la loyauté de l'Empereur Alexandre et sur la présence exclusive du général Budberg, lequel s'est toujours montré correct».

21.

Адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, род. въ 1762 году, назначенъ министромъ военныхъ морскихъ силъ въ 1807 г., а затѣмъ назначенъ былъ на этотъ постъ маркизъ де-Траверсе. (*Общ. морск. списокъ*, ч. V, стр. 215).

22.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, род. въ 1765 году, генералъ отъ инфантеріи, сподвижникъ Суворова по кампаніямъ въ Польшѣ, Италіи и Швейцаріи, начальствовалъ авангардомъ русской арміи въ 1805 и 1807 гг.

23.

Генералъ Федоръ Петровичъ Уваровъ, род. въ 1773 году, генералъ-адъютантъ Императора Александра I.

24.

Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, генералъ-адъютантъ Императора, былъ посылаемъ въ Парижъ во время консульства въ 1801 году для переговоровъ о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ пребываніемъ русскихъ военноплѣнныхъ во Франціи. См. по этому поводу письмо Александра I къ первому консулу отъ 6 августа 1801 года у С. С. Татищева: «*Alexandre I et Napoléon, d'après leur correspondance inédite, 1801—1812*», стр. 14.

25.

Екатерина-Амалія-Христина, принцесса Баденская, род. 13 іюля 1776 г., старшая сестра Императрицы Елисаветы, впослѣдствіи аббатисса Кведлинбургскаго монастыря.

26.

Баронъ Жанъ-Батистъ-Бартелеми Лессепсъ былъ однимъ изъ спутниковъ мореплавателя ла-Пейруза при его послѣднемъ кругосвѣтномъ плаваніи. Онъ оставилъ послѣдняго незадолго до его смерти и въ 1787 году возвратился черезъ Сибирь во Францію. Въ 1801 году онъ былъ назначенъ консуломъ Франціи сначала въ Кронштадтѣ, а затѣмъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ и оставался даже по прекращеніи дипломатическихъ сношеній въ 1804 году въ качествѣ комиссара по торговымъ дѣламъ. Лишь въ январѣ 1807 года ему было предложено оставить Россію. Шесть мѣсяцевъ спустя онъ возвратился туда, какъ повѣренный по дѣламъ, каковую должность онъ и отправлялъ до прибытія Коленкура, назначеннаго посломъ въ декабрѣ того-же года. Относительно его удаленія изъ С.-Петербурга см. письмо Таллейрана къ Наполеону отъ 9 февраля 1807 г. въ трудѣ Бертрана: *Lettres de Talleyrand à Napoléon*, стр. 298-304.

27.

Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ, род. въ 1747 году, бывшій министръ Екатерины II, подписалъ договоръ съ Франціей 8 октября 1801 г., былъ чрезвычайнымъ посланникомъ Россіи у перваго консула отъ 1801 по 1803 гг. Его дипломатическая переписка была издана въ томѣ 70-мъ *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общества*. См. также его частную переписку съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ въ томѣ XX *Архива кн. Воронцова*.

28.

Графъ Петръ Александровичъ Толстой, род. въ 1769 году, генералъ отъ инфантеріи, назначенъ въ 1807 посломъ Россіи при французскомъ дворѣ.

29.

Этотъ планъ не былъ осуществленъ. Князь Димитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій былъ назначенъ 13 января 1808 года с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но уже въ февралѣ слѣдующаго года оставилъ этотъ постъ по причинѣ разстроеннаго здоровья.

30.

Здѣсь говорится о Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Два другихъ брата Александра I, великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи находились еще въ раннемъ возрастѣ и воспитывались въ Гатчинѣ на попеченіи вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

31.

Софія-Доротея-Августа-Луиза, принцесса Вюртембергская, впослѣдствіи Императрица Марія Ѳеодоровна, род. въ 1759 году, супруга великаго князя Павла Петровича, впослѣдствіи Императора. Несмотря на крайнюю сдержанность, которой эта Государыня никогда не измѣняла по отношенію къ посланнику Наполеона, Савари щедро расточаетъ ей похвалы въ своихъ мемуарахъ, гдѣ, между прочимъ, онъ говоритъ (III, стр. 156): Elle (l'Impératrice-Mère) donne à toute la Russie l'exemple d'une grande piété et de grandes vertus; sa protection est accordée à tous les établissements de charité et, en général, son nom est inséparable des actes de bienfaisance de ce pays-là».

32.

Это ошибка. Не день рожденія Императрицы-матери Маріи Ѳеодоровны, но тезоименитство ея праздновалось въ Петергофѣ 22 іюля (3-го, а не 2-го августа новаго стиля). Между милостями, оказанными по этому случаю можно отмѣтить отличія, сдѣланныя двумъ лицамъ подписавшимъ Тильзитскій договоръ: князь Александръ Борисовичъ Куракинъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса, а князь Лобановъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Баронъ Будбергъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. По поводу пребыванія Савари въ Петергофѣ можно прочесть въ его Мемуарахъ слѣдующія строки (III, стр. 155): «J'ai eu occasion de voir les fêtes de Péterhof. C'est un très beau spectacle; je l'ai trouvé assez ressemblant à celui que présentent en France les fêtes de Saint-Cloud, lorsque l'Empereur est dans cette résidence; mais j'ai trouvé la classe des bourgeois et artisans russes plus aisée et étalant plus de luxe dans sa mise extérieure qu'on ne le voit dans la classe correspondante en France. Péterhof a été construit à l'imitation de Marly près Saint-Germain. La Cour y a une quantité de petits pavillons, isolés les uns des autres et contenant chacun tout ce qui est nécessaire à l'établissement complet d'une maison de représentation. L'Empereur Alexandre me fit donner un de ces petits pavillons pour le temps que durèrent les fêtes de Péterhof il eut la bonté de s'occuper de moi les jours où le public et la Cour étaient tout occupés de lui».

33.

Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи, Великія Княжны Екатерина и Анна Павловны. Судя по словамъ лейбъ-медика Императрицы-матери Роджерсона, старшая изъ этихъ великихъ княженъ отнеслась весьма непріязненно къ повороту въ политикѣ, произошедшему въ Тильзитѣ. По этому поводу можно прочесть слѣдующія строки въ письмѣ Роджерсона къ гр. Семену Романовичу Воронцову (*Архивъ кн. В., т. XXV*, стр. 243): «Je dois vous dire que les deux Impératrices se sont conduites d'une manière admirable dans tous ces derniers moments

humiliants, et surtout que la Grande-Duchesse Catherine s est distinguée d'une manière qui a étonné tous ceux qui ont le bonheur de l'approcher, donnant dans tous les cas les évidences d'une grandeur d'âme, d'un sens solide.... Elle voit *tout*, elle en est navrée.»

34.

Фридрихъ-Людвигъ, наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, сочетался въ 1799 г. бракомъ съ Великой Княжной Еленой Павловной, второй дочерью Императора Павла, скончавшейся въ 1803 году. При началѣ прусской кампаніи Наполеонъ повелѣлъ войскамъ произвести военную оккупацію владѣній отца этого принца герцога Фридриха-Франца и изгнать герцогскую фамилію подъ предлогомъ воспрепятствовать вступленію русской арміи въ придунайскія области. Послѣ перваго же своего свиданія съ Императоромъ Александромъ въ Тильзитѣ Наполеонъ повелѣлъ ввести снова этого принца во владѣніе своимъ герцогствомъ, но статья XII договора 7 іюля 1807 года гласила, что до заключенія мира съ Англіей мекленбургскіе порты будутъ по прежнему заняты французскими гарнизонами. Наслѣдный принцъ рѣшилъ отправиться въ Парижъ, чтобы лично вести переговоры о включеніи герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго въ Рейнскую конфедерацію. Вотъ письмо, которое онъ отправилъ къ Императору Александру изъ Фонтенебло 8 ноября 1807 года (Арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ): «Sire, je suis aux pieds de Votre Majesté Impériale pour Lui offrir l'hommage de mon plus tendre et profond respect et Lui rendre compte de mon séjour à Paris, ne désirant rien de plus que de faire juger à Votre Majesté Impériale de toutes les actions de ma vie. Je me trouve parfaitement bien traité à la Cour de l'Empereur des Français et on a bien voulu faire pour moi plus que pour tous les autres princes allemands qui sont venus ici. Il ne m'a pas été difficile à pénétrer que ce n'est qu'uniquement aux liens heureux qui m'unissent à Votre Majesté Impériale que je le dois. C'est donc à vous, Sire, que j'en porte toute la reconnaissance, aussi bien qu'à la manière favorable dont Elle a daigné parler de moi à l'Empereur des Français, ainsi qu'il m'a fait l'honneur de me le dire. La réception du baron de Bosset, comme ministre du Duc à la Cour de France, a trouvé des difficultés, vu que l'Empereur venait de déclarer qu'il ne recevrait désormais d'envoyés que de la part des Cours Royales ou de celles qui jouissent des honneurs royaux, ainsi que les grands-ducs. Cependant, on veut traiter avec lui, comme fondé de pleins-pouvoirs. Il nous a été fait la proposition d'entrer dans la Confédération du Rhin et on y a répondu, connaissant par moi les intentions de Votre Majesté, que nous y étions disposés, pourvu seulement que l'on mît le Duc en état de pouvoir être vraiment utile à la Confédération, ce qui, dans la triste et pénible situation actuelle, était de toute impossibilité, et que le Duc puisse reprendre le rang qu'il avait tenu jusqu'à présent parmi les princes de l'Allemagne. M. de Champagny, en faisant cette ouverture au baron de Bosset, lui dit, de son propre chef, que l'Empereur Napoléon était disposé de nous accorder la Poméranie Suédoise, en cas qu'il en gardât la disposition. Depuis M. de Champagny a communiqué le projet du traité d'accession. Il était conçu dans les mêmes termes que celui de toutes les autres accessions et, à notre grand étonnement, il y est dit que le Duc siégerait dans le collège des Princes, ce qui, par le fait, le mettrait, lui et sa maison, derrière le prince de la Leyen, qui fut gentilhomme il y a peu de mois. Le contingent y stipulé est aussi bien au delà des moyens du Mecklenbourg. Dénués de toutes armes, qui toutes nous ont été enlevées, et dans un état de parfaite misère,

augmenté tous les jours par le nombre des troupes que l'on fait cantonner dans le pays, je ne vois pas le moyen de pouvoir y suffire. Votre Majesté Impériale conçoit qu'il nous a été impossible d'accepter ces conditions et que nous nous occupons à faire un contre-projet. Très heureusement est arrivé, dans ces entrefaites, M. le comte Tolstoï, ambassadeur de Votre Majesté Impériale. Je me suis mis aussitôt sous sa protection et, après lui avoir fait part de ce que j'ai osé dire à Votre Majesté au sujet du Lauenbourg et de la Poméranie Suédoise, ainsi que de la promesse éventuelle qu'Elle a daigné me faire de s'intéresser pour nous pour ces deux augmentations-là, en cas que ces provinces ne retournassent point à leurs souverains légitimes, — j'ai prié monsieur l'ambassadeur de bien vouloir s'intéresser pour nous à cette fin et demander à ce que l'on en fît un article séparé du traité d'accession, tout comme de stipuler qu'avec le titre de Grand-Duc, le Duc siégerait sur le banc des Rois, ce qui est l'équivalent de la dignité électorale que, précédemment, Votre Majesté avait daigné lui faire accorder. Monsieur l'ambassadeur a bien voulu me le promettre, dès qu'il aurait commencé de traiter. Je conjure Votre Majesté Impériale de bien vouloir l'approuver et faire parvenir des ordres ultérieurs à ce sujet à M. le comte Tolstoï. Votre Majesté Impériale va consolider ainsi notre existence et assurer l'avenir du fils d'une sœur qui vous chérissait si tendrement. Sire, rien au monde n'égale les sentiments de respect et d'inviolable attachement avec lesquels je fais gloire de vivre et mourir, Sire, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant beau-frère et serviteur, Frédéric-Louis.»

35.

Это письмо Имп. Александра къ Наполеону, помѣченное: Петергофъ, 4 августа 1807 года, было издано С. С. Татищевымъ въ его книгѣ: *Alexandre I et Napoléon*, стр. 192.

36.

Нота, содержащая въ себѣ предложеніе посредничества, была дѣйствительно отправлена къ русскому посланнику въ Лондонѣ для того, чтобы ее представили въ Сентъ-Джемскій кабинетъ, въ такомъ именно видѣ, какъ она была составлена Наполеономъ, и напечатана нынѣ въ его *Correspondance*, XV, 12,884; она приложена здѣсь къ письму Наполеона Александру отъ 9 іюля 1807 года. Представивъ ее Каннингу 1-го августа, Алопеусъ сдѣлалъ при этомъ однако нѣкоторыя измѣненія относительно формы.

37.

Тотчасъ послѣ Тильзитскаго свиданія Наполеонъ предупредилъ желаніе Императора Александра, написавъ Фуше 3 іюля: «Veillez à ce qu'il ne soit plus dit de sottises, directement ou indirectement, de la Russie. Tout porte à penser que notre système va se lier avec cette puissance d'une manière stable». *(Correspondance*, XV, 12,845).

38.

Генералъ Штуттергеймъ былъ отправленъ австрійскимъ кабинетомъ въ Тильзитъ, какъ только въ Вѣнѣ узнали о примиреніи, состоявшемся между императорами Россіи и Франціи. Онъ прибылъ въ Тильзитъ 9 іюля, наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда обоихъ государей и началъ съ того, что представился барону

Будбергу, который заявилъ ему, что Императоръ Александръ не можетъ по недостатку времени дать ему аудіенціи. Болѣе счастливъ оказался онъ относительно аудіенціи у Наполеона, который его благосклонно принялъ. Австрійскій посланникъ заявилъ ему, что онъ отправленъ къ русскому Императору и къ прусскому королю, чтобы предложить имъ посредничество Австріи, но къ несчастію онъ прибылъ слишкомъ поздно. Наполеонъ же отвѣчалъ ему: «L'affaire est réglée et l'Empereur d'Autriche doit être enchanté de voir finir une guerre qui se faisait dans le voisinage de ses frontières et qui lui causait quelque inquiétude. Je lui suis personnellement obligé, car ma situation a été périlleuse à certains moments et il aurait été dangereux d'avoir sur le dos une armée comme l'armée autrichienne.»

Веръ, цитирующій донесеніе Штуттергейма въ своей книгѣ «*Zehn Jahr österreichischer Politik*», стр. 293, увѣряетъ, что при своей бесѣдѣ съ этимъ офицеромъ, Наполеонъ «издѣвался» и надъ русскими, и надъ пруссаками.

39.

Въ своемъ письмѣ отъ 30 іюля 1807 года король Фридрихъ-Вильгельмъ III проситъ Императора Александра сообщить ему текстъ договорныхъ статей, заключенныхъ въ Тильзитѣ между Россіей и Франціей и ходатайствовать передъ Наполеономъ, чтобы добиться въ пользу Пруссіи кое какихъ облегченій относительно денежныхъ обязательствъ и нѣкоторыхъ другихъ, наложенныхъ мирнымъ договоромъ Пруссіи съ Наполеономъ. Письмо это было получено въ С.-Петербургѣ 7 августа. Но уже 29 іюля русское министерство сообщило по повелѣнію Императора прусскому посольству не только офиціальный Тильзитскій договоръ, но также статьи сепаратныя и секретныя. Лишь союзный договоръ не доведенъ былъ до свѣдѣнія берлинскаго кабинета. Бесѣда, сообщаемая Савари и происходившая 3 августа въ Петергофѣ, доказываетъ, что Императоръ Александръ не ждалъ полученія письма отъ короля прусскаго, чтобы отстоять въ первый разъ это ходатайство передъ посланникомъ французскаго императора. См. вышепомянутое письмо Фридриха-Вильгельма III къ Александру у Гасселя «*Geschichte der preussischen Politik 1807—1815*», I, стр. 362.

40.

Интересно сопоставить съ этимъ сужденіемъ Савари мнѣнія, высказывавшіяся относительно плановъ Александра I при возвращеніи изъ Тильзита приближеннѣйшими къ нему лицами, которыя сдѣлались самыми ярыми противниками союза Императора съ Наполеономъ. Кочубей, Чарторыйскій и Новосильцовъ, всѣ трое высказались по этому предмету въ своей конфиденціальной перепискѣ съ ихъ другомъ гр. Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, бывшимъ посломъ Россіи при лондонскомъ дворѣ. Кочубей констатируетъ въ письмѣ отъ 11 ноября: «le changement qui s'est opéré dans le caractère de l'Empereur et qui le porte souvent à des mesures violentes, même contre les individus», а кромѣ того «les insinuations peut-être de quelques personnes (qui pour arriver à leurs vues croient qu'il faut le flatter) qu'il faut de la fermeté, de la rigueur». (*Арх. кн. Вор.*, XIV, 196). Чарторыйскій пишетъ многое въ томъ-же духѣ; такъ напримѣръ того-же 11 ноября: «Ce qu'il y a de plus triste, c'est l'aspect qu'offre l'avenir, c'est de devoir craindre que non seulement on ne cherchera pas à sortir de la situation fâcheuse dans laquelle on se trouve, mais que même elle imposera encore; c'est de voir, en un mot, l'excès croissant du mal et d'être hors d'état d'y remédier. L'Empereur paraît

décidé a suivre uniquement ses propres idées et les conseils des personnes qui maintenant l'approchent davantage». (*Тамъ-же*, XV, стр. 422). Въ тотъ-же день Новосильцовъ, назвавъ совершившіяся событія «scène ornée de tout son spectacle et accompagnée de la magie des décorations et machines», присовокупляетъ: «Vous devinez aussi facilement l'intrigue de la pièce, mais je suis persuadé que vous serez plus embarrassé de prévoir quel en sera le dénouement?» (*Тамъ-же*, XVIII, стр. 473). Упоминавшійся уже лейбъ-медикъ Императрицы-матери Роджерсонъ высказывается еще болѣе ясно. Въ одномъ изъ писемъ къ гр. С. Р. Воронцову, онъ говоритъ объ Императорѣ: «Le malheur est: il n'y a personne qui a quelque influence *directe* et, actuellement, il lui a été inculqué par son nouvel ami (Napoléon) de prendre les affaires entre ses propres mains. Il est gouverné par ses engoûments et, actuellement, il est ivre de Bonaparte comme il l'a été, pendant quelques mois, du roi de Prusse. Ce dernier paraît passé». (*Тамъ-же*, XXX, стр. 243).

41.

Савари разумѣетъ здѣсь воззваніе св. Синода, обращенное ко всѣмъ епархіямъ имперіи и напечатанное въ *Полномъ собраніи законовъ Россійск. Имп.*, *№ 22394*. Изъ двухъ указовъ, относимыхъ французскимъ генераломъ къ 24 іюля, въ этомъ Собраніи законовъ находится лишь первый, отъ 30 числа того-же мѣсяца (*тамъ-же*, № 22561); это именно указъ, повелѣвающій прекратить чтеніе въ церквахъ объявленія противъ французовъ. Но нѣтъ и слѣда второго указа, предписывающаго почтеніе, которое должно оказывать французскому императору и братьямъ его, королямъ неаполитанскому, голландскому, вестфальскому, вообще французскимъ принцамъ.

42.

Въ своей дипломатической перепискѣ Жозефъ де-Мэстръ упоминаетъ объ одномъ французскомъ эмигрантѣ маркизѣ Мермонѣ, который въ 1807 году издавалъ въ С.-Петербургѣ подъ покровительствомъ русскаго правительства «*Journal du Nord*», направленный противъ особы Наполеона; здѣсь подвергался рѣзкимъ нападкамъ какъ этотъ государь, такъ и всѣ члены его семейства. Де-Мэстръ цитируетъ слѣдующую фразу, надъ которой, какъ онъ увѣряетъ, немало смѣялись въ русскомъ обществѣ: «Lorsque Buonaparte dit: *ma dynastie*, on croit entendre un homme qui plante des glands et qui dit: *ma forêt*». (*Mémoires politiques et correspondance diplomatique* de Joseph de Maistre, стр. 257). Журналъ этотъ, какъ и всѣ другія изданія того-же направленія, разумѣется былъ запрещенъ тотчасъ-же послѣ заключенія Тильзитскаго договора.

43.

Такая присяга требовалась отъ тѣхъ французовъ, проживавшихъ въ Россіи, которые по прекращеніи дипломатическихъ сношеній въ 1793 году просили не подвергать ихъ изгнанію. Они должны были отречься «отъ безбожныхъ и превратныхъ ученій», которыя проповѣдывались во Франціи, «ученій, введенныхъ похитителями власти и самодержавія», а кромѣ того отшатнуться «отъ совершеннаго за послѣднее время этими чудовищами преступленія противъ королевской особы, со всѣмъ ужасомъ, наполняющимъ душу всякаго добраго гражданина». Они обязывались «до возстановленія порядка въ ихъ отечествѣ прервать всякія сношенія

со своими согражданами, подчиненными въ настоящее время беззаконному и гнусному правительству». А «дабы нѣкоторые изъ нихъ не вздумали приносить сію присягу и принимать оное обязательство единственно лишь для вида и съ умысломъ скрыть сіе вмѣстѣ съ своими именами отъ своихъ соотечественниковъ, то должно имъ объявить, что присяга эта будетъ обнародована съ ихъ подписями въ газетахъ русскихъ и иностранныхъ.» «Начиная съ этого момента», говоритъ Альфредъ Рамбо въ своемъ *Recueil des instructions, Russie,* II, стр. 546, «*С.-Петербургскія Вѣдомости*» стали печатать длинные списки, въ которыхъ перечислялись всѣ фамиліи лицъ, принадлежавшихъ къ французской колоніи, до полутораста именъ въ каждомъ номерѣ этой газеты. Лица, удержанныя въ своихъ домахъ какой-либо болѣзнью и получившія отсрочки относительно произнесенія въ церкви присяги, поминались въ газетѣ, какъ обѣщавшія подчиниться этому распоряженію. Число присягнувшихъ достигло до тысячи человѣкъ. Сличи въ 23 томѣ *Импер. Русск. Истор. Общества* письмо Екатерины II къ Гримму по тому-же поводу и помѣченное 13 августа 1793 года.

44.

Графиня Тереза Мерфельдъ была урожденная графиня Дитрихштейнъ.

45.

Карлъ-Людвигъ-Фридрихъ, наслѣдный принцъ баденскій, братъ императрицы Елизаветы, родившійся въ 1786 году, сочетался бракомъ съ Стефаніей-Луизой-Адріеной-Наполеоной Ташеръ де-ла-Пажери, племянницей императрицы Жозефины и пріемной дочерью Наполеона I, род. въ 1789 году; король вюртембергскій Фридрихъ, братъ императрицы Маріи, род. въ 1754 году, только что согласился въ это время на бракъ своей дочери принцессы Екатерины-Фредерики-Доротеи, род. въ 1783 году, съ Жеромомъ Бонапартомъ, королемъ вестфальскимъ.

46.

№№ 12—16 были отправлены съ Сентъ-Эньяномъ, выѣхавшимъ изъ С.-Петербурга 24 августа.

47.

Манифестъ Императора Александра, обнародовавшій заключеніе мира съ Франціей, появился 9 (21) августа (П. С. З. Р. Имп. № 22,584). За четыре дня передъ тѣмъ, 6 (18) числа того-же мѣсяца, мирный тильзитскій договоръ былъ сообщенъ русскимъ министерствомъ иностр. дѣлъ иностраннымъ посламъ и посланникамъ, аккредитованнымъ при Императорскомъ русскомъ дворѣ.

48.

Генералъ баронъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ, род. въ 1750 году, воспитатель Вел. Кн. Александра и Константина, затѣмъ посолъ въ Швеціи при Екатеринѣ II, начиная съ іюля 1806 года министръ иностр. дѣлъ. Смотри объ участіи его въ переговорахъ относительно предполагавшагося брака Вел. Кн. Александры Павловны съ Густавомъ IV Адольфомъ, королемъ шведскимъ трудъ барона Андрея Ѳедоровича Будберга въ IX томѣ *Сб. Им. Русс. Ист. Общества*, стран. 195—398.

49.

См. по этому предмету письмо графа Виктора Павловича Кочубея къ графу Семену Романовичу Воронцову въ *Арх. кн. В.*, XIV, страница 195.

50.

Савари дѣлаетъ ошибку. Князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій лѣтомъ 1807 года не былъ министромъ военныхъ сухопутныхъ силъ и лишь въ январѣ 1808 года онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ С.-Петербурга. Генералъ Сергѣй Кузьмичъ Вязьмитиновъ, род. въ 1747 году, занималъ постъ министра военныхъ сухопутныхъ силъ до 1808 года, когда онъ былъ замѣщенъ въ этой должности гр. Аракчеевымъ.

51.

Генералъ-лейтенантъ гр. Петръ Александровичъ Толстой, братъ оберъ-гофмаршала двора, вслѣдствіе настоящій своей супруги графини Маріи Алексѣевны, урожд. кн. Голицыной, колебался принять посольское назначеніе въ Парижъ, предлагавшееся ему Императоромъ Александромъ. Тогда Его Величество отправилъ къ нему 1 сентября 1807 года слѣдующее письмо: «Mon cher ami, je vois que la proximité des femmes ne vaut rien pour toute résolution où il faut de l'énergie. La vôtre n'est cependant nullement parvenue à changer mon intime conviction, qui est que vous êtes plus propre que tout autre au poste que je vous destine et j'attends de votre attachement pour moi que vous vous rendiez à votre destination. Ce ne sera pas pour toujours; après que vous y aurez passé quelque temps, si vous voyez que vous ne réussissez pas à vous accoutumer, vous me l'écrirez et je vous promets d'avoir égard à vos désirs. Mettez-vous bien en tête que je n'ai nullement besoin d'un diplomate, mais d'un brave et loyal militaire, et, sans contredit, vous l'êtes. Tout à vous. Je vous attends avec impatience. Alexandre.» (Арх. военнаго министерства въ Спб., дѣло за № 429). Относительно гр. Петра Александровича Толстого и его назначенія посломъ въ Парижъ см. интересный трудъ генерала Шильдера въ *Русской Старинѣ* (январь 1889 года): *Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ*, стр. 47 и сл.).

52.

Это свидѣтельство относительно Лелорня подтверждается шведскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ барономъ Стедингомъ, въ донесеніи его къ королю отъ 7 декабря 1807 года (*Mémoires posthumes du comte de Stedingk*, II, стр. 403, Пар. 1845).

53.

Сообщеніе Императора Александра объ отъѣздѣ гр. де-Лиля въ Швецію передается нѣсколько инымъ образомъ въ Мемуарахъ генерала Савари. Онъ увѣряетъ, что услышалъ о томъ лично изъ устъ Его Величества. «Général», сказалъ ему будто-бы Императоръ, «je vous ai fait demander pour vous communiquer ce que je viens de recevoir de mon gouverneur de Mitau». — Il me montra la lettre qu'il avait eu la bonté de faire traduire en français. — «Vous verrez»—ajouta-t-il — «qu'il me rend compte du départ inopiné du comte de l'Isle et de sa famille; je n'en ai pas été prévenu d'une autre manière et n'ai reçu à l'avance, ni même au moment

de leur départ, aucune communication relativement à cette résolution, dont je ne devine pas le motif. J'ai voulu vous en faire part pour que vous en rendiez compte chez vous, afin que l'Empereur ordonne ce qu'il jugera convenable. Vous savez que plus d'une fois les déplacements de cette famille ont été en France les précurseurs d'agitations et je serais désespéré que l'Empereur crût que j'y ai la moindre part. Ce n'est pas qu'en mon particulier je croie qu'il eût la moindre chose à redouter de ces princes. Je ne connaissais pas le comte de l'Isle, quoiqu'il résidât à Mitau. En partant pour la Moravie en 1805, je ne pouvais passer par cette ville sans leur faire une visite... Je suis persuadé qu'à moins d'événements bien extraordinaires, que l'intelligence humaine ne peut pas prévoir, cette famille ne remontera jamais sur le trône; elle finira comme celle des Stuarts.» Въ этомъ разсказѣ необходимо отмѣтить фактическую неточность. Императоръ Александръ посѣтилъ въ Митавѣ будущаго короля Людовика XVIII не въ 1805, а въ мартѣ 1807 года по дорогѣ въ С.-Петербургъ къ своей арміи. Свиданіе это имѣло мѣсто 30 марта. Впечатлѣніе, вынесенное изъ него Императоромъ Александромъ не было благопріятно относительно претендента. Онъ показался ему, какъ Государь сказалъ впослѣдствіи Лессепсу, «человѣкомъ самымъ посредственнымъ и незначительнымъ во всей Европѣ». Напротивъ въ своихъ Мемуарахъ Людовикъ XVIII влагаетъ въ его уста фразу, внушенную совершенно иными чувствами; будто-бы русскій Императоръ сказалъ ему, что тотъ день, когда онъ увидитъ его восшедшимъ на престолъ своихъ предковъ, будетъ самымъ прекраснымъ въ его жизни (*Mémoires de Louis XVIII*, VIII, стр. 67). Въ томъ же именно смыслѣ высказывается и гр. де-Лиль въ своемъ письмѣ къ Жозефу де-Мэстръ, приводимомъ послѣднимъ въ его перепискѣ съ сардинскимъ дворомъ. «Sa Majesté m'a fait l'honneur de m'écrire à moi-même: *C'était lui, c'était moi,* phrase célèbre que Montaigne employait jadis pour exprimer le sentiment qui l'identifiait avec Etienne de la Boétie». *(Mémoires politiques et correspondance diplomatique* de Joseph de Maistre, стр. 270). Въ Мемуарахъ Савари находится воспроизведеннымъ нижеслѣдующее письмо, отправленное къ нему Наполеономъ въ отвѣтъ на сообщеніе Императора Александра относительно главы бурбонскаго дома, (генералъ Савари ручается «головой» за достовѣрность этого письма и увѣряетъ, что передалъ его Коленкуру по прибытіи этого посла въ С.-Петербургъ, однако его не могли розыскать ни въ національномъ архивѣ Парижа, ни во французскомъ арх. минист. ин. дѣлъ): «M. le général Savary, j'ai reçu votre lettre du... Remerciez l'Empereur Alexandre de la communication qu'il vous a chargé de me faire. Il est dans l'erreur, s'il croit que j'attache la moindre importance à ce que peut faire le comte de l'Isle; s'il est las d'habiter la Russie il peut venir à Versailles, je ferai pourvoir à tout ce qui lui sera nécessaire». *(Mémoires du duc de Rovigo,* III, стр. 159).

54.

Генералъ кн. Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, род. въ 1777 году, привелъ въ Данцигъ три русскихъ баталіона и три полка казаковъ, составлявшихъ въ 1807 году часть данцигскаго гарнизона. Послѣ капитуляціи этой крѣпости онъ отказался отъ обязательства не служить въ теченіи года противъ французовъ, былъ объявленъ вслѣдствіе этого военноплѣннымъ и подвергнутъ заключенію въ Дрезденѣ. Проѣзжая черезъ этотъ городъ при возвращеніи своемъ изъ Тильзита, Наполеонъ пожелалъ его видѣть и спросилъ, почему онъ не захотѣлъ воспользоваться почетными условіями капитуляціи? «Я не могъ располагать собою безъ воли Импера-

тора Александра», отвѣчалъ онъ ему, «и оставаться въ бездѣйствіи, а отдавшись въ плѣнъ, надѣялся скоро быть размѣненнымъ на кого либо изъ плѣнныхъ у насъ французовъ и возвратиться на войну». (*Собственноручныя записки кн. Щербатова*, цитируемыя А. И. Михайловскимъ-Даниловскимъ въ его *Описаніи войны 1806—1807 г.*, стр. 290). Некрологъ кн. А. Г. Щербатова, составленный профессоромъ С. Шевыревымъ, появился въ журналѣ *Москвитянинъ*, 1849 года, № 1, отд. V, стр. 25 и сл.

55.

Императоръ Александръ разсчиталъ вѣрно. Донесенія Алопеуса, о которыхъ онъ говорилъ съ Савари были отправлены 30 іюля и дѣйствительно на слѣдующій же день 31, фельдъегерь Блюменталь привезъ въ Лондонъ депеши изъ Таурогена отъ 10 того-же мѣсяца.

56.

Адмиралъ Димитрій Николаевичъ Сенявинъ, род. въ 1763 году, начальствовалъ въ 1807 году эскадрой въ Средиземномъ морѣ. (См. *Общій морской списокъ* ч. V, стр. 60).

57.

Дюрокъ и Коленкуръ были первыми французами изъ наиболѣе приближенныхъ къ Наполеону, которые сдѣлались извѣстны Императору Александру; и тотъ, и другой исполняли дипломатическія миссіи при его дворѣ во время консульства Франціи, первый въ 1801, а второй въ 1802 году.

58.

По этому поводу можно прочитать слѣдующее въ донесеніи шведскаго посла въ С.-Петербургѣ, Стединга, отправленнаго къ королю Густаву IV, 18 сентября 1807 года: «Ces indices seraient encore trop faibles pour causer de l'alarme, si l'influence qu'a gagnée M. de Savary sur l'esprit de l'Empereur ne faisait pas tout craindre. Cette influence est au point que Sa Majesté s'entretient avec lui de toutes les affaires, et plus qu'avec aucun de ses ministres. Il dîne à la Cour deux ou trois fois la semaine, et après le repas, ce sont des conversations qui durent quelquefois plusieurs heures. Il va chez l'Empereur quand il veut, par le moyen du comte Tolstoï, grand-maréchal de la Cour. Cette intimité déplaît infiniment aux Russes et augmente la crainte d'une guerre avec l'Angleterre et la Suède.» (*Mémoires posthumes*, II, стр. 340).

59.

Графъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ, сынъ фельдмаршала Салтыкова, род. въ 1755 году, товарищъ министра иностр. дѣлъ. См. мнѣніе, высказанное о немъ докторомъ Роджерсономъ въ его письмѣ къ гр. Семену Романовичу Воронцову, отъ 8 сентября 1807 г. (*Арх. кн. Воронцова*, XXX, стран. 245).

60.

Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, род. въ 1768 году, посолъ въ Турціи, при Имп. Екатеринѣ II, вице-канцлеръ при Имп. Павлѣ I. Съ юныхъ лѣтъ онъ уже былъ соединенъ узами дружбы съ императоромъ Александромъ I, который

назначилъ его въ октябрѣ 1801 года министромъ иностр. дѣлъ, затѣмъ въ сентябрѣ 1802 министромъ внутр. дѣлъ. Его частная переписка съ графами Александромъ и Семеномъ Романовичами Воронцовыми издана въ тт. XIV и XVIII *Арх. кн. В.*

61.

Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, род. въ 1741 году, генералъ-прокуроръ сената при Имп. Павлѣ I, министръ юстиціи съ 1803 года.

62.

Графъ Петръ Васильевичъ Заводовскій, род. въ 1738 году, статсъ-секретарь при Екатеринѣ II, назначенъ въ 1802 году министромъ народнаго просвѣщенія. См. его письма къ графамъ Александру и Семену Романовичамъ Воронцовымъ въ XII т. *Арх. кн. Воронцова.*

63.

Графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, род. въ 1742 году, министръ финансовъ съ 1802 года.

64.

Князь Адамъ Адамовичъ Чарторыйскій, род. въ 1770 году, русскій полномочный министръ при сардинскомъ дворѣ въ царствованіе Павла I; назначенъ Александромъ I, съ которымъ онъ былъ соединенъ тѣсной дружбой, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ въ 1802 году. Отъ февраля 1804 по іюль 1806 года онъ управлялъ этимъ министерствомъ въ званіи исправляющаго должность министра. Въ 1807 году онъ сохранялъ еще за собой званіе сенатора и кромѣ того занималъ постъ попечителя виленскаго учебнаго округа. Кромѣ его *Мемуаровъ*, изданныхъ въ Парижѣ въ 1887 году (два тома, изд. Плона), см. еще его переписку съ кн. Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, 16 т. *Сб. Им. Русс. Ист. Общества*, и съ гр. Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ въ XV т. *Арх. кн. В.*

65.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ, род. въ 1761 году, товарищъ министра юстиціи, а не иностранныхъ дѣлъ, какъ это неправильно утверждаетъ Савари. Въ 1804 году онъ исполнялъ конфиденціальную дипломатическую миссію при лондонскомъ дворѣ, миссію, окончившуюся тѣснымъ союзомъ между Россіей и Англіей. Его переписка съ графами Александромъ и Семеномъ Романовичами Воронцовыми была напечатана въ томахъ XI, XVIII и XXX *Арх. кн. В.*

66.

Александръ Львовичъ Нарышкинъ, род. въ 1760 году, былъ въ 1807 году директоромъ театральныхъ зрѣлищъ и музыки; его братъ Димитрій Львовичъ, род. въ 1764 году, былъ супругомъ Маріи Антоновны, урожд. кн. Четвертинской.

67.

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, род. въ 1751 году, оберъ-камергеръ и шефъ Пажескаго корпуса въ 1807 г.

68.

Степанъ Сергѣевичъ Ланской, гофмаршалъ и вице-президентъ придворной конторы, былъ первоначально смотрителемъ Гатчинскаго и Павловскаго дворцовъ, принадлежавшихъ вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

69.

Графъ Винцентъ, австрійскій генералъ. О его переговорахъ съ Таллейраномъ въ 1807 году въ Варшавѣ см. Бера: *Zehn Jahre österreichischer Politik*, стр. 267—287, и *Lettres de Talleyrand à Napoléon*, стр. 294—471; а о его аудіенціи у Наполеона въ Дрезденѣ, 20 іюля 1807 года, см. Беръ, *тамъ-же*, стр. 294, 295.

70.

Дипломатическая переписка барона, а впослѣдствіи графа Стединга была напечатана графомъ Бьернстьерна подъ заглавіемъ *Mémoires posthumes* (3 тома, Пар. 1844—47). Относительно Савари см. его донесенія королю отъ 28 іюля, 7 и 24 августа, 18 и 28 сентября, 15 и 24 октября, 5 ноября, 7 и 8 декабря 1807 г.

71.

Антоніо-Мореско-д'Онріо, герцогъ Серра-Капріола, род. въ 1750 году, съ 1782 года былъ полномочнымъ министромъ неаполитанскимъ при русскомъ дворѣ. Онъ женился на княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской, дочери князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, генералъ-прокурора Сената при Имп. Екатеринѣ II.

72.

См. въ *Mémoires politiques et correspondance diplomatique* Жозефа де-Мэстра (стр. 281—298) весьма любопытное донесеніе съ оправдательными документами относительно попытокъ, дѣлавшихся этимъ дипломатомъ получить при посредствѣ Савари позволеніе пріѣхать въ Парижъ, чтобы ходатайствовать тамъ передъ Наполеономъ по дѣлу низложеннаго короля сардинскаго. См. *Lettres et opuscules*, того же автора (стр. 133—139).

73.

Генералъ Кларкъ велъ переговоры и подписалъ вмѣстѣ съ Убрилемъ мирный договоръ 20 іюля 1806 года, не ратификованный Императоромъ Александромъ. См. относительно этихъ переговоровъ трудъ С. С. Татищева въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (январь и февраль 1890 года) и *Сб. Имп. Р. Ист. Общ.*, т. 82.

74.

Очевидно, дѣло идетъ о Павлѣ Григорьевичѣ Демидовѣ, род. въ 1738 году, основателѣ Ярославскаго лицея, носящаго его имя.

75.

Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, род. въ 1749 году, оберъ-церемоній-мейстеръ въ 1807 году.

76.

№№ 17—19 были отправлены ординарцемъ Наполеона Монтескью, который выѣхавъ изъ Парижа 26 августа, прибылъ въ С.-Петербургъ 15 сентября. См. инструкціи, данныя этому офицеру въ повелѣніяхъ Наполеона оберъ-шталмейстеру Коленкуру отъ 25 августа, *Correspondance*, XV, 13069.

77.

Письмо Наполеона къ Александру отъ 25 августа въ *Correspondance*, XV, 13074.

78.

Бракъ Жерома-Наполеона, короля вестфальскаго съ принцессой Вюртембергской Екатериною былъ отпразднованъ въ домовой Тюльерійской церкви 22 августа 1807 года.

79.

Мирный договоръ, заключенный между Франціей и Пруссіей въ Тильзитѣ 9 іюля 1807 года сопровождался добавочной конвенціей, подписанной въ Кенигсбергѣ 12 того же мѣсяца, въ которой устанавливался способъ выплаты военной контрибуціи, наложенной на Пруссію и постепеннаго очищенія прусскихъ владѣній отъ французскихъ войскъ. Обязательства, налагаемыя этимъ актомъ, показались слишкомъ обременительными королю Фридриху-Вильгельму III, а потому онъ отправилъ въ Парижъ генерала Кнобельсдорфа, чтобы попытаться смягчить ихъ. Посланный этотъ, пріѣхавъ въ Парижъ 4 августа, лишь двѣ недѣли спустя былъ принятъ Наполеономъ, который заявилъ ему, что не желаетъ дѣлать никакихъ измѣненій въ конвенціи, заключенной имъ съ Пруссіей. Письмо короля, привезенное Кнобельсдорфомъ, осталось безъ отвѣта. Тогда именно Фридрихъ-Вильгельмъ III рѣшилъ обратиться къ посредничеству Императора русскаго и ходатайству его передъ императоромъ французовъ. См. его письмо отъ 15 сентября и письмо Императора Александра отъ 20 того же мѣсяца у Гасселя *Geschichte der preussischen Politik 1807 bis 1815*, стр. 365—367. См. повелѣнія Наполеона Таллейрану отъ 9 августа и Шампаньи отъ 27 августа (въ *Correspondance*, XV, 13012 и 13066).

80.

Наполеонъ написалъ въ тотъ же день и по тому же предмету Императору Александру письмо, напечатанное въ *Correspondance*, XV, 13078. Письмо, помѣченное 28 августа и помѣщенное въ этомъ изданіи подъ № 13986, имѣетъ слѣдующую надпись чернилами на черновой рукописи, хранящейся въ національномъ архивѣ Парижа: *En suspens—Saint-Cloud, 28 août 1807;* затѣмъ карандашемъ: *Russie. Projet de lettre.* Оригиналъ его не находится въ с.-петербургскомъ арх. мин. ин. дѣлъ; отсюда можно сдѣлать заключеніе, что письмо это не было отправлено.

81.

Таллейранъ былъ назначенъ императорскимъ декретомъ отъ 16 августа 1807 года товарищемъ верховнаго избирателя имперіи, а Шампаньи былъ назначенъ на его мѣсто управлять дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ.

82.

Повелѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно было уже дано Наполеономъ Шампаньи 21 августа *(Correspondance,* XV, 13059).

83.

Депеша Шампаньи генералу Савари составлена на основаніи предписаній, данныхъ министру иностранныхъ дѣлъ самимъ Наполеономъ въ письмѣ отъ 25 августа *(Correspondance,* XV, 13070).

84.

№№ 20—22 составляютъ пакетъ, отправленный 28 августа и переданы генераломъ Савари русскому курьеру, который, выѣхавъ изъ С.-Петербурга въ тотъ же день, прибылъ въ Парижъ 13 сентября.

85.

Филисъ Андріе, оперная артистка, приглашенная въ 1802 г. на сцену французскаго театра въ С.-Петербургѣ. Говорили, что она внушила весьма сильную страсть Жерому Бонапарту. См. по этому предмету *Записки Вигеля*, т. IV, стр. 47.

86.

Три депеши русскаго министра при датскомъ дворѣ Вас. Григ. Лизакевича, приложенныя къ донесенію генерала Савари, напечатаны по оригиналамъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Отправленныя изъ Копенгагена состоявшимъ при посольствѣ Ив. Яков. Козловымъ 13 августа, онѣ были получены въ С.-Петербургѣ 25.

87.

Фридрихъ, наслѣдный принцъ Даніи, сынъ короля Христіана VII, соправитель датскаго королевства съ 1784 года.

88.

Графъ Іоахимъ Бернсторфъ, род. въ 1771 году, младшій братъ министра графа Христіана Гюнтера Бернсторфа.

89.

Іоакимъ Григорьевичъ Лизакевичъ, на службѣ съ 1758 г., совѣтникъ русскаго посольства въ Лондонѣ при Екатеринѣ II и Павлѣ Петровичѣ. Назначенъ въ 1801 году министромъ въ Генуѣ, затѣмъ въ Сардиніи. См. его переписку съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ въ *Арх. кн. Воронц.* XX.

90.

См. инструкцію Каннинга Джексону отъ 28 іюля 1807 года въ *Papers presented to Parliament in 1808,* стр. 61.

91.

Въ этомъ пакетѣ находилось письмо Императора Александра къ Наполеону, отъ 27 августа, напечатанное въ трудѣ С. С. Татищева *Alexandre I et Napoléon*, стр. 196.

92.

Сенъ-Шаманъ, адъютантъ маршала Су и доставитель документовъ, отправленныхъ Савари отъ 8 и 9 сентября (№№ 23—26), прибылъ въ Парижъ 28 того же мѣсяца.

93.

Особа, которую генералъ Савари избѣгаетъ въ этомъ донесеніи называть по имени, есть Марія Антоновна Нарышкина, рожд. княжна Четвертинская, супруга Дмитрія Александровича Нарышкина, оберъ-егермейстера Высочайшаго двора. Адъютанту Наполеона не безъ труда удалось добиться милостиваго обхожденія ея съ нимъ. Если вѣрить письму барона Павла Андреевича Николаи къ графу Семену Романовичу Воронцову, помѣченному: Лондонъ, 21 сентября 1807 года, то «прекрасная Mme Нарышкина четыре раза отказывала въ пріемѣ Савари». (*Арх. кн. Воронц.* XXII, стр. 386).

94.

См. по этому предмету донесенія Стединга къ королю шведскому отъ 10 октября 1807 года въ *Mémoires posthumes*, II, стр. 352—358.

95.

Графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ умеръ 27 августа 1807 года.

96.

Перваго сентября 1807 года по прибытіи двухъ англійскихъ курьеровъ, изъ которыхъ одинъ пріѣхалъ изъ Копенгагена, баронъ Будбергъ, имѣлъ первое объясненіе съ британскимъ посломъ, относительно послѣдствій Тильзитскаго мира и посредничества, предложеннаго Россіей Англіи; онъ однако ни однимъ словомъ не коснулся событій, происшедшихъ въ Даніи. Но въ тотъ же день онъ послалъ лорду Гоуэру ноту, приглашающую его извѣстить императорскій кабинетъ о причинахъ, которыя могли побудить Сентъ-Джемскій кабинетъ къ столь необычайнымъ дѣйствіямъ противъ Даніи. Три донесенія Гоуэра Каннингу по этому предмету, также какъ нота Будберга и отвѣтъ посла были напечатаны въ *Papers presented to Parliament in 1808*, стр. 95—107. Нѣсколько дней спустя баронъ Будбергъ былъ уволенъ по прошенію, вслѣдствіи разстроеннаго здоровья отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ, а его товарищъ графъ Салтыковъ былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ.

97.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, род. въ 1752 году, другъ дѣтства Императора Павла, назначенный имъ вице-канцлеромъ, отправлялъ эту должность и въ первые два года царствованія Императора Александра. Получивъ отставку

въ 1802 году онъ не участвовалъ болѣе въ дѣлахъ до 1807 года, когда былъ назначенъ посломъ въ Вѣну. Куракинъ находился въ Тильзитѣ въ тотъ моментъ, когда только что было заключено перемиріе, и ему было поручено вести переговоры и подписывать мирные и союзные трактаты съ Франціей.

98.

Англійскій подлинникъ ноты Каннинга къ посланнику Алопеусу отъ 5 августа 1807 года, былъ напечатанъ въ *Papers presented to Parliament in 1808*, стр. 92; поэтому здѣсь въ приложеніи печатается лишь французскій переводъ этого документа.

99.

Маршалъ Сультъ начальствовалъ въ августѣ 1807 года вторымъ отрядомъ великой арміи, расположенной въ Старой Пруссіи, отъ Кенигсберга до Данцига. См. относительно этого обстоятельства *Mémoires du duc de Rovigo*, III, стр. 190.

100.

На слѣдующій же день по подписаніи мира баронъ Л. Л. Бенингсенъ былъ отставленъ отъ званія главнокомандующаго арміей и замѣщенъ на этомъ посту графомъ Ѳ. Ѳ. Буксгевденомъ (Высочайшее повелѣніе 10 іюля 1807 года).

101.

Графъ Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ Гольцъ, род. въ 1765 году, прусскій дипломатъ, посланникъ въ С.-Петербургѣ съ 1802—1807 годъ, назначенъ послѣ Тильзитскаго мира министромъ иностранныхъ дѣлъ Пруссіи.

102.

Письмо короля прусскаго, о которомъ говоритъ Императоръ Александръ, вѣроятно, отправленное этимъ монархомъ изъ Мемеля отъ 30 іюля и доставленное Императору 7 августа. Однако же 6 сентября Императоръ получилъ еще другое письмо отъ короля прусскаго, помѣченное 8 августа, гдѣ нѣтъ никакого упоминанія о Данцигскомъ событіи, какъ въ первомъ письмѣ, но говорится лишь о «новыхъ весьма прискорбныхъ примѣрахъ, о насиліяхъ, о произвольныхъ толкованіяхъ договора и о вопіющихъ несправедливостяхъ, которыя безъ всякаго стѣсненія позволяютъ себѣ французскія власти, кои даже, смѣю сказать, онѣ ставятъ себѣ въ обязанность совершать». Оба эти письма находятся у Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 362—365.

103.

Именно на это мѣсто депеши Савари къ Таллейрану и намекаетъ Императоръ Александръ въ письмѣ къ прусскому королю отъ 15 сентября: «чтобы не терять ни минуты, на слѣдующій же день по полученіи перваго письма В. В. отъ 30 іюля, я самъ велъ весьма настойчивые переговоры съ генераломъ Савари и съ тѣхъ поръ неоднократно возвращался къ этому предмету. Письма отправленныя этимъ генераломъ по моей просьбѣ и сообщенныя мнѣ, были таковы именно, какихъ я могъ желать.» (Гассель, *тамъ-же*, I, стр. 336).

104.

Графъ Кочубей былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ лишь тремя мѣсяцами позже, а именно 6 декабря 1807 года.

105.

Федоръ Александровичъ Голубцовъ, род. въ 1758 году, государственный казначей въ 1802 году, занялъ послѣ своего дяди Васильева постъ министра финансовъ въ сентябрѣ 1807 года.

106.

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, род. въ 1757 году, генералъ-прокуроръ Сената при Павлѣ I, затѣмъ малороссійскій военный губернаторъ при Александрѣ I, дѣйствительно занялъ послѣ графа Кочубея, постъ министра внутреннихъ дѣлъ 6 декабря 1807 года.

107.

Докторъ Роджерсонъ въ письмѣ къ графу Семену Романовичу Воронцову отъ 8 сентября 1807 года указываетъ, что при дефилированіи гвардейскихъ войскъ въ день возвращенія ихъ въ С.-Петербургъ: «Savary ne quittait pas le maître; il était brodé sur toutes les coutures». (*Арх. кн. В.*, XXX, стр. 246). Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, бывшій въ 1887 году баталіоннымъ командиромъ гвардіи Преображенскаго полка, написалъ графу Семену Романовичу, отцу своему, что онъ «ni pressé ni réjoui de faire cette entrée triomphale, car il paraît qu'on veut y mettre une certaine solennité»; отецъ же отвѣчалъ ему изъ Лондона отъ 1 октября: «Il me semble, après la manière dont cette guerre à été terminée, on aurait pu faire rentrer les troupes avec moins de cérémonie, pour éviter l'occasion que cela donnera au peuple de faire des observations et des réflexions bien tristes. Il n'y a que MM. Kourakine et Lobanof, qui ont signé le traité, et M. Budberg, qui a contresigné la ratification, qui auraient dû parader dans une entrée solennelle, montés sur des ânes.» (*Арх. кн. Вор.* XVII, стр. 172).

108.

Ср. съ этимъ сужденіемъ то, что высказано Жозефомъ де-Мэстръ въ его «*Mémoires politiques et correspondance diplomatiques*».

109.

Изъ письма Наполеона къ Савари отъ 16 сентября, № 28, явствуетъ, что эта инструкція, хотя и продиктованная императоромъ, не была отправлена въ тотъ-же день, какъ и письмо. Можно предполагать, что она и вовсе не была отправлена, такъ какъ генералъ Савари не упоминаетъ въ своей перепискѣ о проектѣ конвенціи, который долженъ былъ быть приложенъ къ инструкціи и который, однако, не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

110.

Густавъ IV Адольфъ, король шведскій, род. въ 1778 году, наслѣдовалъ престолъ отъ своего отца Густава III въ 1792 г. Онъ сочетался бракомъ съ принцессой Фредерикой-Доротеей-Вильгельминой Баденской, род. въ 1781 году, младшей сестрой императрицы Елизаветы, свояченицей Императора Александра I.

111.

Стральзундъ былъ оставленъ шведами, которые удалились на островъ Рюгенъ 21 августа. Въ тотъ же день маршалъ Брюнъ вступилъ туда со ввѣренными ему войсками.

112.

Договоры, упоминаемые здѣсь, именно тѣ, которые были заключены между Россіей, Даніей и Швеціей въ 1788 и 1800 годахъ, такъ называемые договоры о «вооруженномъ нейтралитетѣ».

113.

Относительно переговоровъ между дворами с.-петербургскимъ и стокгольмскимъ по вопросу объ участіи Швеціи въ континентальной системѣ, установленной Тильзитскими договорами, см. трудъ К. К. Злобина во 2-мъ томѣ *Сб. Имп. Русск. Ист. Общества*, стр. 69—79.

114.

Генералъ Андреосси былъ въ 1807 году посломъ Франціи при вѣнскомъ дворѣ.

115.

Графъ Іоганнъ-Филиппъ Стадіонъ, род. въ 1763 году, посолъ австрійскій въ С.-Петербургѣ съ 1803 по 1805 годъ, былъ назначенъ по заключеніи Пресбургскаго мира вице-канцлеромъ и завѣдующимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

116.

См. письма Наполеона отъ 14 сентября къ вице-королю Италіи и къ королямъ неаполитанскому и голландскому относительно принятія мѣръ предосторожностей для обезпеченія русскихъ эскадръ отъ нападенія англичанъ и относительно пріема, который надо будетъ имъ устроить, *Correspondance*, XVI, 13148—13150.

117.

Эти предсказанія не оправдались. Копенгагенъ сдался на капитуляцію 7 сентября. Англичане заняли столицу, арсеналъ и крѣпость Кроненбургъ, обязавшись очистить ихъ въ шестинедѣльный срокъ. Военный датскій флотъ весь былъ отданъ англичанамъ и отведенъ въ Англію съ обязательствомъ возвратить его при заключеніи мира.

118.

№№ 28 и 29 были привезены въ С.-Петербургъ ординарцемъ императора Наполеона, Депонтономъ, пріѣхавшимъ въ эту столицу 10 октября. Онъ также отвезъ письмо Наполеона къ Имп. Александру отъ 16 сентября (*Correspondance*, XVI, 13164).

119.

Перемиріе между русскими и турками было подписано въ Слободзеѣ, въ Валахіи, 24 августа 1807 года. Генералъ-отъ-кавалеріи И. И. Михельсонъ, главнокомандующій русской арміей на Дунаѣ, умеръ за нѣсколько дней передъ тѣмъ; поэтому актъ перемирія былъ ратификованъ 4 сентября, временно заступившимъ должность главнокомандующаго генераломъ отъ инфантеріи, барономъ К. И. Мейендорфомъ.

120.

Относительно переговоровъ прусскихъ комиссаровъ съ генералъ-интендантомъ великой арміи Дарю по вопросу объ очищеніи отъ войскъ Пруссіи см. Гасселя, *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 18—38.

121.

Подъ «affaires de Ratisbonne» слѣдуетъ разумѣть совмѣстное посредничество Россіи и Франціи съ цѣлью улаженія вопроса о секуляризаціяхъ Германіи въ 1802 году. Лафорэ былъ въ это время полномочнымъ министромъ Франціи на германскомъ имперскомъ сеймѣ, собравшемся въ Регенсбургѣ.

122.

Эта депеша была составлена по указаніямъ Наполеона, заключающимся въ письмѣ его къ Шампаньи отъ 16 сентября. (*Correspondance*, XVI, 13162).

123.

№№ 30—33 были отправлены черезъ Бертеми, прибывшаго въ Парижъ 14 октября.

124.

Помощникъ коменданта Гильеминo былъ посланъ изъ Тильзита, главной квартиры русской и турецкой армій на Дунай, а затѣмъ въ Константинополь, съ цѣлью склонить обѣ воюющія стороны къ заключенію перемирія. См. по этому предмету письмо Наполеона къ Таллейрану отъ 9 іюля 1807 года (*Correspondance*, XV, 12886).

125.

Слободзейская конвенція не была ратифицирована Имп. Александромъ, который отправилъ со своей стороны повелѣніе очистить придунайскія провинціи, не утвердилъ назначенія генерала отъ инфантеріи барона Мейендорфа и назначилъ главнокомандующимъ арміи фельдмаршала кн. А. А. Прозоровскаго.

126.

Савари приводитъ, однако, въ своихъ Мемуарахъ замѣчаніе, приписываемое вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая сказала будто-бы, говоря о бракѣ короля Вестфальскаго съ принцессой Екатериной Вюртембергской: «Je m'attends à apprendre un de ces jours que ce petit Jérôme sera mon neveu». (*Mémoires du duc de Rovigo*, III, стр. 161).

127.

Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, род. въ 1752 г., бывшій полномочный министръ Россіи въ Туринѣ. Письмо, написанное къ нему первымъ консуломъ Бонапартомъ въ 1881 году, было напечатано С. С. Татищевымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, ноябрь 1888 года.

128.

Относительно отъѣзда изъ Митавы гр. де-Лиля съ семействомъ въ 1807 году см. сочиненіе Эрнеста Доде *Les Bourbons et la Russie*, стр. 313.

129.

См. письмо Имп. Александра къ Наполеону отъ 22 сентября 1807 года у С. С. Татищева *Alexandre I et Napoléon*, стр. 206.

130.

Въ составъ посольства гр. Петра Александровича Толстого входили: совѣтникъ посольства гр. К. В. Нессельроде; секретари: князь Г. И. Гагаринъ, баронъ П. А. Крюднеръ и П. С. Бутягинъ; атташе: Ф. П. Ожаровскій и А. Д. Гурьевъ.

131.

Павелъ Александровичъ Строгановъ, род. въ 1774 году, другъ юности Имп. Александра. Находясь въ тѣсной связи съ Чарторыйскимъ и Новосильцевымъ, онъ былъ третьимъ лицомъ въ такъ называемомъ «тріумвиратѣ» приближенныхъ Императора: «онъ его Лепидъ», говорилъ о немъ Жозефъ де-Мэстръ. Будучи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ въ 1802 г., онъ оставилъ службу по гражданскому вѣдомству въ 1807 г. и поступилъ въ армію въ чинѣ генералъ-маіора; принималъ участіе въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія третьей степени.

132.

Статья вторая Слободзейской конвенціи гласила, что враждебныя дѣйствія не могутъ быть возобновлены ранѣе 15 апрѣля 1808 года; статья 4 — что военныя суда, взятыя у турокъ, должны быть имъ возвращены.

133.

Не день рожденія Императрицы, но день св. Елизаветы т. е. ея тезоименитство праздновалось 17 (5) сентября. Имп. Елизавета Алексѣевна родилась 13 (24) января 1779 года.

134.

Эта собственноручная записка, написанная карандашемъ безъ даты, приложена въ подлинникѣ къ письму Савари (№ 32). Она хранится во французскомъ національномъ архивѣ и напечатана здѣсь въ приложеніи.

135.

См. донесеніе лорда Гоуэра къ Каннингу о бесѣдѣ его съ гр. Румянцовымъ, отъ 9 сентября 1807 года, въ *Papers presented to Parliament in 1808*, стр. 121.

136.

Нота гр. Румянцова лорду Гоуэру отъ 23 сентября и отвѣтъ этого посла отъ 24 были напечатаны въ томъ же изданіи, стр. 129—135.

137.

Этотъ документъ, копія котораго приложена къ донесенію Савари (№ 33), воспроизведенъ здѣсь съ подлинника, хранящагося въ арх. мин. иностр. дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

138.

№№ 34—37 были отправлены 28 сентября съ ординарцемъ маршала Бертье, Луи Перигоромъ, прибывшимъ въ С.-Петербургъ 24 октября. Кромѣ того онъ привезъ письмо Наполеона къ Имп. Александру I отъ 28 сентября (*Correspondance*, XVI, 13191).

139.

Относительно событія въ Кенигсбергѣ см. краткое изложеніе повелѣній прусскаго короля повѣренному его по дѣламъ въ С.-Петербургѣ гр. Лендорфу, отъ 28 и 29 сентября, у Гасселя, *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 378.

140.

См. письма Наполеона къ вице-королю Италіи отъ 30 сентября и 2 октября 1807 года въ *Correspondance*, XVI, 13200 и 13208.

141.

Относительно предложеній союза, сдѣланныхъ Австріей Франціи вслѣдъ за Тильзитскимъ свиданіемъ и отклоненныхъ Наполеономъ см. Вера *Zehn Jahre österreichischer Politik*, стр. 295—301.

142.

См. по этому поводу письмо Наполеона къ генералъ-интенданту великой арміи Дарю отъ 26 сентября 1807 года въ *Correspondance*, XVI, 13186.

143.

Это именно два письма, отправленныя къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ королемъ и королевой вестфальскими; вотъ текстъ ихъ, воспроизведенный съ подлинниковъ, хранящихся въ арх. мин. иностр. дѣлъ въ С.-Петербургѣ: «1) Madame ma sœur et très chère tante, les liens que je viens de contracter avec la princesse Catherine de Wurtemberg m'offrent l'occasion d'écrire à Votre Majesté pour réclamer d'Elle les mêmes sentiments d'amitié qu'Elle porte à Sa chère nièce. Ce serait avec une bien grande satisfaction que j'en recevrais l'assurance et que j'apprendrais que mon bonheur ne Lui est pas indifférent. De mon côté, madame ma sœur et très chère tante, rien de ce qui peut intéresser Votre Majesté ne peut désormais m'être étranger. Je prie Votre Majesté d'être persuadée qu'Elle n'a pas de neveu qui désire plus que moi d'acquérir Son amitié et qui se trouvât plus heureux de pouvoir Lui être agréable. Sur ce, madame ma sœur et très chère tante, je prie Dieu qu'il vous ait en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté le bon frère *Jérôme-Napoléon*. 2) Madame ma sœur et très chère tante, les liens que je viens de contracter avec le prince Jérôme-Napoléon de France, Roi de Westphalie, m'offrent une occasion de me rappeler au souvenir d'une tante qui a toujours bien voulu prendre quelque intérêt à ma destinée. J'ose espérer que Votre Majesté prendra quelque part à mon bonheur actuel et qu'Elle voudra bien m'en donner l'assurance, ce qui augmenterait, s'il était possible, ma satisfaction. Les bontés dont m'a comblée ma digne et respectable grand'mère, qui a bien voulu soigner mon enfance, me donnent le droit de réclamer les sentiments d'amitié qu'il me serait doux d'espérer de Votre Majesté. Sur ce, je prie Dieu, madame et très chère tante, qu'il vous ait en sa sainte et digne garde. *Catherine*». Оба письма помѣчены: Фонтенебло; письмо королевы отъ 27-го, а письмо короля отъ 28 сентября 1807 года.

144.

Принцъ Эрнестъ Саксенъ-Кобургскій, род. въ 1784 году, братъ вел. кн. Анны Ѳеодоровны, супруги наслѣдника цесаревича Константина Павловича.

145.

Посолъ гр. Петръ Александровичъ Толстой привезъ имп. Наполеону кромѣ своихъ вѣрющихъ писемъ особое письмо Имп. Александра отъ 27 сентября, напечатанное С. С. Татищевымъ въ его книгѣ *Alexandre I et Napoléon*, стр. 222. Н. К. Шильдеръ въ третьей главѣ своего труда о сношеніяхъ Россіи съ Европой въ царствованіе Имп. Александра I, появившемся въ *Русской Старинѣ* (январь 1890 года) приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ инструкціи, данной этому посланнику 26 сентября. Кромѣ того, подробное содержаніе этого документа изложено въ вышепомянутомъ трудѣ С. С. Татищева, стр. 211—221.

146.

№№ 39—41 были отправлены съ русскимъ фельдъегеремъ Чураковымъ, выѣхавшимъ изъ Парижа 8 октября и прибывшимъ въ С.-Петербургъ 1 ноября.

147.

Въ то-же время Наполеонъ приказывалъ военнымъ министрамъ вести точный счетъ поставкамъ, дѣлаемымъ русскимъ войскамъ деньгами, одеждой или продовольствіемъ, а также составлять инвентари и производить ревизіи магазиновъ, оставленныхъ русскими въ Каттаро и Корфу, «чтобы опредѣлить возмѣщеніе убытковъ» (письмо генералу Кларку отъ 6 октября въ *Correspondance* XVI, 13219). Сл. письмо Наполеона къ королю неаполитанскому, помѣченное тѣмъ-же числомъ (*тамъ-же*, XVI, 13225) о продовольствіи и боевыхъ запасахъ русскихъ въ Корфу.

148.

Три приложенія къ № 40 воспроизводятся здѣсь съ подлинниковъ, врученныхъ генераломъ Савари Имп. Александру и хранящихся въ арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

149.

Это письмо Наполеона къ Савари не было напечатано въ корреспонденціи Наполеона. Въ архивахъ Франціи нѣтъ ни его подлинника, ни чернового списка. Оно здѣсь печатается по извлеченію, сообщенному генераломъ Савари Имп. Александру и хранящемуся въ арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Неоднократныя явныя преувеличенія относительно мятежныхъ рѣчей, приписываемыхъ русскимъ военнопленнымъ, обнаруживаютъ постоянное стремленіе Наполеона возстановить Имп. Александра противъ Англіи, приписывая англійскому вліянію вредный духъ, проявлявшійся въ нѣкоторой части русской арміи.

150.

Напечатано по подлиннику, врученному генераломъ Савари Имп. Александру и хранящемуся въ арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

151.

Письмо Наполеона къ наслѣдному принцу датскому отъ 30 сентября 1807 г. (*Correspondance*, XVI, 13201).

152.

О переговорахъ съ Австріей, предшествовавшихъ заключенію конвенціи въ Фонтенебло 10 октября 1807 года см. донесеніе своему двору графа Меттерниха, австрійскаго посла въ Парижѣ (*Mémoires de Metternich*, II, стр. 120—128). Самая же конвенція была напечатана Нейманомъ, *Recueil des traités conclus par l'Autriche*, II, стр. 256 и 259.

153.

О назначеніи барона Брокгаузена полномочнымъ министромъ Пруссіи въ Парижѣ см. Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 26.

154.

Время пребыванія въ этомъ замкѣ Наполеона I осенью 1807 года описано Меттернихомъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ первомъ томѣ его *Mémoires*, стр. 297.

155.

№№ 142—144 были отправлены съ Монтескью, выѣхавшимъ изъ С.-Петербурга 10 октября и пріѣхавшимъ въ Парижъ перваго ноября.

156.

Къ концу 1807 года было 26, допущенныхъ въ англійскій флотъ въ качествѣ «волонтеровъ», гардемариновъ и мичмановъ русскихъ судовъ. Вотъ ихъ имена съ указаніемъ военныхъ судовъ, на которыхъ они служили: Александръ Павловичъ Авиновъ (Phœbe), Николай Николаевичъ Андреевъ (Royal Sovereign), Михаилъ Ивановичъ Башмаковъ (Niobe), Николай Петровичъ Шапировъ (Superb), Алексѣй Антиповичъ Шестаковъ (Isis), Павелъ Аѳанасьевичъ Дохтуровъ (Hindostan), Михаилъ Ивановичъ Ефремовъ (Isis), Сергѣй Михайловичъ Фиглевъ (Amon), Александръ Глазуновъ (Reasonable), Димитрій Іосифовичъ Ильинъ (Aurora), Иванъ Ивановичъ Колокольцевъ (Hindostan), Николай Кузьмичъ Караваевъ (Plover), Александръ Семеновичъ Куломзинъ (Euriatus), Александръ Васильевичъ Коробка (Cerberus), Александръ Евграфовичъ Кригеръ (Diana), Михаилъ Петровичъ Лазаревъ (La Loire), Мардарій Васильевичъ Милюковъ (Royal Sovereign), Николай Александровичъ Муравьевъ (Rosario), Семенъ Яковлевичъ Унковскій (Egyptian), Петръ Поздѣевъ (Greyhound), Димитрій Сергѣевичъ Ратьковъ (Cerberus), Василій Ульяновичъ Скрипицынъ (Penelope), Михаилъ Николаевичъ Станковичъ (Ambuscade), Артуръ Самблинъ (Melpomene), Михаилъ Чихачевъ (Favorite), Петръ Петровичъ Толстой (Superb). Этотъ списокъ именъ приложенъ къ донесенію посланника при лондонскомъ дворѣ Алопеуса гр. Румянцеву отъ 14 декабря 1807 г. подъ № 215. (*Арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ.* Сл. *Общій морской списокъ*, т. VI, С.-Петербургъ, 1892 г.).

157.

См. отчетъ объ этомъ совѣщаніи въ донесеніи лорда Гоуэра къ Каннингу отъ 1 октября 1807 г. (*Papers presented to Parliament in 1808*, стр. 125—128).

158.

Относительно кратковременнаго пребыванія гр. де-Лиля въ Швеціи см. Эрнеста Доде: *La Russie et les Bourbons*, стр. 313 и сл.

159.

Относительно миссіи маіора Шелера въ С.-Петербургъ см. Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 12—18 и 375—420. Письмо Фридриха-Вильгельма II отъ 15 сентября и Имп. Александра отъ 20 того же мѣсяца см. *тамъ-же* стр. 366, 377.

160.

Ноты, которыми обмѣнялись гр. Румянцовъ и лордъ Гоуэръ, также какъ нота, отправленная датскимъ посланникомъ гр. Бломомъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ, напечатаны по черновому списку первой изъ нихъ и по подлинникамъ двухъ остальныхъ, хранящихся въ арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

161.

№№ 45 и 46 были доставлены Сентъ-Эньяномъ, прибывшимъ въ С.-Петербургъ 10 ноября.

162.

Текстъ союзнаго секретнаго договора, заключеннаго въ Тильзитѣ между Россіей и Франціей въ тотъ же день, какъ и мирный договоръ (7 іюля 1807 года), долго оставался неизвѣстнымъ. Онъ былъ напечатанъ С. С. Татищевымъ въ приложеніи къ его труду *Alexandre I et Napoléon*, стр. 615—619, по русскому подлиннику, хранящемуся въ архивѣ мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Французскаго же подлинника въ архивахъ Франціи не находится. Есть основаніе думать, что онъ былъ изъятъ оттуда по распоряженію Наполеона въ 1815 году, передъ отреченіемъ и отъѣздомъ этого императора въ Рошфоръ.

163.

Очищеніе Молдавіи и Валахіи отъ русскихъ войскъ, выговоренное перемиріемъ въ Слободзеѣ было отсрочено еще прежде, чѣмъ узнали въ главной квартирѣ арміи объ отказѣ Имп. Александра ратификовать этотъ договоръ. Такая мѣра была принята вслѣдствіи нарушеній договорныхъ условій турками, которые вопреки статьямъ договора перешли Дунай и заняли Галацъ. Назначивъ фельдмаршала князя Прозоровскаго главнокомандующимъ арміей на мѣсто покойнаго генерала Михельсона, Императоръ предписалъ ему извѣстить турецкихъ уполномоченныхъ о томъ, что Его Величество ратификуетъ перемиріе лишь въ томъ случаѣ, если будутъ исключены изъ договора двѣ нарушенныя статьи, пока же фельдмаршалъ долженъ былъ остановить отступленіе своихъ войскъ и по прежнему занимать оба княжества. См. по этому предмету въ арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ письмо гр. Румянцова кн. Прозоровскому отъ 14 сентября 1807 года.

164.

Наполеонъ не ограничивался желаніемъ вмѣшаться въ качествѣ посредника въ переговоры между Россіей и Портой. Его намѣреніе было предложить также свое посредничество и Персіи для заключенія мира между этой державой и Россіей. См. объ этомъ, какъ и о сношеніяхъ Франціи съ Россіей, письмо Наполеона къ Шампаньи отъ 23 октября 1807 года (*Correspondance*, XVI, 13288).

165.

Относительно недоразумѣній между адмираломъ Сенявинымъ и французскими властями въ Корфу см. письмо Наполеона къ королю неаполитанскому Іосифу отъ 9 октября 1807 года (*тамъ-же*, XII, 13233).

166.

Наполеонъ сдѣлалъ строгій выговоръ военному министру генералу Кларку по поводу этого происшествія. См. его письмо къ этому министру отъ 12 октября 1807 года (*Correspondance*, XVI, 13238).

167.

Письмо наслѣдныхъ принца и принцессы Баденскихъ были адресованы къ ихъ сестрѣ и невѣсткѣ Имп. Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Подлинники ихъ не найдены въ арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ, также какъ не найдены и черновые списки во французскомъ архивѣ.

168.

Графъ Луи-Филиппъ де-Сегюръ, род. въ 1753 году, былъ полномочнымъ министромъ Франціи въ Спб., отъ 1785—1789 годъ. Онъ оставилъ о дворѣ Императрицы Екатерины II, оказывавшей ему особое благоволеніе, объемистые мемуары, которые были неоднократно издаваемы. См. о его пребываніи и политической дѣятельности въ Россіи Рамбо *Recueil des instructions, Russie,* II, стр. 385 — 479. Онъ оставилъ свой постъ 11 октября 1789 года, взявъ отпускъ во Францію. Лишь въ маѣ 1791 года повѣренный по дѣламъ Жене вручилъ вице-канцлеру графу Остерману его отзывную грамоту. Окончательное прекращеніе дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей произошло 19 іюля 1792 года, когда Жене было предложено оставить русскую столицу въ недѣльный срокъ (Рамбо, *тамъ-же*, стр. 536).

169.

Торговый договоръ между Россіей и Франціей былъ подписанъ въ С.-Петербургѣ 11 января 1787 года. Онъ былъ напечатанъ Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ въ томѣ III его *Собранія Трактатовъ* и Флассаномъ въ *Histoire de la diplomatie française*, VII, стр. 430 и сл. Рамбо подробно сообщаетъ его содержаніе въ вышеуказанномъ своемъ трудѣ, томъ II, стр. 409.

170.

Генералъ-адъютантъ перваго консула Дюрокъ былъ отправленъ имъ въ С.-Петербургъ въ 1801 году, тотчасъ по полученіи въ Парижѣ извѣстія о смерти Императора Павла и о восшествіи Императора Александра I на престолъ. Дюрокъ привезъ письмо генерала Бонапарта молодому Императору отъ 26 апрѣля *(Correspondance,* VII, 5550). Прибывъ въ С.-Петербургъ въ первыхъ числахъ іюня онъ оставался тамъ до сентября 1801 года. Его донесенія первому консулу и министру и. д. были изданы въ 70 томѣ *Сб. Имп. Русск. Ист. Общества.*

171.

Равнымъ образомъ во время консульства полковникъ карабинеровъ Коленкуръ, впослѣдствіи оберъ-шталмейстеръ, былъ отправленъ впервые съ дипломатической миссіей въ Россію. Выѣхавъ изъ Парижа на слѣдующій день по заключеніи

мирнаго договора 8—10 октября 1801 года, онъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ половинѣ ноября и пробылъ тамъ до мая слѣдующаго года. Его переписка съ Бонапартомъ и Талейраномъ при выполненіи этой миссіи также напечатана въ 70 томѣ *Сб. Имп. Русск. Ист. Общества.*

172.

Генералъ Эдувиль былъ полномочнымъ министромъ Франціи при дворѣ Александра I, отъ февраля 1802 до іюня 1804 года. См. его дипломатическую переписку въ томахъ 70 и 77 *Сб. Имп. Русск. Ист. Общества.*

173.

Кавалеръ Робертъ Вильсонъ, англійскій полковникъ, участвовалъ въ прусской кампаніи 1807 года, въ качествѣ добровольца, причисленнаго къ главной квартирѣ Беннингсена. Онъ напечаталъ по этому поводу историческій трудъ, озаглавленный: *Brief remarks on the character and composition of the russian army and a sketch of the campaign in Poland in the years 1806 and 1807,* Лондонъ, 1810 года, 4°. По заключеніи Тильзитскаго договора Вильсонъ посѣтилъ С.-Петербургъ какъ простой путешественникъ и въ первыхъ числахъ сентября былъ отправленъ въ Лондонъ посломъ лордомъ Гоуэромъ въ качествѣ курьера съ депешами. Онъ вернулся оттуда 19 октября для исполненія возложенной на него англійскимъ правительствомъ секретной миссіи, подробное описаніе которой онъ представилъ въ своемъ дневникѣ, изданномъ въ Лондонѣ въ 1862 году его племянникомъ и зятемъ Гербертомъ Рандольфомъ подъ заглавіемъ: *Life of general Sir Robert Wilson, from autobiographical memoirs, journals, narratives, correspondance, etc.* Двукратное его пребываніе въ С.-Петербургѣ, лѣтомъ и осенью 1807 г., описано тамъ во второмъ томѣ на стр. 344—365 и 379—382. Между оправдательными документами, находящимися въ приложеніи, напечатаны два донесенія Вильсона Каннингу отъ 18 и 29 октября. Затѣмъ письмо къ русскому полномочному министру въ Копенгагенѣ Лизакевичу отъ 26 сентября и письмо Императору Александру отъ 18 октября 1807 года. Это послѣднее было ему возвращено оберъ-гофмаршаломъ Толстымъ, не будучи распечатано. См. также относительно миссіи Вильсона переписку Каннинга съ лордомъ Гоуэромъ въ *Papers presented to Parliament in 1808,* стр. 107—119 и 135—164.

174.

Брошюра, упоминаемая Савари, — французская книжка, носящая заглавіе: *Observations sur le traité de Tilsit et sur l'état actuel des choses* и изданная въ ноябрѣ 1807 года. Она была напечатана въ Лондонѣ въ типографіи Спильсбюри, Анжель-Коуртъ, Сноугиль, и заключаетъ въ себѣ 34 страницы формата in-8°. Эта брошюра очень рѣдкая. Одинъ ея экземпляръ находится въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, отдѣлъ Rossica, 0,88.

175.

Савари сообщаетъ въ своихъ Мемуарахъ подробное описаніе этого обѣда. «Je restai à Pétersbourg», читаемъ мы тамъ, «pendant l'absence de l'Empereur, et je fus aussi surpris que flatté d'être invité une fois à dîner chez l'Impératrice ré-

gnante. Sa sœur, la princesse Amélie de Bade, y était, ainsi que le comte de Roumiantzof, ministre des relations extérieures, et M. le comte Kotchoubey, ministre de l'intérieur. Je cite ces détails, parce qu'à ce dîner, S. M. l'Impératrice mit la conversation presque continuellement sur la France et sur Paris. Il était difficile de parler de quelque chose qu'elle ne connût pas. Notre littérature lui était extrêmement familière; elle me faisait l'honneur de me parler de nos spectacles; elle aimait nos productions tragiques et connaissait le mérite de tous nos bons acteurs. Elle me dit: «L'Empereur aime-t-il le spectacle? — Beaucoup, Madame, et préférablement la tragédie. — Quelles sont celles qu'il préfère? — Madame, il aime beaucoup tous les ouvrages de Racine et de Corneille. — Je le conçois sans peine; mais encore y a-t-il du choix dans ces chefs-d'œuvre-là? — Je l'ai vu aller souvent voir jouer *Mithridate*.— Ne fait-il jamais jouer *Mérope?* — Pardonnez-moi, Madame». — Je crus d'abord qu'il y avait dans cette question une intention maligne et que l'Impératrice voulait faire allusion à Polyphonte; mais je ne me déconcertai pas. Peut-être, au reste, était-ce une conséquence de ce que je m'étais imaginé sur la manière dont on pensait généralement à notre égard en Russie.» (*Mémoires du duc de Rovigo*, III, стр. 170-171). Это послѣднее замѣчаніе относится къ другому мѣсту Мемуаровъ, гдѣ Савари жалуется на распространенные въ русскомъ обществѣ оскорбительные слухи о его происхожденіи, при чемъ разсказывалось, что онъ сынъ «привратника». Онъ почувствовалъ даже намекъ на эту молву въ вопросѣ, съ которымъ обратилась къ нему однажды Императрица Елизавета относительно страны, изъ которой онъ происходитъ, въ особенности, когда вслѣдъ за его отвѣтомъ, что онъ родомъ изъ Шампаньи Ея Величество возразила: «да развѣ вы изъ французской семьи?» — «Да, Ваше Величество»; отвѣчалъ онъ, «мои родители также происходятъ изъ Шампаньи, изъ Седана, страны, въ которой выдѣлываются хорошія сукна». «А я считала васъ иностранцемъ», сказала тогда Императрица, «мнѣ говорили, что вы швейцарецъ». — Ваше Величество, отвѣчалъ посланникъ Наполеона, «я знаю, что Ваше Величество желаете сказать, я знаю, что было написано по этому поводу; я читалъ это все и прошу васъ не останавливать вниманія вашего на подобныхъ произведеніяхъ». Сообщивъ такой разговоръ, Савари присовокупляетъ: «L'Impératrice vit que je l'avais devinée et la conversation en resta là. Le hasard avait fait que, le même jour, j'avais lu ce qui me concernait dans les pamphlets dont je viens de parler. L'Impératrice de Russie avait probablement voulu s'assurer s'ils avaient dit la vérité et elle avait un jugement trop sain pour ne pas mettre la justice du côté où elle devait être». (*Тамъ-же*, III, стр. 166-167). Вильсонъ въ упоминавшемся уже своемъ журналѣ приписываетъ то-же самое замѣчаніе г-жѣ Уваровой. Онъ сообщаетъ кромѣ того, что источникомъ этихъ слуховъ послужила брошюра, изданная въ Лондонѣ и озаглавленная: Секретные Мемуары двора Сенъ-Клу (*Life of Sir Robert Wilson*, стр. 376).

176.

Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, род. въ 1753 году, старшій братъ министра, бывшій посланникъ Россіи при берлинскомъ дворѣ въ царствованіе Екатерины II.

177.

Максимъ Максимовичъ Алопеусъ, род. въ 1748 году, правитель канцеляріи графа Панина, въ царствованіе Екатерины II былъ посылаемъ по особому пору-

ченію въ Берлинъ отъ 1789—1794 годъ. Выйдя въ отставку при Императорѣ Павлѣ I, былъ назначенъ, при восшествіи на престолъ Императора Александра, полномочнымъ министромъ при прусскомъ дворѣ, а въ 1807 году былъ отправленъ въ Лондонъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника.

178.

Относительно герцога Серра-Капріоли и дружественныхъ отношеній, установившихся между нимъ и Савари см. примѣчаніе на стр. 197 третьяго тома *Mémoires du duc de Rovigo.*

179.

Письмо Наполеона къ Александру I отъ 16 сентября 1807 г. (*Correspondance*, XVI, 13164).

180.

Подлинникъ этой записки, написанный карандашемъ, хранится въ національномъ архивѣ во Франціи. Она напечатана здѣсь въ приложеніи (стр. 157).

181.

Письмо Имп. Александра къ королю Густаву-Адольфу IV и депеша графа Румянцова къ Давыду Максимовичу Алопеусу, русскому министру въ Стокгольмѣ, помѣчены 9 октября. Этотъ послѣдній немедля выполнилъ полученное повелѣніе, отправившись въ Гельсингборгъ, гдѣ находился король и вручивъ ему 27 того же мѣсяца письмо отъ Императора. См. относительно этой миссіи два донесенія Алопеуса Румянцову отъ 31 октября и 2 ноября, №№ 86 и 89 въ *Арх. мин. ин. дѣлъ* въ С.-Петербургѣ.

182.

Маршалъ Даву занималъ осенью 1807 года постъ перваго изъ четырехъ главныхъ командировъ, начальствованію которыхъ Наполеонъ поручилъ послѣ Тильзитскаго договора армію, оставленную въ Германіи и въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ. Въ Варшавѣ именно и находилась его главная военная квартира.

183.

Князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, род. въ 1776 году, генералъ-адъютантъ Имп. Александра I.

184.

Наполеонъ нимало не раздѣлялъ опасеній своихъ маршаловъ. 23 октября онъ писалъ Даву: «Ne craignez rien des Autrichiens ni des Russes et dormez tranquille..... La meilleure intelligence règne entre les Russes et moi.» (*Correspondance*, XVI, 13293)

185.

Повѣренный Пруссіи при русскомъ дворѣ Лендорфъ былъ назначенъ въ 1807 году полномочнымъ министромъ.

186.

Относительно предложеній пруссаковъ, касающихся выплаты военной контрибуціи см. Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*.

187.

Въ тотъ моментъ, когда Шампаньи писалъ эти строки, Наполеонъ уже рѣшилъ раздѣлить Португалію. На основаніи секретной конвенціи, подписанной 27 октября, въ Фонтенебло уполномоченными Франціи и Испаніи, сѣверныя провинціи Португаліи предназначались подъ именемъ королевства Лузитаніи королевѣ Этрурской, которая въ свою очередь уступала Тоскану французскому императору и королю Италіи; Алентехо и Альгарви возводились на степень монархій въ пользу Годои, принца мира; остальными-же португальскими владѣніями должно былъ распорядиться, смотря по обстоятельствамъ при возстановленіи всеобщаго мира. Особая конвенція устанавливала занятіе королевства Португальскаго французскими и испанскими войсками. Два этихъ акта, изданы въ *Correspondance*, XVI, 13300 и 13301.

188.

См. по этому предмету подробное донесеніе австрійскаго посла въ Парижѣ гр. Меттерниха министру иностран. дѣлъ Стадіону отъ 16 октября 1807 года въ *Mémoires de Metternich*, II, стр. 128—136.

189.

Приказъ Шампаньи объ отъѣздѣ курьера въ С.-Петербургъ (*Correspondance*, XII, 13316) относится къ 1 ноября. Наполеонъ поручаетъ при этомъ своему министру сообщить Имп. Александру о союзномъ договорѣ, заключенномъ съ Даніей, такъ какъ «было бы досадно, если бы датчане насъ предупредили».

190.

Имп. Александръ не замедлилъ послѣдовать примѣру Наполеона. Савари разсказываетъ въ своихъ Мемуарахъ, что онъ собирался нанять отель для помѣщенія тамъ французскаго посольства, когда русскій Императоръ велѣлъ передать себѣ заключенный уже по этому поводу контрактъ и объявилъ, что предоставляетъ Франціи великолѣпный отель, расположенный на набережной Невы. «Nous gagnâmes à ce marché», говоритъ Савари, «parce que l'hôtel que nous reçûmes à Saint-Pétersbourg était bien plus complet que celui que nous avions donné à Paris.» (*Mémoires du duc de Rovigo*, III, стр. 198—199.) См. по этому же предмету *Mémoires politiques et correspondance diplomatique* Жозефа де-Мэстръ, стр. 272—273.

191.

Двѣ конвенціи 2 октября, относящіяся къ Португаліи и упоминавшіяся выше (прим. 187), не были сообщены Россіи.

192.

О прибытіи въ Парижъ барона Брокгаузена и промедленіяхъ Наполеона относительно его принятія см. Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 26 и слѣд.

193.

На основаніи II сепаратной статьи мирнаго договора съ Франціей, Пруссія обязывалась прервать сношенія съ Англіей, если къ 1 декабря 1807 г. эта послѣдняя держава не заключитъ мира съ Наполеономъ. Объ отзывѣ изъ Лондона прусскаго министра см. у Гасселя, *тамъ-же*, стр. 338—362, переписку между Якоби-Клейстомъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III.

194.

Этотъ актъ печатается здѣсь по копіи, приложенной къ письму Шампаньи генералу Савари (№ 55). Она была передана послѣднимъ Императору Александру и хранится въ *Арх. мин. ин. дѣлъ* въ С.-Петербургѣ.

195.

Указъ о наложеніи амбарго на англійскіе суда и товары обнародованъ 27 октября (8 ноября) 1807 года, на слѣдующій же день послѣ разрыва съ Англіей; подъ этой именно датой онъ и помѣщенъ въ Полн. Собр. Зак. Рос. Имперіи подъ № 22664.

196.

Черновые списки двухъ этихъ писемъ, хранящихся въ арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ не имѣютъ даты. И тотъ и другой написаны рукою графа Румянцова. Вотъ ихъ текстъ: 1) «Monsieur mon frère et très cher neveu, je viens de recevoir les lettres de notification du mariage de Votre Majesté. L'intérêt que j'ai voué, dès sa plus tendre enfance, à la Reine, votre épouse et ma chère nièce, me la rend encore plus chère que les liens du sang qui nous unit. Son bonheur ne me sera jamais étranger. Aussi, je fais des vœux bien sincères pour qu'il plaise à la Providence de bénir cette union et de la combler de toutes sortes de prospérités. Je remercie Votre Majesté de Sa lettre, laquelle me présage qu'Elle aura toujours pour moi les sentiments d'un bon neveu. Elle retrouvera en moi la réciprocité à laquelle Elle a droit de s'attendre.» 2) «Madame ma sœur et très chère nièce, je viens de recevoir les lettres de notification du mariage de Votre Majesté. La sensibilité que j'ai éprouvée à cette occasion m'a attesté à moi-même toute l'amitié que je porte à ma très chère nièce. Je la remercie du souvenir qu'elle conserve de feu ma mère et je désire bien sincèrement qu'il plaise à la Providence de bénir l'union que Votre Majesté vient de contracter et qu'elle La comble de prospérités. Je La prie de ne

pas douter de l amitié que je Lui ai vouée dès sa plus tendre enfance. Sur ce je prie etc.» Это происшествіе подробно разсказано Савари въ его Мемуарахъ. Онъ пишетъ: «L'Empereur Napoléon, d'après les arrangements de Tilsit, avait érigé la Hesse, avec quelques pays qu'il y avait réunis, en Royaume de Westphalie et y avait placé le prince Jérôme, le plus jeune de ses frères. Le mariage de ce prince avec la fille du Roi de Wurtemberg venait de se conclure à Paris et l'on m'avait envoyé des lettres des nouveaux époux pour leur tante, l'Impératrice-Mère de Russie. Je ne voulais point faire une affaire ministérielle de ce message, d'autant plus que je n'avais d'autre caractère officiel que celui que la bonté de l'Empereur Alexandre m'accordait. Ce fut donc à lui-même que je confiai les deux lettres, en ne lui cachant pas que le peu de bienveillance que je savais à l'Impératrice-Mère pour nous m'avait ôté le courage de lui demander la permission de les lui remettre moi-même. L'Empereur Alexandre les reçut, en me disant qu'il s'en chargeait. Il partait pour Pavlovsk, où résidait sa mère, et effectivement, je reçus le lendemain les deux réponses aux deux missives dont il avait daigné se charger. Elles étaient accompagnées d'une lettre de l'Empereur Alexandre pour moi qui aurait satisfait la vanité d'un premier ministre. J'envoyai le tout à Paris, cherchant, par tous les moyens possibles, à persuader à l'Empereur que l'ouvrage de Tilsit pouvait se consolider et j'ajoutai que je ne pouvais qu'être satisfait de tout ce que je voyais». (*Mémoires du duc de Rovigo*, III стр. 160—161).

197.

См. разсказъ Вильсона о его вторичномъ пребываніи въ С.-Петербургѣ въ 1807 году, помѣщенный въ его дневникѣ подъ 19 октября и 10 ноября (*Life of Sir Robert Wilson*, II, стр. 371—383.)

198.

Василій Степановичъ Поповъ, род. въ 1743 году, дѣйств. тайн. сов., бывшій чиновникъ особыхъ порученій при кн. Потемкинѣ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, статсъ-секретарь и впослѣдствіи предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта.

199.

Арманъ-Эммануэль герцогъ Ришелье, по русскимъ офиціальнымъ спискамъ Эммануилъ Осиповичъ, род. въ 1766 году, былъ управляющимъ гражданскою частью въ Екатеринославской и Таврической губ., въ 1807 году Херсонскій военный губернаторъ. Бумаги и переписка этого государственнаго дѣятеля были напечатаны въ 46 томѣ *Сб. Имп. Русск. Ист. Общества.*

200.

Адмиралъ маркизъ Иванъ Ивановичъ Траверсе, род. въ 1752 или 1754 году, командовалъ балтійскимъ флотомъ, а въ 1807 году черноморскимъ, впослѣдствіи министръ военныхъ морскихъ силъ.

201.

Письмо Наполеона къ Императору Александру I, отъ 21 августа 1807 года (*Correspondance*, XV, 13074). Отвѣтъ Императора Александра отъ 2 ноября находится у С. С. Татищева въ его *Alexandre I et Napoléon*, стр. 229.

202.

Вильсонъ представилъ подробный отчетъ Каннингу о своемъ свиданіи съ гр. Румянцовымъ въ донесеніи отъ 29 октября 1807 года, которое помѣщено въ приложеніи къ *Life of Sir Robert Wilson*, II, стр. 434—439. Сл. донесенія маіора Шелера къ королю прусскому отъ 26 и 28 октября относительно Вильсона, равно какъ сужденіе, высказанное Императоромъ Александромъ I объ этомъ военномъ дѣятелѣ у Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, стр. 388—390.

203.

Повелѣніе посланнику М. М. Алопеусу оставить Лондонъ со всѣмъ личнымъ составомъ его посольства относится къ 4 ноября. Оно было отправлено лишь 7 ноября въ день врученія ноты о разрывѣ мира англійскому послу въ С.-Петербургѣ. Фельдъегерь Ратынскій, которому было поручено доставить это повелѣніе прибылъ въ Лондонъ 5 декабря. См. о послѣднихъ переговорахъ Гоуэра съ граф. Румянцевымъ, донесенія перваго къ Каннингу отъ 29 октября, 4 и 8 ноября въ *Papers presented to Parliament in 1808*, стр. 315 — 364. Сл. также донесенія барона Стединга королю шведскому отъ 24 октября и 8 ноября въ *Mémoires posthumes*, II, стр. 370—382.

204.

Относительно аудіенціи Савари у Императора Александра см. разсказъ его въ *Mémoires du duc de Rovigo*, III, стр. 194—196.

205.

Этотъ документъ воспроизведенъ здѣсь по черновому списку, находящемуся въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Французскій текстъ его вмѣстѣ съ англійскимъ переводомъ напечатанъ въ *Papers presented to parliament in 1808*, стр. 145—152.

206.

Французскій подлинникъ декларація, хранящійся въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ, весь написанъ рукою графа Румянцова; онъ былъ напечатанъ вмѣстѣ съ нотой и переводомъ на англійскій языкъ въ *Papers presented to Parliament in 1808*, стр. 153—164. Русскій текстъ этого документа, переданнаго въ Сенатъ для обнародованія, помѣщенъ въ П. С. З. Р. И. подъ 24 октября (5 ноября), № 22653.

207.

Это мѣсто декларація дало поводъ къ обмѣну слѣдующихъ собственноручныхъ писемъ между наслѣднымъ принцемъ датскимъ и Императоромъ Александромъ I: 1) Письмо наслѣднаго принца «Copenhague le 23 décembre 1807. Sire, Votre Majesté Impériale voudra me permettre de céder au besoin irrésistible de mon cœur de Lui exprimer moi-même le sentiment de ma vive et profonde reconnaissance du suffrage flatteur et bienveillant qu'Elle a bien voulu m'accorder dans la belle déclaration qui vient d'être rendue en Son nom. Plus j'ai toujours ambitionné l'estime et la confiance de Votre Majesté, plus je me tiens heureux d'en avoir obtenu le témoignage précieux,

consolant, dans le moment le plus pénible de ma vie. La constance inaltérable que le Danemark a mise dans son attachement pour la Russie doit vous garantir, Sire, la vive satisfaction avec laquelle je vois se resserrer et se consolider encore davantage les liens aussi anciens que naturels qui unissent les deux Couronnes. L'intérêt, qui forme le nœud de cette union, s'accorde et se confond parfaitement avec le sentiment du dévoûment sans bornes dont j'ose ici vous renouveler l'hommage, Sire, et avec lequel je suis pour la vie de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur *Frédéric*. 2) Отвѣтъ Имп. Александра. «Saint-Pétersbourg, 10 février 1808. Monsieur mon frère et cousin, le baron de Blome m'a remis, dans une audience particulière que je lui ai accordée, la lettre de Votre Altesse Royale du 23 décembre. Il m'a été bien agréable d'y voir qu'Elle apprécie les expressions dont je me suis servi à son égard dans ma déclaration du 26 octobre (v. st.) Je n'ai fait que Lui rendre justice. J'attache un très grand prix à cette ancienne amitié qui lie la Russie et le Danemark, et Votre Altesse Royale va s'en convaincre par la déclaration, que je viens de faire à la Suède et que mon ministère portera à sa connaissance, que rien ne me coûte, lorsqu'il est question de constater quel intérêt je prends à la prospérité des Etats du Roi son père. Le ciel va, sans doute, couronner par des succès la juste cause que va soutenir la Russie en faveur du Danemark et conjointement avec lui». (*Арх. министр. иностр. дѣлъ въ С.-Петербургѣ*).

208.

См. у Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, стр. 378—381, донесеніе маіора Шелера королю прусскому, отъ 13 октября 1807 года, о его трехъ аудіенціяхъ у Императора, 26 сентября, 3 и 11 октября.

209.

Въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ, находятся извлеченія изъ всѣхъ почти писемъ Наполеона къ Савари, конфиденціально сообщенныхъ послѣднимъ Императору Александру I.

210.

Вильсонъ описываетъ въ своемъ дневникѣ подъ 27 октября, сцену, которая произошла во время ужина у М. А. Нарышкиной, между нимъ и секретаремъ Савари Лелорнемъ; при этомъ онъ разумѣется выставляетъ себя съ выгодной стороны (*Life of Sir Robert Wilson*, II, стр. 375).

211.

Циркулярная нота гр. Румянцова дипломатическимъ представителямъ Россіи за границей: «Saint-Pétersbourg, 10 octobre 1807. Monsieur, le traité de Tilsit ayant rétabli la paix et la bonne harmonie entre la Russie et la France, il est à espérer que cet heureux résultat sera d'autant plus inaltérable qu'il a été cimenté par des relations personnelles entre les deux Souverains et par les sentiments qu'ils se sont réciproquement inspirés. L'Empereur, notre Auguste Maître, étant dans l'intention très prononcée de cultiver et de nourrir ces relations par tous les moyens en son pouvoir, désire que ses ambassadeurs, ministres et autres agents dans l'étranger aient pour ceux de S. M. l'Empereur des Français tous les procédés d'amitié et de con-

fiance qui se pratiquent entre les représentants de deux nations amies et que, si l'occasion s'en présentait, ils leur rendent tous les services qui pourraient dépendre d'eux. Sa Majesté Impériale a d'autant moins hésité à donner l'ordre que j'ai l'honneur de vous transmettre par la présente qu'Elle a tout lieu de s'attendre à ce que les divers ambassadeurs et ministres de France près les Cours étrangères auront reçu ou recevront des directions analogues de la part de la leur. Le comte Nicolas de Roumiantzof». (*Арх. министр. иностр. дѣлъ въ С.-Петербургѣ*).

212.

№№ 48—51 и 54—59 были отправлены своякомъ Савари Фодоасомъ, который, выѣхавъ изъ С.-Петербурга 4 ноября и не заставъ уже Наполеона въ Парижѣ нашелъ его въ Венеціи въ первыхъ числахъ декабря (*Mémoires du duc de Rovigo*, III, стр. 198).

213.

Вручение вѣрющихъ писемъ происходило во время торжественной аудіенціи въ Фонтенебло 6 ноября. Посолъ Толстой произнесъ по этому случаю слѣдующую рѣчь: «Sire, l'Empereur, mon Auguste Souverain, s'empressant de m'envoyer auprès de Votre Majesté, a voulu Lui fournir une nouvelle preuve de son désir sincère de cimenter et de consolider les rapports d'amitié que le traité de Tilsit a établis entre nos deux gouvernements, dans un degré d'intimité si conforme à leurs propres intérêts. En me chargeant de cette tâche honorable et importante, il m'a donné la marque la plus flatteuse de sa haute bienveillance, que je ne croirai avoir justifiée qu'alors que j'aurai obtenu votre confiance, qui seule peut assurer le succès de ma mission.» Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ видитъ въ тѣсномъ союзѣ обѣихъ націй залогъ не только ихъ обоюднаго благополучія но и счастье всей Европы; онъ не въ состояніи достаточнымъ образомъ оцѣнить дружбы Императора Александра и смотритъ какъ на самое счастливое время въ своей жизни на 20 дней, проведенныхъ съ этимъ Государемъ въ Тильзитѣ; наконецъ онъ высоко уважаетъ русскій народъ (гр. Толстой гр. Румянцову, 6 ноября 1807 года. (*Арх. мин. иностр. дѣлъ въ С.-Петербургѣ*).

214.

Мы воспроизводимъ здѣсь цѣликомъ вслѣдствіи ихъ чрезвычайной важности двѣ слѣдующія депеши, въ которыхъ П. А. Толстой представляетъ Румянцову отчетъ о своей первой политическомъ совѣщаніи съ Наполеономъ. 1) «Fontainebleau, 7 novembre 1807. Monsieur le comte, la remise de la lettre autographe dont Sa Majesté Impériale m'avait chargé pour l'Empereur Napoléon, ne pouvant avoir lieu que dans une audience particulière, je demandai hier à M. de Champagny de me l'obtenir, et ce matin, un billet du chambellan de service m'avertit qu'elle avait été accordée et fixée à midi. A cette heure je me rendis dans les grands appartements. Je fus de suite introduit chez l'Empereur et demeuré seul avec lui; il commença un entretien qui se prolongea pendant deux heures et aux intéressants détails duquel je vais consacrer cette dépêche. Après des protestations de franchise et de loyauté de part et d'autre, il me dit que les objets à discuter entre les deux puissances se réduisaient à trois points principaux: aux affaires de la Prusse, à celles de la Turquie et à la guerre avec l'Angleterre. Je répliquai que les vœux de mon Souverain se bornaient à l'exacte exécution du traité de Tilsit; que lui, l'ayant

rempli scrupuleusement, ne pouvait voir qu'avec peine le peu d'empessement de sa part à faire jouir le Roi de Prusse des avantages que lui assurait ce traité, et que j'étais chargé de lui demander de la manière la plus pressante l'évacuation des Etats prussiens. Il objecta que le traité de Tilsit ne renfermait aucune stipulation précise à cet égard, et que d'ailleurs, les troupes russes occupaient encore la Moldavie et la Valachie. Je revins encore au traité de Tilsit; j'observai que nous ne pouvions pas nous regarder en paix, tant qu'il n'était point fidèlement exécuté, c'est-à-dire, tant que les pays restitués au Roi de Prusse ne seraient point évacués par les troupes françaises. Je lui retraçai, dans les couleurs les plus vives, la malheureuse position de cet infortuné monarque, l'impossibilité où il était de satisfaire aux prétentions exorbitantes de la France. «Vous avez tort», reprit-il, «de vous intéresser tant à lui, vous verrez qu'il vous jouera encore de mauvais tours». «Et qui, Sire», répliquai-je, «osera nous en jouer, tant que nous serons d'accord avec Votre Majesté?» «D'ailleurs», ajouta-t-il, «j'évacue, j'ai même retiré déjà quelques troupes, cela ne va pas si vite, on ne déplace pas une armée comme on prend une prise de tabac.» Passant de là aux affaires de la Turquie, il me dit que votre excellence ayant fait au général Savary quelques ouvertures sur l'acquisition de la Moldavie et de la Valachie, il devait supposer que c'était sur ces deux principautés que portaient les vues de ma Cour, que lui ne voyait aucun avantage pour la France au démembrement de l'Empire Ottoman, qu'il ne demandait pas mieux que de garantir son intégrité, qu'il le préférait même, ne se souciant guère de l'Albanie et de la Morée, où il n'y a, comme il prétend, que des coups et de l'embarras à gagner. Cependant, que si nous tenions infiniment à la possession de la Moldavie et de la Valachie, qu'il s'y prêterait volontiers et qu'il nous offrait le Thalweg du Danube, mais que ce serait à condition qu'il pût s'en dédommager ailleurs. Je le pressai de m'apprendre ce qu'il entendait par là et où il comptait prendre des compensations. Il voulut éluder toute explication là-dessus, mais mes instances devenant toujours plus pressantes et l'ayant presque mis au pied du mur par l'observation que lui, connaissant les agrandissements que nous désirons, il était on ne peut pas plus juste que nous fussions également instruits de ceux qu'il convoitait, il me dit, après avoir hésité quelque temps, et comme faisant un grand effort: «Eh bien, c'est en Prusse.» Il n'entra dans aucun détail, mais, d'après ce que j'ai lieu de supposer, c'est le cours de l'Oder qu'il voudra, et très vraisemblablement aussi la Silésie et ses forteresses. Il consent même à un plus grand partage de l'Empire Ottoman, s'il pouvait entrer dans les plans de la Russie. Il m'autorise à offrir Constantinople, car il assure n'avoir contracté aucun engagement avec le gouvernement turc et de n'avoir aucunes vues sur cette capitale. Cependant, dans cette supposition, il ne saurait mettre les intérêts de la France tout à fait de côté, ni s'expliquer d'avance sur les vues qu'ils commanderaient. Ainsi, il propose d'évacuer les pays restitués à la Prusse par le traité de Tilsit, si nous renonçons à nos vues sur la Moldavie et la Valachie. Dans le cas contraire, il nous accorde le Thalweg du Danube, contre une compensation aux dépens de la Prusse. Dans la troisième supposition, qui annoncerait un entier démembrement de la Turquie européenne, il consent à une extension pour la Russie jusqu'à Constantinople, cette capitale y comprise, contre des acquisitions sur lesquelles il ne s'est point expliqué. Ce ne sera qu'en nous énonçant avec précision sur ces trois objets que nous pouvons espérer de terminer les affaires de la Prusse. Je croirais donc ne pouvoir me dispenser, M. le comte, de vous prier de faire connaître au plus tôt les hautes intentions de Sa Majesté l'Empereur à ce sujet. Je me suis borné, en attendant, à nier, comme

à moi non connu, le désir que l'on prête à ma Cour d'acquérir les deux provinces ottomanes, parce qu'elles m'ont paru trop chères au prix où on les met, et j'ai répété jusqu'à satiété que tout ce que l'Empereur demandait était de voir strictement remplir les conditions du traité de Tilsit. Il me parla ensuite des engagements que nous avions contractés avec lui à l'égard de l'Angleterre. Il m'annonça qu'un courrier arrivé hier au soir de Madrid, avait porté la nouvelle que le Portugal consentait à fermer ses ports, à déclarer la guerre, et que le Prince-Régent avait suspendu son départ. Un traité conclu à Fontainebleau, et dont il me promit communication, nous assure la coopération du Danemark, et l'ambassadeur de France à Vienne est chargé de réclamer celle de l'Autriche. Toute l'Europe ainsi liguée contre la Reine des mers, il ne reste que la Suède à faire entrer dans cette vaste confédération. L'Empereur Napoléon désire que la Russie l'y oblige, ainsi que le stipule le traité d'alliance signé à Tilsit. «Quand même», observa-t-il, «vous seriez contraint de recourir aux armes, ce que je crois assez probable, car ce Roi a la tête près du bonnet, cela ne doit pas vous effrayer; vous ne pouvez que retirer des avantages d'une guerre avec la Suède. Le Danemark s'est engagé à vous aider, et si vous le voulez, j'enverrai des troupes françaises à votre secours.» Offre que je m'empressai de décliner. Après avoir épuisé ainsi toutes les mesures indirectes contre l'Angleterre, il se propose de revenir à ses projets de descente et veut que nous menacions alors la puissance britannique dans les Indes Orientales. Il me demanda même mon opinion sur une expédition combinée de troupes russes, françaises et persanes, à faire agir dans ces contrées. Je crus devoir lui en prouver l'impossibilité, mais il se flatte, par toutes ces mesures, de venir à bout de l'Angleterre et de la déterminer à la fin à quelques ouvertures de paix. Il s'informa, si nous pouvions soutenir longtemps la stagnation dans le commerce qui résulterait de cet ordre de choses, et si la Russie en souffrait beaucoup? Au moins, autant que la France, fut ma réponse. Il convint que son Empire perdait beaucoup, et ajouta que, s'il pouvait obtenir cinq années de paix, il ne tarderait pas d'avoir cent vaisseaux dans ses ports, vérité dont le gouvernement britannique n'est que trop persuadé et qui est bien le principal obstacle au rétablissement de la paix entre ces deux nations. «Et lorsqu'une fois», dit-il, «nous serons parvenus à tout arranger et à tout asseoir sur des bases précises et claires, nous pourrons songer à désarmer et à diminuer nos forces de terre», car il suppose que la Russie éprouve, pour leur entretien, autant d'embarras que lui, et il m'avoua même qu'il serait très embarrassé de faire rentrer toutes ses troupes en France, n'ayant pas les moyens de les entretenir dans l'intérieur. Ainsi se termina ce long et intéressant entretien. Il se peut que quelques particularités soient échappées à ma mémoire; le peu d'habitude que j'ai des affaires, dans une carrière, où je suis absolument neuf, est mon excuse. Le comte Pierre de Tolstoï». 2) «Fontainebleau, 8 novembre 1807. Monsieur le comte, il est encore quelques détails de mon entretien avec l'Empereur Napoléon dont je crois devoir faire l'objet d'une seconde dépêche. Après des choses flatteuses sur le compte de S. M. l'Empereur, sur son séjour à Tilsit, il me parla de la nation russe, et me demanda, s'il était vrai qu'il y avait parmi elle des têtes chaudes mécontentes de la paix et des vieillards qui bavardaient beaucoup? Je répondis: «Où n'y a-t-il pas des têtes chaudes, nous en avions lors du règne glorieux de l'Impératrice Catherine», et j'ajouterai qu'ayant été pendant trois ans gouverneur militaire de Saint-Pétersbourg, je savais à quoi m'en tenir là-dessus, et que quant aux vieillards, que lorsqu'ils avaient le bonheur d'approcher de l'Empereur, qu'ils osaient lui énoncer leur opinion avec franchise, mais qu'ils

étaient trop sages pour se permettre de se prononcer en public sur les affaires de leur Souverain. Je convins que la nation avait été mécontente de la paix, que j'avais été un des premiers à l'être, et que nous le serions toujours, tant que nous ne verrions point de réciprocité, et que, par conséquent, il était de l'intérêt de la France de remplir scrupuleusement les engagements contractés à Tilsit. A cela il dit: «*La critique est aisée et l'art est difficile;* qu'auriez-vous donc fait? Vous ne pouviez essuyer que de plus grandes pertes.» Alors je lui démontrai que nous n'avions été qu'au commencement de nos moyens, que la nation en avait mis de bien grands à la disposition du gouvernement, qui par là avait été à même de se passer de subsides étrangers, qu'elle avait été prête à faire de nouveaux sacrifices, et qu'il s'en fallait de beaucoup que les dons gratuits de la noblesse eussent été absorbés. Ensuite il dit: «Il ne faut plus que nous fassions la guerre, on n'y attrape que des boulets et des coups de sabre.» Puis il me parla de nos généraux, me dit des choses obligeantes sur ceux qui avaient servi dans les dernières guerres. Il approuva notre refus de ratifier l'armistice avec les Turcs et me prévint qu'il avait fait sévèrement réprimander l'adjudant Guilleminot d'avoir permis l'article qui stipule la restitution de nos trophées, comme contraire à la dignité d'une grande puissance. Sensible à ce que j'avais promis de faire à l'égard des officiers français et piémontais, il me dit: «Vous avez été hier fort aimable pour moi, il faut que je vous donne aujourd'hui ma revanche. Je vous charge d'offrir 50,000 fusils à l'Empereur, qui m'a témoigné le désir d'avoir des armes françaises; il a aussi voulu m'envoyer des cadets pour apprendre le service de la marine; je leur procurerai tous les moyens de s'instruire», et lorsque je lui fis part du désir de Sa Majesté Impériale d'y joindre aussi des officiers du génie et de l'état-major, il me promit pour eux les mêmes facilités. Le comte Pierre de Tolstoï». (*Арх. мин. иностр. дѣлъ, въ С.-Петербургѣ.*)

215.

Нота Дарю, отправленная въ прусскую комиссію о заключеніи мира (*Friedenscommission*), которая засѣдала въ Берлинѣ, относится къ 19 октября; составленный имъ проектъ конвенціи — къ 23 октября. Впечатлѣніе, произведенное его требованіями на прусскій дворъ, находившійся въ Мемелѣ, было поразительное. «Боже! до чего мы дошли», писала королева Луиза барону Штейну 29 октября, «надъ нами произнесенъ теперь смертный приговоръ.» (Пертцъ, *Leben Stein's*, II, стр. 40). См. донесеніе комиссіи мира королю отъ 20 и 24 октября, и примѣчанія Штейна на эти донесенія отъ 30 октября и 3 ноября у Гасселя *Geschichte der preussischen Politik, I*, стр. 309—316.

216.

Послѣдовавшая затѣмъ переписка между австрійскимъ посломъ въ Лондонѣ княземъ Штарембергомъ и главнымъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ его британскаго величества, Каннингомъ, издана въ *Papers presented to Parliament in 1808*, стр. 13—29.

217.

Разговоръ гр. Толстого съ Шампаньи сообщается въ слѣдующей депешѣ, отправленной этимъ посломъ къ гр. Румянцову и помѣченной: Фонтенебло, 7 ноября. «Monsieur le comte, les effets du langage ferme que j'ai cru devoir tenir à l'Empereur des Français commencent déjà à se faire sentir. Je crois donc bien faire, non

seulement d'y persévérer, mais même de le renforcer, si les circonstances venaient à l'exiger. Si je n'obtiens pas d'autre résultat, au moins suis-je parvenu à mettre de la brouille dans le ménage. M. Jérôme avait la promesse positive de Berlin, avec une extension jusqu'à l'Oder, pour son Royaume de Westphalie. Au sortir de mon audience particulière, l'Empereur le fit venir et lui déclara tout net qu'il ne fallait pas y songer, mais, comme il lui arrive souvent de regimber, il osa insister et s'appuyer de la parole Impériale qu'on lui avait donnée. Il s'ensuivit entre les deux frères une scène des plus violentes, qui se termina par le renvoi de Jérôme, obligé de partir ce matin pour Cherbourg, sous prétexte d'une commission de la part de l'Empereur. C'est ainsi qu'on me l'a conté. Le soir, après un dîner chez M. de Champagny, celui-ci me fit entrer dans son cabinet et me communiqua qu'il avait ordre d'écrire à M. Daru, au sujet des forteresses prussiennes, et de lui enjoindre de se montrer moins sévère à l'égard des contributions arriérées et que même déjà il était question de faire retirer les troupes françaises des Etats Prussiens. Je lui en témoignai ma sensibilité et insistai de nouveau sur la nécessité de réaliser au plus tôt cette intention; je lui répondis que la réputation d'homme sage et conciliant qu'il s'était faite, et qui était même parvenue jusque chez nous, me garantissait son appui dans toute mesure tendant à maintenir la bonne harmonie entre les deux puissances, et en tête desquelles je plaçai l'évacuation de la Prusse. J'ajoutai: «Je ne suis pas Prussien, monsieur, on les aime chez nous encore moins que les Français; mais la Russie ne saurait avoir la moindre confiance dans votre gouvernement, tant que les conditions de la paix de Tilsit à l'égard de la Prusse ne seront point remplies». Le ministre des relations extérieures me communiqua ensuite un traité signé avec la Cour de Vienne et dont le comte de Metternich venait d'apporter les ratifications. Me réservant d'en parler avec détail, lorsque j'aurai obtenu la copie qui m'en a été promise, je ne citerai aujourd'hui que l'article qui accorde à nos troupes, stationnées dans le Royaume d'Italie, le passage par les Etats Autrichiens. Lorsque M. de Champagny m'en fit part, je lui observai que, rien ne s'opposant plus au départ de ces troupes, j'allais leur en donner l'ordre. Il me répondit que le ministre de la guerre avait été chargé de faire des dispositions à cet effet, et, en conséquence, je me hâtai de lui remettre les instructions pour les commandants de ces troupes. J'avoue que je ne suis point fâché de la promptitude avec laquelle cette affaire s'est terminée. Dès mon arrivée, j'ai insisté sur le départ de ces troupes, ainsi que des prisonniers, car j'avais lieu de craindre qu'on n'eût quelque velléité de les faire figurer dans les camps de Boulogne et de Saint-Omer. Cette mesure écartant l'objet qui offusquait l'Empereur Napoléon, il ne sera plus question de la démarche mentionnée dans ma dépêche № 8, à l'égard des émigrés français et piémontais. Parmi les communications agréables au gouvernement français apportées hier par le comte de Metternich, se trouve aussi celle des ordres donnés à l'envoyé d'Autriche à Londres de déclarer au cabinet de Saint-James que, s'il ne se décidait point à faire des ouvertures de paix à la France, l'Autriche le rappellerait, fermerait ses ports à l'Angleterre et lui déclarerait la guerre. Il m'engagea au nom de sa Cour d'écrire à M. d'Alopéus pour l'inviter d'appuyer cette démarche de l'envoyé d'Autriche. M. de Champagny termina cet entretien, en m'annonçant que l'Empereur avait ordonné d'envoyer trois frégates à la rencontre de notre escadre, pour lui porter ma dépêche, dans laquelle je communique mes appréhensions à l'amiral Séniavine et lui recommande de relâcher dans le port espagnol, portugais ou français, dont il se trouvera le plus rapproché. Il m'envoya ensuite une note, par laquelle il me fit part des dif-

ficultés que l'escadre avait rencontrées devant le port de Cadix de la part de la croisière anglaise et dont l'Empereur Napoléon m'avait déjà fait prévenir ce matin par le général Duroc. Le comte Pierre Tolstoï. (*Арх. мин. ин. дѣлъ, въ Спб.*).

218.

Оцѣнка Шампаньи мало согласуется со взглядами, высказываемыми гр. Толстымъ въ особомъ конфиденціальномъ письмѣ къ гр. Румянцову, помѣченномъ: Фонтенебло, 7 ноября. «Monsieur le comte, les appréhensions que j'eus l'honneur de vous témoigner, dès avant mon départ de Saint-Pétersbourg, sur l'insuffisance de mes capacités pour une place de cette haute importance, augmentent, à mesure que j'apprends davantage à connaître l'étendue de mes attributions et de ma responsabilité. Des négociations pour le rétablissement de la paix avec la Turquie vont s'ouvrir à Paris. L'Empereur Napoléon demande pour moi des pleins-pouvoirs beaucoup moins limités, afin de ne pas être continuellement exposé aux longueurs qu'entraîne la grande distance entre Paris et Saint-Pétersbourg. Je ne saurais me charger d'une œuvre si majeure; je suis décidé à ne point le faire; je n'ai jamais été négociateur et n'ai rien de ce qu'il faut pour une vocation aussi difficile. Déjà, à présent, je me trouve souvent très embarrassé, manquant de talents et de lumières pour lutter contre un ministère, composé de gens si habiles et si profondément versés dans les affaires; il est plus fort que moi de pouvoir me retenir et il est impossible que ma vivacité ne nuise pas à la longue aux affaires. D'ailleurs, ma manière de voir est toujours la même, les bontés de l'Empereur Napoléon n'ont pu la varier. Ainsi, les intérêts de notre Cour, les sentiments personnels que j'ai eu le bonheur de vous inspirer, enfin, la parole que vous m'avez donnée, tout, M. le comte, doit vous porter à appuyer de la manière la plus forte la demande que j'ose mettre aux pieds de Sa Majesté Impériale. Je suis fermement résolu à ne point rester ici, je me rendrai plutôt malade; j'attends donc de votre amitié de m'éviter ce désagrément, qui ne manquerait pas de faire un mauvais effet et auquel, cependant, je ne craindrais pas de m'exposer, si on n'avait point égard à ma demande. J'ai fait sentir ici que je n'y étais venu que pour entretenir la bonne harmonie entre les deux Cours, et de soigner tout ce qui pouvait avoir rapport à ce but intéressant; mais que je n'étais nullement autorisé à entrer dans de grandes négociations, comme celle relative aux affaires de la Turquie. Vous aurez donc un prétexte plausible d'envoyer ici un autre plénipotentiaire, avec des pleins-pouvoirs tels qu'on les demande, de n'envisager ma mission que comme une ambassade extraordinaire. De plus, lorsque l'Empereur Napoléon s'informa, si j'avais été remplacé dans le poste de gouverneur militaire, et dans mes autres emplois, je lui répondis qu'il n'avait été que provisoirement conféré au ministre de la guerre, ce qui présente un second moyen d'arranger l'affaire de mon rappel. J'ose seulement demander à votre excellence de faire en sorte que le général Savary ne puisse jamais soupçonner ce désir si prononcé de ma part, car l'on pourrait croire à cette Cour de m'avoir mécontenté et il s'en faut de beaucoup que ce soit le cas, car jamais aucun membre du corps diplomatique n'a, par l'Empereur Napoléon, été traité comme moi. Je dois encore vous avouer, M. le comte, que j'ai été un peu surpris, lorsque le ministre des relations extérieures et ensuite l'Empereur Napoléon lui-même me communiquèrent les ouvertures que votre excellence doit avoir faites au général Savary relativement à la Moldavie et à la Valachie et qui ne sauraient cadrer avec la teneur de mes instructions, me prescrivant d'énoncer ce désir de notre Cour, comme une idée venant uniquement de moi. Mes dépêches

exposent les motifs qui m'ont déterminé à me refuser à toute cession de cette nature. Il me semble qu'il serait plus conforme à nos intérêts de commencer par obtenir l'exécution de la paix de Tilsit et de terminer les affaires de la Prusse, afin d'arrêter à temps la gangrène de ce côté-là. Les vues de Bonaparte à notre égard sont évidentes, il les a souvent annoncées dans ses publications politiques et jusqu'à cette heure, rien ne nous prouve encore qu'il ait cessé d'être conséquent dans ses plans. Il veut faire de nous une puissance asiatique, nous refouler dans nos anciennes frontières, et porter ainsi sa domination jusque dans le cœur de nos provinces. Par les agrandissements qu'il nous offre contre Constantinople et sur lesquels il élude de s'expliquer, j'ai lieu de supposer qu'il entend nos provinces polonaises. Il cherche à en éloigner nos troupes pour y avoir beau jeu, en nous proposant d'en jeter une partie contre la Suède, d'employer l'autre à des expéditions lointaines, en Perse et dans les Indes Orientales. Le congé qu'il prit du prince Poniatowski n'indique que trop ses projets sur la Pologne. Il lui dit en quittant Varsovie: «Adieu, mon prince, vous avez de l'énergie, vous avez 30,000 hommes; organisez-les, doublez-en le nombre, et ce qui n'a pas pu se faire à présent pourra l'être dans deux ans». Enfin, il est impossible de prévoir où son imagination volcanique l'entraînera, et je crois qu'en développant à mon retour à Saint-Pétersbourg, mieux que je ne saurais le faire par écrit, toutes les notions que j'ai été à même de recueillir sur les projets ultérieurs de ce gouvernement, et les lumières, puisées dans les intéressants entretiens que j'ai eus avec l'Empereur Napoléon, je ne serai point inutile à ma Cour. Comte Pierre de Tolstoï. P.-S. — L'on vient de m'assurer que le départ de l'Empereur pour l'Italie était prochain.—(*Арх. мин. ин. дѣл, въ Спб.*).

219.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ III приписалъ такое рѣшеніе Наполеона настоянiямъ гр. Петра Александровича Толстого, какъ это явствуетъ изъ благодарственнаго письма, отправленнаго къ нему королемъ изъ Мемеля отъ 28 ноября 1807 года: «Monsieur l'ambassadeur comte de Tolstoï, je n'attendais pas moins de l'intervention de mon ancien allié et des excellentes dispositions que vous m'avez témoignées en nous quittant à Mémel. Vos premières démarches ont été marquées par un succès, car c'est à elles que je rapporte l'exception favorable qui a été accordée aux forteresses de Colberg et de Graudenz. Cependant, on insiste encore sur les trois autres que votre Cour ne saurait voir avec indifférence en des mains étrangères; on exige toujours le payement de toute la masse des contributions, dans le terme rigoureux d'une année, et on ne veut pas se relâcher non plus sur la cession des domaines. Les conditions continuent donc à être accablantes au possible. Je n'en fais pas moins ce qui est faisable au monde, pour terminer les négociations et, dans cette vue, j'adresse à ma commission de Berlin de nouvelles instructions qui ne devraient plus rien laisser à désirer au Sieur Daru. Le Sieur de Brockhausen s'empressera de les communiquer et je me flatte que vous voudrez bien appuyer nos propositions, avec l'intérêt et le zèle dont votre Auguste Maître ne cesse de me donner des preuves touchantes. Ne vous lassez pas de prendre mes affaires à cœur et d'assister de vos conseils et de vos bons offices mon ministre à Paris. Il agira de concert avec vous partout, où vous le jugerez à propos, et je vous recommande aussi le prince Guillaume, mon frère, lorsqu'il viendra s'acquitter auprès de l'Empereur Napoléon des commissions que je lui ai confiées. En écrivant aujourd'hui à S. M. l'Empereur de

Russie, j'ai eu soin de faire valoir les services que vous m'avez déjà rendus. J'apprécierai ceux que vous me rendrez encore et je vous en conserverai la plus sincère reconnaissance. FRÉDÉRIC-GUILLAUME». (*Арх. мин. ин. дѣлъ, въ С.-Петербургѣ*).

220.

Повелѣніе Наполеона маршалу Сульту объ очищеніи праваго берега Вислы относится къ 7 ноября (*Correspondance*, XVI, 13336).

221.

На сообщеніе гр. П. А. Толстого М. М. Алопеусъ отвѣчалъ двумя слѣдующими письмами: 1) «Londres, 5 janvier 1808. Monsieur le comte, heureusement je me suis trouvé encore dans le cas de recevoir à Londres les dépêches importantes que votre excellence m'a fait l'honneur de m'adresser, en date des 23 et 26 décembre. Indépendamment de l'intérêt qu'elles excitent sous le rapport du bien général et du besoin de la paix, si impérieusement senti par toute l'Europe, elles m'en ont inspiré à moi personnellement un tout particulier, par le ton de franchise et de confiance qui les caractérise. Cette marche est assurément, la seule qui peut conduire au but désiré, si tant est qu'on puisse l'atteindre. Je ne vous cache point, M. l'ambassadeur, que, sous ce rapport, mes regrets sont redoublés de voir mon activité paralysée au moment où j'entretenais le consolant espoir d'être de quelque utilité. A l'entrée des dépêches de votre excellence mes fonctions publiques ayant déjà cessé, je ne pouvais plus paraître au bureau des affaires étrangères, où, suivant l'usage d'ici, les conférences se tiennent avec le secrétaire d'État. Mais ce ministre, par une suite de la confiance qu'il m'a constamment témoignée, m'a permis d'aller le voir dans son hôtel, toutes les fois que j'aurais besoin de lui parler; je m'en suis prévalu pour demander un entretien avec lui. C'est à l'occasion de cette entrevue que j'ai fait valoir les raisons concluantes et parfaitement motivées que votre excellence m'a fournies, pour établir la nécessité de procéder à la nomination de plénipotentiaires. Le jour même de l'arrivée du comte de Mier, je le vis pour la première et hier pour la seconde fois. Il a discuté beaucoup la question, si effectivement l'Empereur des Français veut sincèrement la paix? Ayant cru devoir soutenir l'affirmative et étayant ma thèse par toutes les raisons qui pouvaient être citées à son appui, il parut vouloir admettre mon opinion, avec la restriction que ce serait une paix telle que la dicterait Napoléon. «Or», dit-il, «il est évident qu'à une telle paix l'Angleterre ne pourra jamais prêter les mains». Il eût été inutile de le lui contester. Je m'appliquai donc simplement à relever l'avantage que tirerait le cabinet de Saint-James de la preuve irréfragable de son désir sincère de mettre un terme aux calamités sans nombre qui affligent le monde entier, en nommant des plénipotentiaires et en les faisant passer sur le continent. Je lui observai que, pendant le cours de la négociation, peut-être même avant son ouverture, des évènements qu'il n'est point donné à la sagacité humaine de prévoir pourraient amener des chances favorables, propres à influer sur les déterminations du cabinet des Tuileries; qu'à tout évènement, l'Angleterre, par la nomination de plénipotentiaires, ne se trouvait engagée à rien et restait la maîtresse de soutenir la lutte funeste à toutes les nations, tant qu'elle croirait y trouver son avantage. M. Canning, hésitant à s'expliquer, me parut toutefois pencher davantage pour la nomination de plénipotentiaires qu'à notre première entrevue. Sur ma demande, quand il croyait pouvoir faire sa réponse à la note de M. le prince de Stahremberg jointe

ci en copie, il me répondit que ce serait après-demain jeudi ou bien vendredi. — Alopéus.» — 2) «Londres, 10 janvier 1808. Monsieur le comte, ayant l'honneur de transmettre ci-joint en copie la réponse du ministère britannique à la note du prince de Stahremberg, je ne l'accompagnerai d'aucune réflexion. Elles se présentent en foule à tout lecteur impartial et ne peuvent qu'être très douloureuses, lorsqu'on jette un regard dans l'avenir. Dès l'instant que j'appris à connaître cette réponse, j'ai envoyé chez M. Canning pour demander à le voir, mais il était déjà parti pour la campagne, d'où il ne reviendra que mercredi prochain. La défiance qu'on a ici du gouvernement français étant extrême, le cabinet de Saint-James ne se déterminera à entamer des négociations qu'à bonnes enseignes. Il craint une paix, qui commencerait par enlever à l'Angleterre les avantages où elle se trouve placée par ses immenses forces navales, sans lui présenter des sûretés suffisantes pour l'avenir. L'état de ses finances est florissant, comparativement à ce qu'il a été. Il est vrai que les villes opulentes jadis, par leurs fabriques et manufactures, sont déchues de leur grande prospérité, mais, en revanche, Londres et toutes les villes de commerce regorgent encore d'argent. A l'ouverture du Parlement on apprendra à connaître le budget, que j'espère de faire passer à votre excellence, dès que j'aurai traversé la Manche. Selon toutes les apparences, il nous fera connaître les grandes ressources pécuniaires que la nation mettra à la disposition du gouvernement. J'ose prier votre excellence de faire donner cours à mes paquets à l'adresse de son excellence M. le comte de Roumiantzof, mais pas autrement que lorsqu'une occasion extraordinaire se présentera. Alopéus. — P.-S. — J'ajoute encore ce mot pour rendre le témoignage dû à la confiance illimitée que m'a marquée M. le prince de Stahremberg en cette occasion-ci, comme en toute autre. Puisse ne point échouer le projet que lui a suggéré son zèle extrême de rapprocher les parties belligérantes, malgré toute l'opiniâtreté que nous avons rencontrée. (*Арх. мин. ин. дѣлъ, въ С.-Петербургѣ*).

222.

Наполеонъ повелѣлъ своему послу въ Вѣнѣ генералу Андреосси потребовать чрезъ русскаго посла кн. Куракина свободнаго пропуска русскихъ войскъ черезъ Австрійскія владѣнія (Письмо Шампаньи изъ Милана отъ 23 декабря 1807 года (*Correspondance*, XVI, 13410). За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Наполеонъ порицалъ Андреосси за то, что тотъ разговаривалъ съ русскимъ посломъ о турецкихъ дѣлахъ, а въ особенности о предстоящей участи Константинополя. Наполеонъ замѣтилъ ему по этому поводу: «Ces conversations — dont on rend compte à sa Cour, ne peuvent que produire de la méfiance et servir d'acheminement à de grands résultats». (Письмо къ Шампаньи, 17 декабря 1807 года. *Тамъ-же*, XVI, 13394).

223.

Шампаньи потребовалъ отзыва прусскаго министра изъ Лондона нотой отъ 6 ноября. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III подчинился этому требованію. См. повелѣніе, отправленное имъ къ Якоби-Клейсту объ оставленіи Англіи и помѣченное: Мемель, 29 ноября 1807 года, у Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 353.

224.

Эскадра вице-адмирала Сенявина дѣйствительно вступила въ устье Тахо 28 ноября; два дня спустя французская армія подъ начальствованіемъ генерала Жюно заняла Лиссабонъ.

225.

Отвѣтное письмо Наполеона королю Испаніи относится къ 13 ноября 1807 г. Оно было доставлено въ Мадридъ камергеромъ французскаго императора Турномъ (*Correspondance*, XVI, 13354 и 13355).

226.

За восемь дней передъ своимъ отъѣздомъ въ Италію Наполеонъ имѣлъ вторую политическую бесѣду съ гр. П. А. Толстымъ, о которой послѣдній даетъ слѣдующій отчетъ Румянцову въ своей депешѣ отъ 9 ноября: «Monsieur le comte, ce matin je me rendis pour la première fois au lever de l'Empereur. Après qu'il eut fait la tournée des personnes qui s'y trouvaient, je fus appelé dans son cabinet. Il me prévint d'abord qu'il avait envoyé hier un courrier à Saint-Pétersbourg, que Caulaincourt partirait dans quatre jours et que ses instructions ne portaient que sur les communications qu'il m'avait faites. Je répondis que j'allais également demander des passeports pour expédier un courrier, afin de rendre compte des bontés infinies et de la confiance qu'il me témoignait. Après ce début il revint sur le chapitre de notre commerce, il déplora le tort qu'il éprouverait. Pour le relever et pour faire hausser le change, il proposa d'acheter chez nous des approvisionnements de marine pour la somme de 20,000,000, argent comptant, ce qui ferait rentrer des fonds en Russie et lui procurerait des denrées à bon compte. Mais la guerre avec l'Angleterre s'opposant à ce qu'il fasse actuellement venir ces objets en France, il les laisserait dans nos ports, à condition, cependant, que la propriété lui en soit garantie, dans tous les temps et dans toutes les circonstances. Il voudrait aussi faire construire quelques vaisseaux sur nos chantiers et me chargea de connaître sur tous ces objets les intentions de S. M. l'Empereur. Puis il me parla avec abandon de l'Angleterre et de la difficulté d'en venir à bout, car il prétend, non sans raison, que si maintenant elle consentait même à la paix, elle referait la guerre dans deux ans. Il paraissait très satisfait que l'Autriche se fût prêtée avec tant de grâce à la démarche qu'il lui avait demandé de faire vis-à-vis du gouvernement britannique, et dit qu'en revanche, il allait faire restituer Braunau. Il semblait même se flatter que cette démarche aurait quelque succès et fondait cet espoir sur des lettres d'Angleterre qu'il a fait intercepter, et qui, comme il le prétend, annoncent dans la nation anglaise un désir bien marqué de la paix et expriment qu'il serait difficile qu'elle pût soutenir longtemps l'état auquel elle se trouve actuellement réduite. Il regarde dorénavant toute guerre avec la Russie comme impossible. Je saisis cette occasion pour lui rappeler encore le traité de Tilsit; je l'invitai d'écarter tout ce qui pût troubler la bonne harmonie entre les deux gouvernements et lui dis qu'il avait déjà recueilli la gloire militaire de tous les siècles, qu'il ne lui manquait que celle de rendre le continent heureux et tranquille. Il avait reçu des nouvelles de Constantinople, où il prétend qu'on se plaint de ce que nos troupes n'avaient pas encore évacué la Moldavie et la Valachie, et

me confia, sous le sceau du secret, que les dernières dépêches de Madrid annoncent la découverte d'une conspiration contre les jours du Roi, dans laquelle est impliqué le Prince des Asturies, qui, en conséquence, a été arrêté et traduit devant les tribunaux. — Comte Pierre de Tolstoï, (*Арх. мин. ин. дѣлъ, въ С.-Петербургѣ*).

227.

Послѣдствія испанскаго похода послужили блестящимъ опроверженіемъ подобныхъ заявленій, высказывавшихся Шампаньи. См. по этому поводу главу: *Affaires d'Espagne* 1807, въ *Mémoires* Таллейрана, герцога Беневентскаго, т. I, стр. 32 3—391.

228.

№№ 67—69 были отправлены въ Парижъ русскимъ курьеромъ, который кромѣ депешъ послу гр. Толстому доставилъ также письмо Императора Александра Наполеону отъ 15 ноября, напечатанное въ трудѣ С. С. Татищева: *Alexandre I et Napoléon*, стр. 232.

229.

Эти два письма, отправленныя Императрицей Елизаветой Алексѣевной къ наслѣднымъ принцу и принцессѣ Баденскимъ, не были найдены во французскихъ архивахъ, также какъ черновые ихъ списки не найдены въ русскомъ архивѣ.

230.

Изъ всѣхъ непосредственныхъ донесеній генерала Савари Наполеону лишь донесеніе отъ 18 ноября не находится въ національномъ архивѣ Парижа. Оригиналъ исчезъ въ 1815 году одновременно съ письмами Александра I къ Наполеону, но этотъ документъ былъ напечатанъ въ VII, т. е. послѣднемъ, томѣ (стр. 364 и слѣд.) *Correspondance inédite de Napoléon* (Paris, Panckouke éditeur, 7 vol. 1830).

231.

Письмо короля шведскаго Густава IV Адольфа помѣчено: Гельсингборгъ, 30 октября 1807 года. Въ немъ заключается отказъ на требованія, содержащіяся въ письмѣ Императора Александра отъ 9 октября того же года.

232.

Корпусъ войскъ, предназначенныхъ для вступленія въ Финляндію, состоялъ изъ трехъ дивизій: 5-й генерала Тучкова, 17-й гр. Каменскаго и 31-й кн. Багратіона (Михайловскій-Данилевскій, *Описаніе Финляндской войны 1808—1809 г.* стр. 8).

233.

Относительно миссіи въ Парижѣ брата прусскаго короля принца Вильгельма см. Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 38 и слѣд. Инструкціи этому принцу и его переписка съ королемъ напечатана въ *томъ же* изданіи, стр. 423—494.

234.

Маіоръ Шелеръ упоминаетъ въ своемъ донесеніи королю прусскому отъ 14 ноября (Гассель. *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 390—393) о такомъ же предположеніи Императора Александра; а въ донесеніи отъ 23 ноября (*тамъ же*, стр. 393) онъ увѣряетъ, что генералъ Савари также присоединился къ мнѣнію своего августѣйшаго собесѣдника. См. у Гасселя, *тамъ же*, стр. 367, письмо Александра I Фридриху-Вильгельму III отъ 14 ноября.

235.

Это письмо было написано Шампаньи на основаніи повелѣнія самого Наполеона, которое было помѣчено: Миланъ, 23 ноября (*Correspondance*, XVI, 13365).

236.

Димитрій Александровичъ Гурьевъ, род. въ 1751 году, впослѣдствіи графъ и министръ финансовъ. Его дочь вышла въ 1811 году замужъ за графа Нессельроде, бывшаго тогда статсъ-секретаремъ, а впослѣдствіи министромъ иностранныхъ дѣлъ, вице-канцлеромъ и наконецъ канцлеромъ Имперіи.

237.

Нѣсколько дней спустя, уступая желанію, высказанному маіоромъ Шелеромъ, Императоръ Александръ включилъ фразу о заступничествѣ за короля прусскаго въ одно изъ писемъ къ Наполеону. (С. С. Татищевъ, *Alexandre I et Napoléon*, стр. 249). Письмо это помѣчено тамъ 27 декабря, но это ошибка: оно было написано 9 декабря (27 ноября стараго стиля) и отправлено въ Парижъ съ флигель-адъютантомъ Императора Александра С. Н. Маринымъ. См. также донесеніе Шелера прусскому королю отъ 13 декабря у Гасселя *Geschichte der preussischen Politik*, I, стр. 395.

238.

Нешифрованная депеша сопровождалась слѣдующимъ конфиденціальнымъ письмомъ гр. Румянцова къ гр. П. А. Толстому; оно послано изъ С.-Петербурга, 10 декабря 1807 года: «Monsieur le comte, je suis très charmé d'avoir à commencer cette lettre par une confidence, qui est que l'Empereur a fort approuvé tout ce que vous avez fait et dit, M. le comte, comme son ambassadeur; vous avez en effet très bien débuté, mais je dois vous dire, avec cette confiance que vous avez droit d'attendre de moi, que Sa Majesté désapprouve le désir que vous Lui avez manifesté de revenir, et puisque vous avez bien voulu, en partant d'ici, me permettre de vous parler toujours avec vérité, et usant des droits d'un bon parent, écarter cette réserve cérémonieuse qui de droit s'applique à un ambassadeur, je ne vous dissimulerai pas qu'il me paraît tout à fait inconvenable que vous nous reveniez si vite. Je me rappelle vous avoir promis d'assister la démarche que vous feriez pour solliciter votre rappel, mais vous m'aviez promis aussi, à votre tour, que vous ne le demanderiez pas tout en arrivant. Voici, M. l'ambassadeur, votre horoscope: vous signerez la paix, vous obtiendrez de justes récompenses et puis vous nous reviendrez. L'Empe-

reur vous envoie par ce courrier les pleins-pouvoirs dont vous avez besoin pour traiter de la paix. Sa Majesté, après les directions qu'Elle vous donne, par la voie des dépêches que je vous adresse, vous donne plein-pouvoir de dresser le projet de l'acte du traité de paix sur ce pied, mais ne le signez pas que Sa Majesté ne l'ait lu, et ne lui ait donné son approuvé. Je mettrai sous le pli de cette lettre particulière une dépêche très secrète et confidentielle que je vous écris, M. l'ambassadeur, par ordre de l'Empereur; vous verrez qu'elle peut de beaucoup alléger la difficulté; mais cependant n'usez de ce remède qu'à la dernière extrémité et que personne de ceux qui appartiennent à la mission ou vous entourent n'aient conscience de cette dépêche et n'en pénètrent même ou n'en devinent le contenu. Je suis convaincu que la paix peut se faire cet hiver. Convenez, quel plaisir vous aurez tout le reste de votre vie, quel éclat vous laisserez à votre nom, à vos enfants, si par le sacrifice de vos répugnances à servir dans la carrière diplomatique, et si par un sacrifice, dis-je, de quelques mois, vous parvenez à rendre un service si essentiel à votre patrie. Je vous parle avec franchise, M. le comte, peu de personnes ont eu dans le cours de la vie des chances aussi avantageuses que celles que nous vous présentons. Ajoutez à cela l'accueil que vous venez de recevoir à Paris et dites-moi de quoi vous plaignez-vous? De ce que la mariée est trop belle, comme disent les Français en pareille occasion. Je suis convaincu que la franchise naturelle de votre caractère vous obtiendra la confiance de l'Empereur Napoléon, quoiqu'elle peut le contrarier et lui déplaire quelquefois, mais à la longue c'est elle qui sera votre succès et vous assurera auprès de ce prince un moyen bien plus facile de parler d'affaires et de les discuter que ne pourrait faire toute la science et l'habileté du plus consommé des diplomates. Si pour dresser le projet de la pacification l'on vous demande, M. l'ambassadeur, où nous en sommes relativement aux Turcs du côté de la Géorgie, vous pouvez répondre que cette Géorgie, précédemment réputée turque et qui n'en dépendait pas trop, a reconnu, dans le cours de cette guerre, la souveraineté de l'Empereur, mais que, sur la lisière de la mer Noire et bordant cette Géorgie, les Turcs avaient des espèces de petits forts qui maintenant leur deviennent inutiles et que nous ne pouvons plus souffrir entre leurs mains; il faut qu'ils les évacuent et que nous leur y succédions. Ces forts, dont la garnison était nulle, sont tous nommés dans vos instructions. Anapa seule était une ville, mais nous l'avons conquise et nous en avons rasé les fortifications; quant au règlement des limites du côté de la terre ferme, on pourrait charger le comte de Goudovitch de les régler avec le général turc qui de ce côté commande les troupes ottomanes. Si vous pensiez qu'il y aurait difficulté à obtenir tout le montant des prétentions du négociant Joudine, vous pourriez en ce cas la modifier à ce qu'elle était à l'origine, mais il est avantageux de la mettre en avant et de soutenir en la prétention de M. Joudine l'accomplissement d'un article si positif du traité de Yassy. Veuillez, M. l'ambassadeur, excuser l'incorrection de cette lettre, elle est écrite trop à la hâte pour pouvoir être faite mieux qu'elle ne l'est. Le temps presse, le courrier va partir et d'ailleurs, elle n'est que pour vous, et je sais que votre excellence est indulgente à mon égard. Si l'Empereur Napoléon avait le projet: de porter ses troupes de concert avec le Danemark en Scanie, pour l'ôter au Roi de Suède et s'emparer de Helsingborg, qui de ce côté domine l'entrée du Sund, ne l'en empêchez pas, M. l'ambassadeur, car cette vue nous serait avantageuse et donnerait un moyen sûr et prompt de fermer l'entrée du Sund à la flotte anglaise. C'est assez vous entretenir d'affaires; permettez que je change de conversation pour vous dire que j'ai l'honneur de vous envoyer une lettre de monsieur votre frère; elle m'a été

confiée depuis quelques jours et ne contient sûrement pas la retraite du ministère du comte de Kotchoubey. Sa Majesté a nommé à sa place le prince Alexis Kourakine. L'Empereur vient d'écarter de son service le prince de Volkonsky, qui avait l'intendance de l'armée, et le général d'Obreskof, qui était un de ses aides. L'Impératrice-Mère a donné un très beau bal, auquel elle a admis le corps diplomatique et le général Savary, et les officiers français, qui avaient été invités au bal de l'Empereur. Le comte Nicolas de Roumiantzof. — P.-S. Il se peut, M. l'ambassadeur, que l'accueil honorable que l'on vous fait à la Cour des Tuileries, va exiger de votre part une dépense qui la soutienne; confiez-moi sur cela tout ce que vous voudrez et laissez à ma circonspection le droit d'agir sans vous compromettre, ni blesser la délicatesse de votre caractère et abandonnez à mon zèle le soin de vous servir. L'Empereur ayant appris que le chargé des affaires de France avait loué la très jolie maison du comte de Kamensky pour un an, afin qu'elle puisse servir de pied-à-terre à l'ambassadeur de France, s'est chargé du contrat et l'offrira de sa part. On cherche à acheter quelque bel hôtel qui sera donné à l'ambassadeur français, sur le même pied sur lequel il vous en a été donné un à Paris». (*Арх. мин. ин дѣл., въ С.-Петербургѣ*).

239.

Наполеонъ повелѣлъ обнародовать декларацію Россіи противъ Англіи въ газетѣ *Moniteur*. Она появилась въ № отъ 24 декабря 1807 года (письмо Маре отъ 17 декабря, *Correspondance* XVI, 13390). Въ тотъ-же день былъ обнародованъ и Миланскій декретъ, объявлявшій великобританскіе острова въ положеніи блокады какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. (*Тамъ-же*, XVI, 13391). Наполеонъ поручилъ Шампаньи сообщить объ этомъ декретѣ дворамъ голландскому, испанскому и датскому, приглашая ихъ «сообразоваться» съ заключающимися въ немъ распоряженіями. (*Тамъ-же*, XVI, 13393).

240.

До конца 1807 года братья Наполеона, король неаполитанскій Іосифъ, король голландскій Людовикъ и король вестфальскій Жеромъ не имѣли прямыхъ сношеній съ русскимъ дворомъ. Генералъ-адъютантъ короля Іосифа Мари, отправленный изъ Венеціи съ депешами, адресованными къ Савари французскимъ императоромъ и Шампаньи (№№ 70, 74 и 75) доставилъ Императору Александру слѣдующее собственноручное письмо короля неаполитанскаго: «Venise, 7 décembre 1807. Monsieur mon frère, l'Empereur m'ayant fait connaître les bontés de Votre Majesté Impériale pour moi, j'ai pensé qu'Elle trouverait bon que je m'adressasse directement à Elle pour lui en demander la continuation et me rendre présent à Son souvenir. Si Votre Majesté Impériale agrée que j'accrédite auprès d'Elle, comme mon ministre, le Duc de Mondragone, je m'empresserai de le faire partir. Je désire en cela, comme en toute autre chose, ne rien faire qui ne soit parfaitement agréable à Votre Majesté Impériale. Sur ce, je prie Dieu, Monsieur mon frère, qu'il veuille avoir Votre Majesté Impériale en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté Impériale le bon frère Joseph». Отвѣтъ Императора Александра I: «Saint-Pétersbourg, 28 janvier 1808. Monsieur mon frère et cousin, le colonel Marie m'a remis la lettre de Votre Majesté en date de Venise du 7 décembre. Sensible aux sentiments d'amitié qu'Elle m'y témoigne, j'agrée avec grand plaisir le choix qu'Elle a fait du duc de Mondragone pour

être Son ministre auprès de moi. Je procèderai tout de suite à la nomination d'une personne qui ira résider auprès de Votre Majesté et il me sera bien agréable d'entretenir et de consolider les relations qui vont s'établir entre nous. Sur ce, je prie Dieu qu'il veuille avoir Votre Majesté, en sa sainte et digne garde. De Votre Majesté le bon frère et cousin Alexandre». А 10 декабря 1807 г. король голландскій Людовикъ отправилъ русскому Императору собственноручное письмо, извѣщавшее его о тѣхъ же планахъ. Отвѣтъ на него Императора Александра послѣдовалъ 30 января 1808 г. (*Арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ*).

241.

Коленкуръ прибылъ въ С.-Петербургъ 5 (17) декабря, а не «между 10 и 15 (нов. ст.)», какъ ошибочно сообщаетъ Савари въ своихъ Мемуарахъ.

242.

Въ мемуарахъ Савари мы читаемъ: «Je lui remis (à Caulaincourt) l'ouvrage que j'avais créé et passai près de lui tout le temps nécessaire pour lui donner les explications dont il avait besoin, après quoi je demandai une audience de congé. Celle que me donna l'Empereur fut presque amicale. Sa fête se célébrait le 25 décembre. (Savary entend, sans doute, l'anniversaire de la naissance d'Alexandre, le 24 de ce mois). Je voulus y assister et c'est en m'invitant à dîner pour le lendemain qu'il m'emmena dans son cabinet pour me fournir l'occasion de lui témoigner ma reconnaissance de tant de bontés. Il m'entretint assez longtemps des matières politiques que j'avais traitées avec lui et me dit encore un mot du regret qu'il voulait bien avoir de mon départ et enfin, en m'embrassant, il me donna congé. A tous ces bons procédés, il joignit des témoignages de sa générosité: outre les diamants d'usage, qui consistaient dans une tabatière de grand prix, il me fit remettre un collier d'améthystes, qui était le plus bel ouvrage qu'il y eût chez le joaillier de la couronne; il était accompagné de tous les accessoires de cette parure; il y ajouta deux fourrures, l'une de martre zibeline qui fit l'admiration des dames de Paris, et l'autre d'ourson noir, d'une égale rareté. Je partis de Russie comblé et de plus j'étais persuadé d'y avoir fait succéder une estime générale aux fâcheuses préventions que j'avais trouvé établies contre moi en y arrivant.» (*Mémoires du duc de Rovigo*, III, стр. 203 и 204). Собственноручное письмо, данное Императоромъ Александромъ Савари для передачи Наполеону помѣчено 25 декабря 1807 года; оно было напечатано С. С. Татищевымъ *Alexandre I et Napoléon*, стр. 250.

243.

Удивительно, что ни въ этомъ спискѣ и ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ донесеній Савари не находится имени гр. Алексѣя Андреевича Аракчеева, который былъ уже въ 1807 году генералъ-инспекторомъ всей пѣхотной артиллеріи и сталъ въ эту эпоху другомъ и самымъ довѣреннымъ лицомъ Императора Александра I.

244.

Савари прибылъ въ Парижъ 16 января, т. е. черезъ 15 дней по возвращеніи Наполеона изъ поѣздки въ Италію. Онъ пишетъ въ своихъ Мемуарахъ: «J'eus le

plaisir de m'entendre donner des marques de satisfaction par l'Empereur; j'y attachai d'autant plus de prix que ce n'était pas trop son habitude, sans que pour cela il en estimât moins. Pendant plusieurs jours il me questionna sur tout ce que j'avais remarqué en Russie et me demandait souvent, si j'étais parti convaincu qu'il pouvait faire quelque chose de solide dans ce pays-là. Je répondis affirmativement, car c'était mon opinion, et j'ai souvent regretté d'avoir vu gâter des affaires qu'il était possible de tenir toujours en bon train. Il n'y avait sorte de choses que l'Empereur n'eût préféré à l'idée d'aller recommencer la guerre au delà de la Vistule; il avait soigné cette ambassade de Russie de tout ce qui pouvait contribuer au succès qu'il en attendait; rien n'avait été épargné en dépense ni en détails de tout genre de tout ce qui compose la représentation. Tout cela avait été porté jusqu'à la somptuosité. L'on verra par la suite de ces Mémoires comment la confiance que l'Empereur avait placée dans cette alliance a été, petit à petit, altérée, au point d'avoir été suivie de la catastrophe qui a englouti l'espérance et l'avenir de tant de familles, dignes de l'estime publique». (*Mémoires du duc de Rovigo*, III, стр. 206 и 207). Свидѣтельство это подтверждается заявленіями самого Наполеона, писавшаго Императору Александру отъ 2 февраля 1808 года: «Monsieur mon frère, le général Savary vient d'arriver. J'ai passé des heures entières avec lui pour m'entretenir de Votre Majesté. Tout ce qu'il m'a dit m'a été au cœur et je ne veux pas perdre un moment pour La remercier de toutes les bontés qu'Elle a eues pour lui et pour mon ambassadeur.» (*Correspondance*, XVI, стр. 587, изд. in-4°).

245.

Пулавскій дворецъ служилъ мѣстопребываніемъ для родителей кн. Адама Чарторыйскаго, а именно для его матери кн. Изабеллы, которой Савари даетъ названіе Сивиллы.

246.

Это письмо Савари къ гр. Румянцову не находится въ Арх. мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ИМЕНА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I И НАПОЛЕОНА, ТАКЖЕ КАКЪ И САВАРИ, ПОВТОРЯЮТСЯ НА КАЖДОЙ СТРАНИЦѢ, А ПОТОМУ НЕ ПОМѢЩЕНЫ ВЪ УКАЗАТЕЛѢ.

Цифры, напечатанныя курсивомъ, соотвѣтствуютъ особой пагинаціи примѣчаній.

Австрійскій императоръ см. Францъ I.

Адеръ, Робертъ, англійскій посланникъ въ Вѣнѣ, 139, 208, 224.

Александра Павловна, великая княгиня, сестра Имп. Александра I, супруга эрцгерцога австрійскаго Іосифа, венгерскаго палатина, *11*.

Алопеусъ, Давыдъ Максимовичъ, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, 59, 125, 153, 191; *33*.

Алопеусъ, Максимъ Максимовичъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, по особой миссіи въ Лондонѣ, 29, 63, 65, 92, 99, 113, 137, 148, 171, 177, 184, 191, 204, 214; *2*, *8*, *9*, *14*, *20*, *28*, *32*, *37*, *43*, *46*, *47*.

Амвросій, преосвященный, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, 84.

Англійскій король см. Георгъ III.

Ангулемская герцогиня, Марія-Тереза-Шарлотта Бурбонъ, 81.

Ангулемскій герцогъ, Луи-Антуанъ Бурбонъ, 81.

Андреевъ, Николай Николаевичъ, гардемаринъ русскаго флота, *28*.

Андреосси, гр. Андре-Франсуа, французскій посолъ въ Вѣнѣ, 70, 183, 295; *22*, *41*, *47*.

Андріе, Филисъ, французская оперная артистка, 47; *18*.

Анна Ѳеодоровна, великая княгиня, рожд. принцесса Саксенъ-Кобургская, супруга Наслѣдника-Цесаревича Константина Павловича, *26*.

Анна Павловна, великая княжна, сестра Имп. Александра I, 16, 20, 255, 257; *6*.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андреевичъ, пѣхотной артиллеріи генералъ-инспекторъ, впосл. министръ военныхъ сухопутныхъ силъ, *12*, *53*.

Астурійскій принцъ, Фердинандъ, 217, 218; *49*.

Аугустенбургскій герцогъ, 51.
Авиновъ, Александръ Павловичъ, гардемаринъ, волонтеръ, *28*.

Багратіонъ, кн. Петръ Ивановичъ, ген.-отъ-инфантеріи, 10, 35, 42; *4*, *49*.
Баденская принцесса, Екатерина-Амалія-Христина, сестра Имп. Елизаветы Алексѣевны, 11, 20, 39, 40, 147, 256; *5*, *22*, *32*.
Баденская наслѣдная принцесса, Стефанія-Луиза-Адріенна пріемная дочь Наполеона, рожд. Богарне, 25, 43, 80, 81, 140, 173; *11*, *30*, *49*.
Баденскій наслѣдный принцъ, Карлъ-Людвигъ-Фридрихъ, 24, 25, 40, 43, 81, 140; *11*, *30*, *49*.
Бантышъ-Каменскій, Димитрій Николаевичъ, т. с., истор. писатель, *1*.
Баратынскій, Илья Андреевичъ, командоръ, 99, 103—106.
Баталь, адъютантъ вице-короля Италіи, 105.
Башмаковъ, Михаилъ Ивановичъ, мичманъ, волонтеръ. *28*.
Бейрскій принцъ, 163.
Бенаки, Либеранъ Панаіотовичъ, русскій консулъ въ Корфу, 111.
Беневентскій принцъ, см. Таллейранъ.
Беннигсенъ, баронъ Леонтій Леонтьевичъ, генералъ отъ кавалеріи, 61, 155; *20*, *31*.
Бергская великая герцогиня см. Мюратъ, Каролина.
Бергскій великій герцогъ см. Мюратъ, Іоакимъ.
Бернсторфъ, гр. Іоакимъ, датскій государственный дѣятель, 51, 52, 54, 55; *18*.
Бернсторфъ, гр. Христіанъ-Гюнтеръ, датскій государственный дѣятель, 132; *18*.
Бертеми, ординарецъ Наполеона, 81, 90, 93, 113, 204; *23*.
Бертранъ, Петръ, историческій писатель, *5*.
Бертье, Александръ, принцъ нефшательскій, маршалъ Франціи, вице-коннетабль имперіи, 25, 103, 138, 286; *25*.
Бертье, Цезарь, французскій ген.-губернаторъ Корфу, 108—111, 183, 284.
Бломъ, гр., датскій посланникъ въ Спб., 7, 36, 60, 80, 125, 131—133, 142, 143, 147, 249; *29*, *38*.
Блюменталь, фельдъегерь русскій, *14*.
Богарне, виконтъ, французскій посолъ въ Мадридѣ, 217.
Богарне, Евгеній, см. Евгеній.
Боссе, баронъ, посланникъ мекленбургъ-шверинскій въ Парижѣ, 7, 8.
Бозси, Этьенъ-де-ла-, *13*.
Брауншвейгъ - Вольфенбюттельскій герцогъ, 279.
Бремеръ, Фридрихъ - Францъ, посланникъ ганноверскій въ Спб., 7, 36. 41.
Брокгаузенъ, баронъ Карлъ Дитрихъ, посланникъ прусскій въ Парижѣ, 112, 167, 215; *27*, *35*, *45*.
Брюнъ, Гильомъ-Марія-Анна, маршалъ Франціи, *22*.
Будбергъ, баронъ Андрей Яковлевичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, 25, 33, 34, 38, 42, 47, 48, 50, 52—54, 59, 60, 264, 283; *2*, *4*, *6*, *9*, *11*, *19*, *21*.
Будбергъ, баронъ Андрей Ѳедоровичъ, русскій посолъ въ Парижѣ въ царствованіе Имп. Александра II, *11*.

Буксгевденъ, гр. Федоръ Федоровичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, *20*.

Бутягинъ, Петръ Сергѣевичъ, секретарь русскаго посольства въ Парижѣ, 82; *24*.

Бьернстьерна, графъ, шведскій генералъ, *16*.

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн. Александръ Михайловичъ, русскій дипломатъ, 81, 259; *24*.

Бэръ, Адольфъ, австрійскій историкъ, *4*, *9*, *16*, *25*.

Бюлеръ, баронъ Андрей Яковлевичъ, русскій дипломатъ, 156.

Васильевъ, гр. Алексѣй Ивановичъ, д. тайн. с. министръ финансовъ, 34, 59, 66; *15*, *19*, *21*.

Вестфальская королева, см. Екатерина.

Вестфальскій король, см. Жеромъ Бонапартъ.

Вигель, Филиппъ Филипповичъ, тайный совѣтникъ, авторъ «Записокъ», *18*.

Визирь великій, см. 94, 96, 285, 286; *4*.

Вильгельмина, королева шведская, рожд. принцесса баденская, *22*.

Вильсонъ, Робертъ, англійскій полковникъ, 137, 174, 175, 178, 184—186; *31*, *32*, *36—38*.

Винцентъ, баронъ, австрійскій генералъ и дипломатъ, 36; *16*.

Волконскій, кн. Димитрій Петровичъ, управл. провіантскимъ департаментомъ и арміи, ген.-интендантъ, *52*.

Воронцовъ, гр. Александръ Романовичъ, быв. государствен. канцлеръ, *15*, *16*.

Воронцовъ, гр. Михаилъ Семеновичъ, баталіонный командиръ л.-гв. Преображенскаго полка, *22*.

Воронцовъ, гр. Семенъ Романовичъ, д. т. с., быв. посломъ въ Англіи. *5*, *6*, *9*, *10*, *12*, *14*, *15*, *19*, *21*.

Вурцбахъ, докторъ, Константинъ, австрійскій историкъ, *4*.

Вюртембергская герцогиня, см. Екатерина-Фредерика-Доротея.

Вюртембергскій король, см. Фридрихъ I.

Вяземскій, кн. Александръ Алексѣевичъ, д. т. с., генералъ-прокуроръ, *16*.

Вязмитиновъ, Сергѣй Кузьмичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, министръ сухопутныхъ военныхъ силъ, 25, 34, 154; *12*.

Гавельтъ, баронъ. Его фамильный архивъ его, 140.

Гагаринъ, кн. Григорій Ивановичъ, секретарь русскаго посольства въ Парижѣ, 82; *24*.

Гарлейкъ, англійскій дипломатъ, 51, 158.

Гассель, германскій историкъ, *9*, *17*, *20*, *23*, *25*, *27*, *28*, *29*, *34*, *35*, *37*, *38*, *42*, *47*, *50*.

Гедувиль, генералъ, французскій посланникъ въ Спб., 145, 150; *32*.

Геннингсъ, датскій дипломатъ, 132.

Георгъ III, король великобританскій, 63-65, 174, 195—198, 200, 282; *42*.

Гессенъ-Кассельскій курфирстъ, 279.

Гетчинсонъ, Христіанъ-Гели, лордъ, англійскій генералъ и дипломатъ, 41.

Гильемино, французскій офицеръ, 79, 85, 93, 96, 97, 138, 139, 161, 173, 174, 189—195, 222, 285; *23*, *42*.

Глазуновъ, Александръ, гардемаринъ русскаго флота, *28*.

Годои, Эммануилъ, принцъ Мира, испанскій государственный дѣятель, *34*.

Голицынъ, кн. Александръ Николаевичъ, оберъ-прокуроръ св. Синода, статсъ-секретарь. 5, 34, 255; *3*.

Голландскій король, см. Людовикъ-Бонапартъ.

Головкинъ, графъ Юрій Александровичъ, оберъ-церемоніймейстеръ Высочайшаго двора, 43; *16*.

Голубцовъ, Ѳедоръ Александровичъ, государственный казначей, 66; *21*.

Гольцъ, гр. Августъ Фридрихъ-Фердинандъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 61; *20*.

Гоузръ, лордъ Гренвиль-Левесонъ, англійскій посолъ въ Спб., 7, 11, 24, 25, 31, 33, 35, 37, 41, 59, 66, 80, 91, 93, 113, 118, 125, 126, 129, 130, 133, 139, 153, 160, 165, 171, 173, 176, 177, 181, 182, 184, 186, 191, 195—197, 204, 209, 219, 220, 224, 235, 265, 294; *4*, *19*, *25*, *29*, *31*, *37*.

Гриммъ, бар. Мельхіоръ-Фридрихъ, *11*.

Гудовичъ, гр. Иванъ Васильевичъ, генералъ-фельдмаршалъ, *53*.

Гурьевъ, Димитрій Александровичъ, д. т. с., 240, 255; *50*.

Гурьевъ, Николай Димитріевичъ, атташе русскаго посольства въ Парижѣ, 82, 240, 255; *24*.

Густавъ III, король шведскій, *22*.

Густавъ IV, Адольфъ, король шведскій, 69, 125, 132, 153, 191, 227, 235, 236, 240, 289, 290, 294; *11*, *12*, *14*, *16*, *19*, *22*, *33*, *37*, *49*, *51*.

Давидъ, Жанъ-Луи, французскій живописецъ, 39.

Даву, Луи-Николай, маршалъ Франціи, 117, 154, 155, 159, 183, 229; *33*.

Дарю, ген.-интендантъ великой арміи, 156, 208, 213; *25*, *42*, *43*, *45*.

Демидовъ, Павелъ Григорьевичъ, основатель лицея его имени въ Ярославлѣ, 40; *16*.

Депонтонъ, ординарецъ Наполеона, 74, 75, 98, 138, 141, 146, 152, 177; *23*.

Депонъ, комиссіонеръ Высочайшаго двора, 39.

Джексонъ, англійскій дипломатъ, 52, 54, 71, 91, 133; *18*.

Джелли, офицеръ русскаго флота, 109, 139.

Дивето, французскій посланникъ въ Копенгагенѣ, 50.

Доде, Эрнестъ, историческій писатель, *24*, *28*.

Долгоруковъ, кн. Михаилъ Петровичъ, генералъ-адъютантъ Импер. Александра I, 10; *5*.

Дохтуровъ, Павелъ Афанасьевичъ, мичманъ русскаго флота, *28*.

Дрейеръ, посланникъ датскій въ Парижѣ, 169, 246.

Дугласъ, маркизъ Вильямъ, англійскій дипломатъ, 41.

Дюрокъ, Жераръ-Христофоръ-Михаилъ, герцогъ Фріульскій, оберъ-гофмаршалъ Наполеона, 30, 43, 58, 67, 74, 81, 124, 145, 203, 204, 206, 207, 249, 256; *14*, *30*, *44*.

Евгеній, принцъ, вице-король Италіи, 100, 103, 105, 106, 284; *23*, *26*.

Екатерина II, Алексѣевна, Имп. Всероссійская, 144, 145, 153, 176, 177, 196, 197, 200, 231, 260, 262; *5*, *11*, *14-16*, *18*, *30*, *32*, *36*, *41*.

Екатерина-Фредерика-Доротея, королева вестфальская, рожд. принцесса вюртембергская, 44, 80, 173, 259, 288, 293; *11*, *17*, *24*, *26*, *36*.

Екатерина Павловна, вел. кн., сестра Имп. Александра I, 16, 20, 39, 255, 257; *6*, *7*.

Елена Павловна, принц. Мекленбургъ-Шверинская, дочь Имп. Павла, *7*.

Елизавета Алексѣевна, Имп. Всероссійская, рожд. принцесса баденская, супруга Имп. Александра I, 5, 7, 11, 20, 25, 35, 39, 40, 43, 46, 80, 81, 88, 140, 147, 173, 220, 255, 256; *3*, *22*, *24*, *30*, *32*, *49*.

Ефремовъ, Михаилъ Ивановичъ, мичманъ русскаго флота, *28*.

Женэ, повѣренный по дѣламъ Франціи въ Спб., *31*.

Жеромъ-Бонапартъ, король вестфальскій, 44, 168, 173, 181, 217, 250, 277, 279, 288, 293; *10*, *11*, *17*, *18*, *24*, *26*, *36*, *43*, *53*.

Жозефина, имп. французская, 207, 209.

Жюно, Андошъ, герц. Абрантесскій, франц. генералъ, 70, 161, 163; *48*.

Заводовскій, гр. Петръ Васильевичъ, министръ народн. просвѣщен., 34; *15*.

Злобинъ, Константинъ Константиновичъ, бывш. директоръ арх. м. и. д. и историч. пис. *22*.

Ильинъ, Димитрій Іосифовичъ, мичманъ, *28*.

Ипсиланти, кн. Константинъ, господарь Валахіи, 239.

Испанская королева, см. Марія-Луиза.

Испанскій король, см. Карлъ IV.

Іольди, испанскій дипломатъ, 36.

Іосифъ Бонапартъ, король неаполитанскій, 22, 37, 217, 249, 250, 277, 279, 284; *10*, *22*, *52*.

Іудинъ, русскій купецъ, *51*.

Калькрейтъ, гр. Фридрихъ-Адольфъ, прусскій фельдмаршалъ, 45, 168.

Каменскій, гр. Михаилъ Ѳедотовичъ, генералъ-фельдмаршалъ, *52*.

Каменскій, гр. Николай Михайловичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, *51*.

Каннингъ, Георгъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 63—65, 131, 132; *8*, *18—20*, *25*, *28*, *31*, *37*, *46*, *47*.

Кардено, баронъ Бернаръ-Огюстенъ, французскій генералъ, 109.

Карлъ IV, король Испаніи, 217, 218, 290; *48*, *49*.

Карлъ-Эммануилъ, король сардинскій, 37; *16*.

Кларкъ, Анри-Жакъ-Гильомъ, герцогъ Фельтрскій, генералъ, воен. министръ во Франціи, 38; *16*, *27*, *30*, *43*.

Книперъ, Федоръ Густавовичъ, полковникъ, 106, 107, 275.

Кнобельсдорфъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, прусскій генералъ, *17*.

Козловъ, Иванъ Яковлевичъ, колл. ассессоръ, при русскомъ посольствѣ въ Даніи, *18*.

Коленкуръ, маркизъ, Арманъ-Огюстенъ-Луи, герц. Виченцскій, генералъ, оберъ-шталмейстеръ, посолъ Франціи въ Спб., 30, 43, 58, 124, 145, 166, 168, 207, 208, 217—220, 237, 239—241, 249—251, 253, 295; *5*, *14*, *17*, *30*, *48*, *53*.

Коллингвудъ, лордъ Кетбертъ, англійскій адмиралъ, 224.

Колокольцовъ, Иванъ Ивановичъ, гардемаринъ русскаго флота, *28*.

Константинъ Павловичъ, вел. князь, цесаревичъ, братъ Имп. Александра I. 14, 17, 20, 21, 41, 42, 80, 103, 254, 255, 261; *6*, *12*, *26*.

Корнель, Петръ, извѣстный авторъ трагедій, *32*.

Коробка, Александръ, гардемаринъ русскаго флота, *28*.

Короваевъ, см. Кузьминъ-Короваевъ.

Кочубей, графъ Викторъ Павловичъ, минист. внут. дѣлъ, 25, 34, 38, 42, 59, 66, 83, 90, 149, 174, 176, 206, 215, 264; *9*, *12*, *14*, *21*, *32*, *52*.

Кригеръ, Александръ Евграфовичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Крюднеръ (Криденеръ), баронъ Людвигъ Алексѣевичъ, повѣренный по дѣламъ Россіи въ Пруссіи, 228.

Крюднеръ (Криденеръ), баронъ Павелъ Алексѣевичъ, секретарь рус. посольства въ Парижѣ, 82; *24*.

Кузьминъ-Короваевъ, Николай, гардемаринъ, волонтеръ.

Куломзинъ, Александръ Семеновичъ, гардемаринъ, *28*.

Куракинъ, кн. Александръ Борисовичъ, русскій посолъ въ Вѣнѣ, 59, 70, 92, 183, 187, 190, 207, 233, 273, 278, 280, 283, 292; *6*, *19—21*, *47*.

Куракинъ, кн. Алексѣй Борисовичъ, мин. внутр. дѣлъ, 67, 90; *53*.

Лазаревъ, Михаилъ Петровичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Ланской, Степанъ Сергѣевичъ, гофмаршалъ, 35, 259; *16*.

Лаперузъ, мореплаватель, *5*.

Лафоре, Антуанъ-Рене-Шарль-Матюренъ, полк., министръ Франціи на регенсбургскомъ сеймѣ, 74, 98, 112, 148, 151, 156, 157, 166, 205, 206, 236; *23*.

Лашевошеръ, французскій консулъ въ Данцигѣ, 68.

Лашкаревъ, Сергѣй Лазаревичъ, т. с., полномочный министръ въ Слободзеѣ, 93, 96, 97, 189, 193, 194.

Лейенскій принцъ, *7*.

Лелорнь, франц. дипломатъ, 27, 203, 252, 271; *12*, *38*.

Лендорфъ, прусскій посланникъ въ Спб., 62, 63; *25 34*.

Лессепсъ, бар. Жанъ-Батистъ-Бартелеми, повѣренный по дѣламъ Франціи въ Спб., 11, 15, 26—28, 31, 38, 42, 47, 48, 56, 68, 69, 82, 100, 120, 141, 181, 206, 248, 254, 296; *5*.

Ливенъ, гр. Христоферъ Андреевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, 17, 255.

Ливенъ, гр. Шарлотта Карловна, оберъ-гофмейстерина и главная наставница при воспитаніи вел. кн. Екатерины Павловны и Анны Павловны, 255, 257.

Лизакевичъ, Василій Григорьевичъ, русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, 48, 50—55, 59; *31*; а братъ его Іоакимъ, *19*.

Лиль, графиня де-, 81.

Лиль, графъ де- см. Людовикъ XVIII.

Лима, графъ, португальскій посолъ въ Парижѣ, 218.

Лобановъ-Ростовскій, Димитрій Ивановичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, 1, 5, 10, 13, 22, 25, 27, 33, 34, 39, 42, 79, 103, 255, 273, 278, 280, 283, 286; *1*, *5*, *6*, *13*, *21*.

Лопухинъ, кн. Петръ Васильевичъ, министръ юстиціи, 34, 149; *15*.

Луиза, королева прусская, рожд. принцесса мекленбургъ-стрелицкая, супруга короля Фридриха-Вильгельма III, 247; *42*.

Лудовикъ Бонапартъ, король голланд., 22, 217, 250, 277; *10*, *22*, *53*.

Людовикъ XV, король Франціи, 260.

Людовикъ XVI, король Франціи, 260.

Людовикъ XVIII, король Франціи, 27, 44, 81, 125; *13*, *24*, *28*.

Маре, Жанъ-Филибертъ, герцогъ Бассано, статсъ-секрет. Франціи, 101; *52*.

Мари, генералъ-адъютантъ короля неаполитанскаго Іосифа, 268; *52*.

Маринъ, Сергѣй Никифоровичъ, капитанъ, флигель-адъютантъ Импер. Александра I, *51*.

Марія-Луиза, королева испанская, 39.

Марія Павловна, великая княгиня, наслѣдная принцесса саксенъ-веймарская, сестра Имп. Александра I, 268.

Марія Ѳеодоровна, Императрица Всероссійская, рожд. принцесса вюртембергская, Софія-Доротея-Августа-Луиза, вдова Имп. Павла I, мать Имп. Александра I, 16, 17, 20, 25, 35, 42, 46, 80, 81, 88, 102, 114, 143, 173, 182, 255—261, 268; *6*, *10*, *11*, *16*, *24*, *26*, *36*, *52*.

Мармонъ, Огюстъ-Фредерикъ-Луи-Віесъ, герцогъ Рагузскій, французскій генералъ, 106, 283, 284.

Мартенсъ, Георгъ-Фридрихъ, германскій дипломатъ, издатель «Собранія трактатовъ», *30*.

Мартенсъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, профессоръ международнаго права въ Спб. Университетѣ, *4*.

Мегмедъ-Саидъ-Галибъ-Эффенди, турецкій дипломатъ, 93, 96, 97, 193.

Мейендорфъ, баронъ Казиміръ Ивановичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, 25, 96, 97, 123, 221, 294; *23*.

Мекленбургъ-Шверинскій, герцогъ Фридрихъ-Францъ, 276; *7*, *8*.

Мекленбургъ-Шверинскій, наслѣдный принцъ Фридрихъ-Людвигъ, 17, 29; *7*, *8*.

Мермонъ, маркизъ, французскій эмигрантъ, *10*.

Мерри, англійск. дипломатъ, 131, 133.

Мерфельдъ, графиня, 24, 26; *11*.

Мерфельдъ, гр. Максиміліанъ, австр. посолъ при русскомъ дворѣ, 7—12, 15, 18, 19, 24, 35—37, 41, 43, 59, 122, 142, 146, 240, 249; *4*.

Меттернихъ, гр. Климентъ, австрійск. посолъ въ Парижѣ, 19, 163, 164, 214, 246; *27*, *34*, *43*.

Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, *3*.

Милюковъ, Мардарій Васильевичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Михайловскій-Данилевскій, Александръ Ивановичъ, ген.-лейтенантъ, военный историкъ. *2*, *14*, *49*.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, братъ Императора Александра I, 16, 20, 257; *6*, *7*.

Михельсонъ, Иванъ Ивановичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, 73, 85, 94, 96, 194, 220, 221, 285, 286, 294; *23*, *29*.

Мишо, капитанъ, 106.

Міеръ, гр. Іосифъ, австрійскій дипломатъ, *46*.

Мондрагоне, герцогъ, неаполитанскій дипломатъ, *52*.

Монтань, Михаилъ-Эйкемъ, французскій писатель, *13*.

Монтескью, ординарецъ Наполеона, 72, 76, 78, 79, 88, 98, 113, 114, 125, 134, 138, 143, 146, 152, 154, 164, 168, 171, 204, 259; *17*, *28*.

Морковъ, гр. Аркадій Ивановичъ, русскій дипломатъ, 13; *5*.

Мочениго, гр. Юрій Димитріевичъ, уполномоченный въ Корфу, вп. полномочный министръ въ Кальяри и Неаполѣ, 110, 111.

Мугибъ-Эффенди, турецкій посолъ въ Парижѣ, 136, 137, 140, 187, 215, 216, 221, 235, 292.

Муравьевъ, Николай Александровичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Мустафа IV, турецкій султанъ, 277.

Мэстръ, гр. Жозефъ де; сардинскій посланникъ въ Спб., 37, 41; *10*, *13*, *16*, *21*, *24*, *34*.

Мюратъ, Іоахимъ, великій герцогъ Бергскій, французскій ген.-адмиралъ, вп. король неаполит., 14, 168, 279.

Мюратъ, Каролина, великая герцогиня Бергская, 165.

Наварро, португальскій дипломатъ, 36.

Назимовъ, (Ѳедоръ Викторовичъ, генералъ-маіоръ?) 111.

Нарышкина, Марія Алексѣевна, рожд. Сенявина, статсъ-дама, супруга Александра Львовича Н., *39*.

Нарышкина, Марія Антоновна, рожд. кн. Четвертинская, супруга Димитрія Львовича Н., 61, 67, 82—84; *15*, *19*.

Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, оберъ-камергеръ, главный директоръ театральныхъ зрѣлищъ и музыки въ Спб., 35; *15*.

Нарышкинъ, Димитрій Львовичъ, оберъ-егермейстеръ, 35, 39, 82; *15*, *19*.

Нассау-Оранскій герцогъ, 279.

Неаполитанскій король, см. Жозефъ-Бонапартъ.

Нейманъ, Леопольдъ, австрійскій историкъ, *28*.

Нессельроде, графиня Марія Димитріевна, рожд. гр. Гурьева, *52*.

Нессельроде, гр. Карлъ Васильевичъ, совѣтникъ русскаго посольства въ Парижѣ, 82; *24*, *50*.

Нефшательскій принцъ. см. Бертье, Александръ.

Николаи, баронъ Павелъ Андреевичъ, повѣренный по дѣламъ Россіи въ Лондонѣ, *19*.

Николай Павловичъ, великій князь, впослѣд. Императоръ Всероссійскій. 16, 20, 257; *6*, *7*.

Ноаль, французскій офицеръ, 39.

Новосильцовъ, гр. Николай Николаевичъ, д. т. с. при особо порученныхъ отъ Е. В. дѣлахъ, министръ въ коммиссіи составленія законовъ. 35, 42, 83, 174, 176, 206, 264; *9*, *10*, *15*, *24*.

Норона, испанскій посланникъ въ Спб., 7, 24, 36, 41, 142.

Обрѣзковъ, Александръ Васильевичъ, ген.-лейтенантъ, *52*.

Ожаровскій, гр. Филиппъ Петровичъ, секретарь русскаго посольства въ Парижѣ, 82; *24*.

Ольденбургскій герцогъ, 276.

Орловъ-Денисовъ, гр. Василій Васильевичъ, ген.-маіоръ, адъютантъ

Имп. Александра I, 149, 174, 176, 264.

Орловъ, кн. Григорій Владиміровичъ, сенаторъ, 264.

Остерманъ, гр. Иванъ Андреевичъ, вице-канцлеръ, *30*.

Павелъ I Петровичъ, Императоръ Всероссійскій, 176, 196, 200, 260—262; *6*, *7*, *14*, *18*, *19*, *21*, *30*, *33*.

Панинъ, гр. Никита Ивановичъ, д. т. с., *32*.

Панкукъ, французскій издатель, *51*.

Пардо, дель-, испанскій посланникъ въ Спб., 142, 240.

Педжетъ, лордъ Артуръ, англійскій дипломатъ, 224.

Пейманъ, Генрихъ-Эрнестъ, датскій генералъ, 53.

Перигоръ, Эдмонъ, французскій офицеръ, 39.

Перигоръ, Луи, адъютантъ принца нефшательскаго, 32, 39, 112, 138, 151, 177, 179, 181, 182, 202; *25*.

Перрего, французскій банкиръ, 29, 78, 113.

Пертцъ, Георгъ-Генрихъ, германскій историкъ, *42*.

Пети, французскій дезертиръ, 158.

Петръ I Великій, Императоръ всероссійскій, 16, 265.

Плонъ, французскій издатель, *15*.

Поздѣевъ, Петръ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Понятовскій, Іосифъ-Антонъ, принцъ, французскій генералъ, *45*.

Поповъ, Василій Степановичъ, д. т. с., 176; *36*.

Португальскій, принцъ-регентъ Іоаннъ VI, 162, 163, 218; *41*.

Потемкинъ-Таврическій, свѣтл. кн. Григорій Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ, 177; *36*.

Прозоровскій, кн. Александръ Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ, *23*, *29*.

Прусскій принцъ Вильгельмъ, 228; *45*, *49*.

Прусская королева, см. Луиза.

Прусскій король, см. Фридрихъ-Вильгельмъ III.

Ралль, Александръ Александровичъ, придворный банкиръ, 78.

Рамбо, Альфредъ, французскій историкъ, *11*, *30*.

Рандольфъ, Гербертъ, англиканскій священникъ, *31*.

Раппъ, гр. Жанъ, генералъ-адъютантъ Наполеона, 63, 65, 104, 201.

Расинъ, Луи, *32*.

Ратынскій, фельдъегерь, *37*.

Ратьковъ, Димитрій Сергѣевичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Репнинъ, кн. Николай Васильевичъ, генералъ-фельдмаршалъ, *15*.

Ристъ, датскій дипломатъ, 131, 132.

Ришелье, Эммануэль-Арманъ, герцогъ, херсонскій и новороссійскій генералъ-губернаторъ, 177, 179, 180, 183, 187, 191; *36*.

Роджерсонъ, Иванъ Самойловичъ (Джонъ), лейбъ-медикъ Высочайшаго двора, *6*, *10*, *14*, *21*.

Румянцовъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровичъ, ген.-фельдмаршалъ, 254.

Румянцовъ, гр. Николай Петровичъ, министръ коммерціи и иностранныхъ дѣлъ, 4, 10—12, 25, 34, 43, 84,

90—92, 118—123, 125, 127—131, 133, 140, 147, 148, 157, 160, 172—175, 177—189, 191, 195, 197, 205, 208, 211, 217, 220, 225, 229—235, 239, 248, 249, 252—254, 269—271; *3*, *25*, *29*, *32*, *33*, *35*, *37—39*, *42*, *44*, *47*, *48*, *52*, *54*.

Румянцовъ, гр. Сергѣй Петровичъ, д. т. с., быв. чрезвычайн. посланникъ Берлинѣ и Стокгольмѣ, 148; *34*.

Саксенъ-Кобургскій герцогъ, Эрнестъ, *26*.

Саксонскій король, см. Фридрихъ-Августъ.

Салтыковъ, гр. Александръ Николаевичъ, тов. мин. ин. дѣлъ, 34, 59, 66; *14*, *19*.

Сардинскій король, см. Карлъ-Эммануилъ.

Себастіани, Франсуа-Орасъ-Бастіенъ, гр. де-ла-Порта, генералъ, французскій посолъ въ Константинополѣ, 99, 139, 177, 179, 180, 187, 194, 195, 222, 224, 233, 285.

Сегюръ, Луи-Филиппъ, графъ, французскій дипломатъ, 144, 145; *30*.

Селимъ III, султанъ турецкій, 184.

Сембелинъ, Артуръ, виконтъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Семперронъ, французскій дезертиръ, 158.

Сентъ-Эленсъ, лордъ, англійскій дипломатъ, 60, 92.

Сентъ-Эньянъ, французскій дипломатъ, 27, 28, 30, 31, 33, 41—44, 47, 76, 77, 165, 219, 220, 254; *11*, *29*.

Сенъ-Шаманъ, адъют. маршала Сульта, 57, 60—62, 65, 67, 76, 82, 97, 100, 201, 202; *19*.

Сенявинъ, Димитрій Николаевичъ, вице-адмиралъ, начальствовавшій русской эскадрой въ Средиземномъ морѣ, 29, 46, 77, 84, 91, 104, 105, 108—111, 128, 139, 161, 178, 181, 190, 208, 215, 220, 229, 250, 283, 289, 294, 295; *14*, *29*, *43*, *48*.

Серо, статсъ-дама при дворѣ гр. де-Лиля (вп. кор. Людовика XVIII), 81.

Серра-Капріола, герцогиня, Анна Александровна, рожд. кн. Вяземская, 36; *16*.

Серра-Капріола, Антоніо-Мореско-д'Онорія, герцогъ, неаполитанскій посолъ въ Спб., 36, 37, 41, 150, 249; *16*, *33*.

Сибиль, французскій офицеръ, 109.

Сирипицынъ, Василій Ульяновичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Сопранси, французскій офицеръ, 39.

Спильсбюри, англійскій издатель. *32*.

Стадіонъ, гр. Іоганнъ-Филиппъ. австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 70, 214, 216, 246; *4*, *22*, *35*.

Станкевичъ, Михаилъ Николаевичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Стединга, баронъ Куртъ-Богуславъ-Людвигъ-Христоферъ, шведскій посолъ въ Спб., 36, 183, 227, 236, 238; *12*, *14*, *16*, *19*, *37*.

Строгонова, гр. Софья Владиміровна, рожд. кн. Голицына, 256,

Строгоновъ, баронъ Григорій Алексѣевичъ, русскій посланникъ въ Мадридѣ, 289.

Строгоновъ, гр. Александръ Сергѣевичъ, т. с., дѣйствит. камергеръ. 149, 264.

Строгоновъ, гр. Павелъ Александровичъ, быв. тов. мин. вн. дѣлъ, вп. ген.-лейтенантъ, 42, 83, 149, 174, 264; *24*.

Стюартъ, англійскій дипломатъ, 35, 41, 122, 265.

Суворовъ-Рымникскій, кн. италійскій, гр. Александръ Васильевичъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ, *4*.

Сультъ, Николай-Жанъ де-Дье, герц. Далматскій, маршалъ Франціи, 57, 59—62, 65, 73, 98, 154, 155, 158, 159, 175, 192, 202, 229; *19*, *20*, *46*.

Сюше, Луи-Габріэль, французскій генералъ, 38, 256.

Таллейранъ, Шарль-Морисъ, принцъ беневентскій, французскій министръ иностр. дѣлъ, затѣмъ вице-электоръ, 11, 23, 24, 26, 28, 31—33, 37, 38, 46, 47, 56, 57, 66, 69, 76, 101, 102, 273, 278, 280, 283, 285; *1*, *2*, *5*, *16*, *17*, *20*, *23*, *31*, *49*.

Талуэ, французскій дипломатъ, 252, 268.

Татищевъ, Сергѣй Спиридоновичъ, историч. писатель, *5*, *8*, *16*, *19*, *23*, *26*, *29*, *36*, *49*, *50*, *53*.

Тейлоръ, англійскій дипломатъ, 51, 52.

Телюсъ, уп. ихъ домъ, 168.

Терно, французскій банкиръ, 144.

Толстая, гр. Александра Александровна, рожд. княжна Барятинская, супруга Петра Александровича Т., *12*.

Толстая, гр. Марія Александровна, рожд. княжна Голицына, супруга Николая Александровича Т., 256.

Толстой, гр. Николай Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ, 1, 5, 10, 12, 16, 22, 28, 31, 33, 40, 42, 175, 182, 255; *1*, *15*, *31*, *51*.

Толстой, гр. Петръ Александровичъ, русскій посолъ въ Парижѣ, 13, 17, 26, 29—33, 38, 39, 43, 59, 66, 67, 75, 82, 84, 89, 92, 98, 100, 102—105, 108, 112. 120, 123, 124, 133, 137, 139, 140, 151, 160—162, 164, 165, 168, 173, 179, 183, 189—191, 207—212, 214—217, 219, 224, 226, 227, 233, 235, 237—241, 243, 245—249, 288, 290, 291, 293, 295, 296; *5*, *8*, *12*, *13*, *24*, *26*, *39*, *49—52*.

Толстой, гр. Петръ Петровичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Траверсе, маркизъ Иванъ Ивановичъ, адмиралъ, впосл. министръ морскихъ военныхъ силъ, 177, 179; *5*, *36*.

Трубецкой, кн. Василій Сергѣевичъ, генералъ-адъютантъ Импер. Александра I, 155, 183; *33*.

Турнонъ, камергеръ Наполеона, *48*.

Тучковъ, Николай Алексѣевичъ, ген.-лейтенантъ, *49*.

Убрій, Петръ Яковлевичъ, состоявшій при разныхъ должностяхъ въ кол. мин. ин. дѣлъ и отправленный по особой миссіи въ Парижъ, 38, 42; *16*.

Уварова, уп. *32*.

Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ, ген.-адъютантъ Имп. Александра I, 10, 102, 103, 255; *4*.

Унковскій, Семенъ Яковлевичъ, гардемаринъ, волонтеръ, *28*.

Фердинандъ IV, король Обѣихъ-Сицилій, 279.

Фиглевъ, Сергѣй Михайловичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Филисъ, см. Андріе.

Флаго, французскій офицеръ, 39.

Флассанъ, Гаэтанъ де Ракси, французскій историкъ, *30*.

Фодоасъ, своякъ генерала Савари, 188, 191, 204, 235, 237; *40*.

Франке, комиссіонеръ Высочайшаго двора, 40.

Францъ I, императоръ австрійскій, 64, 208, 214; *4*, *9*.

Фридрихъ-Августъ, король саксонскій, 274—276.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, 61—65, 73, 104, 112, 127, 156, 168, 191, 201, 212, 217, 228, 239, 242, 244, 247, 274—277, 279, 297; *9*, *10*, *17*, *20*, *38*, *40*, *45*, *47*, *50*.

Фридрихъ I, король вюртембергскій, 20; *37*.

Фридрихъ, наслѣдн. принцъ датскій, 50—54; *18*, *37*, *38*.

Фуше, начальникъ франц. полиціи, 265; *8*.

Христіанъ VII, король датскій, 51, 53, 55, 131, 169—171, 196; *19*, *39*.

Чарторыйская, княгиня Ева-Изабелла, рожд. гр. Флемингъ, 270; *54*.

Чарторыйскій, кн. Адамъ Адамовичъ, тов. мин. ин. дѣлъ, сынъ предъидущей, 34, 42, 83, 149, 264; *9*, *15*, *16*, *24*, *29*, *54*.

Чихачевъ, Михаилъ, гардемаринъ, волонтеръ, *28*.

Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, адмиралъ, министръ военныхъ морскихъ силъ, 10, 13, 34, 115; *4*.

Чураковъ, фельдъегерь, 112, 134 139, 188, 205; *26*.

Шампаньи, Номперъ, мин. ин. дѣлъ во Франціи, 44, 46, 68, 69, 72, 74, 76—78, 81, 97, 100, 101, 112, 113, 133, 134, 138—142, 146, 162, 164, 166, 167, 169, 179, 201—206, 209, 213, 216—220, 235, 237, 245—247, 250—253, 255, 268; *7*, *17*, *18*, *23*, *29*, *34*, *35*, *39*, *42—45*, *47*, *49*, *50*, *52*.

Шапировъ, Николай Петровичъ, мичманъ, волонтеръ, *29*.

Шведская королева, см. Вильгельмина.

Шведскій король, см. Густавъ III и Густавъ IV.

Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, профессоръ исторіи литературы, *14*.

Шелеръ, маіоръ, прусскій дипломатъ, 127; *28*, *37*, *38*, *50*.

Шереметевъ, гр. Николай Петровичъ, оберъ-камергеръ, 15, 35, 43, 118, 252.

Шестаковъ, Алексѣй Антиповичъ, мичманъ, волонтеръ, *28*.

Шильдеръ, Николай Карловичъ, генералъ-маіоръ свиты Е. В., историкъ, *12*, *26*.

Штарембергъ, кн. Георгъ-Людвигъ-Іосифъ-Марія, австрійскій посолъ въ Лондонѣ, 208, 214, 216, 246; *42*, *43*, *46*, *47*.

Штейнъ, баронъ Гейнрихъ-Фридрихъ-Карлъ, прусскій министръ, *42*.

Штуттергеймъ, баронъ Карлъ, австрійскій генералъ, *4*, *8*, *9*.

Щербатовъ, кн. Александръ Григорьевичъ, генералъ, командовавшій частью данцигскаго гарнизона, 28; *14*.

Эйнзидель, гр. Георгъ (Детлевъ?) саксонскій посланникъ въ Спб., 36, 143, 249.

Этрурская королева, см. Марія-Луиза.

Яноби-Клестъ (Klœst), баронъ, прусскій посланникъ въ Лондонѣ, 168; *35*, *47*.

ПОПРАВКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Читай.
111	16 сверху	Senoki	Benaki
184	6 сверху	évènement	avènement
188	16 снизу	Faudras	Faudoas
191	4 сверху	*Тоже*	*Тоже*
204	15 снизу	*Тоже*	*Тоже*
235	10 снизу	*Тоже*	*Тоже*
237	1 снизу	*Тоже*	*Тоже*
251	3 снизу	vou	vous
266	1 снизу	icl	ici
2	1 сверху	évite-	évitez
17	14 снизу	См.	Сл.
—	2 снизу	товарищъ верховнаго избирателя	вице-электоръ
19	5 сверху	Су	Сульта
30	16 снизу	Θ. Θ. Мартенсъ	Г. Ф. Мартенсъ
39	13 снизу	своей первой	своемъ первомъ
47	1 сверху	ci	ici
52	14 снизу	сдѣдующее	слѣдующее
57	7 снизу	ар-міи,	арміи

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ВОСЬМИДЕСЯТИ ДВУХЪ ТОМОВЪ СБОРНИКА

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Томъ I. Уставъ Русскаго Историческаго Общества. — Рескрипты и письма им. Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщ. кн. Н. А. Орловымъ и изд. подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова. — Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой. Сообщ. изъ государственнаго Архива К. К. Злобинымъ. — О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца им. Петра III. Барона М. А. Корфа. — Письма Им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ. — Бумаги изъ дѣлъ о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и о сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ. — Письма им. Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ. Сообщ. А. Ѳ Гамбургеромъ. — Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата. Князя М. А. Оболенскаго ..... Цѣна 2 р.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія им. Александра I. Статья К. К. Злобина. — Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ. — Записка графа Поццо ди Борго о немъ самомъ. Сообщено К. К. Злобинымъ. — Депеши графа Литты, посланника мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. Ѳ. Бычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго. — Выписки о государственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ им. Екатериною II, съ 1762 по 1769 годъ. Сообщ. графомъ А. С. Уваровымъ. — Извлеченія изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщ. княземъ Н. А. Орловымъ. — Записка барона Т. Димсделя, о пребываніи его въ Россіи и пр. Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Димитрія Прокофьевича Трощинскаго о министерствахъ. Сообщ. А. Н. Поповымъ. — Записка графа І. Каподистріа о его служебной дѣятельности. Сообщ. изъ Государственнаго архива въ С.-Петербургѣ. — Отвѣтное письмо графа І. Каподистріа Петро-Бею, вождю спартанцевъ. — Инструкція, данная им. Екатериною II фонъ-Ребиндеру. Сообщ. А. Х. Бекомъ. — Письма им. Александра I къ княгинѣ З. А. Волконской. Сообщено княземъ А. Н. Волконскимъ. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ, профессоромъ Э. Германомъ ..... Цѣна 3 р.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма им. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. П. Лагарпу. Сообщено Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. — Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный им. Екатеринѣ II въ 1775 г. Сообщено А. Н. Поповымъ. — Бумаги князя Н. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинымъ. — Государственные доходы и расходы въ царствованіе им. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ, Э. Германомъ. Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну гр. Никитѣ Петровичу. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ им. Александру I. Сообщено М. И. Богдановичемъ. — Бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. — Государственные доходы и расходы въ царствованіе им. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ. — Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено кн. Н. В. Репнинымъ. — Записка князя А. А. Чарторижскаго им. Александру I, 26 іюня 1807 года. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственнаго архива Э. Германомъ ..... Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400 преимущественно собственноручныхъ бумагъ Императрицы съ 1744 по 1764 г. включительно). Ч. I. Цѣна 3 р.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть II..... Цѣна 3 р.

Томъ IX. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ, 1782 г. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ. Документы эти напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. 2) Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ Великою Княжною Александрою Павловною. 3) Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинымъ, въ 1765 и 1771 гг. 4) Письма кн. А. А. Чарторижскаго къ Н. Н. Новосильцеву. 5) Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова. (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову..... Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги им. Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ М. И. Д., съ 1765—1771 г. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II..... Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ, П. В. Калачевымъ и извлеченные изъ архива Прав. Сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Собраны и изданы академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. Ц. 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ англійскаго государств. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги им. Екатерины II, хран. въ Госуд. архивѣ. М. И. Д., съ 1771—1774 г. Изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III..... Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. 2) Донесенія барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 3) Бумаги князя Репнина за время константинопольскаго посольства..... Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка императрицы Екатерины II съ Фальконетомъ. Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5 января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ англійскаго государств. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XX. 1) Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. 2) Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. 3) Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено Имперскимъ Канцлеромъ Княземъ Бисмаркомъ и Госуд. Канцлеромъ Княземъ А. М. Горчаковымъ. 4) Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи Императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 5) Письма Великаго Князя Павла Петровича (впослѣдствіи Императора Павла I) къ барону Карлу Ивановичу Сакену.

посланнику при датскомъ дворѣ. 6) Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 7) Записка Государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. 8) Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17 марта 1877 года, въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 9) Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXI. 1) Донесенія А. И. Чернышева им. Александру I, 1810 и 1811 гг. 2) Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 г. 3) Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г. 4) Донесенія Им. Александру I кн. А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг. 5) Донесенія кн. А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцову 1811 и 1812 гг. 6) Письмо графа П. А. Шувалова Им. Александру I, 1811 г. 7) Донесенія бар. Сухтелена Им. Александру I, 1812 г. Сообщено А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ гос. архива въ С.-Петербургѣ. 8) Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представленный им. Александру I, М. М. Сперанскимъ. Сообщено А. Ѳ. Бычковымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ: 1) Донесенія гр. Сольмса Фридриху II и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 г.; 2) Шесть приложеній къ донесенію гр. Сольмса королю, отъ 15 (26) октября 1766 г., № 270. Сообщено изъ берлинскаго госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма им. Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщ. изъ Государ. архива Мин. Ин. Дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. академикомъ Я. К. Гротомъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія нидерландскихъ посланниковъ объ ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ нидерландскаго государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петровича Шереметева, съ 1704—1718 г., и другія бумаги. Съ портретомъ Им. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1747—1787 гг. Томъ I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящ. въ государ. архивѣ Министр. Иностр. Дѣлъ, съ 1774 по 1788 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV..... Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2 гравюрами и планомъ. 1788—1799 гг. Томъ II..... Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I..... Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II..... Цѣна 4 р.

Томъ XXXII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Собраны и напеч. подъ наблюд проф. В. И. Сергѣевича. Часть IV..... Цѣна 3 р.

Томъ XXXIII. 1) Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II, съ приложеніями. 2) Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику гр. Герману Кейзерлингу. 3) Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями.. Цѣна 3 р.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, наход. во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Парижѣ. Напечатано подъ наблюденіемъ А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе Вел. Кн. Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть V..... Цѣна 2 р.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщ. изъ берлинскаго государ. архива. Томъ изданъ подъ наблюд. Г. Ѳ. Штендмана. Часть II. Ц. 3 р.

Томъ XXXVIII Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Съ 1581 по 1604 годъ. Изданъ подъ наблюден. К. Н. Бестужева-Рюмина. Томъ II..... Цѣна 3 р.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1704—1708 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть III..... Цѣна 3 р.

Томъ XL. Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ, съ 1719—1723 г. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана Часть II..... Цѣна 3 р.

Томъ XLI. Памятники дипломат. сношеній Россіи съ азіятскими народами: Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціею, за время Великихъ Князей Іоанна III и Василія Іоанновича. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова Т. III. Цѣна 3 р.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ госуд. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, съ 1788 по 1796 гг. Собраны академикомъ Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V..... Цѣна 3 р.

Томъ XLIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть VI..... Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напечат. подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота..... Цѣна 3 р.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Томъ II..... Цѣна 3 р.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть II..... Цѣна 3 р.

Томъ XLVII. Бумаги посланника Я. И. Булгакова съ 1779—1798. Рескрипты императрицы генераламъ Каховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. Ѳ. Дубровинымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II. съ 1762—1764 г. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722—1724 г. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть. III..... Цѣна 3 р.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1708—1712 гг. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть IV..... Цѣна 3 р.

Томъ LI. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, съ 1764—1766 г. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Ульяницкаго..... Цѣна 3 р.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Ч. IV. Ц. 3 р.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 2 р.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ Императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами.—Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова..... Цѣна 3 р.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Ч. I. (Февраль—іюль 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Ч. II. (Іюль—декабрь 1726 г.)..... Цѣна 3 р.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, съ 1766—1767 г. Ч. III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи магистра Ульяницкаго..... Цѣна 3 р.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. (Часть V)..... Цѣна 3 р.

Томъ LIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ съ 1533—1560 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова..... Цѣна 3 р.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго Словаря. Часть I. А—Л..... Цѣна 3 р.

Томъ LXI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1712—1719 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть V..... Цѣна 3 р.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго Словаря. Часть II. М—Ѳ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ 1 января по конецъ іюня 1727 года. Часть III. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина..... Цѣна 3 р.

Томъ LXIV. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ, Кампредона, и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна, за 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана..... Цѣна 3 р.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты, изъ архива князя Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г., изданные профессоромъ Ф. Ф. Мартенсомъ. Цѣна 3 р.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1728 — 1733 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. VI..... Цѣна 3 р.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II съ 1767—1768 гг. Ч. IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго..... Цѣна 3 р.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Т. VII..... Цѣна 3 р.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 іюля по конецъ декабря 1727 г. Ч. IV. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина..... Цѣна 3 р.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Ч. I, 1800—1802 гг. Изданы подъ редакціею А. С. Трачевскаго Ц. 3 р.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1560—1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова..... Цѣна 3 р.

Томъ LXXII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ Берлинскаго государственнаго архива. Издана подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ LXXIII. Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина..... Цѣна 3 р.

Томъ LXXIV. Бумаги Высочайше утвержден., 6 декабря 1826 г., «Особаго секретнаго комитета». Изданы подъ редакціею Предсѣдателя Общества. Цѣна 3 р.

Томъ LXXV. Донесеніе французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ Маньяна, за 1727—1730 гг., и предписанія французскаго министерства. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана..... Цѣна 3 р.

Томъ LXXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, за 1733—1736 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VII..... Цѣна 3 р.

Томъ LXXVII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть II, 1803—1804 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 р.

Томъ LXXVIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго, 1812—1831 гг. Часть II. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина..... Цѣна 3 р.

Томъ LXXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ января по конецъ іюня 1728 г. Часть V. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина..... Цѣна 3 р.

Томъ LXXX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ августа 1736 по конецъ 1739 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. VIII... Цѣна 3 р

Томъ LXXXI. Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ, Маньяна, и распоряженія французскаго правительства, за 1730—1733 гг. Часть VIII. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана..... Цѣна 3 р.

Томъ LXXXII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть III, 1805—1806 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 р.

Къ томамъ Сборника приложенъ азбучный указатель личныхъ именъ.